1,148
n.9

БИБЛІОТЕКА ВЕЛИКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

С. А. ВЕНГЕРОВА

БАЙРОНЪ

Т. I.

Е. ЛАНСЕРЕ. 1900.

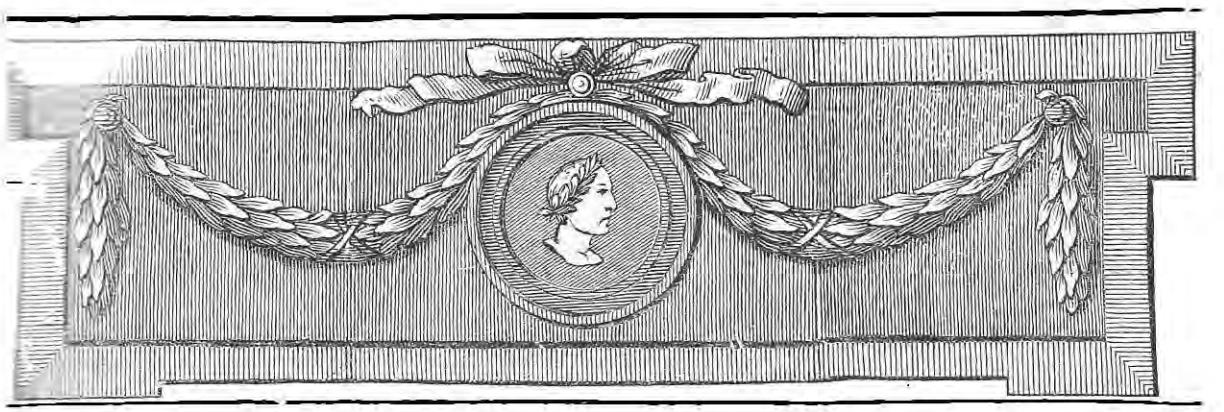
ИЗДАНІЕ
БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНА.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1904.

ЧИТ. ЗАЛ
5.4 1148
1956
501
62
6

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Прачешный пер., № 6.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 Августа 1904 г.



ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Закончивъ изданіе сочиненій Шиллера и Шекспира, мы приступаемъ къ третьему изъ намѣченныхъ программою нашей «Библіотеки» великому писателю—Байрону.

Наряду съ Шиллеромъ и Шекспиромъ, и Байронъ принадлежитъ къ числу тѣхъ дѣятелей всемірной литературы, для которыхъ нѣтъ отечества. Поэзія Байрона въ исторіи духовной жизни континентальной Европы сыграла даже несравненно болѣе значительную роль, чѣмъ въ Англіи, гдѣ великому ненавистнику условности до сихъ поръ не могутъ простить его рѣзкаго негодованія противъ лицемѣрія англійскаго общества.

Въ Россіи вліяніе Байрона было огромно. «Байронизмъ»—это цѣлая яркая полоса въ исторіи русской литературы, захватившая величайшихъ представителей русской поэзіи. Изъ Байронизма вышли основныя настроенія молодого Пушкина и въ немъ-же нашла опору титаническая страстность Лермонтова.

Весьма рано появляются въ Россіи переводы произведеній Байрона. Начиная съ 1821—22 гг., длинный рядъ русскихъ поэтовъ знакомитъ читающій міръ съ поэзіей великаго создателя романтизма. Во главѣ старыхъ русскихъ переводчиковъ Байрона слѣдуетъ поставить Жуковскаго съ его классическимъ переводомъ «Шильонскаго узника» и Ивана Козлова съ его превосходными переводами «Абидосской Невѣсты», ряда отрывковъ изъ другихъ поэмъ Байрона и многихъ отдѣльныхъ стихотвореній. Немного и несовсѣмъ точно, но равносильно подлиннику, перевелъ Лермонтовъ нѣсколько строфъ изъ «Чальдъ-Гарольда» и перлъ «Еврейскихъ Мелодій»—«Душа моя мрачна». Очень ярки также переводы Полежаева.

Въ ряду позднѣйшихъ переводчиковъ Байрона выдвинулись Мей, Аполлонъ Григорьевъ, Плещеевъ, Минъ, Вейнбергъ, Соколовскій, Михаловскій, Минаевъ, Дружининъ, но особенно крупны заслуги Павла Козлова. Онъ совершилъ настоящій литературный подвигъ: размѣромъ подлинника перевелъ 14000 стиховъ «Донъ-Жуана». Ему-же принадлежитъ $2^1/_2$ пѣсни впервые переведеннаго размѣромъ подлинника «Чайльдъ-Гарольда».

Первое собраніе сочиненій Байрона издано въ 1864—67 гг. Н. В. Гербелемъ, которому принадлежитъ и честь широкаго распространенія въ Россіи Шиллера и Шекспира. Съ значительными измѣненіями во внутреннемъ составѣ оно выдержало 4 изданія. Въ 1894 редакція «Жив. Обозр.» дала *прозаическій* переводъ Байрона, вышедшій въ 1904 г. въ Кіевѣ вторымъ изданіемъ въ I томѣ.

Настоящее изданіе является первымъ *полнымъ* собраніемъ сочиненій Байрона на русскомъ языкѣ. Впервые появляется здѣсь около 150 отдѣльныхъ стихотвореній, сатирическая поэма «Видѣніе Суда», сти-

хотворный переводъ «Англійскихъ барцовъ и шотландскихъ обозрѣвателей»; парламентскія рѣчи Байрона и журнальныя замѣтки, а также большинство предисловій и примѣчаній, которыми Байронъ очень любилъ снабжать свои произведенія. Впервые также предположено дать извлеченіе изъ обширной переписки и дневниковъ Байрона. Подробный обзоръ того новаго, что внесено въ настоящее изданіе, будетъ данъ въ послѣднемъ томѣ.

Изъ старыхъ переводовъ въ настоящее изданіе включены: «Шильонскій Узникъ» Жуковскаго. «Абидосская Невѣста» Ивана Козлова; «Осада Коринѳа» Мина; двѣ съ половиною пѣсни «Чайльдъ-Гарольда» Павла Козлова; его-же весь «Донъ-Жуанъ»; «Двое Фоскари», «Марино Фальери», «Синіе Чулки» и «Преображенный Уродъ» А. Л. Соколовскаго; «Сарданапалъ» П. И. Вейнберга, отдѣльныя стихотворенія Ивана Козлова, Мея, Лермонтова, Полежаева, Михаловскаго, Грекова, кн. Цертелева, Дурова, Вейнберга, Червинскаго, Чюминой, Бальмонта, Дружинина, Плещеева и др.

Но значительная часть произведеній Байрона появляется здѣсь въ новомъ переводѣ: окончаніе 3-й и 4 пѣснь «Чайльдъ-Гарольда», «Гяуръ», «Корсаръ», «Лара», «Мазепа», «Пророчество Данте», «Видѣніе Суда», «Островъ», «Вальсъ», «На мотивы изъ Горація», «Проклятіе Минервы», «Бронзовый Вѣкъ», «Англійскіе барды и шотландскіе обозрѣватели», и около 150 стихотвореній, впервые переводимыхъ на русскій языкъ, затѣмъ вся проза Байрона, которая до сихъ поръ тоже никогда не была переведена у насъ.

Въ новыхъ переводахъ принимаютъ участіе: *Ю. К. Балтрушайтисъ*, *В. Я. Брюсовъ*, *Н. А. Брянскій*, *П. И. Вейнбергъ*, *В. В. Водовозовъ*, *З. А. Венгерова*, *Г. А. Галина*, *С. А. Ильинъ*, *Вячеславъ Ивановъ*, *П. Н. Красновъ*, *В. С. Лихачовъ*, *Н. М. Минскій*, *В. В. Мазуркевичъ*, *П. О. Морозовъ*, *А. Л. Соколовскій*, *А. М. Ѳедоровъ*, *К. М. Фофановъ*, *Н. А. Холодковскій*, *О. Н. Чюмина*, *П. Ф. Червинскій*, *П. Я.*, *Т. Л. Щепкина-Куперникъ* и др.

Въ составленіи предисловій и примѣчаній принимаютъ участіе: почет. академикъ *К. К. Арсеньевъ*, проф. *Ѳ. А. Браунъ*, академикъ *Александръ Веселовскій*, проф. *Алексѣй Веселовскій*, *Юрій Веселовскій*, *З. А. Венгерова*, *С. А. Венгеровъ*, *П. И. Вейнбергъ*, *А. Г. Горнфельдъ*, *Е. В. Деченъ*, проф. *Н. П. Дашкевичъ*, проф. *Ѳ. Ф. Зѣлинскій*, прив.-доц. *И. И. Ивановъ*, *Вячеславъ Ивановъ*, проф. *Н. А. Котляревскій*, *П. С. Коганъ*, *П. О. Морозовъ*, *Л. А. Полонскій*, прив.-доц. *М. Н. Розановъ*, *Э. Л. Радловъ*, проф. *Л. Ю. Шепелевичъ*, *П. Е. Щеголевъ*.

Порядокъ настоящаго изданія строго-хронологическій, съ одною только перестановкою. Мы юношескія произведенія: «Часы досуга», «Англійскихъ бардовъ и шотландскихъ обозрѣвателей», «На мотивы изъ Горація» и «Вальсъ» помѣщаемъ въ концѣ изданія, а начинаемъ съ того произведенія, гдѣ геній Байрона уже сказался во всемъ своемъ блескѣ—съ «Чайльдъ-Гарольда». Само собою разумѣется, что и «Чайльдъ-Гарольда», и «Донъ-Жуана» мы даемъ цѣликомъ, хотя отдѣльныя пѣсни ихъ раздѣлены между собою рядомъ лѣтъ.

Иллюстраціи къ настоящему изданію даны по тому-же плану, котораго мы придерживались и при подборѣ иллюстрацій къ Шиллеру и въ особенности къ Шекспиру.

Мы прежде всего не останавливаемся на иллюстраціяхъ одного художника, а даемъ *собраніе* всѣхъ интересныхъ въ какомъ-либо отношеніи иллюстрацій къ данному писателю. Какъ и наше собраніе сочиненій Шекспира, настоящее изданіе является первою въ европейской литературѣ попыткою собрать все замѣчательное чѣмъ когда-либо иллюстрировались сочиненія и біографія Байрона.

Затѣмъ мы смотримъ на иллюстраціи, какъ на историко-литературный комментарій. Мы въ нихъ видимъ наглядное проявленіе того, какъ писателя въ ту или другую эпоху понимали. Мы не задаемся цѣлями исключительно эстетическими и сознательно даемъ даже то, что съ точки зрѣнія строгаго вкуса можетъ быть названо условнымъ и банальнымъ.

Наша задача—собрать все *характерное*.

Характернымъ-же мы называемъ либо произведенія видныхъ художниковъ, либо такія, которыя почему-нибудь пользуются широкимъ распространеніемъ: широкое распространеніе указываетъ, что данное художественное освѣщеніе совпало съ такимъ-же общераспространеннымъ литературнымъ пониманіемъ иллюстрируемаго писателя.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Наше собраніе сочиненій Шекспира мы въ предисловіи къ нему характеризовали такъ: *Шекспиръ въ картинахъ лучшихъ художниковъ*. Настоящее собраніе сочиненій Байрона должно быть характеризовано нѣсколько иначе. Преобладающій элементъ составляютъ въ немъ не снимки съ *картинъ*, а воспроизведенія *гравюръ*.

Байронъ мало привлекалъ къ себѣ живописцевъ. Его страстно полюбилъ только знаменитый французскій художникъ Делакруа. Бурный романтикъ въ живописи, онъ глубоко проникся поэзіею Байрона и далъ цѣлый рядъ картинъ на байроновскіе сюжеты, подчасъ небрежныхъ по исполненію, но поражающихъ силою и порывистостью. Мы задались цѣлью воспроизвести весь циклъ байроновскихъ картинъ и эскизовъ Делакруа и въ значительной степени привели это въ исполненіе. Но, къ сожалѣнію, кое-что изъ байроновскаго цикла Делакруа неизвѣстно гдѣ находится, такъ какъ картины Делакруа много разъ перепродавались и переходили изъ рукъ въ руки.

Кромѣ Делакруа, изъ выдающихся художниковъ на Байроновскіе поэмы писали картины, пейзажи и эскизы Тэрнеръ, Лоуренсъ, Стотгардъ, Вестоль, Ари Шеферъ, Мадоксъ Броунъ, Габріель Максъ и др.

Но если Байронъ относительно мало заинтересовалъ живописцевъ, то едва-ли другой изъ писателей въ такой степени привлекъ къ себѣ вниманіе гравюры. Годы особеннаго интереса къ Байрону—1820-ые и 1830-ые годы были и эпохою особеннаго развитія англійской гравюры на стали и это, между прочимъ, выразилось въ нѣсколькихъ замѣчательныхъ серіяхъ гравюръ къ произведеніямъ Байрона. Особенною извѣстностью пользуются галлереи «Красавицъ Байрона» (Byron's Beauties) Гиза (Neath), Финдена и др., и гравюры-виды братьевъ Вильяма и Эдуарда Финденовъ. Гравюры исполнены по рисункамъ и композиціямъ извѣстныхъ художниковъ и иллюстраторовъ того времени—Кини Мидоуса, Рихтера, Париса, Дженкинса, Стотгарда, Вуда, Вестоля, Чэлона, Кресуика, Филиппса, Уоррена и др. Чрезвычайно изящныя и отчетливо исполненныя, гравюры галлерей Гиза, Финденовъ и др., какъ всякая гравюра на стали, нѣсколько внѣшни и условны. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ очень хорошо вводятъ въ настроеніе байроновской поэзіи, тоже нѣсколько парадной и совершенно игнорирующей реалистическія подробности жизни. Въ общемъ, художественная часть нашего изданія носитъ характеръ англійскихъ кипсэковъ той эпохи, когда Байронъ былъ властителемъ думъ своего поколѣнія.

Очень значительно число иллюстрацій, имѣющихъ интересъ для біографіи Байрона. Имѣется, прежде всего, множество его портретовъ: поразительный красавецъ, Байронъ привлекалъ къ себѣ вниманіе многихъ выдающихся портретистовъ, въ томъ числѣ Филиппса, Вестоля и др. Затѣмъ братья Финдены издали серію гравюръ видовъ тѣхъ странъ, по которымъ путешествовалъ Байронъ. Кромѣ того имѣются въ изобиліи портреты всѣхъ близкихъ Байрону лицъ, его литературныхъ друзей, большинства героинь его многочисленныхъ романическихъ увлеченій и т. д.

Особенно много новаго въ этомъ отношеніи даетъ только что законченное собраніе сочиненій и переписки Байрона, изданное Мэреемъ—или по русской транскрипціи Муреемъ (Murray)—подъ редакціей Кольриджа и Протеро.

Замѣчательное по полнотѣ и обстоятельности изданіе Кольриджа и Протеро легло вообще въ основу нашего изданія. Оно заключаетъ въ себѣ множествоотдѣльныхъ стихотвореній, до того нигдѣ еще не опубликованныхъ; отыскалась даже цѣлая новая пѣснь „Донъ-Жуана". Переписка Байрона тоже значительно здѣсь дополнена. Очень цѣнны затѣмъ историко-литературныя предисловія и примѣчанія изд. Кольриджа и Протеро. Всѣмъ этимъ мы воспользовались въ полной мѣрѣ.

По новизнѣ матеріала чрезвычайно замѣчательны, какъ мы уже выше отмѣтили, иллюстраціи изд. Кольриджа и Протеро. Тутъ впервые собрано множество до сихъ поръ совершенно неизвѣстныхъ портретовъ и другого рода рисунковъ. Благодаря любезности фирмы Мурея, мы получили возможность дать снимки непосредственно съ оригиналовъ, а геліогравюры, которыя мы заимствовали изъ изданія Мурея, напечатаны (Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ) съ тѣхъ-же самыхъ пластинокъ, съ которыхъ печатаны геліогравюры англійскаго изданія.

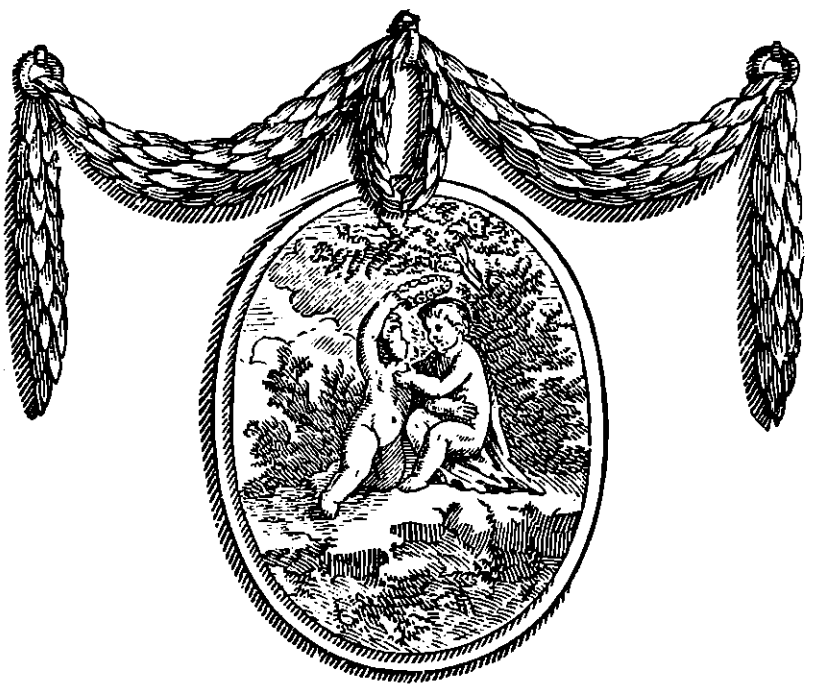
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ БАЙРОНА.

По мысли Л. С. Бакста стильно выдержанъ типографскій орнаментъ изданія—заставки и концовки. Онѣ всѣ взяты изъ изданій 1810—30-хъ гг. Часть этого орнамента взята изъ архива фирмы Брокгаузъ, часть непосредственно воспроизведена изъ изданій 1810—20-хъ гг. Редакція „Міра Искусства“ любезно предоставила въ наше распоряженіе нѣкоторыя заставки, которыя она выбрала изъ изданій пушкинской эпохи для „Пушкинскаго Номера“ своего журнала (1899). Благодаря любезностии извѣстнаго собирателя И. И. Ваулина, нѣкоторыя заставки русскихъ виньетистовъ напечатаны въ настоящемъ изданіи по оригиналамъ.

Въ тѣхъ недающихъ мѣста субъективизму границахъ, которыя намѣчены общею программою художественной части „Библ. вел. пис.“, Л. С. Бакстъ принималъ также участіе въ отборѣ многочисленныхъ гравюръ, вывезенныхъ нами изъ поѣздки въ Англію, предпринятой, лѣтомъ 1903 г., для подготовленія настоящаго изданія.

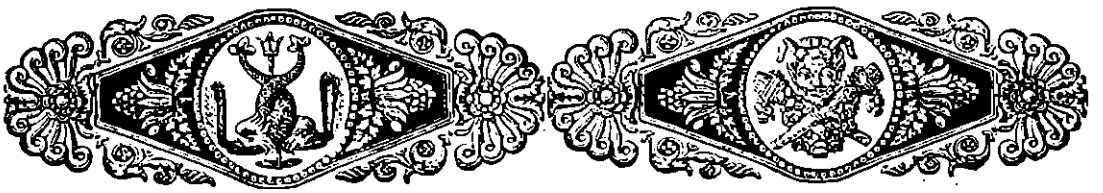
С. Венгеровъ.

С. Петербургъ,
25 Іюля 1904 г.



ЧАЙЛЬДЪ ГАРОЛЬДЪ

НЬЮСТЕДСКОЕ АББАТСТВО



Паломничество Чайльдъ-Гарольда.

Блестящимъ, неподражаемо оригинальнымъ поэтическимъ самородкомъ является и въ творчествѣ Байрона, и въ міровой литературѣ (въ широкую область которой именно она его ввела впервые) поэма „Паломничество Чайльдъ-Гарольда". Не подчинилась она никакимъ требованіямъ теоріи, никакимъ правиламъ опредѣленнаго эпическаго рода. Едва обусловлена она завязкой,—и обрывается неожиданно, не развязавъ узла фабулы; завлекая по временамъ повѣствованіемъ или описаніемъ странъ и народовъ, она покидаетъ постоянно его тонъ, чтобы дать просторъ душевнымъ изліяніямъ, размышленіямъ, признаніямъ—и поэма превращается тогда въ сплошную лирическую исповѣдь. То сосредоточивается она какъ будто на изображеніи центральнаго характера, то растворяетъ его въ личности самого поэта, становится все субъективнѣе, интимнѣе, и наконецъ, совсѣмъ отбрасываетъ условно принятую маску придуманнаго героя. Но личный элементъ сливается съ общимъ, гложущая грусть переходитъ въ міровую скорбь, автобіографическія черты уступаютъ мѣсто всемірно-историческимъ картинамъ; минувшіе вѣка, угасшія цивилизаціи, цѣлыя тысячелѣтія встаютъ изъ своего разрушенія, краснорѣчиво говоря дальнему потомству. На смѣну этому поэтико-историческому волшебству выступаютъ въ удивительно богатомъ сочетаніи вѣчныя красоты природы, то величавой, могущественной, увѣнчанной ледяными альпійскими коронами, то нѣжной или знойной природы горъ, моря; въ ея гармоніи и величіи духъ отдыхаетъ, а вслѣдъ за тѣмъ врывается живымъ потокомъ современность съ ея запросами и тревогами, и разсказъ становится смѣлымъ памфлетомъ...

Но этотъ странный самородокъ, — не поэма, не лирическій циклъ, не натуръ-философская греза, не политическая манифестація, не элегія пессимизма и душевнаго разлада, но все это слитое въ небывалое, нестройное, и властно захватывающее цѣлое,—не былъ во всемъ своемъ разнообразіи созданъ одновременно; послѣдовательное появленіе его частей обнимаетъ обширный и наиболѣе взволнованный періодъ жизни поэта,—восемь лѣтъ съ 1809 по 1817 г.; онъ былъ спутникомъ Байрона, нравственно выросталъ и развивался вмѣстѣ съ нимъ, и это значеніе его, какъ автобіографической лѣтописи, еще болѣе возвышаетъ его достоинства.

Необычно и самое происхожденіе „Паломничества". Его не подведешь подъ стать къ произведеніямъ съ опредѣленнымъ, заранѣе намѣченнымъ планомъ; оно не было сознательно задумано, но сложилось свободно, непосредственно, изъ ряда отдѣльныхъ лирическихъ импровизацій, набросковъ, стихотворныхъ листковъ дневника путешественника; объединенные, они стали жить вмѣстѣ; потомъ вслѣдъ за ними пошли другія группы такихъ же импровизацій, уже сдержанныя отнынѣ нѣкоторымъ подобіемъ сюжета или плана, но до самаго конца сохранившія духъ вольницы, съ скачками, отступленіями, эпизодами, возвратами къ прерванной нити. Объ *источникахъ* для подобнаго произведенія почти и говорить нельзя. Въ ссылкѣ самого Байрона въ одномъ изъ предисловій къ поэмѣ на скучнѣйшій и назидательный романъ справедливо забытаго теперь беллетриста 18-го вѣка, Джона Мура, и въ обѣщаніи дать въ лицѣ Гарольда что-то въ родѣ „поэтизированнаго Zeluco"

[illegible] этого романа) звучитъ несомнѣнная [illegible]. Между развратнымъ хищникомъ и [illegible]мъ Зелюко и скорбникомъ Гарольдомъ нѣтъ ничего общаго. Сближеніе „Паломничества“ (т. е. собственно лишь второй [illegible] главы, въ ея описаніяхъ Греціи) съ [illegible] стиховъ искренняго эллинофила, бывшаго англійскаго консула на Іоническихъ островахъ, Райта („Horae Jonicae“), возможно въ той мѣрѣ, въ какой могли быть сходны впечатлѣнія двухъ странниковъ по краю, бывшее величіе и современное паденіе котораго они близко принимали къ сердцу,—и затѣмъ оно уничтожается различіемъ гениальности одного изъ нихъ и симпатичной, благонамѣренной посредственности другого. Если говорить объ источникахъ, то лишь по отношенію къ нѣкоторымъ описательнымъ и историческимъ частностямъ четвертой, итальянской пѣсни „Гарольда“, введеннымъ въ поэму на основаніи присовѣтованныхъ Байрону его другомъ Гобгоузомъ библіотечныхъ и музейныхъ справокъ,—но это, быть можетъ, слабѣйшія мѣста во всемъ произведеніи, которыя блѣднѣютъ и уничтожаются отъ сопоставленія съ вдохновенными страницами, созданными вполнѣ свободно.

Въ Янинѣ (въ Албаніи), въ октябрѣ 1809 года, когда первый отдѣлъ байроновскаго путешествія по южнымъ окраинамъ Европы,—посѣщеніе Португаліи, Испаніи, Мальты, впечатлѣнія плаванія по Средиземному морю,—былъ только что законченъ, и его смѣнили картины первобытнаго, сурово красиваго горнаго албанскаго края, Байронъ впервые остановился на мысли задержать навсегда пережитое и перечувствованное во время своихъ скитаній въ видѣ стихотворныхъ набросковъ, картинъ съ натуры и отпечатковъ съ собственныхъ настроеній. Сначала приходилось вспоминать и оживлять недавно минувшее, среди албанской жизни вызывать образы и краски романскаго міра; потомъ стихотворный разсказъ сталъ все быстрѣе догонять факты путешествія, наконецъ почти сравнялся съ ними по времени, такъ что послѣдніе листки греческаго дневника написаны были тотчасъ послѣ того, какъ Байронъ покинулъ въ первый разъ Грецію, направляясь въ Константинополь,—и то, что впослѣдствіи названо было второю пѣснью „Чайльдъ-Гарольда, закончено было въ первоначальномъ видѣ во время стоянки на малоазіатскомъ берегу, въ Смирнѣ, 28 марта 1810 года. Для своихъ летучихъ набросковъ Байронъ избралъ прихотливую форму, снова возрождавшуюся въ англійскомъ стихотворствѣ (благодаря удачному опыту Beattie Кэмпбелла) и возвращавшую читателя къ вкусамъ и пріемамъ елизаветинскихъ временъ, къ девятистрочнымъ „стансамъ“ Спенсера. Обширная коллекція такихъ стансовъ, накопившаяся за время пути, не занимала особенно важнаго мѣста въ глазахъ Байрона среди привезенныхъ имъ въ Англію рукописей,—поэтическаго результата странствія. Только вслѣдствіе настояній друга поэта, Долласа, согласился онъ дать ему на пересмотръ этотъ нестройный матеріалъ.

Свидѣтельство Долласа цѣнно и очень опредѣленно. По его словамъ, Байронъ признался ему, что, кромѣ продолженія своей юношеской перестрѣлки съ критиками,—стихотворнаго разсужденія „Hints from Horace“,—онъ „по разнымъ поводамъ написалъ нѣсколько небольшихъ стихотвореній, а также очень много строфъ въ Спенсеровскомъ вкусѣ, касающихся странъ, которыя онъ посѣтилъ“. Ни слова о планѣ, соединяющемъ эти строфы, о сколько нибудь законченномъ произведеніи, составившемся изъ нихъ, о героѣ, чьи дѣянія, мысли и чувства онѣ должны изображать. Необходимая связь, подобіе плана и фиктивная личность героя внесены были, стало быть, лишь послѣ того, какъ Долласъ, пришедшій въ восхищеніе отъ импровизацій, которыя, по мнѣнію Байрона, „не стоили особеннаго вниманія“, и поддержанный нѣсколькими спеціалистами изъ литературнаго цеха, заставилъ поэта согласиться на обнародованіе. Тогда то началась сложная работа не только редактированія и спайки между собой частей будущей поэмы, но и обработки личнаго, героическаго элемента, въ которомъ не было нужды, пока описанія и изліянія шли прямо отъ имени самого путешественника. Для впечатлѣній туриста могъ быть удержанъ и впредь этотъ пріемъ,—но тамъ, гдѣ выступали въ лирической исповѣди слишкомъ завѣтныя, интимныя черты семьи, среды, общественныхъ отношеній, личнаго прошлаго, заботливый литературный трибуналъ не удовольствовался даже прозрачнымъ псевдонимомъ Ghilde-Burun (древняя форма фамильнаго имени поэта), предложеннымъ Байрономъ, и потребовалъ совсѣмъ новаго наименованія. Такъ вступила въ поэму тѣнь Гарольда.

Это дѣйствительно тѣнь, туманный образъ, а не реальное лицо съ самобытной, отдѣльной своей душевной исторіею,—и чѣмъ болѣе подвигалась впередъ поэма, тѣмъ за-

мѣтнѣе становилась условность фигуры героя, а затѣмъ и ненужность ея. Хотя и принято вводить Гарольда, какъ литературный типъ, въ кругъ Ренэ, Вертеровъ, Ортисовъ, его собратій по меланхоліи и душевной надломленности, но внимательное сравненіе его съ ними не можетъ не показать на ихъ сторонѣ законченную, самостоятельную душевную жизнь, на его же—лишь подобіе ея, прерванное небрежно и незамѣтно самимъ авторомъ. Вначалѣ Байронъ, какъ будто привыкая къ навязанному ему раздвоенію, сбирался въ теченіи разсказа дорисовать и мотивировать намѣченное имъ въ первой пѣснѣ; онъ называлъ Гарольда „лицомъ непривлекательнымъ, выставленнымъ со всѣми его недостатками, которые авторъ легко могъ бы сгладить, заставивъ его больше дѣйствовать, чѣмъ разсуждать"; онъ готовъ былъ даже поморализировать на его счетъ, заявляя, что это—„не образцовый герой, но что онъ, наоборотъ, показываетъ, какъ извращеніе ума и нравственности ведетъ къ пресыщенію, портитъ всѣ радости жизни", но постепенно становился равнодушенъ къ тщательной выпискѣ фиктивнаго характера, въ обширныхъ и превосходныхъ отступленіяхъ бесѣдовалъ съ читателемъ уже отъ своего лица, вспоминалъ порою о Гарольдѣ, возвращался къ нему, но все рѣже и на короткое время; наконецъ въ четвертой пѣснѣ онъ вышелъ совсѣмъ на свободу, и только передъ окончательнымъ паденіемъ занавѣса посвятилъ нѣсколько грустныхъ словъ тому двойнику, съ которымъ когда то выступалъ въ путь, и который напоминалъ ему о порѣ „юности и свѣжести".

Пушкинское остроумное выраженіе о „Гарольдовомъ плащѣ", прикрывавшемъ далеко не байроническую натуру Онѣгина, можетъ быть примѣнено, подъ условіемъ подстановки иныхъ, высшихъ понятій, къ Байрону, какъ творцу „Паломничества". На немъ, какъ повѣствователѣ о „чувствительномъ" (какъ говорили въ 18 вѣкѣ), т. е. гуманно отзывчивомъ странствіи среди людей, народовъ, государствъ, природы, и какъ глубокомъ и искреннемъ лирикѣ, дѣйствительно накинутъ былъ „Гарольдовъ плащъ", и, если характеръ героя „Паломничества" не можетъ блистать въ ряду лучшихъ его созданій, если плащъ порою плохо драпируетъ и маска отстаетъ отъ лица, то за ними выступаютъ благородныя, геніальныя черты поэта. Не Гарольдъ, а самъ онъ—истинный герой поэмы. Значеніе всего произведенія перемѣстилось, измѣнилось. Слабое въ фикціи, оно (въ особенности къ концу) становится велико и могущественно въ воплощеніи дѣйствительности, личной и общей.

Но Гарольдъ былъ придуманъ, и необходимо было посвятить извѣстную долю труда на біографическое введеніе, посвященное ему при первомъ появленіи его на сценѣ. Такъ возникли строфы, описывающія его юность, жажду сильныхъ ощущеній и пресыщенность, его семейныя отношенія и товарищество, родовой замокъ и т. д., съ сквозившими вездѣ чертами изъ біографіи поэта, но съ прибавками и оговорками, которыя пытались разстроить сходство. Гарольду вложено было въ уста самостоятельно возникшее, какъ отдѣльное стихотвореніе, „Прощаніе" съ отечествомъ (Ch. Harold's Good Night),—по признанію Байрона, внушенное ему въ основной мысли старинной балладой лорда Максвелла. Предполагалось сначала снабдить Гарольда еще большей долею біографическихъ подробностей, но соотвѣтствовавшія строфы вышли такими близкими къ подлиннымъ чертамъ отрочества и юности Байрона, что редакторы присовѣтовали уничтожить ихъ (напр. двѣ строфы передъ нынѣшней восьмою). Съ неудовольствіемъ и борьбой исполнялъ относительно сокращеній совѣты Байронъ, пытаясь понять напр., почему къ уцѣлѣвшимъ въ поэмѣ сильнымъ выходкамъ противъ англійской политики въ Испаніи или хищничества англичанъ относительно памятниковъ греческой старины не могли присоединиться другія протестующія заявленія на ту же тему, почему нужно было щадить Веллингтона, лорда Эльджина и др. Въ этой борьбѣ погибло въ обѣихъ первыхъ пѣсняхъ тринадцать строфъ, лишь въ наше время возстановленныхъ по рукописямъ. Взамѣнъ Байронъ предоставилъ себѣ широкую свободу для прибавленій. Впечатлѣнія путешествія были еще такъ свѣжи, что легко было вызвать изъ нихъ новыя поэтическія картины Испаніи или Греціи. Еще поразительнѣе вышли втѣснившіяся въ поэму подъ вліяніемъ сильнаго аффекта, совершенно въ разрѣзъ съ общимъ ея ходомъ, глубоко печальныя строфы, оплакивающія утрату таинственной „Тирзы" (личности, доселѣ неразгаданной, очевидно героини ранней, юношеской любовной связи Байрона, окруженной имъ непроницаемой загадочностью),—утрату, о которой лично онъ (не Гарольдъ) узналъ по возвращеніи изъ странствій (строфы

[illegible]—[illegible] второй пѣсни, прибавленныя во время печатанія). Въ общемъ обѣ пѣсни обогатились, противъ рукописи, двадцатью [illegible] новыми „стансами“ (въ седьмомъ изданіи, 1814 года, имъ предстояло еще увеличиться на одиннадцать строфъ, въ томъ числѣ на посвященіе „Іантѣ“, красивому, умному ребенку, дочкѣ лэди Оксфордъ),—и въ этомъ видѣ, съ именемъ Байрона на заглавномъ листѣ (несмотря на настойчивое его желаніе выпустить поэму безъименно), 10 марта 1812 года „Паломничество“ вышло въ свѣтъ и „въ одно утро сдѣлало Байрона знаменитымъ“.

Значительное, почти столѣтнее отдаленіе отъ этой блестящей побѣды, возможность сравнить первыя главы поэмы, вышедшія въ свѣтъ (по опредѣленно звучащей оговоркѣ самого автора въ предисловіи) лишь „въ видѣ опыта“, съ продолженіемъ разсказа, поднимавшимся рѣзко обозначенными переходами все выше въ художественномъ и идейномъ отношеніи,—наконецъ вліяніе открытой для насъ совокупности всего байроновскаго творчества съ его великими красотами не могутъ не ослабить для новѣйшихъ поколѣній того сильнаго дѣйствія, которое, по единодушнымъ показаніямъ современниковъ, произвели нѣкогда первыя главы, повторенныя втеченіе одного только 1812 года въ *пяти* изданіяхъ. На иныхъ частностяхъ и пріемахъ есть несомнѣнная печать отжившей поэтической техники. Лишь прихотью повѣствователя кажутся теперь архаическій, старо-англійскій балладный тонъ, присвоенный первымъ, вступительнымъ строфамъ, и неожиданное насыщеніе слога древними оборотами, нуждающимися въ комментаріяхъ (черта, конечно, ослабляемая переводами). Шалость эта не достигла цѣли, не удовлетворила поэта, онъ скоро отбросилъ игру въ археологію, чтобъ отдаться живой, безконечно разнообразной, сверкающей образами, рѣчи. Но другіе пріемы сближаютъ его съ иною, классическою стариной; быть можетъ, отъ того, что и испанскія картины набрасывались среди эллинской обстановки, а тѣ, что изображали величіе и паденіе Греціи, еще тѣснѣе связаны были съ культурными условіями древняго міра,—въ разсказъ вплетаются имена и образы миѳологическіе, которымъ мѣсто было бы въ писаніяхъ профессіональнаго классика. Подъ стать къ этому—изображеніе Гарольда на палубѣ корабля съ *арфой* въ рукахъ, произносящаго свое прощаніе съ родиной, тихо перебирая струны. Еще много неувѣренности въ своихъ слоговыхъ силахъ, ведущей иногда къ риторикѣ или темнымъ оборотамъ, которые приходится разгадывать,—монотонно звучатъ восклицанія, открывающія иногда одну за другою нѣсколько строфъ („Hark!“ или „Lo!“ или „By Heaven!“ и т. д.), словно помогая неопытному автору выйти изъ затрудненія. Въ типическихъ для Байрона, продержавшихся у него во весь первый періодъ творчества, вставныхъ пѣсняхъ, борется искренность и непосредственность тона такихъ изліяній, какъ „Прощаніе“ или „КъИнесѣ“, съ искусственностью албанской боевой пѣсни (Tamburgi), которая, по словамъ Байрона, скомпанована имъ изъ отрывковъ разныхъ албанскихъ пѣсенъ,—но не согрѣта суровымъ, боевымъ жаромъ, не свободна отъ разсудочности и не въ силахъ возбуждать или горячить отвагу и любовь къ родинѣ. Въ общихъ, основныхъ, столь важныхъ вообще въ „Паломничествѣ“, идеяхъ еще замѣтна неустойчивость. Такъ уже заявленный имъ протестъ противъ губительныхъ, ожесточающихъ и корыстныхъ войнъ, сдѣлавшій Байрона впослѣдствіи (въ *Донъ-Жуанѣ*) однимъ изъ величайшихъ обличителей воинственности, могъ еще уживаться съ отголосками милитаризма въ нападкахъ на англійскихъ военачальниковъ на Пиренейскомъ полуостровѣ и въ укоризнахъ за ихъ ошибки, покрывшія безславіемъ англійское оружіе. Съ другой стороны, свободолюбіе поэта сводится не къ поддержкѣ и прославленію пользованія политической свободой, но къ воспѣванію самаго момента добыванія народной независимости. Еще не установился даже общій тонъ повѣствованія. Исполняя обѣщаніе, данное въ предисловіи, смѣшивать порою съ серьезнымъ смѣшное и забавное, поэтъ неожиданно, пользуясь случайнымъ поводомъ, можетъ отклониться въ сторону совершенно чуждой жизни; напр. отъ картинъ веселящагося во всю ширь Кадикса вдругъ перенестись въ Лондонъ и набросать въ остроумномъ очеркѣ празднованіе воскреснаго дня буржуазною и рабочею толпой, устремляющеюся пѣшкомъ, во всевозможныхъ экипажахъ и на ладьяхъ по Темзѣ за городъ. Мелькнули эти сцены (строфы 69—70), и авторъ, словно разувѣрившись въ пригодности такихъ „отклоненій“ (variations), не вернется къ нимъ болѣе. Но онъ не хочетъ ни за что подчиняться стѣсненіямъ правильнаго плана и, переставъ искать развлекающихъ темъ, даетъ волю скачкамъ своей мысли, фан-

зіи, воспоминанія. Среди испанскихъ бытовыхъ картинъ появляются вдругъ строфы, обращенныя къ Парнассу, у подножія котораго, любуясь имъ, поэтъ слагалъ свои стихотворные очерки Испаніи и испанцевъ. Подъ конецъ второй пѣсни сверкнула картина Константинополя, съ тѣмъ чтобы быстро исчезнуть и послѣ новыхъ импровизацій на эллинскую освободительную тему, дать волю личному горю поэта о несчастной Тирзѣ.

Поддавшись волшебству общаго впечатлѣнія, современники не замѣтили всѣхъ этихъ неровностей, недочетовъ, слѣдовъ недостаточной опытности. До того велики и блестящи были затмившія ихъ достоинства. Вмѣсто красивой рамантической небывальщины, приподнятыхъ страстей и эффектнаго героизма, передъ читателемъ выступала подлинная жизнь, душевная исторія неподдѣльно реальной личности, слитой изъ Гарольда и его двойника, слышались рѣчи, заявленія мыслей, находившія отзвукъ въ настроеніи всего, что тосковало, рвалось на волю, ненавидѣло застой и гнетъ въ современномъ обществѣ; горячо и вдохновенно ставились великія задачи освобожденія народовъ, возвѣщая въ ту раннюю пору охватившій потомъ нѣсколько десятилѣтій періодъ національнаго броженія, борьбы и возстаній, послужившихъ на пользу итальянской, греческой, испанской, польской идеѣ,—и меланхолическій пѣвецъ превращался тогда въ пламеннаго Тиртея, вызывая испанцевъ или грековъ возстать противъ притѣснителей, ликуя при видѣ взрывовъ народнаго героизма, подобнаго подвигу „сарагосскихъ дѣвъ". Въ живомъ альтруизмѣ такихъ порывовъ разрѣшались личная скорбь, душевное одиночество и презрѣніе къ людской низости, переданныя съ поразительной непосредственностью глубоко - лирической исповѣди,—но минутами они тонули въ безграничномъ просторѣ міровой скорби, все сильнѣе развивавшейся у Байрона уже въ первомъ путешествіи, когда, попирая развалины давно минувшей исторической жизни, онъ видѣлъ всеобщее торжество разрушенія и бренности. Послышались первыя заявленія неисходной міровой его тоски, которая такъ широко разовьется къ концу „Паломничества",—и когда, вырываясь изъ связи съ цѣлымъ произведеніемъ, слышался внезапный стонъ усталой души, и изнывалъ умъ, томимый „демономъ Мысли" (стих. „Къ Инесѣ"), то былъ еще поводъ, чтобъ привлечь къ поэмѣ и взволновать ея необычайнымъ содержаніемъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ она являлась завлекательнымъ описаніемъ путешествія по малоизвѣстнымъ, забытымъ, заснувшимъ странамъ. Предпринятое въ духѣ идей Руссо, надолго сохранившаго свое вліяніе на Байрона, изъ странъ, удрученныхъ избыткомъ культуры, въ края непочатые, все дальше въ глубь жизни по природѣ, оно должно было привести странника на востокъ, въ Египетъ, Персію, даже Индію (фантастическій, неисполненный планъ), оно пестрѣло яркими этнографическими красками нравовъ, обычаевъ, типовъ, и на дѣвственной албанской почвѣ ввело читателя въ совершенно невѣдомый міръ. На бытовомъ фонѣ выростали полныя жизни и движенія картины,—въ первой пѣснѣ бой быковъ въ Испаніи, во второй воинственный танецъ албанцевъ или празднества Рамазана,—а роскошная рамка южной природы дополняла впечатлѣніе. Казалось, *такого* красиваго поэтическаго пэйзажа еще никогда не было создано,—но и за нимъ скрывалась уже глубокая идея цѣлительной мощи природы, прибѣжища для одинокихъ, страдающихъ и возмущенныхъ, идея, которая такъ широко разовьется въ третьей, швейцарской пѣснѣ „Чайльдъ-Гарольда".

Остановивъ свой разсказъ на греко-турецкихъ сценахъ и вызванныхъ ими размышленіяхъ, Байронъ готовъ былъ бы повидимому и въ концѣ второй пѣсни повторить то разставанье словоохотливаго разсказчика съ читателемъ на полу-словѣ, которымъ онъ закончилъ первую главу, пообѣщавъ и въ предисловіи дать современемъ продолженіе, если первыя пѣсни будутъ встрѣчены благосклонно. Тяжелое впечатлѣніе смерти любимаго человѣка, навѣки скрытаго имъ въ своихъ элегіяхъ отъ праздная любопытства толпы, побудило его придать путевому описанію неожиданный конецъ, совершенно игнорирующій Гарольда, идущій прямо отъ автора. Живыя картины экзотическихъ странъ, при помощи быстраго перехода, смѣняются изліяніемъ горя человѣка, котораго судьба пріучаетъ видѣть вокругъ себя гибель и смерть всѣхъ, кто былъ ему дорогъ и близокъ, котораго ждетъ одиночество или тяжкая необходимость снова войти въ толпу презрѣнныхъ, ничтожныхъ, порочныхъ людей...

На этомъ настроеніи обрывается, какъ будто лишь на время, нить „Паломничества". Поэту казалось возможнымъ, въ случаѣ успѣха, снова овладѣть ею и досказать свой восточный маршрутъ. Невольно раз-

дробивъ содержаніе поэмы на лирику и этнографическое описаніе, онъ въ своихъ обѣщаніяхъ продолженія какъ будто имѣлъ въ виду второй составной элементъ *). Въ письмѣ къ Долласу, осенью 1811 года, онъ говоритъ о проектѣ добавочной, третьей пѣсни, въ которой хотѣлъ бы изобразить Трою и Константинополь; по его словамъ, проектъ этотъ былъ бы навѣрно выполненъ, еслибъ автору удалось снова посѣтить эти края (возобновленіе путешествія было любимою мечтой его въ первые годы по возвращеніи). Но успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія; немногія возраженія и придирки критики, находившей Гарольда недостаточно рыцарственнымъ и благороднымъ, или сомнѣвавшейся въ возможности считать его характеромъ положительнымъ, образцовымъ,—эти возраженія, юмористически оцѣненныя имъ во второмъ предисловіи, заглушены были хоромъ всеобщихъ похвалъ и восторговъ,—и продолженіе „Чайльдъ-Гарольда" въ его первоначальномъ замыслѣ, какъ поэтическаго отраженія перваго байроновскаго странствія, никогда не появилось. Единственный отрывокъ, состоящій всего изъ двадцати семи стиховъ, сохранившійся случайно въ семьѣ Долласа, найденный въ наше время и озаглавленный его издателемъ, Роденъ-Ноэлемъ,—„Аѳонскій монахъ", повидимому, принадлежитъ къ составу ненаписанной третьей, оріентальной пѣсни „Гарольда", напоминая о своей связи съ нею сопоставленіемъ созерцательной тишины безсчисленныхъ аѳонскихъ монастырей, обставленной чудною природой, съ умершей навѣки Троей, смотрящей на Аѳонъ съ азіатскаго берега.

Со времени опьяняющаго успѣха первыхъ пѣсенъ „Чайльдъ-Гарольда" прошло четыре года. Миновалъ лихорадочно-пережитый періодъ свѣтскихъ, личныхъ и литературныхъ тріумфовъ Байрона, когда въ возбуждающей атмосферѣ неумѣренныхъ ожиданій и нервныхъ восхищеній необычайно быстро возникали одна за другой „восточныя поэмы"; умножились разочарованія, раздраженія, углубился житейскій опытъ; отовсюду наползла и окрѣпла вражда, зависть, нетерпимость, не прощающая независимости, душевной силѣ, геніальности; настала, мучительно выстрадана была и оборвалась рѣзкимъ, оскорбительнымъ диссонансомъ семейная драма Байрона, жадно подхваченная свѣтскимъ злословіемъ и фарисейскимъ цѣломудріемъ, превращенная въ общественное бѣдствіе, наказанная всеобщимъ остракизмомъ. Гонимая, всѣми порицаемая, отвергнутая родною средой, но властная, ни за что на свѣтѣ не способная подчиниться, выросшая благодаря закалу борьбы до титанизма, личность въ состязаніи своемъ съ цѣлымъ строемъ жизни, дойдя до разрыва, устремилась вдаль, на волю, чтобъ не имѣть болѣе ничего общаго съ враждебнымъ ей народомъ. 25 апрѣля 1816 года Байронъ покинулъ Англію. Началось второе и послѣднее его путешествіе, изъ котораго ему суждено было вернуться только мертвымъ. Первыя же сильныя впечатлѣнія въ новыхъ для него краяхъ побудили его, по прежней привычкѣ, взяться за перо для набросковъ лирическаго дневника; послѣ посѣщенія ватерлооскихъ полей битвы написаны были въ Брюсселѣ первые его листки, дальнѣйшіе возникали по мѣрѣ хода путешествія, на Рейнѣ, въ Швейцаріи, для сдерживающей и объединяющей ихъ связи показалось полезнымъ вызвать снова тѣнь Чайльдъ-Гарольда,—и такимъ образомъ возникла третья пѣснь (новой формаціи) „Паломничества".

Глубокой грустью проникнуты тѣ открывающія разсказъ строфы ея, въ которыхъ томимый судьбою поэтъ оглядывается на годы юности, когда впервые сталъ его спутникомъ Гарольдъ, когда сложилась фабула произведенія, едва начатаго и вскорѣ прерваннаго. Можетъ ли онъ довѣриться своимъ силамъ, можетъ ли онъ „пѣть, какъ прежде пѣлось"? Жизнь и время измѣнили его; съ нимъ вмѣстѣ измѣнился „душой, и видомъ, и возрастомъ" Гарольдъ. Выступая снова въ поэмѣ, они не въ силахъ дать того соединенія свѣтлыхъ картинъ природы и быта, горячности политической мысли, юношескаго лиризма, съ внезапными приступами тяжкаго раздумья и горя о первыхъ утратахъ, — которое составляло прелесть первыхъ пѣсенъ. Не великъ промежутокъ между ними и ихъ продолженіемъ,—всего четыре года, но передъ нами какъ будто другой человѣкъ, много пожившій, съ тяжелымъ бременемъ на душѣ, съ обобщеніями, выводами, цѣлями, которыя прежде ему были почти невѣдомы. Порою ему кажется, что онъ слишкомъ долго „мыслилъ мрачно", до того, что „мозгъ его сталъ

*) Онъ выдвигалъ и подкрѣплялъ его обстоятельными примѣчаніями бытового характера, приложеніемъ переводовъ съ новогреческаго, нѣсколькими стихотвореніями на мотивы изъ странствія по Испаніи и Греціи, присоединенными въ первомъ же изданіи къ поэмѣ.

водоворотомъ пылкости и фантазіи", ему вспоминается зловѣщій фонъ душевной исторіи всѣхъ героевъ его восточныхъ поэмъ, этихъ выразителей болѣзненно-возбужденной психической его жизни въ недавнемъ прошломъ,—жалили и мучали воспоминанія о только что вынесенномъ потрясеніи, — мысль его неслась навстрѣчу новымъ ощущеніямъ, способнымъ дать успокоеніе, гармонію, отраду, и, болѣе чѣмъ когда либо постигнувъ цѣлительную силу природы, онъ шелъ къ ней, чтобъ слиться съ нею и оздоровѣть душой. Но желанное успокоеніе на ея лонѣ и новый строй мыслей, слагавшійся среди ея величавыхъ красотъ, вели не къ примиренію и уступчивости, но еще явственнѣе обозначали твердыя, законченныя формы обособившейся, сильной *личности*, просвѣтленной, вдохновляемой отнынѣ еще болѣе высокими цѣлями. Переживавшійся Байрономъ переворотъ былъ такъ субъективенъ и такъ напряженъ, что, несмотря на полюбившуюся ему сначала мысль призвать въ себѣ на помощь Гарольда, онъ такъ безотчетно, невольно пробился съ своими личными мыслями и чувствами сквозь условность и фикцію, что, удѣливъ своему герою десятокъ другой строфъ для отдѣльной обрисовки *его* характера и настроеній (при чемъ въ лирической, вставной импровизаціи *на Драхенфельзѣ, ему* приписаны были слишкомъ опредѣленно-автобіографическія байроновскія черты, — въ данномъ случаѣ искренняя преданность поэта къ сводной его сестрѣ, Августѣ), онъ отбрасываетъ до конца пѣсни ненужный болѣе вымыселъ, и съ этихъ поръ, занимая весь первый планъ, открыто и сполна обрисовывается передъ читателемъ въ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ своей жизни.

Съ самого начала „швейцарскаго эпизода" Байрону выпало на долю рѣдкое счастье сближенія и тѣсной дружбы съ Шелли. Широкое философское развитіе, глубина мысли, горячая вѣра въ конечное торжество правды, лиризмъ освобожденія соединялись въ его другѣ съ безграничнымъ просторомъ воображенія, съ пантеистическимъ культомъ природы. Неразлучный съ Байрономъ, спутникъ его во многихъ странствіяхъ по Швейцаріи, увлекательный собесѣдникъ въ неистощимыхъ обсужденіяхъ общихъ вопросовъ, онъ вывелъ его изъ тревогъ, гнѣва и разъѣдающей грусти въ свой свѣтлый міръ, его борьбу съ судьбою и людьми онъ освѣтилъ античнымъ примѣромъ самоотверженнаго титанизма Прометея, который съ отрочества Байрона уже подѣйствовалъ на него, теперь же, въ передачѣ и объясненіяхъ эсхиловой трагедіи устами Шелли, предсталъ передъ нимъ въ новомъ свѣтѣ. Эти благія вліянія возвращали поэта къ альтруизму первыхъ пѣсенъ „Гарольда", по его же словамъ лишь скрытому потомъ, но никогда не изглаживавшемуся; они подняли и развили лучшія стороны его духа и облагородили его творчество. Въ этомъ настроеніи онъ могъ создать „Манфреда", „Шильонскаго узника", своего „Прометея"; въ такое рѣдкое сочетаніе входитъ третья пѣснь „Паломничества", счастливо противополагаясь въ этомъ двумъ своимъ предшественницамъ, явившимся одиночнымъ починомъ случайно напавшаго на путь свой геніальнаго юноши. Теперь это зрѣлый художникъ, овладѣвшій средствами своего искусства, способный по прежнему пренебречь иногда мелочами формальной стороны, строгой правильностью стиха, но достигающій несмотря на эти недочеты, наряду съ плѣнительными и меланхолическими красотами, сильныхъ и величественныхъ эфектовъ. Онъ сталъ терпимѣе и воспріимчивѣе относительно внѣшнихъ вліяній. Несомнѣнно на него подѣйствовалъ Шелли*), но онъ же научилъ Байрона цѣнить такого живописца природы, *какъ Вордсвортъ*, надъ чьимъ реализмомъ когда-то онъ такъ зло подсмѣялся въ „Англійскихъ бардахъ"; почудились Байрону красоты и у другого изъ поэтовъ „озерной школы", Кольриджа, не менѣе враждебно относившагося къ нему, и онъ свободно усвоилъ одинъ мотивъ изъ оригинальной его поэмы „Christabel", столь увлекавшей впослѣдствіи Пушкина. Но вліянія и отголоски ни въ чемъ не ослабили самостоятельной силы поэта, выразившейся такъ ярко въ третьей пѣснѣ „Гарольда", что вплоть до появленія „Донъ-Жуана" самъ Байронъ считалъ ее лучшимъ своимъ произведеніемъ.

Снова, какъ прежде, ее составили два элемента, впечатлѣнія и описанія пути, и лирическая исповѣдь въ чувствахъ и помышленіяхъ. Внѣшняя занимательность перваго изъ нихъ убавилась; теперь не было уже той пестроты красокъ невѣдомыхъ, далекихъ краевъ, той разноплеменной толпы, которая служила привлекательнымъ фономъ картины. Маршрутъ гораздо короче,—отъ Брюсселя и Ватерлоо, вверхъ

*) Вліяніе это изучено въ книгѣ Gillardon, «Shelley's Einwirkung auf Byron.» Karlsruhe, 1898.

къ Рейну, въ Швейцарію, съ быстрымъ переѣздомъ черезъ нѣмецкую ея часть къ Женевскому озеру; нѣсколько картинъ его [illegible], изображеніе бури на его водахъ и въ окрестныхъ горахъ,—путь конченъ, влекутъ уже манитъ странника къ себѣ Италія и разсказъ, дописанный къ тому же [illegible] (на перепутьѣ, въ Ouchy подъ Лозанной 27 іюня 1816 г.), снова обрывается. Не [illegible] описаніе сильно заинтересовавшаго Байрона величавыми впечатлѣніями путешествія въ бернскій Оберландъ, сжато занесеннаго имъ въ свой дорожный дневникъ,—и здѣсь оно существенными своими чертами, картинами альпійской природы, вѣчныхъ снѣговъ, составило обстановку душевной драмы Манфреда. Да, невелика и не разнообразна была путевая часть новой пѣсни „Паломничества", но отдѣльныя ея сцены, содѣйствуя тому круговороту, который долженъ замѣнять субъективное общимъ и лирику пейзажемъ, съ другой стороны даютъ въ свою очередь богатую пищу для размышленій и заявленія взглядовъ. Посѣщеніе ватерлооскихъ полей (всего черезъ годъ послѣ битвы), превратившихся въ тучныя хлѣбныя нивы,—„какъ будто кровавый дождь, оросивъ ихъ, подготовилъ чудесную жатву" (невольно вспоминается древнерусское сравненіе, въ „Словѣ о полку Игоревѣ", битвы съ страшнымъ посѣвомъ, политымъ кровью),—это посѣщеніе, подобно блужданію молодого Байрона по полямъ Маратонскимъ, наводитъ его на думы о войнѣ, о ничтожествѣ воинственной славы, о вѣковѣчной терпимости человѣчества къ массовымъ истребленіямъ людей; оно приводитъ нетолько къ подробной и живой картинѣ боя, которой предпослана даже вступительная сценка разогнаннаго первыми выстрѣлами брюссельскаго бала, но и къ всемірно-историческому суду надъ величіемъ и героизмомъ завоевателей, къ опыту оцѣнки личности Наполеона (одному изъ многихъ у Байрона, произнесшаго окончательный приговоръ надъ французскимъ императоромъ лишь въ четвертой пѣснѣ „Гарольда"), къ рѣзкой характеристикѣ „безумія", увлекающаго на арену исторіи честолюбіе государственныхъ людей, царей, религіозныхъ вождей, творцовъ системъ, войнолюбивыхъ бардовъ, наконецъ къ старой, но все болѣе крѣпнущей въ Байронѣ скорбной думѣ о тщетѣ и бренности всего выдающагося и могучаго. Отъ бельгійскаго ландшафта мы отходимъ безконечно далеко; среди племенъ и эпохъ выступаетъ задумчивый образъ самого поэта; это онъ ввелъ подъ вліяніемъ только что пережитаго въ свое изложеніе поразительную притчу о разбитомъ зеркалѣ, сохраняющемъ въ безчисленныхъ осколкахъ своихъ черты отраженнаго въ немъ несчастнаго лица; это личное оправданіе, хотя и приданное Наполеону,—что „для натуръ стремительныхъ спокойствіе—адъ".

И такъ всюду, во всѣхъ путевыхъ картинахъ этой главы. Нѣжные рейнскіе пейзажи, съ умысломъ введенные вслѣдъ за воинственными сценами и историческими думами, успокоиваютъ, манятъ къ простому и мирному строю жизни, но среди нихъ именно и слышится вдругъ вызванная лаской и дружелюбіемъ встрѣтившихъ Байрона у Драхенфельза съ цвѣтами дѣвушекъ импровизація, обращенная къ любимой сестрѣ; разрушенная людскою злобой гармонія выступаетъ наглядно и болѣзненно,—и дневникъ туриста превращается въ грустную страницу автобіографіи. Паломничество къ памятнымъ мѣстамъ творческой или общественной дѣятельности прежнихъ временъ, окаймившимъ Женевское озеро, напомнивъ о Вольтерѣ, Жанъ-Жакѣ Руссо-Гиббонѣ, воскрешаетъ образы этихъ „гигантскихъ умовъ" (gigantic minds), создаетъ живые ихъ образы, устанавливаетъ связь между дѣятельностью, отнынѣ предстоящей Байрону, и великими предшественниками, и тѣмъ вводитъ въ кругъ идей, развитыхъ въ поэмѣ, преемственную солидарность вождей мысли. Но этого мало,—воспоминаніе о Руссо связано съ оцѣнкой сильнаго и долгаго вліянія его на умы, отраженія его идей на задачахъ великой французской революціи; слышится строгій приговоръ надъ ея ошибками и недосмотрами, способными привести къ водворенію реакціи; гнѣвъ на господство мрака потрясаетъ поэта; „этого нельзя вытерпѣть, и этого не потерпятъ!" восклицаетъ онъ, предсказывая затѣмъ близость новаго, глубокаго переворота. Поводъ, поданный эпизодомъ путешествія, привелъ здѣсь къ одному изъ наиболѣе радикальныхъ заявленій поэта.

Если выдающіяся впечатлѣнія странствія способны вызывать въ немъ такую энергическую дѣятельность мысли, то затмившая своими красотами блескъ и яркія краски южныхъ странъ природа сама по себѣ, въ своей внутренней, одухотворенной жизни, возбуждаетъ его къ новому проявленію нетолько великаго таланта поэтическаго пей-

зажиста, но и къ небывалому у него подъему философскаго, почти религіознаго преклоненія передъ природой и сліянія съ нею. Въ сферѣ живописи съ натуры, конечно, превосходны картины звѣздной, тихой ночи на озерѣ, или бѣшенства горной бури, или трогательной, идиллической тишины въ Кларанѣ и на берегахъ Рейна. Но онѣ блѣднѣютъ передъ паѳосомъ обоготворенія природы. Теперь поэтъ чувствуетъ міровую жизнь, свое единство съ вселенской душой; онъ не допускаетъ мысли объ одиночномъ своемъ существованіи,—вѣдь, онъ часть *всего*. „Развѣ горы, моря, небеса, не часть моей души, и я не часть ихъ?" восклицаетъ онъ. „Горы—его друзья", „тамъ, гдѣ рокочетъ океанъ—его родной пріютъ"; какъ древній халдей-звѣздочетъ, готовъ онъ молиться звѣздамъ, „поэтической мечтѣ небесъ"; снѣжные великаны высятся передъ нимъ, какъ „дворцы природы". Въ чудномъ уединеніи среди великаго, сильнаго, вѣчнаго, онъ долженъ возродиться, „лучшія стороны духа, скрытыя, но не подавленныя, здѣсь снова оживутъ". Онъ вернется къ людямъ съ иными чувствами и мыслями: они и понять не могутъ, что „удаляться отъ людей не значитъ презирать, ненавидѣть ихъ". Уже сказался происшедшій въ немъ переломъ. Раскаты грома и бури невольно сравнилъ онъ, какъ бывало, съ своими душевными бурями, но онъ не отдается этимъ терзаніямъ, онъ рвется теперь къ живой дѣятельности, томится сознаніемъ, что не сможетъ все высказать, все выразить, „душу, сердце, умъ, страсти, то, къ чему когда-либо стремился, чего онъ жаждетъ, что знаетъ, чувствуетъ, выноситъ". „Еслибъ онъ все это могъ заключить въ одномъ словѣ, и это слово было бы *молнія*, онъ произнесъ бы его". Такъ съ поэзіею природы тѣсно связанъ опечатлѣвшійся въ третьей пѣснѣ „Гарольда" переходъ Байрона къ дѣятельной жизни во имя освобождающихъ человѣчество идеаловъ, превращеніе его изъ мятежнаго титана въ одного изъ „пилигримовъ къ вѣчности" (pilgrims o'er Eternity), которыхъ онъ такъ величественно изобразилъ. Возвраты горя, въ родѣ тѣхъ глубоко грустныхъ обращеній къ разлученной съ нимъ навсегда маленькой дочкѣ Адѣ, которыя начинаютъ и заканчиваютъ собою третью пѣснь (совершенно вразрѣзъ съ общимъ ходомъ повѣствованія), не въ силахъ измѣнить въ чемъ либо его рѣшенія начать новую жизнь.

Вскорѣ послѣ того, какъ написаны были послѣднія строки швейцарской пѣсни „Гарольда", *паломничество* его автора возобновилось. Италія, чье радужное видѣніе блеснуло въ концѣ разсказа, маня къ себѣ, предстала передъ нимъ. Совершенъ былъ, полный новыхъ красотъ, перевалъ черезъ Альпы, раскинулась ломбардская долина, показались первые большіе итальянскіе города, Миланъ, Верона, съ памятниками изящной культуры, съ блескомъ и возбужденностью національнаго темперамента жителей, прикрывавшими политическую зависимость и чужеземный гнетъ, съ чудесами поэзіи, музыки, женской красоты,—наконецъ, во всей своей сказочной оригинальности, Венеція, скоро завлекшая въ свои сѣти давно мечтавшаго о ней поэта, закруживъ его въ водоворотѣ своей безпечной и порочной жизнерадостности. Впечатлѣній снова было множество; одна уже смѣна величавой альпійской панорамы иною, нѣжащей природой, возвращавшей къ испытаннымъ въ юности сильнымъ ощущеніямъ, не могла пройти не перечувствованною. Контрастъ былого величія съ современнымъ упадкомъ и рабствомъ Италіи также освѣжалъ одинъ изъ привычныхъ байроновскихъ мотивовъ, всегда возбудительно дѣйствовавшихъ на поэта. Но муза его безмолвствовала; *этой* части путешествія, вводившей въ новый міръ, не суждено было войти въ составъ „Паломничества". Гарольдъ, казалось, снова преданъ былъ забвенію. Судя по внѣшности, то же забвеніе постигло и великое, благородное рѣшеніе, которое въ свѣтлый швейцарскій періодъ открывало передъ поэтомъ будущность подвижника свѣта и свободы. Венеціанская нѣга, заманчивая, легко вспыхивавшая любовь парализовали, казалось, силы и волю. Въ послѣдній разъ передъ замираніемъ разгорѣлись страстные инстинкты молодости. Духовное одиночество было большое. Возлѣ не было ни одного сильнаго духомъ человѣка, который могъ бы сколько нибудь помѣриться съ живительнымъ вліяніемъ Шелли. Между Байрономъ и итальянскими писателями еще не завязалось близкихъ отношеній; о существованіи обширной національной партіи дѣйствія онъ едва подозрѣвалъ. Въ эпикурействѣ первыхъ своихъ венеціанскихъ мѣсяцевъ онъ топилъ тоску, снова овладѣвшую имъ, недовольство на свою неустойчивость, грусть о потерянной будто бы жизни. Старое надвинулось на него, переживаемый искусъ дѣйствовалъ тяжело и

[illegible] въ суровому осужде-
[illegible] Венеціи, косвенной
[illegible] развитіи. Тяжелая
[illegible] благодаря плохой ги-
[illegible] его каналовъ и заразѣ,
[illegible] душевную подавлен-
[illegible] Выздоровленіе потребовало
[illegible] путешествія. Типическій
[illegible] странничества взялъ верхъ,
[illegible] женщина были на время
[illegible] странникомъ предстали
[illegible] средняя Италія во всемъ
[illegible] культуры, Флоренція,
[illegible] васились благодатныя впе-
[illegible] тоска и ѣдкое раздумье
[illegible] мыслями и влеченіями выс-
[illegible] вдохновеніе ожило,—вернув-
[illegible] сначала самъ не вѣрилъ
[illegible] продолжать „Гарольда“, даже
[illegible] существованіе какихъ
[illegible] набросковъ изъ римскаго
[illegible] потомъ строфы посыпались
[illegible], и въ двадцать шесть
[illegible] была (на байроновской виллѣ
[illegible] Бренты) четвертая и по-
[illegible] „Паломничества“.

[illegible] на то, что на рукописи,
[illegible] законченной 19 іюля 1817 г., по-
[illegible] дительной строфы поставлено
[illegible] восклицаніе—„Laus Deo!“
[illegible] въ знакъ отрады, что ко-
[illegible], послѣдней пѣснѣ предстояла
[illegible] судьба постепенно разро-
[illegible] послѣ этой вожделѣнной минуты.
[illegible] поэта вызывала, въ рамкѣ
[illegible] прошлаго, новые образы и обо-
[illegible] свободно сложившимися кра-
[illegible] это развитіе и приращеніе было
[illegible] Но, когда на байроновской виллѣ
[illegible] задержавшійся долѣе поэта въ
[illegible] Либрузъ, прочелъ рукопись, видимо
[illegible] ей возможно болѣе полнаго сти-
[illegible] описанія всего исторически до-
[illegible] ательнаго, чѣмъ они только что
[illegible], и съ авторитетомъ преданнѣй-
[illegible] и бывалаго спутника, еще со
[illegible] перваго байроновскаго путеше-
[illegible] посовѣтовалъ ввести въ поэму но-
[illegible] вставки и дополнительныя описанія,
[illegible] которыхъ сталъ усердно собирать
[illegible] въ библіотекахъ Венеціи, это, вы-
[illegible] уже въ программѣ расширеніе
[illegible] пѣсни, достигшей необъятныхъ
[illegible], могло служить только ко вреду.
[illegible] съ 130 строфъ она дошла до 185
[illegible] развитіемъ подавила всѣхъ сво-
[illegible] шественницъ, взобравъ въ себя
необыкновенно разнообразный матеріалъ, литературный, историко-археологическій, художественно критическій (въ оцѣнкѣ памятниковъ искусства); временами прямо чувствуешь, что самому поэту стоило большихъ усилій разрабатывать тэмы, къ которымъ онъ не чувствуетъ особой склонности. Такъ, посѣщая галлереи Флоренціи и Рима, онъ съ трудомъ анализировалъ свои впечатлѣнія, и все видѣнное сливалось у него въ общее представленіе красоты. Съ большою искренностью признается онъ (строфа 61) въ томъ, что цѣнить и понимать величіе природы для него сроднѣе и доступнѣе, чѣмъ формулировать оцѣнки памятниковъ искусства—и, несмотря на это, онъ не считаетъ возможнымъ воздержаться. Зато необходимость заставила его обращаться къ книжнымъ источникамъ, особенно къ „Письмамъ“ Дюпати объ Италіи (1788). То же испытывалъ онъ по отношенію къ тѣмъ изъ историческихъ достопамятностей, которыя не увлекли, не потрясли его, но все же значились въ программѣ. Но когда стансы вырывались изъ глубины сильнаго душевнаго движенія, когда видъ статуи умирающаго гладіатора вызвалъ и поразительный по рельефности образъ, и рядъ глубокихъ размышленій, приравнявшихъ собственную судьбу поэта къ участи античнаго бойца, слагалось удивительное украшеніе поэмы.

Въ письмахъ къ близкимъ людямъ, характеризующихъ четвертую пѣснь „Паломничества“, Байронъ оттѣнялъ ея различіе отъ третьей тѣмъ, что она „гораздо менѣе метафизична“, что онъ, отойдя отъ пріемовъ Шелли и Вордсворта, замѣнилъ ихъ новыми. Если значительную долю новизны видѣть въ обширномъ развитіи описательной стороны, въ которой съ поэтическими, привычными въ большей части „Чайльдъ-Гарольда“, картинами спорятъ безстрастныя стихотворныя переложенія фактовъ, то значеніе этого новшества сомнительно. Сравнительно уже важнѣе поэтическая лѣтопись итальянскаго творчества, связанная съ посѣщеніемъ пепелищъ, могилъ или національныхъ памятниковъ великихъ стихотворцевъ прошлыхъ вѣковъ,—лѣтопись, въ которой сіяютъ имена Данта, Петрарки, Боккачьо, Тасса, Аріоста,—символическое изображеніе того новаго очарованнаго міра, въ который вступилъ Байронъ со времени поселенія въ Италіи, и съ которымъ (въ особенности—въ культѣ Данта) его связалъ самый искренній энтузіазмъ. Поднимаясь еще выше и переходя къ сильному вдохновенію, вы-

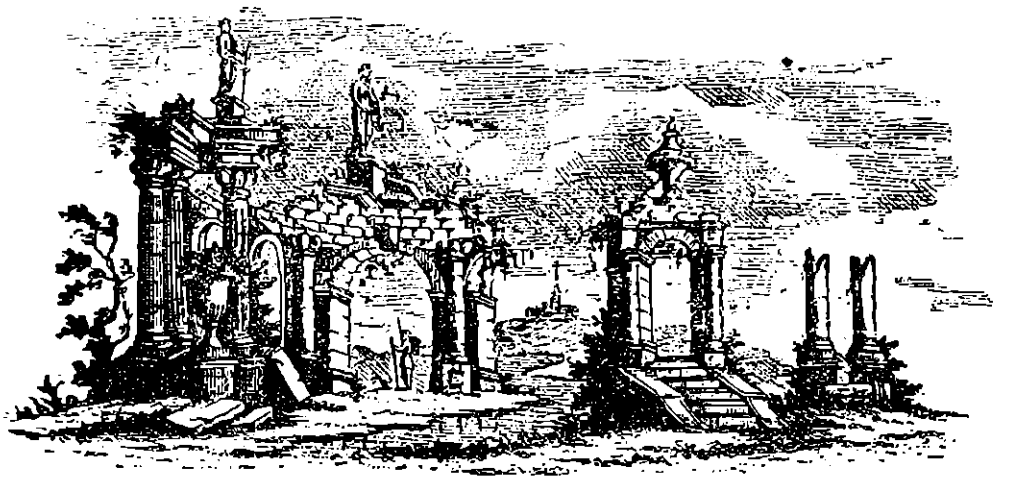
зываемому посѣщеніемъ и созерцаніемъ великой старины, читатель остановится въ изумленіи и сочувствіи передъ чуднымъ видѣніемъ стараго Рима, воскресающаго подъ перомъ поэта не въ отдѣльныхъ памятникахъ своихъ, но въ общемъ духѣ, въ образахъ, передъ которыми блѣднѣютъ и тѣ строфы о Венеціи, ея прошломъ и настоящемъ (предметѣ, слишкомъ хорошо извѣстномъ Байрону), которыя открываютъ собою главу. Въ послѣдній разъ въ поэмѣ, но съ большей, чѣмъ когда либо силой, выступаетъ міровой контрастъ величія и разрушенія: съ деспотизмомъ Рима связывается оцѣнка новѣйшей наполеоновской тиранніи. Мы снова на широкой аренѣ всемірной исторіи, міровыхъ вопросовъ, міровой скорби. Но вѣдь это возвратъ къ „метафизикѣ", это прежняя, прекрасная, еще болѣе умудренная жизненнымъ опытомъ, поэтическая манера...

Въ ней, въ развитіи той преемственности идей, стремленій, думъ, которая одна можетъ связывать разрозненныя части „Паломничества",—настоящее значеніе четвертой пѣсни. Искреннее сочувствіе къ Италіи, къ „итальянской идеѣ" не можетъ не привлекать къ ней, хотя въ другихъ произведеніяхъ Байрона оно разработано съ еще большимъ могуществомъ. Но глубокій, потрясающій интересъ составляютъ тѣ новыя, надушевныя ноты, которыя даютъ взглянуть во внутренній міръ многоиспытаннаго странника, блуждающаго по стогнамъ былого въ раздумьѣ, словно „развалина среди развалинъ",—которыя показываютъ намъ его то въ минуту его призыва къ Немезидѣ, когда онъ грозитъ ополчившимся противъ него людямъ самымъ тяжелымъ своимъ проклятіемъ,—прощеніемъ,—то въ его обращеніи къ „матери-землѣ" и къ небу, которыхъ онъ зоветъ въ свидѣтели,—то въ поворотѣ его настроенія къ надеждѣ на поэтическое безсмертіе, къ сознанію, что онъ „жилъ не даромъ", что пока будутъ раздаваться звуки его родного языка, завѣты поэта не перестанутъ разноситься по свѣту,—то въ его горячей вѣрѣ въ торжество свободныхъ идей, вѣрѣ, поддержанной энтузіазмомъ Шелли, и нашедшей лучшее свое выраженіе въ прекрасной метафорѣ „знамени свободы, разорванномъ, пострадавшемъ, но съ бурною силой несущемся *противъ* вѣтра".

Этими новыми изліяніями лирической исповѣди обрывается, на этотъ разъ навсегда, нить поэмы. Естественно возникающій вопросъ, почему именно здѣсь ей суждено было оборваться, а не продлиться неопредѣленно на другія странствія, разрѣшается тѣмъ, что первоначальный замыселъ, связанный съ мотивомъ путешествія, уже ослабѣлъ и изветшалъ къ данному времени, тогда какъ лирическій элементъ переросъ его. Для этого же важнѣйшаго элемента одинаково открыты были иные пути проявленія. Дѣйствительно, пора было остановиться; послѣ прелестнаго видѣнія съ горнаго гребня въ Альбано, когда вдали показался старинный любимецъ Байрона, океанъ, удобно было прервать разсказъ на сильно приподнятомъ настроеніи.

Праздныя попытки такихъ недальновидныхъ подражателей Байрона, какъ Ламартинъ или князь Вяземскій, сильно агитировавшій въ томъ же смыслѣ, подбивая Пушкина и Жуковскаго къ работѣ—попытки продолжить, окончить „Паломничество Чайльдъ-Гарольда", выдать подъ своимъ именемъ пятую, послѣднюю часть поэмы, совершенно несостоятельны въ самой сущности своей. „Паломничество" дорого и потомству во всей своей неправильности, незаконченности, вѣчныхъ переходахъ и извилинахъ содержанія, дорого поэтической мощью, великой душевной правдой, художественными красотами и неизмѣнной, глубокой человѣчностью.

Алексѣй Веселовскій.



Предисловіе къ 1 и 2 пѣснѣ.

«L'univers est une espèce de livre, dont on n'a lu que la première page quand on n'a vu que son pays. J' en ai feuilleté un assez grand nombre, que j'ai trouvé également mauvaises. Cet examen ne m'a point été infructueux. Je haissais ma patrie. Toutes les impertinences des peuples divers, parmi lesquels j'ai vécu, m'ont réconcilié avec elle. Quand je n'aurais tiré d'autre bénéfice de mes voyages que celui-là, je n'en regretterais ni les frais ni les fatigues». — Le Cosmopolite.

Нижеслѣдующая поэма была написана большею частью среди той природы, которую она пытается описать. Она начата была въ Албаніи, а все относящееся къ Испаніи и Португаліи составлено по личнымъ впечатлѣніямъ автора, вынесеннымъ изъ пребыванія его въ этихъ странахъ—вотъ что слѣдуетъ установить относительно вѣрности описаній. Пейзажи, которые авторъ пытается обрисовать, находятся въ Испаніи, Португаліи, Эпирѣ, Акарнаніи и Греціи. На этомъ поэма пока останавливается; по пріему, оказанному ей, авторъ рѣшитъ, слѣдуетъ ли ему повести за собой читателей далѣе, въ столицу Востока, черезъ Іонію и Фригію; настоящія двѣ пѣсни написаны только въ видѣ опыта.

Для того, чтобы придать поэмѣ нѣкоторую связность, въ ней изображенъ вымышленный герой—лицо, совершенно не претендующее однако на выдержанность и цѣльность. Мнѣ сказали друзья, мнѣніемъ которыхъ я очень дорожу, что меня могутъ заподозрить въ намѣреніи изобразить въ „Чайльдъ-Гарольдѣ“ опредѣленное, существующее въ дѣйствительности лицо; въ виду этого, я считаю своимъ долгомъ разъ навсегда опровергнуть такое предположеніе: Гарольдъ—дитя воображенія, созданное указанной мною цѣлью. Нѣкоторыя мелкія подробности, чисто мѣстнаго характера, могутъ дать поводъ къ такому предположенію, но въ цѣломъ я, надѣюсь, не далъ никакого основанія для подобнаго сближенія.

Считаю почти лишнимъ указать на то, что названіе „Чайльдъ“ въ именахъ „Чайльдъ-Ватерсъ“, „Чайльдъ-Чильдерсъ“ и т. д. я употребляю потому, что оно соотвѣтствуетъ старинной формѣ стихосложенія, избранной мною для поэмы. Пѣсня „Проспъ“

(Good Night) въ началѣ первой пѣсни навѣяна пѣсней „Lord Maxwell's Good Night" въ Border Minstrelsy, сборникѣ, изданномъ г. Скоттомъ.

Въ первой пѣснѣ, гдѣ говорится объ Испаніи, могутъ встрѣтиться нѣкоторыя незначительныя совпаденія съ различными стихами, написанными на испанскіе сюжеты, но совпаденія эти только случайныя, такъ какъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ заключительныхъ строфъ, вся эта часть поэмы была написана на Востокѣ.

Спенсеровская строфа, какъ это доказываетъ творчество одного изъ нашихъ наиболѣе чтимыхъ поэтовъ, допускаетъ самое разнообразное содержаніе. Д-ръ Беатти говоритъ по этому поводу слѣдующее:—

„Недавно я началъ писать поэму въ стилѣ Спенсера и его размѣромъ, и собираюсь дать въ ней полную волю своимъ настроеніямъ, быть или комичнымъ или восторженнымъ, переходить отъ спокойно описательнаго тона къ чувствительному, отъ нѣжнаго къ сатирическому—какъ вздумается, потому что, если я не ошибаюсь, избранный мною размѣръ одинаково допускаетъ всѣ роды поэзіи". Находя подтвержденіе у такого авторитетнаго судьи и имѣя за себя примѣръ нѣкоторыхъ величайшихъ итальянскихъ поэтовъ, я не считаю нужнымъ оправдываться въ томъ, что ввелъ подобное же разнообразіе въ мою поэму; и если мои попытки не увѣнчались успѣхомъ, то въ этомъ слѣдуетъ винить только неудачное выполненіе замысла, а не строеніе поэмы, освященное примѣрами Аріосто, Томсона и Беатти.

Лондонъ, февраль 1812 года.

Дополненіе къ предисловію.

Я выждалъ, пока большинство нашихъ [illegible]ическихъ изданій посвятило мнѣ обычное количество критическихъ статей. Противъ справедливости большинства отзывовъ я не имѣю ничего возразить: мнѣ было-бы не къ лицу спорить противъ легкихъ осужденій, высказанныхъ мнѣ, потому что въ общемъ ко мнѣ отнеслись болѣе доброжелательно, чѣмъ строго. Поэтому, выражая всѣмъ и каждому благодарность за снисходительность ко мнѣ, я рѣшаюсь сдѣлать нѣсколько замѣчаній только по одному пункту. Среди многихъ справедливыхъ нападокъ на неудовлетворительность героя, „странствующаго юнаго рыцаря“ я продолжаю настаивать, наперекоръ всѣмъ противоположнымъ намекамъ, что это вымышленное лицо), указывалось на то, что помимо анахронизма, онъ еще къ тому же совершенно не похожъ на рыцаря, такъ какъ времена рыцарства были временами любви, чести, и т. д. Но дѣло въ томъ, что доброе старое время, когда процвѣтала „l'amour du bon vieux temps, 'amour antique“, было самымъ разнузданнымъ изъ всѣхъ вѣковъ. Тѣ, кто въ этомъ сомнѣваются, пусть прочитаютъ Сентъ-Палэ (Sainte Palaye), passim, и въ особенности томъ II-й, стр. 69. Обѣты рыцарства не болѣе соблюдались тогда, чѣмъ всякіе обѣты вообще, а пѣсни трубадуровъ были не болѣе пристойны и во всякомъ случаѣ гораздо менѣе изысканны по тону, чѣмъ пѣсни Овидія. Въ такъ называемыхъ „cours d'amour, parlemens d'amour ou de courtésie et de gentilesse“ любви было больше, чѣмъ учтивости или деликатности. Это можно провѣрить по Роланду, также какъ и по Сентъ-Палэ. Можно дѣлать какіе угодно упреки очень непривлекательному Чайльдъ-Гарольду, но во всякомъ случаѣ онъ былъ настоящимъ рыцаремъ по своимъ качествамъ—„не трактирный слуга, а рыцарь-тэмпліеръ“. Кстати сказать, я боюсь, что сэръ Тристанъ и сэръ Ланселотъ были тоже не лучше, чѣмъ ихъ современники, хотя они и очень поэтичны, и настоящіе рыцари „безъ страха“, хотя и не „безъ упрека“. Если исторія объ основаніи ордена подвязки не басня, то рыцари этого ордена носили въ теченіе многихъ вѣковъ знакъ памяти о какой-нибудь графинѣ Саллюсбюри, извѣстность которой довольно сомнительна. Вотъ что можно сказать о рыцарствѣ. Бёркку нечего было жалѣть о томъ, что рыцарскія времена прошли, хотя Марія Антуанета была столь же цѣломудренна, какъ большинство тѣхъ, въ чью честь ломались копья и сшибались съ коней рыцари.

Еще до временъ Баярда и до поры сэра Іосифа Банкса (самаго цѣломудреннаго и самаго знаменитаго рыцаря древнихъ и новыхъ временъ) мало найдется исключеній изъ этого общаго правила, и я боюсь, что нѣсколько болѣе тщательное изученіе того времени заставитъ насъ не жалѣть объ этомъ чудовищномъ надувательствѣ среднихъ вѣковъ.

Я предоставляю теперь „Чайльдъ-Гарольда“ его судьбѣ такимъ, каковъ онъ есть. Было бы пріятнѣе и навѣрное легче изобразить болѣе привлекательное лицо. Нетрудно было бы затушевать его недостатки, заставить его больше дѣйствовать и меньше выражать свои мысли. Но онъ не былъ задуманъ, какъ образецъ совершенства; авторъ хотѣлъ только показать въ его лицѣ, что раннее извращеніе ума и нравственнаго чувства ведетъ къ пресыщенію минувшими удовольствіями и къ разочарованію въ новыхъ, и что даже красоты природы и возбуждающее дѣйствіе путешествій (за исключеніемъ честолюбія, самаго сильнаго стимула) не оказываютъ благотворнаго дѣйствія на такого рода душу,—или вѣрнѣе на умъ, направленный по ложному пути. Если бы я продолжилъ поэму, то личность героя, приближаясь къ заключенію, была бы углублена, потому что, по моему замыслу, онъ долженъ былъ бы, за нѣкоторыми исключеніями, стать современнымъ Тимономъ или, быть можетъ, опоэтизированнымъ Зелуко.

КЪ ІАНТѢ.

Средь дальнихъ странствій взоръ мой привлекали
Красавицъ чуждыхъ дивныя черты,
И въ легкомъ снѣ ко мнѣ порой слетали
Воздушныя созданія мечты:
Всѣхъ прелестью живой затмила ты.
Не разсказать мнѣ слабыми устами
О нѣжныхъ чарахъ юной красоты.
Ты у однихъ—сама передъ глазами,
Другихъ лишь обману я блѣдными строками.

Когда-бъ всегда осталась ты такой,
Сдержавъ весны цвѣтущей обѣщанье!
Прекрасная и тѣломъ и душой,—
Ты на землѣ самой любви мерцанье,
Невинная, какъ юное мечтанье...
Для той, что нѣжный ростъ твой сторожитъ,
Ты—словно чистой радуги сіянье...
Та радуга ей счастіе сулитъ.
Предъ красками ея далеко скорбь бѣжитъ.

О, пери Запада! Доволенъ я судьбою:
Ты молода, мнѣ-жъ вдвое больше лѣтъ.
Безтрепетно любуюсь я тобою,
Иной любви огня во взорахъ нѣтъ.
Я не увижу, какъ завянетъ цвѣтъ
Твоей красы. Не стану я склоняться
Средь жертвъ твоихъ безчисленныхъ побѣдъ.
Не будетъ сердце кровью обливаться.
Вѣдь безъ страданія часы любви не длятся...

Какъ взглядъ газели—взглядъ твоихъ очей,
То робокъ онъ, то смѣлостью сверкаетъ;
То манитъ онъ къ себѣ сердца людей,
То красотой глаза ихъ ослѣпляетъ.
Пускай-же онъ по строкамъ тѣмъ блуждаетъ,
Пускай улыбка, прелести полна,
Въ немъ промелькнетъ... Пусть сердце не узнаетъ,
Зачѣмъ тебѣ та пѣснь посвящена,
Но лилія въ вѣнокъ мой будетъ вплетена.

Что имя Іанты трудъ мой вдохновляло
Читатели Гарольда моего
Всѣ будутъ знать: оно стоитъ сначала,
Его въ концѣ забыть труднѣй всего...
Разбитой лиры друга своего,
Чья пѣснь теперь восторгомъ пламенѣетъ,
Потомъ коснись,—и больше ничего
Моя надежда ожидать не смѣетъ.
Ужели дружба правъ на это не имѣетъ?..

С. Ильинъ.

ДЕЛЬФИ (Delphi).

Рис. Кресуикъ (T. Creswick), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

ЧАЙЛЬДЪ-ГАРОЛЬДЪ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ Элладѣ ты слыла неборожденной,
О муза, дочь пѣвцовъ! Такъ много лиръ
Съ тѣхъ поръ терзало слухъ твой утомленный,
Что не дерзну я твой нарушить миръ...
Хоть видѣлъ я твой храмъ—обломки зданья
И твой ручей, что прерывалъ одинъ
Забытыхъ мѣстъ глубокое молчанье,
Чтобъ скромное вести повѣствованье,
Что усталыхъ музъ тревожить нѣтъ причинъ.

II.

Жилъ юноша въ Британіи когда то,
Который добродѣтель мало чтилъ;
Онъ дни свои влачилъ въ сѣтяхъ разврата
И ночи за пирами проводилъ;
Увы, разгулъ былъ для него кумиромъ;
Лишь предъ порокомъ онъ склонялся ницъ
И, презирая то, что чтится міромъ,
Доволенъ былъ лишь оргіей иль пиромъ,
Въ кругу развратниковъ и въ обществѣ блудницъ.

III.

Предъ вами Чайльдъ-Гарольдъ. Я не намѣренъ
Повѣдать вамъ, откуда велъ онъ родъ;
Но этотъ родъ былъ знатенъ, чести вѣренъ
И заслужилъ въ былые дни почетъ;
Но всякое преступное дѣянье
Потомка загрязняетъ предковъ честь
И обѣлить его не въ состояньи
Ни лѣтописца древнее сказанье,
Ни рѣчь оратора, ни пѣснопѣвца лесть.

IV.

Кружился въ свѣтѣ онъ, какъ на просторѣ
Кружится мотылекъ среди лучей;
Не могъ предвидѣть онъ, что злое горе
Его сразитъ нежданно въ цвѣтѣ дней;
Но вотъ година тяжкая настала:
Узналъ онъ пресыщенье, а оно,
Какъ чаша бѣдъ, приноситъ мукъ не мало.
Въ краю родномъ Гарольду тѣсно стало;
Такъ въ кельѣ схимнику и душно, и темно.

V.

Грѣховъ не искупая, онъ стезею
Преступной шелъ. Красивыхъ славя женъ,
Гарольдъ былъ очарованъ лишь одною,
Но съ ней, увы! не могъ сойтися онъ...
Какъ счастливо, что ласкою разврата
Не запятналъ онъ свѣтлый свой кумиръ:
Измѣна за любовь была бы платой.
Жену бъ онъ разорилъ безумствомъ траты
И вынесть бы не могъ семейной жизни миръ.

VI.

Пресыщенъ всѣмъ, утративъ счастья грезы,
Онъ видѣться съ друзьями пересталъ;
Въ его глазахъ порой сверкали слезы,
Но гордый Чайльдъ имъ воли не давалъ.
Объятъ тоской, бродилъ онъ одиноко,
И вотъ рѣшился онъ свой край родной
Покинуть, направляясь въ путь далекій;
Онъ радостно ударъ бы встрѣтилъ рока
И скрылся бъ даже въ адъ, ища среды иной.

VII.

Покинулъ Чайльдъ-Гарольдъ свой замокъ старый;
Подъ гнетомъ лѣтъ, казалось, рухнетъ онъ,
Его жъ щадили времени удары:
Держался онъ массивностью колоннъ.
Тамъ нѣкогда монахи обитали,
Теперь же суевѣрія пріютъ
Театромъ сталъ паѳосскихъ сатурналій;
Могли бъ подумать старцы, что настали
Ихъ времена опять, коль хроники не лгутъ.

VIII.

Порою, словно тайну вспоминая,
Измѣну иль погибшую любовь,
За пиршествомъ, нѣмую скорбь скрывая,
Сидѣлъ Гарольдъ, сурово хмуря бровь;
Но тайной оставалася тревога
Его души; друзьямъ онъ не ввѣрялъ
Завѣтныхъ думъ и шелъ своей дорогой,
Совѣтовъ не прося; страдалъ онъ много,
Но въ утѣшеніяхъ отрады не искалъ.

IX.

Хоть онъ гостей сзывалъ къ себѣ не мало
На пиршества, все жъ не имѣлъ друзей;
Льстецовъ и паразитовъ окружала
Его толпа; но можно ль вѣрить ей?
Его любили женщины, какъ мота:
Сокровища и власть плѣняютъ женъ
(При золотѣ мѣтка стрѣла Эрота);
Такъ рвутся къ свѣту бабочки; оплота
Тамъ ангелъ не найдетъ, гдѣ побѣдитъ Мамонъ.

X.

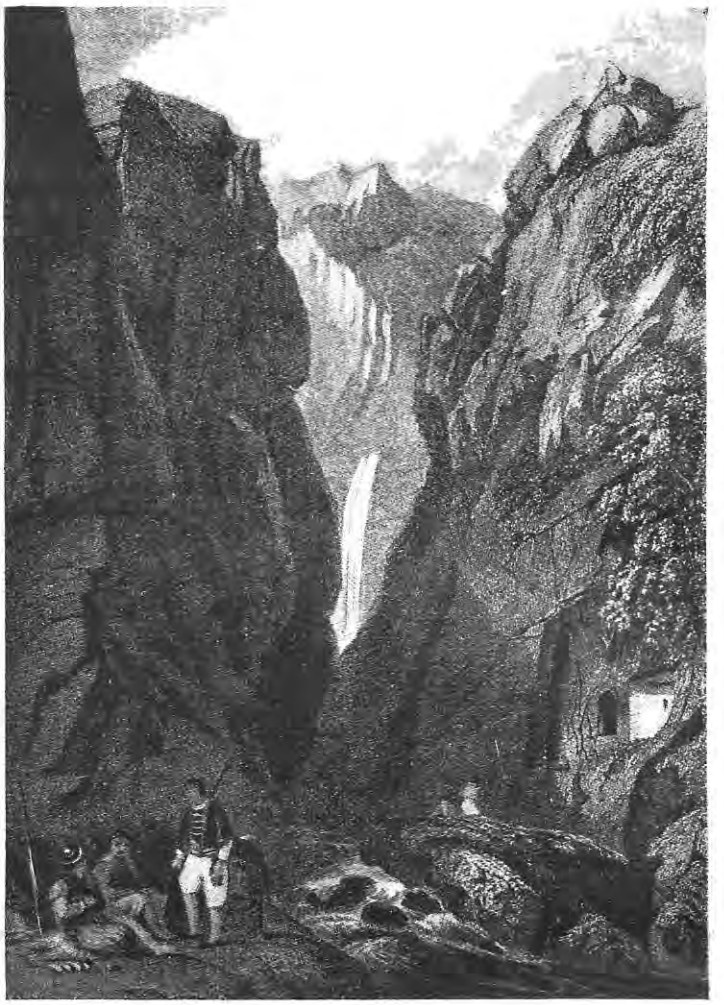
Гарольдъ не обнялъ мать, пускаясь въ море,
Съ любимою сестрой въ отъѣзда часъ
Не видѣлся; души скрывая горе,
Уѣхалъ онъ, съ друзьями не простясь;
Не потому онъ избѣгалъ свиданья,
Что былъ и твердъ, и холоденъ, какъ сталь,
Нѣтъ! Кто любилъ, тотъ знаетъ, что прощанья
Усугубляютъ муку разставанья...
Лишь горестнѣй нестись съ разбитымъ сердцемъ въ даль.

XI.

Богатыя владѣнья, замокъ старый
Покинулъ онъ безъ вздоховъ и безъ мукъ,
Голубоокихъ дамъ, которыхъ чары,
Краса кудрей и бѣлоснѣжныхъ рукъ
Могли бъ легко отшельника святого
Ввести въ соблазнъ,—все то, что пищу дать
Порывамъ сладострастія готово...
Ему хотѣлось міръ увидѣть новый
И, посѣтивъ Востокъ, экваторъ миновать.

XII.

Надулись паруса; какъ будто вторя
Его желаньямъ, вѣтеръ рѣзче сталъ;
Поплылъ корабль, и скоро въ пѣнѣ моря
Безслѣдно скрылся рядъ прибрежныхъ скалъ.
Тогда въ душѣ Гарольда сожалѣнье
Проснулось, можетъ быть; но ничего
Онъ не сказалъ и скрылъ свое волненье.



ДЕЛЬФИ (Delphi).
Рис. Стэнфильдъ (C. Stanfield), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

Онъ твердымъ оставался въ то мгновенье,
Какъ малодушный плачъ звучалъ вокругъ
него.

XIII.

Въ вечерній часъ, любуяся закатомъ,
Онъ арфу взялъ; подъ бременемъ тревогъ
Любилъ онъ волю дать мечтамъ крылатымъ,
Когда никто внимать ему не могъ;
И вотъ до струнъ коснувшися рукою,
Прощальную онъ пѣсню затянулъ,
Въ то время, какъ корабль, въ борьбѣ съ
волною,
Катился въ даль, и, одѣваясь тьмою,
Его любимый край въ пучинѣ водъ тонулъ.

1.

Прости! Родимый берегъ мой
Въ лазури тонетъ волнъ;
Бушуетъ вѣтръ, реветъ прибой;
Крикъ чайки грусти полнъ.
Въ пучинѣ солнце гаситъ свѣтъ;
За нимъ намъ вслѣдъ идти;
Обоимъ вамъ я шлю привѣтъ!
Мой край родной, прости!

2.

Насъ ослѣпитъ зари краса,
Лишь міръ простится съ тьмой;
Увижу море, небеса,
Но гдѣ жъ мой край родной?

Мой замокъ пустъ; потухъ очагъ;
Весь дворъ травой заросъ;
Уныло воетъ въ воротахъ
Покинутый мной песъ...

3.

—Малютка пажъ! подъ гнетомъ думъ
Ты плачешь, горя полнъ;
Тебя страшитъ ли вѣтра шумъ,
Иль грозный ропотъ волнъ?
Не плачь! Корабль надеженъ мой...
Онъ быстро мчится въ даль,
За нимъ и соколъ нашъ лихой
Угонится едва ль.

4.

„Пускай бушуетъ шквалъ, ревя,—
Я бури не боюсь!
Но не дивись, сэръ Чайльдъ, что я
И плачу и томлюсь.
Съ отцомъ и съ матерью роднсй
Разстаться ль безъ тревогъ?
Моей опорою одной
Остались ты да Богъ!

5.

Благословилъ отецъ меня,
Но слезы могъ сдержать;
Пока жъ не возвращуся я,
Все будетъ плакать мать".
—Пусть скорбь мрачитъ твои черты.
Дитя! когда бъ я былъ
Душой невинной чистъ, какъ ты,
И я бы слезы лилъ.

6.

Ты блѣденъ, вѣрный мой слуга,
Тебя печаль гнететъ...
Боишься ль встрѣтить ты врага,
Боишься ль непогодъ?
—„О, нѣтъ, я съ страхомъ незнакомъ,
Онъ чуждъ душѣ моей;
Но жаль жены; покинувъ домъ,
Я все скорблю о ней.

7.

Она близъ замка твоего
Живетъ; что ей сказать,
Коль дѣти спросятъ, отчего
Съ отцомъ въ разлукѣ мать?"
—Ты правъ; понятна скорбь твоя,
Мнѣ жъ ничего не жаль...
Не такъ душою нѣженъ я
И мчусь со смѣхомъ въ даль.

8.

Коварнымъ вздохамъ лживыхъ женъ
Возможно ль вѣрить? Нѣтъ!
Измѣна, что для нихъ законъ,
Ихъ слезъ смываетъ слѣдъ.
Я не тужу о днѣ быломъ
И не страшуся гроз.
Больнѣй всего, что ни о чемъ
Не стоитъ лить мнѣ слезъ.

9.

Я одинокъ; средь волнъ морскихъ
Корабль меня несетъ;
Зачѣмъ мнѣ плакать о другихъ:
Кто жъ обо мнѣ вздохнетъ?
Мой песъ, быть можетъ, два, три дня
Повоетъ, да и тотъ,
Другимъ накормленный, меня
Укуситъ у воротъ.

10.

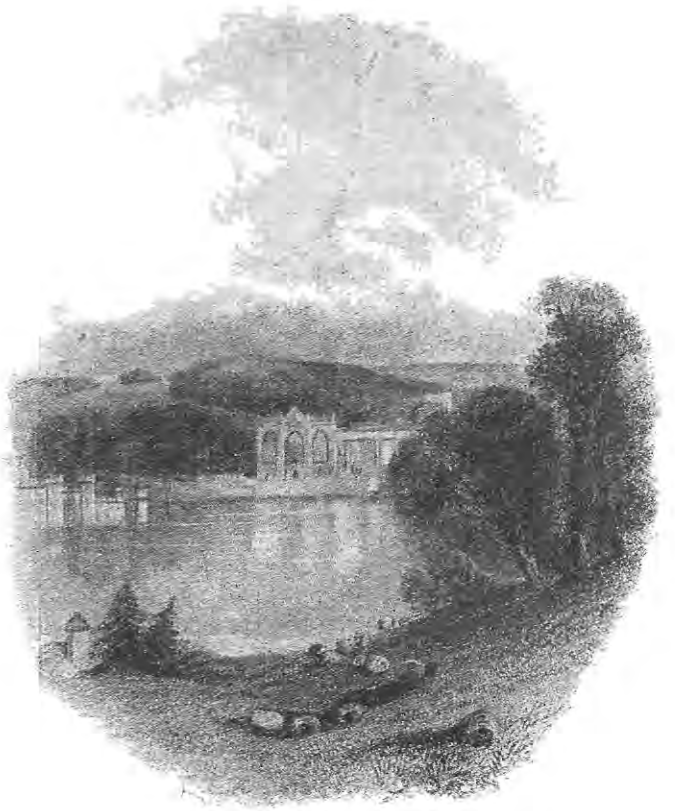
Корабль! валы кругомъ шумятъ...
Несися съ быстротой!
Странѣ я всякой буду радъ,
Лишь не странѣ родной.
Привѣтъ лазурнымъ шлю волнамъ!
И вамъ, въ концѣ пути,
Пещерамъ мрачнымъ и скаламъ!
Мой край родной, прости!

XIV.

Средь бурныхъ волнъ Бискайскаго залива
Плыветъ корабль; ужъ пятый день земли
Не видно; наконецъ, вотъ мигъ счастливый:
Желанный берегъ свѣтится вдали.
Здѣсь Цинтрскихъ горъ блеститъ хребетъ зубчатый;
Тамъ океану Таго дань несетъ;
Явился мѣстный лоцманъ провожатый
И Чайльдъ-Гарольдъ поплылъ къ странѣ богатой,
Гдѣ нивы тучныя даютъ обильный плодъ.

XV.

О Боже! благодатными дарами
Ты этотъ край волшебный надѣлилъ!
Въ садахъ деревья гнутся подъ плодами,
Въ его горахъ Ты міръ сокровищъ скрылъ;
Но разрушать то супостаты рады,
Что создалъ Ты: страну надменный врагъ
Поработилъ, не вѣдая пощады...
Брось на врага карающіе взгляды,
И побѣжденный галлъ повергнутъ будетъ въ прахъ.



„ТАМЪ НѢКОГДА МОНАХИ ОБИТАЛИ".
Рис. Кресуикъ (T. Creswick), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

XVI.

Своей неописуемой красою
Взоръ Лиссабонъ всегда плѣнить готовъ,
Волшебно отражаемый рѣкою,
Что чаръ полна и безъ прикрасъ пѣвцовъ.
Могучій флотъ по ней несется нынѣ:
Пришелъ спасти отъ галловъ Альбіонъ
Тѣхъ мѣстъ незащищенныя твердыни;
Но лузитанецъ дикъ и полнъ гордыни,—
Ту длань, что держитъ мечъ, съ проклятьемъ лижетъ онъ.

XVII.

Прелестный городъ, кажущійся раемъ
Издалека, вблизи совсѣмъ иной;
Войти въ него—и онъ неузнаваемъ;
Средь стѣнъ его туристъ объятъ тоской.
И хаты, и дворцы, всѣ безъ изъятья,
Купаются въ грязи; ихъ видъ убогъ.
Въ лохмотьяхъ и вельможъ, и нищихъ платье;
О чистотѣ такъ смутны ихъ понятья,
Что съ ней и страхъ чумы сроднить бы ихъ не могъ.

XVIII.

Кто не жалѣлъ, любуясь этимъ краемъ,
Что онъ принадлежитъ толпѣ рабовъ!
На Цинтру бросьте взоры; всякій съ раемъ
Тотъ свѣтлый уголокъ сравнить готовъ;
Вездѣ въ немъ дышетъ прелесть неземная
Но ни перу, ни кисти средства нѣтъ
Понятья дать о немъ; страна такая
Собою затмеваетъ кущи рая,
Что въ пламенныхъ стихахъ намъ описалъ поэтъ.

XIX.

Крутой утесъ съ красивымъ рядомъ келій;
Сожженный солнцемъ мохъ на скатахъ кручъ;
Лѣсъ, выросшій надъ бездной; мракъ ущелій,
Куда не проникаетъ солнца лучъ;

ЧАЙЛЬДЪ-ГАРОЛЬДЪ ВЪ СВОЕМЪ ЗАМКѢ. (Child Harold in his castle).
Рис. Паррисъ (E. T. Parris), грав. Бэконъ (F. Bacon).

Лимоновъ золотистые отливы;
Лазурь морской волны, что сладко спитъ;
Несущійся съ горы потокъ бурливый;
Здѣсь виноградъ, тамъ возлѣ рѣчки ивы,—
Все это тѣшитъ взоръ, сливаясь въ чудный видъ.

XX.

Тропинкою взберитесь до вершины
Крутой горы, гдѣ иноки живутъ;
Что шагъ впередъ—то новыя картины...
А вотъ и монастырь; васъ поведутъ
Осматривать его; монахи съ вѣрой
При томъ легендъ вамъ много сообщатъ:
Здѣсь смерть нашли за ересь лицемѣры,
А тамъ Гонорій жилъ на днѣ пещеры.
Онъ, чтобъ увидѣть рай, изъ жизни сдѣлалъ адъ.

XXI.

Средь этихъ мѣстъ встрѣчается не мало
Таинственныхъ крестовъ,—ихъ цѣлый рядъ;
Но тѣ кресты не вѣра воздвигала:
Они лишь объ убійствахъ говорятъ.
Обычай здѣсь на мѣстѣ преступленья,
Тамъ, гдѣ звучалъ послѣдній жертвы стонъ,
Досчатый ставитъ крестъ; не исключенья
Убійства тамъ, гдѣ, потерявъ значенье,
Не въ силахъ гражданъ жизнь оберегать законъ.

XXII.

По горамъ и доламъ здѣсь красовались
Чертоги королей, но дни чредой
Прошли, и что жъ?—руины лишь остались,
Заросшія кустами и травой.
Вотъ пышный замокъ принца. Здѣсь когда-то
И ты, Ватекъ, любившій роскошь бриттъ,
Дворецъ построивъ, зажилъ въ немъ богато...
Но ты забылъ, что отъ утѣхъ разврата
И сладострастья чаръ душевный миръ бѣжитъ.

XXIII.

Ты выбралъ, чтобъ предаться свѣтлымъ чарамъ
Земныхъ утѣхъ, тотъ чудный уголокъ,
Но, пораженный времени ударомъ,

Теперь, какъ тѣ, твой замокъ одинокъ.
Его порталы настежъ; пусты залы;
Отъ зарослей къ дворцу проѣзда нѣтъ.
О, Боже, какъ ничтожны мы и малы!
Придетъ пора: дворца какъ не бывало,
Проносятся года, его сметая слѣдъ...

XXIV.

А вотъ дворецъ, который съ гнѣвнымъ взглядомъ
Встрѣчаетъ бриттъ. Когда-то въ замкѣ томъ
Сбиралися вожди; рожденный адомъ,
Сидѣлъ тамъ карликъ-чортъ; одѣтъ шутомъ,
Пергаментною мантіей покрытый,
Въ рукѣ держалъ онъ свитокъ. Имена
Тамъ значились, что въ свѣтѣ знамениты;
Гордяся свиткомъ тѣмъ, съ враждой открытой
Надъ побѣдителемъ смѣялся сатана.

XXV.

Конвенціей онъ звался. Передъ свѣтомъ
Тамъ собранныхъ вождей онъ осрамилъ,
Смутилъ ихъ умъ (но грѣшенъ ли онъ въ этомъ?)
И радость бритта въ горе превратилъ.
Побѣдный лавръ попрали дипломаты;
Тотъ чудный лавръ, увы! носить не намъ
Съ тѣхъ поръ, какъ въ Лузитаніи богатой
Узнали мы, враговъ коварствомъ смяты,
Что побѣдителямъ, не побѣжденнымъ, срамъ.

XXVI.

При имени твоемъ блѣднѣютъ бритты,
О, замокъ Цинтры! Краскою стыда
Зардѣлись бы правителей ланиты,
Умѣй они краснѣть. Пройдутъ года
И все жъ потомство, полное презрѣнья,
Позора не забудетъ тѣхъ вождей,
Что, побѣдивъ, узнали пораженье...
Ихъ ожидаютъ въ будущемъ глумленья
И гнѣвный приговоръ суда грядущихъ дней.

XXVII.

Такъ думалъ Чайльдъ, одинъ бродя по горамъ;
Хоть мѣстностью былъ очарованъ онъ,
Но все же объ отъѣздѣ думалъ скоромъ:
Такъ вѣкъ порхать для ласточки законъ.
Тяжелыхъ думъ онъ здѣсь извѣдалъ много
И пожалѣлъ нѣмой тоской объятъ,
Что долго шелъ грѣховною дорогой;
Къ проступкамъ онъ своимъ отнесся строго;
Отъ свѣта истины померкъ Гарольда взглядъ.

„МОЙ КРАЙ РОДНОЙ ПРОСТИ".
(My native land- good night)
Рис. Мадокса Брауна (Ford Madox Brown).

XXVIII.

Верхомъ! верхомъ! — онъ крикнулъ и поспѣшно
Прелестной той страны покинулъ кровъ;
Но онъ ужъ не влекомъ мечтою грѣшной:
Не ищетъ ни любовницъ, ни пировъ...
Несется онъ таинственной дорогой,
Не вѣдая, гдѣ пристань обрѣтетъ;
Онъ по свѣту скитаться будетъ много;
Не скоро въ немъ уляжется тревога,
Не скоро съ опытомъ знакомство онъ сведетъ.

XXIX.

Вотъ Мафра, гдѣ, судьбы узнавъ измѣну,
Царица Лузитаніи жила;
Тамъ оргіи обѣднямъ шли на смѣну
И дружбу знать съ монахами вела.
Блудницы Вавилона свѣтлый геній
Съумѣлъ такой воздвигнуть здѣсь чертогъ,
Что рядъ ей совершенныхъ преступленій
Забытъ толпою; люди гнутъ колѣни
Предъ блескомъ роскоши, что золотитъ порокъ.

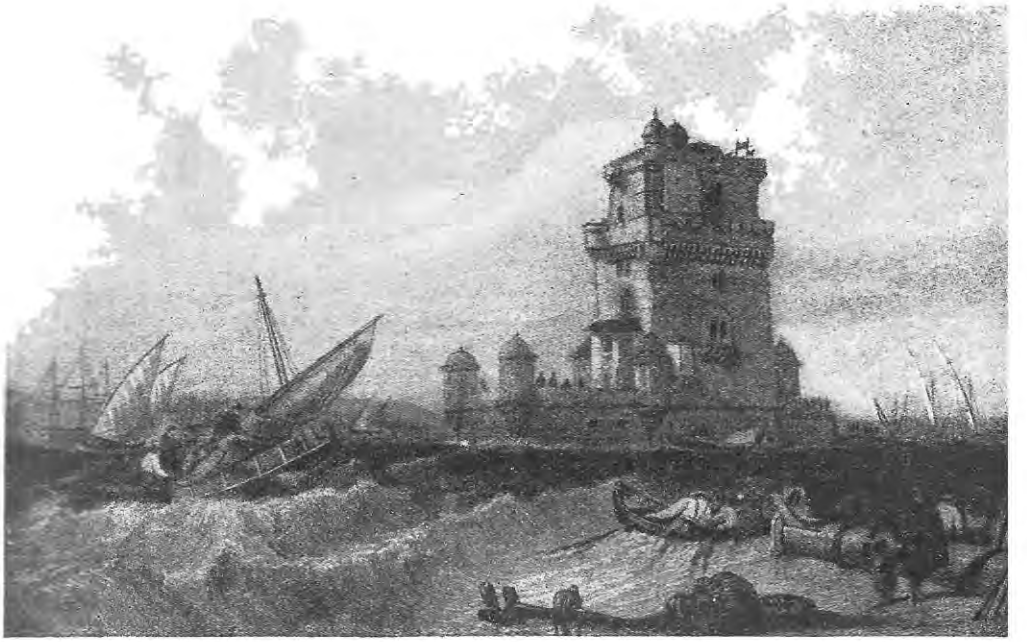
ЛИССАБОНЪ (общій видъ съ форта Альмейда). (Lissbon, from Port Almeida).
Рис. Стэнфильдъ (C. Stanfield), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

XXX.

Гарольдъ впередъ несется, очарованъ
Красой холмовъ, ущелій и долинъ...
Не горестно ль, что цѣпью рабства скованъ
Тотъ свѣтлый край? Лишь сибаритъ одинъ,
Поклонникъ ярый комфорта и лѣни,
Не знаетъ, какъ отраденъ дальній путь.
Не мало намъ даритъ онъ наслажденій,
Глубокихъ думъ и новыхъ впечатлѣній;
Какъ свѣжій воздухъ горъ живитъ больную грудь.

XXXI.

Ужъ Чайльдъ-Гарольдъ вершинъ не видитъ снѣжныхъ
Высокихъ горъ, что скрылись безъ слѣда,
Въ Испаніи среди степей безбрежныхъ
Овецъ пасутся цѣнныя стада;
Но близокъ врагъ; ему чужда пощада
И потому пастухъ вооруженъ;
Въ обиду своего не дастъ онъ стада;
Всѣмъ гражданамъ съ врагомъ бороться надо,
Чтобъ гордо властвовать не могъ надъ ними онъ.



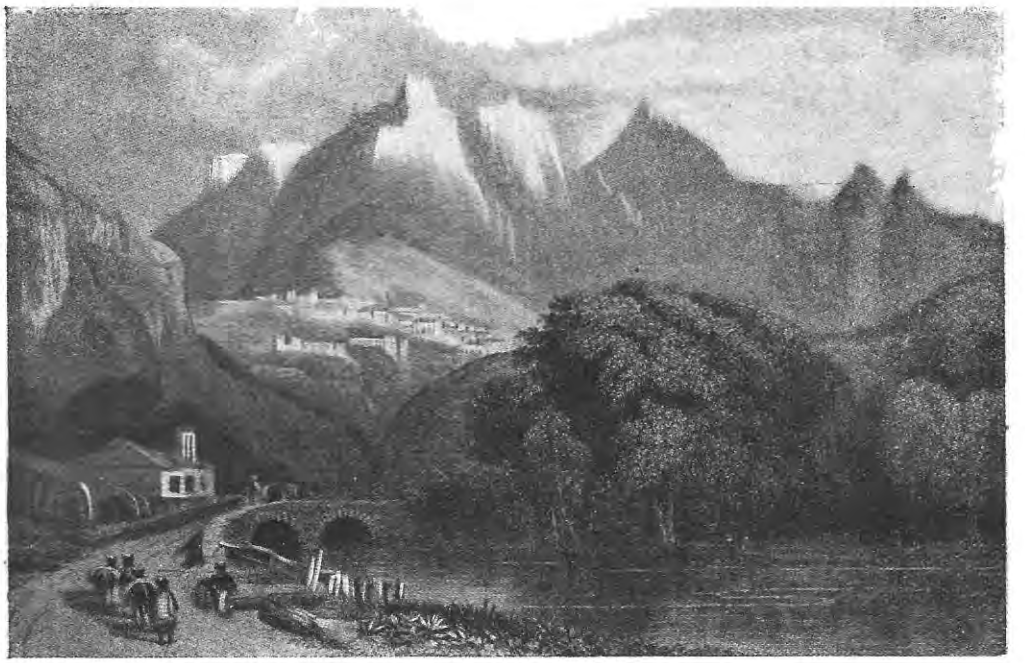
ЗАМОКЪ БЭЛЭМЪ, ЛИССАБОНЪ. (Bellem Castle, Lissbon).
Рис. Стэнфильдъ (C. Stanfield), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

XXXII.

Что земли лузитанцевъ раздѣляетъ
Съ Испаніей? Китайская ль стѣна?
Сіерра ли тамъ скалы возвышаетъ,
Иль льется Таго свѣтлая волна?
Раздѣлены тѣ страны не стѣною,
Что ихъ враждѣ могла платить бы дань,
Не быстро протекающей рѣкою,
Не цѣпью горъ высокихъ, сходной съ тою,
Что южной Галліи указываетъ грань.

XXXIII.

Нѣтъ, ручейкомъ ничтожнѣйшимъ; со стадомъ
Является пастухъ порою тамъ,
Презрительнымъ окидывая взглядомъ
Мѣста, принадлежащія врагамъ.
Простолюдины горды какъ вельможи
Въ Испаніи: понятна ихъ вражда;
Вѣдь съ ними лузитанцы мало схожи:
Они—рабы, при этомъ трусы тоже;
Рабовъ подлѣе ихъ найти не безъ труда.



ЦИНТРА (Cintra).
Рис. Стэнфильдъ (C. Stanfield), грав. Э. Финденъ. (E. Finden).

XXXIV.

Воспѣтая въ балладахъ, Гвадіана,
Пугая взоры мрачною волной,
Близъ этихъ мѣстъ течетъ. Два вражьихъ стана,
Когда то здѣсь сойдясь, вступили въ бой.
Здѣсь рыцари, чтобъ счетъ окончить старый,
Настигли мавровъ. Долго бой кипѣлъ;
Удары наносились за удары;
Чалма и шлемъ, во время схватки ярой,
Встрѣчалися въ рѣкѣ, гдѣ плыли груды тѣлъ.

XXXV.

О край, стяжавшій подвигами славу!
Гдѣ знамя, что Пелагъ въ бояхъ носилъ,
Когда отецъ-измѣнникъ, мстя за Каву,
Въ союзѣ съ мавромъ, готамъ смерть сулилъ?
Ты за погромъ съумѣлъ отмстить жестоко...
Близъ стѣнъ Гренады врагъ былъ побѣжденъ;
Померкла предъ крестомъ луна пророка;
Умчался врагъ, и въ Африкѣ далекой
Сталъ мавританскихъ дѣвъ звучать унылый стонъ.

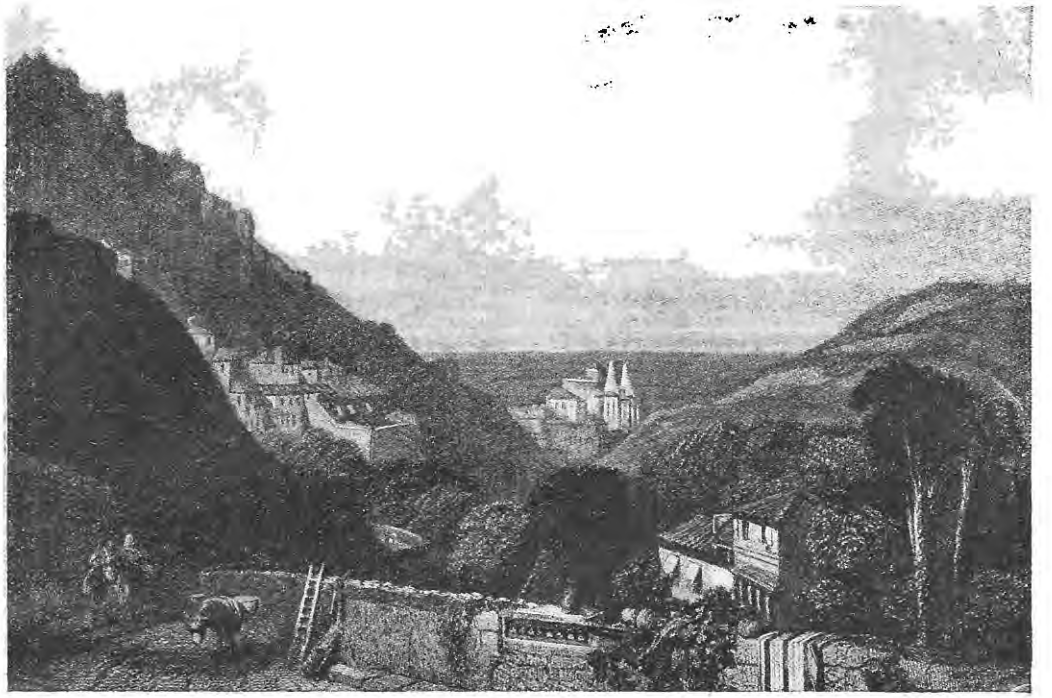
МОНАСТЫРЬ ВОЗЛѢ ЦИНТРЫ (Cork Convent near Cintra).
Рис. Стэнфильдъ (C. Stanfield), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

XXXVI.

Тѣмъ подвигомъ всѣ пѣсни края полны;
Таковъ удѣлъ дѣяній прежнихъ лѣтъ;
Когда гранитъ и лѣтопись безмолвны,
Простая пѣснь ихъ сохраняетъ слѣдъ.
Герой, склонись предъ силой пѣснопѣнья!
Ни лесть толпы, ни пышный мавзолей
Тебя спасти не могутъ отъ забвенья;
Порой историкъ вводитъ въ заблужденье,
Но пѣснь народная звучитъ въ сердцахъ людей.

XXXVII.

„Испанцы пробудитесь!“ Такъ взываютъ
Къ вамъ рыцари, кумиры дней былыхъ;
Хоть копья въ ихъ рукахъ ужъ не сверкаютъ
И красныхъ перьевъ нѣтъ на шлемахъ ихъ,
Въ дыму, подъ ревъ орудій непрерывный,
Ихъ грозный зовъ звучитъ: „Вооружась,
Воспряньте всѣ!“—исполненъ силы дивной,
Ужель утратилъ власть тотъ кличъ призывный,
Что въ Андалузіи сроднилъ съ побѣдой васъ?



ЦИНТРА (Cintra).
Рис. Стэнфильдъ (C. Stanfield), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

XXXVIII.

Чу! конскій топотъ слышенъ средь проклятій;
Кого окровавленный мечъ настигъ?
Ужель спасать вы не пойдете братій
Отъ деспотовъ и отъ клевретовъ ихъ?
Грохочутъ пушки; залповъ ихъ раскаты
Зловѣще эхомъ горъ повторены,
Они твердятъ о томъ, что смертью взяты
Ряды бойцовъ. Всѣ ужасомъ объяты,
Когда является во гнѣвѣ богъ войны.

XXXIX.

Кровавыми сверкая волосами,
Съ горы на бойню смотритъ исполинъ;
Онъ все сжигаетъ гнѣвными очами
И въ царствѣ смерти властвуетъ одинъ.
Съ нимъ рядомъ разрушенья духъ лукавый,
Что чествовать побѣды будетъ зла.
Сегодня три могучія державы
Сойдутся здѣсь и вступятъ въ бой кровавый;
Какъ счастливъ исполинъ,—ему лишь кровь мила!

МОНАСТЫРЬ ЛА ПЕНА (Convent of la Pena).
Рис. Бэтти (Lieut. Col. Batty), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

XL.

Когда средь войскъ ни друга нѣтъ, ни брата,
Васъ можетъ восхитить сраженья видъ;
Какъ рати разукрашены богато!
Какъ весело оружіе блеститъ!
Подобно стаѣ псовъ, что травлѣ рада,
Несется войско бѣшено впередъ;
Но будетъ ли для многихъ лавръ наградой?
Храбрѣйшіе погибнутъ въ пеклѣ ада:
Богъ брани, съ радости, всѣхъ павшихъ не сочтетъ.

XLI.

Три арміи стеклись сюда для битвы;
Внушителенъ знаменъ трехъ націй видъ!
Звучатъ на трехъ нарѣчіяхъ молитвы.
Сюда сошлись: испанецъ, галлъ и бриттъ,
Союзникъ-другъ, услужливый безъ мѣры
(Не лучше ли въ своей отчизнѣ пасть?).
Войска, являя храбрости примѣры,
Удобрятъ только нивы Талаверы
И хищныхъ вороновъ накормятъ кровью всласть.

ПОСЛѢ БИТВЫ У ТАЛАВЕРЫ.
Рис. Г. Уоррена (H. Warren), грав. Э. Финдена (E. Finden).

XLII.

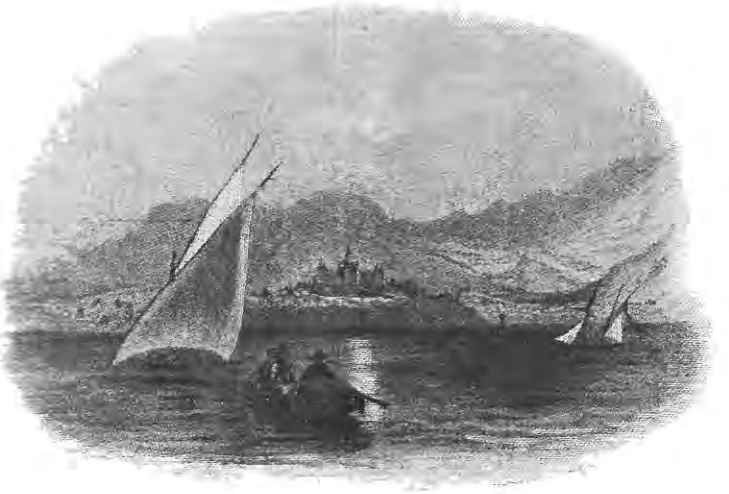
Здѣсь павшіе сгніютъ; гнались за славой
Безумцы, что искали громкихъ дѣлъ;
Они жъ служили деспоту забавой.
Онъ пролагалъ свой путь чрезъ груды тѣлъ.
Какой же былъ тотъ путь?—лишь путь обмана.
Найдется ли на свѣтѣ уголокъ,
Что былъ бы принадлежностью тирана?
Его лишь склепъ, гдѣ, поздно или рано,
Предастся тлѣнью онъ, забытъ и одинокъ.

XLIII.

О, Албуэра! славу и кручину
Ты сочетала. Могъ ли мой герой
Предвидѣть, чрезъ твою несясь равнину,
Что скоро въ ней кровавый грянетъ бой?
Пусть павшіе вкушаютъ миръ забвенья!
Побѣдный лавръ пусть радуетъ живыхъ!
Великій день! До новаго сраженья
Толпы ты будешь слышать прославленья
И воспоетъ тебя поэтъ въ стихахъ своихъ...

XLIV.

Довольно воспѣвать любимцевъ брани;
Побѣдный лавръ ихъ не продолжитъ дней;
Чтобъ міръ узналъ о славѣ ихъ дѣяній,
Должны погибнуть тысячи людей.



У БЕРЕГОВЪ ПОРТУГАЛІИ. ВИДЪ НА МАФРУ.
Рис. Г. Уоррена (H. Warren), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

Пускай наемщикъ гонится за славой
И, вѣря ей, кончаетъ жизнь въ бою:
Онъ дома могъ бы въ свалкѣ пасть кровавой
Иль, очерненъ разбойничьей расправой,
Тѣмъ опозорить бы отчизну могъ свою!

XLV.

Гарольдъ затѣмъ направилъ путь къ Севильѣ;
Она еще свободна отъ цѣпей,
Но ей грозятъ погибель и насилье,
И не спастись отъ разрушенья ей:
Враги ужъ въ разстояньи недалекомъ...
Не лали бы ни Иліонъ, ни Тиръ,
Когда бъ бороться можно было съ рокомъ
И, злобно издѣваясь надъ порокомъ,
Предъ добродѣтелью склонялся бъ грѣшный міръ.

XLVI.

Но граждане Севильи, бѣдъ не чуя,
Попрежнему разгулу преданы
И дни проводятъ, радостно ликуя;
Имъ дѣла нѣтъ до язвъ родной страны!
Звучитъ не бранный рогъ, а звонъ гитары;
Веселію воздвигнутъ здѣсь алтарь;
Грѣхи любви, что не боятся кары,
Ночной развратъ и сладострастья чары
Въ Севильѣ гибнущей все царствуютъ, какъ встарь.

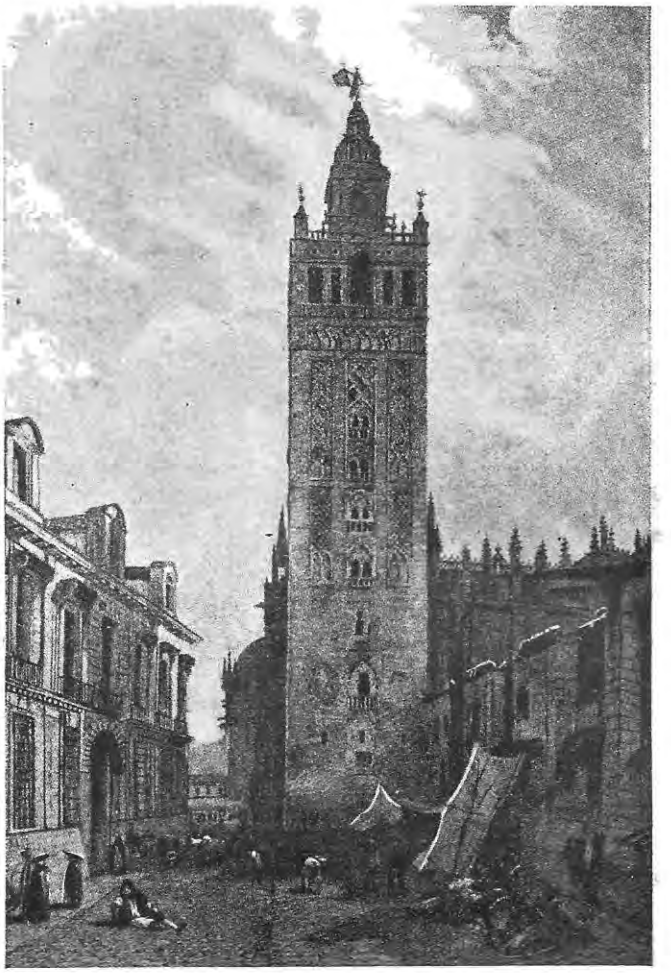
МАФРА (Mafra).
Рис. Робертсъ (D. Roberts), грав. В. Финденъ (W. Finden).

XLVII.

Не такъ живетъ крестьянинъ; онъ съ женою
Скрывается, боясь взглянуть на долъ,
Что можетъ быть опустошенъ войною...
Прошла пора, когда онъ бодро шелъ
Въ вечерній часъ домой, покинувъ нивы,
И танцовалъ фанданго при лунѣ.
Властители! когда бъ тотъ миръ счастливый,
Что вы губить не прочь, вкусить могли вы,
Народъ бы ликовалъ, не слыша о войнѣ.

XLVIII.

Лихой погонщикъ, мчась дорогой ровной,
Поетъ ли пѣснь возлюбленной своей,
Кантату ль въ честь любви, иль гимнъ духовный?
Нѣтъ, онъ теперь поетъ Viva el Rey!
Воинственны слова его напѣва,
Годоя онъ клянетъ за лживый нравъ;
При этомъ вспоминаетъ, полный гнѣва,
Что ввѣрилась Годою королева,
Преступную любовь измѣной увѣнчавъ...



СЕВИЛЬЯ (Seville).
Рис. Льюисъ (I. F. Lewes), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

XLIX.

Равнина, окаймленная скалами,
Гдѣ башни мавританскія видны,
Была недавно попрана врагами:
Сроднились съ ней всѣ ужасы войны...
Здѣсь ядеръ слѣдъ; тамъ лугъ, конями смятый;
А вотъ гнѣздо дракона; у врага
Толпой крестьянъ тѣ скалы были взяты,
Съ тѣхъ поръ онѣ для всѣхъ испанцевъ святы:
Надъ непріятелемъ побѣда дорога.

L.

Кого не встрѣтишь здѣсь съ кокардой красной?
Она уборъ отчизны вѣрныхъ слугъ;
Взглянувши на нее, испанцу ясно,

СЕВИЛЬЯ (Seville).
Рис. Г. Уоррена (H. Warren), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

Что передъ нимъ не злобный врагъ, а другъ;
Бѣда пренебрегать ея защитой,—
Кинжалъ остеръ, ударъ неотразимъ!
Давно бъ враги ужъ были перебиты,
Когда бы могъ кинжалъ, подъ платьемъ скрытый,
Зазубрить вражій мечъ иль скрыть орудій дымъ.

LI.

На выступахъ высокихъ скалъ Морены
Орудья смертоносныя блестятъ;
Здѣсь новыхъ укрѣпленій видны стѣны,
А тамъ ряды зловѣщихъ палисадъ;
Все войско подъ ружьемъ; спустивъ запруду,
Глубокій ровъ наполнили водой;
Ждутъ приступа; глядя на ядеръ груду,
На часовыхъ, разставленныхъ повсюду,
Не трудно отгадать, что скоро грянетъ бой.

LII.

Властитель, расшатавшій въ мірѣ троны,
Еще не подалъ знака; медлитъ онъ,
Но скоро въ ходъ онъ пуститъ легіоны,
Что ни преградъ не знаютъ, ни препонъ;
Вести борьбу напрасны всѣ усилья
Съ бичомъ судьбы. Испанцы! близокъ часъ,
Когда надъ вами гальскій коршунъ крылья
Побѣдно развернетъ, суля насилья
И цѣлымъ сонмищемъ сродняя съ смертью васъ!

ДѢВА САРАГОССЫ У ГОРОДСКОЙ СТѢНЫ. (The Maid of Saragoza).
Рис. Г. Уоррена (H. Warren), грав. Э. Финдена (E. Finden).

LIII.

Ужель должны отвага, юность, сила
Погибнуть, чтобы славой громкихъ дѣлъ
Гордиться могъ тиранъ? Ужель могила
Иль рабства гнетъ Испаніи удѣлъ?
Ужель напрасны вопли и моленья?
Ужель спасти Испанію отъ бѣдъ
Не могутъ ни героя увлеченья,
Ни юности отважныя стремленья,
Ни патріота пылъ, ни мудрости совѣтъ?

LIV.

Испанки позабыли звонъ гитары;
Вступивъ въ ряды солдатъ, лишь гимнъ войнѣ
Онѣ поютъ. Какъ мѣтки ихъ удары!
Разя враговъ, летятъ впередъ онѣ...
Видъ легкой раны, крикъ совы, бывало,
Ихъ приводили въ дрожь; теперь ни мечъ,
Ни острый штыкъ ихъ не страшатъ нимало;
Тамъ, гдѣ бы даже Марсу страшно стало,
Онѣ Минервами идутъ средь грома сѣчъ...

LV.

Когда бъ вы Сарагоссы дѣву знали
Въ то время, какъ свѣтило счастье ей,
Когда бъ ея глаза чернѣй вуали

ПОГОНЩИКЪ МУЛОВЪ (The l sty muleteer)
Рис. Г. Уоррена (H. Warren), грав. В. Финдена (W. Finden).

Вы видѣли и шелкъ ея кудрей,
Когда бъ вашъ слухъ ея ласкали рѣчи,—
Вы не могли бъ повѣрить, что съ враждой
Она искать съ войсками будетъ встрѣчи
И съ ними, не страшась опасной сѣчи,
Близъ сарагосскихъ стѣнъ въ кровавый вступитъ бой.

LVI.

Ея любовникъ палъ,—она не плачетъ;
Палъ вождь,—она становится вождемъ...
Удерживаетъ трусовъ; храбро скачетъ
Предъ войскомъ, чтобы съ дрогнувшимъ врагомъ
Покончить; отомстить она съумѣетъ
За друга и за павшаго вождя;
Она бойцовъ лучомъ надежды грѣетъ;
Предъ нею галлъ трепещетъ и блѣднѣетъ,
Средь стѣнъ разрушенныхъ оплота не найдя.

LVII.

Не потому отважна такъ испанка,
Что амазонки въ ней струится кровь,—
О, нѣтъ, ея услада и приманка—
Исполненная страстности любовь.
Она разитъ враговъ, но такъ злодѣю
За гибель голубка голубка мститъ.
Женъ странъ иныхъ сравнить возможно ль съ нею?
Имъ не затмить ее красой своею,
Она же доблестью и силой ихъ затмитъ.

САРАГОССКАЯ ДѢВА (The Maid of Saragoza).

Рис. Льюисъ (J. F. Lewis), грав. Мотъ (W. H. Mote).

КАДИКСЪ (Cadiz).
По рисунку Г. Ігрена (H. Warren), грав. В. Финденъ (W. Finden).

LVIII.

Амуръ оставилъ слѣдъ перстовъ небрежныхъ
На ямкахъ щекъ испанки молодой,
Ея уста—гнѣздо лобзаній нѣжныхъ,
Что можетъ въ даръ лишь получить герой...
Ея глаза душевнымъ пышатъ жаромъ;
Ей солнца лучъ не врагъ: еще нѣжнѣй
Ея лицо, одѣтое загаромъ;
Кто грань найдетъ ея всесильнымъ чарамъ?
Какъ дѣва сѣвера блѣднѣетъ передъ ней!

LIX.

Въ странѣ, что бардъ уподобляетъ раю,
Гдѣ властвуетъ гаремъ, въ своихъ стихахъ
Я красоту испанокъ прославляю
(Предъ ней и циникъ долженъ пасть во прахъ).
Здѣсь гуріи скрываются отъ свѣта,
Чтобъ ихъ амуръ не могъ увлечь съ собой,
А первообразъ рая Магомета—
Испанія—ужель не вѣрно это?
Тамъ гурій неземныхъ витаетъ свѣтлый рой.

LX.

Парнасъ! я на тебя бросаю взоры;
Передо мной въ величьи дикомъ ты...
На снѣжныя твои гляжу я горы;
Онѣ—не греза сна иль плодъ мечты;
Понятно, что въ объятьяхъ вдохновенья
Я пѣснь пою. Въ присутствіи твоемъ
Скромнѣйшій бардъ строчитъ стихотворенье,
Хоть муза ни одна, подъ звуки пѣнья,
На высотахъ твоихъ не шелохнетъ крыломъ...

LXI.

Не разъ къ тебѣ моя мечта летѣла;
Какъ жалокъ тотъ, кто не любилъ тебя!
И вотъ къ тебѣ я подхожу несмѣло,
О немощи моихъ стиховъ скорбя...
Дрожу я и невольно гну колѣни,
Поэтовъ вспоминая прежнихъ дней;
Не посвящу тебѣ я пѣснопѣній,—
Доволенъ я и тѣмъ, что въ упоеньи
Короною изъ тучъ любуюся твоей.

LXII.

Счастливѣй многихъ бардовъ, что въ Элладу
Могли переселяться лишь мечтой,
Я, не скрывая тайную отраду,
Волненья полнъ, стою передъ тобой.
Пріюта Фебъ здѣсь не находитъ.
Жилище музъ могилой стало ихъ,
А все съ священныхъ мѣстъ очей не сводитъ
Какой то духъ и средь развалинъ бродитъ,
Съ волной и вѣтеркомъ шепчась о дняхъ былыхъ.

LXIII.

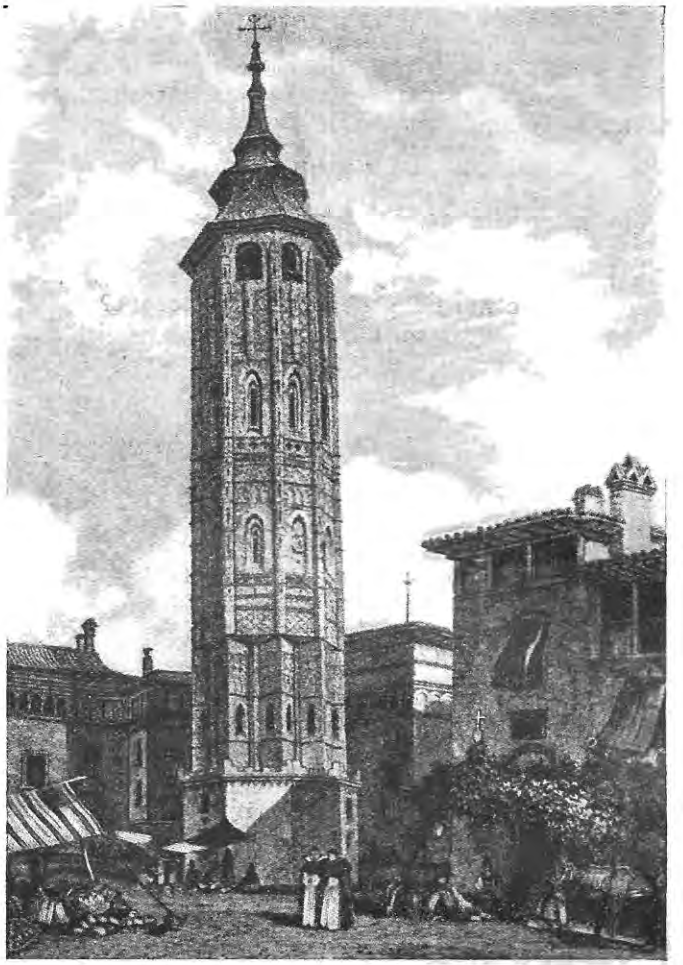
Пока прости! Я прервалъ нить поэмы
И позабылъ, чтобъ чествовать тебя,
Сыновъ и женъ Испаніи. Ихъ всѣ мы
Глубоко чтимъ, свободы свѣтъ любя.
Я плакалъ здѣсь. Свое повѣствованье
Я буду продолжать, но разрѣши
Листокъ отъ древа Дафны на прощанье
Сорвать пѣвцу!... Повѣрь, что то желанье
Доказываетъ пылъ, не суетность души.

LXIV.

Въ дни юности Эллады, холмъ священный,
Когда звучалъ пиѳическій напѣвъ
Дельфійской жрицы, свыше вдохновенной,
Ты не видалъ такихъ красивыхъ дѣвъ,
Какъ тѣ, что въ Андалузіи тревогой
Желаній жгучихъ нѣжно взрощены.
Какъ жаль, что не проходитъ ихъ дорога
Средь мирныхъ кущъ, которыхъ здѣсь такъ много,
Хоть съ Греціей давно простились славы сны.

LXV.

Своимъ богатствомъ, древностью и силой
Горда Севилья, полная утѣхъ,
Но Кадиксъ привлекательнѣе милый,
Хоть воспѣвать порочный городъ грѣхъ.
Порокъ! въ тебѣ живая дышитъ сладость;
Какъ весело идти съ тобой вдвоемъ;
Соблазнами ты привлекаешь младость,
Даря и упоеніе, и радость....
Ты гидра мрачная, но съ ангельскимъ лицомъ ..



ПАДАЮЩАЯ БАШНЯ ВЪ САРАГОССѢ (The leaning Tower in Saraçoza).
Рисунокъ Льюиса (I. F. Lewis), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

LXVI.

Когда Сатурнъ, которому подвластна
Сама Венера, стеръ съ лица земли
Безъ сожалѣнья Паѳосъ сладострастный,—
Въ страну тепла утѣхи перешли
И вѣтреной, измѣнчивой богини
Перенесенъ былъ въ Кадиксъ свѣтлый храмъ
(Венера лишь вѣрна морской пучинѣ,
Ее создавшей). Въ Кадиксѣ до нынѣ
Предъ ней и день, и ночь курится ѳиміамъ.

LXVII.

Съ утра до ночи, съ ночи до разсвѣта
Здѣсь льется пѣснь; цвѣтами убрана
Толпа, любовью къ пиршествамъ согрѣта,

Веселью и забавамъ предана.
Зовъ мудрости считаютъ тамъ напастью,
Гдѣ нѣтъ конца разгулу и пирамъ,
Гдѣ истинная вѣра въ спорѣ съ властью;
Молитва здѣсь всегда въ союзѣ съ страстью
И къ небу лишь летитъ монаховъ ѳиміамъ.

LXVIII.

Вотъ день воскресный. День отдохновенья
Какъ христіанскій чествуетъ народъ?
На праздникъ онъ стремится, полнъ волненья...
Вы слышите ль, какъ царь лѣсовъ реветъ?
Израненный, враговъ смущая карой,
Онъ смерть конямъ и всадникамъ сулитъ;
Нещадные нанситъ онъ удары;
Ликуютъ всѣ, любуясь схваткой ярой,
И взоры нѣжныхъ дамъ кровавый тѣшитъ видъ.

LXIX.

День отдыха, послѣдній день седмицы,
Что посвященъ мольбѣ, какъ Лондонъ чтитъ?
Принарядясь, покинуть шумъ столицы
И духоту ея народъ спѣшитъ.
Несутся свѣта сливки и подонки
Въ Гамстэдъ, Брентфордъ иль Геро. Устаетъ
Иная кляча такъ отъ этой гонки,
Что, силъ лишася, стать должна къ сторонкѣ;
Ее догнавъ, надъ ней глумится пѣшеходъ.

LXX.

Снуютъ по Темзѣ, пышно разодѣты,
Красавицы; инымъ шоссе милѣй,
А тѣхъ влечетъ къ себѣ гора Гай-Гэта,
Ричмондъ и Веръ. О ѳивы прежнихъ дней!
Зачѣмъ здѣсь женъ и юношей такъ много?
На тотъ вопросъ отвѣтить мнѣ пора:
Всѣмъ изстари извѣстною дорогой
Идетъ народъ, спѣша на праздникъ Рога,
Гдѣ послѣ выпивки танцуютъ до утра.

LXXI.

Всѣ предаются странностямъ невольно,
Но Кадикса не перечесть причудъ;
Лишь утромъ звонъ раздастся колокольный,
Всѣ въ руки четки набожно берутъ
И къ Дѣвѣ Непорочной шлютъ моленья
(Во всей странѣ и не найти другой),
Прося грѣховъ безсчетныхъ отпущенья...
Затѣмъ всѣ рвутся въ циркъ, гдѣ въ упоеньи
И бѣдный, и богачъ глядятъ на смертный бой.

LXXII.

Пуста еще арена, а какъ много
Здѣсь всякихъ лицъ! Все зданіе полно;
Призывнаго еще не слышно рога,

ДѢВА САРАГОССЫ (The Maid of Saragoza).

Рисовалъ Ф. Стонъ (F. Stone), грав. В. Финденъ (W. Finden).

Межъ тѣмъ ужъ мѣстъ свободныхъ нѣтъ давно...
Всѣ гранды тутъ; наносятъ раны взгляды
Красивыхъ дамъ; но такъ добры онѣ,
Что жертвъ имъ жаль; онѣ помочь имъ рады,
На холодъ доннъ, не знающихъ пощады,
Поэтовъ жалобы безсмысленны вполнѣ.

LXXIII.

Но вотъ умолкло все. Въ плюмажахъ бѣлыхъ
Отрядъ въѣзжаетъ всадниковъ лихихъ;
Они готовы къ ряду схватокъ смѣлыхъ;
Гремятъ ихъ шпоры, блещутъ копья ихъ
И шарфы развѣваются. Собранье
Поклономъ встрѣтивъ, мчатъ они коней...
Ихъ ждутъ, когда удастся состязанье,
Улыбки дамъ, толпы рукоплесканья...
Не такъ ли чествуютъ героевъ и вождей?

LXXIV.

Въ блестящемъ платьѣ, въ мантіи нарядной
Стоитъ средь круга ловкій матадоръ;
Ему вступить въ борьбу съ врагомъ отрадно.

Но онъ предъ тѣмъ вокругъ бросаетъ взоръ:
Спасенья нѣтъ, коль встрѣтится преграда!
Лишь дротикомъ однимъ вооружась,
Онъ издали съ царемъ сразится стада;
Вѣдь пѣшему остерегаться надо...
Въ бою какъ часто конь отъ бѣдъ спасаетъ насъ.

LXXV.

Вотъ поданъ знакъ; ужъ трижды протрубила
Сигнальная труба, разверзлась дверь;
Все смолкло и, кнутомъ ударенъ съ силой,
Ворвался въ циркъ дышащій злобой звѣрь...
Его глаза, что кровію налиты,
На всѣхъ наводятъ страхъ: онъ на врага
Бросается не вдругъ; его копыта
Вздымаютъ гнѣвно пыль; рыча сердито,
Онъ бедра бьетъ хвостомъ, къ землѣ склонивъ рога.

LXXVI.

Но вотъ онъ сталъ, свирѣпый взоръ бросая;
О юноша, бѣги иль приготовь
Свое оружье, ловкость въ ходъ пуская,
А иначе твоя прольется кровь!..
Вокругъ быка снуютъ, ловки и смѣлы,
Тореадоры. Кровь быка течетъ;
Онъ носится, покрытый пѣной бѣлой;
Въ него летятъ и дротики, и стрѣлы;
Объятый бѣшенствомъ, отъ боли онъ реветъ.

LXXVII.

Остановить его не въ состояньи
Кровавые уколы стрѣлъ и пикъ;
На всадниковъ не обративъ вниманья,
Впередъ летитъ разсвирѣпѣвшій быкъ...
Одинъ имъ конь убитъ, другой израненъ;
Потоками теряя кровь свою,
Плетется конь, страданьемъ отуманенъ;
Ужасный видъ! Коль пикадоръ сохраненъ,
Спасеніемъ своимъ обязанъ онъ коню.

LXXVIII.

Измученный, врагами окруженный,
Теряя кровь изъ сотни тяжкихъ ранъ,
Ударами безъ счета пораженный,
Все быкъ опасенъ, гнѣвомъ обуянъ.
Вертясь вокругъ него, плащомъ багрянымъ
И градомъ стрѣлъ его тревожитъ врагъ;
Собравъ остатокъ силъ, въ порывѣ рьяномъ,
Онъ на него несется ураганомъ,
Но, ослѣпленъ плащомъ, склоняется во прахъ.

LXXIX.

Почуявъ сталь межъ шеей и лопаткой,
На мѣстѣ замеръ онъ и задрожалъ,
Не отступая. Мигъ пронесся краткій—

БОЙ БЫКОВЪ.
По рисунку Обри (Aubrey) грав. Э. Финденъ (E. Finden).

И грозный звѣрь безъ стоновъ муки палъ
Передъ толпой, побѣдой опьяненной.
На этотъ видъ глядѣть отрадно ей.
Увозится затѣмъ колоссъ сраженный
На колесницѣ, пышно запряженной
Лихою четверней гарцующихъ коней.

LXXX.

Глядятъ на это зрѣлище съ любовью
Испанки и испанцы. Съ дѣтскихъ лѣтъ
Сродняютъ ихъ съ дымящеюся кровью,—
Вотъ отчего въ нихъ состраданья нѣтъ
И месть отрадна имъ. Ударъ кинжала
Даетъ испанцамъ счеты свесть
Съ врагами. Хоть пора борьбы настала,
Все жъ дома ихъ осталося не мало:
А тамъ союзницей обидъ и распрей месть.

LXXXI.

Но ревность здѣсь, какъ встарь, царить не можетъ.
Замковъ, цѣпей, дуэнь ужъ не найти,
И старый мужъ, хоть страхъ его тревожитъ,
Держать жену не можетъ взаперти.
Сроднилася съ испанкой молодою

Свобода. До тяжелыхъ дней войны
Какъ весело, съ распущенной косою,
Чуть до земли касаяся ногою,
Кружилася она въ сіяніи луны!

LXXXII.

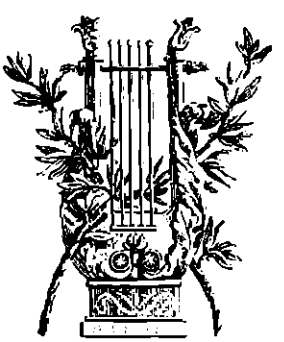
Не разъ Гарольдъ любилъ иль былъ увѣренъ,
Что любитъ всей душой: любовь—лишь сонъ;
Но онъ теперь былъ безучастью вѣренъ:
Не утолялъ, вѣдь, жажды въ Летѣ онъ.
Гарольдъ узналъ, что лучшимъ украшеньемъ
Амуру служатъ крылья; что безъ слезъ
Краса и юность, внявъ его велѣньямъ,
Не могутъ упиваться наслажденьемъ;
Отраву можетъ онъ сливать съ дыханьемъ розъ.

LXXXIII.

Гарольдъ все жъ не былъ слѣпъ и, созерцая
Красу, лишь какъ мудрецъ плѣнялся ей;
Не потому, что, грѣшныхъ думъ не зная,
Цѣнилъ онъ чистоту, но пылъ страстей,
Насъ утомивъ, приноситъ въ даръ забвенье;
Порокъ себя хоронитъ, грезъ и силъ
Лишая насъ. Подъ гнетомъ пресыщенья
Гарольдъ, скорбя, не вѣдалъ упоенья;
Проклятье Каина онъ на челѣ носилъ.

LXXXIV.

Гарольдъ сойтись съ толпою безсердечной
Не могъ, хотя къ ней злобы не питалъ;
Искать утѣхъ онъ сталъ бы, еслибъ вѣчно,
Улыбкамъ чуждъ, глубоко не страдалъ.
На все и всѣхъ глядѣлъ онъ безъ участья;
Однако, разъ борьбу ему пришлось
Вести съ коварнымъ духомъ сладострастья;
Красавицу онъ встрѣтилъ, что дни счастья
Напомнила ему, и пѣснь онъ ей поднесъ.



ИНЕСѢ.

1.

Полны тоски мои мечты;
Мнѣ не дари улыбки страстной;
Дай Богъ, чтобъ слезъ не знала ты,
Чтобъ ты не плакала напрасно.

2.

Нѣмая скорбь, во цвѣтѣ лѣтъ,
На вѣкъ мое сгубила счастье;
Увы! помочь мнѣ средства нѣтъ;
Безсильно и твое участье.

3.

Повѣрь, не ненависть, не страсть,
Не честолюбья злое жало
Меня заставили проклясть
Все то, что встарь меня плѣняло.

4.

Я пресыщенья ядъ вкусилъ;
Всегда я полонъ думъ унылыхъ;
Мнѣ красоты разсвѣтъ не милъ;
Меня плѣнить и ты не въ силахъ.

5.

Страдаю я, какъ вѣчный жидъ,
Что несся въ даль тоской убитый;
Мнѣ только смерть покой сулитъ,
Ея жъ отъ смертныхъ тайны скрыты...

6.

Изгнанникъ, гдѣ бы ни былъ онъ,
Отъ мукъ своихъ бѣжать не можетъ;
Вездѣ звучитъ мой скорбный стонъ...
И демонъ думъ меня тревожитъ.

7.

Межъ тѣмъ другихъ проходятъ дни
Въ весельи; счастье—сновидѣнье;
Пусть не извѣдаютъ они,
Какъ я, весь ужасъ пробужденья.

8.

Не мало я изъѣздилъ свѣтъ,
Но мнѣ забвенія онъ не далъ;
Я не страшуся новыхъ бѣдъ,—
Ужъ я все худшее извѣдалъ.

9.

Оставь меня! Не узнавай,
Какая скорбь мнѣ душу точитъ;
Нѣтъ, съ сердца маски не срывай,—
Подъ нею цѣлый адъ клокочетъ!

LXXXV.

Прости, прелестный Кадиксъ! Долго стѣны
Ты защищалъ свои, и гордъ и смѣлъ;
Хоть вкругъ тебя дышало все измѣной,
Свои права ты отстоять съумѣлъ.
Геройскій городъ—первымъ ты свободу
Стяжалъ, послѣднимъ павъ! Ты умертвилъ
Вождя, что измѣнить хотѣлъ народу.
Тогда какъ чернь дралась,—врагу въ угоду
Оружье клала знать, лишась отъ страха силъ.

LXXXVI.

Не страшно ль, что за чуждую имъ волю
Испанцы умираютъ, что за тронъ
Безъ короля имъ выпало на долю
Сражаться, хоть давно расшатанъ онъ?
Странѣ, что только жизнь имъ даровала,
Они вѣрны. Въ вельможѣ дышитъ страхъ,
Но не смутилъ дурной примѣръ вассала:
Ему путь къ волѣ гордость указала,
И будетъ драться онъ хотя бы на ножахъ.

LXXXVII.

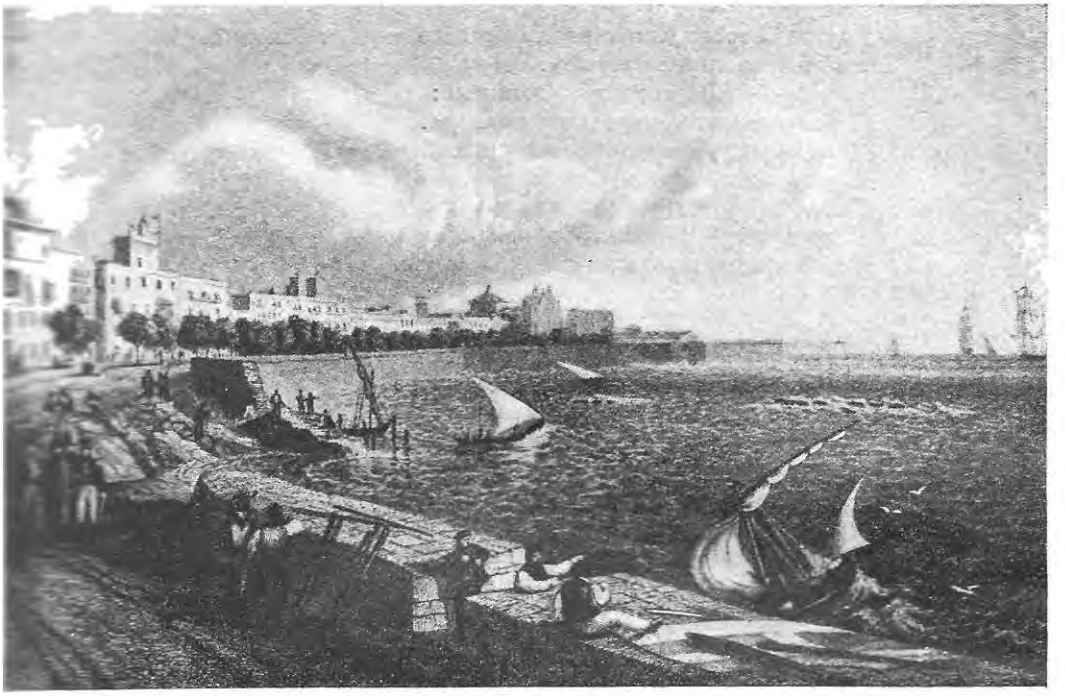
Кто хочетъ изучить испанцевъ нравы,
Пусть тотъ ихъ войнъ исторію прочтетъ;
Чтобъ мстить врагу кровавою расправой,
Они пускали даже пытки въ ходъ...
Вооружась ножомъ иль ятаганомъ,
Чтобъ женъ спасать, сестеръ и дочерей,
Они боролись на смерть съ вражьимъ станомъ;
Струилась кровь враговъ ручьемъ багрянымъ;—
Такъ слѣдуетъ встрѣчать непрошенныхъ гостей.

LXXXVIII.

Ужель печальныхъ жертвъ борьбы тяжелой
Слезой мы не почтимъ? Разорены
Нещадною войной поля и села
И кровью руки женъ обагрены.
Пускай лежатъ, гдѣ пали, жертвы злости,
Кормя голодныхъ псовъ и хищныхъ птицъ;
Имъ лучше тамъ лежать, чѣмъ на погостѣ;
Глядя на ихъ бѣлѣющія кости,
Предъ храбростью отцовъ склонятся дѣти ницъ.

LXXXIX.

Нельзя конца предвидѣть обороны;
Въ Испанію, спустившись съ Пиреней,
Все новые несутся легіоны...
Не сводитъ міръ въ цѣпяхъ съ нея очей:
Коль свергнетъ рабства гнетъ она защитой,
Не мало странъ сроднятся съ волей вновь...
Какъ странно: край, Колумбомъ встарь открытый,
Тѣ муки, что узнали дѣти Квиты,
Врачуетъ счастіемъ, отчизны жъ льется кровь!



КАДИКСЪ.
По рисунку Бэтти (Batty) гравировалъ Э. Финденъ (E. Finden).

XC.

Вся кровь, что пролилася въ Талаверѣ,
Прославившій войска Баросскій бой,
Блестящій рядъ атакъ при Албуэрѣ—
Испаніи свободу и покой
Не даровали. Тяжкія невзгоды
Простятся ль скоро съ нею? Хищный галлъ
Въ своихъ когтяхъ ее продержитъ годы.
Когда жь, средь мира, дерево свободы
Псявится въ краю, что воли не знавалъ?

XCI.

Погибъ и ты, мой другъ! Объятъ тоскою,
Подъ рокотъ струнъ я слезы лью, скорбя;
Когда бъ въ бою ты палъ, гордясь тобою,
Не смѣла бъ и пріязнь жалѣть тебя;
Но ты почилъ безславно, храбрый воинъ!
Ты палъ, забытый всѣми, лишь не мной:
Лавроваго вѣнка ты былъ достоинъ,
За что же твой конецъ былъ такъ спокоенъ,
Судьбой безжалостно развѣнчанный герой?

XCII.

Другъ дѣтства дней, всѣхъ больше мной любимый,
Во снѣ ко мнѣ являйся! Я зову
Тебя, тяжелой горестью томимый;
Довольно слезъ пролью я на яву...
Мечтой къ твоей могилѣ одинокой
Всегда, вездѣ стремиться буду я,
Пока того, кто кончилъ жизнь до срока,
И друга, что скорбѣлъ о немъ глубоко,
Не сблизитъ навсегда покой небытія.

XCIII.

Здѣсь пѣснь кончаю я, но еще много
Вамъ сценъ и описаній дать готовъ,
Коль критикъ, относясь къ поэмѣ строго,
Не разгромитъ написанныхъ мной строфъ.
Героя своего не оставляя,
О Греціи я поведу разсказъ
И дней коснусь, когда оковъ не зная,
Она цвѣла, искусство прославляя,
Подъ игомъ варваровъ безславно не томясь.

Павелъ Козловъ.

ДОРОГА КЪ МОНАСТЫРЮ ВОЗЛѢ ЦИНТРЫ.

Рис. Г. Уоррена (H. Warren), грав. Э. Финдена (E. Finden).

АКРОПОЛЬ, АѲИНЫ.
Рис. Уоррена (H. Warren), грав. В. Финдена (W. Finden).

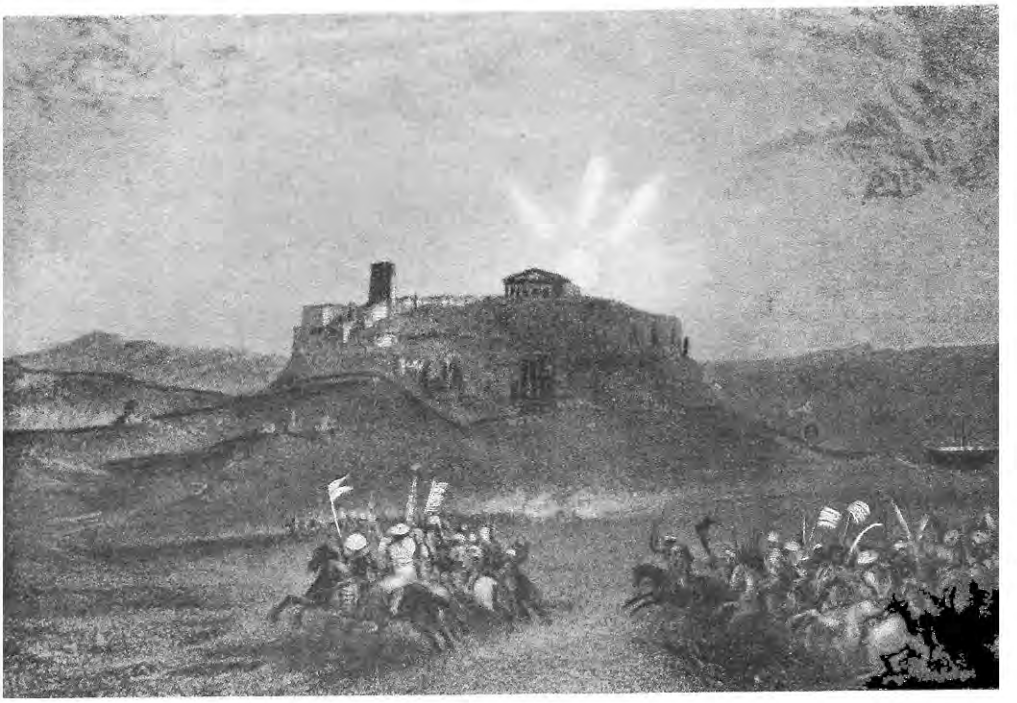
ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

I.

Хоть не бывалъ поэтъ тебѣ послушенъ,
На зовъ пѣвца, Минерва, дай отвѣтъ!
Здѣсь храмъ твой возвышался; онъ разрушенъ
Пожарами, войной и гнетомъ лѣтъ,
Тебя повергшихъ въ прахъ; но хуже брани,
Пожаровъ и вѣковъ рука людей,
Которые не чтутъ воспоминаній,
Которымъ дѣла нѣтъ до тѣхъ преданій,
Что обезсмертили дѣла минувшихъ дней.

II.

Аѳины, гдѣ эпохи величавой
Герои и вожди?—ихъ больше нѣтъ.
Они, покрывъ себя безсмертной славой,
Прошли какъ сонъ; погибъ ихъ даже слѣдъ.
Дѣянья ихъ мы изучали въ школѣ,
Твердя о нихъ уроки цѣлый день;
Былыхъ временъ слѣдовъ не видно болѣ;
Надъ башнями, что годы побороли,
Величья прошлаго витаетъ только тѣнь.



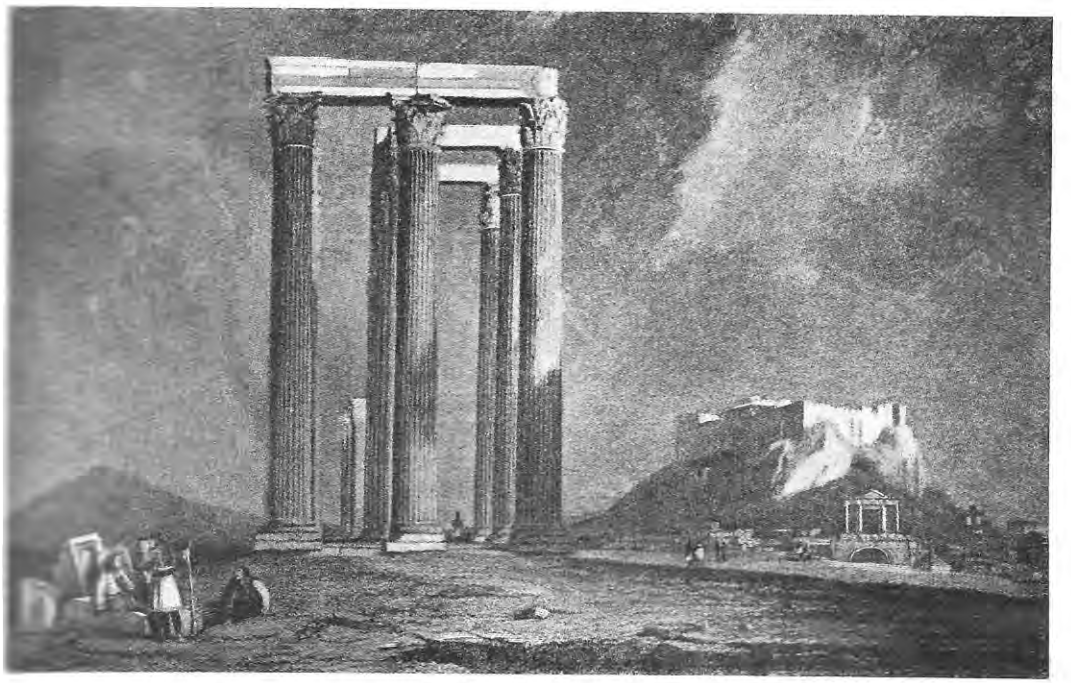
РАЗВАЛИНЫ АКРОПОЛЯ ВЪ АѲИНАХЪ.
Рис. Тэрнеръ (J. M. W. Turner, R. A.), грав. Коузинъ (I. Cousins).

III.

Минутный гость земли! на видъ унылый
Руинъ взгляни, щадя слѣды вѣковъ:
Здѣсь націи исчезнувшей могилы,
Обломки храмовъ попранныхъ боговъ.
Религіи смѣняетъ дней теченье:
Юпитеръ палъ; явился Магометъ;
Мѣняться будутъ вѣры и воззрѣнья,
Пока исчадья смерти и сомнѣнья
Не убѣдятся въ томъ, что ихъ надежды—бредъ.

IV.

Они въ цѣпяхъ, а небеса имъ милы.
Свой крестъ нести ужель здѣсь мало вамъ?
Сладка ль такъ жизнь, что даже за могилой
Хотите жить, стремяся къ небесамъ?
Зачѣмъ вамъ знать, могилъ нѣмыя плиты
Блаженство или муки вамъ сулятъ?
Зачѣмъ вамъ въ край стремиться не открытый?
Вы взвѣсьте прахъ подъ плитами зарытый;
Краснорѣчивѣй онъ, чѣмъ проповѣдей рядъ.



РАЗВАЛИНЫ ХРАМА ЮПИТЕРА, АѲИНЫ (The Temple of Jupiter Olympus, Athens).
Рис. Стэнфильдъ (C. Stanfield), грав. В. Финденъ (W. Finden).

V.

На мавзолей героя бросьте взоры.
На берегу пустынномъ онъ почилъ.
Къ гробницѣ той, лишившейся опоры,
Народъ, стекаясь въ горѣ, слезы лилъ.
Въ странѣ полубоговъ гдѣ жъ та дорога,
Что къ мавзолею воина ведетъ?
Вотъ черепъ здѣсь,—какъ смотритъ онъ убого!
Ужели это храмъ, достойный бога?
Теперь и жалкій червь въ немъ больше не живетъ.

VI.

А, между тѣмъ, въ немъ честолюбье жило;
Онъ сталъ пещерой ветхою, но встарь
Онъ храмомъ былъ, гдѣ ярко мысль свѣтила,
Гдѣ для души воздвигнутъ былъ алтарь
Гдѣ впадины зіяютъ, тамъ когда-то
Въ живыхъ очахъ несдержанная страсть
Читалась; тамъ была ума палата;
Дать снова жизнь тому, что смертью взято,
Софистъ иль праведникъ, имѣете ли власть?

VII.

Ты правъ, Сократъ, сказавъ: „мы только знаемъ,
Что смертнымъ недоступенъ знанья свѣтъ!“
Влача земную цѣпь, мы всѣ страдаемъ;
Какъ скрыться намъ отъ неизбѣжныхъ бѣдъ?
Зачѣмъ страдать отъ грезъ воображенья?
Все лучшее, что рокъ даетъ, возьмемъ,
Намъ берегъ Ахерона дастъ забвенье.
Тамъ сытый гость подъ гнетомъ принужденья
Не явится на пиръ: покой имъ купленъ сномъ.

VIII.

Но если бы, наперекоръ безвѣрью,
Какъ думаютъ святые, край такой
Нашелся бы, гдѣ за могилы дверью
Насъ къ жизни призывали бы иной,
Тамъ Бога мы бъ усердно прославляли,
Сродняясь вновь съ друзьями, что не разъ
Насъ утѣшать старались въ дни печали;
Вкушая сладость встрѣчъ, что мы не ждали,
И чествуя мужей, добру учившихъ насъ.

IX.

Мой другъ! любя разстался ты съ землею...
Въ томъ мірѣ смерть соединила бъ насъ!
Когда моя душа полна тобою
Мнѣ вѣрить ли, что ты навѣкъ угасъ?
Въ осиротѣломъ сердцѣ образъ милый
Носить я буду; свѣтлыя мечты
И память о быломъ даютъ мнѣ силы
Надѣяться на встрѣчу за могилой...
Возликовалъ бы я, узнавъ, что счастливъ ты.

X.

Здѣсь, у руинъ колонны величавой,
Сижу я одиноко. Зевса храмъ
Когда-то тутъ стоялъ въ сіяньи славы;
Но какъ теперь о немъ понятье дамъ?
Что временемъ разрушено, то снова
Не возсоздастъ мечтою человѣкъ.
Лишь камни тѣ хранятъ слѣды былого...
Для турка въ нихъ нѣтъ смысла никакого,
И съ пѣньемъ возлѣ нихъ проходитъ жалкій грекъ.

XI.

Съ тѣхъ поръ, какъ, потерявъ свои богатства,
Съ Палладой Зевсъ лишился алтарей,
Кто совершилъ всѣхъ хуже святотатство
Въ томъ храмѣ? Каледонія, краснѣй!
То былъ твой сынъ. Я радуюсь, что бритты
Такъ поступить позорно не могли.
Свобода отъ свободныхъ ждетъ защиты.
Увы! обломки храма съ грустью скрытой,
Бушуя, волны въ даль съ собою унесли!

РАЗВАЛИНЫ ХРАМА ЮПИТЕРА, ВЪ АѲИНАХЪ.
Рис. Уоррена (H. Warren), грав. В. Финдена (W. Finden).

XII.

Потомокъ пиктовъ, рядъ свершивъ насилій,
Разрушилъ то, что годы сберегли,
Что вандалы и турки пощадили...
Тотъ холоднѣе горъ родной земли,
Безплоденъ какъ скалистыя вершины,
Кто беззащитный трогаетъ народъ!
Бороться не могли съ врагомъ Аѳины...
Прошедшихъ бѣдъ имъ вспомнились годины;
Какъ показался имъ ужасенъ рабства гнетъ!

XIII.

Британія, ужели ты довольна,
Что плачетъ грекъ, который слабъ и сиръ?
Въ хищеніяхъ такихъ признаться больно.
Ты за себя краснѣть заставишь міръ!
Владычица морей, страна свободы,
Ножомъ пронзила ты Эллады грудь...
Ты защищаешь слабые народы,
А забрала, что пощадили годы,
На что и деспоты не смѣли посягнуть.

XIV.

Съ Эгидой что жъ ты не пришла, Паллада?
Аларихъ былъ тобою побѣжденъ;
Гдѣ жъ былъ Пелея сынъ? Изъ бездны ада
Въ тѣ дни съ копьемъ на бой явился онъ.
Ужель не захотѣлъ Плутонъ суровый
Его изъ ада выпустить опять,

МАЛЬТА.
Рис. Уоррена (H. Warren), грав. В. Финдена (W. Finden).

Чтобъ въ прахъ низвергнуть хищника другого?
Увы! Ахиллъ не появился снова,
Покинувъ Стиксъ, какъ встарь, чтобъ городъ защищать!

XV.

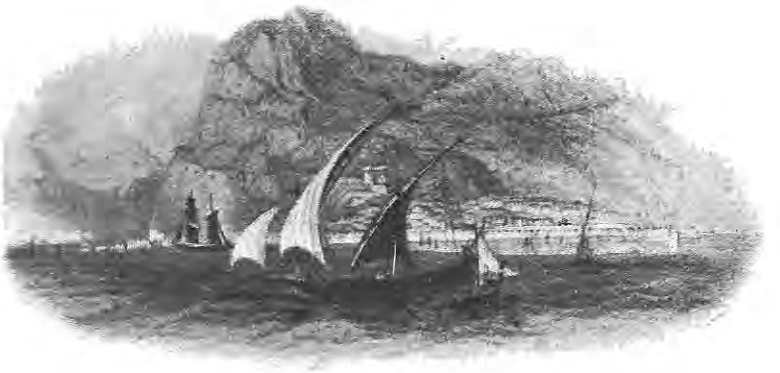
Безъ горя на тебя глядѣть нѣтъ мочи,
О, Греція! Прахъ милый схожъ съ тобой!
Чьи горькихъ слезъ не проливаютъ очи,
Глядя на искаженный образъ твой?
Будь проклятъ часъ, когда для разграбленья
Твоихъ святынь явился Альбіонъ,
Когда онъ разгромилъ твои владѣнья,
И плачущихъ боговъ безъ сожалѣнья
На сѣверъ мертвенный унесъ съ собою онъ.

XVI.

Вернуться къ моему герою время.
Гдѣ жъ Чайльдъ-Гарольдъ, мой мрачный пилигримъ?
Его людскихъ скорбей не давитъ бремя;
Притворныхъ слезъ любовница предъ нимъ
Не льетъ и другъ съ протянутой рукою
Нейдетъ къ нему въ отъѣзда грустный часъ.
Теперь онъ чуждъ любви и твердъ душою;
И вотъ безъ слезъ разстался онъ съ страною
Войны и темныхъ дѣлъ, гдѣ кровь рѣкой лилась.

XVII.

Красивъ фрегатъ, что мчится на просторѣ,
Лѣсъ мачтъ онъ оставляетъ за собой;
Здѣсь шпицы колоколенъ тонутъ въ морѣ,
Тамъ свѣтится песокъ береговой,



ГИБРАЛТАРЪ.

Рис. Г. Уоррена (*H. Warren*,) *грав. Е. Финденъ* (*E. Finden*).

А впереди, равниною безбрежной
Сверкая, серебрятся гребни волнъ...
Корабль средь нихъ, что лебедь бѣлоснѣжный;
Когда же киль въ борьбѣ съ волной мятежной,
Плохой корабль, и тотъ какъ будто жизни полнъ.

XVIII.

Любуйтесь обстановкою фрегата:
Здѣсь сѣть видна, тамъ пушекъ рядъ блеститъ;
Звучитъ команда; рвеніемъ объята,
Толпа матросовъ ей внимать спѣшитъ;
Здѣсь боцмана свистокъ порой въ движенье
Корабль приводитъ; мичманъ молодой
Тамъ дѣлаетъ свои распоряженья,
Имъ придавая важное значенье;
Онъ юнъ, а властвовать умѣетъ надъ толпой.

XIX.

На палубѣ нѣтъ пятнышка. Сурово
По ней шагаетъ строгій капитанъ;
Онъ проронить боится даромъ слово;
Кто страхомъ передъ нимъ не обуянъ?
Онъ преданъ дисциплинѣ, что заранѣ
Сулитъ успѣхъ; кто чтитъ ея законъ,
Тотъ верхъ всегда беретъ на полѣ брани;
Ей гордые покорны англичане;
Законъ—святыня ихъ, какъ строгъ бы ни былъ онъ.

XX.

Попутный вѣтеръ, дуй, съ волной играя,
Пока закатъ не сгинетъ въ лонѣ водъ.
Отставшую флотилью поджидая,
Корабль вождя тогда умѣритъ ходъ.
Лѣнивыхъ мы поносимъ безъ пощады;
По ихъ винѣ мы тратимъ время зря,
Невольно мы сгораемъ отъ досады,
Бросая въ даль задумчивые взгляды,—
Не мало надо ждать, пока сверкнетъ заря.

XXI.

Луна блеститъ; какъ эта ночь прекрасна!
Испещрено лучами лоно водъ;
Тамъ юноша въ любви клянется страстной.
И, вѣря, дѣва сердце отдаетъ;
Дай Богъ и намъ дѣла вести успѣшно
На берегу. Вотъ новый Аріонъ
Запѣлъ мотивъ любимый и поспѣшно
Матросъ пустился въ плясъ, смѣясь потѣшно,
Забывъ, что ужъ давно покинулъ берегъ онъ.

XXII.

Проливъ Кальпе такъ узокъ, что узоры
Двухъ береговъ видны. Европа тамъ
На берегъ Африки бросаетъ взоры.
Даритъ Геката лучъ свой тѣмъ мѣстамъ,
Гдѣ властвуютъ испанки, что богаты
Красой лица, и тѣмъ, гдѣ мавръ царитъ.
Но въ часъ, когда подъ факеломъ Гекаты
Блестятъ испанскихъ горъ лѣса и скаты,
Какъ Мавританіи унылъ и мраченъ видъ!

XXIII.

Когда сіяетъ ночь, душа невольно
Мечтаетъ о любви, что скрылась въ даль,
О дружбѣ прежнихъ дней. Безъ дружбы больно
Влачить свой вѣкъ,—съ ней быть въ разлукѣ жаль.
Кто жъ долгой жизни радъ, когда увяла,
Намъ измѣнивъ, въ дни юности любовь?
Для смерти остается дѣла мало,
Когда намъ страсть „прости“ навѣкъ сказала...
Дни счастья пережить кто не желалъ бы вновь!

XXIV.

Глядя на волнъ безбрежную пустыню,
Гдѣ отраженъ Діаны блѣдный свѣтъ,
Забывъ и упованья, и гордыню,
Мы преданы мечтамъ минувшихъ лѣтъ;
Какія бъ мы ни вѣдали страданья,
На днѣ души у всякаго изъ насъ
Отрадное блеститъ воспоминанье;
Какъ больно намъ, когда о немъ мечтанье
Слезу невольную изъ нашихъ вырветъ глазъ!

XXV.

Кто на вершинахъ скалъ сидитъ, внимая
Журчанью водъ, несущихся съ стремнинъ;
Кто, общества людского избѣгая,
Въ тѣни лѣсовъ скитается одинъ;
Кто на утесъ взбирается высокій,
Гдѣ стаду пастуха не слышенъ зовъ;
Кто любитъ и ущелья, и потоки,—
Тотъ развѣ въ мірѣ путникъ одинокій?
Нѣтъ, тотъ съ природою въ общеньи жить готовъ.

РАЗВАЛИНЫ ХРАМА ЮПИТЕРА, АѲИНЫ (The Temple of Jupiter Olympus, Athens).
Рис. Стэнфильдъ (C. Stanfield), грав. В. Финденъ (W. Finden).

XXVI.

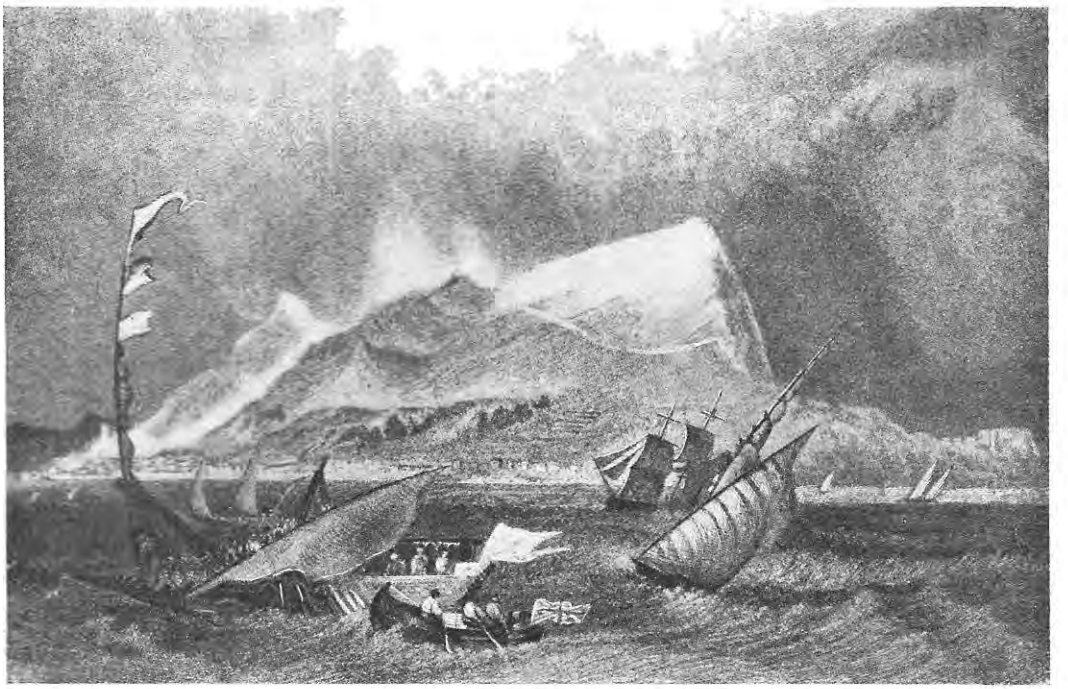
Кто жъ носится, скучая, въ вихрѣ свѣта
И осужденъ, усталый, дни влачить,
Любви не слыша теплаго привѣта,
Среди толпы, гдѣ некого любить,
Гдѣ павшему въ борьбѣ звучатъ проклятья,
Гдѣ даже не почтятъ вашъ прахъ слезой,
Кто дружеской руки не ждетъ пожатья,
Встрѣчая лишь льстецовъ однихъ объятья,—
Тотъ одинокъ вполнѣ; тотъ въ мірѣ всѣмъ чужой.

XXVII.

Счастливѣе сто разъ монахъ Аѳона.
Сродняется съ нимъ вѣчно чудный видъ:
Надъ нимъ лазурь сіяетъ небосклона,
У ногъ его спокойно море спитъ.
Усталый путникъ, бывшій въ краѣ этомъ,
Завидуетъ владѣльцамъ дивныхъ мѣстъ,
Жалѣя, что не жилъ анахоретомъ:
Не можетъ онъ мириться съ хладнымъ свѣтомъ,
Гдѣ осужденъ, какъ встарь, нести тяжелый крестъ.

XXVIII.

Я длинный путь описывать не стану,
Гдѣ мертвый штиль идетъ за бурей вслѣдъ;
Не мало кораблей по океану
Несется, хоть средь волнъ слѣдовъ ихъ нѣтъ.
Пловцы знакомы съ силой непогоды;



ГИБРАЛТАРЪ (Gibraltar).
Рис. Тэрнеръ (*J. M. W. Turner, R. A.*), *грав. Э. Финденъ* (*E. Finden*)

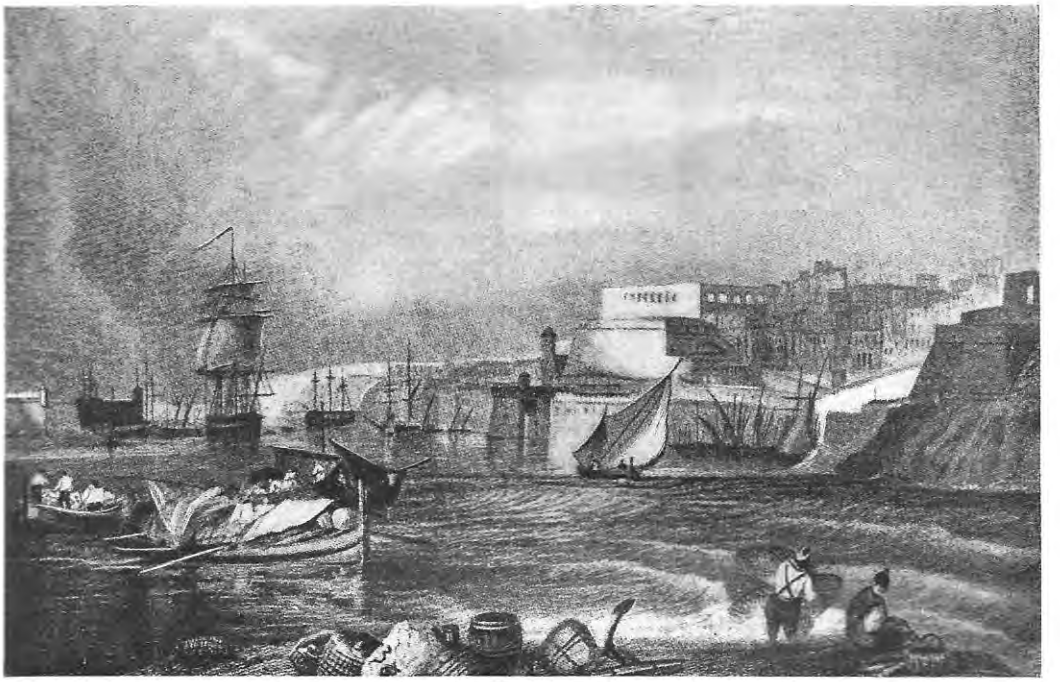
Какъ незавидна участь корабля,
Когда бушуетъ шквалъ и стонутъ воды!
Пловцовъ тогда кончаются невзгоды,
Когда отрадный крикъ звучитъ: земля, земля!

XXIX.

Здѣсь острова Калипсо, тѣша взгляды,
Какъ двѣ сестры, блестятъ средь лона водъ:
Тамъ гавань есть, ей мореходы рады,
Хоть въ ней давно Калипсо слезъ не льетъ
Объ Одиссеѣ, что, съ богиней въ ссорѣ,
Ей измѣнилъ для смертной. Вотъ утесъ,
Откуда Телемакъ скатился въ море,
Гонимъ суровымъ Ментором; здѣсь въ горѣ
Она отъ двухъ утратъ лила не мало слезъ.

XXX.

О, юноши, хоть ликъ богиня скрыла,
Васъ искушенье можетъ въ грѣхъ вовлечь.
Ее богиня смертная смѣнила,—
Вы съ новою Калипсо бойтесь встрѣчъ!
О, Флоренсъ! Если бъ только сердце это
Могло поддаться чарамъ красоты,
Тобою грудь моя бъ была согрѣта;
Но лучшаго достойна ты привѣта.
Твой храмъ не осквернятъ грѣховныя мечты.



МАЛЬТА (Malta).

Рис. Тэрнеръ (I. M. W. Turner, R. A.), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

XXXI.

Такъ думалъ Чайльдъ-Гарольдъ, глядя безъ страсти
На чудное видѣнье. Свѣтлый богъ,
Надъ нимъ ужъ не имѣя прежней власти,
Героя моего плѣнить не могъ.
Волненій чуждъ, онъ къ цѣли шелъ упрямо,
Не признавая болѣе любви;
Предъ нимъ навѣкъ закрылись двери храма,
Гдѣ онъ курилъ не мало ѳиміама:
Амуръ разжечь не могъ огонь въ его крови.

XXXII.

Красавица себѣ не объясняла,
Какъ Чайльдъ-Гарольдъ могъ устоять предъ ней,
Когда толпа поклонниковъ вздыхала
У ногъ ея, клянясь въ любви своей.
Плѣненъ ея волшебною красою,
Какъ могъ Гарольдъ не пасть къ ея ногамъ,
Признавшись, можетъ быть, кривя душою,
Что сталъ ея рабомъ? Тщетны порою
Признанья, но гнѣвить онѣ не въ силахъ дамъ.

XXXIII.

То сердце, что ей мраморнымъ казалось,
Молчанью и гордыни предано,
Съ искусствомъ обольщенія сроднялось;
Легко въ обманъ могло вводить оно.
Но Чайльдъ забылъ, какъ разставляютъ сѣти,
И силой обольщеній пренебрегъ;
Коль нѣтъ любви, напрасны средства эти,
Когда бъ лишь для любви онъ жилъ на свѣтѣ,
Съ толпой вздыхателей смѣшаться бы не могъ.

XXXIV.

Тотъ плохо знаетъ женщинъ, кто увѣренъ,
Что вздохами ихъ можно побѣдить;
Взявъ сердце въ плѣнъ, рабомъ, который вѣренъ
И преданъ имъ, зачѣмъ же дорожить?
Влюбленный поступаетъ неумѣло,
Смиреніе раба пуская въ ходъ;
Скрывая страсть, идите къ цѣли смѣло;
Надежда на успѣхъ не портитъ дѣла;
Дразните ихъ любовь—и васъ побѣда ждетъ.

XXXV.

Объ этой старой истинѣ скорбѣли
Не разъ и тѣ, что чтутъ ея законъ;
Счастливецъ, что достигъ завѣтной цѣли,
Ничтожествомъ награды пораженъ.
Безчестье, даромъ сгубленныя силы—
Любви счастливой горькіе плоды;
Когда жъ разстались мы съ надеждой милой,
Насъ мучитъ сердца рана до могилы,
Хотя былой любви исчезли и слѣды.

XXXVI.

Но здѣсь покинемъ рядъ мечтаній праздныхъ.
Не мало мы увидимъ горъ и водъ,
Не мало мы картинъ увидимъ разныхъ,
Не призраки—тоска насъ поведетъ.
Намъ быть въ краяхъ, какихъ игрой мышленья
Создать не въ состояньи человѣкъ,
Какихъ намъ не опишутъ тѣ творенья,
Гдѣ людямъ расточаютъ наставленья,
Какъ будто въ нихъ есть прокъ для нравственныхъ калѣкъ.

XXXVII.

Природа мать, что можетъ быть чудеснѣй
Твоихъ роскошныхъ видовъ и картинъ?
Тобою полнъ, тебя встрѣчаетъ пѣсней
Твой преданный, хоть не любимый сынъ.
Не восхищаться видами нѣтъ мочи,
Гдѣ безъ прикрасъ ты въ дикости своей
Являешься. И днемъ, и въ мракѣ ночи
Улыбками мои ты тѣшишь очи,
Но гнѣва полная ты мнѣ всего милѣй.

ИТАКА (Ithaca).

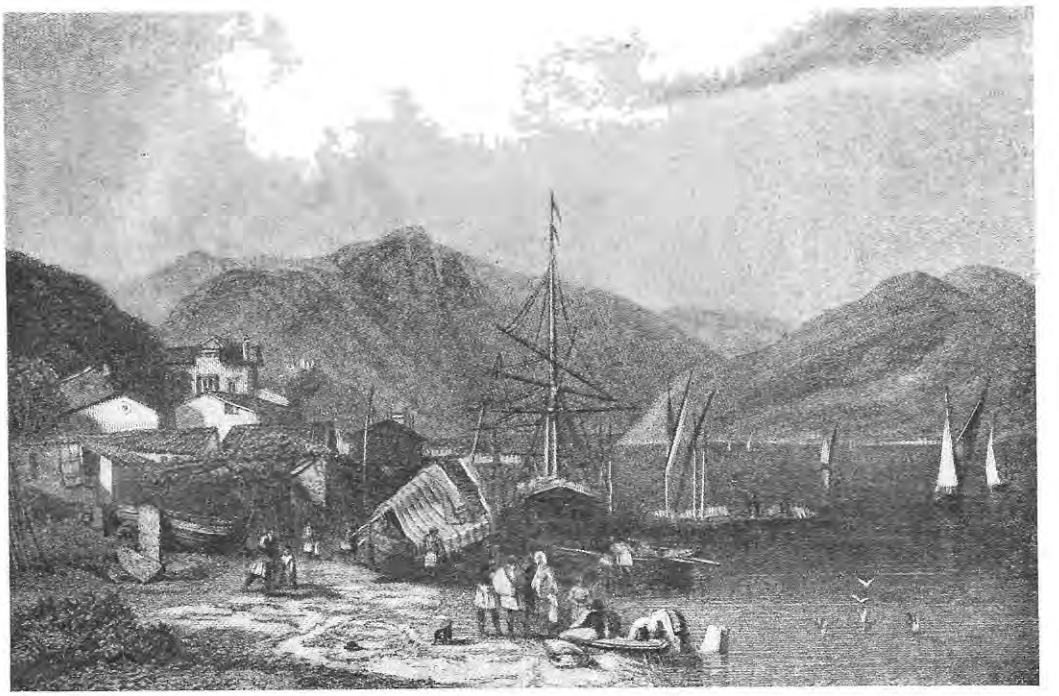
Рис. Уоррена (H. Warren), грав. Э. Финдена (E. Finden).

XXXVIII.

Албанія! отчизна Искендеровъ,
Что удивляли подвигами свѣтъ,
Явивъ не мало доблестныхъ примѣровъ,—
О дикій край, я шлю тебѣ привѣтъ!
Гдѣ храмы возвышалися когда то,
Пророка минареты тамъ видны.
Не блещетъ крестъ, съ церквей исламомъ снятый;
Средь кипарисныхъ рощъ страны богатой,
Близъ городовъ твоихъ сіяетъ рогъ луны.

XXXIX.

Вотъ бѣдный край, гдѣ Пенелопа въ горѣ,
Глядя на волны, плакала не разъ.
А вотъ скала: здѣсь Сафо вверглась въ море.
О, пѣснопѣнья богъ, какъ ты не спасъ
Отъ гибели поэзіи кумира,
Когда огонь безсмертья въ немъ горѣлъ?
Погибла, Сафо, ты, но не для міра,
Коль можетъ намъ дарить безсмертье лира,
Тотъ рай, что лишь одинъ мы вправѣ ждать въ удѣлъ.



ИТАКА (Ithaca).
Рис. Стэнфильдъ (C. Stanfield), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

XL.

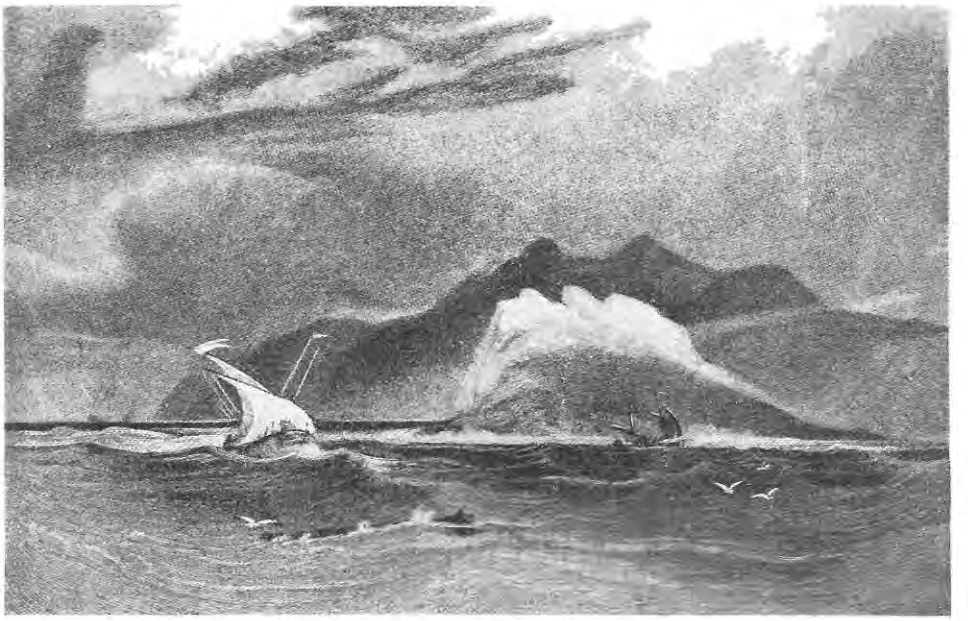
Левкадскій мысъ увидѣлъ Чайльдъ въ волненьи
Въ осенній вечеръ, полный свѣтлыхъ чаръ;
Затѣмъ онъ посѣтилъ поля сраженій:
Вотъ Акціумъ, Лепантъ и Трафальгаръ.
Не тронули его преданья славы;
Рожденъ подъ невоинственной звѣздой,
Не восхищался онъ борьбой кровавой,—
Считалъ войну преступною забавой
И брани презиралъ, встрѣчая ихъ съ враждой.

XLI.

Когда звѣзда, сіяя въ небѣ ясно,
Блеснула надъ Левкадскою скалой;
Когда предъ нимъ пріютъ любви несчастной
Въ послѣдній разъ мелькнулъ во мглѣ ночной,
Волненье Чайльдъ-Гарольда охватило;
Въ тѣни скалы онъ плылъ, стремясь въ даль,
И на нее, въ тоскѣ, глядѣлъ уныло;
Когда же мгла ее отъ взоровъ скрыла,
Его больной души разсѣялась печаль.

XLII.

Въ сіяніи зари предъ нимъ блеснули
Зубчатые верхи Албанскихъ горъ:
Среди тумана вотъ утесы Сули,



МЫСЪ ЛЕВКАДІЯ (Cape Leucadia).

Рис. Копли Фильдинъ (Copley Fielding), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

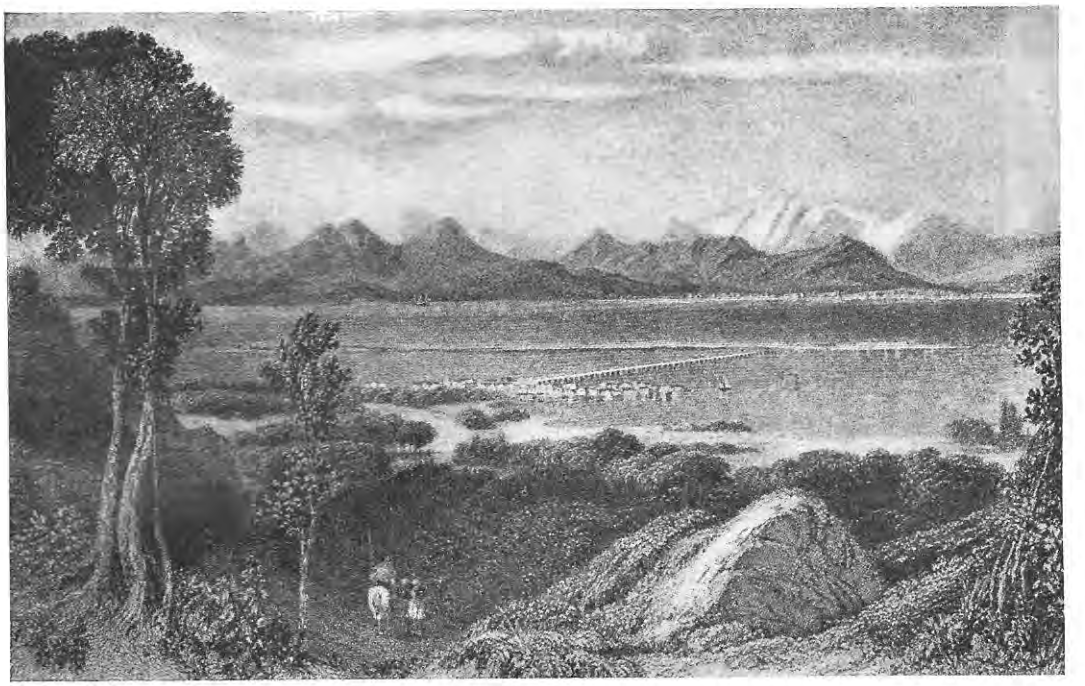
Вдали жъ вершина Пинда тѣшитъ взоръ;
Ея алѣетъ снѣгъ, одѣтъ зарею;
Здѣсь рыщетъ волкъ, остритъ свой клювъ орелъ,
Тамъ хаты горцевъ, преданныхъ разбою...
То царство грозъ, что зимнею порою,
Зловѣщихъ силъ полны, громятъ и лѣсъ, и долъ.

XLIII.

Простившись съ просвѣщеньемъ, въ край далекій,
Что хвалятъ всѣ, хоть жить боятся въ немъ,
Явился Чайльдъ. Какъ путникъ одинокій,
Бродилъ въ краю онъ мрачномъ и глухомъ,
Гдѣ бѣдъ не зналъ, хотя, къ борьбѣ готовый,
И не страшился ихъ; тотъ край былъ дикъ,
За то его картины были новы.
Гарольдъ, мирясь съ погодой то суровой,
То знойной, безъ труда къ усталости привыкъ.

XLIV.

Поруганный исламомъ, крестъ смиреньемъ
Гордыню замѣнилъ минувшихъ дней..
Христіанина здѣсь клеймятъ презрѣньемъ:
Въ загонѣ и служитель алтарей.
Какъ суевѣрья жалки проявленья!
Оно для духовенства лишь доходъ,
Сулящій прочимъ смертнымъ разоренье;
Религію позорятъ лжеученья!
Кто золото ея отъ примѣсей спасетъ?



САНТА-МАВРА (Santa-Maura).

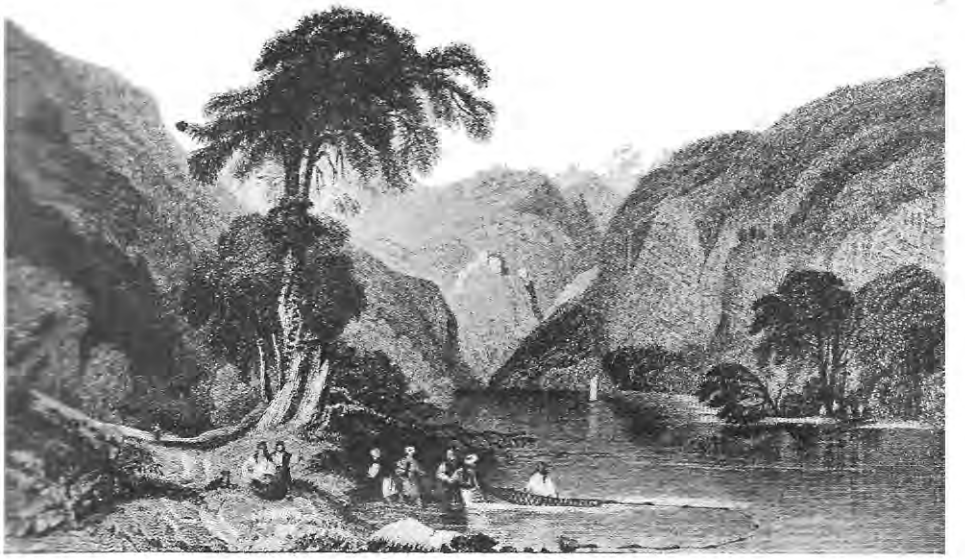
Рис. Стэнфильдъ (C. Stanfield), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

XLV.

Амбраціи заливъ блеститъ предъ нами.
За женщину здѣсь кровь лилася встарь,
Сражались подъ одними знаменами
И римскій вождь, и азіатскій царь.
Здѣсь Августа трофеи свѣтъ дивили.
Тотъ міръ исчезъ и памятника нѣтъ.
Людская скорбь была плодомъ усилій
Монарховъ, что анархіи служили...
Ужель былъ созданъ міръ для грома ихъ побѣдъ?

XLVI.

Долинами Иллиріи дорога
Гарольда шла отъ грани гордыхъ скалъ
Албаніи. Тамъ мѣстъ онъ видѣлъ много,
Что ни одинъ туристъ не описалъ.
Хотъ Аттика роскошно разодѣта,
Хоть живописны Темпе и Парнасъ,
Невольно вдохновляющій поэта,—
Картинами страна богата эта,
Которыя, какъ тѣ, красой плѣняютъ насъ.



ТЕМПЕЙСКАЯ ДОЛИНА (Vale of Tempe).
Рис. Пэрсеръ (W. Purser), грав. Уильморъ (I. Willmore).

XLVII.

Онъ за собою снѣжный Пиндъ оставилъ
И, не успѣвъ въ столицу заглянуть,
Чрезъ воды ахерузскія направилъ
Къ властителю Албаніи свой путь.
Слова Али—законы. Кровь ручьями
Онъ въ вѣчно непокорномъ льетъ краю,
Гдѣ горцы, защищенные скалами,
Порой вступаютъ въ бой съ его войсками,
Лишь передъ золотомъ клоня главу свою.

XLVIII.

О, Зитца! уголокъ земли священной,
Что полонъ чаръ. Добравшись до высотъ,
Гдѣ ты въ тѣни стоишь уединенно,
Тебѣ привѣтъ плѣненный путникъ шлетъ!
Лазурь небесъ, сливаясь воедино
Съ деревьями, скалами и рѣкой,
Ласкаетъ взоръ волшебною картиной;
Вдали каскадъ, несущійся съ стремнины,
Хоть будитъ страхъ въ душѣ, плѣняетъ красотой.

АЛБАНЕЦЪ-ПОДПАСОКЪ (The Albanian little Shep herd).
Рис. Пэрсеръ (W. Purser), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

XLIX.

Бѣлѣетъ одинокая обитель
Средь рощи, за которою грядой
Синѣютъ цѣпи горъ. Случайный зритель
Глядитъ на чудный видъ, смутясь душой.
Радушенъ здѣсь монахъ. Благословляя,
Всегда онъ встрѣтить путника готовъ,
И тотъ, плѣненъ красой волшебной края,
Уходитъ, съ сожалѣньемъ покидая
Того монастыря гостепріимный кровъ.

L.

Въ тѣни деревъ здѣсь отдыхать отрада;
Въ полдневный зной играетъ вѣтерокъ,
Больную грудь живитъ его прохлада;
Само здѣсь небо дышитъ: долъ далекъ...
О, странникъ! коротай часы досуга
Средь благовонныхъ рощъ, гдѣ мракъ вѣтвей
Спасаетъ отъ жары и отъ недуга,
И наслаждайся здѣсь природой Юга,
Сіяніемъ зари и прелестью ночей.

АЛИ-ПАША (Ali Pacha).
Рис. Ф. Стонъ (F. Stone), грав. В. Финденъ (W. Finden).

LI.

Амфитеатромъ мрачныя громады
Хемаріотскихъ Альпъ вдали блестятъ;
На ихъ подножье путникъ бросивъ взгляды,
Богатую долину видѣть радъ.
Стада пасутся тамъ, ключи, сверкая,
Журчатъ въ тѣни деревъ. То Ахеронъ,
Гдѣ нѣкогда царила смерть нѣмая.
Коль это адъ, то мнѣ не нужно рая,—
Въ Элизіумъ попасть я не хочу, Плутонъ!

LII.

Кругомъ нѣтъ городовъ; Янина скрыта
Завѣсой мрачныхъ горъ. Ни селъ, ни хатъ
Въ окраинѣ не видно позабытой;
Безплоденъ этотъ край и небогатъ.
Въ ущельяхъ горъ мелькаютъ то и дѣло
Красивыя стада безстрашныхъ козъ;
Подпаски ихъ ведутъ въ одеждѣ бѣлой,
То по горамъ за ними идутъ смѣло,
То подъ навѣсомъ скалъ скрываются отъ грозъ.

LIII.

Додона, гдѣ жъ твой лѣсъ? Гдѣ знаменитый
Тотъ долъ, гдѣ эхо вторило словамъ
Юпитера? Оракулъ твой забытый

Умолкъ на вѣкъ; гдѣ жъ Громовержца храмъ?
О, люди! грѣхъ на то роптать сугубо,
Что смерть готовитъ вамъ свои дары.
Вѣдь съ участью боговъ сродниться любо;
Уже ль вамъ дольше мрамора и дуба
На свѣтѣ жить, тогда какъ рушатся міры?

LIV.

Съ Эпиромъ Чайльдъ разстался. Горъ вершины
Томятъ своимъ однообразьемъ взоръ;
Ихъ за собой оставивъ, онъ долины
Увидѣлъ вдругъ чарующій просторъ.
Хорошъ и долъ съ рѣкою величавой,
Что отражаетъ въ зеркалѣ своемъ
Густую зелень дремлющей дубравы,
Сіянье дня, заката лучъ кровавый
И блѣдный свѣтъ луны, когда все спитъ кругомъ.

LV.

Угасъ закатъ за гранью Томерита;
Былъ грозенъ плескъ Лаоссы бурныхъ водъ;
Сгущалась тѣнь; все было мглою скрыто.
Гарольдъ тропой прибрежной шелъ впередъ.
Катилася рѣка, покрыта пѣной.
Вдали, какъ метеоры, въ тьмѣ ночной
Блестѣли минареты Тепалена.
А вотъ и фортъ; его бѣлѣютъ стѣны;
Тамъ крики войскъ звучатъ; имъ вторитъ вѣтра вой.

LVI.

Пройдя гаремъ, гдѣ царствуетъ молчанье,
Чрезъ ворота, Гарольдъ увидѣть могъ
Волшебно разукрашенное зданье—
Всесильнаго властителя чертогъ;
Въ немъ евнухи снуютъ, рабы, солдаты;
Жилище, гдѣ проводитъ жизнь тиранъ—
Снаружи фортъ, внутри жъ дворецъ богатый;
Предъ деспотомъ всѣ трепетомъ объяты;
Тамъ сборище людей всѣхъ климатовъ и странъ.

LVII.

Среди двора стоитъ, сверкая броней,
Всегда готовый къ бою эскадронъ;
Украшены роскошной сбруей кони;
Стекаются сюда со всѣхъ сторонъ
Войска паши, дворецъ оберегая.
Здѣсь группы грековъ, мавровъ, мусульманъ;
Тамъ, пестрою одеждою сверкая,
Стоятъ, держа знамена, горцы края.
О томъ, что ночь пришла, вѣщаетъ барабанъ.

LVIII.

Въ чалмѣ, въ расшитомъ золотомъ кафтанѣ,
Держа въ рукѣ свой длинный карабинъ,
Стоитъ албанецъ; тамъ, при ятаганѣ,

ЗИТЦА (Zitza).

Рис. Уоррена (H. Warren), грав. В. Финдена (W. Finden).

Гарцуетъ Дели, горъ отважный сынъ;
Здѣсь македонецъ, шарфъ надѣвъ кровавый,
Проходитъ съ чернымъ евнухомъ; а вотъ
Проныра грекъ, и шустрый и лукавый;
Тамъ тоже виденъ турокъ величавый,
Что, на слова скупясь, приказы лишь даетъ.

LIX.

Тѣ курятъ, наблюдая; тѣ играютъ;
Здѣсь турокъ совершаетъ свой намазъ;
Тамъ группы горцевъ гордо выступаютъ;
Болтливый грекъ пускаетъ въ ходъ разсказъ.
Различныхъ группъ повсюду видно много...
Чу! съ минарета муэзина гласъ
Вдругъ прозвучалъ торжественно и строго.
Слова звучатъ: „Нѣтъ Бога, кромѣ Бога,
Одинъ лишь Богъ великъ! Насталъ молитвы часъ!“

LX.

Въ то время постъ тянулся Рамазана;
Всѣ днемъ ему вѣрны; когда жъ закатъ,
Блѣднѣя, угасаетъ средь тумана,
Пророка сынъ разгавливаться радъ.
Въ дворцѣ Али, объятомъ суетою,
Роскошный столъ для пира былъ накрытъ.
Рабы сновали съ блюдами, гурьбою.
Лишь галлереи были скрыты тьмою,
Дворецъ жъ весь сіялъ, являя чудный видъ.

ЯНИНА (Yanina).

Рис. Гардингъ (Y. D. Harding), гравировалъ Гейэмъ (T. Higham).

LXI.

Здѣсь женскаго не слышно разговора,—
Въ гаремахъ дамы скрыты. Здѣсь жена,
Какъ жертва неусыпнаго надзора,
Душой и тѣломъ мужу предана.
Она въ плѣну, но ей не снится воля;
Она любовь и власть супруга чтитъ;
Дѣтей взрощать ея святая доля.
Они всегда при ней. Ихъ нѣжно холя,
Въ душѣ порочныхъ думъ турчанка не таитъ.

LXII.

Въ роскошномъ павиліонѣ, гдѣ отъ зноя
Спасалъ владыку брызгами фонтанъ,
Али полулежалъ; себя покоя,
Лѣниво онъ склонялся на диванъ.
Онъ вождь и кровожадный, и жестокій,
Но старика благочестивый ликъ
Не отражалъ его души пороки;
А предъ собой онъ крови лилъ потоки
А совершать дѣла преступныя привыкъ.

LXIII.

Хотя Гафизъ сказалъ, что увлеченья
Дней юности мирятся съ сѣдиной;
Хотя теосскій бардъ того же мнѣнья,
Но тотъ, кто глухъ къ мольбамъ и черствъ душой.

ЯНИНА (Yanina).
Рис. Стэнфильдъ (C. Stanfield), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

Кого страданье ближняго не тронетъ,
Тотъ съ тигромъ схожъ по лютости своей;
Кто предъ собою кровь струею гонитъ,
Кто лилъ ее въ дни младости, тотъ тонетъ
Среди кровавыхъ волнъ на склонѣ мрачныхъ дней.

LXIV.

Гарольдъ, разбитый дальнею дорогой,
Въ дворцѣ Али-паши пріютъ нашелъ,
Но скоро блескъ восточнаго чертога,
Гдѣ роскоши воздвигнутъ былъ престолъ,
Ему наскучилъ. Пышности отравы
Веселья губятъ скромную среду;
Душевный миръ тревожатъ эти нравы;
Не радуютъ условныя забавы...
Веселье съ пышностью не могутъ жить въ ладу.

LXV.

Албанцы полудикіе суровы,
Но къ доблести имъ славный путь знакомъ;
Они труды войны нести готовы;
Когда жъ они бѣжали предъ врагомъ?
Ихъ жизнь скромна; они не лицемѣрны;
Надежна дружба ихъ, опасна месть;
Ихъ подвиги и удаль безпримѣрны,
Когда съ вождемъ любимымъ, долгу вѣрны.
Торопятся они съ врагами счеты свесть.

ЯНИНА (Yanina).
Рис. Уоррень (H. Warren), грав. В. Финденъ (W. Finden).

LXVI.

Въ дворцѣ Али, гдѣ къ бою все готово,
Гарольдъ увидѣлъ ихъ; судьбой гонимъ,
Впослѣдствіи онъ ихъ увидѣлъ снова,
Когда случайно въ плѣнъ попался къ нимъ.
Отъ злыхъ людей, въ бѣдѣ, не жди защиты.
Ему же горецъ далъ пріютъ и кровъ,
Гостепріимства чтя законъ забытый;
Порой не такъ гостепріимны бритты,—
Какъ рѣдко намъ отвѣтъ даютъ на сердца зовъ!

LXVII.

Случилось разъ, что Чайльдъ-Гарольда судно
Къ скаламъ Сулійскимъ буря принесла;
Бороться съ моремъ было безразсудно,
Но и въ странѣ, гдѣ царствовала мгла,
Быть можетъ, смерть матросамъ угрожала.
Страшилъ ихъ край коварныхъ дикарей;
Все жъ судно, наконецъ, къ брегамъ пристало,
Гдѣ горцы иностранцевъ любятъ мало,
Встрѣчая, какъ враговъ, непрошенныхъ гостей.

LXVIII.

И что жъ? Ихъ горцы встрѣтили, как братья;
Чрезъ скалы и ущелья провели;
Зажгли огонь; ихъ высушили платья;
Чтобъ ихъ согрѣть, вина имъ поднесли
И скромный приготовили имъ ужинъ;

АЛИ-ПАША ВЪ СВОЕМЪ ДВОРЦѢ (Ali-Pacha at Tepaleen).
Рис. Кокерель (C. R. Cockerell, R. A.), грав. В. Финденъ (W. Finden).

Но, не скупяся, всякій далъ, что могъ;
Такъ поступаетъ тотъ, кто съ правдой друженъ.
Такой примѣръ для эгоистовъ нуженъ:
Краснѣть заставитъ ихъ тотъ нравственный урокъ.

LXIX.

Гарольдъ узналъ, бросая эти горы,
Гдѣ встрѣтилъ онъ и ласку, и привѣтъ,
Что по ущельямъ грабятъ мародеры
И путникамъ сулятъ не мало бѣдъ.
Проводниковъ лихихъ, готовыхъ къ бою,
Онъ нанялъ и направился впередъ...
Оставивъ лѣсъ дремучій за собою,
Простился съ ними онъ, плѣненъ красою
Долинъ Эттоліи, гдѣ Ахелой течетъ.

LXX.

Предъ нимъ заливъ, гдѣ дремлющія волны
Любовью отражаютъ блескъ небесъ;
Заливъ молчитъ; таинственности полный,
Глядится въ немъ вблизи растущій лѣсъ.
Едва скользя по волнамъ, вѣтеръ дышитъ

Той нѣгою, которой югъ богатъ,
И въ полумглѣ деревья чуть колышетъ.
Здѣсь Чайльдъ-Гарольдъ слова привѣта слышитъ:
Любуясь ночью той, волненьемъ онъ объятъ.

LXXI.

На берегу веселою ватагой
Сидѣли паликары. Вкругъ огни
Бросали свѣтъ. Вина пурпурной влагой,
Окончивъ ужинъ, тѣшились они.
До полночи, подъ яркимъ неба сводомъ,
Ихъ пляска началась. Мечи сложивъ,
Они сомкнулись въ кругъ и полнымъ ходомъ
Пошли плясать; сливаясь съ хороводомъ,
Ихъ пѣсни раздался воинственный мотивъ,

LXXII.

Гарольда не смущали эти нравы;
Невдалекѣ отъ горцевъ находясь,
Слѣдилъ онъ за невинною забавой,
Что поражала грубостью подчасъ.
Движенья паликаровъ были дики;
До плечъ спадали волны ихъ кудрей;
Ихъ взгляды были ярки, смуглы лики,
И походили болѣе на крики,
Чѣмъ на мелодіи, напѣвы дикарей.

1.

Гремятъ барабаны, сраженья суля,
Надеждою духъ храбрецовъ веселя.
Услыша призывъ, иллиріецъ идетъ,
Химарецъ и мрачный лицомъ суліотъ.

2.

Онъ въ бѣломъ хитонѣ и буркѣ своей.
Кто въ схваткѣ съ врагомъ суліота храбрѣй?
Онъ волку и коршуну стадо даритъ
И въ долъ, какъ потокъ со стремнины, бѣжитъ.

3.

Тотъ горецъ, что мститъ за обиды друзьямъ,
Даруетъ ли жизнь побѣжденнымъ врагамъ?
Пощады не будетъ; намъ месть дорога;
Нѣтъ цѣли отраднѣй, чѣмъ сердце врага.

4.

Пещеру покинувъ, съ охотой простясь,
Герой македонецъ нагрянетъ какъ разъ.
Онъ въ шарфѣ багряномъ, что станетъ алѣй
Отъ крови, которой прольется ручей.

5.

Парнасскихъ пиратовъ пріютъ океанъ;
Въ рабовъ обратили они христіанъ;
И сходятъ теперь со своихъ кораблей,
Чтобъ плѣнные съ звономъ сроднились цѣпей.

СУЛІЙСКІЯ ГОРЫ (The Rocksof Suli).

Рис. Стэнфильдъ (C. Stanfield), грав. Коузенъ (I. Cousen).

6.

Богатствъ мнѣ не надо. Что деньги дарятъ
Безсильному, то заберетъ мой булатъ.
Не мало красавицъ умчу за собой;
На плечи ихъ косы спадаютъ волной...

7.

Красою я юныхъ любуюся дѣвъ;
Мнѣ милы ихъ ласки и сладокъ напѣвъ.
Я гусли имъ дамъ, чтобы пѣли онѣ
О томъ, какъ ихъ пали отцы на войнѣ!

8.

Превизы припомните штурмъ и рѣзню!
Все предали мы и мечу, и огню;
Добычу дѣлили, побѣдой гордясь;
Лишь юныхъ красавицъ тамъ кровь не лилась.

9.

Со страхомъ и жалостью тотъ не знакомъ,
Кто въ битву несется за храбрымъ вождемъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ пророка дни славы прошли,
Вождя мы не знали храбрѣй, чѣмъ Али!

ПАРГА (Parga).
Рис. Уоррена (H. Warren), грав. В. Финдена (W. Finden).

10.

Мухтаръ, предводителя доблестный сынъ,
Идетъ во главѣ придунайскихъ дружинъ.
Гяуровъ сомнетъ онъ въ кровавомъ бою:
Имъ вновь не увидѣть отчизну свою!

11.

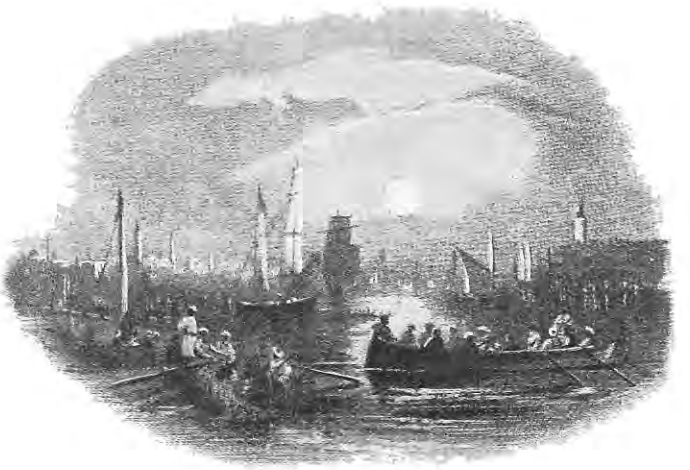
Селикторъ! вождю ты подай ятаганъ!
Суля намъ сраженье, гремитъ барабанъ.
Мы въ горы вернемся съ побѣднымъ вѣнкомъ,
Иль больше домой никогда не придемъ!

LXXIII.

Эллада, прежней доблести могила,
Хоть пала ты, тебя безсмертье ждетъ;
Ты велика, хотя давно почила!
Съ твоихъ дѣтей кто свергнетъ рабства гнетъ?
Не встанутъ тѣ, что пали въ Ѳермопилахъ,
Что храбро на смерть шли, свой край любя.
Гдѣ тотъ герой, что подражать имъ въ силахъ?
Эллада! спятъ они въ своихъ могилахъ.
Изъ царства вѣчной тьмы кто жъ вызоветъ тебя?

LXXIV.

Могло ль тебѣ присниться, духъ свободы,
Когда ты шелъ за Ѳразибуломъ вслѣдъ,
Что Аттики отважные народы
Дивить своимъ позоромъ будутъ свѣтъ?
Не грозные тираны ими правятъ,



СТАМБУЛЪ.

Рис. Уоррена (H. Warren), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

А каждый турокъ видитъ въ нихъ рабовъ.
Не сбросить имъ тѣ цѣпи, что ихъ давятъ,
Всю жизнь оковы рабства ихъ безславятъ,
И греки не разятъ, а лишь клянутъ враговъ.

LXXV.

Они не тѣ, хоть сохранили годы
Имъ прежній типъ. Глядя на блескъ ихъ глазъ,
Подумаешь, что свѣтлый духъ свободы,
Какъ въ оны дни, въ нихъ, теплясь, не угасъ.
Инымъ все снится отблескъ прежней славы,
Но ждутъ они, что ихъ спасутъ отъ ранъ
И бѣдствій чужеземныя державы,
А сами не стремятся въ бой кровавый,
Чтобъ вычеркнуть свой край изъ списка павшихъ
странъ.

LXXVI.

Сыны рабовъ! не знаете вы, что ли,
Что плѣнные оковы сами рвутъ,
Когда ихъ вдохновляетъ голосъ воли?
Ни Франція, ни Русь васъ не спасутъ.
Пусть будетъ смятъ вашъ врагъ, а все лучами
Свобода не порадуетъ вашъ взоръ.
Илотовъ тѣни! бросьтесь въ сѣчу сами!
Ярмо свое мѣняя, съ славы днями
Вы не сроднитесь вновь и вашъ удѣлъ—позоръ!

LXXVII.

Быть можетъ, вновь тѣ области, гдѣ нынѣ
Царитъ Аллахъ, къ гяурамъ перейдутъ;
Быть можетъ, мусульманскія твердыни
Предъ мощью христіанъ, какъ встарь, падутъ;
Быть можетъ, вагабиты съ силой новой
Зальютъ рѣкой кровавою Востокъ,
Но никогда свободы свѣточъ снова
Не озаритъ страну, что рокъ суровый
На долю рабскую, изъ вѣка въ вѣкъ, обрекъ.

LXXVIII.

Ликуютъ греки: близится то время,
Когда они, прощаяся со зломъ,
Готовятся грѣховъ умалить бремя
Молитвой, покаяньемъ и постомъ.
Веселью предаются, безъ опаски,
Предъ тѣмъ они, не зная грустныхъ думъ;
Тогда разрѣшены пиры и пляски;
Вездѣ снуютъ въ костюмахъ странныхъ маски,
И карнавалъ царитъ, сливая съ блескомъ шумъ.

LXXIX.

Хоть сталъ мечетью храмъ святой Софіи
И Магометъ святыни осквернилъ,
Стамбулъ, столица древней Византіи,
Веселья полнъ. Былое грекъ забылъ
(Опять я грусти полнъ). Хоть никогда я
Такого оживленья не видалъ,
Какъ на Босфорѣ, все жъ веселье края
Мнѣ напускнымъ казалось: слухъ лаская,
Былой свободы гимнъ тамъ больше не звучалъ.

LXXX.

Какъ берегъ оживленъ толпой шумливой!
Не умолкая, пѣсни тамъ звучатъ.
Ударамъ веселъ вторятъ ихъ мотивы
И раздаются съ плескомъ моря въ ладъ.
Царицы волнъ сіяетъ отблескъ нѣжный;
Когда жъ, скользя чуть слышно по волнамъ,
Рябитъ морскую гладь зефиръ прибрежный,—
Дробится лунный свѣтъ въ волнѣ мятежной,
Которая его уноситъ къ берегамъ.

LXXXI.

Скользятъ по волнамъ лодки; пляшутъ дѣвы
На берегу; отрадна и легка
Такая ночь. Какъ страстны ихъ напѣвы!
Горятъ ихъ очи; руку жметъ рука...
Въ дни юности, въ вѣнки сплетая розы,
Любовь живитъ и сладко грѣетъ насъ;
Ни циникъ, ни философъ съ силой грезы
Борьбу вести не могутъ; сушитъ слезы
И можетъ насъ съ судьбой мирить блаженства часъ.

ЧАЙЛЬДЪ-ГАРОЛЬДЪ У СУЛІОТОВЪ (Child Harold and Suliotes).
Рис. Ричардъ Вестоль (Richard Westal, R. A.), грав. Дж. Ромней (John Romney).

LXXXII.

Не всѣ, однако жъ, общимъ оживленьемъ
Довольны. Грусть на лицахъ ихъ видна;
Не ихъ ли безполезнымъ сожалѣньямъ
Уныло вторитъ ропотомъ волна?
Имъ больно, что веселію объятья
Открыли греки; радости печать
На лицахъ гражданъ будитъ ихъ проклятья;
Тоской убиты, праздничное платье
Хотѣли бы они на саванъ промѣнять.

LXXXIII.

Такъ мыслитъ вѣрный сынъ родного края
(А много ль ихъ въ Элладѣ мы начтемъ?)
Не станетъ патріотъ, къ войнѣ взывая,
Мечтать о мирѣ, ползая рабомъ;
И, мечъ смѣнивъ на плугъ, не станетъ шею
Подъ игомъ гнуть. Всѣхъ меньше любитъ тотъ
Отчизну, кто обласканъ больше ею.
Вы жалки, греки! Славою своею
Васъ длинный предковъ рядъ позоритъ и гнететъ.

ПЛЯСКА ПАЛИКАРОВЪ.

Рис. Уоррена (H. Warren), грав. В. Финдена (W. Finden).

LXXXIV.

Когда Эпаминондъ родится новый,
Когда спартанцы встанутъ изъ могилъ,
Когда Аѳинъ блеснетъ вѣнокъ лавровый
И гражданъ, полныхъ доблести и силъ,
Гречанки вскормятъ вновь,—тогда Эллада,
Но лишь тогда, воскреснетъ. Надъ страной,
Чтобъ дать ей мощь, вѣкамъ промчаться надо;
Ее жъ мгновенье губитъ. Лишь плеяда
Столѣтій верхъ беретъ надъ гнѣвною судьбой.

LXXXV.

А все прекрасна ты, хоть горемъ смята,
Страна боговъ и равныхъ имъ мужей!
Ты зеленью роскошною богата;
Снѣгъ горъ твоихъ отъ солнечныхъ лучей
Не таетъ; ты—любимица природы;
Но алтари и храмы прежнихъ лѣтъ
Разрушены: ихъ въ прахъ повергли годы.
Такъ гибнетъ то, что создаютъ народы;
Вѣка лишь доблести стереть не могутъ слѣдъ.

КОЛОННСКІЙ МЫСЪ (Cape Colonna).
Рис. Уоррена (H. Warren), грав. Э. Финдена (E. Finden).

LXXXVI.

Кой-гдѣ стоитъ колонна одиноко;
Она судьбу своихъ сестеръ клянетъ;
Минервы храмъ, что палъ по волѣ рока,
Съ Колоннскихъ скалъ глядится въ лонѣ водъ.
На всемъ здѣсь отпечатокъ разрушенья;
Вотъ передъ вами рядъ могильныхъ плитъ,
Что отъ вѣковъ спаслись,—не отъ забвенья.
Порою иностранецъ, полнъ волненья,
Оглядывая ихъ, какъ я, имъ вздохъ даритъ.

LXXXVII.

А все здѣсь небо сине; блещутъ нивы;
Дубравы нѣгой полны; воздухъ чистъ;
Какъ въ дни Минервы, зрѣютъ здѣсь оливы,
И пчелъ Гимета сладкій медъ душистъ;
Унылъ и дикъ, какъ прежде, видъ ущелій,
Но Фебъ поля лучами золотитъ,
И бѣлоснѣженъ мраморъ горъ Мендели;
Искусство, воля, слава отлетѣли,
Природа лишь одна не измѣнила видъ.

LXXXVIII.

Въ Элладѣ все свѣтло и величаво,
И сказки музъ для насъ не сказки тамъ,
Гдѣ каждый камень дышитъ прежней славой
И вѣсть о ней передаетъ вѣкамъ.
Поля сраженій, горы и долины

СВ. СОФІЯ СЪ БОСФОРА (St. Sophia the Bosphorus).

Рис. Д. Робертсъ (D. Roberts), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

Смѣются надъ теченьемъ грозныхъ лѣтъ,
Что превращаютъ храмины въ руины;
Прошли вѣка, разрушены Аѳины,
А Мараѳонскій долъ дивитъ, какъ прежде, свѣтъ.

LXXXIX.

Все тотъ же онъ, лишь пахарь измѣнился:
Въ ту землю онъ рабомъ вонзаетъ плугъ;
Какъ въ дни былые, съ нею лавръ сроднился;
Ее, какъ встарь, лучами грѣетъ югъ;
Но иностранца стала достоянье
Земля, гдѣ передъ греками главу
Склонили персы; живы тѣ преданья!
При словѣ: Мараѳонъ—воспоминанья
Намъ представляютъ тѣнь былого на яву.

XC.

Войска схватились; длится бой кровавый;
Мидянинъ лукъ бросаетъ и колчанъ,
За нимъ несется грекъ, покрытый славой,
И смерть за нимъ летитъ, какъ ураганъ.
Каковъ трофей оставили намъ годы
Въ странѣ, гдѣ слезы Азія лила,
Гдѣ озарилъ Элладу блескъ свободы?
Нѣмыхъ гробницъ разрушенные своды,
Обломки урнъ,—вотъ все, что лѣтъ скрывала мгла.

РАЗВАЛИНЫ ХРАМА МИНЕРВЫ, НА МЫСѢ КОЛОННСКОМЪ. (Temple of Minerva. Cape Colonna).

Рис. Тэрнеръ (J. M. W. Turner, R. A), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

XCI.

А все жъ весь міръ святыя чтитъ преданья:
Страну побѣдъ и пѣсенъ какъ забыть?
Все вѣтра іонійскаго дыханье
Къ ней пилигримовъ будетъ приводить.
Разсказы о величіи Эллады
И юноши, и старца тѣшатъ слухъ;
Священнымъ пѣснямъ Музы и Паллады
Мудрецъ внимаетъ съ свѣтлою отрадой,
Онѣ жъ, даря восторгъ, пѣвца возносятъ духъ.

XCII.

Кто счастливъ, кто любимъ въ отчизнѣ дальней,
Пусть рвется къ ней; но тотъ, чья ноетъ грудь,
Кто одинокъ и думой смятъ печальной,
Тотъ въ Грецію направить долженъ путь:
Унынью вторятъ грустныя картины,
Что путникъ каждый мигъ встрѣчаетъ тамъ;
Страдальцу милы мрачныя руины,
Не вспомнитъ онъ о родинѣ съ кручиной,
Глядя на Мараѳонъ иль на Дельфійскій храмъ.

РАВНИНА МАРАѲОНА (Marathon).

Рис. Кресуикъ (T. Creswick), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

XCIII.

На этотъ край священный бросимъ взгляды,
Но пощадимъ остатки прежнихъ дней;
И такъ онъ былъ ограбленъ безъ пощады,—
Не осквернимъ забытыхъ алтарей!
Мы чтить должны, что прежде было чтимо,
Чтобъ темнаго не наложить пятна
На родину. Пройдемъ со вздохомъ мимо
И пусть въ странѣ, гдѣ съ дѣтства все любимо,
Проходитъ наша жизнь, и чаръ, и грезъ полна.

XCIV.

И я, въ часы досуга пѣсню эту
Сложившій, буду скоро позабытъ!
Безъ боя уступаю лавръ поэту;
Что голосъ мой побѣдно заглушитъ.
Когда судьба нещадною рукою
Сгубила тѣхъ, чьихъ жаждалъ я похвалъ,
Меня не тронешь лаской иль хулою,
Ухаживать зачѣмъ мнѣ за толпою,
Когда, осиротѣвъ, я одинокимъ сталъ?

XCV.

Меня любя, и ты навѣкъ почила,
О юная подруга юныхъ дней!
Ты мнѣ одна, одна не измѣнила,
Я жъ недостоинъ былъ любви твоей.

Погибла ты, зачѣмъ же дни влачу я?
Зачѣмъ узналъ я счастье и любовь?
О нихъ лишь вспоминать могу, тоскуя.
Зачѣмъ вернулся я, бѣды не чуя,
Когда, гонимъ судьбой, уѣхать долженъ вновь?

XCVI.

Подруга незабвенная! мнѣ больно
О свѣтлыхъ дняхъ блаженства вспоминать,
А къ прошлому несется мысль невольно
И на чело кладетъ тоски печать.
Все у меня взяла, что взять лишь можетъ
Нѣмая смерть. Она сгубила всѣхъ,
Кого любилъ я въ жизни. Не поможетъ
Отчаянье. Она удары множитъ,
И въ жизни для меня нѣтъ болѣе утѣхъ.

XCVII.

Ужель толпы ничтожные восторги
Я буду раздѣлять, сроднившись съ ней,
Иль ночи проводить средь шумныхъ оргій,
Гдѣ уязвляетъ душу смѣхъ гостей?
Но въ силахъ ли веселость безъ причины
Похоронить слѣды душевныхъ грозъ?
Мертвящій смѣхъ не можетъ скрыть кручины;
Онъ только на лицѣ чертитъ морщины,
Гдѣ потекутъ потомъ струи горючихъ слезъ.

XCVIII.

Что старости такъ отягчаетъ бремя,
Морщины углубляя на челѣ?
Сознанье, что друзей сгубило время,
Что одинокъ страдалецъ на землѣ.
Узнавъ всѣ жизни бѣды и невзгоды,
Покорно я склоняюсь предъ судьбой.
Моихъ друзей могилы скрыли своды;
Такъ канъте жъ въ вѣчность, тягостные годы,
Что муки старости сплели съ моей весной!

Павелъ Козловъ.

ДОЧЬ БАЙРОНА АДА (Ada).
Рис. Гоузъ (G. Howse), грав. В. Финденъ (W. Finden).

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

„Afin que cette application vous forçat de penser à autre chose, il n'y a en vérité de remède, que Celui lá et le temps."
Lettre du Roi de Prusse à d'Alembert. Sept. 7, 1776

I.

Послѣдній отпрыскъ рода, плодъ единый
Моей любви, о Ада! дочь моя,
На мать похожа ль ты? Чужда кручины,
Съ улыбкою послѣдній разъ меня
Ты проводила, но тогда насъ грѣла
Надежда, что теперь одѣлась тьмой...
Чу, вѣтеръ дуетъ; буря зашумѣла;
Я въ даль несусь; куда жъ стремлюся смѣло?
Не знаю, но безъ слезъ покину край родной.

II.

Я снова мчусь средь волнъ; я снова въ морѣ.
Какъ конь, что вѣренъ всаднику, волна
Покорна мнѣ, бушуя на просторѣ.
Куда бъ меня ни принесла она,
Ей шлю привѣтъ! Пусть будетъ смятъ грозою
Мой парусъ, все жъ я понесусь впередъ!
Я въ этомъ сходенъ съ поросллю морскою:
Разъединясь съ родимою скалою,
Она несется въ даль по волѣ бурныхъ водъ.

III.

Я жертву добровольнаго изгнанья
Въ дни юности воспѣлъ. Съ моей душой
Сроднилось это мрачное созданье;
Такъ вѣтеръ гонитъ тучу предъ собой.
Я въ жизни испыталъ страданій много;
Остывшихъ слезъ и думъ тяжелыхъ слѣдъ
Въ поэмѣ скрытъ; теперь моя дорога
Идетъ пустыней мрачной и убогой,
Гдѣ властвуютъ пески, но гдѣ растеній нѣтъ.

IV.

Я, можетъ быть, узнавъ волненья страсти,
Узнавъ тяжелый гнетъ душевныхъ мукъ,
Надъ лирой не имѣю прежней власти,
Но все жъ ея не выпущу изъ рукъ.
Я буду пѣть, стремясь найти забвенье,
Мою тоску стараясь заглушить;
Увы, быть можетъ, эти пѣснопѣнья
Лишь мнѣ доставятъ только наслажденье,
Все жъ буду рваться къ нимъ, чтобъ ихъ благословить.

V.

Кто жизненныхъ тревогъ вкушалъ отравы,
Кто одряхлѣлъ отъ горя, не отъ лѣтъ,
Кто чуждъ любви, не гонится за славой,
Кого не удивитъ коварствомъ свѣтъ,
Чье сердце честолюбьемъ не согрѣто,—
Тотъ знаетъ, какъ въ тайникъ своей души
Заглядывать отрадно; въ блескѣ свѣта
Витаютъ тамъ созданія поэта,
Что полны дивныхъ чаръ и вѣчно хороши.

VI.

Мы въ образы и формы облекаемъ
Созданія фантазіи своей,
Сливаяся съ волшебнымъ мысли краемъ,
Чтобъ создавать и чувствовать сильнѣй.
Что я?—ничто; но ты, мой духъ незримый,

„БЕЛЬГІЙСКАЯ СТОЛИЦА ЛИКОВАЛА". (Maison du Roi, Brussels).
Рис. Уоррена (H. Warren), грав. Э. Финдена (E. Finden).

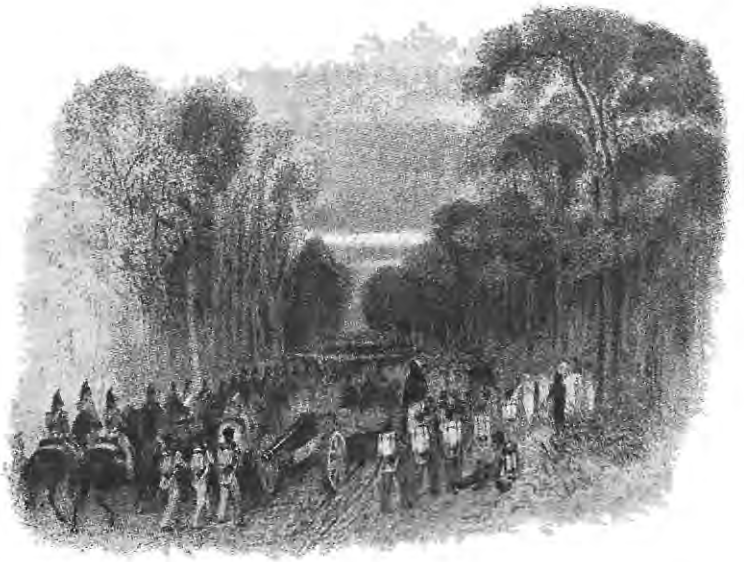
Ты проникаешь всюду. Я съ тобой
Витаю въ царствѣ грезъ. Въ мой край любимый
Вхожу, тяжелой горестью томимый:
Я здѣсь утратилъ все, а тамъ живу мечтой.

VII.

Но мыслямъ слишкомъ много я простора
Давалъ. Такая ихъ одѣла мгла,
Что черепъ мой не вынесъ ихъ напора
И принялъ видъ кипящаго котла.
Я сдерживать не могъ порывовъ страсти
Въ дни юности. Тѣмъ жизнь я отравилъ;
Могу ль теперь не признавать ихъ власти?
Все жъ измѣнился я: судьбы напасти
Безъ ропота сносить я не лишился силъ.

VIII.

Довольно о быломъ; печать молчанья
Наложимъ на него. Гарольдъ опять
Предъ вами. Все гнетутъ его страданья,
Но днямъ его не въ силахъ угрожать.
Увы! Гарольда время измѣнило.
Кого жъ оно щадитъ? Когда оно



„ВОЙСКА ИДУТЪ АРДЕНСКИМИ ЛѢСАМИ“ (Ardennes).
Рис. Уорренъ (H. Warren), грав. В. Финденъ (W. Finden).

Проносится, насъ покидаетъ сила,
Въ насъ гаснетъ мысль, лишась былого пыла...
Въ бокалѣ у краевъ лишь пѣнится вино.

IX.

Свой кубокъ осушить признавъ за благо.
Гарольдъ на днѣ его полынь нашелъ;
Теперь фіалъ наполнивъ чистой влагой,
Онъ думалъ, что уйдетъ отъ прежнихъ золъ;
Но цѣпь его незримая давила,
Хотя оковъ не раздавался звонъ;
Былой тоски не уменьшалась сила;
Куда бъ нога Гарольда ни ступила,
Съ прошедшей мукою все сталкивался онъ.

X.

Рѣшился Чайльдъ, холодный и суровый,
Сойдясь съ толпой, съ ней вновь дѣлить досугъ;
Кто радости узнать не можетъ новой,
Тотъ не сроднится съ болью новыхъ мукъ.
Онъ все мечталъ, сливаяся съ толпою,
Слѣдить за ней, тѣмъ насыщая умъ.
Такъ дѣлалъ онъ, любуяся красою
Далекихъ странъ, обласканныхъ судьбою,
Гдѣ, путешествуя, вкушалъ онъ сладость думъ.

XI.

Кто, созерцая розу, чуждъ желанья
Ее похитить? Съ силой красоты
Вести борьбу—напрасное старанье...
О, сердце! постарѣть не можешь ты.
Кто славы лучъ встрѣчаетъ безъ привѣта?
Хоть труденъ путь, всѣ гонятся за нимъ...
Гарольдъ опять въ водоворотѣ свѣта,
Но грудь его иной мечтой согрѣта
И преданъ онъ теперь стремленіямъ инымъ.

XII.

Увы! созналъ онъ скоро, что напрасно
Сошелся съ безсердечною толпой;
Съ людьми онъ не былъ въ силахъ жить согласно,
Склоняясь передъ волею чужой.
Покорный лишь однимъ своимъ стремленьямъ,
Не могъ мириться онъ съ царящимъ зломъ;
Гордыни полнъ, чужимъ не вѣрилъ мнѣньямъ
И понялъ, на толпу глядя съ презрѣньемъ,
Что можетъ, бросивъ свѣтъ, лишь жить въ себѣ самомъ.

XII.

Онъ, какъ друзей, встрѣчалъ утесы, горы;
Ему служилъ жилищемъ океанъ;
Лазурь небесъ его плѣняла взоры;
Любилъ онъ блескъ и солнце южныхъ странъ;
Любилъ ущелья, степи, скалы, воды,—
Гарольдъ въ общеньи съ ними жить привыкъ;
Любилъ лѣса, пещеръ нѣмые своды,
Но книгами пренебрегалъ,—природы
Ему понятнѣй былъ таинственный языкъ.

XIV.

Какъ нѣкогда халдеи, звѣздъ теченье
Онъ созерцалъ и въ нихъ мечты своей
Онъ поселялъ волшебныя видѣнья;
Блескъ звѣздъ не могъ ихъ затмевать лучей.
Но такъ парить всегда нельзя мечтою,—
Земною цѣпью скованъ сынъ земли.
Она отводитъ взоръ его съ враждою
Отъ неба, что плѣняетъ красотою
И такъ привѣтливо киваетъ намъ вдали.

XV.

Живя съ людьми, онъ клялъ свое безсилье
И чахъ, тяжелымъ преданный мечтамъ;
Такъ, опустивъ подрѣзанныя крылья,
Изъ клѣтки соколъ рвется къ небесамъ.
Порой Гарольдъ не могъ мириться болѣ
Съ тюрьмой своей и звалъ свободу вновь;

ДРАХЕНФЕЛЬЗЪ (Drachenfels).

Рис. Гоузъ (G. Howse), грав. В. Финденъ (W. Finden).

Такъ соколъ, удрученъ тяжелой долей,
Все бьется въ тѣсной клѣткѣ, рвется къ волѣ,
Но только грудь и клювъ онъ разбиваетъ въ кровь.

XVI.

Хоть безъ надеждъ, но менѣе унылый,
Гарольдъ опять скитанія начнетъ;
Та мысль, что онъ сгубилъ напрасно силы,
Что съ смертью вѣчный миръ онъ обрѣтетъ,—
Его душѣ даритъ успокоенье,
Его сближая съ мрачною тоской;
Такъ моряки въ тяжелый мигъ крушенья
Надѣются въ винѣ найти забвенье,
Чтобъ кончить жизни путь, глумяся надъ судьбой.

XVII.

Остановись! здѣсь царства прахъ суровый;
Здѣсь слѣдъ землетрясенья схороненъ;
На мѣстѣ томъ что-жъ нѣтъ трофеевъ славы
И нѣтъ побѣдой созданныхъ колоннъ?
Ихъ нѣтъ; но не угасла правды сила,
И безъ прикрасъ то поле не умретъ.
Побѣда! что жъ ты міру подарила?
Какъ кровь войны поля обогатила!
Ужель великій бой принесъ лишь этотъ плодъ?

XVIII.

Передъ Гарольдомъ Франціи могила,
Кровавая равнина Ватерло;
Здѣсь въ часъ одинъ судьба орла сгубила
И развѣнчала славное чело.
Онъ, съ высоты спустившись, съ силой новой
Кровавыми когтями землю взрылъ,
Но смялъ его напоръ враговъ суровый...
Онъ палъ, влача разбитыя оковы,
Что имъ сраженный міръ съ проклятьями носилъ.

XIX.

Заслуженная кара!... Но свободы
Не знаетъ міръ,—какъ прежде, онъ въ цѣпяхъ;
Ужель лишь для того дрались народы,
Чтобъ одного бойца повергнуть въ прахъ?
Прочь рабства гнетъ! Сольются ль съ свѣтомъ тѣни?
Покончивъ съ львомъ, сдадимся ль въ плѣнъ волкамъ?
Ужель, среди хвалебныхъ пѣснопѣній,
Предъ тронами падемъ мы на колѣни?
Нѣтъ, расточать грѣшно напрасно ѳиміамъ!

XX.

Коль міръ, возставъ, не могъ достигнуть цѣли,
Что толку въ томъ, что палъ одинъ тиранъ?
Вотще лилася кровь, вотще скорбѣли
И матери, и жены,—жгучихъ ранъ
Европа не излѣчитъ, если годы
Она страдала даромъ... Славы лучъ
Тогда лишь можетъ радовать народы,
Когда сплетенъ съ оружьемъ миръ свободы,—
Тѣмъ мечъ Гармодія былъ славенъ и могучъ.

XXI.

Бельгійская столица ликовала;
Гремѣлъ оркестръ, шумящій длился балъ;
Красивыхъ дамъ и воиновъ сновала
Нарядная толпа средь пышныхъ залъ.
Отрадою дышали разговоры;
Веселый смѣхъ звучалъ со всѣхъ сторонъ;
Когда жъ, плѣняя слухъ, гремѣли хоры,
Любовь сулили пламенные взоры...
Вдругъ прозвучалъ вдали какой-то скорбный стонъ.

XXII.

Вы слышите?—то вѣтра вой печальный,
То шумъ колесъ о камни мостовой...
За танцы вновь! Пусть длится говоръ бальный
Забудемъ сонъ для радости! Съ зарей
Веселія покинемъ міръ кипучій!
Чу! снова раздается мрачный зовъ,

ЭРЕНБРЕЙТШТЕЙНЪ (Ehrenbreitstein).

Рис. Кресуикъ (T. Creswick), грав. В. Финденъ (W. Finden).

Которому какъ будто вторятъ тучи.
Все ближе, громче этотъ зовъ могучій...
Скорѣй къ оружью всѣ! То пушекъ грозный ревъ

XXIII.

Брауншвейгскій герцогъ первый этотъ грохотъ
Услышалъ. Злымъ предчувствіемъ томимъ,
Онъ вскрикнулъ: „Грянулъ бой!“ но встрѣтилъ хохотъ
Его слова,—никто не вѣрилъ имъ.
Однако жъ, гула понялъ онъ значенье;
Его отца такой же выстрѣлъ смялъ.
Въ его груди проснулась жажда мщенья:
Отваги полнъ, онъ бросился въ сраженье
И, впереди несясь, пронзенный пулей, палъ.

XXIV.

Въ смятеньи всѣ; изъ глазъ струятся слезы;
Ланиты дамъ, что рдѣли отъ похвалъ,
Поблекли въ мигъ одинъ; судьбы угрозы
Въ унынiе повергли шумный балъ.
Средь вздоховъ слышны трепетныя рѣчи;
Послѣдній, можетъ быть, звучитъ привѣтъ;
Влюбленные дождутся ль новой встрѣчи?
Какъ это знать, когда кровавой сѣчей
Вѣнчаетъ ночь утѣхъ таинственный разсвѣтъ?

XXV.

Къ коню стремится всадникъ; батарея
За батареей мчится въ грозный бой;
Несутся эскадроны, пламенѣя
Отъ храбрости; идетъ за строемъ строй.
Орудія грохочутъ въ отдаленьи;
Гремитъ, войска сзывая, барабанъ;
Тревожитъ гражданъ мрачность опасеній:
„Враги идутъ!“—они кричатъ въ смятеньи...
Унынъемъ и тоской весь городъ обуянъ.

XXVI.

Чу! Камероновъ пѣсня прозвучала.
Тѣ звуки—Лохіеля бранный зовъ;
Ему не разъ Шотландія внимала;
Не разъ онъ устрашалъ ея враговъ.
Та пѣснь во мракѣ ночи рѣжетъ ухо,
Но славнымъ прошлымъ горецъ упоенъ;
Она въ немъ пробуждаетъ бодрость духа;
Лишь до его она коснется слуха,
Онъ вспоминаетъ васъ, Лохьель и Камеронъ.

XXVII.

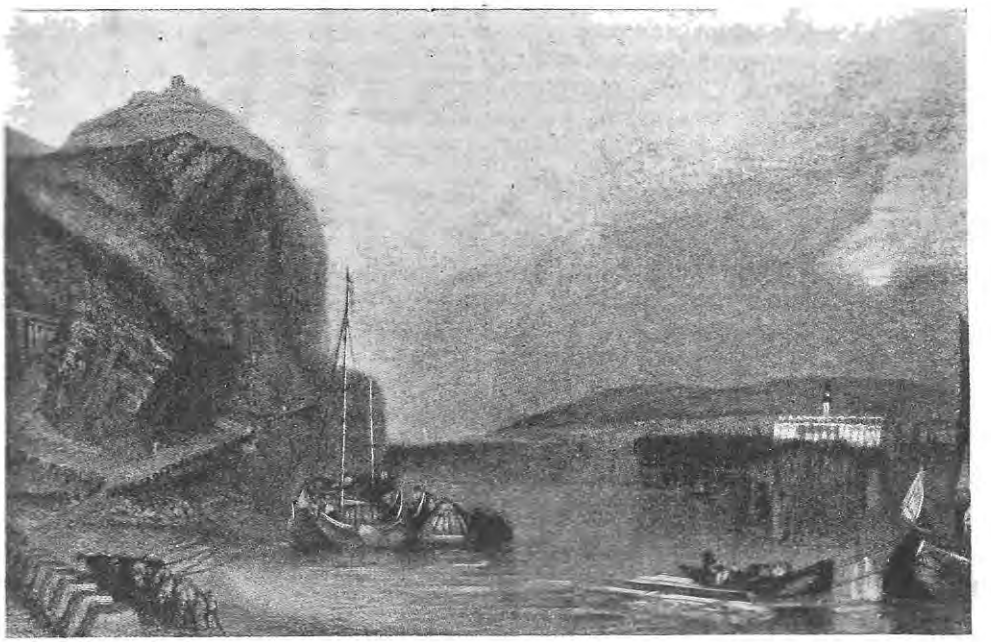
Войска идутъ Арденскими лѣсами,
Деревья ихъ, покрытыя росой,
Какъ будто слезы льютъ надъ храбрецами,
Что, полные надеждъ, стремятся въ бой.
Не видѣть имъ заката лучъ багровый;
Какъ та трава, что топчутъ ноги ихъ,
Они падутъ. Ихъ скоситъ рокъ суровый...
Одѣнутся они травою новой,
Когда ихъ смерть сожметъ въ объятьяхъ роковыхъ.

XXVIII.

Еще вчера всѣ были полны силы;
Всѣхъ увлекалъ красавицъ нѣжный зовъ;
Раздался въ ночь сигналъ войны унылый;
Съ зарею каждый къ бою былъ готовъ.
Блеснулъ лучами день; гроза настала...
Войска бросались бѣшено въ огонь;
Валились трупы грудами. Стонала
Земля и съ прахомъ тѣлъ свой прахъ сливала..
Здѣсь вмѣстѣ другъ и врагъ; гдѣ всадникъ, тамъ же
конь.

XXIX.

Хвалу воздамъ лишь одному герою...
(Я не вступлю въ борьбу съ другимъ пѣвцомъ).
Герой погибшій былъ въ родствѣ со мною;
Я жъ ссорился не разъ съ его отцомъ.



ДРАХЕНФЕЛЬЗЪ (The Drachenfels).
Рис. Тэрнеръ (J. M. W. Turner, R. A.), грав. В. Финденъ (W. Finden).

Къ тому же, красятъ пѣснь дѣянья славы:
Всѣхъ поражая храбростью своей,
О, юный Говардъ, воинъ величавый,
Подъ градомъ пуль ты въ схваткѣ палъ кровавой!
Изъ тѣхъ, что пали тамъ, кто былъ тебя славнѣй?

XXX.

Кто не оплакалъ юнаго героя?
Къ чему жъ моя слеза? Когда въ тѣни
Я дерева стоялъ, на мѣстѣ боя,
Гдѣ онъ въ пылу борьбы окончилъ дни,
Весна вокругъ бросала волны свѣта;
Порхая, птицы пѣли средь вѣтвей;
Ея дыханьемъ было все согрѣто;
Но я не могъ ей подарить привѣта:
Я думалъ лишь о тѣхъ, что не вернутся съ ней.

XXXI.

Я вспомнилъ въ это тяжкое мгновенье
Его и тѣхъ, что рокъ навѣкъ унесъ;
Людей, любившихъ ихъ, одно забвенье

Могло бъ спасти отъ горя и отъ слезъ.
Архангельской трубы лишь могутъ звуки
Усопшихъ вызвать къ свѣту. Громъ похвалъ
Не въ силахъ заглушить страдальца муки;
Все будетъ другъ, въ тоскѣ ломая руки,
О другѣ слезы лить, хоть онъ со славой палъ.

XXXII.

Надъ скорбью верхъ беретъ улыбки сила:
Смѣясь, мы плачемъ. Долго дубъ гніетъ
Предъ тѣмъ, чтобъ пасть; безъ мачтъ и безъ вѣтрила
Корабль выноситъ натискъ бурныхъ водъ;
Хоть замокъ палъ, крѣпки его основы;
Все длится день, хоть въ небѣ много тучъ;
Руины весть борьбу съ судьбой готовы;
Переживаютъ узника оковы;
Такъ въ сердцѣ, полномъ мукъ, не гаснетъ жизни
лучъ.

XXXIII.

Когда въ осколки зеркало разбито,
Въ нихъ тотъ же отражается предметъ;
Такъ сердце, гдѣ нѣмая мука скрыта,
Весь вѣкъ хранитъ ея тяжелый слѣдъ.
Оно осуждено на увяданье
Средь холода, унынія и тьмы;
И что жъ?— скорбя, оно хранитъ молчанье;
Нѣтъ словъ, чтобъ эти высказать страданья,—
Съ сердечной тайною не разстаемся мы.

XXXIV.

Живуче горе; корень, полный яда,
Засохнуть не даетъ его вѣтвямъ;
О, если смерть была бы мукъ награда,
Ихъ выносить не трудно было бъ намъ!
Но жизнь усугубляетъ гнетъ печали;
Такъ возлѣ моря Мертваго плоды,
Что пепелъ начинялъ, съ деревъ срывали;
Не долго бъ жили мы, когда бъ считали
Лишь радостные дни, страданій скрывъ слѣды.

XXXV.

Псалмистъ опредѣлилъ предѣлы жизни,
Но съ нимъ не согласилось Ватерло;
Мы видимъ, поминая павшихъ въ тризнѣ,
Какъ нашихъ дней ничтожнѣе число.
Молва трубитъ о битвѣ знаменитой,
Но что жъ потомство вымолвитъ о ней?
„Тамъ націи, всѣ воедино слиты,
Сражались; палъ предъ ними врагъ разбитый!“
Вотъ все, что въ памяти останется людей.

АВЕНТИКУМЪ (Aventicum).
Рис. Фелоусъ (Sir C. Fellows), грав. В. Финденъ (W. Finden.)

XXXVI.

Тамъ, въ Ватерло, сраженный волей рока,
Славнѣйшій, но не худшій смертный палъ;
То гордой мыслью онъ парилъ высоко,
То въ мелочахъ ничтожныхъ утопалъ.
Его сгубили крайности. Порфиру
Носилъ бы онъ, иль не владѣлъ бы ей,
Когда бы не служилъ угрозой міру;
Стремясь къ недостижимому кумиру,
Онъ, какъ Юпитеръ, вновь хотѣлъ громить людей.

XXXVII.

Онъ плѣнникъ былъ и властелинъ вселенной;
Предъ нимъ, хоть онъ низринутый боецъ,
Все міръ стоитъ колѣнопреклоненный,—
Такъ ярокъ и лучистъ его вѣнецъ.
Ему такъ долго слава въ счастьи льстила,
Рабою у его склоняясь ногъ,
Что въ божество его преобразила;
Онъ думалъ, что его безъ грани сила,
И міръ, дрожа предъ нимъ, повѣрилъ что онъ—богъ.

XXXVIII.

То властвуя, то смятъ судьбой тяжелой,
То міръ громя, то съ поля битвы мчась,
Онъ создалъ, расшатавъ кругомъ престолы,
Имперію, что въ прахъ повергнулъ разъ,
Затѣмъ себѣ престолъ воздвигнулъ новый;
Но сдерживать не могъ своихъ страстей,
На властолюбье наложа оковы;
Онъ, зная свѣтъ, забылъ про рокъ суровый—
Сегодня лучшій другъ, а завтра бичъ людей.

XXXIX.

Онъ палъ... То были ль мудрость, сила воли,
Иль гордость, но онъ муку скрыть сумѣлъ,
Своихъ враговъ усугубляя боли,
Глумиться надъ тоской его хотѣлъ
Ихъ сонмъ, но онъ, съ улыбкою безстрастья,
Душою бодръ, на встрѣчу бѣдъ пошелъ;
Сраженъ въ борьбѣ, любимецъ гордый счастья,
Чуждаяся притворнаго участья,
Главу не опустилъ подъ гнетомъ тяжкихъ золъ.

XL.

Онъ сдѣлался мудрѣй, когда паденье
Ему глаза открыло. Въ дни побѣдъ
Онъ къ людямъ не хотѣлъ скрывать презрѣнья.
Хоть онъ былъ правъ клеймить презрѣньемъ свѣтъ,
Но долженъ былъ, чтобъ не попрать союза
Съ клевретами, скрывать свой гордый взглядъ.
Онъ тѣмъ порвалъ съ приверженцами узы.
Борьба за власть—тяжелая обуза:
Въ числѣ другихъ вождей узналъ онъ этотъ адъ.

XLI.

Когда бъ одинъ, сражаяся съ врагами,
Онъ подъ напоромъ бури изнемогъ,
Какъ башня, что ведетъ борьбу съ годами,
Весь родъ людской онъ презирать бы могъ;
Но онъ престоломъ былъ обязанъ міру.
Предъ тѣмъ, чтобы глумиться надъ толпой,
Какъ Діогенъ, онъ снять съ себя порфиру
Обязанъ былъ; вѣнчанному кумиру
Позорно циника изображать собой.

XLII.

Онъ былъ за то низринутъ, что съ покоемъ
Мириться былъ не въ силахъ. Тотъ, чья грудь
Опалена желаній бурныхъ зноемъ,
Не можетъ, бредя славой, отдохнуть:
Его влечетъ невѣдомая сила;
Желаніямъ его предѣловъ нѣтъ;
Не можетъ охладить онъ сердца пыла;
Ему покой ужаснѣй, чѣмъ могила;
Тотъ къ гибели идетъ, кто тѣмъ огнемъ согрѣтъ.

РУССО (Rousseau).
Рис. Гоузъ (G. Howse), грав. В. Финденъ (W. Finden).

XLIII.

Такой душевный пылъ даетъ рожденье
Безумцамъ, заражающимъ людей
Своимъ безумьемъ; сила увлеченья
Плодитъ пѣвцовъ, фанатиковъ, вождей...
Къ нимъ міръ питаетъ зависть, а ихъ участь
Завидна ли? Ихъ горекъ каждый мигъ;
Для нихъ не тайна скрытыхъ мукъ живучесть...
Весь вѣкъ ихъ тяжкихъ думъ терзаетъ жгучесть...
Кто бъ рваться къ славѣ сталъ, узнавъ страданья ихъ?

XLIV.

Дыша борьбой, они волненій просятъ;
Какъ лава, въ жилахъ ихъ струится кровь;
Ихъ цѣлый вѣкъ на крыльяхъ бури носятъ,
Пока не сбросятъ ихъ на землю вновь;
А все же имъ дыханье бури мило;
Когда ихъ жизнь должна спокойно течь,
Они, скорбя, кончаютъ дни уныло...
Такъ пламени безъ пищи меркнетъ сила;
Такъ губитъ ржавчина въ ножны вложенный мечъ.

XLV.

Кто былъ въ горахъ, тотъ знаетъ, что́ вершины
Высокихъ скалъ скрываетъ вѣчный снѣгъ.
Вражду толпы скрываютъ властелины;
Она вѣнчаетъ злобою успѣхъ.
Окинуть славы лучъ лишь можетъ взглядомъ
Счастливый вождь; земля блеститъ подъ нимъ,
А горы льдинъ, что бурями и хладомъ
Ему грозятъ, онъ только видитъ рядомъ.
Не можетъ громъ побѣдъ къ наградамъ весть инымъ.

XLVI.

Оставимъ міръ страстей! Одни созданья
Природы вѣчно юной и мечты
Душѣ приносятъ въ даръ очарованье...
О Рейнъ! какъ величавъ и мощенъ ты!
Тамъ Чайльдъ-Гарольдъ волшебною картиной
Любуется; здѣсь дремлетъ надъ холмомъ
Зеленый лѣсъ; тамъ свѣтлыя долины
Плѣняютъ взоръ; вдали видны руины,
Что доживаютъ вѣкъ, одѣтыя плющемъ.

XLVII.

Имѣетъ сходство съ ними духъ могучій,
Что, скрывъ страданья, борется съ толпой.
Заброшены онѣ; лишь вѣтръ да тучи
Остались имъ вѣрны; своей красой
И силою развалины когда-то
Гордились; оглашалъ ихъ схватокъ громъ,
Но тщетно будутъ ждать онѣ возврата
Минувшихъ дней: былое смертью смято;
Давно ужъ рыцари заснули вѣчнымъ сномъ.

XLVIII.

Владѣльцы за́мковъ тѣхъ во время оно
Съ вассалами грабежъ пускали въ ходъ;
Какъ гордо развѣвались ихъ знамена!
Предъ властью ихъ главу склонялъ народъ;
Такъ почему жъ не славны эти лица?
Что жъ, какъ вождямъ, недоставало имъ:
Исторіи блестящая ль страница?
Украшенная ль надписью гробница?
Вѣдь влекъ душевный пылъ и ихъ къ дѣяньямъ злымъ.

XLIX.

Примѣрами безстрашія богаты
Ихъ войны, о которыхъ міръ забылъ.
Хоть рыцари всегда носили латы,
Въ сердца ихъ проникалъ любовный пылъ;
Но не могла любовь смягчить ихъ нравы:
Изъ-за красавицъ часто кровь лилась,
Оканчивался споръ борьбой кровавой,
И Рейнъ, впередъ несяся величаво,
Той кровью обагрялъ свои струи не разъ.

НА ЖЕНЕВСКОМЪ ОЗЕРѢ (Leman).
Рис. Эймеръ (I. B. Aylmer), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

L.

Волшебная рѣка, которой волны
Богатство въ даръ приносятъ берегамъ,
Привѣтъ тебѣ! Когда бы, злобы полный,
Не рвался смертный къ распрямъ и боямъ,
Плѣнительный твой берегъ, орошаемъ
Живительными волнами, вполнѣ
Имѣлъ бы сходство, міръ плѣняя, съ раемъ!
Порабощенъ я былъ бы чуднымъ краемъ,
Когда бъ, какъ Лета, Рейнъ могъ дать забвенье мнѣ.

LI.

Враждующихъ здѣсь стягивались силы:
Лилася кровь, валились груды тѣлъ,
Но тѣхъ бойцовъ исчезли и могилы,
Забвеніе—ихъ подвиговъ удѣлъ.
Рѣка лишь мигъ катилась лентой алой,
Затѣмъ сіянье солнечныхъ лучей
Она опять съ любовью отражала.
Какъ быстро бъ въ даль она струи не мчала,
Не заглушить во мнѣ ей сновъ минувшихъ дней.

LII.

Такъ думалъ Чайльдъ, дорогу направляя
Вдоль берега, гдѣ пташекъ пѣснь неслась;
Онъ шелъ впередъ, красой любуясь края,
Что примирить могла бъ съ изгнаньемъ васъ.
Хотя слѣды заботъ, что замѣнили

Былыхъ страстей и увлеченій пылъ,
Его чело угрюмое морщили
Порой, скрывать улыбку онъ усилій
Не дѣлалъ: чудный видъ его душѣ былъ милъ.

LIII.

Хотя въ его груди остыли страсти,
Гарольдъ не могъ, сочувствіемъ согрѣтъ,
Не признавать любви волшебной власти,—
Презрѣніемъ нельзя встрѣчать привѣтъ.
Душа порою таетъ, какъ бывало,
Хоть чужды стали мы страстямъ земнымъ;
Его одно созданіе плѣняло,
Когда тоска Гарольда грудь терзала,—
Онъ, полонъ нѣжности, мечталъ сойтися съ нимъ.

LIV.

Онъ презиралъ людей, чуждаясь свѣта,
А созерцалъ съ любовью дѣтскій взглядъ.
Хотя непостижима странность эта,
Пускай ее другіе объяснятъ.
Кто дни влачитъ въ тиши уединенья,
Тотъ разжигать души угасшій пылъ
Не станетъ. Съ нимъ сродняется забвенье;
Гарольдъ же, полонъ прежняго волненья,
Любовь минувшихъ дней, скитаясь, не забылъ.

LV.

Гарольдъ былъ вѣренъ милой; связь сильнѣе
Законныхъ узъ соединяла ихъ;
Она была чиста. Благоговѣя
Предъ чувствомъ, онъ на ласки женъ другихъ
Не обращалъ вниманья; гнетъ разлуки
Его объялъ тоскою; ей томимъ,
Онъ пѣснью заглушить старался муки
И, къ милой простирая скорбно руки,
Къ ней обратился онъ съ посланіемъ такимъ:

1.

Скала Драхенфельза, съ зубчатымъ вѣнцомъ,
Надъ Рейномъ царитъ горделиво,
Красиво лѣса зеленѣютъ кругомъ;
Желтѣетъ роскошная нива;
Рѣка омываетъ подножье холмовъ,
Одѣтыхъ лозой виноградной;
Бѣлѣетъ вдоль берега рядъ городовъ,
Съ картиной сливаясь отрадной...
Я видомъ такимъ наслаждался бъ вдвойнѣ
Когда бы ты здѣсь улыбалася мнѣ!

2.

Крестьянки, нарвавши цвѣтовъ полевыхъ,
Въ Эдемѣ являются этомъ;
Какъ ласковы взоры ихъ глазъ голубыхъ,
Что сладостнымъ дышатъ привѣтомъ!

МОНЪ-БЛАНЪ СЪ ЖЕНЕВСКАГО ОЗЕРА (Mont Blanc from the Lake of Ceneva).
Рис. Г. Уоррена (H. Warren), грав. В. Финдена (W. Finden).

Развалины замковъ, покрытыхъ плющомъ,
Вѣнчаютъ утесовъ вершины;
Здѣсь—арка, могильнымъ заснувшая сномъ,
Тамъ—скалы висятъ надъ стремниной...
Легко бъ мнѣ дышалось въ томъ чудномъ краю,
Когда бы ты руку сжимала мою!

3.

Изъ лилій букетъ я досталъ для тебя.
Увы! онъ завянетъ дорогой,
Но встрѣть его съ лаской: онъ посланъ любя;
Съ нимъ помысловъ связано много.
Надѣюсь, когда тѣ увидишь цвѣты,
Ты снова сроднишься со мною
И душу свою, помня счастья мечты,
Съ моей сочетаешь душою!
Близъ свѣтлаго Рейна мой нарванъ букетъ;
Онъ сердцу отъ сердца приноситъ привѣтъ.

4.

Рѣка горделиво, волнуясь, бѣжитъ,
И съ каждымъ ея поворотомъ
Является новый плѣнительный видъ.
Нѣтъ счета природнымъ красотамъ.
Кто не былъ бы счастливъ всю жизнь провести
Средь этой страны благодатной?
О, Боже! красивѣе края найти
Въ вселенной нельзя необъятной;
Та мѣстность еще бъ мнѣ казалась милѣй,
Когда бъ ты со мной любовалася ей.

LVI.

Близъ Кобленца, гдѣ красотою вида
Обласканъ взоръ,—вѣнчая холмъ, стоитъ,
Какъ памятникъ, простая пирамида:
Подъ нею прахъ подвижника лежитъ.
То—недругъ нашъ; но да воздастся нами
Почетъ Марсо, чья смерть въ расцвѣтѣ силъ
Оплакана суровыми бойцами,—
Кто, властвуя надъ вѣрными сердцами,
Примѣромъ вѣрности имъ первый послужилъ.

LVII.

Короткій путь свершилъ судьбы избранникъ;
Двѣ рати здѣсь, по немъ скорбя, слились,
И, кто бы ни былъ ты, случайный странникъ,—
Съ молитвой подойди и преклонись!
Оружіемъ свободу защищая,
Изъ тысячей одинъ, онъ не палачъ,
А честный воинъ былъ и, умирая,
Сберегъ въ своей душѣ сіянье рая:
Вотъ отчего въ тотъ день былъ всюду слышенъ плачъ.

LVIII.

Эренбрейтштейнъ передо мною, съ черной
Отъ пороха, разрушенной стѣной;
Мнѣ ясно по останкамъ, какъ упорно
Держался онъ подъ вражеской грозой.
Съ твоихъ вершинъ, твердыня, видно было,
Какъ посрамленный врагъ бѣжалъ назадъ,—
И, вотъ, чего Война не истребила,
Прикончилъ Миръ: дождемъ изрѣшетило
Тѣ кровли, что пробить не могъ свинцовый градъ.

LIX.

Прощай, прекрасный Рейнъ! Здѣсь, восхищенный,
Надолго бы остаться путникъ могъ:
Съ возлюбленной забылся бы влюбленный,
Забылся бы и тотъ, кто одинокъ;
И, съ коршуномъ въ душѣ кто вѣчно бродитъ,
Ищи покоя здѣсь, гдѣ небосклонъ
Ни веселитъ, ни грусти не наводитъ,
Ни свѣтелъ, ни угрюмъ,—гдѣ все походитъ
На осень зрѣлую въ чредѣ другихъ временъ.

LX.

Прощай же! Нѣтъ! прощанія съ тобою
Не можетъ быть: душа моя полна
Твоею живописною красою,
И, если намъ разлука суждена,—
Даря прощальный взглядъ, въ нѣмомъ порывѣ,
Я шлю тебѣ признательный привѣтъ.
Найдется край богаче и красивѣй;
Но гдѣ найти въ единомъ стройномъ дивѣ
И этотъ мягкій блескъ и славу прежнихъ лѣтъ.

ЖЕНЕВСКОЕ ОЗЕРО У ШИЛЬОНА (Leman).
Рис. Кресуикъ (T. Creswick), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

LXI.

Просторъ полей, зовущихъ къ жатвѣ щедрой,
Бѣлѣющія купы городовъ,
Нагорныхъ безднъ чернѣющія нѣдра,
Уступы стѣнъ въ прогалинахъ лѣсовъ,
Утесы, предъ которыми творенья
Искусныхъ рукъ такъ жалки и смѣшны,
И мирное довольство населенья
Въ избытокъ плодоноснаго цвѣтенья
Огнемъ сосѣднихъ смутъ не тронутой страны!

LXII.

Прошло. Нависли Альпы надо мною,
Природы вѣковѣчные дворцы:
Одѣтые жемчужной пеленою,
Стремятся въ высь алмазные зубцы:
Тамъ, въ царствѣ льда, рождаются лавины,
Какъ въ молніи преображенный снѣгъ,—
И чванятся земные исполины,
Что къ небесамъ такъ близки ихъ вершины
И такъ далекъ отъ нихъ ничтожный человѣкъ.

LXIII.

Но, прежде чѣмъ послѣдовать призыву
Прекрасныхъ горъ, нельзя не посѣтить
Моратъ, патріотическую ниву,
Гдѣ нѣтъ боязни павшихъ оскорбить
И покраснѣть за тѣхъ, что побѣдили:
Здѣсь памятникъ себѣ, въ примѣръ вѣкамъ,
Бургунды изъ костей своихъ сложили—
И души безпріютныя бродили
Вдоль Стикса, жалуясь безмолвнымъ берегамъ.

LXIV.

Какъ съ Каннами своей рѣзней кровавой
Сравнялось Ватерло, такъ и Моратъ
Сіяетъ Мараѳона чистой славой;
Сыны родной земли, за брата братъ,
Здѣсь честную побѣду одержали;
Свободные борцы, своихъ мечей
Властителямъ они не продавали
И сдавшихся враговъ не заставляли
Оплакивать позоръ драконовскихъ бичей.

LXV.

Вотъ у скалы, печально-одинокой,
Колонна одинокая стоитъ,—
Сѣдой обломокъ древности глубокой,—
И, мнится, въ изумленіи глядитъ
На міръ, какъ человѣкъ окаменѣвшій,
Живой свидѣтель ужасовъ былыхъ;
И страненъ видъ колонны уцѣлѣвшей,
Когда исчезъ Авентикумъ, гремѣвшій
Красой своей среди созданій рукъ людскихъ.

LXVI.

Тамъ—это имя будь благословенно,—
Дочь, Юлія, жизнь отдала богамъ:
Въ ней сердце скорбью объ отцѣ священной
Разбито было. Строго неизмѣнно
Судъ правый былъ глухимъ къ ея мольбамъ,
Напрасно предъ судомъ она молила
За жизнь того, кто жизнью былъ ей самъ:
Въ ихъ общей урнѣ скромная могила
Единый духъ, единый прахъ укрыла.

LXVII.

Пусть царства постигаетъ распаденье,
Забудетъ міръ—настанутъ времена—
Рабовъ, тирановъ, смерть ихъ и рожденье,
Но не умрутъ такія имена.
И доблесть, горней высотѣ равна́—
Переживетъ въ безсмертіи страданье,
И встрѣтитъ солнце чистою она,
Какъ на вершинахъ Альпъ—снѣговъ блистанье
Не тающихъ во вѣкъ, чистѣйшихъ въ міроздань.

КЛАРАНЪ (Clarens).
Рис. Кресуика (T. Creswick), грав. Э. Финдена (E. Finden).

LXVIII.

Гладь озера манитъ хрустáльнымъ ликомъ,
Тѣмъ зеркаломъ, гдѣ образъ звѣздъ и горъ
Весь отраженъ въ безмолвіи великомъ,
Заполонивъ прозрачныхъ водъ просторъ.
Чтобъ этой мощью любоваться взоръ
Какъ должно могъ—уединиться надо,
Расширивъ думъ завѣтныхъ кругозоръ,
Въ которыхъ крылась для меня отрада
Пока не сдѣлался и самъ я частью стада.

LXIX.

Въ томъ нѣтъ вражды, чтобъ отъ людей бѣжать,
Не всѣмъ дѣлить труды ихъ и волненья,
И не презрѣнье въ томъ, чтобъ погружать
Свой духъ въ его родникъ,—не то въ своемъ кипѣньѣ
Онъ хлынетъ черезъ край. Съ толпой общенье
Духъ заражаетъ суетой суетъ,
И онъ томится съ чувствомъ сокрушенья
Среди борьбы, въ которой сильныхъ—нѣтъ,
И злобно муками за муки платитъ свѣтъ.

LXX.

И мы заплачемъ кровью, не слезами,
Раскаяньемъ томимы роковымъ,
Года вдали лежащіе предъ нами—
Въ тоскѣ одѣнемъ сумракомъ ночнымъ.
Бѣгъ жизни бѣгствомъ безнадежнымъ станетъ;
Тѣ устремятся къ гаванямъ своимъ,
Чей духъ смѣлѣй, но по морямъ чужимъ
Корабль другихъ носиться не устанетъ,
И онъ нигдѣ въ пути на якорѣ не станетъ.

LXXI.

Не лучше ль безъ людей жить на землѣ,
Любя ее одну? Гдѣ мчится Рона
Лазурная, подобная стрѣлѣ,
Близъ озера прозрачнаго, чье лоно
Поитъ ее, лелѣя неуклонно,—
(Такъ дѣтскій плачъ заслышавшая мать
Дитя свое ласкаетъ умиленно),—
Тамъ внѣ раздоровъ мирно прозябать—
Не лучше ль, чѣмъ другихъ губить иль погибать?

LXXII.

Не самъ я по себѣ: во мнѣ частица
Природы всей, мнѣ радость—выси горъ,
Мучительна—жужжащая столица.
Ничто вокругъ не оскорбляетъ взоръ.
И лишь въ одномъ я нахожу позоръ:
Звеномъ въ животной цѣпи быть противно,
Межъ тѣмъ, какъ разсѣкая волнъ просторъ,
Нашъ духъ стремится къ небу непрерывно,
Со звѣздами его сливаясь неразрывно.

LXXIII.

Лишь въ этомъ—жизнь. Мнѣ кажется былое
Пустыней людной, гдѣ былъ осужденъ
За грѣхъ, что мной когда то совершенъ—
Я на борьбу и на мученье злое.
На юныхъ, мощныхъ крыльяхъ вознесенъ
Теперь я вновь; какъ грозный вихрь пустыни
Полетъ ихъ смѣлъ, и съ нимъ поспоритъ онъ:
Оковъ холодныхъ и подобныхъ глинѣ
Онъ сброситъ мертвый гнетъ, насъ тяготящій нынѣ.

LXXIV.

Когда освободится духъ навѣкъ
Отъ оболочки—жертвы поруганья,
Когда съ плотскимъ покончитъ человѣкъ—
Счастливящимъ червя существованье,
Когда произойдетъ стихій сліянье,
Прахъ станетъ прахомъ—больше теплоты
Не встрѣчу ль я и менѣе сіянья?
Ту мысль, тотъ духъ безсмертной красоты,
Къ которымъ пріобщить стремятся насъ мечты?

LXXV.

Моря, холмы и небо—стали частью
Души моей, какъ я—частицей ихъ.
Я глубоко люблю ихъ—чистой страстью,
Другое все презрѣлъ я ради нихъ,
Я поборолъ потокъ страстей моихъ
Скорѣй чѣмъ этимъ свѣтскому безстрастью
Пожертвовать—для тѣхъ очей людскихъ,
Что смотрятъ долу, чуждыя участью,
И вдохновенія не вспыхиваютъ властью.

LXXVI.

Но я отвлекся. Кто постичь способенъ
Величье урнъ—пусть посѣтитъ *того*,
Чей прахъ былъ прежде пламени подобенъ.
Я чистый воздухъ родины его
Лишь временно вдыхаю, для него
Онъ былъ роднымъ. Безумное стремленье!
Его манило славы торжество,
И въ жертву для его осуществленья
Онъ отдалъ миръ души своей безъ сожалѣнья.

LXXVII.

Руссо—апостолъ скорби, обаянье
Вложившій въ страсть, безумецъ, что обрекъ
Терзаніямъ себя, но изъ страданья
Власть краснорѣчья дивнаго извлекъ—
Здѣсь былъ рожденъ для горя. Онъ облекъ
Божественно прекрасными словами
Софизмы лжеученій, ихъ потокъ
По блеску схожій съ яркими лучами—
Слѣпилъ глаза и наполнялъ слезами.

LXXVIII.

Любовь была самою страстью въ немъ;
Какъ стволъ стрѣлою молніи спаленный—
Онъ былъ палимъ высокихъ думъ огнемъ.
И не красой живою увлеченный
Иль мертвою—въ мечтаньяхъ воскрешенной,—
Плѣнился онъ нетлѣнной красотой,
Въ его страницахъ пылкихъ воплощенной;
Въ нихъ, схожая съ болѣзненной мечтой,
Досель живетъ она—всей жизни полнотой.

LXXIX.

Онъ Юліи далъ *это*. Высота
Безумья, счастья—ей открылась въ *этомъ*,
И освятила поцѣлуй въ уста
Пылавшія, который былъ съ разсвѣтомъ
Ему всегдашнимъ дружескимъ привѣтомъ
И чистотою разжигалъ въ немъ пылъ;
Но наслаждаясь и томясь запретомъ,
Онъ каждаго въ толпѣ счастливѣй былъ—
Владѣющаго тѣмъ, что страстно полюбилъ.

LXXX.

Всю жизнь свою онъ бился неуклонно
Съ толпой враговъ, которыхъ пріобрѣлъ,
Преслѣдуя всѣхъ близкихъ изступленно
И принося ихъ въ жертву ослѣпленно
Храмъ подозрѣнью онъ въ душѣ возвелъ.
Онъ былъ безуменъ. Почему? Причину
Безумія едва ли міръ нашелъ.
Винить ли въ немъ недугъ или кручину?
Но разума притомъ онъ надѣвалъ личину.

LXXXI.

Онъ одаренъ былъ Пиѳіи глаголомъ,
И въ мірѣ цѣломъ онъ зажегъ пожаръ,
И разрушеньемъ угрожалъ престоламъ.
Не Франціи ль, гнетомой произволомъ
Наслѣдственнымъ—принесъ онъ этотъ жаръ?
Ее во прахѣ бившуюся—смѣло
Съ друзьями онъ призвалъ для грозныхъ каръ,
И всей страной та ярость овладѣла,
Что слѣдуетъ всегда за страхомъ безъ предѣла.

LXXXII.

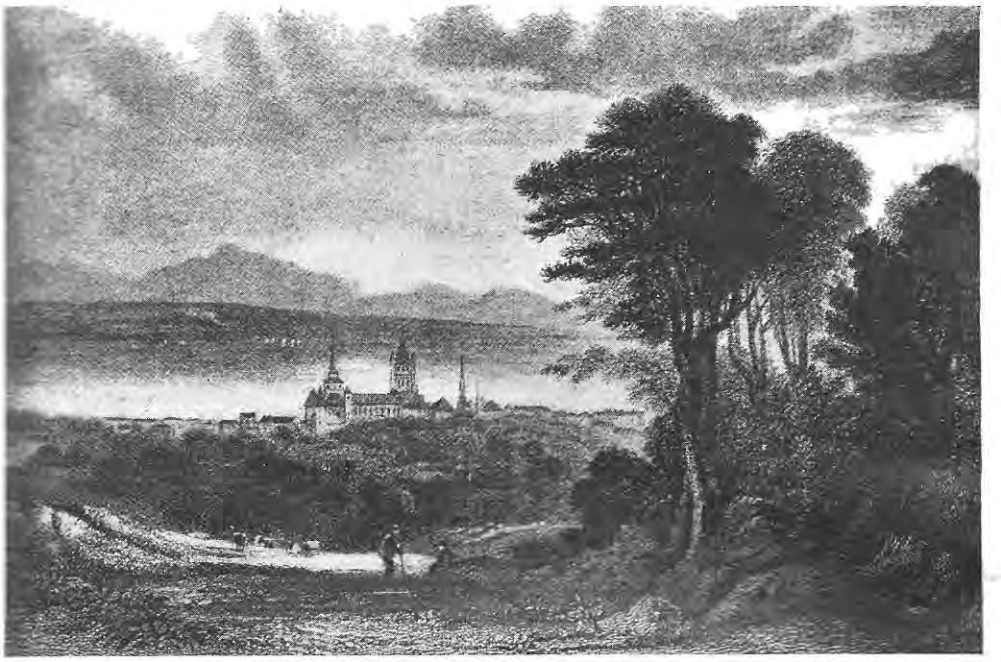
Воздвигнутъ ими памятникъ ужасный!
Конецъ всего, что съ первыхъ дней росло.
Разорванъ былъ покровъ рукою властной,
Чтобъ все за нимъ лежавшее—могло
Быть видимымъ. Круша добро и зло,
Оставили они одни обломки,
Чтобъ честолюбье снова возвело
Тронъ и тюрьму, и вновь ее потомки
Наполнили собой, какъ было раньше ломки.

LXXXIII.

Но такъ не можетъ длиться, не должно.
Съ сознаньемъ силъ пришло ихъ проявленье,
Но человѣчество соблазнено
Своею мощью было, и оно
Въ дѣлахъ своихъ не знало сожалѣнья.
Кто не орломъ въ сіяньѣ дня рожденъ,
Но жилъ въ пещерахъ мрачныхъ притѣсненья—
Не мудрено ль, что солнцемъ ослѣпленъ,
Погнаться за другой добычей можетъ онъ?

LXXXIV.

Гдѣ рана, что закрылась безъ рубца?
Страданіе сердечныхъ ранъ—упорно,
И сохранится слѣдъ ихъ до конца.
Уста разбитаго судьбой борца
Молчаніе хранятъ, но—не покорно:
Настанетъ часъ расплаты за года,
Онъ близокъ, онъ для всѣхъ придетъ безспорно,
Вольны карать и миловать, тогда
Мы все жъ воздержимся отъ строгаго суда.



ЛОЗАННА (Lausanne).
Рис. Копли Фильдинъ (Copley Fielding), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

LXXXV.

Гладь озера! Просторъ твой тихоструйный,
Столь чуждый шума—словно шепчетъ мнѣ,
Что долженъ я уйти отъ жизни буйной,
Отъ мутныхъ волнъ—къ прозрачной глубинѣ.
Меня крылатый парусъ въ тишинѣ
Мчитъ отъ скорбей. Пусть океанъ безбрежный
Шумѣлъ въ быломъ, въ чуть плещущей волнѣ
Упрекъ сестры я различаю нѣжный
За то, что отдался весь жизни я мятежной.

LXXXVI.

Ночная тишь. Всѣ очертанья слиты,
Но явственны, все—мрачно и свѣтло,
Лишь кручи Юры—сумракомъ повиты,
Какъ будто бы нависли тяжело.
Струю благоуханья донесло
Сюда съ луговъ при нашемъ приближеньѣ;
Когда остановилося весло—
Я слышу капель звонкое паденье,
Въ травѣ кузнечика ночного слышу пѣнье.

LXXXVII.

Онъ любитъ ночь, поетъ онъ постоянно—
Дитя всю жизнь—отъ полноты души.
То птица закричитъ въ кустахъ нежданно,

То въ воздухѣ какой то шопотъ странно
Вдругъ пронесется, и замретъ въ глуши.
Но то—мечта. Рой звѣздъ на небосводѣ
Струитъ росинки слезъ любви въ тиши,
Съ тѣмъ, чтобъ онѣ, излившись на свободѣ,
Духъ свѣтлой красоты вливали въ грудь природѣ.

LXXXVIII.

Поэзія небесъ, о вы, свѣтила,
Когда бъ народовъ и державъ удѣлъ—
Движенье ваше въ небѣ начертило!
Простительно, что дольняго предѣлъ
Стремленье наше къ славѣ преступило
И къ звѣздамъ насъ влечетъ. Вы красотой
Таинственной полны, въ насъ пробудила
Она такой восторгъ любви святой,
Что славу, счастье, жизнь—зовутъ у насъ звѣздой.

LXXXIX.

Молчатъ земля и небо, то—не сонъ,
Избыткомъ чувствъ пресѣклося дыханье,
Задумавшись—мы такъ стоимъ въ молчаньѣ.
Молчитъ земля, но звѣздный небосклонъ
И съ дремлющей волной прибрежный склонъ—
Живутъ особой жизнью напряженной,
Въ ней каждый листъ и лучъ не отдѣленъ
Отъ бытія, и чуетъ умиленнѣй
Того, кто міръ блюдетъ, имъ чудно сотворенный.

XC.

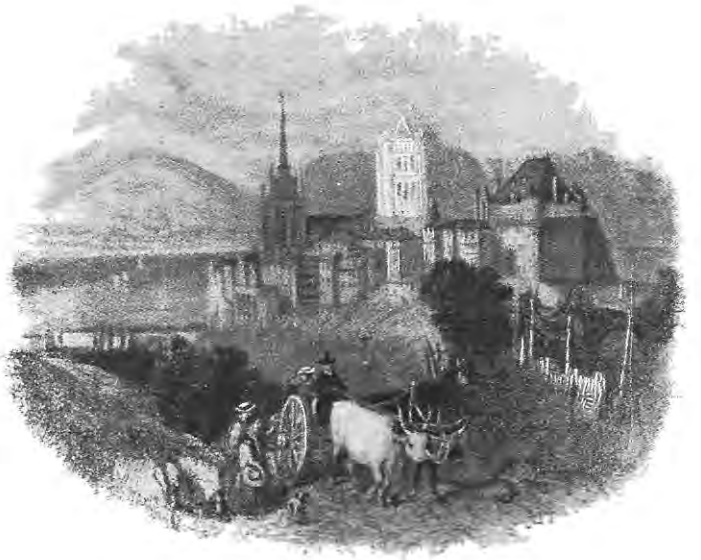
Сознанье безконечности всего
Рождается тогда въ уединеньѣ,
Гдѣ мы не одиноки, въ существо
Оно вливаетъ съ правдой очищенье:
Духъ, музыки источникъ—предвкушенье
Гармоніи небесъ. Заключено,
Въ немъ пояса Цитеры обольщенье,
И даже смерть смирило бы оно,
Будь ей лишь смертное могущество дано.

XCI.

Персъ древній не напрасно алтарямъ
Избралъ мѣста на высотѣ нагорной,
Царящей надъ землей. Единый тамъ
Достойный Духа и нерукотворный,
Стѣной не обнесенный Божій храмъ.
Ступай, сравни кумиренъ пышныхъ своды,
Что готы, греки строили богамъ
Съ землей и небомъ—храмами природы
И съ ними не лишай молитвъ своихъ—свободы.

XCII.

Но небо измѣнилося и—какъ!
Въ своихъ порывахъ властныхъ и жестокихъ
Прекрасны вы, о буря, ночь и мракъ,



ЛОЗАННА (Lausanne).
Рис. Стэнфильдъ (C. Stanfield, A. R. A.), грав. В. Финденъ (W. Finden).

Какъ блескъ очей красавицъ темноокихъ.
Вдали, гремя, по кручамъ горъ высокихъ
Несется громъ, и тучѣ грозовой
Гудятъ въ отвѣтъ вершины горъ далекихъ,
И Юра, вся окутанная тьмой,
Шлетъ Альпамъ радостнымъ привѣтъ и откликъ свой.

XCIII.

Ночь дивная, ниспослана судьбой
Ты не для сна. Желалъ бы на просторѣ
Въ восторгахъ слиться съ бурей и съ тобой.
Все озеро—какъ фосфорное море.
Запрыгалъ крупный дождь и свѣтомъ вскорѣ
Облекся вновь холмовъ стемнѣвшихъ рядъ.
И горный смѣхъ слился въ могучемъ хорѣ
И прокатился онъ среди громадъ,
Какъ будто новому землетрясенью радъ.

XCIV.

Путь проложила быстрая рѣка
Среди холмовъ—подобья двухъ влюбленныхъ,
Навѣкъ съ разбитымъ сердцемъ разлученныхъ—
Такъ между ними бездна глубока.
Но корнемъ распрей ихъ ожесточенныхъ

Была любовь; убивъ ихъ жизни цвѣтъ,
Она увяла. Для опустошенныхъ
Борьбой сердецъ рядъ безконечныхъ лѣтъ—
Сплошныхъ суровыхъ зимъ остался ей во слѣдъ.

XCV.

Тамъ основался бурь сильнѣйшихъ станъ—
Гдѣ вьются Роны быстрые изломы;
Опустошивъ со стрѣлами колчанъ,
Тамъ не одинъ сверкаетъ ураганъ
И шлетъ другимъ, играя съ ними, громы.
Во внутрь холмовъ распавшихся вошла
Одна изъ молній—въ грозные проломы,
Какъ бы понявъ, что въ нихъ ея стрѣла
Все, что таилося,—испепелитъ до тла.

XCVI.

Вихрь, волны, горы, громъ и небеса,
Васъ чувствую и бодрствую я чутко;
Вдали стихаютъ ваши голоса,
Чей гулъ въ душѣ тѣмъ звономъ отдался,
Что и во снѣ въ ней раздается жутко.
Гдѣ ваша грань, о бури? Въ царствѣ мглы
Бушуете ли вы безъ промежутка,
Какъ и въ сердцахъ, иль наверху скалы
Свиваете себѣ вы гнѣзда, какъ орлы?

XCVII.

О, еслибъ все, что мощно иль ничтожно,
Что есть во мнѣ: духъ съ сердцемъ и умомъ,
Страсть, чувство, все, чѣмъ я томлюсь тревожно
И все же существую,—если бъ можно
Ихъ было въ словѣ выразить *однимъ*
И *молніей* звалось такое слово—
Я мысль мою всю выразилъ бы въ немъ.
Теперь—умру, не снявъ съ нея покрова,
Какъ мечъ—въ его ножнахъ, скрывая мысль сурово.

XCVIII.

Встаетъ заря, свѣжо ея дыханье
И цвѣтъ ланитъ подобенъ лепесткамъ;
Она грозитъ со смѣхомъ облакамъ,
Какъ будто нѣтъ могилы въ мірозданьѣ;
Но разгорѣлось днемъ ея сіянье,
Возстановленъ обычный жизни ходъ,
Здѣсь пищу и просторъ для созерцанья
Найду я близъ твоихъ лазурныхъ водъ,
Вникая мыслью въ то, что намъ покой даетъ.

XCIX.

Кларанъ, отчизна истинной Любви!
Она питаетъ корни, мыслью страстной
Здѣсь воздуха насыщены струи,
Снѣга надъ бездной глетчеровъ опасной
Окрасила любовь въ цвѣта свои:

Ласкаетъ ихъ закатъ сіяньемъ алымъ;
Здѣсь говорятъ утесы о Любви,
Уязвлена надежды тщетной жаломъ,
Она отъ грозныхъ бурь бѣжала къ этимъ скаламъ.

C.

Кларанъ! Любовь божественной стопою
Ступала здѣсь, воздвигнувъ свой престолъ,
Къ нему рядъ горъ, какъ рядъ ступеней, велъ.
Внося повсюду жизнь и свѣтъ съ собою,
Она являлась не въ одинъ лишь долъ,
Въ дремучій лѣсъ иль на вершинѣ снѣжной,
Но каждый цвѣтъ въ лучахъ ея разцвѣлъ,
Вездѣ ея дыханье властью нѣжной
Владычествуетъ здѣсь надъ бурею мятежной.

CI.

Все *имъ* полно: и роща сосенъ черныхъ,
Что тѣнь свою бросаютъ на утесъ,
Отрадный слуху шумъ потоковъ горныхъ,
И скатъ крутой, обвитый сѣтью лозъ,
Ведущій къ лону водъ, Любви покорныхъ,
Лобзающихъ стопы ея, и рядъ
Стволовъ сѣдыхъ съ главой листовъ узорныхъ,
Какъ радость юныхъ—привлекая взглядъ,
Уединеніе живое здѣсь сулятъ.

CII.

Лишь пчелами оно населено
И птицами въ цвѣтистомъ опереньѣ;
Ихъ пѣніе хвалы ему полно
И сладостнѣе словъ звучитъ оно
И крылья ихъ простерты въ упоеньѣ.
Паденье водъ съ утеса на утесъ
И почки на вѣтвяхъ—красы рожденье.
Все, что самой Любовью создалось—
Все въ обольстительное цѣлое слилось.

CIII.

Кто не любилъ—впервые здѣсь полюбитъ,
Кто зналъ любовь—сильнѣй полюбитъ тотъ
Сюда Любовь бѣжала отъ заботъ,
Отъ суеты, что міръ тщеславный губитъ.
Она иль гибнетъ, иль идетъ впередъ,
Но не стоитъ въ спокойствіи безпечномъ,
Любовь иль увядаетъ, иль ростетъ,
Становится блаженствомъ безконечнымъ,
Которое вполнѣ огнямъ подобно вѣчнымъ.

CIV.

Руссо избралъ не вымысломъ взволнованъ,
Любви пріютомъ этотъ уголокъ,
Природой онъ дарованъ во владѣнье
Созданьямъ свѣтлымъ духа. Онъ глубокъ
И полонъ чаръ. Съ Психеи юный богъ

Снялъ поясъ тутъ, и горъ высокихъ склоны
Онъ красотой чарующей облекъ.
Спокойно, безмятежно ложе Роны,
И Альпы мощные свои воздвигли троны.

CV.

Вы пріютили тѣхъ, Ферне съ Лозанной,
Кто васъ прославилъ именемъ своимъ;
Путемъ опаснымъ—славы несказанной
Навѣки удалось достигнуть имъ.
И какъ титанъ, ихъ духъ неутомимъ,
Мысль громоздилъ на дерзостномъ сомнѣньѣ,
И пали бъ вновь съ небесъ огонь и дымъ,
Когда бъ на всѣ людскія ухищренья
Отвѣтомъ не было съ небесъ одно презрѣнье.

CVI.

Въ желаньяхъ, какъ дитя, непостояненъ,
Былъ первый, весь—измѣнчивость и пылъ,
Умомъ и сердцемъ столь же многограненъ,
Философа и барда онъ вмѣстилъ.
Протеемъ онъ всѣхъ дарованій былъ,
Безумнымъ, мудрымъ, строгимъ и веселымъ,
Но даръ насмѣшки онъ въ себѣ носилъ,
И несшимся, какъ бурный вихрь, глаголомъ—
Онъ поражалъ глупца иль угрожалъ престоламъ.

CVII.

Другого умъ—пытливъ, глубокъ и точенъ,
Съ годами знаній накопляетъ запасъ.
И мечъ его старательно отточенъ—
Насмѣшкой важной подрывалъ подчасъ
Важнѣйшія изъ вѣрованій въ насъ.
Насмѣшки царь, враговъ казня надменно,
Онъ гнѣвъ и страхъ въ нихъ возбуждалъ не разъ;
Его ждала ревнителей геена,
Гдѣ всѣ сомнѣнія намъ разрѣшатъ мгновенно.

CVIII.

Миръ праху ихъ! Коль скоро были казни
Они достойны—имъ пришлось страдать.
Не намъ судить, тѣмъ больше—осуждать.
Настанетъ часъ, когда вблизи боязни
Надеждѣ суждено во прахѣ спать.
Нашъ прахъ должно постигнуть разрушенье,
А если—такъ насъ учитъ благодать—
Воскреснетъ онъ, то встрѣтитъ отпущенье
Иль за грѣхи свои—достойное отмщенье.

CIX.

Но вновь отъ человѣческихъ дѣяній
Перехожу къ созданію Творца.
Кончается страница—плодъ мечтаній,
Что длилася, казалось, безъ конца.
Гдѣ тучъ и бѣлыхъ Альпъ слилися грани—

Туда я поднимусь, чтобъ взоръ открылъ
Все, что доступно для земныхъ созданій
На высотѣ, гдѣ рой воздушныхъ силъ
Вершины горныя въ объятья заключилъ.

CX.

Италія, въ тебѣ запечатлѣнъ
Столѣтій свѣтъ, который ты струила
Съ тѣхъ поръ, какъ отражала Кареагенъ
До славы позднихъ дней, что осѣнила
Вождей и мудрецовъ твоихъ. Могила
И тронъ державъ! Дана струямъ твоимъ
Безсмертія живительная сила,
И всѣхъ, кто жаждой знанія томимъ—
Съ семи холмовъ своихъ поитъ державный Римъ.

CXI.

Я далеко подвинулся въ поэмѣ,
Въ тяжелый часъ ее возобновивъ.
Знать, что не тѣ мы и не станемъ тѣми,
Какими быть должны; духъ закаливъ
Въ борьбѣ съ собой, гнѣвъ, замыселъ, порывъ,
Любовь, вражду, всевластное стремленье—
Таить въ себѣ, ихъ горделиво скрывъ—
Тяжелая задача, безъ сомнѣнья,
И все таки ее привелъ я въ исполненье.

CXII.

Изъ словъ я пѣсню, какъ вѣнокъ, плету,
Но можетъ быть она—одна забава,
Картинъ набросокъ, схваченъ налету,
Чтобъ усладить на краткій мигъ мечту.
Намъ дорога въ дни молодости слава,
Но я не молодъ и не признаю
За похвалой иль за хулою права
Имѣть вліянье на судьбу мою:
Забытъ иль не забытъ—я одинокъ стою.

CXIII.

Міръ не любя, любимъ я не былъ міромъ,
Его дыханью грубому не льстилъ,
Не поклонялся я его кумирамъ
И устъ моихъ улыбкой не кривилъ.
Я не дѣлилъ восторговъ общихъ пылъ.
Въ толпѣ—окутанъ мыслей пеленою—
Среди другихъ я не съ другими былъ,
Я былъ имъ чуждъ, но безъ борьбы съ собою—
Навѣрно до сихъ поръ стоялъ бы я съ толпою.

CXIV.

Міръ не люблю, міръ не любилъ меня,
Но—честными разстанемся врагами,
Я вѣрю: въ немъ слова—одно съ дѣлами,
И добродѣтель въ немъ—не западня
Для слабаго; я вѣрю, что съ друзьями

Скорбятъ друзья, правдивыя уста
Есть у двоихъ иль одного межъ нами,
Надежда намъ не лжетъ, и доброта—
Не только звукъ пустой, а счастье—не мечта.

CXV.

О, дочь моя, пѣснь начиналъ тобою,
Съ тобою пѣснь довелъ я до конца,
Тебя не видѣть—осужденъ судьбою,
Но всѣхъ другихъ сильнѣй любовь отца.
Пусть ты не знаешь моего лица—
Къ тебѣ несутся дней грядущихъ тѣни,
Въ мечтахъ заслышишь ты призывъ пѣвца,
Дойдутъ до сердца звуки пѣснопѣній,
Когда мое навѣкъ замретъ въ могильной сѣни.

CXVI.

Содѣйствовать развитію ума
И любоваться радостей разцвѣтомъ,
Слѣдить, какъ ты знакомишься сама
Съ диковиннымъ, невѣдомымъ предметомъ,
И поцѣлуемъ, нѣжностью согрѣтымъ
Отцовскою—касаться нѣжныхъ щекъ,
И видѣть, какъ растешь ты—счастье въ этомъ
Найдти бъ я по своей природѣ могъ,
Но этого всего меня лишаетъ рокъ.

CXVII.

Вражду ко мнѣ пусть въ долгъ тебѣ вмѣняютъ-
Любить меня тебѣ предрѣшено;
Пусть, какъ проклятье, имя устраняютъ,
Какъ тѣни правъ, утраченныхъ давно,
Могила разлучитъ насъ,—все равно!
Хотя бъ всю кровь *мою* извлечь хотѣли
Изъ жилъ твоихъ и удалось оно,
Они и тутъ бы не достигли цѣли:
Отнять бы жизнь твою, но не любовь успѣли.

CXVIII.

Дитя любви, ты рождено въ страданьѣ
И вскормлено въ борьбѣ: мои черты,
Ихъ отъ меня наслѣдуешь и ты,
Но только будутъ всѣ твои мечтанья
Возвышеннѣй, и чище—блескъ огня.
Спи мирно въ колыбели, дочь моя,
Изъ горныхъ странъ я шлю тебѣ прощанье,
Тебя благословеньемъ осѣня,
Которымъ ты, увы! была бы для меня!

Павелъ Козловъ, В. Лихачовъ и О. Чюмина. [1])

---

[1]) Переводъ покойнаго П. А. Козлова остановился на LV строфѣ (съ ея добавочной пѣснью. Строфы LVI—LXV переведены для настоящаго изданія В. С. Лихачовымъ, строфы LXVI—CXVIII тоже для настоящаго изданія переведены О. П. Чюминой.

Предисловіе къ IV пѣснѣ.

Visto ho Toscana, Lombardia, Romagna, quel Monte che divide, e quel che serra italia, e un mare e l'altro che la bagna.

Ariosto. Satira III.

Венеція, 2-го января, 1818.

Джону Гобгаузу, Эсквайру. A. M. (Artium Magister магистру искусствъ), F. R. S. (Fellow of the Royal Society—члену Королевскаго Ученаго Общества) и т. д., и т. д.

Дорогой Гобгаузъ. Послѣ промежутка въ восемь лѣтъ между первой и послѣдней пѣснями „Чайльдъ Гарольда", теперь выходитъ въ свѣтъ конецъ поэмы. Вполнѣ понятно, что, разставаясь съ такимъ старымъ другомъ, я прибѣгаю за утѣшеніемъ къ еще болѣе старому и лучшему другу, который присутствовалъ при рожденіи и при смерти того друга, съ которымъ я теперь разстаюсь,—къ человѣку, которому я болѣе обязанъ за его мудрую дружбу, чѣмъ я могу или могъ бы быть благодаренъ—при всей моей признательности ему—Чайльдъ-Гарольду за симпатіи публики, перешедшія отъ поэмы и къ ея автору. Вполнѣ естественно, что я прибѣгаю къ тому, кого я долго зналъ и кого сопровождалъ въ далекія путешествія, кто ухаживалъ за мной, когда я былъ боленъ, утѣшалъ меня въ моихъ печаляхъ, радовался моимъ удачамъ, былъ вѣренъ, когда мнѣ приходилось круто, былъ надежнымъ совѣтчикомъ, опорой въ опасностяхъ, испытаннымъ другомъ, никогда не отказывавшимъ въ поддержкѣ—т. е. къ вамъ.

Обращаясь къ вамъ, я отъ вымысла иду къ истинѣ. Посвящая вамъ завершенное, или, во всякомъ случаѣ, законченное поэтическое произведеніе—самое длинное, самое продуманное и понятное изъ всего, что я писалъ, я хочу оказать честь самому себѣ напоминаніемъ о многолѣтней близкой дружбѣ съ человѣкомъ ученымъ, талантливымъ, трудолюбивымъ и благороднымъ. Такимъ людямъ, какъ мы съ вами, не подобаетъ ни льстить, ни принимать лесть—но дружбѣ всегда разрѣшалась искренняя хвала. И если я пытаюсь отдать должное вашимъ качествамъ, или, вѣрнѣе, вспомнить, чѣмъ я имъ обязанъ, то дѣлаю я это не для васъ и не для другихъ, а для моего собственнаго утѣшенія—вѣдь ни въ комъ и никогда за послѣднее время я не находилъ достаточнаго доброжелательства ко мнѣ, которое бы помогло мнѣ стойко перенести горесть разлуки съ моимъ трудомъ. Даже число, помѣченное на этомъ письмѣ—годовщина самаго несчастнаго дня въ моемъ прошломъ, воспоминаніе о которомъ, однако, не будетъ отравлять моей дальнѣйшей жизни, пока меня будетъ поддерживать ваша дружба и сознаніе моихъ силъ—станетъ отнынѣ болѣе пріятнымъ для насъ обоихъ; оно напомнитъ намъ о моей попыткѣ выразить вамъ признательность за вашу неустанную любовь ко мнѣ; мало кто извѣдалъ въ жизни такую привязанность, а если такое чувство выпадало на чью либо долю, то оно вызывало болѣе возвышенное представленіе о другихъ людяхъ и о себѣ.

Намъ привелось побывать вмѣстѣ, въ разное время, на родинѣ рыцарства, великаго историческаго прошлаго и древнихъ миѳовъ—въ Испаніи, Греціи, Малой Азіи и Италіи; и то, чѣмъ были для насъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Аѳины и Константинополь, стали въ болѣе недавнее время Венеція и Римъ. И моя поэма также, или ея герой-скиталецъ, или оба вмѣстѣ, сопровождали меня отъ начала до конца путешествія; и да простится мнѣ суетная гордость, которая побуждаетъ меня относиться съ любовью къ произведенію, кото-

рое до нѣкоторой степени связываетъ меня съ мѣстомъ, гдѣ оно было написано, и съ предметами, которые оно пытается описать; и хотя оно мало достойно этихъ волшебныхъ и достопамятныхъ мѣстъ и очень слабо отвѣчаетъ нашимъ далекимъ представленіямъ и непосредственнымъ впечатлѣніямъ, все же, какъ знакъ преклоненія передъ тѣмъ, что достойно уваженія какъ проявленіе чувствъ, возбуждаемыхъ величіемъ, оно было для меня источникомъ радости во время работы, и я разстаюсь съ нимъ съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ; я даже не ожидалъ, что событія жизни оставятъ въ моей душѣ мѣсто для такого отношенія къ вымыслу.

Что касается содержанія послѣдней пѣсни, то въ ней отведено меньше мѣста герою-скитальцу, чѣмъ въ предыдущихъ, и даже когда онъ появляется, то почти совсѣмъ не отдѣленъ отъ автора, говорящаго отъ своего собственнаго имени. Я усталъ проводить границу, которую все равно никто не признаетъ; подобно тому, какъ никто не вѣрилъ, что китаецъ въ „Гражданинѣ міра“ Гольдсмита дѣйствительно китаецъ, такъ и я напрасно заявлялъ и воображалъ, что установилъ различіе между скитальцемъ и авторомъ; стремленіе проводить это различіе и досада на то, что всѣ мои старанія въ этомъ отношеніи тщетны, такъ мѣшали моей работѣ, что я рѣшилъ отказаться отъ этого совершенно— и такъ и сдѣлалъ. Всѣ мнѣнія на этотъ счетъ, въ настоящее время и въ будущемъ, утрачиваютъ отнынѣ всякое значеніе; поэма должна отвѣчать сама за себя—и не быть въ зависимости отъ автора; поэтъ же, у котораго нѣтъ ничего въ распоряженіи, кромѣ извѣстности, временной или постоянной, создаваемой его литературными стараніями, заслуживаетъ общей судьбы всѣхъ писателей.

Въ нижеслѣдующей пѣснѣ я имѣлъ намѣреніе, въ текстѣ или въ примѣчаніяхъ, коснуться современнаго состоянія итальянской литературы и даже нравовъ. Но я вскорѣ убѣдился, что текста, въ тѣхъ размѣрахъ, которые я опредѣлилъ себѣ, недостаточно для цѣлаго лабиринта внѣшнихъ предметовъ и для связанныхъ съ ними размышленій, а большинствомъ примѣчаній, за исключеніемъ немногихъ и самыхъ краткихъ, я всецѣло обязанъ вамъ; мои собственныя примѣчанія ограничиваются только разъясненіемъ текста.

Разсуждать же о литературѣ и правахъ націи, столь различной отъ своей собственной, задача весьма трудная — и едва-ли благодарная. Это требуетъ столько наблюдательности и безпристрастія, что мы не рѣшились бы довѣриться своему сужденію или, по крайней мѣрѣ, не высказали бы его сразу, безъ болѣе тщательной провѣрки своихъ наблюденій—хотя мы и не совсѣмъ лишены наблюдательности, и знаемъ языкъ и нравы народа, среди котораго мы недавно жили. Литературныя такъ же, какъ и политическія отношенія по-видимому такъ обострились, что иностранцу почти невозможно оставаться вполнѣ безпристрастнымъ относительно нихъ; но достаточно — по крайней мѣрѣ для моей цѣли—сослаться на то, что сказано на ихъ собственномъ языкѣ:—„Mi pare che in un paese tutto poetico, che vanta la lingua la più nobile ed insieme la più dolce, tutte tutte le vie diverse si possono tentare, e che sinche la patria di Alfieri e di Monti non ha perduto l'antico valore, in tutte essa dovrebbe essere la prima“. Въ Италіи есть еще великія имена: Канова, Монти, Уго Фосколо, Пиндемонте, Висконти, Морелли, Чиконьяра, Альбрици, Мецціофанти, Маи, Мукстоксиди, Аліетти и Вакка обезпечиваютъ современному поколѣнію почетное мѣсто въ большинствѣ отраслей искусства, науки и Belles-Lettres; и въ нѣкоторыхъ областяхъ искусства вся Европа, весь міръ— имѣетъ лишь одного Канову.

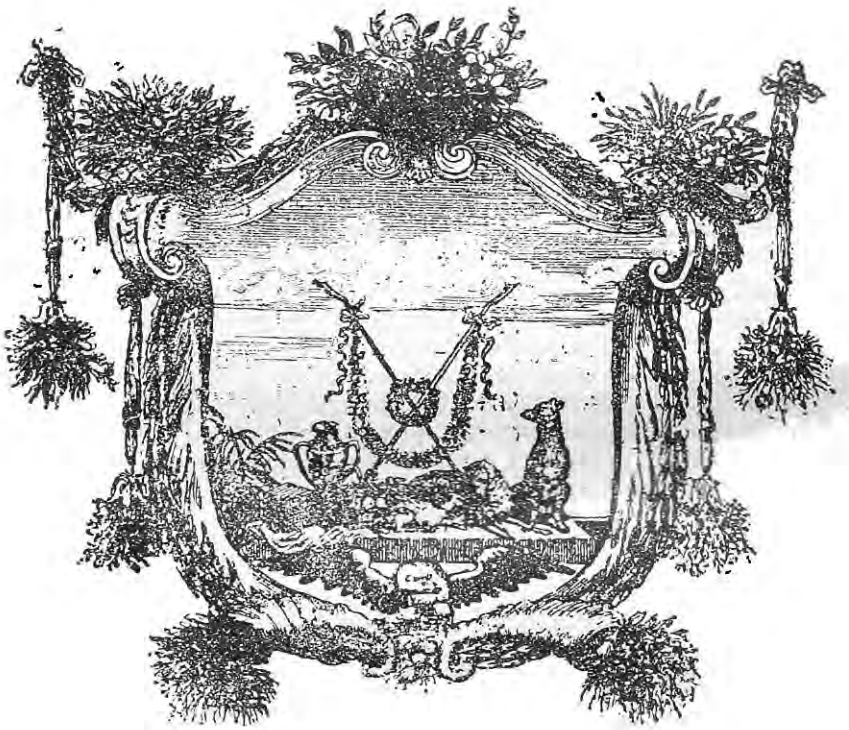
Альфіери гдѣ то сказалъ: „Za pianta uomo nasce più robusta in Italia che in qualunque altra terra—e che gli stessi atroci delittiche vi se commettono ne sono la prova“. Не подписываясь подъ второю частью фразы, заключающею очень опасную теорію—справедливость ея можно оспаривать тѣмъ, что итальянцы ни въ какомъ отношеніи не болѣе жестоки, чѣмъ ихъ сосѣди,—нужно однако намѣренно закрывать глаза, или быть совершенно ненаблюдательнымъ, чтобы не поражаться удивительной даровитостью этого народа, его воспріимчивостью, способностью все усваивать, быстротой пониманія, кипучестью ихъ генія, чутьемъ красоты и сохранившейся среди невзгодъ повторяющихся революцій, ужасовъ сраженій и вѣковыхъ страданій „жаждой безсмертія“—безсмертія независимости. И когда мы сами ѣздили верхомъ вокругъ стѣнъ Рима и слышали простую грустную пѣснь рабочихъ „Roma! Roma! Roma! Roma non è più come era prima“, трудно было не противопоставлять этотъ печальный напѣвъ

...узданному реву торжествующихъ пѣ...ъ, все еще раздающемуся въ лондонскихъ тавернахъ по поводу кровопролитій ... Mont St. Jean и предательства Генуи, ...талiи, Франціи и всего міра людьми, поведеніе которыхъ вы сами обличили въ ...ѣ, достойномъ лучшихъ временъ нашей исторіи. Что касается меня—

«Non movero mai corda
Ove la turba di sue ciance assorda».

О томъ, что выиграла Италія недавнимъ ...ремѣщеніемъ націй, англичанамъ безпо...вно справляться, пока не подтвердится, ... Англія пріобрѣла еще нѣчто кромѣ постоянной арміи и отмѣны Habeas Corpus; лучше бы они слѣдили за тѣмъ, что происходитъ у нихъ дома. Что касается того, что они сдѣлали за границами своей страны и въ особенности на югѣ, то—„они навѣрное получатъ возмездіе", и не въ очень отдаленномъ времени.

Желая вамъ, дорогой Гобгаузъ, благополучнаго и пріятнаго возвращенія въ страну, истинное благополучіе которой никому не можетъ быть дороже чѣмъ вамъ, я посвящаю вамъ эту поэму въ ея законченномъ видѣ и повторяю еще разъ искреннее увѣреніе въ преданности и любви вашего друга, Байрона.



ВЕНЕЦІЯ (Venice).
Рис. Уоррена (H. Warren), грав. Э Финденъ (E. Finden).

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Взошелъ на Мостъ я Вздоховъ, гдѣ видны
По сторонамъ его дворецъ съ темницей
И, крыльями вѣковъ осѣнены,
Вздымаются громады изъ волны,
Какъ бы волшебной вызваны десницей.
Улыбкой славы мертвой озаренъ
Здѣсь рядъ вѣковъ; тогда съ морской царицей,
На сотнѣ острововъ воздвигшей тронъ—
Крылатый Левъ царилъ въ тѣни своихъ колоннъ.

II.

Цибелѣ, порожденной океаномъ,
Она подобна—госпожа морей
И силъ морскихъ съ короною своей
Изъ башенъ горделивыхъ. Въ ней приданымъ
Добыча войнъ была для дочерей.
Лились съ Востока всѣ богатства въ мірѣ
На лоно къ ней; къ себѣ она царей
Звала на пиръ, являяся въ порфирѣ,
И честью всѣ они считали быть на пирѣ.

III.

Въ Венеціи замолкла пѣснь Торквато,
Безмолвно правитъ гондольеръ весломъ,
Здѣсь въ разрушеньѣ—не одна палата,
Нѣтъ пѣсенъ неумолчныхъ, какъ въ быломъ,
Искусство, троны—гибнутъ безъ возврата.

Живетъ природа, красота—жива,
Имъ памятна Венеція—когда то
Край вѣчныхъ карнаваловъ, празднества,
Какъ шла о томъ по всей Италіи молва.

IV.

Есть обаянье въ ней, что намъ дороже
Побѣдъ и героическихъ тѣней,
Во тьмѣ скорбящихъ объ утратѣ дней,
Когда со славой царствовали дожи.
Падетъ Ріальто, но безсмертны въ ней
Трофеи наши—Мавръ и Шейлокъ. Зданья
Они—вѣнецъ; пускай волной своей
Все смоютъ здѣсь вѣка до основанья—
Пустыню населитъ лишь ихъ существованье.

V.

Созданья духа въ существѣ своемъ
Безсмертныя—струятъ потоки свѣта
И насъ дарятъ отраднымъ бытіемъ.
Мы—тлѣннаго рабы, и безъ просвѣта
Влачили бъ жизнь, но образы поэта,
Вражды людской смягчая остроту,
Даютъ возможность новаго разцвѣта,
И заполняютъ сердца пустоту,
Давно увядшаго еще въ своемъ цвѣту.

VI.

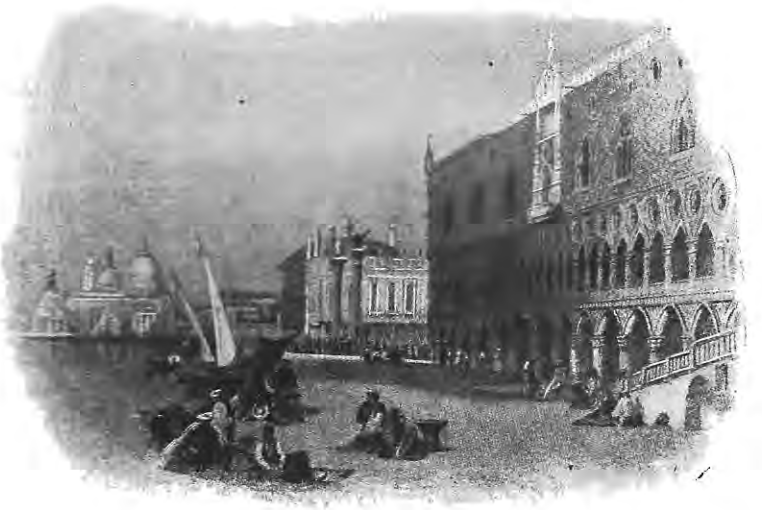
Таковъ пріютъ дней юныхъ и преклонныхъ;
Сперва—Надежда, позже—Пустота
Ведутъ къ нему. Плоды чувствъ утомленныхъ—
Ряды страницъ, а въ ихъ числѣ—и та,
Что предо мной. Прекраснѣй, чѣмъ мечта,
Порою все жъ дѣйствительность бываетъ,
И сказочнаго неба красота,
Созвѣздій тѣхъ, что Муза разсыпаетъ
Въ своихъ владѣніяхъ,—ей въ блескѣ уступаетъ

VII.

Какъ истина, являлись мнѣ во снѣ
Иль на яву подобныя видѣнья,
И уходили, словно сновидѣнья.
Пусть это—сонъ, еще живутъ во мнѣ
Тѣ образы и—таковы вполнѣ,
Какими ихъ я видѣлъ временами.
Но пусть они уходятъ! Въ глубинѣ
Разсудокъ трезвый управляетъ нами
И называетъ ихъ болѣзненными снами.

VIII.

Я научился языкамъ другимъ,
Среди чужихъ не слылъ я за чужого,
И оставался духъ собой самимъ.
Не трудно обрѣсти отчизну снова,
Чтобъ жить съ людьми, иль жить, какъ нелюдимъ.



ВЕНЕЦІЯ, ЧАСТЬ ПЛОЩАДИ СВ. МАРКА (Venice, St. Mark's).
Рис. Эймеръ (J. B. Aylmer), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

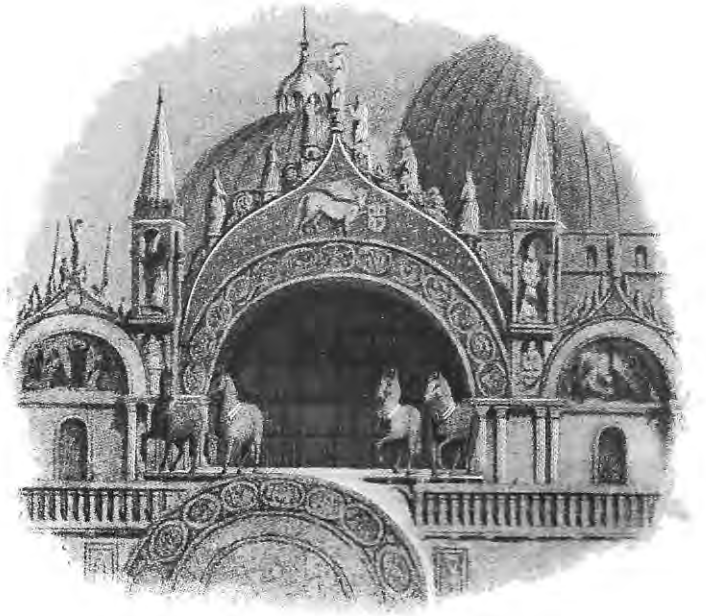
Но тамъ рожденъ я, гдѣ въ сердцахъ народныхъ
Таится гордость бытіемъ своимъ;
Покину ль островъ мудрыхъ и свободныхъ,
Чтобъ новый домъ найти за далью водъ холодныхъ?

IX.

Родимый край любимъ, быть можетъ, мной,
Разстанься,—духъ мой на чужбинѣ съ тѣломъ
Вернулся бы мой духъ къ странѣ родной,
Когда бъ онъ могъ за гробовымъ предѣломъ
Самъ избирать пріютъ себѣ земной.
Пусть съ языкомъ роднымъ въ воспоминаньѣ
И я живу, но если жребій мой
Со славою моей—въ согласованьѣ,
Такъ скоръ его разцвѣтъ и быстро увяданье.

X.

Когда забвеньемъ буду удаленъ
Изъ храма, гдѣ чтутъ имена покойныхъ,
Пусть лавръ вѣнчаетъ болѣе достойныхъ,
Мой холмъ пусть будетъ надписью почтенъ:
„У Спарты есть сыны славнѣй, чѣмъ онъ".
Любви я не ищу, и терны гнѣва,
Которыми я въ кровь былъ уязвленъ,
Они—отъ мной посаженнаго древа:
И лишь такихъ плодовъ могъ ждать я отъ посѣва.



ВЕНЕЦІЯ, КОНИ СВ. МАРКА (Venise, Steeds of Brass).

Рис. Эймеръ (J. B. Aylmer), грав. В. Финденъ (W. Finden).

XI.

Вдовѣетъ Адріатика въ печали,
Не повторенъ вѣнчанія обрядъ,
На Буцентаврѣ снасти обветшали—
Заброшенный вдовой ея нарядъ;
Какъ жалокъ нынѣ Левъ среди громадъ
На площади, куда съ мольбой смиренной
Шелъ императоръ. Завистью объятъ,
Стоялъ тамъ не одинъ монархъ надменный
Въ дни пышности и славы несравненной.

XII.

Гдѣ швабъ молилъ—теперь австрійца тронъ.
Монархъ ногою попираетъ плиты,
Гдѣ былъ монархъ колѣнопреклоненъ.
Тамъ царства всѣ на области разбиты,
И въ городахъ—цѣпей неволи звонъ.
Съ высотъ величья палъ народъ: лавинѣ,
Катящейся съ горы,—подобенъ онъ.
Гдѣ Дандоло—великій старецъ—нынѣ,
Который сокрушилъ Царьградъ въ его гордынѣ?

XIII.

Здѣсь солнца лучъ надъ конницею мѣдной
Святого Марка блещетъ, какъ тогда,
Но Доріи угроза не безслѣдной
Осталася: и на коняхъ—узда.
Чтобъ избѣжать въ паденіи стыда,
Съ тринадцатью столѣтьями свободы
Венеція уходитъ навсегда,
Какъ водоросль, въ свои родныя воды:
Такъ лучше, чѣмъ влачить въ позорѣ рабства годы.

XIV.

Она была въ дни юной славы—Тиромъ,
Присвоила побѣдъ ея молва
Ей имя „Насадительницы Льва",
Въ моряхъ, на сушѣ, надъ подвластнымъ міромъ,
Сквозь дымъ и кровь, звучали тѣ слова.
Европы всей отъ мусульманъ охрана!
Ты это помнишь, Кандія! Жива
Лепанто память, волны океана!
Не уничтожатъ ихъ вѣка и власть тирана.

XV.

Покоится во прахѣ дожей рядъ,
Какъ статуи осколки. Величавы—
Лишь ихъ дворцы о прошломъ говорятъ.
Разбитый скипетръ, мечъ ихъ,—нынѣ ржавый,
Сдались врагу. Безмолвіе палатъ
И узкихъ улицъ, видъ чужихъ постылый—
Напоминаетъ все враговъ захватъ
И надъ стѣной Венеціи мнѣ милой
Нависло тучею отчаянья унылой.

XVI.

Когда въ цѣпяхъ вступали въ Сиракузы
Плѣненныя аѳинскія войска—
Ихъ выкупомъ явился голосъ Музы
Аттической, звуча издалека.
Смотри, какъ побѣдителя рука
Роняетъ поводъ, онъ—пѣвцу въ угоду
Бросаетъ мечъ, и—милость велика:
Снявъ цѣпь неволи, онъ велитъ народу
Благодарить пѣвца за пѣснь и за свободу.

XVII.

Венеція, не будь иного права,
Иныхъ дѣяній славныхъ за тобой,
И тутъ пѣвца божественнаго слава,
Духъ Тассо—узелъ рабства роковой.
Должны бъ разсѣчь. Позоренъ жребій твой
Для всѣхъ земель, и вдвое—Альбіону.
Царь, какъ и ты, надъ бездною морской—
Какъ ты, утратить можетъ онъ корону,
Хотя изъ волнъ морскихъ и создалъ оборону.

ВЕНЕЦІЯ, ПЬЯЦЕТТА (Piazetta from the churd of St. Mark).
Рис. Проутъ (J. Prout), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

XVIII.

Волшебный городъ сердца! Съ дѣтскихъ дней
Ты дорогъ мнѣ; богатство, радость міра—
Какъ рядъ колоннъ, встаешь ты изъ морей.
Ратклиффъ, Отвэя, Шиллера, Шекспира
Созданьями навѣкъ въ душѣ моей
Запечатлѣнъ твой свѣтлый образъ живо.
Въ своемъ упадкѣ ты еще милѣй,
Чѣмъ въ дни, когда являлся горделиво
Въ великолѣпіи и блескѣ—всѣмъ на диво.

XIX.

Тебя прощедшимъ населилъ бы я,
Но и теперь для глазъ и размышленья
Есть многое въ тебѣ. Въ ткань бытія
Вплетенныя счастливыя мгновенья—
Венеція, на нихъ краса твоя
Набросила оттѣнокъ свой. Не властна
Смыть чувства эти времени струя,
Исторгнуть—пытка, какъ ни будь ужасна,
Иль замерли бъ давно они во мнѣ безгласно.

XX.

Высокая альпійская сосна
Вздымается на высотѣ холодной.
Отъ бурь жестокихъ не защищена,

На почвѣ каменистой и безплодной.
И все жъ размѣръ ея и вышина
Становятся громадными; какъ глыбы,
Среди камней раскинула она
Корней своихъ гигантскіе изгибы:
И силы духа въ насъ такъ разростись могли бы.

XXI.

Страданіе пустить свой корень властно
Въ сердцахъ опустошенныхъ. Выносить
Возможно жизнь. Верблюдъ—свой грузъ влачить,
Волкъ—умирать, привыкли всѣ безгласно.
Пусть ихъ примѣръ не пропадетъ напрасно.
Вѣдь если звѣрь, что глупъ или жестокъ,
Въ молчаніи страдаетъ такъ ужасно,
То мы, чей разумъ ясенъ и глубокъ—
Съумѣемъ закалить себя на краткій срокъ.

XXII.

Страдающій—страданьемъ уничтоженъ,
Иль самъ уничтожаетъ скорби власть;
Однимъ—возвратъ на прежній путь возможенъ,
И ткань свою они стремятся прясть,
Другихъ же губитъ ранняя напасть,
Какъ тростники ихъ слабую опору.
Согласно съ тѣмъ: возвыситься иль пасть
Духъ осужденъ—стремятся всѣ къ раздору
Иль къ миру и труду, къ добру или къ позору.

XXIII.

Но скорбью побѣжденною оставленъ
Бываетъ чуть замѣтный слѣдъ всегда;
Какъ жало скорпіона, онъ отравленъ,
И малости довольно иногда,
Чтобъ вызвать гнетъ, что сбросить навсегда
Желали бъ мы. Все ранитъ: звуки пѣнья,
Цвѣтокъ, весна, закатъ и волнъ гряда.
Той цѣпи грозовой, которой звенья
Оковываютъ насъ, болѣзненно давленье.

XXIV.

Какъ? Отчего мысль эта зародилась
Въ насъ молніей—невѣдомо оно,
Но потрясенье рѣзко повторилось
И не стереть ожога намъ пятно.
Ей воскресить рой тѣней суждено
Среди событій жизни обыденныхъ,
И ихъ прогнать заклятьямъ не дано.
Какъ много ихъ и мало: измѣненныхъ,
Давно оплаканныхъ, любимыхъ, погребенныхъ!

XXV.

Но мысль моя блуждаетъ. Средь развалинъ
Развалина сама, пусть въ тишинѣ
Она о томъ мечтаетъ, какъ печаленъ

ВЕНЕЦІЯ, МОСТЪ РІАЛЬТО (Venice, the Rialto).
Рис. Стэнфильдъ (C. Stanfield, A. R. A.), грав. Аллэнъ (J. B. Allen).

Удѣлъ величья падшаго въ странѣ,
Что всѣхъ была славнѣй, и въ эти годы—
Прекраснѣй всѣхъ. Она вѣнцомъ природы
Божественной всегда казалась мнѣ.
И въ дни геройства, красоты, свободы
Покорны были ей и земли всѣ, и воды.

XXVI.

Монарховъ достоянье, люди Рима!
Италія! Всего, что создаютъ
Искусство и природа, ты—пріютъ.
Садъ міра, чья краса неистребима,
Ты и въ своемъ упадкѣ несравнима,
Ты въ траурѣ—прекраснѣй, въ нищетѣ—
Другихъ богаче ты невыразимо,
Въ крушеніи стоишь на высотѣ
И въ незапятнанной сіяешь чистотѣ.

ВЕНЕЦІЯ, ВХОДЪ ВЪ БОЛЬШОЙ КАНАЛЪ (Venice, from the Entrance of the Grand Canal).

Рис. Гоуза (G. Howse), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

XXVII.

Луна взошла, еще не ночь. Закатъ
Съ ней дѣлитъ небеса, и моремъ свѣта
Залитъ фріульскихъ горъ лазурный скатъ
Чистъ небосводъ, и радужнаго цвѣта
Оттѣнками на западѣ богатъ—
Иридою онъ блещетъ. Переходитъ
Тамъ въ вѣчность. День, сіяніемъ объятъ,
Насупротивъ Діаны щитъ восходитъ,
Какъ островъ, гдѣ пріютъ духъ праведныхъ находитъ.

XXVIII.

Одна звѣзда съ ней блещетъ на просторѣ,
Чарующемъ небесъ, но до сихъ поръ
Еще струится солнечное море
И заливаетъ высь Ретійскихъ горъ,
Какъ будто День и Ночь вступили въ споръ.
Природа водворяетъ миръ желанный;
Любуясь тихой Брентой, видитъ взоръ,
Какъ роза пурпуръ свой благоуханный
Склоняетъ къ ней, струи окрасивъ въ цвѣтъ багряный.

XXIX.

Тамъ ликъ небесъ далекихъ отраженъ
Въ чарующемъ разнообразьѣ сказки:
Созвѣздій дивный блескъ, заката краски.
Но вотъ все измѣнилось, горный склонъ

ДОМЪ ПЕТРАРКИ (Petrarch's House).

Рис. Гоннеръ (Horner), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

Покровомъ блѣдной тѣни омраченъ.
Въ днѣ гаснутъ жизнь и краски, какъ въ дельфинѣ:
Въ предсмертныхъ мукахъ отливаетъ онъ
Цвѣтами всѣми, краше—при кончинѣ,
Лишь мигъ—и тускло все, безжизненно отнынѣ.

XXX.

Есть въ Аркуѣ старинная гробница,
Лауры въ ней возлюбленнаго прахъ;
Паломниковъ приходитъ вереница
Почтить его. Онъ возродилъ въ стихахъ
Языкъ родной, на иго возставая,
Что внесъ въ его отчизну варваръ-врагъ.
И лавръ слезами пѣсенъ обливая,
Достигъ онъ тѣхъ вершинъ, гдѣ—слава вѣковая.

XXXI.

И въ Аркуѣ, гдѣ встрѣтилъ онъ кончину,
Въ селеньѣ горномъ прахъ его хранимъ,
Тамъ на закатѣ онъ сходилъ въ долину
Преклонныхъ лѣтъ. Въ селѣ гордятся имъ,
И предлагаютъ осмотрѣть чужимъ
Гробницу, домъ его. Неприхотливо
И просто все, но будучи такимъ,
Здѣсь болѣе умѣстно и правдиво,
Чѣмъ зданья пирамидъ, воздвигнутыхъ на диво.

XXXII.

Всѣхъ, что земного бренность сознаютъ,
Манитъ къ себѣ спокойное селенье,
Оно—надеждъ обманутыхъ пріютъ
Въ тѣни холмовъ зеленыхъ. Въ отдаленьѣ
Тамъ въ городахъ кипятъ и жизнь, и трудъ.
Но всѣ очарованья ихъ напрасны,
И болѣе они не привлекутъ
Отшельника къ себѣ: лучъ солнца ясный—
Вотъ праздникъ для него поистинѣ прекрасный.

XXXIII.

Лучъ солнца золотитъ своимъ узоромъ
Цвѣты, листву, холмы и зыбь ручья,
Часы уединенья надъ которымъ
Текутъ свѣтло, какъ и его струя,
Не праздные въ созвучьѣ бытія.
Мы въ свѣтѣ—жизнь, въ уединеньѣ строгомъ—
Смерть познаемъ. Защиты отъ нея
Здѣсь нѣтъ въ льстецахъ, въ тщеславіи убогомъ.
Въ единоборство мы вступаемъ съ нашимъ Богомъ.

XXXIV.

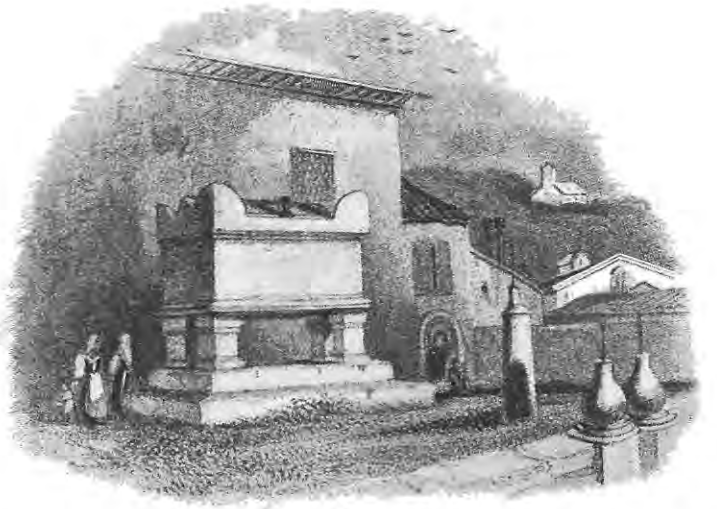
Иль съ демономъ, что ослабляетъ думъ
Благихъ порывъ, людьми овладѣвая,
Чей съ юныхъ лѣтъ меланхоличенъ умъ.
Страшась, что ждетъ ихъ доля роковая,
Они во тьмѣ и страхѣ пребывая,
Страданій безъ конца предвидятъ рядъ.
Блескъ солнца—кровь, земля—тьма гробовая,
Могила—адъ, и даже самый адъ—
Страшнѣе чѣмъ онъ есть—имъ кажутся на взглядъ.

XXXV.

Когда иду по улицамъ Феррары,
Что широки, но поросли травой,
Мнѣ кажется, что злыхъ проклятій чары
Родъ Эсте наложилъ на городъ свой.
Тамъ—прихотью тирановъ вѣковой—
Являлся онъ то палачемъ суровымъ,
То другомъ всѣхъ избранниковъ—съ главой
Увѣнчанною тѣмъ вѣнкомъ лавровымъ,
Что Данте первому достался въ вѣкѣ новомъ.

XXXVI.

Ихъ слава—Тассо, онъ же—ихъ позоръ.
Легко ль достигъ онъ славы несравненной?
Припомнивъ пѣснь, въ ту келью бросьте взоръ,
Куда поэта ввергъ Альфонсъ надменный.
Но угасить не могъ тиранъ презрѣнный
Великій умъ поэта своего
И этою ужасною гееной
Безумія, и Тассо торжество
Прогнало сумракъ тучъ; вкругъ имени его



ГРОБНИЦА ПЕТРАРКИ ВЪ АРКУѢ (Petrarch's Tomb in Arqua).
Рис. Гардингъ (J. D. Karding), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

XXXVII.

Хвалы и слезы всѣхъ временъ. Въ забвеньѣ
Межъ тѣмъ исчезла бъ память о тебѣ,
Какъ прахъ отцовъ—когда-то самомнѣнья
Исполненныхъ, не будь къ его судьбѣ
Причастенъ ты: теперь твои гоненья
Намъ памятны, и герцогскій твой санъ
Съ тебя спадаетъ. Будь происхожденья
Иного ты, родился бъ ты, тиранъ,
Рабомъ того, кто былъ тебѣ на муки данъ.

XXXVIII.

Ты, что подобно тварямъ безсловеснымъ,
Чтобъ ѣсть и умереть былъ сотворенъ,
Но только хлѣвъ твой менѣе былъ тѣснымъ,
Роскошнѣе—твое корыто. *Онъ*,
Сіяньемъ вѣчной славы осѣненъ,
Что Бруски съ Буало глаза слѣпило:
Не допускалъ тотъ, завистью смущенъ,
Чтобъ пѣснь иная лиру пристыдила
Французскую, чей звукъ слухъ рѣжетъ, какъ точило.

XXXIX.

Миръ памяти Торквато оскорбленной!
При жизни, въ смерти—вѣчный твой удѣлъ,
Пѣвецъ, никѣмъ еще не побѣжденный—
Мишенью быть для ядовитыхъ стрѣлъ.

ДОМЪ ПЕТРАРКИ (Petrarch's House).
Рис. Уоррена (H. Warren), грав. В. Финдена (W. Finden).

Насъ каждый годъ даритъ толпой мильонной,
Но равнаго тебѣ не можетъ дать
И поколѣній рядъ соединенный.
Хотя бы вмѣстѣ всѣ лучи собрать—
То солнца одного мы не могли-бъ создать.

XL.

Великъ ты, но земли твоей поэты
И до тебя носили въ ней вѣнецъ,
И ими адъ и рыцарство воспѣты.
Былъ первымъ онъ—Тосканы всей отецъ,
„Божественной комедіи" творецъ,
И южный Скоттъ, что флорентинцу равный,
Волшебныхъ пѣсенъ создалъ образецъ,
И Аріосто сѣвера стихъ плавный
Воспѣлъ войну, любовь, героевъ подвигъ славный.

XLI.

У Аріосто статуи съ чела
Однажды сорванъ былъ грозой суровой
Поддѣльный лавръ. Пусть такъ. Вѣнокъ лавровый,
Что слава вьетъ, не поразитъ стрѣла,
Поддѣлка же безчестить лишь могла
Чело пѣвца; да будетъ несомнѣнно,
Для суевѣрныхъ: молнія—свѣтла,
И очищаетъ все она, что тлѣнно,
Съ тѣхъ поръ его чело вдвойнѣ для насъ священно.

XLII.

Италія! Красой одарена
Ты роковой: наслѣдіемъ кручины
Въ быломъ и нынѣ сдѣлалась она,
И на челѣ твоемъ—скорбей морщины.

ФЕРРАРСКІЙ ЗАМОКЪ (The Castle of Ferrara).
Рис. Проутъ (J. Prout), грав. Гайэмъ (T. Higham).

На немъ горятъ позора письмена.
Будь въ наготѣ ты меньшею красою
Иль большей силою надѣлена,
Чтобъ устрашить грабителей, толпою
Сосущихъ кровь твою, упившихся слезою!

XLIII.

Внушая страхъ и не будя желанья,
Спокойно жить могла бы ты тогда,
О гибельномъ забывъ очарованьѣ.
Съ Альпъ не текла бъ насильниковъ орда,
И въ По кровавой не была бъ вода.
Оружье чужеземное собою
Тебя не ограждало бъ и всегда
Въ побѣдѣ, въ пораженіи, чужою—
Врага ли, друга ли—ты не была бъ рабою.

XLIV.

Въ скитаньяхъ раннихъ путь я прослѣдилъ
Того, кто другомъ Туллія и Рима
Безсмертнаго, и римляниномъ былъ.
Межъ тѣмъ, какъ челнъ почти неуловимо
Обвѣянъ опахаломъ вѣтра, плылъ—
Съ Мегары взоръ я перевелъ къ Эгинѣ,
Коринѳъ, Пирей—къ себѣ его манилъ.
Какъ прежде—онъ, такъ созерцалъ я нынѣ,
Какъ ихъ развалины слились въ одной картинѣ.

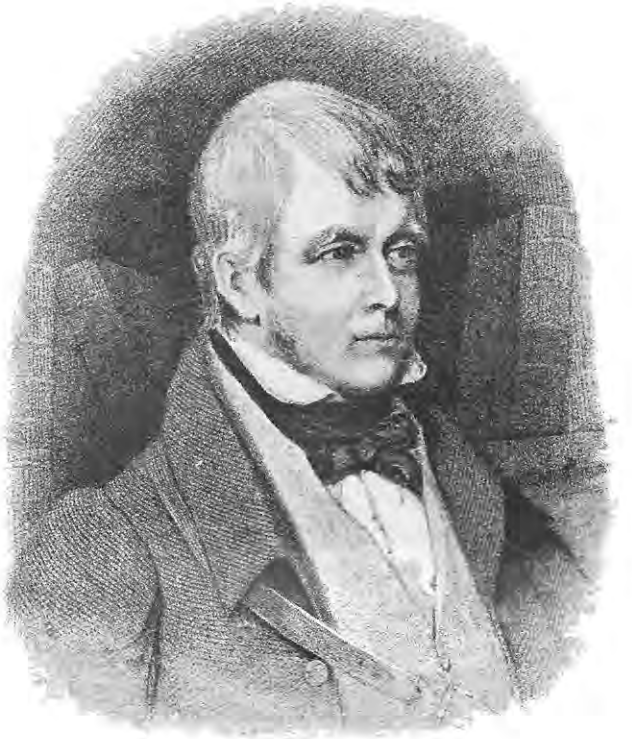
ТОРКВАТО ТАССО (Tasso).
Рис. Гоузъ (G. Howse), грав. В. Финденъ (W. Finden).

XLV.

Возстановить ихъ время не могло,
И наряду съ развалинами зданья
Лишь варваровъ жилища возвело,
Но тѣмъ дороже ихъ очарованье—
Послѣдній лучъ ихъ мощи и сіянья.
Онъ видѣлъ ихъ—гробницы, города,
Что возбуждаютъ грусть и созерцанье;
Урокъ, что онъ въ пути извлекъ тогда
Хранятъ для насъ его страницы навсегда.

XLVI.

Страницы эти—здѣсь, а на моихъ
Занесено его страны паденье
Среди погибшихъ государствъ другихъ.
Онъ—ихъ упадокъ, я—ихъ запустѣнье
Оплакивалъ. Свершилось разрушенье:
Державный Римъ, упавъ, чело склонилъ,
И чрезъ гигантскій остовъ въ изумленьѣ
Проходимъ мы. Обломкомъ міра былъ
Другого онъ, чей прахъ доселѣ не остылъ.



ВАЛЬТЕРЪ СКОТТЪ (Walter Scott).
Съ портрета Ньютона (G. S. Newton. R. A.), грав. В. Финденъ (W. Finden).

XLVII.

Италія, твою обиду знать
Должны вездѣ—отъ края и до края;
Ты—мать искусствъ, въ быломъ оружья мать;
Твоя рука ведетъ насъ охраняя,
Отчизна вѣры! У тебя ключъ рая
Молилъ народъ, колѣна преклонивъ,
И грѣхъ отцеубійства проклиная,
Европа сдержитъ варваровъ наплывъ:
Освободитъ тебя, прощенье испросивъ.

XLVIII.

Къ Аеинамъ Этрурійскимъ съ дивнымъ рядомъ
Ихъ сказочныхъ дворцовъ влечетъ Арно.
Холмы ихъ окружаютъ; съ виноградомъ
Рогъ Изобилья сыплетъ тамъ зерно,
И жизни улыбаться суждено.
Тамъ съ роскошью, торговлею рожденной,
На берегахъ смѣющихся Арно
Явилася для жизни возрожденной
Наука, бывшая такъ долго погребенной.

ФЛОРЕНЦІЯ (Florence).
Рис. Эймеръ (J. B. Aylmer), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

XLIX.

Изъ мрамора богини изваянье
Тамъ дышетъ красотой, полно любви,
Амвросіи нѣжнѣй ея дыханье—
Вливаетъ въ насъ безсмертія струи,
Когда предъ ней стоимъ мы въ созерцаньѣ.
Покровъ небесъ для насъ полуоткрытъ,
Сильнѣй природы генія созданье,
Завидуемъ огню мы, что горитъ
Въ язычникахъ и духъ изъ мрамора творитъ.

L.

Стоимъ, подобно плѣнныхъ вереницѣ,
Ослѣплены красой, опьянены,
Прикованы къ побѣдной колесницѣ
Искусства мы, волненіемъ полны.
Произносить словъ пошлыхъ не должны:
Долой языкъ торговцевъ шарлатанскій!
Имъ сердце, взоръ въ обманъ не введены,
Морочитъ лишь глупцовъ пріемъ педантскій,
И въ выборѣ своемъ ты правъ, пастухъ Дарданскій.

LI.

Такою ли видалъ тебя плѣненный
Тобой Анхизъ счастливый иль Парисъ,
Иль богъ войны, тобою побѣжденный,
Когда простертъ у ногъ твоихъ, онъ въ высь,
Какъ на звѣзду, глядѣлъ въ твой взоръ лазурный?

ТРАЗИМЕНСКОЕ ОЗЕРО (Lake of Thrasymene).
Рис. Уоррена (*H. Warren*), *грав. В. Финдена* (*W. Finden*).

И въ бархатъ щекъ уста его впились;
А поцѣлуи съ устъ твоихъ лились,
Подобно лавѣ—огненны и бурны
На лобъ его, уста и вѣки, какъ изъ урны.

LII.

Пылая, разливаяся въ любви,
Не властны боги выразить блаженство
Иль большаго достичь въ немъ совершенства.
Они тогда равняются съ людьми,
И мы въ минуты лучшія свои
Равны богамъ. Всѣ мы—подъ тяготѣньемъ
Земного,—пусть! Мы рвемся отъ земли,
И образъ создаемъ, вѣрны видѣньямъ,
Что въ мірѣ божества бываетъ воплощеньемъ.

LIII.

Намъ разсказать и указать могли бъ
Художникъ, диллетантъ, мудрецъ, ученый,
Какъ сладострастенъ мрамора изгибъ
И граціи исполненъ утонченной.
Пусть пробуютъ. Но образъ, отраженный
Въ струѣ прозрачной,—ихъ дыханья смрадъ
Не замутитъ: мечтой неомраченной
Пребудетъ онъ, что небеса таятъ
И въ глубину души ея лучи струятъ.

LIV.

Въ обители священной Санта-Кроче
Есть прахъ; безсмертье въ немъ воплощено
И все святое имъ освящено,
Хотя онъ самъ—частица славы бренной,
Что впала въ хаосъ. Тамъ лежатъ давно
Альфьери и Анджело; дивной цѣли
Достигшій Галилей, кому дано
Страданіе въ удѣлъ; Маккіавели
Вернулся въ землю тамъ, гдѣ всталъ изъ колыбели.

LV.

Подобные стихіямъ четыремъ,
Здѣсь новый міръ—Италію создали
Тѣ геніи. Въ теченіи своемъ
Пускай вѣка порфиру истерзали
Твою въ куски, но въ славѣ отказали
Они другимъ—быть родиной умовъ,
Возставшихъ изъ развалинъ. Осіяли
Тебя лучи и при концѣ: таковъ
Канова твой, какимъ былъ сынъ былыхъ вѣковъ.

LVI.

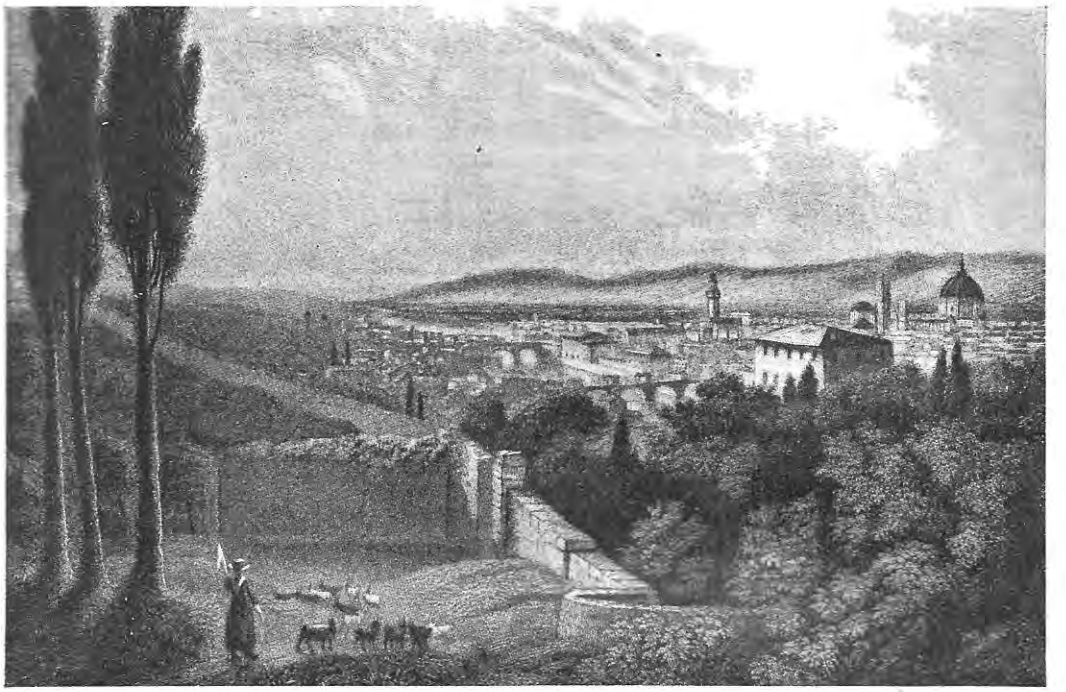
Но гдѣ жъ этруски: Данте и Петрарка?
Гдѣ прахъ его—прозаика-пѣвца,
Чье творчество едва ль не столь же ярко,
„Ста повѣстей“ великаго творца?
Не смѣшиваться долженъ до конца
Ихъ прахъ съ другимъ, какъ и они—съ толпою.
Иль не нашлось для статуй ихъ рѣзца
И мрамора, что блещетъ бѣлизною?
Ужель сыновній прахъ не взятъ землей родною?

LVII.

Флоренція, стыдись! Какъ Сципіонъ,
На берегу, который оскорбленье
Нанесъ ему, спитъ Данте въ отдаленьѣ.
Раздорами согражданъ изгнанъ онъ,
Но будетъ онъ дѣтей дѣтьми почтенъ
Изъ рода въ родъ—въ ихъ вѣчной укоризнѣ.
Петрарки лавръ чужбиною взращенъ,
И въ славѣ онъ своей, въ судьбѣ и въ жизни,
Въ гробу ограбленномъ—остался чуждъ отчизнѣ.

LVIII.

Ей завѣщалъ Бокаччіо свой прахъ?
И реквіемъ тому здѣсь слышатъ стѣны,
Кто создалъ рѣчь тосканскую, въ устахъ
Звучащую какъ пѣніе сирены,
Какъ музыка? О, нѣтъ, ханжи-гіены
Разрушили и самый гробъ его
(Хотя въ гробу спитъ и бѣднякъ смиренный),
Чтобъ вырваться не могъ ни у кого
И мимолетный вздохъ при взглядѣ на него.



ФЛОРЕНЦІЯ (Florence).

Рис. Бэтти (Batty), гравировалъ Э. Финденъ (E. Finden).

LIX.

Безъ ихъ останковъ Санта-Кроче пустъ.
Но въ этомъ—краснорѣчіе нѣмое.
Отсутствовавшій Марка Брута бюстъ
Въ тріумфѣ Цезаря—сильнѣе вдвое
Всѣмъ римлянамъ напомнилъ о героѣ.
Равенна, Рима павшаго оплотъ,
Въ землѣ твоей—изгнанникъ на покоѣ.
И Аркуя прахъ славный бережетъ,
Одна Флоренція о мертвыхъ слезы льетъ.

LX.

Что намъ до пирамидъ ея, богато
Украсившихъ склепъ торгашей-князей,
Порфира, яшмы, мрамора, агата?
Роса при свѣтѣ звѣздъ, во мглѣ ночей
Рождаясь вмигъ, прохладою своей
Кропитъ траву, укрывшую собою
Холмъ, гдѣ поставленъ Музой мавзолей,
И попираемъ дернъ его стопою
Мы тише, чѣмъ плиту надъ княжеской главою.

LXI.

Тамъ во дворцѣ искусствъ, близъ водъ Арно,
Гдѣ живопись, палитрою блистая,
Съ ваяніемъ борьбу ведетъ давно,—
Все манитъ взоръ, восторги вызывая.
Не для меня та прелесть неземная:
Сильнѣй созданій генія плѣнитъ
Меня лѣсовъ, полей краса простая.
Хотя искусство умъ мой поразитъ,
Но скрытаго огня въ душѣ не оживитъ.

LXII.

Люблю бродить, гдѣ плещетъ Тразимена,
Въ ущельяхъ горъ. Здѣсь гордый Римъ позналъ
Военное коварство Карѳагена.
Все войско римлянъ хитрый врагъ зазвалъ
Въ засаду здѣсь, межъ озера и скалъ.
И храбрецы въ отчаяньѣ всѣ пали.
И красенъ былъ ручьевъ набухшихъ валъ,
Когда они долину орошали,
Тамъ, гдѣ тѣла бойцовъ кровавыя лежали.

LXIII.

Какъ груды вихремъ сломанныхъ деревъ.
И такъ была сильна гроза сраженья,
Такъ былъ великъ враговъ старинныхъ гнѣвъ,
Что изъ бойцовъ, въ пылу ожесточенья
Не замѣчалъ никто землетрясенья,
Не замѣчалъ никто, какъ подъ землей
Готовила природа погребенье
Тѣмъ, кто, какъ въ гробъ, на щитъ ложился свой.
Таковъ враждующихъ народовъ гнѣвъ слѣпой.

LXIV.

Долина та была для нихъ ладьею,
Что ихъ къ порогу вѣчности несла.
Но хоть волна вздымалась за волною,
Безпечна мысль сражавшихся была;
У нихъ способность страха замерла,
Хоть былъ онъ всюду: тамъ скала трясется,
Гнѣзда родного птица не нашла
И вверхъ летитъ; тамъ стадо вскачь несется;
У человѣка-жъ словъ отъ страха не найдется.

LXV.

Ужъ Тразимена въ наши дни не та:
Какъ серебро гладь озера сверкаетъ,
Кровавыхъ дней печальныя мѣста
Теперь лишь плугъ спокойный разрываетъ,
Да лѣсъ широкой сѣнью покрываетъ.
Но Сангвинетто—имя такъ ручья,
Что здѣсь течетъ—досель напоминаетъ,
Что кровью здѣсь пропитана земля,
Что красной нѣкогда была его струя.

ВЕНЕРА МЕДИЦЕЙСКАЯ (Venus de Medicis).
Грав. В. Финденъ (W. Finden).

LXVI.

А ты, Клитумнъ, съ кристальною волною!
Къ тебѣ приходитъ нимфа, чтобъ въ твою
Лазурь взглянуть, любуяся собою,
И погрузить потомъ красу свою
Въ нескромную, прозрачную струю.
Бѣжишь ты, зелень пастбищъ орошая,
И осквернить кровавому ручью
Не удалось тебя, волна живая,
Гдѣ дѣти красоты купаются, играя.

LXVII.

Вотъ на счастливомъ берегу твоемъ
На холмикѣ изящный храмъ ютится;
Все о тебѣ напоминаетъ въ немъ.
Внизу же твой потокъ, журча! стремится,
И рыбка въ немъ сребристая рѣзвится,
Живя въ твоей хрустальной глубинѣ.
И по теченью внизъ порою мчится
Вдругъ лилія, качаясь на волнѣ,
Туда, гдѣ говоръ струй слышнѣе въ тишинѣ.

LXVIII.

Но удѣлите краткое мгновенье,
Чтобъ генію сихъ мѣстъ отдать поклонъ:
Коль нѣжное зефира дуновенье
Васъ освѣжитъ, то знайте—это онъ;
Когда вдоль береговъ, со всѣхъ сторонъ

Откроется коверъ вамъ изумрудный
И свѣжесть брызгъ разгонитъ сердца сонъ
И смоетъ пыль сухую жизни трудной,—
Обязаны ему вы той минутой чудной.

LXIX.

А вотъ Велино. Бурныхъ водъ каскадъ
Свергается здѣсь со скалы высокой
Вглубь страшной бездны... Дивный водопадъ!
Какъ молнія, полетъ струи широкой
Края колеблетъ пропасти глубокой.
Кипящій адъ и свистъ и ревъ кругомъ,
И стонутъ воды въ пыткѣ здѣсь жестокой.
Ихъ испаренья падаютъ потомъ
На скалы, сжавшія пучину подъ кольцомъ,

LXX.

И къ небесамъ стремятся безконечнымъ,
Чтобы дождемъ вернуться вновь сюда.
И мурава подъ этимъ ливнемъ вѣчнымъ,
Какъ изумрудъ, сверкаетъ здѣсь всегда:
Ея весна не меркнетъ никогда.
Все внизъ несется въ скачкѣ безпощадной,
Съ утесовъ дикихъ прыгаетъ вода,
Ломаетъ скалы бѣгъ потока жадный,
Въ агатовыхъ стѣнахъ пробивъ проходъ громадный—

LXXI.

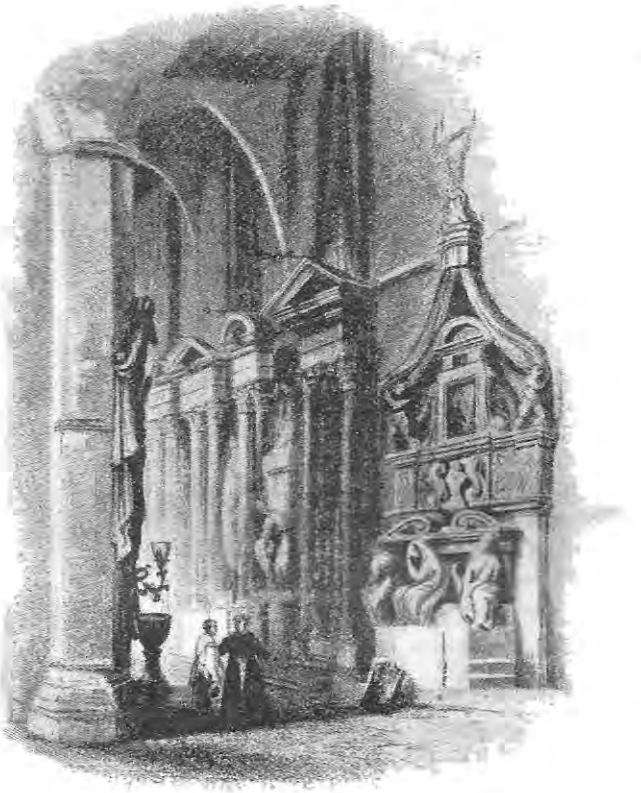
Чудовищной колоннѣ водяной;
И кажется, для цѣлей мірозданья
Она изъ моря вырвана судьбой...
Нѣтъ, рѣки здѣсь берутъ источникъ свой;
Ихъ береговъ такъ мирно очертанье,
Причудливъ ихъ серебряный узоръ...
Но оглянись! Вкуси очарованье:
Потокъ несется въ пѣнѣ съ дикихъ горъ,
Какъ вѣчность, все съ пути сметая, словно соръ.

LXXII.

Все въ немъ полно ужасной красотою...
А въ вышинѣ, надъ вихремъ бурныхъ водъ,
Блистая красокъ гаммою живою,
Въ лучахъ восхода радуга встаетъ,—
Такъ въ смертный часъ привѣтъ надежда шлетъ.
Пучина водъ утесы сотрясаетъ,
А радуга лучи спокойно льетъ
И кротостью любовь напоминаетъ,
Когда безмолвно та безумье созерцаетъ.

LXXIII.

Вновь на лѣсистыхъ Аппеннинахъ я...
О, дѣти Альпъ! Могучими отцами
Заслонены малютки сыновья,
И послѣ Альпъ не восхищенъ я вами:
Утесы тамъ, поросшіе лѣсами,



САНТА КРОЧЕ, ГРОБНИЦЫ ГАЛИЛЕЯ, АЛЬФІЕРИ, МАКІАВЕЛЛИ И ДР.
(Santa Croce, tombs of Galileo, Alfieri etc.).
Рис. Гоузъ (G. Howse), грав. В. Финденъ (W. Finden).

Тамъ громъ лавинъ, Юнгфрау тамъ царитъ
И вверхъ стремится чистыми снѣгами;
Весь въ глетчерахъ Монбланъ сѣдой стоитъ;
Въ утесахъ Кимари тамъ тяжко громъ гремитъ,—

LXXIV.

Акрокеранскими ихъ прежде называли...
Я наблюдалъ, взирая на Парнасъ,
Какъ къ небесамъ за славой воспаряли
Надъ нимъ орлы, скрываяся изъ глазъ;
Я какъ троянецъ Иду зрѣлъ... Атласъ,
Олимпъ, Аѳонъ—затмили Апеннины;
Изъ нихъ Соракгъ, безснѣжный въ этотъ разъ,
Не хочетъ лишь одинъ склонить вершины.
Латинскаго пѣвца ему нужны картины,

LXXV.

Чтобы теперь мы вспомнили о немъ.
Онъ средь полей стоитъ, уединенный,
Какъ будто вдругъ въ паденіи своемъ
Застывшій валъ... Любитель умиленный,
Классическимъ созвучьемъ восхищенный,
Пусть холмъ латинской риѳмой огласитъ.
Въ дни юности безъ смысла затверженный
Латинскій стихъ меня не восхититъ,—
Уже ничто теперь во мнѣ не воскреситъ.

LXXVI.

Плодовъ моихъ мучительныхъ стараній.
Хоть научили зрѣлые года
Меня цѣнить всю пользу раннихъ знаній.
Но горькій слѣдъ несноснаго труда
Во мнѣ съ тѣхъ поръ остался навсегда;
Я на свободѣ могъ бы научиться
Любить латынь, теперь же никогда
Не суждено мнѣ ею насладиться,
Отъ нелюбви своей старинной отрѣшиться.

LXXVII.

Итакъ, прощай, Горацій. Коль тебя
Я не цѣнилъ, я самъ тому виною.
Да, горе мнѣ: поэзію любя
И предъ твоей склоняясь глубиною,
Я не плѣненъ стиховъ твоихъ игрою.
Художества кто дастъ намъ образецъ,
Кто совѣсть нашу такъ пронзитъ стрѣлою
И такъ легко нарушитъ сонъ сердецъ?
Мы на Соракте все жъ разстанемся, пѣвецъ!

LXXVIII.

Родимый Римъ, души моей отчизна!
Печаль сердецъ ты миромъ осѣни,
Ты ихъ слезамъ живая укоризна,
Лишь здѣсь терпѣть научатся они.
О, человѣкъ! На кипарисъ взгляни,
Въ руины алтарей войди, смущенный,
И скорбь свою земную оцѣни:
Вѣдь цѣлый міръ лежитъ здѣсь погребенный,
Такой же, какъ и ты, изъ праха сотворенный.

LXXIX.

О, Ніобея павшихъ городовъ!
Дѣтей ужъ нѣтъ. Корона золотая
Ужъ сорвана. Печаль ея безъ словъ.
И урна лишь виднѣется пустая
Въ ея рукахъ, золы не сохраняя.
Гдѣ Сципіона благородный прахъ?
Гдѣ прахъ твоихъ сыновъ, земля родная?
Иль въ мертвыхъ, Тибръ, течешь ты берегахъ?
Такъ затопи жъ скорѣй ихъ скорбь въ своихъ волнахъ!

ХРАМЪ КЛИТУМНА (Temple of Clitumnus).
Рис. Эймеръ (J. B. Aylmer), грав. В. Финденъ (W. Finden).

LXXX.

Ее христіане, готы изнуряли,
Пожары, войны, бремя долгихъ лѣтъ.
И звѣзды прежней славы угасали.
Конь варвара топталъ священный слѣдъ,
Гдѣ въ Капитолій мчался сынъ побѣдъ;
Валились башни, въ прахѣ исчезая.
Кто при лунѣ прочтетъ, чего здѣсь нѣтъ
И что осталось, камни созерцая...
Вокругъ развалинъ ночь господствуетъ двойная.

LXXXI.

Двойная тьма—незнанья и вѣковъ
До нашихъ дней окутываетъ зрѣнье.
Тамъ ощупью для медленныхъ шаговъ
Мы ищемъ путь. Морского дна строенье,
Далекихъ звѣздъ извѣстно намъ движенье,—
На все лучи наука щедро льетъ,
А въ Римѣ—тьма! Тамъ всюду затрудненье.
Порой кричимъ мы: „Эврика! Впередъ!",
Когда миражъ руинъ предъ нами вдругъ блеснетъ.

LXXXII.

О, гордый Римъ! Увы! Куда сокрылись
Твои тріумфы? Острый гдѣ кинжалъ,
Которымъ лавры Цезаря затмились
И Брутъ себѣ безсмертіе стяжалъ?
Виргилій спитъ. Твой Туллій замолчалъ.
А вы, страницы Ливія живыя!
Лишь изъ-за васъ о Римѣ міръ узналъ...
Свободы римской годы золотые,
Изъ міра унесли вы взоры огневые...

LXXXIII.

Великій Сулла! Баловень боговъ,
Ты захотѣлъ отъ гнѣва удержаться,
Пока не смялъ отечества враговъ.
Отъ мстителей умѣлъ ты уклоняться,
Пока не увидалъ своихъ орловъ
Надъ Азіей. Движеніемъ бровей
Ты заставлялъ сенаторовъ смиряться,
Ты былъ чистѣйшій римлянинъ тѣхъ дней;
Съ улыбкой мира ты сложилъ вѣнецъ своей

LXXXIV.

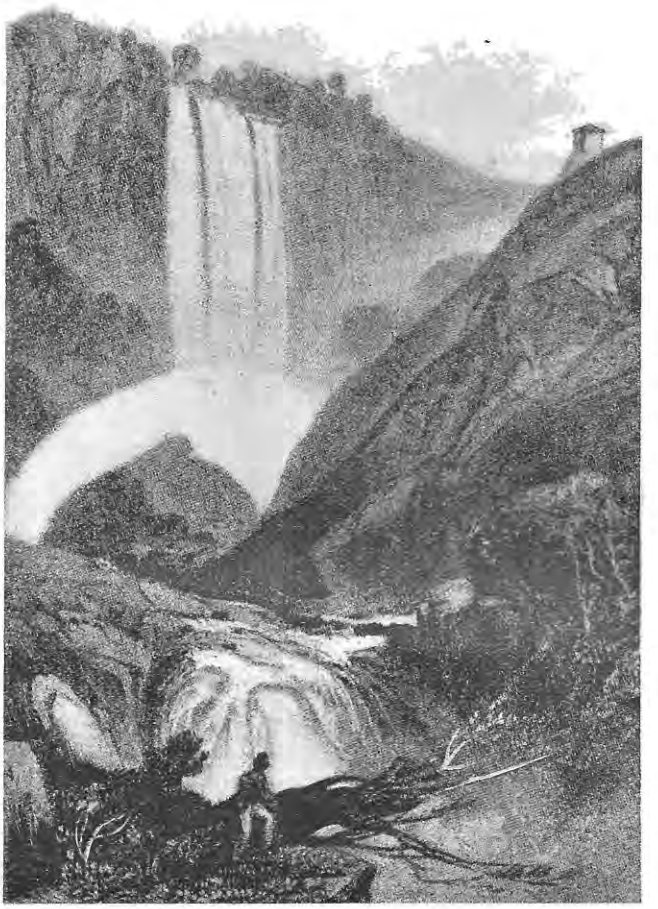
Диктаторской могущественной власти.
Ты думалъ ли, что горькій мигъ придетъ,
И славы тронъ разсыплется на части
И гордый Римъ отъ варвара падетъ?
Твой вѣчный Римъ, твой доблестный народъ,
Чьи воины побѣды только знаютъ,
Кто тѣнь свою на землю всю кладетъ,
Чьи крылья міръ широко обнимаютъ,
Кого властителемъ вселенной называютъ!

LXXXV.

Коль Сулла былъ славнѣйшимъ средь вождей,
То Кромвель нашъ былъ геній похищенья.
Сенатовъ власть, престолы королей
На плаху онъ бросалъ безъ сожалѣнья.
Бандитъ безсмертный! Моремъ преступленья
Ты заплатилъ за власти дивный мигъ!
Въ его судьбѣ сокрыто поученье:
Двойной побѣдой онъ вѣнца достигъ,
И въ тотъ же славный день его конецъ постигъ.

LXXXVI.

Имъ третьяго достигнута корона
И третьяго же долженъ былъ сойти
Въ могильный мракъ онъ съ царственнаго трона.
Намъ въ этомъ рокъ открылъ свои пути;
Въ его глазахъ намъ не къ чему итти
За славою, въ борьбѣ изнемогая:
Достойнѣй смерти блага не найти.
Когда-бы жили съ мыслью мы такою,
То и судьба людей была-бъ совсѣмъ иною.



ВОДОПАДЪ ТЕРНИ (Falls of Terni).
Рис. Гардинъ (J. D. Harding), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

LXXXVII.

О, статуя! Виднѣешься одна
Ты въ наготѣ божественной предъ нами.
Смерть Цезаря была тебѣ видна.
Пронзенный здѣсь коварными мечами,
Онъ оросилъ кровавыми ручьями
Твои ступени, въ тогѣ скрывъ черты,
Взятъ Немезидой, правящей богами.
Ужель онъ мертвъ? Помпей, иль мертвъ и ты?
Любимцы ль вы боговъ иль дѣти суеты?

LXXXVIII.

О, славная волчица! Матерь Рима!
Опалена стрѣлою громовой,
Ты средь дворца стоишь, несокрушима,
И чудится,—доселѣ городъ твой

СОРАКТЪ (Soracte).

Рис. Кресуикъ (Creswick), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

Питается сосцовъ твоихъ струей.
Вѣдь черезъ нихъ ты Ромулу съумѣла
Духъ передать неукротимый свой.
Ты отъ перуновъ грозныхъ почернѣла,
Но къ милымъ дѣтямъ долгъ забыть не захотѣла.

LXXXIX.

Да, это такъ, но ихъ ужъ нѣтъ въ живыхъ,
Ужъ дни людей желѣзныхъ закатились,
И города стоятъ на прахѣ ихъ...
Успѣхомъ ихъ потомки соблазнились,
Перенимать пріемы ихъ пустились,—
Но подражать въ величіи отцамъ
Безславные сыны не научились...
Всѣ, кромѣ одного. Виной онъ самъ
Тому, что нынѣ сталъ слугой своимъ рабамъ.

XC.

Манилъ безумца славы призракъ ложный.
Но съ Цезаремъ сравниться не успѣлъ
Его побочный сынъ, тиранъ ничтожный.
Нѣтъ, въ Цезарѣ иной огонь горѣлъ;
Умомъ онъ страсть обуздывать умѣлъ,
Съ божественнымъ инстинктомъ уклоняясь
Отъ нѣжныхъ вздоховъ для великихъ дѣлъ.
То, какъ Алкидъ онъ, прялкой забавляясь,
У Клеопатры ногъ сидѣлъ, то, вдругъ мѣняясь.

РИМЪ, ОСТАТКИ ФОРУМА. (Rome).
Рис. Г. Уоррена (H. Warren), грав. В. Финдена (W. Finden).

XCI.

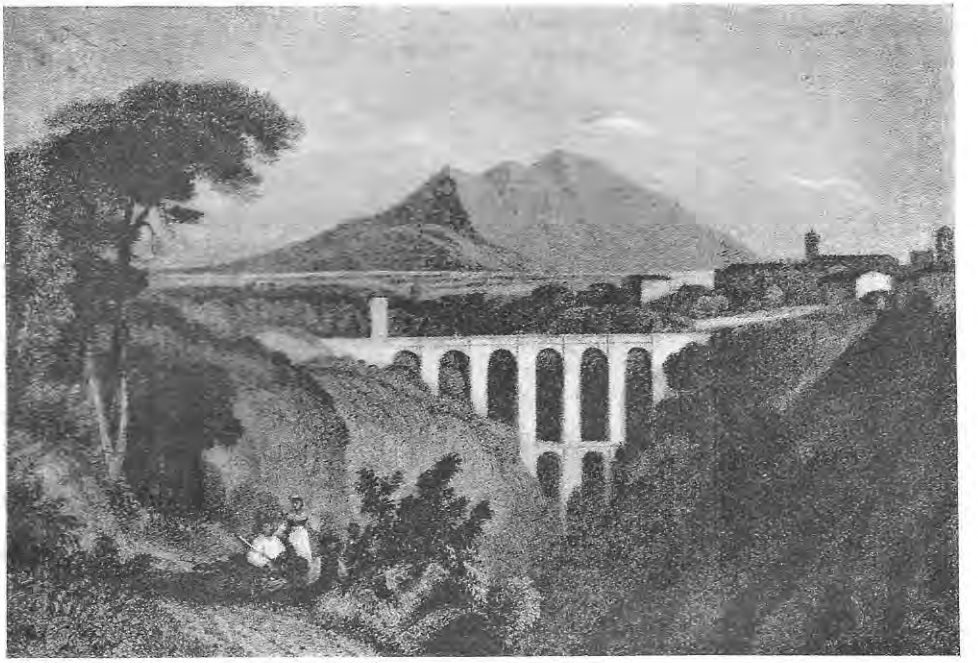
Онъ приходилъ, смотрѣлъ и побѣждалъ.
Въ другомъ же боги странный нравъ создали...
Онъ приручить своихъ орловъ желалъ,
Чтобъ они какъ соколы взлетали.
Но хоть войска побѣдный лавръ познали,
Хоть не былъ рабъ онъ сердца своего,—
Тщеславье, гордость, все въ немъ отравляли.
Въ чемъ цѣль была конечная его?
Онъ вѣрно самъ о томъ не знаетъ ничего.

XCII.

Хотѣлъ онъ быть ничѣмъ или всѣмъ. Съ толпою
Онъ не желалъ могилы скромной ждать.
Онъ съ Цезаремъ на мигъ слился судьбою.
Ужель затѣмъ, чтобы этотъ мигъ узнать,
Рѣшилъ онъ рѣки крови проливать?
Насталъ потопъ всемірный! Гдѣ спасенье?
Надежнаго ковчега гдѣ искать?
Не утихаетъ волнъ ожесточенье...
Дай, Боже, радугу! Пошли намъ примиренье.

XCIII.

Гдѣ видимъ мы ничтожной жизни плодъ?
Кругъ чувствъ такъ малъ, слабъ разумъ сиротливый,
А правды перлъ—на днѣ глубокихъ водъ.
Дни коротки, и свой безменъ фальшивый
Суетъ во все обычай прихотливый.



СОРАКТЪ (Soracte).

Рис. Пэрсеръ (W. Purser), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

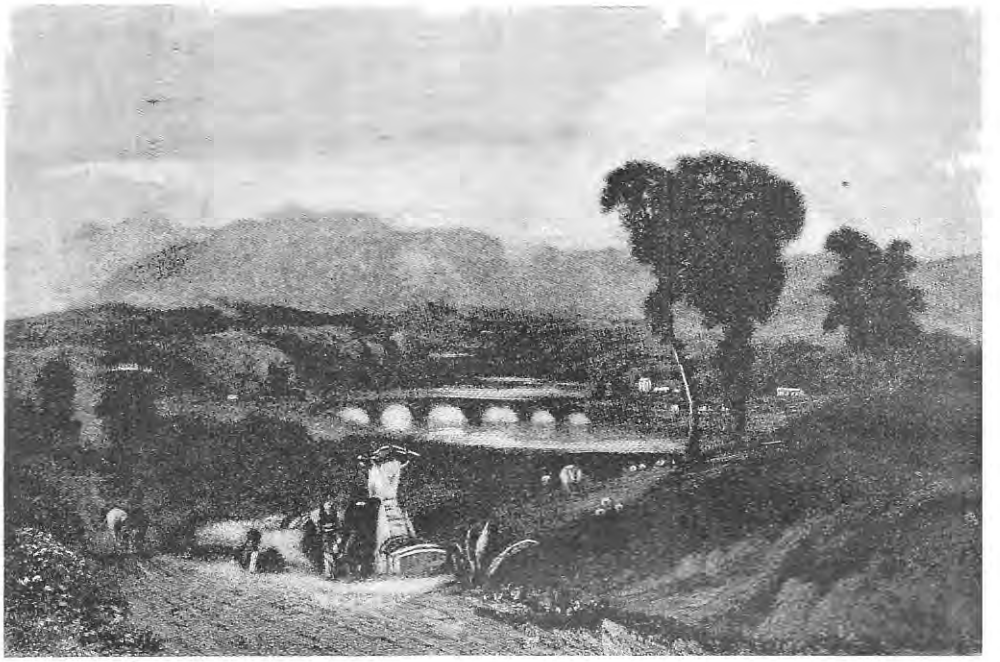
Лишь мнѣнье свѣта—богъ. И въ этой мглѣ
Мѣшаемъ ложь мы съ истиной стыдливой,
И мысль свою съ смущеньемъ на челѣ
Мы душимъ, мракъ боясь разсѣять на землѣ.

XCIV.

А люди все, въ убожествѣ безпечномъ
Изъ рода въ родъ, сквозь длинный рядъ вѣковъ
Бредутъ, гордясь ничтожествомъ сердечнымъ.
Въ сынахъ живетъ безуміе отцовъ,—
Наслѣдіе, достойное рабовъ.
Они порой въ борьбѣ изнемогаютъ,
Но лишь не для свободы,—для оковъ;
Другъ друга кровь на сценѣ проливаютъ,
Гдѣ листья ихъ родныхъ побѣговъ увядаютъ.

XCV.

Религіи я не коснусь совсѣмъ.
Съ Творцомъ своимъ душа въ ней можетъ слиться
Я говорю о томъ, что видно всѣмъ,
Что предъ глазами каждаго творится:
О томъ ярмѣ, что на плечи ложится,—
О козняхъ тираніи. Вѣдь она
Теперь того изображать стремится,
На тронѣ кѣмъ была потрясена.
Увы, не этимъ лишь рука его славна...



ТИБРЪ (The Tiber).
Рис. Стэнфильдъ (C. Stanfield), грав. В. Финденъ (W. Finden.)

XCVI.

Иль никогда ужъ гнетъ цѣпей народныхъ
Не будетъ сброшенъ доблестнымъ бойцомъ?
Иль нѣтъ сыновъ свободы благородныхъ,
Какъ тотъ герой, на берегу крутомъ
Колумбіи, когда она съ мечомъ
Явилась намъ, какъ новая Паллада.
О, Вашингтонъ! Ужель геройство въ немъ
Родилъ лишь лѣсъ да говоръ водопада?
Ужель подобнаго у насъ не скрыто клада?

XCVII.

Но Францію видъ крови опьянилъ.
Она потокъ дѣлъ черныхъ извергала,
И этотъ мигъ свободу погубилъ.
Межъ міромъ и мечтой—стѣна возстала,
Толпа убійцъ ее сооружала.
Послѣдній актъ трагедіи помогъ,
Чтобъ грубая рука весь міръ сковала,
И рабство мнетъ душистый нашъ вѣнокъ;
И—худшее изъ золъ,—вновь цѣпи шлетъ намъ рокъ.

XCVIII.

Мужай, Свобода! Ядрами пробитый,
Твой поднятъ стягъ наперекоръ вѣтрамъ;
Печальный звукъ твоей трубы разбитой
Сквозь ураганъ доселѣ слышенъ намъ.
Цвѣтовъ ужъ нѣтъ. Ужъ по твоимъ вѣтвямъ
Прошелъ топоръ, и стволъ твой обнажился,
Но жизни сокъ еще струится тамъ.
Запасъ сѣмянъ подъ почвой сохранился,
И лишь весна нужна теплѣй, чтобъ плодъ родился.

XCIX.

Есть башня грозная. Ужъ съ давнихъ поръ
Она свою твердыню возвышаетъ,
И вражескій не страшенъ ей напоръ.
Стѣнныхъ зубцовъ ужъ многихъ не хватаетъ;
Ихъ листьями нарядно убираетъ
Тысячелѣтній плющъ, дитя временъ.
Что человѣкъ объ этой башнѣ знаетъ?
Какой здѣсь перлъ безцѣнный сохраненъ?
Здѣсь женщина одна вкушаетъ сладкій сонъ.

C.

Но кто жъ она, чей склепъ—дворецъ прекрасный?
Была ль она прелестна и скромна,
Иль королю была подругой ясной,
Иль болѣе,—патрицію жена?
Какихъ героевъ вѣтвь ей рождена?
Гдѣ дочери, ей равныя красою?
Какъ умерла, любила какъ она?
Ея судьба едва ль была простою:
Кто изъ толпы могъ лечь подъ кровлею такою?

CI.

Она любила-ль мужа своего
Или чужихъ мужей она любила?
И древній Римъ вѣдь не избѣгъ того...
Суровый видъ Корнеліи хранила,
Иль какъ царица вѣтреная Нила
Была рѣзва? Любила-ль легкій смѣхъ?
Поднять свой голосъ сердцу-ль допустила,
Бѣжала-ли мучительныхъ утѣхъ
Она земной любви—зла худшаго изъ всѣхъ?...

CII.

Иль въ юности ее взяла могила
И, каменной гробницы тяжелѣй,
Ее печаль безвременно сразила;
И красота ужъ измѣняла ей;
И смерть была на днѣ ея очей...
Смерть въ юности! Дары небесъ въ ней скрыты!
Но лилъ закатъ ей золото лучей,
Румянцемъ яркимъ вспыхнули ланиты...
Багрянцемъ осени деревья такъ покрыты.

КАПИТОЛІЙСКАЯ ВОЛЧИЦА (Wolf of the Capitol).
Рис. Уоррена (H. Warren), грав. Э. Финдена (E. Finden).

CIII.

Иль смерть пришла на склонѣ мирныхъ лѣтъ
И умерли вокругъ друзья, родные,
И красоты ея завялъ ужъ цвѣтъ.
Засеребрились пряди косъ густыя,
Напоминая ей про дни былые,
Когда весь Римъ сводилъ съ ума ихъ видъ.
Къ чему ведутъ мои мечты пустыя?
Здѣсь римлянка Метелла мирно спитъ,
Про скорбь супруга намъ сей памятникъ гласитъ

CIV.

Мнѣ кажется, и почему—не знаю,
Знавалъ я ту, что спитъ здѣсь вѣчнымъ сномъ;
И прежнее я вновь припоминаю.
Ко мнѣ слетаютъ грезы о быломъ,
Какъ музыка... иль нѣтъ, какъ вешній громъ,
Когда онъ вдаль несется, замирая.
Ахъ, сѣсть на камень, затканный плющемъ
Пока мечта не вспыхнетъ золотая,
Обломки прошлаго чудесно оживляя.

РИМЪ, АВЕНТИНСКАЯ ГОРА (Rome, Mount Aventine).
Рис. Колкотъ (*J. W. Calcott, R. A.*), *грав. Э. Финденъ* (*E. Finden*)

CV.

Пока она не выстроитъ ладью,
Собравъ осколки досокъ межъ скалами,—
Ладью надежды. Море! Мощь твою
Я вновь узналъ бы. Спорилъ бы съ валами,
Съ прибоемъ злымъ, съ сѣдыми бурунами
У берега, гдѣ счастье прежнихъ лѣтъ
Схоронено... Когда-бъ на брегъ волнами
Ладью мнѣ вынесло,—пути мнѣ все-же нѣтъ;
Нѣтъ родины, надеждъ... Лишь здѣсь ихъ слабый слѣдъ.

CVI.

Пускай же вкругъ меня реветъ стихія,
Будь музыкой мнѣ, дикій вой вѣтровъ!
Его умѣрятъ ночью крики совъ;
Изъ сумерекъ, гдѣ гнѣзда ихъ родныя,
Доносятся ихъ голоса глухіе...
Чу! Съ Палатина крикъ несется ихъ,
Тамъ свѣтятся во тьмѣ глаза ихъ злые,
Какъ паруса тамъ крылья птицъ ночныхъ...
Что наши горести? Молчу я о своихъ...

ГРОБНИЦА ЦЕЦИЛІИ МЕТЕЛЛЫ (The tomb omb of Cecilia Metella).
Рис. Тэрнеръ (I. M. Turner, R. A.), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

CVII.

Плющъ, кипарисъ, цвѣты съ травою сорной
Смѣшались тамъ. Дворцовъ печальный прахъ;
Колоннъ обломки; арки слѣдъ узорной;
Разрушенныя фрески на стѣнахъ,
Тамъ, подъ землей, во влажныхъ погребахъ,
Гдѣ совамъ лишь люба ихъ мгла сырая...
Купальня, храмъ,—что жило въ сихъ камняхъ?
Мы знаемъ лишь: здѣсь билась жизнь иная...
Взгляни на Палатинъ. Прочна-ли власть земная!

CVIII.

Въ судьбѣ народовъ мудрый скрытъ урокъ.
Тамъ слѣдуютъ чредою постепенной
Свобода, слава, роскошь и порокъ,—
И варварство, какъ горестный итогъ.
Предъ вами листъ исторіи вселенной,
Читайте-жъ въ немъ. Всѣ радости земли
Здѣсь тираніей собраны надменной,
И чувства всѣ утѣху здѣсь нашли.
Но нужно чтобъ сюда вы ближе подошли.

CIX.

Умѣстно здѣсь рыдать иль восхищаться,
Умѣстенъ смѣхъ. И человѣкъ, смущенъ,
Не знаетъ самъ, лить слезы иль смѣяться.

ГРОБНИЦА ЦЕЦИЛІИ МЕТЕЛЛЫ (Tomb of Cecilia Metella).
Рис. Эймеръ (J. B. Aylmer), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

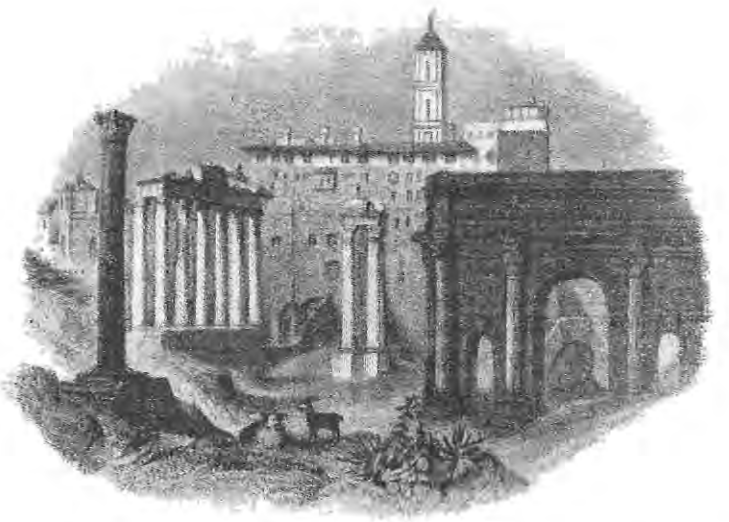
Поддерживать тотъ холмъ былъ принужденъ
Всю пирамиду славы, царствъ, временъ,—
И солнце здѣсь сіянье занимало...
Таковъ онъ былъ, мишурной славы тронъ;
Гдѣ-жъ золото, что раньше здѣсь блистало,
И что съ надменными строителями стало?

CX.

Не будетъ Туллій столь краснорѣчивъ,
Какъ сломанной колонны видъ печальный.
О, Цезарь, гдѣ-же лавръ твой? Плющъ сломивъ,
Растущій вкругъ колонны погребальной,
Сплетите мнѣ скорѣй вѣнокъ прощальный...
Что высится вонъ тамъ, передо мной?
То гимнъ вѣковъ, то столпъ ихъ тріумфальный
Все губитъ время острою косой:
Гдѣ прахъ Траяна былъ, тамъ Петръ царитъ святой.

CXI.

И, утопая въ голубомъ эѳирѣ,
Вознесся къ небу пышный мавзолей.
Родился-ль духъ Траяна въ звѣздномъ мірѣ,
Послѣдняго героя римскихъ дней,
Держателя подвластныхъ областей,
Что вслѣдъ за нимъ спѣшили отложиться?
Какъ Александръ, не лилъ онъ кровь друзей,
Не допускалъ въ разгулѣ помрачиться
Свой благородный духъ. За то въ вѣкахъ онъ чтится.



РИМЪ, ОСТАТКИ ФОРУМА (Rome, Column of Phocas in Forum).
Рис. Эймеръ (J. B. Aylmer), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

CXII.

А ты, скала тріумфа, гдѣ народъ
Привѣтствовалъ своихъ вождей счастливыхъ,
Утесъ Тарпейскій, вѣрности оплотъ!
Могилой былъ надеждъ честолюбивыхъ
Скачекъ съ тебя. Добычу дней бурливыхъ
Герои здѣсь слагали каждый разъ.
Мятежный духъ столѣтій молчаливыхъ
Заснулъ внизу... Вотъ форумъ. Посейчасъ
Тамъ Цицерона живъ еще звенящій гласъ.

CXIII.

О, мятежей, свободы, славы поле!
Здѣсь страстью Римъ горѣлъ живѣй всего,
Отъ первыхъ дней, до дней, когда ужъ болѣ
Не оставалось въ мірѣ ничего
Достойнаго желанія его.
Но продала, анархіей объята,
Страна свою свободу до того.
Солдатъ топталъ ногами власть сената
Иль голосъ покупалъ себѣ цѣною злата.

CXIV.

Но отъ тирановъ, погубившихъ Римъ,
Теперь къ тебѣ, трибунъ-освободитель,
Петрарки другъ,—мы взоры обратимъ.
О, за позоръ отчизны грозный мститель,
Ріенци, римской доблести носитель!

Когда свободы ветхій стволъ хранитъ
Одинъ хоть листъ,—пусть какъ вѣнокъ лежитъ
Онъ надъ тобой, отважный предводитель...
О, Нума нашъ! Но смерть героевъ не щадитъ.

CXV.

Эгерія! Ты словно добрый геній
Царю единой радостью была
И отдыхомъ среди мірскихъ волненій
Какъ нимфа-ль ты въ мечтахъ любви жила
Иль средь людей краса твоя цвѣла
И, полнаго любовью неземною,
Поклонника достойнаго нашла?
Кто-бъ ни была ты, съ дивной полнотою
Взлелѣянъ образъ твой волшебною мечтою.

CXVI.

Вотъ твой бассейнъ. Коверъ зеленый мха
Забрызганъ весь алмазными струями,
Но гладь воды по прежнему тиха.
И призракъ твой съ печальными глазами
Въ пещерѣ той склонился надъ водами...
Но мраморныхъ вокругъ ужъ нѣтъ боговъ,
Изъ трещины веселыми скачками,
Не скованный межъ каменныхъ береговъ,
Ручей сбѣгаетъ внизъ, среди ліанъ, цвѣтовъ,

CXVII.

Причудливо плющемъ переплетенныхъ.
Одѣлись вешнимъ цвѣтомъ склоны горъ,
Мелькаютъ спины ящерицъ зеленыхъ
И пѣвчихъ птицъ привѣтствуетъ васъ хоръ,
Стараются цвѣты привлечь нашъ взоръ;
Чуть вѣтерокъ стеблями заиграетъ,
Мѣняется капризный ихъ узоръ...
Зефиръ фіалокъ глазки лобызаетъ:
Ихъ нѣжная лазурь блескъ неба отражаетъ.

CXVIII.

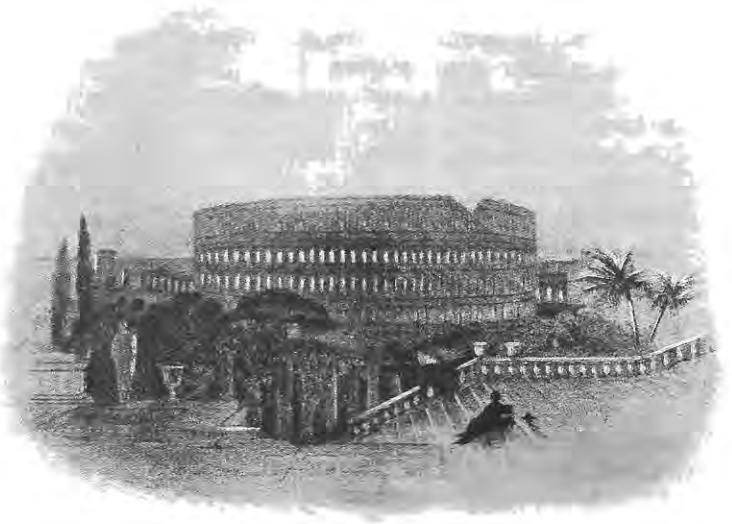
Цвѣла ты здѣсь, въ прелестномъ уголкѣ,
Эгерія... Твое такъ сердце билось,
Едва шаги заслышишь вдалекѣ.
Надъ вами полночь звѣздная ложилась,
И рядомъ съ милымъ тихо ты садилась
И... что-жъ затѣмъ? Былъ созданъ этотъ гротъ,
Чтобъ страсть богини пышно распустилась
Въ часы свиданій, близъ спокойныхъ водъ.
Оракулъ нашъ, любовь, доселѣ здѣсь живетъ.

CXIX.

Смѣшала-ль ты, на грудь его склоняясь,
Свой лучезарный духъ съ его душой?
И, смертною любовью наслаждаясь,
Дѣлила-ль съ ней восторгъ безсмертный свой?
Могла-ль ее ты сдѣлать неземной,

ЭГЕРІЯ (Egeria).

Съ картины Лоуренса (Sir T. Lawrence), грав. Льюисъ (C. G. Lewis).



КОЛИЗЕЙ (Rome, Coliseum).
Рис. Уоррена (H. Warren), грав. В. Финдена (W. Finden).

CXXIV.

Ужъ въ юности намъ тяжело дышать;
Мы такъ больны, насъ бодрость покидаетъ,
И жажда жжетъ, и счастья не догнать.
Насъ прежняя мечта досель плѣняетъ.
Но поздно, поздно... Рокъ насъ проклинаетъ.
Не всель равно—богатство, власть, почетъ?
Ихъ разница именъ лишь раздѣляетъ.
Все метеоромъ быстрымъ промелькнетъ,
А смерть, какъ дымъ, огни клубами обовьетъ.

CXXIV.

Немногіе здѣсь цѣли достигаютъ.
Хоть жажда счастья, встрѣча, рокъ слѣпой
Порой въ насъ чувство злобы подавляютъ,
Но, возвратясь бурливою волной,
Вновь овладѣетъ ненависть душой.
И глупый случай, счастью угрожая,
Готовитъ бѣды, скрытыя судьбой,
Надежды губитъ, ихъ клюкой толкая
И подъ ногами въ прахъ ихъ пыльный превращая.

CXXVI.

Коль жизнь не ложь, зачѣмъ-же суждено
Природою страдать намъ такъ глубоко?
За что грѣха позорное пятно?
Вотъ въ небесахъ раскинулся широко
Анчаръ громадный, и, какъ дождь, съ него,
Страданье, смерть, карая насъ жестоко,
Струятся внизъ. Больнѣй-же намъ всего,
Когда не видимъ мы несчастья своего.

CXXVII.

Но мысли все-жъ я не хочу бояться:
Въ ней мой пріютъ и радость вся моя;
Отъ права мыслить—низко отказаться,
Разстаться съ нимъ не въ силахъ былъ бы я.
Хотя, съ рожденья, разумъ нашъ тѣсня,
Его терзаютъ, истины страшатся,
Во тьмѣ нашъ духъ заботливо храня,—
Но имъ луча не загасить златого,
Бѣльмо искусный врачъ все-жъ сниметъ у слѣпого.

CXXVIII.

Надъ аркой—арка... Иль на Колизей
Весь грузъ побѣдъ обрушилъ Римъ надменный?
Луна струитъ сіяніе лучей...
Лишь этотъ свѣтъ небесъ проникновенный
Высокихъ думъ источникъ сокровенный
Достоинъ освѣщать. И не могла
Мысль исчерпать до дна родникъ безцѣнный,
Хоть много перловъ дивныхъ въ немъ нашла.
Ночей Италіи лазоревая мгла

CXXIX.

Покрыла легкій сводъ небесъ тѣнями,
Что выдаютъ намъ безпредѣльность ихъ;
Она лежитъ надъ мощными стѣнами
И осѣняетъ славу дней былыхъ.
Въ нетронутыхъ развалинахъ земныхъ,
Гдѣ время косу тщетно лишь ломаетъ,
Живетъ свой духъ. И видъ зубцовъ стѣнныхъ
Дворцы своей красою затмеваетъ,
Пока вліянье лѣтъ ихъ стѣнъ не украшаетъ.

CXXX.

О, время, смерть красой вѣнчаешь ты,
Ты скорбь больныхъ сердецъ намъ исцѣляешь
И, разрушая лживыя мечты,
Ты заблужденья наши исправляешь;
Ты и любовь и правду провѣряешь;
Свѣтлѣй всѣхъ истинъ—истина твоя;
Не торопясь, ты все косой срѣзаешь...
Къ тебѣ свой взоръ и руки поднялъ я,
Къ тебѣ, о мститель нашъ, летитъ мольба моя.

УМИРАЮЩІЙ ГЛАДІАТОРЪ (The Gladiator).
грав. В. Финденъ (W. Finden).

CXXXI.

Здѣсь, гдѣ твой храмъ воздвигло разрушенье,
Гдѣ ты надъ всѣмъ побѣдно вознеслось,
Обломки лѣтъ прими ты въ приношенье.
Ихъ надо мной не много пронеслось,
Но много бѣдъ на долю ихъ пришлось...
Не внемли мнѣ, коль я надменнымъ былъ,
Но если счастья рѣдкія мгновенья,
Какъ гнѣвъ враговъ, спокойно я сносилъ,—
То сдѣлай, чтобъ въ груди не я лишь мечъ хранилъ.

CXXXII.

О, Немезида! ты не забывала
Измѣрить вѣсъ порочности людской.
Молитва въ храмахъ здѣсь тебѣ звучала.
Ты, вызвавъ дикихъ фурій мрачный рой,
Ореста отдала ихъ мести злой
За то, что кровь имъ пролита родная.
Зову тебя, гдѣ твой престолъ былой!
Какъ бьется сердце, грудь мнѣ разрывая...
Должна-же разбудить тебя мольба живая.

CXXXIII.

Иль, чтобъ меня за грѣхъ отцовъ карать,
Нанесено мнѣ столько ранъ глубокихъ?
Не сталъ бы кровь я вовсе унимать,
Когда-бъ былъ честнымъ мечъ враговъ жестокихъ.
Теперь щажу я пурпуръ струй широкихъ,
Тебѣ я эту кровь передаю,
И ядъ своихъ страданій одинокихъ.
Я могъ бы самъ готовить месть мою,
Когда-бъ... но бодрствуй ты, пока я мирно сплю.

CXXXIV.

Хоть рѣчь моя свободно изливалась,
Но не боюсь я горя своего.
Когда, предъ кѣмъ мое чело склонялось?

Кто видѣлъ слезы сердца моего?
Но мавзолей минувшаго всего
Въ моихъ стихахъ потомкамъ сохранится,
И долго будутъ помнить всѣ его.
И словъ моихъ пророчество свершится
И, какъ проклятіе, надъ міромъ разразится.

CXXXV.

Прощеніе,—вотъ будетъ месть моя.
О, мать земля, къ тебѣ я прибѣгаю,
Къ свидѣтельству небесъ взываю я!
Иль я съ судьбой сражаться не желаю?
Иль я страданій жгучихъ не прощаю?
Разбито сердце. Мозгъ мой изсушенъ.
Былыхъ надеждъ давно я не питаю,
И лишь затѣмъ досель не побѣжденъ,
Что не изъ рыхлой все-жъ я глины сотворенъ.

CXXXVI.

Испилъ до дна я чашу золъ возможныхъ,
Отъ безпощадной злобности враговъ
До мелочныхъ обидъ, измѣнъ ничтожныхъ;
Отъ громкой клеветы до тихихъ словъ,
Оружія презрѣннѣйшихъ лжецовъ,
Что могутъ лгать однимъ значеньемъ взгляда
И сѣютъ клевету въ толпѣ глупцовъ
Пожатьемъ плечъ иль вздохомъ, полнымъ яда,
Пускай молчатъ они—поймутъ ихъ такъ, какъ надо.

CXXXVII.

Но не напрасно все-жъ я въ мірѣ жилъ.
Хотъ зоркость мой усталый умъ теряетъ,
Хотя огонь души моей остылъ,
Хотя борьба мнѣ тѣло изнуряетъ,—
Все-жъ нѣчто есть, чего не убиваетъ
Ни время, ни страданье. Будетъ жить
Оно, покуда прахъ мой истлѣваетъ,
Какъ отзвукъ лиры, станетъ тѣхъ будить,
Чьихъ каменныхъ сердецъ теперь мнѣ не пробить.

CXXXVIII.

Довольно... Я молчу предъ силой мощной,
Царящей въ сихъ таинственныхъ мѣстахъ.
Проходишь ты безмолвно въ часъ полнощный,
Вселяешь ужасъ ты, не мелкій страхъ.
Бродить ты любишь тамъ, гдѣ на стѣнахъ
Плющъ шелеститъ зелеными листами;
Ты оживляешь все у насъ въ глазахъ;
Сливаемся мы съ прошлыми вѣками
И созерцаемъ жизнь, невидимые сами.

CXXXIX.

Толпа гудитъ, какъ пчелъ жужжащій рой;
Вотъ шумный вздохъ, вотъ ропотъ одобренья,
А тамъ, внизу, кипитъ смертельный бой...

РИМЪ (Rome).
Рис. Стэнфильдъ (C. Stanfield, A. R. A.), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

Къ чему вся эта кровь и преступленье?
То цезарей великихъ развлеченье,
Забава римлянъ... Что-жъ, вѣдь умирать
Намъ все равно, что въ циркѣ, что въ сраженьѣ.
Не все-ль равно, гдѣ мы должны играть,
И гдѣ должны потомъ актеры истлѣвать?

CXL.

Вотъ гладіаторъ, вражескимъ мечомъ
Пронзенъ, лежитъ. На локоть онъ склонился;
Онъ съ неизбѣжной смертью примирился,
Слѣдовъ предсмертной муки нѣтъ на немъ.
Вотъ на песокъ онъ тихо опустился,
И, словно капли тучъ передовыхъ,
Изъ ранъ его кровавый дождь струился...
И умеръ онъ, а ревъ его не стихъ,
Какимъ толпа вѣнчаетъ баловней своихъ.

CXLI.

Хотя онъ слышалъ крикъ толпы жестокой,
Въ немъ ничего тотъ крикъ не разбудилъ.
Всѣмъ существомъ онъ былъ въ странѣ далекой.
Что жизнь его? Онъ ей не дорожилъ.

РИМЪ, МОСТЪ РОТТИ (Rome, Ponte Rotti).
Рис. Гардинг (J. D. Harding). грав. Э. Финденъ (E. Finden).

Предъ нимъ Дуная берегъ, гдѣ онъ жилъ,
Жена его... вотъ дѣти вкругъ рѣзвятся...
А онъ, какъ шутъ, для римлянъ кровь пролилъ!
О, поскорѣй пусть раны отомстятся,
И на порочный Римъ пусть готы устремятся.

CXLII.

Гдѣ встарину лилась ручьями кровь
И гдѣ толпа проходы наводняла,
То отливая, то сгущаясь вновь,
И, какъ потокъ весеній, бушевала
И жизнь иль смерть свободно раздавала,—
Звучалъ одинъ мой слабый голосъ тамъ,
Да робкій свѣтъ звѣзда лишь разливала
По галлереямъ, аркамъ и стѣнамъ,
Да эхо гулкое лишь вторило шагамъ.

CXLIII.

Изъ мощныхъ стѣнъ, что пощадило тлѣнье,
Возникли башни, виллы, города;
Не отличить вамъ сразу никогда,
Что было здѣсь,—простое-ль расхищенье
Или развалинъ древнихъ обновленье.
Не подойдите,—тотчасъ передъ вами
Опустошенье явится тогда,
И свѣтъ дневной пытливыми лучами
Откроетъ бреши вамъ, пробитыя вѣками.

ПАНТЕОНЪ ВЪ РИМѢ (Pantheon, Rome).
Рис. Бэтти (C. Batty), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

CXLIV.

Когда-жъ луна надъ городомъ встаетъ
И въ небесахъ зенита достигаетъ
И свой печальный свѣтъ оттуда льетъ;
Когда звѣзда сквозь трещину мерцаетъ
И въ тишинѣ зефиръ ночной играетъ
Душистою гирляндою цвѣтной,
Что стѣны тѣ, какъ Цезаря, вѣнчаетъ;
И всюду свѣтъ, печальный и простой—
Герои тамъ встаютъ, что дремлютъ подъ землей.

CXLV.

„Римъ съ Колизеемъ связаны судьбою:
„Падетъ одинъ, коль рушится другой,
„Въ паденьѣ-жъ Римъ—міръ увлечетъ съ собою".
Произнесенъ здѣсь приговоръ такой
Пришельцами изъ Англіи родной.
Живутъ еще пока всѣ три творенья:
Живъ древній Римъ съ безсмертной красотой,
Живъ Колизей—искусствъ произведенье,
Живъ старый грѣшный міръ—обитель преступленья.

CXLVI.

А ты, простой, но величавый храмъ,
Святой алтарь, суровый, но прекрасный,
Гдѣ возносились жертвы всѣмъ богамъ.
Одинъ лишь ты стоишь спокойный, ясный,
А родъ людской вокругъ, въ борьбѣ напрасной
Волнуется, на гибель обреченъ...
Разбился здѣсь тирановъ жезлъ ужасный,
Сломалась о тебя коса временъ,
Ты живъ, о храмъ искусствъ, о славный Пантеонъ!

CXLVII.

Прекрасныхъ лѣтъ, прекраснаго искусства
Ты памятникъ, ты чистый образецъ,
Ты будишь въ насъ возвышенныя чувства,
О, зодчества разграбленный дворецъ!
На все, что древній создалъ здѣсь рѣзецъ,
Въ отверстье сверху слава разливаетъ
Свои лучи. Здѣсь набожный пришлецъ
Предъ алтаремъ колѣна преклоняетъ,
Поклонникъ генія своихъ боговъ встрѣчаетъ.

CXLVIII.

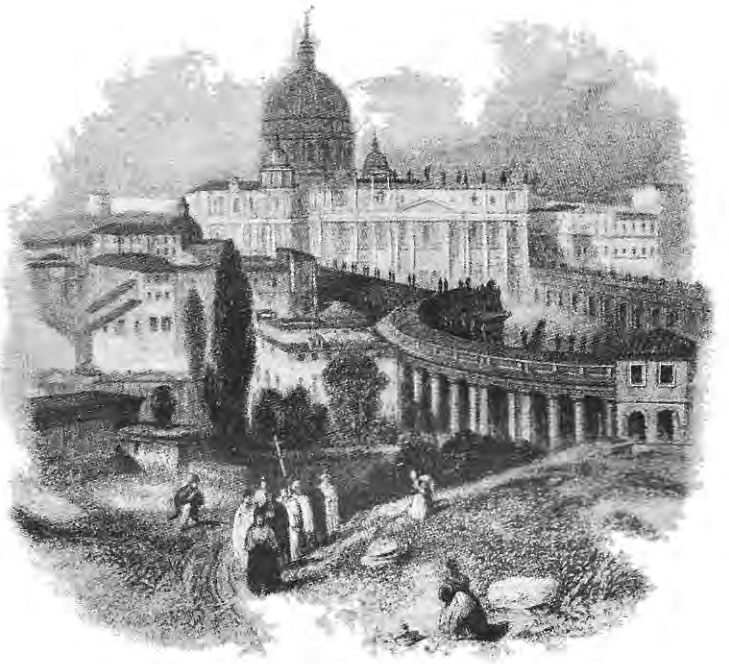
Темница предо мной. Что вижу я
Въ ея печальномъ, тускломъ освѣщеньѣ?
Рисуетъ мнѣ въ тиши мечта моя
Два призрака, два легкія видѣнья...
Нѣтъ, то не сонъ, не бредъ воображенья:
Вотъ на одномъ мелькаетъ сѣдина,
Другая-жъ юной силы воплощенье.
Что въ этотъ часъ тамъ дѣлаетъ она?
Грудь нѣжная ея зачѣмъ обнажена?

CXLIX.

Источникъ чистый бьется, грудь вздымая,
Готовый жизнь въ струѣ своей давать,
Когда, ребенка къ сердцу прижимая,
Его цѣлуетъ молодая мать.
Нѣтъ, никогда мужчинѣ не понять,
Какъ ей тепло отъ глазокъ ясныхъ взгляда,
Какъ любо плачъ ей лаской унимать
И возрастъ наблюдать родного чада...
Что-жъ, даже Каинъ былъ для матери отрада.

CL.

Но здѣсь у нѣжной дочери своей
Беретъ назадъ ея отецъ любимый
Тотъ чудный даръ, что раньше далъ онъ ей.
И не умретъ онъ, юностью хранимый,
Пока огонь любви неугасимый
У ней въ крови, пока неистощимъ
Тотъ благодатный Нилъ, тотъ ключъ родимый...
Пей изъ него, старикъ, питайся имъ:
Гордиться могъ бы рай источникомъ такимъ.



РИМЪ, ХРАМЪ СВ. ПЕТРА (St. Peter's Rome).

Рис. Гардинг (J. D. Harding), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

CLI.

Плѣняетъ умъ про млечный путь сказанье,
Но красоты подобной все-жъ тамъ нѣтъ.
Здѣсь видимъ мы иныхъ лучей сіянье,
Въ темницѣ этой льетъ природа свѣтъ
Сильнѣй, чѣмъ въ пышномъ сонмищѣ планетъ.
Такъ пусть-же, пусть струя живая бьется,
Отъ сердца къ сердцу пусть не сохнетъ слѣдъ,
И въ старомъ сердцѣ снова жизнь проснется.
Такъ духъ, освободясь, съ источникомъ сольется.

CLII.

Холмъ Адріана дальше виденъ мнѣ.
И мавзолей его пирамидальный
Теряется въ лазурной глубинѣ.
Взявъ образецъ гробницы колоссальной
У пирамиды Нила погребальной,
Всесильный цезарь повелѣлъ создать
Для тѣла своего дворецъ печальный.
Лишь жалкій прахъ тамъ долженъ истлѣвать!
И зритель горькій смѣхъ не въ силахъ удержать.

CLIII.

Вотъ дивный храмъ предъ взоромъ выступаетъ.
Алтарь Діаны—келья передъ нимъ.
Христосъ моленьямъ вѣрныхъ здѣсь внимаетъ
Надъ дорогимъ апостоломъ своимъ.
Эфесскій храмъ знакомъ глазамъ моимъ:
Лежитъ колоннъ тамъ мраморъ раздробленный,
Даетъ ихъ тѣнь пріютъ шакаламъ злымъ.
Софіи зрѣлъ я куполъ позлащенный,
Османами въ мечеть безславно превращенный.

CLIV.

Но средь былыхъ и новыхъ алтарей
Лишь ты достоинъ Бога, храмъ прекрасный,
Отъ глубины вѣковъ до нашихъ дней.
Съ тѣхъ поръ, какъ палъ Сіона градъ несчастный,
Грѣхами вызвавъ Бога гнѣвъ ужасный,—
Что, гордый храмъ, сравняется съ тобой
Величіемъ и прелестію ясной?
Могущество и Слава съ Красотой
Въ ковчегѣ дивномъ томъ предѣлъ имѣютъ свой.

CLV.

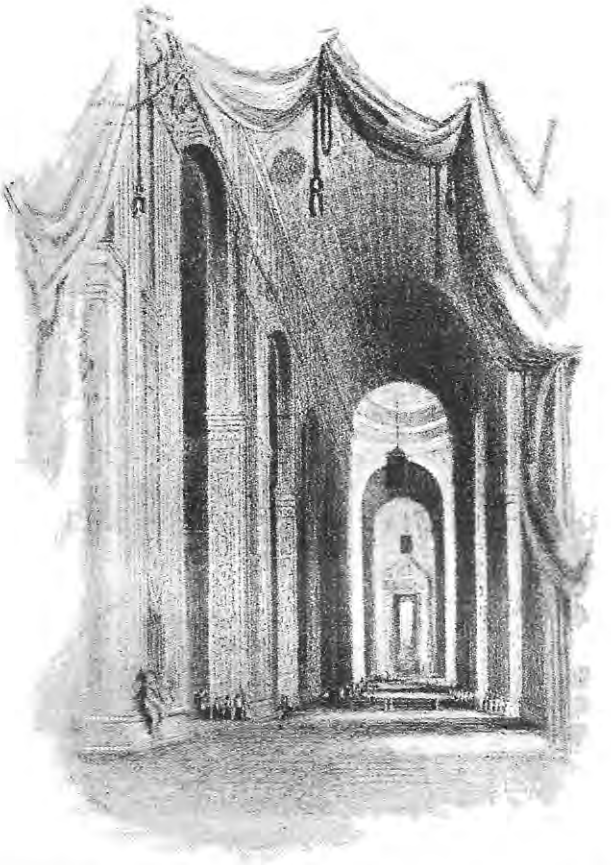
Вотъ ты вошелъ. Твой духъ не подавило
Величіе святого алтаря,
Хотя оно все то-же, что и было.
Здѣсь слабый духъ, внезапно воспаря,
Надеждами священными горя.
Себя достойнымъ мнитъ сего чертога.
Коль Божество узритъ душа твоя
Лицомъ къ лицу, какъ зритъ жилище Бога,—
То взоръ Его очей не заблистаетъ строго.

CLVI.

Чѣмъ далѣ ты, тѣмъ выше онъ встаетъ,
Гармонію размѣровъ соблюдая.
Вершина Альпъ предъ взоромъ такъ растетъ,
Громадностью изящной поражая...
Тамъ живопись, тамъ мраморъ, тамъ златая
Горитъ лампада въ пышныхъ алтаряхъ,
И, зданія земныя затмевая,
Чье основанье неподвижный прахъ,—
Тамъ куполъ царственный, парящій въ облакахъ.

CLVII.

Не въ силахъ все обнять въ единомъ взорѣ,
Ты долженъ храмъ на части разбивать:
Коль много бухтъ насъ манитъ въ синемъ морѣ,
Не знаемъ мы, куда сперва пристать.
Здѣсь постепенно нужно созерцать
Детали всѣ, какъ цѣпи чудной звенья,
Пока не сможетъ слабый умъ связать
Всѣ дивныя отъ храма впечатлѣнья,
Чью славу онъ не могъ обнять въ одно мгновенье.



ВНУТРЕННОСТЬ ХРАМА СВ. ПЕТРА ВЪ РИМѢ (Rome, St. Peter's interior).
Рис. Г'оузъ (S. Howse), грав. В. Финденъ (W. Finden).

CLVIII.

Виной тому не храмъ, но мы лишь сами;
Виной тому—ничтожность чувствъ людскихъ...
Я не умѣю слабыми устами
Вамъ о восторгахъ разсказать своихъ...
Прекраснѣйшій изъ алтарей земныхъ
Надъ чувствами безсильными смѣется,
Пока не развернемъ мы шире ихъ,
Пока нашъ робкій духъ не встрепенется...
Тогда лишь гордый храмъ обзору поддается.

CLXI.

Блеснетъ здѣсь свѣтъ въ сознаніи твоемъ,
И—больше, чѣмъ простое удивленье
Или восторгъ предъ славнымъ алтаремъ,
Иль предъ великимъ чудомъ умиленье,—

ЗАМОКЪ АДРІАНА (Mole of Adrian).
Рис. Уоррена (H. Warren), грав. Э. Финдена (E. Finden).

Сильнѣе, чѣмъ талантомъ восхищенье,
Дотоль еще невиданнымъ землей,—
Вкусишь ты здѣсь источникъ вдохновенья,
И, черпая песокъ въ немъ золотой,
Поймешь ты весь просторъ идеи неземной.

CLX.

Вотъ Ватиканъ. Взгляни, какъ близъ дворца
Тамъ Лаоконъ въ мученьяхъ погибаетъ.
И смертный ужасъ, и любовь отца
Съ безсмертнымъ онъ терпѣніемъ сливаетъ.
Борьба кипитъ... Но тщетно напрягаетъ
Свои усилья бѣдный Лаоконъ,—
Живая цѣпь сильнѣй его сжимаетъ,
За мукой страшной муку терпитъ онъ,
И замираетъ въ немъ за стономъ тяжкій стонъ.

CLXI.

Иль посмотри на изваянье это:
Не выпуская лука своего,
Стоитъ онъ, богъ поэзіи и свѣта,
Какъ воплощенье солнца самого
Побѣдой дышетъ гордый ликъ его,
Уже летитъ пучекъ перуновъ мстящихъ.
Все выдаетъ въ немъ сразу божество:
Презрѣніе и мощь въ ноздряхъ дрожащихъ
И яркихъ молній блескъ въ его очахъ грозящихъ.

CLXII.

И кажется, тѣ дивныя черты
Создали грезы нимфы одинокой,
Влюбленной нимфы сладкія мечты
О юномъ богѣ, тамъ, въ странѣ далекой.

АЛБАНО (Albano).
Рис. Эймеръ (J. B. Aylmer), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

Мечтать объ этой красотѣ высокой
Могли бы мы лишь въ мигъ, когда въ сердцахъ
У насъ горитъ безсмертья лучъ глубокій,
Когда, блестя, какъ звѣзды въ небесахъ,
Сольются мысли всѣ въ божественныхъ чертахъ.

CLXIII.

Коль съ неба пламень сердца сокровенный,
Похитилъ намъ отважный Прометей,
То этотъ долгъ ваятель вдохновенный
Ужъ отдалъ небу статуей своей.
Поэзіи исполнено все въ ней,
И, кажется, задумано богами
Безсмертное созданіе людей.
Нетронутый бѣгущими годами,
Огнемъ рожденный богъ досель стоитъ предъ нами.

CLXIV.

Но гдѣ-жъ теперь мой вѣрный пилигримъ,
Герой моихъ свободныхъ пѣснопѣній?
Что-жъ медлитъ такъ приходомъ онъ своимъ?
Нѣтъ, не придетъ онъ, лиры добрый геній,
Блѣднѣетъ онъ съ толпой своихъ видѣній
И свой прощальный вздохъ въ стихѣ намъ шлетъ.
Но коль онъ живъ среди земныхъ твореній,
Оставь его... Онъ все равно умретъ,
И ночь небытія печаль его возьметъ.

CLXV.

Все въ хаосѣ томъ мрачномъ утопаетъ,
И тѣни, и тѣла. На все кругомъ
Онъ свой покровъ туманный разстилаетъ;
Все кажется намъ призраками въ немъ,
И исчезаетъ въ облакѣ густомъ
Земныхъ лучей непрочное сіянье,
И гаснетъ слава... Но во мракѣ томъ
Виднѣется вдали ея мерцанье.
Печальный этотъ свѣтъ приноситъ намъ страданье

CLXVI.

И заставляетъ жадный взоръ вперять
Въ нѣмую мглу. И всѣ мы знать желаемъ,
Что насъ должно за гробомъ ожидать,
Когда мы прахъ свой жалкій покидаемъ.
И мы о славѣ суетной мечтаемъ,
Хоть знать о ней не будемъ ничего.
Но счастье въ томъ, что навсегда бросаемъ
Тогда мы бремя сердца своего,
Не будетъ литься впредь кровавый потъ его.

CLXVII.

Но чу! Изъ тьмы ночной мы услыхали
Неясный ропотъ, заглушенный стонъ.
Понятенъ этотъ тяжкій вздохъ печали,
Коль весь народъ несчастьемъ пораженъ.
Земля разверзлась. Мракъ со всѣхъ сторонъ...
Но средь толпы видѣній безтѣлесной
Одною тѣнью взоръ нашъ восхищенъ:
То блѣдный образъ матери прелестной,
Къ груди прижавшей сына съ ласкою небесной.

CLXVIII.

О гдѣ-жъ ты, отпрыскъ славныхъ королей?
Надежда націй! Иль тебя не стало?
О, почему-же смерть косой своей
Взамѣнъ тебя сразить не пожелала
Тѣхъ, чью главу любовь не осѣняла?
Ты умерла въ печальный часъ ночной,
Когда надъ сыномъ сердце истекало
Горячей кровью... Унесла съ собой
Ты радость и мечты своей страны родной.

CLXIX.

Вѣдь безъ вреда крестьянка молодая
Рождаетъ сына. Ты же умерла
Во цвѣтѣ лѣтъ, любовь вокругъ вселяя.
И нѣтъ души, чтобъ слезъ здѣсь не лила,
Какой бы хладной раньше ни была.
Тебя оплачетъ скорбная Свобода,—
Ты радугу ей свѣтлую дала.
А бѣдный твой супругъ... Зачѣмъ Природа
Соединила васъ для одного лишь года?

АПОЛЛОНЪ БЕЛЬВЕДЕРСКІЙ (Apollo).
Грав. Э. Финденъ (E. Finden).

CLXX.

Какъ грубъ онъ, бѣлый холстъ одеждъ твоихъ.
Плодъ брака твоего—лишь прахъ холодный...
Нѣтъ златокудрой дочери въ живыхъ,
Любимицы Британіи свободной.
Надеждами былъ полонъ духъ народный,
Мечтали мы, для счастія дѣтей,
Что милый сынъ принцессы благородной
Взойдетъ на тронъ... Онъ былъ для всѣхъ очей
Какъ свѣтлый лучъ, и вдругъ—исчезъ во тьмѣ ночей.

CLXXI.

Мнѣ больше жаль британцевъ сиротливыхъ,
А не ея: непроченъ фиміамъ
Любви народной; ложь придворныхъ льстивыхъ
Съ младенчества привычна королямъ;
И лести звонъ пріятенъ ихъ сердцамъ,
Пока народъ не потерялъ терпѣнья...
Рокъ измѣняетъ въ счастьѣ сыновьямъ,
Онъ броситъ гирю въ чашу—въ то-жъ мгновенье
Вдругъ постигаетъ власть нежданное крушенье.

CLXXII.

Таковъ быть могъ ея удѣлъ земной.
Нѣтъ, сердце мысль о томъ недопускало:
Она сіяла благостью, красой,
Въ величіи,—она враговъ не знала.
Какъ быстро смерть ее отъ насъ умчала,
Какъ много узъ порвала вдругъ она!

Скорбь молніей сердца намъ пронизала.
Отъ короля до нищаго, страна
Какъ громомъ смертью той была потрясена.

CLXXIII.

Вотъ дремлетъ Неми средь холмовъ лѣсистыхъ
И буйный вихрь, что дубы съ корнемъ рветъ
И гонитъ волны изъ береговъ скалистыхъ,
И пѣной ихъ до неба достаетъ,—
Тотъ гнѣвный вихрь до Неми не дойдетъ.
На озерѣ спокойна гладь нѣмая,
Его струи ничто не шелохнетъ
И спитъ оно, какъ ненависть глухая,
Иль какъ змѣя, на солнцѣ кольцами блистая.

CLXXIV.

Альбано плещетъ межъ сосѣднихъ скалъ;
Вотъ Тибръ сверкаетъ лентой предо мною,
И омываетъ моря синій валъ
Брегъ Лаціума дальній... Пѣснь про Трою
Тамъ загорѣлась яркою звѣздою.
Направо вилла: Туллій находилъ
Въ ней тишину, наскучивъ суетою.
А тамъ, гдѣ кряжъ полъ-неба обхватилъ,
Измученный поэтъ въ прелестной мызѣ жилъ.

CLXXV.

Но я забылъ: мой странникъ близокъ къ цѣли.
Оконченъ путь. Простимся мы сейчасъ.
Пусть будетъ такъ. Но прежде захотѣли
На море мы взглянуть въ послѣдній разъ.
Вотъ впереди, на сколько видитъ глазъ,
Оно блеститъ лазурной пеленою...
Прими-же море, здѣсь привѣтъ отъ насъ!
Ты отъ Кальпэ плѣняло взоръ красою
До мѣстъ, гдѣ Эвксисъ плещетъ темною волною

CLXXVI.

У Симплегадеса. Рядъ быстрыхъ лѣтъ,
Но полныхъ все-же бурь и утомленья,
Оставили на насъ обоихъ слѣдъ.
Плодъ не великъ отъ нашего стремленья,—
Его сушили слезы и сомнѣнья.
Но не напрасно пройденъ путь земной:
И солнца лучъ даетъ намъ наслажденье,
И море, и земля плѣнитъ порой,
И забываемъ мы про злобный родъ людской.

CLXXVII.

Въ пустыню я-бъ хотѣлъ бѣжать глухую
Съ однимъ лишь другомъ—съ милою моей.
Забылъ бы тамъ про ненависть людскую
Молился-бы въ тиши я только ей.
Стихія! Въ мощи пламенной твоей

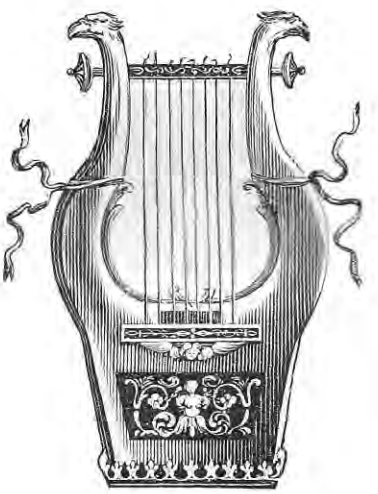
CLXXXV.

Оконченъ трудъ. Умолкнулъ лиры звонъ,
Вдали чуть слышнымъ эхомъ замирая.
Разсѣйся-же, о мой волшебный сонъ,
И лампа гаснетъ пусть моя ночная.
Хотѣлось-бы, чтобъ ярче пѣснь живая
Струилася... Но что жалѣть о ней?
Уже не та теперь мечта былая,
Ужъ призраки блѣднѣютъ прежнихъ дней,
Огонь фантазіи уже горитъ слабѣй.

CLXXXVI.

Итакъ—прощайте. Близкую разлуку
Я задержу привѣтствіемъ своимъ,
Но на прощанье крѣпко жму вамъ руку.
Коль вы бродили съ путникомъ моимъ,
Коль мысль, порою брошенную имъ,
Хоть разъ одинъ потомъ вы вспоминали,—
Не даромъ бралъ свой посохъ пилигримъ:
Останутся при немъ его печали,
А вы въ рѣчахъ его благой урокъ познали.

С. Ильинъ и **О. Чюмина.** [1])



[1]) Первыя LX строфъ переведены для настоящаго изданія О. П. Чюминой, строфы LXI—[illegible] также для настоящаго изданія)—С. А. Ильинымъ.

ДѢВУШКА ИЗЪ КАДИКСА.

Не говорите больше мнѣ
О сѣверной красѣ британки;
Вы не извѣдали вполнѣ
Все обаянье кадиксанки.
Лазури нѣтъ у ней въ очахъ
И волоса не золотятся;
Но очи искрятся въ лучахъ
И съ томнымъ окомъ не сравнятся.

Испанка, словно Прометей,
Огонь похитила у неба,
И онъ летитъ изъ глазъ у ней
Стрѣлами черными Эреба;
А кудри—ворона крыла:
Вы бъ поклялись, что ихъ извивы,
Волнсю падая съ чела,
Цѣлуютъ шею, дышатъ, живы...

Британки зимне-холодны,
И если лица ихъ прекрасны,
За то уста ихъ ледяны
И на привѣтъ уста безгласны;
Но юга пламенная дочь,
Испанка, рождена для страсти—
И чаръ ея не превозмочь,
И не любить ея—нѣтъ власти.

Въ ней нѣтъ кокетства: ни себя,
Ни друга лаской не обманетъ,
И, ненавидя и любя,
Она притворствовать не станетъ.
Ей сердце гордое дано:
Купить нельзя его за злато,
Но—неподкупное—оно
Полюбитъ надолго и свято.

Ей чуждъ насмѣшливый отказъ;
Ея мечты, ея желанья—
Всю страсть, всю преданность на васъ
Излить въ годину испытанья.
Когда въ Испаніи война,
Испанка трепета не знаетъ,
А другъ ея убитъ—она
Врагамъ за смерть копьемъ отмщаетъ.

Когда же, вечеромъ, порхнетъ
Она въ кружокъ веселый танца,
Или съ гитарой запоетъ
Про битву мавра и испанца,
Иль четки нѣжною рукой
Начнетъ считать съ огнемъ во взорахъ,
Иль у вечерни голосъ свой
Сольетъ съ подругами на хорахъ—

Во всякомъ сердце задрожитъ,
Кто на красавицу ни взглянетъ,
И всѣхъ она обворожитъ
И сердце взорами приманитъ...
Осталось много мнѣ пути
И много ждетъ меня приманки,
Но лучше въ мірѣ не найти
Мнѣ черноокой кадиксанки!

Л. Мей.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

(Написано на о. Мальтѣ).

Какъ одинокая гробница
Вниманье путника зоветъ,
Такъ эта блѣдная страница
Пусть милый взоръ твой привлечетъ.
И если, послѣ многихъ лѣтъ,
Прочтешь ты, какъ мечталъ поэтъ,
И вспомнишь, какъ тебя любилъ онъ,
То думай, что его ужъ нѣтъ,
Что сердце здѣсь похоронилъ онъ.

М. Лермонтовъ.

КЪ ФЛОРЕНСѢ.

Когда пришлось мнѣ берегъ дальній,
Родимый берегъ покидать,—
Не думалъ я, чтобъ могъ печальнѣй
Разлуку въ жизни испытать;

Но здѣсь—о лэди! гдѣ склоняетъ
Природа немощно свой ликъ,
Гдѣ образъ твой одинъ сіяетъ,—
Страшитъ меня прощальный мигъ.

Хотя за ширью океана
Лежатъ крутые берега,
Все-жъ можетъ поздно или рано
Ступить на нихъ моя нога.

Но, гдѣ бъ ни странствовалъ я въ жизни,
Терпя ненастье или зной,
Иль короталъ бы вѣкъ въ отчизнѣ,—
Увъ мнѣ не встрѣтиться съ тобой:

Съ тобой, чья красота живая
Не можетъ сердце не плѣнить,
Кого, съ восторгомъ созерцая—
Прости!—нельзя не полюбить.

Я не хотѣлъ тебя обидѣть
Порывомъ сердца моего—
И съ этихъ поръ должна ты видѣть
Во мнѣ лишь друга твоего.

И кто изъ насъ такая льдина,
Чтобъ, встрѣтивъ странницу, какъ ты,
Не стать, чѣмъ долженъ быть мужчина:
Въ несчастьи — другомъ красоты?

Повѣрить трудно, какъ могла ты
Свершить опасные пути
И, бурь извѣдавъ гнѣвъ крылатый,
Отъ гнѣва деспота уйти.

Когда свободной Византіи
Предстанутъ стѣны предо мной,
Гдѣ нынче турки клонятъ выи
Подъ тиранической пятой,—

О, пусть блистательной столицѣ
Навѣки слава суждена:
Она дороже мнѣ сторицей,
Какъ мѣсто, гдѣ ты рождена;

Когда же снова въ край чудесный
Меня заброситъ бурный валъ,
Мнѣ будетъ радостью небесной
Жить тамъ, гдѣ я тебя узналъ.

В. Лихачовъ.

СТАНСЫ, СОЧИНЕННЫЕ ВО ВРЕМЯ ГРОЗЫ.

Надъ Пиндомъ ночь; съ его высотъ
Несется бури вой,
И небо гнѣвъ свой шумно льетъ
Изъ тучи грозовой.

Нашъ проводникъ ушелъ, пропалъ...
Лишь молній блескъ въ ночи
Блеститъ на путь нашъ между скалъ
И золотитъ ручьи.

Что тамъ? Не хижину ль открылъ
Блескъ молній сквозь туманъ?
Намъ кровъ такъ нуженъ... Нѣтъ, то былъ
Турецкій лишь курганъ.

Сквозь водопадовъ шумъ и громъ
Я слышу кличъ: землякъ
Страны родимой языкомъ
Зоветъ сквозь дождь и мракъ.

Чу! Слышенъ выстрѣлъ. Другъ иль врагъ?
Другой гремитъ вдали...
Я понялъ: это горцамъ знакъ,
Чтобъ къ намъ на помощь шли.

Но кто жь рискнетъ, чтобъ намъ помочь,
Въ такую глушь идти?
И кто услышитъ въ эту ночь
Сигналы на пути?

Да *кто и слышитъ, тотъ едва ль*
Пойдетъ сквозь дождь и грязь
Въ опасный путь, во тьму и даль,
Разбойниковъ боясь.

О, страшный часъ! Громъ тучи рветъ,
Льетъ ливень безъ конца,—
Но мысль одна во мнѣ живетъ
И грѣетъ грудь пѣвца.

Въ тотъ мигъ, какъ дикою тропой
Брожу я здѣсь вокругъ
Стихіи жертвою слѣпой,—
Гдѣ ты, Флоренса, другъ?

Не на моряхъ, не на моряхъ!
Вѣдь ты пустилась въ путь
Уже давно! Пусть бури страхъ
Мою лишь мучитъ грудь!

Когда прощальный поцѣлуй
Я далъ,—сирокко дулъ;
Давно, давно межъ пѣнныхъ струй
Корабль твой промелькнулъ.

Давно въ Испаніи вы всѣ,
Опасности ужь нѣтъ;
Жаль, если бъ рокъ судилъ красѣ
Въ моряхъ пить чашу бѣдъ!

Мнѣ свѣтитъ лучъ твоей красы,
Я помню дни утѣхъ,
Какъ мчались быстрые часы
Сквозь музыку и смѣхъ.

О, если Кадиксъ не въ плѣну,—
Меня ты вспомяни!
Поди къ широкому окну,
Въ морскую даль взгляни!..

Калипсо островъ вспомни,—рай,
Столь сердцу дорогой!
Другимъ улыбокъ сто раздай,
Мнѣ—вздохъ единый твой!..

Толпа влюбленныхъ вдругъ узритъ,
Что поблѣднѣла ты
И что слезинка чуть дрожитъ
Чудесной красоты.

На шутки фатовъ вновь лицомъ
Вся вспыхнешь ты тогда,
Стыдясь, что вспомнила о томъ
Въ чьихъ мысляхъ ты всегда...

Улыбкой, вздохомъ ли даря,—
Ты все же далека...
Къ тебѣ чрезъ горы и моря
Летитъ моя тоска!

Н. Холодковскій.

Стансы, написанные, когда авторъ проѣзжалъ по Амвракійскому заливу.

Вотъ Акціумъ! Луной сребрится
Небесъ безоблачный эфиръ;
Здѣсь, Нила дивная царица,
Шелъ для тебя на ставку міръ.

Здѣсь, подъ поверхностью лазурной,
Для многихъ римлянъ былъ конецъ;
Здѣсь честолюбецъ, въ страсти бурной,
Забылъ для женщины вѣнецъ.

Флоренса, другъ, души отрада!
Влюбленъ я больше, чѣмъ Орфей,
Чей зовъ извлекъ жену изъ ада!
Прекрасна ты, я—въ цвѣтѣ дней.

Мой другъ! Въ тотъ вѣкъ прекрасный, смѣлый,
Міръ ставкой былъ для красоты,
Будь каждый бардъ царемъ,—рой цѣлый
Антоніевъ плѣнила бъ ты!

Но все жъ, клянусь красой глазъ милыхъ,
Твоихъ кудрей, о мой кумиръ,—
Міръ за тебя, я дать не въ силахъ,
Тебя жъ—не отдалъ бы за міръ!

Н. Холодновскій.

ВОЛШЕБСТВО ИСЧЕЗЛО.

Волшебство исчезло, улетѣли грезы..
Жизнь—лишь трепетъ страсти, приступъ лихорадки;
Мы смѣемся глупо, гдѣ бъ должны лить слезы,
Насъ морочатъ бреда дикіе припадки.
Свѣтлый промежутокъ, разумъ пробуждая,
Намъ напоминаетъ горести земныя;
Кто живетъ какъ мудрый, тотъ живетъ страдая,
Такъ, какъ умирали на кострахъ святые.

Д. Михаловскій.

ТЕРЕЗА,
АѲИНСКАЯ ДѢВУШКА.

По эскизу съ натуры (Аѳины, 1812) Аласона, рис. Ф. Стонъ, грав. В. Финденъ. (Drawn by F. Stoneafter a sketch, taken from life in 1812, by T. Allason, Esq. Engraved by W. Finden).

АѲИНСКОЙ ДѢВУШКѢ.

Часъ разлуки бьетъ—прости,
Аѳинянка! возврати
Другу сердце и покой,
Иль оставь навѣкъ съ собой.
Вотъ обѣтъ мой—знай его:
Ζώή μοῦ, σὰς ἀγαπῶ! [1])

За румянецъ этихъ щекъ,
Что эгейскій вѣтерокъ
Цѣловалъ тайкомъ не разъ,
За огонь газельихъ глазъ,
За кудрявое чело:
Ζώή μοῦ, σὰς ἀγαπῶ!

[1]) «Новогреческое выраженіе любви. Если я переведу его, то обижу тѣхъ мужчинъ, которые [illegible] гутъ принять это за недовѣріе къ ихъ способности перевести приведенную фразу самимъ, а если [illegible] переведу, то сбавлю цѣнъ. Боясь недоразумѣній со стороны послѣднихъ, я рѣшаюсь дать переводъ [illegible] прося извиненія у умныхъ. *Zoo mu, sas agapo* значитъ: «Жизнь моя, люблю тебя!», что звучитъ очень мило на всѣхъ языкахъ. Фраза эта теперь такъ же часто употребляется въ Греціи, какъ употреблялись ея первые два слова римлянками, эротическія выраженія которыхъ перешли къ [illegible] камъ». *Байронъ.*

АѲИНСКАЯ ДѢВУШКА.

По эскизу съ натуры, сдѣланному въ Аѳинахъ въ 1813 г. Кокерелемъ, рис. Чэлонъ, грав. Райолъ
From the original portrait taken at Athens, 1813, by C. R. Cockerell, Esq., painted by A. E. Chalon, R. A., engraved by H. T. Ryall).

Поцѣлуемъ устъ твоихъ,
Зыбью персей молодыхъ,
Рѣчью тайною цвѣтовъ,
Говорившихъ больше словъ—
Всѣмъ клянусь, что душу жгло:
Ζώή μοῦ, σὰς ἀγαπῶ!

Аѳинянка! обо мнѣ
Вспомяни наединѣ...
Въ Истамболъ уѣду я,
Но Аѳинъ душа моя
Не покинетъ для него:
Ζώή μοῦ, σὰς ἀγαπῶ!

Л. Мей.

ГЕЛЛЕСПОНТЪ.
(The Hellespont. Sestos and Abydos).

Стихотвореніе, написанное послѣ того, какъ авторъ переплылъ изъ Сестоса въ Абидосъ.

Чрезъ Геллеспонтъ, потокъ огромный
(Всѣмъ дѣвамъ дорогъ тотъ разсказъ)
Во мглѣ декабрьской ночи темной
Леандръ отважно плылъ не разъ.

Онъ все забылъ,—въ мечтахъ лишь Геро;
Холодный валъ, въ ночной тиши,
Вокругъ плескалъ... Клянусь Венерой,
Мнѣ жаль влюбленныхъ отъ души!

Я, жалкій выродокъ, въ дни мая
Рискнулъ на пробу слабыхъ силъ—
И, мокрый, члены разминая,
Ужъ мню, что подвигъ совершилъ.

Коль вѣрить мнѣу, точно были,
Богъ знаетъ, что въ душѣ тая,
Онъ къ милой плылъ; мы оба плыли,
Онъ для любви,—для славы я.

Но боги портятъ смертнымъ славу:
Обоимъ вреденъ былъ порывъ;
Онъ трудъ утратилъ, я—забаву,
Онъ утонулъ, а я—чуть живъ.

Н. Холодковскій.

Стихи въ книгѣ путешественниковъ въ Орхоменѣ.

Въ этой книгѣ одинъ путешественникъ написалъ:

Въ страну искусства Альбіонъ прекрасный
Любовно сына шлетъ съ улыбкой ясной;
Прекрасна цѣль, и, ею вдохновленъ,
Свое въ Аѳинахъ имя пишетъ онъ.

Подъ этими стихами лордъ Байронъ приписалъ:

Нашъ скромный бардъ, подобно бардамъ многимъ,
Безвѣстный, пишетъ имя съ ритмомъ строгимъ;
Но я скажу, безъ слишкомъ рѣзкихъ словъ,
Что имя лучше всѣхъ его стиховъ.

Н. Холодновскій.

Отрывокъ изъ «Аѳонскаго монаха».

Гдѣ для бушующей Эгейскихъ водъ пучины
Путь Македоніей на сѣверъ прегражденъ,
Что въ даль глядитъ на Азіи равнины,
Туда, гдѣ нѣкогда былъ гордый Иліонъ—
Какъ пращуръ сумрачный съ гигантами-сынами
Величественный высится Аѳонъ,
Увѣнчанный зелеными лѣсами.
Рукой враговъ еще не тронутъ онъ
И тѣнь могучую кидаетъ надъ волнами.

Сокрытые въ убѣжищахъ тѣнистыхъ
Блестятъ кругомъ кресты монастырей,
Гдѣ средь молитвъ и созерцаній чистыхъ
Святой огонь горитъ въ сердцахъ людей;
Гдѣ воздухъ, лѣсъ—полны очарованій—
Благоговѣйной дышатъ тишиной
И поднятъ мысль отъ суетныхъ желаній;
Гдѣ дикихъ волнъ рокочущій прибой
Вещаетъ намъ, что здѣсь земля обѣтованій.

Святая сѣнь, пріютъ уединенный,
Убѣжище отъ всѣхъ земныхъ заботъ,
Гдѣ къ небу духъ стремится восхищенный...
Вы, осужденные на тяжкій жизни гнетъ!
Когда страданье съ годами растетъ—
Какая радость здѣсь найти забвенье,
Блаженный, вѣчный предвкусить покой,
Пока небесъ благое повелѣнье
Не разлучитъ васъ съ ношею земной!..

Н. Брянскій.

СТИХИ ПОДЪ ПОРТРЕТОМЪ.

Мой милый другъ, предметъ былыхъ заботъ!
Покинутъ я любовью и тобою,
Но, чтобъ смягчить отчаянія гнетъ,
И горечь слезъ и твой портретъ—со мною.

Не вѣрю я, что Времени дана
Власть побороть Печаль, что насъ терзала:
Моя Надежда на смерть сражена,
Но съ той поры безсмертной Память стала.

В. Мазуркевичъ.

НОВОГРЕЧЕСКАЯ ПѢСНЬ.

„Μπενω μεσ' τὸ πέριβόλι
Ὡραιοτάτη Χάηδη", и т. д.

Вхожу я въ твой розовый садъ,
Моя Гаидэ дорогая,
Тамъ Флора ласкаетъ мой взглядъ,
Собою тебя воплощая.
Не ложь это, милая! Вѣрь,
Уста мои правду сказали,
Хотя и боятся теперь
Того, что тебѣ прошептали.
Какъ къ дереву съ каждымъ листкомъ
Красы прибываетъ тѣнистой,
Такъ свѣтится всюду во всемъ
Душа Гаидэ моей чистой.

Но сердцу не милъ этотъ садъ.
Ушла изъ него безъ возврата
Любовь... Принесите-жъ мнѣ ядъ!
Онъ слаще цвѣтовъ аромата.
Онъ горечи въ чашу вольетъ,
Но выпитый мной, безъ сомнѣнья,
Покажется сладкимъ, какъ медъ,
Избавивъ меня отъ мученья.
Жестокая! Тщетно тебя
Прошу я! Изсякнули силы...
Коль ты не вернешься, любя,
Открой мнѣ преддверье могилы.

Какъ вождь, выступающій въ бой
И ждущій побѣды безъ спора,
Меня ты сразила стрѣлой,
Стрѣлой мимолетнаго взора.
Ужели-же гибнуть отъ мукъ?
Улыбка была-бъ мнѣ отрадой...
Иль только надежда, мой другъ,
Служила за муки наградой?
Какъ грустенъ твой садъ, Гаидэ!
Невѣрная, но дорогая!
Тамъ Флора, тоскуя въ бѣдѣ,
Рыдаетъ со мной, увядая.

В. Мазуркевичъ.

ПРИ РАЗСТАВАНЬИ.

[illegible]уста, моя любовь
Хранятъ твое лобзанье,
[illegible]ъ могъ вернуть его я вновь
Такимъ же при свиданьѣ.

—

[illegible]ни въ глаза мнѣ: взоръ очей
Сокрыть любви не можетъ.
[illegible]нье въ вѣрности моей
Тебя пусть не тревожитъ.

—

На память мной не будетъ взятъ
Залогъ въ часы прощанья:
Тебѣ и такъ принадлежатъ
Мои воспоминанья.

—

Писать? Но словомъ не излить
Того, что грудь тревожитъ,
А сердце... сердце говорить,
Къ несчастію, не можетъ.

—

Оно навѣкъ обречено
Таить любовь и муку,
И въ одиночествѣ должно
Оплакивать разлуку!

В. Мазурневичъ.

ПРОЩАНЬЕ СЪ МАЛЬТОЙ.

Прощай, веселье въ Лавалеттѣ!
Прощай, сирокко, солнце, потъ!
Дворецъ, гдѣ рѣдко былъ я въ свѣтѣ,
Дома, куда опасенъ входъ,
Ступеньки улицъ, безъ изъятья
Всѣмъ, кто тамъ былъ, предметъ проклятья,
Купцы—банкроты каждый день,
Шумливой черни брань и лѣнь,
Безъ писемъ почта, и болваны,
Съ другихъ болвановъ обезьяны,
И ты, проклятый карантинъ,
Мнѣ съ лихорадкой давшій сплинъ!
Прощай, театръ, предметъ зѣвоты,
Его сіятельства балы
И Петръ, достойный похвалы,
Хоть, несмотря на всѣ заботы,
Онъ, какъ ни бился, не достигъ,
Чтобъ нашъ полковникъ вальсъ постигъ;
Красивыхъ женщинъ вереница,
Мундиры красные и лица
Еще краснѣй, и спесь манеръ
Всей той толпы „en militaire"!
Уйду я, всѣхъ васъ покидая,—
Когда, зачѣмъ,—не знаю самъ,—
Къ далекимъ сѣрымъ небесамъ,
Гдѣ виснетъ копоть городская,
Гдѣ такъ же скверенъ жизни складъ,
Немножко на иной лишь ладъ.
Прощайте жъ,—нѣтъ, лишь до свиданья,—
Вы флота вѣрные сыны,
Чьихъ славныхъ подвиговъ преданья
Гремятъ по обѣ стороны
Адріатическаго моря,
Предъ кѣмъ склонялись, тщетно споря,
Сломить не въ силахъ вашъ оплотъ,
То вражій вождь, то вражій флотъ;
Улыбки ночью, днемъ обѣды—
Повсюду вамъ сулятъ побѣды,
Какъ на войнѣ, въ дѣлахъ любви;
Слова нескромныя мои
Простите жъ мнѣ; примите съ жаромъ
Стихи мои: даю ихъ даромъ!
Для мистриссъ Фрэзеръ наступилъ
Теперь чередъ. Ты ждешь, читатель,
Моихъ похвалъ ей? Полно, кстати ль?
Когда бы я тщеславно мнилъ,
Что стоитъ капельки чернилъ
Моя хвала,—безъ затрудненья,
Конечно, я бъ для восхваленья
Стишокъ—другой ей посвятилъ;
Но здѣсь, могу сказать по чести,
Моей совсѣмъ не нужно лести:
Найдется ей, увѣренъ я,
Хвала получше, чѣмъ моя.
По свѣтски опытна, но вѣчно
Жива, проста, чистосердечна,—
Жить будетъ весело она
И музы лесть ей не нужна.
Ну, Мальта, тѣсная теплица,
Гдѣ стая воиновъ толпится!
Хоть я тебя не оскорблю
И прямо къ чорту не пошлю,—
Но все жъ, взглянувъ въ окно свободно,
Спрошу: на что же ты пригодна?
Затѣмъ опять въ свою тюрьму,
Отдавъ тебѣ вниманья лепту,
Вернусь я къ чтенью иль письму,
Свое лѣкарство вновь приму
(Въ часъ по двѣ ложки, по рецепту)
И предпочту колпакъ ночной
Бобровой шапкѣ, жребій свой
Благословивъ: весьма доволенъ,
Что лихорадкою я боленъ!

Н. Холодковскій.

НЬЮСТЭДСКОЕ АББАТСТВО.

Въ обители предковъ моихъ тишина,
Надъ замкомъ пустыннымъ сіяетъ луна,
Мнѣ хочетъ повѣдать о блескѣ быломъ—
Блеститъ, но не грѣетъ холоднымъ лучомъ.

Для насъ, для живущихъ, пусть солнце горитъ:
Оно увядающій родъ оживитъ
Въ часы, когда влаженъ бѣлѣющій лугъ,
И длинныя тѣни ложатся вокругъ.

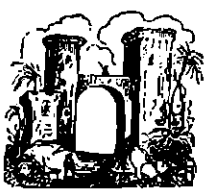
Но эхо моихъ одинокихъ шаговъ
Не въ силахъ нарушить могильныхъ оковъ,
Но звуки веселья умолкли давно,
Огни догорѣли, допито вино...

Да, прошлаго къ жизни вернуть я не могъ,
Чтобъ блескомъ былымъ озарился чертогъ,
Я тщетныхъ на это надеждъ не питалъ:
Цвѣтъ предковъ навѣки въ потомкѣ увялъ.

Ихъ жребій былъ: слава, богатство, почетъ...
А мой—только гордаго имени гнетъ;
То было ихъ время, въ немъ блескъ старины...
А мнѣ—сожалѣнья одни суждены.

Царящіе въ замкѣ забвенье и тлѣнъ
Не въ силахъ разрушить ни башенъ, ни стѣнъ,
Отъ грознаго времени замокъ хранимъ,—
Но гибель видна въ немъ владѣвшаго имъ.

Н. Брянскій.



Посланіе къ другу въ отвѣтъ на стихи, увѣщевающіе автора быть веселымъ.

Заботу прочь! Пускай таковъ
Девизъ твой будетъ средь пировъ.
Онъ также милъ душѣ моей,
Когда въ чаду хмельныхъ ночей
Сыны отчаянья хотятъ
Баюкать сердце и твердятъ:
„Гони заботу прочь отъ насъ!“
Но утромъ въ размышленья часъ,
Когда ни въ чемъ отрады нѣтъ,
Когда любви померкнулъ свѣтъ
И все смѣется надъ тоской
Того, чья мысль... Но что со мной?!
Довольно!.. Я не тотъ, что былъ!
Коль хочешь ты, чтобъ сохранилъ
Я въ сердцѣ мѣсто для тебя,
То я молю тѣмъ, что любя
Ты называешь дорогимъ,
Блаженствомъ будущимъ твоимъ,
Бесѣдуй обо всемъ со мной,
Но лишь не о любви былой!

Что говорить?! Зачѣмъ внимать
Тому, кто гордъ, чтобъ проливать
Напрасно слезы... да притомъ
И плакать есть ли тутъ о чемъ.
Однако жъ,—хоть философъ, самъ
Все жъ предавался я слезамъ,
Увидя, какъ назвалъ другой
Мою избранницу женой.
Я видѣлъ, какъ она шутя
Ласкала, тѣшила дитя,
Напоминавшее своей
Улыбкой насъ въ расцвѣтѣ дней.
Я видѣлъ глазъ холодный свѣтъ,
Во мнѣ искавшихъ грусти слѣдъ,
Но удалось мнѣ роль сыграть:
Лицо заставивъ сердцу лгать,
Я гордо бросилъ ей въ упоръ
Такой же леденящій взоръ,
Хоть сознавалъ всѣмъ существомъ,
Что буду вѣкъ ея рабомъ.
Къ себѣ ребенка я привлекъ
(Вѣдь онъ моимъ быть сыномъ могъ!)
И убѣдился въ томъ, что страсть
Надъ сердцемъ сохранила власть.

Но прочь печаль! Не стану я
Стремиться въ дальніе края...
Теперь милѣй мнѣ шумный свѣтъ.
Но если черезъ много лѣтъ,
Когда „завянетъ свѣтлый май“,
Тебѣ разскажутъ невзначай,
Что чьихъ-то преступленій рядъ
Вернулъ временъ давнишнихъ адъ,
Когда услышишь ты о томъ,
Кому все въ мірѣ нипочемъ—
Любовь, молва, извѣстность, стыдъ
Кого и кровь не устрашитъ,
Кто внесъ себя рукой своей
Въ число злодѣевъ нашихъ дней,
Ты догадаешься—кто онъ...
Но пусть не будетъ заклейменъ
Онъ осужденіемъ твоимъ!
Ты знаешь, какъ онъ сталъ такимъ!

В. Мазуриевичъ.

КЪ ТИРЗѢ.

На мѣстѣ, гдѣ въ землѣ ты скрыта,
Нѣтъ камня, чтобъ найти его...
Ты всѣми, можетъ быть, забыта,
За исключеньемъ одного.

Моря лежали между нами,
Но я хранилъ къ тебѣ любовь.
И улеталъ къ тебѣ мечтами...
Увы, не встрѣтимся мы вновь!

Когда бъ хоть взглядомъ ты сказала:
„Мы разстаемся какъ друзья",
Моя бъ душа не такъ страдала,
Тогда вздыхалъ бы легче я.

Придя къ безвременной кончинѣ,
Вздохнула ль ты хоть разъ о томъ,
Въ чьемъ сердцѣ ты живешь донынѣ,
Какъ ты жила при жизни въ немъ?

Кто бъ могъ, какъ онъ, къ тебѣ склониться
И тусклый взглядъ твой наблюдать
Въ предсмертный часъ, когда боится
Печаль безмолвная вздыхать?

Когда жъ тебѣ чужими стали
Всѣ скорби, что волнуютъ насъ,
Какъ много жгучихъ слезъ печали
Я лилъ, и лью ихъ въ этотъ часъ!

И какъ не лить: на этомъ мѣстѣ,
Теперь пустомъ, какъ много дней
Съ тобою плакали мы вмѣстѣ
Отъ счастія любви своей!

Вблизи, вдали, иль сидя рядомъ,
Отъ всѣхъ мы были далеки,
Мѣнялись шопотомъ иль взглядомъ,
Пожатьемъ трепетнымъ руки.

Иль поцѣлуемъ, предъ которымъ
Желаній сдерживалась власть;
Своимъ невиннымъ, чистымъ взоромъ
Краснѣть заставила бъ ты страсть.

Мнѣ въ сердце радость проливалась,
Когда я слышалъ голосъ твой;
Небесной музыкой казалась
Мнѣ пѣсня спѣтая тобой.

Залогъ твой у меня остался...
Его храню,—гдѣ жъ мой? гдѣ ты?
Подъ игомъ бѣдъ я не склонялся
До этой страшной тяготы...

Ты жизнь мнѣ горемъ отравила,
Такъ рано кончивъ жизни путь.
Когда лишь миръ даетъ могила,
Я бъ не желалъ тебя вернуть.

Но если духи совершенства
Тебя въ міръ лучшій вознесли,
Частицу своего блаженства
Въ усладу мукъ моихъ пошли!

Твоя любовь меня учила
Терпѣнію въ моихъ скорбяхъ,—
О, если бъ мнѣ она свѣтила
Лучемъ надежды въ небесахъ!

Д. Михаловскій.

Рис. Стотарда (Stothard, R. A.).

О ПУСТЬ УМОЛКНУТЪ СКОРБИ ЗВУКИ.

О пусть умолкнутъ скорби звуки,—
Отрада дней моихъ былыхъ,—
Иль я уйду отъ этой муки:
Не въ силахъ вынести я ихъ
Они напѣвомъ струнъ звенящимъ
О свѣтлыхъ дняхъ мнѣ говорятъ;
Но о прошедшемъ, настоящемъ
Мнѣ тяжко думать... пусть молчатъ!
Тотъ голосъ, что вливалъ въ нихъ сладость,
Умолкъ и прелесть ихъ унесъ;
Онъ превратилъ въ печаль ихъ радость,
Въ гимнъ похоронный, полный слезъ...
О, Тирза, онъ поетъ уныло
Мнѣ о тебѣ, мой милый прахъ,
Все, что гармоніей въ немъ было,
Мнѣ горше, чѣмъ разладъ въ струнахъ.
Вотъ стихло все,—но остается
Въ ушахъ столь памятный мнѣ звонъ;
И снова голосъ раздается...
Ужель не можетъ смолкнуть онъ?
Нѣтъ! И во снѣ тотъ голосъ будетъ
Мнѣ душу смутно волновать,
Меня къ сознанію пробудитъ,
Чтобъ звукамъ грезъ моихъ внимать.
Да, Тирза, ты—лишь сновидѣнье,
Лишь греза, сплю я или нѣтъ,—
Звѣзда, сіявшая мгновенье
И погасившая свой свѣтъ.
Но кто дорогою тяжелой
Бредетъ подъ небомъ полнымъ тучъ,
Тотъ вспомнитъ съ гордостью—веселый,
Надъ ней сверкавшій прежде лучъ.

Д. Михаловскій.

РѢШУСЬ, ПОРА ОСВОБОДИТЬСЯ.

Рѣшусь—пора освободиться
Отъ мрачной горести моей,
Вздохнуть въ послѣдній разъ, проститься
Съ любовью, съ памятью твоей!
Заботъ и свѣта я чуждался
И не для нихъ былъ созданъ я,
Теперь же съ радостью разстался,
Какимъ бѣдамъ страшить меня?
Хочу пировъ, хочу похмелья;
Бездушнымъ въ свѣтѣ стану жить;
Со всѣми радъ дѣлить веселье,
Ни съ кѣмъ же горя не дѣлить.
То ль было прежнею порою!
Но счастье жизни отнято:
Здѣсь въ мірѣ брошенъ я тобою,
Ничто ужъ ты—и все ничто.
Улыбка—горю лишь угроза,
Изъ-подъ нея печаль виднѣй;
Она—какъ на гробницѣ роза;
Мученье сжатое сильнѣй.
Хоть межъ друзей въ бесѣдѣ шумной
Невольно чаша оживитъ,
Весельемъ вспыхнетъ духъ безумный,—
Но сердце томное груститъ.
Взойдетъ, бывало, мѣсяцъ полный
Надъ кораблемъ, въ тиши ночной:
Онъ серебритъ Эгейски волны...
А я, къ тебѣ стремясь душой,
Любилъ мечтать, что взоръ твой милый
Теперь плѣняетъ та жъ луна.
О Тирза! надъ твоей могилой
Тогда свѣтила ужъ она.
Въ часы безсонные недуга,
Какъ ядъ кипѣлъ, волнуя кровь—
„Нѣтъ“, думалъ я, „страданьемъ друга
Ужъ не встревожится любовь!“
Ненужный даръ тому свобода,
Кто въ узахъ жертва дряхлыхъ лѣтъ.
Хоть воскреситъ меня природа—
Къ чему?—тебя въ живыхъ ужъ нѣтъ.
Когда любовь и жизнь такъ новы,
Въ тѣ дни залогъ мнѣ данъ тобой:
Печали краской рокъ суровый
Мрачитъ его передо мной.
На вѣкъ той сердце охладѣло,
Кѣмъ было все оживлено;
Мое безъ смерти онѣмѣло,
Но чувства мукъ не лишено.
Залогъ любви, печали вѣчной,
Прижмись, прижмись къ груди моей;
Будь стражемъ вѣрности сердечной,
Иль сердце грустное убей!
Въ тоскѣ не гаснетъ жаръ мятежный,
Горитъ за сѣнью гробовой,
И къ мертвой пламень безнадежный
Святѣе, чѣмъ любовь къ живой.

Иванъ Козловъ.

EUTHANASIA.

Когда, свершивъ свое земное назначенье,
Скажу себѣ: „пора почить безгрезнымъ сномъ!"
Ты осѣни въ тотъ часъ, о сладкое забвенье,
Мой смертный одръ твоимъ ласкающимъ крыломъ!

Не надо мнѣ ни тѣхъ, кому съ моимъ наслѣдствомъ,
Ни даже тѣхъ, кому со мной разстаться жаль,
Ни дѣвъ съ распущенной косою—жалкимъ средствомъ
Изображать свою обычную печаль.

Нѣтъ, пусть сольюся я въ тиши съ земной скуделью!
Безъ общепринятыхъ стенаній надъ собой,
Не ставъ помѣхою чьему-нибудь веселью
И дружбы не смутивъ нежданною слезой.

Но еслибы любовь въ подобный часъ остаться
Могла покойною и вздохъ унять въ груди—
Въ послѣдній разъ вся власть ея могла бъ сказаться
Въ той, что живетъ, и въ томъ, кто долженъ отойти.

Какъ сладко было бъ видѣть мнѣ, моя Психея,
Что смотришь до конца ты ясно и свѣтло!
Само страданіе забылось бы, и, млѣя,
Съ улыбкой счастія въ міръ лучшій отошло.

Но тщетно! красота уходитъ поневолѣ,
По мѣрѣ какъ бѣжитъ дыханіе отъ насъ,
И слезы женщины, текущія по волѣ,
Лгутъ въ жизни и дарятъ безсильемъ въ смертный часъ.

Да будетъ же мое послѣднее дыханье
Не остановлено присутствіемъ людскимъ!
Для насъ, людей, вѣдь смерть не есть ужъ ожиданье
И скорбь земли давно невѣдома ужъ имъ...

Да! умереть, уйти навѣкъ и безъ возврата
Туда, куда уйдетъ и каждый изъ людей,
Стать снова тѣмъ „ничто", которымъ былъ когда-то,
Предъ тѣмъ, какъ въ міръ пришелъ для жизни и скорбей.

Сочти всѣ радости, что на житейскомъ пирѣ
Изъ чаши счастія пришлось тебѣ испить,
И убѣдись, что чѣмъ бы ни былъ ты въ семъ мірѣ—
Есть нѣчто болѣе отрадное: не быть!

И. Гольцъ-Миллеръ

И ТЫ МЕРТВА!

И—ты мертва! Ты—красота,
Тайнъ прелести земной!..
Все—юность, линій чистота—
Все отнято землей.
И могутъ холмъ могильный твой
Топтать стопы людской толпы
Безпечной и чужой!..
Но знай: однимъ глазамъ нѣтъ силы
Глядѣть на крестъ твоей могилы.

Я не спрошу, гдѣ твой пріютъ,
Гдѣ вѣчный сонъ твой тихъ;
Цвѣты иль терньи тамъ растутъ—
Я не взгляну на нихъ.
Мнѣ мысль одна вселяетъ страхъ,
Что все чѣмъ жилъ, что я любилъ—
Сгніетъ, какъ жалкій прахъ.
Я и безъ памятника всюду
Любовь былую помнить буду!

Любовь къ тебѣ была дана
Мнѣ до послѣднихъ дней;
И ты была любви вѣрна,
И не измѣнишь ей.
Любви, гдѣ смерть кладетъ печаль,
Угрозы лѣтъ, измѣны—нѣтъ
И ей конца не знать,
Какъ не увидѣть намъ отнынѣ
Зла или лжи въ былой святынѣ.

Все счастье жизни знали мы,
Тоску—узнаю *я*;
Ни солнца блескъ, ни ужасъ тьмы
Теперь не для тебя.
Тебя молчаньемъ обнялъ сонъ...
Твой сонъ безъ грезъ—о, нѣтъ и слезъ,
Такъ мнѣ завиденъ онъ.
Но мнѣ за то не знать страданья
Слѣдить за тайной увяданья.

Вѣдь чѣмъ прекраснѣе цвѣтокъ,
Тѣмъ раньше онъ спадетъ;
И для листвы недологъ срокъ—
Ее ужъ гибель ждетъ.
Но хуже было бъ наблюдать,
Какъ для меня день ото дня
Цвѣтъ станетъ увядать:
Ужасно видѣть превращенье
Красы и юной жизни въ тлѣнье.

Мнѣ было бъ вынести не въ мочь
Смерть красоты твоей.
За днемъ такимъ прекраснымъ—ночь
Казалась бы темнѣй!
Прошелъ безоблачно твой день,
И ты сошла ясна, свѣтла
Подъ гробовую сѣнь.
Такъ ярче отблескъ въ темныхъ тучахъ
На мигъ мелькнувшихъ звѣздъ падучихъ.

Когда бъ еще я плакать могъ,
Я плакалъ бы о томъ,
Что не судилъ съ тобою Богъ
Мнѣ быть передъ концомъ.
Тебя въ объятьяхъ я бы сжалъ,
Смотрѣлъ въ твой ликъ, къ тебѣ приникъ,
Головку бъ поддержалъ;
Сказалъ, что не дано судьбою
Иной любви намъ знать съ тобою!

Прекраснъ міръ; свободенъ я;
Но что мнѣ міръ земной?
Твой образъ, свѣтлая моя,
Одинъ всегда со мной.
Встаетъ изъ вѣчности опять
Все то, чему сквозь смерти тьму
Еще дано сіять!
И въ этой жизни свѣтъ мой ясный—
Любви умершей сонъ прекрасный.

Т. Щепкина-Куперникъ.

ПЛАЧУЩЕЙ ДѢВУШКѢ.

Плачь, дочь изъ рода королей!..
Плачь надъ отцомъ твоимъ и надъ твоей страною.
О если бъ ты могла омыть слезой одною
Позоръ отца и бѣдствія людей!..
Плачь... Пусть въ глазахъ твоихъ печальныхъ и святыхъ
Прекрасная заря для родины блеснетъ
И въ свѣтломъ будущемъ за каплю слезъ твоихъ
Улыбкою отплатитъ твой народъ!..

Г. Галина.

О ЕСЛИ ИНОГДА.

О если иногда средь свѣтскаго волненья
Въ душѣ моей затмится образъ твой,
Съ твоею тѣнью дорогой
Опять встрѣчаюсь я въ моемъ уединеньи.
И въ этотъ часъ тоски нѣмой,
Среди могильнаго молчанья,
Одинъ питая грусть мою,
Я вызываю всѣ воспоминанья,
Которыя отъ свѣта я таю.
Прости же мнѣ, когда хоть на мгновенье
Принадлежащую тебѣ
Мысль обращаю я къ толпѣ.
Когда въ душѣ своей скрывая ядъ мученья,
Я улыбаюся порой.
Не думай, чтобъ печаль моя была слабѣе,
Затѣмъ, что силюсь я казаться веселѣе,
Передъ бездушною толпой—
Нѣтъ, я хочу, предъ нею равнодушенъ,
Чтобъ ни единый вздохъ мой не былъ ей
подслушанъ,
Вздохъ, посылаемый къ тебѣ моей тоской.
И если на пирахъ мной чаша круговая
Порою выпита до дна,
Не думай, чтобъ я пилъ затѣмъ, чтобъ
грусть нѣмая
Была виномъ заглушена:
Чтобъ усыпить ее избытокъ
И безнадежныхъ думъ приливъ къ душѣ
моей—
Въ той чашѣ налитой напитокъ
Быть долженъ крѣпче и сильнѣй.
О! если бы она на мигъ одинъ затмила
Тоску въ душѣ и образъ твой въ мечтахъ,
Тогда, не дрогнувши бы, въ прахъ
Ее рука моя разбила!
И если бъ у меня ты въ сердцѣ не жила,
Какая бъ пустота въ немъ страшная была!
И кто бы твой почтилъ надгробный камень?
Пусть суждено тебѣ забвеніе людей,
Но я—я сохраню въ душѣ моей
Непогасимой страсти пламень.
Я знаю, такъ же бы ты сдѣлала, какъ тотъ,
О комъ ужъ безъ тебя никто, о другъ единый,
Въ безмолвный часъ его кручины
Слезы горячей не прольетъ!
Одна лишь ты ему была блаженствомъ
рая...
Увы! не долго мнѣ ты счастіемъ цвѣла:
Ты слишкомъ здѣсь небесною была,
Чтобъ чья-нибудь любовь земная
Твоей любви достойна быть могла.

Н. Грековъ.

РАЗБИТОЕ СЕРДОЛИКОВОЕ СЕРДЕЧКО.

Разбили, сердце, и тебя!..
Ничьи заботы не спасли...
Затѣмъ ли долго такъ любя
Тебя хранили, берегли?..
Но каждый твой осколокъ сталъ
Роднѣй и ближе для того,
Кто съ грустью самъ тебя назвалъ
Эмблемой сердца своего.

Г. Галина.

ПРИНЕСЪ Я ЦѢПЬ..

(Съ турецкаго).

Принесъ я цѣпь—уборъ красивый—
И лютню сладостную въ даръ;
Я вѣренъ былъ душой правдивой
И незаслуженъ былъ ударъ.

Въ подаркахъ этихъ чары были,
Чтобъ знать вдали, вѣрна-ль ты мнѣ;
Свой долгъ тѣ чары не забыли,
Но ты—забыла свой вполнѣ.

Держались крѣпко цѣпи звенья,
Пока не трогалъ ихъ чужой,
И лютня пѣла—до мгновенья,
Какъ взялъ ее соперникъ мой.

Въ чьихъ пальцахъ лютня онѣмѣла
И цѣпь распалася въ куски,—
Пусть снова цѣпь спаяетъ смѣло,
Натянетъ струны на колки.

Но все прошло! Не тѣ ужъ всѣ вы,
Измѣна все разбила въ прахъ!
Прощай-же, сердце лживой дѣвы,
Нѣмая лютня, цѣпь въ кускахъ!..

Н. Холодковскій.

Стихи, написанные на свободномъ листкѣ альбома «Радостей памяти».

Далекъ ли ты иль близокъ къ намъ,—
Всегда, мой другъ, твой даръ чудесенъ!
Такъ скажутъ всѣ, кто, какъ я самъ,
Пилъ медъ бесѣдъ твоихъ иль пѣсенъ.

Когда жъ придетъ ужасный срокъ,
Чья близость—вѣчная обида
Друзьямъ,—и „память“ слезъ потокъ
Прольетъ надъ гибелью друида,—

О, какъ признательно тогда
Она тебѣ спасибо скажетъ
За этотъ даръ, и навсегда
Свое съ твоимъ безсмертье свяжетъ!

Н. Холодковскій.

Адресъ, читанный на открытіи Дрюри-Лэнскаго театра, въ субботу 10 октября 1812 года.

Въ ночь скорбную узнали мы со страхомъ,
Что Драмы храмъ пожаромъ истребленъ;
Въ единый часъ онъ пепломъ сталъ и прахомъ,
Палъ храмъ Шекспира, свергнутъ Аполлонъ.

Вы, кто стоялъ предъ грозною картиной,
Которая своею красотой
Какъ будто издѣвалась надъ руиной,—
Кы видѣли сквозь красный дымъ густой,
Какъ высилась горящая громада
Межъ пламени, весь мракъ съ небесъ гоня,
Какъ дивный столпъ Израилева стада;
Вы видѣли, какъ этотъ столпъ огня
Игралъ своимъ кровавымъ отраженьемъ
Въ волнахъ дрожащихъ Темзы, а вокругъ
Толпились въ страхѣ тысячи, съ волненьемъ
Дрожа за кровъ свой, если пламя вдругъ
Взвивалось вверхъ и небеса пылали
Отъ этихъ молній, какъ отъ грозовыхъ,
Пока пожаръ свирѣпый не затихъ,
Пока зола и пепелъ не застлали
То мѣсто, гдѣ храмъ Музъ былъ, и одна
Лишь отъ него осталася стѣна!
Скажите же объ этомъ храмѣ новомъ,
Смѣнившемъ тотъ великолѣпный храмъ,
Красою бывшій нашимъ островамъ:
Найдетъ ли вновь Шекспиръ подъ этимъ кровомъ
Весь свой почетъ, какъ прежде много разъ,
Достойный вмѣстѣ и его, и васъ?

Да, будетъ такъ! Въ томъ имени есть чары,
Чья власть сильнѣй, чѣмъ время и пожары!
Онѣ велятъ, чтобъ сцена ожила:
Да *будетъ* Драма, гдѣ она *была!*
И зданье это, пышно и громадно,
Здѣсь вознеслось. Скажите жъ: какъ отрадно!

О, пусть храмъ новый славою своей
Напомнитъ намъ всю славу прежнихъ дней!
Пусть будемъ мы гордиться именами
Еще славнѣй, чѣмъ были въ прежнемъ храмѣ!
Здѣсь наша Сиддонсъ дивною игрой
Сердца людей, волнуя, потрясала;
Здѣсь Гаррикъ, Дрюри нашего герой,
Пожалъ, какъ Росціи, при восторгахъ зала,

Послѣдніе изъ лавровъ: здѣсь онъ васъ
Благодарилъ въ слезахъ въ послѣдній разъ.
Но дайте же вѣнцы и новымъ силамъ,
Не отдавайте ихъ однѣмъ могиламъ,
Гдѣ лишь безплодно вянутъ ихъ цвѣты!
Ихъ требуетъ, какъ требовалъ и прежде,
Нашъ Дрюри: дайте жъ вновь расцвѣсть надеждѣ,
Ожить служенью Музъ и красоты!
Вѣнецъ Менандру новому вручите,
Не мертвецовъ однихъ лишь праздно чтите!

Прекрасенъ былъ дней славныхъ ореолъ,
Оставившій намъ гордыя преданья,
Когда еще нашъ Гаррикъ не ушелъ
И Бринсли намъ дарилъ свои созданья!
Мы, новые, гордимся славой ихъ,—
Тѣ такъ же предковъ славили своихъ;
И, если Память вызвала предъ нами,
Какъ Банко, тѣни царственныя въ рядъ,
И въ зеркало мы смотримъ, съ именами
Безсмертными, какія въ немъ царятъ,—
Помедлите жъ съ упрекомъ младшимъ братьямъ,
Подумайте, какъ трудно подражать имъ!

Друзья театра! Вы, предъ кѣмъ должны
Испрашивать похвалъ иль снисхожденья
И пьесы, и актеры! Одобренья
Иль казни властью вы облечены,
Лишь вы одни! И если путь ко славѣ
Порой сводился къ суетной забавѣ
И намъ краснѣть случалось отъ стыда
За то, что вы терпѣли иногда,
И если сцена, падая, не смѣла
Дурному вкусу положить предѣла,—
То пожелаемъ, чтобъ такой упрекъ
Никто отнынѣ бросить намъ не могъ
Не безъ причинъ пятнавшій нашу славу.
Чтобъ тотъ укоръ теперь умолкъ по праву!
О, если рокъ вамъ судъ надъ Драмой далъ,—
Не нужно намъ обманчивыхъ похвалъ,
И пусть актеръ вновь гордымъ быть съумѣетъ
И разумъ снова сценой завладѣетъ!
Прологъ оконченъ; Драма свой почетъ—
Обычая такъ повелѣла сила—
Отъ своего герольда получила;
Теперь онъ вамъ привѣтъ отъ сердца шлетъ;
Хотѣлось бы поэту, чтобъ и вами
Онъ принятъ былъ съ открытыми сердцами.
Вотъ занавѣсъ взвивается за мной;
Достоинъ будь же, Дрюри нашъ родной,
И прежнихъ дней, и своего народа!
Британцы—наши судьи, вождь—Природа;
Себя мы льстимъ надеждой угодить,
А вамъ желаемъ долго здѣсь судить.

Н. Холодковскій.

Адресъ со скобками, доктора Плагіатора.

Наполовину выкраденъ, съ соотвѣтствующими указаніями; предназначается для прочтенія, непонятнымъ голосомъ, мастеромъ — -- при открытіи слѣдующаго новаго театра. Украденныя мѣста отмѣчены ковычками.

„Когда намъ цѣль энергію внушитъ",—
То Богъ вѣсть кто Богъ знаетъ что строчитъ.
„Предъ вами скромный монологъ въ стихахъ",—
Освистанный на сценѣ здѣсь „на дняхъ".
Не сэръ ли Фрэтфуль „сонный" тотъ куплетъ
Писалъ, и сыну далъ читать свой „бредъ"?
„Но этому вашъ не дивился бъ умъ",—
Знай вы, какой нашъ авторъ поднялъ шумъ.
„Вы подавить улыбку бъ не могли",—
Когда бъ стихи нелѣпые прочли.
„Огонь! Пожаръ! Огонь!" Не слишкомъ новъ
Тотъ стихъ: Лукрецій авторъ этихъ словъ.
„Ужасныя метафоры, чья цѣль—
Раскрыть намъ раны",—точно фонтанель.
„Проснулась снова скорбь—и—прочь отъ ней!"
(Что жъ изъ того! Не знаю, хоть убей).
„Но зри: надежда машетъ вновь крыломъ"
И мистеръ Г. читаетъ намъ о томъ,
О чемъ намъ докторъ Бесби сладко пѣлъ.
„Но, допустивъ сравненье малыхъ дѣлъ
Съ великими" (извѣстно это намъ,
Какъ переводъ грамматики для дамъ),—
Вотъ въ драмѣ „духъ побѣдный на яву
Тріумфъ свой правитъ" и—увы—Москву,
Какъ бочку „дегтя", сожигаетъ онъ.
„Въ Испаніи явилъ намъ Веллингтонъ
Тотъ духъ", и этимъ онъ доставилъ намъ
Для Дрюри-Лэна много мелодрамъ.
„Второй Мальбругъ Блэнгейма воскресилъ",—
А я и Джорданъ не пожалѣемъ силъ,
Чтобъ это въ драму превратить для васъ.
„Всегда цвѣли на островѣ у насъ
Искусства и науки". Чуръ меня:
Открытье это первый сдѣлалъ я!
„Британская поэзія! Твой духъ
Такъ вдохновилъ меня"... Одно изъ двухъ:
Иль я дуракъ, иль слава страшно лжетъ.
„Тебя весь хоръ родныхъ искусствъ зоветъ",—
„Улыбки", „лиры", „кисти", то и се,
Ну, словомъ, что придумать можно,—все;
И если такъ мы Грацій призовемъ,
То граціи немного будетъ въ томъ.
„Вы, три сестры, исполненныя чаръ,
У Купидона тотъ похитивъ даръ"
(Что я хочу сказать, легко пойметъ,
Конечно, всякій, кто не идіотъ),—
„Вашъ стройный хоръ"—заботъ моихъ предметъ,
Чтобъ произвесть „божественный секстетъ",—
„Поэзія", тѣхъ нѣжныхъ нимфъ семью
Прославивъ, въ „высшихъ" ложахъ „роль свою
Играетъ": какъ воздушный нѣкій шаръ,
Туда вознесъ ихъ пѣсенъ Бесби жаръ.
„Сіяйте въ фарсахъ, въ пьесахъ въ блескѣ силъ!"
(За этотъ стихъ Джорджъ праздникъ получилъ)
„Нашъ новый Дрюри выше воспарилъ";
Такъ режиссеръ сказалъ,—я повторилъ.
„Вы скажете, что это хвастовство";
Не о поэмѣ ль рѣчь, что у него
Пропала? „Правда, правда: вамъ дано
Умѣрить гордость авторскую!" Но—
Въ газетахъ напечатанъ тотъ памфлетъ,
Который осмѣяли вы. „Поэтъ
Отъ васъ однихъ лишь можетъ ждать наградъ",—
Цѣною въ двадцать гиней, говорятъ.
„Награда ваша дорога вдвойнѣ",—
Хотѣлъ бы я, ее чтобъ дали мнѣ!
„Двойное чувство отъ двойныхъ причинъ":
Успѣха жаждемъ оба,—я и сынъ.
„И если лучъ вашъ лаской намъ блеснетъ",—
Увидимъ мы, великъ ли нашъ доходъ.

Н. Холодковскій.

Стихи, найденные въ бесѣдкѣ, въ Хэльсъ-Оуэнѣ.

Изображенный Драйденомъ дуракъ
Все время лишь свисталъ, за неимѣньемъ
Серьезныхъ мыслей. Если это такъ,—
Вины его полнѣйшимъ извиненьемъ
Была его невинность. Въ наши дни,
Когда бъ иные молодцы имѣли
Кимоновы таланты и умѣли
Досугъ свой тратить, какъ Кимонъ,—они
Оставили бъ нелѣпыя затѣи,
Не портили бъ прекрасныя аллеи
И пошлостью позорною своей
Краснѣть не заставляли бы гостей.
Судьба глупцовъ новѣйшихъ незавидна:
Гдѣ ни пройдутъ они,—вездѣ постыдно
Оставятъ вздоръ и гадость за собой.
Такъ отъ рептилій гадкихъ, мерзкихъ взору,
Когда ползутъ по бѣлому забору,
Слѣдъ остается грязной полосой.

Н. Холодновскій.

ЧТОБЪ ПОМНИЛЪ, ПОМНИЛЪ Я ТЕБЯ.

Чтобъ помнилъ, помнилъ я тебя!
Пусть стыдъ и совѣсть до кончины,
Какъ сна ужаснаго картины,
Тебя преслѣдуютъ, губя!

Чтобъ помнилъ я тебя? О, да!
Тебя и мужъ твой помнитъ, вѣрно;
Предъ нимъ была ты лицемѣрна,
А мнѣ—злой духъ была всегда!

Н. Холодковскій.

КО ВРЕМЕНИ.

О время! Вольный твой полетъ
Влачитъ иль мчитъ за часомъ часъ,—
Весна ль летитъ, зима ль ползетъ,—
Влечетъ иль гонитъ къ смерти насъ.

Привѣтъ тебѣ! Свои дары
Съ рожденья ты вручило мнѣ;
Нести ихъ легче съ той поры,
Какъ ихъ несу наединѣ.

Я бъ не хотѣлъ, чтобъ скорбь мою
Сердца друзей дѣлить могли;
Я радъ, что всѣ кого люблю,
Покой иль небо обрѣли.

Имъ миръ иль радость; а меня
Терзать ты не имѣешь силъ;
Тебѣ лишь годы должен ъ я
И долгъ страданьемъ заплатилъ.

И въ скорби слѣдъ утѣхи скрытъ:
Съ ней власть твоя слабѣй была;
Страданій трудъ часы намъ длитъ,
Но не считаетъ ихъ числа.

Въ минуты счастья я вздыхалъ,
Боясь, что вновь продлишь мой срокъ;
Твой мракъ мнѣ радость застилалъ,
Но горя тьму сгустить не могъ.

Какъ твой ни мраченъ небосклонъ,
Моей души онъ не мрачнѣй;
Одной звѣздой украшенъ онъ:
Что не дано намъ вѣчныхъ дней.

Исчезни этотъ лучъ,—и ты—
Пустая вещь, дней скучный счетъ,
Смѣсь пустяковъ и суеты,
Всѣмъ бремя, всѣмъ примѣръ заботъ.

Одно лишь вѣрно: твой полетъ,
Твой тихій ходъ—имѣетъ срокъ;
Всѣхъ вихрь умчитъ, кто въ путь бредетъ,
И будетъ вѣчный сонъ глубокъ.

И вотъ съ улыбкой мыслю я,
Какъ будетъ гнѣвъ безсиленъ твой,
Когда вся злость и месть твоя
Постигнетъ камень лишь нѣмой.

Н. Холодковскій.

НЕ ЛЖИВА ТЫ, НО НЕВѢРНА.

Не лжива ты, но невѣрна
Тому, кого сама избрала;
Но тѣмъ то мука и страшна
И тѣмъ больнѣй печали жало;
Любовный пылъ въ тебѣ великъ,
Но ты разлюбишь въ тотъ же мигъ.

Обманщикъ гадокъ, ложь презрѣнна,
Обиденъ намъ обмана ядъ;
Но та, чье сердце откровенно,
Чьей страсти пылъ правдивъ и святъ,—
Когда она измѣнитъ явно,—
Поймешь, что понялъ я недавно.

Кто жилъ и былъ хоть разъ влюбленъ,—
Отъ сладкихъ словъ къ печальной яви
Переходилъ и, отрезвленъ,
Свою мечту бранить былъ вправѣ:
Прогрезивъ счастья краткій срокъ,
Затѣмъ вдвойнѣ онъ одинокъ.

Что жъ долженъ чувствовать, кто вѣрно
И непритворно былъ любимъ,
Хоть коротка и эфемерна,
Любовь, какъ сонъ, прошла предъ нимъ?
Сочтетъ онъ горе бредомъ ложнымъ,
Твою жъ измѣну—сномъ ничтожнымъ!

Н. Холодковскій.

НА ВОПРОСЪ О НАЧАЛѢ ЛЮБВИ.

„Любви начало гдѣ?“ Жестоко
Мнѣ задавать такой вопросъ!
Едва тебя завидитъ око,—
Оно любовью ужъ зажглось.

Но гдѣ *конецъ* любви таится?
Отвѣчу, глубь души раскрывъ:
Ей суждено страдать, томиться,
Но жить во мнѣ, пока я живъ.

Н. Холодковскій.

ПО ПОВОДУ ЦИТАТЫ.

«Я буду вѣкъ тебѣ вѣрна,
Хотя бъ навѣкъ разлучена».

Ты мнѣ вѣрна навѣкъ? Конечно!
Недѣлю,—вѣрить я готовъ!
И мнѣ ль не знать, какъ любятъ вѣчно?
Я ждалъ фальшивыхъ этихъ словъ.
Съ тобой сошлись мы безъ порыва
И безъ разрыва разошлись;
Я видѣлъ, какъ была ты лжива,—
Но не тоскую.—не хвались!

Одинъ ушелъ,—другой на смѣну,
Кто жъ обвинитъ тебя? Никто!
И, пусть бранятъ твою измѣну,—
Свой вкусъ явила ты зато.
Я молодъ былъ, а онъ—моложе;
Я былъ знакомъ, онъ—новичекъ;
И, что всего въ любви дороже,
Онъ близокъ былъ, а я—далекъ.

Ужели мало, въ самомъ дѣлѣ,
Семь дней въ тоскѣ пробыть одной?
Но вотъ, промчатся двѣ недѣли,—
Другой послѣдуетъ за мной.
И если такъ мѣняютъ дамы
Свою любовь въ недѣлю разъ,—
То подождемъ хоть годъ иль два мы,—
И полкъ составится изъ насъ.

Прощай, красавица! Безъ брани
Скажу́ приличное „прости“;
Не обманувшись, вѣкъ въ обманѣ
Тебѣ желаю я цвѣсти.
Лови жъ, любовь его лелѣя,
Минуты радостныхъ усладъ!
Пусть любитъ онъ тебя вѣрнѣе,
Чѣмъ ты меня,—я буду радъ.

Н. Холодковскій.

О, помни, другъ, того, кто страстью.

О, помни, другъ, того, кто страстью
Испытанъ тяжко, тщетно былъ,
И грозный часъ, подъ чьею властью
Никто не палъ, хоть и любилъ!

Все намъ блаженство такъ сулило:
Вздымалась грудь и взоръ твой млѣлъ;
Но ты страдала, ты молила,—
И свой порывъ я одолѣлъ.

Пусть вижу я, чего лишился,
Твою чтобъ совѣсть оградить,
Стыжусь тоски, съ какой рѣшился
Страданій годы отвратить;

Но помни это, если вторить
Начнутъ другъ другу клеветой
Мои враги, чтобъ опозорить
Того, кто сердцемъ былъ весь твой!

Пусть лгутъ! Твои узнали очи,
Какъ поборолъ я страсть свою;
Я и теперь—одинъ, средь ночи—
Лишь чистый образъ твой люблю.

Увы! Сойдись мы въ тѣ мгновенья,
Какъ рокъ цѣпей не наложилъ,—
Любила бъ ты безъ преступленья,
А я бъ тебя достойнѣй былъ!

Живи же вновь вдали отъ свѣта,
Уединенье возлюбя,
И пусть, другъ милый, горе это
Послѣднимъ будетъ для тебя!

Съ разбитымъ сердцемъ въ свѣтѣ шумномъ
Сердца другихъ разбила бъ ты,
А наглецамъ его безумнымъ
Внушила бъ грѣшныя мечты.

Оставь же свѣтъ другимъ, кто слѣпо
Со скорбью смѣхъ смѣшать могли бъ,—
Такимъ, какъ я... Бѣги вертепа,
Гдѣ тотъ, кто чувствуетъ—погибъ!

Мой другъ, дитя уединенья,
Чиста, нѣжна, свята, какъ храмъ,—
Здѣсь испытала ты волненья,—
Пойми жъ, дитя, что было бъ *тамъ!*

Прости слезу сердечной боли,—
Ее не даромъ вызвалъ я
Изъ милыхъ глазъ; но слезъ ты болѣ
Не будешь лить изъ-за меня.

Хоть тяжело мнѣ знать, что вѣчно
Мы не увидимся съ тобой,—
Но заслужилъ я казнь, конечно;
Почти хвалю я жребій мой.

Люби тебя я съ меньшей силой,—
Не приносилъ бы жертвъ я тѣхъ;
Я бъ легче снесъ разрывъ постылый,
Будь ты моя—чрезъ тяжкій грѣхъ.

Н. Холодковскій.

СОНЕТЫ КЪ ДЖЕНЕВРѢ.

I.

Лазурь твоихъ очей, кудрей волна,
Мечтательная блѣдность,—знакъ томленья,—
И нѣжность, тихой грусти выраженья,—
Но безъ ея отчаянья,—полна,—

Вся грустью такъ ты запечатлѣна,
Что, если бъ я не зналъ, какъ безъ сравненья
Безгрѣшна ты,—я бъ могъ держаться мнѣнья,
Что тяжкой карѣ ты обречена.

Такимъ явился обликъ Магдалины,
Когда его кисть Гвидо создала;
Но сколь ты выше! Нѣтъ тебѣ причины
Къ раскаянью: ты ввѣкъ чужда была
Всего, что бъ могъ карать ударъ Судьбины,
Что бъ Добродѣтель осудить могла!

II.

Ты такъ блѣдна отъ думъ, не отъ печали;
Но блѣдность щекъ твоихъ мнѣ столь мила,
Что, если бъ вдругъ ихъ краска залила,—
Я бъ пожелалъ, что бъ розы бѣлы стали.

Въ очахъ твоихъ не хладный блескъ встрѣчали
Мои глаза: нѣтъ, ты смягчить смогла
Мой взоръ, въ немъ нѣжность матери зажгла
И радугой въ немъ слезы заблистали.

Сквозь темныя рѣсницы милыхъ глазъ
Намъ внизъ сіяетъ кротость сожалѣнья;
Такъ серафимъ съ небесъ, жалѣя насъ,
Глядитъ, хоть самъ не вѣдаетъ мученья;
Въ тебѣ съ величьемъ кротость такъ слилась
Что полнъ любви я, полнъ благоговѣнья.

Н. Холодковскій.

ЭКСПРОМПТЪ ВЪ ОТВѢТЪ ДРУГУ.

Когда изъ глубины души моей больной
  Печаль появится во взорѣ—
Не бойся за меня, безцѣнный ангелъ мой,
  Не спрашивай меня о горѣ.
Мои страданія имѣютъ свой пріютъ,
  Свое обычное жилище—
И скоро съ моего лица они сойдутъ
  Въ безмолвное души моей кладбище.

С. Дуровъ.

ПОДРАЖАНІЕ ПОРТУГАЛЬСКОМУ.

„Tu mi chamas".

Въ кипѣньи нѣжности сердечной
Ты „жизнью" друга назвала:
Привѣтъ безцѣнный, еслибъ вѣчно
Живая молодость цвѣла.
Къ могилѣ все летитъ стрѣлою;
И ты, меня лаская вновь,
Зови не „жизнью", а „душою",
Безсмертной, какъ моя любовь.

Иванъ Козловъ.

ГЯУРЪ.

Отрывокъ изъ турецкой повѣсти.

ЛЕИЛА.

Переводъ С. А. ИЛЬИНА.

съ предисловіемъ

Проф. Ѳ. Ф. ЗѢЛИНСКАГО.

ГЯУРЪ.

I.

Байрона, въ противоположность Гете, называли „поэтомъ личности"; обозначеніе это правильно, хотя и не въ смыслѣ контраста съ великимъ нѣмецкимъ поэтомъ. Но развитіе и идеализація личности возможны въ двоякомъ смыслѣ; выражаясь символически, мы можемъ отличать личность-пальму отъ личности-дуба. Въ первомъ случаѣ человѣкъ весь отдаетъ себя служенію одной цѣли, одной идеѣ; всѣ его жизненные соки направлены къ тому, чтобы питать и ростить этотъ единственный его побѣгъ; пусть необходимость или случайность скоситъ этотъ побѣгъ—и человѣкъ гибнетъ, какъ гибнетъ пальма, верхушка которой оторвана бурей. Развитіе такой личности до крайнихъ, возможныхъ для человѣка предѣловъ даетъ людей съ *героическимъ* характеромъ; ея же идеализація далѣе этихъ предѣловъ превращаетъ героическую личность въ *демоническую*. Во второмъ случаѣ человѣкъ старается гармонически сочетать въ себѣ всѣ зиждительныя силы человѣка какъ такового, стремится къ тому, чтобы, говоря словами Теренція, „ничто человѣческое ему не оставалось чуждымъ"; онъ много воспринимаетъ, много творитъ, много терпитъ неудачъ—но ни одна изъ нихъ его не погубитъ, какъ не погубитъ дуба тотъ вѣтеръ, который отломитъ одинъ его сукъ. Предѣльную точку развитія такого характера въ человѣческой средѣ и обстановкѣ, знаменуетъ собой законченно — *гуманная* личность; ея же идеализація далѣе этого предѣла—*идеализація*, въ силу которой человѣкъ вмѣщаетъ въ себѣ человѣчество, говоря вмѣстѣ съ Фаустомъ: „то, что всему человѣчеству уготовано, я желаю объять одной своей личностью"—даетъ человѣка-*титана*.

Демонизмъ и титанизмъ, такимъ образомъ, въ сферѣ идеаловъ—два противоположныхъ другъ другу предѣла въ развитіи личности. И каждая развивающаяся личность носитъ въ себѣ одинъ изъ этихъ двухъ идеаловъ; носитъ обязательно, такъ какъ ея идеалъ—не что иное какъ предвареніе мыслью конечной, хотя и недостижимой въ дѣйствительности цѣли ея развитія. Но тѣ принципы, которые въ теоріи представляются противоположностями, въ исторіи нерѣдко бываютъ послѣдовательными ступенями эволюціи.

Для Байрона, какъ и для Гете, титанизмъ былъ заранѣе намѣченнымъ поэтическимъ идеаломъ. Его воспріемникомъ, если можно такъ выразиться, былъ „Прометей" Эсхила; его онъ трижды прочелъ еще въ Гарроуской гимназіи; ему онъ, по собственному позднѣйшему признанію, былъ обязанъ концепціей своихъ поэтическихъ характеровъ, начиная уже съ „Гяура". Но Прометей для насъ — представитель двухъ началъ, примиреніе которыхъ въ высшемъ единствѣ является самой заманчивой задачей поэта-мыслителя; съ одной стороны это — духъ возмущенія, съ другой—всевѣдущій и всеобъемлющій геній-руководитель страждущаго человѣчества. Своимъ первымъ началомъ онъ близокъ къ демонизму; но оно лишь переходная ступень ко второму. Таковымъ было оно и въ развитіи Байрона. И для Байрона демонизмъ былъ переходной ступенью къ титанизму; къ послѣднему онъ приблизился лишь къ концу своей жизни, въ „Каинѣ" (въ которомъ „огненосецъ" греческой саги превратился въ „свѣтоносца" (Luci-fer) эллинизованной еврейской легенды) и въ „Донъ-Жуанѣ". Не забудемъ, что безвременная смерть унесла Байрона въ самомъ цвѣтущемъ періодѣ его поэтической дѣятельности. Да, смерть, этотъ

великій абсурдъ, отняла у насъ Байрона-титана; отсюда то жестокое несоотвѣтствіе между обоими періодами его творчества, въ силу котораго мы преимущественно представляемъ его себѣ, какъ поэта демонической личности.

„Гяуромъ" открывается рядъ демоническихъ характеровъ нашего поэта; здѣсь впервые, послѣ неопредѣленныхъ и безотчетныхъ чаяній его страстнаго пилигрима Чайльдъ-Гарольда, томящее его смутное чувство вылилось въ опредѣленный образъ. Его онъ еще нѣсколько разъ варіировалъ въ слѣдующихъ поэмахъ: Селимъ, Корсаръ съ Ларой, Альпъ, Мазепа—все это отдѣльныя ступени въ развитіи одного и того-же человѣка-демона вплоть до его самаго могучаго и полнаго воплощенія въ Манфредѣ. Но, странное дѣло! Создавая одного за другимъ своихъ демоновъ, поэтъ какъ бы сознавалъ, что это—только временныя, преходящія творенія, и надъ нимъ все время витала его кормчая звѣзда—Прометей. Между Альпомъ и Мазепой стоитъ Шильонскій узникъ; это первое появленіе въ байроновской поэзіи титана... да, но только титана страждущаго. Все же и эта временная концепція его настолько удовлетворила, что онъ послалъ ей въ слѣдъ свой гимнъ къ Прометею. Да и въ „Гяурѣ" чувствуется тяготѣніе титана; но чтобы это выяснить, мы должны подойти къ нашей поэмѣ еще съ другой стороны.

2.

Дѣйствіе „Гяура" происходитъ въ Греціи—подъ Аѳинами, въ ущельяхъ Парнасса и (вѣроятно) въ Корфу; въ Грецію же переноситъ насъ и „Корсаръ", и „Осада Коринѳа", да въ сущности и „Абидосская невѣста". Все это—филеллинскія поэмы. Тѣмъ же филеллинизмомъ проникнуты и довольно крупные пассажи въ Чайльдъ-Гарольдѣ" и въ „Донъ-Жуанѣ". Какъ объяснить это явленіе?

Скажутъ: путешествіемъ, предпринятымъ нашимъ поэтомъ въ 1810 и слѣдующихъ годахъ; путешествіемъ, заведшимъ его именно въ Грецію. Безъ сомнѣнія; личныя воспоминанія слышатся тутъ на каждомъ шагу. Но мы вправѣ спросить далѣе: почему же это путешествіе завело его именно въ Грецію и въ греческую Азію? Всякій русскій читатель, читающій Байрона параллельно съ Пушкинымъ и Лермонтовымъ, скажетъ, что для „Гяура" и „Корсара" греческая обстановка имѣетъ такое же значеніе, какое имѣетъ кавказская или крымская для „Кавказскаго плѣнника" и „Бахчисарайскаго фонтана", для „Демона" и „Мцыри". Чего же искали эти столь родственные душою поэты въ этихъ столь чуждыхъ имъ странахъ? Отвѣчаемъ: *природы*—но въ томъ особомъ, таинственномъ значеніи, въ какомъ понимала это слово неогуманистическая эпоха.

Кличъ „къ природѣ!" и требованіе природной поэзіи были характернымъ явленіемъ уже въ Англіи 18 вѣка; оно нашло себѣ могучаго союзника въ воскресшемъ интересѣ къ античности, съ тѣхъ поръ какъ Вудъ (Wood) въ 1769 г. указалъ на Гомера какъ на перваго и въ то же время самаго совершеннаго „поэта-природника". Книга Вуда, нынѣ забытая, имѣла тогда огромный успѣхъ, главнымъ образомъ потому, что ея авторъ лично посѣтилъ Грецію и Іонію и съ жаромъ энтузіаста разсказалъ своимъ соотечественникамъ о красотахъ этихъ несчастныхъ, порабощенныхъ турками странъ. По счастливому стеченію обстоятельствъ, появленіе книги Вуда почти что совпало съ возстаніемъ Греціи, начавшимся подъ эгидой Екатерины и столь варварски подавленнымъ турками послѣ ухода русскихъ войскъ—тѣмъ самымъ, къ которому пріурочено и дѣйствіе нашей поэмы; такъ то понятія „природа", „красота", „свобода" слились въ одной общей идеѣ—идеѣ филеллинизма; благодаря расцвѣтшей именно тогда англійской филологіи, эта идея, неразрывно соединенная съ изученіемъ греческой античности, проникла и въ школы (не забудемъ, что до начала 19 в. Англіи принадлежало первенство въ филологической эллинистикѣ); однимъ изъ послѣднихъ отпрысковъ англійскаго филологическаго дерева былъ скромный м-ръ Друри, учитель Байрона, долго жившій въ благодарной памяти своего ученика.

Возникшій такимъ образомъ и питаемый самыми живыми соками современной культуры, филеллинизмъ былъ, однако, не узкогреческой, а міровой идеей: онъ опредѣлялъ отношеніе человѣка не только къ Греціи и Турціи, но ко всѣмъ великимъ и малымъ движеніямъ, предметомъ которыхъ была попираемая свобода—и къ возстанію Америки, и къ французской революціи, и даже къ эманципаціи ирландцевъ. Особенно это относится къ англійскому филеллинизму вплоть до послѣдняго великаго его пред-

ставителя—Гладстона. И вотъ причина, почему этотъ филеллинизмъ дѣйствительно наполнялъ собою умственную жизнь благороднѣйшихъ людей той эпохи; вотъ также причина, почему вдохновенные приверженцы идеи міровой свободы такъ тяготѣли къ порабощенной и жаждавшей свободы Греціи. Къ нимъ принадлежалъ и Байронъ; неудивительно, что его „паломничество" въ десятыхъ годахъ завело его въ Грецію. Но въ одномъ филеллинѣ Байронъ сильно отличался отъ большинства филеллиновъ своей эпохи—это было его отношеніе къ *дѣйствительности* того народа, который былъ носителемъ великихъ воспоминаній и завѣтовъ прошлаго и сосудомъ идеи міровой свободы. Тѣ или не видѣли этой дѣйствительности, или, видя, разочаровывались въ своихъ идеалахъ; Байронъ, напротивъ, въ общеніи съ ней черпалъ ту силу, которая должна была создать со временемъ его титана. Такимъ же забитымъ, презрѣннымъ, погруженнымъ въ дрязги мелочной житейской суеты былъ и весь человѣческій родъ, когда къ нему снизошелъ Прометей; такъ и греческій народъ теперь ждетъ своего Прометея. Байронъ чувствовалъ въ себѣ достаточно зародышей духовной мощи, чтобы стать имъ... но современемъ; теперь, въ 1813 г., титанъ въ немъ еще не успѣлъ окрѣпнуть, его силъ хватало только для демона. Онъ въ немногихъ словахъ шлетъ привѣтъ человѣку-титану, спасшему нѣкогда—увы, напрасно!—свой народъ отъ рабства; но его герой—еще не онъ, не Ѳемистоклъ. Съ грустью отказывается поэтъ отъ задуманной титанической пѣсни; внезапно прерывая ходъ своихъ мыслей и чувствъ, онъ начинаетъ свою повѣсть о гяурѣ.

3.

Повѣсть эта отрывочна, загадочна; рядъ видѣній мелькаетъ передъ глазами читателя, но врядъ ли кто либо, послѣ перваго бѣглаго чтенія, съумѣетъ дать себѣ отчетъ въ томъ, что собственно поэтомъ разсказано. И нѣтъ сомнѣнія, что въ этой загадочности заключается добрая часть прелести этой чисто романтической поэмы,—прелести, которую анализъ можетъ только разрушить. Любителю таинственнаго полумрака, можетъ быть лучше будетъ оставить эту главу непрочитанной; все же долгъ толкователя—выяснить то, что поддается выясненію.

По словамъ самого поэта, дѣйствіе поэмы пріурочено къ тому времени, когда „Семь острововъ (т. е. Корфу, Занте и др.) принадлежали венеціанской республикѣ, и вскорѣ послѣ того, какъ арнауты были прогнаны изъ Мореи, которую они опустошали впродолженіе довольно значительнаго времени, послѣдовавшаго за русской оккупаціей". Эта оккупація состоялась, какъ извѣстно, въ 1770 г., когда русскій десантъ подъ начальствомъ гр. Алексѣя Орлова высадился на берегу Лаконики и, призвавъ грековъ къ возстанію, занялъ нѣсколько городовъ Мореи. Къ сожалѣнію, самыя смѣлыя изъ греческихъ вольницъ—маиноты (жители такъ наз. Маины, т. е. южной Лаконики) руководились гораздо болѣе жаждой добычи, чѣмъ патріотизмомъ, и быстро разочаровались въ своихъ вожделѣніяхъ; оставленный ими Орловъ не могъ удержаться противъ посланныхъ султаномъ арнаутовъ (албанцевъ) и снова сѣлъ на корабли, оставляя Морею во власти свирѣпыхъ враговъ. Девять лѣтъ безчинствовали арнауты въ беззащитной странѣ, отказывая въ повиновеніи султану; наконецъ, въ 1779 г. противъ нихъ двинулся Гассанъ-паша и нанесъ имъ при Триполицѣ пораженіе, которое положило предѣлъ ихъ разбоямъ.

Очень вѣроятно, что этотъ Гассанъ-паша далъ свое имя второму герою нашей поэмы,—считать его самого этимъ героемъ рискованно, такъ какъ поэтъ своего Гассана нигдѣ пашей не называетъ. Во всякомъ случаѣ это былъ важный турецкій сановникъ, жившій въ аѳинской гавани Порто-Леоне (въ древности и нынѣ: Пирей). Одной изъ его женъ—и притомъ любимой—была черкешенка Леила; ее то полюбилъ и обольстилъ главный безыменный герой поэмы, называемый въ ней просто „гяуромъ". По національности онъ—согласно вступительнымъ словамъ поэта—былъ венеціанцемъ: изъ вышеприведеннаго же продолженія „въ то время, когда семь острововъ принадлежали венеціанской республикѣ" можно вывести заключеніе, что онъ, проведя молодость въ Венеціи (гдѣ у него остался другъ, см. его исповѣдь), поселился въ Корфу и отсюда вступилъ въ сношенія съ арнаутами, которые такъ пригодились ему впослѣдствіи.

Какимъ образомъ гяуръ познакомился съ Леилой—этого поэтъ не говоритъ; самый мотивъ у него повторяется въ „Корсарѣ", гдѣ Гассану довольно точно соотвѣтствуетъ

Сеидъ-Паша, Леилѣ—Гюльнара, а гяуру—Конрадъ *). Какъ бы то ни было, влюбленные насладились полнымъ счастьемъ, и Леила рѣшила послѣдовать за своимъ избранникомъ. Временемъ побѣга былъ назначенъ канунъ Байрама: воспользовавшись отсутствіемъ Гассана, которому слѣдовало отправиться въ мечеть, Леила должна была оставить гаремъ и, переодѣвшись „грузинскимъ пажемъ", встрѣтить гяура, чтобы затѣмъ съ нимъ вмѣстѣ умчаться на его конѣ... Все это поэтъ искусно намъ сообщаетъ въ отр. 9.

Но подозрительный Гассанъ предупредилъ исполненіе этого плана; когда гяуръ въ условленный часъ пріѣхалъ за своей возлюбленной (отр. 4), онъ ее увидѣлъ,—да, но увидѣлъ также и Гассана и его нубійцевъ, которые по приказанію своего господина схватили Леилу на глазахъ ея милаго (на эту встрѣчу намекается въ отр. 14). Въ безсильной злобѣ гяуръ бѣжалъ; Леила же подверглась обычной участи невѣрныхъ женъ—ее зашили въ мѣшокъ и бросили въ море (отр. 5 и 6). Все же Гассанъ не сразу забылъ свою фаворитку; его гаремъ ему опостылѣлъ, онъ долгое время пытался заглушить свое горе непривычными для него утѣхами охоты (отр. 9); наконецъ, онъ рѣшилъ покончить съ прошлымъ и замѣнить покойную новой красавицей (отр. 11).

Тѣмъ временемъ гяуръ жилъ для одной только мести; сталъ ли онъ ради нея ренегатомъ, какъ это предполагаетъ Гассанъ (отр. 14) и позднѣе монахъ (отр. 20),—сказать трудно: поэтъ оставилъ этотъ мотивъ здѣсь подъ сомнѣніемъ и зато разработалъ его подробно въ Осадѣ „Коринѳа". Во всякомъ случаѣ мы вторично встрѣчаемъ его атаманомъ разбойничьей шайки арнаутовъ—быть можетъ изъ тѣхъ, которые спаслись бѣгствомъ послѣ триполицкаго разгрома. Долго поджидалъ онъ своего врага; наконецъ, поѣздка Гассана за невѣстой дала ему возможность исполнить свое намѣреніе. Путь Гассана лежалъ черезъ ущелье Парнаса (нынѣ Ліакуры, отр. 13 **); тутъ его встрѣтилъ гяуръ со своей шайкой. Месть удалась; всѣ пали отъ пуль и кинжаловъ арнаутовъ, одинъ только старый татаринъ былъ нарочно оставленъ въ живыхъ, чтобы отвезти матери Гассана окровавленную голову ея сына (отр. 17).

Опустѣлъ домъ Гассана послѣ его смерти (отр. 4, конецъ); но и въ сердцѣ гяура водворилась пустота. Свою шайку онъ распустилъ; послѣ нѣсколькихъ лѣтъ безцѣльныхъ скитаній онъ вернулся въ Корфу *) и поступилъ монахомъ въ Францисканскій монастырь (отр. 20). Тамъ онъ провелъ остатокъ своей жизни, чуждаясь прочей братьи, кромѣ одного игумена—что дало монахамъ поводъ предположить, что онъ его подкупилъ. Онъ же, повидимому, принялъ и его исповѣдь наканунѣ его смерти (отр. 23).

4.

Таково содержаніе „Гяура"; но какъ ведетъ поэтъ свой разсказъ?

Онъ назвалъ свое произведеніе „отрывкомъ изъ турецкой повѣсти"; этимъ оправдывается его дѣйствительно фрагментарный характеръ. Но почему же „турецкой", когда главные герои не турки, а дѣйствіе происходитъ въ Греціи? Потому, что поэтъ говоритъ не отъ своего лица; тотъ „я", который, какъ очевидецъ, разсказываетъ о происшедшемъ—турокъ. Въ отр. 5 этотъ „я" оказывается владѣльцемъ барки: очевидно, это тотъ самый рыбакъ, который появляется въ отр. 3, первое живое лицо въ нашемъ разсказѣ. Здѣсь о немъ говорится въ третьемъ лицѣ; но начиная съ отр. 4, разсказчикомъ выступаетъ онъ.

*) Ср. особенно гл. V и VIII 3-ей пѣсни этой поэмы. О подозрѣніи, возбужденномъ въ господинѣ одалиски, говорится также и въ нашей поэмѣ (отр. 9); съ другой стороны и Гюльнара считается съ возможностью такой же кары для себя, которой подверглась и бѣдная Леила.

**) Его невѣста, стало быть, жила въ Салонѣ или еще дальше къ западу. Никто въ Греціи до проведенія желѣзной дороги не совершилъ бы этого путешествія иначе, чѣмъ моремъ по Коринѳскому заливу. Быть можетъ, Гассанъ имѣлъ основаніе опасаться маниотскихъ пиратовъ; но вѣроятнѣе, что поэтъ, самъ бывавшій на Парнасѣ, хотѣлъ помянуть въ своей поэмѣ «вѣчно облачную вершину Ліакуры». (Не слѣдуетъ смѣшивать съ Парнасомъ упоминаемый въ отр. 71 Парпетъ—Parnes, греч. Parnês. род. Parnêthos), гору сѣвернѣе Аѳинъ).

*) На это указываютъ слѣдующія соображенія: 1) онъ прибылъ моремъ изъ турецкой страны (отр. 20), но тѣмъ не менѣе 2) онъ не на родинѣ, не въ Венеціи, гдѣ онъ оставилъ друга (отр. 25), а въ такомъ мѣстѣ, гдѣ съ нимъ могъ встрѣтиться тотъ турокъ, который былъ свидѣтелемъ его бѣшеной скачки въ Порто-Лесне. Конечно, особенно полагаться на эти указанія нельзя: поэтъ вовсе не стремится къ послѣдовательности, и очень возможно, что говоря о другой оставленной «тамъ гдѣ цвѣтутъ рощи моей родной долины», онъ думалъ не о Венеціи, а о своей собственной родинѣ.

Итакъ, послѣ роскошнаго вступленія о Греціи (отр. 1, 2) поэтъ знакомитъ насъ съ тѣмъ, отъ котораго онъ слышалъ свой разсказъ, а затѣмъ предоставляетъ слово ему. Рыбакъ въ ночь на Байрамъ возвратился въ Порто-Леоне (отр. 3); здѣсь онъ увидѣлъ примчавшагося — для чего, онъ не знаетъ—гяура, и его видъ произвелъ на него неизгладимое впечатлѣніе. Пусть читатель внимательно прочтетъ этотъ отр. 4— онъ убѣдится, что разсказъ рыбака идетъ приблизительно до стиховъ

Какъ филина зловѣщій крикъ и т. д.

Остальное говоритъ уже не очевидецъ, а сердцевѣдъ; равнымъ образомъ и разсказъ объ опустѣніи дворца Гассана (отр. 4) ведется не отъ имени рыбака. Гяуръ исчезъ, а затѣмъ (отр. 5).

. . . Вижу я блистанье

Опять знакомое намъ „я"; отрывки 5 и 6 несомнѣнно принадлежатъ нашему рыбаку. Съ отр. 7 мы его снова теряемъ; о смерти Гассана разсказываетъ не онъ,—ея очевидцемъ онъ быть не могъ. Но и разсказъ ведется не отъ имени какого нибудь лица; правда, въ отр. 10, гдѣ описывается одухотворенная красота Леилы, опять слышится „я", но это „я"—несомнѣнно не рыбакъ, никогда не видѣвшій Леилы. Но вотъ отр. 20.

Обстановка отр. 4; опять значитъ, передъ нами турецкій рыбакъ... Рыбакъ представленъ въ разговорѣ съ корфіотскимъ монахомъ — насколько эта встрѣча правдоподобна, другой вопросъ; но, видно, поэту очень хотѣлось выдержать фикцію „турецкаго разсказа", если онъ ради нея рѣшился даже на такую натяжку. Монахъ удовлетворяетъ любопытство рыбака (отр. 20)—и разсказъ конченъ; можно прямо перейти къ заключительному шестистишію, въ которомъ поэтъ говоритъ:

This broken tale was all he knew
Of her he loved, of him she slew

разумѣя подъ первымъ „he" очевидно своего рыбака.

Пусть теперь читатель прочтетъ выдѣленный нами „разсказъ рыбака" въ его трехъ составныхъ частяхъ (отр. 4 появленіе гяура, отр. 5. 6 смерть Леилы, отр. 20 разговоръ съ монахомъ), съ пропускомъ остальныхъ: при всей загадочности онъ содержитъ все, что требуется для пониманія. Правда, мы не знаемъ, зачѣмъ появляется гяуръ, не знаемъ, что погружаютъ въ воду эмиръ и его спутники—но разсказъ монаха рыбаку о таинственной винѣ гяура, о его видѣніяхъ даютъ намъ требуемую разгадку.

Въ дальнѣйшихъ прибавленіяхъ пришлось поневолѣ расширить рамку; поэтъ заинтересовался своимъ гяуромъ, первоначальный разсказчикъ-рыбакъ ни по соображеніямъ внѣшняго правдоподобія не могъ быть очевидцемъ его участи, ни по складу своей души не могъ отражать въ себѣ его демоническую натуру. Все же поэту хотѣлось сохранить по мѣрѣ возможности турецкій характеръ своего разсказа; и вотъ онъ предполагаетъ, что его авторъ—турецкій поэтъ. Какъ поэтъ, онъ, конечно, пользуется правомъ знать всѣ внѣшнія и внутреннія условія событій, не давая отчета въ томъ, откуда онъ ихъ знаетъ; какъ турокъ, онъ, однако, и обсуждаетъ и передаетъ ихъ съ турецкой, мусульманской точки зрѣнія: онъ симпатизируетъ Гассану и ненавидитъ гяура. А такъ какъ симпатіи Байрона (и наши) прямо противоположны его симпатіямъ, то получается интересный и трудный методъ повѣствованія, называвшійся у древнихъ ductus obliquus (иллюстраціей этого метода можетъ служить разсказъ Лѣскова „Полунощники"): предполагаемый поэтъ проклинаетъ гяура и прославляетъ Гассана—но его похвалы послѣднему звучатъ въ нашихъ ушахъ ироніей (особ. отр. 18), а его вражда къ первому только усиливаетъ наше сочувствіе. Этому „турецкому поэту" принадлежитъ большинство прибавленныхъ отрывковъ до 19 включительно. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобъ ductus obliquus былъ выдержанъ поэтомъ; такъ, говоря о прегрѣшеніи Гассана (4 отр.) онъ очевидно приписываетъ своему турку свою собственную точку зрѣнія.

Какъ бы то ни было—въ этомъ дополнительномъ видѣ (въ которомъ впервые Гассану и Леилѣ были даны ихъ имена) разсказъ производитъ впечатлѣніе перевода или пересказа съ турецкаго; очевидно, желая поддержать эту иллюзію, поэтъ говоритъ въ предисловіи, что его „повѣсть въ своемъ цѣльномъ видѣ (when entire) содержала (contained) судьбу рабыни и т. д." и упоминаетъ въ своемъ послѣднемъ примѣчаніи о разсказчикѣ турецкой кофейни: пусть публика думаетъ, что поэтъ переводитъ отрывки изъ существовавшей раньше болѣе полной поэмы.—Но продолжая углубляться въ созданный имъ ха-

рактеръ и родниться съ нимъ, Байронъ вынужденъ былъ отказаться отъ маски турецкаго поэта: третье наслоеніе отрывковъ онъ прибавляетъ уже прямо отъ себя. Это третье наслоеніе, кромѣ немногихъ мѣстъ первой части, обнимаетъ особенно всю исповѣдь гяура *).

5.

Съ внѣшней стороны такимъ образомъ наша повѣсть не можетъ быть названа органическимъ цѣлымъ; но внутреннее единство въ общемъ соблюдено. Оно заключается, во-первыхъ, въ переданной выше фабулѣ, а во-вторыхъ, въ изображенныхъ характерахъ. Небезынтересно произвести анализъ обоихъ элементовъ.

Особенностью Байрона была его страсть вплетать опыты своей личной жизни въ стихотворенія; это хорошо извѣстное и нигдѣ не скрываемое стремленіе заставляло его критиковъ иногда заходить слишкомъ далеко въ своихъ отождествленіяхъ, тѣмъ болѣе, что самъ Байронъ, которому эта ихъ склонность доставляла удовольствіе, самъ ихъ къ тому поощрялъ разными намеками и недомолвками. Въ данномъ случаѣ личные элементы фабулы заключаются въ слѣдующемъ. Въ свою бытность въ Аѳинахъ, Байронъ былъ свидѣтелемъ жестокой сцены: мимо него пронесли зашитую въ мѣшокъ молодую одалиску, обвиняемую въ любовной связи съ христіаниномъ; за этотъ грѣхъ ей грозила казнь черезъ утопленіе. Своимъ энергическимъ вмѣшательствомъ Байрону удалось освободить грѣшницу и доставить ее въ Ѳивы, въ христіанскій монастырь, гдѣ она вскорѣ затѣмъ умерла отъ лихорадки. Несомнѣнно, что эта сцена дала толчокъ фантазіи поэта и стала ядромъ его разсказа; но для современниковъ Байрона, заинтригованныхъ его эксцентричной жизнью, этого было мало. Стали доискиваться болѣе интимныхъ совпаденій; а такъ какъ поэтъ въ своемъ гяурѣ безспорно изобразилъ демоническій идеалъ своей личности, то и рѣшили со свойственной толпѣ прямолинейностью, что тѣмъ христіаниномъ—возлюбленнымъ спасенной Байрономъ одалиски—былъ не кто иной, какъ онъ самъ. И опять нельзя не признать, что поэтъ однимъ своимъ намекомъ (въ V изданіи) далъ пищу этой легендѣ: его загадочныя слова, непосредственно предшествующія разсказу рыбака:

> Поймете вы мое страданье,
> Когда я слушалъ въ первый разъ
> Тотъ незатѣйливый разсказъ.

наводили невольно на это толкованіе. Впослѣдствіи, однако, эта сплетня ему надоѣла, и по его просьбѣ другой очевидецъ спасенія одалиски, лордъ Слейго, засвидѣтельствовалъ его полную непричастность къ романтическому грѣху несчастной жертвы мусульманскаго изувѣрства.

Подлинникомъ Гассана былъ разумѣется тотъ знаменитый Али-паша, котораго Байронъ посѣтилъ въ Янинѣ; впрочемъ, ему предстояло еще развить этотъ типъ въ большемъ соотвѣтствіи съ подлинникомъ въ „Абидосской невѣстѣ“ и „Корсарѣ“; здѣсь же онъ въ угоду фабулѣ даже нѣсколько уклонился отъ него, вводя въ характеръ своего героя извѣстную чувствительность. „Влюбленный Гассанъ у ѳон-

*) Предложенная здѣсь теорія происхожденія «Гяура» покоится исключительно на соображеніяхъ внутренняго характера; внѣшнія данныя мы имѣемъ только со времени появленія I изданія (ср. K. Hoffmann, über Lord Byrons «the Giaour» стр. 13 сл.). Въ этомъ I изданіи мы находимъ уже всѣ три выдѣленные нами элемента; въ послѣдующихъ были прибавлены лишь второзначенныя части и частицы поэмы: 1) во II изд.: отр. 2, начало (красота Греціи; ея сравненіе съ умершей); отр. 14, конецъ (два теченія); отр. 23 конецъ («не боюсь смерти»); 2) въ III: отр. 4, часть (психологія гаура); отр. 10, конецъ (Лелла: лебедь); отр. 24, конецъ (отсутствіе раскаянія у убитаго); 3) въ V: отр. 2, конецъ (патріотическій призывъ); отр. 4, конецъ (опустѣніе двора Гассана); отр. 17 (мать Гассана)! отр. 25, главныя части (психологія любви и память о другѣ); 4) въ VII гл. обр. отр. 20, втор. часть (описаніе гяура монахомъ) и частицы исповѣди.

Такимъ образомъ въ первомъ изданіи за вступленіемъ (отр. 1) слѣдовало тотчасъ упоминаніе рыбака (отр. 3), а потомъ краткое описаніе появленія гяура (20 стиховъ) и его исчезновенія (11 ст., непосредственно предшествующіе сценѣ опустѣнія). Прочтите внимательно эти стихи—вы убѣдитесь, что гяуръ появляется уже какъ бѣгущій отъ Гассана; лишь вставка III изд. измѣнила всю ситуацію и заставила читателя представлять себѣ гяура примчавшимся, чтобы увезти невѣсту. Вообще, въ первомъ изданіи «Гяуръ» содержитъ ок. 700 ст. (въ VII и слѣдующихъ болѣе 1300), между тѣмъ мы знаемъ, что первоначально онъ состоялъ лишь изъ 400, и что уже для перваго изданія поэтомъ дѣлались вставки. А такъ какъ предисловіе и послѣднее примѣчаніе имѣютъ въ виду поэму въ томъ видѣ, въ какомъ она являлась разсказомъ турецкаго поэта, то позволительно предположить, что именно въ этомъ видѣ она состояла изъ 400 ст., изъ которыхъ на «разсказъ рыбака» приходилось 136 (отр. 1—3, отр. 3—12, отр. 4—31, отр. 5 и 6—36, отр. 24—25. закл.—6), а на прибавленія—«турецкаго поэта» 263 (отр. 9—34, отр. 10—31, отр. 11 до 14—101, отр. 15 и 16—34, отр. 18 и 19—63).

тана", „Гассанъ, тоскующій по Леилѣ", „Гассанъ, разъѣдаемый угрызеніями совѣсти",—всѣ эти черты, сдѣлавшія его первообразомъ пушкинскаго Гирея, какъ-то не вяжутся съ нашимъ представленіемъ о грозномъ янинскомъ властителѣ, гордомъ и строптивомъ вассалѣ султана. Да и самъ поэтъ не остался имъ вѣренъ: какъ видно далѣе изъ отр. 24 (кон.; прибавл. въ III изд.) убійца Леилы не чувствовалъ никакихъ угрызеній совѣсти, и именно эта несокрушимая послѣдовательность и цѣльность мусульманской натуры, лишая месть гяура ея внутренняго содержанія, удваивала его отчаяніе.

Кромѣ Али-паши, еще одно янинское воспоминаніе видимо преслѣдовало нашего поэта: войдя въ городъ, онъ увидѣлъ внушительный символъ тамошней власти—прибитую къ стѣнѣ отрубленную руку мятежника, крѣпко, точно въ судорогѣ, сжимающую мечъ. О впечатлѣніи, произведенномъ на поэта этимъ зрѣлищемъ, можно судить по нашей поэмѣ: оно воспроизведено и въ сценѣ смерти Гассана (отр. 15) и позднѣе въ описаніи видѣній гяура (отр. 20). Само собою разумѣется, что вся обстановка, пейзажъ и пр. описано по личнымъ воспоминаніямъ; о болѣе интересныхъ частностяхъ сказано въ примѣчаніяхъ. О заимствованіяхъ—болѣе или менѣе гадательныхъ—у его предшественниковъ мы здѣсь говорить не будемъ (ср. объ этомъ вышеупомянутую брошюру K. Hoffman'a, стр. 41 сл.); спѣшимъ къ тому образу, въ который поэтъ влилъ собственную душу—къ образу гяура.

6.

Впрочемъ, это послѣднее замѣчаніе нуждается въ оговоркѣ. Интересъ психологической загадки, представляемой гяуромъ, дѣйствительно заключается въ томъ, что поэтъ надѣлилъ его своей душой—но только, и это слѣдуетъ помнить, не всей своей душой, а одной лишь ея частью, той, которая ему самому была наиболѣе понятна и легче прочихъ могла быть отпечатлѣна въ поэзіи. Что это въ самомъ дѣлѣ такъ, въ этомъ насъ убѣдитъ—помимо прочаго, исповѣдь гяура, особенно отр. 25 съ его лозунгомъ: „умереть—но не знать второй любви". Съ какимъ жаромъ отстаиваетъ тутъ поэтъ устами своего героя принципъ исключительности настоящей любви, съ какимъ презрѣніемъ обличаетъ онъ того глупца (the fool), того „слабаго, безсердечнаго человѣка" (feebele, heartless man), который, хуже безсловесной птицы, мѣняетъ предметъ своей страсти!.. кого имѣетъ онъ тутъ въ виду? Увы, прежде всего—самого себя: не отъ голубя научился Байронъ любить. И все-таки этотъ гяуръ, отвергающій и непризнающій его,—часть его собственной души. Не въ исключительности, а въ *иллюзіи* исключительности состоитъ примѣта настоящей мужской любви, а способность отдаваться иллюзіи—отличительная черта поэта.

Но въ гяурѣ поэтъ изобразилъ состояніе своей души именно въ моментъ такой иллюзіи; этотъ моментъ онъ, чтобы развить его вполнѣ, продлилъ и въ прошлое и въ будущее. Его герой одержимъ одной только страстью; именно поэтому онъ—демоническая натура. Вся его прошлая жизнь была лишь безсознательнымъ исканіемъ этой любви, безцѣльнымъ скитаніемъ въ туманѣ непонятыхъ чаяній и стремленій. Явилась любовь—и разомъ озарила собою все, разомъ стала тѣмъ искомымъ средоточіемъ, куда направились въ естественномъ, разумномъ, дружномъ стремленіи разрозненныя до тѣхъ поръ и скрещивавшіяся силы его души. Это не была сверхземная любовь „прекрасныхъ душъ" той эпохи, плодъ экзальтаціи чувствъ при одновременной атрофіи плоти: гяуръ полюбилъ всѣми фибрами своего естества, полюбилъ любовью, наполнявшею его всего, той, которая является прочнымъ, но зато и единственнымъ залогомъ счастья. И онъ былъ счастливъ. Какое ему дѣло до того, что его милая, по какому то нелѣпому, не имъ и не для него созданному закону, составляетъ собственность другого! Этотъ глупый и грубый фактъ важенъ лишь постольку, поскольку онъ является препятствіемъ для полнаго и постояннаго, единственно нравственнаго и законнаго обладанія; какъ таковое, онъ долженъ быть устраненъ: они сговариваются о побѣгѣ наканунѣ Байрама.

Здѣсь центральный моментъ всей поэтической картины. Любовь уничтожается внезапно, какъ разъ въ тотъ мигъ, когда всѣ силы души судорожно напряжены къ ея достиженію; они должны найти выходъ—но куда? Это то и рѣшаетъ то „одно мгновеніе" (отр. 4), которое кажется вѣчностью для души героя, кажется потому, что въ теченіе его совершается то *перерожденіе страсти*, на которое при другой обстановкѣ

потребовались бы долгіе и долгіе годы. Вначалѣ — благо психологическій микроскопъ различаетъ начало мгновенія—положеніе возлюбленной представляется ему только опасностью, имъ овладѣваетъ *страхъ* за нее; ему хочется броситься въ эту толпу враговъ, спасти ее—тогда любовь, ставшая страхомъ, вновь по минованіи опасности явилась бы въ своемъ первоначальномъ образѣ. Но нѣтъ, страхъ и надежда уже неумѣстны; то, что предстало передъ его глазами, уже не опасность, а гибель—неизбѣжная, безповоротная гибель. Вторично страсть перерождается, изъ того страха сверкнуло новое чувство, чувство... Нѣтъ, наше слово „ненависть" не можетъ передать демонической силы этого „Hatred", какъ его, олицетворяя, называетъ поэтъ; сила же эта такова, что поэтъ все послѣдовавшее опустѣніе двора Гассана приписываетъ этому удару молніи, сверкнувшей изъ мрачныхъ очей гяура. Будь онъ слабѣе душой, или вообще будь его душа иная,—онъ всетаки бросился бы въ толпу и погибъ бы на глазахъ милой. Но нѣтъ, теперь его силы вновь сосредоточились вокругъ этой новой идеи ненависти; еще есть нѣчто, ради чего стоитъ жить, это—месть.

И вотъ часъ мести наступилъ. Но и месть, подобно любви, чтобы быть полной, должна стремиться къ обладанію и тѣломъ и душой ненавидимаго. Ахъ, если бы онъ могъ предстать предъ своимъ врагомъ съ двойнымъ ликомъ ангела-мстителя и, медленно, съ жестокимъ сладострастіемъ высосавъ всю кровь его души, затѣмъ, быстрымъ ударомъ сразить его тѣло! Тогда онъ достигъ бы цѣли своей жизни и тихо завялъ бы, какъ вянетъ лоза, отдавшая землѣ свой плодъ. Но и въ этомъ мрачномъ удовлетвореніи судьба ему отказываетъ. Душа Гассана, цѣльная и законченная въ своемъ узкомъ мусульманскомъ традиціонализмѣ, ему недоступна. Гассанъ по своему возстановилъ свою поруганную честь. Не муки совѣсти гонятъ его изъ дворца, а только тоска по утерянномъ источникѣ нѣги,—тоска, отъ которой есть исцѣленіе: скоро ему опять полюбятся жемчужные переливы его родного фонтана, когда его журчаніе сольется съ томной пѣсней новой красавицы въ одинъ сладостный аккордъ... И не ангеломъ мести является ему гяуръ, а презрѣннымъ похитителемъ и убійцей; онъ падаетъ отъ его руки,—да, но падаетъ съ неломленной душою, въ ожиданіи вѣрной награды, которую коранъ сулитъ павшимъ въ бою съ невѣрными. Онъ счастливъ; а гяуръ...

Опять страсть, неудовлетворенная, перерождается и, не находя болѣе внѣ себя предмета своимъ силамъ, обращаетъ ихъ противъ своего носителя. Отнынѣ гяуръ—упырь; тотъ страшный образъ живого мертвеца, котораго поэтъ рисуетъ устами своего мусульманина (отр. 19),—вѣрно передаетъ состояніе его души. Ея неизрасходованныя силы, заключенныя въ ней самой, съ мучительной медленностью подтачиваютъ ее, заставляя ее перечувствовать по ступенямъ всю послѣдовательность этой растянутой на безконечные годы смерти. Ни мысль о пережитомъ счастіи, ни образъ неполной мести не въ состояніи разогнать этихъ, все сгущающихся тучъ; душа ищетъ орудія для собственныхъ мукъ и находитъ его въ этомъ образѣ погибшей любовницы, „павшей не черезъ него, но ради него" (отр. 24)—вотъ непрестанная тема самоубійственныхъ мукъ этого упыря, и не его только: въ „Манфредѣ" мы встрѣтимся съ ней вновь.

Медленно, медленно точилъ червь могучую душу—наконецъ, его дѣло сдѣлано. Буря страстей улеглась; гяуръ передъ лицомъ смерти. Умирая, онъ желаетъ только, чтобы эта его смерть была окончательной, чтобъ ея не пережила ни его душа на томъ свѣтѣ, ни память о немъ на этомъ; онъ желаетъ глубокаго и полнаго сна, безъ видѣній и главное—безъ пробужденія.

7.

Въ предыдущихъ главахъ мы попытались охарактеризовать „Гяура" съ общечеловѣческой и всемірной точки зрѣнія; но для, русскаго читателя его интересъ—а равно и интересъ прочихъ „демоническихъ" поэмъ—сказаннымъ не исчерпанъ. Конечно, здѣсь не мѣсто поднимать вопросъ о „байронизмѣ" въ русской и вообще славянской литературѣ; мы желаемъ только указать, ограничиваясь наиболѣе существенными чертами, тѣ мотивы байроновскихъ поэмъ, которые вызываютъ сравненіе съ соотвѣтственными мотивами въ поэмахъ славянскихъ поэтовъ и допускаютъ предположеніе, что ими именно вдохновилась ихъ творческая фантазія.

Тутъ первое мѣсто безспорно принадлежитъ нашему „Гяуру"; и всякій, при его чтеніи, сразу назоветъ ту русскую поэму, на которой сильнѣе всего отразилось его

вліяніе; это „Бахчисарайскій фонтанъ". Что образы „Гяура" витали передъ Пушкинымъ въ то время, когда его душа носилась съ этимъ дивнымъ твореніемъ, это признаетъ онъ самъ, отклоняя съ первыхъ же стиховъ всякую мысль о томъ, чтобы „дочь неволи, нѣгъ и плѣна, гяуру сердце отдала". Оттого то и гяура въ этой поэмѣ нѣтъ; но образъ Гассана удержанъ, съ еще большимъ развитіемъ его чувствительности. Подобно Гассану, Гирей возненавидѣлъ свой гаремъ послѣ утраты той, которую онъ болѣе всѣхъ въ немъ любилъ, а казнь Заремы—

...она
Гарема стражами нѣмыми,
Въ пучину водъ опущена

явно воспроизводитъ центральный мотивъ байроновской поэмы. Правда, казнь только упомянута, не описана; описаніе, какъ

...при лунѣ въ водахъ плескувшихъ
Струистый исчезаетъ кругъ...

уже было дано въ другомъ мѣстѣ („Кавказскій плѣнникъ" конецъ). Не забудемъ и самой идеи фонтана, однообразная пѣснь котораго такъ вѣрно изображаетъ безпечно монотонную жизнь восточнаго гарема—мы имѣемъ ее также въ „Гяурѣ" (отр. 8), равно какъ и описаніе опустѣвшаго послѣ смерти хозяина двора. Начало пушкинской поэмы напоминаетъ начало же „Абидосской невѣсты", но это не существенно; гяура, повторяю, мы въ ней не находимъ. Зато мы найдемъ его въ другихъ твореніяхъ той эпохи: Алеко, въ сущности, совершаетъ то, на что и гяуръ считаетъ себя способнымъ (отр. 24); его „души печальной хладъ" раздѣляетъ кавказскій плѣнникъ, этотъ упырь, котораго судьба свела со свѣжей еще и цѣльной любовью; его исповѣдь находитъ себѣ параллель въ исповѣди „мцыри", краткая воля котораго была такимъ же сладостно-роковымъ моментомъ, какъ и воля Селима въ „Абидосской повѣстѣ"... Кстати, Селимъ—Селимъ и Джаффиръ; не узнаемъ ли мы этой, четы въ Галубѣ и Тазитѣ Пушкина? Но въ немъ, какъ мы увидимъ, демонизмъ пошелъ на убыль; болѣе мощно звучитъ его голосъ въ самомъ гяурѣ, затѣмъ въ Конрадѣ, Ларѣ... съ нимъ сравнится только одинъ образъ русскаго романтизма, наиболѣе полное воплощеніе демонизма, самъ „демонъ". Объ одной его сценѣ читатель невольно вспомнитъ, читая у Байрона описаніе побоища въ ущельѣ Парнаса; а затѣмъ—гяуръ и „упырь" Конрадъ въ „Дѣдахъ" Мицкевича, Селимъ и его же Валленродъ, Альпъ изъ „Осады Коринѳа" и Альфъ, Лара и герой „небожественной комедіи" Красинскаго... всего не пересказать.

Таково органическое развитіе поэтическихъ мотивовъ, вполнѣ совмѣстимое съ самой зиждительной силой поэтическаго генія. Указаніе этой зависимости нимало не роняетъ великихъ поэтовъ-эпигоновъ въ глазахъ тѣхъ, кто мало-мальски выяснилъ себѣ таинственный процессъ поэтическаго творчества; они не нуждаются, для возстановленія своего никѣмъ не оспариваемаго величія, въ рискованномъ утвержденіи, что они все-таки, „лучше" воспроизвели заимствованные у англійскаго поэта мотивы. Рискованномъ, да; разъ зашла рѣчь о формѣ, то русскому читателю очень трудно быть безпристрастнымъ судьею между его родной поэзіей и англійской, гдѣ вслѣдствіе различныхъ условій языка, все ему такъ трудно и такъ чуждо. И лучше будетъ, оставляя въ сторонѣ безплодный споръ о первенствѣ, любовно и безкорыстно вникнуть въ это великое явленіе въ исторіи русской литературы, которое мы называемъ байронизмомъ—явленіе столь же единичное и невозвратное, какъ и самъ Байронъ. Его земляки не поняли этого бурнаго потока горныхъ водъ, такъ жестоко разрушавшаго всѣ плотины canta и прочаго лицемѣрнаго джентльменства; но у насъ его поняли, и въ отвѣтъ его могучему голосу раздался рокотъ нашихъ родныхъ потоковъ со скалъ Крыма и Кавказа.

Ѳ. Зѣлинскій.

ГЯУРЪ.

One fatal remembrance—one sorrow that throws
Its bleak shade alike o'er our joys aud our woes
To which Life nothing darker nor brighter can bring
For which joy hath no balm—and affliction no sting

Moore.

САМУИЛУ РОДЖЕРСУ, ЭСКВАЙРУ.

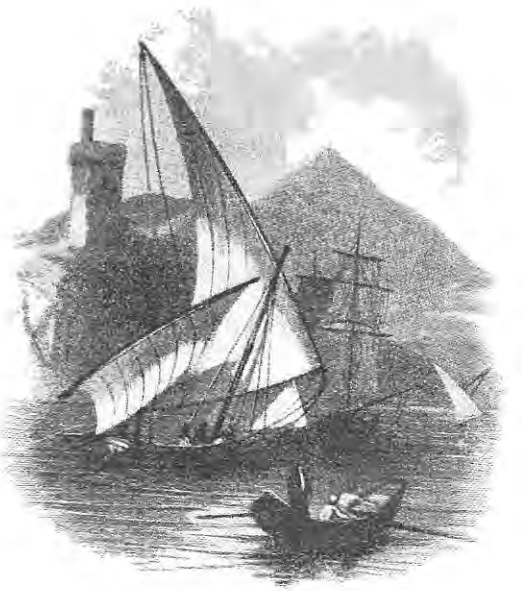
Какъ слабую, но искреннѣйшую дань удивленія предъ его талантомъ,
Уваженія къ его душевнымъ качествамъ
И благодарности за его дружбу
Это произведеніе посвящаетъ

Его преданный слуга *Байронъ*.

Лондонъ, Май 1813.

Предисловіе.

Разсказъ, составляющій содержаніе этихъ разрозненныхъ отрывковъ, основанъ на происшествіяхъ, менѣе обычныхъ на Востокѣ въ настоящее время, чѣмъ прежде,—можетъ быть потому, что дамы стали теперь болѣе осмотрительны, чѣмъ въ старину, или же потому, что христіанамъ теперь больше улыбается счастье, или же они менѣе предпріимчивы. Въ законченномъ видѣ разсказъ долженъ былъ заключать въ себѣ исторію невольницы, брошенной, по мусульманскому обычаю, въ море за невѣрность и за которую мститъ молодой венеціанецъ, ея возлюбленный. Событіе это отнесено къ тому времени, когда Семь Острововъ были подъ властью Венеціи и вскорѣ послѣ того какъ арнауты были прогнаны изъ Мореи, которую они опустошили нѣсколько времени спустя послѣ вторженія русскихъ. Отпаденіе майнотовъ послѣ того какъ имъ не дозволили разграбить Мизитру, помѣшало предпріятію русскихъ и привело къ разгромленію Мореи, во время котораго жестокость, проявленная всѣми была безпримѣрной даже въ лѣтописяхъ правовѣрныхъ.



ПАМЯТНИКЪ НА МЫСѢ КОЛОННА,
по преданію воздвигнутый въ честь Ѳемистокла (Supposed tomb of Themistocles, Cape Colonna).

ГЯУРЪ.

Все тихо... не шумитъ прибой
Тамъ, гдѣ надъ грозною скалой
Вознесся памятникъ герою
Аѳинъ прекрасныхъ. Надъ страною
Надгробный камень тотъ царитъ,
О славныхъ битвахъ говоритъ
И издалека парусъ бѣлый
Привѣтомъ радостнымъ даритъ.
Родится-ли вновь защитникъ смѣлый?..
. . . . . .
О дивный край, гдѣ круглый годъ
Весна природѣ ласку шлетъ
Когда-же путникъ умиленный
Съ высотъ Колонны отдаленной
Зритъ ту страну, то веселитъ
Сердца ея счастливый видъ,
Съ уединеньемъ примиряя.
Чуть-чуть волнуясь, гладь морская
Вершины отражаетъ горъ.
И прихотливый ихъ уборъ

И переливы красокъ чудныхъ
Въ струяхъ дробятся изумрудныхъ,
Что омываютъ этотъ край—
Востока благодатный рай.
Когда зефиръ смутитъ порою
Гладь моря легкою игрою,
Когда случайный вѣтерокъ
Съ густыхъ вѣтвей сорветъ цвѣтокъ,—
Его чуть слышное дыханье
Несетъ съ собой благоуханье.
По склонамъ горъ, среди луговъ
Цвѣтетъ тамъ роза,—королева
Сладкоголосыхъ соловьевъ.
Пѣвцу ночей внимаетъ дѣва
И рдѣетъ вся отъ словъ любви,
Онъ трели звонкія свои
Лишь передъ нею разсыпаетъ...
И роза нѣжная не знаетъ
Ни вьюгъ, ни сѣверныхъ снѣговъ,
Зефиръ всегда ее ласкаетъ;
Нѣтъ у красавицы враговъ
Среди временъ различныхъ года,
Ее лелѣетъ вся природа.
Она же небу воздаетъ,
Что отъ природы въ даръ беретъ,
И небеса съ улыбкой ясной
Берутъ ея нарядъ прекрасный,
Ея тончайшій ароматъ...
Цвѣтовъ тамъ лѣтнихъ дивный садъ,
Мѣстечекъ много тамъ укромныхъ,—
Любви живой пріютовъ скромныхъ.
Не мало разныхъ тайниковъ,—
Пирату въ нихъ притонъ готовъ.
Онъ притаился подъ скалою
Съ своею легкою ладьею.
Онъ ждетъ, но лишь издалека
Заслышитъ лютню моряка
И лишь надъ моремъ загорится
Звѣзда въ небесной вышинѣ,
Тогда въ вечерней тишинѣ
Онъ за добычею стремится,
Потомъ вдругъ бросится... и стонъ
Смѣняетъ лютни легкій звонъ.
Не странно-ли, что въ этомъ раѣ,
Гдѣ, всѣ приманки собирая,
Природа создала дворецъ,
Творенья мудраго вѣнецъ,
Боговъ достойное жилище,—
Влюбленный въ смуту родъ людской,
Ея цвѣты поправъ ногой,
Рай превращаетъ въ пепелище...
Межъ тѣмъ прелестная страна,
Безъ помощи трудовъ, одна
Цвѣтетъ красою превосходной,
Бѣжитъ руки его холодной,
Сама дары свои несетъ
И лишь пощады кротко ждетъ.

Не странно-ль: тамъ, гдѣ миръ счастливый
Разлитъ повсюду,—тамъ бурливой,
Разгульной страстью все кипитъ.
Порокъ и злоба тамъ царитъ,
Какъ будто свѣтлыхъ духовъ рая
Прогнала бѣсовъ шайка злая,
И захватилъ ихъ дикій рой
На небесахъ престолъ святой...
Такъ нѣжно все кругомъ въ природѣ,
Такъ чуждо мысли о невзгодѣ...
Тѣмъ большее проклятье вамъ,
Страны той низкимъ палачамъ!
Кто надъ умершимъ наклонился,
Когда онъ только что простился
Съ земной юдолью, смерти тѣнь
Когда лежитъ на немъ лишь день,
Пока рукою тяжкой тлѣнье
Не совершило разрушенья
Его печальной красоты,—
Тотъ видитъ ясныя черты,
Тотъ видитъ счастье неземное,
Улыбку тихую покоя
И блѣдность нѣжную ланитъ.
И если бы не грустный видъ
Закрытыхъ глазъ, чей сумракъ вѣчный
Скрылъ все—и гнѣвъ, и смѣхъ безпечный,
Чей взоръ отнынѣ чуждъ всего,
Когда-бъ не хладный лобъ его,
Что сердце ужасомъ сжимаетъ
И грустью тайной наполняетъ.
Когда-бъ не это—мы порой
Могли-бъ не вѣрить смерти злой,
Забыть о силѣ самовластной,—
Такой спокойной и прекрасной
Она является средь насъ,
Когда пробьетъ кончины часъ.
Таковъ Эллады край чудесный,
Уже умершей, но прелестной
Въ печальной кротости своей:
На вѣки жизнь угасла въ ней...
Но холодѣющее тѣло
Краса покинуть не успѣла.
Въ ней отблескъ жизни молодой,
Въ ней тлѣнья ореолъ златой,
И чувствъ послѣднее мерцанье,
Небесной искры догоранье:
Ея лучи еще блестятъ,
Но землю все-жъ не оживятъ.
О, край героевъ вдохновенныхъ,
Досель вѣками незабвенныхъ,
Страна, гдѣ всюду, отъ долинъ
До гротовъ и крутыхъ вершинъ,
Пріютъ свобода находила!
О, славы пышная могила!
Геройства храмъ! Иль отъ него
Ужъ не осталось ничего?
Рабы съ позорными цѣпями!

Саламинскій заливъ (The gulf of Salamis).

Вѣдь Ѳермопилы передъ вами!
Потомки доблестныхъ отцовъ!
Иль вы забыли очертанья
Вольнолюбивыхъ береговъ
И водъ лазоревыхъ названье?
Вѣдь это славный Саламинъ!
Воспоминанья тѣхъ картинъ
Пускай предъ вами вновь возстанутъ
И вновь душѣ родными станутъ.
Пускай отцовъ священный прахъ
Огонь зажжетъ у васъ въ сердцахъ.
Пусть увеличитъ вождь безстрашный
Именъ великихъ рядъ прекрасный—
Въ борьбѣ неравной пораженъ,
Безсмертье ихъ раздѣлитъ онъ.
И задрожитъ тиранъ надменный!
Герой свой помыслъ сокровенный
Въ сынахъ съумѣетъ заронить;
Они не согласятся жить
Въ позорномъ рабствѣ, и святая
Борьба, однажды начатая,
Хоть затихаетъ иногда,
Побѣдой кончится всегда.
О, Грецiя! Вѣка сѣдые,
Страницы подвиговъ живыя,
Пускай разскажутъ это намъ.
Египта древняго царямъ
Достался рядъ гробницъ унылыхъ,
Но прахъ твоихъ героевъ милыхъ,
На зло безжалостной судьбѣ,
Разбившей мраморъ ихъ надгробный,
Напоминаетъ о себѣ
Въ горахъ отчизны безподобной,
И намъ укажетъ муза съ нихъ
Могилы витязей твоихъ.
Зачѣмъ слѣдить намъ за паденьемъ
Благословенной стороны?
Не царствъ враждующихъ сыны
Ея свободный духъ сломили,
Ея погибель предрѣшили...
Въ презрѣнной распрѣ сыновей
Причина рабства и цѣлей...
Но ни новѣйшихъ дней сказанья,
Ни были канувшихъ вѣковъ
Намъ житель грустныхъ береговъ
Не передастъ... Лишь встарь дѣянья
Внушали творчеству полетъ,
Когда людей свободныхъ родъ,
Для громкихъ подвиговъ хранимый,
Достоинъ былъ страны родимой...
Гдѣ гордый духъ твоихъ дѣтей,
Для славы созданныхъ людей,
Героевъ съ твердыми сердцами?
Они ничтожными рабами
Раба презрѣннаго живутъ;
Себя къ животнымъ приближая,
Но доблесть дикихъ презирая,
Они ярмо свое несутъ.
Уже давно въ средѣ народной
Не нарождался духъ свободный;
Плывутъ ихъ ветхія суда,
Въ живой торговлѣ города.
О вѣчныхъ плутняхъ вспоминая,
О нихъ гремитъ молва людская,
Лишь этимъ въ современный вѣкъ
Себя прославилъ хитрый грекъ.

Какой-же всадникъ тамъ несется
На скакунѣ во весь опоръ?
(Who thundering comes on blackest steed?)

И тщетно стала-бы свобода
Будить заснувшій гнѣвъ народа...
Довольно слезъ о той странѣ!
Теперь пришло на память мнѣ
Одно печальное сказанье.
Поймете вы мое страданье,
Когда я слушалъ въ первый разъ
Тотъ незатѣйливый разсказъ.
. . . . . .
Ложатся тѣни скалъ густыя
На волны моря голубыя,
И очертанья тѣхъ тѣней
Пугаютъ мирныхъ рыбарей
Майнота призракомъ ужаснымъ
Пирата хищнаго морей.
Рыбакъ не хочетъ плыть къ опаснымъ,
Хотя и близкимъ берегамъ,
Онъ ударяетъ по волнамъ,
Рукою налегаетъ сильной
И свой уловъ везетъ обильный
Туда, гдѣ хищныхъ нѣтъ враговъ,
Къ скаламъ Леоне отдаленнымъ,
Луной спокойной озареннымъ;
Такъ нуженъ блескъ ея лучей
Для этихъ ласковыхъ ночей.
. . . . . .
Чу... Топотъ звонкій раздается...
Какой-же всадникъ тамъ несется
На скакунѣ во весь опоръ?
И эхо близъ-лежащихъ горъ
Подковъ удары повторяетъ...
Густая пѣна покрываетъ
Бока крутые скакуна,
Какъ будто бурная волна
Его недавно обмывала.
Ужъ зыбь на морѣ затихала,
Но всадникъ мчался молодой,
Его душѣ былъ чуждъ покой.
Хоть облака грядущей бури
Смутятъ заутра блескъ лазури,—
Зловѣщій мракъ души твоей
Все-жъ этихъ черныхъ тучъ грознѣй.
Гяуръ! Хоть я тебя не знаю,
Но твой народъ я презираю.
Въ твоемъ лицѣ я вижу слѣдъ
Страстей... Щадитъ ихъ бремя лѣтъ,
И, несмотря на возрастъ нѣжный,
Въ тебѣ таится духъ мятежный.
Стрѣлой ты мимо пролетѣлъ,
Но разсмотрѣть я все-жъ успѣлъ
Коварный взоръ, сулящій мщенье,
Онъ выдалъ мнѣ твое рожденье;
Сыны Османа истреблять
Должны вашъ родъ, иль васъ бѣжать.
Впередъ, впередъ! Я съ удивленьемъ
Слѣдилъ за страннымъ появленьемъ.
Какъ демонъ мчался онъ ночной,
Но образъ этотъ, какъ живой,
Потомъ въ душѣ моей остался;
И долго послѣ раздавался
Въ ушахъ подковъ желѣзныхъ звонъ...
Коня пришпориваетъ онъ,

Вотъ пропасть видитъ предъ собою,
Обрывъ съ нависшею скалою.
Онъ повернулъ тогда коня
Въ обходъ горы, и у меня
Изъ глазъ сокрылся за горою.
Все бѣглецу грозитъ бѣдою:
И взглядъ непрошенныхъ очей,
И блескъ звѣзды во тьмѣ ночей.
Но съ нимъ не сразу я простился;
Коня онъ гордаго сдержалъ,
На стременахъ своихъ привсталъ
И вдругъ назадъ оборотился,
Взоръ неподвижный устремивъ
Позерхъ темнѣющихъ оливъ.
Луна сіяетъ надъ скалами,
Вдали мечеть горитъ огнями,
Пальбы ружейной огоньки
Мелькаютъ слишкомъ далеки,
Чтобъ эхо разбудить лѣсное.
Сокрылось солнце золотое,
И, провожая Рамазанъ,
Встрѣчаетъ набожный османъ
Байрама праздникъ долгожданный.
Но кто-же ты, о путникъ странный,
Въ одеждѣ чуждой и съ лицомъ,
Застывшимъ въ ужасѣ нѣмомъ?
Что взоръ твой нынѣ привлекаетъ?
Что бѣгъ твой быстрый направляетъ?
Онъ все стоитъ... Въ его глазахъ
Сначала виденъ былъ лишь страхъ,
Но вскорѣ дикій гнѣвъ родился;
Въ лицѣ онъ краской не разлился,—
Рѣзцомъ изъ мрамора оно,
Казалось было создано.
Онъ наклонился надъ лукою,
Поникнувъ гордой головою,
И вдругъ съ отчаянной тоской
Потрясъ онъ въ воздухѣ рукой,
Не зная самъ, на что рѣшиться—
Бѣжать впередъ иль возвратиться.
Сердито конь его заржалъ,—
Давно хозяина онъ ждалъ.
Но путникъ, руку опуская,
Задѣлъ за саблю въ этотъ мигъ;
Какъ филина зловѣщій крикъ
Насъ будитъ, сонъ нашъ разгоняя,
Такъ вѣрной стали рѣзкій звукъ
Прогналъ его раздумье вдругъ.
И шпоры онъ тогда стальныя
Коню вонзилъ въ бока крутые,
И легкій конь впередъ летитъ,
Какъ ловко брошенный джиритъ.
Исчезъ наѣздникъ за скалою
Съ христіанской каскою стальною
И съ гордо поднятыиъ челомъ.
Уже на берегу крутомъ
Подковъ стальныхъ не слышно звука...

Онъ лишь на мигъ передъ горой
Сдержалъ могучею рукой
Коня—и, какъ стрѣла изъ лука,
Помчался вновь въ ночную тьму.
Пришли, мнѣ кажется, къ нему
Въ тотъ быстрый мигъ воспоминанья
О жизни, полной слезъ страданья
И преступленій, и страстей.
Когда нахлынетъ на людей
Потокъ любви, давно хранимый,
Иль старый гнѣвъ, въ груди носимый,
Тогда въ минуту человѣкъ
Переживаетъ цѣлый вѣкъ.
Что испыталъ онъ впродолженье
Того короткаго мгновенья,
Когда нахлынула волна
Страстей? Казалась такъ длинна
Минута для души усталой,
И, вмѣстѣ съ тѣмъ, какою малой
Въ сравненьѣ съ вѣчностью была!
Лишь мысль безбрежная могла
Такъ озарить внезапно совѣсть,
Прочесть нерадостную повѣсть,
Скорбь безъ надежды, безъ конца.
Но мигъ прошелъ, и бѣглеца
Сокрыла мгла. Сраженъ судьбою
Онъ лишь одинъ, или съ собою
Другихъ онъ къ гибели увлекъ?
Да будетъ проклятъ злобный рокъ
И тяжкій часъ его явленья,
И горькій мигъ исчезновенья!
Раба, погрязшаго въ грѣхахъ,
Гассана, покаралъ Аллахъ
И обратилъ его обильный
Роскошный замокъ въ склепъ могильный.
Когда гяуръ вошелъ туда,
Вошла съ нимъ черная бѣда,
Такъ, коль самумъ въ степи промчится,
Все въ прахъ печальный обратится,
И кипарисъ не избѣжитъ
Той доли... Тихо сторожитъ
Онъ мертвецовъ покой глубокій,
Стоитъ недвижный, одинокій...
Его нѣмая грусть прочнѣй,
Чѣмъ слезы вѣтренныхъ людей.
Коней привѣтливое ржанье,
Рабовъ заботливыхъ старанье
Исчезли въ замкѣ съ этихъ поръ...
Тамъ паутины лишь узоръ
Заткалъ въ пустынныхъ залахъ ниши,
Жилищемъ сталъ летучей мыши
Гаремъ, и занятъ былъ совой
На башнѣ постъ сторожевой,
И у фонтана песъ голодный
Уныло воетъ, но холодной
Себѣ напрасно влаги ждетъ:
Въ бассейнѣ мохъ одинъ растетъ.

ОПУСТѢЛЫЙ ЗАМОКЪ ГАССАНА.
(Hassan's Palace in ruins).

Давно-ли вверхъ струя живая,
Зной неподвижный умѣряя,
Высоко била, и потомъ
Прохладнымъ падала дождемъ
На землю съ мягкой муравою!
Какъ хорошо ночной порою
Дробился свѣтлый лучъ звѣзды
Въ струѣ серебряной воды,
Съ журчаньемъ бившей изъ фонтана.
Прошла здѣсь молодость Гассана.
Еще груднымъ младенцемъ онъ
Любилъ уснуть подъ нѣжный звонъ,
Онъ здѣсь вкусилъ очарованье
Мелодій сладостныхъ любви,
И говорливыя струи
Смягчили звуковъ замиранье.
Но сѣдовласымъ старикомъ
Придетъ къ фонтану вечеркомъ
Уже Гассану не придется;
Струя живая не забьется,
Была нужна Гассана кровь
Врагу. И никогда ужъ вновь
Здѣсь не раздастся восклицанье
Печали, радости, страданья.
Исчезъ разумной жизни звукъ
Здѣсь съ плачемъ женскимъ, полнымъ муки.
Далеко вѣтромъ разнесенный,
Онъ стихъ. Въ безмолвье погруженный
Дворецъ покинутый стоитъ.
Лишь вѣтеръ ставней здѣсь стучитъ.
Потоки льются дождевые
Сквозь окна комнаты пустыя.
Какъ рады мы, когда песокъ
Въ пустынѣ слѣдъ укажетъ ногъ.
И здѣсь, хотя-бъ самой печали
Мы скорбный голосъ услыхали.
Онъ насъ-бы все-жъ утѣшилъ [illegible]
Сказалъ-бы онъ: „не все здѣсь [illegible]

Унесъ, не все землѣ досталось
И не совсѣмъ здѣсь жизнь прервалась".
Хоть блескъ былой внутри дворца
Еще не стерся до конца,
Хотя лишь постепенно тлѣнье
Ведетъ работу разрушенья,
Но не сулитъ покой и миръ
Его наружный видъ; факиръ,
Усталый путникъ, дервишъ нищій
Бѣгутъ жилья, гдѣ сытной пищей
Съ любовью ихъ не угостятъ,
И мимо вымершихъ палатъ
Идутъ и бѣдный и богатый.
Исчезъ хозяинъ тароватый,
Гостепріимца канулъ слѣдъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь Гассана нѣтъ.
Его дворецъ сталъ жертвой тлѣнья,
Тамъ не найти отдохновенья,
Тамъ опустѣлъ рядъ пышныхъ залъ,
И скрылся рабъ освобожденный,
Когда съ чалмою разсѣченной
Гассанъ отъ рукъ гяура палъ.
. . . . . .
Вотъ группа движется въ молчаньѣ,
Все ближе... Вижу я блистанье
Ихъ ятагановъ дорогихъ.
Тюрбаны щегольскіе ихъ
Передъ моимъ пестрѣютъ взглядомъ,
Въ зеленомъ платьѣ, предъ отрядомъ
Идетъ поспѣшно самъ эмиръ.
„Кто ты?"—„Съ тобой да будетъ миръ,
Саламъ алейкумъ! Звукъ привѣта
Пусть служитъ вамъ взамѣнъ отвѣта!
Я мусульманинъ... Но съ собой
Вы грузъ несете дорогой?
Такъ мой баркасъ готовъ къ услугамъ".—
„Да, да, ты правъ... такъ будь-же другомъ,
Скорѣе челнъ свой снаряжай...
Нѣтъ, паруса не наставляй,
Возьми весло и чрезъ пучины
Греби, пока до половины
Ты не доѣдешь... Надо-жъ намъ
Держать свой путь къ тѣмъ берегамъ,
Гдѣ море дремлетъ подъ скалою
Надъ безконечной глубиною.
Теперь ты можешь отдохнуть,
Какъ быстро кончили мы путь!
Онъ былъ однако слишкомъ длиненъ,
Чтобы . . . . . .
. . . . . .
Надъ ношей тяжкою вода
Сомкнулась, и по ней тогда
Пошли круги къ нѣмому брегу.
И въ разступившихся струяхъ,
И въ тихо плещущихъ волнахъ
Я странную замѣтилъ нѣгу...
Ахъ, нѣтъ!—То въ синевѣ волны
Дробится робкій лучъ луны.
А грузъ все дальше погружался,
Онъ меньше, меньше мнѣ казался,
Въ водѣ блестѣлъ онъ какъ алмазъ,
И, наконецъ, исчезъ изъ глазъ.
И тайна та лежитъ глубоко,
На днѣ, отъ глазъ людскихъ далеко,
Лишь духи темные морей
Могли бы разсказать о ней.
Они-жъ въ тиши пещеръ ютятся,
Среди коралловъ, въ глубинѣ,
И даже шопотомъ волнѣ
Повѣдать тайну не рѣшатся.
. . . . . .
Какъ королева мотыльковъ
На мягкомъ бархатѣ луговъ
Весной восточною порхаетъ
И за собою увлекаетъ
Ребенка отъ цвѣтка къ цвѣтку,
Потомъ нежданно исчезаетъ,
Оставивъ слезы и тоску
Неутоленнаго желанья,—
Такъ женской красоты блистанье
Ребенка взрослаго манитъ,
Волненье сладкое сулитъ,—
И онъ бросается за нею,
Одной надеждой пламенѣя,
Безумнымъ вихремъ поглощенъ,
Слезой всегда кончаетъ онъ...
Но коль погоня удается,
То ждетъ не меньшая тоска
И дѣвушку, и мотылька—
Обоимъ горе достается;
Капризы взрослыхъ и дѣтей
Уносятъ счастье мирныхъ дней.
Игрушкой хрупкой обладанье
Отгонитъ прочь очарованье.
Неосторожные персты
Сотрутъ блескъ юной красоты,
Тогда конецъ: она свободна,—
Ступай, лети, куда угодно,
Иль падай сверху въ пыльный прахъ...
Но гдѣ-жъ онѣ, съ тоской въ сердцахъ
Иль съ поврежденными крылами,
Найдутъ покой подъ небесами?
Иль можетъ бабочка опять
Безпечно по лугамъ порхать
На крыльяхъ, бурей поврежденныхъ?
Иль вновь средь стѣнъ опустошенныхъ
Пріютъ красавица найдетъ,
Коль рокъ слѣпой ее сомнетъ?
Невинно бабочки рѣзвятся,
Но къ бѣднымъ жертвамъ не садятся,
И сердце дѣвичье порой
Къ бѣдѣ отзывчиво людской,
Но никогда изъ сожалѣнья
Не извинятъ онѣ паденья,—

СМЕРТЬ ГАССАНА (Hassan's Death).

Смиривъ потока гнѣвъ слѣпой,
Блистаютъ пѣны бѣлизной
И ревомъ землю сотрясаютъ...
Какъ та рѣка приливъ встрѣчаетъ
И на волну идетъ волна,
И бездна водъ возмущена,—
Такъ злобой лютой ослѣпленныхъ,
Обидой тяжкой опьяненныхъ
Порою рокъ столкнетъ людей.
Свистъ пуль, и трескъ, и звонъ мечей
Гудитъ въ ушахъ. Стенанья, крики
Разноситъ эхо горъ. Какъ дики
Они въ долинѣ мирной той;
Къ бесѣдѣ пастуховъ простой
Она скорѣй-бы подходила.
Какой огонь, какая сила
У малочисленныхъ бойцовъ!
Здѣсь каждый побѣдить готовъ
Иль умереть. Съ такою властью
Любовь насъ не толкаетъ къ счастью,
Въ объятья милой, къ красотѣ.
Сильнѣй, теплѣй объятья тѣ,
Когда враги сплетутся дружно:
Имъ разставаться ужъ не нужно.
Друзей разлука часто ждетъ,
Любовь съ насмѣшкой цѣпи рветъ;
Враговъ, сплетенныхъ воедино,
Не разлучитъ и часъ кончины.

. . . . . .

Ужъ сломанъ вѣрный ятаганъ,
Залитый кровью вражьихъ ранъ.
Ударъ ужасный отсѣкаетъ
Гассану руку; но сжимаетъ
Еще упрямая рука
Осколокъ хрупкаго клинка.
И разсѣченная глубоко
Чалма отброшена далеко,
Въ клочки изорванъ весь нарядъ,
И пятна алыя пестрятъ
На немъ. Предъ утренней зарею
Такой же мрачной краснотою
Края темнѣютъ облаковъ—
Предвѣстникъ грозныхъ буруновъ.
И не одна зіяетъ рана
На тѣлѣ мертваго Гассана,
Когда лежитъ передъ врагомъ
Онъ къ небу синему лицомъ.
Но глазъ открытыхъ выраженье
Сулитъ лишь ненависть и мщенье,
Какъ будто смерть своимъ крыломъ
Не погасила гнѣва въ немъ.
Надъ нимъ склонился врагъ жестокій:

Былъ блѣденъ лобъ его высокій:
Гассана мертвое чело
Едва-ль блѣднѣе быть могло.
. . . . . .
„На днѣ морскомъ моя Леила,
Тебѣ-жъ кровавая могила
Досталась... Въ грудь твою клинокъ
Леилы духъ вонзить помогъ.
И были всѣ мольбы напрасны,
Аллахъ тебя не услыхалъ,
Пророкъ твоимъ мольбамъ не внялъ,
Они гяуру не опасны...
Ужель на помощь неба ты
Питалъ надменныя мечты,
Коль у небесъ ея моленья
Не вызывали снисхожденья?
Бандитовъ шайку я набралъ,
Я долго часа мести ждалъ,
Теперь, узнавши мигъ счастливый,
Пойду дорогой сиротливой".
. . . . . .
Въ окно доносится съ луговъ
Негромкій звонъ колокольцовъ
Отъ стадъ верблюжьихъ. Мать Гассана
Сквозь дымку легкую тумана
Печально смотритъ изъ окна,
И зелень пастбищъ ей видна
И звѣздъ несмѣлое сіянье.
„Ужъ вечеръ. Близокъ часъ свиданья".
Но неспокойно сердце въ ней
Въ уютномъ домѣ средь вѣтвей.
Она на башню быстро всходитъ,
Она отъ оконъ не отходитъ.
„Ахъ, почему не ѣдетъ онъ?
Иль ѣхать днемъ имъ было жарко?
Женихъ счастливый что-жъ подарка
Не шлетъ? Иль страсть прошла какъ сонъ?
О, нѣтъ! Вотъ всадникъ выѣзжаетъ,
Вотъ онъ вершины достигаетъ,
Вотъ онъ въ долинѣ. У сѣдла
Подарокъ сына. Какъ могла
Я упрекать гонца въ медленьѣ?
Теперь ему за утомленье,
За службу щедро я воздамъ".
Онъ подъѣзжаетъ къ воротамъ,
Онъ соскочилъ съ коня. Усталость
Его съ ногъ валитъ. Скорбь и жалость
Въ его чертахъ. Нѣтъ, просто онъ
Дорогой дальней утомленъ.
На платьѣ пятна крови алой:
То раненъ вѣрно конь усталый.
Подарокъ, скрытый подъ полой,
Онъ достаетъ... Создатель мой!
Тотъ даръ—остатки лишь тюрбана
Да весь въ крови кафтанъ Гассана.
„О, госпожа! Сынъ бѣдный твой
Повѣнчанъ съ страшною женой.
Меня спасло не состраданье,
Но кровожадное желанье
Отправить даръ черезъ гонца.
Миръ праху храбраго бойца!
Да грянетъ громъ надъ головою
Гяура! Онъ всему виною".
. . . . . .
Чалма изъ камня. За кустомъ
Колонна, скрытая плющомъ,
Гдѣ въ честь умершаго османа
Стихи начертаны Корана—
Не видно больше ничего
На мѣстѣ гибели его.
Въ сырой землѣ лежитъ глубоко
Вѣрнѣйшій изъ сыновъ Пророка
Какихъ досель изъ года въ годъ
Къ себѣ святая Мекка ждетъ.
Онъ, твердо помня запрещенье,
Къ вину всегда питалъ презрѣнье.
Лишь „Алла-Гу", призывъ святой,
Онъ слышалъ—чистою душой
Тотчасъ стремился онъ къ Пророку,
Оборотясь лицомъ къ востоку.
Отъ рукъ гяура здѣсь онъ палъ.
Въ родной долинѣ умирая,
Врагу онъ мщеньемъ не воздалъ...
Но тамъ, на небѣ, дѣвы рая
Его нетерпѣливо ждутъ,
И стройныхъ гурій взоры льютъ
Лучи небеснаго сіянья.
Свое горячее лобзанье
Онѣ несутъ ему скорѣй.
Такой кончины нѣтъ честнѣй.
Въ борьбѣ съ невѣрнымъ смерть—отрада,
Ее ждетъ лучшая награда.
. . . . . .
Измѣнникъ съ черною душой!
Тебя Монкиръ своей косой
Изрѣжетъ. Коль освободиться
Успѣешь ты отъ этихъ мукъ,
То вѣчно долженъ ты вокругъ
Престола Эблиса кружиться,
И будетъ грудь горѣть огнемъ...
Нѣтъ, о страданіи твоемъ
Пересказать не хватитъ силы.
Но передъ этимъ изъ могилы
Ты снова долженъ выйти въ міръ
И, какъ чудовищный вампиръ,
Подъ кровлю приходить родную—
И будешь пить ты кровь живую
Своихъ-же собственныхъ дѣтей.
Во мглѣ томительныхъ ночей,
Судьбу и небо проклиная,
Подъ кровомъ мрачной тишины
Вопьешься въ грудь дѣтей, жены,
Мгновенья жизни сокращая.
Но передъ тѣмъ, какъ умирать,

МОГИЛА ГАССАНА (Hassan's Grave).

Рис. Уоррена (H. Warren), грав. Вилльморъ (J. T. Willmore, A. R. A.).

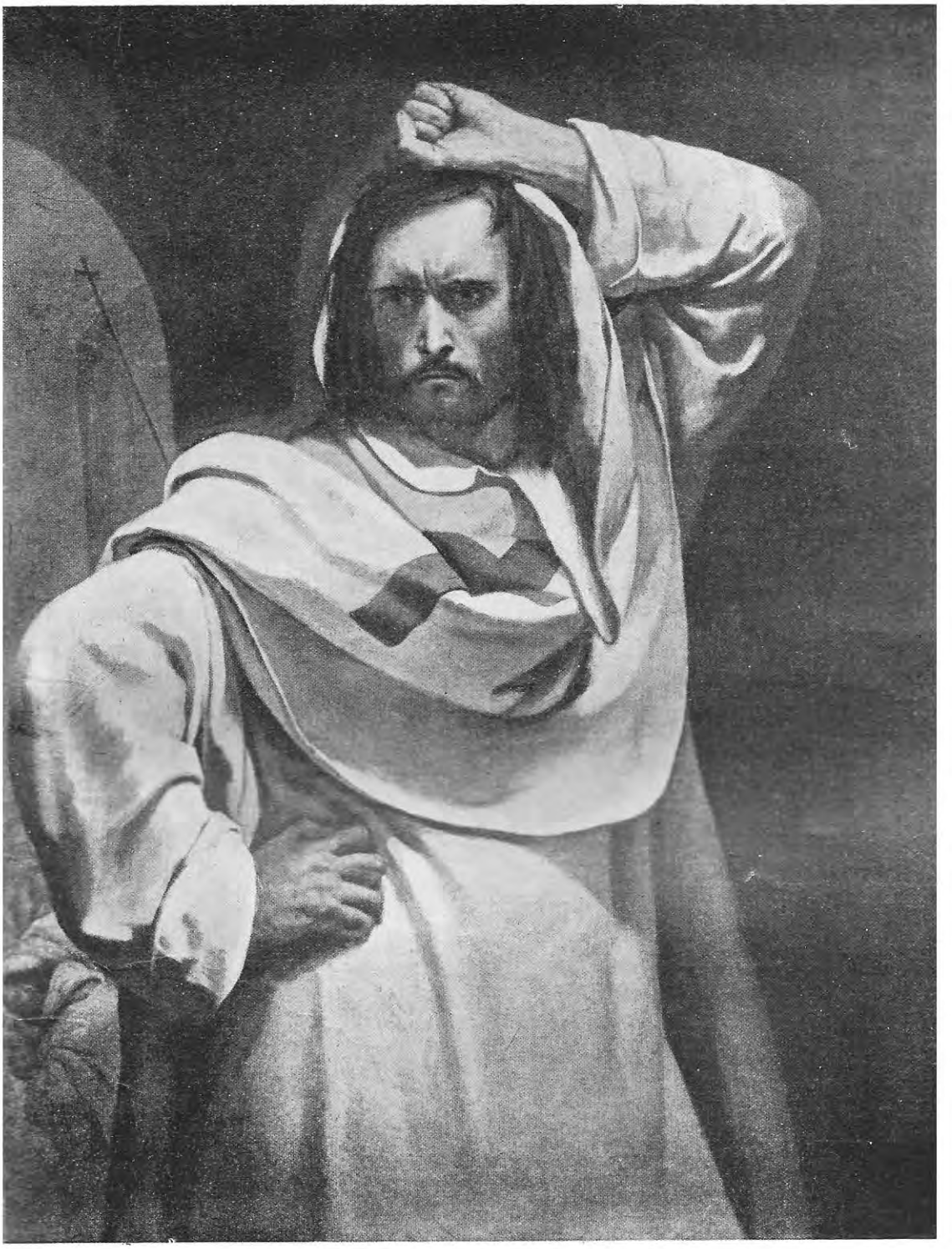
Въ тебѣ отца они признать
Успѣютъ. Горькія проклятья
Твои смертельныя объятья
Въ сердцахъ ихъ скорбныхъ породятъ,
Пока совсѣмъ не облетятъ
Цвѣты твоей семьи несчастной.
Когда-же юной и прекрасной
Любимой дочери придетъ
Погибнуть за тебя чередъ,—
Она одна тебя обниметъ
И назоветъ *отцомъ*, и сниметъ
Она кору съ души твоей,
И загорится пламень въ ней.
Но все-же нѣтъ конца мученью:
Увидишь ты, какъ тѣнь за тѣнью
Румянецъ нѣжный на щекахъ
У юной жертвы исчезаетъ,
И гаснетъ блескъ у ней въ глазахъ,
И взглядъ печальный застываетъ...
И ты отдѣлишь отъ волосъ
Одну изъ золотистыхъ косъ
И унесешь въ воспоминанье
Невыразимаго страданья:
Вѣдь въ знакъ любви всегда съ собой
Носилъ ты локонъ золотой.
Когда съ кровавыми устами,
Скрежеща острыми зубами,
Въ могилу съ воемъ ты придешь,
Ты духовъ ада оттолкнешь
Своею страшною печатью
Неотвратимаго проклятья.

. . . . . .

72 „Кто этотъ сумрачный монахъ?
Давно ужъ, на моихъ глазахъ,
Близъ водъ моей страны родимой,
Какъ быстрымъ вихремъ уносимый,
На легкомъ мчался онъ конѣ,
И въ память врѣзалося мнѣ
Безбрежной скорби выраженье
Въ его чертахъ. Тоска, мученье
Не стерлись съ блѣднаго чела.
Иль смерть доселѣ въ немъ жила?"
„Седьмой ужъ годъ начнется лѣтомъ,
Какъ, распростясь съ грѣховнымъ свѣтомъ,
Живетъ онъ съ нами. Совершенъ
Какой-то грѣхъ имъ былъ, и онъ
Искать пришелъ успокоенья,
Но, чуждъ духовнаго смиренья,
Въ исповѣдальню не идетъ,
По вечерамъ не вознесетъ
Мольбы, колѣна преклоняя ..
Церковныхъ службъ не замѣчая,
Въ убогой кельѣ онъ сидитъ
И, съ думой на челѣ, молчитъ.
Какой онъ вѣры, гдѣ родился,
Не знаетъ здѣсь никто. Явился
Онъ изъ-за моря къ намъ, изъ странъ,
Гдѣ царствуетъ въ сердцахъ Коранъ.
На турка не похожъ чертами,
Скорѣй одной онъ вѣры съ нами.
Причислить могъ скорѣй всего
Я къ ренегатамъ-бы его,
Что вновь, раскаявшись въ измѣнѣ,
Хотятъ съ мольбой склонить колѣни,
Когда-бъ онъ храмъ нашъ посѣщалъ
И Тайнъ Святыхъ не избѣгалъ.
Когда въ казну святого братства
Неисчислимыя богатства
Вложилъ таинственный чернецъ,
То настоятель наконецъ
Пришелъ отъ гостя въ умиленье.
Будь я пріоромъ—ни мгновенья
Его терпѣть не стали-бъ мы,
Иль не пускали-бъ изъ тюрьмы.
Во снѣ бормочетъ онъ порою
Обрывки фразъ, обрывки словъ—
О дѣвѣ, скрытой подъ волною,
О звонѣ сабельныхъ клинковъ,
О жалкомъ бѣгствѣ побѣжденныхъ,
И объ обидахъ отомщенныхъ,
И объ османѣ, павшемъ въ прахъ...
И часто на крутыхъ скалахъ
Его видали мы надъ моремъ,
Когда онъ тамъ, съ тоской и горемъ,
Все споритъ съ призракомъ однимъ:
Рука кровавая предъ нимъ
Въ волнахъ могилу открываетъ
И внизъ безмолвно призываетъ".

. . . . . .

73 Надвинувъ темный капюшонъ,
На міръ угрюмо смотритъ онъ,
О, какъ глаза его сверкаютъ,
Какъ откровенно выражаютъ
Они волненья дней былыхъ!
Непостоянный пламень ихъ,
Смущенье странное вселяя,
Проклятья всюду вызывая,
Всѣмъ встрѣчнымъ ясно говоритъ,
Что въ мрачномъ чернецѣ царитъ
Доселѣ духъ неукротимый.
Какъ птичка, встрѣтивъ недвижимый
И полный чаръ змѣиный взоръ,
Напрасно рвется на просторъ,
Безсильно трепеща крылами,—
Такъ, встрѣтившись съ его глазами,
Замретъ на мѣстѣ всякій вдругъ,
Невольный чувствуя испугъ;
Его завидя въ отдаленьѣ,
Монахъ торопится въ смущеньѣ
Съ дороги своротить скорѣй.
Его улыбка, взглядъ очей
Грѣхомъ какъ будто заражаютъ
И страхъ таинственный вселяютъ.
Въ его чертахъ веселья нѣтъ;



ГЯУРЪ (Le Giaour).

Картина Ари Шефера (Ary Scheffer, Musée de Luxembourg).

Его видали мы надъ моремъ:
(On Cliff he hath been known to stand).

Коль въ нихъ мелькнетъ улыбки слѣдъ,
То это смѣхъ лишь надъ страданьемъ.
И губъ презрительнымъ дрожаньемъ
Усмѣшку злую проводивъ,
Онъ вновь замкнется, молчаливъ,
Какъ будто острой скорби жало
На вѣкъ улыбку запрещало...
Не свѣтлой радостью она
Бывала въ немъ порождена.
Когда-жъ въ чертахъ его разлито
Воспоминанье чувствъ иныхъ,
Еще больнѣй смотрѣть на нихъ.
Не все годами въ немъ убито,
Его надменныя черты
Съ порокомъ вмѣстѣ отражаютъ
Слѣды духовной красоты;
Въ грѣхѣ не все въ немъ погрязаетъ.
Толпа не видитъ ничего.
Понятенъ ей лишь грѣхъ его,
Но въ немъ открылъ-бы взоръ глубокій
И сердца жаръ, и духъ высокій.
Какъ жаль даровъ безцѣнныхъ тѣхъ!
Ихъ изсушили скорбь и грѣхъ.
Не многимъ небо удѣляетъ
Дары такіе, но вселяетъ
Носитель ихъ лишь страхъ кругомъ;

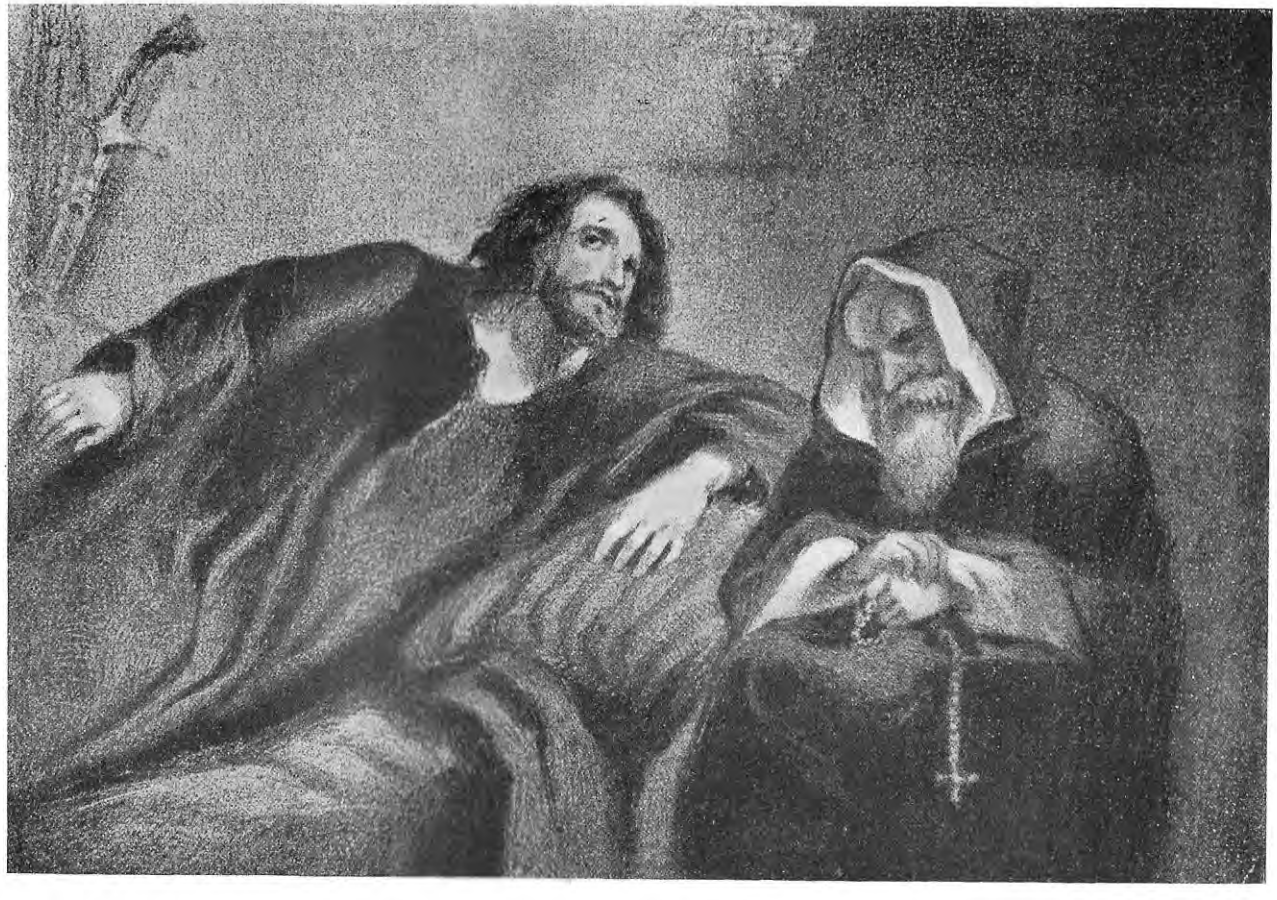
Такъ, на пути замѣтивъ домъ,
Безъ крыши, полный разрушенья,
Проходитъ путникъ безъ волненья.
Когда-жъ, разрушенный войной
Иль дикой бурею ночной,
Предъ нимъ, бойницами чернѣя,
Предстанетъ замокъ,—онъ, не смѣя
Взглядъ пораженный оторвать,
Забудетъ путь свой продолжать.
Колонны видъ уединенный
И сводъ, плющемъ переплетенный,
Все говоритъ, что погребенъ
Здѣсь гордый блескъ былыхъ временъ.
„Безмолвно, вдоль колоннъ высокихъ,
Закрывшись складками широкихъ
Своихъ одеждъ, вотъ онъ скользитъ.
Всѣмъ страхъ его внушаетъ видъ.
Онъ службу мрачно наблюдаетъ,
Но тотчасъ церковь оставляетъ,
Заслышавъ антифонъ святой,
Надъ преклоненною толпой.
Стоитъ онъ мрачно въ отдаленьѣ,
Пока не кончится моленье.
Стоитъ онъ тамъ, печаленъ, тихъ,
Молитвы слушая другихъ.
Тѣнь отъ стѣны его скрываетъ...

Но вотъ онъ капюшонъ срываетъ,
И пряди темныя кудрей
На лобъ спускаются прекрасный,
Какъ будто самыхъ черныхъ змѣй
Изъ всей семьи своей ужасной
Ему Горгона отдала,
Ихъ срѣзавъ съ блѣднаго чела.
Хоть онъ монаха платье носитъ,
Обѣта все-жъ не произноситъ,
Кудрей умрямыхъ не стрижетъ,
Свободно имъ рости даетъ.
Не изъ усердья—изъ гордыни
Онъ щедро сыплетъ благостыни.
Обѣтъ, молитву кто изъ насъ
Услышитъ отъ него хоть разъ?
О, какъ его черты блѣднѣютъ,
Пока моленья пламенѣютъ,
И вмѣстѣ съ горемъ виденъ тамъ
Надменный вызовъ небесамъ.
Францискъ! святой нашъ покровитель!
Очисти отъ него обитель,
Пока не видимъ мы чудесъ
Въ знакъ гнѣва грознаго небесъ.
Коль дьяволъ плотью облекался,
Онъ въ этомъ обликѣ являлся.
Клянусь спасеньемъ—только адъ
Могъ породить подобный взглядъ!"
И сердцу слабому волненья
Любви знакомы, но умѣнья
Отдаться чувству цѣликомъ
Ты въ сердцѣ не найдешь такомъ.
Оно боится мукъ напрасныхъ,
Отчаянья порывовъ страстныхъ.
Одни суровыя сердца
Сносить умѣютъ до конца
Неисцѣлимыя страданья,
Годовъ презрѣвшія вліянье.
Металла виденъ блескъ, когда
Перегоритъ въ немъ вся руда.
Его въ горнилѣ расплавляютъ,
Его, какъ нужно, закаляютъ,
И онъ служить потомъ готовъ
Иль какъ защита отъ враговъ,
Иль какъ орудье нападенья,—
Зависитъ все отъ назначенья;
Иль панцырь онъ, иль острый мечъ...
Какъ долженъ тотъ себя беречь,
Кто наточилъ своей рукою
Кинжалъ, теперь готовый къ бою.
Любви такъ пламень роковой
Смиритъ свободный духъ мужской,
И въ томъ огнѣ, забывши гордость,
Онъ принимаетъ форму, твердость,—
И лишь сломаться можетъ онъ
Въ горнилѣ страсти закаленъ.
. . . . . .
Коль смѣнитъ скорбь уединенье,
То отъ страданій избавленье
Не веселитъ души больной.
Томясь холодной пустотой,
Минувшія страданья снова
Перенести она готова.
Какъ тяжело намъ жить однимъ,
Не повѣряя чувствъ другимъ...
И счастье намъ не въ утѣшенье!
Но если сердце въ изступленье
Отъ одиночества придетъ,
Оно исходъ себѣ найдетъ
Въ неугасимой, горькой злобѣ.
Терзался-бъ такъ въ холодномъ гробѣ
Мертвецъ, когда-бъ онъ могъ страдать
И съ содроганьемъ ощущать
Вокругъ себя червей могилы,
Ихъ сбросить не имѣя силы.
Такъ страждетъ бѣдный пеликанъ,
Когда онъ рядъ кровавыхъ ранъ
Себѣ наноситъ, чтобъ съ любовью
Кормить птенцовъ горячей кровью,—
И видитъ въ ужасѣ нѣмомъ,
Что ихъ ужъ нѣтъ въ гнѣздѣ родномъ.
И жизни тяжкія ненастья
Порой намъ дороги, какъ счастье,
Въ сравненьѣ съ хладной пустотой
Души безстрастной и нѣмой.
Перенести кто въ состояньѣ
Небесъ пустынныхъ созерцанье
И вѣчно видѣть лишь лазурь,
Безъ тучъ, безъ солнца и безъ бурь?
Когда на морѣ штормъ стихаетъ
И на песокъ волна бросаетъ
Пловца,—очнется онъ потомъ
Одинъ на берегу пустомъ,
И грозной бури вой ужасный
Блѣднѣетъ передъ мыслью страшной,
Что онъ обязанъ съ этихъ поръ
Забыть съ волнами жаркій споръ
И здѣсь, застывъ въ тоскѣ глубокой,
Погибнуть смертью одинокой.
Коль гибель небомъ суждена,
Приходитъ сразу пусть она.
. . . . . .
„Отецъ! Вдали отъ шума битвы,
Шепча лишь тихія молитвы
За прегрѣшенія другихъ,
Ты кончишь счетъ годовъ своихъ.
Не зная празднаго волненья,
Ни суеты, ни согрѣшенья,
Ты мирно прожилъ длинный вѣкъ,
Порой, какъ всякій человѣкъ,
Встрѣчая мелкія напасти.
Ты не извѣдалъ бурной страсти
Своихъ духовныхъ слабыхъ чадъ,
Что безъ утайки говорятъ
Тебѣ о мукахъ преступленья

ИСПОВѢДЬ ГЯУРА (The Confession).
Рис. Уоррена (H. Warren), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

И чьи грѣхи и угрызенья
На днѣ души твоей лежатъ.
Прошли мои младыя лѣта
Въ волненьяхъ суетнаго свѣта,
Въ нихъ много счастья, больше мукъ.
Любви и битвы былъ я другъ,
Въ кругу друзей, въ разгарѣ боя
Я чуждъ былъ хладнаго покоя...
Теперь, когда не грѣетъ кровь
Ни гнѣвъ, ни слава, ни любовь,
И въ сердцѣ мѣста нѣтъ надеждѣ,
И жить я не могу, какъ прежде,—
Мнѣ прозябанье слизняка
В[illegible] сырой темницѣ подъ землею
Милѣй, чѣмъ мертвая тоска
Съ ея безплодною мечтою.
И я въ сердечной глубинѣ
Стремлюсь къ покою, къ тишинѣ,
Къ сну безъ жгучаго сознанья.
Исполнится мое желанье,
Дадутъ рокъ мнѣ крѣпкій сонъ...
Онъ сновидѣній будетъ онъ;
Мечты надежды въ вѣчность канутъ
И грезы прошлаго не встанутъ.
Будь память лишь непрочный слѣдъ,
Могила прежнихъ, лучшихъ лѣтъ.
Я умереть хотѣлъ-бы съ ними;
Погибнуть съ грезами такими
Мнѣ лучше было-бы, чѣмъ жить
И ядъ мукъ медленныхъ испить.
Но у меня достало силы
Своей рукой не рыть могилы,
Какъ сумасбродъ былыхъ временъ,
Иль дней новѣйшихъ вѣтрогонъ.
На смерть взирая равнодушно,
На гибель я пойду послушно,
Съ охотой смерть приму въ бою,
Но руку подниму свою
Не для любви, но лишь для славы.
Честолюбивыя забавы
Я всей душою презиралъ,
Хоть въ битвахъ смерть не разъ встрѣчалъ
Пусть за лавровыми вѣнками
Иль за презрѣнными деньгами
Бросаются другіе въ бой.
Но если-бы передо мной
Поставилъ ставку ты иную,
Поставилъ бы любовь былую,
Или врага—пойду я вновь,
Гдѣ звонъ клинковъ, гдѣ льется кровь;
Куда-бъ судьба ни захотѣла
Меня толкнуть,—пойду я смѣло,
Чтобъ дѣву милую спасти,
Съ лица земли врага смести.

Ты можешь вѣрить мнѣ. Доселѣ
Я подтверждалъ слова на дѣлѣ.
Что смерть? Съ улыбкою храбрецъ
Встрѣчаетъ доблестный конецъ,
Мирится съ нею слабый въ страхѣ
И трусъ лишь ползаетъ во прахѣ.
Кто далъ мнѣ жизнь, пускай-же Тотъ
Теперь назадъ ее беретъ.
Я въ счастьѣ смерти не боялся,
Чего-бъ теперь я опасался?
. . . . . .
Когда-бъ ты зналъ, какъ я любилъ,
Какъ я ее боготворилъ...
Что это не слова пустыя,
Пусть скажутъ пятна кровяныя
На этой стали. Никогда
Слѣдовъ ихъ не сотрутъ года.
Вѣдь эта кровь была цѣною
За ту, въ чьей смерти я виною.
Изъ сердца вражьяго взята,
Но совѣсть въ томъ моя чиста,
Не ужасайся: врагъ сраженный
Былъ врагъ религіи твоей,
И гнѣвъ въ душѣ ожесточенной
Будило имя „Назарей".
Неблагодарный! Умирая
Отъ рукъ гяура, заслужилъ
Онъ сладкія утѣхи рая,—
Его рой гурій окружилъ
У входа въ дивный садъ пророка.
Да, я любилъ ее глубоко...
Любовь ведетъ порою насъ
Тропинкой узкой. Волкъ подчасъ
По той тропѣ идти боится.
Тому-жъ изъ насъ, кто не страшится
За страстью слѣдовать,—она
Награду дать потомъ должна.
И вотъ, за вздохи, за волненье
Я получилъ вознагражденье,
А какъ—не все-ль равно тебѣ?
Я шлю порой упрекъ судьбѣ,
Зачѣмъ она меня любила...
Да, умерла моя Леила,
И гибели ея печать
Хранитъ чело мое. Читать
Ты можешь тамъ слѣды мученья;
Слѣды позора, преступленья.
Не содрогайся, погоди,
Меня легко такъ не суди...
Вѣдь этотъ грѣхъ свершенъ не мною,
Хоть я и былъ всему виною...
Да, судъ Гассана былъ жестокъ,
Но вѣдь инымъ онъ быть не могъ.
Ее измѣна погубила,
Его-же месть моя сразила...
Леила, измѣнивъ ему,
Осталась сердцу моему
Вѣрна до смертнаго мгновенья,
И безъ борьбы, безъ сожалѣнья,
Все отдала, что отъ цѣпей
Свободнымъ оставалось въ ней.
Ее спасти ужъ было поздно,
Зато отмстить успѣлъ я грозно,
За смерть я смертью отплатилъ—
И разомъ сердце облегчилъ,
Врага въ могилу посылая.
Но все-жъ Леилы доля злая
Меня гнететъ; твой гнѣвъ святой
Бужу я мрачною душой.
Конецъ его неотвратимый
Тагиръ, предчувствіемъ томимый,
Ему зловѣще предсказалъ:
Свистъ пуль не даромъ онъ слыхалъ,
Пока отрядъ въ ущелье крался,
Гдѣ врагъ коварный дожидался.
Но вихремъ битвы опьяненъ,
Легко, безъ боли умеръ онъ.
Одно къ Пророку обращенье,
Аллаху тихое моленье—
И только... Больше ничего
Изъ устъ не вырвалось его.
Узнавъ меня, ко мнѣ онъ рвался,
Со мною встрѣтиться старался...
За нимъ я жадно наблюдалъ,
Когда сраженный онъ лежалъ
Передо мной, и уходила
Изъ жилъ его и жизнь, и сила.
Зіяло много ранъ на немъ...
Такъ леопардъ лежитъ, копьемъ
Враговъ безжалостныхъ пронзенный...
Слѣдовъ тоски неутоленной
Я тщетно въ немъ тогда искалъ.
Нѣтъ, я сильнѣй его страдалъ!
Умѣлъ онъ только ненавидѣть,
Но мукъ раскаянья увидѣть
Въ его чертахъ мнѣ не пришлось.
Тогда-бъ лишь мщенье удалось,
Когда-бы въ этотъ мигъ ужасный
Раскаянья приливъ напрасный
Его душой овладѣвалъ
И онъ-бы ясно сознавалъ,
Что невозможно искупленье,
Что нѣтъ надежды на спасенье.
. . . . . .
Кровь сѣверянъ такъ холодна,
Любовь у нихъ всегда спокойна...
Едва-ль на сѣверѣ достойна
Такого имени она.
Моя-же страсть была потокомъ,
Рожденнымъ въ кратерѣ глубокомъ
Горячей Этны... И всегда
Мнѣ болтовня была чужда
О красотѣ, о страсти жаркой.
Но если щекъ румянецъ яркій,



ИСПОВѢДЬ ГЯУРА (La Confession du Ciaour).

Картина Делакруа (Eugène Delacroix)

МОГИЛА ГАССАНА (Hassan's Tomb).
Рис. Уорренъ (H. Warren), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

Но коль пожаръ въ моей крови,
Уста сомкнутыя мои
И сердце, что такъ быстро бьется
И изъ груди на волю рвется,
Коль смутныхъ мыслей ураганъ,
Отважный подвигъ, ятаганъ,
Залитый вражескою кровью,—
Коль это все зовутъ любовью,
Такъ я любилъ и сердца пылъ
Не разъ на дѣлѣ проявилъ!
Я сердцемъ твердъ. Мое желанье—
Иль смерть, иль счастье обладанья.
Да, я умру, но я любилъ,
Я радость жизни ощутилъ,
И хоть моя печальна доля,
Ее моя-жъ избрала воля.
Я духомъ бодръ. Готовъ я жить
И вновь готовъ кипѣть страстями,
Когда бы могъ ее забыть.
Тамъ подъ холодными волнами,
Она лежитъ, и лишь о ней
Печаль моихъ унылыхъ дней.
Когда-бъ у ней была могила,
То съ ней бы ложе раздѣлила
Моя печаль. Была она
Любви и жизни воплощенье;
Она, какъ свѣтлое видѣнье,
Печальной красотой полна,
Стоитъ повсюду предо мною
Прелестной утренней звѣздою.
Любовь на небѣ рождена
Аллаха властью всеблагою
И намъ, какъ ангеламъ, дана
Святая искра. Надъ землею
Поднять желанія свои
Мы можемъ съ помощью любви.
Въ молитвѣ ввысь мы воспаряемъ,
Въ любви—мы небо приближаемъ
Къ землѣ. Аллахъ ее послалъ,
Чтобъ человѣкъ порой смывалъ
Всю грязь, всѣ помыслы дурные,
Пока вокругъ души горятъ
Лучи Создателя живые.
Пускай мою любовь клеймятъ
Грѣхомъ, позоромъ, преступленьемъ,
Карай и ты ее презрѣньемъ,
Но благость сердца докажи
И про ея любовь скажи,

Что ты грѣха не видишь въ этомъ,
Она была единымъ свѣтомъ
Моей всей жизни. Изъ-за тучъ
Не промелькнетъ мой свѣтлый лучъ...
За нимъ на муки въ сумракъ вѣчный
Пошелъ-бы я съ душой безпечной.
Когда все умерло въ груди
И нѣтъ надежды впереди,
То люди рокъ свой проклинаютъ,
И преступленіемъ порой
Они тяжелый жребій свой
Въ безумьѣ мрачномъ отягчаютъ.
Что сердцу бѣдному терять,
Коль кровью тайно истекать
Оно должно? Когда съ высокой
Вершины счастья мы летимъ,
То никогда не различимъ
Мы края пропасти глубокой.
Старикъ, ты смотришь на меня,
Какъ будто хищный коршунъ я,—
Ты не скрываешь отвращенья.
Да, путь кровавый преступленья
И я прошелъ, какъ коршунъ злой,
Но я не зналъ любви другой,—
Я вѣренъ былъ, какъ голубь нѣжный,
Своей голубкѣ бѣлоснѣжной.
Должны-бы тѣмъ мы подражать,
Кого привыкли презирать:
И птица, въ рощахъ распѣвая,
И лебедь, волны разсѣкая,
Подругѣ избранной вѣрны.
Пускай глупецъ, кому смѣшны
Томленья страсти постоянной,
Съ улыбкой хвастается чванной
Передъ безсмысленной толпой.
Какъ жалокъ онъ, съ душой жестокой
И съ жизнью мелкой и пустой.
Но бѣлый лебедь одинокій
Иль дѣва, что сдалась ему,
Повѣривъ искренне ему,
Стоятъ въ глазахъ моихъ высоко,
Я чуждъ въ невѣрности упрека...
Леила, я къ тебѣ одной
Стремился мыслью и душой,
Моя ты скорбь, моя отрада,
Моя небесная награда,
Ты воплощеніемъ была
Моей души добра и зла.
Кто можетъ здѣсь съ тобой сравняться?
Я далъ-бы все, чтобъ не встрѣчаться
Съ похожей на тебя и вновь
Тревожить скорбную любовь.
Пусть правду словъ моихъ докажетъ
Вся юность грѣшная моя,
И эта скорбная скамья
Мои страданья перескажетъ.
До гроба будетъ образъ твой
Моей любимою мечтой!
Когда она погибла въ морѣ,
Я жить остался. Гнѣвъ и горе
Обвили сердце мнѣ змѣей.
Къ борьбѣ стремился я душой,
И дней печальныхъ не считая,
Отъ жизни взоры отвращая,
Я на природу не глядѣлъ
И различать ужъ не хотѣлъ
Ея оттѣнковъ, прежде милыхъ:
Я отраженье видѣлъ въ нихъ
Моей души тоновъ унылыхъ.
Ты знаешь о грѣхахъ моихъ,
Ты знаешь о моемъ страданьѣ,
Не говори о покаяньѣ.
Близка ужъ смерть, ты видишь самъ.
Хотя-бы я твоимъ словамъ,
Повѣрилъ,—все равно, несчастья
Не исцѣлитъ твое участье,
Ахъ, что въ бесѣдѣ мнѣ твоей?
Безъ словъ печаль души моей
Пойми. Простое сожалѣнье
Нужнѣе мнѣ, чѣмъ поученье.
Когда-бъ Леилу воротить
Ты могъ,—прощенія просить
Я у тебя послушно сталъ-бы
И за себя туда послалъ-бы,
Гдѣ достаетъ спасенье намъ
Молитвъ продажныхъ фиміамъ.
Ко львицѣ ты осиротѣлой
Пойдешь-ли съ мудростью своей,
Когда возьметъ охотникъ смѣлый
Ея испуганныхъ дѣтей?
Нѣтъ, утѣшать ты не пытайся,
Надъ скорбью зло не издѣвайся.
Въ безпечной юности, когда
Одна душа съ другой всегда
Легко вступаетъ въ единенье,
Вдали, въ моемъ родномъ селеньѣ,
Жилъ другъ моихъ счастливыхъ лѣтъ.
Его въ живыхъ, быть можетъ, нѣтъ...
Тебя прошу я объ услугѣ:
На память объ умершемъ другѣ
Вотъ эту вещь ему пошли,
Чтобъ обо мнѣ воспоминанья
Хотя на мигъ къ нему пришли.
Хоть я не щедръ на изліянья,
Но вѣрю твердо,—до сихъ поръ
Не уничтожилъ мой позоръ
Въ немъ дружбы тихое мерцанье.
Мой другъ судьбу мнѣ предсказалъ..
Я лишь улыбкой отвѣчалъ,
Но посылало Провидѣнье
Мнѣ въ этотъ мигъ предупрежденье.
Тогда замѣтилъ я едва
Его зловѣщія слова,
Но въ нихъ скрывался смыслъ глубокій.

И лебедь, волны разсѣкая

Рис. Уоррена (H. Warren), грав. Э. Финдена (E. Finden).

Скажи, что съ точностью жестокой
Свершилось все; и будетъ онъ
Навѣрно горько пораженъ,
Что предсказанье оправдалось,
Что столько правды въ немъ сказалось.
Скажи, что если средь утѣхъ
За круговой веселой чашей
Я былъ забывчивѣе всѣхъ,—
То все-жъ о немъ, о дружбѣ нашей
Я не забылъ въ послѣдній мигъ.
Но мнѣ мѣшаетъ преступленье
За друга чистаго моленье
Послать... Нѣмѣетъ мой языкъ.
О снисхожденьѣ просьбъ не надо:
Онъ слишкомъ любитъ для того,
Чтобы пролить хоть каплю яда
На крышку гроба моего.
И чужды мнѣ о славѣ грезы...
Я также не прошу, чтобъ слезы
Надъ гробомъ друга онъ не лилъ:
Его-бъ я только оскорбилъ
Подобной просьбой. Надъ могилой,
Гдѣ опочилъ товарищъ милый,
Другъ вѣрный долженъ горевать.
Но умоляю передать
Ему кольцо. Оно когда-то
Съ его руки надежной сн ято.
О всемъ ты разскажи ему,
Что ясно взору твоему:
Объ этомъ тѣлѣ истощенномъ,
О сердцѣ, страстью разоренномъ.
Скажи, что чувствъ мятежный бѣгъ
Обломокъ выбросилъ на брегъ,
Скажи, что я лишь свитокъ пыльный,
Листокъ оторванный, безсильный
Передъ холоднымъ вѣтромъ бѣдъ...
. . . . . .
Ахъ нѣтъ, отецъ, то не былъ бредъ.
Нѣтъ, это не могло мнѣ сниться:
Для грезъ вѣдь нужно сномъ забыться,
А я въ мгновенье то не спалъ,
Я только слезъ съ мольбою ждалъ,
Но ихъ, увы, я не дождался.
Мой мозгъ отъ боли разрывался,
Вотъ какъ теперь... Хоть-бы одна
Слезинка мнѣ была дана!
Я и теперь ихъ жажду страстно,
Не убѣждай меня напрасно;
Не излѣчить души моей
Тебѣ молитвою своей.

Къ чему мнѣ рай, къ чему спасенье?
Ахъ, дай мнѣ лишь успокоенье...
Въ тотъ мигъ, отецъ, вдругъ вижу я—
Леила предо мной моя..
Она сквозь саванъ свой свѣтилась,
Какъ та звѣзда, что закатилась
За это облако сейчасъ.
Нѣтъ, лучше, чѣмъ она, свѣтлѣе...
Чуть видитъ звѣздочку мой глазъ,—
На завтра ночь еще темнѣе...
Опять мелькнетъ вдали звѣзда,
Но я ужъ буду тѣмъ тогда,
Чего живой всегда боится.
Отецъ, я брежу... но стремится
Моя душа изъ тѣла прочь.
Монахъ! Она пришла въ ту ночь!
Я позабылъ про скорбь, про горе
И бросился съ мольбой во взорѣ
За ней впередъ, чтобы скорѣй
Ее прижать къ груди своей.
Но что-же обнялъ я? Проклятье!
Лишь ночь была въ моемъ объятьѣ.
Моя Леила, гдѣ-же ты?
Вѣдь видѣлъ я твои черты.
Иль ты настолько измѣнилась,
Что лишь глазамъ моимъ явилась,
Но ласки милаго бѣжишь?
Но нѣтъ, живая ты стоишь!
Я вновь обнять тебя желаю—
И снова тьму лишь обнимаю,
И руки падаютъ съ тоской.
Но ты стоишь передо мной,
Твоя коса до ногъ спадаетъ,
Меня о чемъ-то умоляетъ
Печальный взоръ твоихъ очей.
Не вѣрилъ смерти я твоей,
А *онъ* погибъ, онъ въ томъ-же полѣ
Зарытъ, и не въ его ужъ волѣ
Являться мстителемъ сюда..
Но какъ-же *ты* встаешь тогда?
Я слышалъ, что валы морскіе
Черты сокрыли дорогія.
Но лишь объ этомъ вспомню вновь,—
Уста нѣмѣютъ, стынетъ кровь.
Но если въ этомъ нѣтъ обмана
И ты пришла изъ океана
Просить, послушная судьбѣ,
Чтобъ я могилу далъ тебѣ,—
Пусть пальцы нѣжные остудятъ
Мое чело,—тогда не будетъ
Оно ужъ вновь пылать огнемъ.
На сердцѣ раненомъ моемъ
Пускай лежитъ изъ сожалѣнья
Твоя рука. Мечта, видѣнье,
Иль милой тѣнь, о, пощади,
Молю тебя, не уходи,
Иль, душу взявъ мою изъ тѣла,
Неси отъ скорбнаго предѣла
Туда, гдѣ нѣтъ шумящихъ волнъ,
Гдѣ тишиною воздухъ полнъ.

. . . . . .

Окончилъ я свое сказанье
О мукахъ сердца, о страданьѣ...
И тайну тяжкую свою
Твоей душѣ передаю.
Но вижу я слезу печали...
Благодарю тебя, отецъ!
Мои глаза вѣдь слезъ не знали.
Когда наступитъ мой конецъ,
Пріютъ моимъ останкамъ тлѣннымъ
Ты дай на кладбищѣ смиренномъ.
Пусть надо мной лишь крестъ стоитъ,
Пусть надписи надгробной видъ
Пришельца взоръ не привлекаетъ
И путь онъ дальше направляетъ*.
Такъ умеръ онъ, и ничего
О родѣ, имени его
Мы не узнали. Исповѣдникъ,
Его печальныхъ тайнъ наслѣдникъ,
Скрывать обязанъ ихъ отъ насъ.
И лишь неровный мой разсказъ
Повѣдалъ вамъ о нѣжной дѣвѣ
И о врагѣ, сраженномъ въ гнѣвѣ.

С. Ильинъ

АБИДОССКАЯ НЕВѢСТА

ТУРЕЦКАЯ ПОВѢСТЬ.

Had we never loved so kindly
Had we never loved so blindly
Never met or never parted.
We had ne'er been broken-hearted

Burns.

Достоуважаемому Лорду Голланду

Эту повѣсть посвящаетъ

Съ чувствомъ истиннаго уваженія

Его искренно благодарный другъ

Байронъ.

ЗУЛЕЙКА и СЕЛИМЪ (Zuleika and Selim).

Рис. Рихтеръ (H. Richter), грав. В. Финденъ (W. Finden).

АБИДОССКАЯ НЕВѢСТА.

1.

На самомъ узкомъ мѣстѣ Геллеспонта лежатъ другъ противъ друга два старинныхъ греческихъ города,—Сестъ на европейской, Абидъ (или Абидосъ) на азіатской сторонѣ. Здѣсь былъ самый удобный пунктъ для переправы: отсюда неразъ похотливые взоры богатой и могучей Азіи простирались на сосѣдную Европу, бѣдную, но суровую въ своей нетронутой, дѣвственной красотѣ. Въ миѳотворный періодъ античной исторіи и это стремленіе нашло себѣ выраженіе въ миѳѣ; разсказывали, что абидосскій юноша Леандръ полюбилъ сестянку Геро, жрицу Афродиты, жившую по волѣ родителей въ одинокой башнѣ на морскомъ берегу. Добившись ея взаимности, онъ каждую ночь къ ней переплывалъ, причемъ направленіе ему указывалъ факелъ, который Геро зажигала на своей башнѣ. Но вотъ однажды надъ смѣлымъ пловцомъ разразилась непогода; долго боролся онъ противъ силы волнъ, но когда факелъ отъ бури потухъ, онъ потерялъ направленіе и погибъ въ морѣ. На другое утро его тѣло прибило къ берегу; тамъ его нашла юная „дѣвушка-затворница“ и, не будучи въ состояніи вынести разлуку съ милымъ, бросилась за нимъ въ пучину. Таковъ миѳъ „о Геро и Леандрѣ“; свою поэтическую обработку онъ нашелъ въ романтическую эпоху греческой поэзіи, въ эпоху т. наз. александринизма; намъ эта обработка однако не сохранилась, а сохранились двѣ болѣе позднія, одна римская, среди т. наз. „Героидъ“ Овидія, другая греческая, поэта VI в. по Р. Х. Мусея. Сюжетъ привился и къ новой поэзіи; Шиллеръ посвятилъ ему очень длинную и нѣсколько напыщенную балладу. Грильпарцеръ обработалъ его въ своей чудной трагедіи «Волны моря и любви»; но лучшимъ памятникомъ античной четы стала народная пѣсня, распространенная по всему германскому міру—пѣсня «О царевичѣ и царевнѣ».

2.

Байронъ зналъ абидосскій миѳъ, повидимому, изъ обработки Мусея [1]); онъ вспомнилъ о немъ въ 1810 г., когда его корабль долженъ былъ въ теченіе 14 дней дожидаться въ Геллеспонтѣ разрѣшенія слѣдовать дальше въ Константинополь. Будучи самъ искуснымъ пловцомъ, онъ вздумалъ подражать примѣру Леандра и дважды сдѣлалъ попытку переплыть изъ Абидоса въ Сестъ; въ первый разъ теченіе его отнесло отъ намѣченной цѣли, во второй разъ онъ его поборолъ и благополучно достигъ развалинъ «башни Геро». Правда, онъ поплатился за свою смѣлость совершенно непредусмотрѣнной миѳомъ лихорадкой, которая приковала его къ постели на нѣсколько дней; все же его романтическая прихоть была удовлетворена и по возвращеніи на родину онъ пожелалъ увѣковѣчить въ своей поэзіи ея обстановку. Такъ возникла «Абидосская невѣста», написанная имъ въ 1813 г. въ двѣ недѣли; заглавіе

[1]) На это указываетъ слѣдующее совпаденіе. Въ поэмѣ Мусея упоминаются острова Архипелага, причемъ они тамъ названы не то «увѣнчанными моремъ», не то «вѣнчающими море» (ἀλιστεφέων στρῶα νήσων ст. 45; первое толкованіе филологически правильно). Повидимому, этотъ необычный эпитетъ навелъ нашего поэта на его красивую картину (п. II стр. 19) о тѣхъ же островахъ.

I long'd to sed the isles, that gem.
Old Ocean's purple diadem.

въ переводѣ Козлова:

Стремилъ свой бѣгъ межъ островами
Блестящими надъ влажнымъ днемъ
Жемчужно-пурпурнымъ вѣнцомъ
Святого старца океана.

ему создала формула, вошедшая въ моду съ легкой руки Вальтеръ-Скота и его „Ламмермурской невѣсты". Все же онъ въ этой поэмѣ не далъ передѣлки греческаго мифа: онъ упоминаетъ о немъ въ вступительныхъ стихахъ второй пѣсни, но удержалъ изъ него лишь романтическій образъ дѣвы-затворницы, живущей въ башнѣ надъ моремъ—въ башнѣ, въ которой свѣтится одинокій огонь, мерцающій среди темной ночи и указывающій направленіе безпокойнымъ мыслямъ ея милаго (п. II, стр. 5).

Лишь только въ башнѣ одинокой
Младой Зулейки свѣтъ блеститъ.—
Лишь у нея, въ ночи глубокой,
Лампада поздняя горитъ.

Да, Геро превратилась въ Зулейку; опять передъ нами какъ въ „Гяурѣ", „турецкая повѣсть". Только загадочнаго въ ней этотъ разъ нѣтъ ничего, передъ нами—повѣсть обычнаго романтическаго типа, съ маленькой тайной вначалѣ, которая, однако, въ свое время разъясняется, согласно догадкѣ участливаго читателя и безъ малѣйшаго труда съ его стороны. Вообще по своимъ поэтическимъ достоинствамъ наша поэма стоитъ ниже „Гяура"; лирическія отступленія—особенно въ началѣ второй пьесы—красивы, но все же не выдерживаютъ сравненія съ могучими картинами той поэмы. При всемъ томъ и она не лишена интереса; по своей концепціи она—соединительное звено между „Гяуромъ" и „Корсаромъ", а нѣкоторые мотивы указываютъ далеко впередъ—на „Манфреда" и „Каина".

3.

Дѣйствительно, фантазія поэта, любившая варіировать, развивая ихъ, одни и тѣ же типы и мотивы, кое гдѣ представляетъ знакомые намъ уже по „Гяуру" элементы. Прежде всего, старый Гжаффиръ-паша (Яфаръ по переводу Козлова), въ своей мусульманской законченности, повторяетъ Гассана и подобно ему восходитъ къ старому знакомому и хозяину поэта, янинскому пашѣ Али. Онъ даже болѣе къ нему приближается чѣмъ тотъ: Гжаффиръ лишенъ того сентиментализма, которымъ поэтъ счелъ нужнымъ романтизировать образъ своего Гассана, его нѣжная любовь къ дочери не мѣшаетъ ему пользоваться ею для своихъ честолюбивыхъ замысловъ. Впрочемъ, самъ поэтъ призналъ, что въ темной исторіи убійства онъ воспроизвелъ разсказъ, ходившій про самого Алипашу, причемъ имя жертвы Али въ своей красивой турецкой энергичности было имъ перенесено на самого героя; равнымъ образомъ мятежное настроеніе Гжаффира-паши по отношенію къ султану (п. I, стр. 7), игры „Дельгисовъ", на которыхъ онъ присутствуетъ (п. I, стр. 8; ср. „Чайльдъ-Гарольдъ" II, 70 сл.), да и вообще вся обстановка списаны съ натуры.

Одно остается ирраціональнымъ въ характерѣ Гжаффира—его отношеніе къ Селиму, сыну убитаго имъ брата, котораго онъ воспитывалъ, не любя его, какъ роднаго сына и какъ брата Зулейки. Такъ и Гамлетъ воспитывался въ домѣ своего дяди, убившаго его отца; и дѣйствительно, Селимъ напоминаетъ нѣкоторыми своими чертами датскаго принца. Но поэтъ XIX в. не счелъ позволительнымъ тревожить тѣнь убитаго: какъ и въ античномъ первообразѣ исторіи Гамлета, въ Орестеѣ, воспитатель мальчика разсказывалъ ему о его происхожденіи и объ ужасной драмѣ его ранняго дѣтства... Читатель безъ труда признаетъ, что эту замѣчательную чету, Гаруна и Селима, позднѣе и съ гораздо большею силой воспроизвелъ Мицкевичъ въ своемъ „Конрадѣ Валленродѣ"—тамъ же мы встрѣчаемъ въ самой поэтической обстановкѣ и „дѣвушку-затворницу", Альдону.

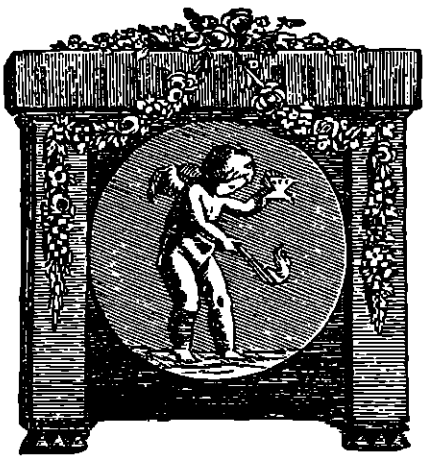
На Селима пала тѣнь великой скорби Гамлета; его сила надломлена ея прикосновеніемъ. Сравнивая Селима съ Гяуромъ, мы чувствуемъ извѣстное ослабленіе демонизма: этотъ мечтательный юноша, котораго приводитъ въ безпамятство пренебрежительное слово его мнимаго отца, не созданъ для побѣдъ, хотя бы и для тѣхъ, которыя окупаются цѣною собственной крови. Правда онъ удачно воспользовался той свободой, которую ему на время даровалъ его вѣрный пѣстунъ. Сынъ паши, воспитываемый вдали отъ воинскихъ дѣлъ, онъ ведетъ тайно другое существованіе какъ вождь морскихъ разбойниковъ. Но его мечта раздѣлена между местью и любовью; онъ могъ бы во главѣ своихъ смѣльчаковъ пролить кровь Гжаффира, онъ могъ бы похитить Зулейку и начать съ ней новую жизнь на какомъ нибудь пустынномъ островѣ.. но нѣтъ, эти двѣ мысли всегда будутъ противодѣйствовать одна другой, и когда онъ рѣшится, наконецъ, осуществить вторую въ ущербъ первой, будетъ уже поздно. Поэтъ самъ разобьетъ слабый сосудъ могучихъ силъ: тотъ, кто, похитивъ милую, заживетъ съ

ней царемъ вольной морской дружины на „моремъ вѣнчанномъ островѣ“ и оттуда нашлетъ огненную грозу на пашу-обидчика“, будетъ не Селимъ: это будетъ Конрадъ въ поэмѣ „Корсаръ“. Въ этой поэмѣ затронутые въ „Абидосской невѣстѣ“ и недоведенные до конца мотивы будутъ съ гораздо большимъ успѣхомъ развиты вновь.

За исключеніемъ, впрочемъ, одного. Селимъ воспитывается съ Зулейкой, которая не знаетъ, что онъ ей не братъ; свою любовь къ нему она принимаетъ за естественную и позволительную любовь сестры, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что эта любовь въ своей страстности не укладывается въ рамку чисто родственной привязанности; что будетъ съ ней, когда она узнаетъ истину?— Внезапность развязки освободила поэта отъ необходимости отвѣтить на этотъ вопросъ; да и сомнительно, при сложности и необыкновенности предполагаемаго психическаго акта, что онъ нашелъ убѣдительное рѣшеніе. И то, что онъ представилъ, достаточно рискованно; о Селимѣ мы не говоримъ— онъ знаетъ, что онъ „не тотъ, кѣмъ онъ кажется“, но Зулейка положительно влюблена въ того, кого она считаетъ своимъ братомъ, и поэтъ не мало красокъ употребилъ на подробное развитіе этого соблазнительнаго мотива. Можно предположить, что на него не остался тутъ безъ вліянія Овидій, обстоятельно представляющій намъ двѣ такихъ несчастныхъ четы (Макарея и Конаку въ „Героидахъ“ и Кавка и Библиду въ „Превращеніяхъ“; античность, любившая ставить всевозможные нравственные вопросы, но и отвѣчать на нихъ со здравымъ инстинктомъ побѣждающей культуры, облекала тутъ въ поэтическую форму свой протестъ противъ этой гибельной формы половой аберраціи. Романтизмъ, вообще любившій играть огнемъ, не могъ оставить ее въ сторонѣ; Байронъ здѣсь лишь робко ея коснулся, держа на готовѣ спасительный отвѣтъ, что его чета, вѣдь, только считается братомъ и сестрой. Смѣлѣе онъ воспроизвелъ ее впослѣдствіи въ „Манфредѣ“ и „Каинѣ“, за что, какъ извѣстно, и поплатился: уже послѣ смерти поэта была пущена противъ него гнусная сплетня, внесшая въ его собственную жизнь тѣ несчастные и преступные образы, которыми онъ игралъ въ упомянутыхъ произведеніяхъ.

Впрочемъ, вліяніе Овидія сказалось еще въ одномъ мотивѣ: подобно столькимъ разсказамъ великаго поэта, его повѣсть о любви Селима и Зулейки кончается настоящимъ „превращеніемъ“. Овидій передалъ бы его приблизительно такъ... „но боги, сжалившись надъ любовью дѣвы, превратили ее въ розу, а ея милаго въ соловья. И съ этихъ поръ соловей неотступно виталъ надъ розой, повѣряя ей въ пѣсняхъ неудовлетворенныя стремленія своей души, а роза въ благоуханіяхъ возноситъ къ нему тѣ чувства нѣжной и преданной любви, которыя онъ внушилъ ей въ своей человѣческой жизни“. Утихли страсти, прошла пора яростныхъ ударовъ и раздирающей муки; осталась лишь тихая жалоба обездоленнаго сердца, сливающаяся съ голосомъ всей страждущей природы въ тотъ общій аккордъ грусти, которому такъ хорошо умѣла внимать чуткая душа нашего поэта.

Ѳ. Зѣлинскій.



ВИДЪ НА ГЕЛЛЕСПОНТЪ (The Hellespont, from the Sultan's garden).
Рис. Уррен (H. Warren), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

I.

Кто знаетъ край далекій и прекрасный,
Гдѣ кипарисъ и томный миртъ цвѣтутъ
И гдѣ они какъ призраки растутъ
Суровыхъ дѣлъ и нѣги сладострастной,
Гдѣ нѣжность чувствъ съ ихъ буйностью близка,
Вдругъ ястребъ тихъ, а горлица дика?
Кто знаетъ край, гдѣ небо голубое
Безоблачно, какъ счастье молодое,
Гдѣ кедръ шумитъ и вьется виноградъ,
Гдѣ вѣтерокъ, носящій ароматъ,
Подъ ношею въ эеирѣ утопаетъ,
Во всей красѣ гдѣ роза расцвѣтаетъ,
Гдѣ сладостна олива и лимонъ,
И лугъ всегда цвѣтами испещренъ,
И соловей въ лѣсахъ не умолкаетъ,
Гдѣ дивно все, видъ рощей и полянъ,
Лазурный сводъ и радужный туманъ,
И пурпуромъ блестящій океанъ,
И дѣвы тамъ свѣжѣе розъ душистыхъ,
Разбросанныхъ въ ихъ локонахъ волнистыхъ?
Тотъ край—Востокъ, то солнца сторона!
Въ ней дышитъ все Божественной красою,
Но люди тамъ съ безжалостной душою:
Земля какъ рай. Увы! зачѣмъ она—
Прекрасная—злодѣямъ предана!
Въ ихъ сердцѣ месть; ихъ повѣсти печальны,
Какъ стонъ любви, какъ поцѣлуй прощальный.

II.

Собравъ диванъ, Яфаръ сѣдой
Сидѣлъ угрюмо.—Вкругъ стояли
Рабы готовою толпой
И стражей быть, и мчаться въ бой.
Но думы мрачныя летали
Надъ престарѣлою главой.
И, по обычаямъ Востока,
Хотя поклонники пророка
Скрываютъ хитро отъ очей
Порывы бурные страстей—
Все, кромѣ спеси ихъ надменной;
Но взоры пасмурны, смущенны
Являли всѣмъ, что втайнѣ онъ
Какимъ-то горемъ угнетенъ.

III.

„Оставьте насъ!“—Идутъ толпою.—
„Гаруна вѣрнаго ко мнѣ!“
И вотъ, Яфаръ наединѣ
Остался съ сыномъ.—Предъ пашою
Арабъ стоитъ:—„Гарунъ! скорѣй
Иди за дочерью моей
И приведи ко мнѣ съ собою;
Но пережди, чтобъ внѣшній дворъ
Толпа военныхъ миновала:
Бѣда тому, чей узритъ взоръ
Ея лицо безъ покрывала!
Судьба Зулейки рѣшена;
Но ты ни слова; пусть она
Свой жребій отъ меня узнаетъ“.
„Что мнѣ паша повелѣваетъ,
Исполню я“. Другихъ нѣтъ словъ
Межъ властелина и рабовъ.
И вотъ ужъ къ башнѣ отдаленной
Начальникъ евнуховъ бѣжитъ.
Тогда, съ покорностью смиренной,
Взявъ ласковый и нѣжный видъ,
Умильно сынъ къ отцу подходитъ
И, поклонясь, младой Селимъ
Съ пашою грознымъ рѣчь заводитъ,
Съ почтеньемъ стоя передъ нимъ.
„Ты гнѣвенъ,—но чужой виною,
Отецъ! сестры не упрекай,
Рабыни черной не карай...
Виновенъ я передъ тобою.
Сегодня раннею зарей
Такъ солнце весело играло,
Такою свѣтлою красой
Поля и волны озаряло,
Мой сонъ невольно отъ очей
Бѣжалъ; но грусть меня смущала,
Что тайныхъ чувствъ души моей
Ничья душа не раздѣляла;
Я перервалъ Зюлейки сонъ,—
И какъ замки сторожевые
Доступны мнѣ въ часы ночные,
То мимо усыпленныхъ женъ
Тихонько въ садъ мы убѣжали,—
И рощи, волны, небеса
Какъ бы для насъ цвѣли, сіяли,
И мнилось: наша ихъ краса.
Мы день бы цѣлый были рады
Вдаваться сладостнымъ мечтамъ,
Межнуна сказки, пѣсни Сади
Еще милѣй казались намъ,—
Какъ вѣщій грохотъ барабана
Мнѣ вдругъ напомнилъ часъ дивана,—
И во дворецъ являюсь я:
Къ тебѣ мой долгъ меня приводитъ,
Но и теперь сестра мо:—
Задумчива—по рощамъ бродитъ.
О, не гнѣвись! толпа рабовъ
Гаремъ всечасно охраняетъ,
И въ тихій мракъ твоихъ садовъ
Лукавый взоръ не проникаетъ“.

IV.

„О, сынъ рабы!“ паша вскричалъ:
„Напрасно я надеждой льстился,
Чтобъ ты съ годами возмужалъ.
Отъ нечестивой ты родился!
Иной бы, въ цвѣтѣ юныхъ дней,
То борзыхъ объѣзжалъ коней,
То стрѣлы раннею зарею
Бросалъ бы мѣткою рукою,
Но, грекъ не вѣрой, грекъ душой,
Ты любишь нѣгу и покой,
Сидишь надъ свѣтлыми водами
Или плѣняешься цвѣтами;
Ахъ! признаюсь, желалъ бы я,
Чтобъ, взоръ лѣнивый веселя,
Хотя-бъ небесное свѣтило
Твой слабый духъ воспламенило!
Но, нѣтъ! позоръ земли родной!
О! если бурною рѣкой
Полки московитянъ нахлынутъ,
Стамбула башни въ прахъ низринутъ
И разорятъ мечемъ, огнемъ
Отцовъ завѣтную обитель!
Ты, грозной сѣчи вялый зритель,
Ты ленъ пряди,—и стукъ мечей
Лишь страхъ родитъ въ душѣ твоей;
Но самъ ты мчишься за бѣдою;
Смотри же, чтобъ опять съ тобою
Зюлейка тайно не ушла!..
Не то—вотъ лукъ и вотъ стрѣла!“

V.

Уста Селимовы молчали;
Но взоръ отцовъ, отцова рѣчь
Убійственнѣй, чѣмъ русскій мечъ,
Младое сердце уязвляли.
„Я сынъ рабы? я слабъ душой!
Кто-жъ мой отецъ?.. Давно-бъ иной
Палъ мертвый за упрекъ такой“.
Такъ думы черныя рождались,
И очи гнѣвомъ разгарались,
И гнѣва скрыть онъ не хотѣлъ.
Яфаръ на сына посмотрѣлъ—
И содрогнулся... Ужъ являлась
Кичливость юноши предъ нимъ;
Онъ зритъ, какъ раздраженъ Селимъ
И какъ душа въ немъ взбунтовалась.
„Что-жъ ты ни слова мнѣ въ отвѣтъ?
Я вижу все:—отваги нѣтъ,
Но ты упрямъ, а будь ты смѣлый

ЗУЛЕЙКА и ЯФАРЪ (Zuleika and Giaffir).
Рис. Уоррена (H. Warren), грав. Э. Финдена (E. Finden).

И сильный, и годами зрѣлый,
То пусть бы ты свое копье
Переломилъ—хоть о мое".
И взглядъ презрѣнья довершаетъ
Паши насмѣшливый укоръ;
Но дерзкій видъ, обидный взоръ
Селимъ безстрашно возвращаетъ,—
Самъ гордо на него глядитъ,
Гроза въ очахъ его горитъ,
И старецъ взоры опускаетъ,
И съ тайной злобою молчитъ.
„Онъ мнѣ рожденъ для оскорбленья,
Онъ мнѣ постылъ со дня рожденья,
Но что-жъ?—его безъ силы длань
Лишь серну дикую и лань
Разитъ на ловлѣ безопасной;
Его страшиться мнѣ напрасно.
Ему ли съ робкою душой
За честь летѣть на страшный бой?
Меня кичливость въ немъ смущаетъ,
Въ немъ кровь... чья кровь?.. Ужель онъ
знаетъ?!..
Въ моихъ очахъ онъ, какъ арабъ,
Какъ въ битвахъ низкій, подлый рабъ;
Я усмирю въ немъ духъ мятежный!—
Но чей я слышу голосъ нѣжный?..
Не такъ плѣнителенъ напѣвъ
Эдемскихъ свѣтлоокихъ дѣвъ.
О, дочь! тобою жизнь яснѣе.
Ты матери своей милѣе,—
Съ тобою мнѣ, подъ сумракъ лѣтъ,
Однѣ надежды, горя нѣтъ;
Какъ путника въ степи безводной
Живитъ на солнцѣ ключъ холодный,
Такъ веселитъ взоръ жадный мой
Явленье Пери молодой.
Какой поклонникъ въ поднебесной
Передъ гробницею чудесной
Пророка пламеннѣй молилъ!
Кто такъ за жизнь благодарилъ,
Какъ я за дочь, мою отраду?
Его прекрасную награду?
Дитя мое... О, сладко мнѣ
Благословенье дать тебѣ!"

VI.

Плѣнительна, свѣтла, какъ та мечта живая,
Которая съ собой несетъ видѣнья рая
Страдальца горестныхъ, призраковъ полнымъ снамъ,
И радуетъ тоску, что встрѣча есть сердцамъ,
Что въ небѣ отдана отрада намъ земная,
Мила, какъ память той, чей святъ безцѣнный прахъ,
Чиста, какъ у дѣтей молитва на устахъ—
Была Яфара дочь.—Заплакалъ вождь угрюмый,
Когда она вошла, и не отъ мрачной думы.
Кто самъ не испыталъ, что словъ на свѣтѣ нѣтъ—
Могучей красоты изобразить сіянье?
Предстанетъ ли предъ кѣмъ? Въ душѣ очарованье,
Блѣднѣетъ, и въ очахъ затмится Божій свѣтъ,
И, сладостно томясь, веселый и унылый,
Онъ сердцемъ признаетъ всю власть чудесной силы.
Зюлейка такъ блеститъ той прелестью младой,
Которой имя нѣтъ, безвѣстной ей одной,
Невинностью цвѣтетъ, любовью пламенѣетъ,
И музыка у ней съ лица какъ будто вѣетъ,
И сердце нѣжное льетъ жизнь ея красамъ.
А взоръ?—о, этотъ взоръ—онъ былъ душою самъ!
Она вошла—главу склонила
И руки бѣлыя крестомъ
На перси чистыя сложила,—
И передъ сумрачнымъ отцомъ
Съ улыбкою смиренной стала,
И на плечо къ нему припала,
И бѣлоснѣжною рукой
Привѣтно старца обнимала.
Лаская дочь, Яфаръ нѣмой,
Унылый,—дѣло начатое
Уже готовъ былъ отмѣнить;
Яфаръ боялся погубить
Ея веселье молодое;
Онъ чувствомъ былъ прикованъ къ ней:
Но гордость въ немъ всѣхъ чувствъ сильнѣй.

VII.

„Зулейка—сердца утѣшенье!
Тебѣ сей день докажетъ вновь
Мою отцовскою любовь;
Съ тобой мнѣ тяжко разлученье;
Но я, забывъ печаль мою,
Тебя въ замужство отдаю;
Женихъ твой славенъ,—межъ военныхъ
Онъ всѣхъ храбрѣй; Османъ рожденъ
Отъ древнихъ, доблестныхъ племенъ
Отъ Тимарьетовъ неизмѣнныхъ,
Никѣмъ, нигдѣ непобѣжденныхъ;
И словомъ, я тебѣ скажу,

ЗУЛЕЙКА и ЯФАРЪ (Zuleika before Giaffir).
Рис. Степановъ (F. R. Stephanoff), грав. Робинзонъ (H. Robinson).

Онъ родственникъ Пасванъ-оглу.
До лѣтъ его какое дѣло!
Не юноши искалъ я самъ;
Тебѣ-жъ приданное я дамъ,
Которымъ ты гордися смѣло,
Когда-жъ все будетъ свершено,—
И наши силы заодно,
То посмѣемся мы съ Османомъ
Надъ жизнь отъемлющимъ фирманомъ:
Лишь головы не сбережетъ,
Кто въ даръ снурокъ къ намъ привезетъ.
Теперь моей внимая волѣ
Послушна мнѣ, ему вѣрна,
Уже ты съ нимъ искать должна
Любви и счастья въ новой долѣ".

VIII.

И дѣва юною главой
Безмолвно робкая поникла,
И вѣсть разящею стрѣлой,
Казалось, грудь ея проникла.
Въ смятеньи тяжкомъ и нѣмомъ
И чувствамъ воли дать не смѣя

Она стояла предъ отцомъ
Блѣдна, какъ ранняя лилея;
И вздохъ прокрался,—на щекахъ
Зардѣлись дѣвственныя розы,
И на потупленныхъ очахъ
Невольно навернулись слезы.
Что можетъ, что съ твоей красой,
Румянецъ дѣвственный, равняться!—
И жалость нѣжная тобой
Всегда готова любоваться!
И что, что можетъ такъ плѣнять,
Какъ слезы красоты стыдливой!
Ихъ жаль самой любви счастливой
Лобзаньемъ страстнымъ осушать!
Но ужъ о томъ, какъ съ ней одною
Селимъ въ саду гулялъ зарею,
Иль не хотѣлъ, иль позабылъ,
Яфаръ совсѣмъ не говорилъ,—
Онъ трижды хлопаетъ руками
Чубукъ въ алмазахъ съ янтарями
Рабамъ вошедшимъ отдаетъ;
Ужъ конь его арабскій ждетъ,
Онъ бодро на него садится,
И въ полѣ чистое летитъ—
Смотрѣть воинственный джиридъ;
Предъ нимъ, за нимъ несется, мчится
Дельгисовъ, мамелюковъ рой
И черныхъ мавровъ легкій строй;
Готовы дротики тупые,
Кинжалы, сабли ужъ блестятъ;
Туда всѣ скачутъ, всѣ летятъ,
Лишь у воротъ неподкупные
Татары на часахъ стоятъ.

IX.

И подгорюнясь, думы полный,
На синія морскія волны
Угрюмый юноша взиралъ:
Межъ Дарданеллъ онѣ сверкали,
Струились тихо и плескали
Въ излучинахъ пребрежныхъ скалъ;
Но онъ, унылый, не видалъ
Ни моря съ синими волнами,
Ни поля съ дальними холмами,
Ни чалмоносцевъ удалыхъ,
Стремящихся передъ пашою
Шумъ грозный сѣчей роковыхъ
Представить бранною игрою;
Не видитъ онъ, какъ къ облакамъ
Ихъ кони вихремъ прахъ взвѣваютъ,
Какъ сабли острыя мелькаютъ
И какъ съ размаха пополамъ
Чалмы двойныя разсѣкаютъ;
Не слышитъ онъ, какъ громкій крикъ
За свистомъ дротиковъ несется,
И какъ въ долинѣ раздается:
Алахъ! Алахъ! ихъ дикій кликъ:
Душа полна мечтой одною—
Яфара дочерью младою.

X.

Задумчиво сидѣлъ Селимъ,
Печаленъ, блѣденъ, недвижимъ,—
И сквозь рѣшетки онъ безмолвно
Взоръ мрачный въ поле устремлялъ...
Вздохнула дѣва, вздохъ невольно
Ея всѣ думы разсказалъ.
Такой внезапною грозою
Душа Зулейки смущена;
Ахъ! разной съ нимъ, но и она
Уже волнуется тоской
Въ любви младенческой, живой:
У ней такъ нѣжно сердце билось;
Но вдругъ теперь въ груди младой
Невнятно что-то пробудилось,
Какой-то стыдъ, какой-то страхъ,
И рѣчь нѣмѣетъ на устахъ;
И можно-ль долго ей таиться?
И какъ начать? и въ чемъ открыться?
„Что можетъ такъ его томить?
Зачѣмъ ему меня чуждаться?
Не такъ мы съ нимъ привыкли жить,
Не такъ намъ должно разставаться!“
И вотъ нарочно вкругъ него
Прекрасная въ раздумьи ходитъ:
А онъ и взора своего
Уже на дѣву не возводитъ.
Но что-жъ—кувшинъ въ углу блеститъ
Съ персидской, розовой водою;
Она къ ней весело летитъ,
И плещетъ легкою рукою
На стѣны мраморны съ рѣзьбою,
На златотканные ковры,
Восточной роскоши дары;
Потомъ на милаго взглянула,
Къ нему бросается стрѣлой,—
И вдругъ душистою водой,
Рѣзвясь, на юношу плеснула;
Но онъ не слышитъ, не глядитъ,
И подъ одеждой парчевою
Вода душистая бѣжитъ
Студеною по немъ струею,
А онъ не чувствуетъ.—Селимъ
Сидитъ, какъ мраморъ, недвижимъ.
„Онъ все молчитъ, тоской томимый;
Но разгоню его мечты...
Бывало онъ любилъ цвѣты,
И я ему цвѣтокъ любимый
Сама сорву, сама подамъ“.
И дѣва кинулась къ цвѣтамъ,
Веселью дѣтскимъ оживилась.
И роза мигомъ сорвана—

Любовникъ розы-- соловей
Прислалъ тебѣ цвѣтокъ свой милый
(This rose to calm my tyother's care
A message from the Bubul bears).

Рис. Декень (Decaisne), грав. Сэнгстеръ S. (Sangster).

И вотъ бѣжитъ, и вотъ она
У ногъ Селима очутилась.

* * *

„Любовникъ розы—соловей
Прислалъ тебѣ цвѣтокъ свой милый;
Онъ станетъ пѣснію своей
Всю ночь плѣнять твой духъ унылый".

* * *

Онъ любитъ пѣть во тьмѣ ночей,—
И пѣснь его дышитъ тоскою;
Но съ обнадеженной мечтою,
Споетъ онъ пѣсню веселѣй.

* * *

„И съ думой тайною моей
Тебя коснется пѣнья сладость,
И напоетъ на сердцѣ радость
Любовникъ розы—соловей".

XI.

„Но ты цвѣтка не принимаешь,
И гнѣвъ на горестномъ челѣ,—
Ужъ ты со мною не играешь!
Скажи, кому-жъ ты милъ, какъ мнѣ?
О, мой Селимъ! о, сердцу милый!
Меня страшитъ твой взоръ унылый,
Ужель меня ты разлюбилъ?
Ахъ! если выдумкой напрасной
Твоей тоски не усладилъ
И соловей мой сладкогласный:
На грудь ко мнѣ склонись, склонись,
Вотъ поцѣлуй—развеселись!
Родитель грозный мой съ тобою
Я знаю, и суровъ, и строгъ;
Но ты къ нему привыкнуть могъ,
И какъ за то любимъ ты мною!
Увы! не то-ль крушитъ тебя,
Что замужъ выдаютъ меня?
Османъ, женихъ мой нареченный,
Онъ, можетъ быть, онъ недругъ твой!

ЗУЛЕЙКА и СЕЛИМЪ (Zuleika and Selim).
Рис. Уоррена (H. Warren), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

Клянусь-же Меккою святой,
Клянусь любовью неизмѣнной,
Когда не ты велишь мнѣ самъ,
Султану я руки не дамъ!
Ужель, Селимъ, тебя лишиться
И сердцемъ мнѣ съ другимъ дѣлиться?
О! если-бъ что, какой судьбой,
Меня съ тобою разлучило,—
Кто будетъ другъ—хранитель мой,
И быть кому твоею милой?
Не билъ и не пробьетъ для насъ
Ужасный разставанья часъ!
Самъ Азраилъ, явясь предъ нами,
Съ колчаномъ смерти за плечами,
Стрѣлой одною насъ сразитъ
И въ прахъ одинъ соединитъ!"

XII.

Онъ очнулъ, дышитъ, зритъ, внимаетъ;
Онъ дѣву тихо поднимаетъ,
Печали нѣтъ, исчезъ укоръ,
И вся душа въ очахъ сверкаетъ,—
И думы тайной полонъ взоръ.

Какъ спертый дубами
Потокъ, разъярясь,
Бушуетъ волнами,
Въ долину стремясь,—
Какъ ночью зарницы
Изъ тучи блестятъ, —
Сквозь темны рѣсницы
Такъ очи горятъ.
Ни конь, оживленный
Военной трубой,
Ни левъ, уязвленный
Внезапной стрѣлой,
Ни варваръ, смятенный
Полночной порой,
Страшнѣй не трепещетъ,
Когда вдругъ заблещетъ
Кинжалъ роковой.

Какъ онъ, въ пылу любви мятежной,
Дрожалъ при клятвѣ дѣвы нѣжной,
И все, что думалъ, что таилъ,
Въ порывѣ пламенномъ открылъ:
„Моя, и будешь ты моею!
Моя и здѣсь, моя и тамъ!
Мы клятвой связаны твоею,
Она свята обоимъ намъ;
Ту клятву, вѣрь,—ее внушила
Тебѣ таинственно любовь.

Но ты цвѣтка не принимаешь
И гнѣвъ на горестномъ челѣ.
(What! not receive my foolish flower).

Съ картины Стотгарда (Th. Stathard, R. A.), грав. Гизъ (Ch. Heath).

Не знаешь ты, какую кровь
Она одна остановила!
Но не блѣднѣй—тобой, въ тебѣ
Все мило, все священно мнѣ.
Я всѣхъ сокровищъ драгоцѣнныхъ,
У Истакара сокровенныхъ,
Въ пещерахъ глубоко въ землѣ,
За кудри не возьму младыя,
Небрежно въ кольца завитыя
На дѣвственномъ твоемъ челѣ.
Какъ страшно тучи надо мною
Сегодня грянули грозою...
Мнѣ смѣлъ сказать родитель твой,
Что вялъ и робокъ я душой,
Что будто я рожденъ рабой...
Теперь узнаетъ онъ надменный,
Кто сынъ рабы его презрѣнной!
Увидитъ онъ, таковъ ли я,
Чтобъ могъ онъ устрашить меня!
И по тебѣ, быть можетъ, снова
Я назову его отцомъ.
Но о сердечномъ, о святомъ
Обѣтѣ нашемъ ты ни слова.
Извѣстенъ мнѣ коварный бей...
Онъ смѣлъ искать руки твоей!
Его чины, его имѣнья,—
Плоды неправды, ухищренья.
Онъ съ Негропонтскихъ береговъ.
Не лучше родомъ онъ жидовъ.
Но знай, судьба не такъ сурова.
Лишь тайной клятвы не открой,
А споръ ему имѣть со мной!
Ужъ месть на черный день готова—
Есть и кинжалы, и друзья...
И ты не вѣдаешь, кто я".

XIII.

„Кто ты? О! что-жъ ты измѣнился?
Давно-ль румяная заря
Веселымъ видѣла тебя,
И вдругъ тоскою омрачился;
Ты зналъ, нельзя любви моей
Ни охладѣть, не быть живѣй;
Дышу надеждою одною
Твой взглядъ, улыбку, рѣчь ловить,
Тобою сердце веселить,
И жить, и умереть съ тобою.
И можетъ быть ночную тѣнь
За то одно я ненавижу,—
Что лишь когда сіяетъ день.

Селима я свободно вижу;
Цѣлуй меня, цѣлуй, цѣлуй
Въ уста, и въ очи, и въ ланиты!
Но, ахъ! онъ жжетъ—твой поцѣлуй,
Пылаетъ въ немъ огонь сокрытый;
Ужъ и меня объемлетъ страхъ,
Я вся дрожу и пламенѣю,—
И стелется туманъ въ очахъ,—
И чувствую, что я краснѣю.
Хочу я нѣжностью живой
Лелѣять милаго покой,
Съ нимъ раздѣлять и жизнь, и сладость,
И бѣдность весело сносить!..
Съ тобой во всемъ найду я радость,
Лишь бы тебя не пережить...
О, нѣтъ, нельзя желать Селиму
Еще нѣжнѣе быть любиму.
Любить нѣжнѣй могу ли я!
Но ты и взоромъ, и рѣчами
Наводишь ужасъ на меня!
Что за кинжалы, за друзья?
Какая тайна между нами?
И клятву нашихъ двухъ сердецъ
Хотя-бъ узналъ Яфаръ угрюмый,
Ужъ надъ моей сердечной думой
Не властенъ грозный мой отецъ.
Но вѣрь, Селимъ, моей надеждѣ—
Не приневолитъ онъ меня!
Могу-ль я не любить тебя,
Тебя, кого любила прежде?
Съ тобою вмѣстѣ дѣтскихъ дней
Часы веселые летѣли,
Съ тобой играла въ колыбели,—
Ты спутникъ младости моей.
Что-жъ хочешь ты, чтобъ мы таились
Въ любви прекрасной и святой,
Невинной нашею мечтой,
Которой прежде мы гордились?
Законы наши, вѣра, Богъ
Велятъ намъ жить безвѣстно въ свѣтѣ;
Но для меня-ль пророкъ былъ строгъ
Въ своемъ таинственномъ завѣтѣ?
Въ удѣлѣ, сердцу дорогомъ,
Онъ все мнѣ далъ въ тебѣ одномъ.
Ахъ! и меня печаль терзала!—
Какъ руку незнакомцу дать?
Отцу я все бы разсказала:
Но ты, Селимъ, велишь молчать.
Съ душой неопытной, простою,
Ужасенъ мнѣ обмана видъ,
И что-то все, грозя бѣдою,
Какъ тяжкій грѣхъ, тебя страшитъ.
Но вотъ ужъ кончился джиридъ,
И Чекодаръ летитъ обратно,
И вотъ отецъ съ забавы ратной!
Боюсь взглянуть я на него...
Селимъ, скажи мнѣ, отчего?

XIV.

„Зулейка, ты спѣши укрыться
Въ высокомъ теремѣ своемъ,
Я долженъ, я могу явиться
Передъ разгнѣваннымъ отцомъ.
Внезапно съ береговъ Дуная
Къ намъ вѣсть примчалась роковая,
Визирь писалъ, что врагъ разбитъ,
А самъ отъ гяуровъ бѣжитъ;
Но подвигамъ вождя такого
И у султана мзда готова!
Когда же барабанный бой
Военнымъ ужинъ и покой
Съ вечерней возвѣститъ зарею,
Тогда во тьмѣ, никѣмъ незримъ,
Въ гаремъ прокрадется Селимъ,—
И мы уйдемъ порой ночною
Чрезъ садъ,—на берегу морскомъ,
Уединенномъ и крутомъ,
Въ тиши бесѣдовать съ тобою.
Не бойся, будутъ насъ стеречь
И темна ночь, и острый мечъ.—
Гарунъ за насъ, и въ часъ урочный...
Рѣшись, Зулейка, не робѣй!“
—„Робѣть съ тобой!...“
„Иди-жъ скорѣй,
Гарема ключъ въ рукѣ моей;
Узнаешь ты, во тьмѣ полночной,
Мой рокъ, мой страхъ, мои мечты.
И я не то, что мнила ты“.

ТЕРЕМЪ ЗУЛЕЙКИ (The garden Battlements).
Рис. Уоррена (H. Warren).

ВХОДЪ ВЪ ДАРДАНЕЛЛЫ (Mouth of the Dardanelles).
Рис. Уоррена (H. Warren), грав. Э. Финдена (E. Finden).

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

I.

Надъ Геллеспонтомъ вѣтеръ дуетъ,
Клубитъ волнами и бушуетъ,
Какъ бушевалъ передъ грозой,
Когда погибъ, въ ночи ужасной,
Тотъ юный, смѣлый и прекрасный,
Что былъ единственной мечтой
Сестоса дѣвы молодой.
Бывало—только лѣсъ сгустится,
И вѣщій факелъ загорится,—
Тогда, хоть вѣтеръ и шумитъ,
Хоть море гнѣвное кипитъ
И съ пѣной къ берегу несется,
И небо тмится черной мглой,
И птицъ морскихъ станица вьется,
Перекликаясь предъ грозой,—
Но онъ смотрѣть, внимать не хочетъ,
Какъ небо тмится—валъ грохочетъ,
Все факелъ свѣтится въ очахъ,
Звѣздой любви на небесахъ;
Не шумъ грозы, но томной дѣвы
Все слышатся ему напѣвы:
„Неси, волна, въ полночной тьмѣ,
Скорѣе милаго ко мнѣ!“
Вотъ старина,—и намъ дивиться
Не должно ей,—быть можетъ, вновь
Пылать сердцамъ велитъ любовь,
И эта быль возобновится.

II.

Надъ Геллеспонтомъ вѣтръ шумитъ;
Онъ, волны черныя вздымая,
Ихъ въ море бурное клубитъ;
И, разстилаясь, тѣнь ночная
На полѣ томъ уже легла,
Гдѣ такъ напрасно кровь текла;
Скрываютъ мрачные туманы
Ту степь, гдѣ царствовалъ Пріамъ;
На ней замѣтны, здѣсь и тамъ,
Одни могильные курганы.
Ни ужасъ битвъ, ни блескъ вѣнца,
Ничто-бъ отъ мрака не спаслося
Безъ пѣсенъ нищаго слѣпца
Съ холмовъ кремнистаго Хіоса.

III.

И я былъ тамъ! и видѣлъ я
Тотъ брегъ, мечты священной полный;
И я былъ тамъ... тамъ и меня
Кипучія носили волны.
Пѣвецъ! когда-жъ удастся мнѣ,
Въ твоей минувшаго странѣ,
Томиму думою высокой,
Бродить опять по тѣмъ полямъ,
Гдѣ дивное понятно намъ,
Гдѣ каждый холмикъ одинокій
Останки славные хранитъ,
И гдѣ, какъ прежде, все шумитъ,
Шумитъ твой Геллеспонтъ широкій?
И бѣденъ, бѣденъ тотъ душой,
Кто предъ завѣтной ихъ красой,
Пѣвецъ, разсказъ чудесный твой
Считаетъ выдумкой одною!

IV.

Одѣлись волны черной мглой,
И съ мракомъ ужасъ ночь наводитъ,
А надъ туманною горой
Желанный мѣсяцъ не восходитъ.
О, Ида! онъ съ твоихъ высотъ,
Бывало, свѣтъ дрожащій льетъ
На поле битвъ; но смолкло поле—
И нѣтъ на немъ тѣхъ ратныхъ болѣ,
Которымъ часто въ тьмѣ ночей
Былъ въ гибель блескъ его лучей.
Лишь пастухи, въ ихъ мирной долѣ,
Когда онъ свѣтитъ веселѣй,
Пасутъ стада вокругъ могилы
Того, кто, славный и младой,
Сраженъ дарданскою стрѣлой.
Здѣсь возвышался холмъ унылый,
Здѣсь сынъ Аммона горделивый,
Свершая тризну, пировалъ.
Сей холмъ народы воздвигали;
Цари могучіе вѣнчали;
Но самъ курганъ надменный палъ,
И въ безымянной здѣсь пустынѣ
Почти отъ взоровъ скрылся нынѣ.
О ты, жилецъ его былой!
Какъ тѣсенъ домъ подземный твой!
Пришлецъ одинъ на немъ мечтаетъ
О томъ, кого и въ гробѣ нѣтъ,
И свой задумчивый привѣтъ
Пустыннымъ вѣтрамъ повѣряетъ.
Нашъ прахъ какъ бы живетъ въ гробахъ;
Но твой—исчезъ и самый прахъ.

V.

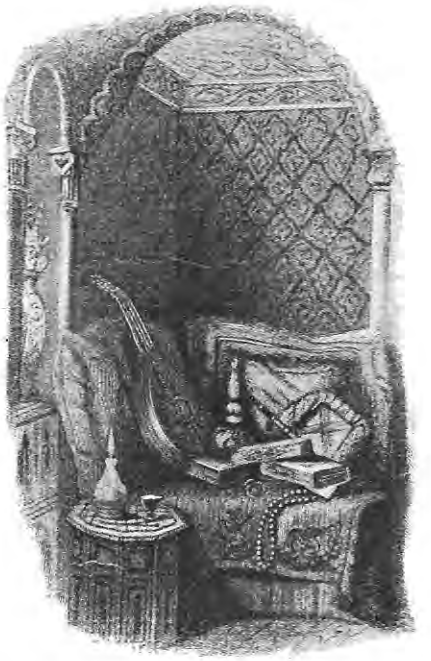
Взойдетъ, взойдетъ въ свой часъ урочный
Сребристый рогъ луны полночной,
Утѣшитъ мирныхъ пастуховъ
И страхъ отгонитъ отъ пловцовъ;
Но до луны все тьма скрываетъ;
Маякъ на взморьѣ не пылаетъ,
И въ мглѣ туманной легкій челнъ
Ныряетъ легко между волнъ.
Вездѣ, вдоль берега морского,
Въ домахъ свѣтилися огни,—
Но вотъ, одинъ послѣ другого,
Уже потухнули они.
Лишь только въ башнѣ одинокой
Младой Зулейки свѣтъ блеститъ,—
Лишь у нея, въ ночи глубокой,
Лампада поздняя горитъ,
И тускло свѣтитъ пламень томный
Въ диванной тихой и укромной,
Блестя на тканяхъ золотыхъ
Ея подушекъ парчевыхъ.
На нихъ изъ янтарей душистыхъ
Вотъ четки дѣвы молодой,
Которыя въ молитвахъ чистыхъ,
Она лилейною рукой
Такъ набожно перебираетъ,—
И въ изумрудахъ вотъ сіяетъ
Съ словами Курзи талисманъ;
Ахъ, что-жъ она его забыла!
Въ немъ тайная хранится сила,
И ей онъ матерью былъ данъ;
И съ комболойе вотъ Коранъ,
Раскрашенъ яркими цвѣтами;
А подлѣ—съ пестрыми каймами
Тетради пѣсенъ и стиховъ
Счастливой Персіи пѣвцовъ,
И лютня, бывшая подруга
Ея веселаго досуга,—
И вкругъ лампады золотой
Цвѣтутъ цвѣты, благоухая,
Въ фарфорѣ расписномъ Китая,
И дышутъ свѣжею весной!—
И пышные ковры Ирана,
И ароматы Шелистана,
И все здѣсь дивною красой
И взоръ, и чувство услаждаетъ.
Но что-то тайною тоской
Невольно сердце замираетъ.
Сама гдѣ Пери?—гдѣ-жъ она?—
И воетъ вѣтръ, и ночь темна.

VI.

Подъ соболемъ пушистымъ, чернымъ,
Сокрывъ отъ вьюги нѣжну грудь,
Она, не смѣя и дохнуть,
Съ проводникомъ своимъ безмолвнымъ,
Проходитъ трепетной стопой
Кустарникъ дикій и густой.
Когда-жъ въ полянѣ вихрь промчится
И вдругъ завоетъ, засвиститъ,—
То дѣва бѣдная дрожитъ,—
Назадъ хотѣла-бъ возвратиться;
Но отъ Селима какъ отстать,
Какъ на любезнаго роптать?

VII.

И вотъ стезей уединенной
Пришли къ пещерѣ отдаленной,
Гдѣ часто съ лютнею въ рукахъ
По вечерамъ она пѣвала
И набожно Коранъ читала,
Носясь въ младенческихъ мечтахъ
Дѣвичьей думой въ небесахъ.
Что будетъ съ женскими душами,—
Пророкъ ни слова не сказалъ,
Но ясными вездѣ чертами
Селиму вѣчность обѣщалъ.



КОМНАТА ЗУЛЕЙКИ (Zuleika's Chamber).
Рис. Уоррена (H. Warren), грав. Э. Финдена (E. Finden).

„Ахъ! и въ тѣни садовъ чудесныхъ,
И въ свѣтлыхъ радостяхъ небесныхъ,
Селимъ встоскуется по мнѣ,
Ему такъ милой на землѣ.
О, нѣтъ! возможно-ль, чтобъ иная
Такъ нѣжно съ нимъ умѣла жить,
И будто можетъ дѣва рая
Страстнѣй меня его любить?"

VIII.

Но видъ пещера измѣнила
Съ тѣхъ поръ, когда въ послѣдній разъ
Зулейка тамъ досужный часъ
Въ сердечныхъ думахъ проводила.
Быть можетъ то, что мракъ ночной
Давалъ пещерѣ видъ иной,
Тотъ пламень синеватый, блѣдный
Вотъ пылалъ въ лампадѣ мѣдной.
Но что въ лучахъ его блеститъ?
Что чудное въ углу лежитъ?
То были сабли и кинжалы;
Но съ таковыми въ бой летитъ
Не грозный обожатель Аллы,
А носитъ рать чужой земли.

И вотъ одинъ кинжалъ въ крови!..
Не льется кровь безъ злодѣянья...
И тутъ же чаша ликованья,
И не шербетъ былъ въ чашѣ той.
Она глядитъ, не понимаетъ,—
На друга робко взоръ бросаетъ:
„Селимъ! Ахъ! ты ли предо мной?"

IX.

И онъ предъ ней въ одеждѣ новой:—
Исчезла гордая чалма,
И шалью обвита пунцовой
Его младая голова;
Нѣтъ камней радужнаго цвѣта;
Кинжалъ не блещетъ жемчугомъ,
Но два чеканныхъ пистолета
За пестрымъ, шитымъ кушакомъ,
И сабля легкая звенѣла,—
И тонкій станъ его одѣла,
Небрежно сброшена съ плеча,
Изъ бѣлой ткани епанча,
Какую носятъ кандіоты,
Пускаясь въ буйные налеты;
Не панцырь грудь его хранитъ.

Она подъ сѣткой золотою;
И обувь странная гремитъ
Серебряною чешуею;
Но чинъ высокій онъ являлъ
Осанкой гордою своею,
Хотя, казалось, что стоялъ
Галіонджи простой предъ нею.

X.

„Ты видишь правду тайныхъ словъ:
Что я, кто я—никто не знаетъ;
Мой рокъ мрачнѣе страшныхъ сновъ
И многимъ горе предвѣщаетъ.
Но какъ молчать, стерпѣть ли мнѣ,
Чтобъ мужемъ былъ Османъ тебѣ?
Доколѣ мнѣ тоской мятежной
Ты не явила страсти нѣжной,
Я долженъ былъ, я самъ хотѣлъ
Таить мой бѣдственный удѣлъ;
Не въ пламенной моей любви
Теперь я стану убѣждать;
Любовь я долженъ показать
Годами, вѣрностью и кровью;
Но ты не будь ничьей женой,
И я не братъ, Зулейка, твой".

XI.

„Не братъ? и мнѣ тебя чуждаться?
Творецъ! роптать я не должна.
Но, ахъ! ужель я рождена
Безродной по землѣ скитаться,
Безъ милаго на свѣтѣ жить?
Меня не будешь ты любить!
И я увяну сиротою,
Но знай: и въ горести моей
Останусь другомъ я—сестрою—
Зулейкой прежнею твоей!
Быть можетъ, жаль тебѣ рѣшиться
Младую жизнь мою пресѣчь,
А долженъ мстить; возьми же мечъ—
Вотъ грудь моя! чего страшиться?
Сноснѣе тлѣть въ землѣ сырой,
Чѣмъ жить и быть тебѣ чужой.
Судьбы жестокаго удара
Теперь причину вижу я,
Яфаръ... онъ вѣчно гналъ тебя,
А я, увы! я дочь Яфара!
Спаси меня!.. хоть не сестрой,
Пусть буду я твой рабой".

XII.

„Зулейка! ты моей рабою!..
Пророкомъ я клянусь, Селимъ
Всегда, вездѣ, навѣкъ твоимъ!
Счастлива нѣжною мечтой,
Ты слезъ не лей передо мною.
Взгляни на мечъ завѣтный мой,
Корана съ надписью святой!
Пускай сей мечъ въ день шумной брани
Позоромъ ослабѣлой длани
Не защититъ въ бою меня,
Когда обѣтъ нарушу я!
Прелестный другъ, души отрада,
Соединимся мы тѣснѣй!
Теперь исчезла намъ преграда,
Хоть лично мнѣ Яфаръ злодѣй.
Ему былъ братомъ—мой родитель;
Онъ тайно брата умертвилъ;
Но однокровнаго губитель
Меня, младенца, пощадилъ;
И сироту—онъ, Каинъ новый!—
Хотѣлъ себѣ поработить,
Какъ львенка, думалъ заключить
Обманомъ въ тяжкія оковы,
И тщился строго наблюдать,
Чтобъ я цѣпей не смѣлъ порвать.
Его обидъ я не забуду;
Кипитъ во мнѣ отцова кровь;
Но въ томъ порукою любовь,
Что для тебя—я мстить не буду.
Однакожъ вѣдай, какъ Яфаръ
Свершилъ злодѣйскій свой ударъ!"

XIII.

„Какъ ярость братьевъ раздраженныхъ
Вспылала гибельной грозой,
Любовь, иль честь тому виной,—
Не знаю я: въ душахъ надменныхъ
Обидъ малѣйшихъ даже видъ
Вражду смертельную родитъ.
Отецъ мой, Абдала, всѣхъ болѣ
Врагамъ былъ страшенъ въ ратномъ полѣ.
Еще поднесь его дѣла
Боснійцы въ пѣсняхъ величаютъ,
И ратники Пасвана знаютъ,
Каковъ былъ смѣлый Абдала.
Я разскажу Зулейкѣ нынѣ
О горестной его кончинѣ,
Какъ онъ коварства жертвой палъ,
И, о моей узнавъ судьбинѣ,
Какъ я навѣкъ свободнымъ сталъ".

XIV.

„Когда Пасванъ въ стѣнахъ Виддина
Уже не жизнь одну спасалъ,
А самъ султану угрожалъ;
Тогда паши вкругъ властелина
Стеклись, раздоръ забыли свой
И двинулись съ мятежнымъ въ бой.

ЛАГЕРЬ ПОДЪ СОФІЕЙ (Plains of Sophia).
Рис. Уоррена (H. Warren), грав. Э. Финдена (E. Finden).

Два брата сабли обнажаютъ,
При каждомъ вѣрные полки,
Раскинутъ станъ, и бунчуки
Въ поляхъ Софійскихъ развѣваютъ.
Но Абдалы надежный мечъ
Напрасно ждалъ кровавыхъ сѣчъ.
Онъ мнилъ, что съ братомъ примирился,—
И въ небеса переселился,
Роднымъ злодѣемъ отравленъ.
Однажды, бывши утомленъ
Звѣриной ловлею и жаромъ,
Вкушалъ въ купальнѣ онъ покой,
И рабъ, подкупленный Яфаромъ,
Ему напитокъ роковой
Поднесъ; онъ взялъ безъ подозрѣнья,—
И смерть!.. не вѣрь моимъ словамъ,
Гарунъ рѣшитъ твои сомнѣнья;
Спроси его, Гарунъ былъ тамъ".

XV.

„Ударъ свершенъ. Пасванъ надменный,
Разбитый, но не побѣжденный,
Войну пресѣкъ,—родитель твой
Беретъ неправедною мздой
Удѣлъ и санъ высокій брата;
Такъ подлой наглостью своей
Въ диванѣ все, цѣною злата,
Искатель низкій и злодѣй
Достанетъ,—наши земли, правы,
Его измѣны плодъ кровавый,
Онъ получилъ. Нѣтъ нужды въ томъ,
Что въ даръ богатство расточаетъ,—
Утрату новымъ грабежомъ
Яфаръ обильно замѣняетъ.
Ты спросишь: какъ? Взгляни сама
На селъ, полей опустошенье,
И подъ жестокостью ярма
Рабовъ несчастныхъ изнуренье.
Спроси, какъ вымученный потъ
Ему сокровища даетъ?
Почто-жъ младенецъ **безнадежный**
Спасенъ отъ **смерти неизбѣжной**?
Зачѣмъ суровый твой отецъ
Его пріемлетъ въ свой дворецъ?
Не знаю; [illegible]
Иль дѣтской слабости презрѣнье.
Иль безъ сыновъ онъ, можетъ быть,
Хотѣлъ меня усыновить,
Иль замыслъ непонятный, тайный
Тому причиною случайной.
Но намъ ли вмѣстѣ можно жить?
Въ обоихъ гнѣвъ нетерпѣливый
Всечасно разгорался вновь;
Его страшилъ мой духъ кичливый;
Я зрѣлъ на немъ отцову кровь".

XVI

„Враги Яфаровы таятся;
Не всякъ тотъ вѣрность сохранитъ.
Кого онъ кормитъ и поитъ.
Когда-бъ они могли дознаться.
Что было съ Абдалой, кто я.—
Тогда-бъ ему не жить и дня.
Они лишь ждутъ, чтобъ [illegible]

Ихъ велъ на дерзостное дѣло;
Глядятъ, чтобъ буйною рукой
Имъ знакъ былъ поданъ роковой.
Но тьма судьбу мою скрываетъ;
Одинъ Гарунъ всю тайну знаетъ.
При Абдалѣ воспитанъ онъ,
И стражемъ былъ отцовыхъ женъ.
Онъ видѣлъ страшную кончину;
Но что невольникъ могъ начать?
Владыки смерть ему-ль отмщать?
Онъ жизнь спасти рѣшился сыну.
Гарунъ меня, младенца, взялъ,
И въ день, когда въ чаду киченья
Губитель гордый пировалъ,—
Осиротѣлый, безъ призрѣнья
Я у воротъ его стоялъ.
Гарунъ молилъ—и не напрасно—
Объ участи моей несчастной.
Яфаръ велѣлъ таить—кто я,
Отъ всѣхъ,—но болѣ отъ меня;
И въ Азію съ береговъ Дуная,
Далеко отъ Румельскихъ странъ,
Свое злодѣйство скрыть желая,
Уѣхалъ сумрачный тиранъ;
Но мнѣ Гарунъ открылъ обманъ.
Узналъ наперсникъ боязливый
Весь ужасъ тайны злочестивой;
Онъ измѣнить стремился ей;
Такъ Алла злобныхъ наказуетъ;
Омъ имъ сообщниковъ даруетъ,
Но не даруетъ имъ друзей".

XVII.

„Мой рокъ невольно устрашаетъ;
Но правды я не утаю,
Хотя разсказъ мой и смущаетъ
Невинность робкую твою;
Замѣтилъ я, какъ ты дрожала,
Когда Селима узнавала
Въ одеждѣ странной; но ужъ я
Ее носилъ—она моя:
Твой юный другъ, съ которымъ вѣчно
Ты клятвой связана сердечной,
Начальникъ шайки удалой;
Намъ жизнь, законъ—одинъ разбой.
И еслибъ ты узнала болѣ
О нашей въ морѣ буйной долѣ,
Тогда-бъ еще удвоилъ страхъ
Лилеи на твоихъ щекахъ.
Вотъ эта сбруя боевая
Моей толпой принесена;
Вблизи скрывается она;
Когда же чаша круговая
Въ пиру морскомъ осушена,
То удальцы мои суровы
На все летятъ, на все готовы;
Пророкъ нашъ долженъ имъ простить
Веселый грѣхъ—вино любить".

XVIII.

„Что было дѣлать? жить въ презрѣньи,
Дышать свободой въ заточеньи?
Яфаръ боялся ужъ меня,
И ни кинжала, ни коня
Мнѣ дать не смѣлъ, а предъ диваномъ
Онъ правду затмѣвалъ обманомъ,
Что будто въ полѣ страшно мнѣ
Летѣть съ кинжаломъ на конѣ;
Пророкъ то знаетъ—въ бой кровавый
Спѣшитъ одинъ злодѣй лукавый,—
А я въ гаремѣ между женъ
И безъ надежды, и безъ славы
Томлюсь, Гаруну порученъ;
Тогда ты ласкою безцѣнной
Меня утѣшить не могла;
Устрашена грозой военной,
Въ далекомъ замкѣ ты жила.
Я тяжкой праздностью томился,
Но волю мнѣ на время дать
Гарунъ изъ жалости рѣшился,—
Лишь я былъ долженъ обѣщать
Явиться прежде къ намъ въ обитель,
Чѣмъ съ поля брани твой родитель.
О, нѣтъ! сказать не въ силахъ я,
Какъ сердце билось у меня,
Когда свободными очами
Узрѣлъ я вдругъ и темный лѣсъ,
И синю даль, и блескъ небесъ,
И море съ яркими волнами.
Въ пучины моря—небеса,
Казалось, духъ мой проникаетъ;
Казалось мнѣ, онъ постигаетъ
Всѣ тайны ихъ, всѣ чудеса,
Съ тѣмъ чувствомъ новымъ: я свободенъ!
Восторгъ мой былъ съ безумьемъ сходенъ.
Тогда я розно былъ съ тобой,
И не грустилъ,—я той порой
Владѣлъ и небомъ, и землей".

XIX.

„Простясь съ печальными брегами,
Я съ маврскимъ опытнымъ пловцомъ
Стремилъ свой бѣгъ межъ островами,
Блестящими надъ влажнымъ дномъ
Жемчужно-пурпурнымъ вѣнцомъ
Святого старца океана.
Я видѣлъ ихъ. Но жребій мой
Гдѣ свелъ насъ съ буйною толпой,
Какъ власть дана мнѣ атамана,
И какъ навѣки рѣшено,
Что жизнь и смерть намъ заодно,

ЗУЛЕЙКА и СЕЛИМЪ ВЪ ПЕЩЕРѢ (Zuleika and Selim in the cave).
Рис. Уоррена (H. Warren), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

Я разсказать тебѣ успѣю
Тогда, какъ будетъ свершено,
Что тайно въ думѣ я имѣю".

XX.

„То правда, въ шайкѣ удалой,
Кипитъ духъ буйный, нравъ крутой;
Всѣ разныхъ званій, разной вѣры;
Имъ чужды общіе примѣры;
Но простота, безъ лести рѣчь,
Покорность власти, вѣрный мечъ,
Душа, которая стремится
Безстрашно съ гибелью сразиться,
Ихъ братство, дикая ихъ честь,
И вѣчная за падшихъ месть,—
Все мнѣ порукою надежной,
Что долженъ я искать межъ нихъ
Опоры въ участи мятежной,
Опоры въ замыслахъ моихъ.
Уже я главнымъ въ шайкѣ смѣлой,
Съ сѣдинъ одинъ, преклонныхъ лѣтъ,
Съ мнѣ, и юности незрѣлой
Даетъ свой опытный совѣтъ.
Межъ ними много душъ высокихъ,
И много замысловъ глубокихъ;
Здѣсь вольностью оживлены,
Забывши бѣдствія былыя,
Друзья Ламброса удалые,
Отчизны вѣрные сыны,
Въ пещерахъ часто ночью темной,
При яркомъ заревѣ огней,
Своихъ рая съ мечтой огромной
Уже спасаютъ отъ цѣпей;
Имъ думать весело о волѣ,
О равныхъ правахъ, мирной долѣ;
Ихъ нѣтъ нигдѣ, имъ быть нельзя,
Но ихъ мечтой плѣненъ и я.
Я радъ нестись шумящими зыбями!
Скитаться радъ въ кибиткѣ кочевой,
Мнѣ душно жить за пышными стѣнами;
Люблю шатеръ, люблю челнокъ простой.
О милый другъ! всегда, вездѣ со мною,
И на конѣ мнѣ спутница въ степяхъ,
И по волнамъ на легкихъ парусахъ;
Ты правь конемъ, ты правь моей ладьею,
Ты будь моей надежною звѣздою!..
Ты освятишь мой жребій роковой,
Мнѣ принесешь небесъ благословенья.
Лети, лети въ ковчегъ мятежный мой.
Какъ благодать, какъ голубь примиренья
Иль въ страшный часъ, вомракѣ бурныхъ дней

Будь радугой прекрасною моей;
Зажгись зарей вечерней надъ холмами,
Пророческимъ огнемъ межъ облаками.
Свята—какъ святъ муйциновъ Мекки гласъ
Поклонникамъ молитвы въ тихій часъ,—
Плѣнительна какъ пѣсни звукъ любимой
Въ мечтахъ младыхъ тоской неизъяснимой;
Мила—какъ милъ напѣвъ земли родной
Изгнаннику въ странѣ, ему чужой;
Такъ будетъ мнѣ отрадою безцѣнной
Рѣчь нѣжная подруги несравненной.
Пріютъ, какъ рай въ часъ юности своей,
На островахъ цвѣтущихъ красотою,
Съ моей рукой, съ любовію моей
Тебѣ готовъ; тамъ дышитъ все тобою,
Тамъ сотнями мечи уже блестятъ,
Они спасутъ, и грянутъ, и сразятъ.
Съ тобою я,—а шайка удалая
Вдоль по морю помчится разъѣзжать,
И для тебя, подруга молодая,
Чужихъ земель наряды отбивать.
Въ гаремѣ жизнь скучна, какъ плѣнъ тяжелый;
У насъ свѣтла безпечностью веселой.
Я знаю, рокъ грознѣе съ каждымъ днемъ
Несется вслѣдъ за дерзкимъ кораблемъ;
Но пусть бѣда отважныхъ настигаетъ,
Судьба тѣснитъ и дружба измѣняетъ;
Все усладитъ любовь твоя одна.
Прелестный другъ! съ той думою сердечной,
Что ты моя, что ты вѣрна мнѣ вѣчно,
Печаль летитъ и гибель не страшна.
Равна любовь, равно къ бѣдамъ презрѣнье,
Съ тобой во всемъ найдется наслажденье;
Заботы, грусть и радость пополамъ;
Все ты—все я—и нѣтъ разлуки намъ.
Свободные,—съ товарищами смѣло
Опять въ моряхъ начнемъ мы наше дѣло.
Такъ свѣтъ идетъ; духъ жизни боевой
Дается всѣмъ природою самой.
Гдѣ льется кровь—гдѣ странъ опустошенье,
Ужасна брань и ложно примиренье;
И я горю воинственнымъ огнемъ,
Но я хочу владѣть однимъ мечемъ.
На распрѣ власть престолъ свой утвердила,
И властвуетъ имъ хитрость или сила;
Пускай же мечъ блеститъ въ моихъ рукахъ,
А хитрость пусть гнѣздится въ городахъ;
Тамъ нѣгою тѣ души развратились,
Которыя-бъ и бѣдъ не устрашились;
Тамъ безъ подпоръ, безъ друга красотѣ
Цвѣсти нельзя въ невинной чистотѣ;
Но за тебя страшиться мнѣ напрасно:
Какъ ангелъ, ты свѣтла душою ясной.
Какъ знать судьбу! Но намъ въ родной странѣ
Спасенья нѣтъ, а горести однѣ.
Мою любовь разлука ужасаетъ:
Яфаромъ ты Османъ отдана;
Бѣги со мной! и страхъ мой исчезаетъ;
Попутенъ вѣтръ, ночь тихая темна.
Чета любви ненастья не робѣетъ,
Въ опасной тьмѣ надъ нею радость вѣетъ.
Бѣжимъ, бѣжимъ, о милая! съ тобой
Отрадно все:—и дышатъ красотой
Моря и степь;—въ тебѣ весь міръ земной!
Пусть вѣтръ шумитъ страшнѣе и страшнѣе,
Прижмешься ты къ груди моей тѣснѣе!
Не ужаснетъ часъ гибельный меня!
Лишь о тебѣ молиться буду я.
Что буйный вѣтръ? что бездны океана?
Страшись, любовь коварства и обмана!
Насъ гибель ждетъ въ гаремѣ, не въ моряхъ;
Тамъ мигъ одинъ, а здѣсь вся жизнь въ бѣдахъ.
Но—прочь отъ насъ тяжелыхъ думъ волненья!
Рѣшись скорѣй! насталъ уже для насъ
Иль часъ бѣды, или свободы часъ.
Мы жертва здѣсь и гордости, и мщенья.
Яфаръ мнѣ врагъ! и хочетъ дерзкій бей
Насъ разлучить,—тебѣ Османъ злодѣй!"

XXI.

„Гарунъ отъ казни и упрека
Избавленъ мной; въ сераль до срока
Я прибылъ,—здѣсь не каждый зналъ,
Какъ я по островамъ скитался;
Кто тайну вѣдалъ,—умолчалъ,—
И я начальникомъ остался
На все готовыхъ смѣльчаковъ;
Рѣшитель дерзостныхъ трудовъ,
Я ихъ въ разъѣзды разсылаю,
Межъ нихъ добычи раздѣляю;
И жалко мнѣ, что рѣдко самъ
Пускаюсь съ ними по волнамъ.
Но ужъ пора! во тьмѣ глубокой
Все тихо! челнъ мой недалеко;
Ужъ вѣтеръ вьется въ парусахъ.
Бѣжимъ! оставимъ гнѣвъ и страхъ
На здѣшнихъ мрачныхъ берегахъ!
Османъ пусть явится съ зарею;
А ты свободна, ты со мною!
И если этотъ гордый бей
Жить долженъ,—и отца родного
Спасти отъ часа рокового
Ты хочешь,—о, бѣги скорѣй!
Бѣги! Когда-жъ судьбы моей

СМЕРТЬ СЕЛИМА (Death of Selim).
Рис. Уоррена (H. Warren), грав. Э. Финдена (E. Finden).

Узнавъ всю тайну безъ обмана,
И клятву сердца, и мечты
Любви младой забыла ты,—
Я остаюсь, я жду Османа!
Тебѣ не быть его женой,
Не быть, что-бъ ни было со мной!"

XXII.

И неподвижная, нѣмая
Стояла дѣва молодая.
Такъ намъ рѣзецъ изобразилъ,
Какъ мать въ печали безотрадной
Вдругъ обратилась въ камень хладный.
Лишенная и чувствъ, и силъ,
Очамъ она являла то же;
Лишь, бѣдная, была моложе;
Но, страха тайнаго полна,
Едва опомнилась она,—
Какъ видитъ: у воротъ садовыхъ
Вдругъ блещетъ факелъ роковой...
Блеснулъ одинъ,—блеснулъ другой,
И много,—и огней багровыхъ
Свѣтъ яркій озаряетъ садъ.
„Бѣги!... ты больше мнѣ, чѣмъ братъ!"
И въ красномъ заревѣ съ мечами
Злодѣи видны межъ кустами.
Они бѣгутъ, они летятъ,
По рощамъ, въ просѣкахъ мелькаютъ;
Кинжалы, факелы сверкаютъ.
Страшнѣе всѣхъ Яфаръ бѣжитъ,
Бѣжитъ къ пещерѣ отдаленной
И машетъ саблей обнаженной,
И гнѣвомъ бѣшенства кипитъ.
Селимъ! ужель судьба рѣшила,
Чтобъ здѣсь была твоя могила?

XXIII.

Отважный смотритъ: „билъ мой часъ—
Зулейка! скоро все свершится!
Цѣлуй меня въ послѣдній разъ.
Но близко наши,—къ нимъ домчится
Призывный звукъ,—узрятъ они
Въ кустахъ багровые огни;
Ихъ мало... но чего страшиться!"
Вдругъ изъ пещеры онъ стрѣлой,—
Чеканный пистолетъ хватаетъ:
Раздался выстрѣлъ вѣстовой,—
И дѣва въ горести нѣмой
Безъ слезъ отъ страха обмираетъ.
„Не слышно... что-жъ!.. и приплывутъ,
Но ужъ Селима не найдутъ.
На выстрѣлъ мой бѣгутъ толпою
Злодѣи ближнею тропою.
Такъ обнажись отцовскій мечъ!
Ты не видалъ подобныхъ сѣчъ.
О, другъ! прости! чрезъ рощу тайно
Иди съ надеждой во дворецъ.
Тебѣ разгнѣванный отецъ
Проститъ. Но, ахъ! чтобы случайно
Свинецъ вблизи не просвисталъ

Чтобъ въ очи не блеснулъ кинжалъ.
Иди... Не бойся за Яфара;
Пусть ядъ былъ данъ его рукой,
Пусть скажетъ: робокъ я душой;
Не дамъ ему—не дамъ удара;
Но ихъ—я радъ, готовъ разить;
Меня-ль убійцамъ устрашить!"

XXIV.

И онъ, какъ вихрь, на склонъ прибрежный
Стремится, выхвативъ свой мечъ;
Вотъ первый изъ толпы мятежной,—
Его глава скатилась съ плечъ.
Вотъ и другой; мечъ снова блещетъ,—
И трупъ у ногъ его трепещетъ.
Но ужъ онъ самъ со всѣхъ сторонъ
Толпою буйной окруженъ.
Селимъ сѣчетъ ихъ, колетъ, рубитъ;
Достигъ до волнъ береговыхъ,
И видитъ въ морѣ удалыхъ.
Ужели рокъ его погубитъ?
Къ нему безстрашные въ бояхъ
Летятъ на бѣлыхъ парусахъ;
О! дуй сильнѣе, вѣтръ попутный!
Они спѣшатъ,—они гребутъ,
И съ лодки въ море—и плывутъ,
И сабли блещутъ въ пѣнѣ мутной;
Ихъ дикій взоръ, какъ жаръ, горитъ,
Съ одеждъ, съ кудрей вода бѣжитъ—
Вскочили... вскрикнули... сразились;
Кипитъ въ саду шумящій бой;
Но гдѣ-жъ Зулейки другъ младой?
Чьей кровью волны обагрились?

XXV.

Отъ вражьихъ стрѣлъ, отъ ихъ мечей
Неуязвленный, невредимый,
Толпой неистовыхъ тѣснимый,
Ужъ онъ на взморьѣ, межъ друзей;
Ужъ вѣрная ладья манила
Его къ привѣтнымъ островамъ;
Уже рука его врагамъ
Ударъ послѣдній наносила,
Въ тотъ самый мигъ... увы! зачѣмъ
Ты медлишь юноша несчастный!
Что оглянулся на гаремъ,
Гдѣ не видать тебѣ прекрасной!
Ни тяжкій плѣнъ, ни смертный страхъ,
Она одна, одна въ очахъ,
Онъ въ ней живетъ—и въ часъ напасти
Надежда льститъ безумной страсти;
Въ тотъ мигъ свинецъ летитъ, свиститъ:
„Вотъ какъ Яфаръ враговъ казнитъ!"
Чей слышенъ голосъ? кто свершитель
Удара мести въ тьмѣ ночной?
Кто злобною вблизи рукой,
Кто мѣтилъ выстрѣлъ роковой?
Чей карабинъ?.. онъ твой, губитель!
Ты ядомъ брата отравилъ,
Ты-жъ сироту его убилъ!...
И хлещетъ кровь его струею
Надъ ясной влагою морскою,—
И бурныхъ волнъ прибрежныхъ шумъ
Уноситъ ропотъ тайныхъ думъ.

XXVI.

Уже разсвѣтъ,—клубятся тучи,—
Въ туманъ одѣтъ небесный сводъ;
Полночный бой у шумныхъ водъ
Давно замолкъ; но брегъ зыбучій
Явилъ съ печальною зарей
Слѣды тревоги боевой,
Обломки сабли притупленной,
И мечъ еще окровавленный.
Замѣтно было на пескѣ,
Какъ буйные его топтали,
Какъ руки, роясь замирали,—
И подъ кустомъ невдалекѣ
Курился факелъ обгорѣлый.
Вотъ опрокинутый челнокъ
Волною брошенъ на песокъ,
И епанча изъ ткани бѣлой
Въ крови, пробитая свинцомъ,
Виситъ на тростникѣ морскомъ,—
И быстрый плескъ волны упорной
Отмыть не можетъ крови черной;
Но гдѣ же тотъ, съ чьего плеча
Въ крови упала епанча?
О! если-бъ сердце чье хотѣло
Оплакать горестное тѣло,—
Пускай его, пусть ищетъ тамъ,
Гдѣ море и кипитъ, и блещетъ,
И подъ скалой Сигейской плещетъ,
Стремясь къ Лемносскимъ берегамъ;
Надъ нимъ морскія птицы вьются,
Ужъ хладный трупъ клевать несутся,
И онъ безчувственный плыветъ
По произволу бурныхъ водъ,—
И, колыхаяся съ волною,
Качаетъ юной головою,
Всплываетъ, тонетъ, и порой
Какъ бы грозитъ еще рукой.
И пусть клюютъ морскія птицы
Его, лишеннаго гробницы;
Иль дикій крикъ и клевъ страшнѣй
Тлетворныхъ гробовыхъ червей?
Былъ другъ одинъ, былъ ангелъ милый,
Прекрасный спутникъ прежнихъ дней;
Она одна душой унылой
Грустила-бъ надъ его могилой,—
И столбъ съ надгробною чалмой

Кропила вѣрною слезой;
Но свѣтлый взоръ ея затмился,—
И пламень жизни въ ней погасъ
Тогда, какъ рокъ его свершился,
Какъ билъ ему послѣдній часъ.

XXVI.

Надъ Геллеспонтомъ вопль и стоны!
Унылы мужи, плачутъ жены;
Звѣзда любви, Яфара дочь
Послѣдняя семьи надменной!
Спѣшилъ—скакалъ и день и ночь,
Но опоздалъ твой обрученный;
Не зрѣть ему красы твоей,
Не для его она очей.
И Вулвулла къ нему порою
Несется съ вѣстью гробовою.
Плачъ громкій на твоемъ крыльцѣ
Подругъ, блѣднѣющихъ въ лицѣ;
Рабовъ безмолвныхъ видъ печальный,—
Корана пѣсни погребальной
Протяжный хоръ,—стенанья, вой,—
Ему разскажутъ жребій твой.
Селима падшимъ ты не зрѣла;
Когда въ ночи на страшный бой
Твой другъ пошелъ, ты обомлѣла;
Онъ былъ надеждой свѣтлыхъ дней,
Любовью, радостью твоей.
Ты видишь—смерть неизбѣжима;
Ужъ не спасти тебѣ Селима!
И сердце кровью облилось,
Впослѣднее затрепетало,
Вдругъ дикій вопль... разорвалось,
И разомъ биться перестало,
И тихо все—все тихо стало.
Миръ сердцу твоему! и миръ
Надъ дѣвственной твоей могилой!
Ты счастлива—любви кумиръ
Тебя плѣнялъ мечтою милой;
Одинъ ударъ тебя сразилъ;
Онъ вдругъ мечты твои убилъ,
Но вѣры къ нимъ не погубилъ.
Ты жизнь такъ радостно встрѣчала;
Ты не боялась, ты не знала
Разлуки, ссоры роковой,
Стѣсненной гордости позора,
И злобы съ тайной клеветой,
И мрачной совѣсти укора,
Ни язвы той... О! черныхъ дней,
Ночей ужасныхъ плодъ унылый
Безумства дикаго страшнѣй.
Она, какъ червь—жилецъ могилы,
Не утихаетъ не уснетъ;
И этотъ червь въ душѣ гнѣздится,
Не терпитъ свѣта, тьмы страшится;
Онъ сердце точитъ, сердце рветъ
И все мертвитъ, а самъ не мретъ.
Бѣда тебѣ! свершитель злодѣянья!
Напрасно ты главу опепелилъ,
И слезы льешь въ одеждѣ покаянья!
Кто Абдалу—Селима кто убилъ?
Ты назвалъ дочь невѣстою Османа...
Та, чья краса плѣнила-бъ и султана.
Отрада, честь твоихъ преклонныхъ лѣтъ...
О! рви власы, злодѣй! ея ужъ нѣтъ.
И нѣтъ тебя, уже нѣтъ, звѣзда младая!
Родимыхъ волнъ и прелесть и любовь.
Твой блескъ погасъ, его затмила кровь.
Злодѣй, страшись, та кровь была родная:
Терзайся вѣкъ, ищи ее вездѣ:
„Гдѣ дочь моя?“ и отзывъ скажетъ гдѣ?

XXVIII.

Въ долинѣ межъ кустовъ блистая,
Могильныхъ камней виденъ рядъ;
И кипарисы тамъ шумятъ,
Не вянетъ зелень ихъ густая;
Но вѣтви, темные листы
Печальны, какъ любовь младая
Безъ упованья и мечты.
Въ долинѣ той есть холмъ унылый,
Одѣтъ муравчатымъ ковромъ,
И роза бѣлая на немъ
Одна надъ тихою могилой
Цвѣтетъ,—но такъ нѣжна, блѣдна,
Какъ бы тоской посажена.
Она сама груститъ, томится,
И чуть повѣетъ вѣтерокъ,—
Уже и страшно за цвѣтокъ.
Но что-жъ! и бурный вихрь промчится,
И грянетъ громъ, и дождь польетъ,
А роза все цвѣтетъ, цвѣтетъ;
И если кто грозы вреднѣе
Ее сорветъ,—свѣжѣй, милѣе
Она съ румяною зарей
Опять надъ мягкой муравой.
Иль геній тайный, но чудесный
Кропитъ ее росой небесной,
И пѣстунъ розы молодой?
Межъ дѣвъ Эллады слухъ несется,
Что роза не цвѣтокъ земной,
Когда ни дождь, ни вѣтръ, ни зной,
Ничто до розы не коснется:
Не нуженъ ей весенній лучъ,
Не страшенъ мракъ осеннихъ тучъ,—
Надъ нею птичка, гость эѳирный,
Незримая въ долинѣ мирной,
Поетъ одна въ тиши ночей,
И райской арфы сладкогласной
Дивнѣй напѣвъ ея прекрасный:
То не иранскій соловей;
Такой живой, сердечной муки

Его не выражаютъ звуки.—
Зайдетъ ли кто,—ужъ онъ всю ночь
Отъ птички не отходитъ прочь,
И слушаетъ въ раздумьи пѣнье,
И плачетъ, и въ душѣ волненье,—
Какъ бы въ груди проснулась вновь
Тоской убитая любовь.
Но такъ отрадно слезы льются,
Часы такъ сладостно несутся,
И такъ не тягостна печаль,
Что сердцу горестному жаль,
Какъ вдругъ плѣнительное диво
Разцвѣтъ огнистый прекратитъ,
И невидимка замолчитъ.
Инымъ въ тоскѣ мечталось живо,
Но кто жестокій упрекнетъ,
Что въ пѣсни жалкой и любимой
Почти всегда пѣвецъ незримой
Зулейки имя намекнетъ?
Надъ ней тотъ кипарисъ надгробный,
Гдѣ влажный звукъ, словамъ подобный,
Звенитъ и таетъ въ тьмѣ ночной;
Тотъ мягкій дернъ надъ дѣвой чистой,
Гдѣ вдругъ расцвѣлъ цвѣтокъ душистый
Неувядаемой красой.
Здѣсь былъ вечернею зарею
Могильный мраморъ положенъ;
На утро камня нѣтъ,—и онъ
Ужели смертнаго рукою
На дальній берегъ унесенъ?
И намъ гласитъ разсказъ восточный:
Когда сраженный злобой мочной,
Селимъ былъ шумною волной
Лишенъ святыни гробовой;
Тогда вблизи крутого ската
На взморьѣ камень былъ найденъ,—
И этотъ камень нареченъ:
„Подушкой мертваго пирата",
На немъ пловцы въ полночной тьмѣ
Видаютъ голову въ чалмѣ!
А роза все не увядаетъ,
Томится, снова расцвѣтаетъ,
Прекрасна и блѣдна подъ чистою росой,
Какъ щеки красоты при вѣсти роковой.

Иванъ Козловъ.

АБИДОССКОЕ КЛАДБИЩЕ (Cemetry near Abydos).
Рис. Уоррена (H. Warren), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

КОРСАРЪ.

ПОЭМА ВЪ 3-хъ ПѢСНЯХЪ.

ОСТРОВЪ КОРСАРА (The Corsair's Isle).

Рис. Кресуикъ (T. Creswick), грав. Редклифъ (A. Redclyffe).

Переводъ А. М. ѲЕДОРОВА.

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

И. И. ИВАНОВА.

КОРСАРЪ.

„*Корсаръ*“ явился въ свѣтъ въ 1814 году. Написанъ онъ былъ въ минувшемъ декабрѣ, въ теченіе двухъ недѣль. Писалъ его поэтъ съ увлеченіемъ и внесъ въ него очень многое изъ жизни—very much from existence. Такъ говоритъ самъ Байронъ,—и правда, и поэзія были оцѣнены публикой вполнѣ.

Въ первый же день разошлось десять тысячъ экземпляровъ поэмы. Издатель называлъ ее „Carmen triumphale“,—успѣхъ, очевидно, равнялся тріумфу. И „*Корсаръ*“ навсегда остался въ байроновской поэзіи фактомъ яркимъ и *байроническимъ* по преимуществу. Иначе и быть не могло. Если три обширныхъ пѣсни могли быть написаны въ двѣ недѣли,—очевидно, онѣ писались не только съ художественнымъ увлеченіемъ, но и со всѣмъ пыломъ сердца, какой вообще отличаетъ исповѣди.

I.

Корсаръ—разбойникъ. Къ такому герою байроновская публика была приготовлена. Съ Востока поэтъ привезъ двойственныя впечатлѣнія. Ихъ можно было бы назвать культурно-публицистическими и непосредственно-художественными. Одни дали содержаніе „Чайльдъ-Гарольду“; другія поэтъ использовалъ въ цѣломъ рядѣ поэмъ совершенно иного жанра,—какого именно—опредѣлялось самимъ свойствомъ этихъ впечатлѣній.

Своеобразное отношеніе и любопытная живучивость двухъ источниковъ байроновскихъ увлеченій нагляднѣе всего поясняются чисто-географическимъ примѣромъ. На Балканскомъ полуостровѣ Байронъ, переодѣвшійся для начала Чайльдъ-Гарольдомъ, нашелъ два народа въ разныхъ политическихъ положеніяхъ: Грецію—порабощенную, хотя и съ великимъ прошлымъ, и Турцію—побѣдоносную и варварскую. Отсюда два мотива. Одинъ—призывъ: когда же возстанетъ Греція, и ему посвященъ лиризмъ „*Чайльдъ-Гарольда*“.

По сосѣдству—Турція. Здѣсь нѣтъ великаго прошлаго, нѣтъ ни Ѳемистокловъ, ни Сократовъ,—и будущаго нѣтъ, но есть нѣчто, чего не въ силахъ дать ни классическія преданія, ни надежды на политическую свободу. Какъ выразился шекспировскій Антоній: „очаровательнъ Востокъ и клонитъ къ нѣгѣ“.

И не Байрону было устоять противъ этой „нѣги“. Недаромъ онъ за два года до путешествія признавалъ, что мысли его отличаются сладострастнымъ оттѣнкомъ. Вотъ этотъ оттѣнокъ и разросся въ чрезвычайно безпокойную тѣнь въ странѣ гаремовъ.

Если поэтичны воспоминанія о Ѳермопилахъ, то вѣдь и сераль имѣетъ свою поэзію. Красавицы съ громадными задумчивыми глазами, невольницы своихъ повелителей, страстныя, отважныя,—но безнадежно запертыя за тридевять замковъ. И если увлекательно представить, какъ сынъ возставшей Эллады разобьетъ цѣпи на рукахъ этой классической красавицы,—несомнѣнно есть своя привлекательность и въ отвагѣ того молодца, который съумѣетъ освободить для страстной любви гаремную затворницу.

И у молодого Байрона два героя, двѣ героини и, значитъ, два романа. Одинъ—

повстанецъ-патріотъ, другой—неукротимо-страстный искатель приключеній; одна героиня—самая величественная и отвлеченная—свободная родина свободныхъ гражданъ; другая—самая нѣжная и общепонятная—всегда одна и та же, но съ многочисленными звучными именами—Леила, Зюлейка, Гюльнара, неизмѣнно первая красавица въ мірѣ: *earth holds no other like*!—земля не знаетъ подобной!

И въ этой области лиризмъ Байрона подчасъ несравненно стремительнѣе, чѣмъ въ области политики и исторіи.

Тамъ поэту безпрестанно приходится окрылять свой геній предметами посторонними для чувства и вдохновенія,—подчасъ просто книжной эрудиціей,—перелагать въ стихи довольно сухія данныя и при всемъ удивительномъ стихотворческомъ дарованіи поэта чувствуется какая-то обязательность, принужденность въ его восклицаніяхъ предъ разными реликвіями античной старины.

Довольно однообразны и тиртеевскіе мотивы, —кличи о возстаніи, которыя поэту приходится обращать по разнымъ адресамъ,—и столь же обязательно, какъ восторгаться эллинскимъ искусствомъ.

Но ничто не можетъ сравниться съ вольностью полета байроновскаго лиризма тамъ, гдѣ предъ нами не Тиртей, а Овидій и Анакреонъ,—не порабощенная страна, а угнетенная женщина.

И Байронъ чувствуетъ всю силу этого мотива надъ своимъ талантомъ. Ни у одного поэта нѣтъ такого безграничнаго прославленія чувства любви, какъ у Байрона. Это одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ байроновской поэзіи.

Вопросъ идетъ, разумѣется, не о качествахъ любви: съ поэзіей считаться въ этомъ отношеніи было бы, по меньшей мѣрѣ, безцѣльно. Вопросъ въ нравственномъ и даже культурномъ, общечеловѣческомъ значеніи любви, какъ страсти. Оно, по мнѣнію Байрона,—несоизмѣримо, т. е. съ нимъ нельзя сравнить не только какую либо одну добродѣтель, но даже всѣ ихъ вмѣстѣ взятыя.

Будь на совѣсти у человѣка тысяча преступленій, но если онъ сохранилъ способность страстно любить,—онъ—герой, онъ заслуживаетъ нашего высшаго интереса и нашего сочувствія и нашего удивленія. О немъ, одномъ стоитъ написать гораздо болѣе обширную поэму, чѣмъ о всѣхъ герояхъ свободы на всѣхъ полуостровахъ Европы. Надо только, чтобы любовь была такой, что называется—вѣчная и безумная. чтобы герой могъ, подобно Корсару, сказать своему предмету:

My very love to thee is hate to them.—

т. е. моя любовь къ тебѣ—это ненависть къ человѣческому роду.

Тогда герой можетъ освободить себя отъ всякихъ соціальныхъ и нравственныхъ условій,—и поэтъ заявитъ о немъ: всѣ „добродѣтели исчезли, но и преступность даже не могла погасить самой прелестной изъ нихъ—this loveliest one!" Такъ и въ эпитафіи герою будетъ сказано; онъ завѣщалъ потомству имя—съ тысячью преступленій и съ одной добродѣтелью!

Почему любовная страсть—добродѣтель? У Байрона нѣтъ отвѣта и отвѣта нельзя отыскать ни въ судьбѣ, ни въ личностяхъ его героевъ. У поэтовъ искони принято въ чувствѣ любви прославлять силу облагораживающую, т.-е. осердечивающую и смягчающую. У Байрона совершенно напротивъ: любовь превращаетъ человѣка въ опасное антисоціальное существо. Это—хищное животное, укрывше еся съ своей самкой въ пещерѣ, на утесѣ, въ лѣсу, въ пустынѣ. Такую именно любовь сталъ изображать поэтъ, побывавъ на Востокѣ, и этотъ мотивъ надолго отодвинулъ другой—идейный и культурный. „*Корсаръ*" только самое искусное звено—въ длинной цѣпи, ковавшейся со страстью и въ теченіе цѣлыхъ лѣтъ.

И здѣсь есть извѣстная послѣдовательность.

Начало—„*Гяуръ*". Это первый набросокъ любовника-хищника. Въ поэмѣ этой будто борятся оба мотива—культурный и эротическій. Въ началѣ—тоска по эллинской свободѣ и укоризны покорнымъ рабамъ. Но это—мотивъ изъ другой пѣсни; настоящая пѣсня совсѣмъ о другомъ и поэтъ энергично и неожиданно обрываетъ самого себя, чтобы перейти къ настоящему дѣлу. И любопытенъ самый переходъ: поэтъ внезапно отказывается „оплакивать" свободу Греціи и желаетъ вызвать у читателя слезы другимъ предметомъ,—повѣстью о гяурѣ.

Это—самая ранняя тема „*Корсара*".

Поэтъ здѣсь съ самаго начала взялъ самую высокую ноту и кристаллизировалъ свой избранный образъ. Понизить тонъ значило бы посягнуть на ту или другую сверхчеловѣческую черту героя,—а именно въ сверхчеловѣчности, точнѣе во внѣ-человѣчности его и заключались всѣ его права на прославленіе байроновской музой

За „*Гяуромъ*“ слѣдовала „*Абидосская невѣста*“. Мы еще ближе къ „*Корсару*“—любовникъ-хищникъ уже сталъ разбойникомъ. Вѣроятно, и гяуръ прошелъ этотъ путь мести человѣчеству за неудовлетворенную страсть. Монастырская казна наполнена богатствами гяура, и надо полагать,—добро досталось таинственному гяуру не по наслѣдству. Недаромъ онъ многозначительно говоритъ „отцу святому“: „что было *послѣ* знаешь самъ. Нѣтъ отпущенія грѣхамъ“. *Послѣ*—значитъ, когда погибла возлюбленная героя и гяуръ на всю жизнь проникся мракомъ и зломъ.

Селимъ—откровеннѣе. Онъ непосредственно послѣ неудачнаго увлеченія превратился въ атамана корсаровъ и потомъ очень подробно описалъ Зулейкѣ красоту разбойничьей души и прелесть разбойничьей жизни.

„*Абидосская невѣста*“ гораздо упорядоченнѣе „*Гяура*“. Здѣсь съ самаго начала можно уловить смыслъ сюжета,—но все таки слишкомъ много проселочныхъ тропинокъ и всякаго рода порослей; за ними все еще исчезаютъ главные пути и главныя украшенія роскошнаго сада. Недаромъ поэма снабжена многочисленными этнографическими и историческими примѣчаніями: курьезы и чары Востока, очевидно, опять поминутно отвлекали поэта отъ главной задачи, и герой, изъ гяура переодѣтый въ Селима, снова терпѣлъ отъ этихъ скачковъ въ сторону. Поэту, видимо, надо было истощить запасы своихъ восточныхъ впечатлѣній и свѣдѣній по турецкому быту и отчасти по турецкой исторіи. Тогда герою должно остаться больше простору и все, что касается его, пріобрѣтетъ больше ясности и порядка.

Мы можемъ слѣдовательно сказать, что Байронъ вывезъ съ Востока совершенно опредѣленный героическій и романическій мотивъ. Впервые онъ его изложилъ устами гяура, повѣствующаго свою судьбу „святому отцу“ въ монастырѣ. Потомъ на тотъ же мотивъ написалъ „*Абидосскую невѣсту*“, ничего не прибавивъ къ основнымъ нравственнымъ чертамъ героя, но приподнялъ нѣсколько больше покрывало съ его мрачной и таинственной судьбы. Наконецъ, естественно настало время—изобразить эту судьбу, какъ естественный предметъ поэмы—безъ пейзажныхъ и жанровыхъ помѣхъ.

Это и будетъ „*Корсаръ*“.

Но мы еще не исчерпали всѣхъ путей, приведшихъ Байрона къ этой поэмѣ. Внѣ всякаго сомнѣнія, образъ любовника-хищника—одно изъ сокровищъ, привезенныхъ Байрономъ изъ путешествія по варварскимъ краямъ. Но не менѣе важенъ вопросъ,—почему этотъ образъ такъ глубоко внѣдрился въ байроновскую душу? Почему цѣлый періодъ байроновскаго творчества можно назвать разбойничьимъ романтизмомъ?

II.

Европейская литература за много лѣтъ до байроновскаго „Корсара“ успѣла ознакомиться съ фигурой разбойника въ самомъ интересномъ освѣщеніи и до нашихъ дней сохранить о немъ представленіе, какъ о классическомъ образѣ. Это—шиллеровскій Карлъ Мооръ. Къ Байрону это воспоминаніе имѣетъ прямое отношеніе: будущій авторъ „*Корсара*“ еще въ ранней молодости съумѣлъ почувствовать привлекательность шиллеровскаго созданія. Какъ онъ думалъ о Карлѣ Моорѣ, мы не знаемъ, но намъ извѣстенъ культурный смыслъ шиллеровской драмы и онъ бросаетъ яркій свѣтъ на байроновскую разбойничью романтику. Карлъ Мооръ говоритъ очень много и оглушительно громко. Что ни слово, то будто смертельный ударъ кинжаломъ всему, что больше всего распространено въ семъ мірѣ. Это—гигантъ, желающій имѣть серьезное дѣло только съ Провидѣніемъ.

Но какъ бы громки ни были слова,—мысли Карла Моора вполнѣ реальны и цѣлесообразны даже въ тѣсныхъ предѣлахъ столь презираемой имъ человѣческой общественной жизни. Сущность мыслей Карла Моора можно найти у такого глубокомысленнаго и вдумчиваго мирнаго бюргера какъ философъ Кантъ.

Его время, восемнадцатый вѣкъ, особенно усердно занималось вопросомъ о прогрессѣ,—въ чемъ онъ состоитъ и какія силы имъ управляютъ? Для эпохи, разсчитывавшей побѣдоносно сразиться со всевозможными вѣковыми неправдами и нелѣпостями,—интересъ былъ насущный. Вопросъ рѣшался просто, такъ какъ отвѣтъ подсказывался современнымъ положеніемъ борьбы. Сравнительно ограниченная группа „просвѣтителей“ шла въ мужественномъ натискѣ на толпу, или порабощенную традиціей, или своекорыстно охранявшую ее. Нападающіе сражались подъ знаменемъ независимости разума и свободы личности,—два принципа, вполнѣ исчерпывающіе весь арсеналъ, губительный для пережитковъ отжившей ста-

рины. А оба эти принципа логически укладывались въ одну идею—*личности*, какъ силы мыслящей и творящей. Значитъ,—прогрессъ не что иное, какъ борьба личности противъ массовыхъ предразсудковъ и суевѣрій.

Такой выводъ—въ высшей степени романтическій—получался для самыхъ просвѣтителей въ пылу переживаемыхъ событій. И Кантъ этотъ выводъ обобщилъ.

По его мнѣнію, прогрессъ—это проявленіе антисоціальной силы въ отдѣльномъ человѣкѣ—*die persönliche Ungeselligkeit* [1]). Личность въ извѣстный историческій моментъ не укладывается въ общественныя рамки, установленныя исторіей, и принимается раздвигать ихъ; въ этотъ моментъ личность *необщественна*, такъ какъ, общество, т.-е. мыслъ, не достигшая уровня ея духовнаго развитія,—ея естественный врагъ. Слѣдовательно, возстаніе личности противъ общества во имя новыхъ идеаловъ свободы и есть періодъ прогресса.

Карлъ Мооръ и явился представителемъ одного изъ такихъ періодовъ,—самаго воинственнаго и широкообъемлющаго.

И Карлъ Мооръ это знаетъ. Въ рѣшительную минуту своей жизни онъ говоритъ: „Я самъ—мое небо и адъ". Въ „этомъ восклицаніи звучали тѣ самыя *droits de l'homme*, изъ-за которыхъ велась сначала безкровная, а потомъ и кровавая война. И шиллеровскій герой даже предвосхитилъ ея второй періодъ.

Онъ „вышелъ изъ круга человѣчества",—это значитъ онъ проявилъ ту Ungeselligkeit, какая должна вызвать новый соціальный строй. И у Карла готова программа,—та самая, какую его современники давно прочитали въ сочиненіяхъ Руссо. Здѣсь они даже могли найти первый теоретическій очеркъ величественной фигуры—демоническаго преобразователя, удивительно напоминающій даже въ подробностяхъ позднѣйшихъ идеальныхъ разбойниковъ.

Руссо рисовалъ идеальнаго законодателя со всей рѣшительностью своей политической геометріи и со всѣми эффектами своего художественнаго генія. Законодатель долженъ обладать способностью „измѣнять человѣческую природу". Слѣдовательно, силы этого существа граничатъ со всемогуществомъ,—и, естественно, здѣсь нѣтъ мѣста обычнымъ путямъ, какими проводятся въ жизнь человѣческія идеи,—убѣжденію и доказательству. Законодатель Руссо увлекаетъ не насилуя и убѣждаетъ не доказывая [1]). Это—подлинныя его свойства. и они тѣ же самыя, какими особенно рѣзко отличаются Карлъ Мооръ и за нимъ гяуръ. Селимъ и корсаръ.

Карлъ Мооръ гнѣвно кричитъ своей шайкѣ: „кто разсуждаетъ, когда я приказываю?" А Байронъ прежде всего спѣшитъ указать, что его герои только повелѣваютъ и даже не словами, а взглядомъ, выраженіемъ лица. У корсара эта способность изображена съ особенной тщательностью, въ нѣсколько пріемовъ, и доведена до совершенства.

Но вопросъ,—во имя какой цѣли повелѣвать?

Руссо—представилъ, по крайней мѣрѣ теоретически, обстоятельный планъ. Есть онъ и у Карла и такой, что за него вполнѣ заслуженно могъ пострадать авторъ не только у нѣмецкаго маленькаго владыки XVIII вѣка. И планъ этотъ сохранилъ достаточно свѣжести и смысла до нашихъ дней. Недаромъ все простодушное громогласіе „обвинителя Провидѣнія" не погасило благороднаго свѣта его сердца и ума даже на пространствѣ самыхъ трезвыхъ эпохъ.

Но это не все.

Шиллеровскій разбойникъ—незабвенное явленіе не только по своему философскому багажу, весьма распространенному въ его время. Онъ еще и живое, и волнующее лицо, онъ—человѣческій художественный образъ. Насчетъ мѣры въ рѣчахъ, правдоподобія въ дѣйствіяхъ—недочетовъ сколько угодно, но все таки это могучая пѣсня праведнаго гнѣва и искренней скорби, хотя и пропѣтая неустановившимся молодымъ голосомъ и въ душномъ, сдавленномъ воздухѣ.

Намъ понятно рѣшительно все, что касается нравственной жизни Моора: мы понимаемъ, почему онъ одинокъ, почему онъ называетъ себя отверженцемъ людей и за что онъ клеймитъ ихъ. Сущность драмы—вполнѣ реальна, преувеличенъ только ея размахъ и перекаленъ темпераментъ героя. Поэтому, мы можемъ не разъ улыбнуться, слушая бурныя рѣчи Моора, но не разъ также въ насъ проснется настоящее волненіе, какое только можетъ вызвать въ человѣческомъ сердцѣ подлинная человѣческая скорбь. И когда шиллеровскій раз-

1) Streit der Facultäten. Werke, X.

1) *Du Contrat Social*. Liv II. chap. VI

ойникъ съ неподражаемо-простодушнымъ, почти дѣтскимъ богатырствомъ восклицаетъ: „Нѣтъ, нѣтъ, есть что-то высшее, потому что я еще не былъ счастливъ!"—мы улыбаемся въ полнотѣ искренняго и глубокаго сочувствія живому, страдающему человѣку,—отнюдь не реторической формулѣ героизма.

Отсюда заразительная сила шиллеровской драмы, засвидѣтельствованная не только поэтами—Байрономъ, Лермонтовымъ, но и законодателями. Революціонное собраніе, создававшее новую Францію, вполнѣ сознательно пожелало автора „*Разбойниковъ*" почтить званіемъ *гражданина*. Драма, дѣйствительно, актъ гражданскаго юношески-восторженнаго духа.

Руссо былъ такъ-же учителемъ Байрона, какъ и Шиллера, и у Байрона,—по природѣ и по жизненнымъ положеніямъ,—было, на первый взглядъ, больше точекъ соприкосновенія съ душой и судьбой женевскаго философа, чѣмъ у Шиллера. И Байронъ отъ чистаго сердца могъ посвятить Руссо не одну краснорѣчивую строфу. Въ этихъ строфахъ не мало оговорокъ, какихъ не сдѣлалъ бы благодарный ученикъ, но вѣдь и въ точкахъ соприкосновенія байроновскихъ многообразныхъ разочарованій съ неизмѣнными состраданіями никогда не бывшаго очарованнымъ Жанъ-Жака гораздо больше видимости, чѣмъ сущности. Безпрестанно бывало такъ: тамъ, гдѣ взбѣшенный, опростившійся лордъ могъ стать въ карательную позу предъ лицомъ своей касты и въ то же время благосклонно отвѣчать на восторженный привѣтъ всего остального человѣчества,—несчастный Жанъ-Жакъ не зналъ буквально, гдѣ преклонить голову. Основной мотивъ жизненной драмы Руссо—одиночество—былъ знакомъ Байрону точь-въ-точь въ такой же формѣ и въ такомъ же размѣрѣ, какъ столичнымъ дачникамъ деревня и деревенская жизнь. Одного одиночество преслѣдовало какъ прирожденный недугъ, другой искалъ его, какъ отдыха.

Но мотивы въ духѣ Руссо несомнѣнны въ байроновской поэзіи и особенно въ юношеской. Достаточно припомнить нападки на язвы и пошлости культурнаго общества, большое влеченіе къ природѣ и „естественнымъ людямъ", великую охоту воспѣвать одиночество и возвышенную мизантропію. Все это есть въ первыхъ же пѣсняхъ „*Чайльдъ-Гарольда*". Естественнымъ является и сопоставленіе шиллеровскихъ „*Разбойниковъ*" и байроновскаго корсарства, занявшаго такъ много мѣста въ творчествѣ и, очевидно, въ нравственной жизни поэта. Какой же культурный смыслъ этого явленія?

III.

Байронъ очень рано началъ говорить о презрѣніи къ свѣту, о любви къ уединенію, вообще о ничтожествѣ людей и о томъ, что ему самому нѣтъ пути въ этомъ мірѣ. Говорилось все это въ семнадцать или восемнадцать лѣтъ, и слезы разочарованія лились подъ самый бурный аккомпаниментъ головокружительно-смѣнявшихся увлеченій.

Жизнь текла будто въ раю правовѣрныхъ и это было предзнаменованіемъ на долгое будущее. Правда, налетали и тѣни: земной рай требуетъ весьма матеріальныхъ заботъ, а состояніе Байрона не вполнѣ соотвѣтствовало его титулу и особенно темпераменту; бывали нелады съ матерью,—нелады вздорные, злые и совершенно не идейные; происходили, разумѣется, столкновенія и съ разнаго рода филистерами и педантами „порядочной" жизни и трезвой литературы;—но все это получаетъ совершенно смѣхотворный видъ, если изъ подобныхъ бѣдствій попытаться сочинить предисловіе къ драмѣ, опустошившей душу человѣка. Правда, двадцатилѣтній Байронъ желаетъ пустить себѣ пулю въ лобъ, но, по его словамъ, ему это лѣнь сдѣлать. И мы вѣримъ ему: вполнѣ уважительная причина не стрѣляться отъ такихъ несчастій, какія намъ извѣстны изъ молодости поэта. Не стоило даже и словъ то страшныхъ говорить. Даже особые цѣнители Байрона, съ большимъ трудомъ отличающіе въ его лиризмѣ правду отъ поэзіи и *пережитое* отъ *выгаданнаго*, изумляются, чѣмъ изобидѣла поэта его родина до его двадцатилѣтняго возраста и за что онъ именовалъ ее—*this cursed country—проклятой страной?*

А между тѣмъ, Байронъ не только проклиналъ Англію, но и бѣжалъ изъ нея и сопровождалъ свое бѣгство такими изреченіями, какихъ, навѣрное, не говорилъ ни одинъ изъ самыхъ злополучныхъ и великихъ изгнанниковъ.

Байронъ называлъ себя Адамомъ, осужденнымъ на изгнаніе и даже безъ Евы, существомъ безъ друзей, открывая этими сравненіями перспективу для будущаго окончательнаго эпитета—*fallen spirit*—падшій духъ.

Начинались странствованія Чайльдъ-Га-

рольда,—и безъ всякаго сомнѣнія они во всѣхъ отношеніяхъ совершались проще и легче, чѣмъ позднѣйшія запутанныя экскурсіи байронистовъ среди необозримой галлереи байроновскихъ Евъ—съ цѣлью опредѣлить, какая реальная Ева соотвѣтствуетъ поэтически-разодѣтому существу съ той или другой фантастической кличкой?

Это означало быть разочарованнымъ и не знать путей въ этомъ мірѣ.

Байронъ вернулся. Пришлось испытать кое-что непріятное,—отнюдь не исключительное по своей горестности, но, по крайней мѣрѣ, заслуживающее серьезнаго упоминанія. Умерла мать,—и поэту, навѣрное, стало неловко при воспоминаніи о междоусобицахъ съ мало-вмѣняемой, но все-таки не злой женщиной. До исторіи съ женой это самое существенное огорченіе, но оно никоимъ образомъ не могло устоять предъ быстро налетѣвшей славой—по выходѣ первыхъ пѣсенъ „*Чайльдъ-Гарольда*“ и нарѣдкость многочисленными и многошумными реальными романами поэта.

Никогда еще ни въ одной литературѣ не появлялось мотива, столь раздражающаго и заразительнаго для женской впечатлительности.

Необыкновенно темпераментный, правда пресыщенный, уставшій и мрачный, но сохранившій во всей силѣ способность разразиться восторженной пѣсней въ честь красоты и подробно оцѣнить спеціальныя качества женщины какой угодно національности,—все это должно было изъ Чайльдъ-Гарольда сдѣлать неотразимо отравляющій образъ для всякаго сколько-нибудь мятущагося женскаго воображенія,—и Байронъ сталъ „идоломъ общества“.

Это былъ—*день его*, его праздникъ,—*ту Day*:—такъ онъ самъ говоритъ,—и вотъ съ этимъ то праздникомъ совпадаетъ корсарскій періодъ байроновской поэзіи; публика выражалась проще—періодъ „турецкихъ повѣстей“.

И дѣйствительно, главнымъ обстоятельствомъ была чрезвычайная насыщенность поэта турецкими впечатлѣніями. Ихъ оказалось столько, что при всей неограниченной подвижности архитектурныхъ рамокъ „*Гяура*“, „*Абидосской невѣсты*“—всѣ эти впечатлѣнія и разная другая освѣдомленность не укладывались въ стихотворные отрывки. Поэтъ вознаграждалъ себя примѣчаніями, не менѣе интригующими для публики, чѣмъ самый текстъ.

Здѣсь трактовались также „турецкіе“ вопросы; сообщались, напримѣръ, свѣдѣнія о томъ, съ какимъ лезвіемъ восточная сабля смертоноснѣе, какой видъ имѣютъ лица людей, убитыхъ разными способами,—и всѣмъ становилось ясно, что сабля съ самымъ опаснымъ лезвіемъ имѣется у самого поэта и что онъ имѣлъ случаи наблюдать всевозможныхъ убитыхъ, а что касается живыхъ, то поэтъ прямо заявлялъ, что онъ жилъ съ однимъ морскимъ разбойникомъ въ Морећ.

Послѣ такихъ примѣчаній, естественно, текстъ прочитывался читателями и особенно читательницами съ совершенно особымъ настроеніемъ. Они невольно искали здѣсь гораздо больше, чѣмъ было написано и, разумѣется, въ томъ направленіи, въ какомъ ихъ поощряли личныя заявленія самого автора. Къ тому-же изъ особаго чувства подразнить тѣхъ, которые считали его олицетвореніемъ порока поэтъ непрочь былъ содѣйствовать распространенію самыхъ нелѣпыхъ розсказней о немъ.

Мирный и культурный Чайльдъ Гарольдъ былъ настоящимъ двойникомъ автора, но это пока скрывалось и довольно упорно. А корсары, разумѣется, дѣйствовали совсѣмъ въ другомъ направленіи, чѣмъ хотя бы даже и очень своеобразный великобританскій лордъ. И все-таки не Чайльдъ-Гарольду впервые суждена была честь явиться вполнѣ откровенно съ лицомъ самого поэта, а морскому разбойнику—Конраду.

Какъ это могло случиться?

Вальтеръ-Скотту первому пришлось рѣшать вопросъ со всевозможными данными—рѣшить его основательно и къ чести любимаго поэта. Мы знаемъ, въ юномъ Байронѣ жила любопытная идея на счетъ героевъ и ихъ авторовъ. Онъ весьма былъ склоненъ сливать ихъ воедино, будто не признавалъ, что можно изображать что-либо другое помимо собственной души. Это поучительно для оцѣнки таланта самого Байрона,—и поэтъ не только не боролся съ настойчивымъ субъективизмомъ своего вдохновенія,— напротивъ, желалъ подчеркнуть субъективизмъ даже тамъ, гдѣ—безъ участія поэта—читатели, можетъ быть, и не догадались бы о немъ.

Зачѣмъ, напримѣръ, онъ снабдилъ корсара своей внѣшностью? Зачѣмъ, спрашиваетъ Вальтеръ-Скоттъ, Байронъ вообще придавалъ личныя свои особенности разбойникамъ и преступникамъ?

У Вальтеръ-Скотта нѣсколько отвѣтовъ:

„Быть можетъ, этотъ пріемъ есть слѣд-

ствіе меланхоліи, которая располагаетъ человѣка, одержимаго ею, напримѣръ, Гамлета, сродняться со сценами глубокаго и потрясающаго интереса, которыя возникаютъ изъ борьбы угрызеній совѣсти съ непреклонной гордостью и, давъ волю своему воображенію, ставить себя въ положеніе человѣка, окруженнаго опасностями и отягченнаго преступленіями, подобно тѣмъ людямъ, которые инстинктивно любятъ блуждать по краямъ пропастей, или, ухватясь за слабую вѣтку, нагибаться надъ бездной, на днѣ которой шумитъ мрачный потокъ. Впрочемъ, переодѣванье это могло быть и совершенно произвольнымъ, подобно тому какъ выбираютъ плащъ, кинжалъ и фонарь убійцы для маскараднаго костюма. Или, быть можетъ, чувствуя всю силу своихъ описаній всего мрачнаго и ужаснаго, Байронъ въ своемъ рвеніи отождествлялъ себя съ описываемыми имъ личностями, подобно актеру, представляющему на сценѣ одновременно и свою собственную личность, и лицо, которое онъ изображаетъ. Наконецъ, можно предполагать (и это несовсѣмъ несовмѣстно съ характеромъ Байрона), что онъ дѣлалъ это на зло своимъ порицателямъ, которые вслѣдъ за появленіемъ въ свѣтъ „*Чайльдъ Гарольда*“, стали осыпать его насмѣшками, по поводу этихъ переодѣваній, желая тѣмъ показать публикѣ, какъ онъ мало обращаетъ вниманія на критику и до какой степени въ его власти возбуждать вниманіе и уваженіе къ себѣ даже и тогда, когда онъ придаетъ нѣкоторыя личныя свои черты и особенности пиратамъ и разбойникамъ“.

Всѣ эти объясненія—одно другого стоятъ: Байронъ или искатель сильныхъ ощущеній, или любитель маскарадныхъ мистификацій, или актеръ, играющій „страшную“ роль, или—что хуже всего—осуществляющій въ своемъ творчествѣ задоръ раздраженнаго самолюбія. А между тѣмъ Вальтеръ-Скоттъ отнюдь не желалъ унижать ни таланта, ни личности Байрона, и говорилъ по крайнему разумѣнію все лучшее, что можно было сказать по поводу Конрада-Байрона.

По этимъ указаніямъ мы, слѣдовательно, не должны серьезно смотрѣть на субъективныя черты въ корсарахъ Байрона: это, по меньшей мѣрѣ, разсчитанная игра капризнаго артистическаго воображенія.

И это вполнѣ согласно съ фактами. Корсаризмъ завладѣлъ *творчествомъ* поэта какъ разъ въ то время, когда надъ *душой* его проносились самые золотые „летящіе часы“. Онъ и имъ далъ мѣсто въ разбойничьихъ поэмахъ: Зюлейка—удостовѣренное отраженіе одной изъ подлинныхъ мимолетныхъ героинь Байрона. Здѣсь — *правда*, а повсюду, гдѣ изображался мракъ, отчаяніе, безнадежное одиночество въ настоящемъ и въ будущемъ и потрясающая преступность въ прошломъ,—все это *творчество* и притомъ усиленно мелодраматизированное въ личныхъ цѣляхъ поэта и для его собственнаго удовольствія.

Эта мелодраматизація не покидала молодого Байрона даже въ самыхъ простыхъ житейскихъ положеніяхъ. Въ его дневникѣ имѣется одна запись, бросающая гораздо болѣе яркій свѣтъ на психологію байроновскаго творчества, чѣмъ всѣ постороннія изслѣдованія.

Байронъ увидѣлъ во снѣ знакомую умершую женщину,—обстоятельство довольно обыкновенное. Но вотъ какъ его излагаетъ Байронъ:

„Какой сонъ!.. Ей не удалось овладѣть мною!.. Но я хотѣлъ бы, чтобъ мертвецы мирно покоились! О, какъ стыла моя кровь!.. Я никакъ не могъ проснуться“...

И ему немедленно припоминается ни болѣе, ни менѣе какъ самъ Ричардъ III послѣ ночи его видѣній!.. Сопоставленіе съ излишкомъ стоющее уподобленія корсара Конрада поэту Байрону—и психологически одного и того же порядка.

Мелодраматизма не мало и въ первоисточникѣ классической разбойничьей поэзіи—въ драмѣ Шиллера. Но тамъ источникъ его—совершенно другой. Тамъ—выражаясь словами Добролюбова—„азартъ въ пользу идеи“ виноватъ въ томъ, что Карлъ Мооръ такъ часто похожъ на „сверхчеловѣка“ и „смѣющагося льва“; у Байрона мелодраматизмъ—явленіе, идеямъ постороннее и психологически не связанное съ личностью героя, а навязанное ей настроеніями и намѣреніями поэта. Отсюда чрезвычайно своеобразный характеръ самаго яркаго байроновскаго разбойника—корсара Конрада.

IV.

Мы знакомы съ главными чертами героя: это черты не его, а фамильныя, онѣ—неотъемлемое достояніе самаго типа. Съ байроновской энергіей вся фигура обозначена нѣсколькими словами: *That man of loneliness and mystery—человѣкъ одиночества и таинственности*. И эти понятія дѣйствительно

исчерпывающія: все остальное—подробности и онѣ логически вытекаютъ изъ основныхъ понятій.

Кто таинственъ — тотъ, конечно, не разговорчивъ, и Конрадъ и самъ не говоритъ безъ крайней необходимости, и другимъ не позволяетъ говорить, взглядъ, жестъ, краткій приказъ—все краснорѣчіе Конрада. А кто задаетъ ему вопросы, тому „краткій отвѣтъ и презрительный взоръ"— и только. Внѣшность у Конрада, мы уже знаемъ, байроновская и поэтъ не пожалѣлъ красокъ. Все, что можно извлечь изъ таинственности—на лицо: Конрадъ не высокъ ростомъ, но наблюдательный зритель могъ подмѣтить въ его наружности нѣчто необыкновенное, какую-то силу, приводившую въ невольный трепетъ толпу, даже корсаровъ, навѣрное, привыкшихъ не пугаться. Немногіе могли выдержать его взоръ, потому что—*There was a laughing Devil in his sneer*—самъ смѣющійся дьяволъ чуялся въ его смѣхѣ—весьма, впрочемъ, скупомъ.

Это таинственность.

Одиночество неразлучно съ таинственностью и со многими другими качествами. Кто одинокъ по своей волѣ,—тотъ значитъ или боится, или презираетъ людей. Конраду, разумѣется, чуждъ страхъ,— и онъ переполненъ ненавистью и презрѣніемъ ко всему человѣчеству. И это презрѣніе переноситъ онъ и на своихъ товарищей: они едва дерзаютъ подходить къ нему, и „съ ними у него единственныя сношенія—команда". Но если Конрадъ захочетъ быть разговорчивымъ съ людьми, тогда на свѣтѣ нѣтъ существа очаровательнѣе и тѣмъ, кого онъ увлекалъ, казалось, что на землѣ „все ничто предъ его словомъ". Только это бывало рѣдко, и онъ не дорожилъ тѣми, кто его любилъ, а только тѣми, кто ему подчинялся.

Таковъ „мракъ души" Конрада.

Не менѣе сурова и его плоть. Она удовлетворяется аскетическимъ режимомъ. Конрадъ питается „самымъ грубымъ хлѣбомъ и самыми простыми кореньями"; иногда только позволяетъ себѣ полакомиться плодами, а пьетъ одну воду. Столъ настоящаго „отшельника"!.

Кажется,—будто вылитая изъ металла фигура: вездѣ такія твердыя, увѣренныя линіи! Какъ могъ явиться такой богатырь духа? Мы не одинъ разъ слышимъ объ упорной работѣ его мысли. Онъ и питается по-отшельнически затѣмъ, чтобы жить больше всего духовной жизнью: „его духъ, казалось, питался его воздержаніемъ". Дальше говорится о „могуществѣ его мысли". чарахъ его „духа" и рисуется лицо, вѣчно сосредоточенное въ глубочайшихъ думахъ. и слѣды этихъ думъ читаются на суровомъ челѣ, въ нестерпимо-проницательныхъ очахъ, и эта же страшная работа должна объяснить намъ, почему Конрадъ все и всѣхъ подчиняетъ своей волѣ. Такъ полагаетъ самъ поэтъ.

Все это чрезвычайно эффектно, но пока не убѣдительно и, слѣдовательно, не сильно,—къ чему особенно стремится поэтъ. Мы знаемъ, что кому угодно можно приписать какія угодно совершенства,—все равно какъ на чье угодно тѣло можно навѣшать всяческіе уборы; вопросъ, — пойдутъ ли эти уборы къ человѣку и составятъ ли они всѣ вмѣстѣ правдоподобное и художественно-красивое одѣяніе? Такъ и великія героическія свойства... Прежде всего,—кому принадлежатъ эти свойства, существуетъ ли живая, реальная человѣческая душа, блистающая этими достоинствами? Иначе,—всѣ доблести будутъ украшеніями на манекенѣ.

А рѣшить намъ вопросъ очень легко: все живое имѣетъ свою исторію,—и живая человѣческая душа—значитъ картина развивающагося міра идей и отношеній. Если у человѣка такое острое отношеніе къ міру, какъ у Конрада,— мы должны знать происхожденіе этого чувства; если онъ такой аскетически-ревностный мыслитель,—у насъ является желаніе проникнуть въ задачи этой необыкновенной работы.

У Карла Моора намъ все это извѣстно. Мы ясно представляемъ, за что онъ громитъ людей отродьемъ крокодиловъ, почему себя онъ считаетъ одинокимъ, „горько вопіющимъ Абадонной", и на какомъ основаніи онъ ставитъ себя выше своихъ товарищей-разбойниковъ: у него и у нихъ цѣли совершенно различныя, и онъ дѣйствительно пользуется ими, только какъ орудіями, какъ матеріаломъ.

Все это вполнѣ опредѣленная исторія человѣческой души и человѣческаго воинствующаго идеализма.

Обратитесь къ Конраду и спросите у него, откуда его *мракъ духа*, столь, будто бы, ужасающій все, что приближается къ корсару?

Поэтъ два раза пытается дать отвѣтъ и почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ и одинаково кратко и таинственно: *His heart was formed for softness—warped to wrong*— „его сердце было создано для любви, а его

сбили съ пути и направили на преступленіе". Такова исторія Конрада. Въ поясненіе говорится, кто сбилъ съ пути и какъ: свѣтъ проучилъ его въ школѣ разочарованія (Disappointment's school). Еще одно поясненіе: „ему измѣняли слишкомъ рано и слишкомъ долго обманывали"—*Betrayed too early and beguiled too long.* И въ результатѣ—неукротимая ненависть противъ всего человѣческаго рода, „война съ человѣкомъ и вызовъ небесамъ", „благородная надежда научить корсаровъ въ небольшомъ количествѣ биться съ толпами", а въ общемъ—рѣшительный разрывъ даже съ Божьимъ милосердіемъ и „тысяча преступленій" съ открытымъ разсчетомъ на близкое сосѣдство съ сатаной при жизни и по смерти,—до послѣднихъ предѣловъ всего ужаснаго, что можетъ изобрѣсти человѣческое воображеніе...

Можетъ это произвести впечатлѣніе подлинной драмы человѣческой души и вызвать у насъ волненіе жалости, удивленія или ужаса—самаго желаннаго для Конрада чувства?

Намъ, можетъ быть, не слѣдуетъ особенно добиваться, какія разочарованія и измѣны могли привести героя къ идеѣ уничтоженія человѣческаго рода: иначе, вѣроятно, пострадала бы „таинственность" Конрада. Но мы, по крайней мѣрѣ, должны знать, что разочарованія были дѣйствительно обидныя,—иначе намъ трудно будетъ повѣрить въ серьезность войны Конрада съ землей и небомъ.

Къ сожалѣнію, самъ же поэтъ въ корнѣ подрываетъ силу душевныхъ потрясеній, пережитыхъ его героемъ. Мы уже знаемъ, какое мѣсто занимаетъ любовь среди человѣческихъ добродѣтелей. Несомнѣнно, особенно велико счастье или несчастье, связанное съ любовью,—и если вопросъ идетъ о смертоносныхъ обидахъ,—онѣ должны имѣть мѣсто въ области любви. Разочарованный это значитъ неудачно-любившій, такъ звучатъ и слова—betrayed и beguiled—*измѣна*, предательство это спутники любовныхъ грозъ.

И вотъ Конрадъ, оказывается, убережется именно отъ этой бѣды. Въ поэмѣ онъ любитъ Медору,—и намъ говорятъ: „никогда онъ и въ половину не любилъ такъ, какъ любилъ теперь". А въ концѣ поэмы Медора названа— „The love of youth, the hope of better years"—„любовь юности, надежда лучшихъ лѣтъ". Значитъ, только въ поэмѣ мы видимъ Конрада влюбленнымъ по-настоящему и по-юношески,—и у насъ неизбѣжно возникаютъ два вопроса: какія же измѣны могли навсегда озлобить героя? И когда эти измѣны успѣли такъ безнадежно ожесточить его сердце?

И предъ нами встаетъ прошлое Конрада не столько таинственнымъ, сколько безсодержательнымъ, и мы готовы спросить: ужъ не играетъ ли здѣсь покровъ таинственности той самой роли, о какой разсказываютъ по поводу покрывала Саисской богини?

Особенно настойчивъ этотъ вопросъ послѣ приключенія Конрада съ Гюльнарой: оказывается,—герой отзывчивъ на женскую красоту, какъ эолова арфа на малѣйшее движеніе воздуха. И это—мрачная жертва мірового зла! Когда вскорѣ послѣ появленія байронизма возникла философія, развѣнчивающая міръ и человѣчество, она поспѣшила прежде всего покончить съ чарами любви, и Шопенгауэръ и Гартманъ вполнѣ послѣдовательно посвятили этому предмету самыя крылатыя страницы.

А здѣсь,—негодность *человѣческаго рода* устанавливается рядомъ съ безграничнымъ совершенствомъ *женщины*.—мы можемъ сказать женщинъ, потому что вслѣдъ за Медорой отыскивается Гюльнара и нѣтъ основаній отчаиваться—найти столь же совершенныхъ женщинъ великое множество: въ этомъ порука спеціальное счастье байроновскихъ героевъ. Въ такомъ случаѣ—міръ можетъ спокойно существовать,—добрая половина человѣчества—не то что десять праведниковъ.

За что же Конрадъ льетъ кровь? Узнавши, что еще только въ поэмѣ онъ любитъ настоящей любовью,—мы узнаемъ, что въ той же поэмѣ онъ только и позналъ настоящее страданіе—въ тюрьмѣ турецкаго паши. Здѣсь его настроенія создали борьбу „гораздо болѣе смертельную, чѣмъ всѣ раннія"—*that conflict deadlier far than all before...*

Это окончательно подрываетъ кредитъ тѣхъ страданій Конрада, какія будто бы превратили его въ истребителя людей и оскорбителя Верховной Силы. И если бы мы искреннѣе и серьезно отнеслись къ исторіи Конрада,—у насъ могло бы остаться самое отталкивающее впечатлѣніе и оно только увеличилось бы отъ разныхъ чувствительныхъ подробностей, какими украшены нѣкоторые моменты поэмы.

Конрадъ, напримѣръ, не выноситъ даже мысли, чтобы женщина могла пролить кровь, и когда онъ видитъ на ея лбу кровавое

пятно,—онъ испытываетъ потрясеніе, невѣдомое ему раньше—ни въ бою, ни въ плѣну, ни въ минуты упрековъ совѣсти. И предъ нами цѣлая драма въ драмѣ: съ одной стороны Гюльнара—красавица не хуже Медоры, съ другой—она убійца,—какъ герою установить къ ней свои отношенія, хотя она и стала убійцей ради его свободы?

Это—слишкомъ нервно для корсара и слишкомъ сомнительная гримаса для физіономіи рыцаря.

Выводъ не подлежитъ сомнѣнію: *настоящее* корсара психологически и нравственно безпочвенно и вмѣсто пышнаго титула „человѣкъ одиночества и тайны" у насъ является искушеніе воспользоваться другимъ, болѣе соотвѣтствующимъ дѣйствительности: „человѣкъ безумія и жестокихъ капризовъ". Тѣмъ болѣе, что *одиночество* — явно стилистическое украшеніе.

Конрадъ меньше одинокъ, чѣмъ кто-либо. Его одиночество—одно изъ тѣхъ блаженствъ, о какихъ принято мечтать у всѣхъ поэтическихъ героевъ и героинь.

У корсара есть Медора—его единственная настоящая любовь, а извѣстно, что

> Никто, никто любовникамъ не нуженъ
> Для упоенія ихъ счастьемъ, кромѣ
> Ихъ красоты.

Такъ говоритъ шекспировская Джульетта,—и съ ней, несомнѣнно, долженъ согласиться Конрадъ, для котораго любовь высшая добродѣтель, а Медора стоитъ всего человѣческаго рода.

Очевидно, корсара нельзя назвать „человѣкомъ одиночества".

Нельзя еще и потому, что мы не понимаемъ его пренебрежительнаго отношенія къ товарищамъ. У Карла Моора оно понятно. Онъ можетъ безнаказанно кричать своимъ головорѣзамъ: „грабежъ ваше дѣло": себѣ онъ не беретъ добычи, а что слѣдуетъ ему какъ атаману—онъ „отсылаетъ въ сиротскіе дома или употребляетъ на образованіе благонадежныхъ юношей". Онъ ведетъ войну, какъ соціальный мститель и преобразователь: караетъ помѣщиковъ за крестьянъ, истребляетъ торгашей правосудіемъ и почестями, не щадитъ и льстцовъ и проходимцевъ, лицемѣровъ и инквизиторовъ. Разбойничья шайка въ его рукахъ топоръ, расчищающій плѣсень и сорную чащу въ засоренномъ виноградникѣ Господа.

И Карлъ Мооръ дѣйствительно одинокъ: его Амалія далеко отъ него и онъ не знаетъ даже, помнитъ ли она о немъ.

У Конрада все совершенно иначе.

Если въ его прошломъ нѣтъ оправданія для его настоящаго,—въ его настоящемъ нѣтъ ни разумнаго, ни нравственнаго смысла для его будущаго.

Есть ли у Конрада какой-либо общій планъ? Мы знаемъ,—его цѣль—научить свою шайку биться даже съ сильнѣйшимъ врагомъ. Зачѣмъ? Отвѣтъ можетъ быть единственный: чтобы истребить возможно больше людей и собрать побольше добычи.

Аскетическое пропитаніе Конрада не мѣшаетъ его эпикурейскимъ наклонностямъ въ другомъ отношеніи,—и можно недоумѣвать, причемъ хлѣбъ, коренья и вода, когда рядомъ Медора и у нея, очевидно, великолѣпное хозяйство съ драгоцѣнной утварью и даже съ служанками-танцовщицами и пѣвицами. Ихъ искусство всегда къ услугамъ мрачнаго постника,—вмѣстѣ съ игрой Медоры на гитарѣ, а для разнообразія совмѣстное чтеніе любовныхъ исторій.

Очевидно, предъ нами не столько „человѣкъ одиночества", сколько оригинальный феодалъ: феодъ его—островъ, вассалы—морскіе разбойники, данники—все человѣчество, а замокъ—башня на утесѣ. Все остальное или вовсе не къ лицу корсару, или до такой степени противорѣчиво и исключаетъ другъ друга, что можно на выборъ примѣрять къ герою тотъ или другой уборъ.

Какъ это могло произойти,—и особенно при томъ условіи, когда поэма написана, повидимому, aus einem Guss,—въ порывѣ одного цѣльнаго поэтическаго вдохновенія?

Мы знаемъ,—какъ и почему. Въ поэмѣ, дѣйствительно, немало „изъ жизни", и, разумѣется, байроновской,—вотъ это то вмѣшательство и создало такое странное дѣтище.

V.

Самое искреннее и вѣрное признаніе, какое только было высказано Байрономъ о себѣ: *I was always violent*—„я всегда былъ неистовымъ",—и въ послѣднее время это „неистовство" подтверждено новыми фактами, вѣрнѣе,—почти каждый фактъ, вновь открывающійся въ біографіи Байрона, свидѣтельствуетъ о „неистовствѣ"[1]), особенно въ дѣтствѣ и первой молодости. Основная черта молодого Байрона: поразительное не-

[1]) Ср. *The Childhood and School-Days of Byron*. «*The Nineteenth Century*» January 18[illegible]

соотвѣтствіе внѣшнихъ явленій съ нравственными реакціями въ его душѣ. Ударъ—отвѣтъ на шутку, побои—на вздорную болтовню даже дамы, покушеніе на убійство—на ссору съ прислугой-женщиной. У Байрона необыкновенно легко и свободно размахивалась рука по самымъ ничтожнымъ поводамъ,—и, естественно, впослѣдствіи такъ же стремительно раздавалась поэтическая и прозаическая рѣчь. Мы уже слышали о Ричардѣ III по поводу сна, „проклятая страна"—по поводу даже трудно и сказать чего именно, а разговоры о самоубійствѣ всяческими способами—и при помощи пули, и при посредствѣ венеціанскихъ каналовъ—слышатся въ теченіе всей жизни поэта, давшей тѣмъ не менѣе превосходную канву для *„Донъ-Жуана"*.

У Байрона до такой степени вошло въ привычку говорить страшныя и таинственныя слова, что онъ могъ ихъ импровизировать, буквально шутя и смѣясь: такъ возникло знаменитое стихотвореніе: *Душа моя мрачна.*

При такой психологіи неминуемо долженъ былъ возникнуть въ воображеніи поэта особый героическій образъ, идеально обобщающій бурныя неистовства гордаго юноши. Складывался этотъ образъ у Байрона такъ же, какъ часто и у обыкновенныхъ людей рисуются ихъ идеалы: всѣ черты идеала—рѣзко подчеркнутыя и приукрашенныя, завидныя и картинныя, на взглядъ мечтателя, качества реальнаго человѣка.

Про корсара говорится: *Few are his words, but keen his eye and hand—Скупы его слова, но остры его взглядъ и рука.* Именно такъ крайне вспыльчивому юношѣ съ фамильной гордостью долженъ рисоваться настоящій герой. Главное его достоинство не быть вульгарнымъ: это неизмѣнно повторяется въ поэмахъ Байрона—*vulgar heart*, *vulgar men* (вульгарное сердце, вульгарный человѣкъ)—хуже чего нельзя и сказать о сердцахъ и людяхъ.

И Байронъ съ полнымъ простодушіемъ набиралъ въ своемъ умѣ побольше грозныхъ и необыкновенныхъ качествъ: суровость, загадочность, рѣшительность, неукротимая воинственность, непреодолимая повелительность, недоступность и, что эффектнѣе всего—разочарованность.

Все это сполна рисовалось еще очень юному Байрону, и впослѣдствіи мечты эти оказались доступными для Чайльдъ-Гарольда какого угодно калибра и какой угодно національности.

Но сооруженіе это въ своемъ совершенномъ великолѣпіи являлось безъ почвы и перспективы. Общую схему Байронъ могъ извлечь изъ своихъ реальныхъ наклонностей и своихъ житейскихъ положеній, весьма поощрявшихъ его въ этомъ направленіи, благодаря его происхожденію и красивой внѣшности,—но какое нравственное оправданіе могъ создать Байронъ для своего богатыря? Что было въ жизни самого поэта необыкновеннаго и чреватаго столь необыкновенными послѣдствіями?

А на счетъ перспективы,—какіе идеалы молодой Байронъ успѣлъ обдумать и поставить себѣ, принимаясь рисовать богоборцевъ и человѣконенавистниковъ?

Незадолго до разбойничьихъ поэмъ Байронъ три раза говорилъ въ парламентѣ, выступая на защиту рабочихъ и гонимыхъ католиковъ. Это были благородныя декламаціи, столь же быстро замолкшія, какъ неожиданно прозвучавшія. Байронъ-поэтъ не возвращался къ этимъ темамъ никогда,—и именно къ той, какая съ его эпохи на неопредѣленное время овладѣла всѣми лучшими умами и сердцами. Можно подумать, что Байронъ въ парламентѣ остановился на ней только имѣя въ виду наговорить колкихъ вещей британскому правительству и большинству.

Онъ немедленно принялся за корсаровъ,—и въ самой главной поэмѣ о нихъ коснулся соціальнаго вопроса, и ничего не можетъ быть краснорѣчивѣе для настроеній молодаго поэта, чѣмъ это касательство.

Поэтъ изобразилъ, какъ его Конрадъ силой мысли и чарами духа повелѣваетъ толпой,—дальше продолжаетъ: „Такъ было, такъ будетъ подъ солнцемъ, многіе должны работать на одного! Такова воля природы,—но пусть тотъ несчастный, кто работаетъ, не обвиняетъ и не ненавидитъ того, кому достаются плоды его трудовъ. Охъ! если-бы онъ зналъ тяжесть блестящихъ цѣпей, какъ легко въ сравненіи съ ними бремя мукъ въ низшей долѣ!"

Въ восемнадцатомъ вѣкѣ въ Парижѣ жилъ очень богатый финансистъ, любившій подчасъ позабавиться модной тогда политической экономіей. Онъ краснорѣчиво доказывалъ, что богачи гораздо несчастнѣе бѣдняковъ, потому что богачамъ бываетъ часто очень скучно!

Не далеко ушла и соціальная философія Байрона, и что особенно важно — она вполнѣ умѣстна въ поэмѣ, дышащей феодальнымъ духомъ,

Какое міровоззрѣніе могъ сообщить Байронъ своимъ „корсарамъ",—самъ такимъ путемъ разрѣшая самый настойчивый вопросъ своего времени и разрѣшая его послѣ своей рѣчи въ пользу рабочихъ, разбивавшихъ ткацкіе станки? Байронъ говорилъ въ парламентѣ о бѣдствіяхъ рабочихъ, какъ очевидецъ, заявлялъ, что даже въ Турціи онъ не видалъ такихъ отталкивающихъ картинъ бѣдноты, какъ въ Англіи,—и послѣ этого цѣлый періодъ разбойничьяго романтизма съ истинно феодальными идеями о трудѣ и богатствѣ!

Никто не станетъ искать въ поэтическихъ произведеніяхъ опредѣленныхъ общественныхъ программъ, но всякій, кто считаетъ искусство положительнымъ культурнымъ явленіемъ, будетъ ожидать, что по крайней мѣрѣ въ рукахъ истинныхъ художниковъ оно непремѣнно выражаетъ собой *совѣсть человѣчества* въ данный историческій моментъ. Въ иной моментъ совѣсть эта можетъ говорить въ сердцахъ только немногихъ, можетъ быть, только единицъ,—но качество художественной организаціи измѣряется именно ея совѣстливой музыкальностью, а Байронъ съ такой настойчивостью клеймилъ „вульгарныя сердца" и всѣми цвѣтами своей поэзіи увѣнчивалъ единицы!

Пока это продолжалось въ предѣлахъ разбойничьей романтики — героизмъ являлся психологически-искусственнымъ, реторическимъ и культурно-отрицательнымъ. Разумѣется, великій лирическій талантъ поэта разсыпалъ ослѣпительныя искры поэзіи—даже въ исторіи весьма не возвышеннаго идейнаго качества. Байронъ съ блескомъ продолжилъ шекспировскую трагедію въ созданіи женскихъ образовъ. Оба типа—любовь мечтательная, робкая, молчаливо-преданная и любовь вызывающая, завоевательная, готовая „подобно пилигримму весь свѣтъ пройти вслѣдъ за своимъ милымъ" — оба эти идеала влюбленной женщины съ великой тщательностью нарисованы Байрономъ.

Правда, воинственная Гюльнара слишкомъ краснорѣчива и глубокомысленна для затворницы мусульманскаго гарема. Въ ея словахъ мы слишкомъ уже ясно чувствуемъ подсказку самого поэта: онъ уже раньше отъ собственнаго лица изложилъ возникновеніе и ростъ любви въ сердцѣ Гюльнары, и именно въ такой тонкой психологической постепенности: „страхъ, благодарность, жалость, страсть". И дальше Гюльнара—скорѣе блестящая, хотя и бурная дама итальянскаго возрожденія, чѣмъ купленная рабыня турецкаго паши. Недаромъ Конрадъ читалъ съ Медорой сочиненія Аріосто!

Но рѣчи до такой степени искренни, сильны, поэтичны, что слышишь только взволнованное женское сердце,—вовсе не справляясь объ его паспортѣ. Несомнѣнно, Медора и Гюльнара въ сильной степени помогли успѣху „*Корсара*".

Но центромъ очарованія являлся, конечно, самъ герой.

И съ этого момента надолго во всѣхъ культурныхъ обществахъ Европы водворились оригинальные „бывшіе люди"—съ загадочнымъ прошлымъ и съ темнымъ будущимъ. А настоящее—*Disappointment*, неотразимый ядъ молчаливаго, но многозначительнаго *разочарованія*. И корень этого явленія, корень вульгарнаго байронизма, быстро ставшаго мелкой общедоступной монетой—корсарскія поэмы Байрона.

Одновременно съ великимъ талантомъ художественнаго слова, съ чарующей красотой любовныхъ настроеній, поэмы эти вобрали въ себя все, что было въ природѣ самого поэта—мелодраматическаго, капризнаго, театральнаго, аффектирующаго. Онѣ отразили въ себѣ Байрона, обожавшаго аристократическую генеалогію своихъ друзей, не желавшаго видѣть безъ отвращенія, какъ женщина ѣстъ, такъ какъ ея назначеніе—быть восточной пери, Байрона, не знавшаго удержу въ бѣшеныхъ взрывахъ своего темперамента, Байрона, утѣшавшагося школьническими аналогіями между собой и Наполеономъ Бонапартомъ, Байрона, способнаго пугать психопатическое женское воображеніе маскарадными ужасами и дѣлать страшные намеки на фантастическіе эпизоды своей біографіи,—однимъ словомъ Байрона—трагическаго лицедѣя и фатальнаго сердцеѣда. Вся эта игра молодыхъ силъ не имѣла бы никакого прочнаго значенія, если бы съ ней не уживался исключительный художественный талантъ и если бы самъ поэтъ не сообщилъ великое очарованіе тому, что по существу было лишено и красоты, и силы.

Байронъ, повидимому, самъ чувствовалъ изъяны своей разбойничьей поэзіи. Издавая „*Корсара*", Байронъ заявлялъ, что онъ перестаетъ писать, его поэтическая дѣятельность кончена. Говорилось это какъ разъ въ самый разгаръ успѣха „*Чайльдъ-Гарольда*" и первыхъ разбойничьихъ поэмъ. Что могло вызвать у поэта такое хотя бы временное

рѣшеніе? Не публика и не критика: талантъ его теперь былъ фактомъ признаннымъ. Можно думать,—поэтъ чувствовалъ нравственную невозможность продолжать творческую работу въ принятомъ направленіи. Что можно было извлечь изъ самаго мрачнаго и таинственнаго Конрада—помимо новаго любовнаго приключенія? Но вѣдь всѣ эти приключенія — безнадежно однообразны. Поэтъ описалъ ихъ уже три и использовалъ въ нихъ весь восточный романтическій матеріалъ. Публика читала съ наслажденіемъ,—еще не было случая, чтобы исторія разбойника и „бывшаго человѣка", изображенная даже и не байроновскимъ перомъ не нашла читателей. Но самъ поэтъ чувствовалъ источникъ изсякшимъ.

Еще разъ, несмотря на зарокъ, онъ попытался вдохнуть новую жизнь въ старую игру, хотя бы даже приналегши на привычную бутафорію—мрака и таинственности. Но этого показалось мало поэту, и онъ попытался придать интересъ старому мотиву чрезвычайно любопытнымъ пріемомъ.

Не прошло и году послѣ „*Корсара*"—явился *Лара*.

Здѣсь до такой степени все загадочно, что даже нѣтъ покрывала, скрывающаго тайну,—сплошная глубокая мгла и на фонѣ ея ужасающая фигура, окруженная „таинственнымъ кругомъ". Поэтъ безпрестанно повторяетъ, что было сказано по поводу гяура, Селима, Конрада,—но есть и новость. Лара становится во главѣ народнаго возстанія противъ феодаловъ. Вотъ онъ—великій мотивъ времени! Но какъ трудно онъ уживается съ разочарованнымъ внѣчеловѣкомъ! Будто Ларѣ наскучало бродить по своему замку по ночамъ, а днемъ пугать людей своими необыкновенными глазами,—и онъ устроилъ драму съ переодѣваніемъ,—сталъ революціонеромъ.

Но въ этой новой роли, по существу, нѣтъ ни революціи, ни правды. Лара до глубины души презираетъ сѣрое человѣчество и ему никакого нѣтъ дѣла до счетовъ крестьянъ съ феодалами, онъ стремится доставить непріятности своимъ личнымъ врагамъ, а эти враги—феодалы: отсюда демократизмъ Лары. Такъ и говорится въ поэмѣ:

What cared he for the freedom of the crowd?
He raised the humble but to bend the proud:

Какая ему забота—свободна ли толпа! Онъ хотѣлъ возвысить бѣдняка, чтобы смирить гордеца. Для него, значитъ, толпа только метательный снарядъ,—и Конрадъ, пожалуй, не отказался бы отъ такого предпріятія,—и здѣсь мы убѣждаемся въ кровномъ родствѣ обоихъ героевъ.

Но попытка Байрона—оживить корсарскую эпопею мотивомъ общаго смысла, помимо жестокихъ романовъ,—заслуживаетъ всего нашего вниманія. И столь же замѣчательна судьба этой попытки.

Послѣ трибунскаго лиризма въ первыхъ пѣсняхъ „*Чайльдъ-Гарольда*" Байрону не трудно было бы своего героя снабдить демократическимъ знаменемъ. Инстинктъ художника—эта совѣсть всѣхъ подлинныхъ талантовъ—не допустилъ несоотвѣтствующаго украшенія на недостойномъ предметѣ.

Разочарованный герой какъ выступилъ на сцену, такъ и сошелъ съ нея—нищій духомъ и сердцемъ, и въ ту минуту, когда надъ нимъ устало даже байроновское перо, надъ нимъ состоялся и поэтическій, и нравственно-культурный приговоръ,—и самъ поэтъ готовился вырваться изъ-подъ власти мелодраматическихъ эффектовъ на твердый путь реальной жизни и отвѣтственной борьбы.

Ив. Ивановъ.

КОРСАРЪ.

«—J suo pensieri in lui dormir non pouno».

Tasso. Gerusalemme Liberata, acuto X.

ТОМАСУ МУРУ, ЭСКВАЙРУ.

Дорогой Муръ! я посвящаю вамъ послѣднее произведеніе, которымъ я злоупотреблю терпѣніемъ публики и вашей снисходительностью, прежде чѣмъ замолкну на нѣсколько лѣтъ. Сознаюсь, что мнѣ очень хочется воспользоваться этимъ послѣднимъ и единственнымъ случаемъ, чтобы украсить мои страницы именемъ, освященнымъ непоколебимымъ общимъ уваженіемъ, также какъ общепризнанными разнообразными талантами. Ирландія считаетъ васъ однимъ изъ своихъ самыхъ стойкихъ патріотовъ, первымъ изъ своихъ пѣвцовъ, и Британія повторяетъ и подтверждаетъ это. Позвольте же тому, кто со времени нашего перваго знакомства сожалѣлъ только о годахъ, потерянныхъ до встрѣчи съ вами, прибавить скромное и искреннее выраженіе дружбы къ признанію вашихъ достоинствъ болѣе чѣмъ одной страной. Это вамъ по крайней мѣрѣ докажетъ, что я не забылъ пріятность общенія съ вами и не оставилъ надежды на возобновленіе нашихъ встрѣчъ, когда досугъ или охота побудятъ васъ вознаградить вашихъ друзей за слишкомъ долгое ваше отсутствіе. Я слыхалъ отъ этихъ друзей, что вы пишете поэму, дѣйствіе которой будетъ происходить на Востокѣ; никто не смогъ-бы вѣрнѣе описать Востокъ, чѣмъ вы. Тамъ вы найдете несчастія вашей родины, высоту духа ея сыновъ, красоту и глубину чувствъ ея дочерей; когда Коллинсъ назвалъ свои восточныя эклоги ирландскими, онъ самъ не сознавалъ, до чего вѣрно, по крайней мѣрѣ отчасти, было его сопоставленіе. Ваше воображеніе создастъ болѣе жгучее солнце и менѣе облачное небо; но дикость, нѣжность и оригинальность составляютъ часть вашихъ національныхъ правъ на восточное происхожденіе, и эти права вы уже доказали болѣе ясно, чѣмъ самые ревностные археологи вашей родины.

Позвольте мнѣ коснуться въ нѣсколькихъ словахъ предмета, о которомъ всякому—принято думать—легко говорить, но мало кому пріятно слушать—т. е. о самомъ себѣ. Я много писалъ, и печаталъ болѣе чѣмъ достаточно, чтобы имѣть право даже на болѣе продолжительное молчаніе, чѣмъ то, которое я теперь имѣю въ виду; но я намѣреваюсь во всякомъ случаѣ, въ теченіе нѣсколькихъ ближайшихъ лѣтъ, не испытывать суда „боговъ, людей и журнальныхъ столбцовъ". Въ настоящей поэмѣ я избралъ не самый трудный, но быть можетъ самый подходящій для нашего языка размѣръ—старую, пренебрегаемую теперь героическую строфу. Спенсеровская станса быть можетъ слишкомъ медлительна и торжественна для повѣствованія, хотя, сознаюсь, это мой любимый размѣръ. Одинъ только Скоттъ изъ современныхъ поэтовъ вполнѣ восторжествовалъ надъ роковой легкостью восьмисложнаго стиха; и это не самая незначительная побѣда его плодовитаго и мощнаго генія; въ бѣломъ стихѣ Мильтонъ, Томсонъ и наши драматурги—маяки, сіяющіе вдоль пропасти, но они остерегаютъ насъ отъ крутыхъ и голыхъ скалъ, на которыхъ они зажжены. Героическая строфа, конечно, не популярна; но такъ какъ я не переходилъ отъ нея къ другимъ размѣрамъ изъ желанія угодить такъ называемому общественному мнѣнію, то и теперь могу отказаться

отъ другихъ размѣровъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ извиненій, и еще разъ попытаю счастья этого рода стихомъ; до сихъ поръ имъ написаны только произведенія, о появленіи которыхъ въ свѣтъ я очень сожалѣю теперь и буду всегда сожалѣть.

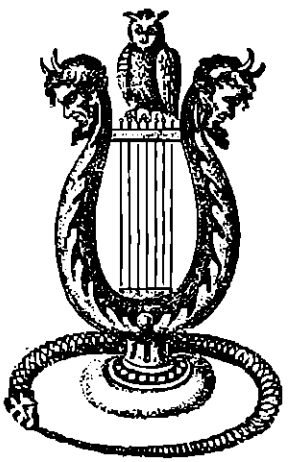
Что касается моего сюжета и всѣхъ сюжетовъ вообще, то былъ-бы очень радъ, если бы могъ изобразить моихъ героевъ болѣе совершенными и привлекательными, такъ какъ меня часто осуждали за нихъ и считали столь-же отвѣтственнымъ за ихъ поступки, за ихъ характеръ, какъ будто-бы все это касалось меня лично. Не буду противъ этого спорить: если я изъ мрачнаго тщеславія „изображалъ самого себя", то портреты вѣроятно похожи, такъ какъ они непривлекательны; если-же нѣтъ, то тѣ, кто знаютъ меня, будутъ знать, что я не таковъ, а тѣхъ, кто не знаетъ, мнѣ не интересно разубѣждать. У меня вовсе нѣтъ желанія, чтобы кто-либо, кромѣ моихъ знакомыхъ, имѣлъ лучшее мнѣніе объ авторѣ, чѣмъ о созданіяхъ его фантазіи. Но все-таки сознаюсь, что меня нѣсколько удивляетъ и даже отчасти забавляетъ странное, исключительное отношеніе критики ко мнѣ, когда я вижу, что нѣкоторые поэты, конечно болѣе достойные чѣмъ я, пользуются безупречной репутаціей. Никто не считаетъ ихъ виновными въ проступкахъ ихъ героевъ, едва-ли однако, болѣе высокихъ въ нравственномъ отношеніи, чѣмъ „Гяуръ". или быть можетъ—но нѣтъ, я долженъ согласиться, что „Чайльдъ-Гарольдъ" очень непривлекателенъ. А что касается того, кто онъ, пусть тѣ, кому это нравится, подставляютъ подъ него какое угодно живое лицо.

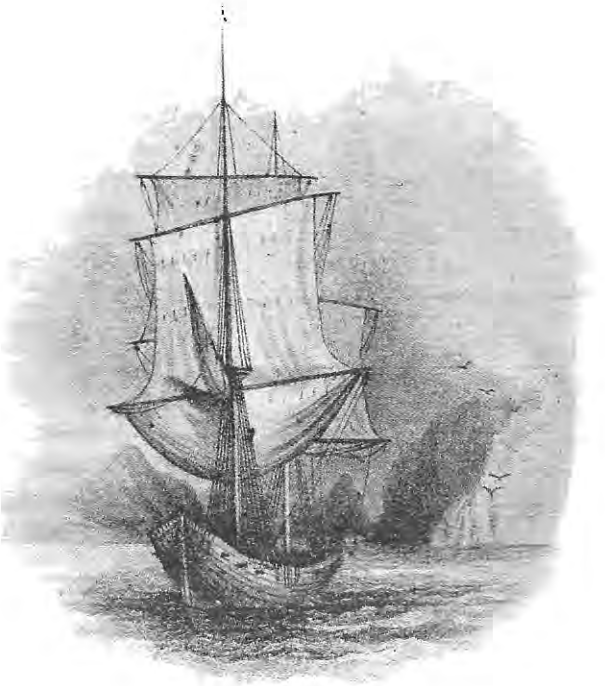
Но если-бы стоило снискивать къ себѣ хорошее отношеніе, то я былъ-бы очень признателенъ, если-бы человѣкъ, одинаково любимый своими читателями и своими друзьями, поэтъ, признанный всѣми кругами и боготворимый своимъ собственнымъ, позволилъ-бы мнѣ здѣсь и всюду признать себя его преданнымъ и любящимъ другомъ,

его покорнымъ слугой.

Байронъ.

2-е января 1814.





КОРАБЛЬ КОРСАРА (The Corsair's Vessel).
Рис. Уоррена (H. Warren), грав. Э. Финдена (E. Finden).

ПЕРВАЯ ПѢСНЯ.

«.. nessun maggior dolore
Che ricordarsi del tempo felice –
Nella miseria».

Dante.

I.

„Съ безпечными волнами въ синемъ морѣ
Душа и мысль свободны на просторѣ.
Пока есть буря, пѣнится волна,—
Вездѣ нашъ домъ, родимая страна.
Вотъ наше царство! Безгранично, ясно;
Нашъ флагъ—нашъ скипетръ; все ему подвластно.
Жизнь—буйный вихрь; досугъ смѣняетъ трудъ.
Утѣхи вслѣдъ одна другой бѣгутъ.
Кто выразитъ все это? Ужъ не ты-ли,
Чей рабскій духъ дрожитъ, лишь волны взмыли,
Тщеславный лордъ, распутный, праздный мотъ,
Кого ни сонъ, ни ласка не зажжетъ,
Кто все пойметъ, но чуждъ ему заранѣ?
Чье сердце любитъ рѣять въ океанѣ,
Въ безуміи восторга утопать,
Безбрежность волнъ душою постигать?
Кто ищетъ самъ вокругъ себя сраженій,

Въ опасности—отраду наслажденій,
Чего трепещутъ трусы, жадно ждетъ;
Гдѣ слабый духъ въ безсиліи падетъ,
Тамъ чувствуетъ душой своею вѣчной,
Какъ мысль паритъ въ надеждѣ безконечной?
Смерть не страшна, коль гибнетъ врагъ съ тобой,
Но не тогда, когда въ ней все—покой.
Пускай придетъ—мы душу жизни ловимъ,
Въ болѣзни-ль, въ битвѣ-ль смерть себѣ готовимъ,
Что нужды! Кто за дряхлостью ползетъ,
Пусть на одрѣ трясется каждый годъ,
Въ одышкѣ никнетъ слабой головою.
Прочь, одръ болѣзни! Здравствуй, лугъ съ травою!
Тотъ испускаетъ духъ за вздохомъ—вздохъ,
У насъ—порывъ, и нѣтъ земныхъ тревогъ.
Пусть трупъ его величье урны славитъ,
Кто презиралъ живого—склепъ поставитъ.
Насъ океанъ одѣнетъ въ саванъ свой,
Почтитъ любившій искренной слезой,
И пурпуръ винъ, въ веселыхъ чашахъ рдѣя,
За насъ подниметъ, дружески жалѣя.
Въ день боевой, дѣля вѣнецъ побѣдъ,
Помянутъ вновь того, кого ужъ нѣтъ,
И скажутъ всѣ, исполнены печали:
Какъ павшіе *теперь* бы ликовали!".

II.

Такія рѣчи съ острова пиратовъ
Отъ ихъ костровъ неслись съ прибрежныхъ скатовъ,
И шумъ бесѣды скалы оглашалъ,
И грубый слухъ, какъ пѣснѣ, имъ внималъ.
На золотомъ пескѣ они пестрѣли,
Точили сабли, ссорились, шумѣли.
Оружье выбирали: ни почемъ
Кровь на клинкѣ съ смертельнымъ остріемъ.
Чинили лодки, весла на свободѣ.
Одни—у волнъ скитаются въ разбродъ.
Кто ставилъ птицамъ хитрые силки,
Кто сѣть сушилъ на солнцѣ и мѣшки,
Кто вдаль смотрѣлъ, гдѣ рѣялъ парусъ бѣлый
И жадный взоръ горѣлъ надеждой смѣлой.
Здѣсь вспоминали сказки давнихъ лѣтъ,
Роились планы будущихъ побѣдъ.
Имъ все равно, гдѣ поздно или рано
Добыча ждетъ: то—дѣло атамана.
Ихъ долгъ ему довѣриться во всемъ,
Гдѣ онъ,—успѣхъ идетъ за грабежомъ.
Но кто ихъ вождь? На побережьяхъ знаютъ
Вождя ихъ всѣ и имя повторяютъ,
Оно гремитъ, трепещутъ всѣ его.
Имъ больше знать не надо ничего.
Онъ кратко отдаетъ имъ приказанья.
Смѣлъ острый взоръ, рука безъ содроганья;
Не дѣлитъ онъ ихъ празднествъ и утѣхъ—
Но замкнутость прощаютъ за успѣхъ.
Онъ не наполнитъ кубка, не прильнетъ
Къ его краямъ. За то изъ шайки тотъ,

Кто всѣхъ неприхотливѣе изъ стана,
Не соблазнится пищей атамана.
Лишь грубый хлѣбъ беретъ онъ для ѣды,
Да овощи; а лѣтомъ лишь плоды
Разнообразятъ столъ его убогій,
Какъ постъ монаха выдержанно-строгій.
Но, пренебрегши чувственнымъ желаньемъ,
Питаетъ духъ онъ гордымъ воздержаньемъ.
„Правь къ берегу!“ И правятъ. «Дѣлай такъ!»
И дѣлаютъ. «За мной!» И отдалъ врагъ
Добычу. У него за словомъ дѣло.
Покорны всѣ. А возразятъ несмѣло,—
Для тѣхъ отвѣтъ—презрѣнья полный взоръ
Да выговоръ,—и конченъ разговоръ.

III.

«Тамъ парусъ! Онъ!» Надежды вѣстникъ жданный!
Трубу сюда! Чей флагъ въ дали туманной?
Увы, то не добыча. Все-же онъ
Желанный гость. Пурпурный, озаренъ
Его сигналъ: да, корабль родной пиратамъ.
Дуй крѣпче, бризъ, примчи его съ закатомъ.
Мысъ обогнутъ, и разсѣкая валъ,
Весь въ брызгахъ волнъ, корабль въ заливъ вступалъ.
О, какъ онъ гордъ въ движеньи: безъ усилья!
Распущены бѣлѣющія крылья;
Они не знаютъ бѣгства отъ враговъ.
Онъ, какъ живой, несется средь валовъ,
На дерзкій бой стихію вызывая.
Кто-бъ не пошелъ, опасность презирая,
Въ погибель, въ бой, чтобъ только править имъ,
Тѣмъ кораблемъ и войскомъ тѣмъ лихимъ!

IV.

Вотъ за бортомъ скрипитъ канатъ надежный.
Опущенъ якорь. Парусъ бѣлоснѣжный
Въ мигъ закрѣпленъ. На берегу, у волнъ—
Толпа зѣвакъ. Они глядятъ, какъ челнъ
Съ рѣшетчатой кормы спускаютъ въ море.
Взмахнули весла дружныя, и вскорѣ
Отважные бойцы несутся въ челнокѣ;
И вотъ ужъ киль скрипитъ въ морскомъ пескѣ.
Привѣтъ прибывшимъ! Дружескія рѣчи,
Пожатье рукъ у сходней. Радость встрѣчи.
Вопросъ, улыбка... Брошенный отвѣтъ...
Все—предвкушенье празднествъ и бесѣдъ.

V.

Вѣсть разнеслась. Толпа все прибываетъ.
Шумъ, голоса и смѣхъ. Но заглушаетъ
Его порою женскій голосъ; въ немъ
Слышна тоска по миломъ, по родномъ.
Не объ удачахъ спрашиваетъ,—всѣ-ли
Благополучны? Что сказать велѣли?
Гдѣ бой реветъ и волны, безъ сомнѣнья,
Они отважны были средь сраженья.

Но если живы,—что же не спѣшатъ
Разсѣять поцѣлуемъ грустный взглядъ?

VI.

«Гдѣ атаманъ? Къ нему мы съ донесеньемъ.
Веселья мигъ не дологъ. Съ восхищеньемъ
Мы встрѣтимъ краткій, искренній пріемъ.
Жуанъ! Веди къ вождю насъ, а потомъ
Когда ему повѣдаемъ всѣ вѣсти,
Мы пировать съ другими будемъ вмѣстѣ!»
Ихъ среди скалъ ведетъ тропы извивъ
Туда, гдѣ башня сторожитъ заливъ,
Гдѣ средь кустовъ цвѣтетъ цвѣтокъ пахучій,
Гдѣ свѣжъ и чистъ струится ключъ живучій,
Пробивъ гранитъ, онъ искристой струей
Поитъ людей и вдаль бѣжитъ рѣкой.
Съ утеса на скалу они проворно
Идутъ туда, гдѣ у пещеры черной,
Взирая съ вышины въ морскую даль,
Стоитъ ихъ вождь, облокотясь на сталь,
Служившую рукѣ его кровавой
Не только лишь опорой величавой.
«То онъ, Конрадъ. Одинъ, одинъ опять.
Иди, Жуанъ, онъ долженъ насъ принять.
Онъ видѣлъ бригъ. Скажи, что мы съ вѣстями.
Пусть ихъ услышитъ; мы не смѣемъ сами
Приблизиться. Къ незваннымъ вождь такъ строгъ,
Особенно, когда онъ одинокъ».

VII.

Жуанъ къ нему подходитъ, сообщаетъ
Объ ихъ желаньѣ. Онъ не отвѣчаетъ,
Но знакъ согласья данъ кивкомъ. Жуанъ
Зоветъ ихъ. На привѣты атаманъ
Слегка, безмолвно вѣстникамъ киваетъ.
«Вотъ письма; грекъ шпіонъ насъ извѣщаетъ
Попрежнему, что и на этотъ разъ
Добыча иль погибель встрѣтитъ насъ.
Но чтобъ ни сообщилъ онъ, мы съ докладомъ,
Что...» «Тс.. Довольно!» Голосомъ и взглядомъ
Онъ обрываетъ болтовню. Смутясь,
Они отходятъ отъ него, дѣлясь
Другъ съ другомъ тихо тайною догадкой,
И ловятъ взглядъ властительный украдкой,
Чтобы понять намѣренье вождя.
Но онъ, лицо отъ глазъ ихъ отводя,
Посланіе читаетъ и, быть можетъ
Скрываетъ то, что духъ его тревожитъ:
Волненье, гордость. «Гдѣ сейчасъ, Жуанъ,
Гонзальво?». «Онъ на бригѣ, атаманъ,
Тамъ, въ гавани». «Пусть тамъ и остается.
Вотъ мой приказъ. И каждый пусть вернется.
Готовьтесь вновь къ отплытью. По мѣстамъ!
Васъ въ эту ночь веду я въ битву самъ».
«Какъ, въ эту ночь, Конрадъ?».
«Да, бризъ свѣжѣетъ.

КОНРАДЪ У МОРЯ (Conrad gazing on the waves).
Рис. Уоррена (H. Warren), грав. Э. Финдена (E. Finden).

Лишь только въ небѣ вечеръ заалѣетъ—
Мой щитъ и плащъ! Чрезъ часъ мы въ путь. Пока
Подай сигналъ. Да ржавчину съ курка
Стереть на карабинѣ, чтобъ въ сраженьѣ
Не измѣнилъ. Да пусть безъ замедленья
Наточатъ мечъ. Расширить рукоять,
Чтобъ отъ нея мнѣ не пришлось устать
Сильнѣй, чѣмъ отъ враговъ, какъ прошлымъ разомъ.
Пусть оружейникъ поспѣшитъ съ заказомъ.
Да во-время дать пушечный сигналъ,—
Знакъ, что покой и отдыхъ миновалъ».

VIII.

Покорные, они идутъ, чтобъ вскорѣ
Опять уплыть въ безбережное море.
Они не ропщутъ: ихъ Конрадъ ведетъ.
И кто изъ нихъ спросить его дерзнетъ—
Куда? Они едва-ль когда видали

Его улыбку, вздохъ его слыхали.
Отчаяннѣйшій въ шайкѣ—трусъ предъ нимъ.
Блѣднѣютъ всѣ предъ именемъ однимъ.
Такъ онъ владѣлъ ихъ душами, съ искусствомъ,
Внушающимъ покорность дикимъ чувствамъ,
Тѣмъ колдовствомъ, которому отрядъ
Завидуетъ, поднять не смѣя взглядъ.
Въ чемъ тайна? Что толпу объединяло,
Плѣняло умъ, сердца околдовало?
Удача,—онъ былъ вѣренъ ей,—влекла
Къ могучей волѣ мысли и дѣла,
Для нихъ незримо, ими управляла
И приписать свой подвигъ заставляла
Его заслугамъ. Такъ и быть должно:
Для одного трудиться суждено
Толпѣ: таковъ законъ природы властный;
И пусть не ропщетъ труженикъ несчастный
И не клянетъ со злобою того,
Кто унесетъ добычу у него.
О, еслибы онъ вѣсъ цѣпей блестящихъ зналъ
Въ своемъ ничтожествѣ онъ меньше бы страдалъ.

IX.

Наружностью героя древнихъ дней,
Что богъ—лицомъ, дѣяньями—злодѣй,
Конрадъ не могъ напомнить—съ виду скромный,
Но взоръ его блестѣлъ подъ бровью темной.
Онъ былъ могучъ, но все-же не Атлантъ.
Обычный ростъ, далеко не гигантъ,
Но кто его оглядывалъ вторично,
Въ немъ видѣлъ то, что въ мірѣ не обычно.
Невольно изумленъ имъ каждый былъ,
Но почему, никто-бъ не объяснилъ.
Онъ загорѣлъ, но царственно и смѣло
Изъ-подъ кудрей чернѣющихъ бѣлѣло
Чело; изгибъ губы изобличалъ
Величье думъ, хотя-бъ онъ ихъ скрывалъ.
Хоть голосъ мягокъ былъ, лицо безстрастно,
Но, видимо, таилъ онъ что-то властно.
А складки, вмѣстѣ съ блѣдностью лица,
Смущая взоръ, влекли къ нему сердца.
Казалось, тамъ, за мрачностью безмолвной,
Рой чувствъ кипѣлъ, ужасной тайны полный,
Но недоступный. Кто постичь ихъ смѣлъ!
Кто-бъ этой тайной дерзко овладѣлъ!
Кто-бъ выдержалъ, не дрогнувъ, силу взгляда
Могучаго и гордаго Конрада?
Когда хотѣлъ лукавый вкрасться взглядъ
Въ его тайникъ и видѣть, какъ Конрадъ
Мѣняется,—онъ все читалъ во взорѣ,
И наблюдатель становился вскорѣ
Предметомъ наблюденья для него.
Самъ выдавалъ онъ тайну, ничего
Взамѣнъ ея не вырвавъ у Конрада.
Въ презрительной насмѣшкѣ хохотъ ада
Звучалъ, какъ громъ. Когда-же онъ въ-упоръ

Вонзалъ смертельной ненависти взоръ,
Безпомощно надежда угасала
И милосердье тихо отлетало.

X.

Движенье мысли злой неуловимо.
Но тамъ, въ душѣ, она неодолима.
Любовь во всѣхъ замѣтна намъ всегда,
Но вѣроломство, хитрость и вражда
Лишь выдаютъ себя улыбкой жгучей,
Дрожаньемъ губъ и блѣдностью летучей,
Разлившейся по сдержаннымъ чертамъ.
Одни они лишь выдадутъ глазамъ
Всю глубь страстей. Но уловить ихъ можно
Тому, кто самъ невидимъ; шагъ тревожный,
Подъятый къ небу взоръ и трепетъ рукъ
Въ мгновенія душевныхъ тяжкихъ мукъ,
Когда слухъ ловитъ замирая тайно
Отъ боли, чтобы кто нибудь случайно
Его врасплохъ, нежданно не застигъ
И не увидѣлъ страха въ тотъ-же мигъ.
Тогда душа все проявляетъ ясно,—
Всѣ чувства, вдругъ прорвавшіеся властно
Не для того, чтобъ пасть,—наоборотъ
Порывы чувствъ то холодятъ какъ ледъ,
То бросятъ въ жаръ; тогда лицо пылаетъ
Потъ на челѣ холодный выступаетъ.
Случайный зритель, если въ этотъ часъ
Отъ ужаса ты не закроешь глазъ,
Взгляни, каковъ покой дарованъ долѣ,
Какъ сушитъ грудь больную по неволѣ
Воспоминанье ненавистныхъ лѣтъ.
Съ проклятіемъ онъ видитъ, полный бѣдъ,
Минувшій путь. Смотри. Но кто-же вправѣ
Сказать, что духъ безъ путъ увидѣлъ вьявѣ!

XI.

Конраду рокъ, однако, не велѣлъ
Служить орудіемъ грѣховныхъ дѣлъ.
Но измѣнился духъ, а съ нимъ призванье.
Невольно вовлекли его дѣянья
Въ борьбу съ людьми и съ небомъ во вражду.
Онъ былъ разочарованъ на бѣду
И сталъ людей чуждаться своенравно,
Мудрецъ въ словахъ, въ дѣлахъ безуменъ явно.
Онъ для уступокъ былъ ужъ слишкомъ твердъ,
Для сдѣлокъ и поклоновъ—прямъ и гордъ.
А въ силу рѣдкихъ качествъ, очень рано
Былъ обреченъ стать жертвою обмана.
И добродѣтель, какъ источникъ зла,
Онъ проклялъ,—не предателей дѣла.
Не вѣрилъ онъ, что есть же исключенья,
Что и добро приноситъ наслажденье.
Онъ въ юности постигъ надеждъ тщету,
Позналъ гоненье, зависть, клевету;

Людей возненавидѣлъ такъ глубоко,
Что совѣсть не извѣдала упрека;
Божественнымъ призывомъ онъ считалъ
Велѣнье гнѣва; гнѣвъ повелѣвалъ
Мстить за немногихъ тамъ, гдѣ есть защита;
Злодѣемъ онъ считалъ себя открыто,
Но остальныхъ—не выше. Онъ язвилъ
Насмѣшкой тѣхъ, кто лицемѣренъ былъ,
Кто всѣмъ казался лучше, но безславно
Творилъ украдкой то, что смѣлый—явно.
Онъ ненависть ихъ зналъ, но также зналъ,
Что проклинавшій передъ нимъ дрожалъ.
Презрѣлъ онъ, дикій, всѣмъ равно чужой,
Міръ, полный и любовью и враждой,
Его дѣла внушали изумленье,
А имя—скорбь. Гдѣ страхъ, тамъ нѣтъ презрѣнья.
Пихаетъ червя человѣкъ ногой,
Но врядъ-ли то же сдѣлаетъ съ змѣей.
Червякъ безсиленъ за ударъ отмстить,
Змѣя-жъ убійцу можетъ уязвить.
Она вопьется въ ногу и отравитъ
На смерть того, кто самъ ее раздавитъ.

XII.

Не все въ немъ зло. Привязанность святая
Таилась въ немъ, глубь сердца оживляя,
Онъ часто насмѣхался надъ глупцомъ,
Объятымъ страстью. Самъ-же предъ лицомъ
Имъ овладѣвшей страсти онъ терялся:
Огонь ея любовью въ немъ являлся.
И та любовь была одной вѣрна,
Той, кѣмъ всегда душа его полна.
Красивѣйшихъ встрѣчалъ онъ плѣнницъ, все-же
Его очамъ она была дороже.
Красавицъ рой въ тюрьмѣ его блѣднѣлъ,
Но ни одной изъ нихъ онъ не хотѣлъ
Часы досуга скрасить. То, безспорно—
Была любовь—соблазнамъ непокорна,
Испытана, нѣжна, укрѣплена
Страданьями, безтрепетно-сильна
Въ разлукѣ, и подъ всѣми небесами—
Тверда. Но что важнѣй всего, годами
Не тронута. Его открытыхъ вѣждъ
Не омрачитъ крушеніе надеждъ
И хитрость, порожденная ошибкой,—
Ничтожно все передъ ея улыбкой.
При ней имъ гнѣвъ не могъ овладѣвать,
А боль не смѣла жалобъ вызывать.
Ее встрѣчалъ онъ съ радостью, прощался
Съ спокойствіемъ, и взглядъ не омрачался
Чтобъ только сердца ей не омрачить.
Такую страсть не въ силахъ погасить
Ничто и никогда, и если это—
Любовь,—была любовью той согрѣта
Душа Конрада. Пусть онъ былъ злодѣй,
Пускай его казнитъ молва людей,
Непогрѣшимость страсти той—свидѣтель,

МЕДОРА ЗА РѢШЕТКОЙ. (Medora at her lattice).
Рис. Уоррена (H. Warren), грав. Э. Финдена (E. Finden).

Что если вся иная добродѣтель
Отвергнута,— нѣжнѣйшую изъ всѣхъ
Не въ силахъ задушить былъ даже грѣхъ.

XIII.

Онъ подождалъ; за поворотомъ скоро
Его гонцы сокрылися отъ взора.
„Вотъ странно! Мнѣ опасность не нова,
Ужели здѣсь падетъ моя глава?
Но пусть я зло предчувствую,—бояться
Не надо: имъ постыдно показаться
Встревоженнымъ. Пусть безразсудно намъ
Идти на встрѣчу гибельнымъ врагамъ,
Но смерть еще вѣрнѣе, если будемъ
Ждать здѣсь ее и тѣмъ себя осудимъ.
А если планъ мой вѣренъ,—намъ удача
И счастье улыбнется,—будетъ плача
Довольно у могильнаго костра!
Пусть въ мирныхъ грезахъ спятъ всѣ до утра,—
Донынѣ солнце съ силою столь знойной
Не нарушало сонъ ихъ безпокойный,
Какъ тѣ лучи, что вспыхнутъ завтра. Вѣй,
О, вѣтеръ!—скорѣе обогрѣй
Морскихъ лѣнивыхъ мстителей. Къ Медорѣ
Пора теперь. Изныло сердце въ горѣ,

Дай Богъ, чтобъ было легче ей оно.
Я храбръ, но тамъ, гдѣ храбры всѣ, смѣшно
Кичиться. Даже насѣкомымъ малымъ
Дано враговъ язвить колючимъ жаломъ.
Отвага эта есть и у звѣрей.
Тотъ, кто обязанъ храбростью своей
Отчаянью, похвалъ искать не вправѣ.
Я гордою мечтою грезилъ въ явѣ
Мой маленькій отрядъ такъ обучить,
Чтобъ большинство умѣлъ онъ побѣдить,
А не безъ пользы кровь лить. Жребій кинутъ.
Смерть, торжество-ль? Пусть буду я низринутъ,—
Я не страшусь. Я ихъ умчу туда,
Откуда нѣтъ для бѣгства и слѣда.
Мнѣ дѣла нѣтъ до собственнаго рока,
Но западнею этою глубоко
Моя душа возмущена. Ужель
Меня вполнѣ достойна эта цѣль!
Въ концѣ концовъ довѣрить картѣ смутной
Власть, жизнь, надежду для игры минутной.
О, рокъ! Но нѣтъ! Виновенъ ты,—не онъ;
Быть можетъ рокомъ будешь ты спасенъ".

XIV.

Такъ онъ съ собой совѣтъ держалъ. Но вотъ
Достигъ холма и башни. У воротъ
Остановился, пѣснею плѣненный,
И дикою, и нѣжной и влюбленной.
Сквозь частую рѣшетку издали
Неслись слова и къ счастію влекли.

1.

Въ моей душѣ есть тайна, но давно,
Безмолвная, она разсталась съ свѣтомъ
И только сердце ей звучитъ отвѣтомъ,
Потомъ опять, дрожа, молчитъ она.

2.

Въ немъ, въ глубинѣ—могильная лампада
Незримая, безсмертная горитъ.
Отчаянье ея не погаситъ.
Она горитъ, но умерла отрада.

3.

О, вспомни и не забывай могилы,
Гдѣ та, кого любилъ, погребена;
Для одного въ груди не хватитъ силы:
Забвенія не выдержитъ она.

4.

Услышь мольбы смолкающіе звуки.
О мертвыхъ скорбь не добродѣтель—нѣтъ.
Одну слезу молю я въ мигъ разлуки,
Одну слезу, твою слезу въ отвѣтъ!

КОНРАДЪ ВЪ БАШНѢ МЕДОРЫ (Meeting of Conrad and Medora).

„Моя Медора! Пѣснь твоя грустна"
„О, можетъ-ли иною быть она
„Когда со мной нѣтъ моего Конрада"

„My own Medora! Sure thy song is sad"
„In Conrad absence would'st thou have it glad".

Рис. Степановъ (T. P. Stephanoff), грав. Робинзонъ (H. Robinson).

Конрадъ вошелъ чрезъ корридоръ въ ворота,
Лишь замерла съ послѣднимъ словомъ нота.
„Моя Медора! Пѣснь твоя грустна“
„О, можетъ ли иною быть она,
Когда со мной нѣтъ моего Конрада:
Одна... Ты мнѣ не внемлешь,—чувству надо
Излиться въ пѣснѣ, если я нѣма.
Порою, здѣсь, когда надъ ложемъ—тьма,
Страхъ принималъ за бурю вѣтеръ плавный,
Межъ тѣмъ едва онъ вѣялъ своенравный
Въ твой легкій парусъ. Я ему внимала,
И чудились мнѣ въ немъ угрозы шквала,
Чуть слышное казалось мнѣ полно
Пророчествомъ зловѣщихъ бурь оно,
Рокочущихъ надъ зыбью разъяренной,
Гдѣ ты несешься, гордый и безсонный.
Я вскакивала съ ложа, на скалу,
Гдѣ нашъ маякъ свой лучъ бросалъ во мглу,
Бѣжала, чтобъ дрожащими руками
Разжечь огонь, забытый сторожами.
О, сколько здѣсь ночей я провела,
Глядя на звѣзды! Вотъ заря взошла,—
Тебя все нѣтъ, и тяжестью свинцовой
Печальный взоръ разсвѣтъ туманитъ новый.
Я вдаль смотрю. Но паруса все нѣтъ,
Со мною слезы, вѣрность и обѣтъ.
Подходитъ полдень. Радость! Въ отдаленьѣ
Я вижу мачту. Ближе! Но—мгновенье—
И нѣтъ ея. Другая. О, мой Богъ!
Ты, наконецъ!... Скорѣй бы дни тревогъ
Прошли! Ужель ты не полюбишь болѣ,
О, мой Конрадъ, отраду мирной доли!
Вѣдь ты богатъ. Прекрасенъ нашъ пріютъ,—
Не менѣе прекрасные зовутъ
Забыть скитанья по морямъ безбрежнымъ.
Привычна я къ опасностямъ мятежнымъ,
Но я дрожу, когда тебя здѣсь нѣтъ...
Не за себя... За жизнь, въ которой свѣтъ
Моей души! За ту, что убѣгаетъ
Моей любви, и ей предпочитаетъ
Шумъ битвъ. Не странно-ль! Сердце, что ко мнѣ
Такъ нѣжно,—въ вѣчной гибельной войнѣ
Съ природою, со всѣмъ, что въ ней отрадно!“.
„Да, правда! Это сердце безпощадно
Топтали всѣ, какъ жалкаго червя,
Оно отмстило, какъ змѣя, язвя.
Одна надежда въ немъ осталась,—это—
Любовь твоя, да лучъ небесный свѣта.
Но чувство, осужденное тобой,
Любовь къ тебѣ; къ другимъ горю враждой.
И эти чувства слиты такъ надежно,
Что ихъ разъединить ужъ невозможно.
Любя людей, тебя-бъ я разлюбилъ.
Но не страшись! Я прошлымъ подтвердилъ
Что страсть моя къ тебѣ не ослабѣетъ.
Но пусть Медоры сердце не блѣднѣетъ—
Разстаться мы должны на краткій срокъ“.

„Какъ, ужъ разстаться! Сердце, какъ пророкъ,
Мнѣ предвѣщало это безнадежно.
Такъ грезы счастья гаснутъ неизбѣжно.
Сейчасъ! Но нѣтъ! Оставить въ этотъ мигъ!
Но якорь свой сейчасъ лишь бросилъ бригъ,
Отсутствуетъ товарищъ твой надежный,
Матросамъ нуженъ отдыхъ неотложный.
Возлюбленный, ты шутишь надо мной!
Передъ страданьемъ вѣстью ледяной
Ты закалить мнѣ хочешь грудь. Не надо
Шутить съ моимъ отчаяніемъ: яда
Въ такомъ весельѣ больше во сто кратъ,
Чѣмъ радости. Молчи! Съ тобой, Конрадъ,
Я здѣсь для нѣгъ. Оставь свое лукавство—
Иди, со мной раздѣлимъ эти яства,
Я ихъ сама готовила. Не трудъ
Сготовить то, что любишь ты. Вотъ тутъ—
Твои плоды любимые, срывала
Я лучшіе, изъ лучшихъ выбирала
Красивѣйшіе. Трижды обошла
Я пышный холмъ, покуда не нашла
Изъ всѣхъ ключей чистѣйшій и студеный!
Шербетъ твой сладокъ будетъ освѣженный.
Смотри, онъ блещетъ въ вазѣ снѣговой.
Сокъ винограда нѣжный и хмельной
Не веселитъ тебя. Какъ мусульманинъ,
Предъ кубкомъ ты суровъ и постояненъ.
Не думай, что корю тебя, Конрадъ.
Мнѣ радостно, что то, надъ чѣмъ дрожатъ
Иные, мой властитель отвергаетъ.
Но столъ накрытъ для трапезы. Сіяетъ
Серебряная лампа. Не страшитъ
Ее сирокко влажность. Для того,
Чтобъ сократить часы, передъ тобою
Служанки будутъ танцовать со мною
И пѣсни пѣть. Моей гитарѣ ты
Любилъ внимать,—твой слухъ мои персты
Напѣвомъ убаюкаютъ пѣвучимъ.
А музыкой и танцами наскучимъ,
За Аріосто примемся: разсказъ
О кинутой Олимпіи для насъ
Урокомъ будетъ! Знай, ты безъ сомнѣнья
Свершишь страшнѣй измѣны преступленье,
Меня сейчасъ оставивъ, не щадя,
И даже злѣе этого вождя—
Предателя! Ты помнишь, улыбался,
Когда едва на небѣ показался
Тотъ островъ Аріадны, что во мглѣ
Замѣтила я стоя на скалѣ.
Страшась, чтобъ время не осуществило
То, что меня пугало,—я шутила
Дрожа душой: „Такъ и меня Конрадъ
Опять обманетъ, возвратясь назадъ".
„Да, вновь и вновь о, милая, покуда
Жизнь—на землѣ, а въ небѣ это чудо—
Надежда,—вновь увижусь я съ тобой.
Бѣгутъ минуты, съ скоростью двойной

Я вскакивала съ ложа, на скалу.
Гдѣ нашъ маякъ свой лучъ бросалъ во мглу,
Бѣжала, чтобъ дрожащими руками
Разжечь огонь, забытый сторожами.
(Medora watching the return of Conrad).

Рис. Корбу (H. Corbould), грав. Мотъ (W. H. Mote).

Разлуку приближая. Но напрасно
Бесѣдовать объ этомъ,—все безстрастно
Въ концѣ концовъ въ одно
Печальное „прощай“—заключено,
Мой замыселъ тебѣ бы я согласенъ
Открыть, будь время. Врагъ намъ не опасенъ,
Не бойся. Здѣсь охрана такъ сильна,
Что ей опасность также не страшна.
Тебя одну я также не оставлю,
Когда корабль въ далекій путь направлю.
А нашихъ женщинъ и прислужницъ рой
На эти дни останется съ тобой.
Утѣшься-же, любимая подруга!
Мгновеніе, когда опять другъ друга,
Спокойные, обнимемъ мы, любя,
Вознаградитъ за все. Но чу..., трубя,
Зоветъ Жуанъ. Еще мнѣ, дорогая,
Дай поцѣлуй... Еще! Прощай!“ Стеная,
Она вскочила, бросилась, упала
Въ объятія Конрада. Трепетало
Конрада сердце, и своимъ лицомъ
Она къ нему прижалася. Вѣнцомъ
Безслезныхъ мукъ глаза ея сіяли—
Поднять къ своимъ онъ ихъ не смѣлъ въ печали.
Въ его рукахъ Медоры волоса
Распущены. О, дикая краса!
То сердце, гдѣ любовь ея хранилась
И ликъ его,—въ груди чуть слышно билось.
Чу! Прозвучалъ сигнальной пушки ревъ.
Закатъ! И проклялъ онъ тогда безъ словъ
Прощальный солнца лучъ; и станъ холодный
Онъ снова сжалъ, и въ мукѣ безысходной
Она къ нему прижалася опять.
Едва-едва въ немъ силы есть стоять.
Шатается, страданьемъ пораженъ,
Онъ на рукахъ несетъ ее на ложе.
Взглянулъ въ лицо и понялъ, что дороже
Нѣтъ никого на всей землѣ,
И поцѣлуй прощальный на челѣ
Напечатлѣлъ, и отъ ея постели
Онъ отвернулся... вышелъ... Неужели!

XV.

О, неужель! Когда внезапно насъ
Часъ одиночества застигнетъ, страшный часъ,
Предъ нами вдругъ вопросъ встаетъ въ смятеньѣ.
Онъ здѣсь стоялъ... Назадъ тому—мгновенье
И вотъ... Она бѣжитъ за арку входа,
Здѣсь, наконецъ, слезамъ дана свобода.
Но слезъ она не сознаетъ сама;
Отъ горести безсильна и нѣма,
Чтобы „прощай“ промолвить сквозь рыданья.
О, роковое слово! На свиданье
Надѣется душа ея, но въ немъ
Отчаянье дышетъ; на нѣмомъ
Ея лицѣ печаль ужъ начертала
То, что доселѣ время не смывало.

КОНРАДЪ ВОЗВРАЩАЕТСЯ СЪ БАШНИ МЕДОРЫ.
(Conrad descending from the tower).
Рис. Уоррена (H. Warren), грав. Э. Финдена (E. Finden).

Ея очей нѣжнѣйшихъ синева
Застыла и померкла. Но едва
Взоръ уловилъ тамъ въ пустотѣ глубокой
Любимый образъ, рѣющій, далекій,
И снова слезы полились изъ глазъ.
Съ безумной силой влага прорвалась
Сквозь черныя блестѣвшія рѣсницы;
Онѣ лились безъ мѣры, безъ границы.
„Ушелъ! Ушелъ!" И стиснула рукой
Трепещущее сердце, и съ тоской
Ее подъемлетъ къ небу боязливо.
Она глядитъ: на бригѣ горделиво
Поднялся гротъ, и бѣлый парусъ всталъ
И закипѣлъ на морѣ пѣнный валъ.
Еще взглянуть она уже не смѣетъ,
Къ воротамъ возвращается, слабѣетъ
Душой и шепчетъ горестно она:
„Нѣтъ, то не сонъ. Я здѣсь одна... одна!"

XVI.

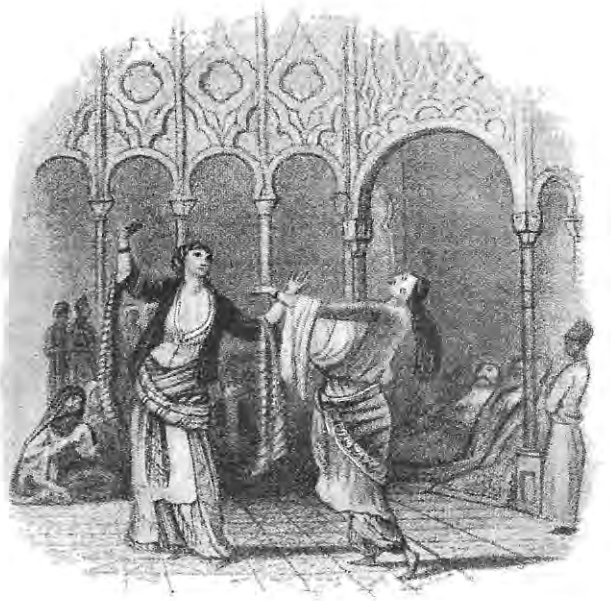
Съ утеса на утесъ спѣша въ тревогѣ,
Не обратилъ ни разу онъ въ дорогѣ
Назадъ очей, но чуть лишь поворотъ,—
Онъ вздрагивалъ и вновь глядѣлъ впередъ,
Чтобъ не видать на крутизнѣ высокой
Свой милый замокъ, гордый, одинокій,
Который первый путника встрѣчалъ,
Когда домой онъ съ моря путь держалъ.
Ему ужъ не видать звѣзды своей печальной.

Издалека лишь лучъ ея прощальный
Плѣнительно сіялъ ему. Нельзя
О ней мечтать, слѣдить за ней, сползая
Надъ гибельною бездной поминутно.
Онъ разъ остановился, ввѣривъ смутно
Случайности судьбу, а планъ волнамъ.
Но нѣтъ! Онъ вождь. Предъ женскимъ горемъ самъ
Могъ на одно мгновенье онъ смягчиться,
Но дѣломъ для него не поплатится.
Онъ видитъ бригъ. Ужъ вѣтеръ надуваетъ
Послушный парусъ. Снова ускоряетъ
Конрадъ шаги, и снова мысль сильна.
Онъ слышитъ: тамъ толпа вольна, шумна,
И гулъ труда и звонкій гулъ бездѣлья,
Сигналы... Плескъ стихіи и веселья.
На мачтѣ юнга. Съ якоря снялись.
Вотъ паруса, вздуваясь, взвились.
Платки бѣлѣютъ. О, привѣтъ безмолвный
Тѣмъ, кто разрѣжетъ плещущія волны!
Когда-жъ предъ нимъ кроваво-красный флагъ
Затрепеталъ,—онъ удивился, какъ
Могъ сердцемъ ослабѣть!. И пламень прежній
Блеснулъ въ очахъ и дикій и мятежный,
И вновь сердитыхъ чувствъ душа его полна.
Онъ мчится внизъ, туда, гдѣ бьетъ волна.
Здѣсь умѣряетъ шагъ, но несомнѣнно
Не для того, чтобы дохнуть блаженно
Прохладу свѣжихъ волнъ, а чтобъ опять
Обычный видъ внушительный принять
И въ попыхахъ толпѣ не показаться.
Онъ изучилъ, какъ ей распоряжаться,
И какъ пустить притворство ловко въ ходъ
Тамъ, гдѣ оно для гордости оплотъ.
Величественный, сдержанно холодный,
Внушалъ онъ страхъ осанкой благородной,
Благоговѣнье—взорами. У всѣхъ
Онъ взглядомъ обрывалъ вульгарный смѣхъ,
Но онъ былъ вѣжливъ. Такъ вооруженный,
Онъ всѣхъ склонялъ, а самъ былъ непреклонный.
Когда-жъ прельстить хотѣлъ, то добротой
Страхъ подавлялъ. Казалось пустотой
Тогда дары другихъ предъ рѣчью стройной,
Звучащею мелодіей спокойной,
И ей въ сердцахъ онъ отзвукъ вызывалъ.
Но къ этому онъ рѣдко прибѣгалъ:
Любилъ онъ брать не лаской,—силой власти.
Такъ въ немъ сказались пагубныя страсти,
И тѣхъ онъ больше всѣхъ другихъ цѣнилъ,
Кто, не любя, ему покоренъ былъ.

XVII.

Отрядъ въ порядкѣ; ждетъ лишь властелина.
Предъ нимъ Жуанъ... „Готова-ли дружина?
„Да, болѣе—на кораблѣ; и ждетъ
У берега вождя послѣдній ботъ".
„Мой мечъ и плащъ!"
Станъ туго опоясанъ.

На плечи плащъ накинутъ. И приказъ онъ
Жуану отдаетъ. „Позвать сюда
Скорѣе Педро". Тотъ пришелъ. Тогда
Его Конрадъ встрѣчаетъ благосклонно.
„Прочти листки и помни неуклонно
Великаго довѣрія слова.
Удвой немедля стражу, и едва
Вернется бригъ Ансельмо,—приказанье
Ты и ему повѣдай въ назиданье.
На третій день съ попутнымъ вѣтромъ насъ
Вновь солнце здѣсь освѣтитъ. Въ добрый часъ!"
И послѣ краткихъ словъ своихъ, какъ брату,
Пожалъ онъ руку смѣлому пирату,
Сѣлъ величаво въ шлюпку. Веселъ взмахъ
Разбилъ волну, и весла, какъ въ огняхъ,
Блестятъ: то въ мракѣ фосфорится пѣна.
Онъ на корабль ступилъ. Свиститъ сирена,
Десятки сильныхъ рукъ напряжены.
Онъ видитъ: всѣ воодушевлены;
Корабль рулю послушенъ. Вождь снисходитъ
До похвалы. Взоръ ищетъ и находитъ
Гонзальво юнаго. Что-жъ вздрогнулъ онъ,
Какъ будто тайнымъ горемъ пораженъ?
Увы, вдали, тамъ на скалѣ высокой
Конрадъ увидѣлъ замокъ одинокій
И въ замкѣ опечаленномъ одна
Его Медора. Видитъ-ли она
Корабль вдали? Онъ, въ этотъ мигъ несчастный
Ее вдвойнѣ любилъ душою страстной.
Но до утра работы. Дѣло ждетъ.
Мужается онъ снова и идетъ
Съ Гонзальво внизъ, въ каюту, раскрываетъ
Свой планъ и цѣль и средства намѣчаетъ.
Подъ лампою раскрыта карта. Тутъ—
Приборы всѣ, все то, что признаютъ
И опытъ, и наука важнымъ въ морѣ.
Вотъ полночь ихъ застала въ разговорѣ.
Что поздній часъ, коль озабоченъ взоръ!
Свѣжѣетъ бризъ, и судно ихъ въ просторъ
Летитъ, какъ соколъ. Вотъ ужъ пролетѣли
Высокій мысъ и острова... У цѣли.
Вотъ къ пристани спѣшатъ, чтобъ предъ зарей
Укрыться въ ней. Подзорною трубой
Огни открыты въ глубинѣ залива.
То мусульмане дремлютъ нерадиво,
То спятъ паши галеры на волнахъ.
Конрадъ считаетъ мачты; и впотьмахъ
Его корабль скользитъ украдкой мимо.
Онъ бросилъ якорь тамъ, гдѣ могъ незримо
Укрыться отъ постовъ сторожевыхъ.
За этимъ мысомъ не увидятъ ихъ;
Онъ, какъ гора, вознесся молчаливо.
И вотъ, отрядъ Конрада торопливо,
Забывши ночь безсонную, къ войнѣ
Готовится на сушѣ и волнѣ,
А вождь, склонясь надъ бездной величавой,
Спокойно обсуждаетъ планъ кровавый.



ПЛЯСКА АЛМЕЙ. (The Almas dancing).
Рис. Уоррена (H. Warren), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Conosceste i dubiosi desiri?
Dante.

I.

Скользятъ галеры легкія и лодки
Въ Коронской бухтѣ. Льется сквозь рѣшетки
Сіянье лампъ. Заранѣе паша
Устроилъ пиръ, отпраздновать спѣша
Грядущую побѣду надъ врагами.
Онъ повлечетъ ихъ, скованныхъ цѣпями
Пиратовъ, въ свой побѣдоносный станъ.
Порукой въ томъ Аллахъ и ятаганъ.
И вѣрныя фирману и призыву,
Построились галеры по заливу.
Ихъ много здѣсь. Громка здѣсь похвальба.
Предрѣшена разбойниковъ судьба.
Хоть далеко враги, но имъ—презрѣнье.
Взовьются паруса и, безъ сомнѣнья,
Увидитъ солнце завтрашняго дня
Враговъ въ плѣну, а гавань средь огня.
Пусть стража спитъ,—она и въ сновидѣньѣ
Казнитъ враговъ, такъ что-жъ ихъ ждетъ въ сраженьѣ!
Разсыпались по берегу залива
Тѣ, что желали доблести порывы

Излить на грековъ. И такой походъ
Имъ, чалмоноснымъ хвастунамъ,—почетъ
Передъ рабомъ сталь обнажить въ гордынѣ!
Опустошить жилища! Впрочемъ, нынѣ
Они не убиваютъ безъ войны.
Они сегодня жалости полны.
Порой лишь кровь окраситъ мечъ героя,
Но лишь затѣмъ, чтобъ руку прежде боя
Испробовать. Въ разгулѣ и пирахъ
Бѣгутъ часы. Пусть каждый, кто желаетъ
Остаться живъ, улыбкой ихъ встрѣчаетъ.
И радость мусульманъ растетъ, растетъ.
А оскорбленный турками народъ
Таитъ въ себѣ проклятія и горе,
Пока галеры ихъ не выйдутъ въ море.

II.

Въ своемъ дворцѣ Сеидъ на возвышеньи
Покоится. Вокругъ него, въ почтеньи
Стоятъ вожди брадатые. Онъ въ бой
Съ Корсаромъ поведетъ ихъ за собой.
Оконченъ пиръ. Пилавъ съ стола убрали.
Но упивался онъ, какъ утверждали,
Напитками запретными. Несутъ
Рабы душистый кофе тѣмъ, что чтутъ
Уставъ Корана. Синій и душистый,
Изъ чубуковъ восходитъ дымъ струистый.
Подъ дикія мелодіи кругомъ
Алмеи пляшутъ. Съ утреннимъ лучемъ
Герои вступятъ на суда. Но волны
Во тьмѣ ночной коварствомъ тайнымъ полны.
На шелковыхъ постеляхъ дома спать
Не то, что надъ пучиною витать.
Но веселись, кто хочетъ. И покуда
Не пробилъ часъ, о битвѣ думать худо.
Да и тогда надежда мусульманъ
Вѣрнѣй не на умѣнье—на коранъ.
Войскъ у Сеида столько, что безпорно
Ему побѣдой хвастать не зазорно.

III.

Съ почтительностью робкой въ дверь чертога
Вступилъ невольникъ, стерегущій строго
Ворота; онъ, склоняясь головой,
Коснулся пола преданной рукой:
Доноситъ, что явился дервишъ плѣнный,
Бѣжавшій отъ пиратовъ; онъ, смиренный,
Желалъ бы самъ повѣдать свой разсказъ;
Рабъ уловилъ въ глазахъ паши приказъ;
Святому мужу дверь онъ отворяетъ,
Скрестивши руки на груди, вступаетъ,
Въ темнозеленый облаченъ халатъ,
Святой дервишъ; онъ слабъ; потупленъ взглядъ.
Но, видимо, не годы, а лишенья
Состарили его,—отъ изнуренья
И покаянья,—не отъ страха,—нѣтъ,

Блѣдны его ланиты. Чтя обѣтъ,
Не стригъ онъ кудрей длинныхъ; возвышалась
Надъ ними шапка гордо. Грудь скрывалась
Одеждой грубой, длинной; это тотъ,
Кого одно небесное влечетъ.
Смиренно, но лицомъ и взоромъ свѣтелъ,
Пытливый взглядъ безтрепетно онъ встрѣтилъ,
Повѣдать въ нетерпѣніи спѣша
Все, что такъ медлитъ вывѣдать паша.

IV.

„Откуда, дервишъ, ты"?
„Я изъ притона
Разбойника, бѣжавшаго закона".
„Гдѣ и когда ты былъ плѣненъ, старикъ"?
„Внимай мнѣ: плылъ на Хіосъ нашъ саикъ
Изъ Скаланово. Но Аллахъ всесильный
Не улыбался путникамъ: обильный
Барышъ купцовъ-магометанъ попалъ
Во власть пирата. Цѣпью оковалъ
Онъ наши члены. Нечего мнѣ было
Бояться смерти, небо наградило
Меня однимъ богатствомъ: по морямъ
Свободно плыть,—оно погибло тамъ.
Но какъ то ночью, лодка рыболова
Дала надежду стать свободнымъ снова.
Я выбралъ мигъ,—и вотъ, теперь я тутъ,
Могучій вождь, незыблемъ твой пріютъ".
„Что слышно у измѣнниковъ? Корсары
Готовы-ли отъ насъ принять удары,
Отстаивать добычу, корабли?
И знаютъ ли, что мы здѣсь обрекли
На гибель гнѣзда хищниковъ жестоко
Огнемъ, мечемъ?
„Паша! Пригодно-ль око
Закованнаго плѣнника къ тому,
Чтобы шпіонить! Грезился ему
Одинъ побѣгъ. Я слышалъ только всплески
Враждебныхъ волнъ; я видѣлъ соднце въ блескѣ
Нетлѣнной славы, небо... Но оно
Казалось слишкомъ озаренно.
Я чувствовалъ, что цѣпь должна разбиться
Скорѣй, чѣмъ грудь отъ слезъ освободится,
Порукою побѣгъ мой, что они
Опасность не предвидятъ въ эти дни,
Иначе-бы надзоръ былъ строгъ и ясно,
Что ждать свободы было-бъ мнѣ напрасно,
Безпечна стража. Мой побѣгъ она
Не услѣдила—такъ тебѣ-ль страшна!
Но, вождь! Отъ истощенья слабы члены.
Моя природа послѣ волнъ и плѣна
Ждетъ отдыха и пищи. Разрѣши
Мнѣ удалиться, отдохнуть въ тиши.
Миръ и тебѣ, и всѣмъ кто здѣсь пируетъ.
О, отпусти! Пусть грудь покой врачуетъ".
„Стой, дервишъ!.. Да, еще вопросъ... Постой.

Внимай и повинуйся. Сядь, съ тобой
Я долженъ говорить. Пришельцу ужинъ
Рабъ принесетъ. Гдѣ пиръ богатъ и друженъ,
Голодныхъ быть не можетъ. Голодъ свой
Ты утоли и дай отвѣтъ прямой
На всѣ мои вопросы. Мнѣ ужасно
Таинственность противна!“
Но напрасно
Надѣяться проникнуть этотъ взоръ:
Недружелюбно гость глядитъ въ упоръ;
Онъ утолить не алчетъ голодъ пищей
И холодно на нихъ взираетъ нищій!
По тѣлу дрожь зловѣщею струей
Скользнула. Но... онъ овладѣлъ собой
И молча сѣлъ, и взоръ его открытый
Вновь пріобрѣлъ покой, на мигъ забытый.
Онъ не коснулся явствъ, какъ будто въ нихъ
Таился ядъ: отъ вкусныхъ блюдъ такихъ
Усталый постникъ отказался. Странно!
Подобная воздержанность нежданна.
„Ты боленъ, дервишъ? Ѣшь. Иль нашъ диванъ
Тебѣ чужой? Вѣдь ты средь мусульманъ,
А отвергаешь соль, залогъ священный:
Онъ за столомъ смиряетъ мечъ надменный,
Соединяетъ въ мирѣ племена
Враждебныя, предъ нимъ молчитъ война.
Соль приправляетъ тонкихъ блюдъ избытокъ“.
„Моя ѣда—коренья, а напитокъ
Вода ручья. Обѣтъ суровый мой
И ордена кладетъ запретъ святой
Хлѣбъ преломлять съ врагомъ и другомъ. Это—
Чудно. Но мнѣ грозитъ боязнь отвѣта.
Опасность надъ моей лишь головой.
Ни власть твоя, ни даже золотой
Султана тронъ во вѣки не принудитъ
Меня обѣтъ нарушить. Да осудитъ
Меня пророкъ, когда я разрѣшу
Твой хлѣбъ и пиръ, и тѣмъ себя лишу
Паломничества въ Мекку“.
„Я согласенъ.
Коль ты аскетъ,—мой уговоръ напрасенъ.
Отвѣть еще и съ миромъ уходи:
Ихъ много?.. Какъ! Но день вѣдь впереди!
Звѣзда, иль солнце тамъ среди залива!
Потокъ огня! Прочь! Прочь! Измѣна! Живо!
Сюда! Ко мнѣ! Гей, стража! Мечъ! Мой мечъ!
Галеры жгутъ. Проклятье! Эта рѣчь—
Измѣна! Дервишъ, шпіонъ презрѣнный!
Сразить его! Схватить“!
Но, дерзновенный,
Воспрянулъ дервишъ, дико озаренъ
Огнемъ пожара. Вдругъ преображенъ,
Внушаетъ ужасъ онъ. Вотъ плащъ монаха
И шапку прочь отбросилъ онъ съ размаха.
Кольчуга блещетъ на груди. Лучемъ
Сверкаетъ сабля. Шлемъ горитъ на немъ
Султаномъ чернымъ осѣненъ; огнями

Глаза зажглись подъ черными бровями.
На мусульманъ, какъ злобный духъ Афритъ
Взираетъ онъ, и этотъ взоръ разитъ
Губительно надежду на спасенье.
Дымъ факеловъ и дикое смятенье,
Крикъ ужаса и стали грозный звонъ
Сливаются въ безумный адъ и стонъ.
Снуютъ рабы; безумными очами
Глядятъ на кровь прибрежную, на пламя,
Разлитое по плещущей волнѣ.
И крикъ паши не внятенъ имъ. „Ко мнѣ!
Взять сатану!“. Но тотъ ужъ спохватился,
Увидѣвъ общій ужасъ, онъ рѣшился
Остаться здѣсь; погибнуть: тотъ приказъ,
Что отданъ имъ, увы, на этотъ разъ
Исполненъ слишкомъ скоро; до сигнала
Убійственное пламя запылало.
И ободренъ ихъ ужасомъ схватилъ
Онъ звонкій рогъ и громко протрубилъ.
Вотъ и отвѣтъ... „Поспѣли вы прекрасно,
Отважные товарищи! Напрасно
Я сомнѣвался въ быстротѣ ихъ ногъ.
Я здѣсь не могъ остаться одинокъ“!
И линіи кривыя чертятъ рьяно
Кружащіеся взмахи ятагана.
Онъ первую медлительность вокругъ
Наверстываетъ грозно: ихъ испугъ
Начало далъ, гнѣвъ грозно продолжаетъ.
Передъ однимъ толпа дрожитъ и таетъ.
Разрубленныхъ тюрбановъ лоскутки
Устлали полъ. Нѣтъ силъ поднять руки
Ни у кого къ защитѣ. Озадаченъ
И самъ паша. Онъ бѣшенствомъ охваченъ,
Онъ, не сдаваясь, отступилъ. Ударъ
Страшитъ его, хоть онъ не трусъ. Корсаръ
Настолько возвеличенъ общей свалкой!
Горятъ суда; терзаетъ видъ ихъ жалкій
Глаза паши; рветъ бороду Сеидъ
И съ пѣной на губахъ бѣжитъ.
Вотъ ворвались въ гаремъ его пираты
И вносятъ смерть. Всѣ ужасомъ объяты;
Отброшены мечи. Вопль, крики, стонъ...
Одинъ, другой—колѣнопреклоненъ—
Но тщетно. Разлились враги рѣкою.
Дымится кровь багровою струею.
Они вездѣ, гдѣ рогъ вождя звучитъ.
Моленья, вопли, крикъ,—все говоритъ,
Что смѣлый подвигъ выполненъ на славу,
Что время кончить страшную расправу.
Они его привѣтствуютъ. А онъ,
Какъ тигръ, пресыщенъ, но не утоленъ.
Привѣтъ ихъ кратокъ, но отвѣтъ Конрада
Еще короче: „Хорошо, но надо
Казнить Сеида; онъ бѣжитъ, онъ цѣлъ.
Вы славно потрудились, но дѣлъ
Еще осталось много. Догораетъ
Пожаръ галеръ. Пусть городъ запылаетъ.

КОНРАДЪ СПАСАЕТЪ ГЮЛЬНАРУ. (Conrad saving Gulnare).
Рис. Уоррен (H. Warren), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

V.

Отъ слова—къ дѣлу. Вотъ они схватились
За факелы, и стѣны задымились,
Дворецъ и минаретъ вдругъ запылалъ.
И радостью зловѣщей засверкалъ
Конрада взоръ. Но радость вдругъ затмилась:
Какъ похороннымъ звономъ огласилось
Все воплемъ женъ. Онъ къ шуму битвъ привыкъ,
Но въ грудь ему ударилъ женскій крикъ.
„Ворвитеся въ гаремы, но пощада
Всѣмъ женщинамъ! Пираты! Помнить надо,
Что передъ ними каждая вина
На нашихъ женахъ будетъ отмщена.
Враги—мужья, и гибель ихъ законна,
Но женщинъ мы щадили неуклонно
И будемъ впредь беречь ихъ отъ обидъ.
О, я забылъ! И небо не проститъ,
Коль мой приказъ погубитъ безоружныхъ.
За мной! У насъ есть время отъ ненужныхъ
Злодѣйствъ себя избавить. Поспѣшимъ"!
По лѣстницѣ бѣжитъ Конрадъ; подъ нимъ
Она горитъ. Разбита дверь ударомъ.
Его нога опалена пожаромъ.
Клубяся, дымъ дыханіе тѣснитъ.
Но все-жъ изъ двери въ дверь Конрадъ бѣжитъ.
Они повсюду ищутъ и спасаютъ.
Они руками сильными хватаютъ

Красавицъ, чаръ не разбирая; страхъ
Стараяся разсѣять въ ихъ сердцахъ.
Умѣлъ смирять ихъ лютость атамановъ
И бѣшенство ихъ рукъ окровавленныхъ.
Но кто она, кого изъ раскаленныхъ
Пожаромъ стѣнъ, гдѣ въ битвѣ льется кровь,
Несетъ въ рукахъ Конрадъ? Она—любовь
Того, чьей крови жаждетъ здѣсь онъ нынѣ,
Звѣзда гарема, но паши—рабыня.

VI.

Нѣтъ времени привѣтствовать Гюльнару,
Но удалось весь страхъ ея корсару
Однимъ-двумя словами разогнать.
Порывомъ жалости пришлось прервать
Войну на время. Но, предъ отступленьемъ
Враги съ невольнымъ видятъ изумленьемъ,
Что вслѣдъ никто не гонится,—и тутъ
Замедлилось ихъ бѣгство. Вотъ сомкнутъ
За рядомъ рядъ. Готова оборона.
Опомнился Сеидъ, глядитъ взбѣшенно,
И видитъ, какъ отрядъ корсара малъ.
Онъ покраснѣлъ за промахъ, увидалъ,
Какъ много зла принесъ имъ ужасъ дикій!
„Алла! Алла!" — взываютъ къ мщенью крики.
Стыдъ бѣшенствомъ становится; Сеидъ
Потребуетъ возмездья и отмститъ.
Да, кровь—за кровь, пожаръ—взамѣнъ пожара.
Измѣнчива удача для корсара.
Вскипаетъ бой, и тѣ, кто ждалъ въ борьбѣ
Побѣды, ждутъ спасенья лишь себѣ.
Конрадъ опасность видитъ, видитъ ясно,
Что рать его слабѣетъ ежечасно,
Отражена воспрянувшимъ врагомъ.
Одно усилье кругъ прорвать,—и въ томъ
Спасенье ихъ. Они сомкнулись строемъ.
Бросаются, и все съ послѣднимъ боемъ
Потеряно. Они осаждены,
Сомкнувшимся врагомъ окружены,
И все-же бьются, бьются безнадежно,
Но мужественно, гордо и мятежно.
Но ужъ теперь разбитъ и стиснутъ строй.
Ихъ топчутъ, давитъ вражеской пятой,
Но каждый стойко бьется окруженный,
И падаетъ скорѣй изнеможенный,
Чѣмъ побѣжденный. Но и тутъ корсаръ
Съ дыханіемъ послѣднимъ свой ударъ
Врагу наноситъ, ослабѣвъ, доколѣ
Оружье смерть не вырветъ поневолѣ.

VII.

Но прежде, чѣмъ сомкнулись рати снова
И строй на строй обрушился сурово,
Гюльнара и рабыни спасены
Конрадомъ; имъ онѣ водворены
Къ единовѣрцу въ домъ. Тамъ осушились

Но кто она, кого изъ раскаленныхъ
Пожаромъ стѣнъ, гдѣ въ битвѣ льется кровь,
Несетъ въ рукахъ Конрадъ.

But who is she? Whom Conrad's arms convey
From reeking pile and combat's wreck away.

Рис. Корбу (Edward Corbould), грав. Робинзонъ (H. Robinson).

Тѣ слезы, что изъ дивныхъ глазъ струились
За жизнь и честь. Когда же, въ тишинѣ
Гюльнара все припомнила вполнѣ,—
Отчаянье, испугъ—ее не мало
Привѣтливость пирата удивляла.
Какъ ласковъ голосъ былъ его и взглядъ!
И, странно, онъ, кровавый вождь, пиратъ,
Тогда казался ласковѣй Сеида.
Въ любви паши ей чуялась обида:
Какъ милость, онъ ей ласку расточалъ.
Конрадъ-же, страхъ разсѣявъ, охранялъ
Ея покой, какъ будто долгъ законный
Тѣмъ отдавалъ онъ женщинѣ плѣненной.
„Мое желанье грѣшно... хуже,—тщетно,
И все же я желаю беззавѣтно
Корсара видѣть и благодарить
За то, что въ страхѣ я могла забыть,
За жизнь свою. вѣдь онъ ея спаситель,
Спасти ее забылъ мой повелитель".

VIII.

И тамъ, гдѣ бой ужаснѣйшій кипѣлъ,
Она его увидѣла, средь тѣлъ,
Живымъ, несчастнымъ тамъ, межъ мертвецами.
Отъ войска онъ отрѣзанъ былъ врагами,
Но дорого досталось поле имъ,
Проигранное полчищу однимъ.
Изрубленный, онъ, смерти лишь желая,
Обманутъ смертью, кровью истекая,
Захваченъ въ плѣнъ, чтобъ зло все искупить,
И пощаженъ, чтобы въ томленьи жить,
Пока ему изсмыслитъ муку мщенье
И кровь уйметъ, даруя исцѣленье,
Чтобы потомъ по каплѣ проливать
И жадный глазъ Сеида насыщать
Своею агоніей ежечасной.
Ужель то вождь побѣдоносный, властный?
Такимъ предсталъ ей такъ недавно онъ,
И взмахъ руки кровавой—былъ законъ.
Да, это онъ,—разбитъ, обезоруженъ,
Но все-же бодръ. Жизнь, этотъ даръ, не нуженъ
Тому, кто радъ ту руку цѣловать,
Что смерть ему стремилась даровать.
Но не опасны раны. Боже! Или,
Нѣтъ ни одной, чтобъ духъ освободили
Летѣть. Куда? Едва-ль преступный мнилъ
О небѣ. О, зачѣмъ онъ сохранилъ
Одинъ изъ всѣхъ дыханье? Онъ сражался
Сильнѣе всѣхъ, сильнѣй и къ смерти рвался,
Онъ чувствовалъ весь ужасъ, что должны
Испытывать сердца, потрясены
Измѣною фортуны безсердечной:
Свершенныя злодѣйства, безконечный
Рядъ пытокъ, мукъ, которыми Сеидъ
За мигъ стыда себя вознаградитъ.
Онъ все проникъ; но сердца гордость злая,

Рукой преступной прежде управляя,
Скрыть помогла все маской ледяной.
По виду онъ не узникъ, а герой.
Онъ изнуренъ кровавой раной, боемъ,
Но взоръ его, исполненный покоемъ,
Не выдаетъ страданья. Далеко
Шумитъ толпа, свой страхъ забывъ легко.
Но лучшіе изъ воиновъ, на дѣлѣ
Видавшіе Конрада, не хотѣли
Надъ нимъ глумиться: въ яростной борьбѣ
Онъ имъ внушалъ невольный страхъ къ себѣ.
Конрада провожая къ каземату,
Дивились стражи храброму пирату.

IX.

Вотъ врачъ,—его не состраданіе къ Конраду
Послало. Нѣтъ, Сеиду знать лишь надо,
Какъ стоекъ плѣнникъ. Врачъ нашелъ, что тотъ
Цѣпь самую тягчайшую снесетъ,
Почувствуетъ всѣ муки истязанья.
До завтра! Да! Вечернее сіянье
Освѣтитъ пытку остраго кола.
А по утру, румяна и свѣтла,
Заря увидитъ, стойко иль презрѣнно
Онъ вынесъ казнь. Средь пытокъ несравненна
Та, что съ ужасной пыткою коломъ
Соединяетъ жажду. День за днемъ
Идетъ, но жажду смерть не утоляетъ...
А стая жадныхъ коршуновъ летаетъ
Надъ головой.—„Воды! Воды!“—Но нѣтъ!
Глумится злобно ненависть въ отвѣтъ
На просьбу жертвы: дать ему напиться,—
И онъ умретъ. Судьба! Вотъ удалиться
Спѣшитъ и врачъ, и стража. Онъ одинъ,
Окованный цѣпями властелинъ.

X.

Не описать тѣхъ чувствъ, что охватили
Конрада. Онъ едва-ль и самъ былъ въ силѣ
Постичь ихъ. О, непостижимый мигъ!
Борьба и хаосъ мыслей, вдругъ застигъ
Его, какъ вихрь, и, скрежеща зубами,
Одна лишь совѣсть сердце рветъ когтями
Она, какъ демонъ, что досель молчалъ,
Кричитъ: вѣдь я тебя предупреждалъ!
Слова напрасны. Духъ неукротимый
Лишь корчится отъ муки нестерпимой,
Но только слабый кается. Порой,
Въ часъ одиночества, когда душой
Мы глубже, все открыто намъ и ясно,
Ни страсть, ни мысль не затмеваютъ властно
Того, что было тайною предъ тѣмъ.
Но,—страшный мигъ,—когда душа надъ всѣмъ
Царитъ, слѣдя незримыми очами.
Все выплываетъ тысячью путями:
Несбывшіеся честолюбья сны

Печаль любви и славы тлѣнъ; весны
Измѣнчивая радость, и презрѣнье
Иль ненависть ко всѣмъ безъ исключенья,
Желающимъ насиловать нашъ рокъ.
Минувшее безъ проблеска,—потокъ
Грядущаго, стремительный и бурный—
Таитъ-ли адъ онъ или рай лазурный,
И помыслы, и рѣчи, и дѣла
Не помнили ихъ,—пусть! Но не могла
Забыть ихъ память. То, что привлекало,
Когда оно творилося, то стало
Теперь, по размышленіи, грѣхомъ;
И тайное злодѣйство предъ судомъ
Сознанія, что жжетъ такъ ядовито
Тѣмъ болѣе; чѣмъ глубже въ сердцѣ скрыто,
Все, что того пугаетъ, кто не слѣпъ.
Вѣдь сердце обнаженное, что склепъ,
Сердца всѣ леденитъ, когда открыто,
Обнажено совсѣмъ, что въ немъ зарыто.
Но гордость у души, когда пробуждена,
Рветъ зеркало, въ которое она
Глядѣлась и на части разбиваетъ.
Все можетъ скрыть она, и все скрываетъ.
А мужество всѣмъ можетъ пренебречь,
Покуда смерть не властна все пресѣчь.
Свой страхъ у всѣхъ. Кто болѣе спокоенъ,
Тотъ лицемѣръ и похвалы достоинъ.
Болтливый трусъ бѣжитъ при похвальбѣ,
А тотъ, кто дерзко смерти и судьбѣ
Глядитъ въ глаза и гибнетъ молчаливо,
Онъ мыслью духъ свой закалилъ ревнино,
Все раньше взвѣсилъ и на полпути
Встрѣчаетъ то, чего не обойти.

XI.

Въ высокой башнѣ, въ камерѣ высокой
Въ цѣпяхъ Конрадъ томился одинокій,
Сеида плѣнникъ. Пламень сокрушилъ
Дворецъ паши,—онъ въ крѣпость помѣстилъ
И узника, и свиту. Заключенный
Не могъ пенять на приговоръ вмѣненный.
Будь врагъ плѣненъ, такой-же жребій онъ
Извѣдалъ бы. Въ раздумье погруженъ,
Конрадъ читалъ въ душѣ своей пытливо,
Проникся мужествомъ, но терпѣливо
Ужасной мысли избѣгалъ одной:
„Какъ встрѣтитъ вѣсть Медора?“ Въ тьмѣ ночной
Онъ потрясалъ гремящими руками
И въ бѣшенствѣ рвалъ цѣпи, и глазами
Горящими глядѣлъ на нихъ потомъ
Нашелъ-ли онъ отраду, или въ томъ
Себя увѣрилъ, что нашелъ онъ,
Но скорбь отвергъ, надъ ней насмѣшкой полонъ.
„Пусть пытки, смерть,—я съ радостью умру,
Но для грозящей казни поутру
Мнѣ все-же нуженъ отдыхъ“. Еле-еле

Доползъ Конрадъ израненный къ постели
И задремалъ, каковъ бы ни былъ сонъ.
О полуночномъ боѣ грезитъ онъ:
За планомъ наступало выполненье,
Не терпитъ проволочки—разрушенье;
Всѣ виды преступленій свершены
Пиратами въ ту ночь войны жестокой.
Лишь часъ одинъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ издалека
Онъ за приливомъ шелъ, а ужъ успѣлъ
Переодѣться, былъ открытъ, съумѣлъ
Всѣхъ побѣдить, спасалъ и самъ былъ вскорѣ
Врагами схваченъ. Онъ корсаръ на морѣ,
На сушѣ—атаманъ, приговоренъ,
Въ темницу брошенъ и вкушаетъ сонъ.

XII.

Онъ спалъ и грудь вздымалась равномѣрно.
Будь смертью сонъ,—онъ былъ бы счастливъ вѣрно.
Онъ спалъ. Но кто-жъ надъ спящимъ въ полутьмѣ
Склонился? Врагъ ушелъ, и нѣтъ въ тюрьмѣ
Его друзей. Иль Серафимъ, сіяя,
Принесъ ему прощеніе изъ рая?
Нѣтъ, то съ лицомъ небеснымъ гость земной.
Въ одной рукѣ свѣтильникъ, а другой
Прикрылъ онъ *свѣтъ отъ глазъ, что лишь для муки*
Откроются предъ вѣчностью разлуки.
О, дивный образъ съ черными очами,
Прекрасными ланитами, кудрями,
Перевитыми нитью жемчуговъ!
Съ волшебною беззвучностью шаговъ,
Ногой, какъ снѣгъ блестящей, обнаженной
Она прошла средь стражи полусонной.
Ахъ, чѣмъ не можетъ женщина рискнуть,
Когда ей жалость наполняетъ грудь?
Гюльнара не спала. Паша забылся
Дремотой, бормоталъ во снѣ, и снился
Ему пиратъ. Вотъ перстень золотой
Съ его гербомъ, съ печатью именной,
Служившій ей забавою безплодной,
У ней на пальцѣ, и она свободно
Скользитъ средь стражи. Перстень тутъ
Законъ для тѣхъ, что двери стерегутъ.
Солдаты, изнуренные сраженьемъ
И счастіемъ измѣнчивымъ и бдѣньемъ,
Продрогшіе, у двери въ казематъ,
Едва стоятъ, шатаясь, иль лежатъ,
Завидуя уснувшему Конраду.
Кольцо паши достаточно ихъ взгляду,
Чтобъ пропустить, не спрашивая,—какъ,
Зачѣмъ и кто? Кольцо надежный знакъ.

XIII.

Гюльнара въ изумленіи. „Онъ можетъ
Спокойно спать въ то время, какъ тревожитъ
Другія очи рокъ его и плѣнъ?
Блуждаетъ здѣсь мой взоръ, средь этихъ стѣнъ,

Увлажненный слезами, вопрошая:
Не волшебство-ль, что жизнь совсѣмъ чужая
Мнѣ такъ близка? Онъ правда, жизнь мнѣ спасъ
И болѣе,—онъ оградилъ всѣхъ насъ
Отъ худшаго, чѣмъ горе". Но ужъ тщетно
Объ этомъ думать. Сонъ его замѣтно
Нарушенъ. Онъ такъ тяжело вздохнулъ;
Вотъ поднимаетъ голову, взглянулъ,
И ослѣпленный взоръ его отъ свѣта
Въ сомнѣньи,—на яву онъ видитъ это
Или во снѣ. Рукой шевелитъ онъ,
И цѣпь гремитъ; доказываетъ звонъ,
Что онъ покуда живъ еще. Но кто онъ,
Кто этотъ гость? Коль плѣнникъ очарованъ
Не призракомъ воздушнымъ, что проникъ
Въ его тюрьму, прекрасенъ стража ликъ.
„Вождь, ты меня не знаешь. Я Гюльнара,
Явилась я благодарить Корсара
За подвигъ въ эту мрачную тюрьму.
Ты совершалъ подобные ему
Не часто. Такъ взгляни и вспомнишь ясно:
Ты спасъ меня своей рукою властно
Изъ пламени, но что страшнѣй,—изъ рукъ
Твоихъ друзей, твоихъ кровавыхъ слугъ.
Къ тебѣ пришла я въ тьмѣ ночной. Не знаю,
Тебя увидѣть мертвымъ о, пиратъ
Я не хочу!"
„О если такъ, твой взглядъ
Одинъ сіять не будетъ въ упоеньѣ,
Любуяся на это развлеченье.
Имъ выпала удача. Что-жъ, она
Ихъ право, пусть используютъ сполна.
Но все-жъ тебѣ иль имъ я благодаренъ
Что мой алтарь сейчасъ—такъ лучезаренъ:
Готовъ я исповѣдаться". Хотя
И странно, какъ веселье онъ, шутя,
Слилъ съ скорбью той, что сердце больно ранитъ,
Но скорбь души шутливость не обманетъ;
И все-жъ улыбка въ горечи видна,
Мудрѣйшимъ людямъ свойственна она;
Не разъ ей плаха эхомъ отвѣчала,
Но радость въ ней для вида лишь звучала.
Она другихъ обманывать могла,
Но не того, кѣмъ создана была.
Однако, что въ Конрадѣ вдругъ сверкнуло,
Его чело разгладило, вдохнуло
Веселья звукъ въ насмѣшливость рѣчей,
Какъ будто онъ въ короткой жизни сей,
Хотя въ разрѣзъ съ своей природой, снова
Въ послѣдній разъ веселія земного
Желалъ душой, которую судьба
Не тѣшила, опутала борьба.

XIV.

«Произнесенъ твой приговоръ, корсаръ—
Но есть часы, когда во власти чаръ

ГЮЛЬНАРА ПРИХОДИТЪ ВЪ ТЕМНИЦУ КОРСАРА.

(Gulnare visiting Conrad in prison).

Рис. Уоррена (H. Warren), грав. Э. Финдена (E. Finden).

Моихъ смягчать пашу. Я-бъ пощадила—
Тебя.. О, нѣтъ, спасла! Но гдѣ-же сила
Въ твоей груди? Гдѣ время? Что могу,—
Я сдѣлаю. Быть можетъ, казнь врагу,
Назначенную завтра, онъ отсрочитъ.
А сдѣлать больше? Гибелью пророчитъ
Подобная попытка намъ. О, нѣтъ,
Я и сама читаю твой отвѣтъ".
„Да, ты права. Я не ищу спасенья—
Моя душа отъ муки униженья
Закалена... Иль пала можетъ быть...
Но искушенье—ты должна забыть,
Оно и безполезно, и опасно.
Мнѣ-ль на побѣгъ надѣяться напрасно!
Я побѣжденъ. Одинъ я живъ изъ всѣхъ.
Бѣжать и жить считалъ бы я за грѣхъ.
Но есть одна. Мои воспоминанья
Стремятся къ ней. Ея любовь, страданья
Въ моей груди рождаютъ рой тревогъ.
Опорами мнѣ въ жизни были: Богъ,
Мой мечъ, подруга и корабль. Отъ Бога
Я смолоду отрекся. Нынѣ строго
Меня Онъ покаралъ. Въ его рукахъ
Мнѣ врагъ—оружье. Въ мукахъ и слезахъ
Его алтарь съ трусливымъ униженьемъ
Не оскорблю отчаяннымъ моленьемъ,
Довольно! Я дышу! Я буду нѣмъ.
Мечъ изъ руки исторгнутъ. О, зачѣмъ

Я сохранить не могъ клинокъ столь вѣрный!
Мой бригъ погибъ. Въ любви не лицемѣрной
Все-жъ голосъ мой готовъ еще съ мольбой
Взывать къ Творцу. Она одна собой
Меня еще съ землей соединяетъ,
Но смерть моя ей смертью угрожаетъ.
Она увянетъ. О, Гюльнара! Вѣрь,
Пока тебя не встрѣтилъ я теперь,
Не зналъ красы подобной".
„Ахъ, другую
Ты любишь!.. Что-жъ! Нѣтъ, нѣтъ, я не ревную
Но любишь... О, завидна участь той,
Кто отдыхаетъ сердцемъ и душой
Близъ сердца столь же вѣрнаго,
Не знаетъ
Ни пустоты, ни бреда, что терзаетъ
Меня всегда".
„Гюльнара! Развѣ ты
Не отдаешь всю нѣгу красоты
Тому, для чьей утѣхи изъ пожара
Я спасъ тебя?"
Ты думалъ, что Гюльнара
Сеида любитъ? Не любовью, нѣтъ,
Владѣетъ онъ. На страсть его въ отвѣтъ
Пыталась я любить его,—безплодно:
Любовь сильна, когда она свободна,
А я раба любимая. Я съ нимъ
Дѣлю всю пышность жизни, и такимъ
Избраніемъ должна я быть довольна.
Увы, не разъ звучалъ вопросъ невольно
Въ моей душѣ: Ты любишь? Но она
Твердила „нѣтъ". Моя-ли здѣсь вина,
Что такъ невыносимо эту нѣжность
Поддерживать и подавлять небрежность!
Еще больнѣе холодъ чувствъ таить,
Скрывать любовь къ другому можетъ быть.
Онъ за руку-ль возьметъ,—я безучастна,
Не подаю и не борюсь напрасно.
Кровь не застынетъ, не забьетъ она,
Какъ и душа, спокойна, холодна.
Когда-жъ рука опустится уныло
Изъ рукъ того, кого я не любила
На столько, чтобы ненависть питать,
Къ моимъ устамъ прильнетъ онъ,—я опять
Ему любовный жаръ не возвращаю
И съ ужасомъ лобзанья вспоминаю.
Когда бы страсть я съ нимъ пережила,
Она бъ излиться въ ненависть могла.
Уйдетъ онъ,—не тоскую я; вернется,—
Отъ радости душа не встрепенется.
Мысль далека, когда порой я—съ нимъ.
Въ раздумья часъ,—а онъ неодолимъ,—
Боюсь, что онъ мнѣ ненавистенъ станетъ.
Раба я; все-же эта цѣпь не ранитъ
Такъ, какъ неволя быть его женой.
О, если бы плѣнился онъ другой,
Мнѣ далъ свободу! Такъ бы я сказала

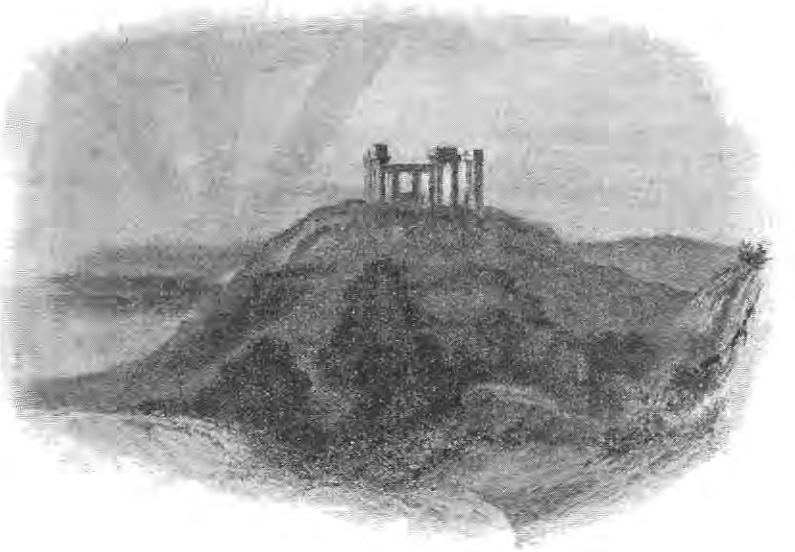
Еще вчера, но, если расточала
Ему я нѣжность нынѣ,—не забудь,
Все для того, чтобъ цѣпь твою стряхнуть,
Чтобъ отплатить пирату за спасенье
И возвратить тебя для упоенья,
Моей душѣ невѣдомаго,—ей.
Прощай. Заря на небѣ все свѣтлѣй.
Пора спѣшить. Какъ это ни опасно,—
Мнѣ смерть сама сегодня не ужасна".

XV.

И руки, отягченныя цѣпями,
Прижавши къ сердцу нѣжными руками,
Она, склонивши голову, ушла.
Не греза-ль то беззвучная была!
Онъ одинокъ. Жемчужина упала
На цѣпь его и ярко заблистала.
То самая священная изъ слезъ:
Въ ней за другихъ страданіе зажглось,
Изъ жалости сошла она, блистая
Сіяніемъ божественнаго рая.
О, женская слеза! Какъ ты свѣтла
И непреложна! Слабость власть нашла,
Чтобы спасти иль покорить. Рыданья—
Оружье женщинъ. Бойтесь ихъ вліянья,
Сдается добродѣтель, смущена
Бываетъ мудрость, если вдругъ она
Съ нѣжнѣйшей скорбью встрѣтится. Средь боя
Что обратило въ бѣглеца героя?
Слезинка Клеопатры. Но вина
Да будетъ тріумвиру прощена,
Тамъ, гдѣ не только землю, счастье рая
Теряютъ люди, душу предавая
Врагу небесъ, и, о себѣ забывъ,
Щадятъ блудницы горестный порывъ.

XVI.

Взошла заря. Лучи ея играютъ
Въ чертахъ его лица, гдѣ умираютъ
Вчерашнія надежды. О, пиратъ!
Быть можетъ, трупъ твой озаритъ закатъ
И, можетъ быть, зловѣщими крылами
Твой трупъ обвѣетъ воронъ подъ скалами;
Передъ бездушнымъ окомъ небеса
Покинетъ солнце. Блѣдная роса
Падетъ вечернимъ стынущимъ туманомъ
По членамъ костенѣющимъ и ранамъ,
Все влагою своей животворя,
И лишь его не оживитъ заря.



ЭГИНСКАЯ СКАЛА и ОСТРОВЪ ИДРА.

(Old Aegina's rock and Idra's isle).

Рис. Уоррена (H. Warren), грав. Э. Финдена (E. Finden).

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

Come vedi ancor non m'abbandona'

Dante.

Торжественно сіяя предъ закатомъ,
Скрывалось солнце за хребтомъ горбатымъ
Мореи. То не сѣверный закатъ,—
Онъ пламенемъ безоблачнымъ объятъ.
Скользятъ лучи надъ бездной полусонной
И золотятъ струи волны зеленой.
На Идру, на Эгинскую скалу
Глядитъ богъ счастія сквозь розовую мглу;
Онъ медлитъ надъ страной любимой,
Хоть тамъ ужъ алтари его не чтимы.
Вечерняя на горы пала тѣнь,
Принявъ подъ дивно ласковую сѣнь
Заливъ твой, Саламинъ непобѣдимый!
Лазурный сводъ въ дали необозримой,
Весь въ пурпурѣ, смягченномъ въ глубинѣ.
И нѣжною окраской на волнѣ
Веселый бѣгъ ихъ явственно означенъ,
Но съ суши, съ волнъ струится сумракъ мраченъ,
И, наконецъ, за щитъ Дельфійскихъ скалъ
Сокрылся дискъ. Въ такой же вечеръ палъ
Блѣднѣйшій лучъ въ Аѳины, гдѣ когда-то

МЕДОРА (Medora).

Рис. Медоуса (Meadows), грав. Райолл (Ryall).

Въ послѣдній разъ мудрецъ твой лучъ заката
Увидѣлъ; съ нимъ и лучшіе сыны
Встрѣчали свѣтъ, упавшій съ вышины,
Какъ смертный приговоръ. Но нѣтъ, надъ гранью
Замедлилъ лучъ и время далъ прощанью.
Но грустенъ взоръ когда-то дивныхъ глазъ,
Цвѣтъ горъ угрюмъ, и мракъ, какъ въ поздній часъ.
Покрылъ хребетъ, прельщавшій взглядъ окраской,
Когда вершины Фебъ лелѣялъ лаской,
Фебъ не успѣлъ зайти за Киферонъ,
Какъ опустѣла чаша,—вознесенъ
Былъ духъ его, побѣгъ и страхъ презрѣвшій,
И умеръ онъ, одинъ изъ всѣхъ умѣвшій
Такъ умереть, какъ жилъ. Но чу... съ высотъ
Гимета ночь царицею идетъ.
Сѣдой туманъ, предвѣстникъ бури грозной,
Не затмеваетъ ликъ царицы звѣздной;
Не омрачаютъ блеска въ вышинѣ
Ряды колоннъ, блестящихъ при лунѣ,
Встрѣчаютъ лучъ трепещущій привѣтомъ.
Ея эмблема—серпъ надъ минаретомъ
Блеститъ; спятъ рощи темныя оливъ;
Осеребренъ Кефизскихъ водъ разливъ.
Тамъ кипарисъ тоскуетъ у мечети,
И башенка кіоска въ лунномъ свѣтѣ
Сверкаетъ; дальше храмъ Тезея спитъ.
Въ раздумьи пальма никнетъ. Все манитъ
Игрою красокъ взоръ неотразимо,
И жалокъ, кто пройдетъ бездушно мимо
Той красоты! А тамъ Эгейскій валъ
Совсѣмъ вблизи баюкалъ и ласкалъ
Духъ, утомленный буйными вѣтрами.
Опять волна, съ нѣжнѣйшими тонами,
Несетъ сапфиръ и золото грядой,
Сливая съ тѣнью мрачной надъ водой:
То острова изъ блѣднаго тумана
Взираютъ на улыбку океана.

II.

Что-жъ мой разсказъ оставленъ безъ вниманья?
Кто на родное море въ состояньи
Глядѣть и, пусть о чемъ ни шла бы рѣчь,
Отъ твоего величія отвлечь
Свой взоръ? О, кто съ послѣдними лучами
Хоть разъ, Аѳины, любовался вами,
Вечерній ликъ вашъ въ сердцѣ сбережетъ.
Забудетъ ли когда нибудь васъ тотъ,
Въ чьемъ сердцѣ даже время и пространство
Не можетъ чаръ разрушить постоянство.
Гроздь острововъ Цикладскихъ не забыть,
И, чтобы имъ хвалу свою сложить,
Онъ повѣсть оставляетъ безъ вниманья.
О, Грецiя! Въ твоемъ былъ обладаньѣ
Корсара островъ нѣкогда. Пусть онъ
Тебѣ съ свободой будетъ возвращенъ.

III.

Ужъ солнце сѣло. Свѣтъ въ душѣ Медоры
Съ нимъ догорѣлъ. Вдаль устремивши взоры,
Три дня, три ночи долгія безъ сна
На башнѣ ждетъ и ждетъ его она,
Его все нѣтъ; и даже съ вѣстью нѣжной
Гонца не шлетъ ей другъ ея мятежный.
Попутный вѣтеръ есть, хоть не силенъ.
Бурь не было. Ансельмо прибылъ, онъ
Одно лишь ей повѣдалъ, что съ Конрадомъ
Не встрѣтился. Когда бы вождь съ отрядомъ
Помедлилъ день, собрата подождалъ,
Иначе бы и повѣсть я кончалъ.
Ночной свѣжѣетъ вѣтеръ. А Медора
Весь день жила надеждой—средь простора
Увидѣть мачту,—грустная, одна
Сидѣла въ башнѣ. Вотъ, сошла она
Съ выси на темный берегъ въ полуночи.
Слѣпилъ ей вѣтеръ горестныя очи
И брызги волнъ въ лицо ея бросалъ
И гналъ домой. Но духъ не ощущалъ
Ни холода, ни вьюги леденящей,
Былъ только въ сердцѣ холодъ настоящій.
И перешла тревога, наконецъ,
Въ увѣренность: онъ для нея мертвецъ.
Явись теперь онъ вдругъ—она-бы отъ испуга
Лишилась чувствъ, живымъ увидѣвъ друга.
Вотъ, наконецъ, полуразбитый въ морѣ
Замѣченъ челнъ; на немъ пираты. Вскорѣ
Они всѣхъ раньше видятъ издали
Ее, кого искали и... нашли.
Изъ нихъ иные кровью истекали;
Израненные еле понимали
Они одно, что чудомъ спасены.
Вотъ все, что знали. Горестью полны,
Въ безмолвіи, во тьмѣ они таились,
И что могли повѣдать, то страшились
Сказать Медорѣ: каждый ожидалъ,
Чтобъ о вождѣ товарищъ разсказалъ.
Все поняла она, но не упала,
Не дрогнула, какъ будто не пугала
Ее ни скорбь, ни горькой доли тьма.
Она въ душѣ возвышенной сама
Подъ хрупкой оболочкой сохраняла
Всю силу чувствъ и лишь тогда рыдала,
Когда надежда билась въ ней; теперь
Надежды нѣтъ, и страшныхъ нѣтъ потерь.
И надъ дремотой нѣжности та сила
Воспрянула, которая гласила:
Разъ для любви нѣтъ больше ничего,—
И страха нѣтъ! Ужаснѣе всего
Подобное сознанье, и припадки
Подобны бреду страшной лихорадки.

ХРАМЪ ТЕЗЕЯ, ВОЗЛѢ АѲИНЪ. (The Temple of Theseus; Athens).
Рис. Пэджъ (W. Page), грав. Г'эйэмъ (T. Higham).

„Безмолвно предо мною вы стоите...
Я не хотѣла-бъ слышать... Что!.. Молчите?..
Я знаю все... Ни звука! Лишь одно
Хочу спросить, хочу узнать я... Но—
Уста нѣмѣютъ... Гдѣ? Я жду отвѣта...
Гдѣ прахъ его?“
Увы, Медора, это
Намъ неизвѣстно. Тяжкаго труда
Намъ стоило живымъ приплыть сюда.
Но есть одинъ средь насъ; онъ атамана
Видалъ въ цѣпяхъ средь вражескаго стана“.
Она не внемлетъ болѣе. Увы,
Усилья тщетны. Съ ногъ до головы
Въ ней все дрожитъ отъ муки напряженной,
Отчаянье души ея смятенной,—
Все тѣ слова разбили вдругъ. Она
Шатается и падаетъ. Волна
Могилу ей безвременно раскрыла,
Но съ жалостью рука ее схватила
И моряки спасти ее спѣшатъ.
Они водой лицо ея кропятъ,
Обмахиваютъ грубыми руками,
Стремятся поддержать ее, а сами
Слѣдятъ, когда вернется снова къ ней
Сознаніе. Тогда они скорѣй,
Ея прислужницъ будятъ, поручаютъ
Имъ трепетное тѣло и взираютъ,

Скорбя, вовслѣдъ; затѣмъ они идутъ,
Къ Ансельмо, вѣсти тягостныя тутъ
Передаютъ ему въ живой бесѣдѣ
Объ этой кратковременной побѣдѣ.

IV.

Въ совѣтѣ дикомъ, бурномъ и тревожномъ
Слилося невозможное съ возможнымъ:
Освобожденье, выкупъ... даже месть,
Все, кромѣ мира, губящаго честь.
Еще Конрада духъ здѣсь вдохновенно
Дышалъ и гналъ отчаянье надменно.
Какой-бы ни былъ скованъ онъ судьбой,
Но тѣ сердца, что велъ онъ за собой,
Спасутъ его, коль живъ, отмстятъ кроваво,
Коль умеръ онъ, и прахъ покроетъ слава.
Месты! Месть врагу! Еще здѣсь люди есть,
На подвигъ имъ указываетъ честь.

V.

Въ уединеньи пышнаго гарема
Сидѣлъ Сеидъ и сумрачно и нѣмо.
Онъ о судьбѣ корсара размышлялъ.
Приливъ любви въ немъ ненависть смѣнялъ:
Отъ узника къ Гюльнарѣ мысль летѣла.
Раба у ногъ владыки онѣмѣла
И на челѣ угрюмомъ сторожитъ,
Когда любовь суровость думъ смягчитъ.
И очи черныя рабыни страстно
Сочувствія въ немъ ищутъ; но напрасно.
На четки взглядъ Сеида устремленъ,
Одной кровавой мыслью занятъ онъ —
О плѣнной жертвѣ... „О, паша! По праву
День этотъ твой, и шлемъ вѣнчаетъ слава.
Конрадъ въ плѣну, отрядъ его сраженъ,
Самъ вождь на смерть судьбою обреченъ;
Онъ заслужилъ такую участь. Все-же
Свой гнѣвъ цѣнить ты долженъ-бы дороже.
Не лучше-ли за выкупъ дорогой
Отсрочить смерть? По слухамъ плѣнникъ твой—
Богатъ; желала-бъ я, мой повелитель,
Чтобъ тѣхъ богатствъ ты сталъ прямой властитель.
Пиратъ ослабленъ битвой роковой:
Вновь по пятамъ преслѣдуемъ пашей,
Добычей легкой сдѣлался бъ онъ вскорѣ.
А разъ казненъ,—остатки шайки въ морѣ
Найдутъ себѣ укромнѣе пріютъ
И съ золотомъ безъ вѣсти уплывутъ".
„Гюльнара! Если-бъ даже за пирата,
За каплю крови каждую, какъ плата,
Предложенъ былъ мнѣ жемчугъ, что цѣной
Вѣнцу Стамбула равенъ, иль иной.
Безцѣнный даръ, хотя-бъ то былъ бездонный
Рудникъ за каждый волосъ обреченный,
И если-бъ всѣ сокровища земли,
Что въ вымыслахъ арабовъ къ намъ дошли,

ГЮЛЬНАРА и СЕИДЪ (Gulnare and Seyd).
Рис. Уоррена (H. Warren), грав. Э. Финдена (E. Finden).

Иль снятся въ снахъ,—за это мнѣ сулили,
Они-бъ мгновенья этимъ не купили
Сознанія, что узникъ мой въ плѣну,
Въ цѣпяхъ. Я жажду мести за вину
И для нея я пытки измышляю
Ужасныя и медленныя!"
„Знаю,
Ты правъ, паша, и гнѣвъ твой слишкомъ святъ,
Чтобъ милосердье вызвать могъ пиратъ.
Его богатство я въ виду имѣла.
Отпущенный на волю, онъ всецѣло
Въ твоихъ рукахъ-бы снова былъ. Бандитъ
Лишенъ друзей, безславенъ и разбитъ.
Одно твое рѣшительное слово
И вѣчный плѣнъ его бы всрѣтилъ снова".
„Что! Вѣчный плѣнъ! Чтобъ я дарилъ ему
Хоть день свободы, если онъ въ тюрьму
Мной заключенъ! Освободить корсара!
И по чьему внушенію, Гюльнара?
По твоему! Не щедро-ль воздаетъ
Признательность за пылъ его заботъ:
Онъ ихъ одной тебѣ да приближеннымъ
Оказывалъ въ порывѣ благосклонномъ.
О, безъ сомнѣнья, онъ тогда не зналъ
О красотѣ добычи, что спасалъ.
Я воздаю признательность съ хвалою.
Но слушай ты, о женщина! Не скрою,
И для тебя я берегу совѣтъ:
Знай! я тебѣ не вѣрю. Ясный слѣдъ
Коварной правды въ каждомъ твоемъ словѣ

Я нахожу. Скажи, когда средь крови,
Тебя одну жалѣя и цѣня,
Въ объятіяхъ онъ вынесъ изъ огня
Не грезила-ль ты съ нимъ о бѣгствѣ тайно?
Не отвѣчай. Признанье не случайно
Сказалось вдругъ въ огнѣ твоихъ ланитъ.
Одумайся, красавица; грозитъ
Смерть не ему лишь только безъ пощады.
Еще скажу... Нѣтъ, больше словъ не надо.
Будь проклятъ мигъ, когда отъ этихъ бѣдъ
Тебя онъ спасъ. Ужъ лучше-бы... Но нѣтъ!..
Тогда-бы смерть возлюбленной въ печали
Оплакалъ я. Теперь дрожи. Едва-ли
Ты крылья страсти сбережешь. Лишь взмахъ
Моей руки—и смерть. Не на словахъ
Я только гнѣвенъ. Знай, что невозможно
Сеида обмануть. Будь осторожна".
Онъ всталъ и вышелъ—гнѣвно и сурово.
Былъ бѣшенъ взоръ владыки, какъ и слово;
Прощаніе зловѣще. Но Сеидъ
Не зналъ, какъ мало женщину страшитъ,
Подобную Гюльнарѣ, вызовъ злобный,
На что въ минуту нѣжности способна
Дерзнуть она, когда охватитъ пылъ!
Ее онъ подозрѣньемъ оскорбилъ.
Она еще сама не разобралась,
Что въ жалости къ Конраду въ ней скрывалось.
Она была невольница, раба;
Лишь именемъ ихъ разнилась судьба.
По праву могъ разсчитывать плѣненный
На жалость одалиски, имъ спасенной.
Презрѣвши гнѣвъ Сеида, вновь она
На страшный путь отважилась одна,
Едваль вполнѣ сознательно. Но снова
Сеидъ отвергъ мольбы ея сурово,
И вспыхнулъ въ ней мятежной силой умъ,
Источникъ горя женскаго и думъ.

VI.

А время шло. Печально для Конрада
День ночь смѣнялъ. Но онъ весь ужасъ ада
Съумѣлъ душой суровой подавить:
Тотъ переходъ отъ мысли „жить" къ „не жить",
Когда минута каждая страшила
Сильнѣй, чѣмъ неизбѣжная могила,
Когда шаговъ тяжеломѣрный стукъ
Ему грозилъ началомъ тяжкихъ мукъ,
И каждый звукъ случайной чьей то рѣчи
Былъ вѣчнаго безмолвія предтечей.
Пусть ужасъ всѣхъ смиряетъ,—духъ его
Надъ ужасомъ извѣдалъ торжество.
Но умирать онъ не хотѣлъ. Смятенный,
Измученный, но все-же непреклонный,
Онъ выносилъ и этихъ чувствъ напоръ,
Ужаснѣйшій, чѣмъ все, что до сихъ поръ
Онъ испыталъ въ сраженьяхъ. Въ вихрѣ боя,

ГЮЛЬНАРА и СЕИДЪ (Gulnare and Seyd).

. . . . . Не на словахъ
Я только гнѣвенъ. Знай, что невозможно
Сеида о́мануть. Будь осторожна.
Онъ всталъ и вышелъ—гнѣвно и сурово.

Рис. Гербертъ (J. Herbert), грав. Робинзонъ (H. Robinson).

Въ смятеньи бурь едва-ль въ душѣ героя
Мигъ робости для мысли уловимъ.
Но онъ въ цѣпяхъ, неволею томимъ,
И для тоски, для каждой мысли новой
Добычею является готовой,
Онъ собственное сердце изучаетъ,
Ошибки вспоминаетъ, обсуждаетъ
Свою судьбу. Но первыхъ ужъ нельзя
Исправить, а вторая ждетъ грозя.
Считать часы, что борются жестоко
За твой конецъ, и знать, что другъ далеко
И некого одушевить, сказать,
Какъ умеръ ты, какъ надо умирать.
Вокругъ враги и ложь куютъ какъ звенья,
Чтобъ запятнать послѣднія мгновенья.
Твой духъ готовъ всѣ муки побороть,
Но вынесетъ ли немощная плоть?
Онъ чувствуетъ, что крикъ одинъ позорный
Его лишилъ-бы славы плодотворной,
Правъ на нее. Здѣсь мукъ земныхъ конецъ,
Блаженства-же небеснаго вѣнецъ
Отнимутъ тѣ, что небо безъ предѣла
Считаютъ личной собственностью смѣло.
Отторгнута и милая твоя,
Въ которой рай земного бытія, —
Сомнительнаго неба онъ вѣрнѣе.
Вотъ думы тѣ, которыя страшнѣе
Всѣхъ мукъ земныхъ. На благо или нѣтъ
Онъ вынесъ ихъ,—кто можетъ дать отвѣтъ?
Но и отъ нихъ душа его не пала;
Онъ не погибъ и это ужъ не мало.

VII.

День миновалъ. Не видѣлъ онъ Гюльнару
Еще другой и третій,— а къ Корсару
Она не шла. За то ея обѣтъ
Свершили чары, а иначе свѣтъ
Онъ никогда-бы не увидѣлъ болѣ.
Такъ онъ провелъ четыре дня въ неволѣ.
На пятый, съ тьмою, взвыла надъ землей
Гроза. О, какъ онъ жадно слушалъ вой
Мятежной бездны! Въ сонъ его дотолѣ
Онъ не врывался такъ, какъ здѣсь, въ неволѣ,
И дикій духъ, стихіею родной
Разбуженный, бросалъ имъ вызовъ свой
И часто жилъ онъ на волнѣ косматой,
Любя ее за бѣгъ ея крылатый.
Въ его ушахъ, какъ эхо, бури ревъ
Звучитъ. Призывъ ея ему не новъ.
Но тщетно близокъ! Вѣтеръ съ буйной силой
Поетъ вверху надъ башнею унылой.
Сильнѣе туча грозная гремитъ,
И сквозь рѣшетку молнія блеститъ,
Она ему милѣй звѣзды полночной.
Вотъ цѣлью онъ прильнулъ къ рѣшеткѣ прочной
Въ немъ слабая надежда зажжена,
Что намъ опасность не вотще дана.

Но слушай ты, о женщина! Не скрою,
И для тебя я берегу совѣтъ,
Знай, я тебѣ не вѣрю
Now hear
I have a counsel or hy gentler ear
I do mistrust the Woman.

Рис. Рихтера (H. Richer), грав. Бэкера (R. Baker).

Онъ поднялъ къ небу руку съ кандалами,
Чтобъ молнія изъ милости стрѣлами
Сразила тѣло, данное для мукъ.
И стонъ молитвъ и цѣпи ржавый звукъ
Безсильны. Но опасность миновала.
Сразить безумца буря не желала.
Слабѣетъ гулъ; далекъ громовъ раскатъ;
И чувствуетъ въ тюрьмѣ своей пиратъ,
Какъ будто другъ коварный въ мигъ свиданья
Презрѣлъ его призывы и стенанья.

VIII.

Ужъ за полночь. За дверью въ отдаленьѣ—
Чуть слышный шагъ. Умолкъ... и вновь движенье,
Скрипитъ засовъ... и ключъ въ замкѣ скрипитъ.
Не обмануло сердце. Вновь стоитъ
Предъ нимъ она, красавица Гюльнара,
Преступная, но ангелъ для корсара,
Прекраснѣе, чѣмъ плѣнника мечта
Могла создать. Но эта красота
Былымъ очарованіемъ не блещетъ.
Блѣднѣе щеки; станъ ея трепещетъ.

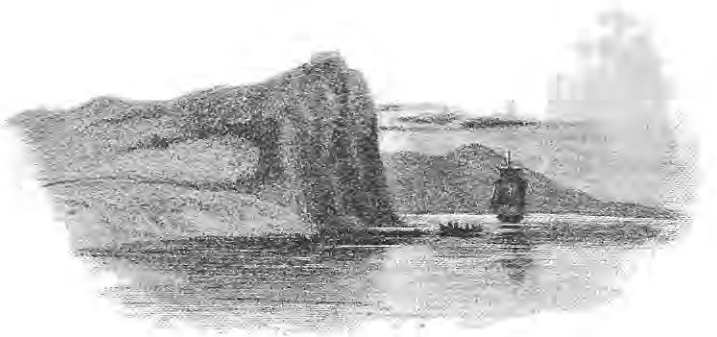
Пронзая жгучимъ взоромъ полутьму,
Она глядитъ на узника; ему
Взоръ, раньше словъ, промолвилъ безнадежно:
Да, ты умрешь... Да, это неизбѣжно.
Еще одинъ исходъ есть... худшій!.. Но
Быть можетъ пытка—хуже. Все равно!
„Конрадъ все тотъ же и все такъ же ясно
Я повторю: красавица, напрасно
Ты жизнь пирата думаешь продлить,
Заслуженную казнь предотвратить
Не только здѣсь... Сеида месть и пытки
Я заслужилъ дѣяніемъ въ избыткѣ".
„Ты хочешь знать—зачѣмъ? Не ты-ли спасъ
Меня отъ доли, злѣйшей во сто разъ,
Чѣмъ эта жизнь рабыни! Что мнѣ надо?
Ужель несчастье сдѣлало Конрада
Спѣпымъ къ порывамъ женскаго ума,
Къ моей любви? Могу-ль сказать сама
Я, женщина? Хоть сердце запрещаетъ
Дѣлиться тѣмъ, что грудь переполняетъ,
Тѣмъ, что Гюльнара чувствуетъ. Пускай
Преступенъ ты... Но это сердце, знай,
Твое; тебя благодаритъ, жалѣетъ,
Безумно любитъ и любя робѣетъ.
Не отвѣчай. Не повторяй, молю,
Что ты другую любишь, что люблю
Я безнадежно. Пусть то сердце страстно,
Какъ у Гюльнары, пусть она прекрасна,
Прекраснѣе меня, но я пошла
Въ опасность, а она-бъ изнемогла.
О, если-бъ ты былъ дорогъ ей безцѣнно,
Иль я была твоею неизмѣнно,
И здѣсь одинъ ты не остался-бъ. Стать
Подругою твоей, чтобъ отпускать
Тебя въ моря! Нѣтъ мѣста близъ корсара
Подобной нѣженкѣ... Но... для удара
Мечъ занесенъ надъ нашей головой
О, если ты силенъ еще душой
И ждешь свободы... Вотъ кинжалъ. Готово.
Вставай. Иди за мною!"
„А оковы?
Съ подобнымъ украшеньемъ на ногахъ,
Среди людей, уснувшихъ на часахъ,
Я проскользну, по твоему, свободно?
Нѣтъ, эта цѣпь для бѣгства непригодна.
И не для битвъ ножа клинокъ стальной".
„О, маловѣрный! Знай, вся стража мной
Подкуплена; по одному лишь взгляду
Она на бунтъ готова за награду.
Одинъ лишь знакъ, и цѣпь съ тебя спадетъ.
Я потому съ тобой, что тамъ—оплотъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ мы видались,—я успѣла
Весь замыселъ мой выполнить умѣло.
Преступна я, виновна, можетъ быть,
Но для тебя ужели грѣхъ свершить
Такое зло? И это-ль преступленье?
Или Сеидъ не заслужилъ отмщенье?

Онъ ненавистный деспотъ, извергъ злой.
Пусть кровь его прольется! Что съ тобой?
Ты содрогнулся! Я не та, что ранѣ.
Но я пашой унижена, въ обманѣ
Обвинена жестоко: до сихъ поръ,
Мнѣ былъ невнятенъ этотъ приговоръ,
Я все таки вѣрна была Сеиду.
Да, смѣйся, я не вызвала обиду.
Я не была предательницей, вѣрь
И не былъ ты мнѣ дорогъ, какъ теперь.
Но онъ сказалъ... ревнивецъ, злой мучитель...
Самъ подстрекатель, самъ и обвинитель.
Той участи достоинъ онъ вполнѣ,
Что самъ предрекъ со злобою ко мнѣ.
Онъ дорого купилъ меня когда-то;
Вѣдь сердца не прельстила эта плата,
Его не купишь. Все-жъ, мирясь съ судьбой,
Ему была я вѣрною рабой.
Но онъ твердилъ, что если-бъ запоздала
Его подмога,—я-бъ съ тобой бѣжала.
Вѣдь это ложь. О, горе всѣмъ такимъ
Пророкамъ! Пусть предвѣстьемъ станутъ злымъ
Всѣ ихъ слова и правдой—оскорбленья!
Отсрочить казнь не помогли моленья.
Вся эта милость только потому,
Что онъ тебѣ и сердцу моему
Готовилъ пытки. Мнѣ грозитъ онъ тоже,
Но страсть паши одна меня для ложа
Его хранитъ, и онъ меня щадитъ.
Когда-жъ моею красотой Сеидъ
Пресытится,—за пресыщеньемъ вскорѣ
Меня, я знаю, ждетъ мѣшокъ и море.
Иль для капризныхъ прихотей паши
Я жалкая игрушка безъ души,
Мила пока не стерлась позолота?
Увидѣвши тебя, я безъ отчета
Люблю! Тебѣ обязана я всѣмъ.
Хочу тебя спасти я, хоть затѣмъ,
Чтобъ показать признательность рабыни.
Но если-бъ онъ не угрожалъ мнѣ нынѣ
Ни смертью, ни безславіемъ (а онъ
Обѣтъ свой сдержитъ, гнѣвомъ распаленъ)
Тебя спасая, я бы пожалѣла
Пашу. Теперь—твоя Гюльнара! Смѣло
Иду на все. Меня не любишь ты,
Не знаешь. Если-жъ знаешь,—то черты
Дурныя. Ненависть къ пашѣ, а съ нею
Любовь къ тебѣ—впервые я лелѣю.
О, если-бъ ты повѣрить чувству могъ!
Вѣрь, тотъ огонь, который ты зажегъ
Въ груди восточной дѣвы, онъ, конечно,
Тебя не испугалъ бы; онъ бы вѣчно
Тебѣ служилъ надежнымъ маякомъ.
Онъ въ гавань путь укажетъ намъ тайкомъ.
Тамъ ждетъ корабль Майнотскій. Но въ покоѣ,
Черезъ который проскользнемъ мы двое,
Заснулъ Сеидъ, мучитель нашъ Сеидъ.

Не встанетъ онъ; пускай онъ вѣчно спитъ".
„Гюльнара! О, Гюльнара! Я донынѣ
Не чувствовалъ паденія въ гордынѣ
Увядшей славы, горестной судьбы.
Сеидъ—мой врагъ. Разбилъ въ пылу борьбы
Весь мой отрядъ, не помогла защита,
И я пришелъ отмстить врагу открыто,
На бригѣ боевомъ. Мечемъ его
Я поразить стремился: таково
Мое оружье... Но кинжалъ! Украдкой!
Кто женщину спасаетъ среди схватки,
На спящаго онъ ножъ не занесетъ.
Спасъ жизнь тебѣ я съ радостью, и вотъ,
Меня ты заставляешь слишкомъ рано
Въ поступкѣ добромъ каяться нежданно.
Теперь прости. Я сердцу твоему
Желаю мира. Ночь хоронитъ тьму,
Послѣдняя ночь отдыха Конрада".
„Ночь отдыха! А утромъ прочь пощада!
Въ ужасной пыткѣ жилы задрожатъ,
И члены въ страшныхъ корчахъ затрещатъ.
Ужъ колъ готовъ. Я слышала... видала...
Я за тебя и за себя страдала.
Приказъ при мнѣ былъ отданъ палачу
Но не могу я... нѣтъ, я не хочу,
Корсаръ, увидѣть казнь твою! Съ тобою
Теперь одной я скована судьбою.
Погибнешь,—я погибну, какъ и ты.
Любовь моя, жизнь, ненависть, мечты
Все, все теперь въ ударѣ смѣломъ слиты,
Иначе казнь и будемъ мы убиты.
Побѣгъ немыслимъ. Но отмщенъ, замретъ
Моихъ обидъ невыносимый гнетъ,
И юность. О, томительные годы!
Одинъ ударъ и вспыхнетъ свѣтъ свободы.
Но если ножъ позорнѣй, чѣмъ поджогъ,
Пусть испытаетъ руку мнѣ клинокъ.
Подкуплена вся стража, мигъ и властно
Все кончено. Иль снова безопасно
Мы встрѣтимся, иль навсегда прощай.
Коль мнѣ рука сейчасъ измѣнитъ, знай
Заря покроетъ тучею свинцовой
Твой эшафотъ и саванъ мой суровый".

IX.

И прежде, чѣмъ отвѣтилъ онъ, Гюльнара
Исчезла. Но пытливый взглядъ корсара
Слѣдилъ за ней. Онъ цѣпь свою собралъ,
Дабы безмолвье звонъ не нарушалъ.
Засовъ, рѣшетка—путь не преграждаютъ.
Онъ вслѣдъ спѣшитъ, насколько позволяютъ
Окованные члены. Темнота.
Извилистъ путь. И глушь и пустота.
Куда ведетъ проходъ,—корсаръ не знаетъ,
Едва-едва вдали огонь мерцаетъ.
Идти туда, иль дальше отъ него?



НО ВОТЪ И МЫСЪ УГРЮМЫЙ И ВЫСОКІЙ.

(The cape where lost he anchor'd).

Рис. Уоррена (H. Warren), грав. Э. Финдена (E. Finden).

Въ удачѣ—счастье. Вотъ въ лицо его
Пахнула свѣжесть утра. Галлерея
Открытая предъ нимъ. Вдали, алѣя,
Встаетъ заря, и въ розовомъ огнѣ
Звѣзда блеститъ и таетъ въ вышинѣ.
Увы, ее едва онъ замѣчаетъ.
Изъ одинокой комнаты мерцаетъ
Ему въ глаза другой огонь теперь.
Конрадъ идетъ. Полуоткрыта дверь.
Лучъ свѣта только виденъ тамъ. Мгновенье,
И вотъ оттуда, быстро, какъ видѣнье,
Скользитъ фигура. Замерла... Глядитъ...
Она! Кинжала нѣтъ... Спокоенъ видъ...
Смягчилось сердце и не допустило
Убить врага. Онъ смотритъ вновь. Затмила
Ей злоба дикій взглядъ. Спѣшитъ она
Откинуть кудри, пышно, какъ волна,
Покрывшія лицо и грудь... И мнилось,—
Она, дрожа, отъ ужаса склонилась
Надъ тѣмъ, что ей внушало страхъ сейчасъ.
Но вотъ скрестились взоры этихъ глазъ.
На лбу ея... не знала... позабыла...
Пятно. Оно Конрада поразило.
Едва стоитъ онъ. О, жестокій слѣдъ
Убійства! Кровь! Да, кровь, сомнѣнья нѣтъ!

X.

Онъ видѣлъ битвы. Онъ въ уединеньѣ
Не рѣдко представлялъ себѣ мученья,
Которыя преступнику грозятъ,
Но вынесъ искушеніе. Конрадъ
Отвергъ его. Онъ, можетъ быть, съ цѣпями

Пойдетъ на смерть. Но ни въ борьбѣ съ врагами,
Ни плѣннымъ, средь раскаянья и мукъ,
Онъ никогда такъ не дрожалъ, какъ вдругъ
Затрепеталъ предъ этимъ темно-краснымъ
Пятномъ на лбу, свидѣтельствомъ ужаснымъ.
Чуть видная преступная черта,
Но ей на вѣкъ убита красота.
Не разъ онъ видѣлъ кровь... въ бою... Открыто
Глядѣлъ,—мужской рукой она пролита.

XI.

...Свершилось все... Чуть не проснулся онъ.
Все кончено. Конрадъ! Онъ умерщвленъ.
Ты дорого достался. Но за дѣло!
Прочь! Прочь отсюда! Утро заалѣло—
Ужъ цѣлый день корабль насъ ждетъ. Спѣшимъ!
Къ товарищамъ оставленнымъ твоимъ
Примкнутъ всѣ тѣ, кого я подкупила.
Я оправдаюсь въ томъ, что я убила
Позднѣй... Когда нашъ парусъ налитой
Покинетъ край на вѣки проклятой".

XII.

Она въ ладоши бьетъ, и въ галлерею
Бѣгутъ, спѣшатъ подкупленные ею
Приверженцы: и черный мавръ, и грекъ,
Готовые на дерзостный побѣгъ.
Безмолвно, быстро тягостныя звенья
Расковываютъ. Плѣнника движенья
Не связаны. Какъ вѣтеръ дикихъ горъ,
Свободенъ онъ, но грудь его и взоръ
Такъ горестны, какъ будто цѣпью ржавой
Сковали сердце, полное отравой.
Безъ слова знакъ даетъ она, и вотъ
Открыта дверь,—на берегъ тайный ходъ.
Оставленъ городъ. Быстры и безмолвны,
Они достигли берега, гдѣ волны
На золотистой отмели шумятъ.
Гюльнара знакъ даетъ ему. Конрадъ
За ней спѣшитъ, холодный и послушный,
Къ свободѣ, какъ къ измѣнѣ равнодушный:
Сопротивленье тщетно все равно,
Какъ если-бъ былъ здѣсь съ ними заодно
Сеидъ, прельщенный казнью безпощадной,
Придуманною яростью злорадной.

XIII.

Они на бригѣ. Вѣтеръ надуваетъ
Ихъ легкій парусъ. Память воскрешаетъ
Конраду рядъ картинъ пережитыхъ,
Онъ погрузился въ созерцанье ихъ.
Но вотъ и мысъ угрюмый и высокій.
Въ послѣдній разъ тамъ, въ гавани глубокой
Онъ бросилъ якорь свой. Короткій срокъ
Минулъ съ тѣхъ поръ, но, мнится, вѣкъ протекъ.

Когда-же тѣнь вершины одинокой
Нахмурилась надъ мачтою высокой,
Пиратъ, лицо закрывши, горевалъ,
Пока корабль тотъ мысъ не миновалъ.
Онъ думалъ о Гонзальво, объ отрядѣ,
О краткомъ торжествѣ. Съ тоской во взглядѣ
О ней, далекой, одинокой онъ
Задумался... Очнулся... Пораженъ:
Передъ глазами гордаго корсара
Убійца, имъ спасенная Гюльнара.

XIV.

И пристально, и долго наблюдала
Она его лицо. Но силъ не стало
Переносить и леденящій взглядъ,
И сумрачность, которой полнъ Конрадъ.
Лицо ея давно уже безслезно,
Лить слезы вновь и осушать ихъ—поздно.
Предъ нимъ колѣни тихо преклоня,
Она сжимаетъ руку... „Ты меня
Простишь, хотя-бъ Аллахъ судилъ жесточе!
Что сталось бы, не будь въ минувшей ночи
Злодѣйства! Но жалѣй меня теперь,
Вѣдь я не та, какой кажусь. О, вѣрь,
Ночь ужаса мой разумъ помутила.
Не мучь меня! Когда-бъ я не любила,
Я не была-бъ виновна, но тогда
Ты не былъ бы въ живыхъ. Твоя вражда
Меня бы не терзала такъ сурово,
Какъ въ этотъ часъ. Но я на все готова".

XV.

Она ошиблась въ помыслахъ пирата.
Виной онъ самъ,—она не виновата.
Не онъ-ли ей невольно причинилъ
Страданіе! Но мысли, что таилъ
Онъ какъ въ темницѣ въ сердцѣ молчаливо,
Тамъ кровью истекали сиротливо.
Корабль скользитъ. Имъ все благопріятно;
Зыбь не грозна, погода благодатна.
Чуть бьетъ въ корму лазурная волна,
На горизонтѣ точка чуть видна,—
Быть можетъ, вышка мачты отдаленной
И палуба съ толпой вооруженной?
Ужъ вахтенные видны вдалекѣ.
Но легокъ бригъ, а вѣтерокъ въ тоскѣ
Напрасно ищетъ паруса сильнѣе.
Корабль скользитъ... все ближе, все виднѣе...
Зіяютъ пушки. Грудь его остра.
Вотъ молнія сверкнула. Свистъ ядра...
Оно надъ носомъ брига пролетѣло,
Ревя, въ волну вонзилось, зашипѣло.
Очнулся отъ безмолвія Конрадъ,
И бодростью опять зажегся взглядъ.
„Вѣдь это мой, мой флагъ кроваво-красный!
Опять! Опять! Дружиной мнѣ подвластной

Я не совсѣмъ покинутъ!“ И сигналъ
Они узнали. Дружно отвѣчалъ
Весь экипажъ привѣтомъ властелину.
Вотъ паруса убрали въ половину,
Спустили шлюпку... „Нашъ Конрадъ! Конрадъ!“
Раздался крикъ. Восторгъ не охладятъ
Ни мысль, ни долгъ повиновенья твердый.
На свой корабль, съ осанкой смѣлой, гордой,
Легко и ловко вождь вступилъ опять.
Они не могутъ радости унять—
На лицахъ всѣхъ улыбки. Рвутся руки
Къ объятіямъ. Почти забывъ всѣ муки,
Онъ ихъ, какъ вождь, привѣтствуетъ и жметъ
Ансельмо руку. Вновь онъ сознаетъ,
Что сталъ вождемъ ихъ властнымъ и что слѣдомъ
За нимъ пойдутъ опять они къ побѣдамъ.

XVI.

Но вспышку чувствъ смѣняетъ мигъ покоя.
Жаль одного—онъ возвращенъ безъ боя.
Пираты вышли въ море, чтобъ отмстить,
И знай они, что подвигъ совершить
Рука отважной женщины успѣла,
Они бъ ее превознесли за дѣло
Царицей: выборъ средствъ для нихъ не могъ
Быть такъ ужъ строгъ, какъ для вождя былъ строгъ.
Вокругъ Гюльнары всѣ они столпились,
Шептались, улыбались и дивились.
Она была и ниже въ этотъ мигъ,
Чѣмъ полъ ея, и выше. Блѣдный ликъ
Ихъ взгляды и вниманіе смущали,
Хотя ее и кровь не испугала.
Она глядитъ съ безмолвною мольбой
Въ глаза Конрада, скрывъ лицо фатой,
Скрестивши руки. Онъ спасенъ. А далѣ
Пускай судьба рѣшаетъ. Но едва ли
Не худшее безумья самого
Наполнило ей сердце, оттого
Что женщиной Гюльнара оставалась,
Свершивши преступленье. Совмѣщались
Въ ея груди добро и зло, любовь
И ненависть, бунтующая кровь.

XVII.

Конрадъ все это понялъ и тревожно
Почувствовалъ—что было непреложно—
Къ ея поступку ненависть, а къ ней,
Къ ея печали—жалость. Слезъ ручей
Ея злодѣйство смыть не въ состояньѣ
И небо ей готовитъ наказанье.
Но дѣло свершено. Онъ твердо зналъ,
Что кровью обагренъ ея кинжалъ
Лишь для него; Гюльнара виновата,
Но чтобъ вернуть свободу для пирата;
Она все смѣло въ жертву принесла,
Чѣмъ на землѣ пожертвовать могла

А болѣе—на небѣ. Къ темноокой
Невольницѣ, предъ нимъ въ тоскѣ глубокой,
Потупившей глаза свои, Конрадъ
Взоръ обратилъ. Лицо ея и взглядъ
Уже не тѣ: она какъ бы увяла;
Ей щеки блѣдность мрачно измѣняла,
Она была особенно сильна
Вокругъ кроваво-краснаго пятна,
Свидѣтельства убитаго злодѣя.
Онъ руку взялъ. Гюльнара, пламенѣя,
Затрепетала; въ страсти такъ нѣжна,
А въ ненависти злобна и сильна,
Ея рука утратила всю твердость,—
Тонъ голоса Конрада—мощь и гордость.
„Гюльнара"! Нѣтъ отвѣта... „Дорогая
Гюльнара"! И она глядитъ, сіяя,
И падаетъ безъ силъ ему на грудь.
Конрадъ не могъ Гюльнару оттолкнуть,
Иначе сердцемъ былъ бы несомнѣнно
Онъ выше, или ниже несравненно,
Чѣмъ родъ людской. Но къ худу, или нѣтъ,
Онъ ей открылъ объятія въ отвѣтъ.
И еслибъ не предчувствіе, грозила
Послѣдней добродѣтели могила.
Но даже и Медора, можетъ быть,
Тотъ поцѣлуй могла ему простить.
Иной измѣны въ немъ не проявилось:
Онъ—первый и послѣдній, что рѣшилась
У вѣры слабость взять съ прекрасныхъ устъ,
Дышавшихъ полнотою страстныхъ чувствъ;
Струили вздохи ихъ благоуханья,
Навѣянныя свѣжестью лобзанья.

XVIII.

Ужъ сумерки. Улыбкой озаренный
Ихъ островъ ждетъ вдали уединенный
И скалы. Тамъ, надъ гаванью, стоитъ
Веселый гулъ. Свѣтъ маяка блеститъ
Съ знакомыхъ мѣстъ. Въ излучинахъ залива
Чернѣютъ лодки. Брызгаясь игриво,
Дельфины плещутъ. Даже птицъ морскихъ
Пронзительный и рѣзкій крикъ для нихъ
Звучитъ роднымъ и ласковымъ привѣтомъ,
И каждое окно, сіяя свѣтомъ,
Манитъ къ себѣ, и мысль рисуетъ тамъ
Друзей, огни по мирнымъ очагамъ—
Надежды взглядъ изъ пѣны океана!
Что сердцу ближе дружескаго стана!?

XIX.

Огни въ жильѣ, на маякѣ высокомъ,
Но тщетно свѣта въ замкѣ одинокомъ
Въ убѣжищѣ Медоры ищетъ онъ;
И видятъ всѣ, что замокъ погруженъ
Въ глубокій мракъ, а между тѣмъ, бывало,
Пловцовъ всегда привѣтствіе встрѣчало.

Огонь, быть можетъ, въ замкѣ не погасъ,
Но занавѣсъ скрываетъ свѣтъ отъ глазъ.
И на берегъ Конрадъ на первой лодкѣ мчится...
О, отчего онъ въ этотъ мигъ не птица!
О, какъ тягучъ, какъ дологъ веселъ взмахъ!
На соколиныхъ радостныхъ крылахъ
Стрѣлой бы онъ помчался на вершину!
Гребцы сложили весла, онъ въ пучину
Бросается... Плыветъ... Доплылъ .. Идетъ
Тропинкою знакомою впередъ.
Вотъ башни дверь. Онъ замеръ. Ни движенья
Нѣтъ извнутри. Ночь... мракъ и запустѣнье.
Стучитъ онъ... громче... Но ему въ отвѣтъ
Ни отзыва, ни эха нѣтъ и нѣтъ.
Онъ стукнулъ вновь. Рука его дрожала,
Она велѣньямъ сердца не внимала.
Вотъ, наконецъ, открыли дверь ему.
Знакомое лицо. Но не къ нему
Такъ онъ спѣшилъ. Движенье губъ безгласно.
И дважды онъ пытается напрасно
Задать вопросъ... Нѣтъ силъ произнести.
Хватаетъ лампу. Легче съ ней найти
Отвѣтъ на все,—она изъ рукъ упала,
Померкла. Здѣсь разумнѣй бы сначала
Зажечь ее, потомъ идти. Но нѣтъ,
Ждать лампу—все равно, что ждать разсвѣтъ.
Тамъ въ мрачномъ корридорѣ, на полу
Другая чуть мерцаетъ въ полумглу.
Вотъ онъ достигъ покоя и увидѣлъ
Все то, чего боялся, но предвидѣлъ.

XX.

Онъ не бѣжалъ, не крикнулъ, не упалъ.
Онъ неподвижнымъ взоромъ созерцалъ
Ту, что въ его объятіяхъ дрожала.
И долго такъ смотрѣлъ, хоть грудь терзало
Отчаянье, какъ смотрятъ иногда,
Не вѣря, что безвыходна бѣда.
Она была и въ жизни такъ прекрасна
И такъ тиха, что смерть сама безгласно
Въ ея лицѣ почила, и цвѣты
Холодные застывшіе персты
Сжимали въ безотчетномъ напряженьѣ,
Какъ будто то капризъ былъ, сновидѣнье,
И рано плакать въ горести нѣмой.
Рѣсницы длинной, темной бахромой,
Поблекнувшія вѣки окаймляли,
Внушая страхъ къ тому, что закрывали.
О, смерти власть сильнѣй всего видна
Въ глазахъ, изъ нихъ весь блескъ души она
Сгоняетъ прочь! Въ глубокія орбиты
На вѣкъ зеницы голубыя скрыты,
Но прелесть все-жъ хранятъ ея уста
И въ нихъ дрожитъ улыбки красота,
И отдохнуть хотятъ они мгновенье.
На бѣлый саванъ пали безъ движенья

Вотъ онъ достигъ покоя и увидѣлъ
Все то, чего боялся, но предвидѣлъ.

His steps the chamber gain—his eyes behold
All that his heart believed not—yet forehold

Рисунокъ Мадокса Брауна (Ford Madox Brown).

Извивы косъ, которыми игралъ
Весной Зефиръ и нѣжно вырывалъ
Изъ-подъ вѣнка и ласковаго плѣна.
Теперь они и щеки—жертва тлѣна.
Она—ничто. Зачѣмъ онъ здѣсь?

XXI.

Но онъ
Не спрашивалъ: отвѣтъ былъ заключенъ
Въ ея челѣ, какъ мраморъ, нѣжно-бѣломъ.
Довольно! Смерть! Онъ сердцемъ охладѣлымъ
Не смѣлъ пытать, какъ было и когда?
Страсть юности, на лучшіе года
Надежды, ключъ нѣжнѣйшихъ попеченій
И радостей, изъ всѣхъ земныхъ твореній
Единое, которое не могъ
Онъ ненавидѣть,—вдругъ похитилъ рокъ.
Онъ заслужилъ судьбу свою, но это
Не облегчаетъ боль. Желая свѣта,
Стремится въ высь прекрасная душа,
Куда для злой нѣтъ доступа. Грѣша,
Всю радость сердца, гордый и надменный,
Онъ видитъ лишь въ утѣхахъ жизни тлѣнной,
Ему для слезъ земли довольно. Онъ
Теряетъ то, чѣмъ въ жизни былъ плѣненъ,
Бездѣлицу. Средь смертныхъ есть едва-ли
Утратившій всѣ блага безъ печали.
Какъ часто ликъ стоическій и взглядъ
Скрываютъ скорбь страдальческихъ утратъ,
И сколько думъ живыхъ, но истощенныхъ
Скрываются въ улыбкахъ напряженныхъ.

XXII.

Кто чувствуетъ всѣхъ глубже и сильнѣй,
Тотъ смутный бредъ больной души своей
Туманно и неясно выражаетъ.
Онъ бездну думъ въ одну лишь мысль сливаетъ,
Она спасенье ищетъ отъ другихъ,
Но нѣтъ его, покоя нѣтъ отъ нихъ.
Для тайнъ души безсильно-жалко слово,
И въ краснорѣчьи истина сурово
Отказываетъ горю. Такъ Конрадъ
Былъ горемъ отравляющимъ объятъ.
Безсиліе съ покоемъ въ немъ сравнялось.
Онъ такъ былъ слабъ, что влагой слезъ сказалась
Въ немъ нѣжность сердца матери, и онъ
Заплакалъ, какъ ребенокъ, удрученъ,
Вся немощь духа, скорбь не облегчая,
Излилась въ нихъ. Никто о нихъ не зная,
Не видѣлъ ихъ, иначе бы не могъ
Прорваться безполезный ихъ потокъ;
Онѣ текли не долго. Даже прежде,
Чѣмъ съ сердцемъ, чуждымъ жизни и надежды
Уйти, онъ осушилъ ихъ. Вотъ блеснулъ
Восхода лучъ, но мрака не спугнулъ
Съ души его. Ночь для него настала.
Нѣтъ мглы, чтобъ все сильнѣе затмевала,
Чѣмъ та, которой скорбь окружена.
Нѣтъ слѣпоты ужаснѣе. Она
Не можетъ и поднять не смѣетъ ока,
И, уклоняя въ сторону далеко,
Туда, гдѣ тѣнь страшнѣй всѣхъ тайниковъ,
Не терпитъ никакихъ проводниковъ.

XXIII.

Для нѣжности Конрада сердце расцвѣтало,
Но уклонилось къ злу и вотъ узнало
Измѣну слишкомъ рано. Долго былъ
Обманутъ онъ. Но падаетъ безъ силъ
Святое чувство и отвердѣваетъ,
Какъ та роса, что сводъ пещеръ роняетъ;
Не столь, быть можетъ, свѣтлые, прошли
Всѣ испытанія тяжкія земли,
Срывалися, хладѣли, каменѣли,—
Но вихрь и бури грозно налетѣли,
И расколола молнія утесъ.
Онъ сердцемъ ту же бурю перенесъ
И эта буря въ прахъ его разбила.
Разбивъ гранитъ, обваломъ придавила
И лиліи плѣнительный цвѣтокъ,
Что нѣжно росъ, далекій отъ тревогъ,
Въ его тѣни подъ неподвижнымъ скатомъ.
И отъ цвѣтка съ невиннымъ ароматомъ
Не сохранилось листика, чтобъ могъ
Все разсказать. Поникъ, завялъ цвѣтокъ.
Въ обломкахъ на землѣ лежитъ безплодной
Утесъ, цвѣтокъ хранившій благородный.

. . . . . И цвѣты
Сжимала въ безотчетномъ напряженьѣ.

And the cold flowers her colder hand contain'd
In that late grasp as tenderly were stain'd

Рис. Э. Корбу (*Edward Corbould*), *грав. Кукъ* (*H. Cook*).

XXIV.

Вотъ утро. Но вождя уединенье
Не нарушаетъ дерзкое вторженье.
Одинъ Ансельмо входитъ въ башню: тамъ
Конрада нѣтъ и нѣтъ по берегамъ.
И до ночи, тревогою объяты,
Обходятъ островъ вѣрные пираты.
Другое утро вновь зоветъ искать
И дорогое имя повторять.
„Конрадъ"! Имъ эхо вторитъ безучастно.
Пещеры, горы, долы,—все напрасно
Обыскано. На берегу морскомъ
Находятъ ботъ; разбита цѣпь на немъ.
И снова ихъ надежда засіяла.
Они пустились въ море. Но смѣняла
Луна луну,—его все нѣтъ и нѣтъ.
Пропала вѣсть, пропалъ и самый слѣдъ.
Гдѣ скорбь его томилась? Гдѣ почило
Отчаянье? И долго такъ грустила
Лихая шайка о вождѣ. А ей,
Его подругѣ вѣрной, мавзолей
Они воздвигли, но ему не смѣли
Поставить камня. Можетъ быть, деселѣ
Онъ живъ еще. А славныя дѣла
Извѣстны всѣмъ: молва ихъ разнесла.
Гремѣть въ вѣкахъ Конрада имя будетъ,
Грядущее дѣянія разсудитъ.
Имѣлъ одну лишь добродѣтель онъ,
А преступленьемъ былъ отягощенъ.

А. М. Ѳедоровъ.

ГРОБНИЦА МЕДОРЫ (Medora's Tomb).
Рис. Уоррена (H. Warren), грав. Э. Финдена (E. Finden).

Ода къ Наполеону Бонапарту.

(Ode to Napoleon Buonaparte).

Expende Annibalem:—quot libras in duce summo invenies?
Juvenal, Sat. X.

Взвѣсимъ прахъ Ганнибала: много ль окажется фунтовъ
Въ грозномъ вождѣ?
Ювеналъ.

Императоръ Непотъ былъ признанъ сенатомъ, италійцами и жителями Галіи; его громко славили за нравственныя добродѣтели и за военныя дарованія; тѣ, кому его правленіе обѣщало какія-либо выгоды, пророчески возвѣщали всеобщаго благополучія... Позорнымъ отреченіемъ продлилъ онъ свою жизнь лѣтъ на пять, которыя провелъ въ неопредѣленномъ положеніи полу-императора, полу-изгнанника, пока, наконецъ...
Гиббонъ. „Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи".

I.

Все кончено! Вчера, вѣнчанный
Владыка, страхъ царей земныхъ,
Ты нынче—обликъ безымянный!
Такъ низко пасть, и быть въ живыхъ!
Ты ль это, раздававшій троны,
На смерть бросавшій легіоны?
Одинъ лишь Духъ съ высотъ такихъ
Былъ свергнутъ Божіей десницей:
Тотъ—ложно названный Денницей!

II.

Безумецъ! Ты былъ бичъ надъ тѣми,
Кто выи предъ тобой клонилъ.
Ослѣпшій въ яркой діадемѣ,
Другимъ открыть глаза ты мнилъ!
Ты могъ бы одарять богато,
Но всѣмъ платилъ единой платой
За вѣрность: тишиной могилъ.
Ты доказалъ намъ, что возможно
Тщеславіе въ душѣ ничтожной.

III.

Благодаримъ! примѣръ жестокій!
Онъ больше значитъ для вѣковъ,
Чѣмъ философіи уроки
Чѣмъ поученья мудрецовъ.
Отнынѣ блескъ военной власти
Не обольститъ людскія страсти,
Палъ навсегда кумиръ умовъ.
Онъ былъ, какъ всѣ земные боги:
Изъ бронзы—лобъ, изъ глины—ноги.

IV.

Веселье битвъ, ихъ пиръ кровавый,
Громоподобный кличъ побѣдъ,
Мечъ, скипетръ, упоенье славы,
То, чѣмъ дышалъ ты много лѣтъ,
Власть, предъ которой міръ склонился,
Съ которой гулъ молвы сроднился,—
Исчезло все, какъ сонъ, какъ бредъ.
А! мрачный духъ! что за терзанье
Твоей душѣ—воспоминанье!

V.

Ты сокрушенъ, о сокрушитель!
Ты, побѣдитель, побѣжденъ!
Безсчетныхъ жизней повелитель
Молить о жизни принужденъ!
Какъ пережить позоръ всесвѣтный?
Ты вѣришь ли надеждѣ тщетной,
Иль только смертью устрашенъ?
Но—пасть царемъ иль снесть паденье...
Твой выборъ смѣлъ до отвращенья!

VI.

Грекъ, разломившій дубъ руками,
Расчесть послѣдствій не съумѣлъ:
Стволъ сжался вновь, сдавилъ тисками
Того, кто былъ надменно смѣлъ.
Къ стволу прикованъ, тщетно звалъ онъ...
Лѣсныхъ звѣрей добычей сталъ онъ...
Таковъ, и горше, твой удѣлъ!
Какъ онъ, ты вырваться не можешь.
И самъ свое ты сердце гложешь!

VII.

Сынъ Рима, сердца пламень жгучій
Заливъ кровавою рѣкой,
Отбросилъ прочь свой мечъ могучій,
Какъ гражданинъ ушелъ домой.
Ушелъ въ величіи суровомъ
Съ презрѣніемъ къ рабамъ, готовымъ
Терпѣть владыку надъ собой.
Отвергъ вѣнецъ онъ добровольно:
Для славы—этого довольно!

VIII.

Испанецъ, властью небывалой
Какъ ты упившись до конца,
Оставилъ міръ для кельи малой,
Смѣнилъ на четки блескъ вѣнца.
Міръ ханжества и міръ обмана
Не выше, чѣмъ престолъ тирана,
Но самъ презрѣлъ онъ шумъ дворца,
Самъ выбралъ—рясу и обѣдни,
Да схоластическія бредни.

IX.

А ты!—ты медлилъ на престолѣ,
Изъ рукъ своихъ далъ вырвать громъ,
По приказанью, по неволѣ
Простился ты съ своимъ дворцомъ!
Ты былъ надъ вѣкомъ злобный геній,
Но зрѣлище твоихъ паденій
Багритъ лицо людей стыдомъ.
Вотъ для кого служилъ подножьемъ
Міръ, сотворенный духомъ Божьимъ!

X.

Кровь за тебя лилась потокомъ
А ты своей такъ дорожилъ!
И предъ тобой-то, какъ предъ Рокомъ
Колѣна сонмъ князей клонилъ!
Еще дороже намъ свобода,
Съ тѣхъ поръ, какъ злѣйшій врагъ народа
Себя всемірно заклеймилъ!
Среди тирановъ ты безславенъ,
А кто изъ нихъ съ тобой былъ равенъ?

XI.

Тебя Судьба рукой кровавой
Вписала въ лѣтопись временъ.
Лишь бѣгло озаренный славой,
Твой ликъ навѣки омраченъ.
Когда бъ ты палъ, какъ царь, въ порфирѣ,
Въ вѣкахъ грядущихъ могъ бы въ мірѣ
Возстать другой Наполеонъ.
Но лестно ль—какъ звѣзда надъ бездной
Сверкнуть, и рухнуть въ мракъ беззвѣздный?

XII.

На вѣсъ не тоже ль: груда глины
И полководца бренный прахъ?
Насъ Смерть равняетъ въ часъ кончины,
Всѣхъ, всѣхъ на праведныхъ вѣсахъ.
Но хочешь вѣрить, что въ героѣ
Пылаетъ пламя неземное,
Плѣняя насъ, внушая страхъ,
И горько, если смѣхъ презрѣнья
Казнитъ любимца поколѣнья.

XIII.

А та, цвѣтокъ австрійскій гибкій...
Такая ль доля снилась ей!
Она ль должна сносить съ улыбкой
Всѣ ужасы судьбы твоей!
Дѣлить твои въ изгнаньи думы,
Твой поздній ропотъ, стонъ угрюмый,
О, съ трона свергнутый злодѣй!
Когда она съ тобою все же,—
Всѣхъ діадемъ она дороже!

XIV.

Сокрывъ на Эльбу стыдъ и горе,
Слѣди съ утесовъ волнъ стада.
Ты не смутишь улыбкой море:
Имъ не владѣлъ ты никогда!
Въ унынья часъ, рукой небрежной,
Отмѣть на отмели прибрежной,
Что міръ свободенъ навсегда!
И стань примѣромъ жалкой доли,
Какъ древній „Діонисій въ школѣ“.

XV.

Въ твоей душѣ горитъ ли рана?
Что за мечтами ты томимъ
Въ желѣзной клѣткѣ Тамерлана?
Одной, одной! „міръ былъ моимъ!“
Иль ты, какъ деспотъ Вавилона,
Утратилъ смыслъ съ утратой трона?
Иначе какъ же быть живымъ
Тому, кто къ цѣли былъ такъ близко—
Такъ много могъ,—и палъ такъ низко!

XVI.

О, еслибъ ты, какъ сынъ Япета,
Безстрашно встрѣтилъ вихри грозъ,
Съ нимъ раздѣливъ на краѣ свѣта
Знакомый коршуну утесъ!
А нынѣ надъ твоимъ позоромъ
Хохочетъ тотъ съ надменнымъ взоромъ,
Кто самъ паденья ужасъ снесъ,
Остался въ преисподней—твердымъ,
И умеръ бы,—будь смертенъ,—гордымъ!

ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ ЛУИЗА.

Гравюра по бюсту Бозіо (Marie Louise, after a bust from life by Bosio).

XVII.

Былъ день, былъ часъ: вселенной цѣлой
Владѣли галлы, ими—ты.
О если бъ въ это время, смѣло,
Ты самъ сошелъ бы съ высоты!
Маренго ты бъ затмилъ сіянье!
Объ этомъ днѣ воспоминанья
Всѣ пристыдило бъ клеветы,
Вокругъ тебя разсѣявъ тѣни,
Свѣтя сквозь сумракъ преступленій!

XVIII.

Но низкой жаждой самовластья
Твоя душа была полна.
Ты думалъ: на вершину счастья
Взнесутъ пустыя имена!
Гдѣ жъ пурпуръ твой, поблекшій нынѣ?
Гдѣ мишура твоей гордыни:
Султаны, ленты, ордена?
Ребенокъ бѣдный! жертва славы!
Скажи,—гдѣ всѣ твои забавы?

XIX.

Но есть ли межъ великихъ вѣка,
На комъ покоить можно взглядъ,
Кто высить имя человѣка,
Предъ кѣмъ клеветники молчатъ?
Да, есть! Онъ—первый, онъ—единый!
И зависть чтитъ твои сѣдины,
Американскій Цинцинатъ!
Позоръ для племени земного,
Что Вашингтона нѣтъ другого!

Валерій Брюсовъ.

PATRIAE

ЛАРА.

He stood a stranger in this breathing world,
An erring spirit from another hurled.

I.

Въ письмѣ къ Томасу Муру изъ Италіи (8-го іюня 1822 г.) Байронъ вспоминалъ объ обстоятельствахъ возникновенія „Лары" въ слѣдующихъ словахъ: „Я писалъ „Лару" въ разгаръ баловъ и всякихъ сумасбродствъ, по ночамъ, по возвращеніи изъ маскарадовъ и раутовъ..." Это было въ маѣ и іюнѣ 1814 года, когда Байронъ погружался въ вихрь лондонскаго „большого свѣта", незадолго до сватовства къ миссъ Мильбэнкъ, которая вскорѣ сдѣлалась его женою. Этотъ бракъ, какъ извѣстно, имѣлъ роковое значеніе въ жизни Байрона: онъ не принесъ поэту ничего, кромѣ горя и страданій, онъ разсорилъ его окончательно съ англійскимъ обществомъ и принудилъ покинуть Англію навсегда.

Для характеристики того настроенія, въ которомъ находился Байронъ въ такой, повидимому, радостный моментъ жизни, какъ сватовство, „Лара" даетъ интересный матеріалъ. Этотъ плодъ ночного вдохновенія, выдержанный въ сумрачномъ и безотрадномъ тонѣ, былъ грустной прелюдіей къ самому патетическому моменту байроновской жизни.

Сопоставляя своего „Лару" съ поэмой Роджерса „Жакелина", совмѣстно съ которой онъ былъ изданъ въ началѣ августа 1814 г., Байронъ видѣлъ въ произведеніи этого посредственнаго поэта „граціозность, мягкость и поэтичность", свою же поэму называлъ „двумя пѣснями мрака и унынія", въ которыхъ онъ „по-горло пресытился ужасами" (выраженіе Макбета, д. V, сц. 5)

И дѣйствительно, „мракомъ и унынiемъ" „Лара" выдѣляется даже среди однородныхъ, т. н. лирико-эпическихъ поэмъ Байрона, отличающихся вообще скорбнымъ и трагическимъ содержаніемъ. Въ большинствѣ этихъ поэмъ, однако, общее грустное впечатлѣніе все же умѣряется чудными картинами природы, на описаніи которыхъ авторъ видимо останавливается съ наслажденіемъ, или мелькающими по временамъ граціозными женскими образами, представляющими своею душевною цѣльностью отрадный противовѣсъ мучительному душевному разладу героя. Напротивъ того, въ „Ларѣ" картины природы почти отсутствуютъ, замѣняясь лишь небрежно набросанными эскизами ночного пейзажа, при таинственномъ свѣтѣ луны, такъ гармонирующемъ съ загадочнымъ сюжетомъ; что касается героини разсказа, выступающей подъ видомъ пажа Каледа, то ея характеръ почти столько же сумраченъ и трагиченъ, какъ и характеръ самого Лары.

Основному тону „мрака и унынія" вполнѣ соотвѣтствуетъ въ „Ларѣ" и общій коло-

„не сгоралъ любви и славы жаждой". Появляясь иногда среди феодальной аристократіи, онъ „въ душѣ не раздѣлялъ ни ихъ заботъ, ни шумнаго веселья". На празднествѣ графа Оттона, Лара, не вмѣшиваясь въ толпу, безучастно глядѣлъ на нее, „прислонившись къ высокой колоннѣ и скрестивъ на груди руки"—въ позѣ, сдѣлавшейся у многочисленныхъ подражателей Байрона почти обязательной для ихъ героевъ. Лара такой-же „мужъ одиночества и тайны", какъ и его ближайшій предшественникъ Конрадъ. Избѣгая человѣческаго общества, онъ проводитъ цѣлые дни въ лѣсу или въ твердыняхъ своего феодальнаго замка „безмолвенъ и унылъ", иногда съ раскрытой книгой и глазами, устремленными на человѣческій черепъ. Съ приближеніемъ ночи имъ овладѣваетъ безпокойство: онъ не находитъ себѣ мѣста въ мрачныхъ и темныхъ залахъ своего замка, гдѣ „тѣнь его блуждаетъ вмѣстѣ съ нимъ по стѣнамъ", увѣшаннымъ портретами предковъ и скудно освѣщеннымъ таинственнымъ свѣтомъ луны, проникающимъ сквозь росписныя окна. Здѣсь, въ полночный часъ, посѣщаютъ его видѣнія, которыя доводятъ его до обморока.

Въ этомъ тяжеломъ душевномъ состояніи Лара „наконецъ спуталъ понятія добра и зла и готовъ былъ акты своей воли счесть за дѣянія судьбы: слишкомъ благородный для того, чтобы отдаться вульгарноту эгоизму, онъ могъ иной разъ для блага другихъ пожертвовать своимъ благомъ, но вовсе не изъ состраданія и не по чувству долга, а по нѣкоторой странной извращенности мысли, которая подталкивала его съ затаенною гордостью къ совершенію того, чего никто не сдѣлалъ-бы или сдѣлали-бы лишь немногіе. Тотъ-же самый импульсъ могъ при случаѣ увлечь его душу одинаково и къ преступленію" (I, 18).

Потерявъ нравственное равновѣсіе, Лара представляетъ собою причудливую смѣсь отрицательныхъ и положительныхъ свойствъ: „въ немъ непонятнымъ образомъ смѣшались многія качества, какъ достойныя любви и пріязни, такъ и—ненависти и боязни" (I, 17). Онъ обладалъ способностью привязывать къ себѣ многихъ, ибо „сердце его не было жестокимъ отъ природы". По отношенію къ своимъ вассаламъ Лара былъ мягкимъ, гуманнымъ и щедрымъ властителемъ, а по отношенію къ слугамъ—ласковымъ и милостивымъ господиномъ. Онъ давно мечталъ объ отмѣнѣ рабства и провозгласилъ эту отмѣну, когда задумалъ поднять возстаніе въ краѣ противъ феодаловъ. Въ этомъ возстаніи онъ и погибаетъ, смѣшивая личные интересы съ общественными и до конца оставаясь непоколебимымъ и таинственнымъ.

IV.

Лара—одинъ изъ варіантовъ типа разочарованнаго идеалиста, оскорбленнаго въ своихъ лучшихъ чувствахъ, потерявшаго нравственное равновѣсіе и гордо замкнувшагося въ самомъ себѣ. „Его умъ, гнушаясь земной бренности, воздвигъ свой тронъ далеко отъ здѣшняго міра, въ своихъ собственныхъ сферахъ" (I, 18),—въ этихъ словахъ хорошо подчеркивается основное его идеалистическое настроеніе. Лара представляетъ промежуточное звено между предыдущими байроническими типами, съ одной стороны, и типами Манфреда и Каина—съ другой.

Между Ларою и Манфредомъ есть нѣсколько точекъ соприкосновенія. Ихъ образы рисуются намъ на различномъ фонѣ, но между ними существуетъ несомнѣнное духовное родство. Образъ Манфреда возстаетъ передъ нами на яркомъ фонѣ величественнаго альпійскаго пейзажа съ снѣговыми вершинами, неприступными скалами и низвергающимися въ бездну потоками; образъ Лары, напротивъ того, связывается въ нашемъ воображеніи съ представленіемъ о пустынныхъ и мрачныхъ залахъ готическаго замка, въ которыхъ въ лунную ночь гулко раздаются шаги мучительно-страдающаго человѣка, „похожаго на мертвеца". Манфредъ, какъ и самъ Байронъ въ періодъ созданія этого типа, находитъ себѣ извѣстное удовлетвореніе въ чувствѣ пантеистическаго общенія съ „вѣчною красою" природы; предшественникъ его Лара еще томится за душными стѣнами своего замка, ни въ чемъ не находя себѣ удовлетворенія. Оба уединились въ своихъ владѣніяхъ, проводя нерѣдко безсонныя ночи въ раздумьи и терзаніяхъ. Чисто манфредовскою чертою Лары является его жажда знанія:

> Онъ въ книги углубился, до того
> Лишь человѣкъ былъ книгою его.

Въ Ларѣ уже намѣчается образъ чернокнижника Манфреда, находящагося въ общеніи съ міромъ духовъ. Если Манфредъ является передъ читателемъ полу-человѣкомъ и полу-титаномъ, полу-смертнымъ и

полу-духомъ, и во всякомъ случаѣ существомъ, стоящимъ выше обычной человѣческой мѣрки, то уже въ Ларѣ сказывается стремленіе Байрона повести развитіе своего излюбленнаго типа въ этомъ направленіи, сблизивъ его съ сверхъ-чувственнымъ міромъ: „блуждающій духъ, низвергнутый изъ другого міра, онъ былъ чужимъ на нашей землѣ“ (I, 18). Въ образы Лары и Манфреда уже привходятъ черты будущаго байроновскаго Люцифера. Недаромъ Гете замѣчаетъ, что Лара „стоитъ на границѣ царства духовъ“. Онъ составляетъ переходную ступень къ „метафизическимъ“ типамъ Манфреда и Каина. Самъ Байронъ думалъ, что его Лара „слишкомъ метафизиченъ для того, чтобы нравиться массѣ читателей“. (Письмо къ Ли Гэнту I іюня 1815 г.).

Въ развитіи байроническаго типа замѣчается постепенное уменьшеніе эгоистическихъ чувствъ героевъ и нарастаніе въ нихъ чувствъ гуманистическихъ и альтруистическихъ. Послѣдняго рода мотивы берутъ рѣшительный верхъ въ „Каинѣ“, герой котораго является ходатаемъ и страдальцемъ за обездоленный человѣческій родъ. Каинъ—это новый Прометей, возмущающійся противъ Божества въ интересахъ человѣчества. Прометеевскія черты не чужды и Манфреду, а въ предшественникѣ его, Ларѣ, чувствуется уже приближеніе прометеевскаго настроенія, предвѣстниками котораго выступаютъ его гуманистическіе инстинкты, проявляющіеся и въ отношеніяхъ къ „меньшей братіи“, и въ попыткѣ свергнуть феодальное иго. Пусть къ его дѣйствіямъ въ послѣднемъ случаѣ примѣшиваются нѣкоторые эгоистическіе мотивы—желаніе отсрочить свое паденіе, но все-же онъ погибаетъ въ борьбѣ за общее дѣло освобожденія, въ противоположность другимъ героямъ Байрона (припомнимъ Гяура, Альпа, Гуго, Мазепу и др.), руководящихся исключительно чувствомъ личной мести. Самая возможность дѣйствовать уже показываетъ, что Лара въ своемъ пессимизмѣ не дошелъ еще до такого отчаянія, какъ Манфредъ, который просилъ у духовъ, какъ высшаго дара, только одного: „забвенія! забвенія самого себя!“

V.

Въ душевной жизни Лары, какъ и Манфреда, женщины играютъ выдающуюся роль. Таинственная Астарта въ „Манфредѣ“ занимаетъ такое же положеніе, какъ та неизвѣстная женщина, по которой постоянно въ мукахъ совѣсти, сокрушается Лара.

Лара скорбитъ о женщинѣ, любимой имъ и погибшей преждевременной и, повидимому, трагической смертью:

> Но та, что духъ его больной тревожитъ,
> Увы, внимать ему уже не можетъ!

Эта женщина не была соотечественницей Лары, потому что въ припадкѣ галлюцинаціи онъ обращается къ ея тѣни на языкѣ Каледа. Ясно также, что смерть ея не была роковою случайностью, противъ которой Лара ничего не былъ въ силахъ подѣлать,—иначе скорбь его не сопровождалась бы такими бурными и мучительными, леденящими кровь пароксизмами, которые возможны только при мукахъ грѣховной и покаянной совѣсти. Стало быть, трагизмъ положенія Лары заключается въ томъ, что онъ сдѣлался прямою или косвенною причиною смерти той самой женщины, которую онъ любилъ высокою любовью, доступною „только избранникамъ“.

Совершенно такой же мотивъ затронутъ въ „Манфредѣ“ въ лицѣ Астарты и ея таинственныхъ отношеній къ герою драмы, и разработанъ подробнѣе и полнѣе: если образъ умершей возлюбленной Лары угадывается лишь въ трудно уловимыхъ намекахъ, не сразу раскрываемыхъ, то Астарта, стоящая въ центрѣ душевной жизни Манфреда, представляется необходимымъ драматическимъ факторомъ произведенія.

Трагическая любовь къ Астартѣ уничтожаетъ въ Манфредѣ всякую мысль о какой-либо новой любви. Но Ларѣ скорбь объ одной женщинѣ не мѣшаетъ принимать благосклонно поклоненіе со стороны другой. Въ противоположность абсолютному одиночеству Манфреда, рядомъ съ Ларою стоитъ безумно влюбленная въ него женщина, скрывающаяся подъ видомъ пажа. Съ Гюльнарой, съ которою многіе ее отождествляютъ, она имѣетъ мало сходства: это не восточная гаремная женщина, а женскій варіантъ „мірового скорбника“. „Роковая печаль гнететъ ея духъ борьбою и сомнѣньемъ“, въ ея глазахъ видится мятежный блескъ“ (1,26). Подобно Ларѣ, она то бродитъ по цѣлымъ часамъ въ лѣсу въ полнѣйшемъ одиночествѣ, то въ книгахъ ищетъ отвѣта на мучащіе ее вопросы. „Во всѣхъ ея поступкахъ проявлялись мятежный пылъ и гордость, не знавшіе препятствій на своемъ пути... Она гордо, какъ

Лара отвращала взоръ и сердце отъ благъ и радостей земли и не принимала отъ нея даровъ, за исключеніемъ горькаго дара жизни". Однимъ словомъ, по характеру, настроенію и интересамъ, эта женщина близка къ Ларѣ и является предшественницей Астарты съ ея высокимъ духовнымъ развитіемъ, стоящимъ на одномъ уровнѣ съ развитіемъ самого Манфреда. Трогательная смерть на могилѣ безумно любимаго Лары смягчаетъ ея нѣсколько суровый образъ.

VI.

Относясь всецѣло къ романтическому періоду байроновскаго творчества, характеръ Лары не взятъ изъ наблюденія окружающей жизни: онъ чисто субъективнаго происхожденія и является, прежде всего, не чѣмъ инымъ, какъ попыткою художественнаго воспроизведенія духовнаго міра самого поэта. Лара гораздо ближе къ самому Байрону, чѣмъ герои его предыдущихъ „восточныхъ" поэмъ. Если намъ очень трудно представить себѣ Байрона въ роли непосредственнаго предшественника Лары—Конрада, въ роли атамана разбойничьей шайки, дѣлающей пиратскіе набѣги, то гораздо легче сблизить поэта-лорда, владѣтеля средневѣкового Ньюстэдскаго аббатства, съ графомъ Ларою, гордо уединившимся отъ міра въ родовомъ замкѣ.

Еще Вальтеръ Скоттъ замѣчалъ, что въ „Ларѣ" Байронъ „разсказываетъ свою собственную исторію". Дѣйствительно, уже 2-ая строфа поэмы, повѣствующая объ обстановкѣ дѣтства героя,—чисто автобіографическаго содержанія. Характеристика юности Лары въ 8-й и слѣдующихъ строфахъ также полна личными, субъективными чертами, какъ и разсказы о жизни героя въ замкѣ, передающіе многія личныя впечатлѣнія Байрона отъ Ньюстэдскаго аббатства и жизни въ немъ до перваго путешествія на Востокъ. Ларѣ придалъ поэтъ многія своеобразныя особенности своей личности: стремленіе окружать себя ореоломъ загадочной натуры (какъ Лара, Байронъ „съ раннихъ поръ считалъ за наслажденье загадкой быть"), представленіе о роковомъ предназначеніи быть, подобно Печорину, „топоромъ въ рукахъ судьбы", броженіе мятежной воли, „просящей бури", презрѣніе къ „золотой серединѣ" и природное тяготѣніе ко всему крайнему, муки ненасытимаго сердца и чуткой совѣсти, страданія идеально-настроеннаго духа и т. д.

Эта субъективная основа поэмы должна была, по вкусу времени, явиться въ эффектномъ романтическомъ освѣщеніи, быть расцвѣченной прихотливыми цвѣтами романическаго воображенія. Почерпнувъ психологическое содержаніе „Лары" изъ глубины своей души,—въ колоритѣ и фабулѣ поэмы Байронъ находился подъ вліяніемъ шаблонныхъ продуктовъ романтическаго творчества. Въ Ларѣ есть много сходства съ героемъ той самой повѣсти миссъ Гарріэтъ Ли „Крюцнеръ", которая впослѣдствіи послужила основою для драмы Байрона „Вернеръ": отсюда взятъ мотивъ таинственнаго убійства внезапно устраняющаго съ дороги опаснаго врага. Полный всякихъ ужасовъ и грубыхъ эффектовъ романъ миссъ Рэдклиффъ „Удольфскія тайны" также далъ Байрону нѣкоторыя краски для внѣшней характеристики его героя. Изъ дѣйствительной жизни взятъ только разсказъ о томъ, какъ таинственный всадникъ, въ которомъ читателю предоставляется угадать Лару, сбрасываетъ въ потокъ трупъ Эццелина; здѣсь Байронъ довольно точно слѣдуетъ повѣствованію одного итальянскаго хроникера, передающаго подробности объ убійствѣ герцога Гандіи, сына папы Александра VI (Ср. Byron's Works, edited by Coleridge, III, 367—369).

Весь романтическій декорумъ, всѣ крайности и рѣзкости красокъ таинственной личности сумрачнаго и отчасти ожесточившагося героя не должны, однако, скрывать отъ насъ идеальной и благородной основы его характера, носящаго въ себѣ общія черты разочароваинаго и страдающаго индивидуалиста начала XIX вѣка.

На перепутьѣ къ великимъ и общечеловѣческимъ образамъ Манфреда и Каина, критикъ не можетъ не остановиться съ особеннымъ интересомъ на личности ихъ болѣе скромнаго предшественника—Лары *).

М. Розановъ.

*) Ставъ на другую точку зрѣнія, П. П. Ивановъ, авторъ помѣщеннаго выше предисловія къ «Корсару», гораздо строже относится къ нравственной личности Лары. Къ этимъ различнымъ пониманіямъ мы еще вернемся въ общемъ очеркѣ жизни и литературной дѣятельности Байрона.

Ред.

ЛАРА.

ПОВѢСТЬ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

I.

Среди владѣній Лары—ликованье,
Вассаловъ цѣпь—легка рабамъ его;
Ихъ вождь, себя обрекшій на изгнанье,
Но не забытъ—вернулся изъ него.
Веселая толпа въ палатахъ Лары,
Развѣшены знамена, блещутъ чары,
Сквозь окна расписныя на луга
Ложится свѣтъ привѣтный очага,
У камелька—вассаловъ разговоры,
Безпечный смѣхъ, сіяющіе взоры.

II.

Вернулся онъ изъ чужеземныхъ странъ.
Но почему бѣжалъ за океанъ?
Ставъ сиротой и полноправнымъ съ дѣтства,
Скорбь получилъ онъ отъ отца въ наслѣдство.
Мучительный удѣлъ! Въ груди людской
Живетъ она, отнявъ души покой.
Кто во-время предѣлъ его стремленью
Вдоль по путямъ, ведущимъ къ преступленью,
Могъ положить могучею рукой?
Когда всего нужнѣй руководитель—
Надъ взрослыми онъ самъ былъ повелитель;
За шагомъ-шагъ не намъ слѣдить за нимъ,
Какъ несся онъ, въ пути—неудержимъ.
Недолгій путь! Но мчался онъ съ разбѣга,
И былъ въ концѣ полуразбитъ отъ бѣга.

III.

Онъ край родной оставилъ съ юныхъ лѣтъ,
И вотъ, со дня послѣдняго прощанья,
Все болѣе его терялся слѣдъ,
Стиралося о немъ воспоминанье.

Отецъ былъ мертвъ; о немъ сказать одно
Могли въ странѣ: что онъ исчезъ давно,
Вѣстей не шлетъ, не ѣдетъ,—и росла тревога
Въ душѣ иныхъ, но было ихъ немного.
Лишь изрѣдка въ стѣнахъ его чертога,
Гдѣ со стѣны портретъ его глядитъ—
Владѣльца имя гулко прозвучитъ.
Утѣшилась съ другимъ невѣста Лары;
Онъ юнымъ—чуждъ, тѣхъ—нѣтъ, что были стары.
И все-жъ онъ живъ, хотя надѣть бы радъ
Его наслѣдникъ траурный нарядъ.
Въ пріютѣ, гдѣ вкушая сонъ спокойный,
Въ тѣни гербовъ почіетъ прахъ отцовъ—
Его лишь нѣтъ межъ близкихъ мертвецовъ
Въ часовнѣ ихъ подъ колоннадой странной.

IV.

Онъ наконецъ вернулся—одинокъ.
Откуда онъ—вассаламъ неизвѣстно,
И не пріѣздъ, а то, что долго могъ
Онъ быть вдали,—имъ кажется чудесно.
Безъ свиты онъ вернулся: молодой
При немъ былъ пажъ, дитя страны чужой.
Какъ дни бѣгутъ—равно для тѣхъ знакомо,
Кто странствовалъ и оставался дома.
Отсутствіемъ извѣстій окрыленъ
Ходъ времени бываетъ, и съ сомнѣньемъ
Всѣ думали: теперь-ли съ ними онъ?
Прошедшее-ли было сновидѣньемъ?
Онъ—въ цвѣтѣ лѣтъ, но время и труды
Оставили на немъ свои слѣды.
Грѣхи его—ихъ люди не забыли—
Искуплены позднѣй быть можетъ были;
Молва о немъ молчитъ не первый годъ,
Онъ можетъ быть еще прославитъ родъ;
Изъ гордости и жажды наслажденья,
Въ дни юности впадалъ онъ въ заблужденья;
Не закоснѣвъ въ порокѣ глубоко,
Вину онъ можетъ искупить легко.

V.

Его года замѣтно измѣнили,
Чѣмъ-бы ни сталъ, но онъ—не то, что былъ.
Морщины на челѣ слѣды страстей хранили,
Былыхъ страстей. Надменность, но не пылъ
Дней юности; съ осанкой благородной
Небрежность обхожденья, видъ холодный
И острый взоръ, что проникаетъ вмигъ
Въ чужую мысль; насмѣшливый языкъ—
Орудье тѣхъ, кто былъ ужаленъ свѣтомъ,
И жалить самъ, какъ бы шутя, привыкъ
До боли онъ, хотя сознаться въ этомъ
Тѣ не хотятъ, кого уколъ постигъ,—
Все было въ немъ, и съ примѣсью иного,
Чего не передастъ ни взоръ, ни слово.
Любовь, и честолюбье, и успѣхъ

Желанны всѣмъ, доступны не для всѣхъ;
Угасли въ немъ, смирились ихъ порывы,
Хотя они недавно были живы,
Но отблескомъ глубокихъ чувствъ на мигъ
Порою озарялся блѣдный ликъ.

VI.

Онъ не любилъ разспросовъ. О чудесномъ,
О тѣхъ краяхъ, гдѣ онъ бродилъ безвѣстнымъ—
Онъ никогда не заводилъ разсказъ.
Разспрашивать пытались незамѣтно
Пажа его, въ глазахъ читали тщетно:
Не вынося, что видѣлъ, на показъ,
Онъ все таилъ отъ постороннихъ глазъ;
Настаивалъ-ли кто неосторожно—
Нахмурясь, отвѣчалъ онъ односложно.

VII.

Привѣтливый пріемъ со всѣхъ сторонъ
Въ домахъ вельможъ пріѣзжему оказанъ,
Высокаго происхожденья онъ,
Со многими родствомъ и властью связанъ.
Онъ наблюдалъ, смотря на карусель,
Какъ эти забавлялись, тѣ—скучали,
Но не дѣлилъ забавъ ихъ и печали,
Ихъ вѣчно ускользающую цѣль:
Тѣнь славы, благъ житейскихъ обладанье,
Успѣхъ въ любви, соперника страданье.
Онъ былъ какимъ-то кругомъ обведенъ,
И всѣмъ къ нему былъ доступъ прегражденъ;
Въ глазахъ его свѣтилась тѣнь упрека,
Державшая людей пустыхъ далеко,
А робкій человѣкъ, когда встрѣчалъ
Его вблизи,—смущался и молчалъ.
Лишь меньшинство мудрѣйшихъ сознавалось,
Что лучше онъ, чѣмъ съ виду имъ казалось.

VIII.

Не странно-ли? Въ былomъ избытокъ силъ
Онъ ощущалъ, любовь его манила,
Борьбу и море, женщинъ—онъ любилъ,
Все, гдѣ насъ ждетъ блаженство иль могила.
Поочередно все онъ испыталъ,
Въ награду-же—былъ счастливъ иль страдалъ.
Средины онъ не зналъ, и въ напряженьѣ
Сильнѣйшемъ чувствъ—искалъ отъ думъ спасенья.
Передъ грозой души его—слаба
Казалася ему стихій борьба.
Онъ жаждою высокаго томился,
И къ высшему, что въ мірѣ есть,—стремился.
Всѣмъ крайностямъ отдавшійся во власть,
Очнулся онъ—но какъ отъ тѣхъ мечтаній?
Чтобъ сердце изсушенное проклясть,
Что не могло разбиться отъ страданій.

IX.

Онъ въ книги углубился; до того
Лишь человѣкъ былъ книгою его;
Теперь-же онъ въ гнетущемъ настроеньѣ
По цѣлымъ днямъ искалъ уединенья.
Въ таксе время рѣдко звалъ онъ слугъ,
Но по ночамъ они слыхали звукъ
Шаговъ его вдоль галлереи длинной,
Гдѣ хмурился портретовъ рядъ старинный.
И (втайнѣ это слѣдуетъ хранить)
Тамъ голоса звучали неземные,
И многое видали тамъ иные,
Чего нельзя понять и объяснить.
Надъ черепомъ, кощунственно изъ праха
Исторгнутомъ, лежавшимъ на столѣ,
Зачѣмъ сидѣлъ онъ съ думой на челѣ?
Зачѣмъ не зналъ, подобно прочимъ, страха?
Зачѣмъ не спалъ, когда повсюду—сонъ?
Не звалъ гостей, пѣвцовъ не слушалъ онъ?
Неладное тутъ крылось, и возможно,
Что зналъ иной—въ чемъ дѣло, но разсказъ
Затянется,—и мудрый осторожно
О томъ, что зналъ, лишь намекалъ не разъ.
А захоти—онъ могъ-бы... Такъ вассалы
Болтали всѣ въ стѣнахъ старинной залы.

X.

Настала ночь, и въ зеркалѣ волны
Блестящихъ звѣздъ лучи отражены,
И кажется: едва струятся воды,
Но вдаль валы бѣгутъ, какъ счастья годы,
И отражаютъ сказочно они
Безсмертные небесные огни.
Вдоль береговъ видны деревьевъ чащи
И тѣ цвѣты, что для пчелы всѣхъ слаще,
Изъ нихъ Діана вьетъ вѣнки свои
И въ даръ ихъ рветъ Невинность для Любви.
Рѣка блеститъ извивами змѣи,
Такою тишиной и миромъ вѣетъ,
Что страхъ внушить и призракъ не посмѣетъ,
И злое все бѣжитъ невольно прочь
Отъ красоты такой въ такую ночь.
Разлито всюду лишь добра дыханье;
Такъ думалось и Ларѣ, и въ молчаньѣ
Къ себѣ обратно въ замокъ онъ пошелъ.
Видъ красоты былъ для него тяжелъ.
Онъ дни ему напоминалъ иные,
И небеса—прекраснѣй, чѣмъ родныя,
Плѣнительнѣе—ночи, и сердца,
Которыя... Нѣтъ, бурю до конца
Онъ выдержитъ, лишь ночи этой чары—
Насмѣшка злая надъ страданьемъ Лары

XI.

Вновь передъ нимъ палатъ пустынныхъ сѣнь,
Высокая его мелькаетъ тѣнь
Вдоль стѣнъ, и съ нихъ глядятъ портретовъ лики.
Отъ тѣхъ, что были грѣшны иль велики—
Вотъ, что осталось. Скрылися навѣкъ
Дѣянья ихъ и прахъ во тьмѣ гробницы,
И возвѣстятъ о нихъ изъ вѣка въ вѣкъ
Лишь лѣтописи пышной полстраницы.
Она хвалу вѣщаетъ и хулу,
Правдоподобно лжетъ, весьма правдиво—
Такъ думалъ онъ. Сіяли прихотливо
Сквозь переплетъ оконный на полу
Лучи луны. Въ ихъ странномъ отраженьѣ
Молящихся святыхъ изображенья
На окнахъ расписныхъ и сводъ рѣзной—
Ожили вдругъ, но жизнью неземной.
И траурныя кудри, колыханье
Пера его, и мрачное чело—
Все призрачнымъ казалось и могло,
Какъ страхъ могилы, вызвать содраганье.

XII.

Полночный часъ. Повсюду—сонъ глубокій,
Лишь огонекъ мерцаетъ одинокій,
Какъ бы страшась разсѣять мглу на мигъ.
Но чу! Въ покояхъ Лары—шопотъ, крикъ,
Звукъ голоса, о помощи воззванье,
Протяжный громкій вопль и вслѣдъ—молчанье.
До спящихъ слугъ безумный стонъ достигъ,
Они встаютъ, отважно боязливо
Спѣшатъ они туда, на звукъ призыва.
Дрожитъ огонь полузажженныхъ свѣчъ,
Отстегнутый рука сжимаетъ мечъ.

XIII.

Тамъ—холоденъ, какъ мраморъ, на полу,
Блѣднѣй, чѣмъ лучъ, скользящій по челу,
Лежалъ, нездѣшнимъ ужасомъ сраженный,
Ихъ господинъ. Мечъ полуобнаженный
Онъ выронилъ, но въ сумрачныхъ чертахъ,
Безчувственный, хранилъ онъ вызовъ гордый,
И, до конца отпоръ давая твердый,
Лежалъ съ угрозой смерти на устахъ.
Въ нихъ замерли: крикъ гордости смятенной,
Слова угрозы недоговоренной...
Былъ мрачный взоръ его полузакрытъ,
Но прежнее хранилъ онъ выраженье.
Казалося: покоясь безъ движенья,
Онъ взоромъ гладіатора глядитъ.
Вотъ подняли, несутъ его. Онъ дышитъ,
И снова кровь окрашиваетъ ликъ,
И взоръ его вокругъ блуждаетъ—дикъ.
Онъ говоритъ, но ясно тѣмъ, кто слышитъ,

Что эти звуки—не родной языкъ.
На языкѣ нездѣшнемъ раздавались
Его слова, столь чуждыя для нихъ;
Но для кого они предназначались—
Тотъ не слыхалъ, не могъ услышать ихъ.

XIV.

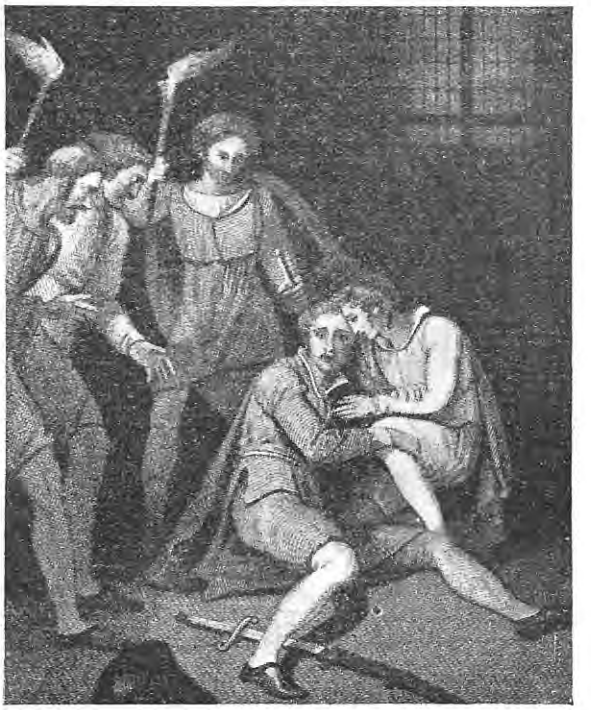
Пажъ подошелъ. Понятенъ лишь ему
Смыслъ этихъ словъ, но—блѣдностью покрыто—
Лицо имъ говоритъ, что никому
Значенье словъ не можетъ быть открыто.
Спокойнѣй всѣхъ, склонившись надъ больнымъ,
На языкѣ, что былъ ему роднымъ,
Онъ говоритъ,—и звуками разсѣянъ
Тотъ страхъ, что сномъ на Лару былъ навѣянъ.
Ужели былъ причиной страха—сонъ,
И онъ мечтой такъ сильно потрясенъ?

XV.

Что на яву онъ видѣлъ иль во снѣ,
Что вспоминалъ—въ душевной глубинѣ
Онъ это скрылъ. Жестоко потрясенный,
Съ зарей возсталъ онъ съ силой обновленной.
Не призванъ былъ ни врачъ, ни духовникъ.
Чтобъ облегчить его страданій бремя,
Онъ такъ же, какъ всегда, проводитъ время,
Не болѣе угрюмъ иль ясенъ ликъ,
И если ночи темной приближенье
Теперь страшитъ его воображенье—
Отъ слугъ его невольный трепетъ скрытъ,
Но ими ужасъ ихъ не позабытъ.
Попарно лишь и трепетомъ объяты,
Проходятъ мимо страшной имъ палаты.
Шуршанье тканей, шелестящій стягъ,
Захлопнутая дверь и гулкій шагъ,
Деревьевъ тѣнь, нетопырей мельканье,
Пѣснь вѣтерка ночного—содраганье
Вселяютъ въ нихъ, едва ночная мгла
Старинный замокъ грустью облекла.

XVI.

Напрасный страхъ! Не повторился мигъ
Неизъяснимый ужаса. Личину
Забвенія носить ли онъ привыкъ?
Но всѣ, страшась, дивились господину.
Придя въ себя, забылъ ли онъ свой бредъ?
Въ лицѣ, въ глазахъ—не видно измѣненій,
Не сохранился въ нихъ малѣйшій слѣдъ
Мучительныхъ душевныхъ потрясеній.
То было ль сномъ? Его ли дикій стонъ
И голоса его ль то были звуки
Безумные, прервавшіе ихъ сонъ?
Его ли сердце, истомясь отъ муки,
Въ біеніи остановилось вдругъ?
Его ли взоръ вселилъ въ сердца испугъ?



Спокойнѣй всѣхъ, склонившись надъ больнымъ,
На языкѣ, что былъ ему роднымъ,
Онъ говоритъ....

But Lara's prostrate form he bent beside
And in that tongue which seemed his own replied.

Рис. Рич. Вестоль (R. Westall, R. A.,) грав. Гизъ (Ch. Heath).

И могъ ли онъ забыть о томъ страданьѣ,
Что зрителей приводитъ въ содраганье?
Безмолвствовалъ не потому ли онъ,
Что глубоко, для словъ невыразимо,
Воспоминаньемъ въ тайны погруженъ,
Грызущія намъ сердце, но—незримо?
Всѣ видятъ лишь послѣдствія одни,
Не вѣдая чѣмъ вызваны они.
Но отъ людей тая въ груди кручину,
И дѣйствіе скрывалъ онъ, и причину.
У смертныхъ устъ нѣтъ словъ для думъ такихъ,
Слова безсильны: мысль задушитъ ихъ.

XVII.

Вражду, любовь, и ужасъ, и влеченье—
Онъ возбуждалъ. Различны были мнѣнья.
О немъ съ его таинственной судьбой—
Хваля, хуля—твердили межъ собой.
Молчаніе его рождало споры,
Работали умы, слѣдили взоры.
Что онъ? Чѣмъ былъ? Лишь родъ его знакомъ,
Но самъ онъ не чужой ли межъ своими?
Быть можетъ, онъ явился къ нимъ врагомъ?

Всѣхъ веселѣй бывалъ онъ между ними,
Но замѣчаетъ каждый, кто тайкомъ
Въ лицо его внимательнѣе взглянетъ:
Въ усмѣшкѣ злой его улыбка вянетъ.
Лишь на устахъ скользитъ она всегда,
Но нѣтъ въ глазахъ веселости слѣда.
Въ нихъ мягкое свѣтилось выраженье
По временамъ; онъ сердцемъ не былъ сухъ,
Но эту слабость въ немъ гордыни духъ
Вмигъ побѣждалъ. Явивъ пренебреженье
Къ возможности снискать ихъ уваженье.
Себя онъ самъ на кару осудилъ.
Въ немъ вызвала бы нѣжность—колебанье,
Онъ бодрствуя на стражѣ у страданья,
Имъ вдохновленъ для ненависти былъ
За то, что прежде много онъ любилъ.

XVIII.

Таилось въ немъ презрѣнье ко всему.
Что худшее могло грозить ему?
Среди живыхъ онъ въ мірѣ этомъ—странникъ,
Отвергнутый загробнымъ—духъ изгнанникъ.
Онъ—жертва темныхъ силъ, ему въ удѣлъ
Назначившихъ опасности; случайно
И не напрасно ль,—онъ спастись успѣлъ.
О нихъ мечталъ, почти жалѣлъ онъ тайно.
Сильнѣй любить, чѣмъ любитъ большинство,
Была въ душѣ способность у него.
Онъ истину опередилъ въ стремленьѣ
Своемъ къ добру; дней зрѣлыхъ наступленье
Внесло съ собой крушенье юныхъ сновъ
Средь думъ о томъ, что тратилъ рядъ годовъ
И силъ, достойныхъ цѣли благородной,
Въ погонѣ онъ за призракомъ безплодной.
Онъ думалъ о страстяхъ, опустошившихъ
Пути его волною огневой,
И лучшихъ чувствъ боренье возбудившихъ,
И проклиналъ мятежный жребій свой.
Но не себя, онъ—гордости въ угоду,
Въ стыдѣ своемъ винилъ и мать-природу—
Съ тѣлесной оболочкою людей,
Мертвящей духъ, питающей червей.
Добро со зломъ смѣшалъ онъ, и невольно
Въ томъ рокъ винилъ, что дѣлалъ добровольно.
Для себялюбца пошлаго—высокъ,
Онъ жертвовать другимъ собою могъ,
Не жалостью, не долгомъ увлеченный,
Руководясь лишь мыслью извращенной,
Что совершить доступное ему—
Немногимъ лишь дано иль никому.
И та же мысль, въ минуту ослѣпленья,
Могла толкать его на преступленья.
На высотѣ ль, въ паденьѣ ли своемъ,
Отъ всѣхъ, кто съ нимъ былъ связанъ бытіемъ,
Съ кѣмъ долженъ былъ дышать онъ, но не слиться—
Добромъ иль зломъ желалъ онъ отдѣлиться.

Вдали отъ свѣта духъ его возвелъ
Среди владѣній собственныхъ престолъ.
Онъ холодно на все, что копошилось,
Глядѣлъ съ высотъ, въ немъ тихо кровь струилась.
Когда бъ соблазна не извѣдавъ зной,
Она была и раньше ледяной!
Онъ шелъ съ людьми дорогою одною,
Казалось, тѣ же говорилъ слова
И вспышками онъ разума права
Не нарушалъ: безумія виною
Лишь сердце было въ немъ, не голова;
Мысль обнажалъ онъ рѣдко отъ покрова,
Чтобъ взоръ людской не оскорблять сурово.

XIX.

По внѣшности—таинственный, холодный,
Чуждавшійся знакомства и бесѣдъ,
Онъ обладалъ—то не былъ даръ природный—
Умѣніемъ въ сердцахъ оставить слѣдъ.
И чувство то настолько было сложно,
Что мысль облечь словами невозможно.
Внушалъ онъ не вражду и не любовь,
Но не было безплодно съ нимъ свиданье,—
Желали всѣ его увидѣть вновь
И сохраняли всѣ въ воспоминаньѣ
Малѣйшее изъ сказанныхъ имъ словъ.
Какъ? Почему? Онъ противъ ихъ желанья
Захватывалъ людскія души въ плѣнъ,
И оставался въ нихъ запечатлѣнъ
Въ любви иль злобѣ—встрѣченный случайно.
Недавно онъ извѣстенъ людямъ сталъ,
Чью жалость, дружбу, злобу испыталъ,
Но въ душахъ ихъ онъ росъ необычайно.
Къ его душѣ не находя пути,
Вы въ собственной могли его найти.
Неодолимо, многимъ—нежеланно,
Къ себѣ влеченье возбуждалъ онъ странно,
И словно говорилъ, что не успѣть
Вамъ разорвать чарующую сѣть.

XX.

Шелъ пиръ. Въ собранье рыцарей и дамъ—
Всѣ, кто богатъ и знатенъ, были тамъ—
Является и Лара. Въ замкѣ Ото
Онъ вправѣ ждать привѣта и почета.
Тамъ— карусель, горитъ огнями залъ,
Равно оживлены и пиръ, и балъ,
И красоты ликующая свита
Веселымъ танцемъ. свита и развита,
Гармоніи полна, въ счастливый кругъ.
Блаженъ союзъ сердецъ и юныхъ рукъ!
Подобный видъ угрюмость удаляетъ,
Онъ улыбаться старость заставляетъ,
А молодость—мечтать, что унесли
Ее часы блаженства отъ земли.

XXI.

И Лара наблюдалъ. Его печали
Черты его ничѣмъ не обличали.
Красавицы безпечною толпой
Предъ нимъ скользили легкою стопой.
Скрестивши руки, ясный и спокойный,
Небрежно прислонясь къ колоннѣ стройной,
Внимательно глядѣлъ онъ предъ собой.
Не видѣлъ онъ, что взоръ кого то злобный
Былъ устремленъ съ упорствомъ на него.
Онъ возмутился-бъ дерзостью подобной,
Но видимо его лишь одного
Тотъ взоръ искалъ—покуда незамѣченъ.
Вотъ наконецъ и Ларою онъ встрѣченъ..
Видъ чужестранца, незнакомый ликъ.
Ихъ взоры, заблиставъ, скрестились вмигъ:
Въ нихъ былъ допросъ, нѣмое удивленье...
Въ глазахъ у Лары—тайное волненье,
Себѣ врага онъ чуялъ въ пришлецѣ,
А у того на сумрачномъ лицѣ
Загадочное было выраженье.

XXII.

—Онъ! Это онъ!—вдругъ вымолвилъ пришлецъ,
И повторились изъ конца въ конецъ
Его слова.—Кто *онъ*?—звучало глухо
Среди гостей, достигнувъ Лары слуха.
Дивились всѣ, не вынести навряд
Могли-бъ они спокойно этотъ взглядъ.
А Лара все стоялъ, и лишь въ началѣ,
Казалось, былъ онъ взглядомъ изумленъ,
Что на него пришельцемъ устремленъ.
Межъ тѣмъ какъ взоромъ онъ скользилъ по залѣ,
Съ усмѣшкою, пришлецъ промолвилъ вдругъ:
—Онъ здѣсь? Но какъ проникнулъ въ этотъ кругъ?—

XXIII.

Перенести не дозволяла гордость
Предъ всѣми рѣзко сдѣланный допросъ,
Но въ тонѣ Лары слышалась лишь твердость—
Не гнѣвный пылъ, когда онъ произнесъ,
Не двинувшись къ допросчику на встрѣчу:
—Мнѣ имя—Лара и, твое узнавъ,
На рыцарскій привѣтъ твой я отвѣчу,
Всю должную учтивость оказавъ.
Твоихъ вопросовъ жду я безъ опаски,
Графъ Лара я, и предъ тобой— безъ маски.
—Вопросовъ ждешь? Ужель такого нѣтъ,
Который въ сердцѣ вызвалъ-бы отвѣтъ,
Смутивъ твою наружную безпечность?
Вглядись въ меня, предъ памятью своей
Въ долгу ты будешь до скончанья дней.
Тебѣ забвенье воспрещаетъ вѣчность.—
Тотъ медленно холоднымъ взоромъ глазъ

Обвелъ его черты, но предъ собою
Его, казалось, видѣлъ въ первый разъ
И, покачавъ надменно головою,
Съ презрѣніемъ хотѣлъ онъ отойти,
Но остановленъ былъ на полпути.
— Одно лишь слово! Будь ты благороденъ,
А не таковъ, какимъ ты былъ и есть—
Тебя съ собой я равнымъ могъ-бы счесть...
Теперь-же графъ... Не хмурься, гнѣвъ безплоденъ,
Я на тебя съ презрѣніемъ гляжу,
Улыбкѣ я не вѣрю, не дрожу
Передъ твоей угрозой. Ты-ли это
Тотъ, чьи дѣла?..
— Кто-бъ ни былъ я—отвѣта
Тебѣ на рѣчь такую не даю.
Не я, другой пусть выслушаетъ сказку.
Прекрасную придумалъ ты завязку,
Шлю Ото я признательность мою.—
Вмѣшался тутъ хозяинъ со словами:
— Что-бъ ни было въ прошедшемъ между вами—
Не мѣсто и не время праздникъ мой
Здѣсь омрачать словесною войной.
Сэръ Эццелинъ, коль скоро нѣчто знаешь,
Что графу Ларѣ ты сказать желаешь—
Съ согласья обоюднаго, при мнѣ
Ты здѣсь-же завтра выскажись вполнѣ.
Ручаюсь за тебя; ты по далекимъ
Краямъ бродилъ, какъ Лара одинокимъ,
И здѣсь—чужой. За Лару въ свой чередъ—
Порукою и кровь отцовъ, и родъ,
Что онъ себя достойнымъ ихъ окажетъ:
Долгъ рыцаря исполнить не откажетъ.
— До завтра,—молвилъ Эццелинъ,—пускай
Испытываютъ насъ. Даю предъ Богомъ
Я жизнь и мечъ—правдивости залогомъ,
Насколько я войти желаю въ рай.—
Что отвѣчаетъ Лара? Углубленный,
Въ себя ушедшій вдругъ, не видитъ онъ
Что на него глядятъ со всѣхъ сторонъ,
Толпы не слышитъ говоръ изумленный.
И онъ молчалъ, и взоры онъ свои
Вдаль устремлялъ въ глубокомъ забытьи.
Увы! Яснѣй намъ говоритъ молчанье,
Какъ глубоко въ душѣ воспоминанье.

XXIV.

— До завтра, да! До завтра!—Ничего
Не услыхали больше отъ него.
Лицо его казалось безучастнымъ,
Не вспыхивали взоры гнѣвомъ страстнымъ,
Но твердостью звучалъ спокойной тонъ.
Взявъ плащъ, небрежно отдалъ онъ поклонъ,
И на ходу взоръ Эццелина встрѣтивъ,
Прошелъ—улыбкой на него отвѣтивъ.
Не будучи безпечно весела,
Она усмѣшкой злобной не была,

Которая тотъ гнѣвъ, что сердце гложетъ,
Подъ маскою презрѣнья скрыть не можетъ;
Спокойно улыбался онъ, какъ тотъ,
Кто знаетъ все и все перенесетъ.
Душевный міръ? Въ грѣхѣ-ли закоснѣлость? –
Что означать могла такая смѣлость?
Ихъ сходство межъ собой такъ велико,
Что различитъ тому ихъ не легко,
Чье сердце жизнь еще не умудрила.
Одни дѣла—вотъ истины мѣрило.

XXV.

Позвавъ пажа, онъ вышелъ. Для того
Довольно было слова одного,
Руки движенья. Спутникомъ единымъ—
Въ край Лары онъ вернулся съ господиномъ
Изъ дальнихъ странъ, тамъ, гдѣ души расцвѣтъ
Лучомъ звѣзды счастливѣйшей согрѣтъ.
Оттуда родомъ, тихій, терпѣливый,
Годами юнъ, какъ Лара—молчаливый,
Привязанъ былъ онъ и служилъ ему
Не по годамъ и званью своему.
Хотя ему была ихъ рѣчь знакома,
Ее отъ Лары слышать онъ отвыкъ,
Но ускорялся шагъ, свѣтился ликъ,
При звукѣ рѣчи, слышанной имъ дома,—
Онъ какъ родныя горы, сердцу милъ—
Въ немъ голоса родной страны будилъ:
Друзей, родныхъ, которыхъ онъ когда-то
Для одного покинулъ безъ возврата.
Всѣхъ на землѣ онъ замѣнилъ однимъ
И самъ почти не разставался съ нимъ.

XXVI.

Онъ строенъ былъ, и нѣжное чело
Чуть тронула родного солнца ласка,
И на щекахъ, что зноемъ не сожгло,
Непрошенная вспыхивала краска.
То не былъ онъ—сердечный алый цвѣтъ,
Плѣняющій здоровою игрою,
Болѣзненный заботы скрытой слѣдъ—
Румянцемъ ихъ окрашивалъ порою.
И взоръ нездѣшнимъ вспыхивалъ огнемъ:
Какъ молніи, сверкали думы въ немъ.
Лишь темныя рѣзницы чуть смягчали
И придавали взору тѣнь печали,
Но гордость ярче искрилась въ очахъ,
Иль скорбь– какой не передать въ рѣчахъ.
И равнодушный къ юности утѣхамъ,
Пажей веселью, шалостямъ, потѣхамъ,
Въ самозабвенье погруженный самъ,
Глазъ не сводилъ онъ съ Лары по часамъ.
Разставшись съ нимъ, бродилъ онъ одиноко
Иль съ чужеземной книгой по лѣсамъ
И отдыхалъ на берегу потока.
Казалося, какъ тотъ, кому служилъ,

Онъ вдалекѣ отъ всѣхъ соблазновъ жилъ,
Плѣняющихъ сердца, влекущихъ око.
Онъ зналъ изъ всѣхъ земныхъ даровъ и чаръ
Единственный—рожденья горькій даръ.

XXVII.

Любилъ онъ только Лару, но въ молчаньѣ
Любовь дѣлами проявлять привыкъ,
И раньше, чѣмъ ихъ выскажетъ языкъ—
Онъ исполнялъ всегда его желанья,
Но сохранялъ при томъ надменный видъ
И духъ, который не сносилъ обидъ.
Хотя слугу превосходилъ онъ въ рвеньѣ,
Но видъ его внушалъ повиновенье.
Служилъ онъ не изъ платы: оттого,
Казалося, что самъ желалъ того.
И не трудна была его работа:
То стремя подержать, то мечъ подать,
Настроить лютню; а придетъ охота—
Страницы книгъ старинныхъ разбирать.
Онъ избѣгалъ съ домашними сближенья,
И гордости далекъ, и униженья.
Съ толпою ихъ, которая чужда
Была ему, онъ сдержанъ былъ всегда.
Кто-бъ ни былъ онъ—лишь Лару господиномъ
Онъ могъ признать, не снизойти до слугъ.
Но не казался онъ простолюдиномъ,
И грубый трудъ былъ чуждъ для этихъ рукъ.
При нѣжной бѣлизнѣ ихъ, гладкой кожѣ
Лица его, на женщину похоже
Въ пажѣ все было-бъ, если-бъ не нарядъ
И взоръ не женскій: гордый, страстный взглядъ,
Въ гармоніи онъ былъ съ отчизной знойной,
Не съ внѣшностью его—воздушно-стройной.
Въ лицѣ, не въ рѣчи проявлялся слѣдъ
Той страстности. Назвался онъ Каледъ,
Но слухи шли, что такъ его едва ли
Въ его странѣ гористой называли.
Окликнутый—на повторенный звукъ,
Случалося, онъ отвѣчалъ не вдругъ,
Иль вздрагивалъ, какъ бы припоминая.
И только Лары голосу внимая,
Отъ забытья въ немъ пробуждался духъ,
Все оживало: сердце, взоръ и слухъ.

XXVIII.

Онъ въ залѣ былъ—свидѣтелемъ той ссоры,
Что привлекла вниманье всѣхъ и взоры.
Когда въ толпѣ дивились безъ конца,
Что кинутый предъ всѣми недостойно,
Вдвойнѣ обидный вызовъ пришлеца
Надменный Лара вынесъ такъ спокойно,
Ихъ слушая, Каледъ краснѣлъ, блѣднѣлъ...
Въ огнѣ былъ ликъ, а губы—словно мѣлъ.
Изъ сердца проступивъ росой холодной,
Покрыла влага муки безысходной

Чело его, родясь отъ тяжкихъ думъ,
Въ которыя страшится вникнуть умъ;
Для насъ возможны многія дѣянья
Лишь въ полубезотчетномъ состояньѣ.
То, что теперь ему на умъ пришло—
Сковавъ уста, увлажило чело.
Сначала онъ смотрѣлъ на Эццелина.
Но увидавъ улыбку господина,
Которою простился тотъ съ врагомъ,
Онъ поблѣднѣлъ: онъ съ нею былъ знакомъ,
И памятью значенье той улыбки
Опредѣлить одинъ могъ безъ ошибки.
Онъ съ Ларою оставилъ залъ, и вдругъ
Образовалась пустота вокругъ:
Былъ каждый къ Ларѣ взоромъ такъ прикованъ
И видѣннымъ былъ каждый такъ взволнованъ,
Что при мерцаньѣ факеловъ, едва
Высокой тѣнью залу празднества
Оставилъ тотъ, какъ возрасло волненье.
Не страшное ль то было сновидѣнье?...
Предчувствіемъ бѣды смущаетъ сонъ,
И чѣмъ страшнѣе, тѣмъ правдивѣй онъ.
Они ушли; остался молчаливый
Сэръ Эццелинъ съ осанкой горделивой.
Но онъ пробылъ не долго, часа нѣтъ—
Уходитъ онъ, пославъ рукой привѣтъ.

XXIX.

Всѣ разошлись, оконченъ пиръ привольный;
Внимательный хозяинъ, гость довольный—
Спѣшатъ на ложе, гдѣ во всѣ вѣка
Все затихало: радость и тоска.
Измученнымъ житейскою борьбою—
Забвеніе несетъ оно съ собою.
Любовь, вражда, надежда на судьбу,
Мечты о власти, хитрости усилья—
Здѣсь надо всѣмъ забвенья вѣютъ крылья;
Затихнувъ—жизнь покоится въ гробу:
Такъ называть намъ слѣдуетъ ложницу—
Нашъ общій домъ и полночи гробницу,
Гдѣ сила, слабость и добро, и зло—
Все въ наготѣ безпомощной нашло
Себѣ пріютъ, стремясь на мигъ забыться,
Чтобъ, пробудясь, со страхомъ смерти биться,
Страшась—хотя для скорби жизнь дана—
Послѣдняго прекраснѣйшаго сна.

КАЛЕДЪ (Kaled).
Рис. Меклайзъ (D. Maclise), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

I.

Блѣднѣетъ ночь и сталъ туманъ разсвѣтомъ,
Міръ пробужденъ зари блеснувшей свѣтомъ,
Въ итогѣ жизни—больше днемъ однимъ,
И ближе сталъ нашъ день послѣдній съ нимъ.
Но хороша, какъ въ первый часъ, природа:
Блистаетъ ярко солнце съ небосвода,
Цвѣты—въ долинахъ, свѣжесть—въ вѣткѣ,
Игра—въ лучахъ, прохлада—на рѣкѣ.
Безсмертный человѣкъ! Ты съ восклицаньемъ:
„Они мои!“—насыться созерцаньемъ,
Пока они сіяютъ для тебя.
Настанетъ день: кто надъ твоей могилой
Ни плакалъ бы—вздыхая и скорбя,
Не выронятъ они слезы единой,—
Не хлынетъ дождь и листъ не упадетъ,
И вѣтерокъ ни разу не вздохнетъ.
Лишь будетъ червь добычѣ радъ, и щедро
Ты прахомъ утучнишь земныя нѣдра.

II.

День. Полдень. Въ замокъ—молоды и стары
На зовъ толпою рыцари спѣшатъ;
Урочный часъ, когда они рѣшатъ:
Жизнь иль погибель—доброй славѣ Лары.
Пусть Эццелинъ, въ чемъ ни была бъ вина,
Долгъ обвиненья выполняетъ строго.
Предстать передъ лицомъ людей и Бога—
Имъ вмѣстѣ съ Ларой клятва здѣсь дана.
Гдѣ-жъ онъ? Въ раскрытьи истины подобной
Является отсрочка неудобной.

III.

Часъ миновалъ. Вотъ Лара, слову вѣренъ,
Спокойно терпѣливъ, самоувѣренъ.
Часъ миновалъ. Что жъ медлитъ Эццелинъ?
И омрачился замка властелинъ:
— Я поручусь, что другъ мой—вѣренъ чести,
Коль скоро живъ—то будетъ онъ на мѣстѣ.
Пріютъ его—въ ближайшей изъ долинъ

Межъ замкомъ Лары и моей страною.
Не вѣрю я, чтобъ пренебрегъ онъ мною,
Здѣсь гостемъ былъ желаннымъ Эццелинъ.
Навѣрно есть для промедленья поводъ,
И онъ къ тому представитъ вѣскій доводъ.
За честь его ручаюсь я опять—
Ее готовъ я кровью отстоять.
И Лара отвѣчалъ:—Сюда—покорный
Желанью твоему—я поспѣшилъ,
Чтобъ выслушать извѣтъ пришельца черный.
Онъ сердце мнѣ жестоко-бъ сокрушилъ,
Не будь онъ иль безумцемъ, очевидно,
Иль недругомъ, который мститъ постыдно.
Онъ вѣрно зналъ, хоть съ нимъ я незнакомъ,
Меня въ краяхъ далекихъ, но—довольно!
Пусть явится болтунъ, иль добровольно
Ты за него отвѣтишь здѣсь клинкомъ!

—

Зардѣлся Ото и, швырнувъ перчатку,
Мечъ обнажилъ, схватясь за рукоятку.
— Второе мнѣ милѣе! Гостя нѣтъ,
Но за него я Ларѣ дамъ отвѣтъ.

—

Смерть одного казалась неизбѣжна,
Не измѣнился Лары блѣдный ликъ.
Холодною рукой, почти небрежно,
Какъ человѣкъ, что имъ владѣть привыкъ
И не боится мѣткаго удара,—
Мечъ обнажилъ готовый къ бою Лара.

—

Всѣ рыцари приблизилися къ нимъ,
Но Ото гнѣвъ кипитъ, неудержимъ,
И съ устъ его слетаютъ оскорбленья.
Въ мечѣ найдетъ онъ слову подкрѣпленья.

IV.

Былъ кратокъ бой, но бѣшенъ и жестокъ.
И Ото самъ нарвался на клинокъ,
Но раненъ не смертельно: пораженный
Ударомъ ловкимъ, палъ окровавленный.
— Проси пощады!—Онъ остался нѣмъ
И можетъ быть не всталъ бы онъ совсѣмъ:
Такъ потемнѣлъ ликъ Лары на мгновенье
И демонское принялъ выраженье.
Грознѣе мечъ сверкалъ въ рукѣ его
Теперь, когда былъ врагъ его поверженъ:
Тогда являлъ онъ стойкость, мастерство,
Теперь-же гнѣвъ заговорилъ, несдержанъ.
Такъ мало милосердія права
Онъ признавалъ, что будучи удержанъ
Толпою окружающей, едва
Не обратилъ клинокъ, до крови жадный,
На помѣшавшихъ мести безпощадной.
На мигъ мелькнула эта мысль въ мозгу
И долго онъ глядѣлъ въ лицо врагу,
И словно клялъ исходъ онъ нежеланный:

Поверженъ врагъ, но палъ не бездыханный.
Онъ словно наблюдалъ: насколько мечъ
Путь жизненный его успѣлъ пресѣчь?

V.

Былъ поднятъ Ото. Для его покоя
Предписано явившимся врачемъ
Не спрашивать покуда ни о чемъ.
Всѣ вышли въ залъ, и онъ—причина боя
Внезапнаго и побѣдитель въ немъ,
Не обративъ ни на кого вниманья,
Надменно вышелъ вонъ, храня молчанье,
Сѣлъ на коня и, поскакавъ домой,
На замокъ Ото взоръ не поднялъ свой.

VI.

Но гдѣ же онъ—подобье метеора,
Исчезнувшій въ лучахъ зари отъ взора?
Гдѣ Эццелинъ? Явившійся сюда
Невѣдомымъ—исчезъ онъ безъ слѣда.
Покинулъ пиръ онъ средь ночного мрака,
Но домъ его стоялъ недалеко,
Тропинка есть, идти по ней легко,
Съ зарей не возвратился онъ однако.
О немъ справлялись съ наступившимъ днемъ,
Но ничего не знали тамъ о немъ.
Покой былъ пустъ, и конь стоялъ безъ дѣла;
Хозяиномъ тревога овладѣла,
И слуги лѣсъ общарили, ища.
Казался слѣдъ злодѣйства вѣроятенъ,
Но не нашлось ни алыхъ крови пятенъ,
Ни лоскутковъ оторванныхъ плаща.
Намъ выдающій мѣсто нападенья—
Въ травѣ не сохранился слѣдъ паденья,
И оттискъ въ землю впившихся ногтей
Разсказъ о немъ не начерталъ на ней
Въ послѣдній мигъ, когда безсильно руки
Терзаютъ дернъ среди предсмертной муки.
Все было-бъ такъ—будь Эццелинъ убитъ.
Въ сомнѣньѣ же надеждѣ путь открытъ.
Но съ той поры идетъ молва дурная,
Честь Лары омраченную пятная.
Являлся онъ—всѣ затихали вдругъ,
Онъ уходилъ—и снова всѣ вокругъ
Дивилися и, сыпля клеветами,
Его чернили злобными устами.

VII.

Дни шли. Отъ раны Ото исцѣленъ,
Враждой открытой къ Ларѣ онъ пылаетъ,
Другъ каждому, кто зла ему желаетъ,
Онъ въ гордости страдаетъ, оскорбленъ.
И судъ страны, по наущенью Ото,
За Эццелина требуетъ отчета.
Кого страшить онъ кромѣ Лары могъ?

Не тотъ ли удалить его помогъ,
Кому передъ своимъ исчезновеньемъ
Онъ угрожалъ тяжелымъ обвиненьемъ?
Таинственность, любимая толпой,
До слуховъ жадной, грубой и тупой,
Отсутствіе друзей—чуждъ лицемѣрья,
Любви не ждалъ онъ, не искалъ довѣрья,
Презрѣнье, гнѣвъ—въ немъ бившіе ключомъ,
Умѣніе его владѣть мечомъ—
Гдѣ научился этому не воинъ?
Гдѣ этотъ гнѣвъ душой его усвоенъ?
То не былъ взрывъ, что вспыхиваетъ дикъ,
Отъ слова одного стихая вмигъ,
Но гнѣвъ, что къ цѣли будучи направленъ,
Не можетъ состраданьемъ быть разбавленъ,
И свойственъ тѣмъ, кто зналъ въ теченье лѣтъ—
Всю безграничность власти и побѣдъ.
И это все, въ связи съ людскимъ стремленьемъ
Скорѣе къ порицаньямъ, чѣмъ къ хваленьямъ—
Вдругъ разразилось бурей роковой
Надъ Ларою. Враги сплотились дружно,
И за того ему отвѣтить нужно,
Кто—врагъ ему: и мертвый и живой.

VIII.

Съ проклятіемъ влачили гнетъ насилья
Не мало недовольныхъ въ томъ краю;
Тиранами кишѣлъ онъ въ изобильѣ,
Закономъ похоть сдѣлавшихъ свою;
Рядъ внѣшнихъ войнъ съ борьбой междоусобной
Открылъ грѣху и крови путь удобный,
И многіе лишь знака ждали съ этихъ поръ,
Чтобъ вызвать вновь среди страны раздоръ,
Что раздѣляетъ гражданъ, имъ объятыхъ,
Лишь на друзей иль на враговъ заклятыхъ.
Царилъ всевластно въ замкѣ феодалъ
И съ послушаньемъ въ людяхъ возбуждалъ
Онъ ненависть и втайнѣ—жажду мщенья.
Наслѣдовалъ и Лара отъ отца
Трудъ даровой и скорбныя сердца.
Но чистымъ отъ грѣха порабощенья
Въ изгнаньѣ онъ остался до конца.
Онъ, возвратясь, народомъ мирно правилъ,
И прежній страхъ сердца людей оставилъ.
Когда порой внушалъ онъ тропетъ имъ,—
То за него дрожали, не предъ нимъ;
Въ немъ видѣли несчастнаго. Сначала,
О немъ молва дурная не молчала,
Теперь же одиночества недугъ—
Причиною считали всѣ вокругъ
Его молчанья и ночей безсонныхъ.
Уныніе вступило съ нимъ подъ сводъ
Его палатъ, но былъ радушно входъ
Открытъ для всѣхъ, заботой удрученныхъ.
Лишь объ однихъ жалѣя угнетенныхъ,
Онъ съ гордыми держался свысока,

Но обращалъ свой взоръ на бѣдняка.
Былъ кровъ его—гостепріимнымъ кровомъ
И никого не оскорбилъ онъ словомъ.
Всѣ видѣли: замѣтно возросло
Въ его землѣ приверженцевъ число,
И къ нимъ, съ исчезновеньемъ Эццелина,
Усилилось вниманье властелина.
Боялся ль онъ съ той ссоры роковой,
Что мечъ виситъ надъ буйной головой,
Но милостью привлекъ людей безвѣстныхъ
Вѣрнѣе онъ, чѣмъ всѣхъ вельможъ окрестныхъ.
Пусть въ этомъ имъ разсчетъ руководилъ,
Но по дѣламъ народъ о немъ судилъ,—
Кто господиномъ былъ гонимъ сурово,
Искалъ себѣ въ его владѣньяхъ крова.
Не грабилъ онъ жилища бѣдняковъ,
Рабъ не стоналъ подъ тяжестью оковъ,
Сокровище скупого было цѣло,
Язвить людей презрѣніе не смѣло,
А молодость—безпечно весела
И въ будущемъ наградъ себѣ ждала.
Ожесточеннымъ—съ перемѣной вмѣстѣ
Онъ обѣщалъ возможность близкой мести.
Любви, давно страдавшей отъ преградъ,
Сулилъ съ побѣдой наслажденій рядъ.
Созрѣло все для важной перемѣны,
И слова—рабство жаждетъ онъ отмѣны.
Межъ тѣмъ для Ото мщенья часъ насталъ,
Но Лару подготовленнымъ засталъ:
Съ нимъ собрались въ стѣнахъ огромной залы
Толпою многочисленной вассалы.
Они, свободны отъ своихъ цѣпей,
Ввѣрялись Богу, не страшась людей.
Съ зарей дневною Ларою свобода
Дарована была рабамъ земли
Съ тѣмъ, чтобъ они отнынѣ рыть могли
Лишь рядъ могилъ гонителямъ народа!
Вотъ кличъ, съ которымъ двинется ихъ рать:
Отстаивать добро и зло карать.
Свобода, вѣра, месть—любое слово,
Подхвачено для клича боевого,
Разглашено коварно—грѣхъ родитъ,
Пируетъ волкъ, и червь бываетъ сытъ.

IX.

Здѣсь феодалъ всевластно правилъ краемъ,
Въ немъ государь монарха тѣнью сталъ,
Тотъ—ненавидимъ, этотъ—презираемъ,
И для рабовъ возстанья часъ насталъ.
Самой судьбой имъ нынѣ вождь указанъ,
Что съ дѣломъ ихъ нерасторжимо связанъ.
И вождь тотъ для себя въ борьбѣ сторонъ
Искать самозащиты принужденъ,
Отторгнутый отъ тѣхъ судьбы проклятьемъ,
Къ тому идти онъ долженъ бы, какъ къ братьямъ.
Съ той ночи графства Лара господинъ

Ждать худшаго привыкъ, но—не одинъ.
Не допускалъ вторженья онъ въ былое,
И, съ общимъ дѣло личное связавъ,
Онъ, торжества побѣды не узнавъ,
Отсрочить могъ паденье роковое.
Тишь мертвую души, которой шквалъ
Давно уже улегся, взволновалъ
Событій рядъ, и бурныхъ силъ броженье
Въ немъ высшаго достигло напряженья.
Онъ сдѣлался опять собой самимъ,
Лишь стало мѣсто дѣйствія—другимъ.
Не дорожилъ ни жизнью онъ, ни славой,
Но былъ на мѣстѣ онъ въ игрѣ кровавой.
Пусть рокъ его на ненависть обрекъ—
Лишь бы враговъ онъ къ гибели увлекъ.
Что для него рабовъ освобожденье?
Но въ силѣ ихъ—надменныхъ униженье.
Какъ звѣрь, бѣжалъ онъ въ мрачный свой пріютъ,
И здѣсь людьми и рокомъ онъ затравленъ,
Но тщетно для него капканъ разставленъ:
Поймать—нельзя, пускай его убьютъ.
Безъ честолюбья жизненную сцену
Онъ созерцалъ, безмолвенъ и суровъ,
Но стать вождемъ достойнымъ онъ готовъ—
Вновь вызванный судьбою на арену.
Въ движеньяхъ, рѣчи—дикій пылъ страстей,
И гладіаторъ смотритъ изъ очей.

X.

Что повторять о томъ какъ шла борьба,
Какъ гибла жизнь, питались ястреба?
Какъ слабые сдавалися надменнымъ?
О счастьи двухъ отрядовъ перемѣнномъ?
О заревѣ огней, паденьи стѣнъ?
Во всѣ вѣка оно безъ перемѣнъ.
Но сверхъ того здѣсь такъ кипѣли страсти,
Что угрызенья не имѣли власти
И тщетнымъ былъ бы къ милости призывъ:
И плѣнниковъ казнили, побѣдивъ.
Чья сторона ни побѣждала—обѣ
Въ сердцахъ своихъ подвластны были злобѣ.
Отстаивалъ свободу онъ иль гнетъ—
Но думалъ всякъ: кто болѣе убьетъ?
Остановить мечъ безпощадный—поздно,
И скорбь въ странѣ сбираетъ жатву грозно,
Пылаетъ край, зажженъ со всѣхъ концовъ,
И смерть, смѣясь, глядитъ на мертвецовъ.

XI.

Побѣда, въ силу перваго порыва,
Отрядамъ Лары суждена сперва,
Но ихъ сгубилъ мигъ первый торжества.
Не слушаютъ они его призыва
И въ ослѣпленьѣ рвутся на врага.
Случайная удача—не долга,
И ихъ, соединясь, погубятъ вмѣстѣ

Стремленіе къ добычѣ съ жаждой мести.
Напрасно, власть вождя употребивъ,
Онъ хочетъ обуздать слѣпой порывъ,
Напрасно гнѣвъ ихъ сдерживаетъ Лара:
Зажегшему—не погасить пожара.
Имъ доказалъ позднѣй лукавый врагъ,
Насколько былъ поспѣшенъ этотъ шагъ.
Засада въ ночь, для виду отступленье,
Отсрочка битвы, тягость утомленья,
Въ припасахъ недостатокъ, на сырой
Землѣ ночлегъ дождливою порой
И безуспѣшность длительной осады,
Смѣнившаяся чувствомъ злой досады—
Нежданны были. Встрѣтилъ бы конецъ
Любой изъ нихъ какъ ветеранъ—боецъ
Въ бою съ врагомъ, но жизни и лишеній—
Отраднѣе имъ смерть въ пылу сраженій.
И голодомъ, болѣзнью унесло
Изъ ихъ рядовъ громадное число.
Ихъ торжество смѣнила удрученность.
Являлъ лишь Лара ту же непреклонность,
Хоть тысячи бойцовъ, что шли за нимъ,
Теперь отрядомъ стали небольшимъ.
Съ нимъ—цвѣтъ бойцовъ, понявъ свое упорство,
Они винятъ себя за непокорство.
Надежда есть: граница къ нимъ близка,
Въ чужомъ краю укроются войска,
И принесутъ, бѣжавъ отъ битвъ неравныхъ,—
Изгнанниковъ тоску иль гнѣвъ безправныхъ;
Отчизну жаль, разстаться трудно съ ней,
Но пасть въ бою иль сдаться въ плѣнъ труднѣй.

XII.

Они идутъ. Готова имъ помочь,
Во тьмѣ звѣздой путь озаряетъ ночь.
Уже ложится лучъ, какъ будто спящій,
На гладь рѣки, границею служащей.
Уже кричатъ:—Такъ мы на рубежѣ?—
Стой! Тамъ враги стоятъ на сторожѣ.
Назадъ! бѣжать! Не Ото-ль блещетъ знамя?
Его копье сверкаетъ, имъ грозя.
Не вспыхнуло-ль костровъ пастушьихъ пламя?
При яркомъ свѣтѣ ихъ бѣжать нельзя.
Отрядъ ихъ малъ и обреченъ ударамъ,
Но кровь свою врагамъ отдастъ не даромъ.

XIII.

Одинъ лишь мигъ, чтобъ духъ перевести.
Здѣсь ждать врага иль на него идти?
Не все-ль равно? Преграждена дорога
Къ рѣкѣ врагомъ, но, кинувшись впередъ,
Хоть часть бойцовъ—пусть будетъ ихъ не много—
Цѣпь вражескую все таки прорветъ.
—Впередъ—на нихъ! Кто хочетъ ждать—не воинъ,
И участи всѣхъ трусовъ онъ достоинъ!—
Пришпоренъ конь, сверкаетъ каждый мечъ.

Пускай дѣла опережаетъ рѣчь.
Увы, для многихъ будетъ Лары слово—
Подобіемъ призыва гробового.

XIV.

Онъ вынулъ мечъ. Въ себя онъ погруженъ,
Какъ будто бы отчаяньемъ сраженъ,
Но для него онъ черезчуръ безстрастенъ.
Кто не всецѣло къ людямъ безучастенъ,
Будь онъ храбрецъ—не можетъ быть такимъ.
Онъ обмѣнялся взорами съ Каледомъ;
Тотъ, какъ всегда, за Ларой ѣхалъ слѣдомъ
И былъ для страха онъ неуязвимъ.
Свѣтъ призрачный луна ли такъ струила,
Но блѣдностью покрылось гробовой
Лицо его: о правдѣ роковой,
Не ужасѣ—та блѣдность говорила.
Руки его коснулся вождь слегка,
Не бьется сердце, не дрожитъ рука
И не слетаетъ съ губъ его ни звука,
Но молвитъ взоръ:—Намъ не грозитъ разлука,
Погибнетъ рать, разсѣются друзья,
Но съ жизнью, не съ тобой разстанусь я!—
Раздался кличъ. Ударивъ въ середину,
Отрядъ ихъ разорвалъ враговъ плотину.
Послушенъ каждый конь удару шпоръ.
Мечъ на-голо! Не отступать ни шага!
Ихъ численность раздавитъ, не отвага.
Все яростнѣй отчаянный напоръ.
Окрасилася въ кровь рѣка у брода,
И алою текла въ лучахъ восхода.

XV.

Слѣдя за всѣмъ, что дѣлалось вокругъ,
Гдѣ наступаетъ врагъ иль гибнетъ другъ—
Тамъ Лара силой голоса, примѣра
Бодритъ другихъ, но въ немъ угасла вѣра.
Бѣжать нельзя, не видно бѣглецовъ;
Сражается слабѣйшій изъ бойцовъ;
Предъ голосомъ вождя, предъ мощнымъ взмахомъ
Его меча—враги бѣгутъ со страхомъ,
Почти одинъ врѣзается въ ихъ рать,
Иль хочетъ онъ свои ряды собрать,
Себя онъ не щадитъ, и—вотъ мгновенье:
Враги бѣгутъ... Всѣ видятъ мановенье
Руки его... Но что съ нимъ? Отчего
Склонился шлемъ? Стрѣла—въ груди его!
Движеньемъ тѣмъ онъ грудь открылъ удару.
Сразила смерть въ его гордынѣ Лару.
Въ устахъ застыли смѣлыя слова,
Рука его, съ движеньемъ торжества
Воздѣтая, безжизненно упала,
И все-жъ меча она не выпускала.
Онъ выронилъ поводья изъ другой;
Каледъ ихъ подхватилъ, но оглушенный,
Склонясь къ сѣдлу, сознанія лишенный,

Не видѣлъ вождь, какъ за собою вслѣдъ
Изъ боя вывелъ скакуна Каледъ,
Межъ тѣмъ, какъ въ ихъ рядахъ, все наступавшихъ,
Тѣ, кто разилъ, не замѣчали павшихъ.

XVI.

Въ лучахъ зари лежатъ полуживые
Съ убитыми. Раздроблена броня,
Съ головъ упали шлемы боевые.
Вотъ на землѣ—трупъ ратнаго коня;
Съ послѣднимъ вздохомъ лопнула подпруга.
И, чуть дыша, покоится близъ друга
И всадникъ тотъ, что управлялъ конемъ.
Одни лежатъ на берегу потока,
И, кажется, надъ павшими жестоко
Смѣется онъ въ теченіи своемъ.
Одинъ глотокъ... Ихъ жажда жжетъ огнемъ.
Смочить уста предъ тѣмъ, какъ лечь въ могилу!
Они къ водѣ влачатся черезъ силу,
Оставивъ слѣдъ кровавый за собой,
Истощены попыткой роковой.
И вотъ рѣка... Склонившись надъ струями,
Они почти коснулись ихъ устами,
Прохладой обвѣваетъ ихъ рѣка.
Въ послѣдній разъ... Къ чему же промедленье?
Но то не жажда—смертная тоска...
Она уже забыта, далека,—
И для нея не нужно утоленья.

XVII.

Подъ липой, отъ событій тѣхъ вдали,
Что по его винѣ произошли
Лежалъ боецъ, въ немъ угасала сила;
Жизнь Лары съ кровью быстро уходила.
Тотъ, въ комъ онъ видѣть спутника привыкъ,
И въ немъ нашелъ единую охрану,
Склонясь надъ нимъ, зажать стремится рану.
Надъ нимъ Каледъ заботливо поникъ.
При каждомъ содраганіи жестокомъ
Струилась кровь чернѣющимъ потокомъ.
Съ упадкомъ силъ—слабѣй ея волна,
Но гибельна не менѣе она,
Онъ говорить не можетъ, и движенья
Усиливаютъ лишь его мученья,
Но руку онъ съ улыбкой грустной жметъ
Тому, кто хочетъ облегчить ихъ гнетъ,
Тому, кого ничто не безпокоитъ
И не страшитъ. Онъ на груди покоитъ
Лишь блѣдный ликъ съ застывшей на челѣ
Предсмертной влагой, съ потускнѣвшимъ взоромъ,
Теперь полуугасшимъ, но въ которомъ
Онъ видитъ свѣтъ единый на землѣ.

XVIII.

Вездѣ враги осматриваютъ поле.
Побѣды нѣтъ, покуда вождь—на волѣ.
Но взять его нельзя полуживымъ.

На нихъ глядитъ съ презрѣньемъ онъ нѣмымъ,
Въ немъ онъ нашелъ съ судьбою примиренье.
Отъ ненависти въ жизни смерть—спасенье.
И Ото здѣсь: глядитъ на кровь того,
Кѣмъ раненъ былъ; къ нему нагнулся Ото,
Но—словно передъ нимъ забытый кто то—
Не отвѣчаетъ Лара ничего.
Съ Каледомъ говоритъ онъ; непонятно
Значенье словъ, произносимыхъ внятно.
На языкѣ чужомъ онъ говоритъ,
Съ которымъ онъ воспоминаньемъ связанъ,
Его рѣчей предсмертныхъ смыслъ открытъ
Лишь одному, кто такъ къ нему привязанъ;
Тотъ тихо отвѣчаетъ, всѣ кругомъ
Внимаютъ въ изумленіи нѣмомъ;
О настоящемъ, уносясь въ былое,
И въ смертный часъ забыли эти двое.
Слитъ воедино мрачный ихъ удѣлъ,
И тайной ихъ никто не овладѣлъ.

XIX.

Лишь выраженье голоса и тонъ
Показываютъ какъ важна бесѣда.
Когда судить по голосу Каледа,
Изъ нихъ двоихъ былъ къ смерти ближе онъ:
Такъ трепетно, столь полные печали
Слова его съ безкровныхъ губъ слетали,
Но голосъ Лары твердымъ былъ вначалѣ,
До той поры, какъ смерти хрипота
Не оковала блѣдныя уста.
Онъ устранялъ загадки разрѣшенье
Безстрастнымъ нераскаяннымъ лицомъ,
Лишь на Каледѣ съ лаской предъ концомъ
Остановилъ онъ взоры на мгновенье.
Когда-жъ тотъ смолкъ, подавленный тоской—
Ему Востокъ онъ указалъ рукой,
Гдѣ въ этотъ мигъ побѣдно разорвало
Свѣтило дня тумановъ покрывало.
Случайно-ль онъ указывалъ туда?
Припомнилъ ли минувшіе года?
Но—словно солнце было видѣть больно
Глазамъ пажа, онъ, задрожавъ невольно,
Взоръ опустилъ на блѣдное чело,
Что сумракомъ ночнымъ заволокло.
Но Лара былъ, къ несчастію, въ сознаньѣ:
Когда ему—въ напутствіи душа
Нуждается, страдая и грѣша—
Крестъ поднесли, то чувствомъ покаянья
Въ немъ не смягчилась ни одна черта,
Но дрогнули презрѣніемъ уста.
Межъ тѣмъ Каледъ, предчувствуя разлуку,
Глазъ не сводившій съ блѣднаго чела,
Нахмурился, и рѣзко отвела
Рука его съ крестомъ священнымъ руку,
Какъ будто крестъ—помѣха въ смертный часъ,
Не зналъ онъ, что съ кончиной тѣмъ изъ насъ,

Кто вѣрою вооруженъ Христовой,
Восходитъ лучъ безсмертной жизни новой.

XX.

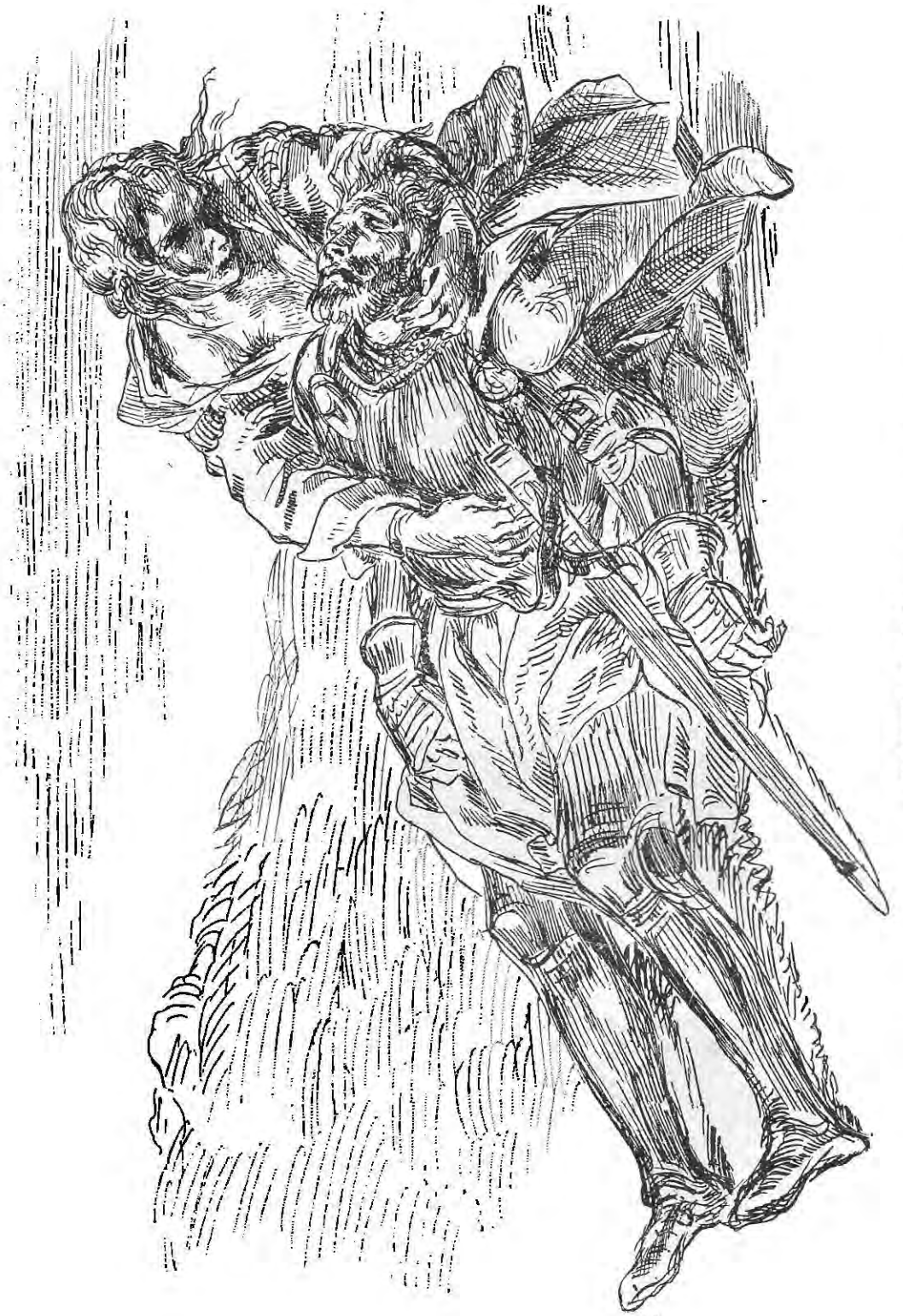
Но Лары грудь дышала тяжелѣй,
Въ его очахъ уже сгущались тѣни
И голова упала на колѣни,
Что неустанно въ слабости своей
Опорой были ей. Каледа руку
Своей рукой на сердце онъ кладетъ,
Но къ слабому его біенья звуку
Прислушаться напрасно хочетъ тотъ;
Оно молчитъ... Съ надеждою безплодной
Не выпускаетъ онъ руки холодной.
Не бьется ли?... Простись, мечтатель, съ нимъ,
Не Лара здѣсь, а то, что было имъ.

XXI.

Онъ такъ глядѣлъ, какъ будто духъ надменный
Еще живилъ собою прахъ смиренный;
Въ сознанье привестн его хотятъ,
Но къ мертвому какъ бы прикованъ взглядъ.
Когда же Лара, не дышавшій больше,
Былъ взятъ людьми, стоявшими вокругъ,
И словно прахъ, во прахъ упала вдругъ
Та голова, что онъ желалъ бы дольше
Покоить на груди—онъ, нѣмъ и тихъ,
Стоялъ, глядѣлъ, не рвалъ кудрей своихъ,
Но вдругъ упалъ, тоской сраженъ смертельно,
Какъ тотъ, кто имъ любимъ былъ безпредѣльно.
Любимый имъ? Знавалъ ли изъ мужчинъ
Подобную любовь хотя одинъ?
Въ ужасный мигъ открылася случайно
Давно полуразгаданная тайна;
Грудь обнажили, чтобъ его привесть
Въ сознаніе, и полъ его открылся.
Когда вернулась жизнь, онъ не смутился.
Что ей теперь и женственность, и честь?

XXII.

И Лара спитъ—отъ праотцевъ вдали;
Его въ землѣ глубоко погребли,
И сонъ глубокъ, хотя водой святою
Никто не окропилъ сырой земли
И не украсилъ холмъ его плитою.
Онъ болѣе, чѣмъ вождь—народомъ, тою
Оплаканъ былъ, чья тихая тоска
Не такъ, какъ скорбь народная, громка.
Грозили ей, допрашивали властно,
Но было это до конца—напрасно.
Изъ-за того-ль, кто нравомъ былъ суровъ,
Покинула она родимый кровъ?
За что онъ былъ любимъ? Ни слова болѣ!
Любить иль не любить—не въ нашей волѣ.
Онъ могъ быть нѣженъ: у такихъ людей



СМЕРТЬ ЛАРЫ.

Рисунокъ перомъ Деларуа (La mort de Lar a. Dessin à la plume par Eugène Delacroix).

Въ душѣ глубокой намъ читать труднѣй.
И кто безпеченъ—тѣмъ не можетъ сниться,
Какъ сильныя сердца способны биться.
Та цѣпь, что сердце женщины могла
Такъ приковать, особою была.
Но говорить о томъ Каледъ не въ силахъ,
Другихъ уста сомкнулися въ могилахъ.

XXIII.

Онъ былъ похороненъ. Нашлись на немъ
Помимо раны свѣжей и глубокой—
Старинныя зазубрины мечомъ,
Добытыя въ войнѣ уже далекой.
Гдѣ-бъ не провелъ онъ дней своихъ весну—
Въ краю бывалъ онъ, гдѣ вели войну.
Покрылъ себя позоромъ онъ иль славой—
Участникомъ онъ былъ въ борьбѣ кровавой.
Лишь Эццелинъ могъ истинѣ помочь,
Но навсегда исчезъ онъ въ эту ночь.

XXIV.

И въ эту ночь—(таковъ разсказъ вассала)—
Долиной проходилъ онъ, что лежала
Межъ двухъ владѣній; поблѣднѣлъ востокъ
И Цинтіи полускрывался рогъ.
Онъ рано всталъ: дровъ нарубить съ зарею,—
Лишь этимъ онъ кормился самъ съ семьею.
И близъ рѣки, что рубежемъ легла
Межъ замкомъ Ото и землею Лары,
Услышалъ онъ въ лѣсу копытъ удары,
И всадникъ съ ношей поперекъ сѣдла
Вдругъ вынесся. Она была закрыта,
Обернутая складками плаща,
Лицо его—опущено и скрыто.
За всадникомъ слѣдилъ онъ трепеща,
Предчувствуя, что кровь была пролита;
Онъ увидалъ, скрываясь вдалекѣ,
Какъ спрыгнулъ всадникъ, подскакавъ къ рѣкѣ,
И ношу въ волны бросилъ онъ съ размаха.
И тутъ-же осмотрѣвшись не безъ страха,
Вдоль по теченью онъ пошелъ за тѣмъ,
Что подъ волною скрылось не совсѣмъ;
Тогда нагнулся онъ за валунами,
Которые нанесены волнами,
И самые большіе изъ камней
Онъ сталъ бросать, стремясь попасть вѣрнѣй.
Межъ тѣмъ вассалъ пробрался осторожно
Туда, откуда рѣку видѣть можно:
Украшена подобіемъ звѣзды—
Всплывала чья-то грудь поверхъ воды.
Но трупъ едва онъ разглядѣлъ плавучій,
Какъ брошенъ камень былъ рукой могучей,
И—пораженъ—мертвецъ пошелъ ко дну,
И пурпуромъ окрасилъ онъ волну.
Въ послѣдній разъ, но—дальше тѣло всплыло,
Оно въ волнахъ едва замѣтно было,

Онъ увидалъ, скрываясь вдалекѣ,
Какъ спрыгнулъ всадникъ, подскакавъ къ рѣкѣ,
И ношу въ волны бросилъ онъ съ размаха.

Рис. Джонсъ (S. I. E. Jones), грав. Шевалье (Chevalier).

И всадникъ ждалъ, покуда не прошло
Волненье на рѣкѣ, затѣмъ въ сѣдло
Вскочилъ онъ вмигъ—онъ былъ замаскированъ—
Погналъ коня и ускакалъ. Взволнованъ,
Не разглядѣлъ вассалъ черты лица
Несомаго волнами мертвеца,
Но если впрямь колетъ его украшенъ
Былъ рыцарской звѣздой—являлся въ ней
Сэръ Эццелинъ въ ту ночь среди гостей,
Разсвѣтъ которой былъ нежданно страшенъ.
Пошли, Творецъ, душѣ его покой!
Несется въ море трупъ безъ погребенья,
И думать мы должны изъ сожалѣнья,
Что былъ сраженъ не Лары онъ рукой.

XXV.

Ихъ нѣтъ—Каледа, Лары, Эццелина,
Ни надъ однимъ не высится плита;
Увесть пажа отъ мѣстъ, гдѣ пролита
Въ сраженіи была кровь господина—
Никто не могъ. Былъ гордый духъ смягченъ,
Тиха ея слеза, чуть слышенъ стонъ.
Но яростью въ ней чувства загорались,
Когда ее отъ мѣстъ увлечь старались,
Гдѣ—мнилось ей—и нынѣ съ нею онъ.
Глаза сверкали, словно у лишенной

Дѣтенышей, тигрицы разъяренной.
Когда свобода ей была дана,
Съ воздушными видѣньями она
Тамъ рѣчь вела—созданьями Печали,
И нѣжностью слова ея звучали.
Подъ деревомъ, гдѣ Лары голова
Склонилась ей на грудь въ предсмертной мукѣ—
Припоминались ей его слова,
Послѣднее пожатье при разлукѣ.
Обрѣзавъ косы черныя свои,
Ихъ прятала она, иль, въ забытьи
Къ землѣ ихъ прижимая, разстилала,
Какъ будто кровь остановить желала.
Съ собою говорила за него,
Иль, вдругъ вскочивъ, бѣжать звала его.
Казалось ей: онъ окруженъ врагами.
Иль на траву садилася въ тоскѣ,
Закрывъ лицо прозрачными руками,
И выводила буквы на пескѣ.
Она жила недолго и могила
Ея любовь и тайну схоронила.

О. Чюмина.

ЕВРЕЙСКІЯ МЕЛОДІИ.

Осенью 1814 г. лордъ Байронъ познакомился черезъ посредство общихъ друзей съ композиторомъ Исаакомъ Натаномъ (Nathan), даровитость котораго вызвала къ нему расположеніе знаменитаго уже тогда поэта. Слава Байрона на родинѣ тогда, какъ и послѣ, состояла изъ слѣдующихъ элементовъ: восторженное признаніе со стороны немногочисленныхъ друзей, успѣхъ среди анонимной массы читателей, охотно раскупавшихъ его поэмы, ворчливая и придирчивая критика присяжныхъ журнальныхъ зоиловъ, и наконецъ репутація безнравственнаго кутилы и опаснаго донжуана, привлекавшая ему эпидемическое поклоненіе свѣтскихъ лэди и суровое осужденіе остальной части чопорнаго англійскаго общества. Высокомѣрное презрѣніе поэта къ своимъ глупымъ, а въ большинствѣ случаевъ и лицемѣрнымъ врагамъ и непрошеннымъ поклонницамъ окрашивалось часто въ безпощадную мизантропію, которой онъ любилъ давать подкладку философскаго пессимизма. Однако это не мѣшало ему испытывать искреннюю и теплую симпатію ко всѣмъ скромнымъ, простымъ душамъ, вступавшимъ безъ предвзятой идеи въ сферу притяженія его обаятельной личности. Къ такимъ именно безкорыстительнымъ симпатизирующимъ натурамъ принадлежалъ Исаакъ Натанъ, которому къ тому же, какъ еврею, были чужды англійскія традиціонныя представленія о нравственномъ поведеніи, требующія соблюденія формъ, а не духа общепризнанныхъ законовъ нравственности. Словомъ, между Байрономъ и Натаномъ установилась, если не дружба—размѣры ихъ личности были слишкомъ несходны для этого,—то во всякомъ случаѣ расположеніе со стороны поэта, поклоненіе и преданность со стороны музыканта. Предложеніе Натана сочинить текстъ для романсовъ, для которыхъ онъ написалъ бы музыку, было принято Байрономъ, и въ январѣ 1815 г. вся серія „Еврейскихъ мелодій", вдохновившихъ впослѣдствіи столько другихъ выдающихся композиторовъ, была готова къ печати.

Мысль эксплуатировать библейскую поэзію внушена была Байрону, конечно, національностью композитора. Востокъ вообще привлекалъ поэтовъ той эпохи, какъ романтическая страна яркой и красивой жизни въ противоположность сѣрой прозѣ окружающей дѣйствительности. Но въ данномъ случаѣ рѣшающимъ моментомъ несомнѣнно являлось близкое знакомство Байрона съ Библіей и любовь его къ ней, какъ поэтическому памятнику. Первое знакомство Байрона съ Библіей относится къ раннему дѣтству: няня его, Мэй Грей, укладывая его спать, пѣла ему пѣсни, разсказывала сказки и легенды, а также заставляла его повторять за ней псалмы; въ числѣ первыхъ вещей, которыя онъ зналъ наизусть, были 1-й и 23-й псалмы. Въ письмѣ 1821 г. изъ Италіи онъ просилъ своего друга Муррэя прислать ему Библію. „Не забудьте этого, — прибавляетъ онъ, — потому что я усердный читатель и почитатель этихъ книгъ; я ихъ прочелъ отъ доски до доски, когда мнѣ еще не было восьми лѣтъ,—т. е. я говорю о Ветхомъ Завѣтѣ, ибо Новый Завѣтъ производилъ на меня впечатлѣніе заданнаго урока, а Ветхій доставлялъ только удовольствіе". На послѣднемъ этапѣ жизненнаго пути поэта, въ Миссолонги, Библія всегда лежала на его столѣ. Сотрудникъ

его по греческой экспедиціи, д-ръ Кэннеди, убѣжденный піэтистъ, стремившійся обратить къ религіи великую, но заблудшую душу Байрона, часто бесѣдовалъ съ нимъ о Библіи, но поэта и тогда привлекала больше художественная сторона священныхъ книгъ. „Я помню,— разсказываетъ одинъ изъ свидѣтелей этихъ бесѣдъ, Финлей,—онъ (Байронъ) спросилъ доктора (Кэннеди), вѣритъ ли тотъ въ привидѣнія, прочелъ разсказъ о появленіи духа Самуила передъ Сауломъ и сказалъ, что это одно изъ самыхъ величественныхъ мѣстъ Писанія; дѣйствительно, какъ уже часто было отмѣчено, мало кто былъ болѣе начитанъ въ священныхъ книгахъ (чѣмъ Байронъ), и я слышалъ отъ него, что очень рѣдкій день проходитъ, чтобы онъ не прочелъ ту или другую главу изъ маленькой карманной Библіи", которая всегда была при немъ. Разсказъ объ Аэндорской волшебницѣ (1-я кн. Царствъ, гл. XXVIII), конечно, заслуживаетъ вышеприведенный отзывъ, а отзывъ этотъ въ свою очередь показываетъ, какъ тонко умѣлъ Байронъ цѣнить строгую и безыскусственную простоту литературныхъ средствъ такой отдаленной эпохи. Мы имѣемъ въ данномъ случаѣ весьма любопытный примѣръ того, что критическое чутье Байрона порой превосходило его собственную силу поэтической реализаціи. Одно изъ стихотвореній, входящихъ въ циклъ „Еврейскихъ мелодій", подъ заглавіемъ „Саулъ" является переложеніемъ упомянутаго мѣста Библіи, и надо сказать, что при всей звучности Байроновскихъ стиховъ, при всей картинности его образовъ онъ здѣсь далеко не достигъ красоты источника. Появленіе тѣни Самуила описывается у него слишкомъ пространно и эффектно, въ соотвѣтствіи съ распространеннымъ тогда вкусомъ къ загробнымъ ужасамъ: „Земля разверзлась; онъ стоялъ въ центрѣ облака; свѣтъ измѣнилъ свой оттѣнокъ, исходя изъ его савана. Въ его пристальныхъ глазахъ сквозила смерть. Его руки поблекли, его жилы изсохли; его ноги сверкали костлявой бѣлизной, тощія, лишенныя мускуловъ и обнаженныя, какъ у скелета. Изъ его неподвижныхъ губъ, изъ его бездыханной грудной клѣтки исходили глухіе звуки, какъ вѣтеръ изъ пещеры. Саулъ увидѣлъ и упалъ на землю, какъ падаетъ дубъ, сраженный ударомъ грома". Въ Библіи, какъ извѣстно, Саулъ не видитъ Самуила и только слышитъ его голосъ: „И увидѣла женщина Самуила, и громко вскрикнула... и сказалъ ей царь: не бойся; что ты видишь? И отвѣчала женщина: вижу какъ бы Бога, выходящаго изъ земли.—Какой онъ видомъ?—спросилъ у нея Саулъ. Она сказала: выходитъ изъ земли мужъ престарѣлый, одѣтый въ длинную одежду. Тогда узналъ Саулъ, что это Самуилъ, и палъ лицомъ на землю и поклонился". Также романтизованъ другой библейскій мотивъ о „Дочери Іефая", (Кн. Суд., гл. XI). Это вообще одно изъ слабѣйшихъ стихотвореній всего цикла, и мы упоминаемъ о немъ лишь для характеристики поэтическихъ пріемовъ Байрона въ данный періодъ. Стихотвореніе Байрона кончается словами дѣвушки къ отцу: „Пусть память обо мнѣ будетъ твоей славой, и не забудь, что я улыбалась, умирая!" Насколько проще и трогательнѣе говоритъ она въ Библіи: „Сдѣлай мнѣ только вотъ что: отпусти меня на два мѣсяца; я пойду, взойду на горы и оплачу дѣвство мое съ подругами моими".

Таковы стихотворенія, въ которыхъ Байронъ стремился объективно поэтизировать литературный матеріалъ, заимствованный изъ Библіи. Въ нихъ видно его мастерство, но не видно того высокаго лиризма, который дѣлаетъ его геніальнымъ поэтомъ всегда, когда затронуто лично имъ пережитое чувство. Гораздо ярче поэтому проявился талантъ Байрона тамъ, гдѣ онъ пользуется не эпическими, а лирическими мотивами изъ „Псалмовъ", „Экклезіаста" или „Книги Іова". Особенно близко къ образу мыслей и привычному настроенію автора подходятъ пессимистическія изреченія Экклезіаста о „суетѣ суетъ". Въ стихотвореніи на эту тему онъ съумѣлъ сохранить вѣрность духу (если не буквѣ) подлинника и вмѣстѣ съ тѣмъ дать выраженіе собственному разочарованію въ земныхъ благахъ и радостяхъ.

Но далеко не всегда поэтъ придерживается опредѣленнаго библейскаго текста, и многія изъ лучшихъ „Еврейскихъ мелодій" носятъ только легкій восточный колоритъ, а въ сущности представляютъ совершенно оригинальныя по содержанію и по формѣ произведенія. Къ этому числу принадлежатъ всѣ тѣ стихотворенія, въ которыхъ оплакивается печальная судьба избраннаго народа послѣ плѣненія и разселенія по чужимъ землямъ. Въ нихъ отражается присущее постоянно Байрону сочувствіе угнетеннымъ народамъ, и ихъ можно сопоставить съ лучшими мѣстами

его поэмъ, посвященными порабощенной Италіи и Греціи. Глубоко прочувствованный мрачный лиризмъ здѣсь соединяется съ необыкновенно выразительными и яркими образами, напоминающими „Плачъ Іереміи". Недаромъ поэты другихъ народовъ, огорченные утратой родины, находили въ этихъ стихотвореніяхъ отзвукъ своимъ чувствамъ и перекладывали ихъ на свой языкъ въ примѣненіи къ своему отечеству. Такъ напр. заключительные стихи прекрасной элегіи „О, плачьте о тѣхъ": „У дикаго голубя есть гнѣздо, у лисицы нора, у людей родина, у Израиля только могила", почти дословно переведены Зигмунтомъ Красинскимъ съ замѣной Израиля полякомъ*). Къ той же категоріи стихотвореній, имѣющихъ лишь весьма отдаленную связь съ библейскимъ текстомъ, надо отнести и наиболѣе популярное у насъ, вслѣдствіе перевода Лермонтова, стихотвореніе „Душа моя мрачна". Относительно него Натанъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ анекдотъ, повторяемый за нимъ всѣми біографами великаго поэта, будто бы Байронъ написалъ эти два восьмистишія однимъ почеркомъ пера, какъ бы въ порывѣ безумія, желая посмѣяться надъ ходившей въ обществѣ сплетней, что онъ дѣйствительно одержимъ душевнымъ недугомъ. Едва ли однако этотъ фактъ, если онъ въ дѣйствительности и имѣлъ мѣсто, правильно понятъ очевидцемъ, потому что стихотвореніе это само по себѣ не заключаетъ ничего безумнаго, и если Байронъ и написалъ его въ связи со слухами объ его сумашествіи, то развѣ только съ цѣлью доказать какъ разъ обратное,—что такую вещь не можетъ создать помѣшанный. Какъ бы то ни было, стихи эти, несомнѣнно, съ особенной яркостью отражаютъ душевное состояніе автора. Это не объективное воспроизведеніе психологіи фиктивнаго іудейскаго царя, а болѣзненный лирическій порывъ, лишь слегка прикрытый экзотической фабулой, напоминающей игру Давида передъ Сауломъ, и въ этой субъективности заключается весьма любопытный психологическій документъ, цѣнный для біографіи поэта.

Дѣло въ томъ, что „Еврейскія мелодіи" писались въ періодъ времени, предшествующій свадьбѣ Байрона, когда онъ старался увѣрить себя и другихъ, что онъ поставилъ крестъ на прошломъ, что онъ счастливъ или по крайней мѣрѣ спокоенъ, уравновѣшенъ и способенъ свѣтло смотрѣть въ будущее. И вдругъ такой отчаянный вопль души: „Я хочу плакать, иначе это отягченное сердце разорвется". Откуда такая подавленность?... Полгода тому назадъ поэтъ забросилъ свой дневникъ, оканчивающійся цитатой изъ „Короля Лира": „Шутъ, я съ ума сойду!" Общественныя и личныя дѣла одинаково плохи и наводятъ только на мрачныя мысли. Во Франціи возстановлены Бурбоны: „Повѣсьте же философію!" —цитируетъ Байронъ опять Шекспира. Въ личной жизни никакой отрады: „Въ двадцать пять лѣтъ, когда лучшая часть жизни минула, хочется быть чѣмъ-нибудь; а что я такое? Человѣкъ двадцати пяти лѣтъ и нѣсколькихъ мѣсяцевъ—и больше ничего. Что я видѣлъ? Тѣхъ же самыхъ людей по всему свѣту—ахъ, и женщинъ къ тому же". Въ прошломъ у него нѣтъ ничего — настолько ничего, что онъ не хочетъ возвращаться къ своимъ воспоминаніямъ, „какъ песъ на свою блевотину" (еще реминисценція изъ Библіи). Впереди ему улыбается „сонъ безъ сновъ" (еще отзвукъ Шекспира). Старая и несчастная любовь его къ Мэри Чевортъ еще не пережита: она несчастна замужемъ, пишетъ ему дружескія письма, съ грустью и сожалѣніемъ вспоминаетъ о прошедшихъ дняхъ, „счастливѣйшихъ въ ея жизни". Онъ глубоко страдаетъ, старается забыться въ кутежахъ среди веселыхъ гулякъ и доступныхъ подругъ, но еще больше ухудшаетъ состояніе своей души. Имъ овладѣваетъ желаніе прибѣгнуть къ героическому средству для излѣченія: „Я исправлюсь, я женюсь,—если только кто-нибудь захочетъ взять меня". Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его будущая жена, Аннабелла Мильбанкъ, не отказалась его взять, и онъ добросовѣстно старается быть достойнымъ ея совершенствъ и быть счастливымъ тѣмъ счастьемъ, которое ему даруютъ. Намѣренія у него прекрасныя и плоть тверда, но духъ немощенъ. Старыя разочарованія отравляютъ новую надежду, старая любовь обезцвѣчиваетъ новую любовь. Въ позднѣйшей своей поэмѣ „Сонъ" онъ утверждаетъ, что даже когда онъ стоялъ передъ алтаремъ рядомъ съ прелестной невѣстой, въ его мысленныхъ взорахъ пронеслась картина послѣдняго, печальнаго свиданія съ другой дѣвушкой,— пронеслась и исчезла, и онъ стоялъ, [illegible]

*) Każdy ptach ma swoje gniazdo,
Każdy robak swoją bryłę,
Każdy człowiek ma ojczyznę,
Tylko Polak ma mogiłę.

койный и безпечный, произносилъ положенные обѣты, но не слышалъ собственныхъ словъ, и всѣ предметы кружились вокругъ него...“ Вотъ онъ уже счастливый супругъ, и всѣ считаютъ его таковымъ, да и онъ самъ готовъ вѣрить въ свое возрожденіе, но чуткое сердце женщины не могло обмануться: лэди Байронъ съ замѣчательной прозорливостью угадывала, что ея мужъ не пріобрѣлъ покоя своей мятежной душѣ. „Я помню,—говоритъ Байронъ въ недавно опубликованныхъ сполна „Отрывочныхъ мысляхъ“*), — какъ, проведя въ обществѣ цѣлый часъ въ необычайной, искренней, можно даже сказать блестящей веселости, я сказалъ женѣ:—меня называютъ меланхоликомъ, даже злоупотребляютъ этимъ названіемъ, — ты видишь сама, Bell, какъ часто это оказывается несправедливымъ.— Нѣтъ, Байронъ, — отвѣчала она, — это не такъ; въ глубинѣ сердца ты—печальнѣйшій изъ людей, даже въ тѣ минуты, когда кажешься самымъ веселымъ...“ Очевидно, „душа его была мрачна“ хронически, даже въ промежутокъ времени между успѣшнымъ предложеніемъ и свадьбой, и если онъ на людяхъ старался замаскировать свою мрачность манерами свѣтскаго человѣка, то въ моментъ творчества онъ не въ силахъ былъ лгать себѣ и изливалъ свою душу подъ прозрачною фикціей израильскаго мудреца или царя.

Впрочемъ, онъ не всегда прибѣгалъ и къ этому пріему. Въ числѣ „Еврейскихъ мелодій“ есть нѣсколько такихъ, въ которыхъ при другомъ сосѣдствѣ никто не могъ бы усмотрѣть ничего восточнаго или библейскаго: это субъективная лирика чистѣйшей воды, и основной тонъ ея все тотъ же безпросвѣтно меланхолическій. Таково необыкновенное по простотѣ и искренности небольшое стихотвореніе „Солнце безсонныхъ“, обработанное для музыки многими композиторами: все уже пережито, но и воспоминанія о прошломъ только мерцаютъ безсильными лучами, какъ меланхолическая звѣзда, а грѣть не могутъ.

Изъ любовныхъ стихотвореній, вошедшихъ въ циклъ „Еврейскихъ мелодій“, нѣтъ ни одного, которое было бы навѣяно наивной страстностью „Пѣсни пѣсенъ“, и всѣ они носятъ чисто сѣверный, меланхолическій характеръ, воплощая также несомнѣнно пережитые авторомъ моменты. Одно только открывающее весь циклъ („Она шла въ своей красѣ“), по отсутствію тяжелаго раздумья, рѣзко отличается отъ всѣхъ дальнѣйшихъ стихотвореній, несмотря на свое изящество и богатство образовъ; впрочемъ, оно и было присоединено къ остальнымъ лишь впослѣдствіи, и очевидно не слито съ ними единствомъ настроенія. Зато другое („О, похищенная во цвѣтѣ красоты“), обращенное къ неизвѣстной умершей дѣвушкѣ, вполнѣ поддерживаетъ господствующій тонъ безнадежной грусти: на безвременную могилу, у журчащаго потока, печаль часто будетъ приходить, чтобы склониться изнеможенной головой и напоить свои тяжелыя мысли грезами; все прошло, — слезами не возвратить невозвратнаго, но это утѣшеніе не осушаетъ ни одной слезы...

Таковъ составъ разбираемой группы стихотвореній. Приступивъ къ ней чисто внѣшнимъ образомъ, какъ къ заданной темѣ, поэтъ недолго выдержалъ роль объективнаго виртуоза, а вложилъ тотчасъ же въ свой урокъ дорогія мысли и выстраданныя чувства. Это обезпечиваетъ „Еврейскимъ мелодіямъ“ почетное мѣсто среди прочихъ лирическихъ произведеній Байрона, а слѣдовательно и во всемірной поэзіи.

Евг. Дегенъ.

*) Цитируемъ по книгѣ проф. Алексѣя Н. Веселовскаго «Байронъ» М. 1902.

ЕВРЕЙСКІЯ МЕЛОДІИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нижеслѣдующія стихотворенія были написаны по просьбѣ моего друга, Дугласа Кинэрда, для Сборника Еврейскихъ Мелодій. Они напечатаны вмѣстѣ съ музыкой, на которую положены гг. Брэгэмомъ и Натаномъ.

Январь 1815.

I.

ОНА ИДЕТЪ ВЪ КРАСѢ СВОЕЙ.

(She walks in beauty).

Она идетъ въ красѣ своей,
Какъ ночь, горящая звѣздами,
И въ глубинѣ ея очей
Тьма перемѣшана съ лучами,
Преображаясь въ нѣжный свѣтъ,
Какого въ днѣ роскошномъ нѣтъ.

И много граціи своей
Краса бы эта потеряла,
Когда бы тьмы подбавить къ ней,
Когда бъ луча недоставало,
Въ чертахъ и ясныхъ и живыхъ,
Подъ черной тѣнью косъ густыхъ.

И щеки рдѣютъ и горятъ,
Уста манятъ улыбкой нѣжной,
Черты такъ ясно говорятъ,
О жизни свѣтлой, безмятежной,
О мысляхъ, зрѣющихъ въ тиши,
О непорочности души.

Д. Михаловскій.

II.

НА АРФѢ СВЯЩЕННОЙ МОНАРХА ПѢВЦА.

(The harp the monarch minstrel swept).

На арфѣ священной монарха пѣвца
Струна отзвучала навѣки.
Могучею силой волнуя сердца,
Она призывала на подвигъ борца,
Внимали ей горы и рѣки...

И звукъ ея сердцу отрадою былъ,
Смягчалися скорбь и обида,
И славившій пѣснею Господа силъ,
Давидъ псалмопѣвецъ—затмилъ
Царя Іудеи Давида.

Властитель народа, избранникъ небесъ,
На арфѣ онъ славилъ священной
Красу міросданья, величье вселенной
И тайны Господнихъ чудесъ.

Пусть звуки тѣхъ пѣсенъ давно отзвучали.
Но вѣрою бьются сердца,
И къ небу взывая въ тоскѣ и печали,
Мы внемлемъ и нынѣ, какъ прежде внимали,
Умолкнувшей арфѣ пѣвца.

О. Ч[illegible]

III.

О, ЕСЛИ ТАМЪ ЗА НЕБЕСАМИ.

(If that high world).

О, если тамъ, за небесами,
Душа хранитъ свою любовь,
И если съ милыми сердцами
За гробомъ встрѣтимся мы вновь—
То какъ манитъ тотъ міръ безвѣстный,
Какъ сладко смерти сномъ заснуть,
Оставить горе въ поднебесной
И въ вѣчномъ свѣтѣ потонуть!
Не за себя мы, умирая,
У края пропасти дрожимъ
И, къ цѣпи жизни припадая,
Звеномъ послѣднимъ дорожимъ.
О, буду счастливъ я мечтою,
Что, вѣчной жизнію дыша,
Въ безсмертіи съ моей душою
Сольется милая душа!

Д. Михаловскій.

IV.

ГАЗЕЛЬ.

(The wild gazelle).

Газель, свободна и легка,
Бѣжитъ въ горахъ родного края,
Изъ водъ любого родника
Въ дубравахъ жажду утоляя.
Газели быстръ и свѣтелъ взглядъ;
Не знаетъ бѣгъ ея преградъ.

Но станъ Сіона дочерей,
Что въ тѣхъ горахъ когда-то пѣли,
Еще воздушнѣй и стройнѣй;
Быстрѣй глаза ихъ глазъ газели.
Ихъ нѣтъ! Все такъ же кедръ шумитъ,
А ихъ напѣвъ уже не звучитъ!

И вы—краса родныхъ полей—
Въ ихъ почву вросшія корнями,
О, пальмы,—участью своей
Гордиться можно вамъ предъ нами!
Васъ на чужбину перенесть
Нельзя: вы тамъ не стали-бъ цвѣсть.

Подобны блеклымъ мы листамъ,
Далеко бурей унесеннымъ...
И гдѣ отцы почили—тамъ
Не опочить намъ утомленнымъ...
Разрушенъ храмъ; Солима тронъ
Врагомъ поруганъ, сокрушенъ!

А. Плещеевъ.

ОНА ИДЕТЪ ВЪ КРАСѢ СВОЕЙ (She walks in beauty).
Рис. Рихтеръ (H. Richter), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

V.

О, ПЛАЧЬТЕ...

(Oh! weep for those).

О, плачьте о тѣхъ, что у рѣкъ вавилонскихъ рыдали,
Чей храмъ опустѣлъ, чья отчизна—лишь греза въ печали;
О, плачьте о томъ, что Іудова арфа разбилась,
Въ обители Бога безбожныхъ орда поселилась!

Гдѣ ноги, покрытыя кровью, Израиль омоетъ?
Когда его снова Сіонская пѣснь успокоитъ?
Когда его сердце, изнывшее въ скорби и мукахъ,
Опять возликуетъ при этихъ божественныхъ звукахъ?

О, племя скитальцевъ, народъ съ удрученной душою!
Когда ты уйдешь отъ позорной неволи къ покою?
У горлицъ есть гнѣзда, лисицу нора пріютила,
У всѣхъ есть отчизна, тебѣ же пріютъ—лишь могила..

Д. Михаловскій

VI.

НА БЕРЕГАХЪ ІОРДАНА.

(On Iordans banks)

У водъ Іордана верблюды Аравіи бродятъ,
Лукавому чтитель его на Синаѣ кадитъ,
На кручи Синая Ваалу молиться приходятъ;
Ты видишь, о Боже,—и громъ твой молчитъ!

Тамъ, тамъ, гдѣ на камнѣ десница твоя начертала
Законъ, гдѣ Ты тѣнью Своею народу сіялъ
И риза изъ пламени славу Твою прикрывала,
Тотъ мертвъ, кто бъ Тебя Самого увидалъ.

Сверкни своимъ взглядомъ разящимъ изъ тучи громовой,
Не дай попирать Твою землю свирѣпымъ врагамъ;
Пусть выронитъ мечъ свой изъ длани властитель суровый;
Доколь будетъ пустъ и покинутъ Твой храмъ?

Д. Михаловскій.

VII.

ДОЧЬ ІЕФѲАЯ.

(Iephta's Daughter).

Если смерть юной дѣвы нужна,
Чтобъ отчизна была спасена
Отъ войны, отъ неволи, отъ бѣдъ...
Мой отецъ! свой исполни обѣтъ!..

Я свою ужъ забыла печаль,
Съ жизнью мнѣ разставаться не жаль,
И убитой любимой рукой,
Будетъ милъ мнѣ могильный покой.

Но, отецъ! кровь моя такъ чиста,
Какъ минуты послѣдней мечта;
О, открой мнѣ объятья свои
И предъ смертію дочь осѣни!

И хоть плачетъ Солимъ за меня,
Не смущайся, будь твердый судья!
Чтобъ отчизна не знала цѣпей,
Не жалѣю я жизни своей.

Но, когда кровь застынетъ моя,
И въ груди ужъ не будетъ огня,
Вспоминай иногда, мой отецъ,
Что съ улыбкой мной встрѣченъ конецъ!

Павелъ Козловъ.

ЛЭДИ ВИЛЬМОТЪ ГОРТОНЪ (Lady Wilmot Horton).

Въ честь ея написано стихотвореніе „Она идетъ въ красѣ своей".

VIII.

СКОНЧАЛАСЯ ОНА...

(Oh, snatched away in beauty's bloom).

Скончалася она во цвѣтѣ красоты...
Не будетъ громоздкой плиты здѣсь надъ могилой;
Надъ ней распустятся роскошные цвѣты
Душистыхъ раннихъ розъ, съ весенней свѣжей силой,
И тихо зашумитъ здѣсь кипарисъ унылый.
И грусть придетъ сюда, съ поникшей головой,
И склонится вонъ тамъ, у синяго потока,
Отдавшись рою грезъ, задумавшись глубоко;
Иль будетъ здѣсь ходить неслышною стопой
И шагъ свой замедлять, оглядываться, слушать...

Какъ будто можетъ кто сонъ мертваго нарушить!..
Довольно! знаемъ мы: напрасно слезы лить—
Да, смерть безчувственна, она глуха къ печали,
Но это можетъ-ли отъ скорби отучить,
Иль плачущимъ внушить, чтобъ менѣе рыдали?
Ты говоришь—я долженъ позабыть.
Но самъ ты слезъ не можешь скрыть.
У самого тебя какъ блѣдны щеки стали!

Д. Мин[illegible]

IX.

ДУША МОЯ МРАЧНА.

(My soul is dark).

Душа моя мрачна. Скорѣй, пѣвецъ, скорѣй!
Вотъ арфа золотая:
Пускай персты твои, промчавшися по ней,
Пробудятъ въ струнахъ звуки рая.
И если не на вѣкъ надежды рокъ унесъ—
Онѣ въ груди моей проснутся,
И если есть въ очахъ застывшихъ капля слезъ—
Онѣ растаютъ и прольются.

Пусть будетъ пѣснь твоя дика. Какъ мой вѣнецъ,
Мнѣ тягостны веселья звуки;
Я говорю тебѣ: я слезъ хочу, пѣвецъ,
Иль разорвется грудь отъ муки.
Страданьями была упитана она,
Томилась долго и безмолвно;
И грозный часъ насталъ—теперь она полна,
Какъ кубокъ смерти, яда полный.

М. Лермонтовъ.

X.

ТЫ ПЛАКАЛА.

(I saw thee weep).

Ты плакала: когда слеза
Лазурь очей твоихъ покрыла,
Казалось, свѣтлая роса
На землю съ неба нисходила.
Ты улыбалась—и алмазъ
Предъ ними долженъ былъ затмиться:
Съ живымъ огнемъ лучистыхъ глазъ
Не можетъ въ блескѣ онъ сравниться.

Какъ солнце тучамъ цвѣтъ даетъ,
Въ нихъ нѣжнымъ отблескомъ играя.
Который съ гаснущихъ высотъ
Не вдругъ прогонитъ тьма ночная,
Такъ ты улыбкою своей
Веселье въ мракъ души вливаешь
И отблескъ радостныхъ лучей
На грустномъ сердцѣ оставляешь.

Д. Михаловскій

ДОЧЬ ІЕФѲАЯ (Iephtha's Daughter).
Рис. Рихтеръ (H. Richter), грав. Шентонъ (H. C. Shenton).

XI.

ТЫ КОНЧИЛЪ ЖИЗНИ ПУТЬ.

(The days are done).

Ты кончилъ жизни путь, герой!
Теперь твоя начнется слава—
И въ пѣснях родины святой
Жить будетъ образъ величавый,
Жить будетъ мужество твое,
Освободившее ее!

Пока свободенъ твой народъ,
Онъ позабыть тебя не въ силахъ.
Ты палъ, но кровь твоя течетъ
Не по землѣ, а въ нашихъ жилахъ;
Отвагу мощную вдохнуть
Твой подвигъ долженъ въ нашу грудь.

Врага заставимъ мы блѣднѣть,
Коль назовемъ тебя средь боя;
Дѣвъ нашихъ хоры станутъ пѣть
О смерти доблестной героя;
Но слезъ не будетъ на очахъ:
Плачъ оскорбилъ бы славный прахъ.

А. Плещеевъ.

XII.

САУЛЪ.

(S a u l).

— „Чаръ твоихъ могучихъ сила
Можетъ мертвыхъ подымать:
Тѣнь пророка Самуила
Я молю тебя призвать!“
— „Самуилъ, возстань изъ гроба!
Царь, вотъ онъ передъ тобой!“
И разверзлася утроба
Мрачной пропасти земной;
Подъ могильной пеленою
Призракъ въ облакѣ стоялъ;
Свѣтъ померкнулъ передъ тьмою
И предъ саваномъ бѣжалъ.
Неподвижный взоръ могилы:
Очи—будто изъ стекла;
Желты руки, сухи жилы,
И нога, какъ кость, бѣла:
Въ темнотѣ она блистала,
Обнаженна и мертва...
Это тѣло не дышало...
Изъ недвижныхъ губъ слова
Предъ трепещущимъ Сауломъ
Пронеслись подземнымъ гуломъ,
Вѣтра ропотомъ глухимъ.
И Саулъ упалъ—смущенный—
Въ прахъ, какъ крѣпкій дубъ, сраженный
Вдругъ ударомъ громовымъ.
— „Кто мой сонъ смутилъ отрадный,
Вызвалъ тѣнь изъ нѣдръ земныхъ?
Царь, взгляни: я призракъ хладный,
Крови въ жилахъ нѣтъ моихъ.
Завтра будетъ то-жъ съ тобою:
Прежде чѣмъ на небесахъ
День погаснетъ—подъ землею
Будетъ твой гніющій прахъ.
Завтра этотъ міръ оставишь:
Ты подъ тучей стрѣлъ въ бою
Упадешь—и самъ направишь
Мечъ тяжелый въ грудь свою.
Близко, близко это время!
Смерть лишитъ тебя вѣнца—
И Саулово все племя
Истребится до конца!“

Д. Михаловскій.

XIII.

ПѢСНЬ САУЛА ПЕРЕДЪ БОЕМЪ.

(Song of Saul before his last battle).

1.

О, вожди! если выйдетъ на долю мою
Предъ Господнимъ народомъ погибель въ бою,
Не смущайтесь! на битву идите смѣлѣй,
Пусть узнаютъ враги силу нашихъ мечей!

2.

Ты, несущій за мною мой лукъ и мой щитъ,
Если войско мое отъ врага побѣжитъ,—
То не дай пережить мнѣ тотъ мигъ роковой,
Пусть умру я, сраженный твоею рукой!..

3.

О, мой сынъ, мой наслѣдникъ, побѣда насъ ждетъ;
Вѣрь,—для насъ торжества чудный мигъ настаетъ,
Вѣрь, что славою вновь нашъ засвѣтитъ вѣнецъ,
Илъ съ тобой, какъ бойцы, мы свой встрѣтимъ конецъ ..

Павелъ Козловъ.

ДОЧЬ ІЕФѲАЯ (Iephtha's Daughter).
Рис. Дьюисъ (J. F. Lewis), грав. Артлетъ (R. A. Artlett).

XIV.

ВСЕ СУЕТА, СКАЗАЛЪ УЧИТЕЛЬ.

(All is Vanity, saith the preacher).

Все мнѣ было судьбою дано:
Власть и мудрость, и слава, и сила,
Въ моихъ кубкахъ сверкало вино,
Мнѣ любовь свои ласки дарила.
Я въ лучахъ красоты согрѣвалъ
Мое сердце, душа въ нихъ смягчалась,
Все, чего-бъ только смертный желалъ,
Съ блескомъ царскимъ въ удѣлъ мнѣ досталось.

Но напрасно стараюсь открыть
Въ прошломъ я изъ всего прожитого,—
Что могло-бы меня обольстить,
Что желалъ-бы извѣдать я снова.
Я не зналъ ни единаго дня
Наслажденья безъ горькой приправы,
Даже блескъ, окружавшій меня,
Былъ мнѣ пыткой среди моей славы.

Полевую змѣю укротитъ
Заклинаній волшебная сила;
Но чья власть ту ехидну смиритъ,
Что кольцомъ своимъ сердце сдавила?
Мудрость мага надъ ней не властна,
Не плѣнятъ ея музыки звуки,
И душа, гдѣ гнѣздится она,
Изнывать будетъ вѣчно отъ муки.

Д. Михаловскій.

XV.

КОГДА НАШЪ ПРАХЪ ОЛЕДЕНИТЪ.

(When coldness wraps this suffering clay).

Когда нашъ прахъ оледенитъ
Нѣмая смерть—куда свободный,
Безсмертный духъ нашъ полетитъ,
Оставивъ этотъ прахъ холодный?
Планетъ-ли путь онъ изберетъ,
Или, съ пространствомъ слившись разомъ,
Все во вселенной обоймётъ
Незримымъ, но всезрящимъ глазомъ?

Онъ, вѣчный, будетъ созерцать,
Что въ небѣ и въ землѣ творится,
И изъ забвенья вызывать—
Что смутно въ памяти таится.
Малѣйшій слѣдъ былыхъ временъ,
Прошедшее съ грядущимъ рядомъ
Схватить способенъ будетъ онъ
Однимъ широкимъ мысли взглядомъ.

Назадъ чрезъ хаосъ проникать
До дней, какъ творческая сила
Міры задумала создать
И нашу землю населила;
Впередъ онъ взоры устремитъ
Туда, въ грядущее вселенной...
Пусть пламя солнца догоритъ,
Но духъ пребудетъ, неизмѣнный.

Освободившись отъ сѣтей
Его стѣсняющаго праха,
Поднявшись выше всѣхъ страстей—
Любви, вражды, надежды, страха,—
Онъ будетъ мыслію летѣть
Надъ всѣмъ, чрезъ все, преградъ не зная,
Забывъ, что значитъ умереть
И вѣчно въ вѣчности витая...

Д. Михаловскій.

XVI.

ВИДѢНІЕ ВАЛТАСАРА.

(Vision of Belshazzar).

1.

Пируетъ царь; сатрапы въ рядъ
Престолъ владыки окружаютъ,
Огни безчисленныхъ лампадъ
Чертоги пышно озаряютъ.
На недостойномъ празднествѣ,
Въ сосудахъ пѣнится священныхъ
И посвященныхъ Іеговѣ—
Вино язычниковъ надменныхъ.

2.

Вдругъ на одной изъ стѣнъ—о чудо!
Всѣ видятъ руку,—и она,
Явясь невѣдомо откуда,
Чертитъ предъ ними письмена.
И, ужасъ чувствуя глубокій,
Дивились люди той рукѣ,
Чертившей, словно на пескѣ,
Свои таинственныя строки.

3.

И Валтасаръ блѣднѣетъ вдругъ
Предъ непонятнымъ приговоромъ;
Въ лицѣ, въ очахъ его—испугъ,
И молвитъ онъ съ тревожнымъ взоромъ:
„Людей мудрѣйшихъ и волхвовъ
Позвать сюда безъ замедленья;
Пусть объяснятъ они значенье—
Прервавшихъ пиръ—волшебныхъ словъ".

4.

Волхвами славится Халдея
И мудрый опытъ ихъ глубокъ,
Но тутъ стоятъ они, блѣднѣя,
Предъ тайной этихъ дивныхъ строкъ.
Изъ Вавилона старецъ вѣщій
Съ другими старцами предсталъ,
Но смысла надписи зловѣщей
Никто изъ нихъ не разгадалъ.

5.

Тогда томившійся въ неволѣ
Какой-то мальчикъ молодой
Открылъ, покорный царской волѣ,
Значенье тайны роковой;
Что было вѣщими устами
Съ закатомъ дня возвѣщено,—
Заутра, съ первыми лучами,
Сбылось воочію оно:

6.

„Падутъ твердыни Вавилона,
Неотразимъ судьбы ударъ,
И съ высоты надменной трона
Сойдетъ въ могилу Валтасаръ.
Могильный саванъ—не порфира—
Одѣнетъ скоро царскій станъ;
Его престолъ—во власти Кира,
У вратъ его—войска мидянъ".

О. Чюмина.

XVII.

СОЛНЦЕ НЕСПЯЩИХЪ.

(Sun of the sleepless).

Неспящихъ солнце, грустная звѣзда,
Какъ слезно лучъ мерцаетъ твой всегда,
Какъ темнота при немъ еще темнѣй,
Какъ онъ похожъ на радость прежнихъ дней!
Такъ свѣтитъ прошлое намъ въ жизненной ночи
Но ужъ не грѣютъ насъ безсильные лучи;
Звѣзда минувшаго такъ въ горѣ мнѣ видна,
Видна, но далека,—свѣтла, но холодна.

гр. **Алексѣй Толстой.**

XVIII.

БУДЬ Я СЕРДЦЕМЪ КОВАРЕНЪ, КАКЪ ТЫ ГОВОРИЛЪ.

(Were my bosom as false as thou deemed it to be).

Будь я сердцемъ коваренъ, какъ ты говорилъ,
Отъ Шалима вдали я-бъ теперь не бродилъ.
Мнѣ лишь было отречься отъ вѣры отцовъ,
Чтобъ стряхнуть съ себя сразу проклятье вѣковъ.

Ты, я знаю, безгрѣшенъ: грѣшитъ только рабъ,
Ты правдивъ и могучъ—я преступенъ и слабъ,
Но пускай я и смертью свой грѣхъ не сотру,
Въ своей вѣрѣ живи, а въ моей—я умру.

За нее я терялъ, сколько дать ты не могъ,
И про то знаетъ Онъ, насъ карающій Богъ,
Моя скорбь и надежда во власти Его,
А въ твоей—моя жизнь, что отдамъ за Него.

Н. Минскій.

XIX.

ПЛАЧЪ ИРОДА О МАРІАМНѢ.

(Herod's lament for Mariamne).

Маріамна! То сердце, по чьей пролилася винѣ
Неповинная кровь,—и само обливается кровью!
Жажда мести и гнѣвъ улеглися во мнѣ,
Презрѣньемъ смѣнясь и любовью
Маріамна, гдѣ ты? Если-бъ стоны и вопли мои
Донеслися къ тебѣ, для которой раскрылась могила,
Ты простила-бы мнѣ въ безконечной любви,
Если-бъ небо само не простило!

Неужели мертва? И убійцы наемнаго мечъ
Совершилъ приговоръ, повинуяся мести ревнивой?
Онъ виситъ надо мной, нити жизни готовясь пресѣчь,
Надъ собой приговоръ я свершу справедливый.
Холодна и мертва! Отъ меня ты на вѣки ушла,
Я стенаньемъ моимъ твой загробный покой не нарушу,
Я покинутъ тобой, а спасти ты одна-бы могла
Только ты—эту мрачную душу.

Съ кѣмъ дѣлилъ я вѣнецъ—той со мною ужъ болѣе нѣтъ.
И, утративъ ее, схоронилъ я всѣ радости съ нею,
Я сорвалъ для меня одного распустившійся цвѣтъ—
Іудеи прекрасной лилею!
Мною кровь пролита, и за страшное дѣло мое
Мнѣ геенна грозитъ, заслужилъ я душою преступной
Гнетъ мученій моихъ, истерзавшихъ ее
И терзающихъ вновь неотступно!

О. Чюмина.

XX.

НА РАЗОРЕНІЕ ІЕРУСАЛИМА ТИТОМЪ.

(On the day of the destruction of Jerusalem by Titus).

Съ холма, гдѣ путники прощаются съ Сіономъ,
Я видѣлъ градъ родной въ его послѣдній часъ:
Пылалъ онъ, отданный свирѣпымъ легіонамъ,
И зарево его охватывало насъ.

И я искалъ нашъ храмъ, искалъ свой бѣдный домъ,
Но видѣлъ лишь огня клокочущее море...
Я на руки свои, въ отчаяньи нѣмомъ,
Взглянулъ: онѣ въ цѣпяхъ—и мщенья нѣтъ! о, горе!

Ахъ! съ этого холма, бывало, я глядѣлъ
На городъ въ этотъ часъ: ужъ мракъ надъ нимъ клубился,
И только храмъ еще въ лучахъ зари горѣлъ,
И розовый туманъ на высяхъ горъ свѣтился.

И вотъ я тамъ-же былъ и въ тотъ послѣдній часъ;
Но не манилъ меня заката блескъ пурпурный.
Я ждалъ, чтобъ Іегова, во гнѣвѣ ополчась,
Ударилъ молніей и вихрь послалъ свой бурный...

Но нѣтъ.. въ Твой храмъ святой, гдѣ Ты, Господь, царилъ,
Не сядутъ, не войдутъ языческіе боги!
Твой зримый храмъ упалъ, но въ сердцѣ сохранилъ
На вѣки твой народъ, Господь, Тебѣ чертоги!

А. Майковъ.

XXI.

У ВОДЪ ВАВИЛОНСКИХЪ, ПЕЧАЛЬЮ ТОМИМЫ.

(By the rivers of Babylon we sat down and wept).

У водъ вавилонскихъ, печалью томимы,
Въ слезахъ мы сидѣли, тотъ день вспоминая,
Какъ врагъ разъяренный по стогнамъ Солима
Бѣжалъ, все мечу и огню предавая.
Какъ дочери наши рыдали! Онѣ
Разсѣяны нынѣ въ чужой сторонѣ...

Свободныя волны катились спокойно...
„Играйте и пойте!“ враги намъ сказали.
Нѣтъ, нѣтъ! Вавилона сыны не достойны,
Чтобъ наши имъ пѣсни святыя звучали;
Рука да отсохнетъ у тѣхъ, кто врагамъ
На радость ударитъ хоть разъ по струнамъ!

Повѣсили арфы свои мы на ивы.
Свободное намъ завѣщалъ пѣснопѣнье
Солимъ, какъ его совершилось паденье;
Такъ пусть-же тѣ арфы висятъ молчаливы:
Во вѣкъ не сольете со звуками ихъ,
Гонители наши, вы пѣсенъ своихъ!

А. Плещеевъ.

XXII.

ПОРАЖЕНІЕ СЕННАХЕРИМА.

(The destruction of Sennacherib).

Ассиріяне шли какъ на стадо волки,
Въ багрецѣ ихъ и въ златѣ сіяли полки,
И безъ счета ихъ копья сверкали окрестъ,
Какъ въ волнахъ Галилейскихъ мерцаніе звѣздъ.

Словно листья дубравные въ лѣтніе дни,
Еще вечеромъ такъ красовались они;
Словно листья дубравные въ вихрѣ зимы,
Ихъ къ разсвѣту лежали развѣяны тьмы.

Ангелъ смерти лишь на вѣтеръ крылья простеръ
И дохнулъ имъ въ лицо, и померкнулъ ихъ взоръ,
И на мутныя очи палъ сонъ безъ конца,
И лишь разъ поднялись и остыли сердца.

Вотъ, расширившій ноздри, повергнутый конь,
И не пышетъ изъ нихъ гордой силы огонь,
И какъ хладная влага на брегѣ морскомъ,
Такъ предсмертная пѣна бѣлѣетъ на немъ.

Вотъ и всадникъ лежитъ, распростертый во прахъ,
На бронѣ его ржа, и роса на власахъ;
Безотвѣтны шатры, у знаменъ ни раба,
И не свищетъ копье, и не трубитъ труба.

И Ассиріи вдовъ слышенъ плачъ на весь міръ,
И во храмѣ Ваала низверженъ кумиръ,
И народъ, не сраженный мечомъ до конца,
Весь растаялъ, какъ снѣгъ, передъ блескомъ Творца!

Гр. **Алексѣй Толстой.**

XXIII.

МНѢ ПРИЗРАКЪ ЯВИЛСЯ

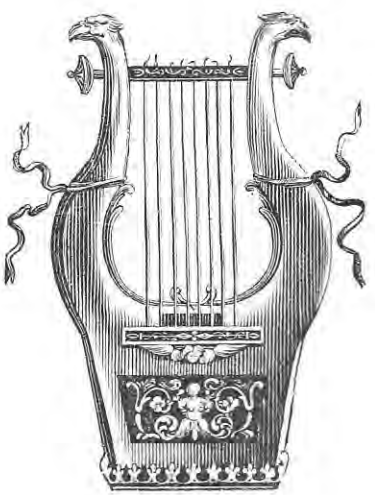
Изъ Іова.

(A spirit passed before me).

Мнѣ призракъ явился—и я безъ покрова
Безсмертье увидѣлъ! На смертныхъ палъ сонъ,
Лишь я отвратить отъ пришельца святого
Не могъ своихъ глазъ, хоть безплотенъ былъ онъ.
И дрогнуло тѣло и дыбомъ сталъ волосъ—
И слуха коснулся божественный голосъ:

„Ужель человѣкъ справедливѣе Бога,
Когда серафимы—подножье Его?
Васъ червь долговѣчнѣй, вы прахъ отъ порога.
А лучше-ль, правдивѣе-ль вы отъ того?
Созданіе дня, вы живете до ночи:
Предъ мудрости свѣтомъ слѣпотствуютъ очи!".

Н. Гербель.



Стихотворенія 1814—1816 гг.

(Poems 1814—1816).

ПРОСТИ!

(Farewell! If ever fondest prayer).

Прости! Когда мольба сильна
За души ближнихъ предъ Отцомъ,
Моя мольба Ему слышна—
И ты оправдана вѣнцомъ...
Нѣмѣетъ страсть и скорбь тиха:
Смѣй, духъ, безъ жалобъ крестъ нести!
Святѣй кровавыхъ слезъ грѣха
Единый стонъ: Прости! Прости!

Уста молчатъ; сухи глаза;
Но въ сердцѣ сиромъ не замретъ
Неизсушимая слеза,
И боль, и память—не уснетъ...
Духъ говоритъ: Не прекословь,
Хоть боль не хочетъ рокъ нести!
Лишь знай: вотще была любовь,—
И все вмѣсти въ одно: Прости!

Вячеславъ Ивановъ.

РАЗЛУКА.

(When we two parted).

Я помню разлуки
Убійственный зовъ,
Безгласныя муки
И слезы безъ словъ,
Блѣдный, какъ снѣгъ, твой ликъ,
Поцѣлуй холоднѣй...
Скорбный, сулилъ тотъ мигъ
Скорбь этихъ дней!

Зорь мутныхъ туманы
Застлали мнѣ взоръ,
Пророча обманы.
Паденье, позоръ...
Обѣтъ мой—ненуженъ,
И стыдъ твой—мой стыдъ—
Молвѣ обнаруженъ
Стожалыхъ обидъ.

Какъ звонъ похоронный,
Звукъ имени твой
Мнѣ митъ, повторенный
Стоустой молвой.
Чью память кляну я,
Чей въ сердцѣ кумиръ
Храню я, казню я,—
Не вѣдаетъ міръ.

Насъ тайна свела—
Скорблю я безгласно,
Что забыть ты могла,
Что я вѣрилъ напрасно;
И встрѣтить готовъ
Въ срокъ тайный свиданье,
Какъ встрѣтилъ страданье,—
Въ слезахъ и—безъ словъ.

Вячеславъ Ивановъ.

ЛЮБОВЬ И ЗОЛОТО.

(Love and Gold).

Я долженъ о любви молчать,
Хоть вы прекрасны и свободны.
Есть чары: страсти благородной
Отъ нихъ приходится бѣжать.
Онѣ влекутъ лишь тьму притворныхъ
Поклонниковъ вздыхать о васъ,
Гнать истину отъ васъ упорно,
Ткать лесть фальшивыхъ, пышныхъ фразъ.
Увы! полезно вамъ сомнѣнье.
Старайтесь жить, не полюбя.
Любви не вѣрьте увѣреньямъ,
Хотя бы въ ней клялся вамъ я.
Какимъ путемъ вамъ убѣдиться,
Правдивы-ль ложны тѣ слова?
О, вы всего должны страшиться
Въ сѣтяхъ такого волшебства!
Вздыхающую вашу свиту,
То стадо, что у вашихъ ногъ,
Амуръ-ли, Плутусъ-ли привлекъ,
Отъ васъ, увы, совсѣмъ сокрыто.
Однихъ природа, тѣхъ расчетъ
Влечетъ вамъ гимнъ слагать нестройный.
Вы сердца лучшаго достойны,
Чѣмъ каждый вамъ изъ насъ даетъ.
Была фортуна впрямь слѣпая
И васъ на горе обрекла:
Васъ слишкомъ щедро надѣляя,
Она неласковой была.
Васъ ежедневно новой ложью
Въ бракъ безъ любви хотятъ склонить,
Какъ жертву къ алтаря подножью
Въ цвѣтахъ вѣнчальныхъ заманить.
Простите, милая! Довольно!
Хоть соэнаюсь я добровольно:
Въ васъ все, что можно лишь желать—
Я долженъ о любви молчать.

Пл. Красновъ.

РОМАНСЪ.

(I speak not, I trace not, I breathe not thy name).

Завѣтное имя сказать, начертать
Хочу—и не смѣю молвѣ нашептать.
Слеза жжетъ ланиту—и выдастъ одна,
Что въ сердцѣ нѣмая таитъ глубина.

Такъ скоро для страсти, для мира сердецъ
Раскаяньемъ поздно положенъ конецъ
Блаженству—иль пыткамъ?.. Не намъ ихъ заклясть
Мы рвемъ ихъ оковы—насъ сводитъ ихъ власть.

Пей медъ; преступленья оставь мнѣ полынь!
Мой идолъ, прости меня! хочешь—покинь!
Но сердце любви не унизитъ вовѣкъ:
Твой рабъ я,—не сломитъ меня человѣкъ.

И въ горькой кручинѣ пребуду я твердъ:
Смиренъ предъ тобой и съ надменными гордъ.
Забвенье съ тобой—иль у ногъ всѣ міры?..
Мгновенье съ тобой всѣ вмѣстило дары!

И вздохъ твой единый коритъ и мертвитъ;
И взоръ твой единый даритъ и живитъ.
Бездушными буду за душу судимъ:
Не имъ твои губы отвѣтятъ,—моимъ!

Вячеславъ Ивановъ.

РѢЧЬ, ПРИГОТОВЛЕННАЯ ДЛЯ КАЛЕДОНСКАГО МИТИНГА.

(Adress intended to be recited at the Caledonian meeting).

Кто не былъ восхищенъ страницею кровавой,
Гдѣ Каледоніи описывалась слава?
Гористая страна! Проникнуть вглубь долинъ
Твоихъ ни римлянинъ не смѣлъ, ни датчанинъ.
Старался покорить вотще тиранъ спесивый
Твой плещущій палашъ и духъ вольнолюбивый.

О, предки храбрые! Достойны васъ сыны
И такъ же славою двойной награждены.
Знамена гельскія, саксонскія отнынѣ
Съ англійскими знаменами віются воедино.
Забыты распри ихъ. Свободная ихъ кровь
Уже за Англію теперь пролита вновь.
Такъ не останься глухъ къ солдатскому моленью
И поддержи того, кто славенъ былъ въ сраженьи.

Солдаты-храбрецы, погибшіе въ бою,
Отдавшіе за честь побѣды жизнь свою,
Подъ хладною землей, гдѣ въ шествіи побѣдномъ
Шли ихъ товарищи,—заснули сномъ послѣднимъ...
Они оставили—такъ былъ къ нимъ рокъ суровъ—
Лишь плачущихъ сиротъ и безутѣшныхъ вдовъ.
Смотри, какъ бѣдная съ холмовъ Альбина темныхъ
Не можетъ отвести въ печали глазъ огромныхъ!
Ей въ горѣ кажется, что надъ родной страной
Повисли бѣдствія ужъ тучей грозовой;
Въ далекихъ облакахъ, какъ нѣкій паръ сгущенный,
Ей призракъ видится порой окровавленный...
И грустная вдова печально пѣснь поетъ
И горько сѣтуетъ, что милый не идетъ,—
Межъ тѣмъ, какъ прахъ его лежитъ въ чужбинѣ дальней
И панихиды ждетъ себѣ вотще печальной.

Не люди—небеса во благости своей
Излѣчатъ эту скорбь, что мучитъ сердце ей.
Но время долгое, а также близкихъ нѣжность
Смягчаютъ горечь слезъ и грусти безнадежность.
Народъ признательный вернуть ей можетъ сонъ,
Что прочь отъ ней бѣжалъ, заботой устраненъ;
Ее вниманіемъ онъ можетъ не оставить
И сына воина отъ бѣдности избавить.
А если живъ герой, но, раненый, больной,—
Обязанъ Альбіонъ цѣнить въ немъ пылъ былой,
Остатокъ дней его унылый и печальный,
Позолотить, согрѣть лучомъ любви прощальной,
Чтобъ той же онъ рукой, что встарь враговъ разилъ,
Въ часъ смерти родину свою благословилъ.

Пл. Красновъ.

СТАНСЫ НА СМЕРТЬ СЭРА ПИТЕРА ПАРКЕРА.

(Elegiac stanzas on the death of sir Peter Parker, Bart).

Оплаканъ каждый въ смертный часъ,
У всѣхъ печальники найдутся,
Но надъ героемъ, примирясь
Рыдать народы всѣ сойдутся.

О немъ печали тяжкій стонъ
Чрезъ бурный океанъ промчится,
И если онъ не погребенъ,
То вся земля—его гробница.

Онъ въ каждой книгѣ схороненъ
И некрологомъ онъ блестящимъ
На всѣхъ нарѣчіяхъ почтенъ
И въ будущемъ, и въ настоящемъ.

Когда на пирѣ вспомянетъ
Его кто имя—всѣ въ молчаньи,
И кубокъ круговой нальетъ
Въ честь храбраго воспоминанье.

О немъ въ народѣ говорятъ,
И поминаетъ врагъ съ почтеньемъ.
Кто такъ почить не былъ бы радъ,
Не взялъ тотъ жребій съ восхищеньемъ?

Твой подвигъ жизни, твой конецъ,
О Паркеръ! столь достойны славы.
И молодежь свой образецъ
Въ тебѣ находитъ величавый.

Но тѣ, кому ты сердцемъ милъ,
Рыдаютъ въ горѣ безнадежномъ,
Побѣдѣ, гдѣ убитъ ты былъ,
Внимая съ ужасомъ мятежнымъ.

О какъ печаль имъ превозмочь?
Тебя ли сердце ихъ забудетъ?
Безсильно время имъ помочь:
Ихъ скорбь питаться славой будетъ.

И не тебя, себя имъ жаль.
Сильнѣй ихъ плачъ и укоризны.
Какъ велика о томъ печаль,
Кто плакать не давалъ при жизни!

Пл. Красновъ.

Ю Л І А Н Ъ.

Отрывокъ.

(Julian. A fragment).

I.

На воды пала ночь, и сталъ покой
На сушѣ; но, ярясь, въ груди морской
Гнѣвъ клокоталъ и вѣтръ вздымалъ валы.
Съ останковъ корабельныхъ въ хаосъ мглы
Пловцы глядѣли... Мглу, въ тотъ черный мигъ,
Пронзилъ изъ волнъ протяжный, слитный крикъ,—
За шхеры, до песковъ береговыхъ
Домчался и въ стихійныхъ стонахъ—стихъ.

II.

И въ брезжущемъ мерцаньи, поутру,
Исчезъ и слѣдъ кричавшихъ ввечеру;
И остовъ корабля—на днѣ пучинъ;
Всѣ сгинули, но пощаженъ одинъ.
Еще онъ живъ. На отмель нахлестнулъ
Съ доскою валъ, къ которой онъ прильнулъ,
И, вспять отхлынувъ, сирымъ пренебрегъ,
Единаго забывъ, кого сберегъ,
Кого спасла стихіи сытой месть,
Чтобъ онъ принесъ живымъ о жившихъ вѣсть.
Но кто услышитъ вѣсть? И чьихъ изъ устъ
Услышитъ онъ: „будь гостемъ“? Берегъ пустъ.
Вотще онъ будетъ ждать и звать въ тоскѣ.
Ни ногъ слѣда, ни лапъ слѣда въ пескѣ:
Глазъ не открылъ на островѣ уликъ
Живого; только вереск чахлый никъ.

III.

Всталъ, нагъ и осушая волоса,
Съ молитвой онъ воззрѣлъ на небеса...
Увы, чрезъ мигъ иные голоса
Въ душѣ начальный возмутили міръ.
Онъ—на землѣ; но что тому, кто сиръ
И нищъ, земля? Лишь память злую спасъ,
Да плоть нагую—Рокъ. И Рокъ въ тотъ часъ
Онъ проклялъ,—и себя. Земли добрѣй,—
Его одна надежда—гробъ морей.

IV.

Едва избѣгшій волнъ—къ волнамъ повлекъ
Шатаяся, стопы и изнемогъ
Усиліемъ, и свѣтъ въ очахъ запалъ,
И онъ безъ чувствъ на брегъ соленый палъ.
Какъ долго былъ холоднымъ трупомъ онъ,—
Не вѣдалъ самъ. Но явь смѣнила сонъ,
Подобный смерти. Нѣкій мужъ предъ нимъ.
Кто онъ? Одной-ли съ нимъ судьбой роднимъ?

V.

Онъ поднялъ Юліана. „Такъ-ли полнъ
Твой кубокъ горечи, что, горькихъ волнъ
Отвѣдавъ, отъ живительной струи
Ты отвратить возмнилъ уста твои?
Встань! и, хотя сей берегъ нелюдимъ,—
Взгляни въ глаза мнѣ,—знай: ты мной храним.
Ты на меня глядишь, вопросъ тая;
Моихъ увѣдавъ, и познавъ, кто я,
Дивиться болѣ будешь. Ждетъ насъ челнъ;
Онъ къ пристани придетъ и въ спорѣ волнъ“.

VI.

И, юношу воздвигнувъ, воскресилъ
Онъ въ немощномъ родникѣ замершій силъ
Цѣлительнымъ касаньемъ: будто сонъ
Его свѣжилъ, и легкій вспрянулъ онъ
Отъ забытья. Такъ на вѣтвяхъ заря
Пернатыхъ будитъ, вѣстницей горя
Весеннихъ дней, когда эѳиръ раскрылъ
Лазурный путь паренью вольныхъ крылъ,
Той радостью духъ юноши взыгралъ;
Онъ ждалъ, дивясь,—и на вождя взиралъ.

Вячеславъ Ивановъ.

ВАЛТАСАРУ.

(To Belshazzar).

Брось, Валтасаръ, пиръ пышный свой,
Покинь и оргіи ночныя:
Смотри—уже передъ тобой
Горятъ три слова роковыя.
Тирановъ ложно чтутъ у насъ
Отъ Бога данными царями.
Ты самый жалкій межъ князьями!
Читай, читай: твой пробилъ часъ.

Сбрось съ головы изъ розъ вѣнецъ:
Къ главѣ, годами убѣленной,
Онъ не идетъ,—какъ и корона,
Что опозорилъ ты въ конецъ.
Сними, сними ее скорѣе:
Ее готовы презирать
За то, что ты украшенъ ею...
Учись, какъ храбрый умирать.

Ты взвѣшенъ на вѣсахъ судьбы
И слишкомъ легкимъ оказался.
Душа ушла не безъ борьбы
И только жалкій прахъ остался.
Тебя возможно лишь презрѣть;
Но я пролью свой плачъ надгробный,
Что ты родился неспособный
Ни славно жить, ни умереть.

Пл. Красновъ.

РОМАНСЪ.

(Stanzas for music).

(There's not a joy the world can give).

O Lachrymarum fons, tenero sacros
Ducentium ortus ex animo: quater
Felix! in imo qui scatentem
Pectore te, pia Nympha, sensit.

Gray, Poemata.

Какая радость замѣнитъ былое свѣтлыхъ чаръ,
Когда восторгъ былой истлѣлъ и отпылалъ пожаръ?
И прежде чѣмъ съ ланитъ сбѣжалъ румянецъ юныхъ лѣтъ,
Чувствъ первыхъ, изсушенъ поникъ въ душѣ стыдливый цвѣтъ.

И тѣхъ, что носятся въ волнахъ съ обрывками снастей,—
Вѣтръ буйный мчитъ на рифъ вины иль въ океанъ страстей.
И коль въ крушеньи счастья имъ остался цѣлъ магнитъ,—
Ахъ, знать къ чему, гдѣ скрылся брегъ, что ихъ мечты манитъ?

Смертельный холодъ ихъ объялъ, мертвѣй чѣмъ Смерть сама:
Къ чужой тоскѣ душа глуха, въ своей тоскѣ нѣма.
Гдѣ слезъ ключи? Сковалъ морозъ волну живыхъ ключей!
Блеснетъ ли взоръ—то свѣтлый ледъ лучится изъ очей.

Сверкаетъ ли рѣчистый умъ улыбчивой рѣкой
Въ полночный часъ, когда вотще душа зоветъ покой,—
То дикой силой свѣжій плющъ зубцы руинъ обвилъ:
Такъ зеленъ плющъ!—такъ остовъ стѣнъ подъ нимъ и сѣръ, и хилъ!

Когда бъ я чувствовалъ, какъ встарь, когда бъ я былъ—что былъ,
И плакать могъ надъ тѣмъ, что рокъ—умчалъ и я—забылъ:
Какъ сладостна въ степи сухой и мутная струя,—
Такъ слезъ родникъ меня бъ живилъ въ пустынѣ бытія!

Вячеславъ Ивановъ.

НА СМЕРТЬ ГЕРЦОГА ДОРСЕТСКАГО.

(On the death of the Duke of Dorset).

Безъ горькихъ слезъ про смерть твою услышалъ я,
  Безъ вздоховъ, жалобы тоскливой,
А былъ столькими ты любимъ, что смерть твоя
  Казалась намъ несправедливой.
Не знаю отчего, но слезы не текутъ;
  Глаза и суки, и прозрачны...
Уходятъ слезы внутрь и сердце мнѣ гнетутъ
  Тоской тяжелою и мрачной.
Да, глухо, тяжело, не затуманивъ глазъ,
  Онѣ заботой упадаютъ.
Въ пещерѣ такъ вода, сквозь камень просочась,
  На днѣ ея отвердѣваетъ.
Въ окаменѣлости и самый сталактитъ
  Съ отжившимъ чувствомъ не сравнится:
Оно съ холодностью на прошлое глядитъ
  И никогда не возродится.

Пл. Красновъ.

РОМАНСЪ.

(Stanzas for music).

(Bright be the place of thy soul ..)

Сіяй въ блаженной, свѣтлой сѣни!
Изъ душъ, воскресшихъ въ оный міръ,
Не цѣловалъ прелестнѣй тѣни
Сестеръ благословенный клиръ.

Ты все была намъ: стань святыней,
Безсмертья преступивъ порогъ!
Мы боль смиримъ предъ благостыней:
Мы знаемъ, что съ тобой—твой Богъ.

Персть надъ тобой легка да будетъ,
Какъ изумрудъ—свѣтла трава,
Цвѣты цвѣтутъ, и мысль забудетъ
О сѣни смертной: ты—жива!

Земля сводъ кущъ всегда зеленыхъ
Взроститъ... Но пустъ ни скорбный тисъ
Здѣсь не печалитъ думъ смущенныхъ,
Ни темнолистный кипарисъ.

Вячеславъ Ивановъ.

ПРОЩАНІЕ НАПОЛЕОНА.

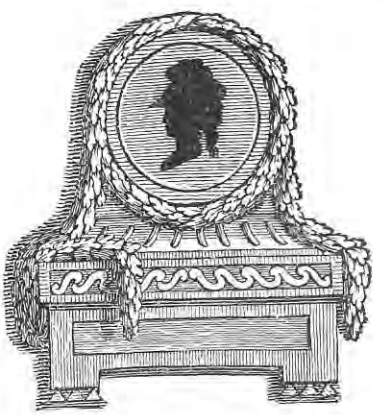
(Napoleon's Farewell).

Прощай, о страна, гдѣ влекла надъ землею
Гроза моей славы громадную тѣнь.
Я день твоей жизни наполнилъ собою,
Самый темный и самый блистательный день.
Я боролся одинъ съ необъятной вселенной...
Метеорами счастья за грань завлеченъ,
Лишь разъ побѣжденный, отнынѣ я—плѣнный,
Но скованный плѣнникъ былъ ужасъ племенъ!

О Франція! мнѣ предоставивъ кормило,
Ты жемчужиной міра, ты чудомъ была!
Не мое, а твое утомленье судило,
Чтобъ сіянье померкло и слава прошла.
Я плачу о вѣрныхъ, чья мощь мнѣ давала
Успѣхи въ борьбѣ и кого уже нѣтъ.
Орелъ, мой орелъ не взлетитъ, какъ бывало,
Зрачки устремляя на солнце побѣдъ.

Прощай же, о Франція! Если жъ свободы
Святые призывы воскреснутъ въ странѣ,
И мертвыхъ фіалокъ завѣтные всходы
Опять расцвѣтутъ,—не забудь обо мнѣ!
Легіоны возстанутъ на зовъ мой изъ гроба.
Я съумѣю еще побороться съ врагомъ!
Разбей эту цѣпь,—мы окованы оба,—
И къ тебѣ возвращусь я Избранникъ Вождемъ!

Валерій Брюсовъ.



СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

(From the French).

Славный вождь! прощай, прощай!
Ты отторгнутъ отъ друзей.
Сердце полно черезъ край
Скорбью нашей и твоей.
Я любовь знавалъ не разъ,
Какъ влюбленный и какъ братъ,
Но сильнѣй связуетъ насъ
Клятва,—что даетъ солдатъ.

Могъ и я межъ ними быть!
Нынѣ жъ злобный сонмъ враговъ
Насъ стремится разлучить,
Всюду видя тайный ковъ.
Ахъ, я былъ бы радъ тюрьмѣ,
Если бъ въ ней я былъ съ тобой,
Мнѣ свѣтилъ бы и во тьмѣ
Непреклонный образъ твой!

Ты былъ войскъ своихъ кумиръ,
Ты и нынѣ—властелинъ!
Многихъ судитъ этотъ міръ,
Внѣ суда лишь ты одинъ.
Часто, на смерть пораженъ,
Близъ тебя упавъ въ бою,
Испускалъ послѣдній стонъ
Воинъ—съ крикомъ въ честь твою.

Ты льстецовъ теперь узналъ,
Ихъ напрасно долгъ зоветъ...
Ты имъ троны раздавалъ,
Не жалѣлъ для нихъ щедротъ,
Но заемной славы свѣтъ
Вновь природной тьмой объятъ:
Чести зовъ найдетъ отвѣтъ
Лишь въ сердцахъ твоихъ солдатъ!

Вождь мой! другъ мой!—знаешь самъ,
Что просить я не привыкъ,
Но теперь твоимъ врагамъ
Шепчетъ просьбы мой языкъ.
Сердце сирое—въ одномъ
Утѣшеніе нашло бъ:
Если бъ могъ дѣлить съ вождемъ
Я—позоръ, тюрьму и гробъ!

Валерій Брюсовъ.

ОДА СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

(Ode from the french).

I.

О Ватерло! Не вызываетъ
Проклятій этотъ звукъ въ сердцахъ;
Свободы кровь не пропадаетъ
Безслѣдно на твоихъ поляхъ.
Нѣтъ, къ небесамъ изъ каждой раны,
Какъ смерчъ могучій океана,
Она летитъ, и въ небѣ съ ней
Лабэдойера кровь сольется,—
Того героя, что зовется
Въ странѣ храбрѣйшимъ средь мужей.
Багровымъ облакомъ пылаетъ
Надъ полемъ брани эта кровь;
Потомъ она вернется вновь
Туда, откуда истекаетъ.
Коль будетъ облако полно
Горячей кровью, то оно
Вдругъ разорвется надъ землею,
И оглушитъ насъ грома трескъ,
И ослѣпитъ насъ молній блескъ,
И міръ застонетъ подъ грозою...
Какъ будто та Полынь-звѣзда,
Что встарь предсказана пророкомъ,
Скатилась огненнымъ потокомъ,
И обратилась въ кровь-вода.

II.

Но не счастливыми врагами
Нашъ вождь безсмертный пораженъ.
Въ тѣ дни, когда царилъ надъ нами
Лишь только въ часъ сраженья онъ
И былъ солдатомъ-гражданиномъ,
Свободы благороднымъ сыномъ,
И велъ насъ къ славѣ—кто изъ всѣхъ
Монарховъ съ нимъ дѣлилъ успѣхъ?
Побѣдой кто изъ нихъ кичился,
Покуда не была страна
Во власть тирану отдана
И надъ вождемъ не опустился
Тяжелой ношею вѣнецъ?
Онъ въ бездну власти погрузился
И палъ. Всегда такой конецъ
Тому достанется на долю,
Кто братьевъ обречетъ въ неволю.

III.

А ты, герой съ султаномъ бѣлымъ,
Монархъ, которому народъ
Могилы скромной не даетъ!
Не лучше-ль вновь предъ войскомъ смѣлымъ
Тебѣ нестись во слѣдъ врагамъ,
Чѣмъ покупать за смерть и срамъ
Лохмотья мантіи ничтожной.
Не думалъ ты, когда скакалъ
Въ разгарѣ битвы грозной,
Какъ черезъ камни бурный валъ,
Средь стали грознаго бряцанья,
Мечей зловѣщаго сверканья,
Какой конецъ тебя здѣсь ждалъ!
Не думалъ ты, что рабъ презрѣнный
Низвергнетъ твой султанъ надменный!
Какъ управляетъ лунный лучъ
Волной прилива въ океанѣ,
Такъ средь мечей, средь дымныхъ тучъ
Всѣхъ вдохновлялъ на полѣ брани
Султанъ твой. Съ пламенемъ въ груди,
Его завидя впереди,
Солдатъ во слѣдъ за нимъ бросался.
Гдѣ бой живѣе разгорался,
Гдѣ гуще падали тѣла
Вокругъ священнаго орла
(А въ эти грозныя мгновенья
Кто былъ-бы въ силахъ задержать
Его побѣдное движенье?),
Гдѣ нужно было разорвать
Ряды враговъ, чтобъ по равнинѣ
Разсыпать ихъ,—то знайте, тамъ
Мюратъ летѣлъ на страхъ врагамъ..
Увы, онъ имъ не страшенъ нынѣ.

IV.

Померкла слава. Все впередъ
Стремится врагъ. Надъ павшей аркой
Побѣда горько слезы льетъ.
Но пусть-же сердца пламень жаркій

Свобода выскажетъ смѣлѣй!
Пусть на эфесъ положитъ руку:
Ее полюбятъ лишь сильнѣй.
Страна ужъ дважды за науку
Платила дорогой цѣной:
Вся мощь ея не въ блескѣ трона
Капета иль Наполеона,
Но въ справедливости одной
Для всѣхъ единаго закона,
Въ горящихъ рвеніемъ сердцахъ
На благо общее народа.
Ея спасеніе—Свобода.
Вѣдь Богъ хотѣлъ, чтобы могли
Дышать мы ею всѣ съ рожденья,
Хотя стираетъ преступленье
Ее порой съ лица земли,
Своей безжалостной рукою,
Губя богатства цѣлыхъ странъ
И проливая кровь рѣкою
Въ убійства мрачный океанъ.

V.

Но близокъ мигъ, когда сплотятся
Въ союзъ умы, сердца людей.
Что можетъ имъ сопротивляться?
Прошло владычество мечей—
У нихъ нѣтъ власти надъ душою,
И въ мірѣ скорби и заботъ
Свобода воиновъ найдетъ.
Мильоны дышатъ лишь мечтою
Ее для міра удержать.
Когда-жь ряды ея сомкнутся,
Тогда придетъ чередъ дрожать
Тиранамъ. Пусть они смѣются
Надъ слабостью пустыхъ угрозъ—
Придетъ пора кровавыхъ слезъ...

С. Ильинъ.

РОМАНСЪ.

(Stanzas for music).

(There be none of Beauty's daughter).

Кто сравнится въ высшемъ спорѣ
Красотой съ тобой?
Точно музыка на морѣ,
Нѣжный голосъ твой.

Точно музыка въ туманѣ,
На далекомъ океанѣ,
Въ насъ, какъ вѣтры въ сладкихъ снахъ
Чуть трепещутъ на волнахъ.

Въ полночь мѣсяцъ чуть колышетъ
Воды въ глубинѣ;
Лоно моря еле дышетъ,
Какъ дитя во снѣ.

Такъ душа, полна мечтою,
Чутко дышитъ красотою;
Нѣжно въ ней растетъ прибой,
Зачарованный тобой.

К. Бальмонтъ.

НА ЗВѢЗДУ ПОЧЕТНАГО ЛЕГІОНА.

(On the star of „The Legion of Honour").

О храбрыхъ звѣзда! Кому лучъ твой
сіялъ,
Тотъ славнымъ останется вѣчно.
Обманъ лучезарный! Сколькихъ увлекалъ
Ты въ бой безпощадный безпечно.
Лихой метеоръ! ты блеснулъ въ небесахъ
И на землю послѣ скатился во прахъ.

Лучи твои—души убитыхъ въ бояхъ,
И вѣчность сквозь блескъ твой мерцаетъ;
А музыка сферы твоей въ небесахъ
Здѣсь почесть, тамъ славу вѣщаетъ.
И точно небесный вулканъ ворвался
Твой свѣтъ лучезарный героямъ въ глаза.

Какъ лаву, ты крови потоки лила,
И царства ты ими смывала.
Когда ты на небѣ свѣтила, земля
Глубоко и сильно дрожала.
И солнце потускло, погасло, зашло,
А ты засіяла такъ ярко, свѣтло.

И вотъ поднялась и росла за тобой
Трехцвѣтная радуга ярко.
И каждый тотъ цвѣтъ былъ прекрасный,
живой,
Для неба достойная арка.
Свободы рука тѣ сплетала цвѣта—
Камней самоцвѣтныхъ сама красота.

Одинъ цвѣтъ былъ занятъ у солнца лучей,
Другой—изъ очей серафима,
А третій съ покрова, что снѣга бѣлѣй
И Духомъ небеснымъ хранимый.
Сплелись они въ ленту живой красоты,
Достойную ткани небесной мечты.

О храбрыхъ звѣзда! Ужъ тусклѣетъ твой
И тучи сгущаются снова. лучъ
Но радуга блещетъ свободы межъ тучъ
И къ битвѣ опять мы готовы.
Когда ты тускнѣешь, о радуга, мы
Не люди, а прахъ, и гніемъ среди тьмы.

Въ безмолвной обители мертвыхъ свѣтло
Сіяетъ Свобода святая.
Прекраценъ и въ смерти, кто палъ за нее,
Оружьемъ ее добывая.
И пусть, о богиня, рѣшится судьбой,
Иль съ ними навѣки намъ быть, иль съ тобой!..

Пл. Красновъ.

РОМАНСЪ.

(Stanzas for music).

(They say that Hope is happiness).

Надежду Счастьемъ не зови:
Хранитъ минувшая Любовь.
Пусть будетъ Память—храмъ Любви,
И первый сонъ ей снится вновь.

И все, что Память сберегла,
Надеждой встарь цвѣло оно;
И что Надежда погребла,
Въ ея слезахъ растворено.

Обманной далью льститъ стезя:
Манящимъ маревамъ не вѣрь!
Чѣмъ были мы, намъ стать нельзя;
И мысль страшна,—что мы теперь...

Вячеславъ Ивановъ.

ОСАДА КОРИНѲА.

I.

Въ „Осадѣ Коринѳа" Байронъ еще разъ вернулся къ той игрѣ идей, первымъ и, пожалуй, лучшимъ выраженіемъ которой былъ „Гяуръ". Опять героемъ его поэмы является человѣкъ-демонъ: Альпъ—очевидное повтореніе гяура и Конрада. И опять поэтъ, созидая своего демона, чувствуетъ—мало того, говоритъ намъ, что его твореніе ниже того человѣка-титана, который виталъ передъ его душой.

Въ этомъ роковомъ дуализмѣ—интересъ поэмы для современнаго читателя; именно въ немъ, а вовсе не въ несложной фабулѣ съ ея черезчуръ театральнымъ заключительнымъ эффектомъ. Я нарочно сказалъ: для современнаго читателя; дѣйствительно, первые читатели Байрона съ нашей оцѣнкой не согласились бы. Изъ нихъ одни наивно восторгались геройствомъ стараго венеціанца, взрывающаго себя вмѣстѣ съ горстью христіанъ и отрядами турокъ; другіе упрекали поэта за то, что онъ недостаточно ясно подчеркнулъ призрачный характеръ явившейся Альпу Франчески и ввелъ ихъ въ искушеніе принять тѣнь за живую женщину. Третьи находили кощунственной всю сцену въ храмѣ. Для насъ все это имѣетъ лишь значеніе аксессуаровъ; виртуозность, съ которой даже третьестепенные писатели съумѣли овладѣть этого рода эффектами, сдѣлала насъ недовѣрчивой къ нимъ, и мы ихъ съ трудомъ прощаемъ корифеямъ поэзіи. Намъ важенъ внутренній міръ; что заставило поэта повторить въ третій или четвертый разъ ту же симфонію страстей? Что новаго извлекъ онъ этотъ разъ изъ нея?

Что заставило? Прежде всего—Коринѳъ, коринѳская гора, Коринѳскій заливъ... Не забудемъ, что поэтъ самъ посѣтилъ эти мѣстности въ своемъ путешествіи 1810 г.; не даромъ онъ ссылается на это путешествіе въ прологѣ, прибавленномъ въ позднѣйшихъ изданіяхъ поэмы. Образы же эти незабвенны, даже и для простого смертнаго: этотъ заливъ, кажущійся голубой рѣкой между окаймляющими его справа и слѣва горами; затѣмъ эти горы—справа Киллена, Эриманѳъ, слѣва самая славная и святая изъ всѣхъ гора Аполлона Дельфійскаго—Парнасъ. Ихъ и въ лѣтнее время покрываетъ бѣлый покровъ снѣга, точно саванъ, которымъ Свобода, прощаясь, покрыла умершую Элладу. И внезапно голубая рѣка кончается: полоса земли врѣзалась между тѣмъ и другимъ моремъ, на ней городъ построенъ, пристально смотрящій вдаль изъ-подъ своей круглой горы, точно глазъ южной красавицы изъ-подъ приподнятой брови... Это не наше сравненіе: его уже древніе нашли, говорящіе въ своей поэзіи о „бровеносномъ Коринѳѣ", и его удержалъ, пользуясь двусмысленностью англійскаго слова, нашъ поэтъ, приглашающій читателя послѣдовать за нимъ on Acro-Gorinth's brow (Brow—бровь, а также—вершина). Городъ и гора; когда то они носили славное имя Коринѳа—теперь оно имъ возвращено, какъ трофей вновь добытой свободы, взамѣнъ позорной клички Лутраки, которой довольствовались въ эпоху нашего поэта ихъ не въ мѣру скромные обитатели. А Коринѳъ—это символъ гордаго сопротивленія; это—двойное „стой", крикнутое и напирающему по коринѳскому заливу морю, и надвигающейся по Истму землѣ. Ландшафтъ опять родитъ поэму: какъ соприкасающіеся при Абидосѣ материки подсказали поэту любовную повѣсть о Селимѣ и Зулейкѣ, такъ гордый исполинъ Истма внушилъ ему пѣснь возмущенія и вызова; предъ нимъ предсталъ духъ горы, Альпъ.

Такъ то опять былъ данъ толчокъ тѣмъ мыслямъ и чувствамъ, которыя уже волно-

тились въ „Гяурѣ“ и „Корсарѣ“; опять зазвучали прежніе, знакомые намъ мотивы. Альпъ—венеціанецъ, такъ же какъ и гяуръ; онъ любитъ, опять „по голубиному“ свою соотечественницу, прекрасную Франческу Минотти; опять враждебныя внѣшнія обстоятельства (этотъ разъ воплощенныя въ знаменитой „львиной пасти“) отражаютъ у него предметъ его любви; и опять происходитъ то, что мы, бесѣдуя о „Гяурѣ“, назвали „перерожденіемъ страсти“. Все же поэтъ не повторяется: все это предполагается происшедшимъ уже давно, тотъ „моментъ—вѣчность“ наступилъ для Альпа тогда, когда онъ въ порывѣ отчаянія отрекся отъ вѣры своихъ отцовъ и отправился ренегатомъ подъ знамена дикаго Кумурджи (Кумурги)-паши, заклятаго врага Венеціи и христіанства.

Не перерожденіе страсти, а перерожденная страсть стала этотъ разъ предметомъ интереса поэта: ея психологическія свойства, ея нравственная оцѣнка; онъ вдвойнѣ экспериментируетъ надъ ней,—и съ психологической, и съ нравственной точки зрѣнія.

Во-первыхъ, съ психологической. Альпъ когда то любилъ Франческу; теперь онъ ненавидитъ Венецію, которая ее у него отняла: въ этомъ превращеніи любви въ ненависть и состоитъ „перерожденіе страсти“. То же самое было и съ гяуромъ; только тамъ перерожденіе было невозвратнымъ: „На днѣ морскомъ моя Леила“, и тѣмъ же сномъ вѣчности спитъ и любовь къ ней ея избранника. Вопросъ: „способна ли эта ненависть вся, безъ остатка, вновь перейти въ ту любовь“ по отношенію къ гяуру даже не могъ быть поставленъ... Впрочемъ, нѣтъ; поэтъ его все-таки поставилъ, но вскользь и тоже вскользь на него отвѣтилъ. Читатель помнитъ чудный моментъ изъ исповѣди гяура,—явленіе ему въ предсмертной галлюцинаціи утопленной Леилы?

> Не ты стояла передо мной,
> Твоя коса до ногъ спадаетъ,
> Меня о чемъ то умоляетъ,
> Печальный взоръ твоихъ очей.
> Не вѣрилъ смерти я твоей...

Что значитъ внезапный рѣзкій возгласъ, непосредственно слѣдующій за этими словами:

> А онъ погибъ, онъ въ томъ-же водѣ
> Зарытъ...

Это значитъ: выросшая изъ любви ненависть уже не въ состояніи вся, безъ остатка, перейти обратно въ любовь. Но, повторяю, отвѣтъ былъ данъ вскользь; а между тѣмъ поэтъ имъ дорожилъ, какъ дорожилъ всѣмъ, что внѣшнимъ иль внутреннимъ образомъ было имъ пережито.

Этотъ разъ возлюбленная еще не погибла: Франческа жива, она въ томъ же Коринѳѣ, который Альпъ осаждаетъ; вырывая Коринѳъ изъ рукъ ненавистной ему Венеціи, онъ вырветъ изъ нихъ заодно и Франческу: Коринѳъ для Турціи, Франческу для себя. Такимъ образомъ имъ движетъ двойной аффектъ. Пусть „Венеція узнаетъ, сколько она въ немъ потеряла“ (стр. 4) это—завѣтная мечта всѣхъ Коріолановъ; а Франческа пусть послѣдуетъ за нимъ:

> Съ тобой улечу я въ счастливую даль,
> Тамъ мы, соединившись, забудемъ печаль

— такъ Селимъ манитъ Зулейку, такъ Конрадъ связываетъ съ своей судьбой судьбу Медоры. Теперь поэтъ ставитъ вопросъ: изъ этихъ двухъ чувствъ, которое сильнѣе? Пусть передъ любовью предстанетъ возможность полнаго удовлетворенія, полнаго счастья, но подъ условіемъ отреченія отъ ненависти: будетъ ли это условіе принято?— Это то и есть то, что мы назвали выше психологическимъ экспериментомъ; ему посвящена центральная часть поэмы, стр. 19—21.

Какъ было замѣчено выше, поэта упрекали за то, что онъ недостаточно ясно далъ намъ понять, настоящая ли Франческа передъ нами, или ея тѣнь; можно, однако, предположить, что онъ дѣйствовалъ тутъ съ полнымъ умысломъ. Дѣйствительно, по первымъ словамъ (стр. 19 конецъ) всякій долженъ подумать вмѣстѣ съ героемъ, что дочь Минотти сама проскользнула черезъ сторожевые пикеты друзей и враговъ, чтобы встрѣтиться съ милымъ; прозрачность ея рукъ—(конецъ 20 строфы)—насъ не озадачиваетъ: мы знаемъ, что она исхудала въ разлукѣ (стр. 8), къ тому же ея слова о томъ, какъ она пришла, должны разсѣять всякое сомнѣніе. Для чего это? Для того, чтобы мы отнеслись къ дальнѣйшему не какъ къ галлюцинаціи, а какъ къ реальному событію. Что отвѣтилъ Альпъ на слова Франчески

> Сбрось на землю чалму и крестомъ пре-
> святымъ
> Себя осѣни, и ты будешь моимъ;
> Смой съ гордаго сердца нечистую кровь
> И завтра навѣкъ съединитъ насъ любовь.

Въ этомъ весь интересъ сцены. Онъ отвѣчаетъ отказомъ—и внезапно все мѣняется.

Пусть читатель внимательно прочтетъ слѣдующее за отказомъ Альпа описаніе—это прикосновеніе мертвенно холодной руки, это недвижное лицо, этотъ потухшій взглядъ... безспорно, это лучшее мѣсто всей поэмы. Теперь только Франческа умерла; она умерла въ тотъ самый моментъ, когда въ сердцѣ Альпа умерла любовь къ ней. Отнынѣ съ нимъ говоритъ только небесный духъ, посланецъ того Бога, котораго онъ оскорбилъ. Она заклинаетъ его уже не любовью, а надеждой на спасеніе души. „Поклянись, что ты пощадишь оскорбленныхъ тобою соотечественниковъ; иначе ты погибъ и никогда не увидишь болѣе... я уже не о землѣ говорю—*это прошло*!—но неба и меня!".

Альпъ вторично отказываетъ—и Франческа исчезаетъ. Когда онъ затѣмъ, за нѣсколько мгновеній передъ собственной смертью, спрашиваетъ отца о ней—ему отвѣчаютъ, что она умерла въ ту самую ночь; умерла, дополняемъ мы, въ тотъ самый моментъ, когда Альпъ отказался пожертвовать своей ненавистью ея любви.

III.

Таковъ первый, психологическій опытъ; но ему предшествуетъ другой, нравственный. Мы говорили до сихъ поръ о сравнительной оцѣнкѣ, по ихъ силѣ, обоихъ чувствъ, волнующихъ грудь разгнѣваннаго героя; но какова абсолютная оцѣнка обоихъ вмѣстѣ взятыхъ? Другими словами: какова оцѣнка человѣка-демона, какъ такового?—Въ „Гяурѣ" этотъ вопросъ былъ только поставленъ и затѣмъ обойденъ; поэтъ только вызвалъ великую тѣнь Ѳемистокла изъ его могилы на Пирейскомъ мысѣ и затѣмъ круто перешелъ къ гяуру, избѣгая сопоставленія между нимъ и человѣкомъ-титаномъ. Даже позднѣе, въ своей исповѣди, умирающій человѣкъ-демонъ ни однимъ словомъ не даетъ понять, что идеалы титана ему доступны или даже понятны; онъ говоритъ о тѣхъ, которые сражаются съ врагомъ (отрывокъ 2), но только о такихъ, которыми движетъ любовь къ славѣ; для него же „достойныхъ цѣнъ" за жизнь только двѣ:

Любовь былая или врагъ

Здѣсь не то. Въ ту роковую, послѣднюю ночь, еще до Франчески, Альпу является другая, болѣе святая и великая тѣнь; она является ему изъ-подъ того „бѣлаго савана, которымъ Свобода при прощаніи покрыла умершую Элладу". И Альпъ не безучастенъ къ ней; онъ „взвѣшиваетъ прошлое и настоящее", онъ сознаетъ, что тѣ, которые нѣкогда пали здѣсь славною смертью, пролили свою кровь за лучшее дѣло, чѣмъ то, которому служитъ онъ. Тѣ жили и умирали за человѣчество, за то, чтобы сохранить ему его идеалы въ ихъ непорочной чистотѣ; и они достигли своей цѣли. Ихъ имена живутъ въ шумѣ вихря, въ раскатахъ волнъ, въ журчаніи родниковъ греческой земли:

И патріотъ, когда созрѣлъ
Въ немъ подвигъ доблести, всегда
Укажетъ съ гордостью туда
И, вдохновенный старшной,
Съ тирзномъ смѣло вступитъ въ бой,
Чтобъ грудью родину свою
Иль отстоять, иль пасть въ бою.

Таковы были они; а онъ...

Онъ сознавалъ, какъ жалокъ онъ,
Предатель, обнажившій мечъ
Противъ отчизны...

И въ видѣ символическихъ иллюстрацій того и другого идеала Альпу являются одна за другой двѣ картины. Одна—стая голодныхъ псовъ, грызущихся между собою изъ-за человѣческихъ останковъ; это—настоящее, это—его война. Другая—одинокія развалины храма Аѳины на Акрокоринѳѣ, прекрасныя и гордыя и въ своемъ разрушеніи; это—прошлое. Это то, изъ-за чего возстали они. Альпъ получилъ возможность сравнить себя съ героями старины; онъ настолько благороденъ, что сознаетъ свое несовершенство, но не настолько, чтобы возвыситься до ихъ величія. Отнынѣ онъ уже отверженъ; отверженъ собою самимъ прежде, чѣмъ его отвергнетъ блаженный духъ его милой. Шальная пуля кладетъ конецъ его проигранной жизни; послѣднія сцены принадлежатъ не ему, а отпрыску по духу тѣхъ героевъ, которыхъ поэтъ вызвалъ передъ нами при свѣтѣ луны, озарявшей снѣжныя вершины Парнасса и бѣлыя колонны коринѳской горы.

IV.

Таково, думается намъ, идейное содержаніе поэмы; что касается ея фабулы, то она имѣетъ своимъ фономъ одинъ эпизодъ изъ многовѣковой войны венеціанцевъ съ турками за Морею, въ которой несчастная

страна поперемѣнно подпадала то венеціанской, то турецкой власти. Успѣхъ Собѣскаго въ 1683 г. побудилъ венеціанцевъ вновь пойти на турокъ въ 1684 г.; въ 15-лѣтней войнѣ они отвоевали у нихъ весь полуостровъ и водрузили знамя креста надъ его сѣвернымъ оплотомъ, Коринѳомъ. Ихъ власть была, однако, непродолжительной: въ 1715 г. турки возобновили войну, причемъ первымъ предметомъ ихъ похода былъ разумѣется—все тотъ же Коринѳъ. Его „губернаторомъ" былъ венеціанскій синьоръ Минотти—это, такимъ образомъ, личность историческая. Не видя возможности отстоять крѣпость противъ полчищъ врага, онъ началъ было переговоры о сдачѣ; какъ разъ во время переговоровъ пороховой складъ въ лагерѣ турокъ взорвался—причемъ причина взрыва была, повидимому, случайная. Тѣмъ не менѣе разсвирѣпѣвшіе турки, подозрѣвая тутъ венеціанское предательство, прервали переговоры и бросились штурмовать крѣпость. Ихъ остервенѣніе и численность взяли верхъ: часть гарнизона была перебита, другая взята въ плѣнъ; какая участь постигла Минотти, неизвѣстно. Послѣ взятія Коринѳа турки наводнили Морею, взяли ея главный городъ Навплію (или, по тогдашнему, Неаполь-Романскій, Napoli di Romania) и вскорѣ превратили весь полуостровъ въ турецкій пашалыкъ. Онъ остался таковымъ вплоть до высадки гр. А. Ѳ. Орлова и тѣхъ событій, которыя послужили фономъ „Гяура".

Какъ видно отсюда, въ поэмѣ Байрона историческій элементъ очень незначителенъ: характеръ и участь Минотти онъ измѣнилъ по своему, катастрофу со взрывомъ представилъ въ совершенно вольномъ освѣщеніи *), фигуры Альпа и Франчески прибавилъ отъ себя. Отсюда видно, что не историческая участь Коринѳа дала толчокъ его творческой фантазіи; а это лишній разъ подтверждаетъ наше сужденіе: ландшафтъ родилъ поэму.

Онъ работалъ надъ нею во вторую половину 1815 г., въ такое время, когда его отношенія къ женѣ приняли уже очень непріязненный характеръ. Извѣстно даже, что какъ разъ во время работы, когда онъ вполнѣ уединился, чтобы не отвлекаться чѣмъ либо постороннимъ—къ нему почти насильственно ворвались двое чужихъ людей, врачъ и юристъ, и предложили ему рядъ отчасти нелѣпыхъ, отчасти безтактныхъ вопросовъ. Смыслъ этого посѣщенія былъ ему тогда непонятенъ; лишь потомъ онъ узналъ, что они были посланы къ нему его женой, чтобы добыть улики его помѣшательства. Дѣйствительно, вскорѣ за окончаніемъ поэмы послѣдовалъ окончательный разрывъ между супругами; тѣмъ болѣе удивительно извѣстіе, что рукопись „Осады Коринѳа" была переписана рукой той же лэди Байронъ, которая во время ея возникновенія обнаружила такую нѣжную заботливость о душевномъ состояніи своего мужа. А впрочемъ—можетъ ли быть рѣчь о неожиданностяхъ въ такой семейной драмѣ, героями которой были поэтъ и женщина?

Все же можно предположить, что лэди Байронъ не безъ нѣкотораго удовлетворенія должна была углубиться въ содержаніе переписываемой поэмы. Какъ женщина безусловно умная, она должна была понять, что въ Альпѣ Байронъ опять изобразилъ себя, но что его отношенія къ этому отраженію своей личности со времени „Гяура" и „Корсара" измѣнились: несомнѣнно, Альпъ отверженъ Байрономъ. Одного только „математическая Медея" не могла понять: того идеала, ради котораго Байронъ Альпа отвергъ; что дѣлать,—математическая логика безсильна передъ вопросами эволюціоннаго характера. Да, конечно: Байронъ отвергъ Альпа, но не для того, чтобы вернуться къ тому cant'y, который составлялъ высшее проявленіе жизни по понятіямъ Мильбанковъ и прочихъ „слишкомъ многихъ", а потому, что передъ его душою все ярче и ярче опредѣлялся новый идеалъ. Идеалъ, служенію которому онъ долженъ былъ посвятить свою позднѣйшую жизнь, обративъ ее отъ безплоднаго культа личности къ зиждительному удѣленію ея нуждающемуся человѣчеству—идеалъ человѣка-титана.

Ѳ. Зѣлинскій.

*) Новѣйшій издатель и комментаторъ поэмы Кёльбингъ справедливо отмѣчаетъ сходство между изображеніемъ этой катострофы у Байрона и исторической судьбой венгерской крѣпости Сигетъ, командиръ которой, Николай Зрини, взорвалъ себя вмѣстѣ съ ней, не будучи въ состояніи отстоять ее отъ полчищъ султана Сулеймана, въ 1561 г. Нѣмцамъ этотъ эпизодъ хорошо извѣстенъ, благодаря популярной трагедіи ихъ поэта-героя Кёрнера, написанной за 3 года до «Осады Коринѳа»; Байронъ, плохо знавшій даже Гёте, врядъ ли когда либо читалъ Кёрнера, но независимо отъ него, онъ, такъ интересовавшійся исторіей турокъ, могъ знать о судьбѣ Сигета и плѣниться ею.

ОСАДА КОРИНѲА.

Джону Гобгоузу, Эсквайру

ЭТА ПОЭМА ПОСВЯЩЕНА

ЕГО ДРУГОМЪ.

22-го Января 1816.

Предисловіе.

„Большая турецкая армія, подъ предводительствомъ великаго визиря (1715), стремясь проникнуть въ центръ Мореи и осадить Наполи ди Романія, самую сильную крѣпость во всей странѣ, рѣшила прежде всего взять приступомъ Коринѳъ и штурмовала его нѣсколько разъ. Когда гарнизонъ былъ сильно ослабленъ и комендантъ увидѣлъ, что невозможно держаться дольше противъ такой огромной силы, онъ рѣшилъ протрубить сдачу, но въ то время, какъ велись переговоры объ условіяхъ, одинъ изъ пороховыхъ магазиновъ въ турецкомъ лагерѣ, гдѣ находилось шестьсотъ бочекъ пороха, случайно взорвался, причемъ убито было шестьсотъ или семьсотъ людей. Это привело турокъ въ такую ярость, что они не приняли капитуляціи и продолжали бѣшено штурмовать крѣпость, взяли ее и закололи почти весь гарнизонъ, въ томъ числѣ и губернатора Минотти. Остальные, вмѣстѣ съ Антоніемъ Бембо, были захвачены въ качествѣ военноплѣнныхъ".—A. Compleat History of the Turks (London, 1719). Томъ III-й, стр. 151.

КОРИНѲЪ (View of Corinth).
Рис. Уоррена (H. Warren), грав. Э. Финдена (E. Finden).

ОСАДА КОРИНѲА.

Была пора: мы дружно составляли
Одинъ кружокъ товарищей лихихъ.
Изъ края въ край мы весело блуждали,
Не страшенъ былъ намъ говоръ волнъ морскихъ!
Безъ устали, бывало, безъ кручины,
Взбирались мы на горныя вершины,
Иль по рѣкамъ пускались смѣло въ бродъ,—
Всегда въ трудахъ и вѣчно безъ заботъ.
И гдѣ бъ найдти ночлегъ ни приходилось:
Въ пустынѣ ли на подвижномъ пескѣ,
Во мглѣ ль пещеръ, иль въ темномъ уголкѣ,—
Какъ сладко намъ вездѣ спалось и снилось!
Пришлось ли лечь на берегу морскомъ,
Или на днѣ ладьи въ просторѣ водномъ,
Или въ лѣсу на войлокѣ походномъ
Съ подложеннымъ подъ голову сѣдломъ,
Вездѣ мы спимъ, бывало, крѣпкимъ сномъ,
И, вставъ чуть свѣтъ, опять ужъ въ путь готовы.
Трудъ нипочемъ былъ нашему кружку!
Не зная нѣгъ, мы гнали прочь тоску,
Всѣ молоды, отважны и здоровы.
Мы были смѣсь пришельцевъ разныхъ странъ,
Всѣхъ языковъ и убѣжденій дѣти:
Кто вѣрилъ въ Библію, кто въ Алкоранъ,
Кто посѣщалъ храмъ Божій, кто мечети,
А кто совсѣмъ не вѣрилъ ни во что;

О С А Д А К О Р И Н Ѳ А.

Но обойди хоть цѣлый міръ, едва ли
Найдешь кружокъ—я поручусь за то—
Кто бъ такъ, какъ мы, не вѣдалъ злой печали.
Однихъ ужъ нѣтъ, давно истлѣлъ ихъ прахъ;
Тѣ разбрелись по всѣмъ предѣламъ міра;
Тѣ съ клефтами бунтуютъ на горахъ,
Взирающихъ въ ущелія Эпира,
Гдѣ живъ еще свободы древней духъ,
Гдѣ кровью мстятъ за горькій стыдъ неволи;
О прочихъ же давно умолкнулъ слухъ
И не слыхать объ ихъ безвѣстной долѣ.
Нѣтъ! никогда намъ не сойтись опять,
Чтобъ странствовать и вмѣстѣ пировать.
Да, въ эти дни мы не знавались съ горемъ!
Но и теперь, тѣснится ль въ грудь печаль,
Мечты мои, какъ ласточки надъ моремъ,
Уносятся туда—въ нѣмую даль,
Чрезъ материкъ, чрезъ воздухъ, сини воды,
Туда, туда—въ далекій край свободы.
Онъ будитъ звукъ всегда въ моихъ струнахъ,
И звуки струнъ не даромъ же взываютъ
Къ немногимъ тѣмъ, которые въ мечтахъ
Въ волшебный край со мною улетаютъ.
Пойдемте же и взглянемъ на просторъ
Тѣхъ чудныхъ странъ съ Акро-Коринѳскихъ горъ!

I.

Промчалось много, много лѣтъ,
И бурныхъ грозъ, и бранныхъ бѣдъ
Черезъ Коринѳъ; но и досель
Крѣпка Эллады цитадель.
Ни трусы страшные земли,
Ни натискъ бурь не потрясли
Скалы сѣдой, гдѣ ключъ къ странѣ,
Стоитъ такъ гордо въ вышинѣ
Коринѳъ на грани двухъ морей
Что съ двухъ сторонъ стремятся къ ней,
Какъ бы на бой, и у скалы
Смиряютъ бурные валы.
Но еслибы могла опять
Земля изъ нѣдръ своихъ отдать
Ту кровь, которой тамъ межъ горъ
Поля упитаны съ тѣхъ поръ,
Какъ брата свергъ Тимолеонъ
И деспотъ Персіи сраженъ,—
То въ этомъ морѣ кровяномъ
Весь потонулъ бы Истмъ кругомъ.
И еслибъ кости падшихъ тамъ
Собрать всѣ въ груду по полямъ,
То въ высь поднялся бъ мавзолей,
Быть можетъ, выше и грознѣй,
Чѣмъ горный тотъ Акрополисъ,
Чьи башни съ тучами слились.

II.

На Киѳеронѣ—брани кликъ!
Тамъ блещетъ двадцать тысячъ пикъ,
И вдоль по Истму, у горы,
Межъ двухъ морей стоятъ шатры,
И полумѣсяцъ на шатрахъ
Играетъ въ утреннихъ лучахъ:
То чалмоносцы облегли
Коринѳъ и близко, и вдали.
Туда вослѣдъ пашамъ текутъ
Отряды спаговъ, и верблюдъ
Несетъ араба на спинѣ,
Татаринъ мчится на конѣ
И, бросивъ стадо, туркоманъ
Туда принесъ свой ятаганъ.
Тамъ громъ орудій, взрывовъ трескъ
Волнъ заглушаютъ ревъ и плескъ,
И смерть чугунные шары,
Свистя, несутъ съ высотъ горы.
И распадается стѣна
Подъ тяжкой силой чугуна;
Но со стѣны, сквозь пыль и дымъ,
Огнемъ и мѣткимъ и живымъ
Врагъ отвѣчаетъ прямо въ станъ
На каждый выстрѣлъ мусульманъ.

III.

Но кто подъ самою стѣной
Всѣхъ впереди передъ толпой,
Ведущей къ ней подкопы минъ?
Кто этотъ дерзкій паладинъ,
Постигшій глубже, чѣмъ сыны
Османа, темный смыслъ войны?
Кого такъ мчитъ ретивый конь,
Свозь дымъ, въ убійственный огонь,
Туда, гдѣ вылазка враговъ
Османовъ въ страхѣ гонитъ въ ровъ
И гдѣ съ несбитыхъ батарей
Огонь направленъ въ нихъ сильнѣй?
Кто этотъ вождь, вносящій жаръ
Въ упадшихъ духомъ янычаръ?—
Гяуровъ ужасъ, стѣнъ гроза,
Стамбула гордость и краса,
Во всемъ искусный—строить рать,
Огонь орудій направлять,
Разить копьемъ, вращать булатъ,—
То Альпъ, адрійскій ренегатъ.

IV.

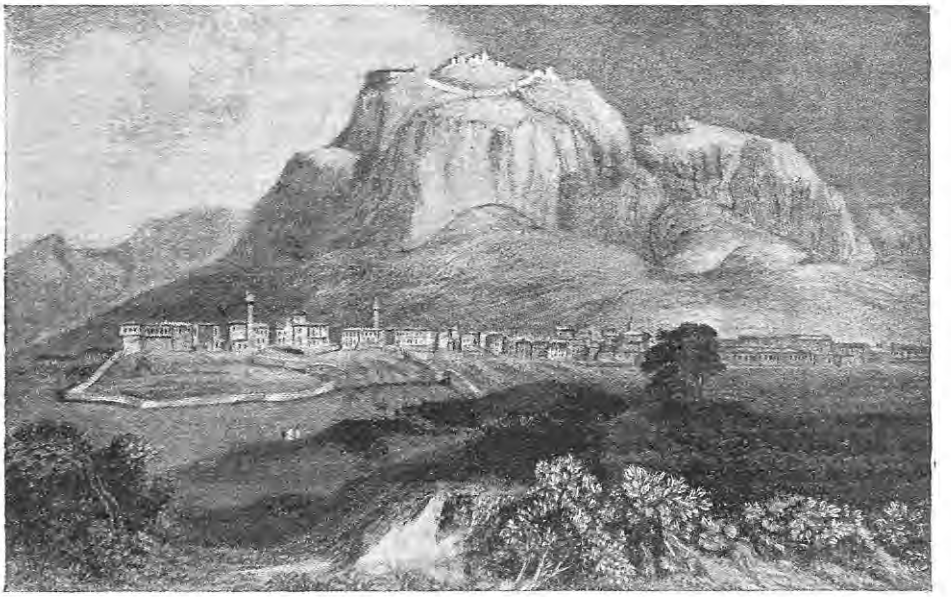
Родясь въ Венеціи, свой родъ
Отъ славныхъ предковъ Альпъ ведетъ;
Но, изгнанъ съ вольныхъ береговъ,
Онъ поднялъ мечъ на земляковъ,—
Тотъ самый мечъ, которымъ онъ
Владѣть былъ ими сбученъ.
Обривъ главу, теперь чалмой
Обвилъ чело отступникъ злой.
Въ тотъ вѣкъ, извѣдавъ много золъ,
Коринѳъ съ Мореей перешелъ
Подъ власть Венеціи, и вотъ,
У крѣпостныхъ его воротъ,
Въ ряды враговъ страны родной
Онъ сталъ съ той ревностью, какой
Пылаетъ, бѣшенствомъ объятъ,
Одинъ лишь юный ренегатъ,
Въ которомъ гордый духъ кипитъ
Воспоминаніемъ обидъ.
Теперь ему въ отчизнѣ нѣтъ
Свободы милой прежнихъ лѣтъ,
Съ тѣхъ поръ какъ тайнымъ былъ врагомъ
Вложенъ «въ пасть льва», передъ дворцомъ
Святаго Марка, въ часъ ночной,
Доносъ съ презрѣнной клеветой.
Онъ бѣгствомъ жизнь успѣлъ спасти,
Чтобъ дней остатокъ провести
Съ отчизной въ гибельной войнѣ
И доказать родной странѣ,
Кого она лишилась въ немъ,
Въ великомъ воинѣ своемъ,
Который клялся крестъ затмить,
Рѣшась погибнуть иль отмстить.

V.

Комурги, страшный твой конецъ
Поднесъ Евгенію вѣнецъ,
Когда послѣдній вождь въ строю
Ты палъ въ Карловицкомъ бою,
Не за себя, за мусульманъ
Кляня побѣду христіанъ!
Комурги, громъ твоихъ побѣдъ
Дотолѣ помнить будетъ свѣтъ,
Пока Европа не придетъ
Съ Эллады сбросить рабства гнетъ
Взамѣнъ свободы, данной ей
Мечомъ Венеціи вождей!
Прошло съ тѣхъ поръ уже сто лѣтъ,
Какъ ты, о баловень побѣдъ,
Послѣдній вождь османскихъ силъ,
Морею Портѣ возвратилъ,
Весь край огнемъ опустошивъ
И авангардъ свой поручивъ
Младому Альпу, и тогда,
Съ землей ровняя города,
Тебѣ отступникъ заявилъ,
Какъ твердъ онъ въ новой вѣрѣ былъ.

VI.

Слабѣютъ стѣны; все сильнѣй,
Все чаще, жарче съ батарей
Пальба направлена на нихъ,
Не умолкая ни на мигъ.



КОРИНѲЪ (Corinth).

Рис. Стэнфильдъ (C. Stanfield), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

И раскаленныхъ пушекъ громъ
Грохочетъ въ полѣ боевомъ,
И съ страшнымъ трескомъ здѣсь и тамъ
Валятся башни по стѣнамъ,
И въ мигъ, какъ въ прахъ онѣ падутъ
Отъ взрыва бомбъ, съ горящихъ грудъ
Сверкаетъ пламя сквозь проломъ,
Взвиваясь огненнымъ столбомъ,
Иль, какъ болида страшный хвостъ,
Разсыпавшись въ милліоны звѣздъ,
Ихъ искры мечетъ до небесъ,
Гдѣ сквозь густой, двойной навѣсъ
Изъ дымной мглы и сѣрыхъ тучъ
Не проникаетъ солнца лучъ.

VII.

Но не изъ мести лишь одной
Злой Альпъ, отступникъ молодой,
Свирѣпый, учитъ турковъ рать
Искусству стѣны сокрушать.
Изъ-за ограды крѣпкихъ стѣнъ
Онъ мнитъ похитить дѣву въ плѣнъ
У непреклоннаго отца,
Который юныя сердца
Еще въ то время разлучилъ
Какъ Альпъ Венеціи служилъ,
Когда, счастливецъ, не былъ онъ
Еще измѣной заклейменъ,
Въ тѣ дни, когда онъ, въ карнавалъ,
Въ пирахъ, всѣхъ блескомъ ослѣплялъ
И всѣхъ нѣжнѣе въ часъ ночной
Пѣлъ серенады надъ волной
Въ честь итальянки молодой.

VIII.

И всѣмъ казалось, что его
Франческа любитъ одного,
Затѣмъ, что слышали не разъ
Всѣ женихи ея отказъ.
Когда жъ адрійскій бурный валъ
Ланчьотто въ чуждый край умчалъ,
Сталъ гаснуть блескъ ея очей,
И ликъ печальный сталъ блѣднѣй,
И стали каждый день вдвоемъ
Ее видать съ духовникомъ.
И если изрѣдка на балъ
Она являлась въ карнавалъ,
То въ грустныхъ взорахъ шумный свѣтъ
Читалъ печали тайный слѣдъ.
И сталъ простѣй ея нарядъ,
И невнимательнѣе взглядъ,
И голосъ менѣе пѣвучъ,
И легкій шагъ не такъ летучъ
Среди танцующихъ гостей
Всю ночь до утреннихъ лучей.

IX.

Отправленъ дожемъ край блюсти,—
Край, что Венеціи вожди
Отъ Патры до Эвбейскихъ водъ
У Порты отняли въ тотъ годъ,
Когда Собѣскій сокрушилъ
Подъ Будой мощь османскихъ силъ,—
Минотти, храбрый генералъ,
Въ тѣ дни въ Коринѳ возсѣдалъ,—
Въ тѣ дни, когда разцвѣлъ какъ рай
Подъ властью дожей грековъ край,
И прежде чѣмъ нарушенъ былъ
Тотъ миръ, что ихъ освободилъ.
Минотти дочь привезъ съ собой,
И красоты еще такой
На высотахъ морейскихъ горъ
Никто не видывалъ съ тѣхъ поръ,
Какъ Менелаева жена
Бѣжала, гостемъ прельщена,
Заставивъ лить такъ долго кровь
За беззаконную любовь.

X.

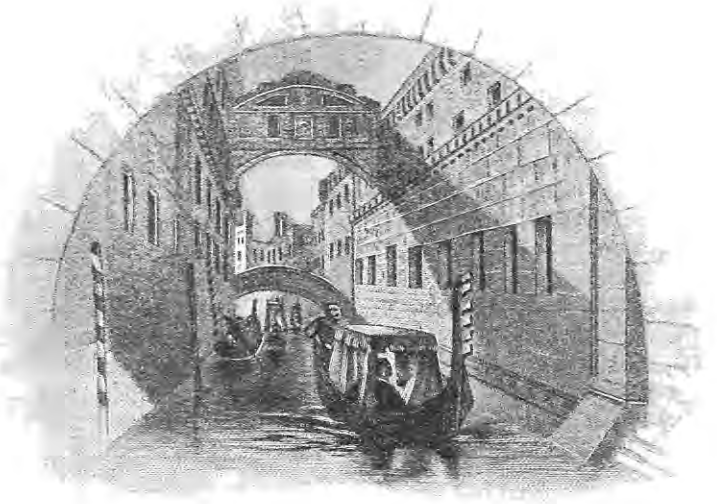
Стѣна разрушена пальбой,
И завтра съ раннею зарей
Въ проломъ по грудамъ падшихъ стѣнъ
Начнется приступъ злыхъ племенъ.
Уже изъ турокъ и татаръ
Колонны выбраны; ихъ жаръ
Неукротимъ: не даромъ ихъ
Зовутъ „отрядомъ роковыхъ“.
Они проложатъ путь мечомъ,
Застелятъ трупами проломъ,
И какъ по лѣстницѣ взойдутъ
По трупамъ въ городъ, гдѣ падутъ.

XI.

Ужъ ночь. Надъ гребнемъ темныхъ скалъ
Холодный, полный мѣсяцъ всталъ.
Струится бездна синихъ водъ.
Безбрежнымъ моремъ средь высотъ
Простерлась неба синева,
И звѣзды, свѣта острова,
По ней разсыпались, полны
Духовной, чудной тишины.
О, кто, глядя на нихъ, мечтой
Не уносился въ край святой?
Кто не желалъ исчезнуть въ немъ,
Чтобъ слиться съ вѣчнымъ ихъ огнемъ?
Прозрачны, полны синей мглы,
Уснули волны у скалы,
По мелкимъ камнямъ чуть журча,
Какъ струйки чистаго ключа.
Надъ моремъ дремлютъ вѣтерки,
Висятъ на древкахъ бунчуки,
И въ складкахъ ихъ османовъ гербъ
Блеститъ луны сребристый серпъ.
И все заснуло крѣпкимъ сномъ;
Невозмутимый миръ кругомъ,
Лишь стража окликъ подаетъ,
Да звонко конь вдали заржетъ,
Да эхо вторитъ межъ холмовъ,
Да слышенъ въ станѣ у враговъ
Немолчный говоръ, гулъ глухой,
Какъ шелестъ листьевъ предъ грозой.
Но чу! воззвалъ въ обычный часъ
Къ молитвѣ муэдзина гласъ,
И, звукъ волшебный, несся онъ,
Какъ призрака пустыни стонъ,
Какъ вѣтерка чуть слышный свистъ
Въ струнахъ Эола. Звонокъ, чистъ
И мелодически-унылъ,
Онъ сердце въ трепетъ приводилъ.
Онъ къ осажденнымъ въ грудь проникъ,
Пророческой судьбы ихъ кликъ;
Онъ осаждающихъ смутилъ
Зловѣщимъ ужасомъ могилъ,—
Тѣмъ трепетомъ душевныхъ мукъ,
Когда въ насъ сердце биться вдругъ
Перестаетъ, чтобы опять
Еще сильнѣй затрепетать,
Какъ бы стыдясь, что такъ оно
Пустой тревогой смущено.
Въ такой невольный трепетъ насъ
Приводитъ звонъ въ полночный часъ,
Когда гудитъ за упокой
Души отшедшей въ міръ иной.

XII.

Стоитъ на взморьѣ Альповъ станъ.
Пробилъ ужъ зорю барабанъ,
Прочли молитву, часовыхъ
Разставили и—лагерь стихъ.
Всѣ спятъ. Одинъ лишь Альпъ не спитъ;
Онъ завтра въ битвѣ утолитъ
Всѣ муки долгія свои
Блаженствомъ мщенья и любви.
Часы бѣгутъ, и молитъ онъ,
Чтобъ укрѣпилъ въ немъ душу сонъ
Для дѣлъ кровавыхъ; но кипятъ
Въ немъ думы черныя какъ адъ.
Онъ здѣсь одинъ въ толпѣ невѣждъ;
Не дѣлитъ съ ними онъ надеждъ
Затмить луною крестъ въ бою;
Не вѣритъ вовсе, что въ раю
За каплю крови будетъ онъ
Любовью гурій награжденъ.
И не пылаетъ сердце въ немъ
Тѣмъ вдохновительнымъ огнемъ,
Съ какимъ суровый патріотъ
На смерть за родину идетъ.



ВЕНЕЦІЯ, МОСТЪ ВЗДОХОВЪ (Venice, Bridge of Sighs).
Рис. Уоррена (*H. Warren*), *грав. Э. Финдена* (*E. Finden*).

Онъ здѣсь одинъ—отступникъ злой,
Измѣнникъ родины святой,
Одинъ безъ друга, безъ родныхъ,
Въ толпѣ враговъ, въ толпѣ чужихъ.
Они на смерть готовы съ нимъ,
Затѣмъ что онъ непобѣдимъ,
Затѣмъ что онъ, гяуровъ бичъ,
Сулитъ имъ въ битвѣ рядъ добычъ.
И пресмыкаются они
Предъ нимъ затѣмъ, что искони
Передъ людьми высокихъ думъ
Смирялся въ черни темный умъ.
Но все же родомъ онъ изъ тѣхъ,
Съ кѣмъ жить—въ глазахъ ихъ—тяжкій грѣхъ!

Они завидуютъ ему,
Что славенъ онъ, надѣвъ чалму,
Тогда какъ въ юности своей
Онъ былъ упорный назарей.
Они не знаютъ, какъ убитъ
Духъ гордый дерзостью обидъ;
Они не знаютъ, имъ чужда
Души озлобленной вражда;
Они не знаютъ, какъ объятъ
Желаньемъ мести ренегатъ.
Онъ вождь, но въ мірѣ вѣчно такъ:
Кто впереди, тотъ и вожакъ.
Шакаловъ такъ смиряетъ левъ
И, ихъ добычей овладѣвъ,
Одинъ съѣдаетъ всю корысть,
Имъ оставляя кости грызть.

XIII.

И лихорадочнымъ огнемъ
Онъ весь горитъ, и тяжко въ немъ
Трепещетъ сердце, ноетъ грудь,
И тщетно хочетъ онъ заснуть—
Малѣйшій шорохъ, каждый звукъ
Сонъ гонитъ прочь для новыхъ мукъ.
Чалма палитъ ему чело,
Грудь стиснулъ панцырь тяжело,
Хотя, бывало, заурядъ
Онъ крѣпко спалъ подъ грузомъ латъ,—
Спалъ не въ постели пуховой
И не въ такой тиши ночной,
Какъ въ этотъ часъ, но въ бурной мглѣ,
Подъ хладнымъ небомъ, на землѣ.
И Альпъ не въ силахъ ждать внутри
Палатки утренней зари.
Идетъ на взморье, гдѣ кругомъ
Бойцы уснули крѣпкимъ сномъ.
Кто усыпилъ ихъ? Почему
Не спится въ станѣ лишь ему?
Трудовъ имъ больше, смерть вѣрнѣй,
И многимъ, можетъ, въ жизни сей
Насталъ послѣдней ночи сонъ,
А онъ ничѣмъ не возмущенъ!
И Альпъ, безсонницей томимъ,
Бойцамъ завидуетъ простымъ.

XIV.

И утолились муки въ немъ
На свѣжемъ воздухѣ ночномъ.
Прохладой вѣяло съ небесъ,
И снова духомъ онъ воскресъ.
За нимъ былъ лагерь; передъ нимъ
Съ зубчатымъ берегомъ своимъ
Сверкалъ, врѣзаясь въ грудь земли,
Заливъ Лепантскій; а вдали
Сіялъ съ высотъ Дельфійскихъ горъ
Снѣговъ незыблемый шатеръ.
И лился блескъ отъ тѣхъ снѣговъ,
Какъ лился много ужъ вѣковъ,
Протекшихъ здѣсь, гдѣ нѣтъ зимы,
И не исчезнетъ снѣгъ, какъ мы.
Рабы, тираны—всѣхъ должна
Смыть съ міра времени волна;
Но бѣлый, зыбкій тотъ покровъ,
Изъ легкихъ сотканный паровъ,
Межъ тѣмъ какъ гибнетъ все окрестъ,
Сіяетъ вѣкъ въ сосѣдствѣ звѣздъ.
Какъ ткань, какъ облако, какъ паръ,
Онъ тамъ раскинутъ людямъ въ даръ
Самой Свободою, когда,
Простясь съ Элладой навсегда,
Она въ долины грустный взоръ
Послѣдній кинула съ тѣхъ горъ,
Гдѣ въ вѣщихъ пѣсняхъ столько разъ
Гремѣлъ ея могучій гласъ.
Но и теперь она порой
Еще слетаетъ въ край родной
Къ полямъ, принявшимъ видъ пустынь,
Къ останкамъ храмовъ и святынь,
Чтобъ пробудить сердца людей
Воспоминаньемъ славныхъ дней.
Вотще! Въ нихъ духъ не оживетъ,
Пока сіянье не блеснетъ
Той вѣчно памятной зари,
Когда тиранъ бѣжалъ изъ при,
И палъ съ улыбкой на устахъ
Великій Спарты сынъ въ горахъ.

XV.

Не позабылъ и Альпъ злодѣй
О славѣ этихъ чудныхъ дней.
Бродя въ безмолвіи ночномъ,
Онъ вспомнилъ, въ мысляхъ о былomъ,
О тѣхъ геройхъ старины,
Чья кровь лилась за честь страны
И, этой думою смущенъ,
Онъ сознавалъ какъ жалокъ онъ,
Предатель, обнажившій мечъ
Противъ отчизны въ шумѣ сѣчъ,
Притекшій поприщемъ измѣнъ
На святотатный приступъ стѣнъ.
О, такъ ли въ битву шли съ врагомъ
Вожди, чей прахъ почилъ кругомъ
Они вели фаланги въ бой
Въ защиту родины святой;
Они погибли, но жива
Ихъ вѣчной доблести молва.
Объ ней гласитъ просторъ полей,
Гласятъ ущелья горъ объ ней;
Она живетъ во мглѣ лѣсовъ,
Гремитъ и въ говорѣ валовъ;
Ихъ духъ витаетъ на горахъ;
Ихъ память искрится въ струяхъ
Ручьевъ долинъ, въ волнахъ рѣки,
И, мнится, шепчутъ вѣтерки
Ихъ имена, и каждый холмъ,
Колонна каждая на немъ,
И каждый камень на холмахъ
Скрываетъ ихъ священный прахъ.
И вѣчно будетъ ихъ страна,
Хоть нынѣ рабству предана,
Страной свободы, славныхъ дѣлъ.
И патріотъ, когда созрѣлъ
Въ немъ подвигъ доблести, всегда
Укажетъ съ гордостью туда
И, вдохновенный стариной,
Съ тираномъ смѣло вступитъ въ бой,
Чтобъ грудью родину свою
Иль отстоять, иль пасть въ бою.

XVI.

По взморью мраченъ бродитъ онъ,
Прохладой ночи оживленъ.
Недвижна зыбь пучинъ морскихъ:
Приливъ съ отливомъ воли ихъ
Не укрощаетъ и лунѣ
Не покоряются онѣ.
Къ скалѣ ли рвутся ихъ валы,
Спокойно ль льются отъ скалы,
Шумятъ ли въ морѣ и кипятъ,
Или въ заливѣ тихо спятъ, —
Безмолвно смотритъ въ нихъ луна,
Надъ ними власти лишена.
Угрюмъ, не слыша ихъ угрозъ,
Надъ ними хмурится утесъ,
И, какъ въ былыя времена,
Черта у ногъ его видна,
Гдѣ въ бурю пѣнятся валы,
Не досягая до скалы—
На золотой грядѣ песковъ
Межъ волнъ и зелени луговъ.

По взморью онъ бродитъ при свѣтѣ луны
На выстрѣлъ ружейный отъ грозной стѣны.
Но видно никѣмъ не примѣченъ онъ тамъ,
Не то—какъ бы смѣлъ подойти онъ къ стѣнамъ?
Измѣна ль таилась въ гяурскихъ рядахъ,

КОРИНѲЪ, ОСВѢЩЕННЫЙ ЛУНОЙ (Corinth by moonlight).
Рис. Уоррена (H. Warren), грав. Э. Финдена (E. Finden).

Рука ль ихъ ослабла, иль въ сердцѣ ихъ страхъ,—
Не знаю! Но только не слышно пальбы
И пули не свищутъ отъ частой стрѣльбы,
Хотя онъ такъ близко стоялъ у воротъ,
Гдѣ съ моря прикрытъ бастіонами входъ
Что могъ бы разслышать какъ тамъ за стѣной
Угрюмо пароль принималъ часовой,
Какъ мѣрнымъ онъ шагомъ у крѣпкихъ воротъ
По плитамъ расхаживалъ взадъ и впередъ.
И тутъ подъ стѣною увидѣлъ эмиръ
Собакъ одичалыхъ надъ трупами пиръ:
Грызутъ, пожираютъ псы мертвыхъ тѣла,
Лежавшія грудой во рву безъ числа,
И мясо сдираютъ, какъ кожу съ плодовъ,
Ихъ бѣлые зубы съ татарскихъ головъ,
И въ острыхъ зубахъ, какъ плодовъ скорлупа,
Хрустятъ и трещатъ мертвецовъ черепа.
И такъ заняты они дѣломъ своимъ,
Что лаять на Альпа нѣтъ времени имъ,
И даже нѣтъ силы подняться съ земли:
Такъ жадно на трупахъ, простертыхъ въ пыли
И въ жертву имъ брошенныхъ грозной войной,
Они утоляли гладъ бѣшеный свой.
И Альпъ, по зеленымъ и алымъ чалмамъ,
Разбросаннымъ всюду по зыбкимъ пескамъ,
Узналъ съ содроганьемъ тѣхъ лучшихъ бойцовъ,
Которыхъ онъ самъ устремлялъ на враговъ.
Ихъ головы бриты; лишь пряди косы
Спускались съ затылка, и лютые псы,
Тѣ длинныя косы въ зубахъ волоча,
Съ головъ рвали кожу, сердито ворча.
А дальше,—гналъ коршунъ отъ падали прочь
Крыломъ своимъ волка, который въ ту ночь,

Почуя добычу, подкрался къ стѣнѣ,
Держась подлѣ взморья, отъ псовъ въ сторонѣ,
И жадно глодалъ въ ожиданіи дня
Исклеванный птицами остовъ коня.

XVII.

Отъ страшной картины Альпъ взоръ отвратилъ;
Донынѣ въ бою онъ безтрепетенъ былъ,
Но тутъ согласился бъ охотнѣе онъ
Услышать бойцовъ умирающихъ стонъ,
Узрѣть ихъ боренье со смертью вокругъ,
Чѣмъ видѣть убитыхъ, которымъ нѣтъ мукъ.
Въ насъ гордость рождаетъ опасности часъ,
Въ какомъ бы смерть видѣ ни встрѣтила насъ:
Тамъ слава разскажетъ о томъ кто убитъ,
Тамъ почесть на подвиги смѣлыхъ глядитъ.
За то послѣ боя какъ тягостно намъ
Скитаться въ крови по безгробнымъ тѣламъ
И видѣть какъ черви, какъ птицы небесъ,
Какъ хищные звѣри, покинувши лѣсъ,
На трупъ человѣка свершаютъ набѣгъ,
Ликуя о томъ, что погибъ человѣкъ.

XVIII.

Есть храмъ близъ Коринѳа; въ развалинахъ онъ,
Твореньe давно позабытыхъ племенъ.
Въ немъ двѣ-три колонны, да нѣсколько плитъ,
Да мраморъ, да мохомъ поросшій гранитъ.
О, время, ты все истребляешь навѣкъ,
Что создалъ, что снова создастъ человѣкъ!
О, время! щадишь ты лишь столько отъ дѣлъ
Свершенныхъ давно, чтобъ потомокъ скорбѣлъ
О томъ что погибло, о томъ что опять
Создастъ онъ, чтобъ снова забвенью предать:
Обломки и груды каменьевъ въ пыли,
Воздвигнутыхъ сыномъ безсильнымъ земли!

XIX.

Присѣвъ на базу подъ столбомъ,
Склонился Альпъ къ рукѣ челомъ,
Задумчивъ, мраченъ и угрюмъ,
Подавленъ тяжестію думъ.
И онъ поникнулъ головой
На грудь стѣсненную тоской,
Томясь, вздыхая тяжело,
Стуча перстами о чело,
Какъ наша бѣглая рука
Стучитъ по клавишамъ, пока
Мы не исторгнемъ мѣрный тонъ
Изъ струнъ, хранившихъ долгій сонъ.
И былъ онъ мраченъ. Вдругъ съ тоской
Вздохнулъ какъ будто вѣтръ ночной.
Но былъ ли вѣтромъ пробужденъ
Межъ камней этотъ тихій стонъ?

ЕСТЬ ХРАМЪ БЛИЗЪ КОРИНѲА, ВЪ РАЗВАЛИНАХЪ ОНЪ.
(Ruined temple at Corinth).

Рис. Уоррена (H. Warren), грав Э. Финдена (E. Finden).

Онъ голову поднялъ, онъ въ море глядитъ,—
Какъ зеркало море недвижное спитъ.
На камни глядитъ онъ,—не зыблется мохъ.
Откуда жъ принесся таинственный вздохъ?
На флаги взглянулъ онъ—недвижны они,
На лѣсъ Киѳерона—онъ дремлетъ въ тѣни.
Все тихо; въ лицо не пахнетъ вѣтерокъ,
Что жъ это за голосъ? откуда притекъ?
И Альпъ обернулся—въ сіяньи луны
На камнѣ онъ видитъ тѣнь чудной жены.

XX.

Вздрогнувъ, вскочилъ онъ, самъ не свой,
Какъ будто врагъ вступилъ съ нимъ въ бой.
„О, Боже праотцевъ моихъ!
Кто ты? откуда? какъ въ сей мигъ
Явилась въ станъ враговъ своихъ?"
Рукой дрожащей хочетъ онъ
Перекреститься; но, смущенъ
Упрекомъ совѣсти, безъ силъ
Онъ руку въ страхѣ опустилъ.
Глядитъ, и вмигъ узналъ черты
И образъ дивной красоты:
Его невѣста передъ нимъ,
Франческа съ видомъ неземнымъ.
Все тѣ же розы средь ланитъ,
Но блѣдный тускъ по нимъ разлитъ.
Гдѣ блескъ улыбки устъ младыхъ,
Такъ оживлявшій прелесть ихъ?
Лазурь въ очахъ ея темнѣй,
Чѣмъ синева въ волнахъ морей;
Но какъ волны холодной плескъ,

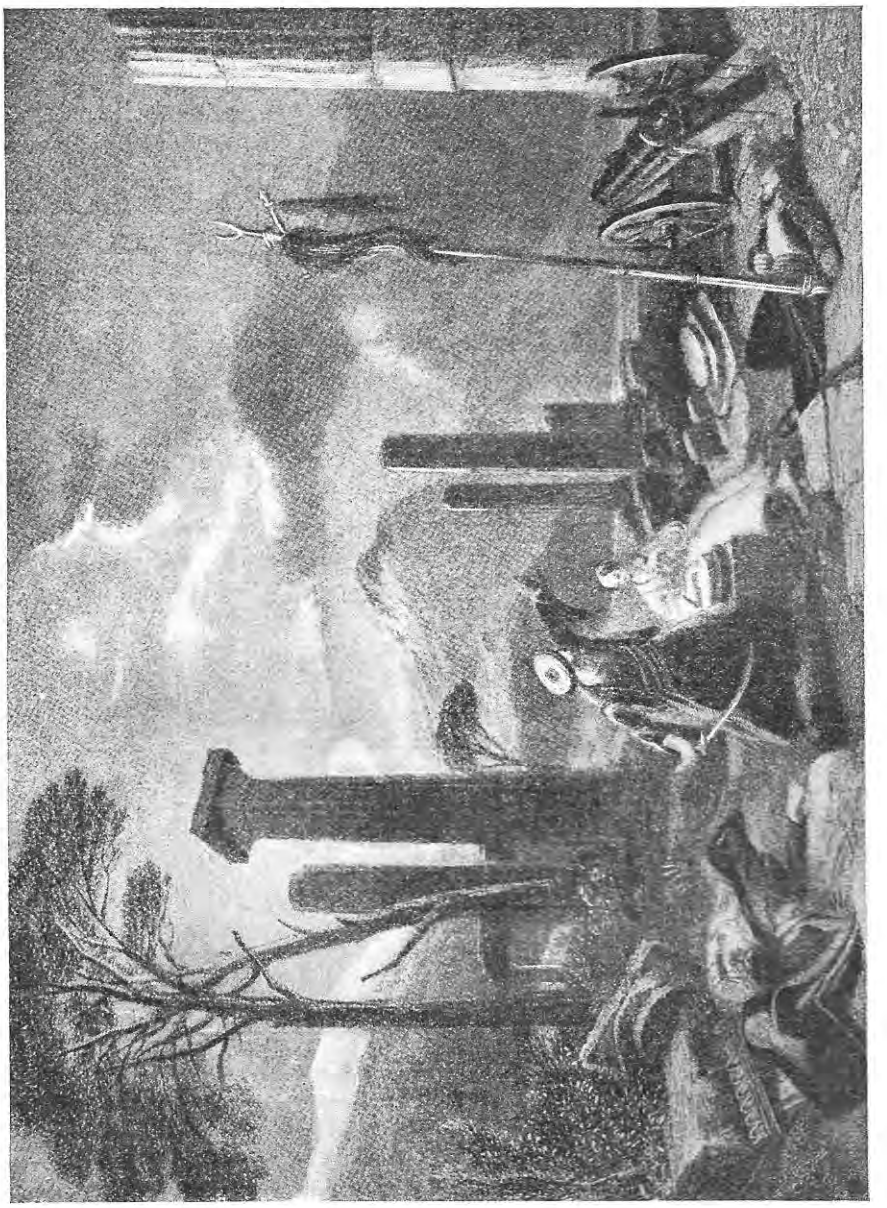
Очей недвижныхъ страшенъ блескъ.
Подъ тканью легкой, какъ туманъ,
Сіяютъ грудь и дивный станъ;
И блещетъ роскошь плечъ нагихъ
Межъ черныхъ прядей косъ густыхъ,
Сбѣгавшихъ волнами на нихъ.
Она не вдругъ дала отвѣтъ,
Но противъ мѣсяца на свѣтъ
Сначала руку подняла—
И, мнилось, такъ она была
Прозрачна, призрачна-нѣжна,
Что свѣтитъ сквозь нее луна.

XXI.

„Угодно судьбѣ, чтобъ пришла я къ тебѣ
Спасти твою душу на радость себѣ.
Тебя я искала въ рядахъ мусульманъ,
Пройдя мимо стражи чрезъ вражескій станъ.
Ты знаешь сказанье: и яростный левъ
Отъ дѣвъ непорочныхъ бѣжитъ, оробѣвъ.
И Богъ милосердный, дающій покровъ
Невиннымъ отъ злобы тирана лѣсовъ,
Своей благодатью мой путь осѣня,
Отъ рукъ мусульманскихъ избавилъ меня.
Пришла я; но если напрасно пришла,
Не узришь меня никогда, никогда!
Ты страшное дѣло изъ мести свершилъ;
Безумецъ, ты вѣрѣ отцовъ измѣнилъ!
Сбрось наземь чалму и крестомъ пресвятымъ
Себя осѣни, и ты будешь моимъ;
Смой съ гордаго сердца нечистую кровь,
И завтра навѣкъ съединитъ насъ любовь“.

„Но гдѣ жъ мы отпразднуемъ свадебный пиръ?
Не здѣсь же средь мертвыхъ, отшедшихъ въ тотъ міръ?
Не здѣсь же, гдѣ завтра мечу и огню
Сыновъ и святыни Христа предаю?
Здѣсь завтра пощады врагамъ не найти!
Одну лишь тебя я поклялся спасти.
Съ тобой улечу я въ счастливую даль,
Тамъ мы, съединившись, забудемъ печаль,
Тамъ блага всѣ въ жизни тебѣ подарю.
Но прежде Венеціи гордость смирю,
Но прежде ея ненавистныхъ дѣтей,
Меня обезчестившихъ кривдой своей,
Заставлю извѣдать, какъ бичъ мой разитъ:
Изъ злыхъ скорпіоновъ онъ бѣшенствомъ свитъ“.

Тогда, нѣмая отъ тоски,
Она слегка его руки
Коснулась мертвою рукой.
И холодъ смерти гробовой
Проникъ до сердца, до костей.
И оторвать руки своей
Онъ отъ руки ея не могъ.
И столько страха и тревогъ
Не ощущалъ онъ никогда,



АЛЬПЪ и ФРАНЧЕСКА (Alp and Francesca).
Рис. Гардинга (I. D. Harding), грав. Вилмора (I. T. Wilmore).

АЛЬПЪ и ФРАНЧЕСКА (Alp and Francesca).
Рис. Уоррена (H. Warren), грав. Э. Финденъ (E. Finden).

Какъ здѣсь отъ пальцевъ изо льда,
Къ нему примерзшихъ въ этотъ мигъ,—
Такъ тонкихъ, длинныхъ, не живыхъ.
Какъ камень сердце тяжело
Въ груди упало и чело
Остыло. Онъ взглянулъ: увы!
Какъ страшно измѣнились вы,
Черты прекраснаго лица,
Безъ мысли какъ у мертвеца,
Безъ искры жизни, безъ любви,
Игравшей такъ въ ея крови,
Какъ солнца лучъ въ верхахъ струи.

Не видно движенья въ устахъ ледяныхъ,
Слова безъ дыханья исходятъ изъ нихъ,
И грудь не волнуетъ ей вздохомъ любовь,
И въ жилахъ не льется застывшая кровь,
Въ очахъ неподвижныхъ сверкающій свѣтъ,
Но дики ихъ взоры и жизни въ нихъ нѣтъ;
Какъ взоры того, кто въ мучительномъ снѣ
При мѣсяцѣ бродитъ въ ночной тишинѣ.
Такъ смотрятъ портреты съ старинныхъ обой,
Колеблемыхъ вѣтромъ ночною порой,
Когда, при мерцаньи лампады, въ тѣни,
Безъ жизни, но словно живые, они,
Какъ призраки ночи, по мрачнымъ стѣнамъ
Какъ будто выходятъ изъ тѣсныхъ ихъ рамъ.

ФРАНЧЕСКА (Francesca).
Рис. Пенли (W. Penley), грав. Стэнс (R. Staines).

Съ нахмуреннымъ ликомъ; а буря реветъ,
Волнуя обои и взадъ и впередъ.

„Пусть ты отвергъ любовь мою;
Но Божьимъ именемъ молю—
Сорви чалму; во прахъ склонись
Челомъ преступнымъ и клянись,
Что ты помилуешь дѣтей
Злосчастной родины твоей.
Не то, погибшій навсегда,
Ужъ не увидишь никогда
Не этотъ міръ—ты въ немъ чужой!—
Но небеса и образъ мой.
Не отвергай моей мольбы,
И пусть жестокъ ударъ судьбы,
Онъ можетъ грѣхъ твой искупить
И благость къ грѣшнику склонить.
Когда жъ еще промедлишь мигъ,
Пріими проклятье силъ святыхъ,
Тобой отвергнутыхъ! Взгляни,
Ужъ гаснутъ звѣздные огни.
Вонъ тучка къ мѣсяцу плыветъ,
Она летитъ и вмигъ уйдетъ.
Коль не смиришь души своей,
Пока воздушный парусъ сей
Скрываетъ свѣтлый челнъ луны,
То Богъ и люди отмщены,
Твой страшенъ жребій, но страшнѣй
Безсмертье гибели твоей".

И въ небо смотритъ Альпъ, и вотъ,
По небу облако плыветъ.
Но безпредѣльно гордый духъ
Ко всѣмъ мольбамъ остался глухъ,
И, какъ стремительный потокъ,
Всѣ чувства въ Альпѣ превозмогъ.
Ему смириться! *Она* готовъ
Дрожать отъ робкихъ женскихъ словъ!
Онъ, оскорбленный, пощадитъ
Враговъ, которымъ смертью мститъ!
О, нѣтъ! Хотя бы грянулъ громъ,
Пусть грянетъ! Сердце крѣпко въ немъ!
И долго онъ смотрѣлъ, пока
Неслись чрезъ мѣсяцъ облака.
И вотъ прошли, и яркій лучъ
Сверкнулъ на землю изъ-за тучъ.
„Судьбы, сказалъ онъ, не страшусь!
Ужъ поздно! Нѣтъ, не измѣнюсь!
Гроза, колебля, гнетъ тростникъ;
Но дубъ не гнетъ, а ломитъ вмигъ.

Всему Венеція виной;
Навѣкъ я врагъ ей заклятой.
Но ты моя; бѣги жъ со мной!"
Взглянулъ—ея ужъ нѣтъ!
Блеститъ на колоннѣ лишь мѣсяца свѣтъ.
Исчезла ли въ землю, слилась ли съ лучомъ—
Не видитъ, не знаетъ; все пусто кругомъ.

XXII.

Промчалась ночь. Встаетъ заря,
И, какъ для радости горя,
Разсвѣтъ ночную гонитъ тѣнь
И предвѣщаетъ знойный день.
Восходитъ солнце сквозь туманъ,
И вотъ проснулся вражій станъ.

Чу! Бой барабанный и гулъ отъ шаговъ,
И звукъ заунывный турецкихъ роговъ,
И вѣянье въ битву несомыхъ знаменъ,
И говоръ немолчный различныхъ племенъ.
Чу! ржанье и топотъ коней предъ грозой,
И трескъ отъ оружья и крики: на бой!
Подъ конскою гривой шумятъ бунчуки
И строятся въ полѣ на приступъ полки.

Курдъ, татаринъ, туркоманъ!
Покидайте ратный станъ!
Мчитесь, рыскайте вокругъ,
Чтобъ никто отъ вашихъ рукъ
Изъ бѣжавшихъ черезъ валъ,
Старъ иль младъ, не убѣжалъ!
Мчитесь по полю, пока
На проломъ идутъ войска.

Все ужъ готово; кони кипятъ,
Гривы волнуютъ, бьются, храпятъ
Бѣлою пѣной кропятъ удила.
Войско за войскомъ! Нѣтъ имъ числа.
Копьи какъ лѣсъ; фитили зажжены;
Тысячи жерлъ противъ сбитой стѣны
Грянуть готовы послѣдній ударъ.
Всѣхъ впереди полки янычаръ.
Альпъ во главѣ ихъ; блеститъ отъ меча
Лучъ въ обнаженной рукѣ до плеча.
Ханъ и паши выѣзжаютъ впередъ;
Самъ ихъ Комурги на приступъ ведетъ.

Съ первой пушкой вѣстовой
Смѣло кинемся на бой!
На Коринѳъ! и смерть врагу!
Богъ, пророкъ! Гу, Алла-гу!

XXIII.

Какъ волки съ воемъ въ часъ ночной
Летятъ на буйвола грозой;
А буйволъ, съ яростью въ глазахъ,
Реветъ, копытомъ топчетъ въ прахъ
И подымаетъ на рога
Остервенѣлаго врага:
Такъ мчатся на стѣну орды,
Такъ гибнутъ первые ряды.
И, расшибаясь какъ стекло,
Не мало тамъ кольчугъ легло
Подъ градомъ ядеръ, подъ огнемъ
Гранатъ, взметавшихъ пыль столбомъ.
И какъ подъ острою косой
Трава ложится полосой,
Такъ на землѣ, какъ палъ во прахъ,
Лежитъ рядами падшій врагъ.

XXIV.

Но какъ весеннихъ водъ напоръ
Свергаетъ груды камней съ горъ
И вкругъ обрушенной скалы
Катитъ вспѣненные валы,
Стремясь, какъ падаютъ снѣга
Съ вершины Альповъ на луга:
Такъ наконецъ передъ толпой
Враговъ, упорной и густой,
Утомлены, сокрушены,
Коринѳа падаютъ сыны.
Рука съ рукой, плечо съ плечомъ,
Герои рубятся съ врагомъ
И массой падаютъ во прахъ,
Не уступая ни на шагъ.
Тамъ крикъ побѣды, падшихъ стонъ
И копій трескъ, и сабель звонъ
Сливался съ грохотомъ пальбы,
И гулъ отчаянной борьбы
Къ далекимъ несся городамъ.
Въ волненьи страха ждали тамъ,
Въ чью пользу бой судьба рѣшитъ,
Веселье ль, горе ли сулитъ
Сей страшный громъ, сей грозный споръ,
Потрясшій гуломъ нѣдра горъ,
Все заглушающій сей гласъ,
Предъ коимъ вся земля тряслась
Отъ Саламина до высотъ
Мегары и Пирейскихъ водъ.

XXV.

И бой кипитъ,—послѣдній бой,
Кровавый, страшный, роковой.
И вотъ вломился въ городъ врагъ;
Онъ грабитъ, рѣжетъ, все во прахъ
Ниспровергаетъ. Передъ нимъ
Въ крови, по скользкимъ мостовымъ,
Бѣгутъ, подъемля страшный стонъ,
Толпы дѣтей, и дѣвъ, и женъ.
Но гдѣ возможность есть бойцу
Встать въ бой съ врагомъ лицомъ къ лицу,
Еще кружки отважныхъ тамъ
Сопротивляются врагамъ
И, прислонясь къ стѣнѣ спиной,

То и Патроклъ не такъ отмщенъ,
Какъ сынъ его, что былъ сраженъ
Тамъ гдѣ, Европу отдѣливъ,
Шумитъ вдоль Азіи проливъ,
Гдѣ въ дни минувшіе легло
Бойцовъ несмѣтное число;
Но мы не знаемъ, гдѣ ихъ прахъ,
Гдѣ пали храбрые въ боякъ.

Нѣтъ камня надъ ними; ихъ пепелъ
истлѣлъ;
И жить въ пѣснопѣньяхъ—ихъ вѣч-
ный удѣлъ!—

XXVI.

Чу! снова крики: Алла-гу!
То Альпъ тѣснимому врагу
Съ отборнымъ войскомъ янычаръ
Несетъ рѣшительный ударъ.
Чтобъ могъ разить быстрѣе мечъ,
У Альпа руки вплоть до плечъ
Обнажены; летя впередъ,
Манитъ онъ рати, онъ зоветъ.
Пусть на другомъ убранство латъ
Влечетъ враговъ корыстный взглядъ;
Пусть у другого изъ пашей
Чалма богаче, мечъ цѣннѣй;
Но Альпа всякъ узнаетъ вмигъ
По грознымъ взмахамъ рукъ нагихъ.
Гдѣ Альпъ, тамъ жарче бой кипитъ;
Гдѣ онъ, тамъ яростнѣй разитъ
Его орда ряды враговъ.
Тамъ стягъ его средь бунчуковъ
Всѣхъ выше вьется, какъ лучи
Кометы пламенной въ ночи.
Гдѣ эта грозная рука
Ведетъ османскія войска,
Повсюду смерть и гибель тамъ;
Тамъ нѣтъ пощады бѣглецамъ,
Тамъ нѣтъ пощады и бойцу,
Который, близкій ужъ къ концу,
Борясь со смертью на землѣ,
Въ крови, безъ страха на челѣ,
Рукой ослабленной еще
Разитъ врага, но ужъ вотще.

XXVII.

Минотти бьется, невредимъ.
Вдругъ Альпъ является предъ нимъ.
„Старикъ, сдавайся! для любви,
Для дочери твоей живи".

— О, нѣтъ, отступникъ, никогда!
Куплю ли жизнь цѣной стыда?

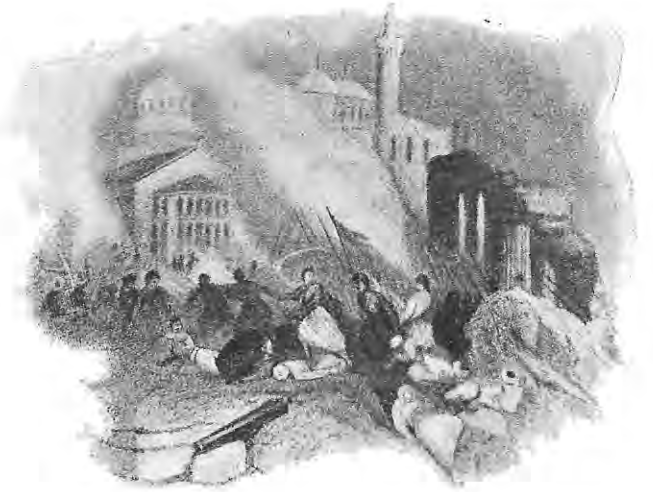
„Франческа, другъ души моей!
Ужель погибнуть должно ей,
Старикъ, по гордости твоей?"
— Ты ей не страшенъ.—„Гдѣ жъ она?"

—„Въ странѣ, откуда изгнана
Душа злодѣя—въ небесахъ!"
И съ злой усмѣшкой на губахъ
Минотти видитъ, какъ сраженъ,
Какъ громомъ, страшной вѣстью онъ.

„Когда жъ, о Боже! дочь твоя
Скончалась?"—„Въ эту ночь, и я
О ней напрасныхъ слезъ не лью;
Не посрамишь ты кровь мою
И не падетъ она рабой
Предъ Магометомъ и тобой.
Сражайся!" Тщетно въ бой онъ звалъ,
Ужъ Альпъ межъ трупами лежалъ.
Пока Минотти злая рѣчь,
Убійственнѣй чѣмъ острый мечъ,
Язвила грудь его тоской,
Раздался выстрѣлъ роковой,
Направленный изъ царскихъ вратъ
Сосѣдней церкви, гдѣ отрядъ
Бойцовъ, собравъ остатки силъ,
Жестокій бой возобновилъ.
Сверкнулъ, какъ молнія, въ глазахъ
Огонь, и вѣчной ночи мракъ
Покрылъ его померкшій зракъ.
И прежде чѣмъ замѣтилъ взоръ,
Откуда выстрѣлъ данъ въ упоръ,—
Альпъ, закружившись, палъ во прахъ.
Съ предсмертной мукой на челѣ
Лежалъ онъ въ корчахъ на землѣ.
Его приподняли; но ликъ,
Въ крови, въ пыли, былъ страшенъ, дикъ;
Сочилась кровь изъ блѣдныхъ губъ,
И былъ онъ холоденъ какъ трупъ.
Не билось сердце, блескъ въ глазахъ
Потухъ и замеръ стонъ въ устахъ.
Онъ умеръ, но кончины мигъ
Не возвѣстилъ ни вздохъ, ни крикъ,
И прежде чѣмъ мелькнула въ немъ
Мечта о Промыслѣ благомъ,
Ужъ духъ его умчался въ адъ,
До самой смерти—ренегатъ.

XXVIII.

Тогда въ рядахъ друзей, враговъ
Поднялся вопль до облаковъ,
И былъ онъ радостенъ и дикъ,
Крикъ торжества и мщенья крикъ,
И снова вспыхнулъ бой: съ плеча
Сѣкутъ мечи, о мечъ стуча,
Трещатъ, ломаясь, древки пикъ
И всюду смерть и смерти крикъ.
Межъ тѣмъ, въ крови, въ дыму, въ пыли
Минотти каждый футъ земли,



АЛЬПЪ ВО ГЛАВѢ ТУРЕЦКАГО ОТРЯДА.
(Alp at the head of the Mussulman band).

Рубясь, упорно защищалъ
И шагъ за шагомъ отступалъ.
Съ нимъ горсть отважныхъ удальцовъ
Путь прорубаетъ сквозь враговъ,
Стремясь проникнуть въ Божій храмъ,
Откуда, въ мщеніе врагамъ,
Тотъ грянулъ выстрѣлъ, что смирилъ
Въ свирѣпомъ Альпѣ рьяный пылъ.
Туда-то трудною тропой
Стремился храбрыхъ грозный строй,
И, обратясь лицомъ къ врагу,
Неся на каждомъ смерть шагу,
Вслѣдъ за вождемъ, сквозь толпъ густыхъ,
Проникъ подъ своды стѣнъ святыхъ:
За ихъ твердыней, кончивъ трудъ,
Герои духъ переведутъ.

XXIX.

Минутный отдыхъ! Вновь орды,
Сомкнувшись въ плотные ряды,
Такъ сильно ринулись, что имъ
Ужъ нѣтъ возврата и самимъ.
Такъ узокъ путь, ведущій въ храмъ,
Что еслибъ первымъ ихъ рядамъ
Вложилъ страхъ въ душу мысль бѣжать,
Рядовъ имъ заднихъ не прорвать:
Имъ надо биться, погибать!
Пусть гибнутъ: гдѣ одинъ падетъ,
Тамъ сотня мстителей встаетъ,
И, не слабѣя отъ рѣзни,
Тѣснѣй смыкаются они.
И вотъ ужъ турки у воротъ.
Еще противится имъ входъ;
Еще изъ оконъ, изъ дверей,
Изъ всѣхъ отверстій и щелей
Ихъ поражаетъ частый градъ
Каменьевъ, пуль, ручныхъ гранатъ.
Но дверь колеблется, листы
Желѣза прочь, трещатъ болты...
Нагнулась, падаетъ, и вотъ
Послѣдній часъ Коринѳу бьетъ!

XXX.

Предъ алтаремъ суровъ, угрюмъ,
Исполненный зловѣщихъ думъ,
Стоитъ Минотти; а надъ нимъ,
Одѣянъ свѣтомъ неземнымъ,
Блеститъ Мадонны ликъ въ лучахъ,
Со взоромъ благости въ очахъ.
Онъ такъ блеститъ надъ алтаремъ,
Чтобъ мы сливались съ божествомъ,

Когда, колѣна преклоня,
Мы зримъ, какъ свѣтлый ликъ Ея
Съ предвѣчнымъ Сыномъ внемлетъ намъ
И воскрыляетъ къ небесамъ
Улыбкой кроткой гласъ молитвъ.
Она и нынѣ въ шумѣ битвъ

МИНОТТИ ПОДЖИГАЕТЪ ПОРОХОВОЙ ПРИВОДЪ (Minotti whith te torch).
Рис. Уоррена (H. Warren), грав. Э. Финдена (E. Finden).

Глядитъ на гибнущихъ въ крови
Все тѣми жъ взорами любви.
Къ ней старецъ взоръ возвелъ; потомъ,
Грудь осѣнивъ себѣ крестомъ,
Схватилъ свѣчу предъ алтаремъ.
Онъ ждетъ: межъ тѣмъ и здѣсь и тамъ
Османы рвутся въ Божій храмъ.

XXXI.

Подъ мозаикой древнихъ плитъ
Есть склепъ: тамъ прахъ усопшихъ спитъ;
Тамъ есть и надписи имъ въ честь,
Но ихъ нельзя теперь прочесть.
Теперь обломками щитовъ,
Мечами, шлемами бойцовъ
Покрыты, кровью залиты
Гербы, надгробные щиты.

Теперь тамъ всюду мертвецы:
Вверху—убитые бойцы,
Внизу—подъ сводами, въ гробахъ,
Усопшихъ предковъ бренный прахъ.
Но и усопшихъ мирный сонъ
Войною не былъ пощаженъ:
Она, проникнувъ въ мракъ сырой,
Тамъ въ корридорахъ подъ землей
Скопила страшный свой припасъ,
И въ дни осады, въ грозный часъ,
Тамъ учредила средь пучинъ
Пороховой свой магазинъ.
Туда проложенъ ужъ приводъ,
Послѣдній роковой оплотъ
Въ борьбѣ отчаянной!—И вотъ—

XXXII.

Ворвался врагъ, какъ лютый звѣрь,
И кто сразится съ нимъ теперь?
Всѣ пали, некого губить!
Чтобъ жажду мщенья утолить,
На трупы врагъ заноситъ мечъ,
Срубаетъ головы имъ съ плечъ;
Тѣ съ злобой статуи святыхъ
Свергаютъ въ прахъ изъ нишей ихъ;
Тѣ грабятъ, рушатъ все вокругъ;
Тѣ другъ у друга рвутъ изъ рукъ

ВЗВЫЛЪ НЕ ОДИНЪ ГОЛОДНЫЙ ВОЛКЪ.
(The Wolves yell'd on the cavern'd hill).

Рис. Уоррена (H. Warren), грав. Э. Финдена (E. Finden).

Святую утварь, образа
И все, что кинется въ глаза.
Ужъ къ алтарю они бѣгутъ!
Еще стоитъ на немъ сосудъ,
Изъ злата чистаго литой,
Тяжелый, съ хитрою рѣзьбой,
Манившій цѣнностью своей
Глаза свирѣпыхъ дикарей.
Сегодня утромъ въ немъ вино
Въ Христову кровь освящено
Для очищенья отъ грѣховъ
Души готовыхъ въ бой сыновъ.
Предъ алтаремъ пылаютъ въ рядъ
Двѣнадцать золотыхъ лампадъ—
Корысть безцѣнная, она
Врагу послѣдней быть должна!

XXXIII.

Бѣгутъ, и первый изъ враговъ
Схватить добычу ужъ готовъ.
Но, упредивъ,
Минотти пламенной свѣчой
Поджогъ приводъ пороховой,
И—грянулъ взрывъ!
И вмигъ сводъ храма, стѣны, шпицъ,
Алтарь, добыча, рядъ гробницъ,
И склепъ, и все, что было тамъ,
Живые, мертвые, весь храмъ,
Взлетѣли съ трескомъ къ небесамъ.
И дрогнулъ городъ; стѣны въ прахъ;
Волна отхлынула; въ горахъ,
Какъ отъ удара подъ землей,
Раздался страшный гулъ глухой.
И съ дымомъ, съ пламенемъ, клубясь,
Пыль къ небу вихремъ поднялась
И возвѣстила, что судьбой
Рѣшенъ свирѣпый, долгій бой.
И все, что было на землѣ,
Взвилось ракетами во мглѣ.
И много воиновъ живыхъ
Подъ облака взлетѣло вмигъ,
И, обгорѣлые, изъ мглы
Упали внизъ съ дождемъ золы,
Кто на долину, кто въ заливъ,
Въ немъ сильно воду возмутивъ
И оставляя въ немъ круги.
Кто тутъ друзья, кто тутъ враги,
Кто франкъ, кто турокъ—какъ узнать?
Того не скажетъ намъ и мать!
Увы! качая въ прежни дни,
Лаская сына у груди
И съ нѣжной кротостью глядя
На спящее свое дитя,
Воображала ли она,
Что день придетъ, когда война
Такъ эти члены исказитъ,
Что въ нихъ и мать не различитъ

Черты ей милаго лица!—
И внизъ летѣли безъ конца
Каменья, бревна, головни,
И, въ землю врѣзавшись, они
Дымились многіе тамъ дни.
  И все живое этотъ громъ
Смутилъ на много миль кругомъ.
Взвилися птицы; стаи псовъ
Отъ тѣлъ бѣжали въ глубь лѣсовъ;
Верблюды вырвались изъ рукъ;
Волъ опрокинулъ въ полѣ плугъ;
Порвавъ узду, пугливый конь
Бѣжалъ на волю, весь огонь;
Лягушки крикъ свой средь трясинъ
Въ нестройный слили хоръ одинъ;
А на горахъ, гдѣ гулъ не молкъ,
Взвылъ не одинъ голодный волкъ.

И, вторя вою волчьихъ стай,
Шакалы вдругъ подняли лай,
Протяжный, жалобно-глухой,
Какъ дѣтскій плачъ иль песій вой.
И, мощно крыльями взмахнувъ,
Орелъ раскрылъ въ испугѣ клювъ,
И съ крикомъ съ горнаго гнѣзда
Поднялся медленно туда,
Гдѣ за клубами дымныхъ тучъ
Сіяетъ солнца яркій лучъ,
И, выше, выше возносясь,
Онъ наконецъ исчезнулъ съ глазъ
За черной тучей громовой.
  Такъ палъ Коринѳъ передъ луной!

Дмитрій Минъ.

ПАРИЗИНА.

Скропу Бердмору Дэвиссу, Эсквайру,

нижеслѣдующая поэма посвящена долголѣтнимъ поклонникомъ его таланта, признательнымъ за его дружбу.

Января 22-го 1816.

Предисловіе.

Нижеслѣдующая поэма основана на происшествіи, разсказанномъ въ „Antiquities of the House of Brunswick“ Гиббона. Я вполнѣ понимаю, что утонченный и требовательный вкусъ современныхъ читателей можетъ счесть подобные сюжеты недостойными поэтической разработки. Греческіе драматурги и нѣкоторые изъ нашихъ лучшихъ англійскихъ писателей были другого мнѣнія, также какъ въ болѣе недавнее время и писатели другихъ европейскихъ странъ, Альфіери и Шиллеръ. Нижеслѣдующая выписка изъ Гиббонна выяснитъ факты, на которыхъ основана поэма. Николай переименованъ въ Азо для удобствъ стихотворной формы. „Въ царствованіе Николая III-го Феррара была осквернена дворцовой драмой. Маркизъ д'Эсте узналъ по доносу одного изъ приближенныхъ и по личнымъ наблюденіямъ о преступной любви своей жены Паризины и своего незаконнаго сына Гюго, прекраснаго и храбраго юноши. Они были обезглавлены въ замкѣ по приговору отца и мужа, который открылъ всѣмъ свой позоръ и пережилъ ихъ казнь. Онъ былъ несчастливъ, если-бы они и были виновны; если-же они были невинны, то несчастіе его было еще болѣе велико, и я не могу себѣ представить положенія, въ которомъ искренно призналъ-бы за родственникомъ право казнить своихъ близкихъ“. Gibbon. Miscaleaneous Works, vol. III, стр. 470.

ПАРИЗИНА.

Послѣдняя и самая короткая изъ шести поэмъ, написанныхъ и изданныхъ въ теченіе четырехлѣтняго промежутка, отдѣляющаго вторую половину „Чайльдъ-Гарольда“ отъ первой,—„Паризина“ была прислана Байрономъ своему издателю Муррею въ началѣ декабря 1815 г. и вышла въ свѣтъ въ февралѣ 1816 г.

Въ болѣе раннихъ поэмахъ („Гяуръ“, „Абидосская Невѣста“, „Корсаръ“, „Осада Коринѳа“) Байронъ все еще находился подъ впечатлѣніемъ своего путешествія по европейскому Востоку, такъ краснорѣчиво описаннаго въ первыхъ двухъ пѣсняхъ „Чайльдъ-Гарольда“,—и, такъ сказать, поэтически переживалъ воспоминанія о Греціи и Турціи. Теперь его мысль обращается къ другой странѣ,—къ странѣ, которой онъ еще не видѣлъ, но о которой мечталъ, какъ о цѣли своего ближайшаго путешествія: его поэтическое творчество вдохновляется отрывкомъ изъ старой феррарской хроники XV вѣка и воспроизводитъ въ яркой картинѣ одно изъ тѣхъ романтическихъ событій, которыми такъ богаты лѣтописи средневѣковыхъ итальянскихъ государствъ. Историческій фактъ, послужившій основою для поэмы и кратко изложенный самимъ поэтомъ въ предисловіи, въ видѣ цитаты изъ Гиббона, болѣе подробно передается старинными хронистами. Феррарскій маркизъ Николай Эсте имѣлъ отъ Стеллы делль-Ассассино незаконнаго сына Гюго. Въ то время, когда послѣднему было уже около двадцати лѣтъ, маркизъ женился на Паризинѣ Малатеста, которая, къ великому огорченію своего мужа, сначала относилась къ пасынку очень недружелюбно. Однажды Паризина отпросилась у мужа въ какое-то путешествіе; маркизъ согласился, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы ее сопровождалъ Гуго, надѣясь, что болѣе близкое знакомство съ молодымъ человѣкомъ разсѣетъ ея предубѣжденія противъ него. И въ самомъ дѣлѣ Паризина не только измѣнила свое прежнее мнѣніе о Гуго, но между нею и пасынкомъ скоро установилась самая тѣсная дружба, перешедшая затѣмъ въ любовную связь. И вотъ, нѣсколько времени спустя, одинъ изъ слугъ маркиза, по имени Дзозе или Джорджіо, проходя мимо комнатъ Паризины, наткнулся на выбѣжавшую оттуда въ слезахъ служанку: дѣвушка жаловалась, что госпожа ее прибила, и въ порывѣ гнѣва прибавила, что ей легко было бы отомстить за эти побои разоблаченіемъ отношеній мачехи къ пасынку. Слуга пересказалъ объ этомъ маркизу. Послѣдній сталъ искать случая удостовѣриться въ измѣнѣ своей жены и скоро убѣдился въ своемъ позорѣ, подсмотрѣвъ изъ засады свиданіе Паризины съ Гуго. Въ страшномъ гнѣвѣ, онъ тотчасъ же приказалъ арестовать виновныхъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими слугами и служанками, которые имъ содѣйствовали, и немедленно предалъ ихъ суду. Судьи постановили смертный приговоръ. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ, между прочимъ всесильный любимецъ маркиза Угоччіоне Контраріо и его старый, заслуженный министръ Альберто даль-Сале, высказались за смягченіе участи подсудимыхъ. Со слезами, на колѣняхъ, они умоляли маркиза о помилованіи, приводя всевозможные доводы и особенно убѣждая скрыть отъ народа это позорное происшествіе. Но маркизъ, ослѣпленный яростью, не захотѣлъ ихъ слушать и приказалъ сейчасъ же привести приговоръ въ исполненіе. Ночью 21 мая 1425 г. въ подземной тюрьмѣ замка были обезглавлены сначала Гуго, потомъ—Паризина. Послѣднюю велъ къ мѣсту казни тотъ самый Дзозе, который выступилъ ея обвинителемъ. Паризина все время была увѣрена, что ее заключатъ въ тюрьму, и

на каждомъ шагу спрашивала, скоро ли ее приведутъ на мѣсто. Когда же ей сказали, что ее ожидаетъ плаха, — она спросила, какая участь постигла Гуго, и, узнавъ, что онъ уже казненъ, воскликнула: „Въ такомъ случаѣ, я и сама не хочу жить!“. Подойдя къ плахѣ, она сама сняла съ себя всѣ украшенія и, обернувъ голову покрываломъ, покорно подставила шею подъ роковой ударъ. Маркизъ не спалъ всю ночь, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ, и когда ему донесли о смерти Гуго, разразился рыданіями и въ отчаяніи воскликнулъ: „Зачѣмъ я не умеръ вмѣстѣ съ нимъ! Зачѣмъ я такъ поспѣшилъ рѣшить судьбу своего сына!“. Онъ перегрызъ зубами палку, которую держалъ въ рукахъ, и всю ночь провелъ въ слезахъ и стонахъ, призывая своего милаго сына... На слѣдующій день, успокоившись, онъ призналъ необходимымъ оправдать себя передъ народомъ, такъ какъ этого происшествія невозможно было скрыть: онъ приказалъ изложить все дѣло на бумагѣ и разослать всѣмъ итальянскимъ дворамъ. Получивъ это извѣстіе, венеціанскій дожъ Франческо Фоскари приказалъ, безъ объясненія причинъ, отмѣнить приготовленія къ турниру, который былъ назначенъ на площади св. Марка, подъ предсѣдательствомъ маркиза, по случаю полученія имъ титула герцога. Жажда мести побудила маркиза отдать приказаніе, чтобы нѣсколько замужнихъ женщинъ, завѣдомо невѣрныхъ своимъ мужьямъ, были обезглавлены такъ же, какъ и его Паризина. Этой участи подверглась, между прочими, Барберина или Лаодамія Ромеи, жена придворнаго судьи, которая и была казнена публично.

Первымъ по времени литературнымъ отраженіемъ этихъ кровавыхъ феррарскихъ событій была драма Лопе де-Веги „Наказаніе безъ мщенія“ *). Испанскій драматургъ, по своему обыкновенію, отнесся къ историческимъ фактамъ совершенно свободно, видя въ нихъ только сюжетъ для пьесы; дѣйствующимъ лицамъ онъ далъ произвольныя имена и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилъ и мотивы, и самую обстановку дѣйствія. Феррарскій герцогъ Лодовико посватался за принцессу Кассандру и, получивъ согласіе ея родителей, посылаетъ за нею своего побочнаго сына Федериго. Послѣдній, встрѣтивъ Кассандру, узнаетъ въ ней свою бывшую невѣсту, — и молодая женщина, вынужденная отдать свою руку старому герцогу, оказывается не въ силахъ устоять противъ обаянія юноши, бывшаго предметомъ ея первой любви. Герцогъ скоро узнаетъ о связи своей жены съ Федериго; онъ не желаетъ имъ „мстить“, но рѣшаетъ ихъ „наказать“, притомъ—такъ, чтобы никто не догадался объ истинной причинѣ ихъ гибели. Онъ связываетъ Кассандру по рукамъ и по ногамъ, привязываетъ ее къ креслу и закрываетъ ей голову, а затѣмъ, призвавъ сына, говоритъ ему: „Въ той комнатѣ лежитъ связаннымъ мой врагъ; поди и убей его“. Федериго исполняетъ волю отца, который, отрубивъ голову убитой, показываетъ сыну, кто былъ его жертвой, и тотчасъ же приказываетъ своей вооруженной стражѣ убить Федериго за то, что тотъ убилъ свою мачеху.

Испанская драма, по всей вѣроятности, осталась неизвѣстною Байрону, вообще мало знакомому со старымъ испанскимъ театромъ,—иначе поэтъ, конечно, упомянулъ бы о ней въ предисловіи, наряду съ названными тамъ „греками“, Шиллеромъ и Альфіери. Тѣмъ не менѣе, въ поэмѣ Байрона, какъ и въ драмѣ Лопе, мы видимъ одну общую черту, которая не заимствована изъ итальянской хроники (тамъ ея нѣтъ), а очевидно—подсказана обоимъ поэтамъ ихъ собственною мыслью: Паризина, какъ и Кассандра, была когда-то невѣстой того юноши, отцу котораго она впослѣдствіи должна была отдать свою руку. Въ этомъ—источникъ ихъ взаимныхъ отношеній и отчасти оправданіе виновныхъ. Другая черта байроновской поэмы, уже совершенно оригинальная, ни откуда не заимствованная, заключается въ томъ, что мужъ узнаетъ о невѣрности Паризины не отъ доносчиковъ, какъ въ хроникѣ и у Лопе, а отъ нея самой: она сама, во снѣ, какъ лэди Макбетъ, сознается въ своей винѣ, произнося имя своего возлюбленнаго...

Подобно испанскому драматургу, Байронъ отнесся къ лѣтописному разсказу вполнѣ самостоятельно; на канвѣ этого разсказа онъ создалъ собственную поэму, независимую отъ какихъ бы то ни было литературныхъ образцовъ, и если въ своемъ предисловіи ссылается на нѣкоторые изъ нихъ, то дѣлаетъ это вовсе не въ оправданіе своихъ „заимствованій“, которыхъ въ данномъ случаѣ и не было, а съ со-

*) El Cástigo sin Venganza, рус. перев. С. Ѳ. Юрьева, въ книгѣ: «Избранный испанскій театръ», М. 1868.

вершенно иною и постороннею поэмѣ цѣлью. Упоминая о „грекахъ", поэтъ, конечно, имѣлъ въ виду эврипидовскаго „Ипполита", гдѣ также изображается любовь мачехи къ пасынку; но сходство между Федрой и Паризиной — только внѣшнее, и вся основа греческой трагедіи совершенно иная. Гораздо ближе подходитъ „Паризина" къ другому, также указанному авторомъ, образцу,—къ трагедіи Шиллера „Донъ-Карлосъ": здѣсь мы уже видимъ и внутреннее тождество основного мотива, и сходство отдѣльныхъ перипетій, насколько послѣднія обрисовываются въ сжатомъ разсказѣ англійскаго поэта. Наконецъ, ссылка на Альфіери относится, очевидно, къ трагедіи „Мирра", сюжетомъ которой служитъ любовь брата къ сестрѣ. Между этой трагедіей и байроновской поэмой нѣтъ ничего общаго,— и ссылка на итальянскаго поэта понадобилась, безъ сомнѣнія, только для того, чтобы успокоить не въ мѣру щекотливую англійскую критику, лицемѣрная мораль которой непремѣнно должна была возмутиться „нечестивымъ" сюжетомъ поэмы Байрона. И въ самомъ дѣлѣ, уже издатель Байрона, Муррей, получивъ рукопись „Паризины", былъ нѣсколько встревоженъ ея содержаніемъ и успокоился только тогда, когда замѣтилъ, что поэма переписана для печати „нѣжной рукой" самой лэди Байронъ. Отбросивъ предубѣжденіе, онъ не замедлилъ признать эту поэму „перломъ огромной цѣны"; „она интересна, патетична, прекрасна, и, знаете, я готовъ даже сказать,—нравственна", писалъ онъ. Уордъ, прочитавшій „Паризину" въ рукописи, и Исаакъ Дизраэли, слышавшій ее въ чтеніи Муррея, пришли въ восторгъ отъ ея достоинствъ, а Джиффордъ, довольно строго разобравшій, незадолго передъ тѣмъ, „Осаду Коринѳа", заявилъ, что Байронъ не написалъ до сихъ поръ ничего лучше „Паризины"..

Однако далеко не всѣ критики съумѣли настолько освободиться отъ традиціоннаго англійскаго „кэнта", чтобы судить о новомъ произведеніи поэта по его достоинствамъ, не примѣшивая къ своимъ сужденіямъ лицемѣрно-нравоучительныхъ тирадъ. Появленіе „Паризины" какъ разъ совпало съ тѣмъ временемъ, когда все общество заговорило о Байронѣ по поводу его развода съ женой и когда явившіяся въ печати его стихотворенія, вызванныя этимъ семейнымъ разладомъ, злорадно комментировались многочисленными недругами поэта. Понятно, что „кэнтисты" (какъ называлъ ихъ самъ Байронъ) не упустили удобнаго случая обрушиться на „безнравственную" поэму и ея автора. Одинъ журналъ нашелъ, что содержаніе „Паризины" „такъ отвратительно, что его нельзя окрасить никакими геніальными стихами"; по словамъ другого журнала, Байронъ описалъ „прелюбодѣяніе, которому нѣтъ имени"; третій, наиболѣе мягкій въ своихъ отзывахъ, упрекнулъ поэта за „тягостное впечатлѣніе отъ крайне непріятнаго сюжета повѣсти". Байрона почти единогласно обвинили въ томъ, что онъ позволилъ себѣ сочувственно изобразить въ высшей степени безнравственный поступокъ и такимъ образомъ выступилъ какъ бы защитникомъ виновныхъ, не заслуживающихъ никакого снисхожденія. И это обвиненіе до такой степени отвѣчало вкусамъ и понятіямъ англійской публики, что даже и въ наши дни новѣйшій издатель Байрона считаетъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ въ оправданіе смѣлаго поэта, указывая на то, что Байронъ, какъ представитель „искусства для искусства", стоялъ выше своего вѣка и относился равнодушно не къ морали (ибо развязка его поэмы вполнѣ моральна), а къ навязываемой писателю обязанности морализировать и поучать своихъ читателей. „Онъ выбралъ своимъ сюжетомъ скорбную повѣсть любви и преступленія и, не заботясь ни о какихъ постороннихъ соображеніяхъ, передалъ эту повѣсть въ очаровательныхъ, гармоническихъ стихахъ. Онъ не извиняетъ и не осуждаетъ любви Гуго и Паризины; онъ предоставляетъ участниковъ этой драмы ихъ собственной судьбѣ. Вотъ это-то отрѣшеніе поэта отъ нравоучительныхъ соображеній и возмутило и разсердило „кэнтеровъ". Современный читатель, не увлекаясь и не возмущаясь сюжетомъ разсказа, съ удовольствіемъ остановится на его поэтической силѣ и красотѣ. Байронъ взялъ факты въ ихъ „исторической наготѣ", но съумѣлъ дать имъ изящное, блестящее и мелодичное одѣяніе".

Къ этому можно прибавить, что современный читатель, свободный отъ старыхъ литературныхъ предразсудковъ и лишь съ улыбкою вспоминающій о той суматохѣ, какую натворилъ, три четверти вѣка тому назадъ, въ нашей мирно-дремавшей „изящной словесности" Байронъ, — этотъ, по выраженію нашихъ тогдашнихъ классиковъ,

vir ingenii summi, pietatis nullius *), — особенно поражается крайнею сдержанностью и осторожностью въ отношеніи поэта къ изображаемой имъ страсти, заставившей влюбленную пару позабыть въ чаду увлеченія все на свѣтѣ. Въ поэмѣ мы видимъ скорѣе только намекъ на эту страсть, нежели дѣйствительное ея изображеніе; Байронъ ограничивается лишь немногими, существенно необходимыми словами—и быстро ведетъ свой разсказъ къ роковому, кровавому концу. Въ полномъ и яркомъ освѣщеніи является передъ нами только образъ прекраснаго, пылкаго юноши Гуго. Блѣдный какъ мертвецъ, но безъ страха и раскаянія, стоитъ онъ передъ своимъ грознымъ отцомъ и безличными судьями; онъ пришелъ не за тѣмъ, чтобы умолять ихъ о милости; нѣтъ, онъ готовъ спокойно разстаться съ тою жизнью, которую далъ ему отецъ, осуждающій теперь его на смерть; онъ не дрогнувъ понесетъ свою голову на плаху; но пусть же топоръ, который упадетъ на эту голову, поразитъ глубокой раной и сердце его отца: вѣдь этотъ преступникъ, такъ безжалостно осуждаемый, — плодъ незаконной, преступной связи, сынъ женщины, обезчещенной тѣмъ самымъ отцомъ, который теперь хочетъ казнить его, казнить за то, что этотъ сынъ страсти унаслѣдовалъ отъ него горячее, неукротимое сердце... Въ рѣчи Гуго встаетъ призракъ рокового возмездія дѣтямъ за грѣхи отцовъ и отцамъ—за грѣхи дѣтей; въ его словахъ звучитъ грозный голосъ судьбы, голосъ вѣщей Кассандры, предсказывающей Агамемнону гибель въ минуту высшаго его торжества. И послѣ такой рѣчи — что могла бы сказать въ свое оправданіе Паризина, эта несчастная жертва наслѣдственной страсти? Она пытается говорить, но силы покидаютъ ее, и она падаетъ, какъ мертвая. Поэтъ заставилъ ее страдать безмолвно, потому что ея слова, каковы бы они ни были, могли бы только ослабить впечатлѣніе рѣзкой и содержательной жалобы сына...

Страшная повѣсть развивается съ удивительной силой и быстротой: мы еще не успѣли придти въ себя отъ горячей, страстной рѣчи Гуго, въ нашихъ ушахъ еще звучитъ тотъ пронзительный крикъ, съ которымъ рухнула на землю Паризина, подобно собственному мраморному изваянію, какъ уже раздается заунывный звонъ монастырскихъ колоколовъ, зовущихъ осужденнаго на смерть, а народъ—на молитву за его грѣшную душу. Слѣдуетъ подробная картина казни; на плахѣ умираетъ одинъ только Гуго: Байронъ, видимо, не желалъ повторяться — и, въ отступленіе отъ историческаго разсказа, не повелъ свою Паризину на эшафотъ; она таинственно исчезаетъ — неизвѣстно куда; съ этого рокового дня никто и никогда не слышалъ о ней ни слова, — и пусть воображеніе читателя само объясняетъ это исчезновеніе какими угодно подробностями. Этотъ художественный пріемъ придаетъ заключенію поэмы особенную прелесть.

„Паризина“, какъ уже сказано было выше, отличается отъ другихъ поэмъ Байрона особенною мелодичностью стиха. Первая глава поэмы была въ свое время положена на музыку и долго распѣвалась, какъ одинъ изъ любимыхъ романсовъ. Да и вообще вся поэма, при своей сжатости, лаконичности, дѣйствующая на читателя не столько опредѣленными оборотами рѣчи, сколько намеками, вызывающими то или иное настроеніе, представляется скорѣе музыкальнымъ произведеніемъ, рядомъ быстро смѣняющихъ одна другую симфоническихъ картинъ,—какъ будто сама Италія, еще не видѣнная, но уже прочувствованная поэтомъ, отозвалась въ его чуткой душѣ своей родной стихіей, — музыкой...

П. Морозовъ.

*) Слова Надеждина въ его латинской диссертаціи о романтической поэзіи.

И жадно слушаетъ не соловья она,
Хоть трепетнаго вся вниманія полна
She listens—but not for the nightingale
Though her ear expects as soft a tale.

Рис. Вудъ (E. C. Wood), грав. В. Финденъ (W. Finden).

ПАРИЗИНА.

I.

То часъ, когда изъ-за вѣтвей
Трель соловья дрожитъ звончѣй;
То часъ,—когда такъ звучно-тихъ
Влюбленный шопотъ устъ младыхъ;
И тихій вѣтръ, и плескъ волны
Для слуха чуткаго полны
Какой-то музыки живой,
И каждый цвѣтъ блеститъ росой,
И въ небѣ звѣздъ сверкаетъ рой,
И синева ночи темнѣй,
И гуще мракъ въ сѣни вѣтвей,
И дымкой сводъ небесъ одѣтъ.
То—полумракъ, то—полусвѣтъ...
То часъ, какъ подъ закатъ дневной,
Прозрачной мглою заревой
Все будто флеромъ обвито;
То часъ, пока еще луной
Мерцанье сумерекъ не вовсе залито!

II.

Но не затѣмъ, чтобъ слушать водопадъ
Прокралась Паризина изъ палатъ;
Не съ тѣмъ, чтобы глядѣть на сводъ ночной
Синьора бродитъ въ тишинѣ нѣмой,
И въ княжеской бесѣдкѣ Эстовъ—врядъ
Она цвѣтовъ въ себя вдыхаетъ ароматъ.
И жадно слушаетъ не соловья она,
Хоть трепетнаго вся вниманія полна,
Какъ будто сказкѣ слухомъ отдана...
Вотъ шумъ шаговъ за чащею вѣтвей:
Блѣднѣютъ щеки... сердца стукъ слышнѣй...
Вотъ въ шелестѣ листовъ рѣчь ясно раздалась...
Кровь снова прилила и грудь приподнялась!
Еще минута... близокъ срокъ...
Прошла—и онъ у милыхъ ногъ.

III.

И что для нихъ весь міръ кругомъ
Съ его движеньемъ, ночью, днемъ?
Вся жизнь и неба и земли
Для нихъ ничто въ блаженный мигъ;
И чужды, будто въ гробъ сошли,
Они всему: вблизи, вдали
Кругомъ... какъ будто кромѣ ихъ
Нѣтъ на землѣ другихъ живыхъ.
И дышатъ, и живутъ они
Одинъ другимъ—за всѣхъ одни!
Ихъ вздохи самые такимъ
Полны блаженствомъ, что разбить
Оно безумiемъ своимъ
Въ груди могло бы сердце имъ,
Когда бъ не краткій длилось мигъ.
Опасность, страхъ, позоръ, вина,—
Ничто не возмущаетъ ихъ
Тревожно-сладостнаго сна.
И кто жъ изъ насъ, кто страсти зналъ,—
Иль медлилъ, или трепеталъ
Въ подобный мигъ, иль думать могъ
О томъ, что кратокъ счастья срокъ?
Увы! и такъ оно пройдетъ
Скорѣй, чѣмъ мысль родится въ насъ,
Что быстротеченъ счастья часъ,
Что свѣтлый сонъ ужъ не придетъ.

IV.

И медленъ и тоскливъ ихъ взглядъ:
Они спѣшатъ и не спѣшатъ
Преступныхъ радостей пріютъ
Покинуть. Тщетны клятвы ихъ
И обѣщанья встрѣчъ другихъ:
Грызетъ ихъ мука, словно тутъ,
Теперь—разлуки вѣчной мигъ!
Объятья, вздохи безъ конца...
Хотятъ, какъ будто навсегда
Сковавшись, замереть уста...
Ея прекраснаго лица
Прозрачный очеркъ весь облитъ
Сіяньемъ неба заревымъ:
И небо—Паризина мнитъ—
Грѣха ихъ не отпуститъ имъ.
А съ неба строго такъ глядитъ
Судьею каждая звѣзда!
Объятья, вздохи безъ конца
Ихъ приковали бъ навсегда
Къ свиданья мѣсту... но давно
Ждетъ Паризину сѣнь дворца.
Урочный часъ—и суждено
Разстаться имъ: въ груди съ тоской,
Съ боязнью мрачно-ледяной,
Со всѣмъ, что слѣдовать должно
За грѣшнымъ дѣломъ, за виной.

V.

Уходитъ Уго, чтобъ искать
На ложѣ одинокомъ сна
И по чужой женѣ сгарать
Грѣховнымъ жаромъ; а она
Главу преступную должна
Къ груди супруга приклонить...
Но сонъ ея горячки сонъ,
Грѣховныхъ чувствъ исполненъ онъ:
Ихъ обличаетъ жаръ ланитъ.
Она въ забвеньи страстныхъ грезъ
Лепечетъ громко имя то,
Котораго бы ни за что
И шопотомъ не произнесъ
Ея языкъ при свѣтѣ дня.
Супруга жметъ къ груди она,
Полна мятежнаго огня...
А онъ, объятьемъ пробужденъ,
Блаженъ мечтою,—грезы сна,
И страстный вздохъ, и нѣги стонъ
Душой готовъ благословить
И слезы умиленья лить
О томъ, что и во снѣ жена
Ему такъ страстно предана.

VI.

Онъ къ сердцу спящую прижалъ
И ловитъ смутный шопотъ словъ,
И слышитъ... Что жъ затрепеталъ
Князь Адзо, будто услыхалъ
Архангела послѣдній зовъ?
И правъ онъ... Приговоръ страшнѣй
Ему едва ли прозвучитъ
И надъ могилой, какъ изъ ней
Гласъ судіи ему велитъ
Возстать, чтобъ вѣкъ уже не спать
И передъ вѣчный тронъ предстать.
Да, правъ онъ... Миръ его земной
Единымъ звукомъ весь разбитъ:
Невнятный лепетъ рѣчи той—
Ея вина и Адзо стыдъ!
И чье же имя?...
Раздалось
Оно въ ушахъ, какъ страшный стонъ
Волны, которою разбитъ
Челнокъ, и путникъ, на утесъ
Заброшенный, вновь погруженъ
Навѣки въ хлябь морскихъ валовъ
И не воротится... Таковъ
Ударъ, который нанесенъ
Тѣмъ именемъ душѣ его...
И чье же имя?
Про кого
Не могъ бы грезить даже онъ!
То имя—Уго... сына той...
Любимой прежде... Сынъ родной,

Плодъ страсти, плодъ мятежныхъ лѣтъ,
Минувшаго живой упрекъ,
Грѣхъ юныхъ дней, когда увлекъ
Онъ сердце Бьянки и обѣтъ
Безжалостно нарушить могъ,
Обѣтъ, когда-то данный ей,—
Довѣрчивой въ любви своей.

VII.

Кинжалъ извлекъ онъ изъ ножонъ,
Но трепетно въ ножны опять
Сталь хладная опущена...
Ее убить не въ силахъ онъ!
Пусть недостойна жить она,
Но—такъ прекрасна!... И притомъ,
Она съ улыбкой тихимъ сномъ
Забылась. Онъ не разбудилъ
Ея... а только устремилъ
На спящую онъ взглядъ такой,
Что еслибъ, пробудясь отъ сна,
Взглядъ этотъ встрѣтила она,
Ее оледенилъ бы онъ
На вѣчный, безпробудный сонъ.
У князя по челу течетъ,
Густыми каплями блестя
При свѣтѣ лампы, хладный потъ...
Она-жъ замолкла. Но хотя
Теперь безпечно спитъ она,
А жизнь ея изочтена!

VIII.

Заутра же—допросъ. Вины
Клятвопреступницы жены
Улики хочетъ онъ собрать,
И отъ придворныхъ слышитъ самъ
Все, что страшился онъ узнать:
Свой несомнѣнно-явный срамъ...
Себя однѣхъ хотятъ спасать
Ея сообщницы. Боязнь
Велитъ имъ все—вину, и казнь,
И стыдъ—лишь на нее слагать.
Утаекъ нѣтъ. До мелочей
Раскрыто все, чтобъ былъ вѣрнѣй
Разсказъ; и больше ничего
Душѣ измученной его
И слуху не осталось ждать,
И чувствовать, и узнавать...

IX.

Онъ не изъ тѣхъ, перенести
Чтобъ могъ отсрочку мщенья... Вотъ
Въ совѣта залѣ, посреди
Вельможъ, возсѣвъ на тронъ, зоветъ
Чету преступную на судъ
Владыка рода Эстовъ. Ихъ
Обоихъ скованныхъ влекутъ.
Такъ оба юны; такъ изъ сихъ
Виновныхъ дивно хороша
Одна... и какъ, Спаситель мой,—
Какой судьбой,
Въ цѣпяхъ и тяжело дыша,
Передъ отцомъ здѣсь сынъ родной
Стоитъ, какъ предъ судьей?
Предъ властелиномъ Уго здѣсь;
И гнѣвъ его извѣдать весь
И слышать приговоръ
Изъ устъ отцовскихъ долженъ онъ...
Но пусть защиты онъ лишенъ
И пусть въ цѣпяхъ... До этихъ поръ
Его языкъ былъ нѣмъ, а взоръ
Лишь гордый выражалъ укоръ.

X.

Тиха, безмолвна и блѣдна
Передъ судомъ стоитъ она...
Какъ взглядъ очей ея живыхъ,
То говорливыхъ, то нѣмыхъ
И нѣги полныхъ, вдругъ поблекъ!...
Еще вчера, горя огнемъ,
Своихъ лучей блестящій токъ
Онъ разливалъ на все кругомъ.
Еще вчера свое копье
Готовъ былъ каждый за нее
Изъ знатныхъ рыцарей сломать,
Когда бъ лишь взоромъ повела...
Еще вчера перенимать
Ея улыбки, тонъ рѣчей
Готова каждая была
Красавица, чтобъ подражать
Владычицѣ своей.
Когда бъ въ очахъ ея печаль
Туманной влагой разлилась,
Навѣрно не одна бы сталь
Для отомщенья извлеклась
Тому, кто взоръ ея въ тѣ дни
Могъ омрачить хотя на мигъ.
А нынѣ кто она для нихъ,
Кто нынѣ для нея они?
Теперь—властна ль она велѣть?
Возможно ль имъ на зовъ летѣть?
И равнодушны, и молчатъ
Они, и клонятъ долу взоръ,
Сложивши руки, иль таятъ
Вражду, презрѣнье и укоръ
Въ движеньи губъ, въ усмѣшкѣ злой...
О, Паризина! вотъ твой дворъ!
А онъ, а тотъ... избранникъ твой,
Чей мечъ недавно ждалъ однихъ
Полу-велѣній глазъ твоихъ...
Онъ, кто,—свободенъ будь на мигъ,—
Твою свободу бъ искупилъ
Иль въ битвѣ голову сложилъ?...
Жены отца любовникъ, онъ,—

РѢЧЬ УГО КЪ ОТЦУ.
(And for a brief delay demends
His father ear).
Рис. Рихтеръ (H. Richter), грав. Шевалье (W. Chevalier).

Жены-преступницы, на ту
Причину казни и вины,
Вновь взоры всѣхъ устремлены!
Какъ приметъ—каждый знать желалъ—
Казнь совиновника она...
Она же, зла всего вина,
Межъ тѣмъ стояла, я сказалъ
Тиха, безмолвна и блѣдна...
А взглядъ ея недвиженъ былъ,
Но былъ открытъ. Ни разу онъ,
Казалось не былъ обращенъ
На что нибудь—и не бродилъ
По сторонамъ; и вѣки глазъ
Ея прелестныхъ хоть бы разъ
Сомкнулись,—тѣнію своей
Хоть разъ прикрыли бъ блескъ очей!
Нѣтъ! обвивали, какъ кружки,
Своею страшной бѣлизной
Они лазурные зрачки.
Стеклянно-хладенъ, нѣмъ и дикъ
Былъ взглядъ ея передъ толпой.
Казалось, будто ледъ проникъ
Въ ея свернувшуюся кровь.
Слеза являлась лишь порой...
И, медленно скопившись, вновь
Изъ-подъ каймы рѣсницъ густыхъ
Катилась крупная слеза.
Лишь тотъ, кто видѣлъ, тотъ постигъ
Что это было... Слезъ такихъ
Людскіе на землѣ глаза,
Казалось всѣмъ, не могутъ лить.
Хотѣла что-то говорить
Она... Глухой, неясный звукъ
Гортань сухая издала...
И въ звукѣ томъ слышна была
Вся тягость безконечныхъ мукъ.
Замолкъ онъ... Что-то ей опять
Хотѣлося потомъ сказать,—
И голосъ слышался, но онъ
Излился только въ долгій стонъ...
И пала на землю она,
Какъ тяжкій камень, какъ порой
Съ подножья мраморъ—ликъ живой.
Увы, не Адзо то жена,
Сей трупъ бездушный и нѣмой:
Надгробный памятникъ скорѣй,

Надгробный памятникъ надъ ней,
Надъ ней, кого, какъ жало, страсть
Язвила и къ грѣху влекла,—
Надъ ней, которая упасть
До преступленія могла
И посрамленья не снесла!...
А все жива еще она.
И къ тяжкимъ мукамъ бытія
Вновь слишкомъ скоро призвана
Отъ полусмерти забытья...
Но бѣдный разумъ... Напряглись
Въ ней фибры чувствъ и порвались...
И въ помутившемся отъ мукъ
Мозгу все въ хаосѣ слилось!
Какъ отъ дождя размокшій лукъ,
Который стрѣлы мечетъ вкось,
Безсвязно дикія, какъ сонъ,
Рождать лишь можетъ мысли онъ.
Пустое, бѣлое пятно—
Для ней прошедшее; черно
Грядущее: едва видна
Стезя въ немъ, да и та темна,
Какъ путнику, что въ часъ ночной
Тропинки вынужденъ искать,
Чуть освѣщаемой грозой.
Она боялась... Понимать
Могла, что ей на душу зло
Теперь какое-то легло,
Какъ камень, хладно, тяжело.
Что былъ тутъ грѣхъ, и срамъ тутъ былъ,
Что кто-то скоро тутъ умретъ...
Но—кто?... забыла... Приходилъ
Вопросъ ей: что—она живетъ,
Иль нѣтъ? Земля ли подъ стопой?
Надъ нею небо ли?... Кругомъ
То люди ль собрались толпой?
Иль демоновъ проклятыхъ рой,
Съ какимъ-то злобнымъ торжествомъ,
Глядитъ на ту, которой взоръ
Привыкъ досель встрѣчать кругомъ
Сочувствіе, а не укоръ?
И все подобно стало тьмѣ
Въ ея блуждающемъ умѣ.
Боязнь, надежды—все слилось
Въ непроницаемый хаосъ...
То смѣхъ, то слезы—и равно
Во всемъ безуміе одно!
Въ тяжелый, судорожный сонъ
Ея разсудокъ погруженъ...
Его на помощь тщетно звать,
И пробужденья долго ждать!

XV.

Монастыря колокола
Гудятъ, звонятъ,
Сливаясь въ гулъ глухой;
На старой башнѣ, прямой какъ стрѣла,
Медленно, тяжко впередъ и назадъ
Качаясь, ревутъ, какъ жалобный вой.
Тоску на сердце наводитъ ихъ звонъ...
Но, чу! раздался и гимнъ похоронъ,
Торжественно-мраченъ, унылъ...
Поминки по томъ, кто на свѣтѣ отжилъ
Иль скоро отжить осужденъ...

За душу грѣшника летятъ
Молитвы къ небесамъ...
Колокола всѣмъ зѣвомъ гудятъ,
Курится ѳиміамъ...
Для грѣшной души настаетъ
Тяжелый мигъ конца...
Чье сердце отъ жалости здѣсь не дрогнетъ?...
Къ ногамъ монаха, святого отца,
Онъ на землю сырую колѣни склонилъ.
И плаха предъ нимъ, и стража дворца
Кругомъ обступила ее...
И палачъ рукава засучилъ,
Чтобъ вѣрнѣе ударъ его былъ,
И смотритъ: остро ль топора лезвіе...
И пробуя, машетъ своимъ топоромъ...
И безмолвной и тѣсной толпою народъ
Стекается видѣть, какъ сынъ умретъ,
Роднымъ казнимый отцомъ.

XVI.

А вечеръ нѣгой напоенъ,
Кругомъ все блещетъ и цвѣтетъ;
И, покидая небосклонъ,
Какъ бы въ насмѣшку солнце льетъ
Струи раскошнѣйшихъ лучей
На этотъ мрачный день скорбей.
Вечернимъ свѣтомъ облило
Оно преступника чело
Въ тотъ мигъ, когда, склонясь во прахъ,
Смиренно предъ отцомъ святымъ,
Онъ въ сокрушеньи передъ нимъ
Кончаетъ исповѣдь въ грѣхахъ;
Лобзаетъ крестъ—святой символъ—
И отпущенія глаголъ,
Могущій душу,—сколь она
Грѣхомъ ни будь осквернена,—
Отъ смертныхъ пятенъ всѣхъ омыть
И паче снѣга убѣлить,
Глаголъ прощенья, неба зовъ
Благоговѣйно внять готовъ,
Играетъ солнце въ этотъ мигъ
Всѣмъ золотомъ лучей своихъ—
И на главѣ склоненной въ прахъ,
И на каштановыхъ кудряхъ,
На шею падающихъ; но
Особенно блеститъ оно
Зловѣще-яркой полосой
На глади топора стальной..

И пала на землю она
Какъ тяжкій камень ..

And tothe earth she fell like stone.

Рис. Ричардъ Вестоль (Rich. Westall, R. A.), грав. Энгельгартъ (F. Engelheart).

Ужасенъ смертнымъ смерти мигъ!
И въ души зрителей проникъ
Смертельный хладъ... Пусть каждый зналъ,
Что грѣхъ ужасный совершенъ,
Что правъ карающій законъ,
Но всякъ невольно задрожалъ...

XVII.

Мольбы послѣднія скончалъ
Преступный сынъ, жены отца
Любовникъ дерзкій; досказалъ
Грѣхи, какіе только зналъ,
И пробилъ часъ его конца,
И настаетъ послѣдній мигъ!
Снимаютъ плащъ съ него долой.
И прядь кудрей его густыхъ
Палачъ презрѣнною рукой
Уже схватилъ... Еще одна
Минута—пала въ прахъ она!
Въ гробъ не возьметъ онъ ничего:
Ни тѣхъ убранствъ, въ какія онъ
Былъ такъ роскошно облеченъ,
Ни даже шарфа своего,
Что Парижиной подаренъ...
Съ него одежда сорвана...
Повязка взоръ закрыть должна...
Но нѣтъ! Его ли гордый взоръ
Подобный вынесетъ позоръ?
И чувства, что казались въ немъ
Затихшими,—проснулись вновь;
И закипѣла въ немъ вся кровь
Негодованія огнемъ,
Когда глаза ему платкомъ
Палачъ собрался повязать,—
Какъ будто бъ съ смертью незнакомъ
Онъ былъ, и прямо ей взирать
Въ лицо издавна не привыкъ!..
„Нѣтъ! пусть цѣпями связанъ я,
Пусть вамъ и жизнь и кровь моя
Обречены,—послѣдній мигъ
Съ открытымъ взоромъ встрѣчу я.
Рази"! И лишь проговорилъ,—
На плаху самъ главу склонилъ...
И были Уго то слова
Послѣднія: „Рази!"... Взмахнулъ
Палачъ рукой, топоръ сверкнулъ—
И покатилась голова.

И, рухнувъ, трупъ кровавый палъ
На землю тяжко; побѣжалъ
Изъ туловища крови токъ
И напоилъ, какъ дождь, песокъ...
Мигнули судорожно разъ
И два—но быстро—вѣки глазъ;
На мигъ раскрылися уста
И затворились навсегда...
Онъ умеръ такъ, какъ умирать
Всѣмъ грѣшнымъ надо пожелать:
Безъ шума и безъ хвастовства!
Онъ покаянныя слова
Читалъ смиренно; врачевства
Духовнаго не отвергалъ,
Не впалъ въ отчаянія грѣхъ:
У ногъ пріора преклоненъ,
Вполнѣ былъ сердцемъ отрѣшенъ
Онъ отъ земныхъ желаній всѣхъ!..
Отецъ разгнѣванный, она,
Его любовь—грѣха вина...
Что было тутъ ему до нихъ?
Ни стоновъ ропота глухихъ
На тяжкій приговоръ судьбы,
Ни помысловъ о чемъ иномъ,
Какъ лишь о мірѣ неземномъ,—
Ни слова,—кромѣ словъ мольбы
Да тѣхъ невольныхъ краткихъ словъ,
Когда спокойно былъ готовъ
Онъ топора ударъ принять—
Словъ, чтобы дали умирать
Ему съ открытымъ взоромъ,—сихъ
Прощальныхъ словъ его однихъ!..

XVIII.

Какъ смертью сжатыя уста,—
Грудь каждаго въ толпѣ нѣмой
Была для вздоховъ заперта...
Но электрической струей
Холодной дрожи токъ по всей
Толпѣ сплотившейся людей
Перебѣжалъ,
Когда ударъ смертельный палъ
И порѣшило лезвіе
На вѣкъ любовь и бытіе
Того, кто отжилъ въ этотъ мигъ...
Поднялся вздохъ, но подавленъ
Въ груди насильно каждымъ, онъ,
Едва родившійся, затихъ.
Не слышались ни шумъ, ни стонъ;
Лишь топора о плаху стукъ
Зловѣще-глухо раздался.
Но больше—ничего...
Лишь звукъ
Еще... онъ рѣзко разлился
Въ безмолвномъ воздухѣ,—какъ крикъ
Пронзителенъ, безумно дикъ,
Какъ матери ужасный стонъ
Надъ пораженнымъ смертью вдругъ
Дитей,—прорѣзалъ воздухъ онъ,
Сей дикій вопль нездѣшнихъ мукъ:
Онъ изъ рѣшетчатыхъ оконъ
Дворца—нѣмую тишь проникъ
И къ небу поднялся тотъ крикъ
Отчаянный... И обратилъ
Невольно каждый взоръ туда,
Но тщетно... Стихло... Только былъ
То женскій крикъ—и никогда
Изъ груди мукъ душевныхъ боль
Не вырывала вопля столь
Безумнаго. Кто услыхалъ
Сей стонъ,—тотъ вѣрно пожелалъ
Изъ состраданья, чтобы онъ
Былъ смертный—этотъ страшный стонъ!..

XIX.

Палъ Уго, и съ минуты сей
Его печальнаго конца,—
Ни въ залахъ мраморныхъ дворца,
Ни въ темной зелени аллей
Не видно Паризины. Слѣдъ
Ея пропалъ—и слуху нѣтъ
Нигдѣ ужъ болѣе о ней...
И даже имя то ничей
Языкъ промолвить не дерзалъ,
Какъ бы одно изъ словъ такихъ,
Какія изъ бесѣдъ людскихъ
Навѣки—или страхъ изгналъ,
Иль чувство изгнало стыда.
Отъ князя жъ Адзо никогда
Никто ни разу не слыхалъ
Ни сына, ни жены именъ.
Никто не зналъ гробницы ихъ.
Былъ за оградой мѣстъ святыхъ
Ихъ праху уголъ отведенъ.
По крайней мѣрѣ такъ зарытъ
Былъ рыцарь. Паризины рокъ
Глубокой тайною покрытъ,
Какъ прахъ доскою гробовой...
Стяжала ль тягостнымъ путемъ,
Слезами, бдѣньями, постомъ
Она въ обители святой
Прощенье неба?.. Ножъ иль ядъ
Пресѣкли дни ея?... Молчатъ
Преданія. Иль, можетъ быть,
Безъ долгихъ пытокъ жизни нить
Ея мгновенно порвалась
И грудь отъ мукъ разорвалась
При взмахѣ топора,—едва
Скатилась Уго голова...
Но какова бы ни была
Ея кончина,—умерла
Она печально, какъ жила!

XX.

И князь женился на другой,
И окруженъ подъ старость былъ
Онъ добрыхъ сыновей толпой;
Но не былъ ни одинъ изъ сихъ
Сыновъ столь доблестенъ и милъ,
Какъ тотъ, кто тлѣлъ въ землѣ сырой;
Иль если были—доблесть ихъ
Холодный взоръ не примѣчалъ:
А примѣчалъ, такъ подавлялъ
Родитель вздохъ въ груди своей...
Но слезъ у князя никогда
Не вырывалось изъ очей.
И никогда его уста
Не озарялись ужъ потомъ
Улыбки радостнымъ лучомъ.
Его высокое чело
Изрыли тяжкихъ думъ слѣды—
Морщины... Горе провело
До срока эти борозды
Горячимъ плугомъ. Для всего
Онъ отжилъ навсегда; равно
Для радостей и для скорбей.
Ему въ грядущемъ ничего
Не оставалося давно,—
Лишь развѣ длинный рядъ ночей
Безъ сна и рядъ тяжелыхъ дней,
Да равнодушіе одно
Къ хвалѣ или хулѣ людской...
Его душа давно бѣжать
Хотѣла бъ отъ себя самой,
Но покориться не могла
Судьбѣ своей,—а забывать
Способна не была;
Она всегда, въ тотъ даже мигъ,
Когда, казалось, тишина
Въ ней водворялася,—полна
Была обычныхъ думъ своихъ,
Думъ напряженныхъ, мрачныхъ, злыхъ..
Такъ льда густой и твердый слой
Покроетъ лишь поверхность водъ,—
Неудержимо токъ живой
Подъ хладною корой течетъ
И течь не можетъ перестать...
Духъ Адзо такъ же волновать
Не преставалъ обычный токъ
Печальныхъ думъ: источникъ ихъ
Былъ слишкомъ силенъ и глубокъ,
Чтобы, какъ память дней былыхъ,
Изсякнуть. Тщетно мы хотимъ
Разливъ сердечныхъ волнъ унять;
Вовѣки не изсякнуть имъ—
И возвращаются опять
Потоки слезъ непролитыхъ
Къ источнику—и тамъ на днѣ
Кипятъ въ душевной глубинѣ...
И пусть никто не видитъ ихъ,
Тѣхъ слезъ непролитыхъ,—онѣ,
На сердце падая, опять
Скопляются и тѣмъ сильнѣй,
Чѣмъ болѣе въ груди своей
Мы силимся ихъ подавлять...
Истерзанъ внутренней тоской,
Воспоминаньями о тѣхъ,
Кого казнилъ за тяжкій грѣхъ,
Страдая сердца пустотой,
Ненаполнимой ни на мигъ,
И безъ надежды встрѣтить ихъ
Хоть за предѣлами земли,
При всемъ сознаніи, что онъ
Свершилъ свой судъ, какъ самъ законъ,
Что сами гибель навлекли
Они на голову себѣ—
Былъ князь подъ старость обреченъ
Тоскѣ, мученьямъ и борьбѣ...
Могучій дубъ, когда порой
Суки испорченныхъ вѣтвей
Подрѣжетъ опытной рукой
Садовникъ бережно,—сильнѣй
Раскинется подъ небеса...
Но если въ бѣшенствѣ гроза
Нежданно вѣтви опалитъ,—
Нѣмой развалиной стоитъ
И сохнетъ сумраченъ и голъ
Вѣтвей навѣкъ лишенный стволъ.

Аполлонъ Григорьевъ.

ПРОСТИ.

Была пора—они любили
Но ихъ злодѣи разлучили;
А вѣрность съ правдой не въ сердцахъ
Живутъ теперь, но въ небесахъ;
Навѣкъ для нихъ погибла радость:
Терниста жизнь, безъ цвѣта младость.
И мысль, что розно жизнь пройдетъ,
Безумства ядъ имъ въ душу льетъ.
Но въ жизни, имъ осиротѣлой,
Уже обоимъ не сыскать,
Чѣмъ можно бъ было опустѣлой
Души страданья услаждать.

Другъ съ другомъ розно, в тоскою
Сердечны язвы все хранятъ:
Такъ два, разторгнутыхъ грозою,
Утеса мрачные стоятъ—
Ихъ бездна съ ревомъ разлучаетъ,
И громъ разитъ и потрясаетъ,—
Но въ нихъ ни громъ, ни вихрь, не градъ,
Ни лѣтній зной, ни зимній хладъ
Слѣдовъ того не истребили,
Чѣмъ нѣкогда другъ другу были.

Кольриджъ.

(Изъ поэмы „Кристабель")

Прости! и если такъ судьбою
Намъ суждено—на вѣкъ прости!
Пусть ты безжалостна—съ тобою
Вражды мнѣ сердца не снести.
Не можетъ быть, чтобъ повстрѣчала
Ты непреклонность чувства въ томъ,
На чьей груди ты засыпала
Невозвратимо—сладкимъ сномъ!
Когда бъ ты въ ней насквозь узрѣла
Всѣ чувства сердца моего,
Тогда бы, вѣрно, пожалѣла,
Что только презрѣла его.
Пусть свѣтъ улыбкой ободряетъ
Теперь ударъ жестокій твой:
Тебя хвалой онъ обижаетъ,
Чужою купленной бѣдой.
Пускай я, очерненъ виною,
Себя далъ право обвинять;
Но для чего жъ убить рукою,
Меня привыкшей обнимать?
И вѣрь, о, вѣрь! пылъ страсти нѣжной
Лишь годы могутъ охлаждать;
Но—вдругъ не въ силахъ гнѣвъ мятежный
Отъ сердца сердце оторвать.
Все—то-жъ чувство сохраняетъ;
Удѣлъ же мой—страдать, любить.—
И мысль безсмертная терзаетъ,
Что мы не будемъ вмѣстѣ жить.

Печальный вопль надъ мертвецами
Съ той думой страшной какъ сравнять?
Мы оба живы, но вдовцами
Уже намъ день съ тобой встрѣчать.
И въ часъ, какъ нашу дочь ласкаешь,
Любуясь лепетомъ рѣчей,
Какъ объ отцѣ ей намекаешь—
Ея отецъ въ разлукѣ съ ней.
Когда жъ твой взоръ малютка ловитъ,—
Ее цѣлуя, вспомяни
О томъ, тебѣ кто счастья молитъ,
Кто рай нашелъ въ твоей любви.
И если сходство въ ней найдется
Съ отцомъ, покинутымъ тобой,
Твое вдругъ сердце встрепенется.
И трепетъ сердца—будетъ мой.
Мои вины, быть можетъ, знаешь,
Мое безумство—можно ль знать?
Надежды—ты же увлекаешь:
Съ тобой увядшія летятъ.
Ты потрясла моей душою;
Презрѣвшій свѣтъ, духъ гордый мой
Тебѣ покорнымъ былъ, съ тобою
Разставшись, разстаюсь съ душой!
Свершилось все—слова напрасны,
И нѣтъ напраснѣй словъ моихъ;
Но въ чувствахъ сердца мы не властны
И нѣтъ преградъ стремленью ихъ.

Прости жъ, прости! Тебя лишенный,—
Всего, въ чемъ думалъ счастье зрѣть,
Истлѣвшій сердцемъ, сокрушенный,
Могу ль я больше умереть?

Иванъ Козловъ.

ОЧЕРКЪ.

(A Sketch).

Честный, честный Яго!
. . . . . Коль-ты и вправду чортъ
Убить тебя мнѣ, вѣрю, не удастся.

Шекспиръ.

Родясь на чердакѣ, на кухнѣ взрощена
И въ барынѣ взята—служить при туалетѣ,
При помощи услугъ, державшихся въ секретѣ,
Оплаченныхъ цѣной невѣдомой—она
Къ господскому столу допущена оттуда,
Къ соблазну прочихъ слугъ ей подающихъ блюдо.
Храня спокойный видъ, беретъ она приборъ,
Что ею же самой былъ чищенъ до сихъ поръ.
Остеръ языкъ ея, и лжи—запасъ богатый;
Повѣренная всѣхъ и общій соглядатай —
Какіе жъ на себя взяла она труды?
Единственной малютки воспитанье!
И такъ старалась ей привить она познанья,
Что выучить самой ей удалось склады.
Какъ въ грамотѣ великъ успѣхъ ея нежданный —
Наглядно доказалъ намъ пасквиль безъимянный.
Урокъ пойти бы могъ питомицѣ во вредъ,
Но сердцу юному былъ свѣтлый умъ—охрана;
Онъ не поддавшійся вліянію обмана,
Стремился истинѣ скрываемой во слѣдъ.
Умъ юный одержалъ побѣду надъ соблазномъ,
Онъ не былъ низостью донынѣ ослѣпленъ,
Опутанъ льстивостью и ложью зараженъ,
Потворствомъ —опьяненъ, смущенъ—примѣромъ грязнымъ.
Богата знаніемъ, презрѣнія къ тому
Не вѣдала она, кто ниже по уму.
Она и въ счастіи была самой собою,
Талантомъ не кичась и не гордясь красою;
И зависть не могла въ ней сердце возмутить,
И гордость—превознесть, и страсть—поработить,
А чистота—внушить суровость ей,—донынѣ.
Но непорочностью подобная святынѣ,
Прощенья одного не вѣдаетъ она,
Виною, чуждой ей, въ душѣ возмущена;
Ей кажется, что всѣ должны быть съ нею схожи,
Врагъ зла, она добру не будетъ другомъ тоже:
Тамъ, гдѣ раскаянье—прощается вина.

Но ненавистнымъ мнѣ займемся вновь предметомъ,
Достойнымъ образомъ въ поэмѣ мной воспѣтомъ.
Она царицею явилась въ томъ кругу,
Гдѣ видѣть до сихъ поръ привыкли въ ней слугу.
Мать—ради дочери трепещетъ передъ нею,

Дочь—изъ за матери предъ ней склоняетъ шею.
И если ранними привычками — (звено,
Что съ высшимъ низшее связуетъ противъ воли) —
Ей величайшее могущество дано:
Для проявленья смертоносной воли,
Когда она въ дома вползаетъ, какъ змѣя,
И тиною болотъ отмѣченъ слѣдъ ея;
Вкругъ сердца чистаго обвившись, какъ ехидна,
Когда она въ него вливаетъ ядъ постыдно—
Дивиться-ль, что она—исчадье тьмы и зла—
Родъ Пандемоніума всюду создала;
Куда вползла она—все гибнетъ безъ возврата,
Гдѣ есть домашній адъ, она—его Геката.
Ея намеки вскользь—искусные мазки,
Всегда сгущаютъ тѣнь скандала мастерски.
Смѣсь истины и лжи, улыбокъ и глумленья,
Въ сплетеньѣ хитрости—чистосердечья нить,
Подъ видомъ простоты и рѣзкости—умѣнье
Злой умыселъ души ожесточенной скрыть.
Безчувственна сама, она глумится злобно
Въ душѣ своей надъ всѣмъ, что чувствовать способно.
Непроницаемы черты и лживъ языкъ
(Горгона маскою гнушалась бы подобной),
Изъ камня—взоръ ея, и какъ пергаментъ—ликъ.
Сквозь жилы на лицѣ кровь желтая подъ кожей
На грязь застывшую становится похожей.
Сѣть жилокъ на лицѣ—подобье паука,
И цвѣта ящерицъ зеленаго—щека.
Чтобъ духъ и плоть ея изобразить — мнѣ надо
Цвѣтъ соотвѣтственный заимствовать у гада.
Взгляните на лицо. Какъ въ зеркалѣ, до дна
Въ немъ тайна всей души ея отражена.
Взгляните на портретъ. Вполнѣ правдивы краски,
И можно было бы сгустить ихъ безъ опаски.
Она поденщикомъ природы создана,
Когда дарованъ былъ часъ отдыха природѣ,
И какъ созвѣздье Пса на нашемъ небосводѣ—
Смерть, увяданіе—несетъ съ собой она.

Ни слезъ, ни мысли нѣтъ въ тебѣ—за исключеньемъ
Лишь наслажденія свершеннымъ преступленьемъ.
Но близокъ день: сильнѣй чѣмъ наносить властна—
Ты испытать сама страданіе должна
Всѣмъ гнуснымъ существомъ своимъ себялюбивымъ.
И глухи будутъ всѣ къ отчаяннымъ призывамъ.
Проклятье счастія разбитаго, какъ гнетъ,
Съ двойною силою пусть на тебя падетъ.
Какъ людямъ, такъ себѣ—пусть въ нравственной проказѣ—
Ты опротивѣешь, подобная заразѣ.
Да будетъ мысль твоя—къ тебѣ обращена,
Враждою черною къ тебѣ самой полна,
Чтобъ сердце жесткое расплавившись истлѣло
И съ оболочкою душа слилась всецѣло.
Не знай въ могилѣ сна, какъ онъ бѣжалъ отъ глазъ

На постланномъ тобой тернистомъ вдовьемъ ложѣ.
Когда о милости взывать ты станешь тоже—
О жертвахъ съ ужасомъ ты вспомни въ этотъ часъ!
Умри,—но и гнія, пропитанъ ядомъ сильнымъ,
Твой прахъ смерть принесетъ самимъ червямъ могильнымъ.
Для той, съ кѣмъ я любя связалъ свою судьбу,
Съ кѣмъ разлучить меня пыталась ты изъ мщенья,
Пусть имя жалкое твое, для поношенья
Навѣкъ пригвождено къ позорному столбу,—
Стойтъ превыше всѣхъ предателей-собратій,
Теперь и въ будущемъ—предметъ людскихъ проклятій.

О. Чюмина.

СТАНСЫ КЪ АВГУСТѢ.

Когда былъ страшный мракъ кругомъ,
И гасъ разсудокъ мой, казалось,
Когда надежда мнѣ являлась
Далекимъ, блѣднымъ огонькомъ;

Когда готовъ былъ изнемочь
Я въ битвѣ долгой и упорной,
И, клеветѣ внимая черной,
Всѣ отъ меня бѣжали прочь;

Когда въ измученную грудь
Вонзались ненависти стрѣлы,
Лишь ты во тьмѣ звѣздой блестѣла
И мнѣ указывала путь.

Благословенъ будь этотъ свѣтъ
Звѣзды не меркнувшей, любимой,
Что, словно око серафима,
Меня берегъ средь бурь и бѣдъ.

За тучей туча вслѣдъ плыла,
Не омрачивъ звѣзды лучистой;
Она по небу блескъ свой чистый,
Пока не скрылась ночь, лила.

О, будь со мной! учи меня
Иль смѣлымъ быть, иль терпѣливымъ:
Не приговорамъ свѣта лживымъ,—
Твоимъ словамъ лишь вѣрю я!

СВОДНАЯ СЕСТРА БАЙРОНА, АВГУСТА ЛИ. (Augusta Leigh).

Какъ деревцо стояла ты,
Что уцѣлѣло подъ грозою,
И надъ могильною плитою
Склоняетъ вѣрные листы.

Когда на грозныхъ нёбесахъ
Сгустилась тьма и буря злая
Вокругъ ревѣла, не смолкая,
Ко мнѣ склонилась ты въ слезахъ.

Тебя и близкихъ всѣхъ твоихъ
Судьба хранитъ отъ бурь опасныхъ.
Кто добръ — небесъ достоинъ ясныхъ;
Ты прежде всѣхъ достойна ихъ.

Любовь въ насъ часто ложь одна;
Но ты измѣнѣ не доступна,
Неколебима, неподкупна,
Хотя душа твоя нѣжна.

Все той же вѣрой встрѣтилъ я
Тебя въ дни бѣдствій, погибая,
И міръ, гдѣ есть душа такая,
Ужъ не пустыня для меня.

А. Плещеевъ.

Примѣчанія къ I тому.

Настоящія поясненительныя примѣчанія представляютъ собою сводъ главныхъ комментаріевъ къ отдѣльнымъ мѣстамъ произведеній Байрона. Мы прежде всего дасмъ: 1) почти полностью примѣчанія самого Байрона, опуская изъ нихъ только весьма немногія замѣчанія поэта относительно особенностей слога и отдѣльныхъ выраженій. По отношенію къ русскому переводу эти замѣчанія, конечно, теряютъ всякій смыслъ. 2) Съ тою-же полнотою, т. е. только съ опущеніемъ замѣчаній о языкѣ, мы приводимъ примѣчанія друзей Байрона, составленныя въ концѣ 1820 годовъ для первыхъ посмертныхъ изданій. Эти примѣчанія (Томаса Мура, Вальтера Скота, Джеффри и др.) очень цѣнны какъ потому что, при всей своей сжатости, очень содержательны, такъ и потому, что часто являются отголоскомъ того впечатлѣнія, которое сочиненія Байрона производили на современниковъ. 3) Примѣчанія изъ новѣйшаго изданія Кольриджа и Протеро (1900—1904). Чрезвычайно обстоятельныя (особенно Протеро), эти примѣчанія слишкомъ подробны для русскаго читателя и изъ нихъ взято только существенное. 4) Примѣчанія и разъясненія изъ нѣкоторыхъ другихъ источниковъ — прекраснаго, но не законченнаго изданія Кельбинга, спеціальныхъ монографій объ отдѣльныхъ произведеніяхъ Байрона и т. д. Указываются также всѣ переводы произведеній Байрона на рус. языкъ.

Главное участіе въ извлеченіи и переводѣ настоящихъ примѣчаній принялъ *И. О. Морозовъ*. Указанія на русскіе переводы и извлеченія изъ нихъ принадлежатъ *С. А. Венгерову*. *Ред.*

ЧАЙЛЬДЪ-ГАРОЛЬДЪ.

(Child Harold's Pilgrimag).

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Начата въ Янинѣ (Албанія) 31 окт. 1809. Напечатана вмѣстѣ со 2 пѣснью, въ мартѣ 1812.

Стр. 13. *Эпиграфомъ* взяты начальныя строки книги: «Le Cosmopolite, ou le Citoyen du Monde» (Londres 1753), соч. Фуэкре де-Монбронъ (ум. 1761). Авторъ много путешествовалъ по Европѣ, былъ два раза въ Англіи и своимъ девизомъ выбралъ изреченіе Цицерона: «Patria est ubicunque est bene». Байронъ говорилъ, что «эта забавная книжечка полна французскаго легкомыслія».

Стр. 13—14. *Предисловіе*: *Считаю почти лишнимъ указать... изданномъ Г. Скотомъ.*

Въ XIII и XIV столѣтіяхъ слово child означало юношу благороднаго происхожденія, ожидающаго посвященія въ рыцарство (такъ, напр., въ романахъ объ Иномидонѣ, сэрѣ Тріамурѣ и др.). Старинные англійскіе писатели часто употребляютъ его какъ титулъ; въ поэмѣ Спенсера «Царица фей» такъ постоянно называется принцъ Артуръ. Байронъ употребляетъ это слово въ спенсеровскомъ смыслѣ, какъ благороднаго юноши.

Лордъ Джонъ Максуэлль убилъ въ Ачменгиллѣ (1608) сэра Джемса Джонстона въ отмщеніе за пораженіе и смерть своего отца при Дриффъ Сэндсѣ (1593), и долженъ былъ бѣжать во Францію. Это и послужило поводомъ для его баллады «Прощаніе».

Стр. 15. *Дополненіе къ предисловію.*

«Сентъ-Палэ, въ разныхъ мѣстахъ, особенно же въ т. II, стр. 69».

Mémoires sur l'ancienne chevalerie, par M. de la Curne de Sainte-Palaye, P. 1781, II, 69: «Прочтите въ романѣ о Жерардѣ Руссильонскомъ, на провансальскомъ языкѣ, весьма обстоятельное описаніе пріема, оказаннаго графомъ Жерардомъ посланнику короля Карла; вы найдете тамъ замѣчательныя подробности, дающія странное представленіе объ этой эпохѣ, столь же развращенной, какъ и невѣжественной».

Стр. 16. *Къ Гаиттѣ.* Гаита («цвѣтокъ нарцисса»)— критская дѣвушка, невѣста Ифиса (Овид., Метаморф., IX, 714). Можетъ быть, подъ вліяніемъ байроновскаго посвященія имя Гаиты явилось въ поэмѣ Шелли «Царица Мабъ» (1812, 1813); это же имя Шелли далъ и своей старшей дочери (миссисъ Эдсэйль, род. 1813, ум. 1876).

Посвященіе относится къ 13-лѣтней Шарлоттѣ-Мери Гарлей, второй дочери Эдуарда, графа Оксфордскаго и Мортимерскаго. Она род. въ 1801 г., а въ 1823 вышла за капитана, впослѣдствіи генерала, Антони Бэкона (ум. 1864), который вмѣстѣ съ «молодымъ, любезнымъ Говардомъ» (см. Чайльдъ-Гарольдъ, III, XXIX) участвовалъ въ послѣдней, роковой атакѣ Ватерлоо. Леди Шарлотта Бэконъ ум. 9 мая 188(г. Байронъ познакомился съ нею, вѣроятно, при посѣщеніи ея родителей въ Гирфордширѣ, въ октябрѣ—ноябрѣ 1812 г. По просьбѣ Байрона, извѣстный художникъ Ричардъ Вэстоль нарисовалъ воспроизведенный въ настоящемъ изданіи прелестный портретъ дѣвушки; гравюра съ портрета приложена была къ изданію первыхъ двухъ пѣсенъ «Ч.-Гарольда» (1813), но безъ имени Шарлотты.

Въ одной изъ черновыхъ рукописей Пушкина оказался прозаическій переводъ первыхъ $3^1/_2$ строфъ этого посвященія, и притомъ — въ

двухъ редакціяхъ: слово въ слово и нѣсколько обработанной. Приводимъ эту послѣднюю.

«Ни въ краяхъ, по коимъ я странствовалъ и гдѣ красота издавна почиталась совершенствомъ, ни въ видѣніяхъ, по коимъ сердце воздыхаетъ, сожалѣя, что они—пустыя грезы, ничего, тебѣ подобнаго, ни во снѣ, ни на яву не являлось мнѣ. Тщетно захотѣлъ бы я описать измѣнчивыя и блестящія твои прелести: для того, кто не видѣлъ тебя, слова мои были бы слабы; тому, кто на тебя смотритъ, какая рѣчь можетъ ихъ выразить?

О, останься вѣкъ тою же, что ты теперь, достойная обѣщаній весны твоей, прекрасна видомъ, сердцемъ горяча и безпорочна, образъ на землѣ любви безъ покрылъ и безъ обману передъ воображеніемъ надежды! И вѣрно та, которая теперь столь нѣжно ведетъ твою юность, въ тебѣ этотъ минутный блескъ созерцаетъ, радугу будущихъ лѣтъ твоихъ, предъ коимъ небеснымъ видомъ всякая грусть исчезаетъ.

Юная Перп запада! Счастливъ я, что я почти вдвое старше тебя: безлюбовный взоръ мой можетъ тебя видѣть и безопасно глядѣть на блескъ расцвѣтающей твоей красоты. Счастливъ я, что не увижу ея въ увяданіи; счастливѣе тѣмъ, что пока молодыя сердца истекать будутъ кровью, мое избѣжитъ участь, предопредѣленную твоими глазами даже и тому, чье удивленіе восторжествуетъ, но смѣшанное съ муками, опредѣленными самымъ счастливѣйшимъ часамъ любви.

О, пусть эти очи, тихія, какъ у газели, то ясно смѣлыя, то прекрасно стыдливыя, увлекательныя, когда сверкаютъ, ослѣпляющія, когда недвижимы, блеснутъ на страницу сію!

Стр. 17. Строфа I. Первоначально поэма начиналась со II строфы; только по возвращеніи своемъ въ Англію, осенью 1811 г., Байронъ написалъ эту вступительную строфу, чтобы поэма не начиналась «слишкомъ рѣзко».

Стр 17. *Хоть видѣлъ я твой храмъ—обломки зданья.*

Въ подлинникѣ опредѣленно названъ Дельфійскій храмъ. Въ подписи подъ рисункомъ на стр. 17 и 19 по недосмотру, вмѣсто «Дельфы» напечатано Дельфи.

«Деревушка Кастри стоитъ частью на мѣстѣ Дельфъ. Вдоль горной тропинки, идущей отъ Криссо, находятся остатки могилъ, высѣченныхъ въ скалѣ или изъ камня. «Одна изъ нихъ», говорилъ проводникъ,—«могила царя, сломавшаго себѣ шею на охотѣ». Конечно, его величество выбралъ самое подходящее мѣсто для такой кончины.

Нѣсколько выше Кастри находится пещера, по преданію—пещера Пиѳіи, огромной глубины; верхняя часть ея вымощена и теперь служитъ коровникомъ. На другой сторонѣ Кастри стоитъ греческій монастырь; нѣсколько выше него находится расщелина въ скалѣ, съ рядомъ пещеръ, доступъ къ которымъ затруднителенъ, ведущая, повидимому, во внутрь горы,—вѣроятно, къ Корикійской пещерѣ, упоминаемой у Павзанія. Отсюда беретъ начало источникъ и «Кастальская роса». (*Прим. Байрона*).

Байронъ и Гобгоузъ ночевали въ Криссѣ 15 декабря 1809 г. и на другой день посѣтили Дельфы. «Мы были орошены», говоритъ Гобгоузъ, «брызгами безсмертнаго ручья, и здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, должны были бы почувствовать поэтическое вдохновеніе; мы напились также и изъ самаго источника, но—по крайней мѣрѣ, я говорю о себѣ—не почувствовали ничего необыкновеннаго».

Стр. 17. Строфа II. Въ письмѣ къ Муррею изъ Равенны, отъ 19 ноября 1820 г., вспоминая о своихъ юношескихъ проказахъ, Байронъ, между прочимъ, говоритъ, что въ апрѣлѣ 1809 г. онъ пріѣхалъ въ Ньюстедское аббатство вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ Мэтьюзомъ*): «тамъ я нашелъ славный погребъ и запасъ маскарднаго монашескаго одѣянія. Насъ собралась компанія человѣкъ въ семь-восемь, не считая случайно наѣзжавшихъ сосѣдей, и мы обыкновенно одѣвались въ монашескія рясы и просиживали до темной ночи, попивая бургонское, кларетъ, шампанское и прочіе напитки изъ *черепа* и разнаго рода стакановъ, и потѣшались на пропалую, все въ тѣхъ же одѣяніяхъ. Мэтьюзъ всегда звалъ меня «аббатомъ»... и т. д.

Стр. 18. Строфа III. Въ первоначальной редакціи поэмы герой ея носилъ имя Childe *Burun* (Чайльдъ-Бэронъ), которымъ какъ бы подчеркивалось автобіографическое значеніе этого произведенія. Въ стихѣ:

Но всякое преступное дѣяніе
Потомка загрязняетъ предковъ честь

заключается указаніе на одно событіе изъ семейной хроники Байроновъ. Дѣдъ поэта, Вильямъ, пятый лордъ Байронъ, смертельно ранилъ своего родственника Ча(э)ворта на поединкѣ безъ свидѣтелей въ одной изъ лондонскихъ таверпъ (1765). Онъ былъ признанъ виновнымъ въ предумышленномъ убійствѣ, но, во вниманіе къ его званію лорда, оставленъ на свободѣ. Среди мѣстныхъ жителей онъ былъ извѣстенъ подъ прозвищемъ «нечестиваго лорда», и о немъ ходило много разсказовъ, правдивыхъ и выдуманныхъ, изображавшихъ его въ дурномъ свѣтѣ. Онъ умеръ въ Ньюстедѣ въ 1798 г.

Стр. 18 Строфа V.

Гарольдъ былъ очарованъ лишь одною.

Мэри Чаворть о которой еще не разъ будетъ рѣчь. Ср. «Стансы къ одной дамѣ, при отъѣздѣ изъ Англіи», «Сонъ» и біографію Байрона. Мэри-Анна Чэвортъ, внучка Чаворта, убитаго въ поединкѣ лордомъ Вильямомъ Байрономъ въ 1765 г., вышла замужъ, въ августѣ 1805 г., за Джона Местерса. Она умерла въ февралѣ 1832 г.

Стр. 18. Строфа VII.

Тамъ нѣкогда монахи обитали и т. д.

При прежнемъ владѣльцѣ Ньюстеда въ озерѣ найденъ былъ мѣдный орелъ, внутри котораго, въ числѣ разныхъ документовъ, оказалась жалованная грамота Генриха V, дающая «полное прощеніе за всѣ преступленія, совершенныя монахами ранѣе 8-го минувшаго декабря, за исключеніемъ убійствъ, если таковыя совершены были послѣ 19-го ноября». Монахи были постоянными источникомъ разнаго рода забавъ для ньюстедскихъ «кутилъ». Френсисъ Годжсонъ насмѣшливо вспоминаетъ о нихъ въ стихахъ «На развалинахъ аббатства въ романтической мѣстности»: «Утренній колоколъ, глухо раздаваясь въ лѣсной просѣкѣ, уже не станетъ вызывать жирнаго аббата изъ его сонной кельи, предупреждая дѣвицу (если только дѣвица была тамъ), что ей пора бѣжать», и пр.

Стр. 18. Строфа IX. Въ изображеніи одного-

*) Чарльзъ Скиперъ Метьюзъ, кембриджскій кандидатъ, утонулъ въ августѣ 1811 г. О немъ см. примѣчаніе Байрона къ XCI строфѣ I пѣсни «Ч.-Гарольда».

чества Ч.-Гарольда, покинутаго друзьями, отразилась одна подробность изъ личной жизни Байрона: старый школьный товарищъ отказался провести съ нимъ послѣдній день передъ отъѣздомъ его въ путешествіе, извинившись въ письмѣ, что онъ обѣщалъ своей матери и нѣсколькимъ дамамъ пойти съ ними по магазинамъ. Это былъ, по всей вѣроятности, лордъ Делаваръ. «О, дружба!» говорилъ Байронъ Далласу. «Я не вѣрю, чтобы здѣсь остался кто нибудь, кромѣ васъ и вашей семьи, да еще, можетъ быть, моей матери, кто бы безпокоился обо мнѣ». Впрочемъ, по замѣчанію Чарльза Лэмба, Байрона нельзя понимать слишкомъ буквально. Конечно, онъ былъ огорченъ поступкомъ товарища, и впослѣдствіи, съ цѣлью усилить трагическое положеніе Ч.-Гарольда, придалъ этому частному случаю общее значеніе.

Стр. 18. Строфа X.

Съ любимою сестрой въ отъѣзди часъ
Не видѣлся...

Въ одной изъ зачеркнутыхъ строфъ прощанія Ч.-Гарольда (см. ниже) онъ жалуется, что не видѣлъ сестры своей «ужъ болѣе трехъ лѣтъ». Августа Байронъ (род. въ январѣ 1783, ум. въ ноябрѣ 1851), единокровная сестра поэта, по смерти своей воспитательницы-бабушки, графини Гольдернесъ, жила съ дѣтьми своей матери, лэди Чичестеръ и герцогомъ Лидсомъ, иногда же гостила у своего двоюроднаго брата, графа Карлейля, и въ семьѣ генерала Гаркорта. Въ 1807 г. она вышла за своего родственника, драгунскаго полковника Джорджа Ли (Leigh). Съ конца 1805 г. Байронъ находился съ нею въ болѣе или менѣе постоянной перепискѣ, но личныхъ свиданій между ними не было.

Строфа XI.

И, посѣтивъ Востокъ, экваторъ миновать.

«На ваше замѣчаніе о выраженіи: «Central line (центральная линія, т. е. экваторъ) я могу отвѣтить только, что до отъѣзда своего изъ Англіи Ч.-Гарольдъ имѣлъ твердое намѣреніе проѣхать въ Персію и вернуться черезъ Индію, чего онъ не могъ бы сдѣлать, не пересѣкая экватора», писалъ Байронъ Далласу 7 сент. 1811. О своемъ намѣреніи поѣхать въ Персію въ мартѣ или не позже мая 1809 г. Байронъ говоритъ въ письмѣ къ матери отъ 7 октября 1808 г.

Стр. 20. Прощаніе Ч. Гарольда. 3.

Малютка нажъ!

Это былъ Робертъ Руштонъ, сынъ одного изъ ньюстэдскихъ фермеровъ. «Роберта я возьму съ собой», писалъ Байронъ матери, передъ отъѣздомъ, изъ Фальмута, 22 іюня 1809 г. «я его люблю, потому что и у него, какъ и у меня, кажется, вовсе нѣтъ друзей. Скажите г. Руштону, что сынъ здоровъ и ведетъ себя хорошо». Однако, мальчикъ такъ затосковалъ по родинѣ, что Байрону пришлось уже изъ Гибралтара отправить его домой, подъ наблюденіемъ стараго слуги Джозефа Муррея, который провожалъ Байрона до этого пункта. При этомъ Байронъ написалъ отцу Роберта письмо, въ которомъ очень хорошо отозвался о поведеніи мальчика и назначилъ на расходы по его воспитанію 25 ф. въ годъ на три года.

Стр. 20. Прощаніе Чайльдъ Гарольда 6.

Ты альбенъ, впрный мой слуга.

Слуга Байрона Вильямъ Флетчеръ. Онъ служилъ поэту 20 лѣтъ, ухаживалъ за нимъ во время его предсмертной болѣзни и привезъ его останки въ Англію. Байронъ нерѣдко подшучивалъ надъ своимъ вѣрнымъ «йоменомъ». Такъ, напр., въ одномъ изъ писемъ къ матери онъ говоритъ: «Флетчеръ не изъ храбраго десятка: онъ требуетъ такихъ удобствъ, безъ которыхъ я могу обойтись, и постоянно вздыхаетъ о пивѣ, говядинѣ, чаѣ, о своей женѣ и чортъ знаетъ, о чемъ еще. Однажды ночью мы были захвачены грозой, а въ другой разъ чуть не потерпѣли кораблекрушенія. Въ обоихъ случаяхъ онъ совершенно растерялся: въ первый разъ—отъ страха голода и бандитовъ, а во второй—отъ страха утонуть. Глаза у него немного распухли,—не то отъ молніи, не то отъ слезъ, не знаю, отчего. Я всячески старался его утѣшить, но онъ оказался неисправимымъ. Онъ посылаетъ шесть вздоховъ своей Салли (Сарѣ, женѣ). Я поселю его на фермѣ: онъ былъ мнѣ вѣрнымъ слугой, и Салли—хорошая женщина». Впослѣдствіи, послѣ разныхъ приключеній на сушѣ и на морѣ, Флетчеръ открылъ въ Лондонѣ «итальянскую» лавочку.

Стр. 20. Прощаніе Чайльдъ-Гарольда. 8.

Больный всего, что ни о чемъ
Не стоитъ лить мнѣ слезъ.

«Я покидаю Англію безъ сожалѣнія, и вернусь туда безъ радости», писалъ Байронъ Годжсону изъ Фальмута, 25 іюня 1809. «Я похожъ на Адама,—перваго человѣка, осужденнаго на изгнаніе, но у меня нѣтъ Евы, и я не ѣлъ яблоковъ, кромѣ дикихъ и кислыхъ». Въ другомъ письмѣ къ тому же лицу, изъ Лиссабона, читаемъ: «Все, что угодно, лучше Англіи,—и до сихъ поръ я безконечно радуюсь своему путешествію».

Стр. 20. Прощаніе Чайльдъ-Гарольда. 9.

Другимъ накормленный, меня
Укуситъ у воротъ.

«Я не намѣренъ передѣлывать 9-ю строфу *Прощанія*», писалъ Байронъ Далласу, 23 сентября 1811: «у меня нѣтъ основанія считать свою собаку лучше прочихъ скотовъ—людей; а разсказы объ Аргусѣ, какъ извѣстно,—миѳъ».

Стр. 20. Строфа XIV.

Здѣсь Цинтрскихъ горъ блеститъ хребетъ зубчатый.

«Иглоподобныя» вершины Цинтры (вѣрнѣе Синтры), на сѣв.-зап. отъ Лиссабона, видны съ устья р. Тахо.

Стр. 20. Строфа XIV.

Тамъ океану Тагъ даръ несетъ.

Ср. Овидія, Amores, I, 15, и Плинія, Hist. Natur., IV, 22. Небольшія крупинки золота и до сихъ поръ еще находятся въ пескѣ Тахо; но ихъ количество совершенно незначительно какъ, вѣроятно, было и въ древности

Стр. 21. Строфа XVI.

Но Лузитанецъ дикъ и полонъ гордыни.

Ср. «Проклятіе Минервы», Въ первоначальномъ текстѣ строфъ XV и XVI были еще болѣе рѣзкія выраженія, смягченныя, вѣроятно по совѣту Далласа.

«Сравнивая XVI-ю и слѣдующія 13 строфъ поэмы съ письмами Байрона къ матери о своемъ путешествіи, читатель убѣдится (говоритъ Томасъ Муръ), что эти строфы являются вѣрнымъ отголоскомъ впечатлѣній, произведенныхъ на поэта мѣстностями, въ которыхъ онъ побывалъ».

Стр. 21. Строфа XVIII.

На Цинтру бросьте взоры; всякій съ раемъ
и т. д.

«Деревня Синтра, милях въ пятнадцати отъ Лиссабона,—можетъ быть, красивѣйшее во всѣхъ отношеніяхъ мѣсто въ Европѣ», писалъ Байронъ своей матери изъ Гибралтара, 11 августа 1809

«здѣсь можно видѣть красоту всякаго рода—природную и искусственную, дворцы и сады, возвышающіеся посреди утесовъ, водопадовъ и пропастей, монастыри на страшной высотѣ, обширный видъ на море и на Тахо... Дикость западной горной Шотландіи соединяется здѣсь съ зеленью южной Франціи. Неподалеку отсюда, миль за десять вправо, - дворецъ Мафра, гордость Португаліи: его величественнымъ видомъ и пышностью могла бы гордиться и любая страна»... Соути, рѣдко въ чемъ согласный съ Байрономъ, также писалъ, возвратясь изъ своего путешествія по Испаніи (1801), что «по красотѣ всѣ англійскіе, а можетъ быть и всѣ вообще виды должны уступить первенство Синтрѣ».

Стр. 22. Строфа XX. *А вотъ и монастырь.*

«Монастырь «Скорбящей Божіей Матери», Nossa Señora de Pena, на вершинѣ скалы. Внизу, на нѣкоторомъ разстояніи, находится Пробковый монастырь, гдѣ св. Гонорій вырылъ себѣ пещеру, надъ которою находится его эпитафія. Съ холмовъ видно море, отчего пейзажъ становится еще красивѣе». (*Прим. Байрона къ 1-му изданію*). «Послѣ напечатанія этой поэмы мнѣ было указано (Вальтеръ Скотомъ) на ошибочный переводъ названія Nossa Senora de Peña; я опустилъ «тильду», значекъ надъ буквой *n*, отъ котораго измѣняется значеніе слова: со значкомъ peña значитъ *скала*, а безъ значка—pena—*скорбь*. Я не считаю, однако, необходимымъ исправлять это мѣсто, такъ какъ хотя монастырь и называется въ общежитіи обителью «Божіей Матери на скалѣ», но я могу допустить и другое наименованіе—отъ суровости принятыхъ здѣсь правилъ жизни». (*Прим. Байрона ко 2-му изданію*).

Стр. 22. Строфа XX.

А тамъ Гонорій жилъ на днѣ пещеры.

На камнѣ надъ пещерою высѣчена надпись въ память Гонорія (ум. въ 159 г., 75 лѣтъ).

Hic Honorius vitam finivit
Et ideo cum Deo in coelis revivit.

Стр. 22. Строфа XXI.

Средь этихъ мѣстъ встрѣчается не мало
Таинственныхъ крестовъ.

Въ рукописи — замѣтка Гобгоуза: «Я не помню тамъ никакихъ крестовъ». Эти кресты не произвели на Гобгоуза никакого впечатлѣнія, такъ какъ онъ понялъ, что это—просто путевые знаки. Мэтью Льютасъ объясняетъ въ Athenaeum, 19 іюля 1873, что направленіе неровной и извилистой тропинки, идущей по горѣ къ монастырю отъ большой дороги, обозначено многочисленными крестами, которые Байронъ по ошибкѣ счелъ памятниками будто бы совершенныхъ тамъ убійствъ.

Стр. 22. Строфа XXI.

. . . не исключенья,
Убійства тамъ, гдѣ потерявъ значенье
Не въ силахъ граждан жизнь оберегать
законъ.

«Хорошо извѣстно, что въ 1809 году на улицахъ и въ окрестностяхъ Лиссабона совершались португальцами убійства, жертвами которыхъ были не мѣстные жители, а англичане: ихъ рѣзали чуть не каждый день, и мы не только не получали удовлетворенія, но, напротивъ, намъ не позволяли даже вмѣшиваться, когда мы встрѣчали соотечественника, защищавшагося противъ своихъ «союзниковъ». Однажды меня, вмѣстѣ съ моимъ другомъ, остановили на людной улицѣ, противъ открытаго магазина, въ восемь часовъ вечера, когда мы ѣхали въ колясскѣ въ театръ; по счастью, мы были вооружены; не будь этого,—я нисколько не сомнѣваюсь, что мы послужили бы «украшеніемъ разсказа» вмѣсто того, чтобы самимъ объ этомъ разсказывать. Эти преступленія не ограничиваются одной только Португаліей; въ Сициліи и на Мальтѣ насъ убиваютъ среднимъ числомъ, по одному каждую ночь,—и ни одинъ сициліанецъ или мальтіецъ никогда не бываетъ наказанъ!». (*Прим. Байрона*).

Строфа XXII.

И ты, Ватекъ, любившій роскошь брить.

«Ватекъ»—восточная сказка Вильяма *Бекфорда*, напеч. по-французски въ 1784 и по-англійски въ 1787 г. Байронъ очень цѣнилъ это произведеніе. «Я не знаю», говорилъ онъ въ одномъ изъ своихъ дневниковъ, «откуда авторъ почерпнулъ свой разсказъ; но по вѣрному изображенію обычаевъ, по красотѣ описаній и силѣ фантазіи онъ превосходитъ всѣ европейскія подражанія восточному и отличается такою оригинальностью, что кто бывалъ на Востокѣ, можетъ подумать, что это—просто переводъ». Авторъ этой сказки, Вильямъ Бекфордъ (1760—1844), сынъ лондонскаго лорда-мэра, 18-ти лѣтъ отъ роду получилъ въ наслѣдство милліонъ фунтовъ наличными и 100 тыс. ф. годового дохода и былъ, дѣйствительно, въ свое время, богатѣйшимъ человѣкомъ въ Англіи. Онъ много путешествовалъ и, между прочимъ, провелъ два года (1794—96) въ уединеніи, въ Кинта да-Монсеррате, въ трехъ миляхъ отъ Синтры.

Стр. 23. Строфа XXIV.

«Синтрская конвенція была подписана во дворцѣ маркиза Маріальвы. Позднѣйшіе подписи лорда Веллингтона загладили этотъ неразумный поступокъ. Веллингтонъ дѣйствительно сотворилъ чудеса: можетъ быть, онъ даже измѣнилъ характеръ націи, примирилъ предразсудки соперниковъ и уничтожилъ замыслы непріятеля, никогда не отступавшаго предъ его предшественниками». (*Прим. Байрона*).

«Перемиріе, переговоры, конвенція, исполненіе ея постановленій,—все это началось, происходило и закончилось на разстояніи тридцати миль отъ Синтры и не имѣло съ этимъ пунктомъ ни малѣйшей связи,—ни политической, ни военной, ни мѣстной. Тѣмъ не менѣе, лордъ Байронъ написалъ, что конвенція была подписана во дворцѣ маркиза Маріальвы въ Синтрѣ» (*Napier*, History of the Peninsular War I, 161).

Стр. 23. Строфа XXV—XXVI.

21 августа 1808 г. сэръ Гарри Беррардъ (1755–1813) былъ назначенъ главнокомандующимъ на мѣсто сэра Артура Уэллесли (впослѣдствіи Веллингтонъ), который въ тотъ же день разбилъ Жюно при Виміерѣ. Немедленно Беррардъ отмѣнилъ приказъ Уэллесли преслѣдовать непріятеля и не воспользовался побѣдой. На слѣдующій же день (22 авг.) на мѣсто Беррарда былъ назначенъ сэръ Гью Дальримпль, а 23-го генералъ Келлерманъ сообщилъ англичанамъ предложенія Жюно, которыя, недѣлю спустя, были оформлены въ такъ наз. синтрской конвенціи, подписанной Келлерманомъ и Уэллесли. Когда въ Англіи получено было извѣстіе о томъ, что войска Наполеона были отражены съ потерями и что французы, несмотря на это, все-таки получили возможность благополучно выступить изъ Португаліи, генералы подверглись громкому и общему порицанію. Вмѣшательство Беррарда въ планы Уэллесли, конечно, было необдуманно и несвоевременно; но когда уже

упущенъ былъ удобный моментъ для преслѣдованія непріятеля, тогда принятіе предложеній Жюно стало уже неизбѣжнымъ. Военный совѣтъ, созванный въ Лондонѣ въ январѣ 1809 г., утвердилъ перемиріе 22 августа и конвенцію; но ни Дэльримпль, ни Беррардъ уже не получили командованія, и только сраженіе при Талаверѣ (28 іюля 1809) возстановило репутацію Уэллесли.

Строфы XXIV—XXVI въ первоначальной рукописи поэмы имѣли иную, болѣе распространенную редакцію. Онѣ были передѣланы Байрономъ по настоянію его друзей. Вотъ ихъ первоначальный текстъ:

I.

Вотъ золотомъ, потомству въ поученье,
Начертанъ въ спискѣ господина Жюно;
И прочіе не лишены значенья,
Но въ стихъ вмѣстить ихъ было бъ мудрено.
Побѣдой обольщенные, давно
Они за подвигъ лавровъ ожидали -
И были одурачены равно.
Сэръ Артуръ, Гарри и Дэльримпль попали
Въ тенета алыхъ враговъ, которымъ довѣрялн.

II.

Конвенціей зовется демонъ злобный,
Что въ Маріальвѣ рыцарей смутилъ,
Отнявъ ихъ умъ (коль былъ у нихъ подобный),
И радость пиру въ горе обратилъ.
Когда газетный листъ намъ сообщилъ,
Что бросилъ галлъ равнину Виміеры,
Наперерывъ тутъ каждый заспѣшилъ—
Всѣ «Хроники», и «Почты», и «Курьеры»—
Торжествовать враговъ побѣду свыше мѣръ.

III.

Вдругъ привела конвенція въ движенье
Всѣ перья, руки, ноги, языки;
Мэръ, альдерманъ - забыли угощенье;
Церковные проснулись парики,
И Коббетъ самъ, молчавшій отъ тоски
Семь дней, вскочилъ въ порывѣ чудотворномъ,
Крича, что могутъ только дураки
Себя связать условіемъ позорнымъ.
Мычащій звѣрь взревѣлъ—и сномъ заснулъ покорнымъ.

VI.

Всѣ вопіяли къ Небу... Слыша гласъ
Короны нашей преданныхъ вассаловъ,
Рѣшило Небо - строго въ тотъ же часъ
Разслѣдовать поступки генераловъ.
Но Милость ихъ взяла подъ свой покровъ,
Зане они враговъ своихъ щадили
(Или милостивы судьи къ Бингу были?)
Законъ - для плутовъ, не для дураковъ.
Итакъ, друзья,—живите на здоровье,
Благословляя судей хладнокровье.
(Переведено *Н. О. Морозовымъ* для наст. изд.)

Къ этимъ исключеннымъ строфамъ Байрономъ сдѣлано три примѣчанія:

1. Депеша сэра Хью Дэльримпля о т. н. синтрской конвенціи, отъ 3 сент., появилась въ экстренномъ прибавленіи къ «Лондонской Газетѣ» 16 сент. 1808 г. Коббетъ напечаталъ въ «Weekly Political Registes» рядъ статей, въ которыхъ рѣзко порицалъ эту конвенцію, допустившую свободное отступленіе французскихъ войскъ изъ Португаліи.

2. «Мычащій звѣрь» (blatant beast) — фигуральное обозначеніе черни, впервые употребленное, кажется, Смоллетомъ въ *Приключеніяхъ одного атома*. Горацій называетъ чернь «bellua multorum capitum»,—многоголовымъ звѣремъ. Въ Англіи, по счастью, у нея нѣтъ даже и одной головы.

3. Вопросъ о Бингѣ вовсе не значитъ, что нашихъ глупыхъ генераловъ слѣдовало разстрѣлять: напротивъ, Бинга не слѣдовало казнить (адмиралъ Джонъ Бингъ казненъ 14 марта 1757). А то выходитъ, что одинъ пострадалъ, а другіе остались цѣлы,—вѣроятно по логикѣ Кандида,—pour encourager les autres *).

Стр. 23. Строфа XXVIII.

Верхомъ! Верхомъ!

Байронъ и Гобгоузъ отплыли изъ Фальмута 2 іюля 1809 г., прибыли въ Лиссабонъ 6-го или 7-го, а 17-го изъ Альдеи Гальбеги («первая станція отъ Лиссабона, куда можно попасть только водой») поѣхали верхомъ въ Севилью. «Лошади здѣсь превосходныя,—мы проѣзжали по 70 миль въ день», писалъ Байронъ Годжсону и своей матери, 6 и 11 авг. 1809.

Стр. 23. Строфа XXIX.

Вотъ Мафра, гдѣ, судьбы узнавъ измѣну,
Царица Лузитаніи жила.

«Размѣры Мафры громадны: въ ней помѣщаются дворецъ, монастырь и великолѣпная церковь. Шесть органовъ по своему изяществу красивѣе всѣхъ, когда-либо мною видѣнныхъ; мы ихъ не слыхали, но намъ говорили, что ихъ звукъ соотвѣтствуетъ ихъ красотѣ. Мафру называютъ португальскимъ Эскуріаломъ» (*Прим. Байрона*).

Мафра построена (1717 — 1730) королемъ Жуаномъ V.

«Несчастная королева впослѣдствіи совершенно сошла съ ума, и докторъ Уиллисъ, который вообще очень удачно справлялся съ королевскими головами, ничего не могъ съ нею сдѣлать». (*Прим. Байрона*).

Марія I (1734—1816), бывшая женою своего дяди, Педро III, царствовала сначала вмѣстѣ съ нимъ (1777—86), а потомъ одна. Смерть супруга, любимаго духовника и затѣмъ—сына такъ на нее подѣйствовали, что королева впала въ меланхолію. Послѣ 1791 г. она была королевой уже только номинально, а въ 1799 г. ея сынъ Марія-Хосэ-Іоансъ былъ назначенъ регентомъ.

Стр. 25. Строфа XXXIII.

«Я описалъ португальцевъ такими, какими ихъ видѣлъ. Нѣтъ сомнѣнія, что съ тѣхъ поръ они стали лучше, по крайней мѣрѣ—въ отношеніи храбрости». (*Прим. Байрона*).

Здѣсь же слѣдовала въ рукописи «Замѣтка объ Испаніи и Португаліи», исключенная по настоянію Далласа:

«Недавно мы слышали чудеса о португальцахъ и объ ихъ доблести. Дай Богъ, чтобы это было такъ и впредь; но «если бы это было во время сна», Галь,—все было бы ладно!» Имъ надо еще сражаться много часовъ прежде, чѣмъ

*) Dans ce pays-ci il est bon de tuer de temps en temps un amiral pour encourager les autres. *Candide*, XXII.

количество ихъ потерь убитыми сравняется съ числомъ нашихъ соотечественниковъ, зарѣзанныхъ этими милыми тварями, которыя теперь превратились въ «caçodores» и еще Богъ знаетъ во что. Я указываю лишь на факты, не ограничивающіеся одною только Португаліею: и въ Сициліи, и на Мальтѣ насъ убиваютъ, среднимъ числомъ, по одному каждую ночь,—и ни одинъ сициліанецъ или мальтіецъ не подвергается наказанію. Это отсутствіе защиты—позоръ для нашего правительства и правителей, потому что убійства такъ же ясны, какъ освѣщающая ихъ луна и не замѣчающее ихъ равнодушіе. Надо надѣяться, что португальцевъ будутъ поздравлять съ «Потерянной надеждой»,—если трусы становятся храбрецами (въ углу, какъ и всѣ имъ подобные), то пускай и выказываютъ свою храбрость. Но вотъ открывается подписка въ пользу этихъ θρασυδειλοι (имъ нечего стыдиться названія, даннаго нѣкогда спартанцамъ) *) и всѣ благотворительныя буквы, отъ показнаго A до недовѣрчиваго Z, включая сюда и 1 ф. 1 шил. 0 пенсовъ отъ «Почитателя доблести», выставляются на листахъ въ Ллойдѣ, во славу британскаго благоволенія! Очень хорошо! Мы и сражались, и подписывали деньги, и жаловали лордства, и хоронили убитыхъ нашими друзьями и врагами,—и вотъ, все это теперь надо снова продѣлывать. Мы какъ Ліенъ-Чи (у Гольдсмита въ «Гражданинѣ Вселенной»), становимся «старше, но не лучше». Интересно было бы знать, кто станетъ подписываться въ нашу пользу въ 1815 г. или около того времени, и какая нація вышлетъ 50 тысячъ человѣкъ для того, чтобы ихъ сначала перерѣзали въ столицѣ, а потомъ опять вырѣзали, по ирландской модѣ, девять изъ десяти, на «ложѣ чести», которые, какъ говоритъ сержантъ Кайтъ (въ пьесѣ Фаркуара «Вербовщикъ»), значительно шире и гораздо удобнѣе, чѣмъ «ложе войны». Затѣмъ намъ надо имѣть поэта, который напишетъ «Видѣніе дона Персиваля» и великодушно пожертвуетъ доходъ отъ продажи прекрасно и въ большомъ числѣ экземпляровъ напечатаннаго тома in-quarto на возстановленіе «Баквинда» и «Капонгэта» или на снабженіе полу-изжаренныхъ шотландцевъ новыми юбками **). Какъ бы то ни было, лордъ Веллингтонъ совершилъ чудеса; то же самое сотворилъ и его восточный братъ, котораго я видѣлъ въ то время, какъ онъ переѣзжалъ черезъ французскій флагъ; я слышалъ также, какъ онъ бормоталъ на ломаномъ испанскомъ языкѣ въ отвѣтъ на рѣчь какого то патріота-сапожника въ Кадиксѣ, по случаю собственнаго прибытія въ этотъ городъ и отбытія пяти тысячъ храбрыхъ британцевъ изъ этого «лучшаго изъ всѣхъ возможныхъ міровъ» (Панглоссъ, въ *Кандидѣ*). Мы были въ большомъ затрудненіи относительно того, какъ воспользоваться этой самой побѣдой при Талаверѣ; а между тѣмъ, гдѣ-нибудь навѣрное была одержана побѣда, потому что каждый приписывалъ ее себѣ. Испанскія депеши и чернь называли ее побѣдой Куэсты и почти не упоминали о виконтѣ; французы называли ее *своею* (къ великому моему огорченію, потому что французскій консулъ въ Греціи заткнулъ мнѣ ротъ вонючей Парижской Газетой,—словно я убилъ Себастьяни *) «въ клеенчатомъ плащѣ» и короля Жозефа «въ зеленомъ платьѣ»),—а мы еще не рѣшили, *какъ* и *чьею* ее называть,—потому что, разумѣется, она была не наша. Во всякомъ случаѣ, отступленіе Массены (май 1811) большое удобство: а такъ какъ мы въ послѣдніе годы не привыкли преслѣдовать непріятеля, то и не удивительно, что мы на первое время чувствуемъ себя немножко неловко. Но мы, разумѣется, исправимся; а если нѣтъ, то намъ стоитъ только усвоить свою старую тактику отступленія,—и тогда мы будемъ дома».

Стр. 25. Строфа XXXIII.

Нѣтъ, ручейкомъ ничтожнѣйшимъ.

Если Байронъ (ср. строфу XLIII) на пути изъ Лиссабона въ Севилью проѣзжалъ по равнинѣ Альбуэры, то онъ долженъ былъ переѣхать черезъ испанскую границу между Эльвасомъ и Бадахосомъ. Въ такомъ случаѣ «ручеекъ» есть рѣчка Кайя.

Стр. 26. Строфа XXXIV.

Воспѣтая въ баладахъ Гвадіана.

Байронъ, повидимому, уже успѣлъ настолько ознакомиться съ испанскимъ языкомъ, что былъ въ состояніи понимать и цѣнить произведенія народной поэзіи, не имѣющей себѣ ничего подобнаго въ Европѣ. Онъ перевелъ одну изъ лучшихъ балладъ о гренадской войнѣ, «Romance muy doloroso del sitio y toma de Alhama».

Стр. 26. Строфа XXXV.

Гдѣ знамя, что
Пелагъ въ бою носилъ и т. д.

«Дочь графа Юліана, испанская Елена. Пелайо отстаивалъ свою независимость въ крѣпостцахъ Астуріи, а потомки его наслѣдниковъ, спустя нѣсколько столѣтій, завершали свою борьбу съ маврами завоеваніемъ Гренады» (*Прим. Байрона*).

«Почти всѣ испанскіе историки, а также и народное преданіе, считаютъ причиною нашествія мавровъ насиліе, совершенное королемъ Родригомъ надъ Флориндой, которую мавры звали Кабой или Кавой. Это была дочь графа Юліана, одного изъ главныхъ готскихъ полководцевъ, которому поручена была оборона Сеуты противъ мавровъ. Оскорбленный неблагодарностью своего государя и позоромъ дочери, графъ Юліанъ забылъ долгъ христіанина и патріота и, вступивъ въ союзъ съ Мусой, намѣстникомъ калифа въ Африкѣ, поддержалъ вторженіе въ Испанію сарацинъ и африканцевъ подъ начальствомъ знаменитаго Тарика. Результатомъ этого вторженія было пораженіе и смерть Родрига и занятіе маврами почти всего полуострова. Испанцы ненавидятъ память Флоринды и, по словамъ Сервантеса, никогда не даютъ этого имени женщинѣ,

*) Люди, которые притворяются героями (*Аристотель*, Этика, III, 9—7).

**) Въ письмѣ къ Морриту отъ 26 апр. 1811 В. Скоттъ говоритъ: «Я обдумываю нѣсколько лирическихъ куплетовъ, имѣющихъ отношеніе къ Пиренейскому полуострову; если мнѣ удастся ихъ отдѣлать, то я надѣюсь получить что-нибудь отъ книгопродавцевъ въ пользу португальскихъ страдальцевъ. «Серебра и золота не имѣю, но что имѣю, то дамъ имъ». Мое произведеніе называется: «*Видѣніе дона Родерика*».

*) Наполеоновскій генералъ Себастьяни (1772—1851) разбилъ испанцевъ при Сіудадъ-Реалѣ, 17 марта 1809 г. Въ своемъ оффиціальномъ донесеніи онъ писалъ, что болѣе 3000 испанцевъ было изрублено саблями во время бѣгства. При Талаверѣ, 27 іюля, его корпусъ понесъ тяжелыя потери; но онъ снова разбилъ испанцевъ при Альмонасидѣ, 11 августа.

называя имъ только собаку (*Примѣч. Вальтеръ Скотта.* Ср. *Пушкина*, «Родригъ»).

«Крестъ Побѣды», сдѣланный изъ астурійскаго дуба и служившій знаменемъ для Пелайо (Пелага) въ сраженіи съ маврами при Кангасѣ (718 г.), по преданію, упалъ съ неба. Онъ хранится въ Овіедо. Мавры были окончательно изгнаны изъ Гренады въ 1492 г., въ царствованіе Фердинанда и Изабеллы.

Стр. 27. Строфа XXXVI.

Тѣмъ подвигомъ вся пѣсни края полны.

Намекъ на романсеро и рыцарскія поэмы (caballerias) XVI вѣка.

Стр. 28. Строфа XXXVIII.

. . . Всѣ ужасомъ объяты
Когда является во гнѣвѣ богъ войны.

Неточный переводъ образнаго стиха Байрона.

Death ride upon the sulphury Siroc.

т.-е. смерть верхомъ на удушливомъ (сѣрнистомъ) Сирокко.

«Сирокко—сильный горячій вѣтеръ, дующій по цѣлымъ недѣлямъ въ Средиземномъ морѣ отъ Архипелага. Его свойства хорошо извѣстны всѣмъ, кто проѣзжалъ черезъ Гибралтарскій проливъ». (*Прим. Байрона*).

Стр. 29. Строфа XL—XLI.

Сраженіе при Талаверѣ началось 27-го іюля 1809 и продолжалось два дня. Такъ какъ Байронъ пріѣхалъ въ Севилью, вѣроятно, 21-го или 22-го, то онъ не могъ быть очевидцемъ какой-либо части этого сраженія. Въ письмѣ къ матери отъ 11-го августа онъ говоритъ: «Вы слышали о сраженіи близъ Мадрида. Въ Англіи назовутъ его побѣдой,—хороша побѣда! Двѣсти офицеровъ и пять тысячъ солдатъ убито,—и всѣ англичане, а у французовъ силы не убавилось. Я хотѣлъ было присоединиться къ арміи, но намъ надо торопиться къ Средиземному морю».

Въ письмѣ къ полковнику Малькольму отъ 3-го дек. 1809 Веллингтонъ сознается, что результатъ сраженія былъ скорѣе нравственный, чѣмъ матеріальный. «Сраженіе при Талаверѣ, безъ сомнѣнія, было одно изъ самыхъ тяжелыхъ сраженій въ наше время... Жаль, что вслѣдствіе несчастной негодности испанцевъ... слава есть единственный результатъ, нами достигнутый. Мнѣ предстоитъ очень трудная задача... При такихъ обстоятельствахъ можно потерпѣть пораженіе, но нечестно было бы отклониться отъ своего долга».

Стр. 30. Строфа XLIII.

Сраженіе при Альбуэрѣ (16-го мая 1811), гдѣ англичане, подъ начальствомъ лорда Бирсфорда, разбили Сульта, было своего рода Пирровой побѣдой. «Еще одно такое сраженіе и мы пропали», писалъ Веллингтонъ. «Вольного труда стоитъ мнѣ все опять поправить». Говорятъ, что французы потеряли въ этомъ сраженіи отъ 8 до 9 тыс. человѣкъ, англичане—4158, испанцы—1365. Альбуэра прославлена Вальтеръ Скоттомъ въ его «Видѣніи короля Родерика». Въ октябрѣ 1811 вышла анонимная поэма: «Сраженіе при Альбуэрѣ».

Стр. 31. Строфа XLV.

«Въ Севильѣ»,—писалъ Байронъ матери въ августѣ 1809 г.—«мы жили въ домѣ двухъ незамужнихъ испанокъ, женщинъ съ характеромъ. Старшая—красавица, младшая недурна. Свобода обращенія, здѣсь общепринятая, меня нисколько не удивила; а изъ дальнѣйшихъ наблюденій я убѣдился, что сдержанность не составляетъ отличительной черты испанскихъ красавицъ. Старшая почтила нашего недостойнаго сына совершенно особымъ вниманіемъ, съ большою нѣжностью обняла его при отъѣздѣ (я пробылъ тамъ всего три дня), отрѣзала прядь его волосъ и подарила собственный локонъ, фута въ три длиною, который я вамъ посылаю и прошу сберечь до моего возвращенія. Ея послѣднія слова были: «Adios, tu hermoso; me gusto mucho»,—прощай: красавецъ; ты мнѣ очень понравился!»

Стр. 31. Строфа XLVI.

Въ концѣ января 1810 г. французскія войска подошли къ Севильѣ; этотъ веселый городъ не послѣдовалъ примѣру Сарагосы и Херены и послѣ непродолжительныхъ переговоровъ сдался со всѣми своими запасами, пушечными заводами и полнымъ арсеналомъ.

Звучитъ не бранный рогъ, а звонъ гитары.

Гитара—не точный переводъ. Въ подлинникѣ *Rebeck* — музыкальный двуструнный смычковый инструментъ, занесенный въ Испанію, какъ полагаютъ, маврами.

Стр. 32. Строфа XLVIII.

Нынѣ, онъ теперь поетъ Viva el Rey.

«Viva el Roy Fernando!»—да здравствуетъ король Фердинандъ!—припѣвъ большей части испанскихъ патріотическихъ пѣсенъ. Въ нихъ, главнымъ образомъ, осуждается старый король Карлъ, королева и «князь мира». Я слышалъ ихъ много; напѣвъ нѣкоторыхъ изъ нихъ красивъ. «Князь мира» Годой, потомокъ древней, но захудавшей фамиліи, родился въ Бадахосѣ, на границѣ Португаліи, и сначала служилъ въ рядахъ испанской гвардіи; затѣмъ онъ обратилъ на себя вниманіе королевы и сдѣлался герцогомъ Алькудійскимъ и пр. и пр. Этого человѣка всѣ испанцы винятъ въ разореніи своей родины». (*Прим. Байрона*).

Мануэль де Годой (1767—1851) получилъ титулъ «Князя мира» (Principe de la Paz) въ 1795 г., послѣ Базельскаго договора, по которому болѣе половины острова Санъ-Доминго уступлено было Франціи. Время, когда онъ былъ первымъ министромъ и главнымъ начальникомъ королевской полиціи, было временемъ политическаго упадка Испаніи, и еще до начала войны общественное мнѣніе видѣло уже въ немъ виновника разоренія и униженія страны. Его карьера окончилась прежде, чѣмъ Байронъ началъ свое путешествіе. Во время возстанія въ Аранхуэсѣ, 17—19 марта 1808 г., когда Карлъ IV отрекся отъ престола въ пользу своего сына, Фердинанда VII, Годой былъ спасенъ отъ ярости народа только заключеніемъ въ тюрьму. Затѣмъ, въ маѣ, когда самъ Фердинандъ былъ уже увезенъ плѣнникомъ во Францію, Годой, по настоянію Мюрата, былъ освобожденъ, и ему приказано было сопровождать Карла въ Байонну и убѣждать своего бывшаго государя вторично отречься отъ престола въ пользу Наполеона. Остальное время своей долгой жизни онъ провелъ сначала въ Римѣ, а потомъ—въ Парижѣ, въ изгнаніи и нуждѣ. По словамъ историка пиренейской войны, Нэпира, ненависть къ Годою, который въ дѣйствительности былъ мягкимъ и добродушнымъ человѣкомъ, объясняется испанскою злобой и національными предразсудками. Его предательство было, по крайней мѣрѣ, настолько же результатомъ интригъ Фердинанда, насколько слѣдствіемъ его собственнаго честолюбія. Другое и, можетъ быть, болѣе вѣрное объясненіе народной ненависти къ Годою заключается въ его предполагаемомъ безбожіи и хорошо извѣстномъ

равнодушіи къ церковнымъ обрядамъ, на которое еще за много лѣтъ передъ тѣмъ обращено было вниманіе инквизиціи. Крестьяне проклинали Годоя, потому что попы радовались его паденію.

Стр. 33. Строфа XLIX.

Съ высотъ Сіерра-Морены путешественникамъ открывается видъ на «длинную равнину» Гвадалквивира и на горы Ронды и Гранады съ ихъ фортами, «прилѣпившимися повсюду точно орлиныя гнѣзда». Французы, подъ начальствомъ Дюпона, вступили въ горы Морены 2-го іюля 1808 г.; 7-го іюня они овладѣли мостомъ у Алколеи и заняли Кордову, но 19-го іюля были разбиты при Байленѣ и принуждены сдаться. Слѣды этихъ сраженій и видѣлъ Байронъ. «Драконово гнѣздо» — древняя цитадель Хаэнъ, охраняющая окраины Сіерры «какъ сторожевой церберъ». Она была взята французами, но снова отбита у нихъ испанцами въ началѣ іюля 1808 г.

Стр. 33. Строфа L.

Кого не встрѣтишь здѣсь съ кокардой красной.

«Красная кокарда съ вензелемъ Фердинанда VII». (*Прим. Байрона*).

Стр. 33. Строфа LI.

. . . *Глядя на ядеръ груду.*

Въ подлинникѣ не груда, а «пирамида».

«Кто видалъ батареи, тотъ помнитъ пирамиды, въ которыя складываются ядра и гранаты. Въ Сіеррѣ-Моренѣ были укрѣплены всѣ проходы, черезъ которые я проѣзжалъ по дорогѣ въ Севилью». (*Прим. Байрона*).

Стр. 35. Строфа LIII.

Погибнуть, чтобы славой громкихъ дѣлъ
Гордиться могъ тиранъ?

Съ теченіемъ времени взглядъ Байрона на Наполеона измѣнился; онъ колеблется между сочувственнымъ удивленіемъ и неохотнымъ порицаніемъ. Но въ ту пору, когда написана была эта строфа, поэтъ былъ увлеченъ героическимъ сопротивленіемъ Испаніи «новому Аларіху, презирающему весь міръ», и Байронъ выражался о Наполеонѣ тономъ Соути. Ср. ниже, пѣснь III, строфы XXXVI и XXXVII.

Стр. 36. Строфа LVI.

«Таковы были подвиги Сарагосской дѣвы, которая въ своей храбрости достигла высшаго героизма. Въ бытность автора въ Севильѣ она ежедневно прогуливалась на Прадо, украшенная медалями и орденами, пожалованными Хунтой». (*Прим. Байрона*).

Соути разсказываетъ (вѣроятно, по книгѣ Вогана «Осада Сарагоссы»), что «Августина Сарагосса (sic!), красивая женщина изъ низшаго класса, лѣтъ 22-хъ», маркитантка, зашла однажды съ припасами на батарею у воротъ Портелло. Артиллеристы всѣ были перебиты и такъ какъ граждане не рѣшились войти на батарею, то «Августина, пренебрегая опасностью, подскочила къ одному убитому, выхватила у него изъ рукъ фитиль и выстрѣлила изъ 26-фунтового орудія; затѣмъ, вскочивъ на пушку, дала торжественное обѣщаніе не разставаться съ нею во все время осады». Послѣ отступленія французовъ Августинѣ назначена была пенсія и суточныя деньги по артиллерійскому положенію. Ей дано было также право носить на рукавѣ особую нашивку съ словомъ «Сарагосса». Нэпиръ, «не вполнѣ довѣряя этимъ подвигамъ, но и не вполнѣ отрицая ихъ», замѣчаетъ, что «долгое время спустя Испанія еще кишѣла Сарагосскими героинями, одѣтыми въ полу-военное платье и театрально украшенными гербами».

Стр. 37. Строфа LVIII.

Амуръ оставилъ слѣдъ перстовъ небрежныхъ
На ямкахъ щекъ испанки молодой.

Примѣчаніе Байрона къ этому мѣсту:

Sigilla in mento impresso Amoris digitulo
Vestigio demonstrant mollitudinem. Aul. Gell.

Эти стихи находятся не у Авла Геллія, а у грамматика Попія Марцелла, который цитируетъ ихъ изъ М. Теренція Варрона. Въ подлинномъ текстѣ вмѣсто *sigilla* читается: *laculla*.

Стр. 37. Строфа LVIII.

Какъ дѣва сѣвера блѣднѣетъ передъ ней.

Въ письмѣ къ матери отъ 11 авг. 1809 г. Байронъ сравниваетъ «испанскій стиль» красоты съ англійскимъ, къ невыгодѣ для послѣдняго: «Длинные черные волосы; темные и томные глаза; свѣтло-оливковый цвѣтъ лица; формы, изящество которыхъ въ движеніи выше всего, что можетъ себѣ представить англичанинъ, привыкшій къ сонливымъ, небрежнымъ фигурамъ своихъ соотечественницъ,—все это въ соединеніи съ вполнѣ годходящимъ и въ то же время очень скромнымъ костюмомъ, дѣлаетъ красоту испанки неотразимою». Впрочемъ, въ *Донъ Жуанѣ* (п. XII, ст. LXXIV—LXXVII) сдѣлана оговорка въ пользу британскихъ красавицъ.

Стр. 37—38. Строфа LXI.LXII.

«Эти строфы написаны въ Кастри (Дельфосъ), у подножія Парнасса, который теперь зоветсяЛіакура». (*Прим. Байрона*).

Вершину Парнасса нельзя видѣть изъ Дельфъ или окрестностей этого города. Прежде, чѣмъ эта строфа была написана «у подножія Парнасса» (16-го декабря), Байронъ впервые увидѣлъ «облеченную въ снѣгъ» величественную гору на пути въ Востицу (на южномъ берегу Коринѳскаго залива), куда онъ прибылъ 5-го, а выѣхалъ оттуда 14-го декабря. «Эхо», прославленное въ древности (Юстинъ, Hist., кн. 24, гл. 6) производится Федріадами, или «блестящими вершинами» и крутыми скатами изъ краснаго и сѣраго известняка, при входѣ въ обращенную къ югу долину Плиста.

Стр. 38. Строфа LXI.

«Направляясь въ 1809 г. къ дельфійскому источнику (Кастри), я увидѣлъ двѣнадцать летящихъ орловъ (Гобгоузъ думалъ, что это были коршуны,—но крайней мѣрѣ онъ говоритъ такъ) и принялъ это за доброе предзнаменованіе. За день передъ тѣмъ я сочинилъ стихи къ Парнассу (въ *Чайльдъ-Гарольдѣ*) и, смотря на этихъ птицъ, надѣялся, что Аполлонъ благосклонно приметъ мою жертву. И дѣйствительно, я пользовался репутаціей и славой поэта въ поэтическій періодъ жизни (отъ 20 до 30 лѣтъ). Останется ли за мной эта слава,—это другое дѣло; но я былъ почитателемъ божества и священнаго мѣста, и благодаренъ ему за то, что имъ для меня сдѣлано, предавая будущее въ его руки, какъ предалъ прошедшее». (*Байронъ, Дневникъ 1821*).

Стр. 38. Строфа LXV, ст. 1 и 2.

. . . *древностью и силой.*

Севилья у римлянъ называлась Гиспалисомъ. (*Прим. Байрона*).

Но Кадиксъ привлекательнѣе милый.

Въ первомъ своемъ письмѣ изъ Испаніи (къ Ф. Годжсону, 6-го авг. 1809) Байронъ восклицаетъ: «Кадиксъ, милый Кадиксъ! Это — первое мѣсто въ мірѣ. Красота его улицъ и домовъ

уступаетъ только любезности его жителей. При всемъ національномъ предубѣжденіи, я долженъ признать, что здѣшнія женщины по красотѣ настолько же выше англичанокъ, насколько испанцы ниже англичанъ во всѣхъ отношеніяхъ... Кадиксъ—настоящая Цитера». Ср. ниже письмо къ матери отъ 11-го авг. 1809.

Стр. 40. Строфа LXIX.

Байронъ, какъ онъ самъ намекаетъ въ предисловіи къ *Ч.-Гарольду*, первоначально имѣлъ намѣреніе ввести въ свою поэму нѣсколько «пріаптовъ» шутливаго или сатирическаго содержанія. Битти, Томсонъ, Аріосто были достаточными для него авторитетами въ этомъ отношеніи. Строфы о синтрской конвенціи и четыре заключительныя строфы I пѣсни, написанныя въ этомъ стилѣ, были исключены по настоянію Далласа, Мёррея или Джиффорда. Изъ одного письма къ Далласу (21-го авг. 1811) видно, что Байронъ почти уже рѣшился исключить «двѣ строфы въ шутовскомъ родѣ о лондонскомъ воскресеньѣ». Но онѣ были оставлены въ текстѣ, вѣроятно, потому, что въ нихъ нѣтъ личныхъ намековъ, — и, по выраженію Мура, «обезобразили» поэму.

Стр. 40. Строфа LXX.

. . . О днивы прежнихъ дней
Зачѣмъ здѣсь женъ и юношей такъ много?

«Это было написано въ Ѳивахъ, слѣдовательно — въ наилучшемъ мѣстѣ для такого вопроса и для отвѣта на него: не потому, что это — родина Пиндара, а потому, что это — столица Беотіи, гдѣ была предложена и разрѣшена первая загадка». (*Прим. Байрона*).

Байронъ пріѣхалъ въ Ѳивы 22 декабря 1809 г. «Первой загадкой» онъ называетъ, конечно, знаменитую загадку Сфинкса, — прототипъ беотійскаго остроумія.

Идетъ народъ, спѣша на праздникъ Рога.

Hone въ своей «Everyday Book» (1827) даетъ подробное описаніе существовавшаго въ Гай-Гэтѣ обычая «клятвы на рогахъ». «Рога укрѣпляются на палкѣ футовъ въ пять длиною, которая втыкается въ землю. Рядомъ становится человѣкъ, дающій клятву. Онъ долженъ снять шляпу», и пр. Самая клятва или, вѣрнѣе, небольшая часть ея, заключается въ слѣдующемъ: «Замѣтьте хорошенько, что я вамъ скажу, ибо это есть первое слово вашей присяги,—помните же это! Вы должны признавать меня (землевладѣльца) вашимъ названнымъ отцомъ, и пр... Вы не должны ѣсть чернаго хлѣба, когда можно достать бѣлаго, кромѣ того случая, когда вы больше любите черный. Вы не должны пить слабаго пива, если можно достать крѣпкаго,—кромѣ того случая, когда вы больше любите слабое. Вы не должны цѣловать служанку, если можете цѣловать барыню; а чтобы не терять удобнаго случая, лучше цѣловать обѣихъ», и пр. Говорятъ, эта шутовская присяга выдумана пастухами, посѣщавшими Gate House и пожелавшими завести тамъ трактиръ.

По поводу строфъ LXIX—LXX Томасъ Муръ говоритъ:

«Въ этомъ смѣшеніи легкаго стиля съ торжественнымъ выразилось намѣреніе поэта подражать Аріосту. Но гораздо легче съ изяществомъ подняться надъ уровнемъ обыденной рѣчи до блеска или пафоса, нежели прервать усвоенный торжественный тонъ быстрымъ переходомъ къ смѣшному или пошлому. Въ первомъ случаѣ переходъ производитъ впечатлѣніе смягчающее и возвышающее, между тѣмъ какъ во второмъ онъ, большею частью, непріятно поражаетъ,—можетъ быть, по той же самой причинѣ, въ силу которой проявленіе пафоса или высокаго чувства въ комедіи имѣетъ особую прелесть, между тѣмъ какъ вторженіе комическаго элемента въ трагедію, хотя и освященное у насъ обычаемъ и авторитетомъ, рѣдко не оскорбляетъ нашего чувства. Поэтъ и самъ убѣдился въ неудачѣ своей попытки, и въ дальнѣйшихъ пѣсняхъ Чайльдъ-Гарольда уже не повторялъ ея». (*Т. Муръ*).

Стр. 40—42. Строфы LXXII—LXXX.

Участники боя быковъ раздѣляются на три или четыре группы: *чуло* или пѣхотинцы, *бандерильеры* или метатели дротиковъ, конные *пикадоры* и, наконецъ, *матадоры* или *эспады*, которые убиваютъ быка. Каждый бой быковъ, продолжающійся минутъ 20, распадается на три отдѣленія или дѣйствія. Въ первомъ дѣйствіи *пикадоры* вызываютъ нападеніе быка, обыкновенно только защищаясь, но не атакуя его своими копьями (garrochas). Во второмъ дѣйствіи пѣшіе *чуло* размахиваютъ передъ глазами быка цвѣтными плащами или платками, стараясь отвлечь его ярость отъ пикадоровъ, если послѣднимъ приходится плохо. Въ то же самое время *бандерильеры* стараются воткнуть въ шею быка съ каждой стороны по нѣскольку завербованныхъ дротиковъ, украшенныхъ рѣзаными бумажками, а иногда снабженныхъ фейерверкомъ. Считается необходимымъ втыкать эти дротики непремѣнно съ обѣихъ сторонъ. Въ третьемъ и послѣднемъ дѣйствіи единственнымъ дѣйствующимъ лицомъ является матадоръ или эспада. Размахивая *мулетой* или краснымъ флагомъ, онъ вызываетъ нападеніе быка и, стоя прямо передъ нимъ, наноситъ ему шпагой смертельную рану подъ лѣвую лопатку.

Стр. 43. Строфа LXXX.

«Испанцы крайне мстительны. Въ Санта-Отелла я слышалъ, какъ молодой крестьянинъ грозился заколоть женщину (правда, — старуху, что смягчаетъ оскорбленіе), и когда я выразилъ по этому поводу удивленіе, мнѣ сказали, что тутъ нѣтъ ничего необыкновеннаго». (*Прим. Байрона*).

Строфа LXXXII.

Ср. *Пушкина*, «Евгеній Онѣгинъ», IV, 9:

Онъ въ первой юности своей
Былъ жертвой бурныхъ заблужденій
И необузданныхъ страстей.
Привычкой жизни избалованъ,
Однимъ на время очарованъ,
Разочарованный другимъ,
Желаньемъ медленно томимъ,
Томимъ и пѣтрепымъ успѣхомъ,
Внимая въ шумѣ и въ тиши
Рокотанье вѣчное души,
Зѣвоту подавляя смѣхомъ:
Вотъ какъ убилъ онъ восемь лѣтъ,
Утратя жизни лучшій цвѣтъ.

Стр 44. Строфа LXXXII.

Увѣренность — или, лучше сказать, страхъ Байрона, что онъ осужденъ на погибель, коренится въ усвоенномъ имъ съ дѣтства кальвинистскомъ вѣроученіи (ср. *Ч.-Гарольда*, пѣснь III, стр. LXX и п. IV, стр. XXXIV). Лэди Байронъ считала этотъ безотрадный взглядъ на жизнь основою характера своего мужа и причиною его странностей. Въ письмѣ къ Г. К. Робинсону отъ 5 марта 1855 г. она говоритъ: «Не только по случайнымъ выраженіямъ, но по всему строю чувствъ лорда Байрона я не могла не убѣдиться

къ томъ, что онъ вѣрилъ въ библейское вдохновеніе и раздѣлялъ самые мрачные догматы кальвинизма. Этому злополучному взгляду на отношенія созданія къ Создателю я всегда приписывала несчастія Байрона. Вмѣсто того, чтобы при каждой удачѣ чувствовать себя счастливѣе, онъ былъ убѣжденъ, что каждая удача обращается для него въ «проклятіе». Можетъ-ли человѣкъ, одержимый такими мыслями, вести жизнь, полную любви и служенія Богу и людямъ? Эти идеи и должны были до извѣстной степени осуществиться. «Хуже всего—то, что я въ это вѣрю», говорилъ онъ. И я, какъ всѣ, съ нимъ связанные, ничего не могла сдѣлать съ этой вѣрой въ предопредѣленіе».

Стр. 45. *Инесь.*

Эти стансы, которыми замѣнены первоначально написанные стансы «Къ дѣвушкѣ изъ Кадикса», (см. далѣе стр. 182) помѣчены 25 января 1810 г. Въ этотъ день Байронъ и Гобгоузъ посѣтили Мараоонъ. Стихи относятся, по всей вѣроятности, къ «аѳинской дѣвѣ» Терезѣ Макри, или къ какой-нибудь случайной возлюбленной, но не къ «Флоренсѣ» (г-жа Спенсеръ Смитъ), которой Байронъ незадолго передъ тѣмъ (16 января) «далъ отставку» въ стихотвореніяхъ «Волшебство исчезло» (см. дальше стр. 185). Недѣлю спустя (10 февр.) Гобгоузъ въ сопровожденіи албанца Василія и аѳинянина Димитрія уѣхалъ на Негропонтъ, а Байронъ былъ неожиданно чѣмъ-то задержанъ въ Аѳинахъ.

Стр. 45. *Куплетъ 6.*

Изгнанникъ, гдѣ бы ни былъ онъ
Отъ мукъ своихъ бѣжать не можетъ.

Ср. *Горація*, Оды, II, XVI, 19—20:

. . . Patriae quis exul
Se quoque fugit?

Стр. 46. Строфа LXXXV.

«Намекъ на поведеніе и смерть Солано, губернатора Кадикса, въ маѣ 1808 г.». (*Прим. Байрона*).

Маркизъ Солано, главнокомандующій войсками въ Кадиксѣ, былъ убитъ народомъ. Севильская «Верховная Хунта» приказала ему атаковать французскій флотъ, стоявшій на якорѣ у Кадикса, и англійскій адмиралъ Пёрисъ, по соглашенію съ генераломъ Спенсеромъ, предлагалъ ему свое содѣйствіе; но Солано не желалъ получать приказаній отъ «самовольно водворившейся власти» и опасался вовлечь свою родину въ войну съ державой, сила которой ему была извѣстна лучше, чѣмъ характеръ его соотечественниковъ» (*Нэпиръ*).

Кадиксъ былъ отнятъ у маврокъ Алонсо эль-Савіо, въ 1262 году. Въ январѣ—февралѣ 1810 г. онъ чуть не попалъ въ осаду. Въ 1812 г., 25 мая, Сультъ началъ «серьезную бомбардировку» города; но черезъ три мѣсяца, 24 августа, осада была снята.

Стр. 46. Строфа LXXXVI.

. . . *Что за тронъ*
Безъ короля имъ выпало на долю
Сражаться

Карлъ IV отрекся отъ престола 19 марта 1808 г., въ пользу своего сына, Фердинанда VII; въ слѣдующемъ же маѣ Карлъ снова отрекся отъ престола за себя лично, а Фердинандъ—за себя и своихъ наслѣдниковъ,—въ пользу Наполеона. Съ тѣхъ поръ Карлъ находился въ изгнаніи, а Фердинандъ,—въ плѣну въ Валансэ, и Испанія, съ точки зрѣнія Бурбонской династіи, оставалась «безъ короля» до тѣхъ поръ, пока Фердинандъ по политическимъ соображеніямъ, не былъ освобожденъ. Онъ воцарился снова 22 марта 1814 г.

Стр. 46. Строфа LXXXVI.

И будетъ драться онъ хотя-бы на ножахъ.

«Война до ножей!»—отвѣтъ Палафокса французскому генералу при осадѣ Сарагоссы». (*Прим. Байрона*).

Во время первой осады Сарагоссы, въ августѣ 1808 г., маршалъ Лефевръ потребовалъ у Палафокса сдачи крѣпости. Отвѣтъ былъ: «Guerra al cuchillo!» (Война до ножей!). Позднѣе, въ декабрѣ того же года, когда Монсэ снова потребовалъ сдачи, Палафоксъ обратился къ жителямъ Мадрида съ прокламаціей, въ которой говорилъ, что осаждающія его собаки не даютъ ему времени вычистить мечъ отъ ихъ крови, но все же найдутъ себѣ въ Сарагоссѣ могилу. Соути замѣчаетъ, что прокламаціи Палафокса сочинялись въ приподнятомъ тонѣ, отчасти подъ вліяніемъ испанскихъ народныхъ романсовъ, и отвѣчали характеру тѣхъ, къ кому онъ обращался. Съ своей стороны, Нэпиръ объясняетъ снятіе осады дурной дисциплиной французовъ и системой террора, усвоенной испанскими вождями. Вдохновителями прокламацій о «войнѣ до ножей» были, по его словамъ, Хорье Ибортъ и Тіо Мурина, а вовсе не Палафоксъ, который ничего не смыслилъ въ военномъ дѣлѣ и въ большинствѣ случаевъ заботился прежде всего о собственной безопасности.

Въ первоначальной редакціи первая пѣснь «Чайльдъ-Гарольда» послѣ LXXXVI строфы заканчивалась слѣдующими 4 строфами и примѣчаніями къ нимъ Байрона.

I.

«А если вы хотите побольше узнать объ Испаніи и испанцахъ, объ испанскихъ видахъ, святыхъ, древностяхъ, искусствѣ, разныхъ происшествіяхъ и войнѣ, то отправьтесь на Paternoster Row (лондонская ул., гдѣ много книжныхъ магазиновъ): развѣ все это не описано въ книгѣ Карра, рыцаря Зеленаго Эрина (Ирландіи) и блуждающей Звѣзды Европы? Внимайте, читатели, мужу черпилъ, прислушайтесь къ тому, что онъ въ дальнихъ краяхъ сотворилъ, видѣлъ и написалъ. Все это втиснуто въ одинъ томъ in quarto. Одолжите эту книгу, украдите ее—только не тратьтесь на покупку—и скажите намъ, что о ней думаете».

. . . . . .

«Порфирій говоритъ, что пророчества Даніила были написаны уже послѣ ихъ исполненія. Такая же участь предстоитъ здѣсь и мнѣ. Но въ данномъ случаѣ для пророчества не требуется особенной проницательности: все угадывается съ перваго взгляда». (*Прим. Байрона*).

«Я видѣлъ сэра Джона Карра въ Севильѣ и Кадиксѣ и, какъ свифтовскій циркульникъ, на колѣняхъ просилъ, чтобы онъ меня не описывалъ», говоритъ Байронъ въ письмѣ къ Годжсону отъ 6 августа 1809 г. Сэръ Джонъ *Карръ* (1771—1832) былъ назначенъ около 1807 г. ирландскимъ вице-королемъ. Онъ напечаталъ, въ началѣ XIX в., двѣ поэмы и одну драму, но особенную извѣстность пріобрѣлъ своими путеводителями, которые доставили ему значительныя выгоды и прозвище «странствующаго Карра». Въ біографіи Свифта разсказывается, что однажды, проѣздомъ черезъ Дёндалькъ, Свифтъ очень забавлялся болтовней одного циркульника и пригласилъ его къ себѣ обѣдать. Восхищенный столь неожиданною честью, циркульникъ одѣлся въ лучшее

свое платье и явился въ гостиницу; но, узнавъ, что пригласившая его духовная особа — Свифтъ, страшно поблѣднѣлъ, упалъ на колѣни и сталъ умолять «не пропечатывать» его: онъ — бѣдный цирюльникъ, обремененный семействомъ, и если его пропечатаютъ, то онъ лишится всей своей практики. Свифтъ посмѣялся надъ бѣднымъ малымъ, накормилъ его обѣдомъ и далъ слово его не «пропечатывать».

II.

«Съ очками на носу вы тамъ узнаете, сколько народу посадилъ Веллеслей на суда для перевозки въ Испанію. Много онъ посадилъ, точно хотѣлъ основать цѣлую колонію. О, какъ много войска переплыло улыбающееся море, чтобы никогда не вернуться. Узнаете вы также, сколько зданій въ такомъ-то и такомъ-то мѣстѣ, сколько миль отъ одного мѣста до другого, какія мощи въ какомъ соборѣ, гдѣ стоитъ Хиральда на своемъ гигантскомъ фундаментѣ».

«Я предполагаю, что маркизъ и мистеръ и Поль и сэръ А. въ это время уже возвратились, такъ же какъ и сбитый съ толку Фрэръ, поведеніе котораго обсуждалось въ палатѣ общинъ». (*Прим. Байрона*).

Внесенное въ палату общинъ 24 февраля 1809 г., предложеніе «разслѣдовать причины послѣдней кампаніи въ Испаніи» провалилось, но правительство отозвало Фрира, братанскаго посланника при Верховной Хунтѣ, и назначило маркиза Уэллесли чрезвычайнымъ посланникомъ въ Севилью. Уэллесли прибылъ въ Испанію въ началѣ августа, но дуэль между Персивалемъ и Каннингомъ, происшедшая 21 сентября, имѣла послѣдствіемъ перемѣну въ составѣ министерства, и Уэллесли, разсчитывая получить новое назначеніе, выѣхалъ изъ Кадикса 10 ноября 1809 г. Его преемникомъ въ должности посланника былъ его братъ, Генри Уэллесли, баронъ Коули. «Мистеръ», вѣроятно, означаетъ Генри Уэллесли, а «Поль»—Вильямъ Уэллесли Поль, впослѣдствіи графъ Морнингтонъ.

Фундаментъ Хиральды, башни севильскаго каѳедральнаго собора, представляетъ квадратъ въ 15 футовъ. На вершинѣ сквозной колокольни, вѣнчающей эту оригинальную мавританскую башню, поставлена «Хиральдильо», бронзовая статуя Вѣры. При высотѣ въ 14 футовъ, она вѣситъ 2.800 фунтовъ, но поворачивается свободно при малѣйшемъ вѣткѣ.

III.

«Тамъ можете вы прочитать (о Фебъ, спаси сэра-Джона, да не станутъ мои слова пророчествомъ) все, что было сказано, спѣто, потеряно или выиграно хвастливымъ Веллеслеемъ или злополучнымъ Фриромъ, тѣмъ самымъ, что написалъ половину «Бѣднаго Точильщика»—такъ то поэзія пролагаетъ путь къ почестямъ: кто не предпочтетъ обратиться къ такимъ дипломатамъ? Но довольно, муза, тебѣ нуженъ отдыхъ, предоставимъ посланникомъ парламенту, а арміямъ тлѣть въ гробу».

«Нуждающійся точильщикъ» (Needy Knife Grinder) въ сборникѣ *Anti-Iacobin* — совмѣстное произведеніе Фрира и Каннинга.

IV.

«Но все-же слѣдуетъ здѣсь упомянуть о Лисѣ, которая изготовила для Хунты мудрые законы и научила ихъ обходить. Это былъ подходящій учитель, потому что его Сократовская душа не боялась никакой Ксантиппы. Судьба его благословила супругою, вскормленной у груди самой Добродѣтели; предъ нею изумленіе замолкаетъ въ тихомъ благоговѣніи. Она одинаково была вѣрна какъ первому, такъ и второму супругу и предъ такою непоколебимою репутаціею Сатира безсильна».

Генри Ричардъ Вассаль Фоксъ (по англійски Фох—лисица) второй лордъ Голландъ (1773—1840), сопровождалъ сэра Давида Барда въ Корунью, въ сентябрѣ 1808 г., и затѣмъ, совершивъ продолжительную поѣздку по Испаніи, возвратился только осенью 1809 г. Онъ убѣдилъ севильскую Хунту расширить свои функціи комитета народной обороны и предложилъ новую конституцію. Его жена, Елизавета Вассалъ, дочь богатаго ямайскаго плантатора, въ первомъ бракѣ была за сэромъ Годфри Уэбстеромъ, развелась съ нимъ и черезъ три дня вышла за лорда Голланда, съ которымъ уже раньше была въ связи. Еще до развода она родила сына, Чарльза Ричарда Фокса, котораго лордъ Голландъ призналъ своимъ.

Стр. 40—46. Строфы LXXXVIII — XCIII, въ которыхъ Байронъ вспоминаетъ о сраженіяхъ при Барросѣ (5 марта 1811 г.) и Альбуэрѣ (16 мая 1811 г.) и о смерти своего школьнаго товарища Унигфильда (14 мая 1811 г.), были написаны въ Ньюстидѣ, въ августѣ 1811 г., взамѣнъ четырехъ выпущенныхъ строфъ (см. выше).

Стр. 46. Строфа LXXXIX.

Ты муки, что узнали дѣти Квиты.

Франсиско Пизарро (1480—1541) съ своими братьями Эрнандо, Хуаномъ Гонзало и Мартиномъ де-Алькантара, вернувшись въ Испанію, снова отплылъ въ Панаму въ 1530 г. Идя къ югу отъ Панамы, онъ взялъ островъ Пуну, принадлежавшій къ провинціи Ки(пи)то. Въ 1532 г., близъ города Кахамарки, въ Перу, онъ разбилъ и вѣроломически захватилъ въ плѣнъ короля Кито. Атуахальпу, младшаго брата послѣдняго инки Хуаскара. Слабость Испаніи во время наполеоновскихъ войнъ послужила для ея колоніи благопріятнымъ поводомъ къ возстанію. Въ августѣ 1810 г. вспыхнула революція въ Кито, столицѣ Экуадора, въ томъ же году Мексика и Ла-Плата начали свою борьбу за независимость.

Стр. 47. Строфа XC.

Когда-жъ, средь мира, дерево свободы
Появится въ краю, что воли не зналъ.

Во время американской войны за независимость (1775—83) и позднѣе, во время французской революціи, возникъ обычай сажать деревья какъ «символы растущей свободы». Во Франціи эти деревья украшались «шапками свободы» (фригійскими колпаками). Въ Испаніи такихъ деревьевъ никогда не сажали.

Стр. 47. Строфа XCI.

Погибъ и ты, мой другъ.

«Джонъ Унигфильдъ, офицеръ гвардіи, умершій отъ лихорадки въ Коимбрѣ (14 мая 1811 г.). Я зналъ его десять лѣтъ, въ лучшую пору моей жизни и въ наиболѣе счастливое для меня время. Въ короткій промежутокъ одного только мѣсяца я лишился той, которая дала мнѣ жизнь, и большинства людей, которые дѣлали эту жизнь сносною. Для меня—не вымыселъ эти стихи [illegible]

О, старецъ ненасытный! Иль мало одной тебѣ жертвы?
Трижды пустилъ ты стрѣлу—и трижды убилъ мою радость
Прежде, чѣмъ трижды луна свой рогъ наполнить успѣла!
(*Ночи*; жалоба; ночь I).

«Мнѣ слѣдовало бы также посвятить хоть одинъ стихъ памяти покойнаго Чарльза Скиннера Мэтьюза, члена Даунинъ-Колледжа, если бы этотъ человѣкъ не стоялъ гораздо выше всякихъ моихъ похвалъ. Его умственныя силы, обнаружившіяся въ полученіи высшихъ отличій въ ряду наиболѣе способныхъ кандидатовъ Кембриджа, достаточно упрочили его репутацію въ томъ кругу, въ которомъ она была пріобрѣтена; а его пріятныя личныя качества живутъ въ памяти друзей, которые такъ его любили, что не могли завидовать его превосходству». (*Прим. Байрона*).

Уингфильду Байронъ посвятилъ нѣсколько строкъ въ одномъ изъ своихъ школьныхъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: «Дѣтскія воспоминанія». Мэтьюзъ, самый любимый изъ школьныхъ друзей поэта, утонулъ, купаясь въ рѣкѣ, 2 августа 1811 г. Слѣдующія строки изъ письма Байрона изъ Ньюстэда къ своему другу Скропу Дэвпсу, написанныя непосредственно вслѣдъ за этимъ событіемъ, отражаютъ въ себѣ сильное впечатлѣніе утраты:

«Милѣйшій Дэвпсъ, какое-то проклятіе тяготѣетъ надо мной и надъ близкими ко мнѣ людьми. Въ моемъ домѣ лежитъ мертвое тѣло моей матери; одинъ изъ лучшихъ моихъ друзей утонулъ въ канавѣ. Что мнѣ говорить, что думать, что дѣлать? Третьяго дня я получилъ отъ него письмо. Дорогой Скропъ, если можешь урвать минутку, пріѣзжай ко мнѣ: мнѣ нуженъ другъ. Послѣднее письмо Мэтьюза написано въ пятницу,—а въ субботу его уже не стало. Кто могъ равняться съ Мэтьюзомъ по способностямъ? Какъ всѣ мы ему уступали! Правду ты говорилъ, что мнѣ слѣдовало рисковать моимъ жалкимъ существованіемъ ради сохраненія его жизни. Сегодня вечеромъ я собирался написать ему, пригласить его къ себѣ, какъ приглашаю тебя, любезный другъ. Какъ чувствуетъ себя нашъ бѣдный Гоббоузъ? Его письма наполнены только Мэтьюзомъ. Пріѣзжай же ко мнѣ, Скропъ,—я почти въ отчаяніи, вѣдь я остался почти одинъ на свѣтѣ!» (7 августа).

Примѣчаніе Байрона къ строфѣ XCI вызвало возраженіе со стороны Далласа: «Меня поразило», писалъ онъ, «что похвала Мэтьюзу сдѣлана *отчасти* на счетъ Уингфильда и другихъ, о комъ вы вспоминали. Мнѣ казалось бы совершенно достаточнымъ сказать, что его умственныя силы и способности были выше всякой похвалы, не подчеркивая того, что онѣ были выше способностей Музы, громко восхваляющей остальныхъ». Байронъ отвѣчалъ (27 авг. 1811 г.): «Въ своемъ примѣчаніи о покойномъ Чарльзѣ Мэтьюзѣ я говорилъ такъ искренно и чувствую себя до такой степени неспособнымъ воздать должное его талантамъ, что это примѣчаніе должно быть сохранено въ силу тѣхъ самыхъ доводовъ, которые вы приводите противъ него. Въ сравненіи съ этимъ человѣкомъ всѣ люди, которыхъ я когда-либо зналъ, были пигмеями. Это былъ умственный гигантъ. Правда, Уингфильда я любилъ больше: это былъ самый старый и самый милый мой другъ, одинъ изъ немногихъ, въ любви къ которымъ никогда не раскаешься; но что касается способностей,—ахъ! Вы знали Мэтьюза!»

Въ другомъ письмѣ къ тому же лицу (7 сент. 1811 г.) Байронъ снова вспоминаетъ о своихъ умершихъ друзьяхъ: «Въ лицѣ Мэтьюза я лишился вождя, философа и друга; въ лицѣ Уингфильда только друга, но такого, которому я хотѣлъ бы предшествовать въ его послѣднемъ странствованіи. Мэтьюзъ былъ дѣйствительно необыкновенный человѣкъ... На немъ, что онъ говорилъ и дѣлалъ, лежала печать безсмертія...».

ПѢСНЬ II.

Закончена въ Смирнѣ 28 марта 1810.

Стр. 49. Строфа I.

. . . *Онъ разрушенъ*
Пожарами, войной

«Часть Акрополя была разрушена взрывомъ порохового склада во время осады Аѳинъ венеціанцами». (*Прим. Байрона*).

Венеціанцы, въ 1687 г., поставили на самомъ высокомъ мѣстѣ Ликаветта четыре мортиры и шесть пушекъ и начали бомбардировать Акрополь. Одна изъ бомбъ разрушила скульптурныя украшенія западнаго фасада Парѳенона. «Въ 1667 году»,—говоритъ Гоббоузъ,—«всѣ древности, отъ которыхъ тенелъ въ Акрополѣ не осталось и слѣда, находились еще въ достаточно сохранившемся видѣ. Въ ту пору этотъ огромный храмъ могъ еще быть названъ цѣлымъ. Ранѣе онъ былъ христіанскою церковью, а затѣмъ—прекраснѣйшей въ мірѣ мечетью. Въ настоящее время отъ него осталось только 29 дорическихъ колоннъ, изъ которыхъ пять уже лишены карнизовъ, и часть лѣвой стѣны. Колонны сѣвернаго фасада, кромѣ угловыхъ, всѣ разрушены. Остающаяся часть развалинъ не можетъ не вызывать даже у равнодушнаго зрителя чувства удивленія и уваженія; подобныя же чувства проявляются при видѣ огромнаго количества мраморныхъ обломковъ, разбросанныхъ на мѣстѣ храма. Эти обломки скоро будутъ единственными остатками храма Минервы».

Еще раньше венеціанской осады, въ 1656 г., часть Пропилеевъ была разрушена взрывомъ порохового склада отъ удара молніи. Въ 1684 г., когда Аѳинамъ грозилъ венеціанскій флотъ, турки снесли храмъ Побѣды и выстроили изъ этого матеріала бастіонъ.

Стр. 49. . . . *но хуже брани*
Пожаровъ и вѣковъ руки людей.

«Мы всѣ можемъ чувствовать или представить себѣ сожалѣніе при видѣ развалинъ городовъ, бывшихъ нѣкогда столицами царствъ; вызываемыя подобнымъ зрѣлищемъ размышленія слишкомъ общепзвѣстны и не нуждаются въ повтореніи. Но ничтожество человѣка и суетность наилучшихъ его добродѣтелей, каковы восторженная любовь къ родинѣ и мужество при ея защитѣ, никогда не обнаруживаются съ такою очевидностью, какъ при воспоминаніи о томъ, чѣмъ были Аѳины и что представляютъ онѣ теперь. Эта арена споровъ между могущественными партіями, борьбы ораторовъ, возвышенія и низложенія тирановъ, тріумфа и казни полководцевъ, сдѣлалась теперь мѣстомъ мелкихъ интригъ и постоянныхъ раздоровъ между спорящими агентами извѣстной части британской знати

и дворянства. «Шакалы, совы и змѣи въ развалинахъ Вавилона» навѣрное менѣе позорны, чѣмъ подобные обитатели. Для турокъ-завоевателей находится оправданіе въ ихъ деспотизмѣ, а греки были только жертвою военной неудачи, которая можетъ постигнуть даже самыхъ храбрыхъ; но насколько низко упали сильные люди, если двое живописцевъ оспариваютъ другъ у друга привилегію грабить Парѳенонъ и торжествуютъ поочередно, смотря по содержанію слѣдующихъ другъ за другомъ султанскихъ фирмановъ! Сулла могъ только наказать Аѳины, Филиппъ — завоевать ихъ, Ксерксъ — предать огню; а жалкимъ антикваріямъ и ихъ презрѣннымъ агентамъ суждено было сдѣлать Аѳины заслуживающими такого же презрѣнія, какъ они сами и ихъ исканія. Парѳенонъ до его разрушенія во время венеціанской осады былъ храмомъ, церковью, мечетью *). Въ каждой изъ этихъ стадій онъ былъ предметомъ уваженія; его поклонники мѣнялись, но онъ не переставалъ быть мѣстомъ поклоненія; онъ трижды былъ посвященъ божеству — и его осквернепіе есть тройное святотатство. Но—

. . . . гордый человѣкъ,
Облекшись незначительною властью,
Такъ начинаетъ вольничать предъ Небомъ,
Что ангелы готовы плакать.
Шекспиръ, Мѣра за мѣру, II, 2)».
(*Прим. Байрона*).

Стр. 50. Строфа III.

Въ рукописи находится слѣдующее примѣчаніе Байрона къ этой и пяти дальнѣйшимъ строфамъ, приготовленное для печати, но затѣмъ отброшенное — «изъ опасенія», говоритъ поэтъ, «какъ бы оно не показалось скорѣе нападеніемъ на религію, чѣмъ ея защитою».

«Въ нынѣшній святошескій вѣкъ, когда пуританинъ и священникъ помѣнялись мѣстами, и злополучному католику приходится нести на себѣ «грѣхи отцовъ» даже въ поколѣніяхъ, далеко выходящихъ за указанные Писаніемъ предѣлы, мнѣнія, высказанныя въ этихъ строфахъ, будутъ, конечно, встрѣчены презрительнымъ осужденіемъ. Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что эти мысли внушены грустнымъ, а не насмѣшливымъ скептицизмомъ; тотъ, кто видѣлъ, какъ греческія и мусульманскія суевѣрія борятся между собою за господство надъ прежними святилищами многобожія, — тотъ, кто наблюдалъ собственныхъ фарисеевъ, благодарящихъ Бога за то, что они не похожи на мытарей и грѣшниковъ, и фарисеевъ испанскихъ, которые ненавидятъ еретиковъ, приходящихъ къ нимъ на помощь въ нуждѣ, тотъ окажется въ довольно затруднительномъ положеніи и поневолѣ начнетъ думать, что такъ какъ правымъ можетъ быть только одинъ изъ нихъ, то, значитъ, большинство неправо. Что касается нравственности и вліянія религіи на человѣчество, то по всѣмъ историческимъ свидѣтельствамъ оказывается, что вліяніе это выразилось не столько усиленіемъ любви къ ближнему, сколько распространеніемъ сердечной христіанской ненависти къ сектантамъ и схизматикамъ. Турки и квакеры отличаются наибольшею терпимостью: если только «невѣрный» платитъ турку дань, — то онъ можетъ молиться, какъ, когда и гдѣ угодно; мягкія правила и благочестивое поведеніе квакеровъ дѣлаютъ ихъ жизнь лучшимъ комментаріемъ къ Нагорной Проповѣди».

Стр. 51. Строфа V.

На берегу пустынномъ онъ почилъ.

«Греки не всегда сожигали своихъ покойниковъ; въ частности старшій Аякъ былъ похороненъ въ неприкосновенномъ видѣ. Почти всѣ вожди послѣ своей смерти становились божествами, и тотъ изъ нихъ находился въ пренебреженіи, у могилы котораго не было ежегодныхъ игръ или празднествъ, устраиваемыхъ въ его честь его соотечественниками. Такія торжества бывали въ честь Ахилла, Бразида и др. и, наконецъ, даже въ честь Антиноя, смерть котораго была столь же славною, насколько его жизнь была недостойна героя». (*Прим. Байрона*).

Стр. 52. Строфа VIII. Первоначальная редакція ея рѣзче:

Угрюмый пасторъ! Не сердись, коль я
Не вижу жизни тамъ, гдѣ ты желаешь;
Мнѣ не смѣшна фантазія твоя;
Нѣтъ, ты скорѣе зависть мнѣ внушаешь:
Такъ смѣло новый міръ ты открываешь,
Блаженный островъ въ морѣ неземномъ;
Мечтай о томъ, чего ты самъ не знаешь;
О саддукействѣ *) споръ не поведемъ:
Любя свой рай, ты всѣхъ не хочешь видѣть
въ немъ.
(Переводъ *И. О. Морозова* для наст. изданія).

Строфа IX.

По мнѣнію Далласа, эта строфа написана была подъ впечатлѣніемъ полученнаго Байрономъ извѣстія о смерти его кембриджскаго друга Эддльстона. «Это былъ», говоритъ Байронъ, «въ теченіе *четырехъ* мѣсяцевъ *шестой* изъ числа друзей и родныхъ, утраченныхъ мною съ мая по конецъ августа». Однако же, въ письмѣ къ Далласу отъ 14 октября 1811 г., посылая эту строфу, Байронъ замѣтилъ: «Считаю умѣстнымъ сказать, что здѣсь заключается намекъ на одно событіе, случившееся послѣ моего пріѣзда сюда (въ Ньюстэдъ), а не на смерть одного изъ моихъ друзей *мужского* пола». При другомъ письмѣ къ тому же Далласу, отъ 31 октября 1811, поэтъ приложилъ «нѣсколько куплетовъ» (вѣроятно—стихотвореніе «Къ Тирзѣ»), помѣченныхъ 11-мъ октября, и прибавилъ, что «они касаются смерти одной особы, имя которой вамъ *чуждо*, а слѣдовательно и не можетъ быть интересно... Они относятся къ тому же лицу, о которомъ я упомянулъ во II пѣснѣ и въ заключеніе моей поэмы». Такимъ образомъ, по указанію самого Байрона, строфа IX находится въ связи съ XCV и XCVI, и всѣ эти строфы имѣютъ связь съ группою стихотвореній, посвященныхъ «Тирзѣ». Болѣе опредѣленныхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ въ литературѣ не имѣется.

Стр. 52. Строфа X.

. . . *Зевса храмъ*
Когда-то тутъ стоялъ въ сіяньи славы

«Храмъ Юпитера Олимпійскаго, отъ котораго осталось еще 16 колоннъ изъ цѣльнаго мрамора. Первоначально этихъ колоннъ было 150. Впрочемъ, нѣкоторые предполагаютъ, что онѣ принадлежали Пантеону». (*Прим. Байрона*).

*) Парѳенонъ былъ обращенъ въ церковь въ VI столѣтіи Юстиніаномъ и посвященъ Премудрости Божіей. Около 1460 г. церковь обращена была въ мечеть. Послѣ осады 1687 г. турки построили въ прежней оградѣ мечеть меньшаго размѣра.

*) «Саддукеи не вѣрили въ Воскресенье». (*Прим. Байрона*).

ДРУГЪ БАЙРОНА И СПУТНИКЪ ЕГО ВЪ ПУТЕШЕСТВІИ ПО ВОСТОКУ ДЖОНЪ ГОБГАУЗЪ, ПОЗДНѢЕ ЛОРДЪ БРОУТОНЪ ДЕ ДЖИФОРДЪ.
(John Cam Hobhouse, afterwards Lord Broughton de Gyfford).

Олимпіэйонъ или храмъ Зевса Олимпійскаго, на юго-восточной сторонѣ Акрополя, на высотѣ около 500 ярдовъ отъ подошвы утеса, на которомъ онъ стоялъ, былъ начатъ Пизистратомъ, а законченъ семьсотъ лѣтъ спустя императоромъ Адріаномъ. Это былъ одинъ изъ трехъ или четырехъ величайшихъ храмовъ древняго міра. Самый храмъ былъ украшенъ съ боковыхъ сторонъ двумя рядами колоннъ, по 20 въ каждомъ, а спереди и сзади—тремя рядами по 8 колоннъ, такъ что общее число колоннъ составляло 104; въ 1810 г. оставалось только 16 «высокихъ коринѳскихъ колоннъ».

Стр. 52. Строфы XI—XIV направлены противъ шотландскаго лорда Эльджина (1761—1841), собирателя древностей увезшаго пареѳенонскіе и другіе мраморы въ Англію. Объ Эльджинѣ см. въ III т. «Проклятіе Минервы», гдѣ нападки на Эльджина еще прострѣе.

Увы, обломки храма съ грустью скрытой,
Бушуя, волны въ даль съ собою унесли.

«Корабль потерпѣлъ крушеніе въ Архипелагѣ». (*Прим. Байрона*).

Корабль «Ментеръ», напятый Эльджиномъ для доставки въ Англію груза, состоявшаго изъ двѣнадцати ящиковъ съ древностями, разбился у острова Чериго, въ 1803 году. Секретарь Эльджина, Гамильтонъ, съ большими усиліями спасъ 4 ящика; остальные были отысканы только въ 1805 году.

Стр. 53. Строфа XII.

Разрушилъ то, что годы сберегали,
Что вандалы и турки пощадили.

«Въ настоящую минуту (3 января 1810), кромѣ того, что уже доставлено въ Лондонъ, въ Пиреѣ стоитъ идріотскій корабль, на который грузятся всякія древности, поддающіяся перевозкѣ. Такимъ образомъ, какъ говорилъ при мнѣ одинъ молодой грекъ съ нѣсколькими другими своими соотечественниками (какъ ни низко они пали,—все-таки они еще могутъ это чувствовать), лордъ Эльджинъ можетъ хвалиться, что онъ разрушилъ Аѳины. Агентомъ этого опустошенія служитъ одинъ итальянскій живописецъ съ выдающимся дарованіемъ, по имени Лузіери [1]; подобно греческимъ *ищейкамъ* [2]) Верреса въ Сициліи, занимавшимся тою же профессіею, онъ оказался очень способнымъ орудіемъ грабежа. Между этимъ-то художникомъ и французскимъ консу-

[1]) Донъ Баттиста Лузіери, болѣе извѣстный подъ именемъ «Донъ Тита», родомъ изъ Неаполя. въ 1799 г. сопровождалъ Гамильтона въ Константинополь и оттуда переселился въ Аѳины.

[2]) Mirandum in modum (canes venaticos diceres) ita odorabantur omnia et pervestigabant, ut ubi quidque esset, aliqua ratione invenirent (Cicero in Verrem act. II, lib. IV. 13). У Верреса было двѣ *ищейки*: скульпторъ восковыхъ произведеній Тлеполемъ и живописецъ Гіеронъ.

ломъ Фовелемъ желающимъ отнять у него древности для своего правительства, идетъ теперь жестокій споръ изъ-за телѣги, которою они пользовались для своихъ перевозокъ. Одно колесо этой телѣги (я желалъ бы, чтобы они оба сломали себѣ на ней шею!) было заперто консуломъ, и Лузіери подалъ жалобу воеводѣ. Лордъ Эльджинъ очень удачно выбралъ себѣ въ помощники синьора Лузіери. Проживъ въ Аѳинахъ цѣлыхъ десять лѣтъ, онъ ни разу не полюбопытствовалъ проѣхать хоть бы до Сунніума (теперь—мысъ Колонна), пока ему не пришлось сопровождать насъ во второй нашей экскурсіи [1]).

Впрочемъ, его произведенія всѣ очень красивы, но почти всѣ не закончены. Пока они и

[1]) Во всей Аттикѣ, за исключеніемъ только Аѳинъ и Марѳона, нѣтъ мѣстности болѣе интересной, чѣмъ мысъ Колонна. Для антикварія и художника здѣсь есть 16 колоннъ, дающихъ неистощимый матеріалъ для изученія и рисованія; для философа не можетъ не представлять интереса предполагаемое мѣсто дѣйствія нѣкоторыхъ діалоговъ Платона; путешественникъ будетъ очарованъ видомъ «острововъ, вѣнчающихъ Эгейскую пучину»; а для англичанина Колонна имѣетъ еще особый интересъ, какъ мѣсто крушенія Фоукнера *). Паллада и Платонъ забываются при воспоминаніи о Фоукнерѣ и Кэмблѣ:

Во мракѣ ночи здѣсь, близъ Лонны береговъ,
Вопль моряка звучалъ средь грохота валовъ.

Храмъ Минервы виденъ съ моря на большомъ разстояніи. Во время моихъ двухъ путешествій и одной спеціальной поѣздки на мысъ Колонну, видъ съ суши былъ менѣе поразителенъ, чѣмъ съ моря, отъ острововъ. Во вторую нашу сухопутную экскурсію мы едва спаслись отъ шайки майнотовъ, укрывающихся въ пещерахъ подъ утесомъ. Впослѣдствіи одинъ изъ захваченныхъ ими и выкупленныхъ на свободу людей разсказывалъ, что они побоялись напасть на насъ, увидя моихъ двухъ албанцевъ; они очень предусмотрительно, но совершенно невѣрно предположили, что насъ охраняетъ цѣлая гвардія этихъ арнаутовъ, и остались спокойно въ своей засадѣ. Такимъ образомъ и спасена была наша компанія, которая при своей незначительности, конечно, не могла бы оказать имъ сколько-нибудь дѣйствительнаго сопротивленія. Колонна привлекаетъ не только пиратовъ, но также и живописцевъ;

Артистъ наемный тамъ палитру выставляетъ
И одичалую природу украшаетъ.
(См. *Годжсона*, Лэди Дженъ Грей и пр.).

Впрочемъ, тамъ природа, съ помощью искусства, сама себя украсила. Мнѣ посчастливилось найти выдающагося живописца нѣмца, и я надѣюсь возобновить свое знакомство съ этимъ и многими другими восточными пейзажами, когда мнѣ будутъ доставлены его произведенія. (*Примѣчаніе Байрона къ своему-же примѣчанію*).

*) Вильямъ Фоукнеръ (1732—1769), подштурманъ одного левантинскаго торговаго судна, потерпѣлъ крушеніе между Александріей и Венеціей. Изъ всего экипажа спаслось только три человѣка. Въ 1762 г. онъ издалъ свою поэму: «Кораблекрушеніе», посвятивъ ее герцогу Іоркскому, при содѣйствіи котораго онъ былъ принятъ на службу въ англійскій флотъ.

его покровители довольствуются пробою медалей, оцѣпкою камней, зарисовываніемъ колоннъ и сбиваніемъ цѣны на геммы, — ихъ мелкія пелённости настолько же безобидны, какъ охота на пасѣкомыхъ или на лисицъ, первыя рѣчи новыхъ членовъ парламента, катанье въ кабріолетѣ и другое тому подобное препровожденіе времени; но когда они увозятъ три или четыре корабля, нагруженныхъ наиболѣе цѣнными и массивными остатками древности, которыхъ время и варварство еще не отняли у самаго обиженнаго и самаго главнаго изъ городовъ; когда они, въ тщетныхъ попыткахъ вырыть, разрушаютъ произведенія искусства, вызывавшія удивленіе вѣковъ,—тогда я не могу найти ни резона, которымъ можно было бы оправдать, ни имени, которымъ слѣдовало бы назвать виновныхъ этого подлаго опустошенія. Одно изъ немаловажныхъ преступленій, въ которыхъ обвинялся Верресъ, состояло въ томъ, что онъ грабилъ Сицилію такимъ же способомъ, которому теперь подражаютъ въ Аѳинахъ. Самое безстыдное нахальство едва ли можетъ идти далѣе начертанія на стѣнахъ Акрополя имени его грабителя; безпутное и ненужное обезображеніе цѣлаго ряда барельефовъ въ одномъ изъ отдѣленій храма заставитъ посѣтителей произносить это имя не иначе, какъ съ омерзѣніемъ.

Въ данномъ случаѣ я говорю безпристрастно: вѣдь я не коллекціонеръ и не поклонникъ коллекцій, а слѣдовательно — и не соперникъ; но у меня съ давнихъ поръ есть извѣстное предрасположеніе въ пользу Греціи, и я не думаю, чтобы честь Англіи выигрывала отъ грабежа—въ Индіи ли, или въ Аттикѣ.

Другой благородный лордъ (Эбердинъ) сдѣлалъ лучше, потому что онъ сдѣлалъ меньше; но нѣкоторые, болѣе или менѣе благородные, хотя все «почтенные люди», поступили наилучшимъ образомъ, потому что послѣ цѣлаго ряда раскопокъ и перебранокъ, жалобъ къ воеводѣ, разныхъ минъ и контръ-минъ, они ровно ничего не сдѣлали. У насъ было такое черниллопролитіе и винопролитіе, что чуть не кончилось кровопролитіемъ [1]). Одинъ «дерзкій человѣкъ» лорда Эльджина—для опредѣленія «дерзости» смотри Джонатана Уайльда [2])—поссорился съ другимъ по имени Гропіусомъ (очень хорошее имя для человѣка его профессіи!) [3]) и, отвѣчая

[1]) «Во время нашего пребыванія въ этихъ мѣстахъ, къ сожалѣнію, возгорѣлась болѣе нежели междоусобная война изъ-за разысканій лорда Эльджина въ Греціи. Въ эти споры вмѣшалась вся французская колонія и наиболѣе видные изъ грековъ. Снова ожили аѳинскія партіи». (*Гобгоузъ*, Путешествіе по Албаніи и пр.).

[2]) Этимъ словомъ на вѣжливомъ языкѣ англійскаго canl'а называется воровство.

[3]) Этотъ г. Гропіусъ употреблялся благороднымъ лордомъ единственно для срисовыванія древностей, въ чемъ онъ большой мастеръ; къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что онъ, злоупотребляя своимъ весьма почтеннымъ именемъ *),

*) Байронъ сближаетъ имя Гропіуса съ глаголомъ to grope—ощупывать, разыскивать. Шатобріанъ, въ своемъ Путешествіи на Востокъ, замѣчаетъ, что Байронъ «несправедливо осудилъ Гропіуса въ своихъ язвительныхъ замѣткахъ объ Аѳинахъ». Карлъ-Вильгельмъ Гропіусъ, изъ Браушвейга, род. въ 1793 г., путешествовалъ

устно на записку бѣднаго пруссака, запкнулся объ удовлетвореніи. Это произошло за столомъ у Гропіуса, который засмѣялся, но не въ состояніи былъ докончить свой обѣдъ. Соперники еще не помирились, когда я уѣхалъ изъ Греціи. Я имѣю право вспомнить объ этой ссорѣ, потому что они хотѣли выбрать меня третейскимъ судьею». (*примѣч. Байрона*).

Строфа XII, ст. 1—3.

Въ подлинникѣ не «вандалы», а готы:

But most the modern Piet's ignoble boast
To rive what Goth, and Turk, und Time has spared.

Спутникъ Байрона - Гобгоузъ сообщаетъ:

«На оштукатуренной стѣнѣ капеллы Пандроса, примыкающей къ Эрехтейону, были глубоко вырѣзаны слѣдующія слова:

Quod non fecerunt Gothi
Hoc fecerunt Scoti.

Шотландцы также находились среди волонтеровъ, которые вмѣстѣ съ ганноверскими наемниками участвовали въ венеціанскомъ нашествіи на Грецію въ 1686 году.

Строфа XII.

«Не могу не воспользоваться позволеніемъ моего друга д-ра Кларка, имя котораго не нуждается въ рекомендаціи и авторитетъ котораго сдѣлаетъ мое свидѣтельство въ десять разъ болѣе вѣскимъ: приведу изъ его весьма любезнаго письма ко мнѣ слѣдующій отрывокъ, могущій служить объясненіемъ этихъ строкъ: «Когда послѣдняя метопа взята была изъ Партенона и когда, снимая ее, рабочіе лорда Эльджина разбили большую часть верхняго строенія съ однимъ изъ триглифовъ, тогда диздаръ, увидѣвъ разрушеніе зданія, вынулъ изо рта трубку, залился слезами, и жалобнымъ голосомъ сказалъ Лузіери: Τέλος! (конецъ!). Я самъ при этомъ былъ». Этотъ диздаръ былъ отцомъ нынѣшняго диздара. (*Прим. Байрона*).

пошелъ, на скромномъ разстояніи, по слѣдамъ синьора Лузіери. Корабль съ его трофеями былъ задержанъ и, кажется, конфискованъ, въ Константинополѣ, въ 1810 году. Я очень радъ, что теперь имѣю возможность сказать, что «это не входило въ его обязанности», что его пригласили работать только въ качествѣ живописца и что его благородный патронъ отрицаетъ всякія съ нимъ сношенія, кромѣ артистическихъ. Если допущенная въ первомъ и второмъ изданіяхъ этой поэмы ошибка причинила благородному лорду минутную досаду, то я объ этомъ очень сожалѣю: г. Гропіусъ уже много лѣтъ именовался его агентомъ, и хотя я не могу видѣть за собой большой вины, такъ какъ я впалъ въ ошибку, весьма многими раздѣляемую, но радуюсь, что мнѣ одному изъ первыхъ удалось отъ нея отказаться. Поистинѣ, мнѣ настолько же пріятно опровергнуть это извѣстіе, насколько грустно было подтверждать его. (*Прим. Байрона при 3 изданіи «Чайльдъ-Горольда»*).

по Италіи и Греціи, написалъ много пейзажей и архитектурныхъ эскизовъ и въ 1827 г. поселился въ Берлинѣ, гдѣ открылъ діораму съ выставкой картинъ. Умеръ въ 1870 г. Въ 1812 г., когда Байронъ писалъ свое примѣчаніе къ 3-му изданію «Чайльдъ-Гарольда», Гропіусъ былъ еще очень молодъ и едва ли могъ «много лѣтъ» быть агентомъ лорда Эльджина.

«Диздаръ»—смотритель замка или форта. Это происшествіе подробнѣе разсказано Кларкомъ въ его «Путешествіяхъ по разнымъ странамъ Европы, Азіи и Африки» (1810—14, ч. II, стр. 483).

Стр. 53. Строфа XIV, ст. 1—3.

«По слонамъ Зосимы, Минерва и Ахиллъ отогнали Аларіха отъ Акрополя; другіе же писатели говорятъ, что готскій король велъ себя здѣсь такъ же злопамѣренно, какъ и шотландскій лордъ. Смотри Чэндлера». (*Прим. Байрона*).

Зосима—византійскій историкъ. Въ дѣйствительности, вестготскій король Аларихъ въ 395 г. занялъ Аѳины безъ сопротивленія и вывезъ изъ города всѣ движимыя сокровища, но не разрушалъ ни зданій, ни произведеній искусства.

Стр. 54. Строфа XV.

Аѳиняне вѣрили, или притворялись, что вѣрятъ, будто мраморныя статуи кричали отъ стыда и тоски, когда ихъ выносили изъ древнихъ святилищъ.

Строфа XVIII.

Здѣсь спитъ видна

Собственно навѣсъ (Сапору).

«Чтобы камни и осколки не падали во время боя на палубу». (*Прим. Байрона*).

Строфа XX.

Отставшую флотилію поджидалъ.

«Еще добавочное «бѣдствіе человѣческой жизни»—лежать въ дрейфѣ при заходѣ солнца, въ ожиданіи, пока самое заднее судно станетъ самымъ переднимъ. Замѣтьте: хорошій фрегатъ и хорошій вѣтеръ, который, можетъ быть, къ утру перемѣнится, но пока достаточенъ для десяти узловъ!» (*Прим. Байрона въ рукописи*).

Стр. 57. Строфа XXVII.

Однимъ изъ любимыхъ удовольствій Байрона было, какъ онъ самъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ дневниковъ, — выкупавшись гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ, сѣсть на высокомъ утесѣ надъ моремъ и по цѣлымъ часамъ смотрѣть на небо и на волны. «Въ жизни, какъ и въ своихъ пѣснях, онъ былъ истиннымъ поэтомъ», говоритъ сэръ Эджертонъ Бриджесъ. «Онъ могъ спать, и—очень часто спалъ, завернувшись въ свой грубый сѣрый плащъ, на жесткой палубной скамьѣ, когда кругомъ со всѣхъ сторонъ шумѣлъ вѣтеръ и вздымались волны; онъ могъ поддерживать свое существованіе коркой хлѣба и кружкой воды»...

Можно принять за вѣрное, что Байронъ описываетъ только то, что самъ видѣлъ. Однако ни въ его собственныхъ письмахъ съ Востока, ни въ запискахъ Гобгоуза мы не находимъ упоминанія о посѣщеніи имъ Аѳона. Эта гора «гигантской высоты» (6350 футовъ) въ одинокомъ величіи поднимается надъ моремъ въ видѣ бѣлаго известковаго конуса. Если смотрѣть съ извѣстнаго разстоянія, то Аѳонскій полуостровъ (южная часть котораго достигаетъ 2000 футовъ высоты) будетъ ниже горизонта, такъ что Аѳонъ кажется выходящимъ прямо изъ моря. Байронъ, по всей вѣроятности, такъ его и видѣлъ.

Строфа XXIX.

Здѣсь острова Калипсо, тѣмъ взгляды

«Говорятъ, островомъ Калипсо была Гоза». (*Прим. Байрона*).

Страбонъ говоритъ, что Аполлодоръ упрекалъ поэта Каллимаха за то, что тотъ оспариваетъ мнѣніе, будто островъ Гоудусъ (Гозо) былъ Огигіей, островомъ Калипсо, хотя, какъ ученый, и долженъ былъ бы это знать.

Строфа XXIX, ст. послѣдній.

Она отъ двухъ утратъ лила не мало слезъ.

«Мудрый Ментор, толкнувъ Телемака, сидѣвшаго на краю утеса, сбросилъ его въ море и самъ бросился вмѣстѣ съ нимъ... Неутѣшная Калипсо возвратилась въ свою пещеру и наполнила ее своими стенаніями». (*Фенелонъ*, «Телемакъ»).

Стр. 58. Строфа XXX.

О, Флоренса!..

«Новая Калипсо Байрона, г-жа Спенсеръ Смитъ (род. ок. 1785 г.), дочь барона Герберта, австрійскаго посла въ Константинополѣ и вдова Спенсера Смита, англійскаго резидента въ Штутгартѣ. Въ 1805 г. она жила, для поправленія здоровья, на морскихъ купаньяхъ въ Вальдаріо, близъ Виченцы; когда въ сѣверной Италіи появились наполеоновскія войска, она вмѣстѣ съ своей сестрой, графиней Аттомсъ, уѣхала въ Венецію. Въ 1806 г. генералъ Лористонъ овладѣлъ этимъ городомъ, и вскорѣ затѣмъ г-жа Смитъ была арестована и въ сопровожденіи жандармовъ отвезена на итальянскую границу, откуда ее хотѣли сослать въ Валансьенъ. Объ этомъ случайно узналъ одинъ сицилійскій дворянинъ, маркизъ де-Сальво, на котораго красота плѣнницы произвела сильное впечатлѣніе. Онъ рѣшился ее освободить. Съ его помощью и вмѣстѣ съ нимъ она бѣжала изъ Брешіи; послѣ разныхъ приключеній, бѣглецы благополучно прибыли въ Градъ, гдѣ жила другая сестра г-жи Смитъ, графиня Страссольдо.

Исторія этого бѣгства подробно разсказана маркизомъ де-Сальво и герцогиней д'Абрантесъ. Байронъ познакомился съ Смитъ на Мальтѣ и черезъ нее послалъ своей матери, 15 сентября 1809 г., письмо, въ которомъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности объ этой «весьма необыкновенной женщинѣ»: «ея жизнь съ самаго начала такъ богата замѣчательными событіями, что въ любомъ романѣ они показались бы невѣроятными... Она никогда не знала препятствій... возбудила ненависть Бонапарта участіемъ въ какомъ-то заговорѣ; много разъ подвергала свою жизнь опасности, а ей нѣтъ еще и 25 лѣтъ... Со времени моего прибытія сюда я почти всегда находился въ ея обществѣ. Я нашелъ въ ней женщину очень красивую, очень воспитанную и крайне эксцентричную...».

Кромѣ XXX — XXXII строфъ II пѣсни: «Чайльдъ-Гарольда», Байронъ посвятилъ ей стихотворенія: «Къ Флоренсѣ» и «Стансы, сочиненные во время грозы» (близъ Цицы, въ октябрѣ 1809 г.). Муръ высказываетъ мнѣніе, что поэтъ былъ влюбленъ не столько въ нее, сколько въ свое воспоминаніе о ней. «У человѣка, одареннаго такимъ сильнымъ воображеніемъ, какъ Байронъ, который, передавая въ своихъ стихахъ многое изъ собственной жизни, въ то же время примѣшивалъ къ своей жизни много поэтическаго вымысла, — трудно, распутывая сложную ткань его чувствъ, провести границу между воображаемымъ и дѣйствительнымъ. Такъ, напримѣръ, здѣсь его слова о неподвижномъ и лишенномъ любви сердцѣ, которое не поддается очарованію этой привлекательной особы, совершенно противорѣчатъ нѣкоторымъ его письмамъ, а въ особенности — стихотворенію, сочиненному во время грозы». Говоря это, Муръ забываетъ о разницѣ во времени: цитированное стихотвореніе написано всего мѣсяцъ спустя послѣ отъѣзда поэта съ «острова Калипсо», а строфы «Чайльдъ-Гарольда —весною уже 1810 г. По словамъ біографа Байрона, Гольта, поэтъ «выказывалъ къ ней страсть, но только платонически. Впрочемъ, она выманила у него цѣнный перстень съ желтымъ брилліантомъ».

Срт. 60. Строфа XXXIII.

То сердце, что ей мраморнымъ казалось,
Молчанью и гордыни преданно,
Съ искусствомъ обольщенія сроднялось;
Легко въ обманъ могло вводить оно.

Большинство комментаторовъ приводитъ «въ опроверженіе» этихъ стиховъ слова Байрона въ письмѣ къ Далласу: «Я не Іосифъ и не Сципіонъ, но смѣло могу утверждать, что никогда въ жизни не соблазнилъ ни одной женщины». *Муръ* замѣчаетъ, что эти стихи одинъ изъ многихъ примѣровъ байроновской манеры выставлять себя въ дурномъ свѣтѣ: «Какъ бы ни была велика распущенность его жизни въ коллегіи, — такія выраженія, какъ «искусство обольщенія» и обманъ совершенно къ нему не примѣнимы».

Стр. 61. Строфа XXXVIII.

Албанія, отчизна Искандеровъ.

«Албанія заключаетъ въ себѣ часть Македоніи, Иллиріо, Хаонію и Эпиръ. *Искандеръ* — турецкое имя Александра; въ началѣ строфы содержится намекъ на знаменитаго Скандербега («лордъ Александръ») *). Я не знаю, правильно ли я сдѣлалъ Скандербега землякомъ Александра, родившагося въ Пеллѣ, въ Македоніи; но такъ называетъ его Гиббонъ, который, говоря объ его подвигахъ, вспоминаетъ также Пирра.

Объ Албаніи Гиббонъ замѣчаетъ, что эта страна «по сравненіи съ Италіей извѣстна меньше, чѣмъ внутренняя Америка». Обстоятельства, объясненіе которыхъ не имѣетъ значенія, привели г. Гобгоуза и меня въ эту страну прежде посѣщенія какой-либо другой части оттоманскихъ владѣній; и, за исключеніемъ майора Лика **), бывшаго въ то время оффиціальнымъ резидентомъ въ Янинѣ, ни одинъ англичанинъ никогда не бывалъ внутри страны дальше ея главнаго города, какъ недавно увѣрялъ меня самъ г. Ликъ. Въ эту пору (въ октябрѣ 1809 г.) Али-паша выступилъ въ походъ противъ Ибрагима-паши, оттѣснилъ его въ Бератъ и осадилъ эту сильную крѣпость. Прибывъ въ Янину, мы были приглашены въ Тепалени, мѣсто рожденія его превосходительства и его любимый серай, на разстояніи только одного дня пути отъ Берата; при современныхъ обстоятельствахъ визирь устроилъ здѣсь свою главную квартиру.

*) «Георгій Кастріота (1404—1467), Скандербегъ или Скандеръ-бей, младшій сынъ одного албанскаго главаря, былъ посланъ, вмѣстѣ съ четырьмя своими братьями, заложникомъ къ султану Амурату II. Послѣ смерти отца, въ 1432 году, онъ сталъ продолжать борьбу съ турками и, въ концѣ концовъ, достигъ независимости Албаніи. «Его личная сила и ловкость были такъ велики, что его храбрость въ сраженіи напоминала романтическаго рыцаря». Онъ умеръ въ Лиссѣ, на Венеціанскомъ заливѣ, и когда этотъ островъ былъ взятъ Магометомъ II, турки, говорятъ, вырыли его кости и повѣсили ихъ себѣ на шею, какъ талисманъ противъ ранъ или амулетъ, внушающій храбрость.

**) Вильямъ Мартинъ *Ликъ* (1777—1860), путешественникъ и нумизматъ, напечаталъ между прочимъ «Разысканія въ Греціи» (1814). Онъ былъ «оффиціальнымъ резидентомъ» въ Албаніи съ февраля 1809 до марта 1810.

ДРУГЪ БАЙРОНА ПОЭТЪ ТОМАСЪ МУРЪ (Thomas Moore).
Съ портрета Лауренса (sir T. Lawrence, P. R. A. грав. В. Финденъ (W. Finden).

Пробывъ нѣсколько времени въ столицѣ, мы двинулись въ путь; но хотя мы ѣхали со всѣми удобствами и въ сопровожденіи одного изъ секретарей визиря, намъ понадобилось на эту поѣздку (по случаю дождей) цѣлыхъ девять дней, а на обратный путь только четыре.

По дорогѣ мы проѣхали черезъ два города, Арчипрокастро и Либохабо, по своему положенію, кажется, мало уступающіе Янинѣ; но никакой карандашъ, никакое перо не въ состояніи достойно представить видъ окрестностей Ц(з)ицы и Дельвинахи, деревни на границѣ между Эпиромъ и собственной Албаніей.

Объ Албаніи и ея жителяхъ я не хочу распространяться, потому что это будетъ гораздо лучше сдѣлано моимъ товарищемъ по путешествію въ сочиненіи, которое, вѣроятно, появится ранѣе выхода въ свѣтъ моей поэмы; а мнѣ не хотѣлось бы ни слѣдовать за нимъ, ни предупреждать его *). Но для объясненія текста необходимо сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Арнауты или албанцы поразили меня сходствомъ съ шотландскими горцами въ костюмѣ, осанкѣ, образѣ жизни. Даже и горы у нихъ похожи на шотландскія, только съ болѣе мягкимъ климатомъ. Такая же юбка, хотя здѣсь бѣлая; такая же худощавая, подвижная фигура; въ ихъ рѣчи—кельтскіе звуки; а ихъ суровые обычаи напомнили меня въ Морвену **). Ни одинъ народъ не внушаетъ своимъ сосѣдямъ такой ненависти и страха, какъ албанцы; греки едва-ли считаютъ ихъ христіанами, а турки едва-ли признаютъ ихъ мусульманами; въ дѣйствительности же они представляютъ помѣсь того и другого, а иногда—ни то, ни другое. Нравы у нихъ разбойничьи; они всѣ вооружены; и арнауты съ красными шалями, и черногорцы, и химаріоты, и геги—всѣ пенадежны **); прочіе нѣсколько отличаются по наружному виду, но въ особенности—по характеру. Насколько я ихъ знаю по личному своему опыту, я могу дать о нихъ благопріятный отзывъ. У меня служило двое, одинъ христіанинъ и одинъ мусульманинъ, въ Константинополѣ и въ другихъ мѣстностяхъ Турціи, которыя мнѣ пришлось посѣтить; и рѣдко можно найти людей, болѣе вѣрныхъ въ случаѣ опасности и болѣе неутомимыхъ въ службѣ. Христіанина звали Василіемъ, мусульманина—Дервишъ Тахири; первый былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, а второй—приблизительно однихъ лѣтъ со мною. Василію Али-паша лично и строго приказалъ служить намъ, а Дервишъ былъ однимъ изъ пятидесяти албанцевъ, сопровождавшихъ насъ черезъ лѣса Акарнаніи къ берегамъ Ахелоя и далѣе, до Миссолонги въ Этоліи. Тамъ я и взялъ его къ себѣ на службу,

*) Рѣчь о книгѣ Гобгоуза «A Journey through Albania during the years 1809 — 1810», London. 1812.

*) Царство Финнгала.

**) Жители Албаніи, изъ племени шкипетаровъ, дѣлятся на двѣ главныя вѣтви: геговъ на сѣверѣ, большинство которыхъ католики, и тосковъ на югѣ. Эти всѣ магометане.

и до самаго моего отъѣзда ни разу не имѣлъ повода въ этомъ раскаиваться.

Когда въ 1810 г., послѣ отъѣзда моего друга г. Гобгоуза въ Англію, я заболѣлъ въ Морећ жестокой лихорадкой, эти люди спасли мнѣ жизнь, пригрозивъ моему доктору, что если онъ меня въ извѣстный срокъ не вылѣчитъ, то они его зарѣжутъ. Этой утѣшительной увѣренности въ посмертномъ возмездіи и рѣшительному отказу исполнять предписанія доктора Романелли я обязанъ своимъ выздоровленіемъ. Послѣдняго изъ своихъ англійскихъ слугъ я оставилъ въ Аѳинахъ; мой драгоманъ былъ такъ же боленъ, какъ и я самъ, и мои бѣдные арнауты ухаживали за мной съ такимъ вниманіемъ, которое сдѣлало бы честь и цивилизованнымъ людямъ. У нихъ было множество разныхъ приключеній; мусульманинъ Дервишъ былъ замѣчательно красивый парень и въ Аѳинахъ всегда былъ въ ссорѣ съ мужьями, до того, что четверо знатныхъ турокъ однажды явились ко мнѣ съ жалобой, что онъ увелъ изъ бани женщину (которую онъ, впрочемъ, законнымъ образомъ купилъ),—поступокъ, совершенно противный этикету. Василій также былъ, по его собственному убѣжденію, очень привлекателенъ; онъ съ величайшимъ почтеніемъ относился къ церкви, но съ величайшимъ презрѣніемъ смотрѣлъ на церковниковъ, которыхъ, при случаѣ, и туаилъ самымъ еретическимъ манеромъ. Но онъ никогда не проходилъ мимо церкви, не перекрестившись; и я помню, какой опасности подвергся онъ, войдя въ Стамбулѣ въ мечеть Софіи, нѣкогда бывшую христіанскимъ храмомъ. Когда я замѣчалъ ему непослѣдовательность его поведенія, онъ неизмѣнно отвѣчалъ: «Наша церковь святая, а наши попы—воры»; тутъ онъ, по обыкновенію, крестился, а затѣмъ колотилъ перваго встрѣчнаго попа, если тотъ отказывался въ чемъ-нибудь помочь; а содѣйствіе всегда бывало нужно тамъ, гдѣ попъ имѣетъ вліяніе на своего деревенскаго старосту (коджа-баши). Надо сказать правду,—едва ли есть на свѣтѣ болѣе негодное племя, чѣмъ греческое нынѣшее духовенство.

Когда я собрался уѣзжать въ Англію, я позвалъ своихъ албанцевъ, чтобы заплатить имъ жалованье. Василій взялъ свои деньги съ неловкимъ выраженіемъ сожалѣнія о моемъ отъѣздѣ и пошелъ къ себѣ на квартиру, побрякивая кошелькомъ съ піастрами. Я послалъ за Дервишемъ; но его не сразу могли найти; онъ пришелъ какъ разъ въ то время, когда у меня былъ съ визитомъ г. Логоѳети, отецъ бывшаго англійскаго консула въ Аѳинахъ, и нѣсколько другихъ моихъ знакомыхъ грековъ. Дервишъ взялъ деньги, но вдругъ бросилъ ихъ на полъ, всплеснулъ руками, закрылъ ими лицо и, залившись горючими слезами, выбѣжалъ изъ комнаты. Съ этой минуты и до самаго моего отъѣзда онъ не переставалъ печалиться, и всѣ наши утѣшенія вызвали съ его стороны только одинъ отвѣтъ: «М'ἀφείνει» (онъ меня покидаетъ!). Сеньоръ Логоѳети, который раньше плакалъ только тогда, когда ему случалось потерять грошъ, былъ растроганъ; монастырскій настоятель, моя прислуга, мои гости,—я думаю, что даже стерновская «глуповатая толстая судомойка» бросила бы свой «рыбный котелъ» и выразила-бы сочувствіе непритворному и неожиданному горю этого варвара.

Съ своей стороны, вспоминая, что незадолго до моего отъѣзда изъ Англіи одинъ благородный и весьма близкій ко мнѣ товарищъ извинялся, что не можетъ зайти ко мнѣ проститься, потому что обѣщалъ своимъ родственницамъ ѣхать съ ними «по магазинамъ», я былъ столько же удивленъ, сколько и пристыженъ сравненіемъ настоящаго случая съ прошлымъ. Что Дервишъ разстанется со мною съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ,—этого можно было ожидать: когда господинъ и слуга вмѣстѣ карабкались по горамъ цѣлой дюжины провинцій, они неохотно разстаются другъ съ другомъ; но обнаруженное имъ чувство, составляющее такой контрастъ съ его природною свирѣпостью, заставило меня измѣнить къ лучшему мое мнѣніе о человѣческомъ сердцѣ. Я думаю, что такая почти феодальная вѣрность часто встрѣчается у албанцевъ. Однажды, во время нашей поѣздки черезъ Парнассъ одинъ англичанинъ изъ моей прислуги, заспоривъ съ нимъ изъ-за багажа, толкнулъ его; къ несчастію, Дервишъ принялъ этотъ толчокъ за ударъ. Онъ не сказалъ ни слова но сѣлъ и опустилъ голову на руки. Предвидя непріятныя послѣдствія, мы сочли долгомъ разъяснить дѣло—и получили такой отвѣтъ: «Я былъ разбойникомъ; теперь я солдатъ; ни одинъ офицеръ никогда меня не ударилъ; вы—мой господинъ, я ѣлъ вашъ хлѣбъ; но—клянусь этимъ хлѣбомъ! (обычная клятва)—если бы дѣло было иначе, я закололъ бы эту собаку, вашего слугу, и ушелъ бы въ горы». Съ этого дня онъ уже не могъ простить человѣка, который такъ неосторожно его оскорбилъ. Дервишъ превосходно исполнялъ мѣстный танецъ, о которомъ предполагаютъ, что это—остатокъ древней пиррической пляски Такъ—это или нѣтъ,—танецъ этотъ мужественный и требуетъ удивительной подвижности. Это—совсѣмъ не то, что глупая «ромейка», греческій тяжелый хороводъ, который мы такъ часто видали въ Аѳинахъ.

Албанцы вообще (я говорю не о провинціальныхъ земледѣльцахъ, которые также носятъ это имя, а о горцахъ) отличаются изящной внѣшностью; самыя красивыя женщины, когда-либо мною видѣнныя, по фигурѣ и чертамъ лица, были тѣ, которыхъ мы встрѣтили поправлявшими дорогу между Дельвинаки и Либохабо, испорченную горными потоками. Ихъ походка—совершенно театральная; но такое впечатлѣніе происходитъ, вѣроятно, отъ капота или плаща, который свѣшивается съ одного плеча. Ихъ длинные волосы напоминаютъ спартанцевъ, а ихъ храбрость на войнѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Хотя у геговъ и есть кавалерія, но я никогда не видалъ хорошаго арнаутскаго наѣздника; мои люди предпочитали англійскія сѣдла, въ которыхъ, однако, вовсе не умѣли держаться. Но пѣшіе они не знаютъ усталости». (*Прим. Байрона*).

Стр. 61. Строфа XXXIX, ст. 1 и 2.

«Итака». (*Прим. Байрона*).

Байронъ и Гобгоузъ отплыли съ Мальты на военномъ бригѣ Spider во вторникъ, 19 Сентября, 1809 г. (въ письмѣ къ матери отъ 12 ноября Байронъ указываетъ на 21 сентября) и прибыли въ Патрасъ въ ночь на воскресенье, 24 сентября. Во вторникъ, 26, въ полдень, они снова пустились въ путь, и вечеромъ того же дня видѣли закатъ солнца въ Мисолонги. На слѣдующее утро, 27, они были въ проливѣ между материкомъ и Итакой; этотъ островъ, принадлежавшій тогда французамъ, остался отъ нихъ влѣво. «Мы прошли очень близко», говоритъ Гобгоузъ, «и видѣли нѣсколько кустарниковъ на бурой, заросшей верескомъ землѣ, да два маленькихъ

городка на холмахъ, выглядывавшіе изъ-за деревьевъ». Въ этотъ день путешественники «мало подвинулись впередъ». Обогнувъ мысъ св. Андрея, южную оконечность Итаки, они прошли 28 сентября проливъ между Итакой и Кефаліей, прошли мимо холма Этоса, на которомъ стоялъ такъ наз. «Замокъ Улисса», откуда Пенелопа смотрѣла на море въ ожиданіи своего супруга. Къ концу того же дня они обогнули мысъ Дукато («Левкадскую скалу»—мѣсто гибели Сафо) и, пройдя мимо «древней горы», гдѣ нѣкогда стоялъ храмъ Аполлона, въ 7 часовъ вечера стали на якорь въ Превезѣ. Поэзія и проза не всегда согласны между собою. Если, какъ говоритъ Байронъ, они «завидѣли въ дали Левкадскую скалу» въ осенній вечеръ, и если надъ нею, когда они приблизились, уже сіяла вечерняя звѣзда, то они должны были плыть очень быстро, чтобы къ семи часамъ вечера дойти до Превезы,—миль за 30 оттуда къ сѣверу. Можетъ быть, впрочемъ, и Гобгоузъ ошибся въ обозначеніи времени.

Стр. 62. Строфа XL.

«Акціумъ и Трафальгаръ не нуждаются въ объясненіяхъ. Сраженіе при Лепанто, также кровопролитное, но менѣе извѣстное, происходило въ Патрасскомъ заливѣ. Здѣсь авторъ «Донъ-Кихота» лишился своей лѣвой руки.» (*Прим. Байрона*).

Стр. 62. Строфа XLI, ст. 2.

«Левкадія, теперь — Санта-Мавра. Говорятъ, съ этого мыса Сафо бросилась въ море («прыжокъ любовника»)». *Прим. Байрона.*

Стр. 62. Строфа XLII.

«Утесы Сули»—горная область на югѣ Эпира. Сулійскій округъ въ концѣ XVIII столѣтія образовалъ особую маленькую республику, оказавшую упорное сопротивленіе Али-пашѣ. «Вершина Пинда», Монте-Мецово, часть хребта, отдѣляющаго Эпиръ отъ Ѳессаліи. Съ моря ея не видно.

Стр. 62. Строфа XLV.

И римскій вождь и азіатскій царь.

«Говорятъ, что наканунѣ сраженія при Акціумѣ на пріемѣ у Антонія было тринадцать царей». (*Прим. Байрона*).

«Сегодня», писалъ Байронъ матери 12 ноября 1809 г., «я видѣлъ остатки города Акціума, близъ котораго Антоній потерялъ міръ,—въ маленькой бухтѣ, гдѣ едва ли могли бы маневрировать два фрегата. Единственный остатокъ древности—разрушенная стѣна. На другой сторонѣ залива стоятъ развалины Никополя, построеннаго Августомъ въ честь его побѣды».

Стр. 64. Строфа XLV.

Здѣсь Августа трофеи свыть дивили.

Рѣчь о Никополѣ, «городѣ побѣдъ», построенномъ Августомъ въ воспоминаніе битвы при Акціумѣ, въ 5 миляхъ къ сѣверу отъ Превезы.

«Никополь, развалины котораго болѣе обширны, находится въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Акціума, гдѣ сохранилось лишь нѣсколько обломковъ стѣны ипподрома. Эти развалины представляютъ собою значительныя массы кирпичнаго строенія, въ которомъ кирпичи были соединены между собой известью, въ кускахъ такой же величины, какъ и самые кирпичи, и столь же прочныхъ (*Прим. Байрона*).

Стр. 65. Строфа XLVII, ст. 1.

Чрезъ воды ахерузскія направилъ.

«По опредѣленію Пуквилля—Янинское озеро; но Пуквилль всегда ошибается» (*Прим. Байрона*). Янинское озеро въ древности называлось Памботисъ. При входѣ въ Сулійское ущелье, гдѣ озеро внезапно замыкается, находилось болото Ахерузія, близъ котораго былъ оракулъ.

Слова Али—законы.

«Знаменитый Али-паша. Объ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ есть поточный разсказъ въ Путешествіи Пуквилля». (*Прим. Байрона*).

Али-паша (1741—1822), «магометанскій Бонапартъ», сдѣлался верховнымъ правителемъ Эпира и Албаніи, пріобрѣлъ господство надъ ѳессалійскими агами и продвинулъ свои войска до предѣловъ древней Аттики. Безпощадный и ничѣмъ не стѣсняющійся тиранъ, онъ былъ въ то же время храбрымъ воиномъ и искуснымъ администраторомъ. Интригуя то съ Портою, то съ Наполеономъ, то съ англичанами, натравливая другъ на друга мѣстныхъ деспотовъ, онъ пользовался столкновеніями враждебныхъ интересовъ для собственнаго возвеличенія. Венеціанскія владѣнія на восточномъ побережьѣ Адріатическаго моря, перешедшія въ 1797 г. къ Франціи по Кампоформійскому трактату, были отняты у французовъ Али-пашой: онъ разбилъ въ 1798 г. генерала Ла-Сальсетта на равнинахъ Никополя и овладѣлъ, за исключеніемъ Порчи, всѣми городами, которые и удержалъ за собою именемъ султана. Байронъ говоритъ объ его «почтенномъ старческомъ лицѣ» въ *Чайльдъ-Гарольдѣ* (II. 47, 62) и объ пящной рукѣ въ—*Донъ-Жуанѣ* (IV, 45); его отношеніе къ Джафиру-пашѣ («въ Аргирокастрѣ или Скутари-не помню навѣрно») дало матеріалъ для 14-й и 15-й строфъ II пѣсни *Абидосской Невѣсты*. Онъ подробно описалъ Али-пашу въ письмѣ къ матери изъ Превезы, отъ 12 ноября 1809: «Али считается человѣкомъ выдающихся способностей; онъ управляетъ всей Албаніей (древній Иллирикъ), Эпиромъ и частью Македоніи; его сынъ, Вели-паша, къ которому онъ далъ мнѣ письмо, управляетъ Мореей и пользуется большимъ вліяніемъ въ Египтѣ; словомъ, это одинъ изъ самыхъ могущественныхъ людей въ Оттоманской имперіи. Прибывъ въ Янину, я узналъ, что Али-паша съ своей арміей находится въ Иллирикѣ... Онъ услышалъ, что въ его владѣнія пріѣхалъ знатный англичанинъ, и приказалъ коменданту Янины отвести мнѣ домъ и снабдить меня всѣмъ необходимымъ *безплатно*... Черезъ девять дней я пріѣхалъ въ Тепалинъ... и былъ представленъ Али-пашѣ. Я былъ въ полной формѣ генеральнаго штаба, съ весьма великолѣпной саблей, и пр. Визирь принялъ меня въ большой комнатѣ съ мраморнымъ поломъ; посерединѣ былъ фонтанъ; вдоль стѣнъ стояли красные диваны. Онъ принялъ меня стоя,—удивительная любезность со стороны мусульманина,—и посадилъ меня по правую руку отъ себя... Его первый вопросъ былъ: почему я, будучи въ такомъ возрастѣ, покинулъ свою родину? (турки не имѣютъ понятія о путешествіи ради удовольствія). Затѣмъ онъ сказалъ, что англійскій резидентъ, капитанъ Лэкъ, сообщилъ ему, что я принадлежу къ знатной семьѣ... Онъ прибавилъ, что онъ и не сомнѣвается въ моемъ благородномъ происхожденіи, потому что у меня маленькія уши и маленькія бѣлыя руки; моя фигура и костюмъ ему понравились. Онъ сказалъ, чтобы я, пока буду въ Турціи, смотрѣлъ на него, какъ на отца, и что онъ будетъ считать меня своимъ сыномъ. И въ самомъ дѣлѣ онъ относился ко мнѣ, какъ къ ребенку, присылая мнѣ разъ по двадцати въ день мипдалю и шербету, фруктовъ и сладостей. Онъ просилъ меня посѣщать его чаще, и по вечерамъ, когда онъ

былъ свободенъ... Его превосходительству 60 лѣтъ; онъ очень толстъ, невысокъ ростомъ, но у него красивое лицо, свѣтло-голубые глаза и бѣлая борода; онъ очень любезенъ и въ то же время полонъ достоинства, которымъ турки вообще отличаются. Его внѣшность совершенно не отвѣчаетъ его дѣйствительнымъ свойствамъ, такъ какъ онъ безжалостный тиранъ, совершившій множество ужасныхъ жестокостей; онъ очень храбръ и такой хорошій полководецъ, что его прозвали магометанскимъ Бонапартомъ. Наполеонъ два раза предлагалъ ему сдѣлать его эпирскимъ королемъ, но онъ предпочитаетъ англійскіе интересы и ненавидитъ французовъ; онъ самъ это мнѣ сказалъ»...

Стр. 65. Строфа XLVII.

Гдѣ горцы, защищенные скалами,
Порой вступаютъ въ бой съ его войсками.

«Пять тысячъ суліотовъ, среди скалъ и въ цитадели Сули, въ теченіе восьмнадцати лѣтъ оказывали сопротивленіе тридцати тысячамъ албанцевъ; наконецъ, цитадель была взята съ помощью подкупа. Въ этой борьбѣ были отдѣльные эпизоды, достойные, пожалуй, лучшихъ дней Греціи» (*Прим. Байрона*).

Стр. 65. Строфа XLVIII.

«Монастырь и деревня Зи́ца находятся въ четырехъ-часовомъ разстояніи отъ Янины, столицы пашалыка. Въ долинѣ протекаетъ рѣка Каламасъ (древній Ахеронъ), образующая недалекѣ отъ Цицы красивый водопадъ. Это, можетъ быть, самое красивое мѣсто въ Греціи, хотя окрестности Дельвинаки и нѣкоторыя мѣстности Акарнаніи и Этоліи и могутъ оспаривать пальму первенства. Дельфы, Парнассъ, а въ Аттикѣ даже мысъ Колонна и портъ Рафти гораздо менѣе красивы, какъ и всѣ виды Іоніи или Троады; я могъ-бы, пожалуй, прибавить окрестности Константинополя; но, въ виду ихъ совершенно инаго характера, сравненіе едва-ли умѣстно». (*Прим. Байрона*).

«Ци́ца — деревня, населенная греческими крестьянами», говоритъ спутникъ поэта, Гобгоузъ. «Можетъ быть, во всемъ свѣтѣ нѣтъ вида болѣе романтическаго, чѣмъ тотъ, который открывается здѣсь съ вершины холма. На переднемъ планѣ — легкая покатость, оканчивающаяся съ обѣихъ сторонъ зеленѣющими холмами и долинами, въ которыхъ раскинулись виноградники и бродятъ многочисленныя стада»...

«Путешественники выѣхали изъ Превезы 1 октября и пріѣхали въ Янину 5-го. Оттуда они выѣхали 11 октября, къ ночи прибыли въ Ци́цу, 13-го уѣхали оттуда и 19-го были въ Тепеленѣ. Подъ вечеръ 11 октября, при приближеніи къ Ци́цѣ, Гобгоузъ и албанецъ Василій поѣхали впередъ, оставивъ Байрона съ багажемъ позади. Стемнѣло. Какъ разъ въ то время, когда Гобгоузу удалось добраться до деревни, пошелъ проливной дождь. «Громъ гремѣлъ, казалось, безъ перерыва; не успѣвало эхо прокатить въ горахъ одинъ ударъ, какъ надъ нашими головами уже разражался другой». Байронъ съ своимъ драгоманомъ и багажемъ находились всего въ милѣ трехъ отъ Цицы, когда началась эта гроза. Они заблудились, и только послѣ долгихъ странствованій и разныхъ приключеній были приведены десятью провожатыми съ факелами къ какой-то хижинѣ. Было уже 3 часа утра. Тутъ-то Байронъ и написалъ «Стансы во время грозы».

Стр. 66. Строфа XLIX.

Радушенъ здѣсь монахъ.

Въ подлинникѣ не «монахъ», а caloyer—калугеръ.

«Такъ (калугеръ) называются греческіе монахи». (*Прим. Байрона*).

Слово «Калугеръ» происходитъ отъ поздняго греческаго καλόγηρος,—«добрый старецъ».

«Мы вошли въ монастырь, послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ съ однимъ изъ монаховъ, черезъ небольшую калитку, обитую желѣзомъ, на которой очень замѣтны были слѣды сильныхъ ударовъ и которую, дѣйствительно, прежде чѣмъ въ этой мѣстности водворено было спокойствіе подъ могучимъ управленіемъ Али, тщетно пытались разбивать шайки разбойниковъ, постоянно появлявшіяся то въ томъ, то въ другомъ округѣ. Настоятель, низенькій, смирный человѣчекъ, угостилъ насъ въ теплой комнатѣ виноградомъ и пріятнымъ бѣлымъ вином, которое, по его словамъ, не вытоптано ногами, а выжато изъ гроздьевъ руками; и намъ такъ понравилось все, насъ окружавшее, что мы сговорились поселиться здѣсь по возвращеніи отъ визиря». (*Гобгоузъ*).

Стр. 67. Строфа LI.

Амфитеатромъ мрачныя громады
Хемаріотскихъ дѣвъ вдали блестятъ.

Въ подлинникѣ «вулканическимъ» амфитеатромъ.

«Хемаріотскія горы, повидимому, были вулканическими». (*Прим. Байрона*).

Байронъ, вѣроятно, говоритъ о Керавискихъ горахъ, которыя «до самой вершины покрыты лѣсомъ, по мѣстамъ обнаруживаютъ широкія пропасти среди красныхъ утесовъ» (*Гобгоузъ*). Эти горы находятся къ сѣверу отъ Янины, между тѣмъ какъ Акрокеравскія или собственно Хемаріотскія горы тянутся съ сѣвера на юго-западъ вдоль берега Мивіи.

То Ахеронъ.

«Теперь называется Каламасъ». (*Прим. Байрона*).

Стр. 67. Строфа LII.

Подпаски ихъ ведутъ въ одеждѣ бѣлой.

Албанскій плащъ. (*Прим. Байрона*).

Стр. 67—68. Строфа LIII.

Положеніе древней Додоны у подошвы горы Томароса (гора Олицика), въ долинѣ Чарковицы, было опредѣлено окончательно только въ 1876 г. раскопками, произведенными Константиномъ Карапаносомъ, уроженцемъ Арты. Сзади Додоны, на вершинѣ цѣпи холмовъ, находятся дубовыя рощи, можетъ быть, происходящія отъ тѣхъ «говорящихъ дубовъ», которые возвѣщали волю Зевса. О «пророческомъ источникѣ» комментаторъ Вергилія Сервій говоритъ, что «близъ храма Зевса, по преданію, находился огромный дубъ, изъ-подъ корней котораго вытекалъ ручей, передававшій въ своемъ журчаніи волю боговъ». Байронъ и Гобгоузъ, во время одной изъ своихъ экскурсій изъ Янины, разсматривали развалины амфитеатра и восхищались ими, не зная, что именно здѣсь-то и была Додона.

Мысль о томъ, что человѣкъ, прежде чѣмъ жаловаться на свою смертность, долженъ подумать о непрочности всего, что считается вѣчнымъ и нерушимымъ, можетъ быть, заимствована изъ знаменитаго утѣшительнаго письма Суллиція Севера къ Цицерону, которое Байронъ цитируетъ въ примѣчаніи къ строфѣ 44-й пѣсни IV.

Стр. 65. Строфа LVI.

Угасъ закатъ за гранью Томерита.

«Въ древности — гора Томарусъ». (*Прим. Байрона*).

Былъ грозенъ плескъ Лаоссы бурныхъ водъ.

«Рѣка Лаосъ была въ полноводьѣ въ то время, когда авторъ переѣзжалъ ее. Выше Тепалина она кажется такою же широкою, какъ Темза у Вестминстера; таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе автора и его товарища по путешествію. Лѣтомъ она должна быть гораздо уже. Это, безъ сомнѣнія, самая красивая рѣка европейскаго Востока; ни Ахелой, ни Алфей, ни Ахеронъ, ни Скамандръ, ни Каистеръ не могутъ равняться съ нею по ширинѣ и красотѣ». (*Прим. Байрона*).

Стр. 65. Строфа LV.

Вдали, какъ метеоры, въ тьмѣ ночной
Блестѣли минареты Тепалена.

«Во время праздниковъ Рамазана галлерея каждаго минарета украшается маленькими лампочками. Издали каждый минаретъ кажется свѣтлой точкой на темномъ фонѣ неба, — «метеоромъ», а въ большомъ городѣ, гдѣ ихъ много, они представляются росмъ огненныхъ мухъ». (*Гозеръ*).

Стр. 69. Строфа LIX.

«Ночью мы не могли спать изъ-за постояннаго шума на галлереѣ, барабаннаго боя и громкаго пѣнія «муэззина» или пѣвца, призывавшаго турокъ на молитву съ минарета мечети, находившейся рядомъ съ дворцомъ. Этотъ пѣвецъ былъ еще мальчикъ и пѣлъ свой гимнъ или «врауnъ» въ тонѣ глубоко меланхолическаго речитатива. Первое восклицаніе онъ повторялъ четыре раза, всѣ остальныя слова—по два раза, и оканчивалъ свое исповѣданіе вѣры, дважды выкрикивая, протяжно и пронзительно: «гу!» (*Гобгоузъ*). Д'Осонъ приводитъ полный текстъ этого призыва: «Богъ великъ! (4 раза). Исповѣдую, что нѣтъ Бога, кромѣ Бога! Исповѣдую, что Магометъ пророкъ Божій! Идите на молитву! Идите въ храмъ спасенія! Богъ великъ! Нѣтъ Бога, кромѣ Бога!»

Стр. 70. Строфа LXIII.

Теосскій бардъ—Анакреонъ.

Кто милъ се въ дни младости,
тотъ тонетъ
Среди кровавыхъ волнъ на склонѣ мрачныхъ дней.

Эти слова Байрона оказались пророчествомъ. 5 февраля 1822 г. произошло свиданіе между Али и Магометомъ-пашой. Когда послѣдній всталъ, чтобы выйти изъ комнаты, Али пошелъ проводить его до дверей и, прощаясь, низко поклонился; въ эту минуту Магометъ выхватилъ кинжалъ и неожиданно поразилъ Али въ сердце. Затѣмъ онъ спокойно вышелъ на галлерею и сказалъ своей свитѣ: «Али тепаленскій мертвъ». Голова Али была отослана въ Константинополь. (*Финлей*. Ист. Греціи).

Стр. 72. Строфа LXVI.

Порой не такъ гостепріимны бритты.

«Намекъ на потерпѣвшихъ крушеніе корнваллійцевъ». (*Прим. Байрона*).

Стр. 72. Строфа LXVII.

Путешественники выѣхали изъ Янины 3 ноября и прибыли 7-го въ Превезу. Въ полдень 9 ноября они отплыли въ Патрасъ на гальотѣ Али. Это было судно около 50 тоннъ вмѣстимостью, съ тремя невысокими мачтами и широкимъ косымъ парусомъ. Вмѣсто того, чтобы обогнуть мысъ Дукато, они были отнесены въ море къ сѣверу и только въ часъ ночи могли бросить якорь въ портѣ Фанара на суліотскомъ берегу. Подъ вечеръ 10 ноября они поѣхали на ночлегъ въ Волондорако, гдѣ были очень хорошо приняты мѣстнымъ албанскимъ старшиной и расположенными тамъ войсками визиря. Затѣмъ они уже не сѣли на гальотъ, а возвратились въ Превезу сухимъ путемъ. Такъ какъ въ области къ сѣверу отъ Артскаго залива было неспокойно, и по дорогамъ встрѣчались многочисленныя шайки разбойниковъ, то путешественники окружили себя конвоемъ изъ 37 албанцевъ, наняли другой гальотъ и 13 ноября переправились черезъ заливъ до

БАЙРОНЪ ВЪ ВЕНЕЦІИ (Lord Byron at Venice. Къ 4-ой пѣснѣ „Чайльдъ-Гарольда".

Съ портрета Рэкарда (*From a painting by Ruckard*).

крѣпости Вонницы, гдѣ и остановились на ночь. На слѣдующій день, въ 4 часа пополудни они пріѣхали въ Лутраки,—«въ глубинѣ окруженной утесами бухты въ юго-восточномъ углу Артскаго залива». Дворъ находившагося на берегу барака и былъ мѣстомъ пляски паликаровъ, описанной въ стр. LXXI. (*Гобгоузъ*).

Стр. 74. LXXI.

Вина пурпурной влагой.

«Албанскіе мусульмане не воздерживаются отъ вина,—да и прочіе рѣдко». (*Прим. Байрона*).

Стр. 74. Строфа LXXI, ст. 7.

Сидьли паликары.

«Паликаръ»—въ сокращенномъ обращеніи къ одному лицу, отъ Παλικάρι (παλληκάρι)—общее наименованіе солдатъ у грековъ и албанцевъ, говорящихъ по-ромейски (новогречески); собственно значитъ: «молодецъ». (*Прим. Байрона*).

Стр. 74. Строфа LXXII, ст. послѣдній.

И походили болѣе на крики,
Чѣмъ на мелодіи, напѣвы дикарей.

«Какъ образчикъ албанскаго или арнаутскаго парѣчія въ Иллиріи, привожу здѣсь двѣ самыя распространенныя народныя хоровыя пѣсни, которыя поются обыкновенно во время пляски—безразлично, какъ мужчинами, такъ и женщинами. Первыя слова—не имѣютъ значенія: это припѣвъ, подобные которому есть и у насъ, и въ другихъ языкахъ.

1.

Во, Во, Во, Во, Во, Во,
Naciarura, popuso.

Я иду, иду, молчи.

2.

Naciarura na civin
Na pen derini ti hin.

Я иду, я бѣгу; отвори дверь, чтобы я могъ войти.

3.

Na pe uderi escrotini
Ti vin ti mar servetini.

Отвори дверь на обѣ половины, чтобы я могъ взять свой тюрбанъ.

4.

Caliriote me surme
Ea ha pe pse dua tive.

Калиріоти черноглазая, отвори ворота, чтобы я могъ войти *).

5.

Buo, Во, Во, Во, Во,
Gi egem spirta esimiro.

Я слышу тебя, душа моя.

6.

Caliriote vu le funde
Ede vete tunde tunde.

Арнаутская дѣвушка въ дорогомъ парядѣ горделиво выступаетъ.

7.

Caliriote me surme
Ti mi pute poi mi le.

Калиріоти черноглазая, поцѣлуй меня.

8.

Se ti puta citi mora
Si mi ri ni veti udo gia.

Коли я тебя поцѣлую,—что изъ того? Моя душа горитъ огнемъ.

9.

Va le ni il che cadale
Celo more, more celo.

Пляши легче, красивѣе и красивѣе.

10.

Plu hari ti tirete
Plu huron cia pra seti.

Не подымай такъ много пыли,—запылишь свои вышитые чулки.

Послѣдній куплетъ сбиваетъ комментатора: конечно, албанцы носятъ чулки изъ очень красивой ткани, но у ихъ дамъ (къ которымъ, надо думать, относится приведенное обращеніе) выше небольшихъ желтыхъ сапожекъ или туфель нѣтъ ничего, кромѣ красивой и иногда очень бѣлой ноги. Арнаутскія дѣвушки гораздо красивѣе гречанокъ, да и костюмъ ихъ гораздо живописнѣе. Онѣ дольше сохраняютъ свою изящную внѣшность, потому что все время проводятъ на открытомъ воздухѣ. Надо замѣтить, что арнаутскій языкъ не имѣетъ письменности, а потому слова этой пѣсни, какъ и слѣдующей, переданы согласно ихъ произношенію. Онѣ записаны человѣкомъ, который хорошо знаетъ этотъ языкъ и говоритъ на немъ; онъ аѳинскій уроженецъ.

*) Албанцы, особенно женщины, часто называются «Калиріоти»; почему—мнѣ не удалось узнать.

1.

Ndi sefda tinde ulavossa
Vettimi upri vi lofsa.

Я ранент любовью къ тебѣ и пылаю отъ любви.

2.

Ah vaisisso mi privi lofso.
Si mi rini mi la vosse.

Ты извела меня, дѣвушка! Ты поразила мое сердце.

3.

Uti tasa roba stua
Sitti eve tulati dua.

Я сказалъ, что мнѣ не надо приданаго, кромѣ твоихъ глазъ и рѣсницъ.

4.

Roba stinori ssidua
Qu mi sini vetti dua.

Проклятаго приданаго я не хочу, а хочу только одну тебя.

5.

Qurmini dua civilemi
Roba ti siarmi tildi eni.

Отдай мнѣ свои прелести, а приданое пусть пожретъ огонь.

6.

Utara pisa vaisisso me simi rin ti hapti
Eti mi bire a piste si gui dendroi tillati.

Я люблю тебя, дѣвушка, всей душой, а ты меня бросила, какъ засохшее дерево.

7.

Udi vura udorini udiri cicova cilti mora
Udorini talti hollna u ede caimoni mora.

Если я положилъ мою руку тебѣ на грудь,— какая мнѣ отъ этого польза? Руку я отнялъ, а пламя остается.

Послѣдніе два куплета имѣютъ особый размѣръ и, повидимому, относятся къ другой пѣснѣ. Послѣднія двѣ строчки по идеѣ отчасти напоминаютъ выраженіе Сократа, который, коснувшись рукою одного изъ своихъ учениковъ, Критобула или Клеобула, потомъ нѣсколько дней жаловался на ломоту въ рукѣ до самаго плеча и вслѣдствіе этого весьма благоразумно рѣшилъ впредь учить своихъ учениковъ, не трогая ихъ». (*Прим. Байрона*).

Стр. 74. Строфа LXXII.

Гремятъ барабаны...

«Эти куплеты отчасти заимствованы изъ разныхъ албанскихъ пѣсенъ, насколько я могъ ихъ усвоить въ изложеніи албанца, говорившаго по-ромейски и по-итальянски». (*Прим. Байрона*).

Превизы припомните штурмъ и рѣзню.

«Превиза»—вѣрнѣе «Превеза» (славянское названіе, означающее «перевозъ»).

«Превеза отнята была штурмомъ у французовъ въ октябрѣ 1798 г.» (*Байронъ*). Гарнизонъ города, состоявшій изъ 300 французовъ и 400 грековъ, былъ окруженъ и уничтоженъ пятью тысячами албанцевъ на Никопольской равнинѣ; побѣдители вошли въ городъ и опустошили его. «Албанцы очень гордились взятіемъ Превезы, воспѣвали его въ пѣсняхъ, и между ними не было, кажется, ни одного, который не произносилъ бы имени Али-паши съ особенно энергическимъ выраженіемъ». (*Гобгоузъ*).

Стр. 76. LXXIII.

Эллада, прежней доблести могила!

«Нѣсколько мыслей объ этомъ предметѣ находится въ прилагаемыхъ замѣткахъ». (*Байронъ*). См. дальше (стр. 492) «Дополнит. примѣчанія».

Стр. 76. Строфа LXXIV.

Когда ты шелъ за Ѳразибуломъ вслѣдъ.

«Ѳразибулъ, прежде чѣмъ изгнать изъ Аѳинъ «Совѣтъ тридцати», взялъ Филэ, отъ которой еще остаются значительныя развалины. Съ высоты этого укрѣпленія открывается прекрасный видъ на Аѳины». (*Байронъ*).

Съ этого мѣста Байронъ и Гобгоузъ впервые увидѣли Аѳины, 26 декабря 1809 г. Развалины, по сообщенію Гобгоуза, называются теперь Вичла-Кастро, т. е. Часовая башня.

Стр. 78. LXXVII.

Быть можетъ, вагабиты съ силой новой
Зальютъ рѣкой кровавою Востокъ.

«Мекка и Медина были захвачены, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вагабитами,—сектой, съ каждымъ годомъ расширяющейся». (*Байронъ*).

Вагабиты, названіе которыхъ происходитъ отъ имени арабскаго шейха Мохаммедъ-бенъ-Абдэль Вагабъ, появились въ центральной Аравіи, въ провинціи Неджъ, около 1760 года. Полу-соціалисты, полу-пуритане они требовали буквальнаго исполненія предписаній Корана. Въ 1803—4 гг. они разграбили Мекку и Медину, а въ 1808 г. вторглись въ Сирію и овладѣли Дамаскомъ. Во время пребыванія Байрона на Востокѣ они находились на вершинѣ своего могущества и казались угрожающими самому существованію Турецкой имперіи.

Стр. 78. LXXIX.

Стамбулъ, столица древней Византіи.

Байронъ провелъ въ Константинополѣ два мѣсяца, съ 14 мая по 14 іюля 1810 г. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ говоритъ: «Я видѣлъ развалины Аѳинъ, Эфеса и Дельфъ; проѣхалъ большую часть Турціи и много другихъ странъ Европы, а также нѣкоторыя мѣстности Азіи; но никогда не видѣлъ произведенія природы или искусства, которое вызывало бы такое сильное впечатлѣніе, какъ видъ въ обѣ стороны отъ Семибашеннаго замка до конца Золотого Рога».

Стр. 80. Строфа LXXXV.

Сіяетъ горъ твоихъ отъ солнечныхъ лучей
Не таетъ...

«На многихъ горахъ, и въ частности—на Ліакурѣ, снѣгъ никогда не исчезаетъ, несмотря на чрезвычайные лѣтніе жары; но въ долинахъ я его никогда не видалъ, даже зимой». (*Байронъ*).

Стр. 81. LXXXVI.

Кой-гдѣ стоитъ колонна одиноко...

«Мраморъ для постройки аѳинскихъ общественныхъ зданій брался изъ горы Пентелика, которая теперь называется Менделп. Огромная пещера, образовавшаяся отъ каменоломни, существуетъ до сихъ поръ и будетъ существовать вѣчно». (*Байронъ*).

Стр. 82. Строфа LXXXIX.

При словѣ: «Маравонъ» воспоминанья...

«Siste viator,—heroa calcas!» (Стой, путникъ,—ты попрасшь прахъ героя!) такова была эпитафія знаменитаго графа Мерси *). Что же должны мы чувствовать, стоя на курганѣ двухсотъ грековъ, павшихъ при Маравонѣ? Главная могила недавно была раскопана Фовелемъ; изслѣдователемъ было найдено лишь немного остатковъ древности (вазъ и т. п.). Мнѣ предлагали купить Маравонскую равнину за 16 тыс. піастровъ,—около 900 фунтовъ стерлинговъ. Увы! «Expende quot libras in duce summo—invenies!» (Взвѣсь—и узнаешь, сколько *фунтовъ* въ главномъ вождѣ!) **). Неужели прахъ Мильтіада не стоилъ больше? Я едва ли могъ бы купить иначе, какъ на *вѣсъ*» (*Прим. Байрона*). Байронъ посѣтилъ Маравонъ 25 янв. 1810 г.

Стр. 85. Строфа XCVIII.

Сознанье, что друзей сгубило время.
Что одинокъ страдалецъ на землѣ.

Эта строфа была написана 11 октября 1811 г. Въ тотъ же день Байронъ писалъ Даллясу: «Смерть опять нанесла мнѣ ударъ: я лишился человѣка, который былъ мнѣ очень дорогъ въ лучшіе дни; но «я почти совсѣмъ забылъ вкусъ горя», ***) и «ужасомъ напитанъ» ****) до того, что сталъ совсѣмъ безчувственнымъ; у меня не осталось ни одной слезы для такого событія, которое, пять лѣтъ тому назадъ, пригнуло бы меня головой къ землѣ. Мнѣ какъ будто суждено было въ юности испытать всѣ величайшія несчастія моей жизни. Друзья падаютъ вокругъ меня, и я останусь одинокимъ деревомъ раньше, чѣмъ засохнуть. Другіе люди всегда могутъ найти себѣ убѣжище въ своей семьѣ; у меня нѣтъ убѣжища, кромѣ собственныхъ размышленій, а они не даютъ никакого утѣшенія ни теперь, ни въ будущемъ, кромѣ эгоистическаго удовольствія переживать людей, которые лучше меня. Я въ самомъ дѣлѣ очень несчастенъ, и вы извините меня за то, что я это говорю, такъ какъ вамъ извѣстно, что я неспособенъ притворяться чувствительнымъ».

Дополнительныя примѣчанія Байрона къ II пѣснѣ «Чайльдъ-Гарольда».

I *****).

Прежде, чѣмъ говорить что-нибудь о городѣ, о которомъ каждый путешественникъ или не путешественникъ считаетъ необходимымъ что-нибудь сказать, я попрошу миссъ Оуэнсонъ *), если она пожелаетъ набрать аѳинянку героиней своего слѣдующаго четырехтомнаго романа, выдать ее замужъ за какого-нибудь болѣе приличнаго господина, нежели «Дпсдаръ-ага» (который, кстати сказать, вовсе и не ага),—самый невѣжливый изъ мелкихъ офицеровъ, величайшій покровитель грабежа, какого когда-либо видѣли Аѳины (за исключеніемъ лорда Эльджина), недостойно занимающій Акрополь съ недурнымъ жалованьемъ 150 піастровъ (8 ф. ст.) въ годъ, изъ котораго долженъ только оплачивать содержаніе своего гарнизона, самаго иррегулярнаго войска въ не-регулярной (дурно управляемой) Оттоманской имперіи. Я говорю это съ нѣжностью, такъ какъ однажды я уже былъ причиною того, что супругъ «Иды Аѳинской» чуть не подвергся наказанію палками, и такъ какъ сказанный «Дпсдаръ»—мужъ сердитый и бьетъ свою жену, поэтому я прошу и умоляю миссъ Оуэнсонъ домогаться для «Иды» права жить отдѣльно отъ мужа. Предпославъ это замѣчаніе, касающееся предмета, столь важнаго для читателей романовъ, я могу теперь оставить Иду и обратиться къ мѣсту ея рожденія.

Оставляя въ сторонѣ магическую силу имени и всѣ тѣ ассоціаціи идей, повторять которыя было бы излишнимъ педантствомъ, самое мѣстоположеніе Аѳинъ не можетъ не быть привлекательнымъ для всѣхъ, кто способенъ любоваться произведеніями искусства или природою. Что касается климата, то здѣсь,—такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ показалось,—постоянная весна; въ продолженіе восьми мѣсяцевъ не было дня, чтобы я не ѣздилъ верхомъ; дождь идетъ очень рѣдко, снѣга въ долинахъ никогда не бываетъ, а пасмурный день является пріятнымъ исключеніемъ. Ни въ Испаніи, ни въ Португаліи, и нигдѣ на Востокѣ, гдѣ мнѣ пришлось побывать, кромѣ Іоніи и Аттики, я не видѣлъ такой рѣзкой разницы мѣстнаго климата съ нашимъ англійскимъ; въ Константинополѣ, гдѣ я пробылъ май, іюнь и часть іюля (1810), вы имѣете полное право проклинать климатъ и жаловаться на сплинъ пять дней въ недѣлю.

Воздухъ въ Морећ тяжелый и нездоровый, но какъ только вы проѣдете Коринѳскій перешеекъ по направленію къ Мегарѣ, сейчасъ же чувствуется очень замѣтная перемѣна. Впрочемъ, я опасаюсь, что Гезіодъ, все-таки, окажется правымъ въ своемъ описаніи беотійской зимы.

Въ Ливадіи мы нашли ésprit fort въ лицѣ греческаго епископа, который не уступитъ любому

*) Франсуа Мерси де-Лоррэнъ, сражавшійся противъ протестантовъ во время Тридцатилѣтней войны, былъ смертельно раненъ въ сраженіи при Нордлингенѣ, 3 августа 1645 г.

**) Стихъ Ювенала (Expende Annibalem. и пр.), взятый эпиграфомъ къ одѣ Байрона) «Къ Наполеону Бонапарту» написанной 10 апрѣля 1814 г. См. выше, стр. 345.

***) См. введеніе, стр. 4—5.

****) Выраженія *Макбета* (V,5).

*****) «Я пишу примѣчанія къ своему quarto (Меррей хочетъ издать непремѣнно quarto), а Гоббоузъ пишетъ текстъ своего quarto; если вы зайдете къ Меррею или Кауторну, вы услышите и о томъ, и о другомъ», говоритъ Байронъ въ письмѣ къ Ходжсону отъ 25 сент. 1811 г. «Я нападаю на Де-Паува, Торнтона, лорда Эльджина, на Испанію, Португалію, *Эдинбургское Обозрѣніе*, путешественниковъ, художниковъ, антикваріевъ и прочихъ: видите, какое блюдо кислой капусты полемики я изготовлю для самого себя. Теперь я уже за себя не отвѣчаю; коли меня съ самаго начала заставили разсердиться, такъ я дойду до конца. Vae victis! Если я паду,—я паду со славой, сражаясь съ врагомъ».

*) Миссъ Оуэнсонъ (лэди Моргэнъ, 1783 — 1859) въ 1812 г. напечатала романъ: «Женщина, или Ида-аѳинянка», въ 4-хъ томахъ.

свободному мыслителю! Сей почтенный ханжа съ великой неустрашимостью издѣвался надъ своей религіей (только не передъ своей паствой) и называлъ мессу «coglioneria» (чепуха, обманъ). По этой причинѣ намъ нельзя было быть о немъ хорошаго мнѣнія; но для беотійца, несмотря на всѣ свои нелѣпости, онъ все-таки былъ довольно оживленъ. Этотъ феноменъ (за исключеніемъ, разумѣется, Ѳивъ, развалинъ Херонеи, Платейской равнины, Орхомена, Ливадіи и ея такъ называемой пещеры Трофонія) былъ единственной замѣчательною вещью, которую мы видѣли прежде перехода черезъ гору Киѳеронъ.

Диркейскій источникъ ворочаетъ колеса мельницы; мой сотоварищъ (который, рѣшивъ быть одновременно и классикомъ, и чистоплотнымъ, въ немъ выкупался) призналъ этотъ источникъ за Диркейскій, и всякій, кто пожелаетъ, можетъ съ нимъ не согласиться. Въ Кастри мы напились изъ цѣлой полудюжины ручейковъ, изъ которыхъ иные не отличались идеальной чистотою, прежде, чѣмъ рѣшить, къ нашему удовольствію, который изъ нихъ — подлинный Кастальскій ключъ; но и у него былъ вкусъ довольно скверный, вѣроятно — отъ снѣга, хотя онъ и не наградилъ насъ эпической лихорадкой, какъ бѣднаго доктора Чендлера.

Съ высоты форта Фялэ, отъ котораго еще остались значительныя развалины, передъ нашими глазами сразу открылась равнина Аѳинъ, Пентеликъ, Гиметтъ, Эгейское море и Акрополь; по моему, этотъ видъ прекраснѣе даже вида Синтры или Стамбула. Съ нимъ не можетъ равняться видъ изъ Троады, съ Идой, Геллеспонтомъ и Ассосской горой вдали,— хотя этотъ видъ и гораздо обширнѣе.

Я много слыхалъ о красотѣ Аркадіи, но за исключеніемъ вида изъ Мегаспелійскаго монастыря (который, по обширности, уступаетъ виду изъ Ципцы) и спуска съ горъ на дорогу изъ Триполицы въ Аргосъ, Аркадія представляетъ не много достойнаго ея имени.

Sternitur, et *dulces* moriens reminiscitur Argos.
(*Aeneid.* X, 782).

Виргилій могъ вложить эти слова только въ уста аргосца, но (при всемъ почтеніи) Аргосъ не заслуживаетъ такого эпитета. И если Полиникъ Стація «in mediis audit duo littora campis» (*Thebaid.* I, 335) въ самомъ дѣлѣ слышалъ оба берега, переходя по Коринѳскому перешейку, то значитъ, у него уши были лучше, чѣмъ у кого бы то ни было проѣзжавшаго здѣсь послѣ него.

«Аѳины», говоритъ знаменитый топографъ *), «все еще остаются самымъ цивилизованнымъ городомъ въ Греціи». Да, *въ Греціи* — можетъ быть; но не *у грековъ*, такъ какъ всѣ они признаютъ Янину, въ Эпирѣ, лучшимъ городомъ по здровому климату, по условіямъ жизни, образованности и даже по языку ея жителей. Аѳиняне замѣчательны своей ловкостью, а низшіе классы аѳинскаго населенія довольно удачно характеризуются пословицей, которая ставитъ ихъ наряду съ «салоникскими евреями и негропонтскими турками».

Среди различныхъ иностранцевъ, живущихъ въ Аѳинахъ,—французовъ, итальянцевъ, нѣмцевъ, рагузанцевъ и пр.,—никогда не было разногласій въ отзывахъ о качествахъ грековъ, хотя по всѣмъ прочимъ вопросамъ они довольно рѣзко между собою расходятся.

Французскій консулъ г. Фовель, проведшій тридцать лѣтъ преимущественно въ Аѳинахъ, человѣкъ, которому никто изъ знавшихъ его не можетъ отказать въ признаніи за нимъ качествъ талантливаго художника и обходительнаго джентльмена, часто говорилъ въ моемъ присутствіи, что греки не заслуживаютъ освобожденія; онъ доказывалъ это ссылкою на ихъ «національную и личную развращенность», забывая, что эта развращенность происходитъ отъ причинъ, устранить которыя возможно только тѣмъ способомъ, какого онъ не одобряетъ.

ГЕРЦОГИНЯ РИЧМОНДЪ.
(*Duchess of Richmond*).

Г. Рокъ, почтенный французскій коммерсантъ, уже давно поселившійся въ Аѳинахъ, умѣрялъ съ весьма забавною важностью: «Сэръ, это все та же *волочь*, какая была *въ дни Ѳемистокла!*» замѣчаніе, непріятное для «хвалителей временъ протекшихъ». Древніе греки изгнали Ѳемистокла, новые надуваютъ г. Рока; такова всегда была участь великихъ людей!

Однимъ словомъ, всѣ французы, постоянно здѣсь живущіе, и большинство временно пребывающихъ англичанъ, нѣмцевъ, датчанъ и пр. держатся о грекахъ одного и того же мнѣнія, и большею частью по тѣмъ же основаніямъ, въ силу которыхъ турокъ въ Англіи станетъ осуждать огуломъ всю націю за то, что онъ былъ обманутъ лакеемъ или обсчитанъ прачкой.

Конечно, нельзя было не поколебаться, когда гг. Фовель и Лузіери, два величайшихъ современныхъ демагога, раздѣляющіе между собою власть Перикла и популярность Клеона и изумляющіе всеводу своими постоянными раздорами, сошлись другъ съ другомъ въ рѣшительномъ, nulla virtute redemptum (*Juvenal.* Sat. I, 4, 2) осужденіи грековъ вообще и аѳинянъ въ частности. Что касается моего скромнаго мнѣнія, то я не хочу его высказывать, зная, что въ рукописи уже находится не менѣе пяти путешествій, весьма обширныхъ и весьма внушительнаго вида, приготовленныхъ къ печати людьми почтенными и остроумными, не считая обычныхъ книгъ, составленныхъ изъ общихъ мѣстъ; но, если мнѣ позволено будетъ сказать это, никого не обижая, мнѣ кажется немножко смѣлымъ заявлять такъ рѣшительно и упорно, какъ это почти всѣ дѣлаютъ, что греки не могутъ стать лучше, потому что они очень худы.

Итонъ и Соппини ввели насъ въ заблужденіе своими панегириками и проектами; но, съ другой

*) *Gell*, Itinerary of Greece, 1810.

стороны, Де-Пуавъ и Торнтонъ унизили грековъ гораздо больше, чѣмъ они того заслуживаютъ *).

Греки никогда не будутъ независимыми; они никогда не сдѣлаются господами, какими были нѣкогда,—и не дай Богъ, чтобы сдѣлались; но они могутъ быть подданными, не будучи рабами. Наши колоніи независимы, но свободны и дѣятельны; такою же можетъ сдѣлаться впослѣдствіи и Греція.

Въ настоящее время, подобно католикамъ въ Ирландіи и евреямъ во всемъ свѣтѣ, подобно всѣмъ прочимъ народамъ, находящимся подъ палками, они претерпѣваютъ всяческія нравственныя и физическія напасти, какія только можетъ терпѣть человѣчество. Вся ихъ жизнь есть борьба съ правдой; они порочны ради самозащиты. Они до такой степени не привыкли къ вѣжливому обращенію, что когда случайно его встрѣчаютъ, относятся къ нему съ подозрѣніемъ, подобно тому какъ собака, которую часто бьютъ, хватаетъ васъ за пальцы, если вы вздумаете ее приласкать. «Они неблагодарны, завѣдомо, страшно неблагодарны!» таково общее мнѣніе. Но, во имя Немезиды,—за что же имъ быть благодарными? Гдѣ то человѣческое существо, которое когда-либо оказало благодѣяніе греку или грекамъ? Они должны быть благодарны туркамъ за оковы, франкамъ за нарушенныя обѣщанія и коварные совѣты. Они должны быть благодарны художнику, который срисовываетъ ихъ развалины, и антикварію, который эти развалины увозитъ; путешественнику, конвой котораго ихъ бьетъ, писателю, дневникъ котораго ихъ злословитъ. Вотъ и всѣ ихъ обязанности по отношенію къ иностранцамъ

II.

Францисканскій монастырь.

Аѳины, 23 января 1811 г.

Среди остатковъ варварскаго политическаго строя прежнихъ вѣковъ находятся слѣды рабства, все еще существующаго въ различныхъ странахъ, обитатели которыхъ, какъ бы они ни отличались другъ отъ друга по своей вѣрѣ и обычаямъ, почти всѣ подвергаются одинаковому притѣсненію.

Англичане, наконецъ, сжалились надъ своими [illegible]; при менѣе фарисейскомъ правительствѣ, [illegible] можетъ быть, когда-нибудь освободятъ и [illegible] братьевъ-католиковъ; но только иностранное вмѣшательство можетъ освободить грековъ, которые иначе такъ же мало могутъ разсчитывать на избавленіе отъ турокъ, какъ евреи—на [illegible] отъ человѣчества вообще.

[illegible] древнихъ грекахъ мы знаемъ болѣе, чѣмъ [illegible] по крайней мѣрѣ, молодые люди въ [illegible] отдаютъ много времени изученію греческихъ [illegible] и исторіи, хотя это время можно [illegible] съ большею пользою на изученіе [illegible] собственной страны. Современными греками мы пренебрегаемъ, можетъ быть, больше, чѣмъ они того заслуживаютъ; и въ то время какъ всякій, претендующій на титулъ образованнаго человѣка, мучитъ себя въ молодости, а иногда и въ болѣе позднемъ возрастѣ, изучая греческій языкъ и рѣчи аѳинскихъ демагоговъ въ защиту свободы,—дѣйствительные или предполагаемые потомки этихъ смѣлыхъ республиканцевъ оставляются на жертву деспотизму своихъ владыкъ, хотя лишь очень незначительное усиліе нужно для того, чтобы сбросить съ нихъ эти цѣпи.

Говорить, какъ говорятъ сами греки, о возможности для нихъ снова занять прежнее высокое положеніе было бы смѣшно, и весь міръ засвидѣтельствовалъ бы только свое варварство, утвердивъ политическую самостоятельность Греціи; но кажется, не встрѣтилось бы большихъ препятствій,—кромѣ развѣ апатіи франковъ, — къ тому, чтобы обратить Грецію въ полезное вассальное владѣніе, или даже и въ свободное государство съ собственной гарантіей; впрочемъ, надо сказать, что многіе хорошо освѣдомленные люди сомнѣваются въ практической возможности даже такого исхода.

Греки никогда не теряли надежды, хотя въ настоящее время они еще болѣе прежняго не сходятся между собою въ мнѣніяхъ о томъ, кто можетъ явиться ихъ вѣроятнымъ освободителемъ. Религія побуждаетъ ихъ надѣяться на Россію: но они уже дважды были обмануты и покинуты этой державой и никогда не забудутъ страшнаго урока, полученнаго ими послѣ русскаго отступленія изъ Мореи. Французовъ они не любятъ; хотя порабощеніе остальной Европы, по всей вѣроятности, поможетъ освобожденію материковой Греціи. Жители острововъ надѣются на помощь англичанъ, такъ какъ послѣдніе еще очень недавно владѣли островами Іонической республики, за исключеніемъ Корфу *). Но всякій, кто явится къ нимъ съ оружіемъ въ рукахъ, будетъ встрѣченъ съ радостью; и когда этотъ день наступитъ,—тогда пусть небо сжалится надъ турками, потому что отъ гяуровъ имъ жалости ожидать нельзя.

Но вмѣсто того, чтобы разсуждать о томъ, чѣмъ греки были, и пускаться въ предположенія о томъ, чѣмъ они могутъ стать, лучше посмотримъ, каковы они теперь.

И въ этомъ отношеніи нѣтъ возможности примирить противоположныя мнѣнія: одни—въ особенности торговцы, самымъ рѣшительнымъ образомъ высказываются противъ грековъ; другіе — преимущественно путешественники—слагаютъ краснорѣчивые періоды въ ихъ похвалу и печатаютъ весьма курьезныя размышленія объ ихъ прежнемъ положеніи, которое на ихъ настоящую судьбу имѣетъ такъ же мало вліянія, какъ существованіе Инковъ—на будущее благосостояніе Перу.

Одинъ очень умный человѣкъ называетъ грековъ «естественными союзниками англичанъ»; другой, не менѣе умный, не желаетъ позволять имъ быть чьими бы то ни было союзниками и отрицаетъ подлинность ихъ происхожденія отъ древнихъ грековъ; третій, еще болѣе умный, чѣмъ

---

*) [illegible] (1798—1809) напечаталъ «[illegible] Имперіи», въ которомъ выступилъ [illegible] независимости грековъ. *Сонъ* [illegible] (1751—1812), другой пылкій [illegible] напечаталъ въ 1801 г. «Путешествіе [illegible] Корнеліусъ *Де-Пауъ* (1739—[illegible]) напечаталъ въ 1787 г. «[illegible] о грекахъ». Томасъ [illegible] сочиненіе подъ заглавіемъ: Современное состояніе Турціи».

*) Іоническіе острова, за исключеніемъ Корфу и Паксоса, достались англичанамъ въ 1809. 1810 гг. Паксосъ былъ взятъ въ 1814 г., а Корфу, блокированный Наполеономъ, сдался только послѣ реставраціи Бурбоновъ, въ 1815 г.

стороны, Де-Пуавъ и Торнтонъ упизали грековъ гораздо больше, чѣмъ они того заслуживаютъ *).

Греки никогда не будутъ независимыми; они никогда не сдѣлаются господами, какими были нѣкогда,—и не дай Богъ, чтобы сдѣлались; но они могутъ быть подданными, не будучи рабами. Наши колоніи независимы, но свободны и дѣятельны; такою же можетъ сдѣлаться впослѣдствіи и Грецію.

Въ настоящее время, подобно католикамъ въ Ирландіи и евреямъ по всемъ свѣтѣ, подобно всѣмъ прочимъ народамъ, находящимся подъ палками, они претерпѣваютъ всяческія нравственныя и физическія напасти, какія только можетъ терпѣть человѣчество. Вся ихъ жизнь есть борьба съ правдой; они порочны ради самозащиты. Они до такой степени не привыкли къ вѣжливому обращенію, что когда случайно его встрѣчаютъ, относятся къ нему съ подозрѣніемъ, подобно тому какъ собака, которую часто бьютъ, хватаетъ васъ за пальцы, если вы вздумаете ее приласкать. «Они неблагодарны, завѣдомо, страшно неблагодарны!» таково общее мнѣніе. Но, во имя Немезиды,—за что же имъ быть благодарными? Гдѣ то человѣческое существо, которое когда-либо оказало благодѣяніе греку или грекамъ? Они должны быть благодарны туркамъ за оковы, франкамъ за нарушенныя обѣщанія и коварные совѣты. Они должны быть благодарны художнику, который срисовываетъ ихъ развалины, и антикварію, который эти развалины увозитъ; путешественнику, копьей котораго ихъ бьетъ, писателю, дневникъ котораго ихъ злословитъ. Вотъ и всѣ ихъ обязанности по отношенію къ иностранцамъ

II.

Францискапскій монастырь.

Аѳины, 23 января 1811 г.

Среди остатковъ варварскаго политическаго строя прежнихъ вѣковъ находятся слѣды рабства, все еще существующаго въ различныхъ странахъ, обитатели которыхъ, какъ бы они ни отличались другъ отъ друга по своей вѣрѣ и обычаямъ, почти всѣ подвергаются одинаковому притѣсненію.

Англичане, наконецъ, сжалились надъ своими неграми; при менѣе фарисейскомъ правительствѣ, они, можетъ быть, когда-нибудь освободятъ и своихъ братьевъ-католиковъ; но только иностранное вмѣшательство можетъ освободить грековъ, которые иначе такъ же мало могутъ разсчитывать на избавленіе отъ турокъ, какъ еврей—на избавленіе отъ человѣчества вообще.

О древнихъ грекахъ мы знаемъ болѣе, чѣмъ достаточно; по крайней мѣрѣ, молодые люди въ Европѣ отдаютъ много времени изученію греческихъ писателей и исторіи, хотя это время можно было бы употреблять съ большею пользою на изученіе исторіи собственной страны. Современными

*) Вильямъ *Итонъ* (1798—1809) напечаталъ «Обзоръ Турецкой Имперіи», въ которомъ выступилъ защитникомъ независимости грековъ. *Сочинни* де-Мапонкуръ (1751—1812), другой пылкій филэллинъ, напечаталъ въ 1801 г. «Путешествіе по Греціи и Турціи». Корнеліусъ *Де-Паувъ* (1739—1799), голландскій историкъ, напечаталъ въ 1787 г. «Философскія разысканія о грекахъ». Томасъ *Торнтонъ* издалъ въ 1807 г. сочиненіе подъ заглавіемъ: Современное состояніе Турціи».

греками мы пренебрегаемъ, можетъ быть, больше, чѣмъ они того заслуживаютъ; и въ то время какъ всякій, претендующій на титулъ образованнаго человѣка, мучитъ себя въ молодости, а иногда и въ болѣе позднемъ возрастѣ, изучая греческій языкъ и рѣчи аѳинскихъ демагоговъ въ защиту свободы,—дѣйствительные или предполагаемые потомки этихъ смѣлыхъ республиканцевъ оставляются на жертву деспотизму своихъ владыкъ, хотя лишь очень незначительное усиліе нужно для того, чтобы сбросить съ нихъ эти цѣпи.

Говорить, какъ говорятъ сами греки, о возможности для нихъ снова занять прежнее высокое положеніе было бы смѣшно, и весь міръ засвидѣтельствовалъ бы только свое варварство, утвердивъ политическую самостоятельность Греціи; но, кажется, не встрѣтилось бы большихъ препятствій,—кромѣ развѣ апатіи франковъ, — къ тому, чтобы обратить Грецію въ полезное вассальное владѣніе, или даже и въ свободное государство съ собственной гарантіей; впрочемъ, надо сказать, что многіе хорошо освѣдомленные люди сомнѣваются въ практической возможности даже такого исхода.

Греки никогда не теряли надежды, хотя въ настоящее время они еще болѣе прежняго не сходятся между собою въ мнѣніяхъ о томъ, кто можетъ явиться ихъ вѣроятнымъ освободителемъ. Религія побуждаетъ ихъ надѣяться на Россію: но они уже дважды были обмануты и покинуты этой державой и никогда не забудутъ страшнаго урока, полученнаго ими послѣ русскаго отступленія изъ Морен. Французовъ они не любятъ: хотя порабощеніе остальной Европы, по всей вѣроятности, поможетъ освобожденію материковой Греціи. Жители острововъ надѣются на помощь англичанъ, такъ какъ послѣдніе еще очень недавно владѣли островами Іонической республики, за исключеніемъ Корфу *). Но всякій, кто явится къ нимъ съ оружіемъ въ рукахъ, будетъ встрѣченъ съ радостью; и когда этотъ день наступитъ,—тогда пусть небо сжалится надъ турками, потому что отъ гяуровъ имъ жалости ожидать нельзя.

Но вмѣсто того, чтобы разсуждать о томъ, чѣмъ греки были, и пускаться въ предположенія о томъ, чѣмъ они могутъ стать, лучше посмотримъ, каковы они теперь.

И въ этомъ отношеніи нѣтъ возможности примирить противоположныя мнѣнія: одни—въ особенности торговцы, самымъ рѣшительнымъ образомъ высказываются противъ грековъ; другіе — преимущественно путешественники—слагаютъ краснорѣчивые періоды въ ихъ похвалу и печатаютъ весьма курьезныя размышленія объ ихъ прежнемъ положеніи, которое на ихъ настоящую судьбу имѣетъ такъ же мало вліянія, какъ существованіе Инковъ—на будущее благосостояніе Перу.

Одинъ очень умный человѣкъ называетъ грековъ «естественными союзниками англичанъ»; другой, не менѣе умный, не желаетъ позволять имъ быть чьими бы то ни было союзниками и отрицаетъ подлинность ихъ происхожденія отъ древнихъ грековъ; третій, еще болѣе умный, чѣмъ

*) Іоническіе острова, за исключеніемъ Корфу и Паксоса, достались англичанамъ въ 1809—1810 гг. Паксосъ былъ взятъ въ 1814 г., а Корфу, блокированный Наполеономъ, сдался только послѣ реставраціи Бурбоновъ, въ 1815 г.

первые два, сочиняетъ греческую имперію на русской основѣ и осуществляетъ (на бумагѣ) всѣ фантазіи Екатерины II. Что касается вопроса объ ихъ происхожденіи, то развѣ не все равно, происходятъ ли майноты прямо отъ спартанцевъ или нѣтъ, и можно ли назвать нынѣшнихъ аеинянъ такими же туземцами Аттики, какъ гиметскихъ пчелъ или кузнечиковъ, съ которыми они когда-то себя сравнивали? *) Что за дѣло англичанину, течетъ ли въ его жилахъ датская, саксонская, норманская или троянская кровь? И кто, кромѣ валлійца, удрученъ желаніемъ непремѣнно происходить отъ Карактака?

Бѣдные греки вовсе не такъ богаты благами міра сего, чтобы нужно было оспаривать даже ихъ притязанія на древность; а потому г. Торнтонъ поступаетъ очень жестоко, желая отнять у нихъ все, что имъ оставило время, т. е. ихъ родословную, которую они защищаютъ тѣмъ упорнѣе, что вѣдь только ее и могутъ назвать своею собственностью. Слѣдовало бы издать вмѣстѣ и сравнить между собою сочиненія гг. Торнтона и Де-Паува, Итона и Соннини: на одной сторонѣ—парадоксъ, на другой предразсудокъ. Г. Торнтонъ полагаетъ, что онъ имѣетъ право на довѣріе публики, потому что прожилъ четырнадцать лѣтъ въ Перѣ; можетъ быть, онъ и можетъ компетентно говорить о туркахъ, но это не даетъ ему правильнаго понятія о дѣйствительномъ положеніи Греціи, точно такъ же, какъ многолѣтнее пребываніе въ Уоппингѣ не даетъ возможности судить о западной Шотландіи.

Константинопольскіе греки живутъ въ Фаналѣ **), и если г. Торнтонъ переѣзжалъ черезъ Золотой Рогъ не чаще, чѣмъ это обыкновенно дѣлаютъ другіе его товарищи по торговлѣ, то я не могу особенно полагаться на его освѣдомленность. Я недавно слышалъ, какъ одинъ изъ этихъ джентльменовъ хвастался своимъ малымъ знакомствомъ съ городомъ и съ побѣдительнымъ видомъ увѣрялъ, что онъ за столько-то лѣтъ былъ въ Константинополѣ всего четыре раза.

Что касается поѣздокъ г. Торнтона на греческихъ судахъ по Черному морю, то онѣ могли дать ему такое же понятіе о Греціи, какъ переѣздъ на шотландскомъ «смакѣ» въ Бервикъ—о домѣ Джонни Грота. На какихъ же основаніяхъ онъ желаетъ присвоить себѣ право осуждать огуломъ цѣлый народъ, о которомъ онъ очень мало знаетъ? Курьезно, что г. Торнтонъ, который такъ щедръ на упреки Пуквиллю во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается турокъ, все-таки обращается къ нему какъ къ авторитету по части грековъ и называетъ его безпристрастнымъ наблюдателемъ. Но докторъ Пуквилль имѣетъ такъ же мало правъ на такое названіе, какъ и г. Торнтонъ—на его раздачу.

Въ дѣйствительности, наши свѣдѣнія о грекахъ, и въ частности—объ ихъ литературѣ, находятся въ самомъ плачевномъ состояніи, и нѣтъ вѣроятности, чтобы мы познакомились съ этимъ предметомъ лучше до тѣхъ поръ, пока наши отношенія къ нимъ не станутъ болѣе близкими или пока они не получатъ независимости. На сообщенія проѣзжихъ путешественниковъ такъ же мало можно полагаться, какъ и на сплетни раздосадованныхъ торговыхъ агентовъ; но пока, за неимѣніемъ лучшаго, мы должны довольствоваться и тѣмъ малымъ, что пріобрѣтается изъ подобныхъ источниковъ *).

Какими бы недостатками ни отличались эти источники, ихъ все-таки слѣдуетъ предпочесть парадоксамъ людей, которые поверхностно читали древнихъ и ничего не видѣли у новыхъ, какъ Де-Пауву; увѣряя, что англійская порода лошадей испорчена Нью-маркетомъ и что спартанцы были трусливы въ сраженіяхъ, онъ обнаруживаетъ одинаково основательное знаніе англійскихъ лошадей и спартанскихъ людей. Его «философскія» замѣчанія съ большимъ правомъ могли бы называться «поэтическими». Нельзя, конечно, ожидать, чтобы человѣкъ, такъ легко осуждающій нѣкоторыя изъ наиболѣе знаменитыхъ учрежденій древней Греціи, относясь снисходительно къ современнымъ грекамъ; но

*) Майноты или майнаты, называемые такъ отъ Майны, близъ мыса Тенара, были морейскіе горцы, «замѣчательные своею любовью къ насиліямъ и грабежу, но также и своей смѣлостью и независимостью»... «Педанты называли майнатовъ потомками древнихъ спартанцевъ», но «они не могутъ происходить ни отъ илотовъ, ни отъ періэковъ... Они не могутъ имѣть претензій на древнее происхожденіе». (*Финлэй*, Ист. Греціи).

**) Фаналъ, или Фанаръ находится на лѣвомъ, а Пера—на правомъ берегу Золотого Рога. «Золотой Рогъ, протекающій между городомъ и предмѣстьями, составляетъ демаркаціонную линію, за которую рѣдко переходятъ европейскіе жители Константинополя» (*Гобіоузъ*).

*) Одно словечко, мимоходомъ, по адресу г. Торнтона и доктора Пуквилля, которые обвиняютъ другъ друга въ плохомъ пониманіи турецкаго языка.

Д-ръ Пуквилль разсказываетъ длинную исторію объ одномъ мусульманинѣ, глотавшемъ сулему въ такихъ количествахъ, что его прозвали «Сулейманъ ейенъ», т. е., какъ объясняетъ д-ръ,—«Сулейманъ, пожиратель сулемы».—«Ага!» воскликнулъ г. Торнтонъ: «потъ, я васъ и поймалъ!» И въ примѣчаніи вдвое длиннѣе докторскаго анекдота онъ высказываетъ сомнѣніе въ знаніи Пуквиллемъ турецкаго языка и свою увѣренность въ собственныхъ познаніяхъ. «Ибо», замѣчаетъ г. Торнтонъ (угостивъ насъ грубыми причастіями турецкаго глагола), «это значитъ не болѣе, какъ «Сулейманъ ѣдокъ», а дополненіе—«сулема» совершенно отпадаетъ. Оказывается, однако, что оба правы и оба ошибаются. Если г. Торнтонъ, въ слѣдующій разъ, когда ему придется «прожить около 14 лѣтъ въ факторіи», заглянетъ въ турецкій словарь или спроситъ кого-нибудь изъ своихъ стамбульскихъ знакомцевъ, то онъ увидитъ, что «сулейманъ ейенъ», если такъ раздѣлить слова, значитъ именно «пожиратель сулемы» и что никакого «Сулеймана» тутъ нѣтъ: «сулейма» значитъ—*сулема*, а вовсе не собственное имя, хотя то же слово, съ прибавкою буквы *н*, будетъ правовѣрнымъ именемъ. Судя по размышленіямъ г. Торнтона, полнымъ глубокаго оріентализма, ему слѣдовало бы убѣдиться въ этомъ раньше, чѣмъ нѣтъ свой побѣдный пеанъ по поводу «ошибки» д-ра Пуквилля.

Послѣ этого, я думаю, нашимъ девизомъ должно быть: «путешественники противъ торговцевъ», хотя вышесказанный г. Торнтонъ и осудилъ «hoc genus omne» за ошибки и искаженіе фактовъ. «Ne sutor ultra crepidam».—«Торговецъ, суди не выше своихъ тюковъ». NB для г. Торнтона: «Sutor»—не собственное имя. (*Примѣчаніе Байрона*).

счастью, нелѣпость его предположеній относительно ихъ предковъ опровергаетъ его мнѣнія о потомкахъ.

Итакъ, будемъ думать, что, несмотря на пророчества г. Де-Паува и сомнѣнія г. Торитона, все-таки есть основаніе надѣяться на искупленіе племени, которое, каковы бы ни были его религіозныя и политическія ошибки, достаточно за нихъ наказано тремя съ половиною столѣтіями рабства.

III.

Аѳины, Францискапскій монастырь, 17 марта, 1811 г.

«Поговорю съ ученымъ симъ онванщемъ» *). Нѣсколько времени спустя по возвращеніи моемъ сюда изъ Константинополя, я получилъ № 31 «*Эдинбургскаго Обозрѣнія*». Это была большая и, конечно, въ столь отдаленной сторонѣ вполнѣ пріемлемая любезность со стороны капитана одного англійскаго фрегата, стоящаго въ Саламинѣ. Въ этомъ № статья 3 заключаетъ въ себѣ отчетъ о французскомъ переводѣ Страбона, съ нѣкоторыми замѣчаніями о нынѣшнихъ грекахъ и ихъ литературѣ и со свѣдѣніями о Кораи, участвовавшемъ во французскомъ переводѣ **). Эти замѣчанія даютъ мнѣ поводъ сдѣлать и съ своей стороны нѣсколько замѣтокъ, а мѣсто, гдѣ я ихъ теперь пишу, послужитъ, надѣюсь, достаточнымъ извиненіемъ въ томъ, что я включилъ ихъ въ сочиненіе, до нѣкоторой степени къ этому предмету относящееся. Кораи, наиболѣе знаменитый изъ нынѣ живущихъ грековъ,—по крайней мѣрѣ во Франціи, родился на островѣ Хіосѣ (въ *Обозрѣніи* сказано: въ Смирнѣ, но я имѣю основаніе думать, что это невѣрно) и, кромѣ перевода Беккаріи и другихъ упомянутыхъ въ статьѣ сочиненій, издалъ также ромейско (новогреческій) французскій словарь,—если вѣрить показаніямъ нѣкоторыхъ недавно прибывшихъ изъ Парижа датскихъ путешественниковъ; послѣдній видѣнный нами здѣсь греко-французскій словарь принадлежитъ Григорію Золикоглу ***). Кораи недавно вступилъ въ пелюбезныя пререканія съ г. Гэлемъ, парижскимъ комментаторомъ и издателемъ нѣсколькихъ переводовъ изъ греческихъ поэтовъ****); пререканія эти начались изъ-за того, что французскій Институтъ присудилъ Кораи премію за его переводъ сочиненія Иппократа «Περὶ ὕδάτων» и пр., къ обидѣ и неудовольствію сказаннаго г. Гэля. Его литературныя и патріотическія произведенія, безъ сомнѣнія, заслуживаютъ большой похвалы; но извѣстная доля этой похвалы должна принадлежать также и двумъ братьямъ Зосимадо (купцы, живущіе въ Легхорнѣ), которые послали его въ Парижъ и дали ему средства именно на изслѣдованія, касающіяся древнихъ и новѣйшихъ его соотечественниковъ. Надо прибавить, что греки не находятъ, чтобы Кораи сравнялся съ кѣмъ-либо изъ писателей, жившихъ въ теченіе послѣднихъ двухъ столѣтій и въ частности - съ Дорооеемъ Митиленскимъ, сочиненія котораго находятся у грековъ въ такомъ уваженіи, что Мелетій называетъ его «лучшимъ изъ греческихъ писателей послѣ Ѳукидида и Ксенофонта» (Μετὰ τὸν Θουκυδίδην καὶ Ξενοφῶντα ἄριστος Ἑλλήνων»).

Панайотъ Кодрика, переводчикъ Фонтенеля, и Камаразисъ, который перевелъ на французскій языкъ сочиненіе Оцелла Лукана о вселенной, Христодулъ, а въ особенности - Псалида, съ которымъ я познакомился въ Янинѣ, также пользуются высокою репутаціею въ литературномъ кругу. Послѣдній издалъ, на ромейскомъ и латинскомъ языкахъ, сочиненіе «Объ истинномъ счастіи», посвященное Екатеринѣ II *). Что касается Полизоиса, о которомъ авторъ статьи говоритъ, что онъ единственный изъ нынѣшнихъ грековъ, послѣ Кораи, отличившійся знаніемъ древне-греческаго языка, то если это Полизоисъ

*) *Король Лиръ*, *III*, 4.

**) Діамантъ, или Адамантій Кораи (1748 - 1833), ученый филэллинъ, высказалъ свои взгляды на будущность Греціи въ предисловіи къ переводу трактата Беккаріи «О преступленіяхъ и наказаніяхъ» (1764), изданному въ Парижѣ въ 1802 г. Въ 1805 г. онъ началъ издавать «Bibliothèque Hellénique» (вышло 17 томовъ). По происхожденію онъ былъ хіосецъ, но родился въ Смирнѣ. Его автобіографія вышла въ Аѳинахъ, 1891.

***) «У меня имѣется превосходный «трехъязычный» (τετράγλωσσον) словарь, полученный мною отъ г. С. Г. въ промѣнъ на небольшую гемму; мои друзья антиквары никогда не забывали и не прощали мнѣ этого» (*Примѣчаніе Байрона*). Названіе словаря: [Λεξικὸν τετράγλωσσον τῆς Γαλλικῆς, Ἰταλικῆς καὶ Ῥωμαϊκῆς διαλέκτου, 3 тома, Вѣна 1790. Сост. Георгій Вендоти изъ Янины. Въ 1854 г. эта книга принадлежала Гобгоузу.

****) «Въ брошюрѣ Гэля противъ Кораи онъ говоритъ, что «выброситъ нахальнаго эллиниста въ окно». По этому поводу одинъ французскій критикъ восклицаетъ: «Ахъ, Боже мой! Выбросить эллиниста въ окно! Какое святотатство!» Вѣроятно, писатели, проникнутые аттицизмомъ, относятся къ этимъ словамъ серьезно; но я привелъ эти фразы только для того, чтобы указать на сходство стиля у полемистовъ во всѣхъ образованныхъ странахъ; Лондонъ и Эдинбургъ едва ли могутъ сравняться въ изступленіи съ этими парижанами» (*Примѣч. Байрона*).

Жанъ-Батистъ Гэль (1755—1829) былъ профессоромъ греческаго языка въ Collège de France.

*) Дороѳей Митиленскій, писатель XVI вѣка, архіепископъ Монемвасіи (по-англійски «Malmsey»), на юго-восточномъ берегу Лаконіи, былъ авторомъ «Всемірной Исторіи» (Βίβλιον Ἱστορικόν), изд. въ Венеціи, 1637. Мелетій Янинскій (1661—1714) былъ архіепископомъ аѳинскимъ. Его главное сочиненіе—«Древняя и новѣйшая географія», изд. въ Венеціи, 1728. Онъ написалъ также «Церковную Исторію» въ 4-хъ томахъ. Панайотъ Кодрика, профессоръ греческаго языка въ Парижѣ, издалъ въ Вѣнѣ, въ 1794 г., греческій переводъ разговора Фонтенели «О множествѣ міровъ» (переведеннаго также на русскій языкъ кн. А. Д. Кантемиромъ). Іоаннъ Камаразисъ, константинополецъ, перевелъ на французскій языкъ апокрифическій трактатъ De Universi Natura, приписываемый Оцеллу Лукапу, философу пиѳагорейской школы, будто бы процвѣтавшему въ Луканіи въ 5-мъ вѣкѣ до Р. Х. Христодулъ, изъ Акарнаніи, напечаталъ въ Вѣнѣ, въ 1786 г., сочиненіе «О философахъ, философіи, физикѣ, метафизикѣ» и пр. Аѳанасій Псалида издалъ тамъ же, въ 1791 г., «Истинное счастіе». Байронъ и Гобгоузъ познакомились съ нимъ въ Янинѣ, гдѣ онъ былъ учителемъ». «Это былъ», говоритъ Гобгоузъ, «единственный человѣкъ, имѣвшій, хотя и небольшое, собраніе книгъ».

ПРИНЦЕССА ШАРЛОТТА УЭЛЬСКАЯ.

(The Princess Charlotte of Wales).

Лампанитіотъ изъ Янины, напечатавшій нѣсколько изданій на ромейскомъ языкѣ, то онъ былъ ни больше, ни меньше, какъ странствующій книгопродавецъ и къ содержанію продаваемыхъ имъ книгъ не имѣлъ никакого отношенія, кромѣ того, что на ихъ заглавныхъ листахъ выставлено было его имя для огражденія его издательской собственности; кромѣ того, это былъ человѣкъ, совершенно лишенный какихъ-либо научныхъ свѣдѣній. Впрочемъ, такъ какъ это имя попадается нерѣдко, то, можетъ быть, и какой-нибудь другой Полизоисъ издалъ посланія Аристенета.

Слѣдуетъ пожалѣть о томъ, что система континентальной блокады закрыла тѣ немногіе пути, черезъ которые греки получали свои изданія, въ особенности—Венецію и Тріестъ. Даже самые простые букварн для дѣтей слишкомъ вздорожали для низшихъ сословій. Изъ числа оригинальныхъ греческихъ сочиненій слѣдуетъ упомянуть о географіи аѳинскаго епископа Мелетія; существуетъ также много толстыхъ книгъ богословскаго содержанія и небольшихъ книжечекъ стихотвореній; ихъ грамматики и словари для двухъ, трехъ и четырехъ языковъ довольно многочисленны и превосходны. Стихотворенія у нихъ и помѣщенныя. Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ вещей, недавно видѣнныхъ мною, это — сатира въ видѣ разговора между русскимъ, англійскимъ и французскимъ путешественниками и валахскимъ воеводой (Влахъ-бей, какъ они его называютъ), затѣмъ—архіепископомъ, купцомъ и деревенскимъ старостою (Коджа-баши). Всѣхъ этихъ лицъ, послѣ турокъ, авторъ считаетъ виновниками нынѣшняго печальнаго состоянія Греціи. У нихъ есть также красивыя и патетическія пѣсни, но ихъ мотивы большею частью непріятны для европейскаго уха; лучшая изъ нихъ,—знаменитая пѣсня: «Возстаньте, сыны Эллады»! принадлежитъ злополучному Ригѣ *). Но въ лежащемъ теперь передо мною каталогѣ болѣе 60-ти писателей я могъ найти только 15 такихъ, которые писали о другихъ предметахъ, кромѣ богословскихъ.

Одинъ аѳинскій грекъ, по имени Мармароутри, далъ мнѣ порученіе устроить, если будетъ

*) Константинъ Рига (1753—1793), авторъ «греческой марсельезы», былъ выданъ австрійцами туркамъ и разстрѣлянъ въ Бѣлградѣ.

возможно, печатаніе въ Лондонѣ перевода на ромейскій языкъ «Анахарсиса» Бартелеми; если бы это не удалось, ему придется послать рукопись въ Вѣну черезъ Черное море и Дунай.

Авторъ статьи упоминаетъ объ одной школѣ, основанной въ Экатонеси и закрытой по настоянію Себастіани. Дѣло идетъ о Сидоніи или, по-турецки, Гайвали; это городъ на материкѣ; тамъ и до сихъ поръ еще существуетъ упомянутое учрежденіе съ сотнею учащихся и тремя профессорами. Порта, дѣйствительно, хотѣла закрыть это заведеніе, подъ смѣшнымъ предлогомъ, что греки вмѣсто школы строютъ крѣпость; но по разслѣдованіи дѣла и по уплатѣ Дивану нѣсколькихъ кошельковъ его оставили въ покоѣ. Главный профессоръ, по имени Вепіаминъ, говорятъ, человѣкъ талантливый, но свободомыслящій. Онъ родился на Лесбосѣ, учился въ Италіи, хорошій знатокъ древне-греческаго, латинскаго и отчасти французскаго языка; понятія его о наукахъ поверхностны *).

Хотя въ мои намѣренія не входитъ говорить объ этомъ предметѣ подробнѣе, чѣмъ это требуется содержаніемъ разбираемой статьи, однако я не могу не замѣтить, что жалобы автора на паденіе грековъ представляются странными, когда онъ заключаетъ ихъ такими словами: «Эта перемѣна должна быть объясняема скорѣе ихъ злополучіями, нежели какимъ-либо физическимъ вырожденіемъ». Можетъ быть, и справедливо, что греки физически не выродились, и что въ Константинополѣ, въ тотъ день, когда онъ перемѣнилъ своихъ обладателей, было столько же людей шести футовъ и выше ростомъ, какъ и въ дни его благоденствія; но древняя исторія и современная политика поучаютъ насъ, что для сохраненія силы и независимости государства необходимо не одно только физическое совершенство; въ частности же греки являются грустнымъ примѣромъ тѣсной связи между нравственнымъ вырожденіемъ и національнымъ паденіемъ.

Авторъ статьи упоминаетъ о планѣ «кажется» Потемкина касательно очищенія ромейскаго языка; я тщетно пытался добыть какія-нибудь указанія на этотъ планъ или отыскать слѣды его существованія. Въ Петербургѣ существовала для грековъ академія; но она была закрыта Павломъ и не открылась вновь при его преемникѣ.

Въ № 31. «Эдинбургскаго Обозрѣнія» находится ошибка, которая, конечно, можетъ быть только опиской: тамъ сказано: «Говорятъ, что когда столица Востока сдалась *Солиману...*» Надо полагать, что это послѣднее слово будетъ въ слѣдующемъ изданіи замѣнено именемъ Магомета II **). «Константинопольскія дамы», повидимому, въ ту эпоху говорили на діалектѣ, «котораго не постыдились бы уста аѳинянки». Не знаю, какъ было въ дѣйствительности, но, къ сожалѣнію, долженъ сказать, что дамы вообще, а аѳинянки въ частности, очень измѣнились: онѣ далеко не разборчивы въ своемъ діалектѣ или въ своихъ выраженіяхъ; да и все аттическое племя сдѣлалось варварскимъ, оправдывая пословицу:

Ὁ Ἀθῆναι, πρώτη χώρα,
Τί γαϊδάρους τρέφεις τώρα ***);

У Гиббона, т. X, стр. 161, читаемъ: «Народный діалектъ города былъ грубый и варварскій, хотя сочиненія церковныя и придворныя иногда и пытались подражать чистотѣ аттическихъ образцовъ». Что бы ни говорили объ этомъ предметѣ, трудно себѣ представить, чтобы «Константинопольскія дамы» въ царствованіе послѣдняго императора говорили на діалектѣ болѣе чистомъ, нежели тотъ, на которомъ писала Анна Ком-

---

*) Экатоннесн («сто острововъ») — группа острововъ въ Адрамиттскомъ заливѣ, противъ гавани и города Айвали или Айвалика. «Сидонія»— вмѣсто греческаго Κυδωνίς. «Въ Гайвали или Сидонисѣ, насупротивъ Митилены, находится нѣчто вродѣ университета, съ сотней студентовъ и тремя профессорами, подъ управленіемъ одного митиленскаго грека, который преподаетъ не только древне-греческій языкъ, но также и латинскій, французскій и итальянскій». (*Гобгоузъ*). Графъ Себастьяни былъ французскимъ посломъ въ Константинополѣ въ 1806—7 гг.

**) «Въ одномъ изъ прежнихъ нумеровъ «Эдинбургскаго Обозрѣнія» за 1808 годъ замѣчено: Лордъ Байронъ въ ранней молодости провелъ нѣсколько лѣтъ въ Шотландіи, гдѣ могъ узнать, что pibroch не значитъ «волынка» и что duet значитъ «скрипка». Вопросъ: не въ Шотландіи ли молодой джентльменъ изъ «Эдинбургскаго Обозрѣнія» узналъ, что «Солиманъ» значитъ «Магометъ II» и что «критика» значитъ «непогрѣшимость». То-то вотъ и есть:

Caedimus, inque vicem praebemus crura sagittis.
(Persius, Sat. IV, 42).

Ошибка до такой степени очевидно представляется опиской (вслѣдствіе большого *сходства* обоихъ словъ и *полнаго отсутствія* ошибокъ на предыдущихъ страницахъ этого литературнаго левіаѳана), что я прошелъ бы ее молчаніемъ, если бы не замѣчалъ въ «Эдинбургскомъ Обозрѣніи» весьма смѣшливаго восторга по поводу всѣхъ подобныхъ открытій, въ особенности одного недавняго, при которомъ слова и слоги были подвергнуты разбору и перестановкѣ; а вышеприведенный параллельный отрывокъ на мой счетъ неудержимо побуждалъ меня къ размышленію о томъ, что гораздо легче критиковать, нежели быть корректнымъ. *Джентльмены*, нѣсколько разъ наслаждавшіеся *тріумфомъ* по поводу такихъ побѣдъ, едва ли могутъ претендовать на меня за легонькую *овацію* по поводу настоящаго случая». (*Примѣч. Байрона*).

Въ концѣ рецензіи на *Чайльдъ-Гарольда*, помѣщенной въ февральской книжкѣ «Эдинбургскаго Обозрѣнія» 1812 г., издатель включилъ тяжеловѣсное возраженіе на эту безобидную и добродушную шутку Байрона: «Мы не чувствуемъ надобности смущать нашихъ читателей отвѣтомъ на подобныя замѣчанія благороднаго автора.. Замѣтимъ только, что если мы съ удивленіемъ смотрѣли на ту безмѣрную ярость, съ какою несовершеннолѣтній поэтъ отнесся къ невинной шуткѣ и умѣренному порицанію въ нашей рецензіи о первомъ его сочиненіи, то теперь можемъ чувствовать только сожалѣніе при видѣ странной раздражительности его темперамента, которая побуждаетъ его все еще чувствовать личную досаду изъ-за такой причины, или хранить память о личностяхъ, которыя если и были оскорбительны, то въ такой же мѣрѣ были предосудительны для ихъ авторовъ»).

***) «О Аѳины, первая страна въ мірѣ,—отчего ты теперь питаешь толькоословъ?»

пена *) за триста лѣтъ передъ тѣмъ; а ея сочиненія вовсе не считаются образцовыми по слогу, хотя принцесса и отличалась стремленіемъ къ аттицизму (γλῶτταν εἶχεν ἀκριβῶς ἀττικίζουσαν какъ говоритъ Зонара). Въ Фанарѣ и въ Янинѣ говорятъ по-гречески лучше всего; въ Янинѣ процвѣтаетъ школа подъ управленіемъ Псалиды.

Въ настоящее время въ Аѳинахъ находится одинъ изъ учениковъ Псалиды, путешествующій по Греціи; онъ умелъ и воспитанъ лучше любого ученика большинства изъ нашихъ колледжей. Я упоминаю объ этомъ въ подтвержденіе того, что духъ изслѣдованія еще не угасъ среди грековъ.

Авторъ статьи указываетъ на г. Райта, автора прекрасной поэмы Horae Ionicae, какъ на лицо, которое можетъ сообщить подробныя свѣдѣнія о такъ называемыхъ римлянахъ и выродившихся грекахъ, а также и объ ихъ языкѣ; но г. Райтъ, хотя и хорошій поэтъ и способный человѣкъ, однако ошибается, утверждая, что албанскій діалектъ ромейскаго языка ближе всего подходитъ къ древне-греческому: албанцы говорятъ на ромейскомъ языкѣ столь же испорченномъ, какъ шотландскій въ Эдинбургширѣ или итальянскій въ Неаполѣ. Янина (гдѣ, такъ же, какъ и въ Фанарѣ, греческая рѣчь всего чище), хотя и столица владѣній Али-паши находится не въ Албаніи, а въ Эпирѣ; а по ту сторону Дельвинаки въ собственной Албаніи, къ Аргирокастро и Тепалину (далѣе которыхъ я не ѣздилъ), по-гречески говорятъ даже хуже, чѣмъ въ Аѳинахъ. У меня полтора года служили двое горцевъ, которыхъ родной языкъ—иллирійскій, и я никогда не слыхалъ, чтобы ихъ или ихъ земляковъ (которыхъ я видѣлъ не только у себя дома, но двадцать тысячъ въ арміи Вели-паши), кто-нибудь похвалилъ за ихъ греческую рѣчь; напротивъ, надъ ними часто смѣялись за ихъ провинціальные варваризмы.

У меня имѣется около двадцати пяти писемъ, въ томъ числѣ—нѣсколько отъ Коринѳскаго бея, писанныхъ ко мнѣ нотарами, коджа-башами и другими черезъ драгомана морейскаго каймакама (который управляетъ въ отсутствіи Вели-паши). Эти письма считаются хорошими образцами эпистолярнаго стиля. Я получилъ также въ Константинополѣ, отъ частныхъ лицъ, нѣсколько писемъ, написанныхъ въ очень гиперболическомъ стилѣ, но въ совершенно древней манерѣ.

Послѣ нѣсколькихъ замѣчаній о прежнемъ и нынѣшнемъ состояніи греческаго языка, авторъ статьи высказываетъ парадоксъ о большомъ неудобствѣ, какое испытываетъ Коранъ вслѣдствіе знанія своего роднаго языка: ему, будто бы, труднѣе понимать древній греческій языкъ оттого, что онъ въ совершенствѣ владѣетъ новымъ. За этимъ замѣчаніемъ слѣдуетъ параграфъ, въ которомъ усердно рекомендуется изученіе ромейскаго языка, какъ «могучаго пособія» не только для путешественника и купца, но и для изучающаго классическую древность, словомъ—для каждаго, за исключеніемъ только одного лица, которое въ совершенствѣ этимъ языкомъ владѣетъ; съ помощью такого же разсужденія авторъ приходитъ къ выводу, что и нашъ собственный языкъ, вѣроятно, легче изучить иностранцу, нежели намъ самимъ. Я склоненъ однако думать, что голландецъ, изучающій и нашъ языкъ (хотя и самъ саксонскаго происхожденія), станетъ въ тупикъ передъ «Сэромъ Тристрамомъ» *) или какою-нибудь «Аучинлекскою рукописью», хотя бы и съ грамматикой и словаремъ; мнѣ представляется очевиднымъ, что только туземецъ можетъ пріобрѣсти полное знаніе нашихъ устарѣвшихъ идіомовъ. Мы можемъ похвалить критика за остроуміе, но повѣримъ ему не больше, чѣмъ смоллетовскому капитану Лисмахаго, который увѣряетъ, что чистѣйшимъ англійскимъ языкомъ говорятъ—въ Эдинбургѣ. Что Коранъ можетъ ошибаться,—это очень вѣроятно; но если онъ и ошибается, то вина ошибки падаетъ на него самого, а не на его родной языкъ, который несомнѣнно представляетъ, и долженъ представлять очень сильное пособіе для ученаго грека. Далѣе авторъ переходитъ къ переводу Страбона, и я прекращаю свои замѣчанія.

Сэръ В. Друммондъ, г. Гамильтонъ, лордъ Эбердинъ, докторъ Кларкъ, капитанъ Ликъ, г. Джеллъ, г. Вальполь и многія другія лица, находящіяся теперь въ Англіи, имѣютъ полную возможность сообщить разныя подробности объ этомъ павшемъ народѣ. Сдѣланныя мною немногія замѣчанія я оставилъ бы тамъ, гдѣ я ихъ написалъ, если бы упомянутая статья, а въ особенности—то мѣсто, гдѣ я ее прочиталъ, не побудили меня обратиться къ этому предмету и воспользоваться выгодами моего положенія, для разъясненій, или, по крайней мѣрѣ, для попытки таковыхъ.

Я считалъ долгомъ подавлять личныя чувства, которыя помимо моей воли вызываются во мнѣ прикосновеніемъ къ *Эдинбургскому Обозрѣнію*, - не изъ желанія пріобрѣсти благосклонность сотрудниковъ этого журнала или загладить воспоминаніе хотя бы объ одномъ слогѣ изъ того, что мною напечатано было ранѣе, а просто изъ сознанія неумѣстности примѣшивать личное раздраженіе къ обсужденію настоящаго предмета, въ особенности же при такомъ отдаленіи по времени и мѣсту.

Добавочная замѣтка о туркахъ.

Трудности путешествія по Турціи были сильно преувеличены, или лучше сказать, въ послѣдніе годы значительно уменьшились. Мусульманамъ вколотили своего рода угрюмую вѣжливость, очень удобную для путешественниковъ.

О туркахъ и Турціи рискованно было бы говорить много, такъ какъ можно между ними прожить двадцать лѣтъ и не пріобрѣсти никакихъ свѣдѣній,—по крайней мѣрѣ отъ нихъ самихъ. Насколько простирались мои поверхностныя наблюденія, я не имѣю повода жаловаться; но я обязанъ многими любезностями (я могъ бы даже сказать—дружбой) и радушнымъ гостепріимствомъ Али-пашѣ, его сыну Вели-пашѣ Морейскому и разнымъ другимъ лицамъ, занимающимъ высокое положеніе въ провинціяхъ. Сулеймана-ага, бывшій недавно губернаторомъ въ Аѳинахъ, а теперь—въ Ѳивахъ, былъ «бонвиванъ» и такъ любилъ общество, что всегда сидѣлъ, поджавши ноги, за подносомъ или за столомъ. Во время карнавала, когда паша англійская компанія вздумала маскироваться, онъ и его преемникъ при-

*) Анна Комнена (1083 — 1148), дочь императора Алексѣя I, написала «Алексіаду», исторію царствованія своего отца.

*) Романъ XIII столѣтія, изданный В. Скоттомъ.

нимали «масокъ» радушнѣе, чѣмъ любая вдовствующая особа на Гросвеноръ-скверѣ.

Однажды, когда онъ ужиналъ въ монастырѣ, его пріятель и гость оливанскій кади, былъ вынесенъ изъ-за стола въ состояніи, вполнѣ достойномъ члена любого клуба на Рождествѣ, и самъ достойный воевода торжествовалъ его паденіе.

Во всѣхъ денежныхъ дѣлахъ съ мусульманами я всегда встрѣчалъ самую строгую честность и величайшее безкорыстіе. Въ сдѣлкахъ съ ними нѣтъ и помина о тѣхъ грязныхъ вымогательствахъ подъ наименованіемъ процентовъ, курсовой разницы, коммиссіонныхъ и пр. и пр., которыя всегда являются на сцену, когда приходится обращаться съ чекомъ къ греческому консулу, даже въ первыхъ банкирскихъ домахъ Перы.

Что касается установившагося на Востокѣ обычая подарковъ, то въ этомъ отношеніи вы рѣдко окажетесь въ убыткѣ, такъ какъ подарокъ, достойный вниманія, обыкновенно возвращается къ вамъ въ видѣ равноцѣннаго подарка—лошади, шали и т. п.

Въ столицѣ и при дворѣ граждане и придворные прошли ту же самую школу, что и христіане; но трудно найти человѣка болѣе почтеннаго, ласковаго и благороднаго, чѣмъ настоящій турецкій провинціальный ага или мусульманскій деревенскій джентльменъ. Я говорю не о губернаторахъ городовъ, а о тѣхъ агахъ, которые, такъ сказать, на вассальныхъ правахъ владѣютъ болѣе или менѣе обширными землями и домами въ Греціи и Малой Азіи.

Низшіе классы населенія дисциплинированы настолько же сносно, какъ и черни въ странахъ съ большими претензіями на цивилизацію. Мусульманинъ, идя по улицахъ въ нашихъ провинціальныхъ городахъ, чувствовалъ бы себя менѣе спокойно, чѣмъ европеецъ въ подобныхъ же условіяхъ въ Турціи. Самый лучшій костюмъ для путешественника—военная форма.

Наилучшія свѣдѣнія о религіи и о различныхъ сектахъ въ исламѣ можно найти во французской книгѣ Д'Оссона; о нравахъ и пр. въ англійской книгѣ Торитона. Турки при всѣхъ своихъ недостаткахъ, вовсе не заслуживаютъ пренебреженія. Они по крайней мѣрѣ равны испанцамъ и, конечно, выше португальцевъ. Трудно рѣшительно сказать, что они представляютъ собою, но за то можно сказать, чего они *не* представляютъ: они *не* обманчивы, *не* трусы, *не* жгутъ еретиковъ, *не* убійцы, и непріятель *не* подступалъ къ *ихъ* столицѣ. Они вѣрны своему султану до тѣхъ поръ, пока онъ не станетъ неспособенъ къ правленію, и служатъ своему Богу безъ инквизиціи. Если завтра ихъ выгонятъ изъ св. Софіи и на ихъ мѣстѣ сядутъ французы или русскіе, то еще вопросъ, выиграетъ ли Европа отъ такой перемѣны. Англіи, во всякомъ случаѣ, проиграетъ.

Что касается невѣжества, въ которомъ ихъ вообще и иногда справедливо обвиняютъ, то позволительно спросить,—въ какихъ собственно полезныхъ областяхъ знанія они стоятъ ниже прочихъ націй,- конечно, за исключеніемъ Франціи и Англіи. Въ обычныхъ ремеслахъ? Въ мануфактурѣ? Развѣ турецкая сабля хуже толедской? Развѣ турокъ живетъ, одѣвается, кормится, учится хуже испанца? Развѣ ихъ паши воспитаны хуже грандовъ, или эффенди—хуже кавалеровъ ордена Сантъ-Яго? Не думаю.

Я помню, какъ Махмудъ, внукъ Али-паши, спрашивалъ, состою ли я и мой товарищъ по путешествію членами верхней или нижней палаты парламента. Этотъ вопросъ, заданный десятилѣтнимъ мальчикомъ, показываетъ, что его воспитаніемъ не пренебрегали. Позволительно усомниться, извѣстно ли англійскому мальчику въ этомъ возрастѣ различіе между диваномъ и коллегіей дервишей; и я вполнѣ увѣренъ, что испанецъ этого не знаетъ. Какимъ образомъ маленькій Махмудъ, окруженный исключительно турецкими воспитателями, узналъ о существованіи такой вещи, какъ парламентъ,—объ этомъ безполезно было бы и догадываться, если не допустить, что его учителя не ограничивали своего преподаванія однимъ Кораномъ.

При всѣхъ мечетяхъ устроены школы, которыя посѣщаются очень аккуратно, бѣдныхъ также обучаютъ, и турецкая церковь отъ этого не подвергается никакой опасности. Система обученія, кажется, еще не напечатана (хотя турецкая печать существуетъ и печатаются книги о недавнихъ военныхъ реформахъ низамъ-джедида); я не слыхалъ также, чтобы муфти и муллы жаловались, или чтобы каймакамъ и тефтердаръ тревожились изъ опасенія, что туземная чалмоносная молодежь научится «молиться Богу не по-нашему». Греки—здѣсь нѣчто вродѣ ирландскихъ папистовъ—также имѣютъ собственное учебное заведеніе въ Майнутѣ,—нѣтъ—въ Гайнали, гдѣ невѣрные пользуются со стороны оттомановъ гораздо большимъ покровительствомъ, нежели католическая коллегія со стороны англійскаго законодательства. Кто рѣшится утверждать, что турки — невѣжественные хамжи, если они такимъ образомъ выказываютъ христіанское милосердіе точно въ тѣхъ же размѣрахъ, какіе допускаются въ самомъ благодѣтельствующемъ и правовѣрномъ изъ всѣхъ возможныхъ королевствъ? Но, хотя они все это и дозволяютъ, они не допускаютъ грековъ къ участію въ своихъ привилегіяхъ: нѣтъ, греки должны сражаться, платить свой «харачъ» (дань), получать палочные удары на семъ свѣтѣ и вѣчное осужденіе въ будущемъ. А мы освободимъ ли мы своихъ ирландскихъ плотовъ? Избави, Магометъ! Такъ, стало быть, мы—плохіе мусульмане и еще болѣе плохіе христіане: въ настоящее время мы соединяемъ въ себѣ наилучшія свойства тѣхъ и другихъ—іезуитскую вѣру и терпимость только чуть-чуть поменьше турецкой.

Приложеніе.

Среди народа порабощеннаго, вынужденнаго прибѣгать къ иностраннымъ типографіямъ даже для печатанія своихъ религіозныхъ книгъ, слѣдуетъ удивляться не столько тому, что мы находимъ такъ мало изданій, посвященныхъ общимъ вопросамъ, сколько тому, что подобныя изданія вообще существуютъ. Общее количество грековъ, разсѣянныхъ по Турецкой имперіи и въ другихъ мѣстахъ, составляетъ, вѣроятно, не больше трехъ милліоновъ; и при столь незначительной численности нельзя найти другого народа съ такимъ большимъ относительно, количествомъ книгъ и писателей, какъ у грековъ нашего столѣтія. «Да», скажутъ великодушные адвокаты притѣсненія, которые, увѣряя въ невѣжествѣ грековъ, хотятъ предупредить возраженія: — «да, конечно; но это все, или почти все,—сочиненія церковныя, а стало быть—ни къ чему не годныя». Хорошо; о чемъ же другомъ они могутъ писать? Довольно забавно слышать разсужденія европейца, а въ

ПОЭТЪ КОЛЬРИДЖЪ (Sanuel Taylor Coleridge).
Съ портрета Филлипса (T. Phillips, R. A.).

особенности—англичанина, который можетъ злоупотреблять правительствомъ собственной страны, или француза, который можетъ злоупотреблять властью всякаго правительства, кромѣ своего собственнаго, и разсуждать сколько угодно о любомъ предметѣ философскомъ, религіозномъ, научномъ или моральномъ, подсмѣиваясь надъ греческими легендами. Но грекъ о политикѣ писать не смѣетъ, а науки касаться не можетъ—по недостатку образованія; если онъ сомнѣвается въ религіи—его отлучаютъ и осуждаютъ; такимъ образомъ, его соотечественники не отравлены современной философіей; а что касается морали, то, благодаря туркамъ, подобныхъ вещей у грековъ не имѣется. Что же остается греку, если онъ чуствуетъ литературное призваніе? Только религія, да житія святыхъ; и вполнѣ естественно, что люди, которымъ такъ мало оставлено въ этой жизни, размышляютъ о жизни будущаго вѣка. Оттого и нѣтъ ничего удивительнаго, если въ лежащемъ теперь передо мною каталогѣ пятидесяти пяти греческихъ писателей, изъ которыхъ многіе еще недавно были въ живыхъ, не болѣе пятнадцати касаются иныхъ предметовъ, кромѣ религіозныхъ. Упомянутый каталогъ находится въ 26-й главѣ 4-го тома «Церковной Исторіи» Мелетія *).

*) Въ подлинникѣ «Приложенія» обширнѣе. Предыдущія строки служатъ только предисловіемъ къ особому приложенію, подъ заглавіемъ: «Замѣчанія о ромейскомъ или ново-греческомъ языкѣ, съ образцами и переводами», которое было напечатано въ концѣ книги въ первомъ и слѣдующихъ изданіяхъ «Чайльдъ-Гарольда». Оно заключаетъ въ себѣ: 1) списокъ новогреческихъ писателей; 2) греческую боевую пѣснь: Ἄνδρες, παῖδες τῶν Ἑλλήνων; 3) «ромейскіе отрывки», изъ которыхъ первый,—«сатира въ видѣ разговора переведенъ; 4) сцена изъ комедіи Ὁ Καφενὲς (Кафе), переведенной съ итальянскаго изъ Гольдони. Спиридономъ Вланди, съ переводомъ»; 5) «обыкновенные разговоры» на ромейскомъ и англійскомъ языкахъ; 6) параллельныя мѣста изъ Евангелія Іоанна; 7) «Орхомепскія надписи» изъ Мелетія; 8) «Извѣстіе о переводѣ *Анахарсиса* на ромейскій языкъ, сдѣланномъ моимъ ромейскимъ учителемъ Мармаротури, который желалъ напечатать этотъ переводъ въ Англіи»; 9) «Молитву Господню на древне-и ново-греческомъ языкахъ».

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

Начата въ Маѣ и окончена 27 Іюня 1816 г. на берегу Женевскаго озера въ Уши, гавани Лозанны.

Стр. 86. Строфа I.

О Ада, дочь моя.

«Перелистывая первыя страницы исторіи Гунтингдонскаго перства, вы увидите, какъ часто встрѣчалось имя *Ады* въ ранніе дни Плантагенетовъ. Я нашелъ его въ своей собственной родословной временъ Джона и Генриха... Оно кратко, древне, звучно и встрѣчалось въ моемъ родѣ; по этимъ причинамъ я и далъ его моей дочери». Такъ писалъ Байронъ Мерею, 8 окт. 1820. Въ другомъ, болѣе ранпемъ (1816) письмѣ онъ говоритъ, что это было имя сестры Карла Великаго,—«какъ я прочелъ въ одной книгѣ, трактующей о Рейнѣ.»

Августа-Ада Байронъ родилась 10 декабря 1815 г.; въ 1835 г. вышла замужъ за Вильяма Кинга Ноэля, барона Кинга, получившаго потомъ титулъ графа Ловлэса; скончалась 27 ноября 1852 г. У нея было отъ этого брака трое дѣтей: виконтъ Окхэнъ, нынѣшній графъ Ловлэсъ и лэди Анна-Изабелла Носль, въ супружествѣ за Вильфридомъ Скауэномъ Блентомъ. «Графиня Ловлэсъ», сказано было въ одномъ изъ ея некрологовъ, «была личностью совершенно оригинальною, и поэтическій темпераментъ былъ единственной общей чертою ея характера съ характеромъ ея отца. Но ея геній (а она дѣйствительно обладала геніемъ) былъ не поэтическій, а метафизическій и математическій; ея умъ былъ постоянно занятъ строгими и точными послѣдованіями. Объ ея преданности наукѣ и оригинальныхъ математическихъ дарованіяхъ свидѣтельствуетъ ея переводъ, съ объяснительными примѣчеиіями, сочиненія Менабреа объ аналитической машинѣ Ваббэджа (1842)». Она была непохожа на отца ни чертами лица, ни складомъ ума, но унаслѣдовала его умственную силу и настойчивость. Подобно ему, она скончалась на 37-мъ году, и гробъ ея, по ея желанію, былъ поставленъ рядомъ съ его гробомъ, въ фамильномъ склепѣ Гэкналлъ Торкарда.

Стр. 86. Строфа I.

Я въ даль несусь...

Байронъ покинулъ Англію во второй и послѣдній разъ 25 апрѣля 1816 г. Его сопровождали Вильямъ Флетчеръ и Робертъ Руштонъ,—«слуга» и «паликъ» первой пѣсни, докторъ Полидори и лакей-швейцарецъ.

Стр. 87. Строфа II.

Какъ конь, что вьется всаднику, волна
Покорна мнѣ.

Ср. примѣч. Шекспиру пьесу «Два знатныхъ родича», II, 2 (Шекспиръ, изд. Подъ ред. С. А. Венгерова, V, 244):

Не будутъ кони гордые подъ нами
Какъ море волноваться и кипѣть.

«Изъ этого нѣсколько натянутаго сравненія, съ помощью удачной перестановки уподобленій и замѣны общаго понятія «море» болѣе опредѣленнымъ—«волна» развилась яспая и благородная идея Байрона».

(*Муръ*).

Стр. 88. Строфа VIII.

Увы! Гарольда время измѣнило.

«Первая и вторая пѣсни «Паломничества Чайльдъ-Гарольда», при своемъ появленіи въ 1812 году, произвели на публику впечатлѣніе, превосходящее впечатлѣніе, когда-либо произведенное какимъ-бы то ни было сочиненіемъ прошлаго или настоящаго столѣтія, и сразу украсили чело лорда Байрона тѣмъ вѣнкомъ, ради котораго другимъ геніальнымъ людямъ приходилось долго трудиться и который доставался имъ лишь черезъ долгое время. Общимъ одобреніемъ онъ былъ поставленъ на первое мѣсто среди писателей своей родины. Среди этого общаго восторга онъ и началъ появляться въ обществѣ. Его личныя свойства, его манеры и обращеніе поддерживали очарованіе, разлитое вокругъ него геніальностью; люди, имѣвшіе возможность съ нимъ бесѣдовать, вовсе не замѣчая, что вдохновенный поэтъ часто являлся самымъ заурядпымъ смертнымъ, чувствовали влеченіе къ нему не только въ силу его благородныхъ качествъ, но вслѣдствіе какого-то таинственнаго, неопредѣленнаго и почти болѣзненнаго любопытства. Его наружность, какъ нельзя болѣе подходившая для выраженія чувствъ и страстей и представлявшая замѣчательный контрастъ очень темныхъ волосъ и бровей съ свѣтлыми и выразительными глазами, являлась для физіономиста, чрезвычайно интереснымъ предметомъ наблюденія. Преобладающимъ выраженіемъ его лица было выраженіе привычной глубокой задумчивости, уступавшей мѣсто быстрой игрѣ физіономіи, когда онъ увлекался интереснымъ разговоромъ, такъ что одинъ поэтъ сравнилъ его лицо съ скульптурнымъ изображеніемъ на прекрасной алебастровой вазѣ, которое можно вполнѣ разглядѣть только тогда, когда она освѣщена пзнутри. Вспышки веселья, радости, негодованія или сатирической досады, которыми такъ часто оживлялось лицо лорда Байрона, человѣкъ посторонній, проведя съ нимъ только одинъ вечеръ, могъ бы, по ошибкѣ, принять за его привычное выраженіе,—такъ легко и такъ удачно всѣ эти настроенія отражались въ его чертахъ; но тѣ, кто имѣлъ случай изучать эти черты въ продолженіе болѣе долгаго времени, и при различныхъ обстоятельствахъ, какъ въ состояніи покоя, такъ и въ минуты возбужденія, должны признать, что обычнымъ ихъ выраженіемъ была грусть. Иногда тѣни этой грусти скользили по его лицу даже въ самыя веселыя и счастливыя минуты» (*Вальтеръ Скоттъ*).

Стр. 91. Строфа XVI.

Гарольдъ опять скитанія начнетъ.

«Въ третьей пѣсни Чайльдъ-Гарольда много неровностей. Мысли и образы иногда представляются искусственными, но все-таки въ ней виденъ значительный шагъ впередъ по сравненію съ первыми двумя пѣснями. Лордъ Байронъ здѣсь говоритъ отъ себя, а не отъ чужого лица, и изображаетъ свой собственный характеръ; онъ описываетъ, а не изобрѣтаетъ, а потому не имѣетъ и не можетъ имѣть той свободы, которою пользуется авторъ совершенно вымышленнаго произведенія. Иногда онъ достигаетъ сжатости очень сильной, но въ большинствѣ случаевъ—отрывочной. Полагаясь только на самого себя и разработывая собственныя, глубоко запавшія въ душу, мысли, онъ, можетъ быть, именно вслѣдствіе этого пріобрѣлъ привычку усиленно работать даже тамъ, гдѣ не было повода для подобнаго труда. Въ первыхъ шестнадцати строфахъ мы видимъ сильный, но неравный взрывъ темной и страшной силы. Это, безъ сомнѣнія, не преувеличенный отпечатокъ бурной и мрачной, но возвышенной души»! (*Бриджесъ*).

«Эти строфы, въ которыхъ авторъ, болѣе ясно принимая на себя характеръ Чайльдъ-Гарольда, чѣмъ это было въ первоначальномъ замыслѣ поэмы, указываетъ причину, побудившую его снова взять въ руки свой странническій посохъ въ то время, когда всѣ надѣялись, что онъ уже на всю жизнь останется гражданиномъ своей родины,—представляютъ глубокій моральный интересъ и полны поэтической красоты. Комментарій, разъясняющій смыслъ этой грустной повѣсти, еще живо сохраняется въ нашей памяти, такъ какъ заблужденія людей, выдающихся своими дарованіями и совершенствами, не скоро забываются. Событія, весьма тягостныя для души, сдѣлались еще болѣе тягостными вслѣдствіе публичнаго ихъ обсужденія; возможно также, что среди людей, всего громче восклицавшихъ по поводу этого несчастнаго случая, были и такіе, въ глазахъ которыхъ обида, нанесенная лордомъ Байрономъ, преувеличивалась его литературнымъ превосходствомъ. Самое происшествіе можетъ быть описано въ немногихъ словахъ: умные люди осуждали, добрые сожалѣли; толпа, любопытная отъ нечего дѣлать или отъ злорадства, волновалась, собирая сплетни и повтореніемъ раздувала ихъ; а безстыдство, всегда жаждущее протискаться къ извѣстности, «цѣплялось», какъ училъ Фальстафъ Бардольфа, шумѣло, хвасталось и заявляло о томъ, что оно «защищаетъ дѣло» или «беретъ сторону». (*Вальтеръ Скоттъ*).

Стр. 91. Строфа XVII.

На мнѣтъ томъ что-жъ нѣтъ трофеевъ славы
И нѣтъ побѣдой созданныхъ колонъ?

Насыпь съ изображеніемъ бельгійскаго льва была воздвигнута голландскимъ королемъ Вильгельмомъ I позднѣе—въ 1823 году.

Стр. 92. Строфа XVIII.

Онъ, съ высоты спустившись, съ силой новой
Кровавыми когтями землю взрылъ.

Въ рукописи этой строфы, написанной, какъ и предыдущая, послѣ посѣщенія Байрономъ поля битвы при Ватерлоо, соотвѣтствующіе стихи читались:

Въ послѣдній разъ взлетѣвъ, орелъ надменный
Кровавымъ клювомъ эту землю взрылъ.

Прочитавъ эти стихи, художникъ Рейнагль нарисовалъ гнѣвнаго орла, опутаннаго цѣпью и взрывающаго землю *когтями*. Объ этомъ разсказывали Байрону, и онъ написалъ одному изъ своихъ друзей въ Брюссель: «Рейнагль лучше понимаетъ поэзію и лучше знаетъ птицъ, нежели я: орлы, какъ и всѣ хищныя птицы, пользуются для нападенія когтями, а не клювомъ; поэтому я и передѣлалъ это мѣсто такъ:

Кровавыми когтями землю взрылъ.

Такъ, я думаю, будетъ лучше,—оставляя въ сторонѣ поэтическое достоинство стиха».

Стр. 92. Строфа XIX.

Для сравненія см. выше (стр. 417) «Оду съ французскаго», 1815 г. и «Съ французскаго» (стр. 416) «Бронзовый Вѣкъ» и «Донъ-Жуанъ», п. VIII, строфы 48—50. Шелли, въ своемъ сонетѣ «Чувства республиканца при паденіи Бонапарта», говоритъ: «Слишкомъ поздно, когда и ты, и Франція уже лежали во прахѣ, узналъ я, что у доблести есть враги еще болѣе вѣчные, чѣмъ сила или коварство,—старый обычай, легальное преступленіе и кровожадная вѣра, это гнуснѣйшее порожденіе времени». Даже Уордсвортъ, въ сонетѣ «Императоры и короли», послѣ должнаго восхваленія «возвышенной побѣды», торжественно увѣщеваетъ «державы» быть «справедливыми и милосердными».

Стр. 92. Строфа XX.

Тѣмъ мечъ Гармодія былъ славенъ и могучъ.

«Смотри знаменитую пѣснь о Гармодіи и Аристогитонѣ: «Я миртомъ мечъ свой обовью». и проч. Лучшій переводъ ея въ «Антологіи» Блэнда — принадлежитъ Диниэну». (*Прим. Байрона*).

Эта древнегреческая пѣснь приписывается Каллистрату.

Стр. 92. Строфа XXI.

Бельгійская столица ликовала.

«Трудно найти болѣе разительное свидѣтельство величія генія Байрона, чѣмъ эта пылкость и интересъ, которые онъ сумѣлъ придать изображенію часто описываемой и трудной сцены выступленія изъ Брюсселя наканунѣ великаго боя. Извѣстно, что поэтамъ вообще плохо удается изображеніе великихъ событій, когда интересъ къ нимъ еще слишкомъ свѣжъ и подробности всѣмъ хорошо знакомы и ясны. Нужно было извѣстное мужество для того, чтобы взяться за столь опасный сюжетъ, на которомъ многіе раньше уже потерпѣли пораженіе. Но посмотрите, какъ легко и съ какой силой онъ приступилъ къ своему дѣлу и съ какимъ изяществомъ онъ затѣмъ снова возвратился къ своимъ обычнымъ чувствамъ и ихъ выраженію»! (*Джеффри*).

Стр. 92. Строфа XXI.

Гремѣлъ оркестръ, шумящій длился балъ.

«Говорятъ, что въ ночь наканунѣ сраженія въ Брюсселѣ былъ балъ». (*Прим. Байрона*).

Распространенное мнѣніе, будто герцогъ Веллингтонъ былъ захваченъ врасплохъ, наканунѣ сраженія при Ватерлоо, на балу, даномъ герцогиней Ричмондъ въ Брюсселѣ невѣрно. Получивъ извѣстіе о рѣшительныхъ операціяхъ Наполеона, герцогъ сначала хотѣлъ отложить этотъ балъ; но, по размышленіи, онъ призналъ весьма важнымъ, чтобы населеніе Брюсселя оставалось въ невѣдѣніи относительно хода событій, и не только высказалъ желаніе, чтобы балъ былъ данъ, но и приказалъ офицерамъ своего штаба явиться къ герцогинѣ Ричмондъ, съ тѣмъ, чтобы въ десять часовъ, стараясь, по возможности, не быть замѣченными, покинуть ея апартаменты и присоединиться къ своимъ частямъ, бывшимъ уже въ походѣ. Наиболѣе достовѣрное описаніе этого знаменитаго бала, происходившаго 15 іюня, наканунѣ сраженія при Катребра, находится въ Воспоминаніяхъ дочери Герцогини Ричмондъ леди Де-Росъ (A Sketch of the life of Georgiana, Lady de Ros. 1893). «Герцогъ прибылъ на балъ поздно»,—разсказываетъ она.—«Я въ это время танцовала, но сейчасъ же подошла къ нему, чтобы освѣдомиться по поводу городскихъ слуховъ. «Да, эти слухи вѣрны: мы завтра выступаемъ». Это ужасное извѣстіе тотчасъ же облетѣло всѣхъ; нѣсколько офицеровъ поспѣшили уѣхать, другіе же остались и даже не имѣли времени переодѣться, такъ что имъ пришлось идти въ сраженіе въ бальныхъ костюмахъ».

Портретъ дававшей знаменитый балъ герцогини Ричмондъ, см. выше, стр. 493.

Стр. 93. Строфа XXIII.

Брауншвейгскій герцогъ первый этотъ грохотъ услышалъ.

Фридрихъ-Вильгельмъ, герцогъ Брауншвейгскій (1771—1815), братъ Каролины, принцессы Уэльской, и племянникъ англійскаго короля Георга III, сражался при Катребра въ первыхъ рядахъ и былъ убитъ почти въ самомъ началѣ сраженія. Его отецъ, Карлъ Вильгельмъ-Фердинандъ, былъ убитъ при Ауэрбахѣ, 14 октября 180 г.

«Эта строфа истинно великое произведеніе, особенно потому, что она лишена всякихъ украшеній. Здѣсь мы видимъ только обычный стихотворный разсказъ; но не даромъ замѣтилъ Джонсонъ, что «тамъ, гдѣ одной истины достаточно для того, чтобы наполнить собою умъ, украшенія болѣе чѣмъ безполезны». (*Бриджесъ*)

Стр. 94. Строфа XXVI.

Чу! Ка ероновъ пѣсня прозвучала!
Тѣ звуки Лохіеля бранный зовъ.

«Сэръ Иванъ Камеронъ и его потомокъ, Дональдъ, «благородный Лохіель» изъ числа «сорока пяти». (*Прим. Байрона*).

Сэръ Иванъ Камеронъ (1629—1719) сражался противъ Кромвелля и потомъ сдался на почетныхъ условіяхъ Монку. Его внукъ, Бональдъ Камеронъ изъ Лохіеля, прославленный въ поэмѣ Кемпбелля «Предупрежденіе Лохіеля», былъ раненъ при Коллоденѣ, въ 1746 г.; его праправнукъ, Джонъ Камеронъ изъ Фассиферна (род. 1771), въ сраженіи при Катребра командовалъ 92-мъ шотландскимъ полкомъ и былъ смертельно раненъ. Ср. стансы Вальтеръ Скотта «Пляска Смерти».

Гдѣ, въ пылу кровавомъ боя,
Палъ подъ градомъ пуль, средь строя,
Внукъ Лохьельскаго героя,
Храбрый Фассиферпъ и т. д.

Стр. 94. Строфа XXVII.

Войска идутъ Арденскими лѣсами.

«Лѣсъ Соаньи, какъ полагаютъ, есть остатокъ Арденскаго лѣса, прославленнаго въ «Орландѣ» Боярдо и получившаго безсмертіе благодаря пьесѣ Шекспира «Какъ вамъ угодно». Его прославляетъ также и Тацитъ, какъ мѣсто успѣшной обороны германцевъ противъ римскаго нашествія. Я позволилъ себѣ усвоить это названіе, съ которымъ связаны воспоминанія болѣе благородныя, нежели только память о побоищѣ». (*Прим. Байрона*).

Отъ Соаньи (въ южномъ Брабантѣ) до Арденнъ (въ Люксембургѣ) довольно большое разстояніе. Байронъ, вѣроятно смѣшалъ «saltus quibus nomen Arduenna» (Tacit. Ann. III, 4), мѣсто возстанія тревировъ, съ «saltus Teutoburgiensis», Тевтобургскимъ или Липискимъ лѣсомъ, отдѣляющимъ Липпе-Детмольдъ отъ Вестфаліи, гдѣ Арминій нанесъ пораженіе римлянамъ (Ann. I, 60). «Арденна» упоминается въ поэмѣ Боярдо «Влюбленный Орландъ». Шекспировскій «безсмертный лѣсъ» Арденъ собственно навѣянъ «Арденомъ» изъ окрестностей родного Стратфорда; но названіе это Шекспиръ нашелъ въ «Розалиндѣ» Лоджа.

Стр. 94. Строфа XXVIII.

Здѣсь вмѣстѣ другъ и врагъ; гдѣ всадникъ, тамъ же конь.

«Хотя Чайльдъ-Гарольдъ и избѣгаетъ прославленія побѣды при Ватерлоо, однако онъ даетъ прекраснѣйшее описаніе вечера наканунѣ сраженія при Катребра, тревоги, овладѣвшей войсками, поспѣшности и смятенія, предшествовавшихъ ихъ походу. Я не знаю на нашемъ языкѣ стиховъ, которые, по силѣ и по чувству, были бы выше этого превосходнаго описанія» (*Вальтеръ Скоттъ*).

Стр. 95. Строфа XXIX.

О, юный Говардъ, воинъ величавый!

«Въ послѣднихъ сраженіяхъ я, какъ и всѣ, лишился родственника, бѣднаго Фредерика Говарда, лучшаго изъ его семьи. Въ послѣдніе годы я имѣлъ мало сношеній съ его семействомъ, но я никогда не видалъ въ немъ и не слыхалъ о немъ ничего, кромѣ хорошаго», писалъ Байронъ Муру. Фредерикъ Говардъ (1785—1815), третій сынъ графа Карлейля, былъ убитъ поздно вечеромъ 18 іюня, во время послѣдней аттаки на лѣвое крыло французской гвардіи.

Стр. 95. Строфа XXX.

Я думалъ лишь о тѣхъ, что не вернутся къ ней.

«Мой проводникъ съ горы Сенъ-Жанъ черезъ поле сраженія оказался человѣкомъ умнымъ и аккуратнымъ. Мѣсто, гдѣ былъ убитъ майоръ Говардъ, было недалеко отъ двухъ высокихъ уединенныхъ деревьевъ, тамъ было еще и третье дерево, но оно или срублено, или разбито во время сраженія, которыя стояли въ нѣсколькихъ ярдахъ другъ отъ друга, по сторонамъ тропинки. Подъ этими деревьями онъ умеръ и былъ похороненъ. Впослѣдствіи его тѣло было перевезено въ Англію. Въ настоящее время мѣсто его могилы отмѣчено небольшимъ углубленіемъ, но этотъ слѣдъ, вѣроятно, скоро изгладится, такъ какъ здѣсь уже прошелъ плугъ и выросла жатва. Указавъ мнѣ разныя мѣста, гдѣ пали Пиктонъ и другіе храбрецы, проводникъ сказалъ: «А здѣсь лежитъ майоръ Говардъ; я былъ возлѣ него, когда его ранили». Я сказалъ ему, что майоръ—мой родственникъ, и тогда онъ постарался еще обстоятельнѣе опредѣлить мѣсто и разсказать подробности. Это мѣсто—одно изъ самыхъ замѣтныхъ на всемъ полѣ, благодаря упомянутымъ двумъ деревьямъ. Я два раза проѣхалъ по полю верхомъ, припоминая другія подобныя же событія. Равнина Ватерлоо кажется предназначенною служить ареной какого-нибудь великаго дѣянія,—хотя, можетъ быть, это такъ кажется; я внимательно разсматривалъ равнины Платеи, Трои, Мантинеи, Левктры, Херонеи и Мараѳона; поле, окружающее гору Сенъ-Жанъ и Гугемонъ, представляется созданнымъ для лучшаго дѣла и для того неопредѣленнаго, но весьма замѣтнаго ореола, который создается вѣками вокругъ прославленнаго мѣста; по своему значенію оно смѣло можетъ соперничать со всѣми, выше названными, за исключеніемъ, можетъ быть, только Мараѳона». (*Прим. Байрона*).

Стр. 96. Строфа XXXII.

«Контрастъ между непрерывною творческою дѣятельностью природы и невозвратною смертью побуждаетъ Байрона подвести итоги побѣды. Сѣтующему тщеславію онъ бросаетъ въ лицо горькую дѣйствительность несомнѣнныхъ утратъ. Эта пророческая нота — «гласъ вопіющаго въ пустынѣ»,—звучитъ въ риторическихъ фразахъ Байрона, обращенныхъ къ его собственному поколѣнію». (*Кольриджъ*).

Стр. 96. Строфа XXXIII.

Когда въ осколки зеркало разбито,
Въ нихъ тотъ же отражается предметъ.

Сравненіе заимствовано изъ «Анатоміи меланхоліи» Бертона, о которой Байронъ говорилъ: «Вотъ книга, которая, по моему мнѣнію, чрезвычайно полезна для человѣка, желающаго безъ

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ КОЗЛОВЪ (1774—1838).

Переводчикъ «Абидосской Невѣсты» и многихъ стихотвореній Байрона.

всякаго труда пріобрѣсти репутацію начитанности». Бертонъ разсуждаетъ объ обидахъ и о долготерпѣніи: «Это—бой съ многоглавой гидрой; чѣмъ больше срубаютъ головъ, тѣмъ больше ихъ вырастаетъ; Праксителъ, увидѣвъ въ зеркалѣ некрасивое лицо, разбилъ зеркало въ куски, но вмѣсто одного лица увидѣлъ нѣсколько, и столь же некрасивыхъ; такъ и одна нанесенная обида вызываетъ другую, и вмѣсто одного врага является двадцать».

«Эта строфа отличается богатствомъ и силой мысли, которыми Байронъ выдается среди всѣхъ современныхъ поэтовъ, множествомъ яркихъ образовъ, вылившихся сразу, съ такою легкостью и въ такомъ изобиліи, которое писателю болѣе экономному должно показаться расточительностью, и съ такою небрежностью и неровностью, какія можно видѣть только у писателя, угнетаемаго богатствомъ и быстротою своихъ идей». (*Джеффри*).

Стр. 96. Строфа XXXIV.

Такъ возлѣ моря Мертваго плоды,
Что пепелъ начинялъ, съ деревъ срывали.

«На берегу Асфальтоваго озера, говорятъ, росли миѳическія яблоки, красивыя снаружи, а внутри содержавшія золу». Ср. Тацита, Ист., V, 7. (*Прим. Байрона*).

Стр. 96. Строфа XXXV.

Псалмистъ опредѣлилъ границу жизни.

Счетъ Псалтыри—«трижды двадцать и еще десять» лѣтъ—указывается здѣсь, какъ противоположность возрасту павшихъ при Ватерлоо, далеко не достигшему этого «предѣла дней человѣческихъ».

Стр. 97. Строфа XXXVI.

Байронъ, повидимому, не могъ составить себѣ какое либо опредѣленное мнѣніе о Наполеонѣ. «Нельзя не поражаться и не чувствовать себя подавленнымъ его характеромъ и дѣятельностью», писалъ онъ Муру 17 марта 1815, когда «герой его романа» (такъ называлъ онъ Наполеона) сломалъ свою «клѣтку плѣнника» и побѣдоносно шествовалъ къ своей столицѣ. Въ «Одѣ къ Наполеону Бонапарту», написанной въ апрѣлѣ 1814 г., послѣ перваго отреченія въ Фонтэнебло, преобладающею нотою является удивленіе, смѣшанное съ презрѣніемъ. Это—жалоба на павшаго кумира. Въ 36—45 строфахъ III пѣсни *Чайльдъ-Гарольда* Байронъ

признаетъ все величіе этого человѣка и, явно намекая на собственную личность и дѣятельность, объясняетъ его окончательное паденіе особенностями его генія и темперамента. Годъ спустя, въ IV пѣснѣ (строфы 89—92), онъ произноситъ надъ Наполеономъ строгій приговоръ: тамъ онъ—«побочный сынъ Цезаря», самъ себя побѣдившій, порожденіе и жертва тщеславія. Наконецъ, въ *Бронзовомъ Вѣкѣ* поэтъ снова возвращается къ прежней темѣ,—къ трагической ироніи надъ возвышеніемъ и паденіемъ «царя царей, и все жъ раба рабовъ».

Еще будучи мальчикомъ, въ Гарроуской коллегіи, Байронъ воевалъ за сохраненіе бюста Наполеона и всегда былъ готовъ, вопреки англійскому національному чувству и національнымъ предразсудкамъ, восхвалять его, какъ «славнаго вождя»; но когда дошло до настоящаго дѣла, тогда онъ уже не хотѣлъ видѣть его побѣдителемъ Англіи и съ проницательностью, усиленною собственнымъ опытомъ, не могъ не убѣдиться, что величіе и геній не обладаютъ чарующей силою въ глазахъ мелочности и пошлости, и что «слава земнородныхъ» сама себѣ служитъ наградой. Мораль эта очевидна и такъ же стара, какъ исторія; но въ томъ то и заключалась тайна могущества Байрона, что онъ умѣлъ перечеканивать и выпускать съ новымъ блескомъ обычныя монеты человѣческой мысли. Кромѣ того, онъ жилъ въ ту великую эпоху, когда всѣ великія истины снова возродились и предстали въ новомъ свѣтѣ». (*Кольриджъ*).

Стр. 98. Строфа XLI.

. . . вѣнчанному кумиру
Позорно циника изображать собой.

«Великая ошибка Наполеона, «коль вѣрно хроники гласятъ», состояла въ томъ, что онъ постоянно навязывалъ человѣчеству собственный недостатокъ однаковыхъ съ нимъ чувствъ и мыслей; это, можетъ быть, для человѣческаго тщеславія было болѣе оскорбительно, чѣмъ дѣйствительная жестокость подозрительнаго и трусливаго деспотизма. Таковы были его публичныя рѣчи и обращенія къ отдѣльнымъ лицамъ; единственная фраза, которую онъ, какъ говорятъ, произнесъ по возвращеніи въ Парижъ послѣ того, какъ русская зима сгубила его армію,—была: «Это лучше Москвы». Эта фраза, которую онъ сказалъ, потирая руки передъ огнемъ, по всей вѣроятности, повредила ему гораздо сильнѣе, нежели тѣ неудачи и пораженія, которыми она была вызвана». (*Прим. Байрона*).

Стр. 100. Строфа XLV.

«Это разсужденіе, конечно, написано блестяще; но мы полагаемъ, что оно невѣрно. Отъ Македонскаго безумца до Шведскаго и отъ Немврода до Бонапарта, охотники на людей предаются своему спорту съ такой же веселостью и съ такимъ же отсутствіемъ раскаянія, какъ и охотники на прочихъ животныхъ; въ дни своей дѣятельности всѣ они жили такъ же весело, а въ дни отдыха—съ такими же удобствами, какъ и люди, отремяющіеся къ лучшимъ цѣлямъ. Поэтому странно было бы, если бы другіе, не менѣе дѣятельные, но болѣе невинные умы, которыхъ Байронъ подводитъ подъ одинъ уровень съ первыми и которые пользуются наравнѣ съ ними всѣми источниками удовольствій, не будучи виновными въ жестокости, которой они не могли совершить,—являлись бы болѣе достойными сожалѣнія или болѣе нелюбимыми въ сравненіи съ этими блестящими выродками; точно такъ же было бы странно и жалко, если бы драгоцѣннѣйшіе дары Провидѣнія приносили только несчастье, и если бы человѣчество враждебно смотрѣло на величайшихъ своихъ благодѣтелей». (*Джеффри*).

Стр. 100. Строфа XLVI.

Что жъ, какъ вождямъ, недоставало имъ?

«Чего не хватаетъ этому плуту изъ того, что есть у короля»? спросилъ король Іаковъ, встрѣтивъ Джонни Армстронга и его товарищей въ великолѣпныхъ одѣяніяхъ. См. балладу. (*Прим. Байрона*).

Джонни Армстронгъ, лэрдъ Джильнокки, долженъ былъ сдаться королю Іакову V (1532) и явился къ нему въ такомъ богатомъ одѣяніи, что король за это нахальство велѣлъ его повѣсить. Объ этомъ повѣствуетъ одна изъ шотландскихъ балладъ, изданныхъ В. Скоттомъ.

Стр. 102. Строфа LIII.

Тѣ же самыя чувства—вѣрность и преданность поэта своей сестрѣ—выражаются въ двухъ лирическихъ стихотвореніяхъ: «Стансы къ Августѣ» и «Посланіе къ Августѣ», напечатанныхъ въ 1816 г.

Стр. 102. Строфа LV.

Здѣсь Козловъ, къ сожалѣнію, слишкомъ далеко отступилъ отъ подлиннаго байроновскаго текста, имѣющаго особенное значеніе. Вотъ дословный переводъ этой строфы:

«Какъ уже было сказано, была одна нѣжная грудь, соединенная съ его грудью узами болѣе крѣпкими, нежели тѣ, какія налагаетъ церковь; и, хотя безъ обрученія, *эта* любовь была чиста; совершенно не измѣняясь, она выдержала испытаніе смертельной вражды и не распалась, но еще болѣе укрѣпилена была опасностью, самой страшной въ глазахъ женщины. Она осталась тверда—и вотъ, пусть летитъ съ чужого берега къ этому сердцу привѣтъ отсутствующаго».

Предполагаютъ, что въ этой строфѣ, какъ и въ «Стансахъ къ Августѣ», заключается намекъ на «единственную важную клевету», говоря словами Шелли, «какая когда-либо распространялась насчетъ Байрона». По замѣчанію Эльце, «стихотворенія къ Августѣ показываютъ, что и ей были также извѣстны эти клеветническія обвиненія, такъ какъ никакимъ другимъ предположеніемъ нельзя объяснить заключающихся здѣсь намековъ». Кольриджъ, однако, полагаетъ, что достаточно было одного только факта—что г-жа Ли сохранила близкія дружескія отношенія къ своему брату въ то время, когда все общество отъ него отвернулось,—чтобы подвергнуть ее всякимъ сплетнямъ и обиднымъ комментаріямъ,—«опасности, самой страшной въ глазахъ женщины»; что же касается клеветническихъ извѣтовъ иного рода, если они и были, къ нимъ можно было относиться или только съ презрительнымъ молчаніемъ, или съ лишкимъ негодованіемъ.

Стр. 102. Строфа LV.

Скала Драхенфельзи, съ зубчатымъ вѣнцомъ.

«Замокъ Драхенфельзъ стоитъ на самой высокой изъ числа «семи горъ» на берегахъ Рейна; онъ теперь въ развалинахъ и съ нимъ связано нѣсколько странныхъ преданій. Онъ первый бросается въ глаза на пути изъ Бонна, но на противоположномъ берегу рѣки; а на этомъ берегу, почти напротивъ Драхенфельза, находятся развалины другого замка, называемаго «замкомъ епрея», и большой крестъ, поставленный въ па-

мять убійства одного вождя его братомъ. Вдоль Рейна, по обоимъ его берегамъ, очень много замковъ и городовъ, и мѣстоположеніе ихъ замѣчательно красиво». (*Прим. Байрона*).

Стр. 104. Строфа LVII.

Вотъ отчего въ тотъ день былъ всюду слышенъ плачъ.

«Памятникъ молодого и всѣми оплакиваемаго генерала Марсо (убитаго при Альтеркирхенѣ, въ послѣдній день четвертаго года французской республики) до сихъ поръ остается въ томъ видѣ, въ какомъ онъ описанъ. Надпись на памятникѣ слишкомъ длинна и ненужна: довольно было и одного его имени; Франція его обожала, непріятели изумлялись ему; и та, и другіе его оплакивали. Въ его погребеніи участвовали генералы и отряды обѣихъ армій. Въ той же могилѣ похороненъ и генералъ Гошъ,—также доблестный человѣкъ въ полномъ смыслѣ этого слова; но хотя онъ и много разъ отличался въ сраженіяхъ, онъ не имѣлъ счастія пасть на полѣ битвы: подозрѣваютъ, что онъ былъ отравленъ.

Отдѣльный памятникъ ему поставленъ (не надъ его тѣломъ, которое положено рядомъ съ Марсо) близъ Андернаха, противъ котораго онъ совершилъ одинъ изъ наиболѣе достопамятныхъ своихъ подвиговъ—наведеніе моста на одинъ рейнскій островъ (18 апрѣля 1797). Видъ и стиль этого памятника отличаются отъ монумента Марсо, и надпись на немъ проще и удачнѣе:

«Армія Самбры и Мезы своему главнокомандующему Гошу».

Это—и все, и такъ быть должно. Гошъ считался однимъ изъ первыхъ французскихъ генераловъ, пока Бонапартъ не сдѣлалъ всѣхъ тріумфовъ Франціи своею исключительною собственностью. Его предполагали назначить командующимъ арміей, которая должна была вторгнуться въ Ирландію». (*Прим. Байрона*).

Стр 104. Строфа LVIII.

Эренбрейтштейнъ передо мною...

«Эренбрейтштейнъ, т. е. «широкій камень чести», одна изъ сильнѣйшихъ крѣпостей въ Европѣ, былъ лишенъ укрѣпленій и разрушенъ французами послѣ заключеннаго въ Леобенѣ перемирія. Онъ былъ—и могъ быть—взятъ только или голодомъ, или измѣною. Онъ уступилъ первому, а также и неожиданности нападенія. Я видѣлъ укрѣпленія Гибралтара и Мальты, а потому Эренбрейтштейнъ не особенно меня поразилъ; но его положеніе, дѣйствительно, командующее. Генералъ Марсо тщетно осаждалъ его въ продолженіе нѣкотораго времени, и я ночевалъ въ комнатѣ, гдѣ мнѣ показывали окно, у котораго, говорятъ, онъ стоялъ, наблюдая за успѣхами осады, при лунномъ свѣтѣ, когда одна пуля ударила какъ разъ подъ этимъ окномъ. (*Прим. Байрона*).

Стр. 106. Строфа LXIII.

И души безпріютныя бродили
Вдоль Стикса, жалуясь безмолвнымъ берегамъ.

«Часовня разрушена и пирамида изъ костей уменьшена до очень незначительнаго количества бургундскимъ легіономъ на службѣ у Франціи, который старался изгладить это воспоминаніе о менѣе удачныхъ набѣгахъ своихъ предковъ. Кое-что все-таки остается еще, не взирая на заботы бургундцевъ въ продолженіе ряда вѣковъ (каждый, проходя этой дорогой, уносилъ кость къ себѣ на родину) и на менѣе назидательныя хищенія швейцарскихъ почталіоновъ, уносившихъ эти кости, чтобы дѣлать изъ нихъ ручки для ножей: для этой цѣли онѣ оказывались очень цѣнными вслѣдствіе своей бѣлизны, пріобрѣтенной долгими годами. Я рискнулъ изъ этихъ остатковъ унести такое количество, изъ котораго можно, пожалуй, сдѣлать четверть героя: единственное мое извиненіе состоитъ въ томъ, что если бы я этого не сдѣлалъ, то почтные прохожіе могли бы употребить ихъ на что-нибудь менѣе достойное, нежели заботливое сохраненіе, для котораго я ихъ предназначаю». (*Прим. Байрона*).

Карлъ Смѣлый былъ разбитъ швейцарцами при Моратѣ, 22 іюня 1476 г. «Предполагаютъ, что въ этомъ сраженіи было убито болѣе 20,000 бургундцевъ. Чтобы избѣжать появленія моровой язвы, сначала тѣла ихъ были зарыты въ могилы; но девять лѣтъ спустя кости были выкопаны и сложены въ особомъ зданіи на берегу озера, близъ деревни Мейріе. Въ теченіе трехъ слѣдующихъ столѣтій это хранилище нѣсколько разъ перестроивалось. Въ концѣ XVIII вѣка, когда войска французской республики заняли Швейцарію, одинъ полкъ, состоявшій главнымъ образомъ изъ бургундцевъ, желая загладить оскорбленіе, нанесенное ихъ предкамъ, разрушилъ «домъ костей» въ Моратѣ, кости закопалъ въ землю, а на могилѣ посадилъ «дерево свободы». Но это дерево не пустило корней, дожди размыли землю, кости опять показались на свѣтъ и лежали, бѣлѣя на солнцѣ, цѣлую четверть вѣка. Путешественники останавливались здѣсь, чтобы поглядѣть, пофилософствовать и что-нибудь стащить; почтальоны и поэты уносили черепа и берцовыя кости... Наконецъ, въ 1822 г., всѣ остатки были собраны и вновь похоронены, и надъ ними поставленъ простой мраморный обелискъ». («Исторія Карла Смѣлаго», Керка, 1868).

Стр. 106. Строфа LXIV.

Какъ съ Каннами своей резней кровавой
Сравнялось Ватерло, такъ и Моратъ
Сіялъ Маравоши чистой славой.

Байронъ указываетъ этими стихами, что при Моратѣ швейцарцы бились за славное дѣло—за защиту своей республики противъ нашествія иноземнаго тирана, между тѣмъ какъ жизнь людей, павшихъ при Каннахъ и Ватерлоо, была принесена въ жертву честолюбію соперничавшихъ между собою государствъ, боровшихся за господство, т.-е. за порабощеніе людей.

Стр. 106. Строфа LXV.

Когда исчезъ Авентикумъ, гремѣвшій
Красой своей среди созданій рукъ людскихъ.

«Авентикумъ, близъ Мората, былъ римской столицей Гельвеціи — тамъ, гдѣ теперь стоитъ Аваншъ». (*Прим. Байрона*).

Аваншъ (Вифлисбургъ) находится прямо къ югу отъ Моратскаго озера и миляхъ въ пяти на востокъ отъ Невшательскаго. Будучи римской колоніей, онъ назывался Pia Flavia Constans Emerita и ок. 70 г. до Р. Хр. имѣлъ 60,000 жителей. Онъ былъ разрушенъ сперва аллеманами, а потомъ Аттилою. «Императоръ Веспасіанъ, сынъ одного банкира изъ этого города»,—говоритъ Свѣтоній,—«окружилъ городъ толстыми стѣнами, защитилъ его полукруглыми башнями, украсилъ капитоліемъ, театромъ, форумомъ и даровалъ ему право суда надъ лежавшими внѣ его пригородами». Въ настоящее время на мѣстѣ забытыхъ улицъ Авентикума находятся табачныя плантаціи, и только одинокая коринѳская колонна

съ остаткомъ разрушенной арки напоминаетъ о прежнемъ величіи.

Стр. 106. Строфа LXVI.

Въ ихъ общей урнѣ скромная могила
Единый духъ, единый прахъ укрыла.

«Юлія Альпинула, молодая авентская жрица, умерла вскорѣ послѣ тщетной попытки спасти своего отца, осужденнаго Авломъ Цецинной на смерть за измѣну. Ея эпитафія была открыта много лѣтъ тому назадъ. Вотъ она: «Julia Alpinula: hic jacco. Infelicis patris infelix proles. Deae Aventiae sacerdos. Exorare patris necem non potui: male mori in fatis illi erat. Vixi annos XXIII». Я не знаю человѣческаго сочиненія болѣе трогательнаго, чѣмъ это, а также не знаю и исторіи, полной болѣе глубокаго интереса. Вотъ имена и поступки, которые не должны забываться и къ которымъ мы обращаемся съ искреннимъ и здоровымъ сочувствіемъ послѣ жалкихъ мишурныхъ подробностей цѣлой кучи завоеваній и сраженій, которыя на время возбуждаютъ умъ ложною, лихорадочною симпатіею, а затѣмъ ведутъ его ко всѣмъ тошнотворнымъ послѣдствіямъ такого отравленія». (*Прим. Байрона*).

Возстаніе гельветовъ, вызванное грабительствомъ одного изъ римскихъ легіоновъ, было быстро подавлено полководцемъ Авломъ Цецинной. Авентикумъ сдался (69 г. до Р. Хр.), и Юлій Альпинъ, начальникъ города и предполагаемый глава возстанія, былъ казненъ. (*Тацитъ*, Ист. I, 67, 68). Что касается Юліи Альпинулы и ея эпитафіи, то онѣ были удачнымъ изобрѣтеніемъ одного ученаго XVI вѣка. Лордъ Стэнгопъ говоритъ, что «по всей вѣроятности, эта эпитафія была доставлена нѣкіимъ Паулемъ Вильгельмомъ, завѣдомымъ поддѣлывателемъ (falsarius), Липсіусу, а послѣднимъ передана Грутерусу. Никто ни раньше, ни позже Вильгельма не увѣрялъ, что видѣлъ этотъ надгробный камень; равнымъ образомъ, исторія ничего не знаетъ ни о сынѣ, ни о дочери Юлія Альпина».

Стр. 106. Строфа LXVII

Какъ на вершинахъ Альпъ снѣговъ блистанье.

«Это писано въ виду Монблана (3 іюня 1816), который даже и на этомъ разстояніи поражаетъ меня (.0 іюля). Сегодня я въ продолженіе нѣкотораго времени наблюдалъ отчетливое отраженіе Монблана и Аржантьера въ спокойномъ озерѣ, черезъ которое я переправлялся въ лодкѣ; разстояніе отъ этихъ горъ до зеркала составляетъ шестьдесятъ миль». (*Прим. Байрона*).

Стр. 107. Строфа LXVIII.

Чтобъ этой мощью любоваться взоръ
Какъ должно могъ,—уединиться надо.

Байронъ, преслѣдуемый англійскими туристами и сплетниками, уединился (10 іюня) въ виллѣ Діодати; но преслѣдователи все-таки старались вознаградить себя, подстерегая его на дорогѣ или направляя телескопы на его балконъ, возвышавшійся надъ озеромъ, и на пригорки, покрытые виноградникомъ, гдѣ онъ снживалъ. Возможно также, что для него тягостно было и сожительство съ Шелли,—и онъ искалъ случая остаться наединѣ, лицомъ къ лицу съ природой. Но и природа оказывалась не въ состояніи исцѣлить его потрясенные нервы. Послѣ своей второй поѣздки вокругъ Женевскаго озера (29 сент. 1816) онъ писалъ: «Ни музыка пастуха, ни трескъ лавинъ, ни горные потоки, ни горы, ни ледники, ни лѣсъ, ни тучи ни на минуту не облегчили тяжести, которая лежитъ у меня на сердцѣ, и не дали мнѣ возможности позабыть о моей жалкой личности среди величія, могущества и славы окружавшей меня природы». Можетъ быть, Уордсвортъ имѣлъ въ виду это признаніе, сочиняя, въ 1834 г., свое стихотвореніе: «Не въ свѣтлыя мгновенья бытія», въ которомъ слѣдующія строки, какъ онъ самъ говоритъ, «навѣяны характеромъ лорда Байрона, какъ онъ мнѣ представлялся, и характеромъ другихъ его современниковъ, писавшихъ подъ аналогичными вліяніями»:

Всегда покорствуя таланту, слово
Легко течетъ съ привычнаго пера;
Но лишь тогда въ отвѣтъ звучать готовы
Въ душѣ всѣ струны правды и добра,
Когда съ восторгомъ жаркимъ умиленья,
Проникнутый душевной красотой,
Не будетъ геній ставить, въ ослѣпленье,
Закономъ—страсть для страсти лишь одной,
Забывъ, что благодатное смиренье—
Великихъ, чистыхъ душъ удѣлъ земной.
(Переводъ *И. О. Морозова*).

Стр. 108. Строфа LXX.

«Основная мысль этой строфы заключается въ томъ, что человѣкъ есть созданіе судьбы и ея рабъ. Въ обществѣ, въ свѣтѣ, онъ подвергается всѣмъ случайностямъ страстей, которымъ онъ не въ силахъ противиться и отъ которыхъ не можетъ избавиться безъ мученій. Свѣтъ удручаетъ его,—и онъ обращается къ природѣ и уединенію, какъ къ послѣднему убѣжищу. Онъ поднимаетъ взоры къ вершинамъ горъ не въ ожиданіи божественной помощи, а въ надеждѣ, что, сознавая свое родство съ природою и становясь «частицей окружающаго міра», онъ получитъ возможность удалиться отъ человѣчества со всѣми его тягостями и избѣжать проклятія Ср. «Сонъ». (*Кольриджъ*).

Стр. 108. Строфа LXXI. *Гдѣ мчится Рона Лазурная . .*

«Цвѣтъ Роны въ Женевѣ—синій, и такой темной окраски я никогда не видалъ ни въ соленой, ни въ прѣсной водѣ, кромѣ Средиземнаго моря и Архипелага». (*Прим. Байрона*). Ср. *Донъ-Жуанъ*, XIV, 87.

Стр. 108. Строфа LXXII.

«Гобгоузъ и я только что вернулись изъ путешествія по озерамъ и горамъ. Мы были въ Гриндельвальдѣ и на Юнгфрау, стояли на вершинѣ Венгернъ-Альпа, видѣли паденіе водопадовъ въ 900 футовъ вышины и ледники всевозможныхъ размѣровъ, слышали рога пастуховъ и трескъ лавинъ, смотрѣли на тучи, поднимавшіяся подъ нами изъ долинъ, словно пѣна адскаго океана. Шамуни и его окрестности мы видѣли уже мѣсяцъ тому назадъ; но Монбланъ, хотя и выше, не можетъ равняться по дикости съ Юнгфрау, Эйгеромъ, Шрекгорномъ и ледниками Монте-Розы». (*Изъ письма 1816 г.*).

Стр. 109. Строфа LXXVII.

«Страницы романа Руссо, одушевленныя страстью, очевидно, оставили глубокое впечатлѣніе въ душѣ благороднаго поэта. Выражаемый Байрономъ восторгъ является данью тому могуществу, какимъ обладалъ Руссо надъ страстями, и—сказать правду—мы до извѣстной степени нуждались въ этомъ свидѣтельствѣ, потому что (хотя иногда и стыдно бываетъ сознаваться, но все-таки подобно брадобрею Мидаса, чувствуешь неодолимую потребность высказаться) мы никогда не были въ состояніи заинтересоваться этимъ пресловутымъ произведеніемъ или опредѣлить, въ чемъ заключаются его достоинства. Мы готовы

признать, что эти письма очень краснорѣчивы, и что въ этомъ заключается сила Руссо; но его любовники,—знаменитый Сенъ-Прё и Юлія, съ первой же минуты, когда мы услышали разсказъ о нихъ (а мы эту минуту хорошо помнимъ) и до настоящаго времени не возбуждаютъ въ насъ никакого интереса. Можетъ быть, это объясняется какой-нибудь органической сухостью сердца,—но наши глаза оставались сухими въ то время, когда всѣ вокругъ насъ плакали. И теперь, перечитывая эту книгу, мы не видимъ въ любовныхъ изліяніяхъ этихъ двухъ скучныхъ педантовъ ничего такого, что могло бы внушить намъ интересъ къ нимъ. Выражая свое мнѣніе языкомъ, который гораздо лучше нашего собственнаго (см. «Размышленія» Берка), мы скажемъ, что имѣемъ несчастіе считать эту прославленную исторію философской влюбленности «неуклюжей, пензящной, непріятной, унылой, жестокой смѣсью педантизма и похотливости, или метафизическимъ умозрѣніемъ, къ которому примѣшалась самая грубая чувственность». (*Вальтеръ Скоттъ*).

Стр. 109. Строфа LXXIX.

«Эта строфа относится къ разсказу Руссо въ его «Исповѣди», объ его страсти къ графинѣ Удето и о томъ, какъ онъ каждое утро ходилъ очень далеко ради единственнаго поцѣлуя, который въ то время былъ обычнымъ привѣтствіемъ между знакомыми во Франціи. Описаніе имъ того, что онъ при этомъ чувствовалъ, можно признать самымъ страстнымъ, но не нечистымъ, описаніемъ и выраженіемъ любви, какое когда-либо было сдѣлано словами; надо, однако, сказать, что слова, по самому своему свойству, негригодны для подобнаго описанія, такъ же, какъ рисунокъ не можетъ дать надлежащаго понятія объ океанѣ». (*Прим. Байрона*).

Муръ, въ своей біографіи Байрона, приводитъ слѣдующее мѣсто изъ его «Отрывочныхъ мыслей»: «Моя мать, раньше, чѣмъ мнѣ минуло двадцать лѣтъ, находила во мнѣ сходство съ Руссо; то же говорила и г-жа Сталь въ 1813 г.; нѣчто подобное высказано *Эдинбургскимъ Обозрѣніемъ* въ его критикѣ на 4-ю пѣснь *Чайльдъ-Гарольда*. Я не вижу ни одной точки соприкосновенія: онъ писалъ прозой, я пишу стихами; онъ происходилъ изъ народа, я—изъ аристократіи; онъ былъ философъ, а я—вовсе нѣтъ; онъ издалъ свое первое сочиненіе сорока лѣтъ, а я свое—восемнадцати; его первый опытъ вызвалъ общее одобреніе, а мой—наоборотъ; онъ женился на своей домоправительницѣ, а я не могъ править домомъ съ своей женой; онъ думалъ, что весь міръ въ заговорѣ противъ него, а мой маленькій міръ считаетъ меня заговорщикомъ противъ него, если судить по его злоупотребленіямъ печатнымъ и устнымъ словомъ; онъ любилъ ботанику; я люблю цвѣты, травы и деревья, но вовсе не знаю ихъ родословной; онъ писалъ музыку; мое знакомство съ нею ограничивается тѣмъ, что я ловлю ухомъ; я никогда не могъ научиться чему-нибудь путемъ *штудированія*, даже языку; я всѣмъ обязанъ только слуху и памяти. У Руссо была плохая память, у меня—превосходная (спросите поэта Ходжсона: онъ хорошій судья, потому что у него у самого память удивительная). Онъ писалъ нерѣшительно и осторожно, я быстро и почти безъ усилій. Онъ никогда не ѣздилъ верхомъ, не плавалъ, не умѣлъ фехтовать, я превосходный пловецъ, приличный, хотя вовсе не блистательный, наѣздникъ (восемнадцати лѣтъ, во время бѣшеной скачки, я сломалъ себѣ ребро), и былъ довольно порядочнымъ фехтовальщикомъ, особенно—на шотландскихъ палашахъ, недурнымъ боксеромъ, когда мнѣ удавалось сдерживать свой темпераментъ, это было трудно, но я всегда старался это дѣлать съ тѣхъ поръ, какъ побилъ г. Перлинга и вывернулъ ему колѣнную чашку (въ перчаткахъ) во время кулачнаго боя въ залѣ Анджело и Джэксона, въ 1805 году. Кромѣ того, я былъ хорошимъ крикетистомъ, однимъ изъ одиннадцати представителей Гарроуской коллегіи, когда мы играли противъ Итона въ 1805 году. Далѣе, весь образъ жизни Руссо, его страна, его манеры, весь его характеръ до такой степени отличаются отъ моихъ, что я не могу даже понять, какъ могла явиться мысль о подобномъ сравненіи, высказанная трижды въ разное время и въ очень опредѣленной формѣ. Я забылъ еще сказать, что онъ былъ близорукъ, а мои глаза до сихъ поръ представляютъ совершенную противоположность, до такой степени, что въ самомъ большомъ театрѣ въ Болоньѣ я могъ различать и читать фигуры и надписи, нарисованныя возлѣ сцены,—изъ ложи, настолько отдаленной и такъ темно освѣщенной, что никто изъ нашего общества (состоявшаго изъ молодыхъ и очень свѣтлоглазыхъ особъ, сидѣвшихъ въ той же ложѣ) не могъ разобрать ни одной буквы, и думали, что я ихъ обманываю, хотя я никогда раньше въ этомъ театрѣ не бывалъ.

Какъ бы то ни было, я считаю себя вправѣ думать, что это сравненіе неосновательно. Я говорю это не отъ досады, потому что Руссо былъ великій человѣкъ, и сравненіе, если бы оно было вѣрно, было бы для меня очень лестно; но у меня нѣтъ охоты утѣшаться химерами».

«Я не знаю, похожъ ли я на Руссо», писалъ Байронъ матери, 7 октября 1808 г.: «у меня нѣтъ притязаній быть похожимъ на такого знаменитаго безумца; я знаю только, что буду жить по-своему и, насколько возможно, одинъ».

«Характеристика Руссо, сдѣланная Байрономъ, отличается большой энергіей, проницательностью и замѣчательнымъ краснорѣчіемъ. Я не знаю, сказалъ ли онъ что-нибудь такое, чего не было бы сказано раньше, но то, что онъ говоритъ, видимо, истекаетъ изъ самыхъ сокровенныхъ изгибовъ его собственнаго ума. Эта характеристика нѣсколько искусственна, что, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что ее необходимо было заключить въ форму строфы; но нѣтъ сомнѣнія, что поэтъ чувствовалъ симпатію къ восторженной нѣжности Руссо и не могъ бы выразить этой симпатіи съ такимъ одушевленіемъ, если бы не сознавалъ, что онъ и самъ испытывалъ подобныя же волненія». (*Бриджесъ*).

Стр. 110. Строфа LXXX.

Всю жизнь свою онъ бился неуклонно
Съ толпой враговъ, которыхъ пріобрѣлъ,
Преслѣдуя всѣхъ близкихъ вступленно.

Напр.—съ г-жей Варенсъ въ 1738 г.; съ г-жей д'Эпинэ; съ Дидро и Гриммомъ въ 1757 г., съ Вольтеромъ, съ Давидомъ Юмомъ въ 1766 г., со всѣми, къ кому онъ былъ привязанъ или съ кѣмъ былъ въ сношеніяхъ, кромѣ только его неграмотной любовницы, Терезы Левассеръ. (См. «Руссо» Джона Морлея).

Стр. 111. Строфа LXXXVII.

Байронъ жилъ на виллѣ Діодати, въ мѣстечкѣ Колиньи. Вилла эта стоитъ на вершинѣ круто спускающагося холма, покрытаго виноградникомъ; изъ оконъ открывается прекрасный

видъ съ одной стороны – на озеро и на Женеву, а съ другой—на противоположный берегъ озера. Поэтъ каждый вечеръ катался въ лодкѣ по озеру, и эти прекрасныя строфы вызваны чувствами, которыя онъ испытывалъ во время этихъ прогулокъ. Слѣдующій отрывокъ изъ дневника даетъ понятіе о томъ, какъ онъ проводилъ время:

«Сентября 18. Всталъ въ пять. Остановился въ Вевэ на два часа. Видъ съ кладбища превосходенъ. На кладбищѣ—памятникъ Ледло (цареубійцы): черный мраморъ, длинная надпись, латинская, но простая. Недалеко отъ него похороненъ Броутонъ (который читалъ Карлу Стюарту приговоръ надъ королемъ Карломъ), съ оригинальною и нѣсколько фарисейскою надписью. Осмотрѣли домъ Ледло. Спустились на берегъ озера: по какой-то ошибкѣ, прислуга, экипажи, верховыя лошади—всѣ уѣхали и оставили насъ plantés là. Гоббоузъ побѣжалъ за ними и привелъ. Пріѣхали въ Кларанъ. Пошли въ Шильонъ, среди пейзажа, достойнаго не знаю кого; опять обошли замокъ. Встрѣтили общество англичанъ въ коляскахъ; дама почти спитъ въ коляскѣ,—почти спитъ въ самомъ анти-сонномъ мѣстѣ въ мірѣ,—превосходно! Послѣ легкаго и короткаго обѣда, посѣтили Клараискій замокъ. Видѣли все, заслуживающее вниманія, и затѣмъ спустились въ «рощу Юліи», и пр. и пр.; нашъ проводникъ весь полонъ Руссо, котораго вѣчно смѣшиваетъ съ Сенъ-Пре, не отличая романа отъ его автора. Опять перешли къ Шильону, чтобы посмотрѣть на небольшой водопадъ, падающій съ холма сзади замка. Капралъ, показывавшій чудеса Шильона, былъ пьянъ, какъ Блюхеръ, и, по моему мнѣнію, столь же великій человѣкъ; при этомъ онъ былъ еще глухъ – и, думая, что и всѣ прочіе люди такъ же глухи, выкрикивалъ легенды замка такъ ужасно, что Гоббоузъ чуть не лопнулъ со смѣха. Какъ бы то ни было, мы разглядѣли все, начиная съ висѣлицы и кончая тюрьмой. Въ озерѣ отражался закатъ солнца. Въ девять часовъ—спать. Завтра надо встать въ пять часовъ утра».

Стр. 112. Строфа XC.

. . . . *Заключено*
Въ немъ пояса Цитеры обольщенье...

«Какъ поясъ Венеры одарялъ носившаго его волшебною привлекательностью, такъ и присутствіе безконечнаго и вѣчнаго «во всемъ, что бренно и скоротечно» опоясываетъ это послѣднее красотою и производитъ сверхъестественное очарованіе, противъ котораго безсильна даже смерть». (*Кольриджъ*).

Стр. 112. Строфа XCI.

Персъ древній не напрасно алтарямъ
Избралъ мѣста на высотѣ нагорной,
Царящей надъ землей.

«Надо имѣть въ виду, что прекраснѣйшія и наиболѣе трогательныя поученія Божественнаго Основателя христіанства были преподаны не *въ храмѣ*, а *на горѣ*. Оставляя область религіи и обращаясь къ человѣческому краснорѣчію, мы видимъ, что самые выразительные и блестящіе его образцы были произнесены не въ оградахъ. Демосѳенъ обращался къ толпѣ въ народныхъ собраніяхъ, Цицеронъ говорилъ на форумѣ. Что это обстоятельство оказывало вліяніе на настроеніе какъ самихъ ораторовъ, такъ и ихъ слушателей,—становится понятнымъ, когда мы сравнимъ то, что мы читаемъ о произведеніи ими впечатлѣніи, съ результатами своего собственнаго опыта въ комнатѣ. Одно дѣло—читать *Иліаду* въ Сигеѣ и на курганахъ, или у источниковъ близъ горы Иды, видя вокругъ равнины, рѣки и Архипелагъ, а другое дѣло—разбирать ее при свѣчкѣ въ маленькой библіотекѣ: это я знаю по себѣ. Если бы ранніе и быстрые успѣхи такъ называемаго методизма объяснялись чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ энтузіазма, возбужденнаго его пылкою вѣрою и ученіемъ (истиннымъ или ложнымъ—это въ данномъ случаѣ не имѣетъ значенія), то я рѣшился бы объяснить этотъ успѣхъ усвоеннымъ его проповѣдниками обычаемъ говорить *въ полѣ*, и также—неподготовленнымъ заранѣе, вдохновеннымъ вліяніемъ чувствъ. Мусульмане, религіозныя заблужденія которыхъ (по крайней мѣрѣ,—въ низшемъ классѣ) болѣе искренни и потому болѣе трогательны, имѣютъ привычку повторять въ опредѣленные часы предписанныя закономъ молитвы и воззванія, гдѣ бы они ни находились, а стало быть,—часто и подъ открытымъ небомъ, становясь на колѣни на циновку (которую они возятъ съ собой, для того, чтобы на ней спать, или пользоваться ею, какъ подушкой, смотря по надобности). Эта церемонія продолжается нѣсколько минутъ, въ теченіе которыхъ они совершенно поглощены своею молитвою и живутъ только ею; ничто не въ состояніи въ это время ихъ отвлечь. На меня простая и цѣльная искренность этихъ людей и то присутствіе духовнаго начала, которое при этомъ чувствовалось среди нихъ, производили впечатлѣніе, гораздо болѣе сильное, чѣмъ какой-либо общій обрядъ, совершавшійся въ мѣстахъ религіознаго поклоненія; а я видѣлъ обряды почти всѣхъ существующихъ вѣроисповѣданій,—большинства нашихъ собственныхъ сектъ, греческіе, католическіе, армянскіе, лютеранскіе, еврейскіе и магометанскіе. Многіе изъ негровъ, которыхъ не мало въ Турецкой имперіи, идолопоклонники, пользуются свободою вѣроученія и исполненія своихъ обрядовъ; нѣкоторые изъ нихъ я наблюдалъ издали въ Патрасѣ: насколько я могъ замѣтить, они имѣли характеръ совершенно языческій и не особенно пріятный для зрителя». (*Прим. Байрона*).

Стр. 112. Строфа XCII.

Но небо измѣнилося – и какъ!

«Гроза, къ которой относятся эти стихи, происходила въ полночь 13 іюня 1816 г. Въ Акрокеравнскихъ горахъ, въ Кимари, я видѣлъ нѣсколько грозъ, болѣе ужасныхъ, но ни одной, болѣе красивой.

(*Прим. Байрона*).

Стр. 113. Строфа XCIII.

«Эта строфа—одна изъ самыхъ прекрасныхъ по всей поэмѣ. «Гордое наслажденіе» грозою описано здѣсь стихами, почти такими же живыми, какъ молніи. «Горный смѣхъ, прокатившійся среди громадъ», голоса горъ, какъ будто перегоняющихся одна съ другою, «прыганье» крупнаго дождя, волненіе обширнаго озера, свѣтящагося, точно фосфорное море,—все это представляетъ картину высокаго ужаса и вмѣстѣ съ тѣмъ—радости, картину, которую часто пытались изображать, но никогда еще не изображали въ нашей поэзіи такъ хорошо». (*В. Скоттъ*).

Стр. 114. Строфа XCVI.

Дневникъ путешествія по Швейцаріи, веденный Байрономъ для сестры, заключается слѣдующими грустными словами: «Во время этой поѣздки, въ теченіе тринадцати дней, мнѣ посчастливилось имѣть хорошую погоду, хорошаго

товарища (Гобгоуза) и удачу во всѣхъ нашихъ плаваніяхъ; не было даже и тѣхъ мелкихъ случайностей и задержекъ, которыя дѣлаютъ непріятнымъ путешествіе даже и по менѣе дикимъ мѣстностямъ. Я разсчитывалъ получить удовольствіе. Вѣдь я люблю природу, я—поклонникъ красоты. Я могу выносить усталость и лишенія, лишь бы видѣть нѣсколько прекраснѣйшихъ въ мірѣ пейзажей. Но среди всего этого меня мучило воспоминаніе объ огорченіяхъ и та скорбь, которая будетъ угнетать меня всю жизнь,—и ничто не облегчило тяжести, лежащей у меня на сердцѣ»...

Стр. 115. Строфа XCIX.

Ласкаетъ ихъ закатъ сіяньемъ алымъ.

«См. Руссо, *Элоиза*, ч. IV, письмо 17, примѣчаніе: «Эти горы такъ высоки, что черезъ полчаса послѣ захода солнца, ихъ вершины все еще озарены его лучами, красный цвѣтъ которыхъ дастъ на этихъ бѣлыхъ вершинахъ красивый розовый отблескъ, видимый на очень большомъ разстояніи». Это въ особенности примѣнимо къ высотамъ надъ Мейери. «Въ Вевэ я поселился «У Ключа», и въ теченіе двухъ дней, которые я тамъ провелъ, никого не видя, я почувствовалъ къ этому городу любовь, сохранившуюся во всѣхъ моихъ путешествіяхъ, которая, наконецъ, и побудила меня поселить тамъ героя моего романа. Тѣмъ, кто обладаетъ вкусомъ и чувствительностью, я готовъ сказать: поѣзжайте въ Вевэ, посѣтите его окрестности, разсмотрите его мѣстоположеніе, сдѣлайте прогулку по озеру, и потомъ скажите, не создано ли это прекрасное мѣсто самою природою для Юліи, для Клары и для Сенъ-Пре; но не ищите ихъ тамъ». («Исповѣдь», ч. I, кн. 4). Въ іюлѣ 1816 г. я совершилъ поѣздку вокругъ Женевскаго озера *), и насколько мои собственныя наблюденія дали мнѣ возможность съ интересомъ и внимательно осмотрѣть всѣ мѣстности, прославленныя Руссо въ *Элоизѣ*, я могу съ увѣренностью сказать, что у него нѣтъ преувеличеній. Трудно видѣть Кларанъ и его окрестности—Вевэ, Шильонъ, Бувре, Сенъ-Жангольфъ, Мейери, Эвіанъ и устья Роны,—не поражаясь особеннымъ его соотвѣтствіемъ съ тѣми лицами и событіями, которыя здѣсь представлены. Но это еще не все: чувство, вызываемое всѣми окрестностями Кларана и лежащими на противоположной сторонѣ озера утесами Мейери, выше и доступнѣе, чѣмъ простое сочувствіе къ личной страсти; это—сознаніе существованія любви, въ самомъ широкомъ и высокомъ ея значеніи, и вмѣстѣ—сознаніе нашего собственнаго участія во всемъ добромъ и славномъ; это — великій принципъ вселенной, которая здѣсь находитъ свое отраженіе въ болѣе сжатой формѣ; передъ ея лицомъ мы хотя и сознаемъ собственную личность, но утрачиваемъ чувство своей индивидуальности и становимся участниками красоты цѣлаго. Если бы Руссо никогда не писалъ, и даже вовсе не жилъ на свѣтѣ, то подобныя картины все-таки вызывали бы подобныя же мысли. Усвоивъ ихъ, онъ увеличилъ интересъ, вызываемый его сочиненіями; выборомъ ихъ онъ доказалъ свой вкусъ и пониманіе красоты; но онѣ сдѣлали для него то, чего ни одно человѣческое существо не можетъ сдѣлать для нихъ. Я имѣлъ счастье (худо ли, хорошо ли) проплыть отъ Мейери (гдѣ мы на нѣкоторое время остававливались) къ Сенъ-Жангольфу во время бури на озерѣ, которая еще болѣе увеличивала великолѣпіе всего этого зрѣлища, хотя и представляла опасность для нашей лодки, небольшой и сильно нагруженной *). Именно въ этой части озера Руссо заставилъ лодку Сенъ-Пре и г-жи Вольмаръ плыть къ Мейери и потерпѣть крушеніе во время бури. Когда мы пристали къ берегу у Сенъ-Жангольфа, оказалось, что нѣтеръ былъ настолько силенъ, что свалилъ нѣсколько прекрасныхъ старыхъ каштановыхъ деревьевъ въ нижней части горы. На противоположномъ берегу озера, на высотахъ Кларана, находится замокъ. Холмы покрыты виноградниками и отдѣлены другъ отъ друга небольшими, но красивыми рощицами; одна изъ нихъ носитъ названіе «Bosquet de Julie»; замѣчательно, что хотя деревья давно уже срублены для удовлетворенія грубой корысти сенъ-бернарскихъ монаховъ (которымъ принадлежала эта земля) и весь участокъ обращенъ въ виноградникъ для этихъ жалкихъ суевѣрныхъ трутней, жители Кларана до сихъ поръ еще показываютъ мѣсто, гдѣ стояли эти деревья, и называютъ его тѣмъ именемъ, которымъ они были освящены и которое ихъ пережило. Вообще, Руссо не посчастливилось въ сохраненіи тѣхъ «мѣстныхъ обиталищъ», которыя онъ назначалъ своимъ «воздушнымъ существамъ». Пріоръ св. Бернарда вырубилъ нѣсколько его рощъ ради нѣсколькихъ бочекъ вина, а Бонапартъ срылъ часть утесовъ Мейери для улучшенія Симплонской дороги. Дорога эта превосходна; но я совсѣмъ не могу согласиться съ слышаннымъ мною однажды замѣчаніемъ, что «дорога лучше воспоминаній». (*Прим. Байрона*).

Стр. 115. Строфа CI.

Все имъ полно: и роща сосенъ черныхъ,
Что тьмѣ свою бросаютъ на утесъ,
Отрадный слуху шумъ потоковъ горныхъ...

Ср. *Новую-Элоизу*, ч. IV, п. 17: «Потокъ, образовавшійся отъ таянія снѣговъ, катился въ двадцати шагахъ отъ насъ грязною волною, съ шумомъ вздымая илъ, камни и песокъ... Справа надъ нами печальной тѣнью возвышались лѣса черныхъ сосенъ. Налѣво, за потокомъ находился большой дубовый лѣсъ».

Стр 116. Строфа CV.

Вы пріютили тѣхъ, Ферне съ Лозанной,
Кто васъ прославилъ именемъ своимъ.

«Вольтера и Гиббона». (*Прим. Байрона*).

*) Байронъ и Шелли совершили эту поѣздку въ концѣ іюня: 27 іюня Б. писалъ Меррею, что онъ «объѣхалъ всѣ мѣста, описанныя у Руссо, съ *Элоизой* въ рукахъ». Затѣмъ, въ сентябрѣ, онъ снова посѣтилъ Кларанъ и Шильонъ, вмѣстѣ съ Гобгоузомъ.

*) Байронъ упоминаетъ о «шквалѣ въ Мейери» въ письмѣ къ Меррею отъ 27 іюня 1816 г.: «Вѣтеръ постепенно дошелъ до ужасной силы и, дуя съ самой отдаленной окраины озера, производилъ волны страшной высоты и покрывалъ всю поверхность озера хаосомъ пѣны. Въ этой близости смерти я испытывалъ смѣшанное чувство, въ которомъ ужасъ, конечно, занималъ свое мѣсто, но не главное. Я чувствовалъ бы себя менѣе удрученнымъ, если бы я былъ одинъ; но я зналъ, что мой спутникъ будетъ пытаться спасти меня, и мнѣ было стыдно при мысли, что его жизнь можетъ подвергнуться опасности ради сохраненія моей жизни». Байронъ и Шелли ночевали въ Кларанѣ 26 іюля. Изъ оконъ ихъ гостиницы была видна «роща Юліи», и оба они нѣсколько разъ тамъ гуляли.

Вольтеръ жилъ въ Ферне, въ пяти миляхъ къ сѣверу отъ Женевы, съ 1759 по 1777 г. Эдуардъ Гиббонъ закончилъ въ 1788 г. свое знаменитое сочиненіе: «Паденіе римской имперіи» въ Лозаннѣ, въ т. наз. «La Grotte», старомъ, обширномъ домѣ сзади церкви св. Франциска. Въ настоящее время этотъ домъ уже не существуетъ, и даже бывшій при немъ садъ измѣнилъ свой прежній видъ: на мѣстѣ знаменитой деревянной бесѣдки и сливовой аллеи, называвшейся, по имени Гиббона, «La Gibbonière» стоитъ теперь «Отель Гиббонъ». Въ 1816 г. бесѣдка находилась въ «самомъ печальномъ состояніи» и садъ былъ совсѣмъ запущенъ, но Байронъ сорвалъ вѣтку съ «акаціи Гиббона» и нѣсколько розовыхъ лепестковъ въ саду, которые и послалъ въ письмѣ къ Меррею. Шелли, напротивъ, не захотѣлъ сдѣлать того же, «опасаясь оскорбить болѣе великое и болѣе священное имя Руссо» и находя, что Гиббонъ былъ человѣкъ «холодный и безстрастный».

Стр. 118. Строфа CXIV.

. . . *правдивыя уста*
Есть у двоихъ иль одного межъ нами.

«Ларошфуко говоритъ, что въ нашихъ несчастіяхъ *всегда* есть нѣчто не лишенное пріятности для лучшихъ нашихъ друзей». (*Прим. Байрона*).

«Причиною счастья или несчастья поэта являются не его характеръ и талантъ, а то употребленіе, которое онъ изъ нихъ дѣлаетъ. Могучее и необузданное воображеніе служитъ источникомъ его собственныхъ непріятностей. Его увлеченія, преувеличенное изображеніе добра и зла и происходящія отсюда душевныя мученія являются естественнымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ быстрой воспріимчивости чувства и фантазіи, свойственной поэтической натурѣ. Но Податель всѣхъ талантовъ, даруя ихъ въ удѣлъ человѣку, одарилъ его также и способностью очищать ихъ и дѣлать болѣе благородными. Какъ бы для того, чтобы умѣрить притязательность генія, справедливость и мудрость требуютъ, чтобы онъ сдерживалъ и умѣрялъ пылъ своей фантазіи и спускался съ высотъ, на которыя она его возноситъ, ради облегченія и успокоенія мысли. Всѣ данныя для нашего счастія, т. е. для такой степени счастія, которая отвѣчала бы нашему положенію, въ изобиліи находятся вокругъ насъ; но человѣкъ, одаренный талантомъ, долженъ напрягаться, чтобы ихъ собрать, такъ какъ иначе онѣ были бы недоступны массѣ общества, для блага которой, точно также, какъ и для его блага, онѣ созданы Провидѣніемъ. Путь къ довольству и сердечному спокойствію существуетъ не для однихъ только царей и поэтовъ; онъ открытъ для всѣхъ разрядовъ человѣчества и требуетъ лишь весьма незначительной высоты разума. Сдерживать наши стремленія и желанія соотвѣтственно предѣламъ возможности достиженія; смотрѣть на наши неудачи, каковы бы онѣ ни были, какъ на неизбѣжную нашу долю въ наслѣдіи Адама; обуздывать тѣ раздражительныя чувствованія, которыя, не будучи управляемы, скоро пріобрѣтаютъ власть надъ нами; избѣгать тѣхъ напряженныхъ, горькихъ и само-отравляющихъ размышленій, которыя нашъ поэтъ такъ сильно изображаетъ своимъ пламеннымъ стихомъ; однимъ словомъ, склониться передъ дѣйствительною жизнью, раскаяться, если мы кого-нибудь обидѣли, и простить, если мы сами были обижены, смотрѣть на свѣтъ не какъ на врага, а скорѣе—какъ на надежнаго и причудливаго друга, одобреніе котораго мы должны, по мѣрѣ возможности, стараться заслужить,—вотъ, кажется, самый очевидный и вѣрный способъ пріобрѣсти или сохранить душевное спокойствіе». (*В. Скоттъ*).

Стр. 118. Строфа CXV.

«Строфы XCIX—CXV превосходны. Въ нихъ есть все, что нужно для совершенства поэтической картины. Онѣ отличаются удивительнымъ блескомъ и силою воображенія; по самая ихъ точность служитъ причиною нѣкоторой натянутости и искусственности языка. Поэтъ, повидимому, слишкомъ заботился о томъ, чтобы придать своимъ образамъ силу и огонь и потому небрежно отнесся къ подбору болѣе гармоническихъ словъ, которыя, дѣйствуя на слухъ, могли бы, пожалуй, ослабить впечатлѣніе, производимое этими стихами на умъ. Эта способность вполнѣ овладѣвать новымъ предметомъ, не только еще незатронутымъ, но представляющимъ особенное величіе и красоту, уже и сама по себѣ могла бы послужить доказательствомъ сильнѣйшаго поэтическаго дарованія молодого въ то время автора, не говоря уже о соединенной съ нею практической умѣлости художника. Строфы, посвященныя Вольтеру и Гиббону, проницательны, умны и справедливы. Онѣ являются однимъ изъ доказательствъ весьма значительнаго разнообразія таланта, которымъ отличается эта пѣснь поэмы Байрона». (*Бриджесъ*).

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Въ рукописи IV пѣснь сопровождается помѣтками: «Венеція и Ла-Мира на Брентѣ. Переписано въ августѣ 1817. Начато іюня 26. Кончено іюля 29». Въ концѣ находятся двѣ приписки: «Laus Deo!—Байронъ.—19 іюля 1817. Ла Мира, близъ Венеціи» и «Laus Deo!—Байронъ.—Ла-Мира, близъ Венеціи, 3 сентября 1817». Первая строфа была послана Байрономъ Меррею 1-го іюля 1817 г., «какъ образецъ для набора». Въ послѣдующихъ письмахъ къ Меррею Байронъ, говоря объ этой заключительной пѣснѣ своей поэмы, отмѣчаетъ троякое отличіе ея отъ предшествующихъ пѣсенъ: во-первыхъ, она—самая длинная; во вторыхъ, въ ней говорится «болѣе о произведеніяхъ искусства, чѣмъ о природѣ», и въ-третьихъ—«въ ней вовсе нѣтъ метафизики,—такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется». Другими словами,—«четвертая пѣснь не есть продолженіе третьей. И тема, и ея обработка здѣсь совершенно новыя».

Окончательную обработку, со всѣми дополненіями, эта пѣснь получила въ декабрѣ 1817 г., а въ началѣ января 1818 Гобгоузъ повезъ ее въ Англію вмѣстѣ съ своими собственными сочиненіями,—очеркомъ итальянской литературы, римскихъ древностей и пр., составленнымъ во время пребыванія въ Венеціи; этотъ очеркъ онъ предполагалъ напечатать въ видѣ прибавленія къ *Чайльдъ-Гарольду*, но затѣмъ нашелъ, что такое приложеніе къ одной пѣснѣ было бы слишкомъ обширно по своимъ размѣрамъ, и потому рѣшилъ раздѣлить свои матеріалы на двѣ части: замѣтки, имѣвшія болѣе тѣсную связь съ текстомъ поэмы, были напечатаны подъ заглавіемъ: «Историческія примѣчанія къ IV пѣснѣ»

ПАВЕЛЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ КОЗЛОВЪ (1841—1891).
Переводчикъ «Чайльдъ-Гарольда» и «Донъ-Жуана».

(они и воспроизводятся въ настоящемъ изданіи), а болѣе пространныя разсужденія были изданы отдѣльной книгой (1818), подъ заглавіемъ: «Историческія объясненія къ IV пѣснѣ «Чайльдъ-Гарольда».

Стр. 122. Строфа I.

«Мостъ вздоховъ» (Ponte de'Sospiri) раздѣляетъ или, лучше сказать, соединяетъ дворецъ дожей и государственную тюрьму: таково объясненіе Байрона, который въ трагедіи «Двое Фоскари» (д. IV, явл. 1) также упоминаетъ о мостѣ, «черезъ который многіе проходятъ, но не многіе возвращаются». Это послѣднее упоминаніе заключаетъ въ себѣ, однако же, анахронизмъ: Мостъ Вздоховъ былъ построенъ Антоніо де-Понте въ 1597 г., болѣе ста лѣтъ спустя послѣ смерти Франческо Фоскари. По замѣчанію Рескина, онъ представляетъ «произведеніе незначительное и позднѣйшаго періода, обязанное своей славой только красивому названію да сентиментальному невѣдѣнію Байрона». Ср. «Историческія Примѣчанія», I.

«Крылатый левъ», опирающійся одною лапою на раскрытое евангеліе отъ Марка,—гербъ Венеціанской республики, украшающій, между прочимъ, одну изъ историческихъ двухъ колоннъ Пьяццетты. Въ 1797 г. онъ былъ, вмѣстѣ съ другими венеціанскими сокровищами, увезенъ въ Парижъ, откуда возвращенъ въ 1815 г., но безъ двухъ большихъ карбункуловъ, которые прежде были вставлены въ его глаза.

Стр. 120. Строфа II.

Цибель, порожденной океаномъ,
Она подобна, - госпожа морей.

«Сабелликъ, описывая внѣшность Венеціи, употребилъ это сравненіе, которое не имѣло бы поэтическаго достоинства, если бы не было вѣрно: «Quo fit ut qui superne (ex specula aliqua eminentiore) urbem contempletur, turritam telluris imaginem medio oceano figuratam se putet inspicere»! (*Примѣч. Байрона*).

(De Venetae urbis situ narratio, lib I. st. III. Script., 1600, p. 4). Marcus Antonius Coccius Sabellicus (1436—1506) написалъ между прочимъ

«Исторію Венеціи», изд., 1487 г., и Rhapsodiae historiarum enneades, a condito mundo usque ad A. C. 1504.

Цибела или Кибела, «мать богинь», изображалась въ коронѣ изъ башенъ, —«coronamque turritam gestare dicitur».

Лились съ Востока всѣ богатства въ міръ
На лоно къ ней.

«Сосуды для питья, отдѣланные самоцвѣтными каменьями, изъ коихъ наименѣе драгоцѣнными были бирюза, яшма, аметистъ... безчисленное множество гіацинтовъ, изумрудовъ, сафировъ, хризолитовъ и топазовъ и, наконецъ, тѣ несравненные карбункулы, которые, находясь на высокомъ алтарѣ св. Марка, слѣпили своимъ внутреннимъ блескомъ и прогоняли тьму собственнымъ сіяніемъ, —таковы лишь немногіе образцы тѣхъ богатствъ, какія стекались въ Венецію», говоритъ историкъ крестовыхъ походовъ *Вильгардуэнъ* въ своей хроникѣ, кн. III.

Стр. 122. Строфа III.

Въ Венеціи замолкла пѣснь Торквато.

Ср. «Историческія Примѣчанія», II. Въ старину у гондольеровъ было въ обычаѣ пѣть поочередно строфы изъ «Освобожденнаго Іерусалима» Тассо, прерывая другъ друга на манеръ пастуховъ въ «Буколикахъ». Иногда оба пѣвца помѣщались на одной и той же гондолѣ; но часто отвѣтъ давался и проѣзжавшимъ мимо гондольеромъ, посторонимъ тому, кто первый началъ пѣть. Ср. Гете, Письма изъ Италіи, 6 окт. 1786: «Сегодня вечеромъ я разговаривалъ о знаменитыхъ пѣсняхъ морякоп, которые распѣваютъ Тассо и Аріосто на свои собственные мотивы. Въ настоящее время это пѣніе можно слышать только по заказу, такъ какъ оно принадлежитъ уже къ полу-забытымъ преданіямъ минувшаго. Я сѣлъ въ гондолу при лунномъ свѣтѣ; одинъ пѣвецъ помѣстился впереди, другой—сзади меня; они запѣли, чередуясь», и пр.

Ср. также переведенное Пушкинымъ (1827) стихотвореніе Андре Шенье:

Близъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая,
Одинъ ночной гребецъ, гондолой управляя,
При свѣтѣ Вечера по взморію плыветъ:
Ринальда, Годфреда, Эрминію поетъ...

То же стихотвореніе переведено И. И. Козловымъ и В. И. Туманскимъ. Въ позднѣйшемъ своемъ «Элегическомъ отрывкѣ»—:Поѣдемъ, я готовъ»... (1829) Пушкинъ, вспомнивая стихъ Байрона, говоритъ:

«Гдѣ Тасса не поетъ уже ночной гребецъ».

Стр. 123. Строфа IV.

Падетъ Ріальто, но безсмертны въ ней
Трофеи наши Мавръ и Шейлокъ.

Въ подлинникѣ: «Намъ принадлежатъ трофеи, которые не падутъ вмѣстѣ съ Ріальто: Шейлокъ и Мавръ и Пьеръ не могутъ быть сметены или выброшены вонъ,—краеугольные камни свода».

Ріальто (Rivo alto)—средняя группа острововъ между берегомъ лагуны и материкомъ, на лѣвой сторонѣ Большого Канала. Здѣсь было мѣсто первоначальнаго поселенія венеціанцевъ, и самый городъ до XVI столѣтія формально носилъ это названіе. На площади у церкви Санъ-Джіакомо, къ сѣверу отъ моста Ріальто, находилась биржа (Banco Giro). «Что новаго на Ріальто»? этотъ вопросъ часто слышится въ «Венеціанскомъ Купцѣ» Шекспира. Байронъ употребляетъ это названіе символически, для обозначенія венеціанской торговли. Шейлокъ и Мавръ дѣйствительно безсмертны; но поставленный наряду съ ними «Пьеръ» уже основательно забытъ. Это—герой трагедіи Отуэя: «Спасенная Венеція или открытый заговоръ», представленной въ первый разъ въ 1682 г., а въ послѣдній—27 окт. 1837 г. Байронъ былъ большимъ поклонникомъ этого драматическаго писателя, извѣстнаго теперь только историкамъ англійской литературы.

Стр. 124. Строфа IX.

Разстанься духъ мой на чужбинѣ съ тѣломъ,
Вернулся бы мой духъ къ странѣ родной,
Когда бъ онъ могъ за гробовымъ предѣломъ
Самъ избирать пріютъ себѣ земной.

Иныя мысли высказаны Байрономъ въ письмѣ къ Меррею отъ 7 іюня 1819 г.: «Надѣюсь, они не вздумаютъ замариновать и отвезти меня домой... Я увѣренъ, что мои кости не будутъ лежать въ англійской могилѣ, и мой прахъ не смѣшается съ землею этой страны». Въ этихъ полу-юмористическихъ словахъ поэтъ какъ бы указываетъ на то, что ему вовсе не желательна была участь, въ дѣйствительности постигшая его останки,—погребеніе въ фамильномъ склепѣ въ Гекналлъ-Торкардѣ. Въ первыхъ стихахъ слѣдующей строфы Байронъ признаетъ возможность своего удаленія «изъ храма, гдѣ чтутъ имена покойныхъ», т. е. изъ храма Славы; можетъ быть, въ этихъ словахъ есть намекъ на Вестминстерское аббатство,—усыпальницу великихъ людей Англіи.

Стр. 124. Строфа X.

«У Спарты есть сыны славнѣй, чѣмъ онъ».

«Такъ отвѣтила мать спартанскаго полководца Брасида одному чужеземцу, восхвалявшему доблести ея сына». (*Прим. Байрона*).

Стр. 125. Строфа XI.

На Буцентаврѣ сласти обветшали.

Буцентавръ—государственный корабль, на которомъ венеціанскій дожъ, въ день Вознесенія, совершалъ свое «обрученіе съ Адріатикой», бросая въ море кольцо. Гете, въ письмахъ изъ Италіи, 5 окт. 1786 г., говоритъ: «Чтобы дать понятіе о Буцентаврѣ однимъ словомъ, слѣдуетъ сказать, что это—государственная галера. Старое судно, рисунки котораго сохранились, болѣе соотвѣтствовало этому названію, чѣмъ нынѣшнее, которое уже черезчуръ богато всевозможными украшеніями; оно, можно сказать, все состоитъ изъ однихъ орламентовъ,—до такой степени оно ими переполнено...» Буцентавръ былъ сломанъ французами въ 1797 г.

Какъ жалокъ нынѣ Левъ среди громадъ
На площади...

Ср. «Историч. Примѣчанія», III.

Стр. 125. Строфа XII.

Ср. «Историч. Примѣчанія». IV, «О, хоть бы на часокъ въ Дендн»!—восклицаніе одного шотландскаго вождя въ сраженіи при Шерифъ-Мьюрѣ, 13 ноября 1715 г., переданное Вальтеръ-Скоттомъ въ «Разсказахъ дѣдушки», ч. II, гл. 10.

Стр. 126. Строфа XIII.

Разсказъ Гобгоуза въ «Историч. Прим.», V, о войнѣ въ Кіоджѣ не подтверждается новѣйшими изслѣдованіями. Такъ, напр., длинная рѣчь, приписываемая Кипаццо генуэзскому адмиралу Пьетро Доріа, по всей вѣроятности, вымышлена. Угроза «побить и взнуздать коней св. Марка» приписы-

вается другими историками Франческо Каррарѣ. Дориа былъ убитъ не каменнымъ ядромъ изъ пушки, называемой «Тревизера», а паденіемъ колокольни въ Кіоджѣ, въ которую попало ядро.

Стр. 126. Строфа XIV.

Присвоила побѣдъ ея молва
Ей имя «Насадительницы Льва».

«То есть—Льва св. Марка, венеціанскаго знамени, откуда происходитъ слово «Панталонъ»—Pianta-Leone, Pantaleon».

(*Прим. Байрона*).

Венеціанцамъ въ шутку дано было прозвище: «Pantaloni».—Байронъ, видимо довѣрившись авторитету какого-нибудь венеціанскаго словаря, полагаетъ, что это прозвище обязано своимъ происхожденіемъ патріотизму венеціанцевъ, о которыхъ говорили, что они подружаютъ свои знамена съ изображеніемъ Льва на каждой скалѣ и на всякомъ безплодномъ мысѣ въ водахъ европейскаго Востока, и что эта страсть къ разбрасыванію своихъ знаменъ послужила поводомъ для сосѣдей въ шутку называть венеціанцевъ «насадителями Льва». Вѣрнѣе другое объясненіе, сближающее это прозвище съ Pantalone, однимъ изъ типовъ итальянской commedia dell'arte, и съ именемъ Pantaleone, которое венеціанцы часто давали своимъ дѣтямъ, въ честь святого Пантелеона или Пантелеймона Никомидійскаго, врача-мученика, очень почитаемаго въ сѣверной Италіи и особенно въ Венеціи, гдѣ находились и его мощи, прославленныя чудесами.

Стр. 126. Строфа XIV.

Ты это помнишь, Кандія! Жива
Лепанто память, волны океана!

Кандія и весь островъ Критъ были отняты у Венеціи 29 сентября 1669 г., послѣ геройской защиты, продолжавшейся 25 лѣтъ и несравненной по храбрости въ лѣтописяхъ венеціанской республики. Битва при Лепанто, 7 октября 1571 г., продолжалась пять часовъ; въ ней пало 8.000 христіанъ и 30.000 турокъ. Слава этой побѣды принадлежитъ Себастіану Веніеро и венеціанцамъ.

Стр. 126. Строфа XV.

См. «Историч. Прим.», VII.

Стр. 126. Строфа XVI.

Когда въ цѣпяхъ вступали въ Сиракузы
Плѣненныя аѳинскія войска,—
Ихъ выкупомъ явился голосъ Музы
Аттической, звуча издалека.

Плутархъ, въ біографіи Никія, гл. 29, разсказываетъ, что трагедіи Эврипида пользовались повсюду въ Сициліи такой славой, что аѳинскіе плѣнники, знавшіе отрывки изъ нихъ, пріобрѣли расположеніе своихъ господъ.

Стр. 126. Строфа XVII.

. . . . *Позорень жребій твой*
Для всѣхъ земель, и вдвое—Альбіону.

По Парижскому трактату 3 мая 1814 г., Ломбардія и Венеція, составлявшія со времени Аустерлицкаго сраженія часть французскаго Неаполитанскаго королевства, были переданы Австріи. Представителемъ Великобританіи на конгрессѣ былъ лордъ Кэстльри.

Стр. 127. Строфа XVIII.

Ратклиффъ, Отвэя, Шиллера, Шекспира
Созданьями навѣкъ въ душѣ моей
Запечатлѣнъ твой сонный образъ живо.

Ратклиффъ—«Удольфскія Таинства»; Отуэй—«Спасенная Венеція»; Шиллеръ—«Духовидецъ»; Шекспиръ—«Венеціанскій Купецъ и «Отелло». Въ письмѣ къ Меррею отъ 2 апрѣля 1817 г. Байронъ говоритъ: «Дворецъ дожей сильнѣе всего поразилъ мое воображеніе,—больше, чѣмъ Піальто, которое я посѣтилъ ради Шейлока, и даже больше, чѣмъ шиллеровскій «Духовидецъ», который въ дѣтствѣ производилъ на меня очень сильное впечатлѣніе. Я ни разу не могъ пройти при лунномъ свѣтѣ мимо св. Марка, не вспомнивъ о немъ и о томъ, что «онъ умеръ въ девять часовъ»! Но я ненавижу произведенія, вполнѣ выдуманныя; вотъ почему «Купецъ» и «Отелло» не дѣйствуютъ на меня такъ сильно, какъ «Пьеръ» (въ драмѣ Отуэя, о которой см. выше).

Стр. 130. Строфа XXVII.

. . . . *моремъ свѣта*
Залитъ Фріульскихъ горъ лазурный скатъ.

Фріульскія горы—отроги Альповъ, лежащіе къ сѣверу отъ Тріеста и къ сѣв.-востоку отъ Венеціи; ихъ можно видѣть съ Лидо.

«Заключающееся въ этой строфѣ описаніе можетъ показаться фантастическимъ или преувеличеннымъ тому, кто никогда не видѣлъ восточнаго или итальянскаго неба; но здѣсь лишь буквально и едва ли съ достаточною яркостью изображенъ одинъ августовскій вечеръ (18-го числа), видѣнный авторомъ во время поѣздки верхомъ вдоль береговъ Бренты, близъ Ла-Миры». (*Прим. Байрона*).

Стр. 130. Строфа XXVIII.

Еще струится солнечное море
И заливаетъ высь Ретійскихъ горъ.

Ретійскія горы лежатъ на западъ отъ Венеціи.

Любуясь тихой Брентой...

Брента беретъ начало въ Тиролѣ и, протекая мимо Падуи, впадаетъ въ лагуну у Фузины. Мира или «Ла-Мира», гдѣ Байронъ провелъ лѣто 1817 г. и опять былъ въ 1819, лежитъ на Брентѣ, въ шести или семи миляхъ отъ лагуны.

Стр. 131. Строфа XXX.

Ср. «Историч. Прим.», VIII. Аббатъ де-Садъ, въ своемъ сочиненіи: «Mémoires pour la vie de Pétrarque» (1767), утверждалъ, основываясь на документальныхъ данныхъ, что упоминаемая въ сонетахъ Лаура, урожденная de Noves, была женою его предка, Гуго де-Сада, и матерью многочисленнаго семейства. «Гиббонъ, говоритъ Гобгоузъ, назвалъ мемуары аббата «трудомъ любви» и слѣдовалъ имъ съ довѣріемъ и удовольствіемъ»; но поэтъ Джемсъ Битти, въ письмѣ къ герцогинѣ Гордонъ отъ 17 августа 1782 г., назвалъ ихъ «романомъ», а въ позднѣйшее время «одинъ остроумный шотландецъ» (Александръ Фрэзеръ Тайтлеръ, лордъ Удоусли, въ «Историческомъ и критическомъ очеркѣ жизни и характера Петрарки», 1810) вновь возстановилъ «старинный предразсудокъ» въ пользу того, что Лаура была дѣвушка. Гобгоузъ, повидимому, раздѣляетъ мнѣніе этого «остроумнаго шотландца», хотя его примѣчаніе нѣсколько двусмысленно. Новѣйшій историкъ итальянской литературы, д-ръ Гарнеттъ (1898), не пытаясь окончательно разрѣшить «нескончаемый споръ», признаетъ документальныя доказательства аббата большею частью лишенными значенія и, основываясь на содержаніи сонетовъ и діалога и на фактахъ изъ жизни Петрарки, засвидѣтельствованныхъ его перепиской (полное собраніе писемъ Петрарки изданно Джузеппе Фракассетти въ 1859 г.), склоняется къ тому мнѣнію, что препятствіемъ къ браку поэта съ Лаурою служило не то, что она была замужемъ, а то, что онъ принадлежалъ къ духовному званію. Впрочемъ, въ отношеніи одного изъ «документальныхъ свидѣтельствъ» аббата, а именно—завѣщанія Лауры де-Садъ, д-ръ Гар-

нетъ допускаетъ, что если бы это завѣщаніе было предъявлено и подлинность его доказана, то одного совпаденія даты этого документа, 3 апрѣля 1348 г., съ датою одной рукописной замѣтки Петрарки,—6 апрѣля того же года, гдѣ упоминается о смерти Лауры, достаточно было бы для того, чтобы оправдать теорію аббата и «оградить ее отъ всякихъ возраженій».

Стр. 129—150. Строфа XXVI—XXIX.

«Вся эта пѣснь богата описаніями природы. Любовь къ природѣ является теперь весьма замѣтною страстью Байрона. Эта любовь не довольствуется однимъ созерцаніемъ и не удовлетворяется описаніемъ того, что находится передъ глазами; какъ могучая сила, она проникаетъ всю жизнь поэта. Хотя Байронъ въ дѣйствительности видѣлъ, можетъ быть, больше красотъ природы, нежели какой-либо другой поэтъ, но его сердце, повидимому, прежде не раскрывалось вполнѣ для ея геніальныхъ воздѣйствій, теперь же въ этомъ отношеніи онъ измѣнился, и въ настоящей пѣснѣ можетъ выдержать сравненіе съ лучшими описательными поэтами, въ нашъ вѣкъ описательной поэзіи». (*Вильсонъ*).

Стр. 130. Строфа XXX—XXXI.

Ср. «Истор. Прим.», IX.

«Кто, подобно мнѣ, желалъ бы поискать слѣдовъ жизни и смерти Петрарки въ этой уединенной Эвганейской деревнѣ (Арква лежитъ около 20 миль къ ю.-з. отъ Падуи), тотъ можетъ ихъ тамъ найти. Скромный домъ, повидимому, очень древней постройки, считается его послѣднимъ жилищемъ. Тамъ показываютъ кресло, въ которомъ, какъ говорятъ, онъ умеръ. Если же эти предметы покажутся не совсѣмъ достовѣрными, то гробница изъ краснаго мрамора, поставленная на столбахъ на кладбищѣ Арквы, несомнѣнно заключаетъ въ себѣ, или, по крайней мѣрѣ, нѣкогда заключала, прахъ Петрарки. Лордъ Байронъ и г. Гобгоузъ посѣтили это мѣсто болѣе 60-ти лѣтъ тому назадъ, въ скептическомъ настроеніи, такъ какъ въ ту пору возбуждались сомнѣнія въ самомъ существованіи Лауры, и различныя подробности жизни поэта, съ такою вѣрностью сохраненныя въ его перепискѣ, были уже почти забыты». («Петрарка», Г. Рива 1879). Въ письмѣ къ Гоппнеру отъ 12 сент. 1817 г. Байронъ говоритъ, что ему хотѣлось бы опять съѣздить въ Аркву. Два года спустя, въ октябрѣ 1819 г., онъ напрасно уговаривалъ Мура удѣлить денекъ-другой на поѣздку въ Аркву. «Мнѣ хотѣлось бы посѣтить эту могилу вмѣстѣ съ тобой,—пара поэтовъ-паломниковъ, а, Томъ, что скажешь?» Но «Томъ» стоялъ за поѣздку въ Римъ съ лордомъ Джономъ Росселемъ, и впослѣдствіи всегда сожалѣлъ, что упустилъ этотъ удобный случай,—«удивляясь, какъ могло это быть, и упрекая себя».

Стр. 132. Строфа XXXIII—XXXIV.

Въ единоборство мы вступаемъ съ нашимъ
Богомъ,
Иль съ демономъ, что ослабляетъ умъ
Благихъ порывъ, людьми овладѣвая.

«Борьба какъ съ демонами, такъ и съ лучшими нашими мыслями совершенно одинакова. Сатана избралъ пустыню мѣстомъ для искушенія Спасителя. А нашъ непорочный Джонъ Локкъ предпочиталъ присутствіе ребенка полному уединенію». (*Прим. Байрона*).

Стр. 132. Строфа XXXV.

Байронъ провелъ въ Феррарѣ одинъ день, въ апрѣлѣ 1817 г., осмотрѣлъ замокъ, монастырь и пр. и нѣсколько дней спустя написалъ «Жалобу Тассо», въ рукописи помѣченную «20 апр. 1817». Настоящая пѣснь *Чайльдъ-Гарольда* начата только въ іюнѣ того же года. «Одинъ изъ феррарцевъ спрашивалъ меня», разсказываетъ онъ въ письмѣ къ другу,—«не знаю ли я одного изъ его знакомыхъ, *лорда Байрона*, который теперь находится въ Неаполѣ. Я отвѣчалъ: «Нѣтъ!»—и это было вѣрно въ обоихъ отношеніяхъ, потому что, во-первыхъ, я вовсе не былъ знакомъ съ вопрошателемъ, а во-вторыхъ, вѣдь никто не знаетъ самого себя... Другой спрашивалъ, не и ли перевелъ Тассо. Видишь, какова слава,—какъ она аккуратна и безпредѣльна! Не знаю, какъ чувствуютъ себя другіе, а я всегда чувствую себя легче и лучше, когда мнѣ удается отдѣлаться отъ своей славы. Она сидитъ на мнѣ, какъ латы на оруженосцѣ лорда-мэра, и я отдѣлался отъ всякой литературной шелухи и болтовни, отвѣтивъ, что Тассо переводилъ не я, а мой однофамилецъ; слава Богу, я такъ мало похожъ на поэта, что всѣ мнѣ повѣрили».

Стр. 132. Строфа XXXV.

Мнѣ кажется, что злыхъ проклятій чары
Родъ Эсте наложилъ на городъ свой.

Изъ представителей древней фамиліи Эсте, маркизовъ Тосканскихъ, Аццо V впервые получилъ власть надъ Феррарой въ XII столѣтіи. Его дальній потомокъ, Никколо III (1384—1441), основалъ Пармскій университетъ. Его второю женою была Паризина Малатеста (героиня байроновской *Паризины*, изд. въ 1816 г.), обезглавленная за нарушеніе супружеской вѣрности въ 1425 г. Три его сына—Лионель (ум. 1450), другъ Поджіо Браччіолини, Борсо (ум. 1471), который ввелъ въ своихъ владѣніяхъ книгопечатаніе, и Эрколо (ум. 1505), другъ Боярдо,—всѣ были покровителями наукъ и ревнителями Возрожденія. Ихъ преемникъ, Альфонсъ I (1486—1534), женившійся (1502) на Лукреціи Борджіа, прославилъ себя, приблизивъ къ своему двору Аріосто; а его внукъ, Альфонсъ II (ум. 1597), сначала былъ другомъ Тассо, а потомъ объявилъ его сумасшедшимъ и заключилъ въ больницу св. Анны (1579—86).

Стр. 132. Строфа XXXVI.

Припомнивъ пѣснь, въ ту келью бросьте
взоръ,
Куда поэта ввергъ Альфонсъ надменный.

Тассо, несомнѣнно, былъ заключенъ въ больницу св. Анны въ Феррарѣ и провелъ тамъ семь лѣтъ и четыре мѣсяца,—съ марта 1579 по іюль 1586 г; но причины этого заключенія и обстоятельства, его сопровождавшія, были предметомъ легенды и изображались невѣрно. Уже давно стало извѣстно и было всѣми признано, что дѣйствительная или воображаемая страсть поэта къ сестрѣ герцога Альфонса, Элеонорѣ, не играла тутъ никакой роли, и что знаменитая «келья» или камера (9 шаговъ въ длину, 6 въ ширину и 7 футовъ въ вышину) не была первоначальнымъ мѣстомъ его заточенія. Это была, какъ говоритъ Шелли въ одномъ изъ своихъ писемъ,—«очень приличная тюрьма», но не тюрьма Тассо. Изданіе писемъ Тассо (Гвасти, 1853), его характеристика въ книгѣ Саймондса «Возрожденіе въ Италіи» и затѣмъ монументальный трудъ Анджело Соларти—«Vita di Torquato Tasso», основанный на несомнѣнныхъ документальныхъ свидѣтельствахъ, въ значительной степени снимаютъ вину съ герцога, перенося ее на самого злополучнаго поэта. Интриги Тассо съ соперниками Феррары,—съ Медичи во Флоренціи, съ папскимъ дворомъ, съ болонской инквизиціей,—возбудили въ ге-

догѣ подозрѣнія и тревогу, а поведеніе поэта, его раздражительность и вспышки гнѣва, послужили предлогомъ для помѣщенія его въ больницу. Г'анѣе своего окончательнаго и рокового возвращенія въ Феррару онъ получилъ должное предостереженіе, что его слѣдуетъ лѣчить, какъ человѣка, страдающаго умственнымъ разстройствомъ, и что если онъ будетъ продолжать высказывать намеки на замыслы противъ его жизни и на преслѣдованіе со стороны высокопоставленныхъ лицъ, то будетъ удаленъ отъ герцогскаго двора и изгнанъ изъ герцогскихъ владѣній. Не смотря на это, онъ все-таки вернулся въ Феррару, и притомъ—въ неблагопріятную минуту, когда герцогъ былъ занятъ церемоніями и празднествами по случаю своего третьяго брака. Тассо никто не ожидалъ, никто даже не замѣтилъ его присутствія,—и, говоря его собственными словами, онъ, «въ порывѣ безумія», разразился проклятіями на герцогскій дворъ и семейство и на весь феррарскій народъ. За это оскорбленіе онъ и былъ заключенъ въ больницу св. Анны, гдѣ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ съ нимъ обращались какъ съ настоящимъ сумасшедшимъ. Кромѣ писемъ самого Тассо, до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній о томъ, какъ его содержали въ теченіе первыхъ восьми мѣсяцевъ заключенія: отчеты больницы утрачены, а «счетовыя книги» (Libri di spesa,—въ Моденскомъ госуд. архивѣ) начинаются только съ ноября 1579 г. Двумя годами позже (начиная съ января 1582) изъ документовъ видно, что его стали кормить лучше и что ему мало по малу предоставлена была нѣкоторая доля свободы и дѣлались разныя снисхожденія; но передъ тѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, кажется, съ увѣренностью можно сказать, что его и кормили хуже, и что онъ былъ лишенъ медицинской помощи, точно такъ же, какъ и участія въ церковныхъ таинствахъ: его считали сумасшедшимъ, а такого, конечно, не позволялось ни исповѣдывать, ни причащать. Но хуже всего для него было ужасное одиночество. «E sovra tutto», пишетъ онъ въ маѣ 1580 г., «m'affligge la solitudine, mia crudele et natural nemica». Нѣтъ ничего удивительнаго, если съ нимъ бывали припадки бреда, когда онъ видѣлъ «необычный свѣтъ», бесѣдовалъ съ духами и т. п. Байронъ и Шелли этихъ фактовъ не знали, а потому ихъ негодованіе преувеличено и направлено не туда, куда слѣдуетъ. Но «сожалѣніе», конечно, остается въ полной силѣ.

Стр. 133. Строфа XXXVIII.

См. «Историч. Прим.», X. Солерти (Vita etc.) возражаетъ противъ раздѣляемаго Гоггоузомъ мнѣнія, будто Леопардо Сальвіати, стремясь пріобрѣсти благосклонность Альфонса, сдѣлался виновникомъ той оппозиціи, какою былъ встрѣченъ «Іерусалимъ» со стороны академіи Круски. Ея неблагопріятный отзывъ объясняется литературными вкусами или предразсудками, но отнюдь не личнымъ раздраженіемъ или интригою. «Іерусалимъ» былъ посвященъ прославленію дома Эсте, и хотя поэтъ понялъ въ немилость, однако герцогу нельзя было подслужиться нападками на эту поэму. Кромѣ того, Сальвіати напечаталъ свои тезисы не подъ собственнымъ именемъ, а подъ псевдонимомъ.

Цитируя въ своемъ примѣчаніи Буало, Гоггоузъ пропустилъ двѣ начальныя строки отрывка:

Tous les jours, à la cour, un sot de qualité
Peut juger de travers avec impunité,
A Malherbe, à Racan préfère Théophile,
Et le clinquant du Tasse à tout l'or de Virgile

Можетъ быть, ему показалось, что выраженіе: «un sot de qualité» не могутъ примѣнить къ «знатному поэту», который самъ сознавался, что недолюбливаетъ Горація и, проѣхавъ мимо Мантуи и памятниковъ Виргилія, посѣтилъ Феррару, чтобы посмотрѣть на «клѣтку», въ которую былъ посаженъ Тассо. Если бы Байронъ дожилъ до появленія въ печати стихотворенія Виктора Гюго: «Dédain. A Lord Byron» (1833), онъ, вѣроятно, измѣнилъ бы свое слишкомъ строгое мнѣніе о французской поэзіи:

En vain vos légions l'environnent sans nombre,
Il n'a qu'à se lever pour couvrir de son ombre
A la fois tous vos fronts;
Il n'a qu'à dire un mot pour couvrir vos vois grèles,
Comme un char en passant couvre le bruit des ailes
De mille moucherons!

Стр. 134. Строфа XL.

И южный Скоттъ, что, флорентинцу равный,
Волшебныхъ тѣсенъ создалъ образецъ,
И Аріосто сѣвера стихъ плавный
Воспѣлъ войну, любовь, героевъ подвиги славный.

«Вальтеръ Скоттъ», говоритъ Байронъ въ своемъ дневникѣ 1821 г., «конечно,—самый удивительный писатель нашихъ дней. Его романы представляютъ совершенно новый литературный родъ, а его стихотворенія такъ же хороши, какъ и всякія другія, если не лучше,... и только оттого перестали быть популярными, что ихъ черезъ надоѣло слышать, какъ «Аристида называютъ справедливымъ», а Скотта—лучшимъ, и она подвергла его остракизму. Я ничего не читаю съ такимъ увлеченіемъ, какъ его сочиненія. Я люблю его также за его мужественный характеръ, за чрезвычайную любезность въ обращеніи и за добродушіе въ отношеніи лично ко мнѣ. Дай ему Богъ всего хорошаго,—онъ этого стоитъ». Въ письмѣ къ самому В. Скотту изъ Пизы, 1822 г., Байронъ говоритъ: «Я вамъ обязанъ гораздо больше, чѣмъ обычною благодарностью за литературныя любезности и за дружбу: въ 1817 г. вы сошли съ своей дороги для того, чтобы сказать мнѣ услугу въ такое время, когда для этого требовалась не одна только любезность, но и мужество; вы вспомнили обо мнѣ въ такихъ выраженіяхъ, которыми я могъ бы гордиться во всякую пору; но въ ту именно пору, когда, по пословицѣ, «весь свѣтъ и его жена» старались топтать меня ногами, эти выраженія имѣли еще болѣе высокое значеніе для моего мнѣнія о самомъ себѣ. Будь это обыкновенная критика, хотя бы и краснорѣчивая, и хвалебная,—я, конечно, былъ бы тронутъ и благодаренъ, но не до такой степени, въ какой я почувствовалъ вашу необыкновенную доброту ко мнѣ»...

Относительно названія «Аріосто сѣвера» Байронъ думалъ, что оно, пожалуй, не понравится В. Скотту; онъ сообщилъ объ этомъ Меррею,—и послѣдній также высказалъ это опасеніе. «Что касается Аріосто сѣвера, писалъ ему Байронъ 17 сент. 1817 г.,—то, конечно, оба пишутъ на одинъ и тѣ же темы: рыцарство, войны, любовь; а что касается комплимента, то если бы вы знали, какъ итальянцы отзываются объ Аріосто, то вы бы не усомнились на этотъ счетъ... Но если вы все-таки думаете, что Скотту это не понравится,—сообщите мнѣ, я исключу эти слова». Байронъ

не зналъ, что В. Скоттъ, еще будучи въ Эдинбургскомъ колледжѣ, «имѣлъ смѣлость представить сочиненіе, въ которомъ сравнивалъ Гомера съ Аріосто, отдавая первенство послѣднему», и что онъ каждый годъ прочитывалъ *Орланда* отъ доски до доски. Основной мотивъ «сѣверныхъ пѣсенъ» В. Скотта - прославленіе рыцарства, съ его щитами, мечами и копьями, съ его «благородной любезностью» и «львиною храбростью»— прямо напоминаетъ начальныя строки «Неистоваго Орланда».

Le donne, i cavalier', l'arme, gli amori,
Le cortesie, l'audaci imprese io canto.

Самъ В. Скоттъ никогда не высказывалъ неудовольствія на это сравненіе; но Байрону досталось за него отъ одного изъ пріятелей: Франсисъ Годжсонъ, въ своемъ анонимномъ разборѣ *Чайльдъ-Гарольда* (1818) говоритъ: «Вальтеръ Скоттъ названъ въ IV пѣснѣ «Аріосто сѣвера» (credite posteri или лучше,—praeposteri!), а Аріосто (еще забавнѣе!) называется «южнымъ Скоттомъ». Это напоминаетъ смѣшеніе лошадиныхъ каштановъ съ каштановыми лошадьми».

Стр. 134. Строфа XLI.

См. «Историч. Прим.», XI, XII, XIII.

Строфы XLII и XLIII представляютъ почти буквальный переводъ знаменитаго сонета Филикайи:

Italia, Italia, o tu, cui feo la sorte
Dono infelice di bellezza, ond'hai
Funesta dote d'infiniti guai
Che in fronte scritti per gran doglia porte:
Deh, fossi tu men bella, o almen più forte,
Onde assai più ti paventasse, o assai
T'amasse men, chi del tuo bello ai rai
Par che si strugga, e pur ti sfida a morte,
Che or giù dall'Alpi non vedrei torrenti
Scender d'armati, nè di sangue tinta
Bever l'onda del Po gallici armenti;
Nè te vedrei, del non tuo ferro cinta,
Pugnar col braccio di straniere genti,
Per servir sempre, o vincitrice, o vinta.

Стр. 135. Строфа XLIV.

Въ скитаньяхъ раннихъ путь я прослѣдилъ
Того, кто другомъ Туллія и Рима
Безсмертнаго, и римлянином былъ.

«Знаменитое письмо Сервія Сульпиція къ Цицерону, по случаю смерти дочери послѣдняго, описываетъ--въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ тогда и находится еще и теперь—тотъ самый путь, по которому я часто проѣзжалъ въ Греціи во время различныхъ моихъ поѣздокъ и путешествій по сушѣ и по морю: «Возвращаясь изъ Азіи, я плылъ отъ Эгины къ Мегарѣ и созерцалъ окружавшія меня страны; Эгина была за мною, Мегара—впереди, Пирей—направо, Коринѳъ налѣво; всѣ эти города, нѣкогда столь славные и цвѣтущіе, теперь лежатъ въ развалинахъ и запустѣніи. При этомъ зрѣлищѣ я не могъ не подумать: увы! что же мы, жалкіе смертные, волнуемся и мучимся, когда кто-нибудь изъ нашихъ друзей случайно умретъ или будетъ убитъ, если жизнь человѣческая вообще кратка, и если здѣсь, передо мною, лежатъ останки столь многихъ славныхъ городовъ». (*Прим. Байрона*).

Стр. 137. Строфа XLVII.

Италія, твою обиду знать
Должны вездѣ, отъ края и до края.

«Поджіо, смотря съ Капитолійскаго холма на разрушенный Римъ, воскликнулъ: «Ut nunc omni decore nudata, prostrata jaceat, instar gigantei cadaveris corrupti atque indique exesi». (*Прим. Байрона*).

Стр. 137. Строфа XLVIII.

Тамъ съ роскошью, торговлею рожденной,
На берегахъ сіяющихся Арно
Явился для жизни возрожденной
Наука, бывшая такъ долго погребенной.

Богатство, благодаря которому флорентинская знать могла удовлетворить своему вкусу къ утонченной роскоши, было продуктомъ успѣшной торговли. Такъ, напр., Джіованни Медичи (1360—1428), отецъ Козимо и прадѣдъ Лоренцо, былъ банкиромъ и торговалъ на европейскомъ Востокѣ. Что касается эпохи Возрожденія, то, не говоря уже о флорентинскомъ происхожденіи Петрарки, двое величайшихъ итальянскихъ ученыхъ и гуманистовъ,- Фичино (род. 1430) и Полиціано (род. 1454) были флорентинцы: а Поджіо родился (1380) въ Терра-Нова, также на флорентинской землѣ.

Стр. 138. Строфа XLIX.

См. «Историч. Прим.», XIV. Статуя Венеры Медицейской, находящаяся въ галлереѣ «Уффици» во Флоренціи, представляетъ, какъ полагаютъ, позднѣйшую греческую (I или II в. до Р. Х.) копію болѣе ранняго произведенія, Аѳродиты Книдской, изваянной, можетъ быть, Кефисодотомъ или Тимархомъ. Наполеонъ увезъ ее въ Парижъ; но въ то время, когда Байронъ былъ во Флоренціи и «упивался красотою» въ двухъ галлереяхъ, она была уже возвращена на свое прежнее мѣсто.

Стр. 138. Строфа L.

Байронъ заѣхалъ во Флоренцію въ 1817 г., на пути изъ Рима. «Я пробылъ тамъ, говоритъ онъ, только одинъ день; но, все-таки, успѣлъ побывать въ двухъ галлереяхъ, откуда вернулся ослѣпленный красотою. Венера заслуживаетъ больше удивленія, чѣмъ любви; но тамъ есть другія произведенія скульптуры и живописи, которыя впервые дали мнѣ понять, какъ невѣрно судятъ люди объ этихъ двухъ наиболѣе искусственныхъ искусствахъ. *) Особенно поразили меня: портретъ любовницы Рафаэля; портретъ любовницы Тиціана; Венера Тиціана въ галлереѣ Медичи; *знаменитая* Венера; Венера Кановы, въ другой галлереѣ; любовница Тиціана есть также и въ другой галлереѣ, т. е. во дворцѣ Питти; Парки Микель Анджело,—картина; Антиной, Александръ и одна или двѣ не особенно привлечныхъ группъ изъ мрамора; геній смерти,—спящая фигура, и пр. и пр. Я побывалъ также и въ капеллѣ Медичи. Красивая ветошь на большихъ плитахъ изъ разныхъ дорогихъ камней, на память о полусотнѣ сгнившихъ и забытыхъ скелетовъ. Она не докончена, и такою и останется». Послѣ вторичнаго посѣщенія галлерей, въ

*) Всего за недѣлю до посѣщенія флорентинскихъ галлерей Байронъ писалъ одному изъ друзей своихъ: «Я ничего не понимаю въ живописи. Повѣрьте, изъ всѣхъ искусствъ это— наиболѣе искусственное и неестественное, въ которомъ всего сильнѣе сказалось человѣческое безсмысліе. Я еще не видалъ ни одной картины или статуи, которая была бы согласна съ моими представленіями или ожиданіями; но я видалъ много горъ, озеръ, рѣкъ и пейзажей, а также двухъ или трехъ женщинъ, вполнѣ отвѣчавшихъ моимъ ожиданіямъ, и даже болѣе».

1821 г., Байронъ замѣтилъ: «Мои первыя впечатлѣнія подтвердились; но слишкомъ большое число посѣтителей не давало мнѣ возможности какъ слѣдуетъ *прочувствовать* каждую вещь. Когда насъ всѣхъ (человѣкъ тридцать или сорокъ) впихнули въ кабинетъ геммъ и т. п. бездѣлушекъ, въ углу одной изъ галлерей я сказалъ Роджерсу, что я чувствую себя точно въ полицейской будкѣ. Я слышалъ, какъ одинъ лысый британецъ заявилъ женщинѣ, съ которою онъ шелъ подъ-руку, смотря на тиціановскую Венеру: «Да, это, въ самомъ дѣлѣ, очень хорошо!»—замѣчаніе, которое, подобно словамъ помѣщика у Джозефа Андрьюса о «неизбѣжности смерти», было (какъ замѣтила супруга этого помѣщика) «въ высшей степени вѣрно». Во дворцѣ Питти я не преминулъ вспомнить замѣчаніе Гольдсмита къ свѣдѣнію знатоковъ, что «картины были бы еще лучше, если бы живописецъ больше надъ ними потрудился», и похвалилъ произведенія Пьетро Перуджино».

«Нашъ странникъ созерцаетъ древнія греческія статуи во Флоренціи и затѣмъ—въ Римѣ съ такимъ наслажденіемъ, какого и слѣдовало ожидать отъ великаго поэта, съ юности напитаннаго классическими идеями, доставляющими такъ много удовольствій во всякую пору жизни. Онъ смотрѣлъ на эти образцовыя произведенія искусства гораздо болѣе проницательнымъ и, несмотря на его отговорки, гораздо болѣе ученымъ взоромъ, нежели какой-либо иной поэтъ, ранѣе его выражавшій свое удивленіе предъ ихъ красотою. Можетъ быть, скажутъ, что мы фантазируемъ,—но мы полагаемъ, что геній Байрона былъ гораздо ближе, чѣмъ геній какого-либо другого изъ современныхъ поэтовъ, къ тому особенному духу, которымъ были проникнуты всѣ поэты и художники древней Греціи и выраженіемъ котораго служатъ великіе образцы ея скульптуры. Его собственныя созданія, являясь воплощеніемъ красоты или энергіи, всѣ одинаки: онъ не прибѣгаетъ къ группировкѣ для того, чтобы лучше оттѣнить своихъ любимцевъ или разсказать ихъ исторію. Его героини являются одинаками символами любви, не знающей пораженій; его герои одинако стоятъ, словно на мраморныхъ пьедесталахъ, обнаруживая обнаженную силу страсти или скрытую энергію скорби. Художникъ, который пожелалъ бы иллюстрировать произведенія кого-либо изъ прочихъ нашихъ поэтовъ, долженъ обратиться къ карандашу; тотъ же, кто захотѣлъ бы выразить духъ Байрона въ другой художественной формѣ, долженъ отливать изъ расплавленнаго металла или высѣкать изъ твердаго камня. То, что онъ потеряетъ въ легкости, будетъ выиграно въ силѣ. Медора, Гюльнара, Лара или Манфредъ могутъ дать содержаніе для скульптурныхъ произведеній, достойныхъ почти такого же энтузіазма, какой былъ проявленъ самимъ Чайльдъ-Гарольдомъ при созерцаніи драгоцѣннѣйшихъ реликвій неподражаемаго греческаго генія». (*Вильсонъ*).

Стр 139. Строфа LII.

«Какъ безсмертные, ради любви, слагаютъ съ себя свою божественность, такъ и смертные, въ экстазѣ страсти, видятъ въ предметѣ своей любви воплощеніе божества. Любовь, подобно музыкѣ, можетъ «вознести смертнаго до небесъ» и «свести ангела на землю». Въ этой строфѣ, можетъ быть,—намѣренно, допущена нѣкоторая темнота и смѣшеніе идей, выраженныхъ такъ, что читатель самъ можетъ истолковывать ихъ, какъ ему будетъ угодно». (*Кольриджъ*).

Стр. 140. Строфа LIV.

См. «Историч. Прим.», XV, XVI, XVII. — «Церковь Санта-Кроче заключаетъ въ себѣ много знаменитыхъ личностей», писалъ Байронъ Меррею 26 апрѣля 1817 г. «Гробницы Макіавелли, Микель Анджело, Галилея и Альфіери дѣлаютъ ее итальянскимъ Вестминстерскимъ аббатствомъ. Я не восхищался ни одной изъ этихъ гробницъ (конечно, говорю не о людяхъ, въ нихъ похороненныхъ). Памятникъ Альфіери тяжелъ: да и всѣ прочіе какъ-то пышные обременены. Нужно ли что-нибудь, кромѣ бюста и имени, да, можетъ быть, еще даты? Послѣднія — для незнающихъ хронологіи, къ которымъ принадлежу и я. Но всѣ эти различныя аллегоріи и восхваленія никуда не годятся; это—хуже, чѣмъ длинные парики англійскихъ головъ на римскихъ туловищахъ въ статуяхъ временъ Карла II, Вильгельма и Анны».—Микель Анджело, Альфіери и Макіавелли похоронены въ южномъ придѣлѣ церкви; Галилей, первый изъ погребенныхъ здѣсь, лежитъ теперь вмѣстѣ съ своимъ любимымъ ученикомъ Винченцо Вивіани въ склепѣ южнаго придѣла. Памятникъ Альфіери, работы Кановы, поставленъ на счетъ такъ называемой его вдовы, Лупзы, урожденной Штольбергъ, бывшей замужемъ за принцемъ Карломъ-Эдуардомъ (1772—78).

Витторіо Альфіери (1749—1803) – одна изъ тѣхъ многочисленныхъ дѣйствительныхъ или идеальныхъ личностей, съ которыми Байронъ любилъ себя сравнивать. Такое сравненіе, между прочимъ, сдѣлано Муромъ и, можетъ быть, подсказано самимъ Альфіери, который говоритъ въ своей автобіографіи: «Вотъ очеркъ характера, обнаруженнаго мною въ первые годы пробужденія моего разума. Обыкновенно молчаливый и спокойный, я бывалъ иногда крайне возбужденъ и болтливъ, почти всегда переходилъ изъ одной крайности въ другую; упрямый и не выносившій насилія, я былъ склоненъ слѣдовать дружескимъ увѣщаніямъ, сдерживаясь скорѣе изъ опасенія навлечь на себя брань, чѣмъ по какой-либо иной причинѣ; я отличался крайней застѣнчивостью, но былъ неодолимъ, когда меня хотѣли насильно заставить что-нибудь сдѣлать».

Сходство между обоими поэтами, какъ допускалъ и самъ Байронъ, было преимущественно внѣшнее: оба были знатнаго рода, оба поэты, оба «патриціанскіе республиканцы», оба любили удовольствія точно такъ же, какъ любили и изучали литературу; но сравнивать между собою ихъ сочиненія—невозможно.

Стр. 140. Строфа LVII.

См. «Историч. Прим.», XVIII, XIX, XX.— Данте умеръ въ Равеннѣ и былъ похороненъ въ церкви св. Франческо. Затѣмъ его останки перенесены были въ мавзолей на монастырскомъ кладбищѣ, на сѣверной сторонѣ церкви, воздвигнутый въ его память его другомъ и покровителемъ, Гвидо изъ Полепты. Этотъ мавзолей много разъ ремонтировался, а въ нынѣшнемъ своемъ видѣ былъ построенъ въ 1780 г., на счетъ кардинала Луиджи Канти Гонзага. Во время празднованія шестисотлѣтія Данте, въ 1865 г., было открыто, что—неизвѣстно, въ какое именно время—его скелетъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ небольшихъ костей, оставшихся въ урнѣ, составляющей часть постройки Гонзага, былъ переложенъ, для большей сохранности, въ деревянный ящикъ и замурованъ въ стѣну старой ка-

пеллы Браччіофорте, которая находится въ сторонѣ отъ церкви, по направленію къ площади. Кости, найденныя въ этомъ деревянномъ ящикѣ, были вновь положены въ мавзолей, съ большимъ торжествомъ и энтузіазмомъ, такъ какъ на поэта стали смотрѣть какъ на символъ объединенной Италіи. Самый же ящикъ сданъ на храненіе въ публичную библіотеку. Во время своего перваго пребыванія въ Равеннѣ, съ 8 іюня по 9 августа 1819 г., Байронъ жилъ въ домѣ рядомъ съ капеллой Браччіофорте.

Титъ Ливій (кн. XXXVIII, гл. 53) разсказываетъ о Сципіонѣ слѣдующее: «Съ тѣхъ поръ объ Африканскомъ ничего не было слышно. Онъ проводилъ свои дни въ Литернѣ (на берегу Кампаніи) безъ мысли и безъ сожалѣнія о Римѣ. Говорятъ, что когда онъ умиралъ, онъ отдалъ приказаніе, чтобы его и похоронили въ этомъ же городкѣ, и чтобы тамъ же, а не въ Римѣ, былъ поставленъ и его надгробный памятникъ. Отечество было къ нему неблагодарно,—и онъ не пожелалъ быть погребеннымъ въ Римѣ. «На его гробницѣ, по преданію, находилась надпись: «Ingrata patria, cineres meos non habebis». По другому преданію, онъ былъ похороненъ вмѣстѣ съ своей семьей, въ Римѣ, у Капенскихъ воротъ, близъ Целійскаго холма.

Стр. 140. Строфа LVIII.

См. «Историч. Прим.», XXI. Джіованни Боккаччіо род. въ Парижѣ или въ Чертальдо въ 1313 г., большую часть своей жизни провелъ во Флоренціи, ум. въ 1375 г. и былъ похороненъ въ Чертальдо, откуда, какъ говорили, происходила его фамилія. Его гробница, стоявшая посреди церкви св. Михаила и св. Іакова, была уничтожена въ 1783 г., подъ тѣмъ предлогомъ, что новѣйшій указъ, запрещавшій хоронить въ церквахъ, долженъ былъ примѣняться также и къ погребеннымъ ранѣе. Камень, покрывавшій гробницу, былъ сломанъ и выброшенъ, какъ негодный, въ ограду. По словамъ Гобгоуза, въ этомъ виновато столько же ханжество, сколько невѣжество; но трудно предположить, чтобы «ханжи-гіены», т. е. церковныя власти, не знали о томъ, что Боккаччіо былъ авторомъ язвительныхъ сатиръ на церковниковъ. Они отомстили поэту, а Байронъ, въ свою очередь, отомстилъ имъ за Боккаччіо.

Стр. 141. Строфа LIX.

Отсутствовавшій Марка Брута бюстъ
Въ тріумфѣ Цезаря—сильнѣе вдвое
Вельмъ римлянамъ напомнилъ о героѣ.

Байронъ имѣетъ въ виду одну изъ торжественныхъ процессій, устроенныхъ по повелѣнію Тиберія. Ср. *Донъ-Жуанъ*, п. XV, стр. 49.

На похоронахъ Юніи, вдовы Кассія и сестры Брута, въ 22 г. по Р. Х., не позволено было нести бюсты ея мужа и брата, участвовавшихъ въ убійствѣ Цезаря. Тѣмъ не менѣе, по словамъ Тацита (Ann., III, 76), «Брутъ и Кассій блистали именно тѣмъ, что не видно было ихъ изображеній».

Одна Флоренція о мертвыхъ слезы льетъ.

Надпись на памятникѣ Данте въ церкви Санта-Кроче: «A majoribus ter frustra decretum»—относится къ напраснымъ попыткамъ Флоренціи пріобрѣсти останки своего нѣкогда изгнаннаго поэта.

Стр. 141. Строфа LX.

См. «Историч. Прим.», XXII.

Стр. 142. Строфа LXIII.

См. «Историч. Прим.», XXIII. Tantusque fuit ardor armorum, adeo intentus pugnae animus ut eum motum terrae, qui multarum urbium Italiae magnas partes prostravit, avertitque cursu rapidos amnes, mare fluminibus invexit, montes lapsu ingenti proruit, nemo pugnantium senserit» (Liv. XXII, 5). Полибій ничего не говоритъ объ этомъ землетрясеніи; по Плиніи (Hist. Nat., II, 84) и Целій Антипатръ (у Цицерона, De Div., I, 35), писавшій свои Анналы лѣтъ черезъ сто послѣ сраженія при Тразименскомъ озерѣ (217 г. до Р. Х.), говорятъ, что землетрясеніе произошло во время самой битвы.

Стр. 142. Строфа LXV.

Что красной нѣкогда была его струя.

«Красивое и спокойное зеркало озера отражало вершины Монте-Пульчіаны, и какая-то дикая птица, порхая надъ его обширной поверхностью, задѣвала воду своими быстрыми крыльями, оставляя свѣтлые круги и полосы, блестѣвшія на его сѣромъ фонѣ. По мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, одинъ красивый пейзажъ смѣнялся другимъ, и почти каждый новый видъ вызывалъ новые восторги. Но не здѣсь ли, среди этой спокойной и красивой природы, произошла встрѣча Аннибалла съ Фламиніемъ? не было ли серебряное Тразименское озеро окрашено кровью? (*Вильямсъ*).

Стр. 143. Строфа LXVI.

А ты, Клитумнъ, съ кристальною волною!

«Всѣ путеводители подробно распространяются о храмѣ Клитумна, между Фолиньо и Сполето; и дѣйствительно, нигдѣ, даже въ Италіи, нѣтъ картины, болѣе достойной описанія. Разсказъ о разрушеніи этого храма см. въ «Историч. объясненіяхъ къ IV-й пѣснѣ *Чайльдъ-Гарольда*». (*Прим. Байрона*).

Прекрасное описаніе Клитумна находится въ письмѣ Плинія «Romano suo», Epistolae, VIII, 8: «У подошвы небольшого холма, покрытаго старыми, тѣнистыми кипарисами, течетъ ручей, разбивающійся на множество мелкихъ ручейковъ бѣгущихъ по различнымъ направленіямъ. Выбившись, такъ сказать, изъ своихъ границъ, онъ разливается въ широкій бассейнъ, такой чистый и прозрачный, что можно пересчитать всѣ камешки на днѣ и брошенныя туда мелкія монетки.. Берега покрыты множествомъ ясеней и тополей, которые такъ отчетливо отражаются въ прозрачной водѣ, что кажутся растущими на днѣ рѣчки и также могутъ быть сосчитаны... Вблизи стоитъ древній и почтенный храмъ, въ которомъ находится статуя рѣчного бога Клитумна».

Существующій нынѣ храмъ, обращенный въ капеллу Сапъ-Сальватора, едва ли тотъ самый, который упоминается у Плинія. Гобгоузъ, въ своихъ «Историческихъ объясненіяхъ», защищаетъ древность фасада, который «состоитъ изъ фронта, поддерживаемаго четырьмя колоннами и двумя коринѳскими столбами; двѣ колонны со спиральными дорожками, а остальныя покрыты рѣзьбой въ видѣ рыбьей чешуи. Но, по мнѣнію новѣйшихъ археологовъ, вся эта постройка относится къ IV или V вѣку по Р. Х. Впрочемъ, возможно, и даже вѣроятно, что при перестройкѣ храма былъ употребленъ въ дѣло старый матеріалъ. Плиній говоритъ, что вокругъ храма Клитумна было много небольшихъ часовенокъ, посвященныхъ другимъ божествамъ.

«Быть можетъ, на нашемъ языкѣ нѣтъ болѣе удачнаго стихотворнаго описанія, чѣмъ эти двѣ строфы, посвященныя Клитумну. Поэты

обыкновенно не легко разстаются съ интереснымъ сюжетомъ и вредятъ ясности описанія, обременяя его подробностями, которыя скорѣе затрудняютъ, нежели возбуждаютъ фантазію читателя; или же, наоборотъ, желая избѣжать этой ошибки, ограничиваются холодными и отвлеченными общими фразами. Байронъ, въ указанныхъ двухъ строфахъ, удивительно съумѣлъ удержаться посрединѣ между этими двумя крайностями: здѣсь данъ абрисъ картины столь же ясной и блистательной, какъ пейзажи Клода Лоррэна, а дополненіе этого абриса болѣе мелкими подробностями благоразумно предоставлено воображенію читателя; и, конечно, только слабое воображеніе не въ состояніи будетъ дополнить того, что поэтъ оставилъ недосказаннымъ, или на что онъ только намекнулъ. Пробѣгая эти строки, мы какъ будто чувствуемъ свѣжій холодокъ окружающаго насъ пейзажа, слышимъ журчанье быстрыхъ ручейковъ и видимъ отраженіе пѣнящаго небольшого храма въ кристальной глубинѣ спокойнаго потока». *(В. Скоттъ).*

Стр. 144. Строфа LXXI.

Потокъ несется въ пѣнѣ съ дикихъ горъ,
Какъ вѣчность, все съ пути сметая, словно соръ.

«Я видѣлъ Cascata del Marmore въ Терни дважды, въ разное время,—одинъ разъ—съ вершины пропасти, а другой—снизу, изъ долины. Видъ снизу гораздо лучше, если у путешественника нѣтъ времени подниматься наверхъ; но откуда бы ни смотрѣть, — сверху или снизу, — этотъ водопадъ стоитъ всѣхъ швейцарскихъ, вмѣстѣ взятыхъ:—Штауббахъ, Рейхенбахъ, Писъ-Вашъ, водопадъ Арпена и пр. въ сравненіи съ нимъ кажутся ручьями. О Шафгаузенскомъ водопадѣ я не могу говорить, такъ какъ еще не видѣлъ его») *Прим. Байрона).*

Стр. 144. Строфа LXXII.

Блистая красокъ гаммою живою,
Въ лучахъ восхода радуга встаетъ.

«О времени, мѣстѣ и свойствахъ этого рода радуги читатель найдетъ краткія свѣдѣнія въ одномъ изъ примѣчаній къ *Манфреду.* *) Этотъ водопадъ такъ похожъ на «водяной адъ», что Аддисонъ считалъ его той самой пучиной, черезъ которую Алекто погрузилась въ подземное царство. **) Замѣчательно, что два самыхъ красивыхъ водопада въ Европѣ,—Велино и Тиволи—устроены искусственно. Путешественнику непремѣнно слѣдуетъ проѣхать въ Велино, и крайней мѣрѣ—до небольшого озера, называемаго Pie' di Lup. Реатинская территорія у римлянъ называлась «Темпе», и древніе натуралисты въ числѣ другихъ красивыхъ особенностей этой мѣстности отмѣчали ежедневныя радуги на Велинскомъ озерѣ («Jn lacu Velino nullo non die apparere arcus», *Plin,* Hist. Nat., lib. II. cap. 62). Одинъ великій ученый посвятилъ этой мѣстности цѣлый особый трактатъ (см. Ald. Manut., De Reatina urbe agroque, ap. Sallengre Nov. Thes. Ant. Rom., 1735, t. I, p. 773, sq.)» (*Прим. Байрона).*

ДМИТРІЙ ЕГОРОВИЧЪ МИНЪ (1816—1885).

Переводчикъ «Осады Коринѳа» и «Донъ-Жуана».

Стр. 145. Строфа LXXV.

Въ дни юности безъ смысла затверженный
Латинскій стихъ меня не восхитилъ

небесную радугу, спустившуюся на землю, и такъ близко, что вы можете къ ней подойти; этотъ эффектъ можно наблюдать до полудня.

**) «Это—та пучина, черезъ которую у Виргилія Алекто низвергается въ адъ: именно это самое мѣсто, его громкая слава, паденіе водъ, окружающіе его лѣса, исходящій изъ пучины дымъ и шумъ,—все это указано въ описаніи Виргилія:

Est locus Italiae... densis hunc frondibus atrum
Urguet utrimque latus nemoris, medioque fragosus
Dat sonitum saxis et torto vertice torrens.
Hic specus horrendum et saevi spiracula Ditis
Monstrantur, ruptoque ingens Acheronte vorago
Pestoferas aperit fauces. (Aeneid. VII, 563—570).

Безъ сомнѣнія, это самое подходящее мѣсто въ цѣломъ свѣтѣ для фуріи... и я думаю, читатель съ удовольствіемъ вообразитъ, какъ эта злобная богиня въ шумѣ бури погружается въ адъ посреди такого ужаснаго пейзажа». *Joseph Addison,* Remarks on several parts of Italy 1761, стр. 100, 101.

*) *Манфредъ,* д. II, явл. 1, прим. Эта радуга образуется солнечными лучами въ нижней части швейцарскихъ потоковъ; она совсѣмъ похожа на

«Эти строфы, вѣроятно, напомнятъ читателю замѣчанія прапорщика Нортертона: «Проклятый Homo», и пр.; по причинѣ нашего перасположенія не совсѣмъ одинаковы *). Я хотѣлъ сказать, что уроки утомляютъ насъ прежде, чѣмъ мы оказываемся въ состояніи понимать красоты; что мы зубримъ безъ разумѣнія, а не заучиваемъ сознательно; что свѣжесть впечатлѣнія исчезаетъ, и будущее удовольствіе и польза заранѣе уничтожаются дидактическою преждевременностью въ томъ возрастѣ, когда мы не можемъ ни чувствовать, ни понимать силы изучаемыхъ произведеній, такъ какъ для того, чтобы наслаждаться ими и разсуждать о нихъ, требуется знаніе жизни—настолько же, какъ и знаніе языковъ латинскаго и греческаго. По той же причинѣ мы никогда не можемъ постигнуть во всей полнотѣ нѣкоторыхъ прекраснѣйшихъ мѣстъ въ Шекспирѣ, напр. «Быть или не быть» оттого, что они были въ насъ вколочены, когда намъ было всего восемь лѣтъ,—для упражненія памяти, а не ума; и вотъ, когда мы уже выросли настолько, что могли бы ими наслаждаться, вкусъ къ нимъ уже потерянъ и аппетитъ исчезъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ на континентѣ молодые люди учатся на болѣе заурядныхъ писателяхъ, а лучшихъ классиковъ не читаютъ до болѣе зрѣлаго возраста. Конечно, я не хочу этими словами выразить какое нибудь неудовольствіе или порицаніе мѣсту моего воспитанія. Хотя я и былъ лѣнивъ, однако, я вовсе не былъ тупымъ мальчикомъ; и я увѣренъ, что никто больше меня не чувствуетъ привязанности къ Гарроу, и вполнѣ основательно: не говоря уже о томъ, что тамъ я провелъ счастливѣйшее время своей жизни,—мой наставникъ, почтенный д-ръ Джозефъ Друри, былъ самымъ лучшимъ и драгоцѣннѣйшимъ моимъ другомъ; я слишкомъ хорошо, хотя и слишкомъ поздно, вспоминалъ его предостереженія, когда мнѣ случалось ошибаться, и всегда слѣдовалъ его совѣтамъ, когда мнѣ удавалось поступать хорошо или умно. Если это слабое выраженіе моихъ чувствъ къ нему когда-нибудь попадется ему на глаза, то пусть оно напомнитъ ему о человѣкѣ, который всегда вспоминаетъ о немъ не иначе, какъ съ благодарностью и уваженіемъ, о человѣкѣ, который съ еще большею радостью гордился бы тѣмъ, что былъ его воспитанникомъ, если бы, болѣе внимательно слѣдуя его внушеніямъ, могъ принести своему воспитателю какую-нибудь честь». (*Прим. Байрона*).

Стр. 146. Строфа LXXVII.

И такъ, прощай, Горацій. Коль тебя
Я не ильнилъ,—я самъ тому виною.

«Предубѣжденіе Байрона противъ Горація не представляетъ исключительнаго явленія: Грэй только тогда почувствовалъ себя способнымъ наслаждаться красотами Виргилія, когда избавился отъ обязанности заниматься этимъ поэтомъ, какъ урокомъ (*Муръ*).

Стр. 146. LXXIX.

О, Ніобея павшихъ городовъ!

*) «Не представляйтесь болѣе невѣжественнымъ, чѣмъ вы есть на самомъ дѣлѣ, мистеръ Нортертонъ; вѣдь вы, навѣрное, слыхали и о грекахъ, и о троянцахъ, хотя, можетъ быть, и не читали Гомера въ переводѣ Попа».— Ахъ, проклятый Гомеръ!» отвѣчалъ Нортертонъ: «я еще до сихъ поръ его помню. У насъ въ полку Томасъ всегда таскаетъ Homo въ карманѣ». *Фильдингъ*, Исторія Тома Джонса.

«Я провелъ нѣсколько дней въ чудесномъ Римѣ», говоритъ Байронъ въ одномъ изъ своихъ писемъ 1817 г. «Я въ восторгѣ отъ Рима. Въ цѣломъ, Римъ—и древній, и новый—выше Греціи, Константинополя, всего на свѣтѣ, – по крайней мѣрѣ, всего, что я видѣлъ. Но я не могу его описывать, потому что мои первыя впечатлѣнія всегда сильны и смутны, и только впослѣдствіи моя память разбирается въ нихъ и приводитъ ихъ въ порядокъ; тогда я разсматриваю ихъ, точно пейзажъ на извѣстномъ разстояніи, и различаю лучше, хотя они уже и менѣе ясны. Все время, съ самаго пріѣзда, я большую часть дня проводилъ верхомъ на лошади. Я ѣздилъ въ Альбано, къ его озерамъ, на вершину Monte Albano, въ Фрескати, Аричію и т. д. Что касается Колизея, Пантеона, св. Петра, Ватикана, Палатина и пр., и пр., — то они совершенно неописуемы: ихъ надо *видѣть*».

Стр. 146. Строфа LXXIX.

Гдѣ Сципіона благородный прахъ?

Могила Сципіоновъ, близъ Латинскихъ воротъ, была открыта братьями Сасси въ маѣ 1780 г. Она состоитъ изъ нѣсколькихъ камеръ, выдолбленныхъ въ туфѣ. Въ одной изъ болѣе обширныхъ камеръ находилась знаменитая гробница Л. Сципіона Бородатаго, прадѣда Сципіона Африканскаго, которая теперь стоитъ въ Ватиканѣ, въ Atrio Quadrato. Когда эту гробницу открыли, въ 1780 г., въ ней оказался цѣлый скелетъ. Кости были собраны и перенесены Анджело Квиринъ въ его виллу въ Падуѣ. Въ камерахъ найдено было много надписей, перенесенныхъ потомъ въ Ватиканъ.

Гдѣ прахъ твоихъ сыновъ, земля родная?

По словамъ Гоббоуза, могилы разрушались «или для того, чтобы добывать реликвіи, необходимыя для церквей, посвященныхъ христіанскимъ святымъ или мученикамъ, или (что болѣе вѣроятно) въ надеждѣ найти украшенія, погребенныя вмѣстѣ съ покойниками. Гробницы иногда переносились на другое мѣсто и опустошались для помѣщенія другого праха. Такъ, напр., гробницы папъ Иппокентія II и Климента XII. безъ сомнѣнія, были сооружены для языческихъ покойниковъ».

Такъ затопи жъ скорбь ихъ скорбь въ своихъ волнахъ!

Намекъ на историческія наводненія Тибра, которыхъ насчитывали 132 со времени основанія города до декабря 1870 г., когда вода въ рѣкѣ поднялась на 30 футовъ выше обычнаго своего уровня.

Стр. 147. Строфа LXXX.

Ее христьяне, готы изнурили,
Пожары, войны, бремя долгихъ лѣтъ.

«Христіане» — по мотивамъ фанатическимъ, какъ напр. Ѳеодосій въ 426 г. и Стилихонъ, сжегшій Сивиллины книги, грабили и разрушали храмы. Впослѣдствіи многіе папы также разрушали храмы ради постройки, перестройки и украшенія церквей; много разъ древнія постройки обращались въ каменныя пушечныя ядра. Не было недостатка также и въ христіанскихъ завоевателяхъ и опустошителяхъ Рима, какъ напр. Роберъ Гюискаръ въ 1004 г., Фридрихъ Барбаросса въ 1167, коннетабль Бурбонскій въ 1527. «Готы» взяли и разграбили Римъ подъ предводительствомъ Аларіха, въ 410 г., и при Тотилѣ, въ 516 г. Сюда же могутъ быть причислены и другіе варвары-завоеватели: вандалъ Гензерихъ въ 455 г., свевъ Рицимеръ въ 472, далматинецъ

Витигесъ въ 537, лангобардъ Арнульфъ въ 756. Что касается «пожаровъ», то въ 1082—84 гг. императоръ Генрихъ IV сжегъ «большую часть города», а Гюискаръ сжегъ городъ «отъ Фламиніевыхъ воротъ до колонны Антонина и опустошилъ все пространство отъ Эсквилина до Латерана; затѣмъ сжегъ мѣстность отъ Латерана до Колизея и Капитолія». Байронъ ничего не говоритъ о землетрясеніяхъ; но и они бывали, напр. въ 422 и 1349 г.

Стр. 145. Строфа LXXII.

О гордый Римъ! Увы! Куда сокрылись
Твои тріумфы?

«Оровій насчитываетъ 320 тріумфовъ отъ Ромула до двойного тріумфа Веспасіана и Тита. Ему слѣдовалъ Панвиній, а Панвинію Гиббонъ и новѣйшіе писатели» (*Прим. Байрона*).

Стр. 148. Строфа LXXXIII.

Великій Сулла, баловень боговъ!

«Если бы въ жизни Суллы не было тѣхъ двухъ событій, на которыя намекаетъ эта строфа, то, безъ сомнѣнія, мы должны были бы считать его чудовищемъ, котораго не оправдываютъ никакія удивительныя качества. Мы готовы видѣть *искупленіе* въ его добровольномъ отказѣ отъ власти, такъ какъ оно, повидимому, удовлетворило римлянъ, которые должны были бы уничтожить Суллу, если бы не уважали его. Тутъ не можетъ быть спора и разницы во взглядахъ: они должны были всѣ, подобно Эвкрату, признать, что то, что казалось имъ честолюбіемъ, было любовью къ славѣ, а то, что они ошибочно принимали за гордость, было въ дѣйствительности величіемъ души. («Seigneur, vous changez toutes mes idées de la façon dont je vous vois agir. Je croyois que vous avez de l'ambition, mais aucun amour pour la gloire; je voyois bien que votre âme étoit haute; mais je ne soupçonnois pas qu'elle fût grande».— Dialogue de Sylla et d'Eucrate, Considérations... de la grandeur des Romains, par *Montesquieu*.

(*Прим. Байрона*).

Въ строфѣ LXXXIII рѣчь идетъ о слѣдующихъ событіяхъ въ жизни Суллы: въ 81 г. до Р. Х. онъ принялъ прозваніе «Счастливаго» (Felix или, по Плутарху, «Эпафродита»). За пять лѣтъ передъ тѣмъ, въ консульство Марія и Цинны, его партія была побѣждена, и всѣ его распоряженія отмѣнены; но онъ не вернулся въ Италію до тѣхъ поръ, пока не окончилъ войны съ Митридатомъ полною надъ нимъ побѣдою. Въ 81 г. до Р. Х. онъ былъ сдѣланъ диктаторомъ, но черезъ два года отказался отъ власти и удалился въ частную жизнь.

Стр. 148. Строфа LXXXV.

Двойной побѣдой онъ вѣнца достигъ
И въ тотъ же славный день его конецъ постигъ.

«3-го сентября 1650 г. Кромвелль выигралъ сраженіе при Денбарѣ; годъ спустя, въ тотъ же день, онъ одержалъ свою «коронаціонную» побѣду при Уорстерѣ; а въ 1658 г., въ тотъ же день, который онъ считалъ для себя особенно счастливымъ,—онъ умеръ». (*Прим. Байрона*).

Стр. 149. Строфа LXXXVII.

О, статуя! Виднѣешься одна
Ты въ наготѣ божественной предъ нами.
Смерть Цезаря была тебѣ видна.

Статуя Помпея въ «залѣ аудіенцій» въ палаццо Спада несомнѣнно представляетъ портретъ и относится къ концу республиканскаго періода. Но ее нельзя съ полной увѣренностью отождествлять съ той статуей, которая стояла въ куріи и къ подножію которой упалъ убитый Цезарь. Ср. дальше «Историч. Прим.», XXIV.

Стр. 149. Строфа LXXXVIII.

О, славная волчица, матерь Рима!

См. «Историч. Прим.», XXV. Сохранившееся до нашего времени бронзовое изображеніе «Капитолійской волчицы» несомнѣнно древнее; оно относится къ концу VI или началу V вѣка до Р. Х. и по работѣ принадлежитъ греко-итальянской школѣ. Близнецы, какъ указано еще *Винкельманомъ, - новѣйшее произведеніе; они были прибавлены въ убѣжденіи, что именно эта статуя* описана Цицерономъ (Cat. III, 8) и Виргиліемъ (Aen., VIII, 631).

Стр. 150. Строфа XC.

См. «Историч. Прим.», XXVI. Кольриджъ, въ статьѣ: «Сравненіе современнаго положенія Франціи съ положеніемъ Рима», напеч. въ Morning Post 21 сент. 1802 г., называя Бонапарта «новымъ Цезаремъ», замѣчаетъ: «Но если сдержанность, скрытность, пользованіе шпіонами и развѣдчиками, равнодушіе ко всѣмъ религіямъ, когда онѣ не служатъ орудіями государственной политики, въ соединеніи съ какимъ-то страннымъ и мрачнымъ суевѣріемъ относительно судьбы и съ слѣпой вѣрой въ свою звѣзду, если все это составляетъ черты характера перваго консула, то эти черты приводятъ намъ на память, даже противъ нашей воли, имя и исторію Тиберія».

Стр. 151. Строфа XCI.

Онъ приходилъ, смотрѣлъ и побѣждалъ.

По свидѣтельству Светонія, знаменитыя слова: «Veni, vidi, vici» были написаны на щитахъ, несенныхъ въ тріумфальной процессіи по случаю побѣды Цезаря надъ Фарнакомъ II, въ сраженіи при Зелѣ, 47 г. до Р. Х.

Стр. 151. Строфа XCIII.

Гдѣ видимъ мы ничтожной жизни плодъ?

«Omnes poene veteres qui nihil cognosci, nihil percipi, nihil sciri posse dixerunt, angustos sensus, imbecilles animos, brevia curricula vitae et (ut Democritus) in profundo veritatem esse demersam; opinionibus et institutis omnia teneri; nihil veritati relinqui; deinceps omnia tenebris circumfusa esse dixerunt». (Academ. I. cap. 12). Тысяча восемьсотъ лѣтъ, прошедшіе съ тѣхъ поръ, какъ Цицеронъ написалъ эти строки, не устранили ни одного изъ несовершенствъ человѣческаго рода; и жалобы древнихъ философовъ могутъ быть, безъ несправедливости и преувеличенія, повторены въ поэмѣ, написанной вчера». (*Прим. Байрона*).

Стр. 152. Строфа XCVI.

Въ рѣчи «О продолженіи войны съ Франціей», произнесенной въ палатѣ общинъ 17 февраля 1800 г., Питтъ назвалъ Наполеона «сыномъ и бойцомъ якобинства». По крайней мѣрѣ, эти слова стоятъ въ отчетѣ, написанномъ Кольриджемъ въ Morning Post и въ позднѣйшемъ изданіи рѣчей Питта, хотя ихъ и нѣтъ въ современной передачѣ Times'a. Любопытно, что въ замѣткахъ, которыя Кольриджъ, бывшій тогда парламентскимъ репортеромъ, набросалъ карандашемъ въ своей записной книжкѣ, вмѣсто слова «сынъ» стоитъ «питомецъ»; возможно, что замѣна одного слова другимъ сдѣлана самимъ поэтомъ. Эта фраза стала затѣмъ ходячей, и Кольриджъ много разъ повторилъ ее въ своихъ статьяхъ въ Morning Post 1802 г.

Стр. 153. Строфа XCVII.

Послѣдній актъ трагедіи помогъ.
Чтобъ грубая рука весь міръ сковала.

«Послѣднимъ актомъ трагедіи» Байронъ называетъ Вѣнскій конгрессъ и Священный Союзъ (сент. 1815), къ которому не захотѣлъ присоединиться герцогъ Веллингтонъ, а также второй Парижскій трактатъ, 20 ноября 1815 г.

Стр. 154. Строфа XCIX.

Есть башня грозная...

«Говорится о могилѣ Цециліи Метеллы, называемой Capo di Bove. См. «Историч. Объясненія». (*Прим. Байрона*).

«Четыре слова и двѣ заглавныхъ буквы составляютъ всю надпись, которая прежде была неизвѣстно гдѣ, а теперь поставлена при входѣ въ эту башню-могилу: «Caeciliae. Q. Cretici. F. Metellae. Crassi». Повидимому, не столько любовь, сколько гордость побудила Красса воздвигнуть такой великолѣпный памятникъ своей женѣ. Ея имя не упоминается въ исторіи, если только не допустить, что она была та самая женщина, дружба которой съ Долабеллою была такъ оскорбительна для Туллія, дочери Цицерона, или та, которая развелась съ Лентуломъ Спинтеромъ, или, наконецъ, та, изъ уха которой сынъ Эзопа вынулъ драгоцѣнную серьгу для подарка своей дочери». (*Гобгоузъ*).

Стр. 157. Строфа CVII.

Взляни на Палатинъ: прочна ли власть земная?

«Палатинъ представляетъ массу развалинъ, особенно—въ сторонѣ, обращенной къ Circus Maximus. Здѣсь вся почва состоитъ изъ кирпичнаго щебня. Ничего не было сказано,—да и нельзя ничего сказать о немъ такого, чему бы кто-нибудь повѣрилъ, кромѣ римскихъ антикваріевъ». (*Прим. Байрона*).

Палатинъ былъ мѣстомъ, гдѣ послѣдовательно находились дворцы Августа, Тиберія и Калигулы, а также и «временный дворецъ» Нерона (Domus Transitoria), погибшій во время римскаго пожара. Позднѣйшіе императоры — Веспасіанъ, Домиціанъ, Септимій Северъ — содѣйствовали украшенію Палатина. Войска Генсериха, занявъ его, разграбили всѣ его богатства, и съ тѣхъ поръ онъ остался въ развалинахъ. Систематическія раскопки въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ обнаружили многое и отчасти дали возможность возстановить древній планъ этой части Рима; но въ 1817 г. «безформенная масса развалинъ» была еще полной загадкой для изслѣдователей древности.

Стр. 157. Строфа CVIII.

Въ судьбѣ народовъ мудрый скрытъ урокъ.

Авторъ «Жизни Цицерона», говоря о мнѣніи, высказанномъ насчетъ Британіи этимъ ораторомъ и современными ему римлянами, самъ высказываетъ слѣдующія краснорѣчивыя сужденія: «Читая этого рода насмѣшки надъ варварствомъ и бѣдностью нашего острова, нельзя не задуматься надъ удивительною судьбою и переворотами, постигшими многія царства. Римъ, нѣкогда — владыка міра, центръ искусства, власти и славы, теперь преемыкается въ уничиженіи, невѣжествѣ и бѣдности, порабощенный самымъ жестокимъ и самымъ презрѣннымъ изъ всѣхъ тирановъ—суевѣріемъ и религіознымъ обманомъ, между тѣмъ какъ эта отдаленная страна, бывшая въ древности предметомъ насмѣшки и пренебреженія для образованныхъ римлянъ, сдѣлалась счастливою областью свободы, богатства и учености; здѣсь процвѣтаютъ всѣ искусства, всѣ утонченности цивилизованной жизни. Но, можетъ быть, и эту страну ожидаетъ тотъ же путь, пройденный въ свое время Римомъ,—отъ доблестной дѣятельности къ богатству, отъ богатства—къ роскоши, отъ роскоши къ пренебреженію дисциплиною и порчѣ нравовъ; и, наконецъ, посреди полнаго вырожденія и утраты всякой доблести, созрѣетъ для разрушенія, она можетъ стать добычею какого-нибудь отважнаго притѣснителя и, лишившись своей свободы, потерявъ все, что у нея есть цѣннаго, малу по малу снова впадетъ въ первобытное варварство». См. «Life of M. Tullius Cicero, by Conyers Middleton». (*Прим. Байрона*).

Стр. 156. Строфа CIX.

Гдѣ жъ золото, что раньше здѣсь блистало,
И что съ надменными строителями стало?

Говорится о «Золотомъ Дворцѣ» Нерона, занимавшемъ пространство отъ сѣверо-западнаго угла Палатина до садовъ Мецената на Эскилинѣ, на мѣстѣ позднѣйшаго храма Весты, Колизея и термъ Тита. На переднемъ его дворѣ стояла колоссальная статуя Нерона Колоссада, тянувшаяся на протяженіи тысячи футовъ, была углублена въ землю на три фута. Все, кромѣ озера, лѣса, виноградниковъ и луговъ, было покрыто золотыми плитами, которыя украшены были драгоцѣнными камнями и перламутромъ. См. Свѣтонія, VI, 31; Тацита, Анн., XV, 42. Марціалъ прославляетъ Веспасіана за возстановленіе этого дворца.

Стр. 156. Строфа CX.

Не будетъ Туллій столь краснорѣчивъ,
Какъ сломанной колонны видъ печальный.

Въ подлинникѣ колонна названа «безыменною». Это—колонна императора Фоки, на форумѣ. Но, насколько извѣстно, въ 1817 г., когда Байронъ былъ въ Римѣ, колонна эта уже перестала быть безыменною. Во время раскопокъ, произведенныхъ въ 1813 г. подъ покровительствомъ герцогини Девонширской, удалена была земля, скрывавшая основаніе колонны, причемъ обнаружилась надпись о томъ, что колонна воздвигнута экзархомъ Смарагдомъ, въ 608 г., въ честь императора Фоки. На вершинѣ колонны первоначально стояла позолоченная статуя; но, вѣроятно, и колонна, и эта статуя были взяты изъ какой-либо постройки болѣе ранняго времени и только посвящены Фокѣ. Гобгоузъ, въ «Историч. Объясненіяхъ», говоритъ объ этомъ открытіи и приводитъ, въ извлеченіи, надпись.

Стр. 156. Строфа CX.

Гдѣ прахъ Траяна былъ, тамъ Петръ стоитъ святой.

«На Траяновой колоннѣ поставлена статуя ап. Петра, а на колоннѣ Аврелія—статуя ап. Павла» (*Прим. Байрона*).

Траянова колонна была вырыта изъ земли при Павлѣ III, въ XVI вѣкѣ. На вершинѣ первоначально стояла бронзовая статуя Траяна, державшая въ рукахъ позолоченный шаръ; въ 1538 г. Сикстъ V замѣнилъ ее позолоченной бронзовой статуей ап. Петра. Существовало преданіе, что внутри шара находился прахъ Траяна; говорили также, что императоръ Адріанъ помѣстилъ этотъ прахъ въ золотой урнѣ, въ сводѣ подъ колонною. Извѣстно, однако, что когда Сикстъ V открылъ этотъ сводъ, тамъ ничего не оказалось. По случаю обновленія колонны выбита была медаль съ надписью: «Exaltavit humiles».

Стр. 156. Строфа CXI.

. . . . За то въ ожкахъ онъ чтится.

«Имя Траяна вошло въ пословицу, какъ имя лучшаго изъ римскихъ государей; легче найти

государя, соединяющаго въ своемъ характерѣ самыя противоположныя свойства, нежели такого, который обладалъ бы всѣми счастливыми качествами, приписываемыми этому императору. «Когда онъ вступилъ на престолъ», говоритъ историкъ Діонъ Кассій,—«онъ былъ крѣпокъ тѣломъ и силенъ умомъ; годы не уменьшили этихъ силъ, онъ былъ также освобожденъ отъ зависти и злословія; онъ почиталъ всѣхъ добрыхъ людей и поддерживалъ ихъ, такъ что они не могли быть предметомъ его страха или ненависти; онъ никогда не слушалъ наушниковъ; не давалъ волѣ своей досадѣ; одинаково воздерживался и отъ неправильныхъ дѣйствій, и отъ несправедливыхъ наказаній; онъ болѣе желалъ, чтобы его любили какъ человѣка, нежели почитали какъ государя; онъ былъ ласковъ съ народомъ, почтителенъ съ сенатомъ и равно любимъ и тѣмъ, и другимъ; онъ никому не внушалъ страха, кромѣ враговъ своего отечества». См. Евтропія, Hist. Rom. Brev., l. VIII, cap. 5; Діонъ, Hist. Rom., l. LXIII, cap. 6, 7.

(*Прим. Байрона*).

Стр. 159. Строфа CXII.

А ты, скала тріумфа..

Археологи временъ Байрона не въ состояніи были точно опредѣлить мѣстоположеніе храма Юпитера Капитолійскаго. «На которой сторонѣ стояла цитадель, на которой большой Капитолійскій храмъ, и находился ли послѣдній внутри цитадели?» спрашивалъ Гоббоузъ. Раскопки, произведенныя въ 1876—7 гг. профессорами Іорданомъ и Ланчіани, дали возможность «съ достаточною вѣрностью» опредѣлить мѣстоположеніе центральнаго храма и его боковыхъ корпусовъ — на мѣстѣ нынѣшняго палаццо Каффарелли и прилежащихъ къ нему зданій, занимающихъ юго-восточную часть Капитолійскаго холма. До сихъ поръ существуютъ и двѣ Тарпейскія скалы: одна въ Vicolo della Rupe Tarpea, — въ западномъ углу холма, обращеннаго къ Тибру, а другая близъ Casa Tarpea,—на юго-востокѣ, въ направленіи къ Палатину. Но если вѣрить Діонисію, который говоритъ, что «скала измѣнниковъ» была видна съ форума, то надо полагать, что «пропасть», въ которую сбрасывали измѣнниковъ и другихъ преступниковъ (напр. лжесвидѣтелей), находилась гдѣ-нибудь на южномъ, теперь менѣе обрывистомъ склонѣ горы.

Стр. 159. Строфа CXIV,

Ріенци, римской доблести носитель.

Николай Габрино изъ Ріенцо, обыкновенно называемый Кола ди Ріенци, род. въ 1313 г. Сынъ содержателя постоялаго двора въ Римѣ, онъ обязанъ своей извѣстностью и славой собственнымъ дарованіямъ. Онъ поставилъ себѣ задачею избавить Римъ отъ притѣсненія знатныхъ вельможъ и возстановить еще разъ «доброе правленіе», т.-е. республику. Этой цѣли ему и удалось достигнуть въ короткое время. Въ 1347 г., 20 мая, Ріенци былъ провозглашенъ трибуномъ и освободителемъ Священной Римской Республики «благодатію всемилосердѣйшаго Господа Іисуса Христа». Вдохновляясь возвышенными цѣлями и широкими замыслами, онъ былъ, однако, въ сущности, довольно жалкимъ существомъ, — «незаконнорожденнымъ Наполеономъ»,—и успѣхъ, видимо, ему вскружилъ голову. Послѣ восьми мѣсяцевъ, проведенныхъ имъ въ царскомъ блескѣ, народное чувство обратилось противъ него, и онъ вынужденъ былъ искать себѣ убѣжища въ замкѣ св. Ангела (декабрь 1347). Затѣмъ послѣдовали годы плѣна и странствованій; только въ 1354 г. ему позволено было вернуться въ Римъ, и онъ снова, послѣ быстрой и успѣшной борьбы съ сосѣдними государствами, сталъ во главѣ власти. Но одинъ насильственный поступокъ, соединенный съ коварствомъ, а больше всего—необходимость установить болѣе тяжелые налоги, опять возмутили противъ него римскую чернь; во время возстанія, въ октябрѣ 1354 г., онъ тщетно пытался укрыться и бѣжать, былъ узнанъ толпою и убитъ. Петрарка познакомился съ нимъ въ 1340 г., во время своего торжественнаго вѣнчанія въ Римѣ. Впослѣдствіи, когда Ріенци жилъ въ плѣну въ Авиньонѣ, поэтъ хлопоталъ о немъ у папы, но нѣкоторое время безуспѣшно. Петрарка вѣрилъ въ его энтузіазмъ и раздѣлялъ его мысли; весьма вѣроятно, что знаменитая канцона: «Spirto gentil, che quelle membra reggi» посвящена «послѣднему трибуну».

Исторія Ріенци послужила сюжетомъ для трагедіи Гюстава Друино, представленной въ Одеонѣ 28 янв. 1826, для романа Бульвера «Послѣдній Трибунъ», изд. въ 1835 г., и для оперы Рихарда Вагнера, 1842 г.

Стр. 160. Строфа CXV.

См. «Историч. Прим.», XXVII. Въ слѣдующей строфѣ Байронъ описываетъ такъ наз. гротъ Эгеріи, находящійся влѣво отъ Аппіевой дороги, миляхъ въ двухъ на ю.-в. отъ Себастіановыхъ воротъ. Въ дѣйствительности источникъ Эгеріи находился на поляхъ виллы Маттеи, къ ю.-в. отъ Целійскаго холма, недалеко отъ Porta Metronia. Онъ былъ засыпанъ въ 1867 г. военными инженерами, во время постройки ими новой больницы близъ церкви.

Въ своемъ описаніи Байронъ напоминаетъ подобное же описаніе этой мѣстности Ювеналомъ, который, провожая Умбриція, дошелъ съ нимъ до Капенскихъ воротъ и затѣмъ—

In vallem Egeriae descendimus et speluncas
Dissimiles veris. Quanto praestantius esset
Numen aquae, viridi si margine clauderet undas
Herba, nec ingenuum violarent marmora tophum!
(Juv. Sat. I, III, 17—20).

Стр. 162. Строфа CXXI.

Какъ свѣтлый духъ, ты не мелькнешь въ глазахъ.

Дарместетеръ сближаетъ этотъ стихъ съ одною изъ «мыслей» Ларошфуко (№ 76): «Il est du véritable amour comme de l'apparition des ésprits: tout le monde en parle, mais peu de gens en ont vu».

Стр. 164. Строфа CXXVII,

Но мысли все жъ я не хочу бояться:
Въ ней мой пріютъ и радость вся моя.

«Во всякомъ случаѣ», говоритъ авторъ «Академическихъ Вопросовъ», «я увѣренъ, что какова бы ни была судьба монхъ разсужденій, философіи вновь пріобрѣтетъ то уваженіе, которымъ она должна пользоваться. Свободный и философскій духъ нашей націи былъ предметомъ удивленія для всего міра; здѣсь заключалось лестное отличіе англичанъ отъ другихъ народовъ и свѣтлый источникъ всей ихъ славы. Неужели же мы забудемъ мужественныя и полныя достоинства чувства нашихъ предковъ и опять пустимся болтать языкомъ мамки или кормилицы о нашихъ добрыхъ старыхъ предразсудкахъ? Не такъ защищаютъ дѣло истины. Не такъ отцы наши поддерживали ее въ блестящія эпохи нашей исторіи. Предразсудокъ можетъ овладѣвать на короткое время

внѣшними укрѣпленіями, пока разумъ спитъ въ самой крѣпости; но если послѣдній впадетъ въ летаргическій сонъ, то первый быстро водрузитъ свое знамя. Философія, мудрость и свобода взаимно другъ друга поддерживаютъ; кто не хочетъ разсуждать логически, тотъ ханжа, кто не можетъ, тотъ глупецъ, а кто не смѣетъ, тотъ рабъ». (*Прим. Байрона*).

Авторъ книги «Академическіе вопросы» былъ сэръ Вильямъ Друммондъ (1770–1828), членъ парламента, впослѣдствіи–посланникъ въ Неаполѣ и Константинополѣ, переводчикъ сатиръ Персія и авторъ цѣлаго ряда сочиненій политическихъ и литературныхъ. Байронъ очень высоко цѣнилъ этого писателя и говорилъ лэди Блессингтонъ: «Когда будете въ Неаполѣ, познакомьтесь съ сэромъ В. Друммондомъ: это—одинъ изъ образованнѣйшихъ людей и удивительнѣйшихъ философовъ нашего времени. Онъ обладаетъ чисто-вольтеровскимъ остроуміемъ, съ прибавкою глубокомыслія, которое рѣдко соединяется съ остроуміемъ, и пишетъ такъ убѣдительно, такимъ изящнымъ и чистымъ слогомъ, что его сочиненія полны особенной прелести. Читали ли вы его «Академическіе вопросы»? Если не читали,—достаньте ихъ сейчасъ же, и я увѣренъ, что вы согласитесь со мною, что одного только предисловія къ этому сочиненію достаточно было бы для того, чтобы признать сэра В. Друммонда удивительнымъ писателемъ. Тамъ, въ концѣ, есть слѣдующее мѣсто,—по моему мнѣнію, лучшее изъ всего, написаннаго на нашемъ языкѣ (выписаны приведенныя выше строки). Развѣ это не прекрасно? Какъ мало людей, которые могли бы это написать! И какъ мало людей, которые читаютъ сочиненія Друммонда! Они слишкомъ хороши для того, чтобы быть популярными»...

Стр. 161. Строфа CXXVIII.

Надъ аркой—арка...

Первый, второй и третій этажи амфитеатра Флавія или Колоссея (Колизея) были выстроены на сводахъ. Между арками, которыхъ въ каждомъ этажѣ или ярусѣ было по 80, стояли колонны, въ каждомъ ярусѣ различнаго ордена: въ нижнемъ—римско-дорическаго или, вѣрнѣе, тосканскаго, въ слѣдующемъ - іоническаго, а въ третьемъ коринѳскаго. Четвертый ярусъ, построенный императоромъ Гордіаномъ III въ 244 г. взамѣнъ бывшей прежде наверху деревянной галлереи, сгорѣвшей отъ молніи въ 217 г., представлялъ толстую стѣну, украшенную коринѳскими пилястрами, съ 40 квадратными окнами или отверстіями. Пространство между пилястрами было, какъ полагаютъ, украшено металлическими щитами, арки же второго и третьяго ярусовъ—статуями. До нашего времени сохранилось около третьей части всей постройки.

Стр. 164. Строфа CXXX.

О время, смертъ красой вѣнчаешь ты...

Въ то время, когда Байронъ былъ въ Римѣ, и еще долго спустя, развалины Колизея были покрыты множествомъ кустарниковъ и дикихъ цвѣтовъ. Цѣлыя книги были написаны о «флорѣ Колизея», въ которой насчитывалось до 420 видовъ. Но всѣ эти матеріалы для гербаріевъ, излюбленные посѣтителями развалинъ, были уничтожены въ 1871 г., когда всѣ развалины были вычищены и вымыты, — изъ опасенія, что распространеніе корней растеній можетъ ускорить разрушеніе историческаго памятника.

Стр. 165. Строфа CXXXII и слѣдующія.

См. «Историч. Прим.», XXVIII. - Воззваніе къ Немезидѣ должно сравнить съ «Домашними стихотвореніями» 1816 г., съ III пѣснью *Чайльдъ-Гарольда* (особенно стр. LXIX—LXXV и CXI—CXVIII) и съ «Воззваніемъ» въ I-мъ актѣ *Манфреда*. Предполагали, что эти строфы были написаны Байрономъ съ цѣлью вызвать сочувствіе къ себѣ въ дѣлѣ съ своей женой.

Стр. 167. Строфа CXL.

Вотъ гладіаторъ, вражескимъ мечемъ
Пронзенъ, лежитъ.

Представляетъ ли удивительная статуя, вызвавшая эти стихи, въ самомъ дѣлѣ умирающаго гладіатора,—мнѣніе, упорно поддерживаемое вопреки критикѣ Винкельмана, — или, какъ съ увѣренностью утверждалъ этотъ великій антикварій, она изображаетъ греческаго герольда *), или же, наконецъ, ее слѣдуетъ признать, согласно мнѣнію итальянскаго переводчика Винкельмана, изображеніемъ спартанскаго или варварскаго щитоносца,—во всякомъ случаѣ, въ ней съ увѣренностью можно видѣть копію съ мастерского произведенія Ктезилая, изобразившаго «умирающаго раненаго человѣка, въ которомъ еще сохранился остатокъ жизни». Монфокопъ и Маффеи полагали, что передъ нами—подлинная статуя Ктезифона; но эта статуя была бронзовая. Гладіаторъ находился первоначально на виллѣ Людовизи, и былъ купленъ папой Климентомъ XII. Его правая рука цѣликомъ реставрирована Микель-Анджело» (*Прим. Байрона*).

Современная художественная критика установила съ несомнѣнностью, что эта статуя (изображена выше на стр. 165) изображаетъ умирающаго галла.

Стр. 167–168. Строфа CXLI, CXLII.

См. «Историч. Прим.», XXIX, XXX.

Стр. 169. Строфа CXLIV.

И въ тишинѣ зефиръ ночной играетъ
Душистою гирляндою цвѣтной,
Что стыны ть, какъ Цезаря, вѣнчаетъ.

«Светоній (кн. I, гл. 45) сообщаетъ, что Цезарю было въ особенности пріятно постановленіе сената, разрѣшавшее ему постоянно носить лавровый вѣнокъ: онъ заботился не о томъ, чтобы показать себя покорителемъ міра, а о томъ, чтобы скрыть свою плѣшь. Конечно, иностранцу въ Римѣ ни за что не отгадать бы этой причины,—да и мы не угадали бы ея безъ помощи историка». (*Прим. Байрона*).

Стр. 169. Строфа CXLV.

Римъ съ Колизеемъ связаны судьбою...

«Эти слова приводятся въ «Паденіи Римской Имперіи» въ доказательство того, что Колизей былъ еще цѣлъ, когда его видѣли англосаксонскіе паломники въ концѣ VII или въ началѣ VIII вѣка. Замѣтку о Колизеѣ можно найти въ «Историч. Объясненіяхъ», стр. 263». (*Прим. Байрона*).

«Quamdiu stabit Colyseus, stabit et Roma; quando cadet Colyseus, cadet Roma; quando cadet Roma, cadet et mundus». (Beda in Excerptis seu

*) «Или Полифонта, герольда Лайя, убитаго Эдипомъ, или Копрея, герольда Эврисѳея, убитаго аѳинянами въ то время, когда онъ намѣревался удалить Гераклидовъ отъ алтаря (въ честь его установлены были ежегодныя игры, продолжавшіяся до временъ Адріана), или Аѳемокрита, аѳинскаго герольда, убитаго мегарцами, которые ничѣмъ не искупили этого нечестиваго поступка». (*Примѣчаніе Байрона къ своему примѣчанію*).

Collectaneis, ap. Ducange, Glossarium ad Scriptores mediae et infimae latinitatis, t. II, p. 407, edit. Basil). «Это изреченіе должно быть приписано англо-саксонскимъ паломникамъ, посѣтившимъ Римъ ранѣе 735 г.,—года смерти Беды, ибо я не думаю, что нашъ почтенный монахъ бывалъ за моремъ». Гиббонъ, Decline and Fall of the Roman Empire, 1855, VIII, 281, прим.

Стр. 170. Строфа CXLVI.

А ты простой, но величавый храмъ...

«Хотя и лишенный всѣхъ своихъ бронзовыхъ украшеній, за исключеніемъ лишь одного кольца, которое было необходимо для сохраненія верхняго отверстія; хотя много разъ подвергавшіяся пожарамъ, нерѣдко заливаемый наводненіями и всегда открытый дождю, этотъ храмъ сохранился, все-таки, лучше всѣхъ прочихъ памятниковъ древности. Съ небольшими измѣненіями онъ перешелъ отъ языческаго культа къ христіанскому,—и его ниши оказались настолько удобными для христіанскаго алтаря, что Микель-Анджело, всегда внимательно изучавшій античную красоту, избралъ ихъ планъ образцомъ для католической церкви». Форсайтъ, Италія, 1816, стр. 137.

Пантеонъ состоитъ изъ двухъ частей: портика или притвора, поддерживаемаго 15-ю коринѳскими колоннами, и ротонды, или круглаго храма, въ 143 фута вышиною и 142 въ поперечникѣ. Надпись надъ портикомъ (M. ACRIPPA. L. F. Cos. tertium. Fecit) указываетъ, что храмъ былъ построенъ Агриппой въ 27 г. до Р. Х.

Стр. 170. CXLVII.

Поклонникъ генія своихъ боговъ встрѣчаетъ.

«Въ Пантеонѣ помѣщаются бюсты современныхъ великихъ или, по крайней мѣрѣ, выдающихся людей. Потокъ свѣта, нѣкогда падавшій сквозь широкій куполъ на цѣлый кругъ боговъ, теперь освѣщаетъ многочисленное собраніе смертныхъ, изъ которыхъ иные были почти обоготворены уваженіемъ своихъ современниковъ». (*Прим. Байрона*).

«Бюсты Рафаэля, Аннибала Карраччи, Пьеррино дель Вага, Цуккари и др. плохо гармонируютъ со многими новѣйшими фигурами, украшающими теперь ниши Пантеона. (*Гобгоузъ*).

Стр. 170. Строфа CXLVIII.

Темница предо мной...

«Въ этой и слѣдующихъ трехъ строфахъ говорится объ исторіи «дочери-римлянки», мѣсто дѣйствія которой, дѣйствительное или предлагаемое, показывается путешественникамъ близъ церкви св. Николая in Carcere. Затруднительность признать правду въ этой легендѣ указана въ «Историч. Объясненіяхъ», (*Прим. Байрона*).

Мѣстомъ дѣйствія сцены, изображенной въ группѣ «Caritas Romana», была, по преданію, келья, находящаяся теперь въ фундаментѣ церкви св. Николая in Carcere, близъ Piazza Montanara. Самая легенда разсказана у Феста (De verborum signif., l. XIV) слѣдующимъ образомъ: «Говорятъ, что Элій посвятилъ храмъ Милосердію на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда жила одна женщина. Ея отецъ былъ заключенъ въ темницу, и она поддерживала его жизнь, тайкомъ кормя его грудью. Въ награду за этотъ подвигъ, она получила его освобожденіе». У Плинія (Hist. Nat., VII, 26) и Валерія Максима дочь спасаетъ такимъ образомъ не отца, а мать.

Стр. 171. Строфа CLI.

Плѣняетъ умъ промлечный путь сказанье.

Миѳъ о млечномъ пути повѣствуетъ, что когда Меркурій принесъ младенца Геркулеса на небо, къ груди Юноны, чтобы она, вмѣстѣ съ своимъ молокомъ, дала ему безсмертіе, богиня оттолкнула ребенка, и капли молока, упавшія въ пустоту, обратились въ мелкія звѣздочки. Эта легенда разсказана Эратосѳеномъ Киренейскимъ въ его «Катастеризмахъ, № 44.

Стр. 171. Строфа CLII.

Холмъ Адріана дальше виденъ мнѣ
И мавзолей его пирамидальный.

«Замокъ св. Ангела. См. «Историч. Объясненія». (*Прим Байрона*).

Moles Hadriani, теперь—замокъ св. Ангела, находится, на берегу Тибра, на мѣстѣ «садовъ Нерона». Онъ состоитъ изъ квадратнаго фундамента, каждая сторона котораго имѣетъ въ длину 247 футовъ. На этомъ фундаментѣ возвышается круглая башня, около 1000 футовъ въ окружности, коническая вершина которой нѣкогда покрыта была землей и обсажена вѣчнозелеными растеніями. Спиральный корридоръ велъ въ центральную комнату, гдѣ стояла, какъ полагаютъ, порфировая гробница, въ которой Антонинъ Пій помѣстилъ прахъ Андріана. Императоръ Гонорій (428 по Р. Х.) впервые обратилъ этотъ мавзолей въ крѣпость. Бронзовая статуя ангела-разрушителя, поставленная на вершинѣ башни, относится къ 1740 г. и замѣнила собой пять ранѣе стоявшихъ тамъ статуй, изъ коихъ самая ранняя воздвигнута была въ 1453 г.

Стр. 172. Строфа CLIII.

Вотъ длинный храмъ предъ взоромъ выступаетъ.

«Эта и слѣдующія шесть строфъ относятся къ храму св. Петра» (*Прим. Байрона*).

«Алтарь Діаны»—знаменитый въ древности храмъ Діаны въ Эфесѣ, сожженный Геростратомъ.

Стр. 174. Строфа CLXII.

И, кажется, тѣ дивныя черты
Создали грезы нимфы одинокой.

Изящная красота статуи Аполлона Бельведерскаго напомнила Байрону черты женщины, которую онъ нѣкогда думалъ сдѣлать своей женой: «Аполлонъ», писалъ онъ Муру 12 мая 1817,—портретъ леди Аделаиды Форбсъ. Большаго сходства я, кажется, никогда не видѣлъ.

Стр. 176. Строфа CLXVII.

Но—чу! Изъ тьмы ночной мы услыхали
Неясный ропотъ, заглушенный стонъ.

Шарлотта-Августа (р. 1796) единственная дочь принца-регента, вышла за Леопольда Саксенъ-Кобургскаго и умерла въ родахъ, въ 1817 г. «Смерть принцессы Шарлотты чувствовалась даже здѣсь» (въ Венеціи), писалъ Байронъ одному изъ друзей,— а на родинѣ она, конечно, была похожа на землетрясеніе. Судьба этой несчастной дѣвушки печальна во всѣхъ отношеніяхъ: смерть въ двадцать лѣтъ, при рожденіи ребенка, и еще мальчика,—какая участь для принцессы и будущей королевы, и какъ разъ въ то время, когда она только что стала чувствовать себя счастливой, и радоваться, и внушать надежды... Мнѣ очень грустно». Ср. Строфу CLXXII. Портретъ ея см. стр. 497.

Стр. 177. Строфа CLXXI.

Рокъ измѣняетъ въ счастьѣ сыновьямъ.

«Марія умерла на эшафотѣ; Елизавета отъ разрыва сердца; Карлъ V—монахомъ; Людовикъ

XIV - банкротомъ въ отношеніи финансовъ и славы; Кромвель отъ тревогъ; и—«величайшій послѣ всѣхъ» Наполеонъ живетъ въ плѣну. Къ этому перечню государей можно было бы прибавить еще длинный, но излишній списокъ именъ, не менѣе знаменитыхъ и несчастныхъ». (*Прим. Байрона*).

Стр. 178. Строфа CLXXIII.

«Деревня Неми находится неподалеку отъ Арриціи, служившей мѣстопребываніемъ Эгеріи. Тѣнистыя деревья, окружавшія храмъ Діаны, дали ей сохранившееся до нашего времени прозваніе «Рощи». Неми лежитъ всего въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ удобной гостинницы Альбано». (*Прим. Байрона*).

Бассейнъ озера Неми—кратеръ потухшаго вулкана. Отсюда его сравненіе съ свернувшейся змѣей. Его голубая поверхность не даетъ ряби даже при такомъ вѣтрѣ, отъ котораго приходитъ въ ярость сосѣднее море. Потому-то Байронъ и сравниваетъ его съ «глухою ненавистью», въ противоположность откровенному «гнѣвному шуму».

Стр. 178. Строфа CLXXIV.

См. «Историч. Прим.», XXXI.

Стр. 180. Строфа CLXXL.

Ты отъ Кальпэ плѣняло взоръ красою.

«Утесъ Кальпэ»—Гибралтаръ, откуда Байронъ отплылъ 19 августа 1809 г. Послѣ путешествія по Греціи, онъ пріѣхалъ въ Константинополь на фрегатѣ Salsette 14 мая 1810 г. «Симплегады»—двѣ скалы, одна - близъ европейскаго, другая - другая—близъ азіатскаго берега Босфора, тамъ, гдѣ онъ выходитъ въ Черное море. Байронъ посѣтилъ ихъ обѣ въ іюнѣ 1810 г.

Стр. 180. Строфа CLXXXI.

Армада тонетъ на пути за славой,
И гибнетъ Трафальгара доблестимый трофей.

Буря, послѣдовавшая за сраженіемъ при Трафальгарѣ, уничтожила большую часть (если не всю) захваченной добычи,—19 линейныхъ кораблей, взятыхъ въ этотъ достопамятный день. Мнѣ стыдно было бы напоминать о подробностяхъ, которыя должны быть всѣмъ извѣстны, если бы мы не знали, что во Франціи публику держатъ въ невѣдѣніи относительно исхода этой славнѣйшей побѣды новаго времени, и что въ Англіи вошло теперь въ моду говорить о Ватерлоо, какъ о побѣдѣ исключительно англійской, и называть его рядомъ съ Бленгеймомъ и Аженкуромъ, Трафальгаромъ и Абукиромъ. Потомство рѣшитъ, кто правъ; но если говорить объ этомъ сраженіи, какъ объ искусномъ или удивительномъ дѣлѣ, то его можно сравнить съ битвой при Замѣ, гдѣ наше вниманіе больше привлечено Аннибаломъ, нежели Сципіономъ. И, конечно, мы придаемъ значеніе этому сраженію не потому, что оно было выиграно Блюхеромъ или Веллингтономъ, а потому, что оно было проиграно Бонапартомъ, который, не смотря на всѣ свои пороки и ошибки, ни разу не встрѣчалъ противника, равнаго ему по дарованіямъ (насколько это выраженіе примѣнимо къ завоевателю) или по добрымъ намѣреніямъ, умѣренности и храбрости. Взгляните на его преемниковъ повсюду въ Европѣ: ихъ подражаніе наиболѣе худшимъ сторонамъ его политики ограничивается лишь ихъ сравнительнымъ безсиліемъ и ихъ положительною неспособностью». (*Прим. Байрона*).

Стр. 180 Строфа CLXXXII.

Сочиняя эту строфу, Байронъ, безъ сомнѣнія, вспомнилъ слѣдующее мѣсто изъ книги Босвелля о Джонсонѣ: «Однажды, обѣдая съ генераломъ Паоли и говоря объ его намѣреніи совершить путешествіе по Италіи, Джонсонъ сказалъ: «Человѣкъ, не побывавшій въ Италіи всегда сознаетъ себя ниже другихъ, такъ какъ не видѣлъ того, что нужно видѣть. Важнѣйшею цѣлью всякаго путешествія должны быть берега Средиземнаго моря. На этихъ берегахъ находились четыре великія всемірныя царства: Ассирійское, Персидское, Греческое и Римское. Вся наша религія, почти всѣ наше право, почти всѣ наши искусства, почти все то, чѣмъ мы возвышаемся надъ дикарями, пришло къ намъ съ береговъ Средиземнаго моря». Генералъ замѣтилъ, что Средиземное море могло бы представить прекрасный сюжетъ для поэмы».

Стр. 180. Строфа CLXXXIV.

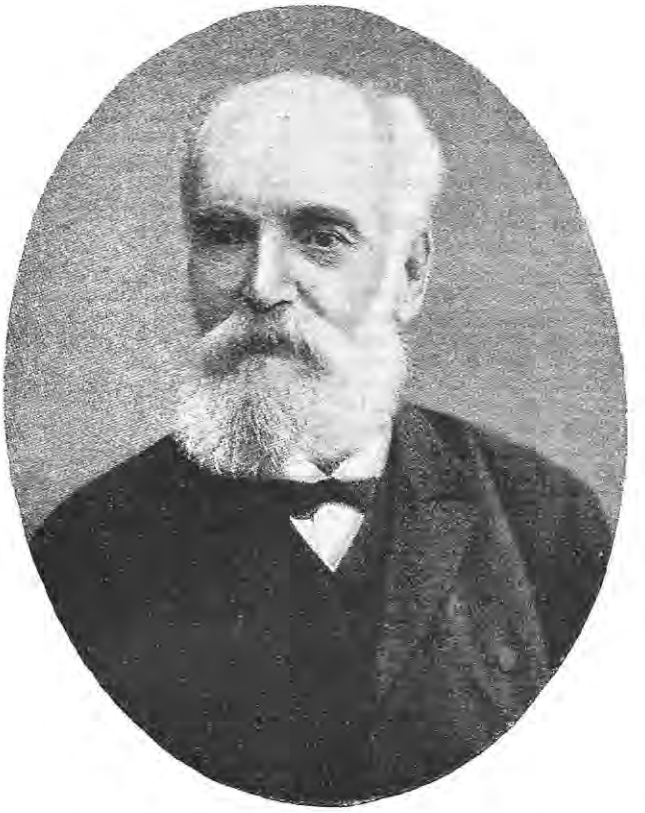
Я мальчикомъ еще съ тобой сдружился...

«Эта строфа, можетъ быть, была бы прочитана безъ особеннаго вниманія, если бы мы не знали, что Байронъ описываетъ здѣсь свои собственныя чувства и привычки, свои наклонности и развлеченія съ самаго дѣтства, когда онъ прислушивался къ шуму сѣвернаго моря и наблюдалъ за его волнами у бурныхъ береговъ Абердиншира. Страшнымъ и насильственнымъ переворотомъ была для него, въ десятилѣтнемъ возрастѣ, разлука съ этой уединенной мѣстностью, которая такъ шла къ его натурѣ, съ этой независимостью, отвѣчавшей его гордому и созерцательному настроенію,—съ этимъ величіемъ дикой природы,—и переходъ въ большое учебное заведеніе, гдѣ его окружала самолюбивая свѣтская жестокость и притворно-полированное фатовство. Сколько разъ этотъ капризный, угрюмый и раздражительный мальчикъ желалъ вернуться на свѣжій воздухъ, къ тѣмъ бурнымъ волнамъ, которыя разбивались объ одинокіе берега, гдѣ прошло его дѣтство! Какъ онъ любилъ разсказы о привидѣніяхъ, предчувствіяхъ, о подвигахъ Робинъ-Гуда, ужасныя исторіи о приключеніяхъ пиратовъ, предпочитая ихъ всему Горацію, Виргилію и Гомеру, которыхъ насильно навязали его упрямому уму! Мнѣ кажется, что именно этой внезапной перемѣной во многомъ объясняется эксцентричность дальнѣйшей жизни Байрона. Четвертая пѣснь *Чайльдъ-Гарольда* есть плодъ ума, который очень усердно и заботливо запасался знаніями и съ большимъ глубокомысліемъ и энергіей усвоилъ то, чему научился; его чувства не проявляются сразу, а пробуждаются лишь путемъ долгаго размышленія. Тотъ, кто, читая это произведеніе, не поражается высокими достоинствами и гигантскою силою ума его автора, доказываетъ этимъ, по моему мнѣнію, нечувствительность своего сердца и большую тупость своего ума». (*Бриджесъ*).

Стр. 181. Строфа CLXXXV.

Окончѣнъ трудъ. Умолкнулъ лиры звонъ.

«Показавъ намъ своего паломника посреди наиболѣе поразительныхъ картинъ земного величія и упадка, научивъ насъ, подобно ему, скорбѣть объ измѣнчивости, непрочности и суетности человѣческаго величія, привести, наконецъ, его и насъ къ предѣлу «Великой Пропасти»,—вотъ идея, достойная глубокаго ума Байрона. Здѣсь мы можемъ видѣть ту страшную и неизмѣнную бездну Вѣчности, лоно которой поглотило уже многихъ и когда-нибудь должно поглотить всѣхъ, той Вѣчности, въ которой навсегда успокоится человѣческій гнѣвъ и презрѣніе, грусть



ДМИТРІЙ ЛАВРЕНТЬЕВИЧЪ МИХАЛОВСКІЙ (р. 1828).

Переводчикъ «Мазепы» и многихъ стихотвореній Байрона.

великихъ и волненія малыхъ умовъ. Только истинный поэтъ человѣчества и природы могъ рѣшиться дать такое окончаніе своему паломничеству. Мы можемъ соединять образъ странника то съ утесами Кальпэ, то съ разрушенными храмами Аѳинъ, то съ гигантскими останками Рима; но если мы пожелаемъ представить себѣ эту мрачную фигуру дѣйствительно существующею личностью, то можемъ ли мы найти для нея лучшее мѣсто, нежели на берегу моря, при шумѣ волнъ? Такъ Гомеръ изобразилъ Ахилла въ минуты неудержимаго и неутѣшнаго горя, вызваннаго утратою Патрокла; такъ представилъ онъ и отцовское отчаяніе стараго Приса—

Βὴ δ'ἀκέων παρὰ δῖνα πολυφλοίσβοιο θαλάσσης

(*Вильсонъ*).

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПРИМѢЧАНІЯ къ IV пѣснѣ.

(Составлены Гобгоузомъ для 1-го изданія. См. выше стр. 512).

I.

Государственная тюрьма въ Венеціи.

Взошелъ на Мостъ л Вздоховъ, гдѣ видны
По сторонамъ сіи дворецъ съ темницей.
(Строфа I).

Дворецъ дожей въ Венеціи сообщается съ тюрьмою посредствомъ мрачнаго моста или крытой галлереи, находящейся высоко надъ водою и раздѣленной каменной стѣною на коридоръ и камеру. Государственныя тюрьмы, называющіяся pozzi или колодцами, находились въ толстыхъ стѣнахъ дворца, и когда узника выводили оттуда на казнь, его вели по коридору на другую сторону, а затѣмъ приводили обратно въ камеру на мосту и тамъ подвергали удавленію. Низкая дверь, черезъ которую преступниковъ вводили въ эту камеру, теперь заложена, но коридоръ все еще открытъ и извѣстенъ подъ названіемъ «Моста вздоховъ». Pozzi находятся подъ комнатой, откуда начинается мостъ. Ихъ было раньше двѣнадцать; но при первомъ появленіи французовъ венеціанцы поспѣшно запалили или уничтожили самые глубокіе изъ этихъ «колодцевъ». Впрочемъ, вы и теперь можете спуститься черезъ подъемную дверь и проползти черезъ отверстія, наполовину засыпанныя мусоромъ, на два этажа ниже перваго ряда. Если вы нуждаетесь въ утѣшеніи по поводу уничтоженія власти патриціевъ, то здѣсь, можетъ быть, вы его и найдете; въ узкой галлереѣ, ведущей въ камеры, свѣтъ чуть мерцаетъ, а самыя мѣста заключенія находятся въ совершенной темнотѣ. Небольшое отверстіе въ стѣнѣ пропускало спертый воздухъ изъ коридоровъ и служило для подаванія узнику пищу.

Единственною мебелью въ кельѣ были деревянныя нары, поднятыя на футъ отъ пола. Проводники говорятъ вамъ, что освѣщенія здѣсь не полагалось. Кельи имѣютъ около пяти шаговъ въ длину, два съ половиною—въ ширину и семь футовъ въ вышину. Онѣ находятся какъ разъ одна подъ другою, и въ нижнихъ дышится съ трудомъ. Когда республиканцы спустились въ эти ужасныя ямы, они нашли только одного узника, который, говорятъ, пробылъ здѣсь шестнадцать лѣтъ. Обитатели нижнихъ келій оставили слѣды своего раскаянія или отчаянія, которые еще можно видѣть и изъ которыхъ ныне, можетъ быть, обязаны своимъ происхожденіемъ позднѣйшей изобрѣтательности. Нѣкоторые изъ заключенныхъ, повидимому, нанесли оскорбленіе духовенству, а другіе сами принадлежали къ нему, какъ можно заключать не только по сдѣланнымъ ими надписямъ, но и по начерченнымъ ими на стѣнахъ изображеніямъ церквей и колоколенъ. Читателю не безынтересно будетъ видѣть образцы произведеній, внушенныхъ такимъ ужаснымъ одиночествомъ. Вотъ три надписи въ томъ видѣ, какъ онѣ, вѣроятно, уже не разъ были списаны:

1. NON TI FIDAR AD ALCUNO PENSA E TACI
SE FUGIR VUOI DE SPIONI INSIDIE E LACCI
IL PENTIRTI PENTIRTI NULLA GIOVA
MA BEN DI VALOR TUO LA VERA PROVA
1607. ADI 2. GENARO. FUI RE-
TENTO P' LA BESTIEMMA P' AVER DATO
DA MANZAR A UN MORTO
IACOMO. GRITTI. SCRISSE.

2. UN PARLAR POCHO ET
NEGARE PRONTO ET
UN PENSAR AL FINE PUO DARE LA VITA
A NOI ALTRI MESCHINI
1605
EGO IOHN BAPTISTA AD
ECCLESIAM CORTELLARIUS.

3. DE CHI MI FIDO GUARDAMI DIO
DE CHI NON MI FIDO MI GUARDARO IO
A TA H A NA
V. LA S .C .K .R

Списывавшій воспроизвелъ ошибки, не исправляя ихъ; впрочемъ, ошибки эти не особенно значительны, если принять въ соображеніе, что буквы, очевидно, были нацарапаны въ темнотѣ. Надо только замѣтить, что въ первой надписи слѣдуетъ читать: bestemmia и mangiar; эта надпись принадлежитъ, вѣроятно, преступнику, заключенному за какое-нибудь нечестивое дѣяніе во время похоронъ; Cortellarius - названіе одного прихода на материкѣ, близъ моря; послѣднія заглавныя буквы, очевидно, означаютъ: Viva la Santa Chiesa Kattolica Romana.

II.

Пѣсни гондольеровъ.

Въ Венеціи замолкла пѣснь Торквато...
(Строфа III).

(«Не могу не упомянуть объ одномъ венеціанскомъ обычаѣ, который, какъ мнѣ говорили, очень распространенъ среди мѣстнаго простого народа,—пѣть строфы изъ Тассо. Онѣ положены на довольно красивую, торжественную музыку, и пѣвецъ, начиная которую-нибудь изъ нихъ, желаетъ, чтобы ему отвѣчалъ другой, который его услышитъ,—такъ что иногда вы слышите, какъ цѣлый десятокъ или дюжина пѣвцовъ, одинъ вслѣдъ за другимъ, повторяютъ стихъ за стихомъ и продолжаютъ пѣть поэму до тѣхъ поръ, пока помнятъ ея слова». *Аддисонъ*, 1700 г.)

Хорошо извѣстное въ старину поочередное пѣніе гондольерами строфъ изъ «Іерусалима» Тассо прекратилось вмѣстѣ съ независимостью Венеціи. Изданія поэмы съ подлиннымъ текстомъ на одной сторонѣ и венеціанскими варіантами—на другой, въ томъ видѣ, какъ пѣли гондольеры, нѣкогда были очень распространены, да и теперь еще попадаются. Слѣдующій отрывокъ покажетъ разницу между тосканскимъ эпосомъ и Canta alla barcarola:

Подлинный текстъ.

Canto l' arme pietose, e'l capitano
Che 'l gran Sepolcro liberò di Cristo.
Molto egli oprò col senno, e con la mano
Molto soffrì nel glorioso acquisto;
E in van e' Inferno a lui s' oppose, e in vano
S'armò d' Asia, e di Libia il popol misto,
Che il Ciel gli diè favore, e sotto a i Santi
Segni ridusse i suoi compagni erranti.

Венеціанскій текстъ.

L' arme pietose de cantar gho vogia,
E de Goffredo la immortal braura
Che al fin l' ha libera co strassia, e dogia
Del nostro buon Gesu la Sepoltura
De mezo mondo unito, e de quel Bogia
Missier Pluton non l' ha bu mai paura:
Dio l' ha agiutá, e i compagni srarpagni
Tutti'l gh' i ha messi insieme i di del Dai.

Впрочемъ, нѣкоторые изъ болѣе старыхъ гондольеровъ еще помнятъ строфы своего нѣкогда излюбленнаго поэта.

7-го минувшаго января авторъ *Чайльдъ-Гарольда* и другой англичанинъ, написавшій эту замѣтку, поѣхали въ гондолѣ на Лидо съ двумя пѣвцами, изъ которыхъ одинъ былъ плотникъ, а другой—гондольеръ. Первый помѣстился на кормѣ, а другой—на носу гондолы. Отъѣхавъ немного отъ набережной Пьяццетты, они начали пѣть и продолжали свое пѣніе до самаго пріѣзда на островъ. Въ числѣ другихъ образцовъ, они пѣли о смерти Клоринды и о дворцѣ Армиды—и не на венеціанскомъ нарѣчіи, а на тосканскомъ. Впрочемъ, плотникъ, пѣвшій лучше другого и часто поправлявшій своего товарища, говорилъ намъ, что онъ можетъ и «перевести» оригинальный текстъ. Онъ прибавилъ, что можетъ спѣть строфъ триста, но что у него не хватаетъ дыханія (тутъ онъ употребилъ слово morbin) выучить больше или пропѣть все, что онъ знаетъ: для разучиванья и повторенья надо имѣть много свободнаго времени,—«а вы посмотрите на мое платье и на меня», сказалъ бѣдный малый: «вѣдь я голодаю». Эта рѣчь была болѣе трогательна, чѣмъ его пѣніе, которое можно находить привлекательнымъ только по привычкѣ. Это былъ рѣзкій, крикливый и монотонный речитативъ, а гондольеръ, кромѣ того, помогалъ своему пѣнію, держа руку съ одной стороны рта. Плотникъ дѣлалъ спокойные жесты, видимо, стараясь ихъ сдерживать, но это ему не вполнѣ удавалось, такъ какъ онъ былъ слишкомъ заинтересованъ содержаніемъ поэмы. Отъ этихъ людей мы узнали, что пѣніе Тассо распространено не только среди гондольеровъ, и что, хотя рѣдко, но все-таки въ низшихъ классахъ населенія можно встрѣтить людей, знающихъ нѣсколько строфъ.

Повидимому, у пѣвцовъ нѣтъ обыкновенія

грести и пѣть въ одно и то же время. Хотя на венеціанскихъ каналахъ уже и не слышно стиховъ изъ «Іерусалима», однако, тамъ все еще очень часто слышится музыка; а накануѣ праздниковъ иностранцы, находящіеся вдали или недостаточно освѣдомленные для того, чтобы различать отдѣльныя слова, могутъ вообразить, что на нѣкоторыхъ гондолахъ все еще звучатъ строфы Тассо. Авторъ нѣсколькихъ замѣчаній объ этомъ предметѣ, появившихся въ «Curiosities of Litterature», извинитъ меня за мои цитаты; но, за исключеніемъ нѣсколькихъ фразъ, можетъ быть, слишкомъ изысканныхъ или необычныхъ, онъ далъ очень точное и пріятное описаніе:

«Въ Венеціи гондольеры знаютъ наизусть длинные отрывки изъ Аріосто и Тассо и часто поютъ ихъ на особый мотивъ. Но въ настоящее время это знаніе, кажется, находится въ упадкѣ; по крайней мѣрѣ, послѣ нѣкоторыхъ усилій, мнѣ удалось отыскать только двухъ человѣкъ, которые могли мнѣ спѣть отрывокъ изъ Тассо. Я долженъ прибавить, что покойный г. Берри однажды спѣлъ мнѣ отрывокъ изъ Тассо, увѣряя, что онъ поетъ на манеръ гондольеровъ.

«Поютъ всегда двое, поочередно. Мелодію мы знаемъ случайно изъ Руссо, въ нѣсенкахъ котораго она напечатана; въ ней, собственно, нѣтъ мелодическаго движенія: она представляетъ нѣчто среднее между canto fermo и canto figurato; къ первому она приближается декламаціею въ видѣ речитатива, а ко второму—отдѣльными пассажами, въ которыхъ украшается фіоритурами какой-нибудь одинъ слогъ.

«Я вошелъ въ гондолу при лунномъ свѣтѣ; одинъ пѣвецъ помѣстился спереди, а другой—сзади, и мы поѣхали къ Санъ-Джорджіо. Одинъ началъ пѣть; когда онъ оканчивалъ одну строфу, другой подхватывалъ и начиналъ слѣдующую, и такимъ образомъ пѣніе продолжалось поочередно. Во все время пѣнія постоянно и неизмѣнно повторялись одинъ и тѣ же ноты; но, соотвѣтственно содержанію строфы, пѣвцы дѣлали болѣе или менѣе сильное удареніе то на одной нотѣ, то на другой и такимъ образомъ исполненіе строфы мѣнялось, смотря по ея сюжету.

«Въ общемъ, это пѣніе было хрипло и крикливо; подобно всѣмъ грубымъ, нецивилизованнымъ людямъ, они думаютъ, что достоинство пѣнія заключается въ силѣ голоса. Казалось, что одинъ хочетъ перещеголять другого силою своихъ легкихъ; а я отъ этого не только не получалъ никакого удовольствія (сидя въ палаткѣ гондолы), но чувствовалъ себя въ очень непріятномъ положеніи.

«Мой спутникъ, которому я это сообщилъ, желая поддержать славу своихъ земляковъ, сталъ увѣрять меня, что это пѣніе очень пріятно, если его слушать на извѣстномъ разстояніи. Поэтому мы вышли на берегъ и оставили одного пѣвца въ гондолѣ, а другой отошелъ на нѣсколько сотъ шаговъ. Они снова начали пѣть, обращаясь другъ къ другу, а я прохаживался взадъ и впередъ между обоими, всегда удаляясь отъ того, кто начиналъ пѣть. Часто я останавливался, прислушиваясь къ тому и другому.

«Такимъ образомъ эта сцена получила должную постановку. Сильная и, какъ сказано, крикливая декламація издали поражала слухъ и возбуждала вниманіе; быстро слѣдовавшіе одинъ за другимъ переходы, которые по необходимости должно было исполнять въ болѣе низкихъ тонахъ, казались какими-то жалобными стонами, слѣдовавшими за громкимъ выраженіемъ волненія или скорби. Второй пѣвецъ слушалъ внимательно и начиналъ тотчасъ же, какъ только первый переставалъ пѣть, отвѣчая ему болѣе нѣжными или болѣе сильными нотами, соотвѣтственно содержанію строфы. Сонные каналы, величественныя зданія, блескъ луны, черныя тѣни немногихъ гондолъ, двигавшихся, словно привидѣнія, туда и сюда,—все это усиливало поразительную оригинальность этой сцены, и при такихъ обстоятельствахъ не трудно было признать за нею удивительно гармоническій характеръ.

«Это пѣніе какъ нельзя больше идетъ къ одинокому, лѣнивому гондольеру, который отдыхаетъ, растянувшись въ своей лодкѣ на одномъ изъ каналовъ, въ ожиданіи товарища или сѣдока, и до извѣстной степени облегчаетъ свою скуку пѣснями или поэтическими исторіями, какія придутъ ему на умъ. Часто онъ изо всѣхъ силъ возвышаетъ свой голосъ, и этотъ голосъ несется далеко по тихому зеркалу водъ; все кругомъ тихо, несмотря на то, что пѣвецъ находится посреди большого и населеннаго города. Здѣсь нѣтъ стука экипажей, нѣтъ шума отъ шаговъ прохожихъ; только по временамъ, съ чуть слышнымъ плескомъ веселъ скользитъ молчаливая гондола...

«На извѣстномъ разстояніи перваго пѣвца услышитъ другой, быть можетъ, вовсе съ нимъ и не знакомый. Мелодія и стихи тотчасъ же устанавливаютъ между обоими извѣстную связь: второй становится эхомъ перваго и, въ свою очередь, старается, чтобы его услыхали. По молчаливому соглашенію, они начинаютъ чередоваться въ пѣніи строфъ, и готовы пропѣть цѣлую ночь, не чувствуя усталости, причемъ случайные слушатели также принимаютъ участіе въ этой забавѣ.

«Это пѣніе всего лучше звучитъ на далекомъ разстояніи, пріобрѣтая невыразимую привлекательность; такимъ образомъ, его цѣль вполнѣ достигается только отдаленіемъ. Его звуки заунывны, но не печальны, и по временамъ, слушая ихъ, трудно удержаться отъ слезъ. Мой спутникъ, вообще не отличавшійся нѣжностью, вдругъ совсѣмъ неожиданно сказалъ: «È singolare come quel canto intenerisce, e molte più quando lo cantano meglio».

«Мнѣ передавали, что женщины на Либо *),—длинной грядѣ острововъ, отдѣляющихъ Адріатическое море отъ лагуны, въ особенности женщины дальнихъ округовъ Маламокки и Палестрины, также распѣваютъ стихи Тассо на подобные же мотивы.

«У нихъ есть обычай, когда ихъ мужья выѣзжаютъ въ море ловить рыбу, садиться по вечерамъ вдоль берега и пѣть эти пѣсни; онѣ поютъ какъ можно громче до тѣхъ поръ, пока каждая изъ нихъ не различитъ издали отвѣтную пѣсню своего мужа»**).

Любовь къ музыкѣ и поэзіи отличаетъ всѣ классы венеціанскаго населенія даже среди мелодичныхъ сыновъ Италіи. Въ самомъ городѣ всегда есть достаточно публики для того, чтобы

*) Авторъ хотѣлъ сказать: *Лидо*; это — не гряда острововъ, а одинъ длинный островъ: littus, берегъ.

**) Curiositis of Literature (Д'Израэли - отца).

наполнить одновременно два или даже три оперныхъ театра въ одинъ вечеръ, и только немногія событія въ частной жизни не вызываютъ печатнаго или изустнаго совѣта. Получитъ ли врачъ или юристъ ученую степень, произнесетъ ли священникъ свою первую проповѣдь, сдѣлаетъ ли хирургъ операцію, захочетъ ли актеръ увѣдомить публику о своемъ отъѣздѣ или о своемъ бенефисѣ, поздравляютъ ли васъ съ законнымъ бракомъ, съ днемъ рожденія или съ выигрышемъ тяжбы,—музы непремѣнно призываются для того, чтобы произвести извѣстное количество стиховъ, и вѣсть о частныхъ торжествахъ распространяется на дѣвственно-бѣлыхъ или частью раскрашенныхъ афишахъ, расклеиваемыхъ чуть не на всѣхъ углахъ города. Послѣдній спектакль любимой примадонны вызываетъ эту поэтическую дань даже изъ тѣхъ возвышенныхъ сферъ, изъ которыхъ въ нашихъ театрахъ обыкновенно слетаютъ только купидоны да снѣжные хлопья. Поэзіей проникнута вся жизнь венеціанца, которая въ своемъ обычномъ теченіи часто прерывается неожиданностями и перемѣнами, встрѣчаемыми у насъ только въ романахъ и рѣзко отличающими ее отъ нашего сѣвернаго, трезваго и однообразнаго существованія; здѣсь удовольствія входятъ въ число обязанностей, а обязанности нерѣдко становятся развлеченіемъ, и такъ какъ и тѣ, и другія считаются одинаково важными составными частями жизни, то они и исполняются, и объявляются съ одинаково равнодушною серьезностью и веселымъ усердіемъ. Столбцы венеціанской газеты обычно заканчиваются слѣдующими тремя извѣстіями:

Шарада.

Выносъ Святыхъ Даровъ въ церкви св...

Театры: Св. Моисея—опера; Св. Бенедикта—комедія характеровъ; Св. Луки—спектакля нѣтъ.

Если вспомнить, чѣмъ являются въ глазахъ католиковъ ихъ освященныя облатки, то мы, конечно, согласимся, что онѣ заслуживали бы мѣста болѣе почетнаго, нежели между шарадою и театрами.

III.

Левъ и кони св. Марка.

Какъ жалокъ нынѣ Левъ среди
громадъ
На площади...
(*Строфа XI*).

Левъ отъ своего путешествія въ Домъ Инвалидовъ не потерялъ ничего, кромѣ евангелія, на которомъ покоилась одна изъ его лапъ, теперь поставленная наравнѣ съ другой ногой. Кони также возвратились на прежнее дурновыбранное мѣсто, откуда они были взяты, и попрежнему наполовину спрятаны подъ портикомъ собора св. Марка. Ихъ исторія, послѣ отчаянной борьбы, теперь уже въ достаточной степени разъяснена. Изслѣдованія и сомнѣнія Эрицо и Дзанетти, а въ послѣднее время—графа Леопольда Чикоьяры, повидимому, установили ихъ римское происхожденіе и родословную не старше временъ Нерона. Но г. Шлегель продолжалъ поучать венеціанцевъ относительно цѣнности ихъ собственныхъ сокровищъ, и одинъ грекъ *) разъ навсегда заявилъ притязанія своихъ соотечественниковъ на это благородное произведеніе искусства. Г. Мустоксиди не былъ оставленъ безъ возраженія, но до сихъ поръ еще не получилъ отвѣта. Кажется, эти кони несомнѣнно хіосскаго происхожденія и перевезены въ Римъ Ѳеодосіемъ. Лапидарное письмо—любимая манера итальянцевъ; оно создало славу не одному изъ ихъ литературныхъ дѣятелей. Однимъ изъ лучшихъ образцовъ работы типографіи Бодони служитъ почтенный томъ надписей, весь написанный его другомъ Паччіауди. Для возвращенныхъ коней было сочинено нѣсколько надписей. Надо полагать, что выбора удостоилась не лучшая изъ нихъ: надъ портикомъ собора изображены золотыми буквами слѣдующія слова:

QUATUOR . EQUORUM . SIGNA . A . VENETIS . BYZANTIO ' CAPTA ' AD ' TEMP ' D ' MAR ' A ' R ' S . MCCIV ' POSITA ' QUÆ ' HOSTILIS ' CUPIDITAS ' A ' MDCCIIIC ABSTULERAT ' FRANC I ' IMP ' PACIS ' ORBI ' DATÆ ' TROPHÆUM ' A ' MDCCXV ' VICTOR ' REDUXIT.

О латыни ничего сказать нельзя, но позволительно замѣтить, что несправедливость венеціанцевъ, которые увезли этихъ коней изъ Константинополя, была не меньше, чѣмъ несправедливость французовъ, которые перевезли ихъ въ Парижъ, и что приличнѣе было бы обойтись безъ всякихъ намековъ на тотъ и другой грабежъ. Католическій государь, можетъ быть, долженъ былъ бы воспротивиться помѣщенію надъ главнымъ входомъ въ каѳедральный соборъ надписи, относящейся къ тріумфамъ вовсе не религіознымъ. Это несоотвѣтствіе можетъ быть объяснено только «умиротвореніемъ міра».

IV.

Подчиненіе Барбароссы папѣ Александру III.

Гдѣ швабъ молилъ,—теперь австрійца
тронъ;
Монархъ ногою попираетъ плиты,
Гдѣ былъ монархъ колѣнопреклоненъ.
(*Строфа XII*).

Послѣ многихъ тщетныхъ усилій со стороны итальянцевъ, желавшихъ сбросить съ себя иго Фридриха Барбароссы, и послѣ столь же безплодныхъ попытокъ императора сдѣлаться абсолютнымъ повелителемъ всѣхъ своихъ цизальпинскихъ владѣній, кровопролитная борьба, длившаяся двадцать четыре года, благополучно завершилась въ Венеціи. Относительно статей мирнаго договора достигнуто было предварительное соглашеніе между папою Александромъ III и Барбароссой, и папа, получивъ охранную грамоту, уже прибылъ въ Венецію изъ Феррары, въ сопровожденіи пословъ короля сициліанскаго и консуловъ Ломбардской лиги. Но нѣкоторые пункты договора все-таки оставались еще не окончательно рѣшенными, и заключеніе мира считалось въ теченіе нѣсколькихъ дней невозможнымъ. При такихъ обстоятельствахъ внезапно получено было извѣстіе, что императоръ прибылъ въ Кіодзу, *)—городъ, лежащій въ пятнадцати миляхъ отъ Венеціи. Венеціанцы сильно заволновались и потребовали, чтобы онъ немедленно былъ привезенъ въ городъ. Ломбардцы забили тревогу и отошли къ Тревизо. Самъ папа опасался какого-нибудь безпорядка въ случаѣ, если бы Фридрихъ внезапно двинулся противъ него, но былъ успокоенъ благоразуміемъ и так-

*) Su i quattro cavalli della Basilica di S. Marco in Venezia. Lettera di Andrea Mustoxidi Corcirese. Padova, 1816.

*) Такъ по-венеціански называется Chioggi.

томъ дожа Себастіана Ціани. Кіодза и Венеціи обмѣнялись нѣсколькими посольствами и, наконецъ, императоръ, отступивъ отъ нѣкоторыхъ прежнихъ своихъ требованій, «отложилъ свою львиную свирѣпость и воспринялъ кротость агнца» *).

Въ субботу, 23 іюля 1177 года, шесть венеціанскихъ галеръ съ большимъ великолѣпіемъ перевезли Фридриха изъ Кіодзы на островъ Лидо, въ одной милѣ отъ Венеціи. На слѣдующій день, рано поутру, папа, въ сопровожденіи сицилійскихъ пословъ и представителей Ломбардіи, призванныхъ имъ съ материка, а также при большомъ стеченіи народа, направился изъ патріаршаго дворца въ церковь св. Марка и торжественно провозгласилъ императора и его сторонниковъ свободными отъ тяготѣвшаго надъ ними церковнаго отлученія. Имперскій канцлеръ, отъ имени своего государя, отрекся отъ анти-папъ и ихъ еретическихъ приверженцевъ. Тотчасъ же дожъ, съ большой свитой изъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ, явился на галеры, привѣтствовалъ Фридриха и съ великимъ почетомъ перевезъ его съ Лидо въ Венецію. Императоръ сошелъ съ галеры на набережной Пьяццетты. Дожъ, патріархъ, епископы, духовенство и венеціанскій народъ, съ крестами и хоругвями, пошли передъ нимъ въ торжественной процессіи въ церковь св. Марка. Александръ находился у входа въ базилику вмѣстѣ съ своими епископами и кардиналами, патріархомъ Аквилейскимъ, архіепископами и епископами ломбардскими, которые были всѣ въ церковныхъ облаченіяхъ. Фридрихъ приблизился—«направляемый Святымъ Духомъ», поклонялся Всевышнему въ лицѣ Александра, отложилъ свое императорское достоинство и, снявъ мантію, простерся ницъ предъ папою. Александръ, со слезами на глазахъ, благосклонно поднялъ его съ пола, поцѣловалъ и благословилъ; а сопровождавшіе императора германцы тотчасъ же громкимъ голосомъ запѣли: «Слава Тебѣ, Господи!» Тогда императоръ, взявъ папу за правую руку, повелъ его въ церковь и, получивъ его благословеніе, отбылъ во дворецъ дожей». Церемонія подчиненія повторилась и на слѣдующій день. Папа самъ, по просьбѣ Фридриха, служилъ обѣдню въ церкви св. Марка. Императоръ снова снялъ свою царскую мантію и, взявъ въ руки жезлъ, сталъ прислуживать папѣ, удаляя народъ отъ хора и предшествуя первосвященнику предъ алтаремъ. Александръ, прочитавъ евангеліе, произнесъ проповѣдь къ народу. Императоръ всталъ у самаго аналоя, въ позѣ внимательнаго слушателя; и папа, тронутый такимъ знакомъ вниманія (такъ какъ онъ зналъ, что Фридрихъ не понимаетъ ни одного слова изъ его рѣчи), приказалъ патріарху Аквилейскому переводить латинскую проповѣдь на нѣмецкій языкъ. Затѣмъ былъ пропѣтъ символъ вѣры. Фридрихъ принесъ свою жертву и облобызалъ ногу папы, а по окончаніи обѣдни подвелъ его за руку къ своей бѣлой лошади. Онъ самъ держалъ стремя и хотѣлъ вести лошадь въ поводу до пристани, но папа не принялъ этой услуги и, любезно благословивъ его, отпустилъ. Такова сущность разсказа, оставленнаго архіепископомъ Салернскимъ, который самъ присутствовалъ при этой церемоніи и повѣствованіе котораго подтверждается также и другими свидѣтельствами. Объ этомъ событіи не стоило бы говорить такъ подробно, если бы оно не было настолько же торжествомъ свободы, какъ и торжествомъ суевѣрія. Ломбардскіе города обязаны были ему подтвержденіемъ своихъ привилегій, и Александръ имѣлъ причину благодарить Провидѣніе, давшее больному и безоружному старику возможность подчинить себѣ могущественнаго и страшнаго государя». *)

*) «Quibus auditis, imperator, operanta eo, qui corda principum sicut vult et quando vult humiliter inclinat, leonina feritate deposita, ovinam mansuetudinem induit». - Romualdi Salernitani Chronicon, apud Script. Rer. Ital. tom. VII. p. 229.

V.

Генрихъ Дандоло.

Гдѣ Дандоло—великій старецъ—нынѣ,
Который сокрушилъ Царьградъ всего гордынѣ?
(Строфа XII).

(Въ подлинникѣ эти стихи читаются: «О, если бы хоть на часъ воскресъ слѣпой старецъ Дандоло, восьмидесятилѣтній вождь, побѣдоносный противникъ Византіи!»).

Читатель припомнитъ восклицаніе шотландца: «О, если бы хоть на часокъ въ Дендн!» Генриху Дандоло, когда его избрали дожемъ, въ 1192 году, было 85 лѣтъ отъ роду. Слѣдовательно, когда онъ командовалъ венеціанцами при взятіи Константинополя, ему было уже 97 лѣтъ. Въ этомъ возрастѣ онъ присоединилъ три восьмыхъ всей имперіи «Романіи (такъ называлась въ то время Римская имперія) **) къ титулу и владѣніямъ венеціанскаго дожа. Три восьмыхъ этой имперіи упоминались въ грамотахъ до временъ дожа Джованни Дольфино, который пользовался приведеннымъ титуломъ еще въ 1357 году ***).

Дандоло лично руководилъ штурмомъ Константинополя. Два корабля, «Рай» и «Пилигримъ», были связаны другъ съ другомъ, и съ ихъ верхней палубы былъ перекинутъ мостъ или лѣстница на стѣны. Дожъ находился въ числѣ первыхъ, вошедшихъ въ городъ. Тогда-то исполнилось, какъ говорили венеціанцы, пророчество Эритрейской сивиллы: «На волнахъ Адріатики возникнетъ могущественное государство подъ управленіемъ слѣпого вождя; они окружатъ козла, обезславятъ Византію, вычеркнутъ ея

*) См. вышеупомянутаго Ромуальда Салернскаго. Во второй проповѣди, произнесенной Александромъ 1 августа, въ присутствіи императора, онъ сравнилъ Фридриха съ блудными сыномъ, а себя—съ прощающимъ отцомъ.

**) Гиббонъ опустилъ важное *ae* и написалъ «Romani» вмѣсто «Romaniae». Между тѣмъ титулъ, пріобрѣтенный Дандоло, въ хроникѣ его тезки, дожа Андрея Дандоло, читается такъ: «Quartae partis et dimidiae totius Imperii Romaniae Dominator». Это «Romaniae» сохраняется и въ позднѣйшихъ актахъ дожей. И дѣйствительно,—владѣнія Греческой имперіи на материкѣ Европы въ то время вообще были извѣстны подъ именемъ «Романіи»; на картахъ Турціи такъ называлась Ѳракія.

***) См. продолженіе хроники Дандоло. Гиббонъ, повидимому, не включилъ Дольфино, слѣдуя Сануто, который говоритъ: «Il qual titolo si usò fin al Doge Giovanni Delfino». См. Vite de' Duchi di Venezia, ap. Script. Rer. Ital., XXII. 530, 611.

зданія, разнесутъ ея добычу; новый козелъ будетъ блеять до тѣхъ поръ, пока они не измѣрятъ и не пробѣгутъ 54 фута и девять дюймовъ съ половиною» *). Дандоло умеръ 1 іюня 1205 г. Онъ царствовалъ тринадцать лѣтъ, шесть мѣсяцевъ и пять дней и былъ похороненъ въ храмѣ св. Софіи въ Константинополѣ. Довольно странно, что бунтовщикъ-аптекарь, захвативший мечъ дожей и уничтоживший старое правительство въ 1796—7 гг., также носилъ имя Дандоло.

VI.

Война въ Кіодзѣ.

По Доріи угроза не безсильной
Осталася—и на конях узда.
(Строфа XIII).

Послѣ пораженія при Полѣ и взятія Кіодзы, 16 августа 1379 г., соединенными войсками генуэзцевъ и Франческо да Каррара, синьора падуанскаго, венеціанцы пришли въ крайнее отчаяніе. Къ побѣдителямъ отправлено было посольство съ бѣлымъ листомъ бумаги, на которомъ ихъ просили написать какія угодно условія, лишь бы только сохранить независимость Венеціи. Правитель Падуи готовъ былъ согласиться на это предложеніе, но генуэзцы, кричавшіе послѣ побѣды при Полѣ: «Въ Венецію! въ Венецію! и да здравствуетъ св. Георгій!» рѣшили уничтожить своихъ соперниковъ; ихъ главнокомандующій, Пьетро Доріа, далъ посольству такой отвѣтъ: «Клянусь Богомъ, синьоры венеціанцы, вамъ не будетъ мира ни отъ правителя Падуи, ни отъ нашей генуэзской общины до тѣхъ поръ, пока мы не наложимъ узды на вашихъ необузданныхъ коней, что стоятъ подъ портикомъ вашего евангелиста св. Марка. А когда мы ихъ взнуздаемъ, тогда мы съумѣемъ держать васъ въ мирѣ. Таковы намѣренія наши и нашей общины. Что касается этихъ нашихъ братьевъ генуэзцевъ, которыхъ вы привели съ собою, чтобы отдать намъ, то я не хочу ихъ брать; отведите ихъ назадъ, потому что черезъ нѣсколько дней я самъ приду освободить ихъ изъ вашихъ тюремъ какъ ихъ, такъ и остальныхъ» *). И дѣйствительно, генуэзцы подвинулись впередъ до Маламокко, въ пяти миляхъ отъ столицы; но грозная опасность, вмѣстѣ съ высокомѣріемъ непріятелей, подняла мужество венеціанцевъ; они рѣшились сдѣлать чрезвычайныя усилія и принесли много пожертвованій, которыя всѣ тщательно отмѣчаются ихъ историками и Виттре Пизани поставленъ былъ во главѣ флотиліи изъ 34-хъ галеръ. Въ октябрѣ генуэзцы очистили Маламокко и отступили въ Кіодзу, но затѣмъ снова стали угрожать Венеціи, которая была доведена до послѣдней крайности. Въ это время, 1 января 1380 г., прибылъ Карло Дзено, который съ 14-ю галерами крейсировалъ у генуэзскихъ береговъ. Венеціанцы оказались теперь настолько сильными, что могли осадить генуэзцевъ. Доріа былъ убитъ 22 января каменнымъ ядромъ въ 195 фунтовъ вѣса, выброшеннымъ изъ мортиры, называвшейся тревизаною; Кіодза была тѣсно окружена; къ венеціанцамъ присоединился вспомогательный отрядъ въ пять тысячъ человѣкъ, среди которыхъ было нѣсколько англійскихъ кондотьеровъ, подъ начальствомъ нѣкоего капитана Чекко. Тогда генуэзцы, въ свою очередь, стали просить мира, но не получили его до тѣхъ поръ, пока не сдались на полную волю побѣдителей; 24 іюня 1380 дожъ Контарини торжественно вступилъ въ Кіодзу. Четыре тысячи плѣнниковъ, девятнадцать галеръ, множество мелкихъ судовъ и лодокъ, со всѣмъ вооруженіемъ и припасами, а также и всѣ издержки экспедиціи, были наградою побѣдителей, которые, если бы Доріа не далъ такого неумолимаго отвѣта, рады были бы, что имъ оставлена во владѣніи одна только Венеція. Подробное изложеніе этихъ событій находится въ сочиненіи «Война въ Кіодзѣ», авторъ котораго, Даніэле Киначцо, жилъ въ то время въ Венеціи **).

VII.

Венеція подъ властью австрійцевъ.

Безмолвіе палатъ
И узкихъ улицъ, видъ чужихъ постылый—
Напоминаетъ все враговъ захватъ.
(Строфа XV).

Населеніе Венеціи въ концѣ XVII-столѣтія доходило почти до двухъ сотъ тысячъ человѣкъ. Послѣдняя перепись, произведенная два года тому назадъ (1816), опредѣлила его въ сто три тысячи, и съ каждымъ днемъ оно все уменьшается. Торговля и оффиціальныя занятія, бывшія неистощимымъ источникомъ венеціанскаго процвѣтанія, теперь прекратились **). Большинство патриціанскихъ дворцовъ стоятъ пустыми и постепенно совсѣмъ исчезли бы, если бы правительство, встревоженное разрушеніемъ семидесяти двухъ изъ нихъ въ послѣдніе два года, не отняло у обѣднѣвшихъ людей этого печальнаго источника дохода. Многіе потомки венеціанской знати теперь разсѣялись и смѣшались съ болѣе богатыми евреями на берегахъ Бренты, дворцы которой уже пришли, или понемногу приходятъ, въ полный упадокъ. Отъ «венеціанскаго дворянина» не осталось ничего, кромѣ имени. Онъ—только тѣнь того, чѣмъ онъ былъ прежде, хотя все попрежнему вѣжливъ и любезенъ. Его постоянное пытье, конечно, извинительно. Каковы бы ни были недостатки республики, и что бы ни говорили иностранцы о томъ, что она воспріяла естественную

*) «Fiet potentium in aquis Adriaticis congregatio, caeco praeduce. Hircum ambigent, Byzantium profanabunt, aedificia denigrabunt, spolia dispergentur: Hircus novus balabit usque dum LIV pedes et IX pollices et semis praemensurati discurrant». *Chronicon*, ibid., XII, 329.

**) «Alla fè di Dio, Signori Veneziani, non haverete mai paci dal Signore di Padoua, nè dal nostro commune di Genova, se primieramente non mettemo le brigile a quelli vostri cavalli sfrenati, che sono su la reza del vostro Evangelista S. Marco. Imbrenati che gli havremo, vi faremo stare in buona pace. E questa è la intenzione nostra, e del nostro commune. Questi miei fratelli Genovesi che havete menati con voi per donarci, non li voglio; rimanetegli in dietro perche io intendo da qui a pochi giorni venirgli a riscuoter, dalle vostre prigioni, e loro e gli altri».

*) Cronaca della guerra di Chioza, etc. scritta da Daniello Chinazzo (Script. Rer. Ital, XV, 699—804.)

**) «Nonnullorum e nobilitate immensae sunt opes, adeo ut vix aestimari possint; id quod tribus e rebus oritur: parsimonia, commercio atque iis emolumentis, quae e Republica percipiunt, quae hanc ob causam diuturna fore creditur». См. De Principatibus Italiae Tractatus varii, 1628, p. p. 18, 19.

кончину по неизбѣжному закону смертности,— сами венеціанцы могутъ имѣть объ этомъ вопросѣ только одно мнѣніе. Никогда подданные республики не собирались съ такимъ единодушіемъ подъ знамя св. Марка, какъ въ тѣ дни, когда оно было развернуто въ послѣдній разъ; трусость и предательство тѣхъ немногихъ патриціевъ, которые совѣтовали роковой нейтралитетъ, были проявлены только этими немногими отдѣльными личностями. Нѣтъ основанія думать, что современное поколѣніе сожалѣетъ объ утратѣ своихъ аристократическихъ порядковъ и слишкомъ деспотическаго правительства; они думаютъ только объ исчезнувшей независимости. Они взываютъ, вспоминая о ней, хотя иногда относятся къ этой утратѣ съ веселымъ и добродушнымъ юморомъ. О Венеціи можно сказать словами Писанія, что она «умираетъ ежедневно»; столь общій и столь очевидный упадокъ производитъ тягостное впечатлѣніе на иностранца, который не можетъ примириться съ этимъ зрѣлищемъ цѣлой націи, издыхающей у него на глазахъ. Созданіе столь искусственное, лишившись той основной идеи, которая вызвала его къ жизни и поддерживала его существованіе, должно распасться сразу, и его паденіе должно совершиться гораздо быстрѣе его возвышенія. Ненависть ихъ къ порабощенію, побудившая нѣкогда венеціанцевъ искать себѣ убѣжища на морѣ, послѣ постигшаго ихъ бѣдствія вынуждаетъ ихъ вернуться на материкъ, гдѣ они, по крайней мѣрѣ, могутъ оставаться незамѣченными среди цѣлой толпы порабощенныхъ и не представлять унизительнаго зрѣлища націи, обремененной цѣпями. Ихъ живость, привѣтливость и то счастливое равнодушіе, которое дается только отъ природы (такъ какъ философія напрасно старается его внушать), не уменьшились подъ вліяніемъ обстоятельствъ; но многія особенности жизни и нравовъ постепенно утратились, а венеціанская знать, съ тою гордостью, которая свойственна всѣмъ итальянцамъ, бывшимъ господами, не согласилась выставлять на показъ свою незначительность. Она не желаетъ рабскимъ нарядомъ унижать тотъ блескъ, который былъ доказательствомъ и составною частью ея могущества. Дворяне оставляютъ мѣсто, которое они занимали среди своихъ согражданъ; сохраненіе за ними этого мѣста было бы доказательствомъ примиренія и оскорбленіемъ для тѣхъ, кто пострадалъ въ общемъ бѣдствіи. О тѣхъ, кто остался въ униженной столицѣ, можно сказать, что они не столько живутъ, сколько бродятъ, какъ привидѣнія, въ мѣстахъ своей былой славы. Размышленіе о томъ, «кто и что порабощаетъ», едва ли вызоветъ замѣчанія со стороны тѣхъ, кто, въ силу своей національности, является другомъ и союзникомъ завоевателя; позволительно, однако же, сказать хотя бы одно,—что для людей, желающихъ возстановить свою независимость, всякіе владыки должны быть предметомъ ненависти; и смѣло можно предсказать, что эта невыгодная ненависть не исчезнетъ до тѣхъ поръ, пока Венеція не потонетъ въ тинѣ своихъ засоренныхъ каналовъ.

VIII.

Лаура.

И лавръ слезами пѣсень обливал,
Достигъ онъ тѣхъ вершинъ, гдѣ слава вѣковал.
(*Строфа XXX*).

Благодаря критическому остроумію одного шотландца, мы теперь знаемъ о Лаурѣ такъ же мало, какъ прежде [1]). Открытія аббата де-Сада его торжество и пасмѣшки уже не могутъ болѣе служить предметомъ поученія или забавы. Однако, мы не должны думать, что эти «мемуары» [2]) — такой же романъ, какъ «Велизарій» или «Инки», хотя такое мнѣніе и высказано д-ромъ Битти,—человѣкомъ съ громкимъ именемъ, но съ малымъ авторитетомъ [3]). Его «трудъ» былъ не напрасенъ, хотя его «любовь» [4]), подобно большинству страстей, сдѣлала его смѣшнымъ. Гипотеза, одолѣвшая итальянскихъ спорщиковъ и увлекшая менѣе заинтересованныхъ критиковъ, теперь уже утратила значеніе. Вотъ лишнее доказательство того, что никогда нельзя быть увѣреннымъ, что парадоксъ самый своеобразный и потому кажущійся самымъ пріятнымъ и вѣрнымъ, не уступитъ мѣста вновь установившемуся старому предразсудку.

Итакъ, во-первыхъ, оказывается, что Лаура, повидимому, родилась, жила, умерла и похоронена не въ Авиньонѣ, а въ окрестностяхъ его. Ручьи Сорги, кустарники Кабріера могутъ опять выступить на сцену съ своими прежними претензіями, и даже отвергнутый de la Bastie можетъ быть выслушанъ снисходительно. Гипотеза аббата не имѣла болѣе твердой опоры, кромѣ написаннаго на пергаментѣ сонета и медали, найденныхъ на скелетѣ вдовы Гуго де-Сада, и рукописной замѣтки на принадлежавшемъ Петраркѣ экземплярѣ Виргилія, находящемся теперь въ Амброзіанской библіотекѣ. Если бы эти доказательства были неопровержимы, то стихи должны были быть написаны и медаль сочинена, изготовлена и положена вмѣстѣ съ тѣломъ впродолженіе всего 12-ти часовъ, причемъ всѣ эти дѣйствія совершены надъ трупомъ женщины, умершей отъ чумы и торопливо похороненной въ самый день смерти. Такіе документы, дѣйствительно, имѣютъ слишкомъ рѣзкое значеніе: ими доказывается не фактъ, а поддѣлка. Поддѣлками должны быть признаны и сонетъ, и примѣчаніе къ Виргилію. Аббатъ цитируетъ оба эти источника, какъ неопровержимые; отсюда неизбѣжно слѣдуетъ, что оба они очевидно подложны [5]).

Во-вторыхъ, Лаура никогда не была замужемъ; не «нѣжная и благоразумная» супруга, а высокомѣрная дѣва прославила Авиньонъ, сдѣлавъ этотъ городъ мѣстомъ честной французской страсти, и впродолженіе двадцати одного года разыгрывала здѣсь свои «маленькія хитрости»

---

[1]) См. An Historical and Critical Essay on the Life and Character of Petrarch и A Dissertation on an Historical Hypothesis of the Abbé de Sade. 1810. (Итальянскій переводъ, подъ заглавіемъ: Riflessioni intorno a Madonna Laura, изд. 1811)

[2]) Mémoires pour la vie de François Pétrarque, Amsterdam, 1764, 3 тома in 4°.

[3]) Письмо къ герцогинѣ Гордонъ, 17 авг. 1782. Life of Beattie, by Sir W. Forbes, II, 102—106.

[4]) Гиббонъ назвалъ его мемуары «трудомъ любви» и слѣдовалъ ему съ удовольствіемъ и довѣріемъ. Составитель обширнаго сочиненія долженъ очень осторожно относиться къ источникамъ; Гиббонъ такъ и поступалъ, но не всегда такъ строго, какъ другіе писатели.

[5]) Этотъ сонетъ уже и прежде возбудилъ подозрѣніе г. Ораса Вальполя. См. его письмо къ д-ру Джозефу Уортону отъ 16 марта 1765 г.

поочередной благосклонности и холодности съ первымъ поэтомъ своего вѣка *). Далѣе, слишкомъ неудобно было дѣлать женщину отвѣтственною за одиннадцать человѣкъ дѣтей на основаніи одного только плохо истолкованнаго сокращенія и рѣшенія библіотекаря **). Какъ бы то ни было, мы имѣемъ полное основаніе думать, что любовь Петрарки не была платоническою. То счастье, которымъ онъ молилъ наградить его хотя бы одинъ только разъ и на одну минуту, конечно, было не воображаемое ***), а столь же реальное, какъ и его намѣреніе жениться на той, кого напрасно называютъ символической нимфой,—намѣреніе, слѣды котораго можно указать, по крайней мѣрѣ, въ шести мѣстахъ его сонетовъ. Любовь Петрарки не была ни платонической, ни поэтической, и если въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій онъ называетъ ее amore vementissimo ma unico ed onesto, то въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей онъ сознается въ томъ, что онъ былъ виновенъ и развращенъ, что эта любовь совершенно поглотила его и овладѣла его сердцемъ.

Впрочемъ, въ этомъ случаѣ онъ, можетъ быть, былъ встревоженъ преступностью своихъ желаній, такъ какъ самъ аббатъ Де-Садъ, который, наивѣрное, не проявилъ бы особенно строгой деликатности, если бы имѣлъ возможность доказать свое происхожденіе отъ Петрарки и Лауры, однако, считаетъ себя вынужденнымъ упорно защищать добродѣтель своей прабабушки. Что касается поэта, то мы не имѣемъ доказательствъ его невинности,—за исключеніемъ, можетъ быть, только постоянства его ухаживаній. Въ своемъ посланіи къ потомству онъ увѣряетъ насъ, что когда онъ достигъ сорокового года жизни, то онъ не только сталъ приходить въ ужасъ отъ всякой «неправильности», но даже утратилъ всякое воспоминаніе о ней. Между тѣмъ, рожденіе его незаконной дочери можетъ быть отнесено не ранѣе какъ къ тридцать девятому году его жизни; стало быть, или память, или нравственность поэта измѣнили ему, если онъ забылъ объ этой, *ошибкѣ* или оказался въ ней виновнымъ *). Слабѣйшимъ доказательствомъ чистоты этой любви было указаніе на ея постоянство, пережившее даже самый предметъ страсти. Разсужденіе г. де-ла-Басти о томъ, что одна только добродѣтель можетъ произвести впечатлѣніе, неизгладимое даже смертью,—одно изъ тѣхъ разсужденій, которыя всѣ хвалятъ, но которымъ никто не вѣритъ, если только начнетъ анализировать собственныя чувства или вспоминать о чувствахъ другихъ людей **). Подобныя заявленія ничего не могутъ объяснить ни въ отношеніи Петрарки, ни въ отношеніи морали, и годятся развѣ только для очень слабыхъ или очень молодыхъ читателей; а человѣкъ, хоть немного подвинувшійся впередъ отъ невѣдѣнія и дѣтства, можетъ находить для себя поученіе въ одной только истинѣ. То, что принято называть «спасеніемъ чести» отдѣльнаго лица или цѣлаго народа, представляетъ самое безплодное, скучное и лишенное поучительности сочинительство, хотя оно всегда находитъ себѣ больше похвалъ, чѣмъ та трезвая критика, которая приписывается злобному желанію низвести великаго человѣка до общаго уровня обыкновенныхъ людей. Впрочемъ, нашъ историкъ, можетъ быть, поступилъ и правильно, сохранивъ свою любимую гипотетическую оговорку, которая обезпечиваетъ автора, хотя едва ли спасаетъ честь все еще неизвѣстной возлюбленной Петрарки ***).

XI.

Петрарка.

Есть въ Аркуѣ старинная гробница.
(Строфа XXX).

Петрарка удалился въ Аркву тотчасъ же по возвращеніи своемъ изъ неудачной поѣздки въ Римъ для посѣщенія Урбана V, въ 1370 г., и за исключеніемъ своей знаменитой поѣздки въ Венецію вмѣстѣ съ Франческо Новелло Каррарскимъ, повидимому, провелъ послѣдніе четыре года своей жизни въ этомъ очаровательномъ уединенномъ мѣстечкѣ или въ Падуѣ. За четыре мѣсяца до смерти онъ уже находился въ состояніи крайней слабости, и утромъ 19 іюля 1374 г. былъ найденъ мертвымъ въ своей библіотекѣ, въ креслѣ, съ головой, склонившейся на книгу. Это кресло еще и теперь показывается среди драгоцѣнныхъ реликвій въ Аркѣ, — реликвій, которыя, при непрерывномъ поклоненіи всему, что имѣло какое-либо отношеніе къ великому поэту со дня его смерти и до настоящей минуты, можно считать гораздо болѣе подлинными, нежели шекспировскія вещи въ Стратфордѣ на Авонѣ.

Арквà (удареніе падаетъ на послѣдній слогъ,

---

*) «Par ce petit manége, cette alternative de faveurs et de rigueurs bien ménagée, une femme tendre et sage amuse pendant vingt et un ans le plus grand poète de son siècle, sans faire la moindre brêche à son honneur». *Mémoires pour la vie de Pétrarque*, Préface aux Français, I, p. CXIII.

**) Въ діалогѣ съ св. Августиномъ Петрарка сказалъ о Лаурѣ, что ея тѣло изрурено постоянными ptubs. Прежніе издатели читали и печатали: perturbationibus; но г. Капронье, библіотекарь французскаго короля въ 1762 г., увидѣвъ рукопись въ парижской библіотекѣ, сталъ увѣрять, что «on lit et qu'on doit lire *partubus exhaustum*». Де-Садъ къ имени г. Капронье присоединилъ имена гг. Будо и Вежо и во всѣхъ разсужденіяхъ объ этомъ ptubs занялъ себя настоящимъ литературнымъ плутомъ. Для разрѣшенія вопроса о томъ, была ли возлюбленная Петрарки цѣломудренной дѣвицей или воздержной супругой, онъ обращается къ Ѳомѣ Аквинскому.

***) «Pigmalion, quanto lodar ti dei
Dell' immagine tua, se mille volte
N'avesti quel, ch'i'sol una vorrei!»
(Sonetto 50, *Quando ainnse a Simon l'alto concetto*).

*) «A questa confessione così sincera diede forse occasione una nuova caduta, ch'ei fece» *Tiraboschi*, Storia della letteratura italiana, l. III (1783), v. 460.

**) «Il n'y a que la vertu seule qui soit capable de faire des impressions que la mort n'efface pas.» — M. de Bimard, baron de la Bastie, въ Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres 1740. См. также Riflessioni и пр., p. XCVI.

***) «И если добродѣтель или благоразуміе Лауры были непреклонны, то онъ все-таки обладалъ, и могъ гордиться, что обладаетъ нимфой поэзіи». *Гиббонъ*, Decline and Fall, 1818, гл., LXX. стр. 321, т. XII. Можетъ быть, *если* здѣсь поставлено вмѣсто *хотя*.

хотя въ стихѣ, по аналогіи съ англійскимъ языкомъ, это и не соблюдено *), лежитъ въ двѣнадцати миляхъ отъ Падуи и около трехъ миль вправо отъ большой дороги въ Ровиго, посреди Эвганейскихъ холмовъ. Пройдя минутъ двадцать по плоской, поросшей деревьями лужайкѣ, вы приходите къ небольшому голубому озеру, свѣтлому, но бездонному, у подошвы цѣлаго ряда возвышенностей и холмовъ, покрытыхъ виноградниками и кустами, пихтами, гранатовыми и разными другими южными плодовыми деревьями. Отъ береговъ озера дорога идетъ, извиваясь, по холмамъ, и вскорѣ показывается, въ просвѣтѣ между двумя склонившимися одна къ другой вершинами горъ, почти со всѣхъ сторонъ окружающихъ деревню, церковь Арквы. Дома деревни разбросаны по бокамъ этихъ обрывистыхъ горъ; домъ поэта находится на вершинѣ небольшого холмика, съ котораго спускаются двѣ тропинки и открывается видъ не только на цвѣтущіе сады въ лежащихъ тутъ же, у подножія, долинахъ, но и на широкое поле, на которомъ видны низкія заросли шелковицы и ивы, опутанныя гирляндами виноградныхъ листьевъ, одинокіе высокіе кипарисы, а вдали—шпицы городскихъ церквей и башенъ; это поле простирается до устьевъ По и до самыхъ береговъ Адріатическаго моря. Климатъ этихъ вулканическихъ холмовъ теплѣе, и сборъ винограда начинается здѣсь на недѣлю раньше, чѣмъ въ падуанскихъ равнинахъ. Петрарка положенъ (такъ какъ о немъ нельзя сказать, что онъ былъ похороненъ) въ саркофагѣ изъ краснаго мрамора, поставленномъ на четырехъ столбахъ на высокомъ фундаментѣ и выдѣляющемся среди остальныхъ, болѣе низкихъ могилъ. Этотъ саркофагъ стоитъ одиноко, но вскорѣ будетъ почти скрытъ отъ глазъ четырьмя лаврами, посаженными въ позднѣйшее время. Фонтанъ Петрарки (здѣсь все носитъ имя Петрарки) вытекаетъ и разливается изъ-подъ искусственнаго свода, нѣсколько ниже церкви, и въ самое сухое время года изобилуетъ той мягкой водой, какою еще въ древности славились Эвганейскіе холмы. Онъ былъ бы еще болѣе привлекателенъ, если бы въ иные дни около него не было множества шершней и осъ. Ни въ чемъ другомъ никакого сходства между могилами Петрарки и Архилога. Въ теченіе вѣковъ всяческіе перевороты шли мимо этихъ уединенныхъ долинъ, и единственное оскорбленіе, нанесенное праху Петрарки, имѣло причиною не ненависть, а чрезмѣрное уваженіе къ нему. Именно—сдѣлана была попытка похитить прахъ изъ саркофага: какая-то флорентинская дама унесла одну руку черезъ трещину, которая видна и до сихъ поръ. Эта обида не была забыта, но послужила поводомъ къ отождествленію поэта съ той страной, въ которой онъ родился, но не хотѣлъ жить. Когда одного крестьянскаго мальчика изъ Арквы спросили, кто такой былъ Петрарка, онъ отвѣчалъ, что «у нихъ въ приходѣ о немъ знаютъ все, а онъ знаетъ только, что Петрарка былъ флорентинецъ».

Г. Форсайтъ **) не вполнѣ точно говоритъ, что Петрарка, покинувъ Тоскану еще мальчикомъ, уже никогда туда не возвращался. Понимому, онъ проѣзжалъ черезъ Флоренцію на пути изъ Пармы въ Римъ и обратно, въ 1350 г., и оставался тамъ довольно долго, такъ что успѣлъ познакомиться съ нѣкоторыми изъ выдающихся жителей города. Одинъ флорентинскій джентльменъ, стыдясь этой пелюбви поэта къ родному городу, поспѣшилъ указать на эту ошибку въ сочиненіи нашего прекраснаго путешественника, котораго зналъ лично и уважалъ за его необыкновенныя способности, обширную эрудицію и изысканный вкусъ въ соединеніи съ тою привлекательною простотою обхожденія, которая такъ часто признавалась вѣрнѣйшимъ, хотя, разумѣется, не необходимымъ, признакомъ высшаго ума.

Всѣ слѣды любовника Лауры заботливо помнятся и сохраняются. Въ Венеціи показываютъ домъ, въ которомъ онъ жилъ. Жители Ареццо, желая окончательно прекратить старинный споръ между ихъ городомъ и сосѣдней Анчизой, куда Петрарка былъ привезенъ семи мѣсяцевъ отъ роду и гдѣ онъ оставался до семилѣтняго возраста, отмѣтили длинною надписью мѣсто рожденія своего великаго земляка. Памятная доска въ честь его поставлена въ Пармѣ, въ часовнѣ св. Агаты, у каѳедральнаго собора, потому что онъ былъ архидіакономъ мѣстной конгрегаціи и долженъ былъ быть похороненъ въ этой церкви, если бы его не похитила смерть *на чужбинѣ*. Другая доска, съ бюстомъ, поставлена въ честь его въ Павіи, потому что онъ провелъ осень 1368 г. въ этомъ городѣ, вмѣстѣ съ своимъ зятемъ Броссано. Политическія условія, въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ лишавшія итальянцевъ возможности критически относиться къ живымъ дѣятелямъ, обратили ихъ вниманіе на прославленіе мертвыхъ.

D. O. M.
Francisco Petrarchae
Parmensi Archidiacono.
Parentibus praeclaris genere perantiquo
Ethices Christianae scriptori eximio
Romanae linguae restitutori
Etruscae principi
Africae ob carmen hac in urbe peractum regibus accito
S. P. Q. R. laurea donato.
Tanti Viri
Juvenilium juvenis senilium senex
Studiosissimus
Comes Nicolaus Canonicus Cicognarus
Marmorea proxima ara excitata.
Ibique condito
Divae Januariae cruento corpore
H. M P.
Suffectum
Sed infra meritum Francisci sepulchro
Summa hac in aede efferri mandantis
Si Parmae occumberet
Extera morte heu nobis erepti.

X.

Tasso.

Сіяньемъ вѣчной славы осьненъ,
Что Бруски съ Буало глаза сльпило.
(*Строфа XXXVIII*).

(«Бруски»—опечатка вм. *Круски*,—извѣстная флорентинская accademia della Crusca).

Стихи, въ которыхъ Буало упрекаетъ Тассо, могутъ, какъ и всякіе другіе, служить образ-

*) Русскій переводчикъ воспроизвелъ эту ошибку Байрона: «Арква», конечно, склоняется какъ «Москва».

**) Remarks on Antiquities, in Italy, by Joseph *Forsyth*, p. 107, прим.

цомъ, оправдывающимъ мнѣніе о гармоніи французскаго стиха:

A Malherbe, à Racan, préfère Théophile,
Et le cinquant du Tasse à tout l'or de Virgile.
Sat. IX, 176.

Біографъ Серасси [1]), изъ нѣжности къ репутаціи итальянскаго и французскаго поэтовъ, спѣшитъ замѣтить, что сатирикъ впослѣдствіи отрекся отъ этого мнѣнія и провозгласилъ Тассо «геніемъ возвышеннымъ, обширнымъ и счастливо рожденнымъ для высочайшаго поэтическаго парѣнія». Къ этому мы должны прибавить, что отреченіе было далеко не полное, если разсмотрѣть весь разсказъ объ этомъ, передаваемый Оливэ [2]). Приговоръ, произнесенный о немъ Бугуромъ [3]), приведетъ только въ смущеніе критика, «палинодію» котораго итальянецъ не дастъ себѣ труда разобрать и, по всей вѣроятности, съ нею не согласится. Что касается оппозиціи, встрѣченной «Іерусалимомъ» со стороны академіи Crusca, которая устранила Тассо отъ всякаго сравненія съ Аріосто и поставила его ниже Боярдо и Пульчи, то такая немилость должна быть до извѣстной степени поставлена въ вину Альфонсу и феррарскому двору, такъ какъ Леонардо Сальвіати, бывшій зачинщикомъ и почти единственнымъ виновникомъ этого нападенія, дѣйствовалъ, безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ надежды пріобрѣсти благосклонность дома Эсте—и разсчитывалъ достигнуть этой цѣли, прославляя своего земляка-поэта на счетъ его соперника, бывшаго въ то время «государственнымъ преступникомъ» [4]). Надежды и старанія Сальвіати обнаруживаютъ мнѣніе современниковъ о причинѣ заключенія поэта и переполняютъ мѣру нашего негодованія на деспота, бывшаго его тюремщикомъ [5]). Противникъ Тассо могъ быть доволенъ тѣмъ пріемомъ, какой былъ оказанъ его критикѣ; онъ былъ призванъ къ феррарскому двору, и тамъ, стараясь еще увеличить свои права на благосклонность панегиристами семьѣ своего государя [6]), былъ потомъ, въ свою очередь, покинутъ и умеръ въ пренебреженіи и бѣдности. Оппозиція членовъ «Крускн» прекратилась черезъ шесть лѣтъ послѣ начала спора, и если академія пріобрѣла первую свою извѣстность, выступивъ съ этимъ парадоксальнымъ мнѣніемъ почти вслѣдъ за своимъ открытіемъ [1]) то, съ другой стороны, представляется вѣроятнымъ, что заботы о поддержаніи своей славы скорѣе сблегчали, чѣмъ удручали поэта въ его заточеніи. Защита своего отца и самого себя (такъ какъ Сальвіати нападалъ на нихъ обоихъ) заняла много часовъ въ его невольномъ уединеніи, и узникъ не встрѣтилъ большихъ трудностей въ отвѣтахъ на приписанныя ему вины, въ числѣ которыхъ, между прочимъ, указывалось и на то, что онъ, сравнивая Францію съ Италіей, памѣренно ничего не сказалъ о куполѣ Санта-Маріи дель-Фіоре во Флоренціи [2]). Позднѣйшій біографъ Аріосто, какъ будто желая возобновить старый споръ, усомнился въ истолкованіи мнѣнія Тассо о самомъ себѣ, [3]) приведеннаго въ біографіи Серасси. Но Тирабоски еще ранѣе устранилъ это соперничество, [4]) показавъ, что между Аріосто и Тассо рѣчь идетъ не о сравненіи, а о превосходствѣ.

XI.

Аріосто.

У Аріосто статуи съ чела
Однажды сорванъ былъ грозой суровой
Поддѣльный лавръ.
(*Строфа XLI*).

Прежде, чѣмъ остатки Аріосто были перенесены изъ бенедиктинской церкви въ феррарскую библіотеку, въ его бюстъ, находившійся на могилѣ, ударила молнія и сбросила съ его головы сдѣланный изъ желѣза лавровый вѣнокъ. Объ этомъ событіи вспоминаетъ одинъ писатель прошлаго столѣтія [5]). Перенесеніе этого священнаго праха, 6 іюня 1801 года, было однимъ изъ самыхъ блестящихъ зрѣлищъ въ короткой жизни Итальянской Республики; для того, чтобы освятить воспоминаніе объ этой церемоніи, нѣкогда знаменитые «Intrepidi» были вновь призваны къ жизни и преобразованы въ Аріостовскую академію. Обширная площадь, по которой проходила процессія, въ то время впервые получила названіе площади Аріосто. Автора *Орланда* ревниво провозглашаютъ Гомеромъ,—но не итальянскимъ, а только феррарскимъ [6]). Мать Аріосто была родомъ изъ Реджіо, а домъ,

[1]) La Vita di Tasso, Bergamo, 1790.

[2]) Hist. de l' Académie Francaise depuis 1652 jusqu'à 1700, par. M. l'abbé (Thoulier) d'Olivet, Amsterdam 1730. «Mais ensuite, venant à l'usage qu'il a fait de ses talens, j'aurois montré que le bon sens n'est pas toujours ce qui domine chez lui». (p. 181). Буало говоритъ, что онъ не измѣнитъ своего мнѣнія. J'en ai si peu changé, dit-il», и пр. (p. 181).

[3]) La Manière de bien penser dans les ouvrages de l'ésprit, 1692. Филаптъ защищаетъ Тассо и говоритъ: «De tous les beaux ésprits que l'Italie a porté, le Tasse est peut estre celuy qui pense le plus noblement». Но Бугуръ, повидимому, говоритъ устами другого лица, Эдокса, заключающаго свою рѣчь пелѣнымъ сравненіемъ: «Faites va'oir le Tasse tant qu'il vous plaira, je m'en tiens pour moy a Virgile».

[4]) La Vita, etc., lib. III, p. 90, tom. II.

[5]) Дальнѣйшія и, надо надѣяться, окончательныя доказательства того, что Тассо былъ именно «государственный преступникъ», находятся въ «Историческихъ объясненіяхъ къ IV пѣснѣ Чайльдъ-Гарольда», стр. 5 и слѣд.

[6]) Orazioni funebri... delle lodi di Don Luigi Cardinal d'Este... delle lodi di Donno Alfonso d'Este. См. La Vita, lib. III, p. 117.

[1]) Она была основана въ 1582 г., а ея отвѣтъ на разсужденіе Пеллегрино объ эпической поэзіи напечатанъ въ 1584 г.

[2]) Cotanto, potè sempre in lui il veleno della sua pessima vollontà contro alla nazion fiorentina».

[3]) La Vita di Messer Lodovico Ariosto, soritta dall' abate Girolamo Baruffaldi giuniose, etc., Ferrara 1807.

[4]) Storia della Lett., Roma 1785, t. VII, p. 130.

[5]) Op. di Bianconi, vol. III, p. 176, ed. Milano 1802: Lettera sull'indole di un fulmine caduto in Dresda, l'anno 1759.

[6]) «Appasionato ammiratore ed invitto apologista dell' *Omero Ferrarese*». Этотъ титулъ далъ ему сначала Тассо.

въ которомъ онъ родился, отличенъ доскою съ надписью: Qui nacque Lodovico Ariosto il giorno 8 di Settembre dell' anno 1474». Но феррарцы недовольны тѣмъ, что ихъ поэтъ случайно родился не въ ихъ городѣ, и требуютъ, чтобы онъ принадлежалъ исключительно имъ. Они обладаютъ его костями, показываютъ его кресло, его чернильницу, его автографы.

«. . . . . Hic illius arma,
Hic currus fuit . . . . . »

Домъ, гдѣ онъ жилъ, и комната, въ которой онъ умеръ, обозначены его собственною надписью [1]), а также—надписью болѣе поздняго происхожденія. Феррарцы стали еще болѣе ревниво относиться къ своимъ притязаніямъ со времени раздраженныхъ нападокъ Денины (с причинѣ которыхъ ихъ защитники таинственно намекаютъ, что она имъ небезызвѣстна), пытавшагося унизить ихъ почву и климатъ до беотійской неспособности къ какимъ бы то ни было духовнымъ произведеніямъ. Цѣлая книга in 4-to была вызвана этимъ порицаніемъ,—и это добавленіе къ «Запискамъ» Баротти о знаменитыхъ феррарцахъ признается торжествующимъ возраженіемъ на «Quadro Storico Statistico dell' Alta Italia».

XII.

Древнія суевѣрія относительно молніи.

Вѣнокъ лавровый,
Что слава вьетъ, не поразитъ стрѣла.
(*Строфа XLI*).

Орелъ, тюленья шкура, лавръ и лоза бѣлаго винограда [2]) считались вѣрнѣйшими предохранительными средствами противъ молніи: Юпитеръ избралъ перваго, Августъ Цезарь—вторую, а Тиберій надѣвалъ цѣлыя гирлянды изъ лавровъ, когда небо грозило грозой [3]). Эти суевѣрія не должны вызывать улыбки въ странѣ, гдѣ еще до сихъ поръ не совсѣмъ утратилась вѣра въ магическія свойства орѣховой вѣтки, и читатель, вѣроятно, не особенно удивится тому, что одинъ изъ комментаторовъ Светонія серьезно доказываетъ, что вѣнки Тиберія не имѣли предохранительныхъ свойствъ, такъ какъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ одно лавровое дерево въ Римѣ было разбито молніей [4]).

XIII.

Молній свѣтлыя
И очищаетъ все она, что тлѣнно.
(*Строфа XLI*).

Курціево озеро и Румпнальская смоковница на форумѣ, которыхъ коснулась молнія, считались священными, и въ память этого событія поставленъ былъ «патеалъ» или жертвенникъ, напоминающій срубъ колодца, съ небольшимъ сводомъ, прикрывавшимъ впадину, которая, какъ полагали, образовалась отъ громового удара. Тѣла, поврежденныя молніей, и люди, ею убитые, считались нетлѣнными [1]), а ударъ, не имѣвшій роковыхъ послѣдствій, давалъ право на общее уваженіе человѣку, котораго такимъ образомъ отличило само небо. [2])

Убитые молніей обвертывались въ бѣлое полотно и сжигались на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они были поражены. Это суевѣріе раздѣлялось не одними только поклонниками Юпитера: ломбардцы вѣрили въ предсказанія, получаемыя отъ молніи, а одинъ христіанскій священникъ признается, что какой-то пророкъ, обладавшій дьявольскимъ искусствомъ истолкованія громовыхъ ударовъ, предсказалъ турпискому дукѣ Агилульфу одно событіе, которое должно было произойти, и доставилъ ему королеву и корону [3]). Впрочемъ, въ этомъ небесномъ знаменіи было и нѣчто двусмысленное, такъ что древніе римляне не всегда считали его благопріятнымъ; а такъ какъ страхъ обыкновенно дѣйствуетъ сильнѣе утѣшеній суевѣрія, то и не удивительно, что римляне временъ Льва X были до такой степени напуганы нѣсколькими неудачно истолкованными грозами, что для нихъ потребовались особыя увѣщанія одного ученаго, который пустился въ ходъ всѣ свои познанія о громѣ и молніи, чтобы доказать, что эти знаменія благопріятны, начиная съ удара молніи въ стѣны Велитры и кончая ударомъ въ ворота Флоренціи; одному изъ гражданъ этого города онъ предсказалъ папскій престолъ. [4])

XIV.

Венера Медицейская.

Изъ мрамора богини изваянье
Тамъ дышитъ красотой, полно любви.
(*Строфа XLIX*).

Видъ Венеры Медицейской сейчасъ же вызываетъ въ памяти стихи изъ «Временъ года» [5]); сравненіе подлинника съ описаніемъ не только доказываетъ вѣрность изображенія, но обнаруживаетъ особый складъ мысли и, если можно такъ выразиться, физическаго воображенія поэта. Такое же заключеніе можно вывести и изъ другого намека въ томъ же самомъ эпизодѣ «Музидоры»; должно быть, понятія Томсона о преимуществахъ благосклонной любви были или очень первобытны, или недостаточно деликатны, такъ какъ онъ заставляетъ свою благодарную нимфу обѣщать скромному Дамону, что когда-нибудь, въ болѣе удачную минуту, онъ можетъ выкупаться вмѣстѣ съ нею:

Настанетъ день—и ты не убѣжишь.

Читатель припомнитъ анекдотъ, разсказанный въ біографіи д ра Джонсона. Намъ не хочется разставаться съ флорентинской галлереей, не сказавъ нѣсколько словъ о *Точильщикѣ*. Странно,

[1]) Parva sed apta mihi, sed nulli obnoxia, sed non.
Sordido, parta meo sed tamen aere domus.
[2]) Plin. Hist. nat. II, 55.
[3]) Columella, De Re Rustica, X, 532. Sueton., Vit. August. XC и Vit. Tiberii. cap. LXIX.
[4]) Not. 2 p. 409, edit. Lugd. Bat. 1657.

[1]) I. Boulenger, De terrae motu et fulminibus, 1696.
[2]) Artemidori Oneirocritica, Paris 1603, p. 91.
[3]) Pauli Warnefridi Diaconi De Gestis Langobardorum, III cap. XXXI.
[4]) I. P. Valeriani De fulminum significationibus declamatio, apud I. G. Graaev.. Thesaur. Antiq. Rom., 1696, v. 604. «Декламація» обращена къ Юліану Медичи.
[5]) Поэма Томсона.

что характеръ этой спорной статуи до сихъ поръ еще остается неопредѣленнымъ,—по крайней мѣрѣ это представляется страннымъ въ отношеніи тѣхъ, кто видѣлъ саркофагъ при входѣ въ базилику св. Павла «за стѣнами» въ Римѣ, на которомъ уцѣлѣла въ довольно сохранномъ видѣ цѣлая группа, взятая изъ миѳа о Марсіасѣ, и скиѳскій рабъ, который точитъ ножъ, изображенъ совершенно въ той же позѣ, какъ и упомянутая знаменитая статуя. Рабъ не обнаженъ; но легче преодолѣть это затрудненіе, чѣмъ допустить, что ножъ въ рукѣ флорентинской статуи есть бритва и что, какъ предполагаетъ Лапци, передъ нами—не кто иной, какъ брадобрей Юлія Цеваря. Винкельманъ, объяснял барельефъ на тотъ же самый сюжетъ, слѣдуетъ мнѣнію Леопарда Агостини, авторитетъ котораго долженъ былъ бы имѣть рѣшающее значеніе даже и въ томъ случаѣ, если бы указанное сходство не поражало самаго внимательнаго наблюдателя *). Въ числѣ бронзъ той же самой княжеской коллекціи до сихъ поръ находится таблица съ надписью, скопированной и объясненной Гиббономъ **). Нашему историку представлялись нѣкоторыя затрудненія, но онъ не отступился отъ свое о объясненія. Ему было бы очень досадно, если бы онъ теперь узналъ, что предметомъ его критическихъ изслѣдованій была надпись, въ настоящее время уже всѣми признанная подложною.

XV.

Г-жа Сталь.

Въ обители священной Санта-Кроче
Есть прахъ...

(*Строфа LIV*).

Это имя напоминаетъ не только о тѣхъ, чьи могилы сдѣлали Санта-Кроче центромъ паломничества,—итальянской Меккой, но также и о той, чье краснорѣчіе наливалось на славный прахъ и чей голосъ теперь такъ же нѣмъ, какъ и голоса тѣхъ, кого она воспѣла. *Коринны* уже не существуетъ, и вмѣстѣ съ нею должны были бы исчезнуть страхъ, лесть и зависть, которые окружаютъ путь генія облакомъ то слишкомъ яркимъ, то слишкомъ мрачнымъ, мѣшая вѣрному взгляду безкорыстной критики. Передъ нами—ея изображенія, то прикрашенныя, то обезображенныя, смотря по тому, чертила ли ихъ рука друга или врага: безпристрастнаго ея портрета, мы едва ли можемъ ожидать отъ современниковъ. Голосъ людей, только что ее пережившихъ, не будетъ, по всей вѣроятности, способствовать правильной оцѣнкѣ ея своеобразнаго дарованія. Любезность, любовь къ чудесному и надежда пріобщиться къ ея славѣ, притуплявшія остроту критики, теперь уже не должны имѣть мѣста. Мертвецъ не имѣетъ пола; онъ не можетъ удивить никакимъ новымъ чудомъ; не можетъ доставить никакого преимущества. Корпина перестала быть женщиной,—теперь она только писательница, и можно предвидѣть, что многіе захотятъ вознаградить себя за прежнюю любезность тою строгостью, которая, благодаря преувеличенности прежнихъ похвалъ, можетъ пріобрѣсти оттѣнокъ правдивости. Позднѣйшее потомство (такъ какъ она, навѣрное, дойдетъ до самаго поздняго потомства) выскажетъ окончательный приговоръ надъ разнообразными ея произведеніями, и чѣмъ дальше будетъ разстояніе, съ котораго станутъ ихъ разсматривать, тѣмъ внимательнѣе будетъ это разсмотрѣніе и тѣмъ больше увѣренности въ справедливости окончательнаго приговора. Она вступитъ въ ту сферу, въ которой великіе писатели всѣхъ временъ и народовъ составляютъ, такъ сказать, какъ бы свой собственный, особый міръ, откуда они направляютъ и утѣшаютъ человѣчество своимъ вѣчнымъ вліяніемъ. Но по мѣрѣ того, какъ передъ нами будетъ яснѣе и яснѣе раскрываться писатель, личность его станетъ постепенно исчезать изъ нашихъ глазъ, а потому, хотя бы нѣкоторые изъ всѣхъ тѣхъ, кого привлекалъ дружескій кругъ посѣтителей Коппе непринужденнымъ остроуміемъ и радушнымъ гостепріимствомъ его хозяйки, должны бы позаботиться о томъ, чтобы спасти отъ забвенія тѣ ея качества, которыя чаще заглушаются, нежели возбуждаются домашними заботами частной жизни. Кто-нибудь долженъ изобразить ту непритворную любезность, какая проявлялась въ ея родственныхъ отношеніяхъ, въ исполненіи тѣхъ обязанностей, которыя обыкновенно составляютъ интимную сторону семейной жизни и рѣдко соединяются съ внѣшними ея проявленіями, и изображеніе которыхъ передъ глазами равнодушнаго зрителя требуетъ особой деликатной нѣжности. Найдется кто-нибудь, кто не станетъ прославлять, а просто опишетъ любезную хозяйку открытаго дома, бывшаго центромъ общества всегда разнообразнаго и всегда пріятнаго, среди котораго она, далекая отъ всякаго честолюбія, блистала только для того, чтобы распространять вокругъ себя живое одушевленіе. Нѣжно любившая и нѣжно любимая мать, безгранично великодушный и уважаемый другъ, благодѣтельная покровительница всѣхъ несчастныхъ не можетъ быть забыта тѣми, кого она любила и поддерживала. Ея утрата всего печальнѣе отзовется тамъ, гдѣ ее всего больше знали; пусть же къ скорби многихъ ея друзей и еще большаго числа лицъ, такъ или иначе ей обязанныхъ, присоединится и безкорыстное сожалѣніе иностранца, который среди величественной природы, окружающей Женевское озеро, лучшимъ своимъ удовольствіемъ считалъ—любоваться привлекательными достоинствами несравненной Корпины.

XVI.

Альфіери.

. . . Тамъ лежатъ давно
Альфьери и Анджело

(*Строфа LIV*).

Альфіери—великое имя нашего вѣка. Итальянцы, не дожидаясь столѣтія, провозгласили его великимъ поэтомъ; его память тѣмъ дороже для нихъ, что онъ былъ пѣвцомъ свободы и что, слѣдовательно, его трагедіи не могутъ разсчитывать на одобреніе со стороны какого-либо изъ итальянскихъ государей. Лишь очень немногія изъ нихъ, и то очень рѣдко, разрѣшаются къ представленію на сценѣ. Еще Цицерономъ было замѣчено, что истинныя чувства и мысли римлянъ нигдѣ такъ

*) См. Monum. Ant. Ined., 1767, II, p. 50, и Storia delle Arti etc., т. II, p. 314.

**) Nomina gentesque antiquae Italiae (Gibbon, Miscell. Works, 1814), p. 204.

ясно не обнаруживаются, какъ въ театрѣ *). Осенью 1816 г. одинъ знаменитый импровизаторъ показывалъ свое искусство въ оперномъ театрѣ въ Миланѣ. Чтеніе темъ, предложенныхъ ему для импровизаціи, весьма многочисленная публика встрѣчала, большею частью, молчаніемъ или смѣхомъ; но когда его помощникъ, развернувъ одну бумажку, прочелъ: «Апоѳеозъ Витторіо Альфіери», - весь театръ огласился криками и рукоплесканіями, продолжавшимися нѣсколько минутъ. Жребій, однако, не достался Альфіери,— и синьору Сгриччи пришлось импровизировать общія мѣста по поводу бомбардировки Алжира. Надо замѣтить, что выборъ этотъ былъ вовсе не такимъ случайнымъ, какъ это могло показаться съ перваго взгляда: полиція не только заранѣе просмотрѣла всѣ бумажки, но и приняла мѣры къ тому, чтобы, въ случаѣ надобности, исправить ошибку слѣпой судьбы. Можетъ быть, и самое предложеніе апоѳеоза Альфіери принято было съ такимъ восторгомъ именно потому, что никто не предполагалъ, чтобы оно могло осуществиться.

XVII.

Макіавелли.

. . . . . *Макіавелли*
Вернулся въ землю тамъ, гдѣ всталъ изъ колыбели.
(*Строфа LI*).

Изысканная простота надгробій нерѣдко оставляетъ насъ въ неизвѣстности относительно того, что собственно находится передъ нами—дѣйствительная гробница, или кенотафъ, или простое воспоминаніе не о смерти, а о жизни даннаго лица. Такою именно простотою отличается надпись на могилѣ Макіавелли: здѣсь нѣтъ никакихъ свѣдѣній ни о мѣстѣ и времени рожденія и смерти историка, ни объ его возрастѣ и происхожденіи.

Tanto nomini nullum par elogium
Niccolaus Macchiavelli.

Мы не видимъ причины, почему имя не написано выше той сентенціи, которая къ нему относится.

Легко можно себѣ представить, что во Флоренціи уже не существуетъ тѣхъ предразсудковъ, послѣдствіе которыхъ имя Макіавелли вошло въ пословицу, какъ синонимъ коварства. Его память подвергалась преслѣдованію, какъ и онъ самъ—при жизни, за его преданность свободѣ, несогласимую съ новою системою деспотизма, водворившеюся въ Италіи послѣ паденія свободныхъ государствъ. Онъ былъ подвергнутъ пыткѣ за «развратъ», т. е. за желаніе возстановить флорентинскую республику; усилія людей, заинтересованныхъ въ томъ, чтобы искажать не только природу поступковъ, но и самое значеніе словъ, привели къ тому, что дѣянія, называвшіяся прежде *патріотизмомъ*, мало по малу стали называться *развратомъ*. Мы сами пережили прежнее значеніе слова «либерализмъ», которое теперь въ однѣхъ странахъ стало синонимомъ измѣны, и повсюду—синонимомъ глупости. Обвиненіе автора *Государя* въ прислужничествѣ деспотизму является какой то странной ошибкой; еще болѣе странно думать, что инквизиція осудила его сочиненіе за такую вину. Въ дѣйствительности Макіавелли, какъ это всегда дѣлается съ тѣми, кого нельзя прямо обвинить ни въ какомъ преступленіи, былъ заподозрѣнъ и обвиненъ въ безбожіи; первыми и самыми сильными противниками его книги были два іезуита, изъ которыхъ одинъ убѣждалъ инквизицію, «benchè fosse tardo», запретить это сочиненіе, а другой говорилъ, что секретарь флорентинской республики—просто съумасшедшій. Отецъ Поссевинъ доказалъ, что онъ вовсе не читалъ этой книги, а отецъ Луккезини,—что онъ вовсе ея не понялъ. Тѣмъ не менѣе ясно, что подобные критики должны были возмутиться вовсе не рабскимъ духомъ ученія Макіавелли, а его предполагаемымъ отрицаніемъ показать, до какой степени интересы государя расходятся съ благомъ человѣчества. Въ настоящее время іезуиты снова возстановлены въ Италіи, и послѣдняя глава *Государя* опять можетъ вызвать спеціальное опроверженіе со стороны тѣхъ, стараніями которыхъ умы подростающаго поколѣнія смягчаются для воспріятія впечатлѣній деспотизма. Эта глава (XXIV) носитъ заглавіе: «Esortazione a liberare l'Italia da' Barbari» и заключается «развратнымъ» призывомъ къ будущему искупленію Италіи: «Non si deve adunque lasciar passare questa occasione, acciocchè la Italia vegga dopo tanto tempo apparire un suo redentore. Nè posso esprimere con quale amore ei fusse ricevuto in tutte quelle provincie, che hanno patito per queste illuvioni esterne, con quale sete di vendetta, con che ostinata fede, con che pietà, con che lacrime. Quali porte se gli serrerebero? Quali popoli gli negherebbero l'ubbidienza? Quale Italiano gli negherebbe l'ossequio? Ad ognuno puzza questo Barbaro Dominio»).

XVIII.

Данте.

Флоренція, стыдись! какъ Сципіонъ
На берегу, который оскорбленье
Нанесъ ему, спитъ Данте въ отдаленьи.
(*Строфа LVII*).

Данте родился во Флоренціи, 1261 г. Онъ участвовалъ въ двухъ сраженіяхъ, четырнадцать разъ былъ посланникомъ и одинъ разъ стоялъ во главѣ республики. Въ то время, когда партія Карла Анжуйскаго восторжествовала надъ «бѣлыми», онъ находился въ отсутствіи, въ посольствѣ у папы Бонифація VIII, и былъ приговоренъ къ двухлѣтнему изгнанію и къ штрафу въ

*) Свободное выраженіе ихъ честныхъ чувствъ пережило ихъ свободу. Другъ Антонія Тиція устроилъ для нихъ игры въ театрѣ Помпея. Но они не допустили, чтобы блестящій спектакль изгладилъ изъ ихъ памяти то обстоятельство, что человѣкъ, доставившій имъ это удовольствіе, убилъ сына Помпея: они съ проклятіями вытащили его вонъ изъ театра. Нравственное чувство толпы, свободно выражаемое, никогда не бываетъ ошибочнымъ. Даже солдаты тріумвировъ присоединялись къ брани граждань, выкрикивая вокругъ колесницъ Лепида и Планка, которые изгнали своихъ братьевъ: «De germanis, non de gallis, duo triumphant consules»!—изреченіе, которое стоитъ того, чтобы его запомнить, хотя бы только потому, что въ немъ заключался хорошій каламбуръ.

8000 лиръ, неуплата котораго повлекла къ конфискаціи всего его имущества. Но республика и этимъ не удовольствовалась: въ 1772 г. въ флорентинскихъ архивахъ отыскался приговоръ, гдѣ ими Данте стоитъ одиннадцатымъ въ спискѣ пятнадцати лицъ, осужденныхъ въ 1302 г. на сожженіе: «Talis perveniens igne comburatur sic quod moriatur».— Поводомъ къ этому приговору послужило обвиненіе въ незаконной торговлѣ, вымогательствахъ и взяточничествѣ, «baracteriarum iniquarum extorsionum et illicitorum lucrorum *). Въ видѣ подобнаго обвиненія неудивительно, что Данте постоянно доказывалъ свою невиновность и жаловался на несправедливость своихъ согражданъ. Его протестъ, обращенный къ Флоренціи, сопровождался другимъ протестомъ, адресованнымъ императору Генриху; и смерть этого государя въ 1313 г. послужила сигналомъ къ осужденію Данте на вѣчное изгнаніе Сначала онъ жилъ вблизи отъ Тосканы, въ надеждѣ, что его призовутъ во Флоренцію, а затѣмъ путешествовалъ по сѣверной Италіи, причемъ довольно долго прожилъ въ Вероиѣ, и, наконецъ, поселился въ Равеннѣ, гдѣ и жилъ обыкновенно, хотя и не постоянно, до самой смерти. Причиною его смерти, происшедшей въ 1321 г., былъ, какъ говорятъ, отказъ венеціанцевъ въ просьбѣ его покровителя, Гвидо Новеллы изъ Полепты, дать ему публичную аудіенцію. Онъ былъ погребенъ («in sacra minorum aede») въ Равеннѣ, въ красивой гробницѣ, воздвигнутой Гвидо, которая была возстановлена въ 1483 г. Бернардомъ Бембо, преторомъ той самой венеціанской республики, которая отказалась выслушать поэта, снова возстановлена въ 1692 г. кардиналомъ Корси и замѣнена еще болѣе великолѣпной гробницей, сооруженной въ 1780 г. на счетъ кардинала Лунджи Валенти Гонзаги. Причина перенесенныхъ Данте оскорбленій и несчастій заключалась въ его привязанности къ побѣжденной партіи, а также, по словамъ наименѣе расположенныхъ къ нему біографовъ, въ слишкомъ большой свободѣ рѣчи и въ надменности обращенія. Но ближайшія столѣтія воздали изгнаннику чуть не божескія почести. Флорентинцы нѣсколько разъ тщетно пытались перенести къ себѣ его останки; они увѣнчали его статую въ церкви **), а его портретъ служитъ однимъ изъ украшеній ихъ каѳедральнаго собора. Они выбивали въ честь его медали, воздвигали ему статуи. Итальянскіе города, не имѣя возможности спорить между собою о томъ, въ которомъ изъ нихъ онъ родился, оспаривали другъ у друга честь быть мѣстомъ созданія его великой поэмы; флорентинцы считали для себя почетнымъ доказывать, что онъ окончилъ седьмую пѣснь прежде, чѣмъ они успѣли изгнать его. Черезъ пятьдесятъ одинъ годъ послѣ его смерти они учредили спеціальную профессуру для объясненія его стиховъ, и на эту патріотическую каѳедру былъ назначенъ Боккаччіо. Этому примѣру послѣдовали Болонья и Пиза; если эти комментаторы оказали литературѣ лишь незначительныя услуги, то, во всякомъ случаѣ, они увеличили уваженіе къ священнымъ или нравственнымъ аллегоріямъ его мистической музы.

*) Storia della Lett. Ital., Venez. 1795, t. V, p. 448 Три декрета противъ Данте изданы въ 1302, 1314 и 1316 гг.

**) Такъ говоритъ Фичино; но другіе думаютъ, что вѣнчаніе было только аллегорическое. См. Storia, etc., p. 453.

Было сдѣлано открытіе, что онъ уже при самомъ своемъ рожденіи и въ дѣтствѣ отличался отъ обыкновенныхъ смертныхъ: первый его біографъ, авторъ *Декамерона*, разсказываетъ, что предъ его рожденіемъ мать его видѣла вѣщій сонъ; другіе писатели сообщили, что онъ уже въ десятилѣтнемъ возрастѣ обнаружилъ страсть къ той богословской мудрости, которая, подъ именемъ Беатриче, ошибочно принята была за дѣйствительно существовавшее лицо. Когда *Божественная Комедія* признана была произведеніемъ болѣе смертнымъ и когда, по истеченіи двухъ вѣковъ, сужденія итальянцевъ были уже умѣрены критикой и сравненіемъ, Данте все еще серьезно ставили выше Гомера *); и хотя такое предпочтеніе казалось нѣкоторымъ кавупстамъ «еретическимъ богохульствомъ, достойнымъ пламени», однако споръ объ этомъ предметѣ велся энергично въ теченіе цѣлыхъ пятидесяти лѣтъ. Въ позднѣйшее время возбужденъ былъ вопросъ о томъ, кто именно изъ веронскихъ владѣтелей долженъ быть признанъ его покровителемъ **), а ревнивый скептицизмъ одного писателя вызвалъ споры о томъ имѣетъ ли Равенна неоспоримое право владѣть прахомъ Данте. Даже такой критическій умъ, какъ Тирабоски, склоненъ былъ вѣрить, что поэтъ предвидѣлъ и предсказалъ одно изъ открытій Галилея. Подобно великимъ людямъ другихъ національностей, Данте не всегда пользовался одинаковою популярностью. Послѣднее столѣтіе какъ будто склоняется къ болѣе низкой оцѣнкѣ его какъ образца и предмета для изученія; Бетинелли однажды сдѣлалъ своему ученику Монти выговоръ за слишкомъ усердное изученіе грубыхъ и устарѣлыхъ выраженій *Божественной Комедіи*. Настоящее поколѣніе, избавившись отъ галломаніи Чезаротти, возвратилось къ прежнему почитанію Данте,—и danteggiare сѣверныхъ итальянцевъ считается болѣе умѣренными тосканцами даже черезчуръ нескромнымъ.

Остается еще много любопытныхъ извѣстій касательно жизни и сочиненій великаго поэта, не собранныхъ даже итальянцами; но знаменитый Уго Фосколо намѣревается пополнить этотъ пробѣлъ, и, конечно, можно только порадоваться тому, что этотъ національный подвигъ будетъ совершенъ человѣкомъ, столь преданнымъ своей родинѣ и дѣлу истины.

XIX.

Гробница Сципіона.

(*Тѣ же стихи строфы LVII*).

Сципіонъ Африканскій Старшій имѣлъ особую гробницу, если только онъ не былъ похороненъ въ Литернѣ, куда онъ удалился въ добровольное изгнаніе. Эта гробница находилась близъ морского берега, и разсказъ о надписи на ней—«Ingrata Patria»,—давшій названіе позднѣйшему сооруженію, если и не вѣренъ, то удачно изобрѣтенъ. Если же онъ не былъ по-

*) Варки, въ своемъ «Геркуланумѣ». Споръ тянулся съ 1570 по 1616 г. См. Storia, etc., римское изд. 1785, VII, 187.

**) Gio Jacopo Dionici *Canonico di Verona*. Serie di anedddoti, № 2. Storia, венец. изд. 1795, V, 24, прим.

хоронепъ въ Литернѣ, то онъ, во всякомъ случаѣ, тамъ жилъ *).

In cosi angusta e solitaria vita
Era 'l grand' uomo che d' Africa s'appella
Perchè prima col ferro al vivo aprilla **).

Обыкновенно полагаютъ, что неблагодарность—порокъ спеціально республиканскій, повидимому, забывая о томъ, что на одинъ извѣстный случай непостоянства народной массы мы имѣемъ сотню примѣровъ паденія придворныхъ любимцевъ. Кромѣ того, народъ часто и раскаивался, между тѣмъ какъ монархи—рѣдко или никогда. Оставляя въ сторонѣ многія извѣстныя доказательства этого факта, мы разскажемъ только одну короткую исторію, изъ которой можно видѣть разницу между аристократіей и народнымъ большинствомъ.

Витторе Пизани, потерпѣвшій въ 1354 г. пораженіе при Портолонго и нѣсколько лѣтъ спустя въ еще болѣе рѣшительномъ сраженіи при Полѣ съ генуэзцами, былъ отозванъ венеціанскимъ правительствомъ и заключенъ въ тюрьму. Обвинители требовали для него смертной казни, но верховный судъ ограничился только тюремнымъ заключеніемъ. Въ то время, когда Пизани отбывалъ это незаслуженное наказаніе, сосѣдняя съ Венеціей Кіоза, съ помощью Падуанскаго синьора, захвачена была Генромъ Доріа. ***) При вѣсти объ этомъ несчастіи забили въ набатъ въ большой колоколъ на колокольнѣ св. Марка; народъ и солдаты съ галеръ были призваны для отраженія наступавшаго непріятеля, но заявили, что не сдѣлаютъ ни шагу, если Пизано не будетъ освобожденъ и поставленъ во главѣ войска. Тотчасъ же созванъ былъ верховный совѣтъ; узникъ былъ приведенъ въ засѣданіе, и дожъ Андреа Контарини сообщилъ ему о требованіяхъ народа и государства, видѣвшихъ единственную надежду на спасеніе въ его усиліяхъ и теперь умолявшихъ его забыть о причиненной ему обидѣ. «Я безъ жалобы подчинился вашему приговору», отвѣчалъ великодушный республиканецъ; «я терпѣливо переносилъ страданія заточенія, потому что былъ ему подвергнутъ по вашему приказу; теперь не время разбирать, насколько я его заслуживалъ: вѣроятно, оно было нужно для блага республики, всѣ рѣшенія которой всегда мудры. Смотрите на меня, какъ на человѣка, готоваго пожертвовать жизнью ради спасенія своего отечества». Пизани былъ назначенъ главнокомандующимъ, и его стараніями, имѣстѣ съ Карло Дзено, венеціанцы вскорѣ снова пріобрѣли перевѣсъ надъ своими соперниками на морѣ.

Итальянскія республики были не меньше неблагодарны къ своимъ гражданамъ, чѣмъ греческія. Свобода какъ здѣсь, такъ и тамъ, была, повидимому, достояніемъ національнымъ, а не личнымъ, и, не взирая на хваленное «равенство передъ закономъ», въ которомъ одинъ древній греческій писатель видѣлъ существенное отличіе между своими соотечественниками и варварами ****), охрана правъ согражданъ, повидимому, никогда не была главною задачею древнихъ республикъ. Этому міру былъ еще неизвѣстенъ очеркъ автора «Итальянскихъ Республикъ», въ которомъ такъ остроумно указано различіе между свободою древнихъ государствъ и значеніемъ этого понятія въ болѣе удачной англійской конституціи. Какъ бы то ни было, итальянцы, переставъ быть свободными, со вздохомъ оглядывались назадъ, на эти смутныя времена, когда каждый гражданинъ могъ возвыситься до участія въ верховномъ правительствѣ, и никогда не могли вполнѣ оцѣнить преимуществъ монархіи. Спероне Сперони, на предложенный Францискомъ-Маріей II, герцогомъ Роверскимъ, вопросъ: «что предпочтительнѣе—республика или монархія, правленіе болѣе совершенное, но непрочное, или менѣе совершенное, но за то и менѣе подверженное перемѣнамъ?» отвѣчалъ: «Наше счастіе слѣдуетъ измѣрять его качествомъ, а не продолжительностью», и прибавилъ, что онъ предпочитаетъ жить одинъ день, но по-человѣчески, чѣмъ жить сто лѣтъ, но подобно животному, дереву или камню. Этотъ отвѣтъ почитали и называли *вѣнкольнымъ* до послѣднихъ дней итальянскаго порабощенія *).

*) Vitam Literni egit sine desiderio urbis. Tit. Liv. Hist. lib. XXXVIII, cap. 53.

**) Trionfo della Castità.

***) См. выше, прим. VI.

****) См. послѣднюю главу II-й книги Діонисія Галикарнасскаго.

XX.

Вѣнецъ Петрарки.

Петрарки лавръ чужбиною взращенъ.
(Строфа LVII).

Флорентинцы не воспользовались короткимъ пребываніемъ Петрарки въ ихъ городѣ, въ 1350 г., для того, чтобы отмѣнить декретъ о конфискаціи имущества его отца, который былъ изгнанъ вскорѣ послѣ изгнанія Данте. Его вѣнецъ ихъ не поразилъ. Но когда, въ слѣдующемъ году, они пожелали воспользоваться его содѣйствіемъ для учрежденія своего университета, тогда они раскаялись въ своей несправедливости. и Боккаччіо былъ посланъ въ Падую, чтобы уговорить лавреата оставить свою скитальческую жизнь и переселиться въ родной городъ, гдѣ онъ могъ бы окончить свою «безсмертную» *Африку* и, получивъ назадъ все свое состояніе, пользоваться уваженіемъ всѣхъ классовъ своихъ согражданъ. Они засвидѣтельствовали передъ нимъ такое высокое мнѣніе объ его сочиненіяхъ и учености, которое онъ могъ бы оцѣнить по достоинству: они называли его славою своей родины, говоря, что онъ всегда былъ имъ дорогъ, а теперь сталъ еще дороже, и прибавляли, что если что-нибудь въ ихъ посланіи ему не понравится, то ему слѣдуетъ къ нимъ возвратиться хотя бы только затѣмъ, чтобы исправить ихъ слогъ **). Петрарка, повидимому, сначала благосклонно отнесся къ этой лести и къ настояніямъ своего друга, но въ концѣ концовъ, все-таки не вернулся во Флоренцію и предпочелъ паломничество къ могилѣ Лауры и подъ тѣнь Воклюза.

*) «E intorno *alla magnifica risposta*», etc *Serassi*. Vita del Tasso, lib. III p. 149, tom. II edit. 2, Bergamo.

**) «Accingiti inoltre, se ci è lecito ancor l' esortarti a compire l' immortal tua Africa . . . Se ti avviene d' incontrare nel nostro stile cosa che ti dispiaccia, cio debb' essere un altro motivo ad esaudire i desiderj della tua patria». Storio della Lett. Ital. tom. v. par. i. lib. i. pag. 76.

XXI.

Боккаччіо.

Ей завѣщалъ Боккаччіо свой прахъ.
(Строфа LVIII).

Боккаччіо былъ похороненъ въ церкви св. Михаила и св. Іакова въ Чертальдо, небольшомъ городкѣ провинціи Вальдельзы, гдѣ, какъ нѣкоторые думаютъ, онъ и родился. Тамъ онъ провелъ послѣднее время своей жизни въ трудолюбивыхъ научныхъ занятіяхъ, которыя и сократили его существованіе; тамъ его праху былъ обезпеченъ если не почетъ, то по крайней мѣрѣ покой. Но «гіена ханжества» въ Чертальдо разрыла могилу Боккаччіо и выбросила его останки изъ священной ограды св. Михаила и св. Іакова. Поводомъ—и, надо надѣяться, извиненіемъ—этого поступка послужила перестройка пола въ церкви; какъ бы то ни было, надгробный камень былъ снятъ и отнесенъ въ сторону, къ фундаменту церкви. Можетъ быть, тутъ къ ханжеству присоединилось еще и невѣжество. Было бы очень печально сообщать о такомъ исключеніи, въ виду общаго почтенія итальянцевъ къ своимъ великимъ именамъ, если бы съ нимъ не соединялась черта болѣе почетная и болѣе отвѣчающая общему характеру націи. Главное лицо въ округѣ, послѣдняя отрасль дома Медичи, почтила память обиженнаго поэта тѣмъ покровительствомъ, которое лучшіе изъ ея предковъ оказывали всѣмъ своимъ заслуженнымъ современникамъ: маркиза Ленцони спасла надгробный камень Боккаччіо отъ того пренебреженія, въ которомъ онъ нѣсколько времени находился, и нашла для него почетное мѣсто въ своемъ собственномъ домѣ. Она сдѣлала еще больше. Домъ, въ которомъ жилъ поэтъ, охранялся такъ же мало, какъ и его могила, и чуть не разрушился надъ головою человѣка, равнодушнаго къ имени его прежняго владѣльца. Домъ этотъ состоитъ изъ трехъ небольшихъ комнатокъ и низенькой башни, на которой Козимо II Медичи помѣстилъ надпись. Маркиза купила этотъ домъ и намѣревается окружить его тѣмъ почетеніемъ и уваженіемъ, какія подобаютъ останкамъ и славѣ генія.

Здѣсь не мѣсто говорить что-нибудь въ защиту Боккаччіо; но человѣкъ, потратившій все небольшое состояніе на пріобрѣтеніе знаній, бывшій однимъ изъ первыхъ, если не самымъ первымъ, изъ тѣхъ, кто насадилъ на итальянской почвѣ греческую науку и поэзію; человѣкъ, который не только изобрѣлъ новый стиль, но основалъ или по крайней мѣрѣ утвердилъ новый языкъ; который не только пользовался уваженіемъ всѣхъ образованныхъ европейскихъ дворовъ, но и считался достойнымъ высокой должности въ республикѣ своего роднаго города и, что еще важнѣе,—былъ удостоенъ дружбы Петрарки; человѣкъ, прожившій всю свою жизнь какъ философъ и другъ свободы и умершій среди заботъ о пріобрѣтеніи новыхъ познаній,—такой человѣкъ заслуживалъ большаго уваженія, нежели то, какое было ему оказано со стороны священника въ Чертальдо и одного, нынѣ уже умершаго, англійскаго путешественника, изображающаго Боккаччіо ненавистнымъ, превратнымъ и развратнымъ писателемъ, чьи нечистые останки должны были бы гнить въ забвеніи *). Этотъ англійскій путешественникъ, къ несчастію для тѣхъ, кому пришлось оплакивать утрату любезнаго человѣка, находится теперь уже внѣ всякой критики; но смерть, не защитившая Боккаччіо отъ нападокъ г. Юстэса, не защититъ и этого послѣдняго отъ справедливаго суда потомства. Смерть можетъ осватить его добродѣтели, но не его заблужденія и позволительно скромно замѣтить, что онъ погрѣшилъ не только какъ писатель, но и какъ человѣкъ, вызвавъ тѣнь Боккаччіо вмѣстѣ съ тѣнью Аретино среди гробницъ Санта-Кроче только затѣмъ, чтобы съ негодованіемъ отвернуться отъ нея.

Что касается

«Il flagello de' principi,
Il divin Pietro Aretino»,—

то мы нисколько не смущаемся порицаніемъ этому франту, обязанному тѣмъ, что его помнятъ до настоящаго времени, поэту, благоуханіе котораго спасло много ничтожныхъ червяковъ; но ставить Боккаччіо наряду съ подобною личностью и предавать отлученію даже его прахъ—это такой поступокъ, который невольно заставляетъ сомнѣваться въ способности «классическаго туриста» разсуждать объ итальянской, да и о всякой другой литературѣ, ибо невѣдѣніе въ какомъ-нибудь одномъ вопросѣ можетъ дѣлать автора неспособнымъ судить только о данномъ частномъ случаѣ, между тѣмъ какъ увлеченіе профессіональнымъ предразсудкомъ обращаетъ его въ невѣрнаго истолкователя всѣхъ вообще вопросовъ. Всякія превратныя и несправедливыя толкованія могутъ быть результатомъ того, что въ публикѣ называется «дѣломъ совѣсти»,—вотъ единственное жалкое извиненіе, какое можно придумать для священника въ Чертальдо и для автора «Классическаго путешествія». Можно было бы еще примириться съ нѣкоторымъ порицаніемъ повелъ Боккаччіо; но благодарность этому источнику, изъ котораго муза Драйдена почерпнула свои послѣдніе и наиболѣе гармоническіе стихи, все-таки, должна бы побудить воздержаться отъ слишкомъ рѣзкаго осужденія *Декамерона*. Во всякомъ случаѣ, раскаяніе Боккаччіо должно было бы воспрепятствовать удаленію его праха изъ могилы; слѣдовало бы вспомнить и сказать, что онъ въ пожилыхъ годахъ написалъ письмо къ одному изъ своихъ друзей, убѣждая его не читать *Де-*

*) «Classical Tour»; ch. IX, vol. III, p. 355, изд. 3-е. «О Боккаччіо,—этомъ современномъ Петроніи, мы не скажемъ ничего; злоупотребленіе талантомъ болѣе ненавистно и заслуживаетъ большаго презрѣнія, чѣмъ его отсутствіе, и вовсе не интересно знать, гдѣ смѣшались съ родственною имъ грязью нечистые останки развратнаго писателя. По той же причинѣ путешественникъ не долженъ отмѣчать и могилы негоднаго Аретино». Эта сомнительнаго качества фраза едвали можетъ спасти туриста отъ подозрѣнія въ другой ошибкѣ—касательно мѣста погребенія Аретино, могила котораго находилась въ церкви св. Луки въ Венеціи и подала поводъ къ знаменитому спору, нѣкоторые слѣды котораго сохранены Бэйлемъ. Между тѣмъ, слова г. Юстэса заставляютъ думать, что эта могила была во Флоренціи, или вообще оказалась гдѣ-нибудь. Въ настоящее время нельзя рѣшить, была ли написана даже надпись на могилѣ, вызвавшая такія пререканія, такъ какъ изъ церкви св. Луки исчезла всякая память объ Аретино.

ДМИТРІЙ ДМИТРІЕВИЧЪ МИНАЕВЪ (1823—1889).

Переводчикъ «Чайльдъ-Гарольда» и «Донъ-Жуана».

камерона—ради скромности и ради самого автора, который не всегда будетъ имѣть подъ рукою защитника, могущаго объяснить, что онъ это написалъ въ юности и по приказанію старшихъ *). Но, конечно, не вольныя картины автора и не дурныя наклонности читателей доставили *Декамерону*, единственному изъ всѣхъ произведеній Боккаччіо, безсмертную популярность; установленіе новаго и прекраснаго языка обезсмертило тѣ сочиненія, въ которыхъ этотъ языкъ впервые появился. По той же самой причинѣ сонетамъ Петрарки суждено было пережить его «*Африку*», «любимицу царей», которою онъ самъ восторгался. Неизмѣнныя черты природы и чувства, въ такомъ изобиліи разсѣянныя въ новеллахъ Боккаччіо и въ сонетахъ Петрарки, послужили главнымъ источникомъ извѣстности обоихъ писателей за предѣлами ихъ родины; но о Боккаччіо, какъ о человѣкѣ, такъ же нельзя судить по одному этому сочиненію, какъ нельзя видѣть въ Петраркѣ только любовника Лауры.

*) «Non enim ubique estqui, in excusationem meam consurgens dicat: juvenis scripsit, et majoris coactus imperio .Изъ письма къ Магинарду Кавалькапти, маршалу Сицилійскаго королевства. См. *Tiraboschi*, Storia, t. V, p. 525.

Впрочемъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы отецъ тосканской прозы былъ извѣстенъ только какъ авторъ *Декамерона*, осторожный писатель не рѣшился бы произнести о немъ приговоръ, несогласимый съ безошибочнымъ голосомъ нѣсколькихъ вѣковъ и народовъ. Неоспоримыя достоинства никогда не признавались за сочиненіями, отличающимися только нравственною нечистотою.

Истинною причиною нападокъ на Боккаччіо, начавшихся въ довольно раннюю пору, было то, что онъ выбиралъ дѣйствующихъ лицъ своихъ скандальныхъ исторій въ монастыряхъ и при дворѣ; но государи смѣялись надъ любовными приключеніями, такъ несправедливо приписанными королевѣ Теоделиндѣ, между тѣмъ какъ духовенство громко высказывало свое возмущеніе любовными сценами монаховъ и отшельниковъ, негодуя на эти картины, по всей вѣроятности, именно за то, что онѣ были слишкомъ вѣрны дѣйствительности. Предполагаютъ, что въ двухъ новеллахъ передавались дѣйствительные факты въ видѣ сказки, въ насмѣшку надъ капонпаціей плутовъ и мірянъ. Серъ Чаппеллетто и Марцеллинъ цитируются съ одобреніемъ даже у скромнаго Муратори. Великій Арно, цитируемый Бэйлемъ, указываетъ, что

было предложено выпустить новое изданіе новеллъ, въ которомъ, ради «очищенія», должны были быть исключены слова «монахъ» и «монахиня» и всѣ безправственности приписаны лицамъ другого званія. Исторія итальянской литературы не знаетъ такого изданія; но еще недавно во всей Европѣ о Декамеронѣ существовало только одно мнѣніе, и отпущеніе грѣховъ его автору, повидимому, считалось дѣломъ рѣшеннымъ по крайней мѣрѣ сто лѣтъ тому назадъ. «On se feroit siffler si l'on prétendoit convaincre Boccace de n'avoir pas été honnête homme puisqu'il fait le «Décameron». Такъ выразился одинъ изъ лучшихъ людей и, можетъ быть, лучшій изъ всѣхъ критиковъ, когда-либо жившихъ,—настоящій мученикъ безпристрастія *). Но такъ какъ это сообщеніе о томъ, что въ началѣ минувшаго столѣтія можно было быть освистаннымъ за утвержденіе, что Боккаччіо — не хорошій человѣкъ, - исходитъ, повидимому, отъ одного изъ тѣхъ враговъ, которые всегда оставляются въ подозрѣніи, даже и тогда, когда они дарятъ насъ правдой, то мы можемъ найти болѣе очевидный контрастъ осужденію тѣла, души и музы Боккаччіо въ немногихъ словахъ одного изъ его современниковъ, человѣка добродѣтельнаго и патріота, который самъ потрудился перевести на латинскій языкъ одну изъ сказокъ этого «нечистаго» писателя. «Я замѣтилъ въ другомъ мѣстѣ», говоритъ Петрарка въ письмѣ къ Боккаччіо, «что эту самую книгу нѣкоторыя собаки рвали на куски, но вы упорно защищали ее своимъ жезломъ и голосомъ. Я этому и не удивился, ибо имѣлъ случай убѣдиться въ силѣ вашего ума и знаю, что вамъ пришлось имѣть дѣло съ такими несговорчивыми и неспособными людьми, которые всегда готовы упрекать другихъ за то, чего они сами или не любятъ, или не умѣютъ, или не могутъ сдѣлать, и только въ этихъ случаяхъ выказываютъ свою ученость и краснорѣчіе, а во всѣхъ прочихъ совершенно безгласны» **).

Съ удовольствіемъ можно отмѣтить, что не все духовенство походитъ на священника изъ Чертальдо, и что одинъ изъ тѣхъ, которые не желали имѣть у себя прахъ Боккаччіо, не упустилъ случая воздвигнуть кенотафъ въ воспоминаніе о немъ. Павіанскій канонникъ Бевіусъ, въ началѣ XVI столѣтія, поставилъ въ Аркѣ, противъ могилы Петрарки, доску, на которой воздалъ Боккаччіо одинаковыя почести съ Данте и Петраркой.

XXII.

Медичи.

Что намъ до пирамидъ ея, богато
Украшенныхъ склепъ торжащей-князей?
(Строфа LX).

Наше уваженіе къ имени Медичи начинается съ Козимо и оканчивается съ его внукомъ. Этотъ потокъ чистъ только въ своемъ источникѣ. Въ поискахъ воспоминаній о доблестныхъ республиканцахъ, носившихъ это имя, мы посѣщаемъ церковь св. Лаврентія во Флоренціи. Недоконченная канцелла въ этой церкви, бросающаяся въ глаза своимъ мишурнымъ блескомъ, предназначенная служить усыпальницею тосканскихъ герцоговъ и убранная кругомъ вѣнками и гробами, не вызываетъ иного чувства, кромѣ презрѣнія къ расточительному тщеславію этой семьи деспотовъ, между тѣмъ какъ простая плита на полу, посвященная «отцу отечества», примиряетъ насъ съ именемъ Медичи *). Для Коринны **) было вполнѣ естественно предположить, что статуя, воздвигнутая въ честь герцога Урбино въ capella de'depositi, была посвящена его великому тезкѣ Рафаэлю; великолѣпный Лоренцо получилъ на свою долю только гробницу, наполовину скрытую въ нишѣ сакристіи. Упадокъ Тосканы начинается со времени господства Медичи. Нашъ Сидней далъ яркую и вѣрную картину того могильнаго покоя, который послѣдовалъ за упроченіемъ владѣтельныхъ фамилій въ Италіи: «Не смотря на всѣ мятежи во Флоренціи и другихъ городахъ Тосканы, несмотря на всѣ интриги гвельфовъ и гибеллиновъ, черныхъ и бѣлыхъ, побилей и простонародья, эти города продолжали развиваться, усиливаться и богатѣть; но въ теченіе менѣе нежели полутораста лѣтъ спокойнаго властвованія Медичи населеніе провинціи уменьшилось на девять десятыхъ. Замѣчательно, между прочимъ, что когда Филиппъ II испанскій отдалъ Сіенну герцогу флорентинскому, его посланникъ, бывшій тогда въ Римѣ, написалъ ему, что онъ отдалъ болѣе 650,000 подданныхъ; трудно повѣрить, что теперь населеніе этого города и всей его территоріи составляетъ не больше 20,000 душъ. Въ подобной же пропорціи уменьшилось населеніе Пизы, Пистойи, Ареццо, Картоны и другихъ городовъ, бывшихъ прежде очень богатыми и густо населенными, а въ особенности населеніе самой Флоренціи. Этотъ городъ, такъ долго возмущаемый всяческими мятежами, бунтами и войнами, большею частью неудачными, все еще сохранялъ такую силу, что когда Карлъ VIII французскій, будучи допущенъ туда на правахъ друга съ цѣлой арміей, вскорѣ потомъ завоевавшей королевство Неаполитанское, вздумалъ было овладѣть Флоренціей, то народъ, вооружившись, нагналъ на него такого страху, что онъ радъ былъ убраться оттуда на тѣхъ условіяхъ, какія ему были предписаны. Макіавелли сообщаетъ, что въ то время Флоренція, вмѣстѣ съ небольшой принадлежавшей ей территоріей долины Арно, могла въ нѣсколько часовъ, по звону набата, собрать 135,000 хорошо вооруженныхъ людей; а теперь этотъ городъ, какъ и всѣ прочіе города этой провинціи, находится въ столь жалкомъ состояніи слабости, бѣдности и униженія, что не можетъ ни сопротивляться притѣсненіямъ своего собственнаго правителя, ни защищаться въ случаѣ непріятельскаго нашествія. Его населеніе или разсѣялось, или разорено; лучшія фамиліи переселились въ Венецію, Геную, Римъ, Неаполь и Лукку. И это—вовсе не результатъ войны или моровой язвы; напротивъ, они поль-

*) Словарь Бэйля, 1749.

**) Animadverti alicubi librum ipsum canum dentibus lacessitum, tuo tamen baculo egregiè tuâque voce defensum. Nec miratus sum: nam et vires ingenii tui novi, et scio expertus esses hominum genus insolens et ignavum, qui quicquid ipsi vel nolunt vel nesciunt, vel non possunt, in aliis reprehendunt: ad hoc unum docti et arguti, sed clingues ad reliqua». Epist. Ioan. Boccatio, Opp. tom. I p. 540. edit. Basil.

*) Cosmus Medices, Decreto Publico, Pater Patriae.

**) Corinne, 1819, l. XXIII, ch. 3.

зуются полнымъ спокойствіемъ и не страдаютъ ни отъ какого бѣдствія, кромѣ своего правительства» *). Начиная отъ узурпатора Козимо и кончая глупымъ Гастономъ, мы тщетно ищемъ тѣхъ славныхъ качествъ, благодаря которымъ патріотъ возвышается до власти надъ своими согражданами. Великіе герцоги, и въ особенности—Козимо III, съумѣли до такой степени измѣнить весь тосканскій характеръ, что прямодушные флорентинцы, въ оправданіе нѣкоторыхъ недостатковъ филантропической системы Леопольда, вынуждены были признаться, что ихъ государь былъ единственнымъ либеральнымъ человѣкомъ въ своихъ владѣніяхъ. Но и этотъ превосходный государь представлялъ себѣ національное собраніе не иначе, какъ учрежденіемъ, обязаннымъ исполнять только его собственныя желанія, а отнюдь не волю народа.

XXIII.

Сраженіе при Тразименѣ.

. . . въ пылу ожесточенья
Не замѣчалъ никто землетрясенья.
(Строфа LXIII).

«И таково было ихъ взаимное ожесточеніе, такъ жарко они сражались, что землетрясеніе, разрушившее большую часть многихъ городовъ Италіи, остановившее теченіе быстрыхъ потоковъ, погнавшее море въ рѣки и низвергшее цѣлыя горы, не почувствовалось никѣмъ изъ сражавшихся» **). Таково описаніе Ливія. Сомнительно, чтобы подобное увлеченіе боемъ допускалось современной тактикой.

Мѣсто сраженія при Тразименѣ опредѣляется безошибочно. Путникъ, идущій изъ деревни подъ Кортопою въ Casa di Piano, ближайшую станцію на пути въ Римъ, на первыхъ же двухъ-трехъ миляхъ дороги видитъ вокругъ себя, особенно—съ правой стороны, плоскую равнину, которую Аннибалъ обратилъ въ пустыню, чтобы заставить консула Фламинія выступить въ Ареццо. Съ лѣвой стороны и впереди возвышается цѣпь холмовъ, спускающихся къ Тразименскому озеру; Ливій называетъ ихъ «montes Cortonenses», а теперь они называются Гваландра. Къ этимъ холмамъ вы подходите въ Оссайѣ,—деревнѣ, о которой путеводители говорятъ, что она названа такъ по причинѣ находимыхъ тутъ костей; но костей тутъ никакихъ не находятъ, потому что сраженіе происходило по другую сторону холма. Отъ Оссайи дорога начинаетъ понемногу подниматься, но входитъ собственно въ горы только на 67-й милѣ отъ Флоренціи. Подъемъ не крутъ и продолжается минутъ двадцать. Вскорѣ внизу направо показывается озеро и «Боргетто»,—круглая башня, стоящая прямо надъ водой; волнообразные холмы, частью покрытые лѣсомъ, посреди которыхъ извивается дорога, мало по малу уходятъ въ сосѣднія съ этой башней болота. Ниже дороги, направо, среди этихъ лѣсистыхъ возвышенностей, Аннибалъ поставилъ свою конницу ***), въ расщелинѣ между озеромъ и пыльной дорогой,—надо полагать, у самаго Боргетто, какъ разъ подъ самымъ нижнимъ изъ этихъ «tumuli» *). Съ лѣвой стороны, на вершинѣ холма, возвышающагося надъ дорогой, находится старая круглая руина, которую крестьяне называютъ «башней Аннибала карѳагенскаго». Дойдя до высшей точки дороги, путникъ видитъ часть роковой равнины, которая открывается передъ нимъ вся, когда онъ спустится съ Гваландры. Скоро онъ оказывается въ долинѣ, окруженной слѣва, спереди и сзади холмами Гваландры, образующими сегментъ окружностью болѣе полукруга и спускающимися къ озеру, которое тянется справа и образуетъ какъ бы тетиву этого лука изъ горъ. Этого мѣстоположенія нельзя разсмотрѣть изъ равнины Кортоны: оно оказывается вполнѣ замкнутымъ только тогда, когда вы войдете въ ограду холмовъ,—и тогда въ самомъ дѣлѣ является «мѣстомъ, какъ бы нарочно созданнымъ для засады», «locus insidiis natus». Боргетто стоитъ въ узкомъ болотистомъ проходѣ у самаго холма и озера, а на противоположный склонъ горъ можно попасть только черезъ маленькій городокъ Пассиньяно, который стоитъ надъ водою, у подошвы высокаго утеса. Внизъ отъ горъ, къ верхнему концу равнины, тянется покрытый лѣсомъ отрогъ, почти до самаго Пассиньяно; на этомъ отрогѣ расположена бѣлая деревня, называемая Торре. Повидимому, Полибій говоритъ именно объ этомъ отрогѣ, что Аннибалъ занялъ его и оттуда повелъ въ атаку своихъ тяжело вооруженныхъ африканцевъ и испанцевъ **) Съ этого же мѣста онъ направилъ свои балеарскія и легко вооруженныя войска въ обходъ черезъ высоты Гваландры направо, такъ, чтобы они, пройдя незамѣченными, образовали засаду въ расщелинахъ, по которымъ идетъ теперь дорога, и были готовы броситься на лѣвый флангъ непріятеля, когда конница пройдетъ черезъ находившійся позади проходъ. Фламиній подошелъ къ озеру, близъ Боргетто, при заходѣ солнца, а на слѣдующее утро, еще до восхода солнца, не посылая впередъ никакихъ развѣдчиковъ, двинулся впередъ, не замѣтивъ ни конницы, ни легкихъ войскъ вокругъ себя и надъ собою, и видя только впереди холма Торре тяжело вооруженныхъ карѳагенянъ. Консулъ началъ располагать свое войско на равнинѣ, а тѣмъ временемъ бывшая въ засадѣ непріятельская конница заняла проходъ сзади него у Боргетто. Такимъ образомъ, римляне были совершенно окружены, имѣя справа озеро, впереди—главную непріятельскую армію, стоявшую на холмѣ Торре, налѣво—легко вооруженныя войска, занимавшія высоты Гваландры, а въ тылу кавалерію, которая, по мѣрѣ того, какъ римляне подвигались впередъ, занимала всѣ выходы, дѣлая отступленіе невозможнымъ. Поднявшійся съ озера туманъ окуталъ армію консула, но всѣ возвышенности были ярко освѣщены солнцемъ, и всѣ части карѳагенскаго войска, стоявшія въ засадѣ, смотрѣли на холмъ Торре, въ ожиданіи сигнала къ атакѣ. Аннибалъ подалъ этотъ сигналъ и самъ двинулся съ высоты. Въ ту же минуту всѣ его войска, стоявшія на высотахъ сзади и слѣва отъ Фла-

*) Discourse concerning Government, by A. Sidney, 1751. Сидней, вмѣстѣ съ Локкомъ и Годлеемъ,—одинъ изъ писателей, къ которымъ Юмъ относился съ «презрѣніемъ.»

**) Tit. Liv., XXII, cap. 5.

***) Ibid., cap. 4.

*) Ibid.

**) Hist., l. III, cap. 83.—Разсказъ Полибія не легко согласить съ нынѣшнимъ видомъ мѣстности и съ разсказомъ Ливія; онъ говоритъ о холмахъ направо и налѣво отъ прохода и долины: но когда Фламиній вошелъ туда, направо отъ этихъ пунктовъ должно было находиться озеро.

минія, сразу бросились впередъ, на равнину. Римляне, построившіеся въ туманѣ въ боевой порядокъ, внезапно услышали со всѣхъ сторонъ крики непріятеля, и прежде, чѣмъ были въ состояніи начать сраженіе, и даже разсмотрѣть, кто собственно на нихъ напалъ, убѣдились, что они были окружены и должны погибнуть.

Съ высотъ Гваландры стекаютъ въ озеро два небольшихъ ручья. Путешественникъ переходитъ первый изъ нихъ на разстояніи около одной мили отъ входа въ равнину; этотъ ручей отдѣляетъ тосканскую территорію отъ папской. Второй ручей, на четверть мили дальше, носитъ названіе «кроваваго» (Sanguinetto),—и крестьяне указываютъ на открытое мѣсто слѣва, между этимъ ручьемъ и холмами, гдѣ, по ихъ разсказамъ, происходило главное побоище. Остальная часть равнины покрыта густо насаженными оливковыми деревьями и вполнѣ ровною становится только въ углу, у озера. Дѣйствительно, весьма вѣроятно, что сраженіе происходило именно въ этомъ углу, такъ какъ шесть тысячъ римлянъ, пробившихся въ началѣ боя сквозь непріятельскіе ряды, заняли вершину находящагося тутъ возвышенія; иначе имъ пришлось бы переходить черезъ всю равнину и пробиваться сквозь главныя силы Аннибала.

Римляне сражались отчаянно въ продолженіе трехъ часовъ; но смерть Фламинія послужила сигналомъ къ общему отступленію. Тогда карѳагенская конница бросилась на убѣгающихъ, и озеро, болото у Боргетто, а въ особенности—равнина у Сангвинетто и проходы Гваландры были завалены трупами. Недалеко отъ остатковъ стараго вала, въ мрачномъ ущельѣ слѣва отъ ручья, много разъ находили человѣческія кости, чѣмъ и подтверждается названіе «кровавой рѣчки».

Въ Италіи каждая мѣстность имѣетъ собственнаго героя. На сѣверѣ такимъ «геніемъ мѣста» часто является какой нибудь живописецъ; иностранецъ Джуліо Романо пользуется въ Мантуѣ чуть ли не большей славой, нежели ея уроженецъ Виргилій *). На югѣ мы слышимъ римскія имена. Близъ Тразименскаго озера преданіе осталось вѣрнымъ славѣ врага римлянъ: «Аннибалъ карѳагенскій»—единственное древнее имя, которое помнится на берегахъ этого озера. Фламинія не знаетъ никто; только погонщики на этой дорогѣ выучились показывать путешественникамъ мѣсто, гдѣ былъ убитъ Il Console Romano. Даже историкъ сохранилъ только одно имя изъ всѣхъ, сражавшихся и павшихъ въ тразименской битвѣ. На той же дорогѣ въ Пизѣ вы снова встрѣчаетесь съ этимъ карѳагенянином: одинъ антикварій, содержатель почтовой станціи въ Сполето, разсказываетъ вамъ, что его городъ отразилъ нападеніе побѣдоноснаго непріятеля, и показываетъ ворота, которыя до сихъ поръ носятъ названіе «Аннибаловыхъ». Можно, пожалуй, замѣтить мимоходомъ, что одинъ французскій путешественникъ, хорошо извѣстный подъ именемъ президента Дюпати, принялъ за Тразименское озеро—Больсенское, видѣнное имъ на пути изъ Сіенны въ Римъ.

*) Около середины XII в. мантуанскія монеты имѣли съ одной стороны изображеніе и имя Виргилія.

XXIV.

Статуя Помпея.

О статуя, видящейся одна
Ты въ наготѣ божественной предъ нами.
(Строфа LXXXVII).

О предположеніи раздѣлить на 2 части Помпея Спады уже упоминалось историкомъ «Паденія Римской Имперіи». Гиббонъ нашелъ свѣдѣнія объ этомъ въ запискахъ Фламинія Вакки. Къ его разсказу можно прибавить, что папа Юлій II заплатилъ споривщимъ между собою собственникамъ за статую пятьсотъ кронъ и подарилъ ее кардиналу Капо ди Ферро, который воспрепятствовалъ исполненію надъ нею Соломонова суда. Въ эпоху болѣе цивилизованную эта статуя подверглась настоящей операціи: французы, представлявшіе въ Колизеѣ трагедію Вольтера «Брутъ», рѣшили, что ихъ Цезарь долженъ упасть къ подножію той самой статуи Помпея, пьедесталъ которой, какъ полагаютъ, былъ обрызганъ кровью настоящаго диктатора. Вслѣдствіе этого девяти-футовый герой былъ перенесенъ на арену амфитеатра, и для облегченія этой переноски подвергся временной ампутаціи правой руки. Республиканскіе артисты оправдывались тѣмъ, что эта рука, все равно, была раньше реставрирована; но ихъ обвинители не вѣрятъ, что цѣлость статуи спасла бы ее отъ этого насилія. Страсть къ изысканіямъ открыла даже подлинную кровь Цезаря въ пятнѣ близъ праваго колѣна статуи; но болѣе хладнокровная критика отвергла не только эту кровь, но даже и то, что статуя изображаетъ Помпею, находя, что «держава» въ ея рукѣ скорѣе указываетъ на перваго императора, чѣмъ на послѣдняго изъ республиканскихъ властителей Рима. Винкельманъ не признаетъ существованія героическихъ статуй римскихъ гражданъ; но «Агриппа» Гримани, почти современный «Помпею», представляетъ именно героическое изображеніе; обнаженныя римскія фигуры, конечно, допускались рѣдко, но не были вовсе запрещены. Лицо статуи гораздо больше похоже на hominem integrum et castum et gravem *), нежели на какой-либо изъ бюстовъ Августа и слишкомъ грубо для послѣдняго, который, по словамъ Светонія, былъ красивъ во всѣ эпохи своей жизни. Точно такъ же не замѣтно и сходства съ чертами Александра Македонскаго, и наоборотъ—замѣчается сходство съ медалью Помпея **). Спорная «держава» не могла быть слишкомъ грубою лестью человѣку, который засталъ Малую Азію на границѣ, а оставилъ ее въ центрѣ Римской имперіи. Винкельманъ, повидимому, ошибся, полагая, что мѣсто нахожденія этой статуи не можетъ служить доказательствомъ ея тождества съ тою, на которую пала кровь Цезаря. Фламиній Вакка говоритъ: sotto una cantina; а извѣстно, что эта cantina находилась въ Vicolo de'Leutari, близъ Cancellaria: положеніе, въ точности отвѣчающее положенію Япуса передъ базиликой театра Помпея, куда Августъ перенесъ статую послѣ того, какъ курія была сожжена или снесена ***). Часть

*) Cicer, Epist. ad Atticum, XI, 6.
**) Изд. Каузеусомъ, въ его Museum Romanum.
***) Sueton. in Vita August., cap. XXXI, et in Vita C. I. Caesar., cap. LXXXVIII. По словамъ Аппіона, она была сожжена.

портика, папѣстнаго подъ именемъ «Помпеевой сѣни» [1]), еще существовала въ началѣ XV столѣтія, атріумъ еще носилъ названіе Satrum. Такъ говоритъ Блондусъ [2]). Какъ бы то ни было, суровое величіе статуи такъ внушительно и ея исторія такъ памятна, что игра воображенія не оставляетъ мѣста для холодной разсудительности, и вымыселъ,—если только тутъ есть вымыселъ,—производитъ на зрителя не менѣе сильное дѣйствіе, чѣмъ сама истина.

XXV.

Бронзовая волчица.

О, славная волчица! Матерь Рима!
Опалена стрѣлою громовой...
(Строфа LXXXVIII).

Древній Римъ, подобно современной Сіеннѣ, по всей вѣроятности, былъ богатъ изображеніями кормилицы своего основателя; но въ исторіи особеннаго вниманія заслужили двѣ волчицы. Одну изъ нихъ, «изъ бронзы, древней работы» [3]), видѣлъ Діонисій въ храмѣ Ромула, подъ Палатиномъ; обыкновенно полагаютъ, что это была та самая, о которой римскій историкъ [4]) говоритъ, что она была сдѣлана изъ денегъ, собранныхъ въ видѣ штрафа съ ростовщиковъ, и стояла подъ Руминальской смоковницей. Другую прославилъ въ прозѣ и стихахъ Цицеронъ [5]), а историкъ Діонъ говоритъ, что съ ней случилось то самое происшествіе, на которое намекаетъ ораторъ [6]). Вопросъ, о которомъ спорятъ теперь антикваріи, заключается въ томъ, какая именно волчица находится во дворцѣ Консерваторіи: та ли, о которой говорятъ Ливій и Діонисій, или та, о которой говоритъ Цицеронъ,—или ни та, ни другая. Старинные писатели въ этомъ отношеніи такъже расходятся между собою, какъ и новѣйшіе: Люцій Фавнъ [7]) говоритъ, что объ этой самой волчицѣ упоминается у всѣхъ названныхъ писателей,—что невозможно, а также и у Виргилія,—что допустимо. Фульвій Урсинъ [1]) называетъ ее волчицею Діонисія, а Марліанъ [2]) полагаетъ, что о ней говоритъ Цицеронъ. Съ нимъ, «колеблясь», соглашается Рикквій [3]). Нардини склоняется къ предположенію, что это—одна изъ многихъ волчицъ, существовавшихъ въ древнемъ Римѣ, но если выбирать только изъ двухъ, то скорѣе — цицероновская [4]). Монфоконъ утверждаетъ послѣднее безъ всякихъ колебаній [5]). Изъ позднѣйшихъ писателей рѣшительный Винкельманъ заявляетъ, что она была найдена въ церкви св. Теодора, на томъ мѣстѣ, или по близости отъ того мѣста, гдѣ находился храмъ Ромула, и, слѣдовательно, признаетъ ее за волчицу Діонисія. Онъ основывается на показаніи Люція Фавна, который, однако, говоритъ только, что она была *помѣщена*, а не *найдена* близъ Руминальской смоковницы, у Комиція, и, повидимому, вовсе не отождествляетъ этого мѣста съ церковью св. Теодора. Рикквій первый сдѣлалъ эту ошибку, и Винкельманъ ему послѣдовалъ.

Фламиній Вакка разсказываетъ совсѣмъ особую исторію: по его словамъ, онъ слышалъ, что волчица съ близнецами была найдена близъ арки Септимія Севера [6]). Комментаторъ Винкельмана держится одинаковаго мнѣнія съ этимъ ученымъ и обрушивается на Нардини за то, что тотъ не замѣтилъ, что Цицеронъ, говоря объ ударѣ молніи, поразившемъ Капитолійскую волчицу, употребляетъ прошедшее время. Но вѣдь Нардини и не утверждаетъ положительно, что эта волчица—та самая, о которой упоминаетъ Цицеронъ; да если бы онъ и утверждалъ это,—его предположеніе вовсе не представлялось бы нелѣпымъ. Самъ же комментаторъ долженъ былъ признать, что на заднихъ ногахъ нынѣшней волчицы находятся знаки, очень похожіе на тѣ, какіе получаются отъ удара молніи; но, чтобы избавиться отъ этого затрудненія, онъ тутъ же прибавляетъ, что и волчица, видѣнная Діонисіемъ, также могла быть поражена молніей или получить какой-либо иной ударъ.

Разсмотримъ этотъ вопросъ въ отношеніи къ словамъ Цицерона. Ораторъ въ двухъ мѣстахъ говоритъ о Ромулѣ и Ремѣ, особенно о первомъ, относительно котораго слушателя помнили, что онъ *находился* въ Капитоліи и былъ пораженъ молніей. Въ стихахъ Цицеронъ напоминаетъ, что волчица съ близнецами ушла и оставила слѣды своихъ ногъ. Онъ не говоритъ, что волчица была разбита; да и Діонъ сообщаетъ только, что она ушла, ничего не говоря о силѣ удара или о прочности ея установки. Такимъ образомъ, вся сила доказательствъ аббата, комментатора Винкельмана, основывается на томъ, что Цицеронъ употребилъ прошедшее время; но такой оборотъ фразы указываетъ лишь на то, что въ то время, когда Цицеронъ говорилъ, статуя уже не стояла какъ прежде. Винкельманъ замѣтилъ, что близнецы—новѣйшее произведеніе; несомнѣнно также,

---

[1]) Tu modo Pompeia lentus spatiare sub umbra. Ovid., Art. Am., I, 67.

[2]) Flavii Blondi, De Roma Instaurata, Venet. 1511, lib. III, p. 25.

[3]) Antiq. Rom., I: γάλκεα ποιήματα παλαίας ἐργασίας.

[4]) Liv., Hist., X, cap. 23.

[5]) «Tum statua Nattæ, tum simulacra Deorum, Romulusque et Remus cum altrice bellua vi fulminis icti conciderunt». De Divinat. II 20. «Tactus est ille etiam qui hanc urbem condidit Romulus, quem inauratum in Capitolio parvum atque lactantem, uberibus lupinis inhiantem fuisse meministis». In Catilin. III. 8.

«Hic silvestris erat Romani nominis altrix
Martia, quæ parvos Mavortis semine natos
Uberibus gravidis vitali rore rigabat
Quae tum cum pueris flammato fulminis ictu
Concidit, atque avulsa pedum vestigia liquit.
De Consulatu, lib. II. (lib. I. de Divinat. cap. XII.)

[6]) Dion, Hist., l. XXXVII, p. 37, edit. Rob. Steph. 1548.

[7]) «In eadem porticu ænea lupa, cujus uberibus Romulus ac Remus lactantes inhiant, conspicitur: de hac Cicero et Virgilius semper intellexere. Livius hoc signum ab Aedilibus ex pecuniis quibus mulctati essent fœneratores, positum innuit. Antea in Comitiis ad Ficum Ruminalem, quo loco pueri fuerant expositi locatum pro certo est.» Luc. Fauni de Antiq. Urb. Rom. lib. II. cap. VII. ap. Sallengre, tom. I. p. 217.

[1]) Ap. Nardini, Roma Vetus, l. V, cap. 4.

[2]) Marliani Urb. Rom. Topograph., Venet. 1588, p. 23.

[3]) Gost. Rycquii. De Capit. Roman. Comm., 1696.

[4]) Roma Vetus, t. V, cap. 4.

[5]) Montfaucon. Diarium Italic., Paris 1702.

[6]) Flaminius Vacca, Memorie, num. III ap. Roma antica di Famiano, Nardini, Roma 1771.

что на волчицѣ есть слѣды позолоты, почему и можно предположить, что эта волчица составляла часть древней группы. Извѣстно, что находившіяся въ Капитоліи священныя изображенія, въ случаѣ поврежденій отъ времени или какой-либо случайности, не уничтожались, а складывались въ особыя подземныя помѣщенія, т. наз. favissae). Можно предположить, что тамъ же хранилась и волчица, которая затѣмъ была поставлена гдѣ-нибудь на видномъ мѣстѣ, когда Капитолій былъ перестроенъ Веспасіаномъ. Рикій говоритъ, не указывая источника, что она была перенесена изъ Комиція въ Латеранъ, а оттуда—въ Капитолій. Если она была найдена близъ арки Севера, то она можетъ быть однимъ изъ тѣхъ изображеній, о которыхъ Орозій говоритъ, что они были сброшены молніей на форумѣ, когда Римъ былъ взятъ Аларихомъ. Большая древность статуи рѣшительно доказывается работой, это обстоятельство и побудило Винкельмана признать ее за волчицу Діонисія. Какъ бы то ни было, капитолійская волчица должна относиться къ тому же раннему періоду, къ которому относится и храмъ Ромула. Лактанцій [2]) увѣряетъ, что въ его время римляне поклонялись волчицѣ; извѣстно, что Луперкаліи праздновались еще въ очень позднюю эпоху [3]), когда всѣ прочіе древніе языческіе обряды уже исчезли. Этимъ можно объяснить и то обстоятельство, что древнее изображеніе волчицы сохранилось лучше другихъ древнихъ символовъ язычества.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что волчица была гербомъ Рима и что слова о «поклоненіи» этому гербу внушены лишь христіанскою ревностью Лактанція. На древнихъ христіанскихъ писателей вообще нельзя полагаться въ ихъ обвиненіяхъ противъ язычниковъ. Евсевій обвинялъ римлянъ въ томъ, что они поклоняются Симону Магу и поставили ему статую на островѣ Тибра. Между тѣмъ, римляне, по всей вѣроятности, даже ничего и не слыхали объ этомъ лицѣ, сыгравшемъ видную, хотя и скандальную, роль въ церковной исторіи и оставившемъ въ Римѣ слѣды своего воздушнаго боя съ ап. Петромъ. Надпись, найденная на островѣ Тибра, показала, что Евсевій принялъ за Симона Мага одно туземное божество, носившее имя «Семо Санґуса» или «Фидія» [4]).

[1]) Luc. Fauni De Antiq. Urb. Rom., l. II, c. 6, ap. Sallengre, t. I, 216.

[2]) «Romuli nutrix Lupa honoribus est affecta divinis, et ferrem, et animal ipsum fuisset, cujus figuram gerit». Lactant. de Falsa Religione, lib i. cap. xx. pag. 101. edit. varior. 1660. Это значитъ, что онъ скорѣе готовъ былъ бы допустить поклоненіе волчицѣ, нежели непотребной женщинѣ (lupa). Комментаторъ замѣчаетъ, что не всѣ раздѣляли мнѣніе Ливія, будто въ видѣ волчицы изображена была Лаврентія. Страбонъ держался этого мнѣнія.

[3]) Въ 496 г. по Р. Х. «Quis credere possit», говоритъ Баронія (Ann. Eccles., Lucae 1741, VIII, 602), «viguisse adhuc Romae ad Gelasi tempora, quae fuere ante exordium Urbis allata in Italiam Lupercalia»? Геласій написалъ Описьмо, занимающее четыре листовыхъ страницы, къ сенатору Андромаху и другимъ, доказывая, что этотъ обычай надо уничтожить.

[4]) Eccles Hist. (Lipsiae 1827, p. 130), lib. II, cap. 13. Эта исторія передана ранѣе Іустиномъ мученикомъ; но самъ Баронія называетъ ее баснею. См. Nardini, Roma Vet., lib. VII, cap. 12.

Даже и въ то время, когда поклоненіе основателю Рима уже совершенно прекратилось, у римлянокъ все еще осталась привычка приходить съ больными дѣтьми въ церковь св. Теодора,—какъ прежде онѣ приходили съ ними въ храмъ Ромула [1]). Этотъ обычай существуетъ и до настоящаго времени, и на этомъ основаніи полагаютъ, что церковь стоитъ на мѣстѣ прежняго храма. Стало быть, если волчица дѣйствительно была найдена въ этомъ мѣстѣ, какъ утверждаетъ Винкельманъ, то она несомнѣнно должна быть признана за ту, которую видѣлъ Діонисій. Фавнъ, говоря, что она стояла у Руминальской смоковницы, близъ Комиція, указываетъ только, согласно Плинію, на ея древнее мѣстонахожденіе; если же онъ желалъ указать на то мѣсто, гдѣ она въ дѣйствительности была найдена, то это указаніе относится не къ церкви св. Теодора, а къ совершенно иной мѣстности, близъ которой, какъ полагали, находилась Руминальская смоковница, а слѣдовательно и Комицій: это—три колонны у церкви Santa Maria Liberatrice, въ углу Палатина, обращеномъ къ форуму.

Впрочемъ, мы можемъ только предположительно указывать мѣсто, гдѣ найдена была волчица; и можетъ быть, все-таки, слѣды позолоты и удара молніи служатъ лучшимъ доказательствомъ въ пользу мнѣнія, что именно объ этой волчицѣ говоритъ Цицеронъ. Какъ бы то ни было, въ поэмѣ вполнѣ умѣстно было упомянуть о ней, какъ объ одномъ изъ интереснѣйшихъ остатковъ древняго Рима. Конечно, именно объ этомъ изображеніи говоритъ Виргилій въ своихъ прекрасныхъ стихахъ:

Geminos huic ubera circum
Ludere pendentes pueros, et lambere matrem
Impavidos; illam, tereti cervice reflexam
Mulcere alternos, et corpora fingere lingua.
(Aen. VIII, 631—634).

XXVI.

Юлій Цезарь.

Пытъ, въ Цезарѣ иной огонь горѣлъ.
(*Строфа XC*).

Можно быть очень великимъ человѣкомъ — и все-таки быть ниже Юлія Цезаря, представляющаго, по словамъ Бэкона, наиболѣе совершенный типъ во всей древней исторіи. Природа, повидимому, неспособна къ созданію столь необыкновенныхъ комбинацій, изъ которыхъ сложился его характеръ, бывшій предметомъ изумленія для самихъ римлянъ. Первый полководецъ единственный торжествующій политикъ, никому не уступавшій въ краснорѣчіи и мудрости въ эпоху величайшихъ полководцевъ, государственныхъ людей, ораторовъ и философовъ, какіе когда-либо существовали, писатель, оставившій превосходный образецъ военной лѣтописи, веденной на походѣ, то ведущій полемику съ Катономъ, то составляющій трактатъ объ остроуміи и собирающій удачныя изреченія, занимающійся одновре-

[1]) Accurata e succincta Descrizione, etc., di Roma moderna, dell' Ab. Venuti, R. 1766, II, 397.

менно и войною, и любовными похожденіями, и выражающій желаніе покинуть и свою власть, и любовницу ради удовольствія увидѣть источники Нила,—такимъ представлялся Юлій Цезарь своимъ современникамъ и потомкамъ, оплакивавшимъ и вмѣстѣ проклинавшимъ его роковой геній.

Но мы не должны поражаться его удивительною славою, его великодушіемъ и любезностью до такой степени, чтобы забыть рѣшеніе его безпристрастныхъ согражданъ: «Онъ былъ убитъ справедливо» *).

XXVII.

Эгерія.

Эгерія! Ты словно добрый геній
Царю единой радостью была.
(*Строфа CXI*).

Почтенный авторитетъ Фламинія Вакки заставляетъ насъ раздѣлять его мнѣніе о гротѣ Эгеріи: онъ говоритъ, что самъ видѣлъ надпись, удостовѣрявшую, что это былъ именно фонтанъ Эгеріи, посвященный нимфамъ. Въ настоящее этой надписи тамъ нѣтъ, но Монфоконъ приводитъ двѣ строки изъ Овидія (Fast., III, 275, 276), высѣченныя на одномъ камнѣ, находящемся въ виллѣ Джустиніани, и полагаетъ, что этотъ камень перенесенъ изъ того же грота **).

Этотъ гротъ и окружающая его долина въ прежнее время, лѣтомъ, особенно же—въ первое воскресенье мая, усердно посѣщались римлянами, приписывавшими цѣлебныя свойства источнику, который выходитъ изъ отверстія внизу свода и, протекая черезъ небольшой прудъ, струится по травѣ и впадаетъ въ находящійся ниже его ручей. Этотъ ручей у Овидія называется Альмо, а нынѣшнее его названіе—Аквataччіо. Долина носитъ имя Valle di Caffarelli, — по имени герцоговъ, которые потомъ уступили Палавичини источникъ и часть примыкающей къ нему земли.

Можно сомнѣваться въ томъ, что эта длинная лощина есть именно упоминаемая у Ювенала долина Эгеріи, гдѣ онъ отдыхалъ съ Умбриціемъ, хотя всѣ комментаторы предполагаютъ, что сатирикъ и его другъ спускались въ рощу Аріціи, гдѣ эта нимфа встрѣчалась съ Ипполитомъ и гдѣ она пользовалась особеннымъ поклоненіемъ.

Путь отъ Капенскихъ воротъ до Албанскаго холма, на разстояніи пятидесяти миль, былъ бы слишкомъ значителенъ,—развѣ только принять дикую гипотезу Фосса, у котораго эти ворота путешествуютъ съ ихъ нынѣшняго мѣста, гдѣ, по его словамъ, онѣ стояли во времена царей, къ самой рощѣ Аріціи, а потомъ, по мѣрѣ уменьшенія окружности города, опять возвращаются на прежнее мѣсто **). Туфъ или пеперинъ, которую поэтъ предпочитаетъ мрамору,—главная составная часть берега, въ который углубляется гротъ.

Новѣйшіе топографы находятъ въ гротѣ статую нимфы и девять нишъ для музъ, а одинъ позднѣйшій путешественникъ открылъ, что гротъ реставрированъ въ той простотѣ, о которой сожалѣлъ Ювеналъ, говоря, что напрасно ее замѣнили неумѣстными украшеніями. Но безголовая статуя, очевидно, изображаетъ скорѣе мужчину, нежели нимфу, и въ настоящее время вовсе не имѣетъ тѣхъ аттрибутовъ, какіе ей приписаны; что касается девяти музъ, то едва ли онѣ могли стоять въ шести нишахъ; притомъ, и Ювеналъ вовсе не говоритъ о какомъ-либо отдѣльномъ гротѣ. Изъ словъ сатирика видно только, что гдѣ-то близъ Капенскихъ воротъ находилось мѣсто, гдѣ, какъ предполагали, Нума имѣлъ ночныя совѣщанія съ своей нимфой, и что тамъ была роща и священный источникъ, а также—храмъ, посвященный музамъ, и что съ этого мѣста былъ спускъ въ долину Эгеріи, гдѣ находилось нѣсколько искусственныхъ гротовъ. Ясно, что статуи музъ не составляли части того украшенія, которое сатирикъ считалъ неумѣстнымъ въ гротахъ,—такъ какъ онъ опредѣленно говоритъ о другихъ храмахъ (delubra), посвященныхъ этимъ божествамъ въ долинѣ, и, сверхъ того, упоминаетъ, что эти храмы были снесены для того, чтобы дать мѣсто іудеямъ. Въ самомъ дѣлѣ, маленькій храмъ, называемый теперь храмомъ Вакха, вѣроятно былъ прежде посвященъ музамъ: по словамъ Нардини, онъ стоялъ въ тополевой рощѣ, которая въ тѣ времена находилась надъ долиною.

Судя по надписи и мѣстоположенію, показываемый теперь гротъ, вѣроятно, есть одинъ изъ упомянутыхъ «искусственныхъ гротовъ»; другой изъ нихъ находится нѣсколько выше, подъ кустами; но *единственный* гротъ Эгеріи есть новѣйшее изобрѣтеніе, основанное на томъ, что ими Эгеріи примѣнялось вообще ко всему этому мѣсту.

Въ долинѣ много ключей *), къ которымъ сходились музы изъ своихъ сосѣднихъ рощъ; этими ключами владѣла Эгерія, о которой говорилось, что она снабжаетъ ихъ водою; она была нимфою тѣхъ гротовъ, черезъ которые протекали эти ключи.

Всѣ памятники по сосѣдству съ долиною Эгеріи получали произвольныя названія, такъ же произвольно измѣнявшіяся. Вопутно говоритъ, что онъ не видитъ никакихъ слѣдовъ храмовъ Юпитера, Сатурна, Юноны, Венеры и Діаны которые нашелъ—или думалъ найти—Нардини Циркъ Каракаллы, храмъ Чести и Доблести, храмъ Вакха и особенно—храмъ бога Rediculus приводятъ антикваріевъ въ отчаяніе.

Предположеніе о существованіи цирка Каракаллы основывается на одной медали этого императора, указываемой Фульвіемъ Урсиномъ, на оборотной сторонѣ которой изображенъ

---

*) «Jure caesus existimetur», говоритъ Светоній, I, 76, заключая прекрасную его характеристику. Это выраженіе во времена Ливія было юридической формулой, употреблявшейся въ приговорахъ, которыми оправдывалось убійство (напр., въ случаѣ убійства грабителей и т. п.): «Maelium jure caesum pronuntiavit, etiam si regni crimine insens fuerit» (Liv. IV, cap. 15).

**) «In villa Justiniana extat ingens lapis quadratus solidus, in quo sculpta haec duo Ovidii carmina sunt:—

Aegeria est quae praebet aquas dea grata Camoenis
Illa Numae conjunx consiliumque fuit.

Qui lapis videtur ex eodem Egeriae fonte, aut ejus vicinia isthuc comportatus»,
Diarium Italic. p. 153.

*) De Magnit. Vet. Rom., ap. Graev., Ant. Rom., 1507.

**) Quamvis indique e solo aquae scaturiant. Nardini, l. III, cap. 3.

циркъ; по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, это—изображеніе Circus Maximus. Оно даетъ хорошее понятіе о расположеніи цирка вообще. Съ того времени почва поднялась лишь на небольшую высоту,—если судить по небольшому склепу въ концѣ Спины, гдѣ, по всей вѣроятности, находилась часовня въ честь бога Конса. Этотъ склепъ на половину находится подъ землей; такимъ онъ долженъ былъ быть и въ самомъ циркѣ, такъ какъ Діонисій [1]) не вѣрилъ, чтобы это божество было римскимъ Нептуномъ, въ виду того, что его алтарь находился подъ землей.

XXVIII.

Римская Немезида.

О, Немезида! Ты не забывала
Измѣрить весь порочности людской.
(Строфа CXXXII).

Мы читаемъ у Светонія [2]), что Августъ, повинуясь предостереженію, полученному во снѣ, разъ въ годъ одѣвался нищимъ и садился у воротъ своего дворца, протягивая руку за подаяніемъ. Одна статуя, находившаяся прежде въ виллѣ Боргезе, а теперь, вѣроятно, находящаяся въ Парижѣ, представляетъ императора въ этомъ нищенскомъ видѣ. Цѣлью этого самоуничиженія было успокоеніе Немезиды, постоянно враждебной счастію и удачѣ; о могуществѣ этой богини римскіе завоеватели получали особыя напоминанія въ видѣ символовъ, украшавшихъ ихъ побѣдныя колесницы. Такими символами были бичъ и «кроталъ», открытые на изображеніи Немезиды въ Ватиканѣ. Вышеупомянутую статую нищаго принимали раньше за изображеніе Велизарія, и она подавала поводъ къ цѣлому ряду вымысловъ до тѣхъ поръ, пока критика Винкельмана не опровергла всѣхъ заблужденій. Это былъ тотъ же самый страхъ быстрой смѣны счастья бѣдствіями, который побудилъ египетскаго царя Амазиса предостерегать своего друга, Поликрата Самосскаго, говоря, что боги любятъ только тѣхъ людей, въ жизни которыхъ счастье перемѣшано съ несчастьемъ. О Немезидѣ говорили, что она въ особенности подстерегаетъ людей благоразумныхъ, то есть такихъ, осторожность которыхъ дѣлаетъ ихъ доступными только случайнымъ ударамъ судьбы. Первый алтарь въ честь этой богини былъ поставленъ на берегахъ фригійской рѣки Эсепа Адрастомъ,—вѣроятно, тѣмъ самымъ, который по ошибкѣ убилъ сына Креза. Отсюда и сама богиня получила имя Адрастеи.

Римская Немезида была Sacra и Augusta; ей, подъ именемъ Рамнузіи, былъ воздвигнутъ храмъ на Палатинѣ; склонность древнихъ вѣрить въ быстрые перевороты событій и полагаться на божественную власть Фортуны была такъ сильна, что на томъ же Палатинѣ находился храмъ «Фортуна нашихъ дней» [3]). Это—послѣднее изъ суевѣрій, сохранившее свою власть надъ человѣческимъ сердцемъ; устремляя на одинъ предметъ потребность въ вѣрѣ, столь естественную въ человѣкѣ, оно всегда проявлялось сильнѣе у тѣхъ людей, которые въ другихъ отношеніяхъ были невѣрующими. По предположенію нѣкоторыхъ антикваріевъ, Немезида была синонимомъ богини Фортуны и Судьбы [1]), но подъ именемъ Немезиды ей поклонялись какъ богинѣ-мстительницѣ.

XXIX.

Гладіаторы.

А онъ, какъ шутъ, для римлянъ кровь пролилъ.
(Строфа CXLI)

Гладіаторы были двухъ родовъ: принудительные и добровольные; они набирались изъ людей разныхъ состояній: изъ рабовъ, которыхъ покупали нарочно съ этою цѣлью; изъ преступниковъ; изъ плѣнныхъ варваровъ—или захваченныхъ на войнѣ и приведенныхъ въ тріумфѣ, а потомъ оставленныхъ для игръ, или арестованныхъ и осужденныхъ за возмущеніе; а также и изъ свободныхъ гражданъ, изъ которыхъ одни сражались за плату, а другіе—ради извращеннаго честолюбія; наконецъ, въ качествѣ гладіаторовъ выступали иногда даже и всадники, и сенаторы,—немилость, первымъ изобрѣтателемъ которой, естественно, былъ первый же тиранъ [2]). Подъ конецъ стали сражаться даже карлики и женщины,—безобразіе, запрещенное Северомъ. Изъ всѣхъ наиболѣе достойными сожалѣнія были, конечно, плѣнные варвары; къ нимъ одинъ христіанскій писатель справедливо примѣняетъ эпитетъ «невинныхъ» [3]), въ отличіе отъ профессіональныхъ гладіаторовъ. Авреліанъ и Клавдій дали большое число этихъ несчастныхъ жертвъ, первый—послѣ своего тріумфа, а второй—подъ предлогомъ возмущенія. Никакая война, говоритъ Липсій [4]), не была такъ губительна для человѣчества, какъ эта забава. Не взирая на законы Константина и Констанція, гладіаторскіе бои пережили старую религію болѣе, нежели на семьдесятъ лѣтъ; своимъ окончательнымъ уничтоженіемъ они обязаны мужеству христіанъ. Въ январскія календы 404 г. въ амфитеатрѣ Флавія, при обычномъ огромномъ стеченіи народа, даны были гладіаторскія игры. Одинъ восточный монахъ, Альмахій или Телемахъ, нарочно прибывшій въ Римъ съ святою цѣлью положить конецъ этой бойнѣ, бросился на арену и сталъ

---

[1]) DEAE NEMESI
SIVE FORTVNAE
PISTORIVS
RVFIANVS
C. LEGAT.
LEG. XIII. G.
COND.

См. Quaestiones Romanae, etc. ap. Graev., Antiq. Rom., v. 942. См. также Muratori, Nov. Thesaur. Inscrip. Vet., Milano 1739, I, 88, 89, гдѣ помѣщено три латинскихъ и одна греческая надпись Немезидѣ, а другія Судьбѣ.

[2]) Юлій Цезарь, возвысившійся благодаря паденію аристократіи, вывелъ на арену Фурія Лентина и А. Калена.

[3]) Tertullian. «Certe quidem et innocentes gladiatores in ludum veniunt, ut voluptatis publicae hostiae fiant». Just. Lips. Saturn. Scermon. lib II. cap. III.

[4]) «Credo imo scio nullum bellum tantam cladem vastitiemque generi humano intulisse, quam hos ad voluptatem ludos». Just. Lips. ibid. lib. I. cap. XII.

---

[1]) Antiq. Rom., Oxf. 1704, I, II, cap. 31.

[2]) Vit. Augusti, cap. 91.

[3]) «Fortunae hujusce dici» О ней упоминаетъ Цицеронъ, De Legib., l. II.

циркъ; по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, это—изображеніе Circus Maximus. Оно даетъ хорошее понятіе о расположеніи цирка вообще. Съ того времени почва поднялась лишь на небольшую высоту,—если судить по небольшому склепу въ концѣ Спины, гдѣ, по всей вѣроятности, находилась часовня въ честь бога Конса. Этотъ склепъ на половину находится подъ землей; такимъ онъ долженъ былъ быть и въ самомъ циркѣ, такъ какъ Діонисій [1]) не вѣрилъ, чтобы это божество было римскимъ Нептуномъ, въ виду того, что его алтарь находился подъ землей.

XXVIII.

Римская Немезида.

О, Немезида! Ты не забывала
Измѣрить вѣсъ порочности людской.
(Строфа CXXXII).

Мы читаемъ у Светонія [2]), что Августъ, повинуясь предостереженію, полученному во снѣ, разъ въ годъ одѣвался нищимъ и садился у воротъ своего дворца, протягивая руку за подаяніемъ. Одна статуя, находившаяся прежде въ виллѣ Боргезе, а теперь, вѣроятно, находящаяся въ Парижѣ, представляетъ императора въ этомъ нищенскомъ видѣ. Цѣлью этого самоуничиженія было успокоеніе Немезиды, постоянно враждебной счастію и удачѣ; о могуществѣ этой богини римскіе завоеватели получали особыя напоминанія въ видѣ символовъ, украшавшихъ ихъ побѣдныя колесницы. Такими символами были бичъ и «кроталъ», открытые на изображеніи Немезиды въ Ватиканѣ. Вышеупомянутую статую нищаго принимали раньше за изображеніе Велизарія, и она подавала поводъ къ цѣлому ряду вымысловъ до тѣхъ поръ, пока критика Винкельмана не опровергла всѣхъ заблужденій. Это былъ тотъ же самый страхъ быстрой смѣны счастья бѣдствіями, который побудилъ египетскаго царя Амазиса предостерегать своего друга, Поликрата Самосскаго, говоря, что боги любятъ только тѣхъ людей, въ жизни которыхъ счастье перемѣшано съ несчастьемъ. О Немезидѣ говорили, что она въ особенности подстерегаетъ людей благоразумныхъ, то есть такихъ, осторожность которыхъ дѣлаетъ ихъ доступными только случайнымъ ударамъ судьбы. Первый алтарь въ честь этой богини былъ поставленъ на берегахъ фригійской рѣки Эсепа Адрастомъ,—вѣроятно, тѣмъ самымъ, который по ошибкѣ убилъ сына Креза. Отсюда и сама богиня получила имя Адрастеи.

Римская Немезида была Sacra и Augusta; ей, подъ именемъ Рамнузіи, былъ воздвигнутъ храмъ на Палатинѣ; склонность древнихъ вѣрить въ быстрые перевороты событій и полагаться на божественную власть Фортуны была такъ сильна, что на томъ же Палатинѣ находился храмъ «Фортуна нашихъ дней» [3]). Это— послѣднее изъ суевѣрій, сохранившее свою власть надъ человѣческимъ сердцемъ; устремляя на одинъ предметъ потребность въ вѣрѣ, столь естественную въ человѣкѣ, оно всегда проявлялось сильнѣе у тѣхъ людей, которые въ другихъ отношеніяхъ были невѣрующими. По предположенію нѣкоторыхъ антикваріевъ, Немезида была синонимомъ богини Фортуны и Судьбы [1]), но подъ именемъ Немезиды ей поклонялись какъ богинѣ-мстительницѣ.

[1]) Antiq. Rom., Oxf. 1704, l, II, cap. 31.

[2]) Vit. Augusti, cap. 91.

[3]) «Fortunae hujusce diei» О ней упоминаетъ Цицеронъ, De Legib., l. II.

XXIX.

Гладіаторы.

А онъ, какъ шутъ, для римлянъ кровь пролилъ.
(Строфа CXLI)

Гладіаторы были двухъ родовъ: принудительные и добровольные; они набирались изъ людей разныхъ состояній: изъ рабовъ, которыхъ покупали нарочно съ этою цѣлью; изъ преступниковъ; изъ плѣнныхъ варваровъ—или захваченныхъ на войнѣ и приведенныхъ въ тріумфѣ, а потомъ оставленныхъ для игръ, или арестованныхъ и осужденныхъ за возмущеніе; а также и изъ свободныхъ гражданъ, изъ которыхъ одни сражались за плату, а другіе—ради извращеннаго честолюбія; наконецъ, въ качествѣ гладіаторовъ выступали иногда даже и всадники, и сенаторы,—немилость, первымъ изобрѣтателемъ которой, естественно, былъ первый же тиранъ [2]). Подъ конецъ стали сражаться даже карлики и женщины,—безобразіе, запрещенное Северомъ. Изъ всѣхъ наиболѣе достойными сожалѣнія были, конечно, плѣнные варвары; къ нимъ одинъ христіанскій писатель справедливо примѣняетъ эпитетъ «невинныхъ» [3]), въ отличіе отъ профессіональныхъ гладіаторовъ. Аврелианъ и Клавдій дали большое число этихъ несчастныхъ жертвъ, первый—послѣ своего тріумфа, а второй—подъ предлогомъ возмущенія. Никакая война, говоритъ Липсій [4]), не была такъ губительна для человѣчества, какъ эта забава. Не взирая на законы Константина и Констанція, гладіаторскіе бои пережили старую религію болѣе, нежели на семьдесятъ лѣтъ; своимъ окончательнымъ уничтоженіемъ они обязаны мужеству христіанъ. Въ январскія календы 404 г. въ амфитеатрѣ Флавія, при обычномъ огромномъ стеченіи народа, даны были гладіаторскія игры. Одинъ восточный монахъ, Альмахій или Телемахъ, нарочно прибывшій въ Римъ съ святою цѣлью положить конецъ этой бойнѣ, бросился на арену и сталъ

[1]) DEAE NEMESI
SIVE FORTUNAE
PISTORIVS
RVGIANVS
C. LEGAT.
EG. XIII. G.
CORD.

См. Quaestiones Romanae, etc. ap. Graev., Antiq. Rom., v. 942. См. также Muratori, Nov. Thesaur. Inscrip. Vet., Milano 1739, I, 88, 89, гдѣ помѣщено три латинскихъ и одна греческая надпись Немезидѣ, а другія Судьбѣ.

[2]) Юлій Цезарь, возвысившійся благодаря паденію аристократіи, вывелъ на арену Фурія Лептина и А. Калена.

[3]) Tertullian. «Certe quidem et innocentes gladiatores in ludum veniunt, ut voluptatis publicae hostiae fiant». Just. Lips. Saturn. Scermon. lib II. cap. III.

[4]) «Credo imo scio nullum bellum tantam cladem vastitiemque generi humano intulisse, quam hos ad voluptatem ludos». Just. Lips. ibid. lib. I. cap. XII.

разнимать сражавшихся. Преторъ Аллій, человѣкъ, до невѣроятія увлекавшійся гладіаторскими играми *), приказалъ гладіаторамъ убить этого монаха,—и Телемахъ удостоился мученическаго вѣнца и причисленія къ лику святыхъ, которое едва ли когда либо прежде или послѣ было наградою за болѣе благородный подвигъ. Гонорій тотчасъ же запретилъ эти зрѣлища, которыя съ тѣхъ поръ уже и не возобновлялись. Эта исторія разсказывается Ѳеодоритомъ и Кассіодоромъ **) и заслуживаетъ довѣрія, несмотря на то, что она помѣщена въ римскомъ мартирологѣ. Не говоря о тѣхъ потокахъ крови, какіе проливались на похоронахъ, въ амфитеатрахъ, циркахъ, на форумѣ и въ другихъ публичныхъ мѣстахъ, гладіаторовъ приводили и на пиры, и здѣсь они терзали другъ друга на части посреди накрытыхъ для ужина столовъ, къ великому удовольствію и радости гостей Липсій позволяетъ себѣ высказать предположеніе, что утрата мужества и явное вырожденіе человѣчества находятся въ тѣсной связи съ отмѣною этихъ кровавыхъ потѣхъ.

XXX.

Гладіаторы.

И жизнь иль смерть свободно раздавала.
(Строфа CXLII).

Когда одинъ гладіаторъ ранилъ другого, онъ восклицалъ: «Вотъ ему!» («Hoc habet» или «Habet»). Раненый бросалъ оружіе и, подойдя къ краю арены, обращался къ зрителямъ съ мольбою о жизни. Если онъ сражался хорошо,—народъ принималъ его подъ свое покровительство; въ противномъ случаѣ или когда зрители не были расположены къ пощадѣ, они опускали внизъ большіе пальцы своихъ рукъ,—и несчастнаго убивали. Толпа отличалась такой дикостью, что проявляла нетерпѣніе, если бой длился дольше, чѣмъ обыкновенно, безъ ранъ или смерти. Присутствіе императора обыкновенно спасало побѣжденнаго; въ примѣръ особенной жестокости Каракаллы приводится, что во время одного спектакля въ Никомедіи онъ отослалъ умолявшихъ о спасеніи жизни—къ народу, то есть, другими словами, выдалъ ихъ на смерть. Подобный же обычай соблюдается и въ испанскомъ боѣ быковъ. Власти предсѣдательствуютъ, и послѣ того, какъ всадники и пикадоры окончатъ свое сраженіе съ быкомъ, выступаетъ матадоръ, прося позволенія его убить. Если быкъ «исполнилъ свой долгъ», т. е. убилъ двѣ или три лошади, или человѣка (послѣднее случается рѣдко), то публика начинаетъ кричать, дамы машутъ платками,—и животное спасено. Раны и смерть лошадей сопровождаются самыми громкими восклицаніями и выраженіемъ удовольствія, особенно—со стороны женщинъ, даже самаго высокаго происхожденія. Все—дѣло привычки. Авторъ *Чайльдъ-Гарольда*, вмѣстѣ съ авторомъ этихъ примѣчаній и однимъ или двумя другими англичанами, несомнѣнно, видѣвшими въ свое время сраженія болѣе осмысленныя, находился, лѣтомъ 1809 г., въ губернаторской ложѣ большого амфитеатра въ Санта-Маріа, противъ Кадикса. Смерть одной или двухъ лошадей вполнѣ удовлетворила ихъ любопытство. Одинъ бывшій при этомъ джентльменъ, замѣтивъ, что они вздрогнули и поблѣднѣли, обратилъ на столь необычайное отношеніе къ такому пріятному спорту вниманіе нѣсколькихъ молодыхъ лэди, которыя смотрѣли на нихъ, посмѣиваясь, и продолжали рукоплескать, когда упала еще одна лошадь. Одинъ быкъ убилъ трехъ лошадей «собственными рогами». Его жизнь была спасена рукоплесканіями, которыя удвоились, когда стало извѣстно, что онъ принадлежитъ священнику.

Англичанинъ, чувствующій большое удовольствіе при видѣ того, какъ два человѣка сворачиваютъ другъ другу скулы, не можетъ выносить вида лошади, скачущей по аренѣ съ кишками, выпадающими изъ ея распоротаго брюха, и съ ужасомъ и презрѣніемъ отворачивается отъ этого зрѣлища и любующейся имъ публики.

XXXI.

Альбанскій холмъ.

Вотъ Тибръ сверкаетъ лентой предо мною
И омываетъ моря синій валъ
Брегъ Лаціума дальній...
(Строфа CLXXIV).

Весь склонъ Альбанскаго холма полонъ несравненной красоты, а изъ монастыря, стоящаго на самой вершинѣ, на мѣстѣ нѣкогда бывшаго тамъ храма Юпитера Латинскаго, открывается видъ на всѣ мѣстности, упоминаемыя въ этой строфѣ: отсюда видно и Средиземное море, и вся сцена второй половины *Энеиды*, и берегъ отъ устья Тибра до Цирцеи и мыса Террачины.

Вилла Цицерона находилась, вѣроятно, или у Grotta Ferrata, или на мѣстѣ «Тускулума» принца Люсьена Бонапарта.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ преобладало первое мнѣніе, какъ можно видѣть изъ «Жизни Цицерона» Миддльтона. Въ настоящее время эта увѣренность нѣсколько пошатнулась. Въ указанномъ мѣстѣ живетъ девять монаховъ греческаго ордена, а близъ лежащая вилла служитъ лѣтней резиденціей кардинала. Другая вилла, называемая Руффинеллой, находится на вершинѣ холма, выше Фраскати; здѣсь было найдено много богатыхъ остатковъ Тускулума, между прочимъ—72 статуи, различной цѣнности и степени сохранности, и семь бюстовъ.

Съ этой же возвышенности видны Сабинскіе холмы, среди которыхъ лежитъ длинная долина Рустики. Многія обстоятельства даютъ право отождествлять эту долину съ гораціевской «Устикой»; очень возможно, что мозаичный полъ, открытый крестьянами, копавшими землю подъ виноградникъ, принадлежалъ этой виллѣ. Вилла, или мозаика, находится въ виноградникѣ, на возвышеніи, поросшемъ каштановыми деревьями. По долинѣ протекаетъ рѣчка, въ путеводителяхъ невѣрно называемая Личенцой: это названіе принадлежитъ деревнѣ, расположенной на скалѣ надъ долиною и получившей имя, вѣроятно, отъ древней Дигенціи. Въ Личенцѣ 700 жителей. Выше нея лежитъ Чивителла, съ 300 жителей. На берегу Аніо, немного раньше поворота въ долину Рустики, влѣво, примѣрно, въ часовомъ разстояніи отъ виллы, находится городокъ Виковаро—другое совпаденіе съ гораціевскою «Варіей». Въ концѣ долины, по направ-

*) Augustinus, Confess. lib. VI, cap. 8: «Alypium suum gladiatorii spectaculi inhiatu incredibiliter abreptum scribit».

**) Hist. Eccles., ap. Ant. Hist. Eccl., Basil. 1535 lib. V, cap. 26; lib. X, cap. 2, p. 543.

ленію къ Аніо, стоитъ голый холмъ и на немъ—небольшая башня, называемая Вардела. У подошвы этого холма течетъ рѣчка изъ Личенцы, почти совершенно поглощаемая широкимъ песчанымъ ложемъ прежде, чѣмъ она впадаетъ въ Аніо. Все это какъ нельзя болѣе удачно подходитъ къ стихамъ поэта,—и въ переносномъ, и въ прямомъ смыслѣ:

Me quotiens reficit gelidus Digentia rivus,
Quem Mandela bibit rugosus frigore pagus.

Въ верхней части долины рѣчка чиста, но подходя къ холму Бардела, становится зеленовато-желтой, словно расплавленная сѣра.

Рокка Джіованне, разрушенная деревня на холмахъ, въ получасѣ ходьбы отъ того виноградника, гдѣ показывается мозаика, повидимому, стоитъ на мѣстѣ храма Вакуны; найденная тамъ надпись гласитъ, что этотъ храмъ Сабинской побѣды былъ исправленъ Веспасіаномъ. При такихъ данныхъ и мѣстоположеніи, во всѣхъ подробностяхъ отвѣчающемъ тому, чтосамъ поэтъ говоритъ намъ о своемъ убѣжищѣ, мы можемъ чувствовать достаточную увѣренность относительно того, гдѣ мы находимся.

Холмъ, въ древности называвшійся Lucretilis, теперь носитъ названіе Campanile; идя вверхъ по рѣчкѣ къ предполагаемой Бандузіи, мы подходимъ къ подошвѣ болѣе высокой горы Дженнаро. Замѣчательно, что единственное распаханное мѣсто во всей долинѣ находится на возвышеніи, гдѣ беретъ начало Бандузія.

. . . tu frigus amabile
Fessis vomere tauris
Praeber, et pecori vago.

Крестьяне показываютъ еще другой ключъ, возлѣ мозаичнаго пола, который они называютъ «Орадина»; онъ стекаетъ съ холмовъ въ прудъ и оттуда струится, впадая въ Дигенцію.

Но мы не должны надѣяться «прослѣдить за музами до ихъ источника», изслѣдуя романическую долину *въ поискахъ за ключомъ Бандузіи*. Странно было бы, если бы кто-нибудь принялъ за Бандузію ручей Дигенціи: вѣдь Горацій не говоритъ объ этомъ ни слова. На самомъ дѣлѣ безсмертный источникъ оказался во владѣніи людей, которымъ въ Италіи принадлежитъ много хорошихъ вещей,—во владѣніи монаховъ. Онъ принадлежитъ церкви св. Гервасія и Протасія близъ Венузіи, гдѣ онъ и отысканъ. Намъ не удастся, подобно недавнему путешественнику, найти ту «случайную пинію», которая, будто бы, все еще осѣняетъ виллу поэта. Во всей долинѣ нѣтъ ни одной пиніи, а есть два кипариса, одинъ изъ которыхъ, очевидно, принятъ путешественникомъ за упомянутое въ одѣ дерево. Дѣло въ томъ, что пинія и въ наши дни, и во времена Виргилія, была и есть дерево садовое, и никогда не росла на крутыхъ откосахъ долины Рустики. У Горація, вѣроятно, было одно такое дерево въ саду, который находился непосредственно надъ его виллой, а не на утесистыхъ высотахъ вдали отъ нея.

Дѣвушка изъ Кадикса.

Это стихотвореніе, написанное въ 1809 г., первоначально было включено въ 1-ю пѣснь *Чайльдъ-Гарольда*, послѣ строфы LXXXVI, но потомъ замѣнено куплетами «Къ Инезѣ», помѣченными 25 янв. 1810.

Въ альбомъ.

Альбомъ принадлежалъ, безъ сомнѣнія, г-жѣ Спенсеръ Смитъ, къ которой относятся также стихи «Къ Флоренсѣ», «Стансы, сочиненные во время бури», «Стансы, написанные, когда авторъ проѣзжалъ по Амвракійскому заливу и строфы XXXII и XXXIII.

2-й пѣсни *Чайльдъ-Гарольда*. См. о ней въ примѣчаніяхъ къ этой поэмѣ. Стихотвореніе помѣчено: «Мальта, сент. 14, 1809» и напечатано въ первомъ изданіи *Чайльдъ-Гарольда*, 1812.

Къ Флоренсѣ.

Написано въ сентябрѣ 1809 г. и напечатано въ I изд. *Чайльдъ-Гарольда*. См. предыдущ. примѣч.

Стансы, сочиненные во время бури.

«Написано 11 октября 1808 г., ночью, во время бури, когда проводники заблудились на дорогѣ въ Зитцу, близъ горнаго кряжа, ранѣе называвшагося Пиндомъ, въ Албаніи». (*Прим. Байрона*).

Ср. примѣчаніе къ строфѣ XLVIII 2-й пѣсни *Чайльдъ-Гарольда*.

Стансы, написанные, когда авторъ проѣзжалъ по Амвракійскому заливу.

Написано 14 ноября 1809.

Волшебство исчезло.

Написано въ Аѳинахъ, 16 января 1810. Относится къ «Флоренсѣ». См. выше въ настоящемъ столбцѣ

Аѳинской дѣвушкѣ.

«Аѳинская дѣвушка», какъ полагаютъ, была старшая изъ трехъ дочерей Теодоры Макри, вдовы бывшаго англійскаго вице-консула. Байронъ и Гобгоузъ жили у нея въ домѣ. Сестеръ видѣлъ и описалъ одинъ англійскій художникъ, Вильямсъ, бывшій въ Аѳинахъ въ 1817 г.: «Тереза («аѳинская дѣва»), Катенька и Маріанна роста *средняго... У двухъ старшихъ* волосы и глаза черные или темные, лицо овальное и нѣсколько блѣдное, зубы бѣлые, какъ жемчугъ, щеки круглыя, носы прямые, скорѣе даже орлиные. Младшая, Маріанна, очень красива; ея лицо не такъ изящно, какъ у другихъ сестеръ, но выраженіе его привѣтливѣе; другія сестры кажутся болѣе задумчивыми, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда разговоръ идетъ о чемъ-нибудь веселомъ. Онѣ обладаютъ изящною внѣшностью и хорошими манерами, которыя сдѣлали бы ихъ привлекательными и во всякой другой странѣ. Онѣ умѣютъ вести интересный разговоръ и, повидимому, болѣе образованы, чѣмъ вообще гречанки. Другіе путешественники—Юзъ, бывшій въ Аѳинахъ въ 1813 г., и Уэлшъ, видѣвшій Терезу въ 1821 г., нашли ее привлекательной и интересной, но объ ея красотѣ говорятъ, какъ о минувшемъ. Она вышла замужъ за англичанина Блэка, служившаго въ англійскомъ консульствѣ въ Миссолонги. Овдовѣвъ, она жила въ большой бѣдности и умерла 15 октября 1875 г, 80-ти лѣтъ.

«Аѳинская дѣвушка» много разъ была положена на музыку, между прочимъ—Гуно.

Стр. 187. *Рѣчью тайною цвѣтовъ,*
Говорившихъ больше словъ...

«На Востокѣ (гдѣ женщинѣ не учатъ писать, чтобы онѣ не царапали любовныхъ записокъ) цвѣты, зола, камешки и пр., передаваемые черезъ извѣстнаго посланца Меркуріи — старуху,

служатъ выраженіемъ чувствъ обѣихъ сторонъ. Зоя означаетъ: «Я пылаю къ тебѣ»; букетъ цвѣтовъ, перевязанный волосомъ,—«Возьми меня и бѣги»; камешекъ-то, чего нельзя выразить ничѣмъ другимъ. (*Прим. Байрона*).

Стихотвореніе, написанное послѣ того, какъ авторъ переплылъ изъ Сестоса въ Абидосъ.

3 мая 1810 г., въ то время, когда фрегатъ *Сальсетта*, подъ командою капитана Бэсверста, стоялъ въ Дарданеллахъ, одинъ изъ офицеровъ этого фрегата—лейтенантъ Экенхедъ и авторъ этого стихотворенія переплыли съ европейскаго берега на азіатскій или, точнѣе,—изъ Абидоса въ Сестосъ. Все разстояніе отъ того мѣста, гдѣ мы бросились въ воду, до мѣста, гдѣ мы вышли на другой берегъ, включая и пространство, на которое мы были отнесены теченіемъ, опредѣлялось офицерами фрегата болѣе, нежели въ четыре англійскія мили, хотя дѣйствительная ширина пролива составляетъ всего одну милю. Теченіе такъ быстро, что ни одна лодка не въ состояніи переплыть проливъ по прямому направленію. Объ этомъ можно, до нѣкоторой степени, судить по тому обстоятельству, что все разстояніе было пройдено однимъ изъ пловцовъ въ часъ пять минутъ, а другимъ—въ часъ десять минутъ. Вода была очень холодна, вслѣдствіе таянія горныхъ снѣговъ. Мы хотѣли плыть недѣли за три передъ тѣмъ, въ апрѣлѣ; но такъ какъ мы въ тотъ самый день уже проѣхали верхомъ изъ Троады и такъ какъ вода была совсѣмъ ледяная, то намъ пришлось отложить свою попытку, до того времени, когда фрегатъ сталъ на якорь ниже фортовъ. Мы переплыли проливъ, войдя въ воду значительно выше европейскаго форта, и вышли на другой берегъ ниже азіатскаго. Шевалье говоритъ, что одинъ молодой еврей переплылъ это разстояніе ради своей возлюбленной, а по словамъ Оливье, это было сдѣлано однимъ неаполитанцемъ; но нашъ консулъ ничего не зналъ объ этомъ и старался отговорить насъ отъ этой попытки. Намъ было извѣстно, что нѣсколько человѣкъ изъ экипажа *Сальсетты* переплывали еще болѣе значительныя разстоянія; меня удивляло только, что, въ виду сомнѣній въ правдивости разсказа о Леандрѣ, ни одинъ путешественникъ не попробовалъ провѣрить его на практикѣ. (*Прим. Байрона*) *).

6 мая 1810 г. Байронъ написалъ въ дневникѣ Гобгоуза слѣдующія строки: «Все разстояніе, пройденное мною и Экенхедомъ, было больше четырехъ миль; теченіе было очень сильно и холодно; нѣсколько крупныхъ рыбъ встрѣчено было нами на половинѣ пути; мы не устали, но немного озябли; я исполнилъ это безъ особеннаго затрудненія».

Стихи въ книгѣ путешественниковъ въ Орхоменѣ.

«Въ Орхоменѣ, гдѣ находился храмъ Грацій, мнѣ хотѣлось воскликнуть: куда жеубѣжали Граціи? Я совсѣмъ и не ожидалъ встрѣтить ихъ тамъ. Но вотъ явилась одна изъ нихъ съ позолоченными чашками и кофе, а другая—съ книгой. Книга эта—реестръ именъ... Въ томъ числѣ находится и имя лорда Байрона подъ четверостишіемъ, которое я вамъ пришлю», и пр. (*Вильямъ*, Путешествіе по Италіи, Греціи и пр.).

Отрывокъ изъ «Аѳинскаго монаха».

Напечатано въ первый разъ Родэномъ Ноэлемъ, въ книгѣ: «Жизнь лорда Байрона», Лонд. 1890, по подлиннику, полученному отъ Роберта Далласа. Время сочиненія неизвѣстно.

Стихи подъ портретомъ.

Помѣта: «Аѳины, янв. 1811».

Въ любопытномъ, но сомнительной достовѣрности сочиненіи подъ заглавіемъ: «The Life Writings, Opinions and Times of the Right Hon. G. G. Noel Byron (Lond 1825, III, 123—132) находится длинный и обстоятельный разсказъ о неудачной попыткѣ Байрона спасти отъ позорной жизни одну грузинскую дѣвушку, купленную имъ за 800 піастровъ на рынкѣ рабовъ. Нѣтъ основанія думать, что эта исторія внушена настоящимъ стихотвореніемъ; но если она справедлива, то стихотвореніе, вѣроятно, имѣетъ съ нею нѣкоторую связь. (*Кольриджъ*).

Новогреческая пѣсня.

Пѣсня, изъ которой взято это стихотвореніе, очень распространена между аѳинскими молодыми дѣвушками всѣхъ классовъ общества. О и поютъ ее попеременно (антифонное пѣніе), причемъ каждый куплетъ повторяется хоромъ. Я часто слыхалъ ее въ нашихъ «хороводахъ» зимою 1810—11 гг. Напѣвъ ея грустный и красивый. (*Прим. Байрона*).

При разставаньѣ.

Написано въ мартѣ 1811 и напечатано въ 1-мъ изд. *Ч.-Гарольда*.

Прощанье съ Мальтой.

Напечатано въ 6-мъ изд. стихотвореній, съ помѣтою: «26 мая 1811».

«*Ступеньки улицъ*»...

Главныя улицы города Ла-Валетты идутъ лѣстницами.

«*Его сіятельства балы*»...

Генералъ-майоръ Гильдебрандтъ Оксъ былъ преемникомъ сэра Ричарда Гудвина Китса въ должности «коммиссіонера его величества по Мальтійскимъ дѣламъ». Во время его управленія островомъ тамъ свирѣпствовала чума.

Всей той толпы «en militaire».

Однажды Байронъ чуть не дрался на дуэли—съ однимъ изъ офицеровъ штаба генерала Окса на Мальтѣ. (*Гобгоузъ*).

«*Вы флота вѣрные сыны*».

13 марта 1811 г. капитанъ Хостъ разбилъ соединенную франко-русскую эскадру у острова Лиссы, около далматинскаго берега. Французскій командорскій корабль Le Favorite былъ сожженъ, и самъ командоръ Дюбурдье убитъ. Четыре побѣдоносные фрегата прибыли на Мальту 31 марта, и гарнизонъ Ла Валетты выбѣжалъ безъ оружія ихъ привѣтствовать. Въ этомъ дѣлѣ принималъ участіе также и фрегатъ Volage, на которомъ Байронъ возвратился въ Англію (*Кольриджъ*).

Для мистрисъ Фрезеръ наступилъ
Теперь чередъ..

Миссисъ Сюзанна Фрэзеръ издала въ 1809 г. книжку: «Памяти де Флоріанъ (дѣйствіе происходитъ въ Ла-Валеттѣ) и другія стихотворенія. Сочиненіе жены офицера». Байронъ былъ порѣженъ ея поклоненіемъ Оссіану и съ интересомъ читалъ ея переложенія изъ Макферсона, а также хвалилъ и нѣкоторые другіе ея стихи.

Ньюстэдское аббатство.

Помѣта: «26 августа 1811».

*) Ср. Прим. къ *Чайльдъ-Гарольду*, п. IV, строфа CLXXXIV.

Посланіе къ другу.

Помѣта: «Ньюстедъ, 11 октября 1811».

Къ Тирзѣ.

Въ изданіи Кольриджа напечатана слѣдующая замѣтка по поводу личности, которую слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ Тирзы:

«Вопросъ о Тирзѣ и о томъ, дѣйствительно ли существовало лицо, упоминаемое подъ этимъ именемъ, послужилъ поводомъ къ цѣлому ряду разсужденій и споровъ, большею частью пустыхъ. Окончательное и авторитетное рѣшеніе этого вопроса въ настоящее время едва ли возможно; намеки, встрѣчаемые въ стихотвореніяхъ, до извѣстной степени противорѣчатъ тому, что самъ же Байронъ говорилъ впослѣдствіи. Изъ стихотвореній видно, что Тирза встрѣчалась съ нимъ «не разъ въ этихъ пустынныхъ для меня башняхъ» (Ньюстэдъ, 11 октября 1811), когда онъ «лежалъ на лихорадочно-безсонномъ ложѣ» (Патрасъ, около сентября 1810); онъ «любилъ мечтать», что она смотритъ на луну,—

О Тирза! Надъ твоей могилой
Тогда свѣтила ужъ она.

и, наконецъ,—

Залогъ твой у меня остался;
Его храню... Гдѣ жъ мой? гдѣ ты! (11 окт. 1811).

«Нѣтъ сомнѣнія, что Байронъ упоминалъ о Тирзѣ въ разговорахъ съ своей женой и сестрой,—какъ о молодой дѣвушкѣ, которая дѣйствительно существовала и умерла приблизительно въ то время, когда онъ вернулся въ Англію, въ 1811 г. Однажды онъ показывалъ женѣ красивый локонъ волосъ, говоря, что это – отъ Тирзы. Онъ говорилъ, что никогда не называлъ ея имени, и что теперь, когда ея уже нѣтъ на свѣтѣ, эта тайна навсегда останется въ его груди. «Имя Тирзы я взялъ у Геснера: это - имя жены Авеля».

«Тирза упоминается въ письмѣ герцогини Елизаветы Девонширской къ Августу Фостеру, отъ 4 мая 1812 г.: «Вашъ маленькій другъ, Каро Вильямъ (лэди Каролина Ламмъ), по обыкновенію, дѣлаетъ всякаго рода неосторожности ради него (Байрона) и съ нимъ; онъ ей и поклоняется, хотя нѣкоторые думаютъ, что онъ больше ухаживаетъ за нашей Каролиной (жена Джорджа Ламма); онъ говоритъ, что она похожа на Тирзу и что ея пѣніе его чаруетъ». Изъ этого отрывка видно, что именно о Тирзѣ говорится въ слѣдующихъ стихахъ, напечатанныхъ г. Фостеромъ въ его книгѣ: «Двѣ герцогини» (1898):

Стихи, написанные лордомъ Байрономъ, въ 1812 году, г-жѣ Джорджъ Ламмъ.

Ты пѣла—и въ мохъ ушахъ
Еще дрожитъ напѣвъ унылый;
Та пѣснь звучала на устахъ
Когда-то женщины мнѣ милой.
И голосъ тотъ, и взоръ очей
Въ тебѣ чудесно повторились,—
И обѣ въ жизни вы моей
Небесной радостью явились.
Такъ пусть не въ силахъ возвратить
Я это чудное видѣнье:
Я не могу о снѣ грустить,
Твое въ немъ видя воплощенье.

(Переведено *П. О. Морозовымъ* для наст. изданія).

«Слѣдуетъ еще прибавить, что имя Тирзы (варіантъ Терезы) было близко Байрону съ дѣтства. Въ предисловіи къ *Каину* онъ говоритъ: «*Смерть Авеля*» Геснера! Я не читалъ ея съ тѣхъ поръ, какъ былъ въ Эберджинѣ, когда мнѣ было всего восемь лѣтъ. Общее впечатлѣніе, оставшееся у меня въ памяти,—наслажденіе; по изъ содержанія я помню только, что жену Каина звали Магалой, а жену Авеля—Тирзой». Другое и болѣе позднее воспоминаніе объ этомъ имени могло быть вызвано переводомъ одной эпитафіи Мелеагра, помѣщеннымъ въ сборникѣ Блэнда, Мериваля и Годсона: «Переводы, преимущественно изъ греческой антологіи» (1806). Байронъ упоминаетъ о немъ въ примѣчаніяхъ къ «Англійскимъ Бардамъ»:

Пролилъ я слезы на гробѣ моей возлюбленной Тирзы,
Милой усопшей принесъ сердца послѣднюю дань, и пр.

О, пусть умолкнутъ скорби звуки.

«Написано вчера или третьяго дня, когда я услышалъ пѣсню давнихъ дней». (*Письмо къ Годжсону отъ 8 декабря 1811*).

Рѣшусь, пора освободиться.

Напечатано при первомъ изданіи *Чайльдъ-Гарольда*, 1812 г.

Euthanasia.

Euthanasia – по греч. добрая, легкая смерть.

Напечатано при второмъ изданіи *Чайльдъ-Гарольда*, 1812 г.

И ты мертва!..

«Аллея влюбленныхъ ведетъ къ урнѣ, посвященной миссъ Дольманъ, прекрасной дѣвушкѣ, родственницѣ Шенстона, которая умерла отъ оспы, всего 21 года отъ роду. На урнѣ съ одной стороны написано: «Peramabili consobrinae M. D.», а съ другой: «Ah, Maria! puellarum elegantissima! ah, flore venustatis abrepta, vale! Heu, quanto minus est cum reliquis versari, quam tui meminisse!» Эта послѣдняя фраза выписана Байрономъ въ видѣ эпиграфа. (Изъ «Описанія Лисауса», А. Доделея).

Этой «плачущей дѣвушкой» была принцесса Шарлотта, (см. ея портретъ на стр. 497), дочь крайне непопулярнаго принца-регента, будущаго короля Георга IV.

Плачущей дѣвушкѣ.

Происшествіе, которымъ вызваны эти достопамятные куплеты, случилось на банкетѣ въ Карлтонъ-гоузѣ, 22 февраля 1812 г.—6 марта въ газетѣ «Morning Chronicle» было напечатано слѣдующее четверостишіе, подъ заглавіемъ «Экспромптъ на одно недавнее событіе::

Всѣ признаки счастливыхъ дней
Теперь являются всечасно:
Народа стонъ, обманъ друзей
И слезы дочери несчастной.

(Переводъ *П. О Морозова*).

На слѣдующій день, 7 марта, въ газетѣ явилось стихотвореніе Байрона, подъ заглавіемъ: «Сочувственное обращеніе къ одной молодой лэди» и безъ имени автора; но только 10 марта въ газетѣ «Courier» сообщено было извѣстіе о «происшествіи въ Карлтонъ-гоузѣ 22 февраля» — слѣдующаго содержанія:

«Общество состояло изъ принцессы Шарлотты, герцогини Іоркской, герцоговъ Іоркскаго и Кембриджскаго, лордовъ Мойра, Эрскина, Лодердэля, гг. Адамса и Шеридана. Принцъ-регентъ выразилъ «свое удивленіе и неудовольствіе» на

поведеніе лордовъ Грея и Грэнвилля (давшихъ неблагопріятный отвѣтъ на письмо, адресованное принцемъ-регентомъ герцогу Іоркскому по вопросу объ объединеніи администраціи). На это лордъ Лодердэль, съ необычною при дворѣ свободою, замѣтилъ, что отвѣтъ служитъ выраженіемъ мнѣній не однихъ только лордовъ Грея и Грэнвилля, но всѣхъ политическихъ сторонниковъ этого образа мыслей, и что онъ, лордъ Лодердэль, присутствовалъ при составленіи этого отвѣта, участвовалъ въ немъ и искренно одобряетъ всѣ высказанныя въ немъ мысли. Принцъ былъ глубоко огорченъ словами лорда Лодердэля, а принцесса, видя его волненіе, опустила голову и залилась слезами. Послѣ этого принцъ обернулся и просилъ присутствующихъ дамъ удалиться».

Въ слѣдующемъ іюнѣ, на балу у г-жи Джонсонъ, Байронъ былъ, по особому приказанію, «представленъ нашему милостивому регенту», который «удостоилъ его разговоромъ», конечно, не подозрѣвая, что говоритъ съ авторомъ анонимнаго стихотворенія. Въ началѣ 1814 г., ради бравады или, можетъ быть, подъ вліяніемъ политическаго раздраженія, поэтъ рѣшилъ перепечатать это стихотвореніе съ своею подписью. Оно появилось въ числѣ другихъ небольшихъ стихотвореній, приложенныхъ ко 2-му изданію *Корсара*. «Съ газетами сдѣлалась истерика, а городъ пришелъ въ волненіе отъ этого признанія и перепечатки восьми стиховъ», записалъ Байронъ въ своемъ дневникѣ подъ 18 февраля 1814 г. И дѣйствительно, почти во всѣхъ газетахъ явились яростныя нападки на Байрона,—чуть не обвиненія его въ государственной измѣнѣ, бранныя пародіи на его стихи и т. п. Говорили даже, что въ палатѣ лордовъ готовится по этому поводу запросъ,—«и все это (писалъ Байронъ Муру), какъ замѣчаетъ Бедреддинъ въ арабскихъ сказкахъ, изъ-за того, что сливочный пирожокъ былъ сдѣланъ съ перцемъ! Не странно ли, что восемь строкъ вызвали по крайней мѣрѣ восемь тысячъ».

О, если иногда...

Помѣта: «14 марта 1812». Напечатано при второмъ изданіи *Чайльдъ-Гарольда* (1812).

Разбитое сердоликовое сердечко.

Помѣта: «16 марта 1812». Напечатано при второмъ изданіи *Чайльдъ-Гарольда* (1812).

Принесъ я цѣпь...

Напечатано въ первый разъ при второмъ изданіи *Корсара* (1814).

Стихи на листкѣ альбома.

Помѣта: «19 апрѣля 1812». Напечатано въ собраніи стихотвореній 1816 г., подъ заглавіемъ: «Сэмьюэлю Роджерсу».

«Роджерсъ молчаливъ и, можно сказать, суровъ. Когда онъ говоритъ, онъ говоритъ хорошо, и обо всемъ изящномъ онъ говоритъ съ тою же красотою, какою отличаются его стихи. Когда вы входите къ нему въ домъ,—въ его гостинную, въ его библіотеку—вы говорите сами себѣ, что это—жилище не ординарнаго человѣка. Всякій уголокъ,—диванъ, столъ, книга, брошенная на каминѣ,—все свидѣтельствуетъ объ изяществѣ владѣльца». (*Дневникъ Байрона*. 1812).

Адресъ, читанный на открытіи Дрюри-ленскаго театра.

«...Затѣмъ выступилъ г. Эллистонъ и прочелъ слѣдующій адресъ, удостоенный премія. Мы не можемъ назвать его исполненіе удачнымъ: адресъ былъ прочитанъ и не изящно, и не вѣрно. О достоинствахъ самого этого произведенія предоставляемъ судить читателямъ. Мы не думаемъ, что оно признано было наилучшимъ изъ всѣхъ стихотворныхъ сочиненій, которыя разсматривались въ комитетѣ; но, вѣроятно, по своему содержанію и благодаря намекамъ на Гаррика, на г-жу Сиддонсъ и на Шеридана, оно было сочтено наиболѣе подходящимъ для даннаго случая, несмотря на то, что оно отчасти не музыка и вообще нѣсколько вяло». Morning Chronicle», 12 октября 1812).

Адресъ со скобками.

Напечатано въ «Morning Chronicle» 23 октября 1812 г.

Заимствованія сдѣланы изъ «монолога», представленнаго въ комитетѣ Дрюри-ленскаго театра д-ромъ Бёсби и напечатано въ «Morning Chronicle» 17 октября 1812 г. Монологъ не былъ принятъ комитетомъ; тогда молодой сынъ Бёсби самовольно вышелъ на сцену Дрюри-ленскаго театра и сталъ читать монологъ, но былъ удаленъ со сцены и арестованъ. Въ слѣдующій вечеръ самъ д-ръ Бёсби обратился къ публикѣ съ рѣчью изъ ложи и просилъ выслушать его сына; это было позволено, но, по слабости голоса молодого человѣка, его чтенія нельзя было разслышать. На это и намекаетъ Байронъ, говоря о чтеніи «невнятнымъ голосомъ». Д-ръ Бёсби перевелъ поэму Лукреція «О природѣ вещей». Переводъ этотъ былъ изданъ въ 1813 г. Въ числѣ подписчиковъ на эту книгу находился и Байронъ, названный въ предисловіи «однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ поэтовъ нашего вѣка».

Стихи, найденные въ бесѣдкѣ въ Хельсъ-Суэнѣ.

Напечатаны только въ 1832 г. Деревня Хельсъ-Суэнъ находится въ Шропширѣ; неподалеку отъ нея—Лилсаусъ, бывшій жилищемъ поэта Шенстона.

Чтобъ помнилъ я тебя...

Вызвано мимолетною связью Байрона, во время его пребыванія въ Лондонѣ, съ леди Каролиной Ламмъ. Послѣ разрыва леди явилась однажды на квартиру поэта. Его не было дома. Леди взяла на столѣ книгу и на первой ея страницѣ написала: «Помни меня!» Байронъ, по возвращеніи, тотчасъ же приписалъ подъ этой угрозой два куплета, впервые напечатанные въ книгѣ *Медвина*: «Conversations of Lord Byron» 1824.

Къ времени.

Напечатано при седьмомъ изданіи *Чайльдъ-Гарольда*, 1814.

Не лжива ты...

Напечатано при седьмомъ изданіи *Чайльдъ-Гарольда*, 1814. «Посылаю вамъ, для вашего новаго изданія, нѣсколько строфъ, которыя можно озаглавить: *Ньюстэдъ*, или какъ-нибудь иначе», писалъ Байронъ Мёрею.

На вопросъ о началѣ любви.

Напечатано при седьмомъ изданіи *Чайльдъ-Гарольда*, 1814.

По поводу цитаты.

Напечатано съ рукописи въ изданіи Кольриджа 1900 г.

О, помни, другъ, того...

Напечатано при седьмомъ изданіи *Чайльдъ-Гарольда*, 1814. Можетъ быть, относится къ лэди Фрэнсисъ Веддерборнъ Уэбстеръ, какъ и сонеты къ Дженеврѣ.

Сонеты въ Дженеврѣ.

Оба сонета написаны 17 декабря 1813 г. и напечатаны при второмъ изданіи *Корсара*, 1814 г. См. предыдущ. и послѣдующее примѣчанія.

Экспромтъ въ отвѣтъ другу.

Посланъ Муру при письмѣ отъ 27 сентября 1813. «Вотъ вамъ экспромтъ», писалъ Байронъ,—сочиненный одной знатной особой на прошлой недѣлѣ, въ отвѣтъ на упрекъ въ уныніи». Стихи сочинены въ Астонъ Холлѣ, у лорда Уэбстера, гдѣ поэтъ гостилъ въ продолженіе недѣли.

Подражаніе португальскому.

Напечатано при седьмомъ изданіи *Чайльдъ-Гарольда* (1814). Другой «переводъ» (или подражаніе тому же стихотворенію), въ видѣ четверостишія, напечатанъ въ 1832 г.

ГЯУРЪ.

Стр. 224.

Тамъ, гдѣ надъ грозною скалой
Вознесся памятникъ герою
Аѳинъ прекрасныхъ.

«Гробница на выдающейся въ море скалѣ, нѣкоторыми принимаемая за могилу Ѳемистокла». (*Прим. Байрона*).

Кумберландъ приводитъ нѣсколько стиховъ изъ Платона о могилѣ Ѳемистокла: «На морскомъ берегу, надъ волнами, должна стоять твоя гробница, о Ѳемистоклъ; пусть она указываетъ купцу путь въ твою родную землю. А когда нашимъ судамъ придется идти въ бой,—Аѳины должны побѣдить, взирая на твою могилу».

О дивный край, гдѣ крупный градъ
Весна природѣ ласку шлетъ.

«*Гяуръ* представляетъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ примѣровъ блестящаго расцвѣта фантазіи Байрона», говоритъ *Муръ*. Эта поэма постепенно разросталась подъ его рукою и, въ послѣдовательно дополняемыхъ изданіяхъ, отъ 400 стиховъ, изъ которыхъ состоялъ первоначальный текстъ, достигла 1400. Принятый имъ планъ—дать рядъ отрывковъ, рядъ «наудачу подобранныхъ восточныхъ перловъ»,—давалъ ему полную свободу включать въ это произведеніе самыя разнообразныя картины, какія только рисовало ему воображеніе. Какъ мало стѣснялся поэтъ относительно расположенія и взаимной связи этихъ добавленій,—видно изъ одной его замѣтки къ настоящему отрывку, въ которой онъ говоритъ: «Я еще не рѣшилъ, куда вставить прилагаемые стихи; рѣшу, когда увижусь съ вами: у меня не осталось списка». Въ первомъ изданіи поэмы—этого отрывка (отъ ст.: «О дивный край»... до ст.: «Ложатся тѣни скалъ густыя», стр. 227) не было.

Стр. 225.

Цвѣтетъ тамъ роза—королева
Сладкоголосыхъ соловьевъ.

(Въ подлинникѣ: «Султанша соловья»). «Любовь соловья къ розѣ—извѣстная персидская басня. Если не ошибаюсь,—«Бульбуль съ тысячью пѣсенъ» — одно изъ названій соловья» (*Прим. Байрона*).

О влюбленномъ соловьѣ Байронъ упоминаетъ во многихъ стихотвореніяхъ. Такъ, въ «Абидосской Невѣстѣ»:

Любовникъ розы, соловей
Прислалъ тебѣ цвѣтокъ свой милый.

Любовь соловья и розы—одинъ изъ очень распространенныхъ мотивовъ восточной поэзіи. Одинъ изъ древнѣйшихъ персидскихъ поэтовъ Фирдуси (XI в.) говоритъ, что розы вздохами отвѣчаютъ на пѣніе соловьевъ. Джеляледдинъ Руми (XIII в.) писалъ, что лиліи разсказываютъ кипарисамъ о тайнахъ соловья и розы. Гафизъ (XIV в.) проситъ розу, султаншу по красотѣ, упоенную счастьемъ, не удаляться гордо отъ бѣдныхъ соловьевъ. Турецкій поэтъ XVI в. Фазли написалъ большую поэму: «Роза и Соловей» и т. д.

Черезъ Байрона этотъ восточный мотивъ перешелъ къ Пушкину, у котораго повторяется трижды: 1) въ «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ» (1822):

Одни фонтаны сладкозвучны
Изъ мраморной темницы бьютъ,
И съ милой розой неразлучны
Во мракѣ соловьи поютъ.

2) въ стихотвореніи 1824 г.:

О, дѣва-роза, я въ оковахъ,
Но не стыжусь твоихъ оковъ:
Такъ соловей въ кустахъ лавровыхъ,
Пернатый царь лѣсныхъ пѣвцовъ,
Близъ розы гордой и прекрасной
Въ неволѣ сладостной живетъ
И нѣжны пѣсни ей поетъ
Во мракѣ ночи сладострастной.

3) въ стихотвореніи 1827 г.:

Въ безмолвіи садовъ, весной, во мглѣ ночей,
Поетъ надъ розою восточный соловей;
Но роза милая не чувствуетъ, не внемлетъ,
И подъ влюбленный гимнъ колеблется и дремлетъ...

Стр. 225.

. . . . . *издалека*
Заслышитъ лютню моряка.

(Въ подлинникѣ: «гитару»). «Греческіе матросы по ночамъ постоянно играютъ на гитарѣ. При легкомъ попутномъ вѣтрѣ или во время штиля музыка эта всегда сопровождается пѣніемъ, а иногда и пляской». (*Прим. Байрона*).

Стр. 225.

Кто надъ умершимъ наклонился...

«Когда поэтъ пріобрѣтаетъ извѣстность въ обществѣ, тогда его дарованія и сила ума, проявляющіяся въ его ежедневныхъ отношеніяхъ къ людямъ, такъ или иначе отражаются и на его произведеніяхъ, усиливая впечатлѣніе, получаемое отъ нихъ публикою. Этимъ отчасти объясняется сильное впечатлѣніе, произведенное *Гяуромъ*. Отрывокъ, начинающійся словами: «Кто надъ умершимъ наклонился», такъ прекрасенъ, такъ оригиналенъ и такъ возвышается надъ уровнемъ обыкновенной поэзіи, что одного этого отдыпка, при объясненныхъ условіяхъ, было бы достаточно для того, чтобы прославить всю поэму». (*Бриджесъ*).

Стр. 225.

Таковъ спокойной и прекрасной
Она является средь насъ,
Когда пробьетъ кончины часъ.

«Я думаю, что лишь немногіе изъ моихъ читателей имѣли случай видѣть то, что я здѣсь

попытался описать; но у тѣхъ, кто это видѣлъ, вѣроятно, сохранилось скорбное воспоминаніе о той своеобразной красотѣ, какая проявляется, за немногими исключеніями, въ лицѣ мертвеца, черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ «отлетитъ душа», и всего на нѣсколько часовъ. Замѣчательно, что въ случаяхъ насильственной смерти отъ огнестрѣльныхъ ранъ черты лица всегда имѣютъ болѣзненное выраженіе, какою бы природною энергіею ни отличался умершій, а въ случаѣ смерти отъ холоднаго оружія лицо сохраняетъ выраженіе жестокости, какъ вліяніе послѣдней мысли». (*Прим. Байрона*).

Стр. 225.

Таковъ Эллады край чудесный,
Уже умершей, но прелестной.

«Въ книгѣ Даллоуэя «Константинополь»», которую Байронъ, по всей вѣроятности, читалъ, я нашелъ одну цитату изъ «Исторіи Греціи» Джиллп, въ которой, можетъ быть, заключается первое зерно мысли, такъ превосходно развитой поэтическимъ геніемъ: «Современное состояніе Греціи», въ сравненіи съ древнимъ, это нѣмой мракъ могилы въ сравненіи съ живымъ блескомъ дѣятельной жизни». (*Муръ*).

Стр. 225.

Ея лучи еще блестятъ,
Но землю все жъ не оживятъ.

«Въ этомъ замѣчательномъ отрывкѣ заключается безконечная красота, которая производитъ сильное, хотя скорбное и, можно сказать, угнетающее впечатлѣніе. Здѣсь авторъ даетъ прекрасную, но молчаливую и грустную картину нѣкогда оживленныхъ и славныхъ береговъ Греціи,—картину, болѣе правдивую, болѣе мрачную и болѣе совершенную, нежели какая-либо изъ существующихъ въ нашей поэзіи». (*Джеффри*).

Стр. 225.

О, край героевъ вдохновенныхъ!

Начиная съ этого стиха и до конца отрывка рукопись писана торопливо и очень неразборчиво, какъ будто бы эти блестящіе стихи вылились сразу въ порывѣ поэтическаго вдохновенія, и рука поэта не поспѣвала за быстрымъ полетомъ его фантазіи.

Стр. 226.

Они ничтожными рабами
Раба презрѣннаго живутъ.

«Аѳины отданы въ собственность кизляръагѣ,—гаремному рабу, стерегущему женщинъ, который назначаетъ мѣстнаго воеводу. Сводникъ и евнухъ (выраженія не изысканныя, но вѣрныя) управляетъ правителемъ Аѳинъ!»

(*Прим. Байрона*).

Стр. 227.

«Разсказъ ведется отъ лица турецкаго рыбака, который цѣлый день работалъ въ Эгинскомъ заливѣ, а къ вечеру, опасаясь майнотскихъ пиратовъ, которыми кишатъ берега Аттики, присталъ съ своей лодкой въ гавани Порто-Леоне, древняго Пирея. Онъ становится очевидцемъ почти всѣхъ разсказанныхъ въ повѣсти событій, а въ одномъ изъ нихъ играетъ главную роль. Его чувствамъ, и въ особенности—его религіознымъ предразсудкамъ мы обязаны нѣкоторыми изъ самыхъ сильныхъ и блестящихъ мѣстъ поэмы». (*Джорджъ Эллисъ*).

Стр. 228.

Пальбы ружейной огонькп.

«Наступленіе Байрама возвѣщается пушечнымъ выстрѣломъ при закатѣ солнца; въ теченіе ночи всѣ мечети иллюминуются, и праздникъ возвѣщается выстрѣлами изъ всякаго рода мелкаго оружія, заряжаемаго пулями». (*Прим. Байрона*).

Стр. 228.

И легкій конь впередъ летитъ,
Какъ ловко брошенный джиритъ.

«Джиритъ» или «джерридъ» тупой турецкій дротикъ, который бросаютъ съ лошади съ большою силою и мѣткостью. Это—любимое упражненіе мусульманъ; но я не знаю, можно ли его назвать «мужественнымъ», такъ какъ въ немъ больше всѣхъ отличаются черные евнухи въ Константинополѣ. Послѣ нихъ, изъ всѣхъ, мною видѣнныхъ, самымъ ловкимъ былъ одинъ мамелюкъ въ Смирнѣ. (*Прим. Байрона*).

Стр. 228.

. . . Въ его глазахъ
Сначала виденъ былъ лишь страхъ,
Но вскорѣ дикій гнѣвъ родился...

«Каждое движеніе этого бурнаго всадника полно безпокойства и страсти. На серединѣ своего пути, на виду у изумленнаго зрителя, онъ внезапно сдерживаетъ своего скакуна и, приподнявшись на стременахъ, съ нетерпѣливою тоскою смотритъ на далекій городъ, иллюминованный по случаю праздника Байрама; затѣмъ, поблѣднѣвъ отъ гнѣва, поднимаетъ руку, какъ бы съ угрозою невидимому врагу; но, очнувшись отъ своего страстнаго самозабвенія при звукѣ своей сабли, снова бросается впередъ—и исчезаетъ ..» (*Джорджъ Эллисъ*).

Стр. 228.

. . . коль самумъ въ степи промчится,
Все въ прахъ печальный обратится.

«Вихрь въ пустынѣ, гибельный для всякаго живого существа и часто упоминаемый въ восточной поэзіи» (*Прим. Байрона*).

Стр. 229.

Потоки льются дождевые
Сквозь окна въ комнаты пустыя.

«Эта часть разсказа не только заключаетъ въ себѣ блестящія и вѣрныя картины, но и вообще составлена съ большимъ вкусомъ. Рыбакъ сообщалъ до сихъ поръ только о необыкновенномъ, явленіи, возбудившемъ его любопытство, и желалъ объяснить слушателямъ его причину; но вмѣсто этого объясненія онъ останавливается на проклятіяхъ Гяуру, на описаніи заброшеннаго, нѣкогда роскошнаго дворца Гассана и на жалобахъ на безвременную гибель послѣдняго, а также и Леилы, и на то, что теперь уже прекратилось то гостепріимство, какое тамъ всегда оказывалось. Какъ бы невольно и безсознательно онъ открываетъ намъ катастрофу своего разсказа—и такимъ образомъ подготовляетъ обращеніе къ сочувствію слушателей, все еще оставляя ихъ въ недоумѣніи». (*Джорджъ Эллисъ*).

Стр. 230.

Бѣгутъ жилья, гдѣ сытной пищей
Съ любовью ихъ не угостятъ.

Въ подлинникѣ: «И не остановится тамъ утомленный путникъ, чтобы поблагодарить за святую хлѣбъ-соль».

Раздѣлить трапезу, «поѣсть хлѣба-соли» съ хозяиномъ значитъ для гостя—обезпечить свою безопасность; даже если онъ—врагъ, его особа становится священною. (*Прим. Байрона*).

Гостепріимства канулъ слѣдъ.

«Едва ли нужно объяснять, что милосердіе и гостепріимство—первыя обязанности, которымъ учитъ Магометъ, и, сказать по правдѣ, широко практикуются его учениками. Лучшая похвала вождю—прославленіе его доброты, а затѣмъ уже—храбрости». (*Прим. Байрона*).

Стр. 230.

. . . Вижу я блистанье
Ихъ ятагановъ дорогихъ.

«Ятаганъ—длинный кинжалъ, который носятъ за поясомъ, въ металлическихъ, обыкновенно—серебряныхъ ножнахъ, а у болѣе богатыхъ людей - въ позолоченныхъ или золотыхъ». (*Прим. Байрона*).

Въ зеленомъ платьѣ предъ отрядомъ
Идетъ поспѣшно самъ эмиръ.

«Зеленый цвѣтъ составляетъ привилегію многочисленныхъ претендентовъ на происхожденіе отъ Пророка, у которыхъ, какъ предполагается, вѣра (какъ родовая принадлежность) исключаетъ необходимость добрыхъ дѣлъ. Эти люди—самые дурные представители всего этого индифферентнаго племени». (*Прим. Байрона*).

Съ тобой да будетъ миръ.

«Саламъ алейкумъ!» — «Алейкумъ саламъ!» Миръ съ тобою!—И съ тобою миръ!—привѣтствіе правовѣрныхъ; къ христіанину обращаются со словами: «Урларула»—добрый день, или: «Сабанъ хпрессмъ», «Сабанъ серула»,—доброе утро, добрый вечеръ; а иногда: «Да будетъ счастливъ твой конецъ!» Таковы обычныя привѣтствія» (*Прим. Байрона*).

Стр. 230.

Какъ королева мотыльковъ.

«Синекрылая кашмирская бабочка, самая рѣдкая и красивая».

(*Прим. Байрона*).

Стр. 231.

Но скорпіонъ его вдругъ самъ
Въ себя съ отчаяньемъ вонзаетъ.

«Говорится о сомнительномъ самоубійствѣ скорпіона, надъ которымъ любезные философы производятъ опыты. Нѣкоторые говорятъ, что его хвостъ обращается къ головѣ только въ предсмертной конвульсіи; другіе дѣйствительно видятъ въ этомъ движеніи самоубійство. Скорпіоны, наоборотъ, очень заинтересованы въ скорѣйшемъ разрѣшеніи этого вопроса, такъ какъ, если будетъ доказано, что они представляютъ собою Катоновъ среди насѣкомыхъ, то имъ, вѣроятно, дозволено будетъ жить до тѣхъ поръ, пока они заблагоразсудятъ, не подвергаясь мученіямъ изъ-за гипотезы». (*Прим. Байрона*).

Стр. 231. *Когда ночная скрыла тьма*
Послѣдній Рамазана день.

«Конецъ Рамазана возвѣщается пушечнымъ выстрѣломъ при закатѣ солнца». (*Прим. Байрона*).

Чистѣйшимъ пламенемъ сверкали
Они какъ рѣдкостный рубинъ.

(Въ подлинникѣ: «Какъ драгоцѣнный камень Джамшида»),—«знаменитый баснословный рубинъ султана Джамшида, украсившаго Истахаръ: этотъ камень назывался Шебджерагъ или «факелъ ночи», также—«чаша солнца» и пр. Въ первомъ изданіи имя «Джіамшидъ» было трехсложное: такъ пишетъ его д' Эрбело; но потомъ мнѣ сказали, что у Ричардсона оно пишется и произносится, какъ двухсложное: «Джамшидъ». Я принялъ это послѣднее произношеніе». (*Прим. Байрона*).

«Въ первомъ изданіи Байронъ написалъ: Bright as the *gem* of Giamshid; когда я замѣтилъ ему; основывался на персидскомъ словарѣ Ричардсона, что это неправильно,—онъ передѣлалъ: Bright as the *ruby* of Giamshid; тогда я опять написалъ ему, что сравненіе глазъ героини съ рубиномъ можетъ подать поводъ къ замѣчанію, что у нея были красные глаза,—и онъ исправилъ стихъ окончательно. Bright as the *jewel* of Giamshid».

(*Муръ*).

Стр. 231. *Хотя бъ надъ огненнымъ потокомъ*
На эль-Сиратъ я стоялъ.

«Эль-Сиратъ - «мостъ широты», уже паутины голоднаго паука и острѣе лезвія меча. По этому мосту мусульмане должны бѣжать въ рай, куда нѣтъ иного входа. Но это еще не самое худшее: подъ этимъ мостомъ течетъ огненная рѣка, представляющая, какъ и слѣдуетъ ожидать, «facilis descensus Averni» для неловкихъ и слабыхъ ногами, что не особенно пріятно для слѣдующаго путника. Это—самая короткая дорога въ адъ для евреевъ и христіанъ» (*Прим. Байрона*).

Что нѣтъ души у нихъ въ тѣлахъ.

«Распространенная ошибка: Коранъ отводитъ по крайней мѣрѣ третью часть рая добродѣтельнымъ женщинамъ; но огромное большинство мусульманъ толкуетъ этотъ текстъ по-своему, исключая своихъ половинъ изъ небеснаго чертога. Будучи противниками платонизма, они не видятъ «ничего пригоднаго» въ женскихъ душахъ и предпочитаютъ имъ гурій,—райскихъ дѣвъ, общество которыхъ, по ученію Магомета, составляетъ главное блаженство правовѣрныхъ. Онѣ не созданы изъ праха, подобно смертнымъ женщинамъ, и потому обладаютъ неувядающими прелестями и вѣчной юностью. (*Прим. Байрона*).

Ланитъ ея румянецъ ясный
Съ цвѣткомъ граната споритъ могъ.

«Восточное сравненіе, которое, хотя и заимствовано, можетъ показаться, пожалуй, «plus arabe qu'en Arabie». (*Прим Байрона*).

Стр. 232. *О, Франгестана цвѣтъ чудесный!*

«Франгестанъ — земля черкесовъ». (*Прим. Байрона*).

Байронъ ошибся: «Франгистанъ», т. е. страна франковъ, означаетъ христіанскую Европу.

Стр. 233. *Вотъ мысъ предъ ними, «Бисмиллахъ»!*
Теперь откинуть можно страхъ.

«Бисмиллахъ»—«Во имя Бога»: такъ начинаются всѣ главы корана, кромѣ одной, а также—молитвы и благодаренія». (*Прим. Байрона*).

Стр. 234. *И, потрясая бородой,*
Отъ гнѣва къ верху поднятой...

«Явленіе довольно обычное у разгнѣваннаго мусульманина. Въ 1809 г., на одной дипломатической аудіенціи, усы Капитана-паши задвигались отъ негодованія не менѣе яростно, чѣмъ у тигра, къ ужасу всѣхъ драгомановъ; эти зловѣщіе усы то скручивались, то сами собою выпрямлялись, и можно было каждую минуту ожидать, что они измѣнятъ свой цвѣтъ; но, наконецъ, они соблаговолили опуститься, чѣмъ, вѣроятно, спасено было больше головъ, нежели въ нихъ было волосъ. (*Прим. Байрона*).

И «Амаунъ» —призывъ къ пощадѣ.

«Амаунъ» (собств. «аманъ»)—милость, прощеніе.

Стр. 236. *Въ окно доносится съ луговъ*
Негромкій звонъ колокольцовъ.

АПОЛЛОНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ГРИГОРЬЕВЪ (1822—1864).

Переводчикъ «Паризины» и «Чайльдъ-Гарольда».

Этотъ отрывокъ впервые явился въ пятомъ изданіи поэмы. «Посылаю вамъ еще корректуры», писалъ Байронъ Меррею 10 августа 1813 г. «Я, кажется, никогда не кончу этой проклятой исторіи. *Ecce signum*—вставлено тридцать три новыхъ стиха,—къ величайшему неудовольствію наборщика и, боюсь, не къ выгодѣ вашей».

Стр. 236. *Чалма изъ камня...*

«Тюрбанъ или чалма на столбѣ, съ написаннымъ на немъ стихомъ изъ корана—вотъ украшеніе могилы правовѣрнаго, все равно—на кладбищѣ или въ пустынѣ. Въ горахъ вы часто наталкиваетесь на подобные памятники, и на ваши вопросы отвѣчаютъ, что здѣсь лежатъ жертвы возмущенія, разбоя или мести. (*Прим. Байрона*).

Лишь «Алла-Гу!» призывъ святой.

«Алла-Гу! — заключительныя слова призыва муэззина къ молитвѣ съ самой высокой галлереи минарета. Въ тихій вечеръ и когда у муэззина хорошій голосъ,—что бываетъ нерѣдко,—это производитъ впечатлѣніе болѣе торжественное и прекрасное, чѣмъ всѣ христіанскіе колокола. Минаретъ былъ впервые поставленъ Валидомъ, сыномъ Абдалмалека, у большой мечети въ Дамаскѣ, для того, чтобы муэззинъ или глашатай могъ оттуда возвѣщать часъ молитвы. Съ тѣхъ поръ это обыкновеніе и удержалось до настоящаго времени. (*Прим. Байрона*).

Стр. 236. *Но тамъ, на небѣ, дѣвы рая*
Его нетерпѣливо ждутъ...

«Это—отрывокъ изъ боевой пѣсни турокъ; «Я вижу, я вижу черноокую дѣву рая,—и она машетъ платкомъ, зеленымъ платкомъ, и громко восклицаетъ: Приди, цѣлуй меня,—я люблю тебя», и пр. (*Прим. Байрона*).

Тебя Монкиръ своей косой
Изрѣжетъ...

«Монкиръ и Некиръ—судьи мертвыхъ, подготовляющіе ихъ къ вѣчной мукѣ. Если на ихъ вопросы подсудимый отвѣчаетъ неудовлетворительно, его рѣжутъ косой и бьютъ раскаленной булавой до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ надлежащимъ образомъ отдѣланъ; къ этому присоединяются еще и другія подобныя же испытанія. Обязанности этихъ ангеловъ—не шуточныя: ихъ только двое, а такъ какъ количество скончавшихся правовѣрныхъ гораздо больше, то у нихъ полны руки дѣла». (*Прим. Байрона*).

Стр. 236. . . . *вьічно долженъ ты вокругъ*
Престола Эблиса кружиться.

«Эблисъ - восточный князь тьмы. Д'Эрбело предполагаетъ, что это есть искаженіе греческаго Διάβολος. По арабской миѳологіи, Эблисъ былъ разжалованъ изъ своего первоначальнаго званія за то, что отказался исполнить высшее повелѣніе и поклониться Адаму. Онъ оправдывался тѣмъ, что онъ самъ созданъ изъ эѳирнаго пламени, между тѣмъ, какъ Адамъ—только изъ праха. (*Прим. Байрона*).

И какъ чудовищный вампиръ
Подъ кровлю приходитъ родную.

«Вѣра въ вампировъ распространена повсюду на Востокѣ. Честный Турнефоръ разсказываетъ объ этихъ «вруколохахъ» (такъ онъ ихъ называетъ) цѣлую длинную исторію, цитируемую Соути въ примѣчаніяхъ къ «Талабѣ». По новогречески они называются «вардулахами». Я зналъ цѣлую семью, которая пришла въ ужасъ отъ крика ребенка, приписывая ихъ посѣщенію такого непрошеннаго гостя. Греки никогда не произносятъ этого названія безъ ужаса. Я полагаю, что подлинное старое греческое названіе вампира—«бруколока»: по крайней мѣрѣ, такъ называли Арсенія, который, по греческому преданію, былъ послѣ своей смерти оживленъ дьяволомъ. Впрочемъ, современные греки употребляютъ названіе, мною приведенное». (*Прим. Байрона*).

Стр. 238. *Когда съ кровавыми устами...*

«Свѣжій цвѣтъ лица и губы, запачканныя кровью, составляютъ несомнѣнные признаки вампира. Въ Венгріи и Греціи объ этихъ существахъ разсказываютъ самыя странныя исторіи, изъ которыхъ многіе удостовѣряются самыми чудовищными росказнями». (*Прим. Байрона*).

Ты духовъ ада оттолкнешь.

«Мы можемъ предполагать, что разсказчикъ закончилъ свою повѣсть, отрывки которой передаются Байрономъ,—смертью Гассана, или его погребеніемъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ палъ, или нѣсколькими нравоучительными размышленіями объ его судьбѣ. Но мы увѣрены, что каждый читатель согласится съ нами, что интересъ, возбуждаемый этой катастрофой, значительно усиливается въ поэмѣ и что заклинанія турка противъ «проклятаго» гяура введены очень удачно и въ значительной степени содѣйствуютъ драматическому впечатлѣнію разсказа. Остальную часть поэмы, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы выдѣлить, какъ вторую часть, такъ какъ полная перемѣна мѣста дѣйствія и промежутокъ между событіями не менѣе, чѣмъ въ шесть лѣтъ, могутъ вызвать у читателя нѣкоторое недоразумѣніе». (*Джоржъ Эллисъ*).

Стр. 238. *Надвинувъ темный капюшонъ,*
На міръ угрюмо смотритъ онъ.

Эта часть поэмы, до самаго конца, кромѣ только послѣднихъ 16 стиховъ, была вставлена впослѣдствіи, частью во время печатанія, частью при слѣдующихъ изданіяхъ.

Стр. 240. *Илъ панцырь онъ, илъ острый мечъ.*

Въ этомъ мѣстѣ поэмы нѣкоторые критики усмотрѣли подражаніе Краббу. Байронъ писалъ по этому поводу одному изъ своихъ друзей: «Я прочелъ «Британское Обозрѣніе», и думаю, что авторъ статьи во многихъ отношеніяхъ совершенно правъ. Меня огорчаетъ только обвиненіе въ подражаніи. Я никогда не видалъ этого мѣста у Крабба, а В. Скотту слѣдовалъ только въ лирическомъ размѣрѣ, который настолько же принадлежитъ и Грею, и Мильтону, и всякому, кто захочетъ имъ воспользоваться. Гяуръ, конечно,—характеръ дурной, но не опасный, и я не думаю, чтобы его чувства и его судьба нашли много подражателей». Дѣло идетъ о слѣдующемъ мѣстѣ у Крабба: «Они—какъ воскъ: растопи ихъ на огнѣ—и они примутъ ту форму, какую ты желаешь; они легко поддаются измѣненіямъ и принимаютъ какой угодно отпечатокъ, подобно расплавленному желѣзу, которое также можетъ принимать любую форму».

Такъ страждетъ бѣдный пеликанъ.

«Пеликанъ—очень извѣстная птица, о которой говорятъ, что она кормитъ своихъ птенцовъ собственною кровью». (*Прим. Байрона*).

Стр. 242. *Конецъ его неотвратимый*
Тагира, предчувствіемъ томимый,
Ему зловѣще предсказалъ:
Свистъ пуль недаромъ онъ слыхалъ..

«Эту вѣру въ предслышаніе» (настоящаго «предвидѣнія» я никогда не встрѣчалъ на Востокѣ (мнѣ самому пришлось однажды наблюдать. Во время моей третьей поѣздки къ мысу Колонна, въ началѣ 1811 г., когда мы проѣзжали черезъ ущелье, ведущее изъ одной деревушки между Кератіей и Колонной, я замѣтилъ, что Дервишъ Тагира вдругъ съѣхалъ съ прямой дороги и опустилъ голову на руку, словно въ какомъ-то горѣ. Я подъѣхалъ къ нему и спросилъ, въ чемъ дѣло. «Намъ грозитъ опасность», отвѣчалъ онъ.—«Что за опасность? Вѣдь мы не въ Албаніи и не въ проходахъ Эфеса, Месолонги или Ленанто; насъ много, мы хорошо вооружены, а у хоріатовъ не хватаетъ смѣлости для разбоя». «Это все правда, эффенди; а все-таки въ моихъ ушахъ звучитъ выстрѣлъ». «Выстрѣлъ? Да съ самаго утра никто не выстрѣлилъ даже съ пистолета».—«А я все-таки его слышу,—бомъ, бомъ,—такъ же отчетливо, какъ слышу вашъ голосъ». -«Ну, вотъ!»—«Какъ вамъ угодно, эффенди; что написано, то и сбудется». Я оставилъ этого фаталиста, одареннаго такимъ острымъ слухомъ, и обратился къ его товарищу, христіанину Василію, у котораго уши хотя и не были пророческими, но не утратили способности воспріятія. Мы всѣ прибыли въ Колонну, провели тамъ нѣсколько часовъ и возвращались спокойно, обмѣниваясь между собою множествомъ остроумныхъ словъ, на множествѣ языковъ, напоминавшемъ вавилонское столпотвореніе, по поводу ошибки нашего прорицателя. Мы смѣялись надъ несчастнымъ мусульманиномъ по-ромейски, по-арнаутски, по турецки, по-итальянски, по-англійски. Въ то время, какъ мы любовались прекраснымъ пейзажемъ, Дервишъ внимательно осматривалъ колонны. Я подумалъ, что онъ обратился въ антикварія и спросилъ его, не сдѣлался ли онъ человѣкомъ Палэокастро?»—«Нѣтъ», отвѣчалъ онъ,—«но эти столбы могутъ пригодиться при остановкѣ», и сдѣлалъ еще нѣсколько замѣчаній, изъ которыхъ было ясно, что онъ самъ вѣритъ въ свою способность «предслышанія». По возвращеніи въ Аѳины, Леоне (арестантъ, высаженный на берегъ нѣсколько дней спустя послѣ нашей поѣздки) разсказалъ намъ о предполагавшемся нападеніи майнотовъ, о которомъ, а также и о причинахъ, почему оно не состоялось, упоминается въ примѣчаніяхъ къ II-й пѣснѣ *Чайльдъ Гарольда*. Мы начали разспрашивать его о подробностяхъ, и онъ съ такою точностью описалъ одежды, вооруженіе и всѣ приметы лошадей нашего отряда, что—въ связи съ другими обстоя-

тельствами—у насъ не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что онъ самъ участвовалъ въ шайкѣ и что мы находились въ дурномъ сосѣдствѣ. Съ тѣхъ поръ Дервишъ на всю жизнь сталъ предсказателемъ, и я могу сказать, что теперь онъ слышитъ гораздо больше выстрѣловъ, чѣмъ когда-либо, къ великому удовольствію бератскихъ арнауговъ и жителей его родныхъ горъ. Укажу еще на одну особенность этого своеобразнаго племени. Въ мартѣ 1811 г. одинъ замѣчательно упрямый и дѣятельный арнаутъ (кажется, это былъ уже пятидесятый) пришелъ ко мнѣ съ предложеніемъ своихъ услугъ. Предложеніе было отклонено. «Ну, хорошо, эффенди», сказалъ онъ. «Будьте здоровы. А я бы вамъ пригодился. Завтра я уйду изъ города въ горы, а на зиму опять вернусь; можетъ быть, тогда вы меня и возьмете». Присутствовавшій при этомъ Дервишъ замѣтилъ, словно о самомъ обыкновенномъ дѣлѣ: «А на это время онъ пойдетъ къ клефтамъ» (разбойникамъ)—и это оказалось совершенно вѣрнымъ. Если этихъ людей не поперѣжутъ, они на зиму возвращаются и преспокойно живутъ въ томъ самомъ городѣ, гдѣ часто хорошо извѣстны ихъ разбойничьи подвиги».

(*Прим. Байрона*).

Стр. 243. *Когда бъ у ней была могила,*
То съ ней бы ложе раздѣлила
Моя печаль.

«Это, по нашему мнѣнію, лучшія мѣста поэмы; нѣкоторыя изъ нихъ полны такой красоты, которой едва ли найдется что-нибудь равное на нашемъ языкѣ».

(*Джеффри*).

Любовь на небѣ рождена.

Эти стихи, до ст.: «Ахъ, нѣтъ, отецъ,—то не былъ бредъ» (стр. 246), впервые явились только въ 5-мъ изданіи поэмы. Возвращая Моррею корректуру, Байронъ писалъ: «Хотя и не безъ нѣкоторыхъ затрудненій, я ничего не прибавилъ къ этой змѣѣ-поэмѣ, которая съ каждымъ мѣсяцемъ становится все длиннѣе и длиннѣе. Теперь она уже страшно длинна больше, чѣмъ полторы пѣсни *Чайльдъ-Гарольда*. Послѣдніе стихи нравятся Годжсону. Это съ нимъ бываетъ не часто; а когда ему что-нибудь не нравится,—онъ говоритъ мнѣ объ этомъ съ большой энергіей, и я начинаю сердиться и поправлять. Я не захотѣлъ смягчить жестокость нашего невѣрнаго и заставилъ его много наговорить о себѣ, для умирающаго этого много»...

Стр. 244.

Ахъ, что въ бесѣдѣ мнѣ твоей!

«Рѣчь монаха опущена. Повидимому, она такъ мало подѣйствовала на страдальца, что едва ли можетъ подѣйствовать на читателя. Достаточно сказать, что она была обычной длины (какъ можно замѣтить и по тому, что потерпѣливый слушатель не разъ его прерывалъ) и была произнесена въ обычномъ тонѣ всѣхъ православныхъ проповѣдниковъ». (*Прим. Байрона*).

Стр. 246.

Пусть надписи надгробной видъ
Пришельца взоръ не привлекаетъ.

«Обстоятельства, о которыхъ говорится въ этой повѣсти, не представляютъ въ Турціи чего-либо необыкновеннаго. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ жена Мухтара-паши пожаловалась его отцу на предполагаемую невѣрность его сына; отецъ спросилъ, съ кѣмъ онъ ей измѣнилъ,—и она имѣла жестокость дать ему списокъ двѣнадцати красивѣйшихъ женщинъ въ Янинѣ. Въ ту же ночь всѣ онѣ были схвачены, зашиты въ мѣшки и брошены въ озеро. Одинъ изъ стражей, присутствовавшихъ при этомъ, передавалъ мнѣ, что ни одна изъ этихъ жертвъ не издала ни крика и не выказала никакихъ признаковъ ужаса при столь внезапной разлукѣ «со всѣмъ, что знаемъ, что мы любимъ». Судьба Фрозины, красивѣйшей изъ этихъ жертвъ, послужила предметомъ многихъ романсовъ и арнаутскихъ пѣсенъ. Сюжетомъ настоящей повѣсти послужила исторія одной молодой венеціанки, случившаяся много лѣтъ тому назадъ и теперь почти уже забытая. Я случайно услыхалъ этотъ разсказъ отъ одного изъ сказочниковъ, которыхъ всегда много въ восточныхъ кофейняхъ, гдѣ они повѣствуютъ или распѣваютъ свои исторіи. Собственныя прибавки и вставки передающаго этотъ разсказъ легко отличаются отъ основнаго текста отсутствіемъ восточной фантазіи. Я жалѣю, что моя память сохранила такъ мало отрывковъ оригинала. Содержаніемъ нѣкоторыхъ примѣчаній и обязанъ отчасти Д'Эрбело, отчасти—истинно восточной и, какъ справедливо назвалъ ее г. Веберъ, «высокой» повѣсти «Ватекъ». Я не знаю, изъ какого источника авторъ этой замѣчательной книги почерпнулъ свои матеріалы; нѣкоторыя изъ ея подробностей можно найти въ «Bibliothèque Orientale»; но по вѣрности въ изображеніи нравовъ, по красотѣ описаній и по силѣ воображенія она далеко оставляетъ за собою всѣ европейскія подражанія и отличается такою оригинальностью, что тѣ, кто бывалъ на Востокѣ, съ трудомъ повѣрятъ, что это—не переводъ (*Прим. Байрона*). О «Ватекѣ» см. выше стр. 471.

Стр. 246.

Повѣдалъ намъ о нѣжной дѣвѣ
И о врагѣ, сраженномъ въ гнѣвѣ.

«Въ этой поэмѣ, изданной вслѣдъ за двумя первыми пѣснями *Чайльдъ-Гарольда*, Байронъ началъ выказывать свои силы. Теперь онъ уже получилъ такое поощреніе, которое развязало его смѣлыя руки и придало его ударамъ ихъ естественную силу. Здѣсь мы впервые находимъ отдѣльныя мѣста, отличающіяся оригинальнымъ тономъ Байрона; но это произведеніе, все-таки, не однородно: поэтъ часто возвращается къ прежнему своему положенію и напоминаетъ манеру нѣкоторыхъ любимыхъ своихъ предшественниковъ: иногда у него звучатъ мотивы Вальтеръ Скотта. Но внутренняя буря глубокая страсть, то скрытая, то внезапно прорывающаяся наружу отъ какого-нибудь случайнаго толчка, и та мучительная напряженность мысли, которая всегда будетъ отличать Байрона отъ другихъ писателей,—уже ясно сказываются здѣсь» (*Бриджесъ*).

АБИДОССКАЯ НЕВѢСТА.

Поэма была издана въ началѣ декабря 1813 г. Байронъ, въ письмѣ къ Джиффорду отъ 12 ноября, говоритъ о своемъ душевномъ состояніи, результатомъ котораго она явилась, слѣдующее: «Вы были такъ добры, что просмотрѣли въ рукописи одну мою вещь – турецкую повѣсть, и я былъ бы вамъ очень благодаренъ, если бы вы оказали мнѣ то же одолженіе во время ея печатанія. Она писалась не ради забавы и не была «вынуждена голодомъ или просьбами друзей», но, по обстоятельствамъ, которыя иногда случаются «съ нами, молодыми людьми», создалась

при такомъ душевномъ состояніи, которое вынуждало меня занять свой умъ чѣмъ-нибудь, только не дѣйствительностью. Таковъ былъ въ этомъ случаѣ не особенно блестящій поводъ къ вдохновенію... Бросьте ее въ огонь или на волю вѣтра,—лучшей участи она не заслуживаетъ, какъ произведеніе, написанное въ одну недѣлю, stans pede in uno (кстати, я только на одной ногѣ и могу стоять)»...

Въ своемъ дневникѣ, 16 ноября, Байронъ отмѣтилъ, что лорду Голланду, которому онъ посвятилъ эту поэму, она не понравилась: «Я не думаю, чтобы я сталъ объ этомъ жалѣть. Она была написана въ четыре ночи, чтобы отвлечь мои мечты отъ **. Не будь этого, она вовсе не была бы сочинена; а если бы я въ ту пору ничего не дѣлалъ,—я бы обезумѣлъ, пожирая собственное сердце,—горькая діета! Годжсону она понравилась больше *Глэра*,—но, вѣдь, онъ не любитъ отрывковъ. Я увѣренъ, что не будь Меррея, эта поэма никогда не увидѣла бы свѣта»...

Въ другомъ мѣстѣ (5 декабря) читаемъ: «Абидосская Невѣста» вышла въ четвергъ, 2 декабря; не знаю, понравилась она публикѣ или нѣтъ. Будетъ ли она имѣть успѣхъ, или не будетъ, - публика въ этомъ не виновата, и я на нее не жалуюсь. Но я гораздо больше обязанъ этой повѣсти, нежели самому пристрастному читателю: она отвлекла мои мысли отъ дѣйствительности къ фантазіи, отъ эгоистическихъ сожалѣній къ живымъ воспоминаніямъ, и влекла меня въ сферу, наполненную самыми яркими и самыми мрачными, но и самыми живыми красками моей памяти».

«Меррей говоритъ, что Крокеръ спрашивалъ у него, почему эта вещь называется «Абидосская *Невѣста?* Проклятый вопросъ, на который отвѣчать невозможно. Она не невѣста, а только можетъ ею сдѣлаться. Я не удивляюсь, что эта неточность попалась ему на глаза; но открытіе сдѣлано слишкомъ поздно, и уже не можетъ пригодиться»...

Драматургъ Джонъ Гальтъ, въ одномъ изъ писемъ къ Байрону, указалъ на «замѣчательное совпаденіе» повѣсти съ однимъ сюжетомъ, въ которомъ онъ самъ былъ «заинтересованъ». Поэтъ, пообразивъ, что его обвиняютъ въ плагіатѣ, написалъ Гальту довольно сердитое письмо, на которое тотъ отвѣтилъ, что совпаденіе касается не идей, не чувствъ и не вымысла, а одного дѣйствительнаго факта. «Не обижайтесь, дорогой Гальтъ», писалъ ему Байронъ 11 декабря 1813 г.: «Я считалъ совершенно невозможнымъ, чтобы мы могли столкнуться на чемъ-нибудь одинаковомъ, особенно потому, что вы драматургъ, и постарался увѣрить васъ въ истинѣ, т. е. въ томъ, что я не могъ умышленно заимствовать сюжетъ, чувство или какой-нибудь эпизодъ; очень радъ, что я ничѣмъ не затронулъ вашихъ произведеній. Но все-таки замѣчательно, что первая часть моей повѣсти, въ которой вы нашли совпаденіе съ нѣкоторыми событіями, встрѣченными вами въ дѣйствительной жизни, основана на моихъ наблюденіяхъ также надъ дѣйствительною жизнью, и сначала я хотѣлъ было продолжать эту исторію, но *второю* моею мыслью было, что для такого сюжета я опоздалъ по крайней мѣрѣ на два столѣтія, такъ какъ онъ хотя и допускаетъ очень сильныя чувства и описанія, но все-таки вовсе не подходитъ къ нашему вѣку или, по крайней мѣрѣ, къ нашей странѣ; впрочемъ, прекраснѣйшія произведенія греческихъ поэтовъ, а въ новѣйшее время Шиллера и Альфіери, не говоря о нѣкоторыхъ изъ нашихъ старыхъ (и лучшихъ) драматургахъ, были основаны на событіяхъ подобнаго же рода. Въ виду этого, я, какъ вы и замѣтили, измѣнилъ поэму и, прервавъ такимъ образомъ ходъ мыслей, ослабилъ впечатлѣніе цѣлаго; вообще, по моему мнѣнію, въ дѣлѣ композиціи *вторыя* мысли—не самыя лучшія, хотя вторичныя выраженія могутъ улучшить первоначальныя идеи».

Стр. 251.

Кто знаетъ край...

Во время печатанія «Абидосской Невѣсты» Байронъ сдѣлалъ къ ней довольно много добавленій,—въ общемъ, до двухсотъ стиховъ. Въ числѣ этихъ добавленій находились и вступительныя строки, въ которыхъ видятъ заимствованіе изъ знаменитой пѣсни Миньоны въ «Вильгельмѣ Мейстерѣ» Гете:

Kennst du das Land, wo die Citronen blühn?

Сайресъ Реддингъ говоритъ, что Байронъ воспользовался его переводомъ этой пѣсни, напечатаннымъ около 1812 или 1813 г.; другіе говорили, что Байронъ заимствовалъ ее у г-жи Сталь. По поводу этого послѣдняго замѣчанія поэтъ спрашивалъ у лэди Блессингтонъ: «Знаете ли вы стихи г-жи Сталь? Вѣдь если я укралъ, такъ именно у нея, потому что я не читаю по-нѣмецки, а по-французски читаю; но я могу дать клятву, что не видѣлъ ея стиховъ, когда писалъ свои, да и теперь не помню ихъ. Кажется, первая строчка начинается словами: «Cette terre», и пр., но дальше не помню. У васъ хорошая память,—можетъ быть, вы ихъ скажете».

«Я исполнила это желаніе», говоритъ лэди Блессингтонъ, и прочла слѣдующіе стихи:

Cette terre, où les myrthes fleurissent,
Où les rayons des cieux tombent avec amour,
Où des sons enchanteurs dans les airs retentissent,
Où la plus douce nuit succède au plus beau jour, и проч.

Стр. 252.

Меджнуна сказки, пѣсни Сади.

«Меджнунъ и Лейла – восточные Ромео и Джульета. Сади — нравоучительный персидскій поэтъ».

(*Прим. Байрона*).

Вѣщій грохотъ барабана.

«Турки бьютъ въ барабанъ при восходѣ солнца, въ полдень и при наступленіи ночи. (*Прим. Байрона*).

Стр. 253.

Въ моихъ очахъ онъ какъ арабъ.

«Турки ненавидятъ арабовъ (которые отплачиваютъ за это сторицею) гораздо больше, чѣмъ христіанъ». (*Прим. Байрона*).

Стр. 254.

Кто самъ не испыталъ, что словъ на свѣтѣ нѣтъ.

Эти 12 стиховъ были добавлены во время печатанія поэмы.

И музыка у ней съ лица какъ будто вѣетъ.

«Это выраженіе вызвало замѣчанія. Я не хочу ссылаться на того, «у кого нѣтъ музыки въ душѣ» (выраженіе Шекспира), но попрошу читателя только вспомнить на десять секундъ черты женщины, которую онъ считаетъ самой прекрасной,- и если и тогда онъ не пойметъ вполнѣ того, что слабо выражено въ этомъ стихѣ, то мнѣ будетъ грустно за насъ обоихъ. Въ послѣднемъ сочиненіи первой писательницы нашего

вѣка, а можетъ быть,—и всѣхъ вѣковъ, есть краснорѣчивое мѣсто относительно аналогіи (и вызываемыхъ этой аналогіей сравненій) между живописью и музыкой. См. De l'Allemagne, vol. III, ch. 10. И не сильнѣе ли эта связь съ оригиналомъ, чѣмъ съ копіей, — съ живописью самой природы, чѣмъ съ искусствомъ? Конечно, это отношеніе легче почувствовать, нежели передать словами; но я думаю, что нѣкоторые все-таки его поймутъ, и навѣрное поняли бы, если бы увидѣли то лицо, краснорѣчивая гармонія котораго внушила эту мысль. Это мѣсто подсказано не фантазіей, а памятью,—тѣмъ зеркаломъ, которое Досада бросаетъ на землю и, смотря на обломки, видитъ, что отраженіе только умножилось!»

(*Прим. Байрона*).

По поводу этого примѣчанія Байронъ записалъ въ своемъ дневникѣ (7 дек. 1813): «Сегодня утромъ—очень милая записочка отъ Сталь. Ей угодно было высказать удовольствіе по поводу моей легкой похвалы въ одномъ изъ примѣчаній къ «Невѣстѣ». Это объясняется различно: во-первыхъ, всѣ женщины любятъ всякія, или какія бы то ни было похвалы; во-вторыхъ, это было неожиданностью, потому что я никогда за ней не ухаживалъ, а въ-третьихъ, тѣ, кто всю свою жизнь регулярно былъ восхваляемъ регулярными критиками, любятъ маленькое разнообразіе и рады, когда кто-нибудь уклонится въ сторону для того, чтобы сказать вѣжливое слово. Наконецъ, въ четвертыхъ, она очень благодушное существо, и эта причина самая лучшая, а можетъ быть—и единственная».

«Усердные искатели всяческихъ заимствованій въ сочиненіяхъ Байрона приводили къ этому стиху нѣсколько параллелей: у лирическаго поэта Лоулэса, говорятъ, есть выраженіе: «Мелодія и музыка ея лица»; сэръ Томасъ Браунъ, въ своей Religio Medici, также говоритъ, что «музыка есть даже въ красотѣ». Эти совпаденія, конечно, достойны замѣчанія, и выслѣживаніе любимаго писателя на чужихъ слѣдахъ (какъ выражается Драйденъ) иногда не лишено забавности; но къ тѣмъ, кто на подобныхъ случаяхъ сходства основываетъ общее обвиненіе въ плагіатѣ, можно примѣнить слова В. Скотта: «Указаніе подобныхъ совпаденій составляетъ излюбленную задачу трудолюбиваго тупоумія, такъ какъ людямъ представляется, что такимъ образомъ они низводятъ генія съ его высоты на обычный уровень человѣчества, а слѣдовательно—опускаютъ писателя до уровня его критиковъ». (*Муръ*).

Стр. 264.

Османъ рожденъ
Отъ древнихъ, доблестныхъ племенъ,
Отъ тимаріотовъ неизмѣнныхъ.

«Карасманъ-оглу, или Кара-Османъ-оглу — главный землевладѣлецъ въ Турціи; онъ управляетъ Магнезіей. Люди, пользующіеся землею на своего рода феодальныхъ условіяхъ службы, называются Тимаріотами; они служатъ въ рядахъ спаги, въ зависимости отъ количества занимаемой ими земли, и обязаны выставлять въ поле извѣстное число людей, обыкновенно конныхъ». (*Прим. Байрона*).

Стр. 265. *Лишь головы не сбережетъ,*
Кто въ даръ сатрапу принесетъ.

«Когда паша достаточно силенъ для того, чтобы оказать сопротивленіе, тогда вѣстникъ, который приноситъ къ нему приказъ о смерти, самъ подвергается, вмѣсто него, казни; иногда такими жертвами является пять-шесть человѣкъ, по приказу возмутившагося подданнаго; когда же, наоборотъ, онъ слабъ или не желаетъ нарушать вѣрности, онъ низко кланяется, цѣлуетъ драгоцѣнную подпись султана и очень любезно вѣшается. Въ 1810 г. въ нишѣ на серальской улицѣ выставлено было нѣсколько присланныхъ султану подарковъ, и въ томъ числѣ—голова багдадскаго паши, храбраго молодого человѣка, отрубленная измѣнническимъ, послѣ отчаяннаго сопротивленія». (*Прим. Байрона*).

Стр. 256. *Онъ трижды хлопаетъ руками.*

«Хлопая руками, зовутъ слугъ. Турки не любятъ понапрасну утруждать свой голосъ, а колокольчиковъ у нихъ нѣтъ». (*Прим. Байрона*).

Стр. 256. *Чубукъ въ алмазахъ съ янтарями.*

«Чубуки турецкихъ трубокъ у богатыхъ людей, кромѣ янтарныхъ мундштуковъ, украшаются иногда, какъ и самыя трубки, драгоцѣнными камнями». (*Прим. Байрона*).

. . . съ размаха пополамъ
Чалмы двойныя разсѣкаютъ.

«Обыкновенно для упражненій съ саблями употребляется перекрученный вдвое войлокъ, и рѣдкая сабля, кромѣ турецкой, можетъ перерубить его однимъ ударомъ; иногда для той же цѣли берутся толстыя чалмы. Джерридъ—воинственная игра тупыми дротиками, живая и граціозная». (*Прим. Байрона*).

Аллахъ! Аллахъ! Ихъ дикій крикъ.

«Крикъ, которымъ турки, народъ вообще молчаливый, иногда злоупотребляютъ, особенно—во время джеррида, или на охотѣ, а чаще всего на войнѣ. Ихъ оживленіе въ полѣ и важность въ комнатѣ, съ ихъ трубками и четками, представляютъ забавную противоположность». (*Прим. Байрона*).

Стр. 256. . . . *кувшинъ въ углу блеститъ*
Съ персидской розовой водою.

«Розовая вода» — «атаръ-гюль»; персидская — самая лучшая». (*Прим. Байрона*).

На стѣны мраморны съ рѣзьбою.

«Потолки и панели, или, лучше сказать, стѣны мусульманскихъ жилищъ обыкновенно украшаются, въ знатныхъ домахъ, все однимъ и тѣмъ же ярко раскрашеннымъ видомъ Константинополя, отличительною чертою котораго является благородное презрѣніе къ перспективѣ; подъ нимъ размѣщается, причудливо и не безъ нѣкотораго изящества, разное оружіе, сабли и проч.». (*Прим. Байрона*).

Стр. 256. *Любовникъ розы соловей.*

«Высказано было немало сомнѣній относительно того, веселыя или грустныя пѣсни распѣваетъ «любовникъ розы»; замѣчанія г. Фокса объ этомъ предметѣ вызвали много ученыхъ споровъ и справокъ съ мнѣніями древнихъ писателей. Я не смѣю высказать собственнаго мнѣнія, хотя и склоненъ повторить: «eggare mallem», если г. Фоксъ ошибся». (*Прим. Байрона*).

Стр. 258. *Самъ Азраилъ, явясь предъ нами,*

«Азраилъ ангелъ смерти». (*Прим. Байрона*)

Стр. 259. . . *Всѣхъ сокровищъ драгоцѣнныхъ,*
У Истакара сокровенныхъ.

«Сокровища султановъ, жившихъ до Адама». (*Прим. Байрона*).

Онъ съ Негропонтскихъ береговъ.

«По пословицѣ,—турки изъ Негропонта, евреи изъ Салоникъ и греки изъ Аѳинъ самые худшіе представители своего племени». (*Прим. Байрона*).

Стр. 260. *И Чекодаръ летитъ обратно.*

«Чекодаръ» - одинъ изъ слугъ, который предшествуетъ знатной особѣ». (*Прим. Байрона*).

Стр. 261. *Шумитъ твой Геллеспонтъ широкій!*

«Спорить объ этомъ эпитетѣ - «широкій Геллеспонтъ» или «безпредѣльный Геллеспонтъ», что бы имъ ни обозначалось,—совершенно невозможно. Я слышалъ этотъ споръ даже на мѣстѣ и, не предвидя скораго конца пререканіямъ, доставилъ себѣ удовольствіе переплыть Геллеспонтъ; и, вѣроятно, успѣю переплыть еще разъ прежде, нежели вопросъ получитъ разрѣшеніе. Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ о правдивости «сказанія о священной Троѣ» все еще остается нерѣшеннымъ, такъ какъ тутъ многое зависитъ отъ завѣтнаго слова ἄπειρος (безпредѣльный); по всей вѣроятности, Гомеръ имѣлъ такое же понятіе о пространствѣ, какъ кокетка— о времени; говоря о «безпредѣльности», онъ разумѣетъ полмили, точно такъ же, какъ кокетка, говоря о «вѣчной» любви, просто подразумѣваетъ три недѣли». (*Прим. Байрона*).

Стр. 262. *Здѣсь сынъ Аммона горделивый,*
Свершая тризну, пировалъ.

«Александръ Македонскій, передъ вторженіемъ въ Персію; онъ увѣнчалъ жертвенникъ лаврами и пр. Впослѣдствіи ему подражалъ Каракалла. Говорятъ, онъ также отравилъ одного изъ своихъ друзей, по имени Феста, для того, чтобы имѣть поводъ устроить новыя Патрокловы игры. Я видѣлъ сѣдло, насущееся на могилахъ Эзіэта и Антилоха; первая изъ нихъ находится въ центрѣ равнины». (*Прим. Байрона*).

Стр. 262. . . *изъ янтарей душистыхъ*
Вотъ четки дѣвы молодой.

«Янтарь, если его потереть, издаетъ запахъ,— легкій, но непріятный».

(*Прим. Байрона*).

Замѣтивъ, что въ нѣкоторыхъ экземплярахъ поэмы важное словечко *не* было пропущено. Байронъ писалъ Меррею: «Оказалась чортовская опечатка, которую необходимо исправить,— пропущено *не* передъ словомъ «непріятный» въ примѣчаніи объ янтарныхъ четкахъ. Это поистинѣ ужасно, и почти такъ же скверно, какъ моя ошибка въ заглавіи, т. е. неправильное названіе *Невѣсты*. Пожалуйста, не выпускайте экземпляровъ безъ этого *не*: это безсмыслица, и даже хуже безсмыслицы. Желаю наборщику, чтобы его осѣдлалъ вампиръ».

Стр. 262.

Съ словами Курзи талисманъ.

«Вѣра въ талисманы или амулеты, награвированные на камняхъ или помѣщенные въ золотые медальоны со стихами изъ Корана, носимые на шеѣ на запястьѣ, или на рукѣ выше локти, распространена повсюду на востокѣ. «Курзи» (тронъ) — стихъ во 2-й главѣ Корана, описывающій свойства Всевышняго; этотъ стихъ особенно чтится правовѣрными и часто носится въ видѣ талисмана». (*Прим. Байрона.*)

И съ комболойо вотъ Коранъ.

«Комболойо» — турецкія четки. Рукописи, особенно персидскія, богаты украшеніями и рисунками. Греки держатъ своихъ женщинъ въ крайнемъ невѣжествѣ; но изъ турецкихъ дѣвушекъ многія очень образованы, хотя и не обладаютъ тѣми качествами, какія требуются, въ христіанскомъ обществѣ». (*Прим. Байрона*).

Стр. 264.

Галіонджи простой предъ нею.

«Галіонджи» — турецкій матросъ. Ихъ костюмъ живописенъ, и я не разъ видѣлъ въ немъ Капитана-пашу, который носилъ его ради «инкогнито». Ноги у нихъ обыкновенно голыя. Упоминаемая въ текстѣ обувь съ серебряной чешуей — принадлежность арнаутскихъ разбойниковъ, изъ которыхъ одинъ былъ моимъ гостемъ (онъ уже бросилъ свою профессію) близъ Гастуни, въ Морѣ». (*Прим. Байрона*).

Взгляни на мечъ завѣтный мой
Корана съ надписью святой.

«Надписи на турецкихъ саблях иногда заключаютъ въ себѣ названіе мѣста ихъ выдѣлки, а обыкновенно — текстъ изъ Корана, золотыми буквами. Въ моей колле ціи есть одна сабля съ оригинальнымъ клинкомъ: онъ очень широкъ, а конецъ его извивается, какъ струи воды или языкъ пламени. Я спрашивалъ у армянина, который продавалъ эту саблю, зачѣмъ это сдѣлано; онъ сказалъ, по-итальянски, что не знаетъ; но мусульмане думаютъ, что такія сабли наносятъ болѣе тяжкія раны, и любятъ ихъ за то, что онѣ рій гегосе. Я не особенно убѣдился этимъ доводомъ, но купилъ саблю ради ея оригинальности». (*Прим. Байрона*).

И сироту онъ—Каинъ новый—
Хотѣлъ себѣ поработить.

«Слѣдуетъ имѣть въ виду, что всякія упоминанія о какихъ-либо ветхозавѣтныхъ предметахъ или лицахъ, какъ, напр., радуга или Каинъ, составляютъ въ равной мѣрѣ привилегію какъ евреевъ, такъ и мусульманъ; послѣдніе увѣряютъ даже, что они гораздо лучше знаютъ біографіи патріарховъ, нежели мы, по нашему священному Писанію. Въ самомъ дѣлѣ, они не довольствуются Адамомъ, а разсказываютъ также и о жизни пре-адамитовъ, Соломонъ считается у нихъ царемъ всякаго волшебства, а Моисей— пророкомъ ниже только Христа и Магомета. Зюлейка — персидское имя жены Пентефріи; исторія ея любви къ Іосифу служитъ предметомъ одной изъ прекраснѣйшихъ поэмъ на персидскомъ языкѣ. Такимъ образомъ, упоминаніе мусульманиномъ именъ Каина или Ноя не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго обычаю». (*Прим. Байрона*).

Это примѣчаніе «для несвѣдущихъ» было прислано Байрономъ Меррею въ отвѣтъ на выраженное имъ сомнѣніе, можетъ ли мусульманинъ упоминать имя Каина.

Стр. 264.

И ратники Пасвана знаютъ,
Каковъ былъ смѣлый Абдала.

«Пасванъ-оглу, возмутившійся въ Виддинѣ и въ теченіе послѣднихъ лѣтъ своей жизни боровшійся со всѣми силами Порты». (*Прим. Байрона*)

Стр. 265.

. . . . . *и бунчуки*
Въ поляхъ Софійскихъ развѣваютъ.

«Бунчукъ» — конскій хвостъ, знакъ паши. (*Прим. Байрона*).

И рабъ, подкупленный Нфаромъ,
Ему напитокъ роковой
Поднесъ.

«Джаффиръ, паша изъ Аргиро-Кастро или изъ Скутари, — не знаю навѣрное откуда, былъ именно такъ отравленъ албанскимъ Али-пашой. Это произошло въ банѣ, въ Софіи или въ Адріанополѣ. Ядъ былъ положенъ въ чашку кофе, которая подается банщикомъ прежде шербета, послѣ одѣванія. Когда я былъ въ Албаніи, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ этого событія, Али-

паша женился на дочери своей жертвы». (*Прим. Байрона*).

Стр. 266.

Стремилъ свой бегъ межъ островами.

«Всѣ знанія турокъ объ островахъ и о морѣ ограничиваются Архипелагомъ». (*Прим. Байрона*).

Стр. 267.

Друзья Ламброса удалые.

Ламбро Канцани, грекъ, знаменитый своею борьбою, въ 1789—90 гг., за независимость своей родины. Покинутый русскими, онъ сдѣлался пиратомъ; мѣстомъ его похожденій былъ Архипелагъ. Говорятъ, что онъ еще и теперь живетъ въ Петербургѣ. Онъ и Рига—два самыхъ знаменитыхъ греческихъ революціонера». (*Прим. Байрона*).

Своихъ рая съ мечтой огромной
Уже спасаютъ отъ цѣпей.

«Рая»—христіане, всѣ платящіе поголовный налогъ, такъ наз. «харачъ». (*Прим. Байрона*).

Стр. 267.

Я радъ нестись шумящими зыбями,
Скитаться радъ въ кибиткѣ кочевой.

«Кочевая жизнь арабовъ, татаръ и туркменовъ подробно описывается въ любомъ путешествіи на Востокъ. Нельзя отрицать, что въ ней есть своеобразная привлекательность. Одинъ молодой французскій ренегатъ признавался Шатобріану, что когда онъ скакалъ одинъ въ пустынѣ, онъ чувствовалъ восторгъ, не поддающійся описанію. (*Прим. Байрона*).

Стр. 270.

И онъ, безчувственный, плыветъ
По произволу бурныхъ водъ.

«Когда фрегатъ «Сальсеттъ» стоялъ въ Дарданеллахъ, Байронъ увидѣлъ однажды тѣло человѣка, выброшеннаго въ море; оно плавало то въ одну сторону, то въ другую, по прихоти волнъ, и его согнутыя руки словно отгоняли морскихъ птицъ, летавшихъ надъ нимъ. Эта картина поразительно имъ описана». (*Гальтъ*).

Стр. 271.

И столбъ съ надгробною чалмой.

«Чалма высѣкается изъ камня только на могилахъ мужчинъ». (*Прим. Байрона*).

Стр. 271.

И Вулвулла къ нему порою
Несется съ вѣстью гробовою...
. . . . . .
Рабовъ безмолвныхъ видъ печальный.

«Вулвулла»—похоронная пѣснь турецкихъ женщинъ. «Безмолвные рабы» - люди, понятія которыхъ о приличіи не допускаютъ *публичнаго* выраженія горя». (*Прим. Байрона*).

«Гдѣ дочь моя?»—и отзывъ скажетъ: «Гдѣ?».

«Я пришелъ къ мѣсту моего рожденія и воскликнулъ: Друзья моей юности,—гдѣ они? И эхо отвѣтило: «Гдѣ они?» *Изъ арабской рукописи.* (*Прим. Байрона*).

Стр. 272.

. . . . *въ тѣни жалкой и любимой*
Почти всегда пѣвецъ незримый
Зулейки имя намекнетъ ..

«Вѣра, что души умершихъ переселяются въ птицъ, существуетъ не только на Востокѣ. Разсказы лорда Литтльтона о привидѣніяхъ, увѣренность герцогини Кендаль, что Георгъ I влетѣлъ къ ней въ окно въ видѣ ворона (см. Воспоминанія Орфорда) и много другихъ примѣровъ показываютъ, что это суевѣріе можно найти гораздо ближе къ намъ. Особенною оригинальностью отличалась причуда одной Уорстерской дамы, убѣжденной, что ея дочь продолжаетъ свое существованіе въ видѣ пѣвчей птицы: она окружила всю свою скамью въ церкви клѣтками съ такими птицами, и такъ какъ она была богата и много благотворила церкви, то это безвредное безуміе и не встрѣтило возраженій. См. объ этой исторіи Воспоминанія Орфорда». (*Прим. Байрона*).

«Героиня этой поэмы, цвѣтущая Зюлейка,—воплощеніе чистоты и пріятности. Еще никому не удавалось болѣе изящно и вѣрно обрисовать подобный безупречный характеръ. Его благочестіе, умъ, высоко развитое чувство долга и неуклонная любовь къ правдѣ, видимо составляютъ ея природныя свойства, а не внушены воспитаніемъ. Она всегда естественна, всегда привлекательна, всегда нѣжна; и надо сказать, что предметъ ея нѣжности вполнѣ ея достоинъ. Селимъ, хотя и сирота, не унижетъ своимъ зависимымъ положеніемъ и несчастіемъ; когда у него является надежда на лучшее, его духъ окрыляется ожиданіями; онъ предпринимчивъ и отличается тою стремительностью, какая вообще свойственна юности; когда же его хорошо обдуманныя намѣренія встрѣчаютъ неудачу,—онъ безстрашно шелъ навстрѣчу судьбѣ, которой обрекало его собственное великодушное воздержаніе. «Абидосская Невѣста» представляется намъ во всѣхъ отношеніяхъ выше «Гяура», хотя стихъ ея и вызвалъ, кажется, менѣе горячія похвалы. Мы не станемъ разсуждать объ этомъ; замѣтимъ только, что то, что читается легко, обыкновенно читается быстро, и что многія красоты стиля, ускользающія отъ наблюденія въ простомъ и связномъ разсказѣ, невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе читателя при неожиданныхъ и рѣзкихъ переходахъ. Путешественникъ можетъ подробно разсмотрѣть видъ и полюбоваться имъ только тогда, когда остановится въ своей поѣздкѣ».

(*Джорджъ Эллисъ*).

КОРСАРЪ.

Стр. 287.

Тамъ вы найдете несчастія вашей родины, высоту духа ея сыновъ, и пр.

Этотъ политическій намекъ вызвалъ возраженія со стороны одного изъ друзей Байрона, и поэтъ написалъ другое посвященіе и послалъ его Муру, прося выбрать одно изъ двухъ. Муръ выбралъ первое, которое и явилось въ первомъ изданіи поэмы. Второе посвященіе было составлено въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Дорогой Муръ! Я написалъ вамъ длинное посвященіе, которое затѣмъ уничтожилъ, потому что хотя въ немъ и заключалось нѣчто, касающееся насъ, и такое, что каждому пріятно было бы услышать, но было также слишкомъ много наговорено о политикѣ и о поэзіи, и о всякихъ другихъ вещахъ, а кончилось оно разсужденіями о такомъ предметѣ, о которомъ большинство умѣетъ говорить складно и никто не говоритъ забавно,—*о себѣ самомъ*. Его слѣдовало бы передѣлать наново; но къ чему это? Моя похвала ничего не прибавила бы къ вашей вполнѣ заслуженной и прочно установившейся славѣ; притомъ, вамъ уже извѣстно мое искреннее преклоненіе предъ вашимъ талантомъ и то наслажденіе, какое вы доставляете мнѣ своимъ обществомъ. Пользуясь вашимъ любезнымъ позволеніемъ посвятить вамъ эту повму, я могу только пожелать.

чтобы это приношеніе было такъ же достойно вашего вниманія, какъ ваша любезность дорога вашему искренно преданному и вѣрному Байрону».

Стр. 287.

Одинъ только Скоттъ изъ современныхъ поэтовъ, и пр.

Послѣ словъ: «Одинъ только Скоттъ» Байронъ приписалъ въ скобкахъ: «Онъ извинитъ отсутствіе слова: *Господинъ*; вѣдь не говоримъ же мы: *Господинъ* Цезарь».

Стр. 288.

А что касается того, кто онъ,—пусть тѣ, кому это нравится, подставляютъ подъ него какое угодно живое лицо.

«Трудно рѣшить, заключается ли въ этихъ словахъ подтвержденіе или отрицаніе того мнѣнія, о которомъ тутъ говорится; но лордъ Байронъ, конечно, былъ несправедливъ въ отношеніи публики, если предполагалъ, что она приписывала ему самому тѣ преступныя дѣянія, которыми запятнаны многіе изъ его героевъ. Публика вовсе не желала видѣть въ лордѣ Байронѣ—Корсара, который самъ «сознавалъ себя злодѣемъ»; но видѣвшіе лорда Байрона могли находить нѣкоторое сходство его фигуры съ чертами Корсара:

Обычный ростъ, далеко не гигантъ..
. . . . . .
. . . . . *царственно и смѣло*
Изъ подъ кудрей чернѣющихъ блѣднѣло
Чело..

(II. I, стр. IX).
(*В. Скоттъ*).

ПЕРВАЯ ПѢСНЯ.

«Время въ этой поэмѣ можетъ показаться слишкомъ краткимъ для изображаемыхъ событій; но всѣ Эгейскіе острова находятся только въ нѣсколькихъ часахъ плаванія отъ материка, и читатель будетъ настолько любезенъ, чтобы допустить попутный вѣтеръ, такъ какъ я часто его встрѣчалъ». (*Прим. Байрона*).

Стр. 295. *Безпомощно надежда упала,*
И милосердье тихо отлетало.

«Что Конрадъ—характеръ не совсѣмъ неестественный, это я попытаюсь доказать нѣсколькими историческими параллелями, съ которыми я познакомился уже послѣ написанія *Корсара*.

«Эпиклинно, будучи въ плѣну, говоритъ Роландинъ, окружалъ себя грознымъ молчаніемъ; онъ вперилъ въ землю свой свирѣпый взглядъ и не давалъ обнаруживаться своему глубокому негодованію. Между тѣмъ, со всѣхъ сторонъ сбѣгались солдаты и народъ; всѣ хотѣли посмотрѣть на этого человѣка, нѣкогда столь могучаго, ... и выражали радость . . Эпиклинно былъ небольшого роста, но вся его фигура, всѣ движенія обнаруживали воина. Рѣчь его была горька, гнѣвъ отличался гордостью, и однимъ своимъ взглядомъ онъ заставлялъ трепетать самыхъ смѣлыхъ людей». Simonde de Sismondi, Hist. des Républiques italiennes du Moyen-Age. 1809, III, 219.

Затѣмъ,—«Гизерихъ (Гензерихъ, король вандаловъ, завоеватель Карѳагена и Рима), роста средняго и хромой вслѣдствіе паденія съ лошади, умомъ глубокій, рѣчью разумный, роскошь презиравшій, въ гнѣвѣ бурный, къ стяжанію жадный, къ убѣжденію людей способнѣйшій» и пр. Jornandes, De Gotarum Origine («De rebus gothicis»), cap. 33, ed. 1597, p. 92.

Прошу позволенія указать на эти мрачные реальные образы для сравненія съ моими Глуромъ и Корсаромъ. (*Прим. Байрона къ 9-му изд.*).

Стр. 299. . . . *Сердце, что ко мнѣ*
Такъ нѣжно,—въ вѣчной гибельной
войнѣ
Съ природою, со всѣмъ, что въ ней
отрадно!

«Лордъ Байронъ искусно изобразилъ нѣжность и покорность женщинъ тѣхъ странъ, какъ контрастъ высокородной гордости и воинственной свирѣпости мужчинъ; и хотя мы подозрѣваемъ, что онъ придалъ этимъ женщинамъ больше *души*, чѣмъ у нихъ на самомъ дѣлѣ есть, а также и больше деликатности и ума, однако въ его изображеніи есть нѣчто очень вѣрное женской природѣ; въ отдѣльныхъ его чертахъ вложено такъ много восточной мягкости и покорности, что нельзя не признать этого изображенія характернымъ и гармоничнымъ; вмѣстѣ съ тѣмъ—оно и само по себѣ очень пріятно и прекрасно». (*Джеффри*).

Стр. 303. *Нѣтъ, то не сонъ. Я здѣсь одна...*
одна.

«Во всей нашей поэзіи мы не знаемъ картины болѣе прекрасной и трогательной, чѣмъ это описаніе разлуки». (*Джеффри*).

Стр. 305. . . . *и весла какъ въ огняхъ*
Блестятъ: то въ мракѣ фосфоро-
рится пѣна.

«Ночью, особенно въ теплыхъ широтахъ, каждый ударъ весла, каждое движеніе лодки или корабля сопровождаются слабымъ сіяніемъ, какъ будто на водѣ появляются свѣтящіяся полосы». (*Прим. Байрона*).

Стр. 306. *Скользятъ галеры легкія и лодки*
Въ коронской бухтѣ.

«Коронъ, въ древности—Колонидесъ, находится нѣсколько сѣвернѣе мыса Ливидіи, на западномъ берегу Каламатскаго или Мессенскаго залива.

Стр. 307. . . . *Явился дервишъ пѣшенный,*
Бѣжавшій отъ пиратовъ.

«Говорили, что появленіе переодѣтаго Конрада въ видѣ шпіона невѣстественно. Можетъ быть. Я нашелъ нѣчто подобное въ исторіи. Желая собственными глазами увидѣть расположеніе варваровъ, Майоріанъ, измѣнивъ цвѣтъ своихъ волосъ, отважился явиться въ Карѳагенъ подъ видомъ собственнаго посланника, и Гензерихъ былъ крайне раздосадованъ, узнавъ потомъ, что онъ бесѣдовалъ съ римскимъ императоромъ, и отпустилъ его. Этотъ анекдотъ можно отвергнуть какъ невѣроятную выдумку; но подобная выдумка возможна только въ біографіи героя». См. Гиббона, Decline and Fall, VI, 180 (*Прим. Байрона*).

Стр. 308. . . . *плылъ на Хіосъ пашъ*
сакъ
Изъ Скаланово.

«Сакъ»—левантинское судно; портъ Скаланово—на малоазіатскомъ берегу, въ 21 милѣ къ югу отъ Смирны.

Стр. 309. . . . *Обычъ суровый мой*
И ордена .

«Дервиши раздѣляются на ордена, какъ и монахи». (*Прим. Байрона*).

Стр. 310. . . *рветъ бороду Сеидъ.*

Обычное и не новое у мусульманъ проявленіе гнѣва. См. Записки принца Евгенія: «Се

раскиръ былъ раненъ въ бедро; онъ вырвалъ себѣ бороду, потому что долженъ былъ покинуть поле сраженія» (*Прим. Байрона*).

Стр. 312. *Нѣтъ времени привѣтствовать Гюльнару.*

«Гюльпара» — женское имя; буквально значитъ: «цвѣтокъ гранатоваго дерева». (*Прим. Байрона*).

Стр. 318. *Не разъ ей плаха эхомъ отвѣчала.*

«Напримѣръ, сэръ Томасъ Моръ на эшафотѣ и Анна Болейнъ въ Тоуэрѣ, которая, взявъ себя за шею, замѣтила, что «она очень тонка и не доставитъ палачу большого труда». Въ эпоху французской революціи одно время было въ модѣ оставлять на память потомству какое-нибудь «словцо»; собраніе предсмертныхъ шутокъ, сказанныхъ въ ту пору, могло бы составить довольно объемистую книгу». (*Прим. Байрона*).

Стр. 322.

«Вступительные стихи II-й пѣсни, до 2-го отдѣла, можетъ быть, здѣсь не совсѣмъ умѣстны: они составляли часть неизданной (хотя и напечатанной) поэмы *); но они были написаны на мѣстѣ, весной 1811 г. и читатель долженъ,—хотя я и самъ не знаю, почему,—извинить появленіе ихъ здѣсь, если можетъ». (*Прим. Байрона*).

Стр. 323.

Въ послѣдній разъ мудрецъ твой лучъ заката
Увидѣлъ...

«Сократъ выпилъ цикуту незадолго до заката (часъ, назначенный для исполненія приговора), несмотря на просьбы друзей—подождать, пока солнце зайдетъ». (*Прим. Байрона*).

. . . . . *съ высотъ*
Гимета ночь царицею идетъ.

«Въ Греціи сумерки гораздо короче, чѣмъ у насъ; дни зимою дольше, а лѣтомъ короче». (*Прим. Байрона*).

Стр. 323.

И башенка кіоска въ лунномъ свѣтѣ
Сверкаетъ; дальше храмъ Тезея спитъ.
Въ раздумьѣ пальма никнетъ...

«Кіоскъ—турецкій лѣтній домъ; пальма находится внѣ нынѣшнихъ аѳинскихъ стѣнъ, недалеко отъ храма Тезея, отдѣленнаго отъ нея стѣною. Потокъ Кефиза очень маловоденъ, а въ Илиссѣ и совсѣмъ нѣтъ воды». (*Прим. Байрона*).

Додуэлль въ своемъ Путешествіи говоритъ о «великолѣпной пальмѣ, возвышающейся надъ развалинами Птолемэона», не въ дальнемъ разстояніи къ востоку отъ храма Тезея. Послѣдній находился «въ пяти минутахъ ходьбы» отъ жилища Байрона. Въ этомъ храмѣ погребенъ ученый Джонъ Тэдделль, умершій въ 1793 г., и надъ его могилой поставленъ, стараніями Байрона, памятникъ. Когда Байронъ умеръ, греческій вождь Одиссевсъ, по предложенію полковника Стэнгопа, постановилъ похоронить его въ томъ же храмѣ.

Стр. 323.

То острова изъ блѣднаго тумана
Взираютъ на улыбку океана.

«О блестящемъ небѣ и разнообразныхъ пейзажахъ Греціи каждый составилъ себѣ общее представленіе, смотря на нихъ сквозь туманную атмосферу какого-нибудь прозаическаго описанія: но въ поэзіи Байрона каждая картина является предъ нами отчетливо и ярко, словно освѣщенная роднымъ солнцемъ, и въ фигурахъ, оживляющихъ пейзажъ, мы видимъ не одни только [illegible] очертанія и костюмы, а опредѣленныя положенія, игру физіономіи и жестовъ, указывающую на внезапные импульсы минутныхъ чувствъ. Волшебная яркость красокъ, производящая этотъ эффектъ, является, можетъ быть, самымъ разительнымъ признакомъ таланта Байрона. (*Джорджъ Эллисъ*).

О, Греція! Въ твоемъ былъ обладаньѣ
Корсара островъ нѣкогда.

Паросъ былъ взятъ аѳинянами послѣ битвы при Саламинѣ, 480 года, Р. Х.

Стр. 326.

Въ уединеньѣ пышнаго гарема...

Весь этотъ стдѣлъ былъ добавленъ во время печатанія поэмы.

. . . . *напрасно*
На четки взялъ Сеида устремленъ.

«Турецкія четки «комболойо» имѣютъ 99 зеренъ». (*Прим. Байрона*).

Стр. 331.

Онъ поднялъ къ небу руку съ кандалами,
Чтобъ молнія изъ милости стрѣлами
Сразила тѣло, данное для мукъ.

«Кстати,—у меня есть противъ васъ обвиненіе», писалъ Байронъ 25 сент. 1815 г. драматическому писателю В. Созби, автору трагедіи «Иванъ».—«Какъ великій мистеръ Деннисъ закричалъ въ подобномъ случаѣ: Клянусь Богомъ, это *мой* громъ! — такъ и я воскликаю: Это *моя* молнія! — Я говорю о рѣчи Ивана, въ сценѣ съ Петровной и императрицей, гдѣ мысль и даже нѣкоторыя выраженія напоминаютъ III пѣснь *Корсара*. Впрочемъ, я говорю это не затѣмъ, чтобы обвинять васъ, а только затѣмъ, чтобы снять съ себя подозрѣніе, такъ какъ моя поэма вышла шестью мѣсяцами раньше изданія вашихъ трагедій».

Трагедія Созби «Иванъ»—изъ русской исторіи — вышла въ 1814 году. Дѣйствующія лица здѣсь: 1) императрица Елизавета, 2) Петровна, 3) Иванъ, 4) Нарытцинъ, 5) Мировитцъ. Байронъ имѣлъ въ виду слѣдующее мѣсто: «Я въ восторгѣ спрыгнулъ съ своего каменнаго ложа; привѣтствуя громъ, разразившійся надъ моей кровлей, и кланяясь молніи, мелькавшей и сверкавшей на этихъ оковахъ». Несмотря на принятую Байрономъ предосторожность, нѣкоторые критики все-таки упрекали его въ заимствованіи изъ «Ивана». «Мистеръ Деннисъ».—драматическій писатель, изобрѣлъ новый способъ производить на сценѣ громъ съ помощью особаго деревяннаго желоба съ перегородками. Его трагедія «Аппій и Виргинія», послѣ неудачнаго представленія, была снята съ репертуара. Вскорѣ послѣ этого онъ пришелъ на представленіе *Макбета* и, услышавъ громъ, воскликнулъ: «Клянусь Богомъ это *мой* громъ! Эти негодяи ставятъ мой громъ, а не хотятъ ставить моихъ пьесъ!».

Стр. 340.

. . . . . *цѣлы*
Холодные застывшіе персты
Сжимали въ безотчетномъ напряженьѣ.

«На Востокѣ есть обычай осыпать покойниковъ цвѣтами, а въ руки молодыхъ умершихъ вкладывать букеты». (*Прим. Байрона*).

Стр. 344.

Имѣлъ одну лишь добродѣтель онъ,
А преступленьемъ былъ отягощенъ.

«Что авторъ, сдѣлавъ чувство чести одною изъ особенностей характера Конрада, не вышелъ

*) «Проклятіе Минервы».

изъ предѣловъ вѣроятности,—это, можетъ быть, до нѣкоторой степени подтверждается слѣдующимъ анекдотомъ о подобномъ же разбойникѣ, 1814 г.: «Наши читатели, конечно, замѣтили отчетъ объ экспедиціи противъ пиратовъ Баратаріи; но, вѣроятно, немногимъ извѣстны обстоятельства, исторія и характеръ этой корпораціи. Для свѣдѣнія тѣхъ, кому это неизвѣстно, мы получили отъ одного изъ нашихъ друзей слѣдующее интересное сообщеніе о главныхъ событіяхъ, съ которыми онъ ознакомился лично и которыя не могутъ не обратить на себя вниманія нѣкоторыхъ изъ нашихъ читателей. Баратарія — бухта или узкій рукавъ Мексиканскаго залива; она вдается въ плодородную, но довольно плоскую равнину, на разстояніи одной мили отъ рѣки Миссисипи, въ пятнадцати миляхъ ниже города Нью-Орлеана. Эта бухта имѣетъ безчисленное множество развѣтвленій, въ которыхъ люди могутъ укрываться отъ самаго строгаго обыска. Она сообщается съ тремя озерами, лежащими на юго-западѣ, а эти озера, въ свою очередь, связаны съ большимъ озеромъ того же наименованія, примыкающимъ къ морю; на этомъ озерѣ находится островъ, образуемый двумя рукавами самаго озера и моремъ. Восточная и западная оконечности этого острова были въ 1811 г. укрѣплены шайкою пиратовъ, подъ предводительствомъ нѣкоего г. Лафита. Огромное большинство этихъ пиратовъ принадлежитъ къ той части населенія штата Луизіаны, которая бѣжала съ острова Санъ-Доминго во время бывшихъ тамъ смятеній и нашла себѣ пріютъ на островѣ Кубѣ; когда же началась послѣдняя война между Франціей и Испаніей, эти люди принуждены были покинуть названный островъ въ назначенный имъ для того короткій срокъ нѣсколькихъ дней. Они безъ церемоніи переселились въ Соединенные Штаты,— большею частью—въ штатъ Луизіану, со всѣми неграми, которыми они владѣли на Кубѣ. Губернаторъ этого штата сообщилъ имъ статью конституціи, запрещающую ввозъ рабовъ, но въ то же время увѣрялъ ихъ, что онъ, если это будетъ возможно, испроситъ разрѣшеніе Союзнаго правительства на сохраненіе ими своей собственности. Островъ Баратарія лежитъ, приблизительно, подъ 29°15′ широты и 92°50′ долготы: онъ замѣчателенъ своимъ здоровымъ климатомъ и обиліемъ превосходной рыбы и черепокожныхъ. Глава шайки пиратовъ, подобно Карлу Моору, при многочисленныхъ порокахъ обладалъ выдающимися качествами. Въ 1813 г. эта шайка своими злодѣяніями и дерзостью обратила на себя вниманіе губернатора Луизіаны. Для того, чтобы ее уничтожить, онъ призналъ достаточнымъ захватить ея атамана и предложилъ награду въ 500 долларовъ за голову г. Лафита, который былъ хорошо извѣстенъ жителямъ города Нью-Орлеана и имѣлъ тамъ много знакомыхъ, такъ какъ онъ одно время былъ тамъ учителемъ фехтованія,— искусства, усвоеннаго имъ въ арміи Бонапарта, гдѣ онъ былъ капитаномъ. Отвѣтомъ на предложенную губернаторомъ награду за голову Лафита было предложеніе послѣднимъ награды въ 15.000 долларовъ за голову губернатора. Губернаторъ приказалъ военному отряду занять островъ Лафита, сжечь и разрушить все находящееся тамъ имущество и привести всѣхъ разбойниковъ въ городъ Нью-Орлеанъ. Этотъ отрядъ, подъ начальствомъ человѣка, бывшаго нѣкогда пріятелемъ смѣлаго капитана, подошелъ очень близко къ укрѣпленному острову, не увидѣвъ ни одного человѣка и не услышавъ ни одного звука; вдругъ раздался свистъ, похожій на призывъ лоцмана, и отрядъ былъ окруженъ внезапно явившимися изъ засады вооруженными людьми. Тутъ то современный Карлъ Моръ и обнаружилъ благородныя черты своего характера: онъ не только пощадилъ жизнь этого человѣка, явившагося съ цѣлью убить его самого и уничтожить все, что было ему дорого, но и предложилъ ему такую сумму, которая обезпечила бы его на всю жизнь. Это предложеніе было отвергнуто. Тогда Лафитъ позволилъ ему вернуться въ городъ. Это обстоятельство, въ связи съ нѣкоторыми дальнѣйшими событіями, показало, что шайкою невозможно овладѣть съ суши. А такъ какъ наши морскія силы въ этой мѣстности всегда были незначительны, то экспедиція съ цѣлью уничтоженія этого подозвоеннаго сообщества могла быть предпринята только съ увеличеніемъ количества военныхъ судовъ такъ какъ одинъ морской офицеръ, съ имѣвшимся въ его распоряженіи канонерками, не могъ вступить въ борьбу съ преобладающими силами Лафита. Получивъ подкрѣпленіе, флотъ произвелъ новую атаку, и разбойники были разсѣяны. Въ настоящее время это почти неприступное укрѣпленіе, служащее ключемъ къ Нью-Орлеану, уже очищено отъ непріятеля, и надо надѣяться, что правительство не преминетъ занять его значительными военными силами». «American Newspaper» *).

*) Замѣчательно, что Байронъ воспользовался разсказомъ о Лафитѣ тотчасъ же вслѣдъ за появленіемъ этого разсказа въ американскихъ газетахъ, когда исторія знаменитаго пирата далеко еще не была закончена. Франко-американскій Конрадъ, Жанъ Лафитъ, род. ок. 1780 г. въ Байоннѣ или въ Бордо, эмигрировалъ въ Америку вмѣстѣ съ своимъ старшимъ братомъ Пьеромъ и въ 1809 г. поселился въ Нью-Орлеанѣ въ качествѣ кузнеца. Дельта Миссисипи, съ ея лабиринтомъ проливовъ и острововъ, въ ту пору кишмя-кишѣла пиратами и контрабандистами. Оба брата, получивъ каперскія свидѣтельства отъ правительства республики Картагены, какъ союзники Испаніи, заняли островъ Грандъ-Терръ въ бухтѣ Баратаріи и съ флотиліей разбойничьихъ судовъ, стали хозяйничать въ Мексиканскомъ заливѣ. Этимъ и была вызвана прокламація губернатора Луизіаны, Клэборна, 24 ноября 1813 г., предлагавшая 500 долл. награды за захватъ Жана Лафита. Въ началѣ сентября 1814 г. англійскій полковникъ Никольсъ предложилъ Жану Лафиту чинъ капитана британской арміи, участокъ земли и сумму въ 30,000 долларовъ, если только онъ соединитъ свои силы съ англійскимъ эскадрономъ, атаковавшимъ тогда берега Луизіаны. Лафитъ попросилъ срока на размышленіе и тотчасъ же снесся съ Клэборномъ, предлагая свое войско въ распоряженіе Соединенныхъ Штатовъ, подъ условіемъ забвенія прежнихъ преступленій. Въ отвѣтъ на это предложеніе Клэборнъ отправилъ значительный отрядъ флота, подъ начальствомъ командора Даніэля Паттерсона, съ приказаніемъ истребить пиратовъ и завладѣть ихъ гнѣздомъ на островѣ Грандъ-Терръ. Эта экспедиція увѣнчалась успѣхомъ, хотя братьямъ Лафитъ и удалось ускользнуть. Генералъ Андрью Джэксонъ издалъ прокламацію противъ пиратовъ,—и ихъ дѣло было, повидимому, окончательно проиграно.

Въ продолженіи Н'обли «Біографической Исторіи Англіи» Грэнджера есть замѣчательное мѣсто въ статьѣ объ архіепископѣ Блэкбернѣ (1658—1743); я не могу устоять отъ искушенія привести его здѣсь, такъ какъ оно находится въ нѣкоторой связи съ профессіей героя настоящей поэмы. «Въ исторіи и характерѣ д-ра Блэкберна есть нѣчто таинственное. Исторія его извѣстна очень мало; были даже слухи, что онъ былъ разбойникомъ и что когда одинъ изъ прежнихъ его товарищей по профессіи, пріѣхавъ въ Лондонъ, сталъ узнавать, что сдѣлалось съ его старымъ однокашникомъ Блэкберномъ, — ему отвѣтили, что Блэкбернъ — архіепископъ Іоркскій. Намъ извѣстно, что Блэкбернъ былъ сдѣланъ младшимъ деканомъ въ Эксетерѣ въ 1694 г.; въ 1702 г. онъ отказался отъ этой должности, но снова занялъ ее въ 1794 г., по смерти своего преемника, Льюиса Барнетта. Въ слѣдующемъ году онъ сдѣлался деканомъ, а въ 1714 г—архи-деканомъ Корнуэльскимъ. Въ санъ епископа Эксетерскаго онъ былъ посвященъ 24 февраля 1716 г., а 28 ноября 1724 г. переведенъ въ Іоркъ, какъ говорила придворная сплетня, за то, что обвѣнчалъ Георга 1 съ герцогиней Мюнстеръ. Впрочемъ, кажется, это ни на чемъ не основанная клевета. Какъ архіепископъ, онъ отличался весьма благоразумнымъ поведеніемъ и заботился о доходахъ епархіи. Ходили слухи, будто онъ не отказался отъ пороковъ своей молодости и будто одною изъ его слабостей была страсть къ женщинамъ; но, хотя объ этомъ и говорили многіе, однако прямо его никто не обвинялъ. Словомъ, я смотрю на эти намеки только какъ на результатъ злоязычія. Возможно ли, чтобы разбойникъ былъ такимъ хорошимъ ученымъ, какимъ несомнѣнно былъ Блэкбернъ? Онъ въ совершенствѣ зналъ классиковъ, особенно греческихъ трагиковъ, и могъ читать ихъ такъ же легко, какъ Шекспира, для того, чтобы пріобрѣсти такія познанія, онъ долженъ былъ много потрудиться, долженъ былъ имѣть много свободнаго времени и хорошихъ учителей. Безъ сомнѣнія, онъ воспитывался въ Крайстъ-черчъ-колледжѣ, въ Оксфордѣ. Иногда онъ позволялъ себѣ шутить и любезничать, и это качество обратили противъ него, говоря, что онъ уловляетъ болѣе сердецъ, нежели душъ».

«Единственный голосъ, который могъ успокаивать страстные порывы дикаго Альфонса III, былъ голосъ любезной и добродѣтельной женщины, единственнаго предмета его любви,—голосъ доньи Изабеллы, дочери герцога Савойскаго и внучки испанскаго короля Филиппа II. Ея предсмертныя слова глубоко запали въ его память (ум. 22 августа 1626); его свирѣпость растаяла въ слезахъ, и, давъ умершей послѣднее цѣлованіе, Альфонсъ удалился въ свою комнату оплакивать невознаградимую утрату и размышлять о суетѣ житія человѣческаго». *Гиббонъ*, Miscellaneous Works *).

(*Прим. Байрона*).

Ода къ Наполеону Бонапарту.

Послѣ изданія *Корсара*, въ январѣ 1814 г., Байронъ, повидимому, вполнѣ серьезно заговорилъ о своемъ рѣшеніи оставить поэзію—по крайней мѣрѣ на нѣсколько лѣтъ. Это рѣшеніе, высказанное въ предисловіи къ *Корсару*, неоднократно повторяется въ февральскихъ и мартовскихъ письмахъ поэта (1814 г.). Утромъ 9 апрѣля онъ писалъ: «Для меня—или, лучше сказать, *отъ* меня—нѣтъ болѣе рифмы. Я распростился съ этой сценой и впредь уже не появлюсь на ней». Вечеромъ того же дня газеты выпустили чрезвычайное приложеніе съ извѣстіемъ объ отреченіи Наполеона въ Фонтенебло,—и поэтъ нарушилъ свое утреннее обѣщаніе и написалъ эту оду, которая тотчасъ же была и напечатана,—впрочемъ, безъ имени автора. Въ своемъ дневникѣ, подъ 10 апрѣля, онъ записалъ: «Сегодня боксировалъ часъ. Написалъ оду къ Наполеону Бонапарту. Переписалъ ее. Съѣлъ шесть бисквитовъ. Выпилъ четыре бутылки содовой воды. Остальное время читалъ». Въ тотъ же день онъ сообщилъ Меррею: «Я написалъ оду на паденіе Наполеона, которую, если угодно, перешлю и подарю вамъ. Г. Меривэль видѣлъ часть ея, и она ему понравилась. Можете показать ее г. Джиффорду и затѣмъ печатать или нѣтъ,—какъ вамъ будетъ угодно: это не важно. Въ ней нѣтъ ничего въ *его* пользу, а также никакихъ намековъ ни на наше правительство, ни на Бурбоновъ». На другой день онъ опять писалъ Меррею: «Лучше не ставить моего имени на нашей *Одѣ*; но вы можете сколько угодно открыто говорить, что она моя, а я могу посвятить ее г. Гобгоузу *отъ автора*, и это будетъ достаточнымъ указаніемъ. Послѣ моего рѣшенія ничего не печатать, хотя эта вещь и небольшой длины и еще меньшей важности, все-таки, лучше было бы выпустить ее анонимно, и затѣмъ мы включимъ ее въ свой первый томъ, когда у насъ явится время или охота издать его».

Въ первомъ изданіи *Оды*, вышедшемъ 16 апрѣля, она состояла изъ 15 строфъ, напечатанныхъ на 14 страницахъ. Такъ какъ изданія объемомъ меньше печатнаго листа подлежали установленному для газетъ штемпельному сбору, то Байронъ, по просьбѣ Меррея, прибавилъ еще одну строфу пятую, и такимъ образомъ въ слѣдующихъ изданіяхъ текстъ былъ разогнанъ на 17 страницъ. Заключительныя три строфы при жизни Байрона не печатались: онѣ появились только въ изд. 1831 г.

Критика, встрѣтившая Оду похвалами, тотчасъ же разоблачила анонимъ Байрона. Муръ написалъ ему шутливое письмо, начинавшееся словами: «Видѣли ли вы оду къ Наполеону Бонапарту? Я подозрѣваю, что ее сочинилъ или Фицджеральдъ, или Роза-Матильда. Эти сильныя

Но обстоятельства имъ благопріятствовали, и нѣсколько недѣль спустя Джэксонъ не только отмѣнилъ свои прежнія распоряженія, но даже воспользовался услугами братьевъ Лафитъ и ихъ войскъ при осадѣ Нью-Орлеана, 8 января 1815 г. По заключеніи мира съ Великобританіей, президентъ Соединенныхъ Штатовъ Мэдисонъ публично засвидѣтельствовалъ «несомнѣнное мужество и вѣрность» братьевъ Лафитъ и бывшихъ съ ними разбойниковъ. Съ этого времени о Пьерѣ Лафитѣ уже не упоминается въ исторіи; что касается Жана, то онъ поселился въ Галвестонѣ, въ Тэхасѣ, а затѣмъ, въ 1820 г., переселился на берега Юкатана, гдѣ «продолжалъ нападать на испанскую торговлю». Онъ умеръ въ 1826 г., до конца оставаясь пиратомъ.

*) Это послѣднее примѣчаніе явилось только въ 10-мъ изданіи поэмы.

и мастерскія изображенія всѣхъ предшествовавшихъ Наполеону тирановъ заставляютъ меня признать авторомъ Розу-Матильду, а съ другой стороны—это мощное разумѣніе исторіи», и т. д. «Мнѣ хотѣлось бы знать, что *вы* думаете объ этомъ произведеніи», продолжалъ Муръ. «Нѣкоторые изъ моихъ друзей настойчиво увѣряютъ, что это сочиненіе автора *Чайльдъ-Гарольда;* но они меньше меня начитаны въ твореніяхъ Фицджеральда и Розы-Матильды, а кромѣ того, они, видимо, забыли, что вы мѣсяца два тому назадъ обѣщали нѣсколько лѣтъ ничего не писать»...

«Въ моемъ обѣщаніи», отвѣчалъ Байронъ, «заключалась мысленная оговорка относительно анонимныхъ сочиненій; но даже если бы ея и не было, искушеніе было такъ сильно, что я физически не могъ пройти молчаніемъ эту проклятую эпоху торжествующаго ничтожества. Это было неизбѣжно. Впрочемъ, я буду держаться высокаго мнѣнія о стихахъ и разсудкѣ, а очень низкаго о нашемъ героическомъ народѣ, до тѣхъ поръ, пока Эльба не обратится въ вулканъ и не выброситъ Бонапарта обратно. Я не могу согласиться, что все уже покончено».

Предсказаніе поэта, какъ извѣстно, оправдалось: Наполеонъ прибылъ на Эльбу 4 мая 1814 г., а 26 февраля бѣжалъ отгуда.

Стр. 315. *Эпиграфъ изъ Ювенала.*

«Не знаю, дѣлалось ли что-либо подобное въ древности, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи Аннибала; но въ статистическомъ обзорѣ Шотландіи я нашелъ, что сэръ Джонъ Патерсонъ имѣлъ любопытство собрать и взвѣсить прахъ одного человѣка, найденный нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ церкви въ Экклесѣ; это ему удалось сдѣлать очень легко, потому что «внутренность гроба была полирована, и все тѣло видно». Замѣчательно, что вѣсъ всѣхъ останковъ не превышалъ полутора унцій. И это—все! Увы! Даже «много ли *фунтовъ*» оказывается сатирическимъ преувеличеніемъ...» (*Джиффордъ*).

Эпиграфъ изъ Гиббона.

«Посылаю вамъ добавочный эпиграфъ изъ Гиббона, который вы найдете *замѣчательно* подходящимъ», писалъ Байронъ Меррею 12 апр. 1814.

Стр. 345.

Такъ низко пасть—и быть въ живыхъ!

«Не знаю»,—писалъ Байронъ въ своемъ дневникѣ, 9 апрѣля 1814 г.—«но думаю, что я, даже я (насѣкомое въ сравненіи съ нимъ) поставилъ бы свою жизнь на карту за одну милліонную часть жизни этого человѣка. Но, должно быть, корона не стоитъ того, чтобы изъ-за нея умирать. Какъ! Ради этого пережить Лоди! О, если бы Ювеналъ или Джонсонъ могли встать изъ мертвыхъ! «Expende Hannibalem: quot libras in duce summo invenies?» Я зналъ, что полководцы немного вѣсятъ на вѣсахъ смерти; но я думалъ, все-таки, что въ нихъ живомъ духѣ было больше «каратовъ». Увы! Этотъ императорскій алмазъ оказался съ трещиной, и теперь едва ли годится даже для того, чтобы служить рѣзцомъ стекольщику; перо историка, пожалуй, не оцѣнитъ его и въ дукатъ... Ну, «объ этомъ слишкомъ много». Но мнѣ не хочется покидать его даже и теперь, хотя всѣ его поклонники уже отпали отъ него, какъ таны отъ Макбета».

Стр. 315.

Одинъ лишь духъ съ высотъ такихъ
Былъ свергнутъ Божіей десницей—
Тотъ, ложно названный Денницей!

Ср. Пророка Исаіи гл. XIV, ст. 12: «Какъ палъ ты съ небесъ, о Люциферъ, сынъ утра!»

Веселье битвъ, ихъ пиръ кровавый...

«Certaminis gaudia»—выраженіе Аттилы въ рѣчи къ своему войску передъ сраженіемъ на Каталаунскихъ поляхъ: приведено у Кассіодора. (*Прим. Байрона*).

Грекъ, разломившій дубъ руками,
Расчесть послѣдствій не съумѣлъ.

«Уѣзжалъ изъ города на шесть дней», читаемъ въ дневникѣ Байрона, подъ 8 апрѣля. «По возвращеніи узналъ, что мой бѣдный маленькій кумиръ, Наполеонъ, сброшенъ съ своего пьедестала; въ Парижѣ—воры. Въ этомъ онъ самъ виноватъ. Подобно Милону, онъ захотѣлъ разломить дубъ; но дубъ снова сомкнулся и ущемилъ ему руки,—и теперь всякіе звѣри—левъ, медвѣдь, даже самый грязный шакалъ могутъ его терзать. Московская зима прищемила ему руки; но и послѣ этого онъ продолжалъ сражаться ногами и зубами. Слѣды послѣднихъ еще замѣтны, и «я догадываюсь», какъ говорятъ янки, что онъ еще сыграетъ съ *ними* штуку. Онъ у нихъ въ тылу—между ними и ихъ домомъ. Вопросъ: доберутся ли они до дому?»

Стр. 346. *Сынъ Рима, сердца пламень жгучій*
Залилъ кровавою рукой...

Говорится о Суллѣ. Первая мысль этой строфы находится въ дневникѣ Байрона, подъ 9 апрѣля: «Надо отмѣтить этотъ день! Наполеонъ Бонапартъ отрекся отъ всемірнаго трона. Отлично, хорошо». Мнѣ кажется, что Сулла поступилъ лучше: онъ отрекся отъ власти, стоя на самой вершинѣ могущества, покрытый кровью своихъ враговъ—замѣчательный примѣръ презрѣнія къ толпѣ, засвидѣтельствованный исторіею. Діоклетіанъ также поступилъ хорошо; не худо сдѣлалъ бы и Амурадъ, если бы онъ сдѣлался чѣмъ-нибудь инымъ, а не дервишемъ; Карлъ V—только «такъ себѣ», а Наполеонъ—хуже всѣхъ. Какъ! Ждать, пока не пришли въ его столицу, и потомъ заговорить о своей готовности отдать то, что уже взято!! Діонисій въ Коринѳѣ все-таки былъ королемъ. Удалиться на «островъ Эльбу»! Если бы это еще была Капрея, я бы меньше удивлялся... Я крайне смущенъ и пораженъ...»

Испанецъ, властью, небывалой
Какъ ты, упившись до конца,
Оставилъ міръ для кельи малой,
Смѣнилъ на четки блескъ вѣнца.

Карлъ V, императоръ германскій и король испанскій, отказался отъ королевства въ пользу своего сына Филиппа, въ октябрѣ 1555 г., а императорскую корону передалъ своему брату Фердинанду, 27 августа 1556 г., и удалился въ монастырь св. Юста, близъ Пласенсіи, въ Эстремадурѣ. Передъ смертью (21 сентября 1558 г.) онъ одѣлся въ саванъ, былъ положенъ въ гробъ и «присоединился къ молитвамъ за упокой своей души, оплакивая вмѣстѣ съ присутствовавшими свою кончину, точно это были настоящія похороны».

А та, цвѣтокъ австрійскій гибкій...

Графъ Альбертъ-Адамъ Нейппергъ (род. 1774 г.), бывшій въ 1811 г. австрійскимъ посланникомъ въ Стокгольмѣ, былъ представленъ Маріи-Луизѣ нѣсколько дней спустя послѣ отреченія Наполеона и сдѣлался ея камергеромъ, а впослѣдствіи и мужемъ. Онъ умеръ въ 1829 г.

И станъ примѣромъ жалкой доли,
Какъ древній Діонисій въ школѣ.

Діонисій Младшій, будучи вторично изгнанъ изъ Сиракузъ, удалился въ Коринѳъ (344 г. до Р. Х.) и тамъ, какъ говорятъ, открылъ школу и сталъ учить дѣтей читать (см. Плутарха, Тимолеонъ, гл. 14), но, конечно, не съ тѣмъ, чтобы жить этой профессіей. «Діонисій въ Коринѳѣ все-таки былъ королемъ» (см. выше).

Что за мечтами ты томимъ
Въ желѣзной клѣткѣ Тамерлана?

Исторія о томъ, какъ Тамерланъ велѣлъ посадить побѣжденнаго Баязета въ желѣзную клѣтку, кажется,—басня. Послѣ битвы при Ангорѣ, 20 іюля 1402 г., Баязетъ, одинъ изъ сыновей котораго замышлялъ освободить его изъ тюрьмы, былъ на ночь закованъ и помѣщенъ въ «кафесъ» — турецкое слово, означающее или клѣтку, или загороженную рѣшеткой комнату, или кровать. Отсюда и легенда.

О, если бъ ты, какъ сынъ Ипета...
Прометей.

ЛАРА.

Стр. 355.

Среди владѣній Лары ликованье...

«Къ свѣдѣнію читателя сообщается, что хотя имя лары—испанское, однако въ поэмѣ нѣтъ никакихъ описаній мѣстности или природы, которыми ея герой или дѣйствіе пріурочивались бы къ какой-либо опредѣленной странѣ или эпохѣ. Слово «рабы», котораго нельзя было бы примѣнить къ низшему классу населенія Испаніи, гдѣ никогда не было крѣпостныхъ, употреблено здѣсь для обозначенія подданныхъ вымышленнаго господина». (*Прим. Байрона*).

Вернулся онъ изъ чужеземныхъ странъ...

«Въ этой строфѣ Байронъ отчасти разсказываетъ собственную исторію». (*Вальтеръ Скоттъ*).

Стр. 356.

. . . . . *Насмѣшливый языкъ—*
Орудье тѣхъ, кто былъ ужаленъ самъ.

«Замѣчательная особенность поэзіи Байрона заключается въ томъ, что хотя его манера часто измѣняется, хотя онъ и умѣетъ усвоивать, смотря по обстоятельствамъ, характерный стихъ и стиль различныхъ современныхъ поэтовъ, но все-таки его произведенія всегда отличаются сильнымъ отпечаткомъ оригинальности. При этомъ во многихъ важныхъ подробностяхъ, а особенно въ характерѣ его героевъ, каждая поэма такъ близко похожа на другую, что у поэта менѣе сильнаго эта манера вызывала бы впечатлѣніе утомительнаго однообразія. Всѣ, или почти всѣ, его герои носятъ на себѣ примѣты Чайльдъ-Гарольда; всѣ, или почти всѣ, отличаются настроеніемъ, повидимому, противорѣчащимъ ихъ состоянію, повышеннымъ и рѣзкимъ ощущеніемъ скорби и удовольствія, тонкимъ пониманіемъ всего честнаго и благороднаго и чувствительной воспріимчивостью ко всякой несправедливости и обидѣ, подъ маской стоическаго равнодушія и презрѣнія къ человѣчеству. Сила рано пробудившейся страсти и пылъ юношескаго чувства изображаются обыкновенно охлажденными и подавленными вслѣдствіе какой-нибудь неосторожности, совершенной въ раннемъ возрастѣ, или какой-нибудь темной вины, и чувство радости помрачается отъ слишкомъ близкаго знакомства съ суетностью человѣческихъ желаній. Эти мрачныя черты являются качествами, общими всѣмъ байроновскимъ героямъ, отъ Чайльдъ-Гарольда до ренегата Альпа. Онъ постоянно выводилъ на сцену все одинъ и тотъ же характеръ, измѣнявшійся только благодаря усиліямъ могучаго генія, который, разслѣдуя скрытыя пружины страсти и чувства въ самыхъ затаенныхъ извилинахъ сердца, умѣлъ своеобразно комбинировать ихъ дѣйствія, такъ что вызываемый ими интересъ постоянно обновлялся и никогда не ослабѣвалъ, несмотря на то, что важнѣйшія дѣйствующія лица этой драмы являлись все подъ однѣми и тѣми же чертами. Въ теченіе четырехъ лѣтъ, несмотря на значительное количество выдающихся поэтическихъ талантовъ, которыми мы можемъ гордиться, только одинъ писатель, и притомъ—писавшій съ беззаботностью и небрежнымъ спокойствіемъ знатнаго человѣка, выбирая, для своихъ произведеній сюжеты и лица, очень сходные другъ съ другомъ, несмотря на всѣ эти обстоятельства, несмотря на непріятныя свойства, которыми онъ обычно надѣлялъ своихъ героевъ, и на всѣмъ извѣстное непостоянство публики, съумѣлъ поддерживать къ нимъ тотъ же интересъ, какой возбужденъ былъ его первымъ зрѣлымъ произведеніемъ. Этотъ фактъ когда нибудь будетъ признанъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ литературныхъ явленій нашего вѣка, тѣмъ болѣе, что вѣрность его не подлежитъ сомнѣнію». (*Вальтеръ Скоттъ*).

Мысль, высказанная В. Скоттомъ, повторена Пушкинымъ въ одной изъ незаконченныхъ замѣтокъ 1827 г.: «Байронъ бросилъ односторонній взглядъ на міръ и природу человѣческую, потомъ отвратился отъ нихъ и погрузился въ описаніе самого себя, въ коемъ онъ поэтически создалъ и описалъ единый характеръ, именно — свой... Все отнесъ онъ къ сему мрачному, могущественному лицу, столь таинственно плѣнительному. Онъ представилъ намъ свой призракъ. Онъ создалъ себя вторично, то подъ чалмой ренегата, то въ плащѣ корсара, то издыхающимъ подъ схимой, то странствующимъ посреди...»

Стр. 357.

Привѣтливый пріемъ со всѣхъ сторонъ
Въ домахъ вельможъ пріѣзжему оказанъ...

«Это описаніе Лары, внезапно и неожиданно вернувшагося изъ дальнихъ странствій и вновь занявшаго свое прежнее положеніе въ обществѣ своей родины, во многомъ очень сходно съ тою ролью, какую приходилось играть самому автору въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ великіе люди смѣшиваются съ толпой». (*В. Скоттъ*).

Стр. 358.

Надъ черепомъ, кощунственно изъ праха
Исторгнутымъ, лежавшимъ на столѣ...

Біографы Байрона указываютъ, что въ 1808—9 гг. въ числѣ украшеній его рабочаго кабинета было нѣсколько череповъ, хорошо отполированныхъ и разставленныхъ на легкихъ полочкахъ вокругъ всей комнаты; въ ту пору онъ скорѣе любилъ вызываемыя ими мрачныя мысли, чѣмъ боялся или чуждался ихъ.

Стр. 370. Пѣснь вторая.

Байрону, какъ будто, пришло прихотливое желаніе разочаровать вторую пѣснью *Лары* большую часть ожиданій, возбужденныхъ первою пѣснью поэмы. Не говоря уже о воспрещеніи сэра Эджелина, таинственное видѣніе Лары въ его старинномъ залѣ является совсѣмъ непужной вставкой, необъяснимой какою-либо опредѣленною цѣлью. Характеръ Медоры, которую мы видѣли покорно живущею на островѣ корсара

не спрашивая о томъ, откуда и почему она тамъ появилась, теперь, вслѣдствіе какихъ-то таинственныхъ отношеній между нею и сэромъ Эцелинномъ, пріобрѣтаетъ довольно непріятный и двусмысленный оттѣнокъ; далѣе, благородный и великодушный Конрадъ, предпочитавшій смерть и пытку жизни и свободѣ, замѣняется ночнымъ убійцею и унижается до роли подлаго и коварнаго разбойника». (*Джорджъ Эллисъ*).

Стр. 380.

Не Лара здѣсь, а то, что было имъ.

«Смерть Лара, безъ сомнѣнія,—лучшее мѣсто въ поэмѣ, и смѣло можетъ стать наряду со всѣмъ, что когда-либо написано Байрономъ. Физическій ужасъ, внушаемый этимъ событіемъ, описаннымъ съ страшною силою и вѣрностью, оттѣняется и смягчается превосходнымъ изображеніемъ душевной энергіи и преданности. Вся эта часть поэмы написана съ одинаковою силою и глубиною чувства и можетъ выдержать какое угодно сравненіе съ другими произведеніями нашей поэзіи, изображающими паѳосъ или энергію». (*Джеффри*).

Стр. 382. Строфа XXIV.

Содержаніе этой строфы навѣяно описаніемъ смерти или, лучше сказать, похоронъ герцога Гандійскаго. Наиболѣе интересный и подробный разсказъ объ этомъ событіи находится у Борчарда. Сущность его заключается въ слѣдующемъ:

«Въ восьмой день іюня кардиналъ Валенціскій и герцогъ Гандійскій, сыновья папы, ужинали у своей матери, Ваноццы, близъ церкви св. Петра въ узилищѣ; при этомъ присутствовали также и нѣкоторыя другія особы. Съ наступленіемъ поздняго часа кардиналъ напомнилъ своему брату, что имъ пора возвратиться въ папскій дворецъ; они сѣли на лошадей или муловъ и въ сопровожденіи небольшого числа прислуги доѣхали до дворца кардинала Асканіо Сфорцы. Здѣсь герцогъ сказалъ кардиналу что прежде, чѣмъ вернуться домой, ему нужно побывать еще въ одномъ мѣстѣ ради своего удовольствія. Поэтому, отпустивъ всю свою свиту, за исключеніемъ лишь одного служителя и одного замаскированнаго человѣка, который явился къ нему во время ужина, а раньше, въ теченіе цѣлаго мѣсяца, почти ежедневно посѣщалъ его въ папскомъ дворцѣ, герцогъ посадилъ этого человѣка сзади себя на мула и поѣхалъ въ еврейскую улицу. Тамъ онъ оставилъ своего служителя, приказавъ ему дождаться до извѣстнаго часа, а потомъ, если онъ не вернется, возвратиться во дворецъ. Затѣмъ, опять посадивъ замаскированнаго человѣка сзади себя, герцогъ поѣхалъ дальше, неизвѣстно, куда именно; но въ ту же ночь онъ былъ убитъ и брошенъ въ рѣку. Оставленный имъ служитель также подвергся нападенію и былъ смертельно раненъ, и, хотя за нимъ ухаживали очень внимательно, онъ оказался въ такомъ положеніи, что не могъ дать ясныхъ свѣдѣній о томъ, что произошло съ его господиномъ. На утро слуги герцога, видя, что онъ не возвращается во дворецъ, стали тревожиться; одинъ изъ нихъ разсказалъ папѣ о вечерней прогулкѣ его сыновей и сообщилъ, что герцога еще нѣтъ дома. Папа былъ этимъ очень обезпокоенъ, но подумалъ, что, вѣрно, какая-нибудь куртизанка заманила герцога провести съ нею ночь, и что онъ, находя неудобнымъ возвращаться домой среди бѣлаго дня, рѣшилъ дождаться вечера. Но когда и вечеръ уже наступилъ, а ожиданіе не оправдалось, папа былъ глубоко огорченъ и сталъ производить розыски съ помощью разныхъ лицъ, которымъ онъ приказалъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Въ числѣ этихъ людей оказался одинъ человѣкъ, по имени Джерджіо Скьявони; онъ таскалъ бревна съ барки, стоявшей на рѣкѣ, а затѣмъ остался сторожить свое судно. Когда его спросили, не видалъ ли онъ, что въ прошлую ночь кого-нибудь бросили въ воду, онъ сказалъ, что видѣлъ двоихъ пѣшихъ людей, которые спустились по улицѣ, внимательно осматривались, нѣтъ-ли гдѣ прохожихъ. Не видя никого, они пошли назадъ, а нѣсколько времени спустя, пришло двое другихъ, которые стали также осматриваться, какъ и первые; никого не открывъ, они подали знакъ своимъ товарищамъ: тогда пріѣхалъ всадникъ, сидѣвшій на бѣлой лошади; сзади него на сѣдлѣ было мертвое тѣло, котораго голова и руки висѣли съ одной стороны, а ноги съ другой; двое пѣшихъ поддерживали тѣло, чтобы оно не свалилось. Они прошли до того мѣста, гдѣ городскія нечистоты спускаются въ рѣку; тамъ всадникъ повернулъ лошадь задомъ къ рѣкѣ, а двое пѣшихъ взяли тѣло за руки и за ноги и изо всей силы швырнули его въ рѣку. Тогда всадникъ спросилъ, брошено ли оно, а они отвѣтили: «Да, господинъ». Тогда онъ обернулся къ рѣкѣ и, замѣтивъ плывшій по ней плащъ, спросилъ, что это такое чернѣетъ; они отвѣчали, что плащъ, и одинъ изъ нихъ сталъ кидать въ него каменьями, отчего плащъ утонулъ. Слуги папы спрашивали Джерджіо, отчего же онъ не донесъ обо всемъ видѣнномъ губернатору города; на это онъ отвѣчалъ, что ему на своемъ вѣку сотни разъ случалось видѣть, какъ на этомъ самомъ мѣстѣ бросали въ воду мертвыя тѣла, о которыхъ затѣмъ не производилось никакого разслѣдованія, и что, поэтому, онъ не придавалъ этому случаю никакого значенія. Тогда рыбакамъ и морякамъ приказано было обыскать рѣку, и на слѣдующій же вечеръ они нашли тѣло герцога, въ полномъ его одѣяніи и съ тридцатью дукатами въ кошелькѣ. На немъ было девять ранъ, изъ которыхъ одна нанесена была въ горло, а другія—въ голову, тѣло и конечности. Когда папѣ сообщили о смерти его сына и о томъ, что онъ былъ вмѣстѣ съ нечистотами выброшенъ въ рѣку,—онъ далъ волю своей скорби, заперся у себя въ комнатѣ и горько плакалъ. Кардиналъ Сеговійскій и другія лица папской свиты подошли къ дверямъ и послѣ нѣсколькихъ часовъ убѣжденій и упрашиваній уговорили папу допустить ихъ къ себѣ. Съ вечера среды до слѣдующей субботы папа не принималъ пищи и не спалъ съ утра четверга до того же часа слѣдующаго дня. Наконецъ, уступая убѣжденіямъ своихъ придворныхъ, онъ началъ сдерживать свою скорбь, которая могла причинить большой вредъ его здоровью». (*Роско*, Жизнь и священство Льва X, 1805, т. I, стр. 265).

ЕВРЕЙСКІЯ МЕЛОДІИ.

Стр. 389. «*Она идетъ*»...

Это стихотвореніе написано было Байрономъ по возвращеніи съ бала, гдѣ онъ въ первый разъ увидѣлъ жену одного своего родственника Анну Вильмотъ-Гортонъ (портретъ ея на стр. 393). Она была одѣта въ черное платье, усѣянное блестками.

На арфѣ священной»...

«При царѣ Давидѣ музыка пользовалась у евреевъ большимъ уваженіемъ. Музыкальныя способности царя, который съ любовью теоретически и практически изучалъ это искусство, точно такъ же, какъ и значительное количество музыкантовъ, призванныхъ имъ къ исполненію религіозныхъ обрядовъ и церемоній, не могли не содѣйствовать совершенствованію музыки и усиленію ея вліянія; и въ ту пору музыка впервые была введена въ составъ богослуженія». (*Берней*).

Натанъ разсказываетъ, что въ первоначальной рукописи, принесенной ему Байрономъ, стихотвореніе оканчивалось стихомъ: «И тайны Господнихъ чудесъ». Натанъ просилъ поэта, ради музыкальной законченности, прибавить еще нѣсколько строкъ. «Что же дѣлать? Я васъ вознесъ на небеса; дальше, кажется, трудно идти!»—сказалъ Байронъ. Въ это время вниманіе композитора было на нѣсколько минутъ отвлечено кѣмъ-то другимъ; онъ думалъ, что Байронъ уже ушелъ, какъ вдругъ поэтъ обратился къ нему: «Ну, вотъ, Натанъ,—я опять свелъ васъ на землю!» и передалъ ему заключительныя строки стихотворенія.

Стр. 392. *Дочь Іефвая.*

«Іефоай, незаконный сынъ Гилеада, былъ несправедливо изгнанъ изъ отцовскаго дома, бѣжалъ въ пустыню и тамъ сдѣлался предводителемъ шайки разбойниковъ. Попавъ подъ власть чужеземцевъ, его родичи вспомнили о своемъ храбромъ товарищѣ, разбойничество котораго, по ихъ понятіямъ, не представляло ничего позорнаго, какъ и ремесло пирата въ старой Греціи. Они послали за нимъ и и брали его своимъ вождемъ. Отправляясь въ походъ на аммонитянъ, Іефоай далъ обѣтъ, если вернется съ побѣдою, принести въ жертву первое существо, какое будетъ имъ встрѣчено при возвращеніи на родину. Онъ одержалъ блестящую побѣду. При извѣстіи объ этомъ, его единственная дочь вышла къ нему навстрѣчу, съ музыкой и пляской, привѣтствуя избавителя своего народа. Злополучный отецъ въ горести растерзалъ на себѣ одежды; но благородная дѣвушка не допустила нарушенія обѣта и только просила отпустить ее ненадолго въ горы, чтобы тамъ, подобно софокловой Антигонѣ, оплакать свою юную жизнь и безбрачную могилу». (*Мильманъ*).

Стр. 393. *«Скончалася она»...*

«Представляя на судъ лорда Байрона музыку къ этому стихотворенію, я спросилъ: какое собственно отношеніе можетъ оно имѣть къ Св. Писанію? Байронъ, кажется, немного обидѣлся этимъ вопросомъ; минуту спустя онъ отвѣтилъ: «Каждый можетъ понимать это по-своему; одна ли кто-нибудь изъ насъ не въ состояніи представить себѣ скорбь однимъ изъ своихъ существенныхъ свойствъ; по крайней мѣрѣ, мнѣ она присуща... Ея уже нѣтъ,—и можетъ быть, единственный слѣдъ ея существованія заключается въ томъ чувствѣ, которое я иногда испытываю въ глубинѣ души». (*Натанъ*). Біографы Байрона видятъ въ этомъ стихотвореніи послѣднее воспоминаніе о таинственной «Тирзѣ».

Стр. 396. *Саулъ.*

«Какого вы мнѣнія объ Аэндорской волшебницѣ?—говорилъ Байронъ въ 1823 г. въ Кефалоніи. «Я всегда считалъ этотъ разсказъ самымъ прекраснымъ и наиболѣе законченнымъ изъ всѣхъ когда-либо написанныхъ разсказовъ о волшебствѣ; и вы согласитесь съ моимъ мнѣніемъ, припомнивъ всѣ обстоятельства и дѣйствующихъ лицъ, а также важность, простоту и достоинство повѣствованія. Эта сцена выше всѣхъ разсказовъ о привидѣніяхъ, какіе мною когда-либо читаны».

Стр. 400. *Видѣніе Валтасара.*

Какой-то мальчикъ молодой
Открылъ, покорный царской волѣ,
Значенье тайны роковой.

Огненныя слова на стѣнѣ царскаго чертога были истолкованы Даніиломъ не «мальчикомъ», а въ глубокой старости.

Стр. 402. *Плачъ Ирода о Маріамнѣ.*

«Маріамна, жена Ирода Великаго, была имъ казнена по подозрѣнію въ невѣрности. Это была женщина несравненной красоты и высокомѣрнаго ума; несчастіе ея заключалось въ томъ, что она сдѣлалась предметомъ привязанности, граничившей съ безуміемъ, со стороны человѣка, который принималъ болѣе или менѣе близкое участіе въ смерти ея дѣда, отца, брата и дяди и дважды приказывалъ убить ее въ случаѣ его собственной смерти. Образъ казненной жены долго преслѣдовалъ Ирода». (*Мильманъ*).

Стр. 401. *«У водъ вавилонскихъ»...*

Байронъ переложилъ этотъ псаломъ дважды, различными размѣрами, предоставивъ Кинниэрду выбрать одно изъ двухъ стихотвореній.

СТИХОТВОРЕНІЯ

1814—1816 гг.

Любовь и золото.

По мнѣнію нѣкоторыхъ комментаторовъ, это стихотвореніе относится къ миссъ Мильбанкъ, будущей женѣ поэта, съ которою онъ познакомился въ 1812 или 1813 г.

Романсъ.

«Ты просилъ у меня пѣсни»—посылаю тебѣ попытку, которая стоила мнѣ немалаго труда и потому, кажется, совсѣмъ не стоитъ того употребленія, какое ты хотѣлъ изъ нея сдѣлать. Если это вѣрно, брось ее въ печку безъ дальнѣйшихъ словъ» (Байронъ—Муру, 4 мая 1814).

Рѣчь для Каледонскаго митинга.

Эти стихи назначались для ежегодно устраиваемаго въ Лондонѣ собранія членовъ «Шотландскаго Общества», на средства котораго основано было «Каледонское Убѣжище» для воспитанія дѣтей солдатъ, матросовъ и моряковъ, шотландскихъ уроженцевъ.

Стансы на смерть сэра Питера Паркера.

Сэръ П. Паркеръ былъ убитъ въ августѣ 1814 г., на 29-мъ году отъ рожденія, въ то время, когда онъ велъ отрядъ съ своего корабля «Меделай» на приступъ къ американскому лагерю близъ Балтиморы. Онъ былъ родственникомъ Байрона, но они не видѣлись съ дѣтскихъ лѣтъ.

Романсъ.

Эти стихи Байронъ прислалъ Муру для нѣкоего г. Поузра, который издалъ ихъ съ музыкой сэра Джона Стивенсона. «Мнѣ очень весело посылать тебѣ грустную пѣсню»,—писалъ поэтъ 2 марта 1815 г. Затѣмъ, 8 марта, онъ писалъ ему же: «Одно событіе—смерть бѣднаго Дорсета—и воспоминаніе о томъ, что я когда-то

чувствовалъ и что долженъ былъ бы чувствовать и теперь, но не могу,—заставило меня разрѣшиться этими мыслями, которыя теперь въ твоихъ рукахъ». Годъ спустя, въ другомъ письмѣ къ Муру, Байронъ говоритъ: «Я горжусь тѣмъ, что эти стихи — самые справедливые, хотя и самые грустные изъ всѣхъ, мною написанныхъ».

На смерть герцога Дорсетскаго.

Герцогъ Джорджъ-Джонъ-Фридерикъ Дорсетскій убился, упавъ съ лошади на охотѣ, въ Ирландіи, 14 февраля 1815 г. Онъ былъ товарищемъ Байрона по Оксфордскому университету.

Прощаніе Наполеона.

«Намъ нѣтъ надобности объяснять читателямъ, что въ этомъ талантливомъ стихотвореніи есть выраженія, несогласныя съ нашими мыслями, да и самъ авторъ говорилъ намъ, что онъ считаетъ ихъ лишь ораторскимъ излишествомъ чувствъ, ему самому не принадлежащихъ».

(«Examiner», 30 іюля 1815).

Съ французскаго.

Чтобы хоть сколько-нибудь смягчить «непатріотичность» восхваленія врага, съ которымъ Англія вела такую ожесточенную войну, и эта и слѣдующія пьесы были преподнесены публикѣ въ качествѣ переводовъ съ франц.

«Всѣ плакали, въ особенности Савари и одинъ польскій офицеръ, возвышенный Наполеономъ. Онъ обнималъ колѣна своего государя и написалъ лорду Китсу письмо съ просьбою о дозволеніи сопровождать его, хотя бы въ самомъ низкомъ званіи. Эта просьба не могла быть исполнена». (*Частное письмо изъ Брюсселя*).

Испускалъ послѣдній стонъ
Воинъ съ крикомъ въ честь твою.

«При Ватерло одинъ солдатъ, у котораго лѣвая рука была раздроблена пушечнымъ ядромъ, оторвалъ ее правою рукою и, бросивъ вверхъ, воскликнулъ, обращаясь къ товарищамъ: «Vive l'Empereur, jusqu'à la mort!» Было и еще нѣсколько подобныхъ же примѣровъ, но приведеннаго можете считать правдою». (*Частное письмо изъ Брюсселя*).

Ода съ французскаго.

Это стихотвореніе напечатано было въ газетѣ «Morning Chronicle», 15 марта 1816 г., съ замѣчаніемъ, что оно, «какъ говорятъ, переведено на англійскій языкъ г. Р. С., магистромъ испанской королевской инквизиціи и пр. и пр.» и съ слѣдующимъ объясненіемъ:

«У французовъ, какъ и у насъ, есть свои поэмы и оды на знаменитое сраженіе при Ватерло. Повидимому, они даже прославляютъ это сраженіе, какъ исходный пунктъ грядущихъ событій. Мы получили помѣщаемый здѣсь переводъ стихотворенія, подлинникъ котораго ходитъ по рукамъ въ Парижѣ и приписывается,—не знаемъ, насколько правильно,—г. Шатобріану. Если это вѣрно, то нельзя не замѣтить, что поэтъ предвидитъ новыя перемѣны и желаетъ этимъ произведеніемъ доказать свою тайную приверженность къ старымъ принципамъ».

Стр. 417. Графъ Шарль де-ла-Бедойеръ (род. 1786) участвовалъ въ московскомъ походѣ, а въ 1813 г. отличился въ сраженіяхъ при Люценѣ и Бауценѣ. По возвращеніи Наполеона съ Эльбы, онъ первый привелъ къ императору свой полкъ. За это онъ былъ сдѣланъ пэромъ Франціи, но затѣмъ, схваченный въ Парижѣ послѣ занятія столицы союзной арміей, былъ преданъ военному суду и казненъ, 15 авг. 1815 г.

Стр. 417. Апокалипсисъ, гл. VIII, ст. 7—11: «Первый ангелъ вострубилъ—и сдѣлались градъ и огонь, смѣшанные съ кровью, и пали на землю. Второй ангелъ вострубилъ—и какъ бы большая гора, пылающая огнемъ, низверглась въ море и третья часть моря сдѣлалась кровью... Третій ангелъ вострубилъ—и упала съ неба большая звѣзда, горящая, подобно свѣтильнику, и пала на третью часть рѣкъ и на источники водъ. Имя сей звѣздѣ *Полынь*; и третья часть водъ сдѣлалась полынью, и многіе изъ людей умерли отъ водъ, потому что онѣ стали горьки».

Стр. 417. Говорятъ, что останки Мюрата были выброшены изъ могилы и сожжены. (*Прим. Байрона*).

«Бѣдный Мюратъ,—какой конецъ!»—писалъ Байронъ Муру, 4 ноября 1815 г. Его бѣлое перо было соединительнымъ пунктомъ въ бою, какъ перо Генриха IV. Онъ отказался и отъ духовника, и отъ перевязки: онъ не хотѣлъ, чтобы ему связывали душу или тѣло»...

Стр. 418. *Придетъ пора кровавыхъ слезъ.*

«Разсуждая о политикѣ, взгляните пожалуйста, на заключеніе моей оды на Ватерло, написанной въ 1815 г., и, сравнивъ ее съ катастрофою герцога Беррійскаго въ 1820 г., скажите, не имѣю ли я права на напоминаніе «Vates»—въ обоихъ смыслахъ (поэтъ, пророкъ)?

Придетъ пора кровавыхъ слезъ—

«развѣ она не пришла?» (Письмо къ Меррею отъ 24 апр. 1820).

Романсъ.

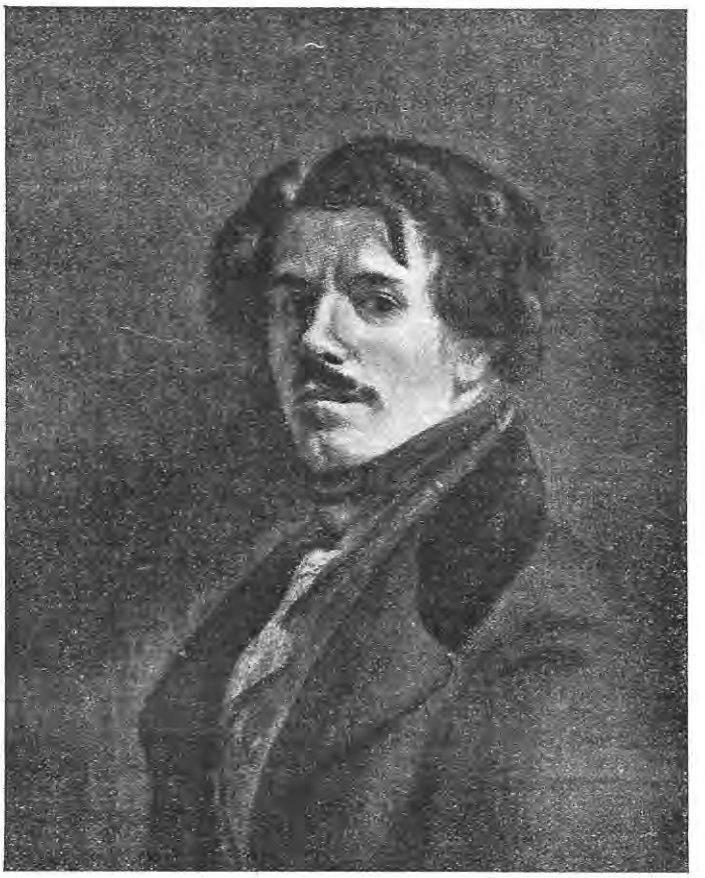
Помѣта: «28 марта 1816».

На звѣзду Почетнаго Легіона.

Напечатано въ газетѣ «Examiner», 7 апрѣля 1816, съ помѣтою: «Съ французскаго» и съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Нашъ другъ, подарившій намъ слѣдующія строки, поэтическое достоинство которыхъ не нуждается въ нашей похвалѣ, замѣчаетъ, что въ нихъ содержится болѣе того, что можетъ чувствовать безпристрастный наблюдатель послѣдняго времени, и что авторомъ ихъ можетъ быть скорѣе французъ, нежели англичанинъ; но, конечно, какъ самъ авторъ, такъ и всякій другой приверженецъ свободы, не можетъ не чувствовать и не сожалѣть, что въ послѣднее время символъ, о которомъ онъ говоритъ, не разъ отождествлялся съ дѣломъ освобожденія».

ОСАДА КОРИНѲА.

Стр. 426—427. Вступительные стихи, служащіе введеніемъ къ поэмѣ, появились въ печати только въ 1830 г. Они были посланы Меррею 25 декабря 1815 г. съ письмомъ, въ которомъ Байронъ говоритъ: «Посылаю вамъ нѣсколько стиховъ, недавно написанныхъ, которые могутъ служить вступленіемъ къ «Осадѣ Коринѳа». Я объ нихъ забылъ и не вполнѣ увѣренъ въ томъ



ЕЖЕНЬ ДЕЛАКРУА (Eugène Delacroix 1799—1863).

Написалъ рядъ картинъ на сюжеты Байрона.

не слѣдуетъ ли ихъ совсѣмъ выпустить; предоставляю рѣшить этотъ вопросъ вамъ и вашему синоду». Въ рукописи стихамъ дано было заглавіе: «Разсказъ иностранца». Первыя строки въ подлинникѣ читаются:

Со дня, когда Христосъ родился въ свѣтъ,
Прошло восьмнадцать сотенъ десять лѣтъ.

Стр. 427.

Ты съ клефтами бунтуютъ на горахъ.

«Послѣднія вѣсти о Дервишѣ (одинъ изъ бывшихъ въ моей свитѣ арнаутовъ), недавно мною полученныя, говоритъ, что онъ ушелъ въ горы и сталъ во главѣ одной изъ бунтовскихъ шаекъ, столь многочисленныхъ въ смутныя времена. (*Прим. Байрона*).

Стр. 427. . . . . *съ тѣхъ поръ,*
Какъ брата свергъ Тимолеонъ.

«Тимолеонъ спасъ жизнь своего брата Тимофана въ сраженіи, но впослѣдствіи осудилъ его на смерть за то, что онъ стремился получить верховную власть въ Коринѳѣ. Уортонъ говоритъ, что Попъ задумывалъ эпическую поэму на этотъ сюжетъ, и что такое же намѣреніе имѣлъ и Экенсайдъ». (*Прим. Байрона*).

Стр. 428. *И, бросивъ стадо, туркоманъ*
Туда принесъ свой ятаганъ.

«Туркоманы ведутъ патріархальную кочевую жизнь; они живутъ въ палаткахъ». (*Прим. Байрона*).

Стр. 428. «Львиная пасть», подъ аркой наверху «пѣстицы гигантовъ» во дворцѣ дожей; туда бросали анонимные доносы.

Стр. 428. *Комурги, страшный твой конецъ*
Поднесъ Евгенію вѣнецъ.

«Али Кумурджи, любимецъ трехъ султановъ и великій визирь Ахмета III. Онъ отвоевалъ Полопоннесъ у венеціанцевъ, а затѣмъ былъ смертельно раненъ въ сраженіи при Петерварденѣ, на Карловицкой равнинѣ, 15 авг. 1716 г., и на слѣдующій день умеръ. Его послѣднимъ дѣломъ былъ приказъ отрубить голову генералу Брейнеру и нѣсколькимъ другимъ плѣннымъ нѣмцамъ, а его послѣдними словами было восклицаніе: «О, если бы я могъ такъ раздѣлаться со всѣми христіанскими собаками»!—восклицаніе, достойное Калигулы. Это былъ молодой человѣкъ съ большимъ самолюбіемъ и неограниченнымъ самомнѣніемъ; когда ему сказали, что

принцъ Евгеній, съ которымъ ему предстоитъ сражаться, — великій полководецъ, — онъ возразилъ: «Я сдѣлаюсь еще болѣе великимъ—и на его счетъ». (*Прим. Байрона*).

Стр. 430. . . *въ тотъ годъ,*
Когда Собѣскій сокрушилъ
Подъ Будой мощь османскихъ силъ.

Польскій король Янъ Собѣскій (1618—1696) заставилъ турокъ снять осаду Вѣны въ 1683 г.; Буда была отнята у турокъ Карломъ VII, герцогомъ Лотарингскимъ, 2 сент. 1686 г.—завоеваніе Мореи начато было венеціанцами въ 1685, а закончено въ 1699 г.

Стр. 430. *Приливъ съ отливомъ воли ихъ*
Не укрощаетъ...

«Едва ли надо напоминать читателю, что приливы и отливы въ Средиземномъ морѣ незамѣтны». (*Прим. Байрона*).

Стр. 431.
И тутъ подъ стѣною увидѣлъ эмиръ
Собакъ одичалыхъ надъ трупами пиръ.

«Это зрѣлище я самъ видѣлъ, точно такъ, какъ оно здѣсь описано, подъ стѣною константинопольскаго сераля, въ пещерахъ, вырытыхъ Босфоромъ въ скалѣ, которая узкой террасой отдѣляетъ стѣну отъ моря. Кажется, объ этомъ фактѣ упоминается также и въ путешествіи Гобгоуза. Тѣла принадлежали, вѣроятно, казненнымъ бунтовщикамъ-янычарамъ. (*Прим. Байрона*).

Стр. 433.
Ихъ головы бриты; лишь пряди косы
Спускались съ затылка...

«Чубъ» или длинный локонъ оставляется на головѣ вслѣдствіе вѣрованія, что Магометъ за этотъ чубъ втащитъ правовѣрнаго въ рай. (*Прим. Байрона*).

Стр. 431.
Далѣе въ рукописи слѣдовало:
Жестокое Время ихъ простно гложетъ,
Пока и послѣдній ихъ слѣдъ уничтожитъ;
Тогда на обломки Учености придетъ –
И съ видомъ внушительнымъ рѣчь поведетъ
Средь этой классической мусорной пыли
О вкусѣ, изяществѣ, творческомъ стилѣ...

XIX.

Остатки храма въ сторонѣ
Бѣлѣли ярко при лунѣ.
Присѣвъ на базу, и пр.
(Переводъ для наст. изд. *И. О. Морозова*).

Стр. 434.
. . . *Вдругъ съ тоской*
Вздохнулъ какъ будто вѣтръ ночной, и пр.

«Я долженъ признать близкое, хотя и ненамѣренное сходство этого отрывка съ однимъ мѣстомъ изъ ненапечатанной поэмы г. Кольриджа, подъ заглавіемъ: «Кристабель». Я услышалъ эту своеобразную и прекрасную поэму въ чтеніи уже послѣ того, какъ мои стихи были написаны, а рукопись этого произведенія увидѣлъ лишь недавно, благодаря любезности самого г. Кольриджа, который, какъ я надѣюсь, убѣжденъ въ томъ, что я не былъ сознательнымъ плагіаторомъ. Оригинальная идея, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ г. Кольриджу, поэма котораго написана уже около 14-ти лѣтъ тому назадъ. Позволяю себѣ надѣяться, что онъ не станетъ долѣе откладывать печатаніе этого произведенія, съ такими похвалами принятаго судьями, болѣе меня компетентными, къ голосу которыхъ я могу только присоединить мое слабое одобреніе». (*Прим. Байрона*).

Отрывокъ изъ «Кристабеля», о которомъ говоритъ Байронъ,—слѣдующій:

Безмолвно обнаженный лѣсъ
Сгущаетъ мракъ ночныхъ небесъ.
Иль вѣтромъ холодъ принесенъ?
Но вѣтра нѣтъ: безсиленъ онъ
Въ задумчивой осенней мглѣ
Развѣять локонъ на челѣ
Прекрасной дѣвы,—закружить
Упавшій листъ, и вверхъ поднять,
Заставивъ въ воздухѣ плясать.
. . . И что же видитъ въ тьмѣ ночной?
Стоитъ, луной озарена,
Предъ нею свѣтлая жена...
(Переводъ для наст. изд. *И. О. Морозова*).

Стр. 436.
Ты знаешь сказанье: и яростный левъ
Отъ дѣвъ непорочныхъ бѣжитъ, оробѣвъ:

Уортонъ, комментируя знаменитый эпизодъ «Юны и льва» въ поэмѣ Спенсера: «Царица фей», приводитъ слѣдующее мѣсто изъ «Семи проповѣдниковъ христіанства»: и Ii вотъ, Сабра, этимъ я достаточно доказалъ подлинную твою непорочность, ибо левъ, какъ бы онъ ни былъ свирѣпъ, никогда не обидитъ непорочной дѣвы, но покорно положитъ къ ней на колѣни свою курчавую голову». Байронъ не признавалъ достоинствъ Спенсера и плохо зналъ «Царицу фей» но онъ могъ невспомнить намекъ на спенсеровскую Юну въ «Марміонѣ» Вальтеръ-Скотта:

Извѣстенъ всѣмъ разсказъ пѣвцовъ,
Что самъ свирѣпый царь лѣсовъ
Предъ дѣвой кроткой и прекрасной
Смиряетъ вдругъ свой гнѣвъ ужасный.
(Переводъ для наст. изд. *И. О. Морозова*).

Стр. 438.
Въ очахъ неподвижныхъ сверкающій свѣтъ,
Но дики ихъ взоры, и жизни въ нихъ нѣтъ.

Ср. «Макбетъ», д. V, явл. 1:
Вы видите, глаза у ней открыты,
Но смысла нѣтъ во взорѣ..

Ср. также «Кристабель», конецъ I-ой части
Съ открытыми глазами онъ
Какъ будто страшный видѣлъ сонъ.

Стр. 438.
Такъ смотрятъ портреты съ старинныхъ обой.

«Лѣтомъ 1803 г. Байронъ, которому было тогда 15 лѣтъ, хотя ему и предлагали ночевать въ Аннесли, каждую ночь возвращался въ Ньюстэдъ, говоря, что онъ боится фамильныхъ портретовъ Чаворсовъ: ему представлялось, что они сердятся на него за дуэль его дѣда и могутъ выйти изъ своихъ рамъ, чтобы его мучить». (*Муръ*).

Стр. 439.
Вонъ, тучка къ мѣсяцу плыветъ, и пр.

«Мнѣ говорили, что мысль, выраженная въ этомъ и слѣдующихъ стихахъ, вызвала похвалу цѣнителей, одобреніе которыхъ для меня лестно. Я этому очень радъ; но мысль эта не оригинальная или, по крайней мѣрѣ, не принадлежитъ мнѣ: она гораздо лучше выражена въ англійскомъ переводѣ «Ватека»,—произведеніи, на которое я уже не разъ указывалъ и къ которому всегда возвращаюсь съ новою благодарностью: «Обольщенный государь! сказалъ духъ, обращаясь къ халифу: Вотъ послѣдняя минута, даруемая тебѣ для спасенія. Возвратя Нуронихаръ ея отцу, въ которомъ еще сохранились искры жизни; разрушь свою башню со всѣми ея ужасами; удали

Картиса изъ своего совѣта; будь справедливъ съ своими подданными; почитай служителей Пророка; искупи свои нечестивые поступки образцовою жизнью и вмѣсто того, чтобы проводить свои дни въ потворствѣ своимъ страстямъ, оплакивай свои преступленія у гробницъ своихъ предковъ. Видишь эти тучи, закрывающія солнце: въ то мгновеніе, когда оно снова засіяетъ, если твое сердце не измѣнится часъ милости, дарованный тебѣ, пройдетъ и не возвратится».

Ватекъ, пораженный страхомъ, готовъ былъ пасть къ ногамъ пастуха. Но гордость преодолѣла его, и онъ сказалъ: «Кто бы ты ни былъ, прекрати свои безполезныя увѣщанія. Если то, что я дѣлалъ, столь преступно, то для меня не остается ни минуты спасенія. Я перешелъ цѣлое море крови для того, чтобы пріобрѣсти власть, которая заставитъ трепетать равныхъ тебѣ; не думай же, что я отступлю, когда уже вижу передъ собою пристань, или что я оставлю женщину, которая мнѣ дороже самой жизни и твоей милости. Пусть же солнце снова появится и освѣтитъ мой путь! Гдѣ бы этотъ путь ни окончился,—для меня все равно». Сказавъ это, Ватекъ велѣлъ отвести своихъ лошадей обратно на дорогу. Въ исполненіи этого приказанія не представилось никакихъ затрудненій, такъ какъ очарованіе уже окончилось; солнце засіяло во всемъ своемъ блескѣ, и пастухъ исчезъ съ жалобнымъ стономъ». (*Прим. Байрона*).

О «Ватекѣ» см. выше стр. 471.

Стр. 440.

Подъ конскою гривой шумятъ бунчуки

«Лошадиные хвосты, привязанные къ копьямъ, знамена паши». (*Прим. Байрона*).

Стр. 441.

Нашелъ въ бою у Дарданелль
Свой преждевременный удѣлъ.

«Въ морскомъ сраженіи при устьѣ Дарданелль, между венеціанцами и турками». (*Прим. Байрона*).

Стр. 442.

До самой смерти—ренегатъ.

«По зрѣломъ размышленіи нельзя не замѣтить, что многіе придаютъ слишкомъ важное значеніе порицанію такихъ характеровъ, каковы Корсаръ, Лара, Гяуръ, Альпъ и имъ подобные. Ихъ дѣйствія, привычки и пр. слишкомъ далеки отъ современной жизни и потому не могутъ служить для кого-либо пагубными примѣрами; между тѣмъ, при данныхъ обстоятельствахъ, блескъ фантазіи, красота и нѣжность чувства и чрезвычайная сила и изящество выраженія возбуждаютъ лучшія умственныя силы читателя, возвышаютъ, поучаютъ и чарующъ его, доставляя самое благородное и чистое наслажденіе». (*Бриджесъ*).

Стр. 446.

И, вторя вою волчьихъ стай,
Шакалы вдругъ подняли лай.

«Я слышалъ гіенъ и шакаловъ въ азіатскихъ развалинахъ и большихъ лягушекъ въ болотахъ, не говоря о волкахъ и сердитыхъ мусульманахъ», говоритъ Байронъ въ своемъ дневникѣ подъ 29 ноября 1813 г. «Кажется, здѣсь я допустилъ поэтическую вольность, переселивъ шакаловъ изъ Азіи въ Грецію. Въ Греціи я никогда не видалъ и не слыхалъ этихъ животныхъ; но посреди развалинъ Эфеса я слышалъ ихъ сотни. Они постоянно гнѣздятся въ развалинахъ и слѣдуютъ за войсками».

Стр. 446. Заключительныя строки поэмы напоминаютъ слѣдующее мѣсто изъ поэмы Саути «Родерикъ»:

Раздался выстрѣлъ—и, среди утесовъ
Подобно грому прокатившись, вдаль
Понесся надъ горами и долами.
Въ лѣсной просѣкѣ звѣрь остановился
И бросился въ укромное мѣстечко;
Въ испугѣ волкъ шарахнулся въ кусты;
Медвѣдь въ своей берлогѣ пробудился
И на ноги вскочилъ, и громкимъ ревомъ
На громъ нежданный въ бѣшенствѣ отвѣтилъ;
И на вершинѣ дерева сидѣвшій
Въ гнѣздѣ орелъ поспѣшно прочь слетѣлъ.
(Переводъ для наст. изд. *П. О. Морозова*).

Въ письмѣ къ Муру отъ 10 января 1815 г. Байронъ говоритъ: «Я надоѣлъ этой сволочи (т. е. публикѣ) своими Гарри и Ларри, палломниками и пиратами. Никто, кромѣ Саути, не дѣлалъ ничего, что стоило бы хоть кусочка издательскаго пуддинга, да и Саути не особенно удачливъ на хорошую выдумку». Эти слова свидѣтельствуютъ, что Байронъ читалъ и одобрялъ «Родерика». То же подтверждается и замѣткой Муррея: «Когда вышла поэма Саути «Родерикъ», Байронъ почью прислалъ къ Муррею записку съ вопросомъ, слышалъ ли онъ какіе-нибудь отзывы объ этой поэмѣ, которая ему очень понравилась». Сходство окончанія «Осады Коринѳа» съ приведеннымъ отрывкомъ изъ «Родерика» не можетъ объясняться простою случайностью; но едва ли въ данномъ случаѣ было прямое заимствованіе. (*Кольриджъ*).

ПАРИЗИНА.

Стр. 452.

То часъ, когда изъ-за вѣтвей, и пр.

«Первая строфа была напечатана, съ музыкой, нѣсколько времени тому назадъ; первоначально она предназначалась для *Лары*». (*Прим. Байрона*).

Стр. 451.

Навѣрно, не одна бы сталь
Для отомщенья извлеклась
Тому, кто взоръ ея въ тѣ дни
Могъ омрачить хотя на мигъ.

Ср. знаменитую похвалу королевѣ Маріи-Антуанетѣ, въ «Размышленіяхъ о французской революціи» Борка (1790). Я видѣлъ французскую королеву лѣтъ 16—17 тому назадъ, когда она была еще супругою дофина, въ Версали . . Мнѣ никогда и не снилось, что я могу быть свидѣтелемъ такихъ бѣдствій, какія обрушились на нее среди этой любезной націи, состоящей изъ честныхъ и рыцарственныхъ людей. Я былъ увѣренъ, что десятокъ тысячъ шпагъ обнажится для того, чтобы отомстить даже за одинъ взглядъ, угрожающій ей оскорбленіемъ .

Стр. 458.

На роковую красоту
Жены-преступницы . . .
. . . . .
Вновь взоры всѣхъ устремлены.
. . . . . .
Межъ тѣмъ стояла, я сказалъ,
Тиха, безмолвна и бѣлдна...

«Я послалъ за *Марміономъ*, потому что мнѣ пришло въ голову, что есть сходство между *На-*

ризиной и подобной же сценой во 2-й пѣснѣ *Марміона*. Я опасаюсь, что сходство въ самомъ дѣлѣ есть, хотя раньше я объ этомъ вовсе не думалъ и едвали могъ желать подражать неподражаемому произведенію... Я дополнилъ свой разсказъ выпиской изъ Гиббона, которая естественно приводитъ къ подобной сценѣ; но все-таки это представляется мнѣ не совсѣмъ удобнымъ», писалъ Байронъ Муррею 3 февраля 1816 г. Сцена въ *Марміонѣ* Вальтеръ-Скотта, о которой идетъ рѣчь, изображаетъ появленіе Констанціи Беверлей передъ конклавомъ:

Спокойно взоръ ея сіялъ
И твердость духа выражалъ,
И недвижима, и блѣдна,
Стояла предъ судомъ она,
И только чуть замѣтный вздохъ
Въ ней обнаружить чувство могъ.
Такъ изваяньемъ восковымъ,
А не созданіемъ живымъ
Казалась взорамъ всѣхъ она,
Безмолвна и какъ смерть блѣдна.
(Переводъ для наст. изд. П. *О. Морозова*).

Прости.

Стр. 461.

Два стихотворенія: «Прости» и «Очеркъ», изъ которыхъ первое написано 17, а второе — 29 марта 1816 г. (а напечатаны оба въ одинъ и тотъ же день — 4 апрѣля), относятся къ разводу Байрона и обозначаютъ собою критическую эпоху въ его жизни и репутаціи. Раздѣляющій ихъ промежутокъ въ 12 дней объясняетъ рѣзкую разницу въ ихъ тонѣ и настроеніи: въ теченіе этого короткаго времени обнаружились такія обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ патетическое, хотя и не лишенное критики, примиреніе поэта съ своей судьбою смѣнилось крайнимъ раздраженіемъ, злобной ненавистью и жаждой мести. Современные поэту критики единодушно и строго осуждали его за «Очеркъ». Мнѣнія ихъ о первомъ стихотвореніи были далеко не одинаковы. Муръ сознается, что сначала, и даже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ развода, онъ скорѣе склоненъ былъ осуждать «Прости», какъ произведеніе «актерское», какъ «показное изліяніе чувствъ», но что впослѣдствіи, читая въ дневникѣ Байрона подробный разсказъ обо всѣхъ обстоятельствахъ развода, онъ почувствовалъ всю правдивость «прилива нѣжныхъ воспоминаній, подъ вліяніемъ которыхъ поэтъ, сидя ночью въ своемъ одинокомъ кабинетѣ, написалъ эти строфы, орошая бумагу слезами».

Написавъ это стихотвореніе, Байронъ, однако, не сохранилъ его про себя: онъ показалъ его Муррею и разослалъ оттиски «посвященнымъ» лицамъ. «Я только что получилъ»,—писалъ ему Муррей,—«прилагаемое письмо отъ г-жи Марій Грэмъ, которой я послалъ ваши стихи. Это письмо показываетъ, что о васъ думаютъ въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ, и дастъ мнѣ право повторить, что я васъ никогда не забуду. Да благословитъ васъ Богъ, лордъ. *Прости!*».

Оба стихотворенія были напечатаны первоначально не для публики, но скоро стали общимъ достояніемъ вслѣдствіе самовольныхъ перепечатокъ, и затѣмъ явились: «Прости»—въ собраніи стихотвореній 1816 г., а «Очеркъ» въ III-мъ томѣ «Сочиненій», 1819 г. Байронъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ цѣлью показать «посвященнымъ» — какъ друзьямъ, такъ и врагамъ, что онъ не покорился молча своей участи; но онъ вовсе не желалъ вводить въ свою интимную жизнь перваго встрѣчнаго читателя, и если это случилось, то только вслѣдствіе «усердія не по разуму» со стороны кого-нибудь изъ друзей или по злобѣ какого-нибудь недоброжелателя. Оба стихотворенія явились впервые въ свѣтъ въ торійской газетѣ «Champion», издателемъ которой былъ Джонъ Скоттъ, человѣкъ талантливый, но «моралистъ по профессіи». Случилось это 14 апрѣля 1816 г. Слѣдуетъ замѣтить, что «Ода съ французскаго» была напечатана въ «Morning Chronicle» 15 марта, а 7 апрѣля въ газетѣ «Examiner» появились блестящіе, но недостаточно патріотическіе стихи о звѣздѣ Почетнаго Легіона. Сопоставляя эти даты, Скоттъ прибавилъ, что «для надлежащей оцѣнки подобныхъ политическихъ произведеній необходимо имѣть въ виду соотвѣтствующую имъ практику въ отношеніи нравственности и семейной жизни. Вообще, въ «музыкѣ человѣческой жизни существуютъ извѣстныя пропорціи. Многіе факты этой грустной исторіи намъ не безызвѣстны; но имъ не мѣсто въ газетѣ. Къ счастью, они стали довольно извѣстны всѣмъ, по крайней мѣрѣ, — въ Лондонѣ, а иначе они и совсѣмъ не дошли бы до насъ. Но раскрывать ихъ значило бы — оказать неуваженіе къ извѣстнымъ огорченіямъ и страданіямъ... Что же удивительнаго въ томъ, что лавреатъ бывшаго императора, ненавистникъ Бурбоновъ, панегиристъ «звѣзды храбрыхъ» и «радуги свободы», оправдываетъ свою политическую ересь личною развращенностью, нечеловѣческими пороками, нечеловѣческими жалобами, нечеловѣческою бранью?».

Уордспортъ, которому Скоттъ прислалъ этотъ № своей газеты, съ негодованіемъ «отдѣлалъ» журналиста: «О лордѣ Б. я скажу только одно слово: этотъ человѣкъ—сумасшедшій. Стихотворенія, относящіяся къ его личнымъ дѣламъ, вызываютъ съ моей стороны не столько негодованіе, сколько жалость. Второе стихотвореніе — прямо изъ Бедлама. Вы сами, повидимому, до нѣкоторой степени обольщаетесь достоинствами поэзіи лорда Б. и разбираете жалкіе стихи «Прости» чорезчуръ уже почтительно. По содержанію они непріятны, а по исполненію никуда не годятся. «Пускай я очернилъ вину» и пр.—можно ли написать болѣе жалкій куплетъ? Хорошъ одинъ только стихъ: «Мое безумство можно ли знать?» Ваша критика сама себя опровергаетъ, и достойна вниманія только потому, что въ ней выразилось отношеніе человѣка здравомыслящаго и почтеннаго къ представителю «оппозиціи», который оступился, упалъ и попалъ подъ удары».

Такимъ образомъ, Байронъ не только сдѣлался, какъ замѣтилъ Маколей, «искупительной жертвой», принесенной періодически пробуждающемуся среди англійской публики чувству благоправія, но, какъ это видно по характеру нападеній, его политическіе противники воспользовались этимъ случаемъ для того, чтобы нанести поэту за оскорбленіе, нанесенное имъ англійскому патріотизму.

Походъ противъ Байрона, начатый газетой «Champion», продолжался другими изданіями: всѣ газеты, одна за другой, перепечатывали оба стихотворенія,—нѣкоторыя съ оговоркой, что эти стихи собственно не предназначались авторомъ для публики, но такъ какъ они уже явились

въ печати, то позволительно ихъ еще разъ воспроизвести. «Courier» (18 апр. 1816) ограничился напечатаніемъ только одного «Прости», о которомъ отозвался въ очень сочувственныхъ выраженіяхъ, и привелъ заявленіе «одной прекрасной корреспондентки» (г-жи Сталь?), что «если бы ея мужъ написалъ ей такое прощаніе, то она сейчасъ же побѣжала бы къ нему и бросилась бы въ его объятія» (je n'aurais pu m'y tenir un instant). «Times» посвятилъ обоимъ стихотвореніямъ цѣлую передовую статью, въ которой, выражая «крайнее изумленіе и сожалѣніе», что они написаны Байрономъ, доказывалъ, что поэтъ «унизилъ литературу и злоупотребилъ преимуществами своего общественнаго положенія, обративъ ихъ въ орудіе мести въ отношеніи къ существу низшему и притомъ—женщинѣ». «Examiner» напечаталъ данную статью въ защиту Байрона; къ нему примкнули нѣкоторые другіе органы вигговъ; съ другой стороны, торійскій «Antigalican Monitor», также перепечатавшій оба стихотворенія Байрона, язвительно замѣтилъ, что «если все, сказанное поэтомъ, справедливо, то оказывается, что виги вовсе не такъ непорочны, какими они желали бы выставить себя передъ цѣлымъ свѣтомъ».

Такимъ образомъ, полемика, возбужденная стихотвореніями Байрона, получила чисто-партійный характеръ. Главнымъ виновникомъ этого литературнаго скандала былъ, конечно, Скоттъ, издатель «Champion». Байронъ отнесся къ нему безъ злобы и въ 1821 г., получивъ извѣстіе о томъ, что онъ убитъ на дуэли, писалъ Боульсу: «Бѣдняги-Скотта ужъ нѣтъ больше. Онъ умеръ смертью храбраго, а въ жизни былъ всегда дѣльнымъ человѣкомъ». Байронъ принялъ также (анонимно) участіе въ подпискѣ, устроенной сэромъ Джемсомъ Мэкинтошемъ, Муррэемъ и др. въ пользу семьи Скотта, оставшейся безъ средствъ

Стансы къ Августѣ.

Эти стансы къ сестрѣ, бывшей единственною утѣшительницею Байрона въ постигшемъ его семейномъ горѣ, — послѣднее стихотвореніе, написанное имъ въ Англіи. Въ запискѣ къ Роджерсу отъ 16 апрѣля 1816 г. Байронъ говоритъ: «Сестра теперь со мной, и завтра уѣзжаетъ изъ Лондона; мы не увидимся, во всякомъ случаѣ, долго, а можетъ быть — и никогда! При такихъ обстоятельствахъ, я надѣюсь, что вы и г. Шериданъ извините меня, что я не могу быть у него сегодня». 25 апрѣля Байронъ навсегда покинулъ Англію.

Русскіе переводы Байрона.

I.

Чайльдъ Гарольдъ.

Полный переводъ знаменитой поэмы появляется только въ 1860 годахъ. До того, несмотря на огромную извѣстность «Чайльдъ Гарольда», были переведены только небольшіе отрывки:

1) Пушкину принадлежитъ *печатный* починъ. Въ «Сынѣ Отечества» 1820 г., № 46, онъ помѣстилъ стихотвореніе подъ заглавіемъ «Элегія». По указанію П. В. Анненкова, въ тетради, съ которой печаталось изданіе стихотвореній Пушкина, вышедшее въ 1826 году, та же «Элегія» была озаглавлена «Черное море» и имѣла эпиграфомъ начальныя слова прощальной пѣсни «Чайльдъ-Гарольда» — Good night, my native land. Въ печати, однако, нѣтъ ни эпиграфа, ни заглавія, зато въ оглавленіи стихотвореніе названо «Подражаніе Байрону». Теперь оно обыкновенно печатается подъ заглавіемъ *«Погасло дневное свѣтило»*.

«Подражаніе Байрону» — наиболѣе правильная характеристика стихотворенія, написаннаго главнымъ образомъ на мотивы «Прощанія Чайльдъ-Гарольда». Одинъ стихъ:

Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!

почти цѣликомъ взятъ изъ 179-й строфы IV пѣсни:

Roll on, thou deep and dark blue Ocean-roll!

Погасло дневное свѣтило;
На море синее вечерній палъ туманъ.
Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!
Я вижу берегъ отдаленный,
Земли полуденной волшебные края:
Съ волненьемъ и тоской туда стремлюся я,
Воспоминаньемъ упоенный...
И чувствую: въ очахъ родились слезы вновь;
Душа кипитъ и замираетъ;
Мечта знакомая вокругъ меня летаетъ;
Я вспомнилъ прежнихъ лѣтъ безумную любовь,
И все, чѣмъ я страдалъ, и все, что сердцу мило,
Желаній и надеждъ томительный обманъ...
Шуми, шуми послушное вѣтрило!
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!
Лети, корабль, неси меня къ предѣламъ дальнимъ
По грозной прихоти обманчивыхъ морей,
Но только не къ брегамъ печальнымъ
Туманной родины моей,
Страны, гдѣ пламенемъ страстей
Впервые чувства разгорались,
Гдѣ музы нѣжныя мнѣ тайно улыбались,
Гдѣ рано въ буряхъ отцвѣла
Моя потерянная младость,
Гдѣ легкокрылая мнѣ измѣнила радость
И сердце хладное страданью предала.
Искатель новыхъ впечатлѣній,
Я васъ бѣжалъ, отеческіе край,
Я васъ бѣжалъ питомцы наслажденій,
Минутной младости минутные друзья,
И вы, наперсницы порочныхъ заблужденій,
Которымъ безъ любви я жертвовалъ собой,
Покоемъ, славою, свободой и душой,
И вы забыты мной, измѣнницы младыя,
Подруги тайныя моей весны златыя,
И вы забыты мной... Но прежнихъ сердца ранъ,
Глубокихъ ранъ любви ничто не исцѣлило...
Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!..
Черное море, 1820. Сентябрь.

2) Но собственно первымъ переводчикомъ «Чайльдъ-Гарольда» слѣдуетъ считать Батюшкова, превосходно передавшаго CLXXVIII и CLXXIX строфы IV, пѣсни. Въ печати отрывокъ появился, и то не въ полномъ видѣ, только въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» 1828 г., но сдѣланъ переводъ въ 1819 году. Батюшковъ по-англійски не зналъ и, видимо, переводилъ по подстрочнику одного англичанина, съ которымъ познакомился въ 1819 году въ Неаполѣ.

Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ,
Есть радость на приморскомъ брегѣ,
И есть гармонія въ семъ говорѣ валовъ,
Дробящихся въ пустынномъ бѣгѣ.
Я ближняго люблю, но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
Съ тобой, владычица, привыкъ я забывать
И то, чѣмъ былъ, какъ былъ моложе,
И то, чѣмъ нынѣ сталъ подъ холоднымъ годовъ.
Тобою въ чувствахъ оживаю:
Ихъ выразить душа не знаетъ стройныхъ словъ,
И какъ молчать объ нихъ, не знаю.

Шуми же ты, шуми, угрюмый океанъ!
Развалины на прахѣ строитъ
Минутный человѣкъ, сей суетный тиранъ,
Но море чѣмъ себѣ присвоитъ?
Трудися, созидай громады кораблей.

3) **Ивану Козлову** принадлежитъ рядъ полу-переводовъ, полу - передѣлокъ отдѣльныхъ мѣстъ поэмы. Изъ нихъ особенная извѣстность выпала на долю «Прощанія Чайльдъ Гарольда», названнаго переводчикомъ, какъ и въ подлинникѣ: «Добрая ночь» (появилось въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1825 г.). Положенная на музыку, «Добрая ночь» пользовалась огромною популярностью не только въ обществѣ, но стала любимою народною пѣснью и до сихъ поръ распѣвается фабричными и мелкимъ городскимъ людомъ.

I.

Добрая ночь.

(Изъ «Чайльдъ-Гарольда» Байрона).

Прости, прости, мой край родной!
Ужъ скрылся ты въ волнахъ;
Касатка вьется, вѣтръ почной
Играетъ въ парусахъ.
Ужъ тонутъ огненны лучи
Въ бездонной синевѣ...
Мой край родной, прости, прости!
Ночь добрая тебѣ!

Проснется день; его краса
Утѣшитъ Божій свѣтъ;
Увижу море, небеса,
А родины ужъ нѣтъ!
Отцовскій домъ покинулъ я;
Травой онъ зарастетъ;
Собака вѣрная моя
Выть станетъ у воротъ.

Ко мнѣ, ко мнѣ, мой пажъ младой!
Но ты дрожишь какъ листъ?
Иль страшенъ ревъ волны морской?
Иль вѣтра буйный свистъ?
Но плачь: корабль мой новъ; плыву
Ужъ я не въ первый разъ;
И быстрый соколъ на лету
Не перегонитъ насъ.

«Не буйный вѣтръ страшитъ меня,
Не шумъ угрюмыхъ волнъ:
Но не дивись, спръ Чальдъ, что я
Тоски сердечной полнъ!
Прощаться грустно было мнѣ
Съ родимою, съ отцомъ;
Теперь надежда вся въ тебѣ
И въ другѣ... неземномъ.

Не скрылъ отецъ тоски своей,
Какъ сталъ благословлять;
Но доля матери моей —
День плакать, ночь не спать»—
Ты правъ, ты правъ, мой пажъ младой!
Какъ смѣть винить тебя?
Съ твоей невинной простотой,
Ахъ, плакалъ бы и я!

Но вотъ и кормщикъ мой сидитъ,
Весь полонъ черныхъ думъ.
Иль буйный вѣтръ тебя страшитъ?
Иль моря грозный шумъ?»
«Спръ Чальдъ, не робокъ я душой,
Не умереть боюсь:
Но я съ дѣтьми, но я съ женой
Впервые разстаюсь!

Проснутся завтра на зарѣ
И дѣти и жена,
Малютки спросятъ обо мнѣ,
И всплачется она —
Ты правъ, ты правъ! И какъ пенять,
Мой добрый удалецъ!
Тебѣ нельзя не горевать:
И мужъ ты, и отецъ!

Но я. . Ахъ, трудно вѣрить мнѣ
Слезамъ прелестныхъ глазъ!
Любовью новою онѣ
Осушатся безъ насъ.
Лишь тѣмъ однимъ терзаюсь я,
Не въ силахъ то забыть,
Что нѣтъ на свѣтѣ у меня,
О комъ бы потужить!

И вотъ на темныхъ я волнахъ
Одинъ, одинъ съ тоской!...
И кто же, кто по мнѣ въ слезахъ
Теперь въ странѣ родной?
Что-жъ рваться мнѣ, жалѣть кого?
Я сердцемъ опустѣлъ,
И безъ надежды, и безъ всего,
Что помнить я хотѣлъ.

О, мой корабль! съ тобой я радъ
Носиться по волнамъ;
Лишь не плыви со мной назадъ
Къ родимымъ берегамъ!
Далеко на скалахъ, въ степи
Пріютъ сыщу себѣ;
А ты, о родина, прости!
Ночь добрая тебѣ!

II.

IV пѣснь «Чайльдъ-Гарольда» привлекла особенное вниманіе Козлова. Онъ перевелъ изъ нея 3 отрывка: строфы 104—105, 130—137 и 178—183.

а) Строфы CIV—CV входятъ въ собраніе сочиненій Козлова (см. «Стихотворенія И. И. Козлова» подъ редакціей Арс. Н. Введенскаго, Спб. 1902 г., стр. 170) безъ указанія, что это не оригинальное произведеніе, а переводъ. Впервые напечатано въ «Стихотвореніяхъ И. Козлова» изд. 1828 г.

При гробницѣ Цециліи М.

Гробница, я съ жилицею твоей
Какъ бы знакомъ, и вѣетъ здѣсь надъ нами
Мелодія давно минувшихъ дней;
Но звукъ ея, какъ вой подъ облаками
Далекихъ бурь съ утихшими грозами,
Унылъ и святъ. На камень мшистый твой
Сажуся я. Мой духъ опять мечтами
Смущенъ, горитъ—и снова предо мной
Весь ужасъ гибели, слѣдъ бури роковой.
Но что-жъ? когда-бъ изъ выброшенныхъ прежде
И тлѣющихъ обломковъ корабля
Я маленькій челнокъ моей надеждѣ
И могъ собрать, и въ грозныя моря
Пуститься въ немъ, и слушать, какъ шумя
Волна тамъ бьетъ, судьба гдѣ погубила,
Что мило мнѣ—куда причалю я?
Исчезло все, чѣмъ родина манила:
Пріютъ, надежда, жизнь—и тамъ, какъ здѣсь могила.

б) Строфы CXXX—CXXXVII впервые напеч. въ «Библ. для чтенія» 1834, № 12.

Отрывокъ изъ 4 пѣсни.

«Чайльдъ-Гарольда».

(Лунная ночь. Лордъ Байронъ бродитъ одинъ по развалинамъ Колизея; бьетъ полночь).

О время, мертвыхъ украшатель,
Цѣлитель страждущихъ сердецъ,
Развалинамъ красотъ податель,
Прямой, единственный мудрецъ!
Рѣшаетъ судъ твой неизбѣжной
Неправый толкъ судей мірскихъ.
Лишь ты порукою надежной
Всѣхъ тайныхъ чувствъ сердецъ людскихъ,
Любви и вѣрности; тобою
Я свѣту истину явлю,
Тебя и взоромъ, и душою,
О время-мститель! я молю.
Въ развалинахъ, гдѣ ты священный
Для жертвъ себѣ воздвигло храмъ,
Младой, но горемъ сокрушенный,
Твоею жертвою—я самъ.
О, Немезида! чьи скрижали
Хранятъ злодѣйства, въ чьихъ вѣсахъ
Вѣка измѣны не видали,
Чье царство здѣсь внушало страхъ;
О ты, которая съ змѣями
Изъ ада фурій созвала,
И, строго судъ творя надъ нами,
Ореста мукамъ предала!
Возстань опять изъ бездны вѣчной!
Явись правдива и грозна!
Явись! услышь мой вопль сердечной!
Возстать ты можешь—и должна.
Быть-можетъ, что моей виною
Ударъ мнѣ данный заслуженъ;
И если бъ онъ другой рукою,
Мечемъ былъ праведнымъ свершенъ,—
То пусть бы кровь моя хлестала!..
Теперь пролиться ей не дамъ.
Молю, чтобъ на злодѣевъ пала
Та месть, которую я самъ
Оставилъ изъ любви... Ни слова
О томъ теперь,—но ты отмстишь!
Я сплю, но ты уже готова,
Ужъ ты возстала—ты не спишь.
Нѣтъ въ этомъ вѣкѣ принужденья,
И я не ужасаюсь бѣдъ;
Гдѣ тотъ, кто зрѣлъ мое смятенье
Изъ на челѣ тревоги слѣдъ?
Но я хочу, и стихъ мой смѣетъ—
Нести потомству правды гласъ;
Умру, но вѣтеръ не развѣетъ
Мои слова. Настанетъ часъ!..
Стиховъ пророческихъ онъ скажетъ
Весь тайный смыслъ,—и отъ него
На головы виновныхъ ляжетъ
Гора проклятья моего.
Тому проклятью—быть прощеньемъ!
Внимай мнѣ, родина моя!
О, небо! вѣдай, какъ мученьемъ
Душа истерзана моя!
Неправды омраченъ туманомъ,
Лишенъ надеждъ, убитъ тоской;
И жизни жизнь была обманомъ
Разлучена, увы, со мной!
И только тѣмъ отъ злой судьбины
Не вовсе сокрушился я,
Что не изъ той презрѣнной глины,
Какъ тѣ, о коихъ мысль моя.
Обиду, низкія измѣны,
Злословья громкій, дерзкій вой
И ядъ его шумящей пѣны,
И злобу подлости нѣмой
Извѣдалъ я; я слышалъ ропотъ
Невѣждъ и ложный толкъ людей,
Змѣиный лицемѣрья шепотъ,
Лукавство лживыхъ рѣчей;
Я видѣлъ, какъ уловка злая
Готова вздохомъ очернить
И какъ, плечами пожимая,
Молчаньемъ хочетъ уязвить.
Но что-жъ? я жилъ, и жить не даромъ!
Отъ горя можетъ духъ страдать
И кровь кипѣть не прежнимъ жаромъ
И разумъ силу потерять,—
Но овладѣю я страданьемъ;
Настанетъ время,—надо мной
Съ послѣднимъ сердца трепетаньемъ
Возникнетъ голосъ неземной,
И темный звукъ осиротѣлой
Разбитой лиры тихо вновь
Въ груди теперь окаменѣлой
Пробудитъ совѣсть и любовь.

в) Строфы (CLXXVIII—CLXXXIII) впервые появились въ «Стихотвореніяхъ И. Козлова» 1828 года.

Къ морю.

(Изъ «Чайльдъ-Гарольда», Байрона).

(А. С. Пушкину).

Отрада есть во тьмѣ лѣсовъ дремучихъ
Восторгъ живетъ на дикихъ берегахъ;
Гармонія слышна въ волнахъ кипучихъ
И съ моремъ есть бесѣда на скалахъ.
Мнѣ ближній милъ; по тамъ, въ моихъ мечтахъ,
Что я теперь, что былъ—позабываю;
Природу я душою обнимаю,
Она милѣй; постичь стремлюся я
Все то, чему нѣтъ словъ, но что таить нельзя.

Теки, шуми, о море голубое!
Несмѣтный флотъ ничто твоимъ волнамъ;
И человѣкъ, губящій все земное,
Гдѣ твой предѣлъ, уже страшится самъ.
Возстанешь ты—и горе кораблямъ,
И бичъ земли, путь дерзкій означая
Бѣдой своей, какъ капля дождевая,
Идетъ на дно, гдѣ скрыть его и слѣдъ—
И онъ не въ саванѣ, не въ гробѣ, не отпѣтъ.

Твои поля злодѣй не завоюетъ,
Твои стези не для его шаговъ;
Свободно ты: лишь бездна забушуетъ,
И тотъ пропалъ, кто-бъ сушу былъ готовъ
Поработить. Его до облаковъ,
Дрожащаго, съ презрѣньемъ ты бросаешь,—
И вдругъ, рѣзвясь, въ пучину погружаешь:
И вопитъ онъ: гдѣ пристань! О гранитъ
Его ударишь ты—и вѣкъ онъ тамъ лежитъ.

Бросающій погибель и оковы,
Огонь и смерть изъ челюсти своей,
Рушитель силъ, левіаѳанъ дубовый,
Гроза твердынь, народовъ и царей—
Игрушкою бунтующихъ зыбей
И съ тѣмъ, кто въ немъ падменно въ бой летаетъ,

Кто, бренный самъ, владѣть тобой мечтаетъ;
Подернуло ты пѣной бурныхъ водъ
Армаду гордую и Трафальгарскій флотъ.

Предѣлъ державъ, твой берегъ измѣнился:
Гдѣ Греція, и Римъ, и Карѳагенъ?
Свободный, онъ лишь волнъ твоихъ страшился;
Но, сильныхъ рабъ и жертва деремѣнъ,
Пришельцевъ здѣсь, тамъ дикихъ носитъ плѣнъ;
Его вездѣ неволя утомила,
И сколько царствъ въ пустыни изсушила.
Твоя лазурь, вѣковъ отбросивъ тѣнь,
Все та-жъ—млада, чиста, какъ въ первобытный день.

Ты зеркаломъ Всесильному сіяешь,
Онъ зритъ въ тебѣ при бурѣхъ образъ Свой.
Струишься-ль ты, бунтуешь иль играешь.
Гдѣ твердый ледъ, и тамъ, гдѣ пылкій зной,
Ты, океанъ, чудесенъ красотой,
Таинственный, бездонный, безконечный!
Незримаго престолъ, какъ небо вѣчный,
Временъ, пространствъ завѣтный властелинъ,
Течешь ты, страшный всѣмъ, глубокій и одинъ.

4) Усерднѣйшимъ образомъ переводилъ въ 1820-хъ гг. Байрона **Николай Андреевичъ Маркевичъ** (1804—1860), много сдѣлавшій для исторіи и этнографіи Малороссіи, но лишенный поэтическаго таланта. Нѣкоторые переводы его печатались въ «Москов. Телеграфѣ», но большинство впервые напечатаны въ книжкѣ, почему-то озаглавленной «Стихотворенія Н. Маркевича» (Спб., 1829), хотя она кромѣ переводовъ изъ Байрона, ничего въ себѣ не заключаетъ.

Изъ «Чайльдъ-Гарольда» Маркевичъ перевелъ: Пѣснь II — *Строфы XXIII*—XXVI и LXXXV—LXXXIX: пѣснь IV—строфы *LXIX*—*LXXII*; CXXI—CXXIV, CLXXVII—CLXXIX и др.

Чтобы дать понятіе о неуклюжихъ переводахъ Маркевича, приведемъ строфы CLXXVII—CLXXIX, привлекшія вниманіе Батюшкова, Козлова и отчасти Пушкина:

За чѣмъ я не могу въ пустынѣ обитать,
Предаться красотѣ мечтанья
И мрачныя воспоминанья
О свѣтскихъ горестяхъ навѣки потерять?
Какъ я люблю глядѣть на воду!
Стихія грозная! твой шумъ,
Одушевляющій природу,
Мнѣ пробуждаетъ сердце, умъ.
Есть прелести въ уединенныхъ,
Непробуждаемыхъ лѣсахъ,
И для сердецъ воспламененныхъ
Есть восхищеніе надъ бездной на брегахъ.
Оставленъ смертными, забыть молвой и горемъ,
Въ часъ утренній, въ вечерній часъ,
Какъ я люблю мечтать надъ моремъ:
Ничто тамъ не тревожитъ насъ.
Какую сладкую мелодію имѣетъ
Однообразный шумъ вздымающихся волнъ!
Предъ ними человѣкъ, очарованья полнъ,
Вздыхаетъ и нѣмѣетъ.
Я забываю тамъ, чѣмъ былъ я, чѣмъ могъ быть,
И что я чувствую,—нѣтъ силы изъяснить.
Обширный океанъ! сливайся съ небесами,
Волнуйся и шуми лазурными волнами;
Напрасно человѣкъ возсѣлъ на корабли,
И протекаетъ путь безмѣрный;
Жестокъ, обманчивъ легковѣрный
Развалинами онъ покрылъ лицо земли
На ней пусть кровь его дымится;
Но должно предъ тобой ему остановиться,
И никогда въ волнахъ твоихъ
Мы не найдемъ слѣдовъ людскихъ.
Сколь часто испускаетъ стонъ
И погружается съ мученьемъ
Въ неизмѣримость бездны онъ.
Но ты вздымаешься, ты бьешь о брегъ волною,
Подъемлешься, кипишь,—и съ пѣною сѣдою
До неба трупъ его летитъ
И снова на землѣ во прахѣ онъ лежитъ.

5) **А. С.** въ «Вѣст. Европы» 1830, № 4, напечаталъ переводъ «Прощанія» Чайльдъ-Гарольда, не представляющій литературнаго интереса и не особенно точный.

6) **В. Щастный**, въ «Невскомъ Альманахѣ» 1830 г., далъ довольно точный переводъ тѣхъ-же строфъ IV-й пѣсни, *CXL—CXLI*, которыя черезъ нѣсколько лѣтъ привлекли вниманіе Лермонтова. Замѣчательно, что и озаглавилъ онъ свой переводъ такъ же, какъ позднѣе озаглавилъ Лермонтовъ—«Умирающій гладіаторъ». Въ подлинникѣ строфы эти не имѣютъ особаго названія.

CXL.

Я зрю бойца. Поверженный во прахъ,
На длань склоненъ, безтрепетенъ лицомъ,
Съ рѣшимостію въ тускнѣющихъ очахъ –
Упорное борѣніе съ концомъ!
Уже къ землѣ онъ близится челомъ,
Сквозь раненый полуотверзтый бокъ—
Послѣдняя кровь капаетъ дождемъ—
И вотъ подъ нимъ пошелъ кругомъ песокъ,—
Онъ гибнетъ, прежде чѣмъ плесканій громъ замолкъ.

CXLI.

Разсѣянно внимая плескамъ спимъ,
Далеко былъ онъ взоромъ и душой.
Награда, жизнь, терпемая имъ,
Ему ничто; онъ видѣть мнилъ родной
Дуная брегъ, тамъ свой шалашъ простой,
Жену, дѣтей,—межъ тѣмъ, какъ плѣнный онъ
Зарѣзанъ здѣсь, для прихоти чужой!
Мысль тяжела! умретъ ли не отмщенъ
Явитесь готовы!.. Римъ отдѣсь вамъ обреченъ.

7) **В. Чижовъ** (*въ «Лит. И риб.» къ «Русск. Инв.» 1831 (№ 47. стр. 366)*) помѣстилъ посредственный переводъ «Прощанія» Чайльдъ-Гарольда.

8) Пользовавшійся нѣкоторою извѣстностью въ 1830-хъ годахъ поэтъ **Трилунный** (псевдонимъ Дмитрія Юрьевича *Струйскаго*), въ «Альціонѣ» 1831 г., помѣстилъ «Море» переводъ-подражаніе тѣмъ-же излюбленнымъ русскими поэтами строфамъ CLXXVIII—CLXXXIII пѣсни IV-ой.

Море.

Подражаніе Байрону.

Волнуйся, синій океанъ!
Тебѣ удѣлъ завидный данъ!
Напрасно въ пустыни твоей
Блуждаютъ стаи кораблей:
Ихъ легкій слѣдъ на мигъ одинъ
Браздитъ чело твоихъ равнинъ!
Напрасно съ гордою душой
Адамовъ сынъ—сей бичъ земной—
Поработилъ твой мирный брегъ:
Тебѣ не страшенъ человѣкъ!
Не смѣетъ дерзкой онъ стопой
Попрать кристаллъ твой голубой!
Надъ міромъ властвовать любя,
Онъ не присвоитъ у тебя
Твоихъ мятежныхъ гордыхъ волнъ—
Тебѣ корабль какъ легкій челнъ!
Неодолимый исполинъ!
Когда все бренно на землѣ,
Съ вѣками споришь ты одинъ—
И на сѣдомъ твоемъ челѣ
Сатурнъ не наклеймилъ морщинъ!
Скажи: гдѣ Грепія, гдѣ Римъ?
Не ты ли плескомъ волнъ глухимъ
Ихъ потѣшалъ въ былые дни?
Все тотъ-же ты—но гдѣ жъ они?
Ужъ ты давно оплакалъ ихъ
Надгробнымъ гимномъ волнъ сѣдыхъ!
Неизмѣняемъ и могучъ,
Ты отражаешь въ глубинѣ:
То черный ликъ громовыхъ тучъ,
То солнце въ свѣтлой вышинѣ!
Эмблема вѣчной красоты,
Какъ въ первый день явился ты
Въ порфирѣ влажной, голубой—
Таковъ и нынѣ образъ твой!
Онъ тихъ, онъ свѣтелъ и глубокъ...
Но и тебя постигнетъ рокъ:
Схоронишь ты знакомый міръ,
И будешь снова мраченъ, сиръ
Какъ былъ въ хаосѣ одинокъ...
И отъ святыхъ небесъ далекъ,
Безбрежный въ безднѣ пустоты—
О берегахъ застонешь ты.

Тотъ-же Трилунный помѣстилъ въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» 1832 г. отрывокъ изъ поэмы на мотивы IV пѣсни «Чайльдъ Гарольда»—«Байронова урна» (глава IV. Байронъ, обозрѣвъ развалины Рима и прощаясь съ берегами Италіи, вспоминаетъ о судьбѣ Тасса).

Пѣснь Байрона.

О, Тассъ, божественный пѣвецъ,
Миръ твоему заросшему кургану!
Миръ праху твоему!
Съ главы твоей вѣнецъ
Не удалось сорвать
Презрѣнному тирану.
И тамъ, гдѣ звукъ гремитъ цѣпей,
И тамъ пылалъ
Въ душѣ твоей
Огонь небесный вдохновенья.
Безсмертья лучъ
Какъ херувимъ
Блеснулъ изъ тучъ,—
Врагу пѣвца
Позоръ презрѣнья!
Альфонсъ, какъ червь,
Въ землѣ истлѣлъ,
Его величье миновало,
Вѣковъ проклятье зазвучало,
И налегло
На тотъ курганъ,
Гдѣ спитъ тиранъ!
И я далеко отъ отчизны!
О, Тассъ, и я
Гоннмъ судьбой!
И надо мной
Не совершатъ
Въ землѣ родной
Могильной тризны.
Безъ слезъ, безъ слезъ
Истлѣешь ты,
Мой прахъ холодный!
И я, какъ Тассъ,
Бѣглецъ безродный,
Одинъ засну
Подъ неродимъ
И дальнимъ небомъ.
До той поры
Шуми, бушуй,
Сѣдое море!
Неси мой челнъ, —
Надъ бездной волнъ, —
Въ тотъ край пустынный,
Гдѣ могъ бы я
Обрѣсть покой
Души невинной,
Въ тотъ дальній край,
Гдѣ могъ бы я
Былые дни
Навѣкъ забыть:
И для надежды снова жить!

9) **В. Любичъ Романовичъ**, извѣстный своимъ курьезнымъ переводомъ «Донъ-Жуана» (см. при оборѣ переводовъ этой поэмы), переводилъ также изъ «Чайльдъ-Гарольда»: изъ III пѣсни строфы LXXXV — XCVIII; изъ IV — строфы LXVI, CXXVIII - CXXXI, CXLVI и CXLVII. Эти переводы напечатаны въ «Стихотвореніяхъ В. Романовича» (Спб., 1832).

10) **Иванъ Гогніевъ**, много переводившій изъ Байрона въ «Литер. прилож. къ Русскому Инвалиду» 1834 г. (№ 58), напечаталъ переводъ-подражаніе начала III пѣсни

Прощаніе Байрона съ дочерью.

(Изъ «Чайльдъ-Гарольда»).

I.

Сходна-ль ты съ матерью своею,
Мое покинутое чадо,
Краса обители моей,
Единый сердцу другъ, о Ада!
Когда въ-послѣднее взиралъ
Я на чело твое младое,
Лучъ упованья согрѣвалъ
Мечты мои.—Теперь иное:
Внезапнымъ страхомъ пробужденъ,
Я мрачный океанъ встрѣчаю,
И восемъ бури оглушенъ!
Я въ путь лечу! Куда—не знаю!
Но конченъ. Съ минуты сей

[illegible] радости, ни стона
[illegible] въ груди моей
[illegible] чуть видный средь зыбей
[illegible] берегъ Альбіона.

II.

[illegible] опять я заблуждалъ
[illegible] туманомъ, вѣтрами влекомымъ
[illegible] мною скачетъ валъ,
[illegible] конь подъ всадникомъ знакомымъ.
[illegible] холмами, царство волнъ,
[illegible] безграничному раздолью!
[illegible] быстро въ путь, мой челнъ,
[illegible] шумящій бури своевольно!
[illegible] грозенъ трескъ снастей тугихъ,
[illegible] въ зыбяхъ воздуха клубится
Вѣтрило, сорванное съ нихъ,—
Мой грустный путь не прекратится.
Я, какъ низверженный съ скалы
Тростникъ на лоно океана,
Блуждаю по безбрежью мглы,
Куда влекутъ меня валы,
Несетъ дыханье урагана.

11) *** въ «Галатеѣ» 1839 г., ч. V, № 39 помѣстилъ стихотвореніе изъ «Чайльдъ-Гарольда». Это не переводъ, а крайне растянутыя и весьма посредственные варіаціи на мотивы «Къ Инезѣ» I-й пѣсни.

12) Извѣстная поэтесса Каролина Павлова помѣстила въ «*Москвитянинѣ*» 1841 г., ч. VI, № 12, переводъ CLXI и CVXII строфы IV пѣсни подъ заглавіемъ:

Аполлонъ Бельведерскій.

Отрывокъ изъ Байрона.

Вотъ онъ—владыка неизбѣжныхъ стрѣлъ.
Вотъ жизни богъ, богъ дня и пѣснопѣнья!
Я солнце воплощенное узрѣлъ;
Торжественный, онъ вышелъ изъ сраженья,
Слетѣло съ лука неземное мщенье,
И свѣтлые глаза его блестятъ,
И ноздри дышутъ гордостью презрѣнья:
Стоитъ могучъ, величественъ и святъ,
И бога проявилъ его единый взглядъ.

* * *

И если же похитилъ Прометей
Огонь небесъ, горящій въ насъ душою,
Тѣмъ выплаченъ тотъ долгъ, кѣмъ мраморъ сей
Былъ славою увѣнчанъ вѣковою,
Хоть и земной возсозданъ онъ рукою,
Но мыслью неземной,—и власть временъ
Благоговѣла предъ его красою,
И невреднмъ доселѣ дышитъ онъ
Тѣмъ пламенемъ святымъ, которымъ сотворенъ.

13) Въ «Отеч. Запискахъ» 1842 г. (№ 4) появился знаменитый «Умирающій гладіаторъ» Лермонтова, представляющій собою больше подражаніе, чѣмъ переводъ CXL и CXLI строфъ IV пѣсни. Въ заглавіи имя Байрона не названо и только взятъ эпиграфомъ стихъ изъ CXL строфы. «Умирающій гладіаторъ», помѣченный 2 февраля 1836 г., напечатанъ послѣ смерти Лермонтова и, можетъ быть, этимъ объясняется то, что вплоть до новѣйшихъ изданій послѣднихъ 10 лѣтъ печаталась только половина стихотворенія, именно вотъ что:

Умирающій гладіаторъ.

I see before me the gladiator lie..
Byron.

Ликуетъ буйный Римъ, торжественно гремитъ
Рукоплесканьями широкая арена,—
А онъ пронзенный въ грудь,—безмолвно онъ лежитъ,
Во прахѣ и крови скользятъ его колѣна.
И молитъ жалости напрасно мутный взоръ...
Надменный временщикъ и льстецъ его, сенаторъ,
Вѣнчаютъ похвалой побѣду и позоръ...
Что знатнымъ и толпѣ сраженный гладіаторъ?
Онъ презрѣнъ и забытъ... освистанный актеръ
И кровь его течетъ; послѣднія мгновенья
Мелькаютъ,—близокъ часъ... Вотъ лучъ вообра женья
Сверкнулъ въ его душѣ... предъ нимъ шумитъ Дунай...
И родина цвѣтетъ—свободной жизни край.
Онъ видитъ кругъ семьи, оставленной для брани,
Отца, простершаго нѣмѣющія длани,
Зовущаго къ себѣ опору дряхлыхъ дней...
Дѣтей играющихъ—возлюбленныхъ дѣтей!
Всѣ ждутъ его назадъ съ добычею и славой...
Напрасно: жалкій рабъ, онъ палъ, какъ звѣрь лѣсной,
Безчувственной толпы минутною забавой...
«Прости, развратный Римъ!—прости, о край родной!»

2 февраля 1836 г

Въ рукописи (см. Полное собр. соч. Лермонтова подъ ред. Арс. И. Введенскаго, Спб. 1891, стр. 7) есть еще двѣ строфы, уже ничего общаго съ Байрономъ не имѣющія:

Не такъ ли ты, о европейскій міръ,
Когда-то пламенныхъ мечтателей кумиръ,
Къ могилѣ клонишься безмолвной головою,
Измученный въ борьбѣ сомнѣній и страстей,
Безъ вѣры, безъ—надеждъ—игралище дѣтей,
Осмѣянный ликующей толпою!
И предъ кончиною ты взоры обратилъ
Съ глубокимъ вздохомъ сожалѣнья
На юность свѣтлую, исполненную силъ,
Которую для язвы просвѣщенья,
Для гордой роскоши безпечно ты забылъ.
Стараясь заглушить послѣдніе страданья,
Ты жадно слушаешь и пѣсни старины,
И рыцарскихъ временъ волшебныя преданья,—
Насмѣшливыхъ льстецовъ несбыточные сны.

14) А. Брянскій напечаталъ въ «Иллюстраціи» 1846 г. (т. III, № 36, стр. 577) переводъ «Прощанія Чайльдъ-Гарольда». Намъ не удалось его видѣть, потому что ни въ Публичной Библіотекѣ, ни въ Библіотекѣ Академіи Наукъ этого № нѣтъ.

15) Николай Бергъ помѣстилъ въ «Москвитянинѣ» 1850, ч. I, № 2, гораздо болѣе точную передачу тѣхъ-же строфъ, которыя привлекли вниманіе Лермонтова.

Гладіаторъ.

Я вижу: палъ борецъ, противникомъ сраженный;
Ужъ смерть кладетъ печать на блѣдное чело,
Ужъ выскользнулъ изъ рукъ кинжалъ, окровавленный,
И ноги мукамя предсмертными свело;

Поникнулъ онъ своей тяжелой головою,
И стопетъ, тусклый взоръ къ тиранамъ возводя.
И раны кровь бѣжитъ багров-ою струею
И каплетъ каплями осенняго дождя;
Арена пестрая вокругъ него вертится;
Онъ умеръ—а толпа шумитъ и веселится...
Онъ слышалъ крики ихъ, но духомъ не смутился,
Награды не хотѣлъ отъ злобныхъ палачей,
Но сердцемъ къ берегамъ Дунайскимъ уносился,
Гдѣ бросилъ онъ жену и маленькихъ дѣтей;
Гдѣ все, что было имъ такъ пламенно любимо,
Гдѣ молодость свою онъ рѣзвую провелъ...
Теперь, отецъ семьи, на шумныхъ играхъ Рима,
На мерзостномъ пиру зарѣзанъ точно волъ!
Ужели умеръ онъ, богами неотмщенный?..
Чу! Вандалы идутъ толпой ожесточенной!...

16) **К. Картамышевъ** въ «Москвитянинѣ» 1851, III, 9—10, помѣстилъ «Венецію. Изъ Байрона». Это собственно не переводъ, а стихотвореніе на мотивы III строфы IV пѣсни.

Венеція.

(Изъ Байрона).

Невѣста пышная полуденныхъ зыбей,
Столица роскоши и праздничныхъ затѣй,
Венеція, дитя могущества и славы!
Среди лагунъ твоихъ теперь ужъ не поетъ
Веселый гондольеръ Торкватовы октавы,
И запустѣніе въ стѣнахъ твоихъ живетъ,
И прахомъ рушатся ряды дворцовъ старинныхъ
На берегахъ твоихъ безмолвныхъ и пустынныхъ...
Природа лишь твоя по прежнему цвѣтетъ;
Какъ прежде слышится немолчный шопотъ водъ,
И небо теплое съ привѣтливой улыбкой,
Нагнувшись надъ тобой, глядится въ влагѣ зыбкой,
И сонмы тѣхъ же звѣздъ, средь гладкой мглы почной,
Блистаютъ надъ твоей развѣнчанной главой.

17) **Н. П. Грековъ** въ «Отеч. Зап.» 1854 г., № 12, помѣстилъ «Море изъ Байрона» (перепеч. въ «Стихотвореніяхъ Н. П. Грекова», Спб., 1860). Это собственно варіаціи на мотивы конца IV пѣсни.

Опять я на волнахъ! Опять передо мною
Онѣ кипятъ въ пространствѣ голубомъ
И подымаются горою,
И прядаютъ какъ конь подъ сѣдокомъ,
Ласкаемый знакомою рукою!
О, волны бурныя, вамъ шлетъ душа привѣтъ!
Да будетъ быстръ вашъ бѣгъ! до цѣли нужды нѣтъ!
Носите лишь меня—вотъ все, чего хочу я.
А тамъ пускай мрачатся небеса,
Пускай гремитъ и блещетъ въ нихъ гроза,
И мачта ломится, и, простью бушуя,
Рветъ вѣтеръ въ клочья паруса:
Мнѣ все равно—мнѣ нужно лишь стремленье
Я, какъ трава, которую со скалъ
Срываетъ вѣтра дуновенье
И носитъ по морю сѣдой, разгульный валъ.
Мнѣ все равно...
О, тотъ, кто не годами
Считаетъ жизнь свою въ юдоли бѣдъ,
Чья голова покрыта не отъ лѣтъ,
Но отъ страданій сѣдинами,
Кто мыслью глубоко проникъ
Въ сердца людей и въ жизненный тайникъ,
Чье сердце кровью истекало,
Боль ранъ своихъ въ самомъ себѣ таи,
Чьи думы гордыя здѣсь слава волновала,
И въ душу страсть свое вонзило жало,
Какъ ядовитая змѣя;
Того доступно будетъ думамъ,
Какимъ желаніемъ душа моя кипя
Отраду тайную находитъ для себя
Надъ безднами морей, подъ ихъ немолчнымъ шумомъ,
Иль средь пустынь, которыя мечта
Роями свѣтлыми видѣній наполняетъ,
И гдѣ душѣ не измѣняетъ
Очарованье никогда...

. . . . . .

18) **П. Поповъ** помѣстилъ въ «Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1859 г. (часть неофиціальная, № 39, стр. 289). «Прощаніе Чайльдъ-Гарольда». Невѣдомый провинціальный поэтъ справился съ своею задачею довольно удовлетворительно:

Прости, прости, мой милый край родной!
Ужъ мгла брега твои отъ глазъ моихъ скрываетъ,
И моря холодъ вѣетъ надо мной,
И стая чаекъ вкругъ меня летаетъ,
Впередъ! Впередъ! Туда, гдѣ солнце погружаетъ
Въ пучину волнъ свой обликъ золотой!
Ему привѣтъ пловецъ свой посылаетъ..
Прости, прости, мой милый край родной!
Пройдутъ часы, заря займется снова—
Увижу море я, увижу бѣгъ валовъ,
Увижу небо я, но края ужъ родного
При новомъ днѣ я не увижу вновь.
И замокъ, гдѣ семья родная ликовала,
Печаль своимъ покровомъ обовьетъ,
И вырастетъ ковыль вдоль стѣнъ высокихъ вала,
И вѣрный песъ завоетъ у воротъ... и т. д.

19) Превосходно перевелъ «Прощаніе Чайльдъ-Гарольда» **Михаилъ Ларіоновичъ Михайловъ** («Современникъ» 1860, № 10 и Стихотворенія М. Михайлова» Спб., 1860, 1862 и 1890).

Прости.

(Изъ 1-й пѣсни).

Прости, прости, мой край родной!
Ты тонешь въ лонѣ водъ.
Реветъ подъ вѣтромъ валъ морской,
Свой крикъ мнѣ чайка шлетъ.
На западъ, солнцу по пути,
Плыву во тьмѣ почной.
Да будетъ тихъ твой сонъ! прости,
Прости, мой край родной!

Не долго ждать: гоня туманъ,
Взойдетъ и день опять.
Увижу небо, океанъ;
Отчизны—не видать.
Заглохнетъ замокъ мой родной;
Травою заростетъ
Широкій дворъ, поднимется вой
Собака у воротъ.

Малютка пажъ мой! ты въ слезахъ,
Скажи мнѣ, что съ тобой?
Иль на тебя наводитъ страхъ
Шумъ волнъ и вѣтра вой?
Корабль мой новъ—не плачь, мой пажъ!
Онъ цѣлъ и невредимъ.

Въ полетѣ быстрый соколъ нашъ
Едва-ль поспоритъ съ нимъ.

«Пусть воетъ вѣтеръ, плещетъ валъ –
Не все ли мнѣ равно!
Не страхъ, сэръ Чайльдъ, мнѣ сердце сжалъ:
Оно тоской полно.
Вѣдь я отца оставилъ тамъ,
Оставилъ мать въ слезахъ.
Одно прибѣжище мнѣ—къ вамъ,
Да къ Богу въ небесахъ.

Отецъ, какъ сталъ благословлять,
Былъ твердъ въ прощальный часъ,
Но долго будетъ плакать мать,
Не осушая глазъ».
Горюй, горюй, малютка мой!
Понятна грусть твоя.
И будь я чистъ, какъ ты, душой,
Заплакалъ бы и я!

А ты, мой йоменъ, что притихъ?
Что такъ поникъ челомъ?
Боишься непогодъ морскихъ
Иль встрѣчи со врагомъ?
«Сэръ Чайльдъ, ни смерть мнѣ не страшна,
Ни штормъ, ни врагъ, ни даль;
Но дома у меня жена:
Ее, дѣтей мнѣ жаль!

«Хоть и въ родимой сторонѣ,
А все-жъ она одна:
Какъ спросятъ дѣти обо мнѣ,
Что скажетъ имъ она?»
Довольно, другъ! ты правъ, ты правъ!
Понятная печаль!
А я? суровъ и дикъ мой нравъ:
Смѣясь, я ѣду въ даль.

Слезамъ лукавыхъ женскихъ глазъ
Давно не вѣрю я:
Я знаю, ихъ другой какъ разъ
Осушитъ безъ меня!
Въ грядущемъ – нечего искать,
Въ прошедшемъ—все мертво.
Больнѣй всего, что покидать
Не жаль мнѣ ничего.

И вотъ среди пучинъ морскихъ
Одинъ остался я...
И что жалѣть мнѣ о другихъ?
Чужда имъ жизнь моя.
Собака развѣ... да и та
Повоетъ день-другой,
А тамъ—была бы лишь сыта,
Такъ я и ей чужой.

Корабль мой, пусть тяжелъ мой путь
Въ сырой и бурной мглѣ—
Неси меня куда-нибудь,
Лишь не къ родной землѣ!
Привѣтъ вамъ, темные валы!
И вамъ, въ концѣ пути,
Привѣтъ пустыни и скалы!
Родной мой край, прости!

20. Н. Бергъ въ «Нашемъ Времени» 1861, № 23, помѣстилъ переводъ-подраженіе строфъ 179—184 IV-й пѣсни. Это тѣ же строфы, которыя привлекли къ себѣ вниманіе Пушкина, Батюшкова, Козлова.

Катись, глубокій, синій, безконечный,
И, гордую красу твою храня,
Плещи въ брега своей волною вѣчной
И тихо убаюкивай меня!
Люблю пучинъ твоихъ водовороты,
Когда, какъ пухъ, по прихоти своей,
Бросаешь ты, играя, наши флоты,
Среди твоихъ бушующихъ зыбей,
Царя земли,—у волнъ твоихъ отъ вѣка
Смирилась власть и гордость человѣка.
Ты сокрушалъ падменные труды
И—мнящій быть вездѣ равно могучимъ—
Онъ оставлялъ лишь грустные слѣды,
Обломки мачтъ валамъ твоимъ кипучимъ.
И самъ, на небо очи возведя,
Съ глухой мольбой, со скрежетомъ и воемъ—
Тонулъ, какъ капля малая дождя,
Безъ почестей, невѣдомымъ героемъ,
Безъ звука трубъ и твой сердитый валъ
Его слѣды навѣки замывалъ.
Всегда великъ, всегда равно прекрасенъ,
Невыразимъ, въ часы ли ярыхъ бурь,
Не то, когда смиренъ, и тихъ, и ясенъ,
Ты отразишь небесную лазурь,
Иль яркихъ звѣздъ ночные хороводы.
И, погрузясь въ величественный сонъ,
Роскошно дышатъ царственныя воды,
Торжественный невидимаго тронъ,
Зерцало безконечное природы.
Катись, могучій, царственный, катись!
Ты—хаоса нестарѣющій зритель!
Столѣтія какъ бури пронеслись,
И время, какъ недремлющій крушитель,
Свои бразды повсюду провело,
Но ни одной облидною морщиной
Не тронуло оно твое чело...

Катись, глубокій, вѣчный и единый!
Все тотъ же ты, и нынѣ тотъ же ты,
Какимъ тебя застало мірозданье,
И той же вѣчной полонъ красоты!
Побѣдой намъ минувшихъ лѣтъ преданья,
Какихъ ты былъ свидѣтель перемѣнъ?
Гдѣ нынѣ Тиръ, Сидонъ и Карѳагенъ?
Исчезло все во мглѣ временъ дремучей ..
Катись, глубокій, царственный, могучій!

Какъ я люблю тебя, мой океанъ!
Цвѣтущіе тебѣ я отдалъ годы;
Ты мнѣ судьбой въ замѣну счастья данъ;
Какъ я любилъ въ минуту непогоды
Носиться вплавь на яростныхъ валахъ
И руку класть на твой хребетъ зыбучій!
Ты страшенъ былъ но былъ то сладкій
страхъ,
Онъ пробѣгалъ по мнѣ какъ племень жгучій,
Всего меня восторгомъ охватя,
Я былъ твое любимое дитя...

21. Аполлонъ Григорьевъ сдѣлалъ первую попытку перевести всю поэму, но, къ сожалѣнію, не пошелъ дальше *первой пѣсни*, которая была напечатана въ журналѣ «Время» 1852 г., № 7. Переводъ Григорьева занимаетъ выдающееся мѣсто, въ ряду переводовъ «Чайльдъ - Гарольда». Въ общемъ довольно точный, онъ сдѣланъ съ одушевленіемъ, хотя какъ многіе переводы Григорьева, не лишенъ извѣстной разухабистости и вульгарности, образчикомъ которой можетъ служить хотя-бы первая строфа:

О ты, чей родъ съ небесъ вела Эллада,—
О Муза, бредъ ль вымыселъ пѣвцовъ,
Всѣхъ жалкихъ лиръ истёртая отрада!
Я не зову тебя съ твоихъ верховъ...
И я скитался вдоль рѣки хваленой,
Вздыхалъ у запустѣвшихъ алтарей,
Гдѣ кромѣ водъ все полно жизнью сонной,
И ни одной изъ девяти—ей-ей!—
Для сказки я пустой не разбужу моей.

22. Д. Л. Михаловскому принадлежитъ рядъ переводовъ отдѣльныхъ строфъ «Чайльдъ-Гарольда». Изъ нихъ къ концу 1860-хъ г.г. относятся: 1) «На Развалинахъ Колизея» («Отеч. Зап.» 1868, № 3); Строфы CXXX—CXLII пѣсни IV. П. «Океанъ»; строфы CLXXIX—CLXXXIV пѣсни IV. Это тѣ же строфы, которыя привлекли вниманіе Пушкина, Батюшкова, Козлова и др. III. «Гладіаторъ» («Модный Магазинъ» 1866, № 6). Эти переводы перепечатаны въ книгѣ «Иностранные поэты въ переводѣ Д. Л. Михаловскаго» (Спб. 1876, стр. 13—20).

I.

На развалинахъ Колизея.

О, Время, ты, что красоты вѣнецъ
Развалинамъ даешь! о, добрый геній,
Единый врачъ истерзанныхъ сердецъ
И исправитель нашихъ заблужденій!
Ты, пробный камень честности людской,
Любви и дружбы искренней и ложной,
Единственный мудрецъ, судья святой,
Творящій судъ правдивый, непреложный —
Хоть иногда и долго долго ждетъ
Своей поры и мзда твоя и кара—
О, Время-мститель, отъ твоихъ щедротъ
Молю теперь единственнаго дара!

Среди руинъ, гдѣ ты гигантскій храмъ
И свой алтарь воздвигло Разрушенью,
Гдѣ жертвъ твоихъ курится фиміамъ—
И моему дай мѣсто приношенью.
Мои дары—руины прошлыхъ лѣтъ,
Не многихъ, но отмѣченныхъ судьбою;
Не внемли мнѣ, когда напрасно свѣтъ
Я оскорблялъ и чорствъ я былъ душою;
Но если я презрѣнье сохранилъ
Къ врагамъ, что такъ противъ меня возстали—
Ужель свой крестъ напрасно я носилъ,
И не придетъ *для нихъ* пора печали?

О ты, что свой правдивый счетъ ведешь,
Гдѣ всякая записана обида,
И карой за неправду воздаешь,
Столь чтимая у древнихъ Немезида!
Ты, по чьему велѣнію толпой
Изъ тартара всѣ фуріи стеклися
И поднялся вокругъ Ореста вой
О мщеніи—тебя зову, проснися!
Здѣсь, на руинахъ царства твоего,
Тебя теперь изъ праха вызываю!
Иль ты не слышишь воля моего?—
Но встанешь ты, я твердо уповаю.

Я не скажу, что я за грѣхъ отповъ,
Или за свой, не долженъ поплатиться,
И рану я выдерживать готовъ,
Которая въ груди моей дымится,
Когда бъ ее нанесъ мнѣ правый мечъ,
Когда бъ я зналъ, за что я такъ страдаю;
Теперь же кровь моя не будетъ течь:
Ее тебѣ отнынѣ посвящаю.
Ты отомстишь: для мщенья время есть,
Когда карать неправду ты возьмешься,
Хотя бъ я самъ и позабылъ про месть;
Хотя бъ я спалъ—ты за меня проснешься.

И если вдругъ раздался голосъ мой,
То вызванъ онъ не пыткою страданья:
Видалъ ли кто, чтобъ гордой головой
Я поникалъ въ минуту испытанья?
Но памятникъ хочу въ моихъ стихахъ
Я по себѣ оставить; пусть истлѣютъ
Въ могилѣ мой давно забытый прахъ,
Но никакой ихъ вѣтеръ не развѣетъ;
Значеніе пророческое ихъ
Когда-нибудь для міра объяснится:
Придетъ пора—и на людей мой стихъ,
Какъ громъ изъ тучъ, проклятьемъ разразится.

Проклятіемъ—прощенье будетъ. Мнѣ ль—
О мать-земля, о небо, къ вамъ взываю! –
Мнѣ ль нечего прощать? и неужель
Въ борьбѣ съ своей судьбой я не страдаю?
Или мой мозгъ не высохъ оттого?
Иль люди жизнь мою не отравили,
Не растерзали сердца моего
И клеветой меня не заклеймили?
И если я въ отчаянье не впалъ,
Такъ потому, что противъ бѣдъ грядущихъ
Природа мнѣ дала по тотъ закалъ,
Что у людей, вокругъ меня живущихъ.

Я-ль не зналъ житейской суеты,
Отъ крупныхъ золъ до хитрости ничтожной,
Отъ громкаго хуленья клеветы
До шопота измѣны осторожной.
Тѣхъ низкихъ душъ, которыхъ тонкій ядъ
Невидимо вредитъ своей отравой
И чей прямой, повидимому, взглядъ
Исполненъ лжи и хитрости лукавой;
Такъ холодна, такъ сдержанна ихъ рѣчь;
Безмолвно лгутъ они открытымъ взоромъ,
Лишь вздохъ порой, или пожатье плечъ
Ихъ выдастъ нѣмымъ своимъ укоромъ.

Но вѣдь я жилъ, и не напрасно жилъ;
Мой умъ свою утратить можетъ силу,
Огонь, что кровь мою животворилъ,
Погаснетъ, и я самъ сойду въ могилу;
Но *нѣчто* есть въ груди моей, чего
Не истребитъ ни время, ни страданье;
Пусть я умру, но будетъ жить его
Незримое, безсмертное дыханье;
Какъ аріи забытая пѣвца,
Она порой смутитъ ихъ духъ волненьемъ,
Расплавитъ ихъ желѣзныя сердца
И душу ихъ напознитъ сожалѣньемъ.

Теперь конецъ. Привѣтствую тебя,
Могущество безъ наименованья
И безъ границъ! Полночный часъ любя,
Ты бродишь здѣсь, средь мертваго молчанья...
Тамъ твой пріютъ, тамъ твой любимый домъ,
Гдѣ высятся оставленныя стѣны,
Какъ мантіей, покрытыя плющомъ,
И ты царишь средь величавой сцены,
Давая ей тотъ смыслъ, тотъ духъ живой,
Что кажется, какъ-будто мы, незримо,

Участвуемъ взволнованной душой
Въ дѣлахъ вѣковъ, давно мелькнувшихъ мимо.

Здѣсь шумъ толпы арену волновалъ,
При зрѣлищѣ кроваваго сраженья,
То бурею восторженныхъ похвалъ,
То ропотомъ невнятнымъ сожалѣнья.
Изъ-за чего-жъ тутъ рѣзались рабы
И погибалъ несчастный гладіаторъ?
Чернь тѣшилась позоромъ ихъ борьбы,
И тѣшился жестокій императоръ!
Такъ что жъ? не все-ль равно, гдѣ люди мрутъ?
Арены кругъ и славной битвы поле—
Лишь разныя двѣ сцены, гдѣ гніютъ
Главнѣйшіе актеры ихъ—не болѣ..

Боецъ лежитъ смертельно пораженъ,
Опершись на слабѣющія руки;
Не жить ему, но мужественно онъ
Выноситъ боль своей предсмертной муки.
И падаетъ изъ раны тяжело,
По каплѣ, такъ, какъ дождь передъ грозою,
Густая кровь, и блѣдное чело
Склоняется все ниже надъ землею...
Въ безуміи восторга своего
Толпа шумитъ и въ наступленьи дикомъ
Привѣтствуетъ соперника его
Безжалостнымъ, безчеловѣчнымъ кликомъ.

Онъ слышалъ все, но кликамъ не внималъ;
Не думалъ онъ о жизни угасавшей
И мутныхъ глазъ своихъ не обращалъ
Къ толпѣ, вокругъ безумно ликовавшей;
Нѣтъ, взоръ его былъ съ сердцемъ вмѣстѣ тамъ,
У хижины, на берегу Дуная,
Гдѣ бѣгали безпечно по полямъ
Его малютки, весело играя;
И тамъ ихъ мать.. Но гдѣ же ихъ отецъ?
Зарѣзанъ онъ для развлеченья Рима.
Возстаньте же, о готы, наконецъ!
Пусть будетъ месть грозна, неумолима!

2.

ОКЕАНЪ.

Волнуйся же, глубокій океанъ!
Хотя скользятъ надъ бездною твоею
Тьмы кораблей и флоты разныхъ странъ,
Но человѣкъ не властвуетъ надъ нею.
Лишь землю онъ руинами покрылъ,
Но берегъ твой—предѣлъ его владѣній;
Онъ водъ твоихъ себѣ не покорилъ,
Въ нихъ нѣтъ слѣда его опустошеній,
Лишь самъ порой въ нихъ гибнетъ онъ, когда
На глубинѣ, съ послѣднимъ слабымъ стономъ,
Исчезнетъ вдругъ, какъ капля безъ слѣда,
Охваченный твоимъ холоднымъ лономъ.

Его слѣдовъ нѣтъ на твоихъ путяхъ,
Твоихъ равнинъ испортить онъ не можетъ:
Его встряхнешь ты на своихъ волнахъ,
И твой порывъ ту силу уничтожитъ,
Которой онъ владѣетъ для того,
Чтобъ на землѣ творить опустошенье.
Что жалкое могущество его
И жалкая надежда на спасенье?
У пристани онъ былъ, но къ облакамъ
Подбросилъ ты его волной сердитой
И выкинулъ на берегъ: пусть же тамъ
Корабль его лежитъ, въ куски разбитый.

Имперіи по берегамъ твоимъ
Могуществомъ цвѣли и разрушались.
Ассиріи, и Грецій, и Римъ
И Карѳагенъ... куда они дѣвались?
Ты видѣлъ ихъ и въ славѣ, и въ цѣпяхъ,
И омывалъ въ дни блеска и паденья;
Но та же жизнь кипитъ въ твоихъ волнахъ
Все тотъ же ты, какимъ былъ въ день творенья;
Полетъ временъ все старитъ на землѣ,
Онъ превратилъ имперіи въ руины,
Но на твоемъ сіяющемъ челѣ
Онъ ни одной не наложилъ морщины.

О! зеркало, гдѣ отразился Богъ!
Въ лучахъ зари, подъ сумракомъ тумана,
Въ спокойствіи, или средь тревогъ,
Взволнованный набѣгомъ урагана,
У полюсовъ, въ броне изъ вѣчныхъ льдинъ,
У тропиковъ подъ атмосферой жгучей
О, океанъ! повсюду ты одинъ:
Великій, безграничный и могучій.
Ты вѣчности изображенье, токъ
Невримаго, таинственный, глубокій,
Всѣхъ климатовъ владыка и законъ,
Неизмѣримый, грозный одинокій.

И какъ тебя любилъ я съ юныхъ дней,
И надъ твоей зеленой глубиною,
Какъ пузырьки, скользящіе по ней,
Любилъ нестись, толкаемый волною.
Въ младенчествѣ съ тобою я игралъ,
Твой шумъ, твой плескъ мнѣ были наслажденьемъ;
И если вдругъ ты волны подымалъ
И пѣнился съ грозой и озлобленьемъ,
Внушая страхъ—то былъ пріятный страхъ:
Я трепеталъ и, вмѣстѣ, любовался:
Взлелѣянъ былъ я на твоихъ волнахъ
И имъ всегда безпечно довѣрялся...

Въ литературныхъ приложеніяхъ къ «Нивѣ» 1893, № 1, Д. Л. Михаловскій помѣстилъ переводъ «Прощанія Чайльдъ-Гарольда».

Тамъ-же 1895 г. № 2. «Къ Нивѣ».

Прощаніе Чайльдъ Гарольда.

Прости, родной берегъ,—отъ глазъ ты сокрытъ
За синей морской глубиной;
И чайка, носясь надъ волнами, кричитъ,
И вѣтеръ вздыхаетъ ночной.
Вотъ солнце спускается въ море; летимъ
На западъ мы солнцу во слѣдъ,
И на ночь ему и тебѣ вмѣстѣ съ нимъ,
О родина, шлю я привѣтъ.

* * *

Часы пробѣгутъ, оно снова взойдетъ,
Чтобъ новое утро создать,
Увижу я небо, лазурь этихъ водъ,—
Но родины мнѣ не видать.
Мой домъ опустѣлъ, и погасъ мой очагъ,
Дворъ замка травой заростетъ,
Появится дикій бурьянъ на стѣпахъ,
Завоетъ мой песъ у воротъ.

Поди сюда, пажъ мой,—печали ты полнъ:
О чемъ ты такъ плачешь, грустя?
Или ты боишься играющихъ волнъ,
Предъ вѣтромъ трепещешь, дитя?
Отри свои слезы: съ такимъ кораблемъ
Не страшно,—онъ крѣпко сложенъ;
Едва-ль можетъ соколъ, въ полетѣ своемъ,
Носиться быстрѣе, чѣмъ онъ.
«Ни волны, ни вѣтеръ меня не страшатъ,
Сэръ Чайльдъ; моя мысль не о томъ;
Но вы не дивитесь, что грустенъ мой взглядъ,
Что тяжко на сердцѣ моемъ.
Оставилъ отца я, оставилъ я мать,
Оставилъ ихъ, жарко любя;
А въ мірѣ друзьями могу я назвать
Лишь Бога и ихъ... да тебя!

* * *

«Отецъ разставанье легко перенесъ,
Хоть съ чувствомъ простился со мной,
Но мать... ей придется пролить много слезъ,
Пока не вернусь я домой».
Довольно, мой мальчикъ; плачъ этотъ присталъ
Прекраснымъ глазамъ молодымъ,
Я плакалъ бы тоже, когда бъ обладалъ
Я сердцемъ невиннымъ твоимъ.

* * *

Поди сюда ближе, мой вѣрный слуга,
Ты блѣденъ и мраченъ твой видъ,
Или ты боишься француза-врага,
Или тебя вѣтеръ страшитъ?»
«Не трусъ я; не думайте такъ обо мнѣ,
Нѣтъ, я не боюсь умереть;
Но мысль объ оставленной мною женѣ
Меня заставляетъ блѣднѣть».

III.

«Жена моя, дѣти близъ замка живутъ
И будутъ о мнѣ вспоминать,
И если малютки меня позовутъ,—
Что можетъ отвѣтить имъ мать?»
Довольно, довольно; печали твоей
Никто не поставитъ въ укоръ;
Но я не такъ мраченъ, смотрю веселѣй—
Я радъ, что ушелъ на просторъ.

* * *

Кого одурачить могла бы слеза
Жены или милой? Какъ разъ
Найдется другой и осушитъ глаза,
Что плакали горько о насъ.
Былыхъ наслажденій не жаль мнѣ ничуть,
Безъ страха жду бурь я и грозъ,
Жаль только, что не о чемъ мнѣ вспомянуть
Такомъ, что бы стоило слезъ.

* * *

Я въ мірѣ одинъ, и туда и сюда —
Безграничная ширь этихъ водъ;
Но мнѣ ль о другихъ сокрушаться, когда
Никто обо мнѣ не вздохнетъ?
Повоетъ, повоетъ мой песъ у воротъ,
Затѣмъ онъ привыкнетъ къ чужимъ
И, можетъ быть, тутъ же меня разорветъ,
Какъ только я встрѣчусь съ нимъ.

IV.

Лети же, корабль мой, съ волны на волну,
По бурнымъ морскимъ глубинамъ,
На всѣхъ парусахъ и въ любую страну,
Но лишь не къ роднымъ берегамъ.
О, волны, покуда васъ видитъ мой взоръ,
Привѣтъ вамъ! а тамъ на пути
Я встрѣчу пустыни и пропасти горъ,
Привѣтъ имъ! Отчизна, прости!

Къ Инезѣ.

Не смѣйся надъ моимъ нахмуреннымъ челомъ:
Увы! Я не могу ужъ больше улыбаться;
И къ небесамъ мольбу я возношу о томъ,
Чтобъ не пришлось тебѣ слезами обливаться.
Въ чемъ горе то мое,—ты спросишь можетъ быть,—
Что молодость мою и радость жизни гложетъ
Та мука тайная, которую смягчить
Твое напрасное участіе не можетъ?
Не злоба, не любовь, не честолюбья страсть,
Сраженная въ своей обманутой надеждѣ,
Заставили меня судьбу мою проклясть,
Бѣжать ото всего, чѣмъ дорожилъ я прежде,
А утомленіе, на сердцѣ тягота;
Источникъ ихъ—во всемъ, что вижу, что встрѣчаю;
Меня уже плѣнить не можетъ красота,
Я даже чудныхъ глазъ твоихъ не замѣчаю.
То подавляющей тоски всегдашній гнетъ,
То муки «вѣчнаго скитальца іудея»:
Спокойствія мой духъ напрасно въ жизни ждетъ,
За жизненную грань заглядывать не смѣя.
Возможно-ль отъ себя уйти и скрыться намъ?
Гдѣ тотъ далекій край, гдѣ тайная обитель,
Куда-бъ не погналась за мною по пятамъ
Отрава жизни—мысль, мой демонъ и мучитель?
Но въ томъ, что бросилъ я, чѣмъ я ожесточенъ,
Я вижу многіе находятъ наслажденье,
О пусть лелѣетъ ихъ и длится этотъ сонъ,
Пусть не придетъ для нихъ внезапно пробужденье!
Мнѣ много странъ еще придется посѣтить,
Нося проклятіе своихъ воспоминаній;
Но худшаго со мной уже не можетъ быть,
Чѣмъ то, что я успѣлъ извѣдать въ дни страданій.
Въ чемъ состоитъ оно? Ты хочешь это знать?
Не спрашивай меня; своимъ пытливымъ взглядомъ,
Хотя бъ изъ жалости, не думай проникать
Въ глубь сердца моего: тамъ встрѣтится онъ съ адомъ.

23. Къ 1864 г. относится полный переводъ Д. Д. Минаева. Онъ появлялся частями въ газетѣ «Русь» (1864, № 2), Модномъ Магазинѣ» (1864, № 19) и главнымъ образомъ въ «Рус. Словѣ» (1864, № 1, 3, 5, 10), а затѣмъ въ исправленномъ видѣ вошелъ и до сихъ поръ входитъ въ изданіе Гербеля.

Какъ и всѣ переводы Минаева, и переводъ «Чайльдъ-Гарольда» читается очень легко; Минаевъ былъ виртуозъ риемы. Но онъ мало удовлетворяетъ въ смыслѣ передачи общаго колорита подлинника. Минаевъ совершилъ большую ошибку, отступивъ отъ размѣра подлинника.

1148.

Избравъ короткій размѣръ и общій тонъ «Евгенія Онѣгина», онъ не только неимовѣрно увеличилъ количество стиховъ—у Байрона въ строфѣ 9 строкъ, а у Минаева ихъ 14!— но и совершенно измѣнилъ общее впечатлѣніе. Четырехстопный размѣръ подходитъ либо къ произведеніямъ очень страстнымъ, гдѣ поэтъ какъ бы задыхается отъ наплыва чувства, либо къ такимъ, на которыхъ, при всей внутренней серьезности, лежитъ отпечатокъ шаловливости. Его напр. вполнѣ можно было-бы оправдать при переводѣ «Донъ-Жуана», но «Чайльдъ-Гарольдъ» насквозь проникнутъ меланхоліей и торжественнымъ паѳосомъ и четырехстопный размѣръ тутъ неумѣстенъ.

24. Въ бумагахъ **Л. А. Мея** найдено было начало перевода «Прощанія Чайльдъ-Гарольда»; оно помѣщено было въ «Модномъ Магазинѣ» 1865, № 8 и почему-то не включается въ собраніе сочиненій и переводовъ Мея.

I.

—Прости, прости, мой край родной!
Въ волнахъ ты черезъ мигъ,
Исчезнешь... Чу? реветъ прибой,
Чу? бурной чайки крикъ.
На западъ съ солнцемъ мы летимъ
По влажному пути;
Оно склонилось: вмѣстѣ съ нимъ,
На эту ночь, прости!

II.

Нѣтъ! поутру взойдетъ оно,
Блеснетъ съ небесъ опять,
Опять его увижу; но
Тебя мнѣ не видать...
Мой замокъ пустъ; очагъ потухъ;
Мой дворъ травой поросъ;
И у воротъ, какъ ночи духъ,
Завылъ мой вѣрный песъ.

III.

Ко мнѣ, малютка пажъ! О чемъ,
Ты слезы льешь рѣкой?
Иль страшно въ морѣ, коль кругомъ
Волны и бури бой?
Не плачь, не бойся ничего:
Корабль нашъ крѣпче скалъ
И быстръ на врядъ-ли бы его
Мой соколъ обогналъ.

IV.

—«Пусть воютъ буря и волна:
Ихъ не боюся я;
Но лютой скорбію полна,
Сэръ Чайльдъ, душа моя:
Съ отцомъ своимъ, съ родимой я—
На долго разлученъ,—
Безъ нихъ опора и друзья
Мнѣ только ты да Онъ.

V.

—«Отецъ меня благословилъ
И не заплакалъ... Мать...
Нѣтъ! у нея не станетъ силъ
Съ тоскою совладать!..»
—Довольно, мой малютка!.. Ахъ!
Хоть разъ орошено
Будь сердце мнѣ въ такихъ слезахъ,
Не высохло-бъ оно.

VI.

Ко мнѣ, оруженосецъ мой!
Что блѣденъ и унылъ?
Тебя съ французомъ грозный бой
И смертный страхъ смутилъ?
—«Сэръ Чайльдъ! повѣрь: не страшны мнѣ,
Ни бой, ни смерть пока;
Но съ каждой мыслью о женѣ
Блѣднѣй моя щека.

VII.

«Надъ самымъ озеромъ жена,
Близъ твоего дворца
Живетъ съ дѣтьми... Что имъ она
Отвѣтитъ про отца?»
—Довольно! сердцемъ я понять
Готовъ твою печаль;
Но мнѣ... мнѣ сéмью покидать
Едва ли-бъ было жаль.

25. **И. Гольдъ-Миллеръ** въ «Вѣстникѣ Европы» 1871, № 5, напечаталъ переводъ «Прощанія Чайльдъ Гарольда».

I.

Прости, прости, родимый берегъ мой,
Сливающійся съ гладью водъ!
Ревутъ валы, вздыхаетъ вѣтръ ночной
И съ крикомъ чайка въ воздухѣ снуетъ...
На западъ, въ даль, за солнцемъ вслѣдъ, пускай
Бѣжитъ—летитъ корабль нашъ, а пока—
Прощай и солнца ликъ, и ты, мой край:
Миръ вамъ, миръ вамъ, родные берега.

II.

Мелькнутъ во тьмѣ ночной два-три часа—
И въ блескѣ солнца утренняго я
Увижу снова скоро небеса,
Но не тебя, мать—родина моя!
Пусть замокъ мой—отцовъ моихъ пріютъ—
Съ его на вѣкъ забытымъ очагомъ,
Травою дикой стѣны порастутъ,
Мой бѣдный песъ выть станетъ подъ окномъ.

III.

Мой пажъ, мой пажъ, что значитъ этотъ видъ?
О чемъ, мой сынъ, вздыхая, слезы льешь?
Иль ярость волнъ морскихъ тебя страшитъ?
Иль грозный вѣтра вой кидаетъ въ дрожь?
Смѣлѣй, смѣлѣй взгляни, мой милый пажъ—
Корабль нашъ новъ, и легокъ, и силенъ,
И вѣрь, дитя,—быстрѣйшій соколъ нашъ
Такъ бодро вдаль не пустится, какъ онъ.

IV.

—«Пусть свищетъ вѣтръ, вздымая волнъ хребты—
И не боюсь ни вѣтра, ни волны!
Но отчего, сэръ Чайльдъ, дивишься ты,
Что грусть и скробь въ глазахъ моихъ видны?
Остался тамъ старикъ-отецъ одинъ,
Осталась мать моя въ тоскѣ, въ слезахъ,
А кромѣ ихъ—лишь ты, мой господинъ,
Есть у меня, да Богъ на небесахъ.

V.

«Былъ духомъ бодръ отецъ, когда меня
Благословлять пришлось въ далекій путь;
Но для родной моей не будетъ дня,
Чтобъ тяжело о сынѣ не вздохнуть...»
Ты правъ, ты правъ, дитя мое, вполнѣ—
Кто слезъ такихъ не лилъ въ твои года?
Ахъ, еслибъ твой невинный возрастъ мнѣ—
Такъ сухъ и мой взоръ не былъ бы тогда!

VI.

А ты мой другъ, слуга надежный мой,
Чего скажи, чего такъ побледнѣлъ?
Ужель тебя пугаетъ валъ морской?
Иль можетъ быть, боишься вражьихъ стрѣлъ?
—«Сэръ Чайльдъ, сэръ Чайльдъ! за жизнь не страшно мнѣ—
Не такъ я слабъ,- напрасенъ твой упрекъ:
Одна лишь мысль о брошенной женѣ
Могла согнать румянецъ съ этихъ щекъ.

VII.

«У ясныхъ водъ, близъ твоего крыльца,
Съ малютками живетъ моя жена,
И если станутъ звать они отца—
Какой отвѣтъ тогда имъ дастъ она?...»
Ступай, ступай, мой вѣрный другъ, ты правъ,
И я вполнѣ вѣрю твою печаль,
Хоть мнѣ иной дала природа нравъ,
Хотя я самъ смѣясь пускаюсь въ даль.

VIII.

Кого обманетъ лживая слеза
Лазурныхъ глазъ любовницы, жены?
Ахъ! новый другъ осушитъ тѣ глаза,
Что были слезъ вчера еще полны...
Не жаль мнѣ прошлыхъ радо тей моихъ
И не страшусь я предстоящихъ грозъ—
Мнѣ жаль, что тамъ, за мною, въ этотъ мигъ
Нѣтъ ничего, что стоило-бы слезъ.

IX.

Средь грозныхъ волнъ свершаю я свой путь,
Всегда съ самимъ собой наединѣ—
Да и къ чему тужить по комъ нибудь,
Когда никто не тужитъ обо мнѣ?
Быть можетъ, пѣснь моей станетъ тосковать,
Пока и тотъ, чужой рукой кормимъ,
Готовъ меня-же будетъ разорвать
Передъ порогомъ собственнымъ моимъ.

X.

Впередъ-же, въ даль на быстромъ кораблѣ,
Въ міръ шумныхъ волнъ, въ безбрежіе морей!
Мнѣ все равно, къ какой ни плыть землѣ,
Лишь только-бы не плыть назадъ къ своей.
Привѣтъ тебѣ, лазурный океанъ!
Когда-же ты исчезнешь предо мной -
Привѣтъ мой вамъ, пещеры дикихъ странъ...
Спокойной ночи, край родимый мой.

26. **Орестъ Головинъ** (проф. *Р. А. Брандтъ*) далъ переводъ нѣсколькихъ отрывковъ изъ «Чайльдъ-Гарольда» въ своихъ «Переложеніяхъ» (Кіевъ, 1886 годъ).

27. **И. М. Болдаковъ** въ «Правдѣ» 1888 г. (№ 11) помѣстилъ переводъ «Къ Инесѣ». По винѣ наборщика послѣдній купletъ пропущенъ.

28. **Павелъ Козловъ** перевелъ изъ «Чайльдъ-Гарольда» пѣсни I, II и LV строфъ III пѣсни. Переводъ появился въ «Русс. Мысли» 1890 г. (№№ 1, 2, 11) и 1891 г. (№ 1), въ «Полномъ Собраніи Сочиненій» П. А. Козлова (М. 1897 г., т. III) и воспроизведенъ въ настоящемъ изданіи.

29. **С. А. Ильинъ** перевелъ для настоящаго изданія: 1) К. Іантѣ. 2) Строфы LXI — CLXXXVI пѣсни IV.

30. **В. С. Лихачовъ** перевелъ для настоящаго изданія строфы LVI—LXV пѣсни III.

31. **О. Н. Чюмина** перевела для настоящаго изданія строфы LXVI—CXVIII пѣсни III и строфы I—LX пѣсни IV.

32. **П. О. Морозовъ** перевелъ для примѣчаній къ настоящему тому нѣсколько строфъ оставшихся въ рукописи. По недосмотру, въ эти примѣчанія не попали еще двѣ оставшіяся въ рукописи строфы, переведенныя П. О. Морозовымъ. Помѣщаемъ ихъ здѣсь.

Пѣснь II.

Послѣ строфы XIII въ рукописи слѣдовала еще строфа:

Итакъ,—впередъ, классическіе воры,
Ты, Эбердинъ, ты мрачный Гамильтонъ!
Крадите все, что радуетъ намъ взоры,
Чѣмъ бѣдный край издревле освященъ.
О, лучше бъ не былъ въ свѣтъ никто рожденъ
Изъ васъ,— ни Эльджинъ, ни Томасъ-любитель,
Что, собиранья бѣсомъ обольщенъ,
Отъ скуки сталъ развалинъ разоритель,
Обиженныхъ Аѳинъ безжалостный грабитель!

Пѣснь IV.

Между строфами CXXXV и CXXXVI въ рукописи находилась еще одна строфа:

«Прощеніе—горячій уголь, который
(Гласилъ Писаніе) на главу враговъ
Мы сыплемъ». Если такъ,—прощенья скоро
Обрушить я вулканъ на нихъ готовъ,
Чтобъ, какъ Олимпъ, достигнетъ облаковъ.
Пусть всѣ они—ползучія созданья;
Но гибеленъ змѣиныхъ ядъ зубовъ;
Комаръ и льва доводитъ до страданья;
Пить сонныхъ кровь — блохи, а не орла призванье.

Прозаическій переводъ «Чайльдъ-Гарольда» помѣщенъ въ прозаическомъ переводѣ соч. Байрона, изд. въ 1894, въ качествѣ преміи къ журналу «Живописное Обозрѣніе». Это изданіе повторено въ 1901 въ I т. Іогансономъ (Кіевъ).

Дальнѣйшія указанія на переводы Байрона, см. во II и III томахъ.

РИСУНКИ.

I.

РИСУНКИ ВЪ ТЕКСТѢ.

стр.

1) Ньюстедтское Аббатство 1
2) Дельфи (Delphi). Рис. *Кресуикъ* (T. Creswick), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) . . . 17
3) Дельфи (Delphi). Рис. *Стэнфильдъ* (C. Stanfield), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) . . 19
4) «Тамъ нѣкогда монахи обитали». Рис. *Кресуикъ* (T. Creswick), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 21
5) Чайльдъ Гарольдъ въ своемъ замкѣ (Child Harold in his castle). Рис. *Паррисъ* (E. T. Parris), грав. *Бэконъ* (F. Bacon) 22
6) «Мой край родной, прости» (My native land—good night). Рис. *Мадоксъ Броунъ* (Ford Madox Brown) 23
7) Лиссабонъ. (Общій видъ съ форта Альмейда). Lissbon, from Port Almeida) Рис. *Стэнфильдъ* (C. Stanfield), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 24
8) Замокъ Бэлэмъ. Лиссабонъ (Bellem Castle, Lissbon). Рис. *Стэнфильдъ* (C. Stanfield), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 25
9) Цинтра (Cintra). Рис. *Стэнфильдъ* (C. Stanfield), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 26
10) Монастырь возлѣ Цинтры. (Cork Convent near Cintra). Рис. *Стэнфильдъ* (C. Stanfield), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 27
11) Цинтра (Cintra). Рис. *Стэнфильдъ* (C. Stanfield), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 28
12) Монастырь Ла-Пена (Convent of la Pena). Рис. *Бэттн* (Lieut. Col. Batty), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 29
13) Послѣ битвы у Талаверы. Рис. *Г. Уорренъ* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 30
14) У береговъ Португаліи, видъ на Мафру. Рис. *Г. Уорренъ* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 31
15) Мафра (Mafra). Рис. *Робертсъ* (D. Roberts), грав. *Б. Финденъ* (W. Finden) 32
16) Севилья (Seville). Рис. *Льюисъ* (I. F. Lewes), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 33
17) Севилья (Seville). Рис. *Г. Уорренъ* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) . . 34
18) Дѣва Сарагоссы у городской стѣны (The Maid of Saragoza). Рис. *Г. Уорренъ* (H. Warren), грав. *В. Финденъ* (W. Finden) 35
19) Погонщикъ муловъ (The lusty muleteer). Рис. *Г. Уорренъ* (H. Warren), грав. *В. Финденъ* (W. Finden) 36
20) Кадиксъ (Cadiz). По рисунку *Г. Уоррена* (H. Warren), грав. *В. Финденъ* (W. Finden) . . 37
21) Падающая башня въ Сарагоссѣ (The leaning Tower in Saragoza). Рисунокъ *Льюиса* (I. F. Lewes), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 39
22) Дѣва Сарагоссы (The Maid of Saragoza). Рисовалъ *Ф. Стонъ* (F. Stone), грав. *В. Финденъ* (W. Finden) 41
23) Бой быковъ. По рисунку *Обри* (Aubrey), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 43
24) Кадиксъ. По рисунку *Бэттн* (Batty), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 47
25) Дорога къ монастырю возлѣ Цинтры. Рис. *Г. Уорренъ* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 48
26) Акрополь Аѳины. Рис. *Уорренъ* (H. Warren), грав. *В. Финденъ* (W. Finden) 49
27) Развалины Акрополя въ Аѳинахъ. Рис *Тэрнеръ* (J. M. W. Turner, R. A.), грав *Коузинъ* (I. Cousins) 50
28) Развалины храма Юпитера, Аѳины (The Temple of Jupiter Olympus, Athens). Рис. *Стэнфильдъ* (C. Stanfield), грав. *В. Финденъ* (W. Finden) 51
29) Развалины храма Юпитера, въ Аѳинахъ. Рис. *Уорренъ* (H. Warren), грав. *В. Финденъ* (W. Finden) 53
30) Мальта. Рис. *Уорренъ* (H. Warren), грав. *В. Финденъ* (W. Finden) 54
31) Гибралтаръ. Рис. *Уорренъ* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 55
32) Развалины храма Юпитера, Аѳины (The Temple of Jupiter Olympus, Athens). Рис. *Стэнфильдъ* (C. Stanfield), грав. *В. Финденъ* (W. Finden) 57
33) Гибралтаръ (Gibraltar). Рис. *Тэрнеръ* (J. M. W. Turner, R., A.), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 58
34) Мальта (Malta). Рис. *Тэрнеръ* (J. M. W. Turner, R. A.), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) . 59
35) Итака (Ithaca). Рис. *Уорренъ* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 61
36) Итака (Ithaca). Рис. *Стэнфильдъ* (C. Stanfield), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 62
37) Мысъ Левкадія (Cape Leucadia). Рис. *Копли Фильдингъ* (Copley Fielding), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 63
38) Санта-Мавра (Santa-Maura). Рис. *Стэнфильдъ* (C. Stanfield), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 64
39) Темпейская долина (Vale of Tempe). Рис. *Пэрсеръ* (W. Purser), грав. *Уильморъ* (I. Willmore) 65
40) Альбанецъ-подпасокъ (The Albanian little shepherd) Рис. *Пэрсеръ* (W. Purser), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 66

38*

стр.

41) Али-Паша (Ali-Pacha). Рис. *Ф. Стонъ* (F. Stone), грав. *В. Финденъ* (W. Finden) . . 67
42) Зитца (Zitza). Рис. *Уорренъ* (H. Warren), грав. *В. Финденъ* (W. Finden) 69
43) Янина (Yanina). Рис. *Гардингъ* (J. D. Harding), грав. *Гейэмъ* (T. Higham) 70
44) Янина (Yanina). Рис. *Стэнфильдъ* (C. Stanfield), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 71
45) Янина (Yanina) Рис. *Уорренъ* (H. Warren), грав. *В. Финденъ* (W. Finden) 72
46) Али-Паша въ своемъ дворцѣ (Ali-Pacha at Tepaleen). Рис. *Кокерель* (C. R. Cockerell, R. A.), грав. *В. Финденъ* (W. Finden) 73
47) Суліотскія горы (The Rocks of Suli). Рис. *Стэнфильдъ* (C. Stanfield), грав. *Коузенъ* (I. Cousen) 75
48) Парга (Parga) Рис. *Уорренъ* (H. Warren), грав. *В. Финденъ* (W. Finden) 76
49) Стамбулъ. Рис. *Уорренъ* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 77
50) Чайльдъ Гарольдъ у Суліотовъ (Child Harold and Suliotes). Рис. *Ричардъ Вестоль* (Richard Westal, R. A.), грав. *Дж. Ромней* (John Romney) 78
51) Пляска Палликаровъ. Рис. *Уорренъ* (H. Warren), грав. *В. Финденъ* (W. Finden) . . . 80
52) Колонискій мысъ (Cape Colonna). Рис. *Уорренъ* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 81
53) Св. Софія съ Босфора (St. Sophia from the Bosphorus). Рис. *Д. Робертсъ* (D. Roberts), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 82
54) Развалины храма Минервы, на мысѣ Колонискомъ (Temple of Minerva, Cape Colonna). Рис. *Тэрнеръ* (J. M. W. Turner, R. A.), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 83
55) Равнина Марафона (Marathon) Рис. *Кресуикъ* (T. Creswick), грав. *Э. Финденъ*. (E. Finden) 84
56) Дочь Байрона—Ада (Ada). Рис. *Гоузъ* (G. Howse), грав. *В. Финденъ* (W. Finden) . 86
57) «Бельгійская столица ликовала» (Maison-du Roi, Brussels). Рис. *Уорренъ* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 88
58) «Войска идутъ Арденскими лѣсами» (Ardennes) Рис. *Уорренъ* (H. Warren), грав. *В. Финденъ* (W. Finden) 89
59) Драхонфельзъ (Drachenfels). Рис. *Гоузъ* (G. Howse), грав. *В. Финденъ* (W. Finden) . . 91
60) Эренбрейтштейнъ (Ehrenbreitstein). Рис. *Кресуикъ* (T. Creswick), грав. *В. Финденъ* (W. Finden) 93
61) Драхонфельзъ (The Drachenfels). Рис. *Тэрнеръ* (J. M. W. Turner, R. A.), грав. *В. Финденъ* (W. Finden) 95
62) Авентикумъ (Aventicum). Рис. *Фелоусъ* (Sir C. Fellows), грав. *В. Финденъ* (W. Finden) 97
63) Руссо (Rousseau) Рис. *Гоузъ* (G. Howse), грав. *В. Финденъ* (W. Finden) 99
64) На Женевскомъ озерѣ. (Leman). Рис. *Эймеръ* (J. B. Aylmer), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 101
65) Монъ-Бланъ съ Женевскаго озера (Mont Blanc from the Lake of Geneva). Рис. *Г. Уорренъ* (H. Warren), грав. *В. Финденъ* (W. Finden) 103
66) Женевское озеро у Шильона. (Leman). Рис. *Кресуикъ* (T. Creswick), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 105
67) Кларанъ (Clarens). Рис. *Кресуикъ* (T. Creswick), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) . . . 107
68) Лозанна (Lausanne). Рис. *Копли Филдингъ* (Copley Fielding), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 111
69) Лозанна (Lausanne). Рис. *Стэнфильдъ* (C. Stanfield, A. R. A.), грав. *В. Финденъ* (W. Finden) 113

стр.

70) Венеція (Venice). Рис. *Уорренъ* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 122
71) Венеція, часть площади Св. Марка (Venice, St. Mark's). (Рис. *Эймеръ* (J. B. Aylmer), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 124
72) Венеція, кони Св. Марка (Venice, Steeds of Brass) Рис. *Эймеръ* (J. B. Aylmer), грав. *В. Финденъ* (W. Finden) 125
73) Венеція, Пьяцетта (Piazetta from the church St. Mark). Рис. *Проутъ* (J. Prout), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 127
74) Венеція, мостъ Піальто (Venice, the Rialto). Рис. *Стэнфильдъ* (C. Stanfield, A. R. A.), грав. *Алленъ* (J. A. Allen) 129
75) Венеція, входъ въ большой каналъ (Venice, from the Entrance of the Grand Canal). Рис. *Гоузъ* (G. Howse), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 130
76) Домъ Петрарки (Petrarch's House). Рис. *Гопнеръ* (Hoppner), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 131
77) Гробница Петрарки въ Аркуѣ (Petrarch's Tomb in Arqua). Рис. *Гардингъ* (J. D. Garding), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 133
78) Домъ Петрарки (Petrarch's House). Рис. *Уорренъ* (H. Warren), грав. *В. Финденъ* (W. Finden) 134
79) Феррарскій замокъ (The Castle of Ferrara). Рис. *Проутъ* (J. Prout), грав. *Гэмъ* (T. Higham) 135
80) Торквато Тассо (Tasso). Рис. *Гоузъ* (G. Howse), грав. *В. Финденъ* (W. Finden) 136
81) Вальтеръ Скотъ (Walter Scott). Съ портрета *Ньютона* (G. S. Newton, R. A) грав. *В. Финденъ* (W. Finden) 137
82) Флоренція (Florence). Рис. *Эймеръ* (J. B. Aylmer), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) . . . 138
83) Тразименское озеро (Lake of Thrasymene). Рис. *Уорренъ* (H. Warren), грав. *В. Финденъ* (W. Finden) 139
84) Флоренція (Florence). Рис. *Бэтти* (Batty), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 141
85) Венера Медицейская (Venus de Medicis), грав. *В. Финденъ* (W. Finden) 143
86) Санта-Кроче, гробницы Галилея, Альфіери, Макіавелли и др. (Santa Croce, tombs of Galileo, Alfieri etc.). Рис. *Гоузъ* (G. Howse), грав. *В. Финденъ* (W. Finden) 145
87) Храмъ Клитумна (Temple of Clitumnus). Рис. *Эймеръ* (J. B. Aylmer), грав. *В. Финденъ* (W. Finden) 147
88) Водопадъ Терни (Falls of Terni). Рис. *Гардингъ* (J. D. Harding), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 149
89) Соракта (Soracte). Рис. *Кресуикъ* (T. Creswick), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 150
90) Римъ, остатки форума. (Rome). Рис. *Уорренъ* (H. Warren), грав. *В. Финденъ*. (W. Finden). 151
91) Соракта (Soracte). Рис. *Пэрсеръ* (W. Purser), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 152
92) Тибръ (The Tiber). Рис. *Стэнфильдъ* (C. Stanfield), грав. *В. Финденъ* (W. Finden) . . 153
93) Капитолійская волчица (Wolf of the Capitol). Рис. *Уорренъ* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 155
94) Римъ, Авентинская гора (Rome, Mount Aventine). Рис. Колкотъ (A. W. Callcott, R. A.), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 156
95) Гробница Цециліи Метеллы (The tomb of Cecilia Metella). Рис. *Тэрнеръ* (J. M. Turner, R. A.), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 157

стр.

[illegible] Гробница Цецилiи Метеллы (Tomb of Cecilia Metella). Рис. *Эймеръ* (J. B. Aylmer), грав. *Финденъ* (E. Finden) 158

97) Римъ, остатки Форума (Rome, Column of Phocas in Forum). Рис. *Эймеръ* (J. B. Aylmer), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 159

98) Источникъ Эгерiи (Fountain of Egeria). Рис. *Кресуикъ* (T. Creswick), грав. *В. Финденъ* (W. Finden) 161

99) Внутренность Колизея (Interior of the Coliseum). Рис. *Уорренъ* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 162

100) Колизей (Rome, Colisoum). Рис. *Уорренъ* (H. Warren), грав. *В. Финденъ* (W. Finden) 163

101) Умирающiй гладiаторъ (The Gladiator), грав. *В. Финденъ* (W. Finden) 165

102) Римъ (Rome). Рис. *Стэнфильдъ* (C. Stanfield, A. R. A.), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 167

103) Римъ, мостъ Роттн (Rome, Ponte Rotti). Рис. *Гардингъ* (J. D. Harding), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 168

104) Пантеонъ въ Римѣ (Pantheon, Rome). Рис. *Бэтти* (C. Batty), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 169

105) Римъ, храмъ Св. Петра (St. Peter's, Rome). Рис. *Гардингъ* (J. D. Harding), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 171

106) Внутренность храма Св. Петра въ Римѣ (Rome, St. Peter's interior). Рис. *Гоузъ* (S. Hawse), грав. *В. Финденъ* (W. Finden) 173

107) Замокъ Адрiана (Mole of Adrian). Рис. *Уоррена* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden). 174

108) Альбано (Albano). Рис. *Эймеръ* (J. B. Aylmer), грав. *Э. Финденъ* (E Finden) 175

109) Аполлонъ Бельведерскiй (Apollo), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 177

110) Въ пустыню я бъ хотѣлъ бѣжать глухую. Рис. *Рихтеръ* (H. Richter), грав. *Стэнсъ* (R. Steines) 179

111) Терезя. Аѳинская дѣвушка. По эскизу съ натуры (Аѳины, 1812) Аласона, рис. *Ф. Стонъ*, грав. *В. Финденъ* (Drawn by F. Stone, after a sketch, taken from life in 1812, by T. Allason, Esq. Engraved by W. Finden) 186

112) Аѳинская дѣвушка. По эскизу съ натуры, сдѣланному въ Аѳинахъ въ 1813 г. Кокереллемъ, рис. *Чэлонъ*, грав. *Райолъ* (From the original portrait taken at Athens, 1813, by C. R. Cockerell. Esq., painted by A. E. Chalon, R. A., engraved by H. T. Ryall) 187

113) Геллеспонтъ (The Hellespont, Sestos and Abydos) 188

114). Пѣснь къ Тирзѣ. Рис. *Стотгардъ* (Stothard, R. A.) 196

115) Ленна. Рис. *Уоррена* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 213

116) Памятникъ на мысѣ Колонна, по преданiю воздвигнутый въ честь Ѳемистокла (Supposed tomb of Themistocles, Cape Colonna) . . 224

117) Саламинскiй заливъ (The gulf of Salamis). Рис. *Уоррена* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 226

118) Какой же всадникъ тамъ несется. Рис. *Уоррена* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden). 227

119) Опустѣлый замокъ Гассана (Hassan's Palace in ruins). Рис. *Уоррена* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 229

120) Ленна среди прислужницъ (Leila midst her handmaids). Съ картины *Стотгарда* (J. Stothard, R. A.), грав. *В. Финденъ* (W. Finden) . . 232

стр.

121) Лэила (Leila). Съ картины *Париса* (E. J. Parris), грав. *Кукъ* (H. Cook) 233

122) Торговецъ-грекъ сюда порой. Рис. *Уоррена* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) . 234

123) Смерть Гассана (Hassan's Death). Рис. *Уоррена* (H. Warren) грав. *Э. Финденъ* (E. Finden). 235

124) Могила Гассана (Hassan's Grave). Рис. *Уоррена* (H. Warren), грав. *Вильморъ* (J T. Willmore, A. R. A) 237

125) Его видали мы надъ моремъ
Рис. *Уоррена* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 239

126) Исповѣдь Гяура (The Confession). Рис. *Уоррена* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 241

127) Могила Гассана (Hassan's Tomb). Рис. *Уоррена* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 243

128) И лебедь, волны разсѣкая.
Рис. *Уоррена* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 245

129) Зулейка и Селимъ (Zuleika and Selim). Рис. *Рихтеръ* (H. Richter), грав. *В. Финденъ* (W. Finden) 247

130) Видъ на Геллеспонтъ (The Hellespont, from the Sultan's garden). Рис. *Уоррена* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) . . 251

131) Зулейка и Ялфаръ (Zuleika and Giaffir). Рис. *Уоррена* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 253

132) Зулейка и Ялфаръ (Zuleika before Giaffir). Рис *Степановъ* (E. P. Stephanoff), грав. *Робинзонъ* (H. Robinson) 255

133) Любовникъ розы—соловей.
Рис. *Декенъ* (Decaisne), грав. *Сэнгстеръ* (S. Sangster) 257

134) Зулейка и Селимъ (Zuleika and Selim). Рис. *Уоррена* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 258

135) Но ты цвѣтка не принимаешь.
Съ картины *Стотгарда* (Th. Stothard, R. A.), грав. *Гизъ* (Ch. Heath) 259

136) Теремъ Зулейки (The garden battlements). Рис. *Уоррена* (H. Warren) 260

137) Входъ въ Дарданеллы (Mouth of the Dardanelles). Рис. *Уоррена* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 261

138) Комната Зулейки. (Zuleika's Chamber). Рис. *Уоррена* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 263

139) Лагерь подъ Софiей (Plains of Sophia). Рис. *Уоррена* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 265

140) Зулейка и Селимъ въ пещерѣ (Zuleika and Selim in the cave). Рис. *Уоррена* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 267

141) Смерть Селима (Death of Selim). Рис. *Уоррена* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 268

142) Абидосское кладбище (Cemetry near Abydos). Рис. *Уоррена* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 269

143) Островъ Корсара (The Corsair's isle). Рис. *Кресуикъ* (T. Creswick), грав. *Редклиффъ* (E. Redclyffe) 273

144) Корабль Корсара (The Corsair's Vessel). Рис. *Уоррена* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 289

145) Конрадъ у моря (Conrad gazing on the waves). Рис. *Уоррена* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 290

стр.

146) Медора за рѣшеткой (Medora at her lattice). Рис. *Уорренъ* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 297

147) Я вскакивала съ ложа, на скалу
Рис. *Корбу* (H. Corbould), грав. *Мотъ* (W. U. Mote) 301

148) Конрадъ возвращается съ башни Медоры (Conrad descending from the tower). Рис. *Уорренъ* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 303

149) Пляска Алмей (The Almas dancing). Рис. *Уорренъ* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 306

150) Конрадъ спасаетъ Гюльнару (Conrad saving Gilnare). Рис. *Уорренъ* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 311

151) Но кто она, кого изъ разсказенныхъ
Пожаромъ стѣнъ, гдѣ въ битвѣ льетсякровь.
Несетъ въ рукахъ Конрадъ.
Рис. *Корбу* (Edward Corbould), грав. *Робинзонъ* (H. Robinson) 313

152) Гюльнара приходитъ въ темницу Корсара (Gulnare visiting Conrad in prison). Рис. *Уорренъ* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ*. (E. Finden) 319

153) Эгинская скала и острова Идра (Old Aegina's rock and Idra's isle). Рис. *Уорренъ* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) . 322

154) Храмъ Тезея, возлѣ Аѳинъ (The Temple of Theseus; Athens). Рис. *Пэджъ* (W. Page), грав. *Гэйэмъ* (T. Higham) 325

155) Гюльнара и Сендъ (Gulnare and Seyd). Рис. *Уорренъ* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 327

156) Гюльнара и Сендъ (Gulnare and Seyd). Рис. *Гербертъ* (J. Herbert), грав. *Робинзонъ* (H. Robinson) 329

157) Но слушай ты, о женщина! Рис. *Рихтеръ* (H. Richter), грав. *Бэкеръ* (R. Baker) . 331

158) Но вотъ и мысъ угрюмый и высокій (The cape whare lost he anchor'd). Рис. *Уорренъ* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 335

159) Вотъ онъ достигъ покоя и увидѣлъ. Рис. *Мадокса Брауна* (Ford Madox Brown) . . . 341

160) ...И цѣпь сжимала въ безотчетномъ напряженьѣ. Рис. *Э. Корбу* (Edward Corbould), грав. *Кукъ* (H. Cook) 343

161) Гробница Медоры (Medora's Tomb). Рис. *Уорренъ* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 344

162) Императрица Марія Луиза. Гравюра по бюсту *Бозіо* (Marie Louise, after a bust from life by Bosio). 347

163) Спокойнѣй всѣхъ, склонившись надъ больнымъ. Рис. *Рич. Вестолль* (R. Westall, R. A.), грав. *Гизъ* (Ch. Heath) 361

164) Калед (Kaled) Рис. *Меклайзъ* (D. Maclise), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 369

165) Смерть Лары. Рисунокъ перомъ *Делакруа* (La mort de Lara. Dessin à la plume par Eugène Delacroix) 381

166) Онъ увидавъ, скрывшись вдалекѣ. Рис. *Джонсъ* (S. I. E. Jones), грав. *Шевалье* (Chevalier) 383

167) Онъ идетъ въ красѣ своей (She walks in beauty). Рис. *Рихтеръ* (H. Richter), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 391

168) Лэди Вильмотъ Гортонъ (Lady Wilmot Horton). Въ честь ея написано стихотв. «Она идетъ въ красѣ своей» 393

169) Дочь Іефоая (Iephtha's Daughter). Рис. *Рихтеръ* (H. Richter), грав. *Шентонъ* (H. C. Shenton) 395

170) Дочь Іефоая (Iephta's Daughter). Рис. *Льюисъ* (J. F. Lewis), грав. *Артлетъ* (R. A. Artlett) 397

171) Коринѳъ (View of Corinth). Рис. *Уорренъ* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) . 426

172) Коринѳъ (Corinth). Рис. *Стэнфильдъ* (C. Stanfield), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) . . . 429

173) Венеція, мостъ вздоховъ (Venice, Bridge of Sighs). Рис. *Уорренъ* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 431

174) Коринѳъ, освѣщенный луной (Corinth by moonlight). Рис. *Уорренъ* H. (Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 433

175) Есть храмъ близъ Коринѳа, въ развалинахъ онъ (Ruined temple at Corinth). Рис. *Уорренъ* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 435

176) Альпъ и Франческа (Alp and Francesca). Рис. *Гардингъ* (J. D. Harding), грав. *Вильморъ* (J. T. Willmore) 437

177) Альпъ и Франческа (Alp and Francesca). Рис. *Уорренъ* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 438

178) Франческа (Francesca). Рис. *Пенли* (W. Penley), грав. *Стэнсъ* (R. Rtaines) 439

179) Комурги во главѣ войска (Coumourgi encouraging histroops). Рис. *Уорренъ* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 441

180) Альпъ во главѣ турецкаго отряда (Alp at the heab of the Mussulman band) 443

181) Миноттн поджигаетъ пороховой приводъ (Minotti whith the torch). Рис. *Уорренъ* (H. Warren), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 444

182) Взвылъ не одинъ голодный волкъ. (The Wolves yell'd on the cavern'd hill) Рис. *Уорренъ* (H. Warren), грав. *Э Финденъ* (E. Finden) . 445

183) И жадно слушаетъ не соловья она. Рис. *Вудъ* (E. G. Wood), грав. *В. Финденъ* (W. Finden) 452

184) Свиданіе Паризины и Уго (The Meeting of Hugo and Parisina). Рис. *Корбу* (Edward Corbould), грав. *Стодартъ* (Stodart) . . . 455

185) Паризина (Parisina). Рис. *Райтъ* (J. W. Wright), грав. *Мотъ* (W. H. Mote) . . . 457

186) Рѣчь Уго къ отцу. Рис. *Рихтеръ* (H. Richter), грав. *Шевалье* (W. Chevalier) 459

187) И пала на землю она. Рис. *Ричардъ Вестоль* (Rich. Westall, R. A.), грав. *Энгельгартъ* (F. Engelhart) 461

188) Сводная сестра Байрона, Августа Ли (Augusta Leigh) 467

189) Другъ Байрона и спутникъ его въ путешествіи по Востоку Джонъ Гобгоузъ, позднѣе лордъ Броутонъ де Джифордъ (John Cam Hobhouse, afterwards Lord Broughton de Gyfford). 481

190) Другъ Байрона, поэтъ Томасъ Муръ (Thomas Moore) Съ портрета *Лауренса* (sir T. Lawrence, P. R. A.), грав. *В. Финденъ* (W. Finden) 485

191) Байронъ въ Венеціи (Lord Byron at Venice). Къ 4-ой пѣснѣ «Чайльдъ Гарольда». Съ портрета *Рэкарда* (From a painting by Ruckard) 489

192) Герцогиня Ричмондъ (Duchess of Richmond) 493

193) Принцесса Шарлотта Уэльская. (The Princess Charlotta of Wales) 497

194) Поэтъ Кольриджъ (Samuel Taylor Coleridge). Съ портрета Филлипса (T. Phillips, R.A.) 501

195) Иванъ Ивановичъ Козловъ (1774–1838). Переводчикъ «Абидосской невѣсты» и многихъ стихотвореній Байрона.

стр.

196) Павелъ Алексѣевичъ Козловъ (1841 — 1891). Переводчикъ «Чайльдъ-Гарольда» и «Донъ-Жуана» 513

197) Дмитрій Егоровичъ Минъ (1818 - 1885). Переводчикъ «Осады Коринѳа» и «Донъ-Жуана» 521

198) Дмитрій Лаврентьевичъ Михаловскій (р. 1828). Переводчикъ многихъ стихотвореній Байрона 529

199) Дмитрій Дмитріевичъ Минаевъ (1823 1889). Переводчикъ «Чайльдъ-Гарольда и «Донъ-Жуана» 545

200) Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ (1822 — 1861). Переводчикъ «Картины» и «Чайльдъ Гарольда» 561

201) Ежень Делакруа (Eugène Delacroix). Написалъ рядъ картинъ на сюжеты Байрона . 577

II.

Автотипіи на отдѣльныхъ листахъ.

1) Іанта (Janthe). Лэди Шарлотта Гарлей, дочь графа Оксфордскаго. Съ портрета *Вестолля* (R. Westall, R. A.), грав. *В. Финденъ* (W. Finden) 17

2) Іанта (Janthe). Рис. *Ф. Корбо* (Miss F. Corbeaux), грав. *Мотъ* (W. H. Mote) . . . 17

3) Сарагосская дѣва (The Maid of Saragoza). Рис. *Льюисъ* (J. E. Lewis), грав. *Мотъ* (W. H. Mote) 36

4) Дѣвушка изъ Кадикса (Inez the girl of Cadiz). Рис. *Ф. Стонъ* (F. Stone), грав. *Артлетъ* (R. A. Artlett) 44

5) «Мичманъ молодой» (The Midshipman). Рис. *Чэлонъ* (A. E. Chalon, R. A.), грав. *Робинзонъ* (H. Robinson) 56

6) Дѣтей взрощать ея святая доля
Они всегда при ней. Ихъ нѣжно холя,
Въ душѣ порочныхъ думъ турчанка не таитъ.
(The Lighe of the Harem). Рис. *Вудъ* (E. Wood), грав. *В. Финденъ* (W. Finden) . . 70

7) Юлія (Julie). Героиня «Новой Элоизы» Руссо. Рис. *Боксоль* (W. Boxall), грав. *Артлетъ* (R. A. Artlet) 110

8) Дочь Байрона — Ада (Ada) Рис. *Ф. Стонъ* (F. Stone), грав. *Мотъ* (W. H. Mote) . 118

9) Байронъ, созерцающій развалины Рима (Lord Byron, contemplating the Ruins of Rome). Рис. *В. Вестоль* (W. Westall, A. R. A.), грав. *Вилльморъ* (J. T. Willmore) 146

10) Эгерія (Egeria). Съ картины *Лоуренса* (Sir. T. Lawrence), грав. *Люисъ* (C. G. Lewis) . 160

11) Дѣвушка изъ Кадикса Инеса (Inez). Рис. *Дженкинсъ* (J. J. Jenkins), грав. *Кукъ* (R. Cook) . . . . . .

12) Флоренса (Florence). Рис. *Ф. Стонъ* (F. Stone), грав. *Иглтонъ* (Egleton) 184

стр.

13) Аѳинская дѣвушка (Maid of Athens). Рис. *Вудъ* (J. Wood), грав. *Кукъ* (H. Cook) . 186

14) Аѳинская дѣвушка (Maid of Athens). Рис. *Мэдоусъ* (Meadows), грав. *Райолъ* (H. T. Ryall) 186

15) Юная Гайдэ (The Joung Haidée). Рис. *Броунъ* (S. Browne), грав. *Вагстафъ* (J. Wagstaff) 190

16) Дженевра (Genevra). Рис. *Ф. Корбо* (Miss F. Corbeaux), грав. *Райолъ* (H. T. Ryall) . . 210

17) Лейла (Leila). Рис. *миссъ Корбо* (Miss (F. Gorbeaux), грав. *Райолъ* (H. T. Ryall) . 230

18) Гяуръ (Le Giaour). Картина *Ари Шеффера* (Ary Sheffer, Musée de Luxembourg) 238

19) Исповѣдь Гяура (La confession du Giaour). Картина *Делакруа* (Eugène Delacroix) . 242

20) (Zuleika) Рис *Райтъ* (J. M. Wright), грав. *Э. Финденъ* (E. Finden) 252

21) Зулейка (Zuleika). Рис. *Дженкинсъ* (J. J. Jenkins), грав. *Стодартъ* (T. Stodart) . . . 260

22) Зулейка (Zuleika). Рис. *Райтъ* (J. W. Wright), грав. *Райолъ* (H. T. Ryall) 270

23) Конрадъ въ башнѣ Медоры (Meeting of Conrad and Medora). Рис. *Степановъ* (T. P. Stephanoff), грав. *Робинзонъ* (H. Robinson) . . 298

24) Медора (Medora) Рис. *Медоусъ* (Meadows), грав. *Райолъ* (Ryall) 321

25) Медора (Medora) Рис. *Рихтеръ* (H. Richter), грав. *Дэнъ* (T. A. Doan) 324

26) Гюльнара (Gulnare). Рис. *миссъ Корбо* (Miss F. Corbeaux), грав. *Артлетъ* (R. A. Artlett) 326

III.

Геліогравюры, фототипіи и хромолитографіи.

1) Байронъ. Съ портрета, относящагося къ 1804 - 1806 гг. (Lord Byron circa 1804—1806. From a portrait belonging to A. C. Benson Esq.) . . . . . .

2) Байронъ въ альбанскомъ костюмѣ (Lord Byron in an Albanian dress). Съ портрета *Т. Филлипса* (Th. Phillips, R. A.) 84

3) Паломничество Чайльдъ-Гарольда. (Италія) Картина *Тэрнера* (Childe Harold's Pilgrimage, Italy; by J. M. W. Turner, R. A.) . . 138

4) Нападеніе гяура на Гассана. Картина *Делакруа* (Le Combat du Giaour et du Pacha, par Eugène Delacroix) 242

5) Смерть Гассана. Картина *Делакруа* (Mort d'Hassan, par Eugène Delacroix) . . 242

6) Наполеонъ въ императорскомъ орнатѣ. Съ портрета *барона Жерара* (Napoleon le Grand, par le baron Gerard) 348

7) Байронъ въ 1816 году (Lord Byron, from a miniature, 1816) 465

8) Лэди Байронъ (Lady Byron) Рис. *Ньютонъ* (W. J. Newton), грав. *Мотъ* (W. H. Mote) . . 465

Оглавленіе I-го тома.

Стихотворенія, предъ которыми поставлена звѣздочка (*), впервые переведены на русскій яз. въ настоящемъ изданіи.

			стр.
I.		Отъ редакціи **С. А. Венгерова**	1
II.		„Паломничество Чайльдъ Гарольда", переводъ **С. Ильина, Павла Козлова, В. С. Лихачова, О. Н. Чюминой.** Съ предисловіемъ проф. **Алексѣя Н. Веселовскаго**	1
III.		Дѣвушка изъ Кадикса, перев. **Л. Мея**	182
IV.		Въ альбомъ, перев. **М. Лермонтова**	183
V.		Къ Флоренсѣ, перев. **Лихачова**	183
VI.	*	Стансы, сочиненные во время грозы. Новый пер. **Н. Холодковскаго**	184
VII.	*	Стансы, написанные, когда авторъ проѣзжалъ къ Амвракійскому заливу, новый пер. **Н. Холодковскаго**	185
VIII.		Волшебство исчезло, перев. **Д. Михаловскаго**	185
IX.		Аѳинской дѣвушкѣ, перев. **Л. Мея**	186
X.	*	Стихотвореніе, написанное послѣ того, какъ авторъ переплылъ изъ Сестоса въ Абидосъ, новый перев. **Н. Холодковскаго**	188
XI.	*	Стихи въ книгѣ путешественниковъ въ Орхоменѣ. Новый перев. **Н. Холодковскаго**	189
XII.	*	Отрывокъ изъ „Аѳонскаго монаха", новый перев. **Н. Брянскаго**	189
XIII.	*	Стихи подъ портретомъ, новый перев **В. Мазуркевича**	190
XIV.	*	Новогреческая пѣснь, новый перев. **В. Мазуркевича**	190
XV.	*	При разставаньи, новый перев. **В. Мазуркевича**	191
XVI.	*	Прощаніе съ Мальтой, новый перев. **Н. Холодковскаго**	192
XVII.	*	Ньюстэдское аббатство, новый перев. **Н. Брянскаго**	193
XVIII.		Посланіе къ другу въ отвѣтъ на стихи, увѣщевающіе автора быть веселымъ, новый перев. **В. Мазуркевича**	194
XIX.		Къ Тирзѣ, перев. **Д. Михаловскаго**	195
XX.		О пусть умолкнутъ скорбя звуки, перев. **Д. Михаловскаго**	196
XXI.		Рѣшусь, пора освободиться, перев. **Ив. Козлова**	197
XXII.		Euthanasia, перев. **И. Гольцъ-Миллера**	198
XXIII.		И ты мертва, новый перев. **Т. Щепкиной-Куперникъ**	199
XXIV.	*	Плачущей дѣвушкѣ, новый перев. **Г. Галиной**	200
XXV.		О, если иногда, перев. **Н. Грекова**	200
XXVI.	*	Разбитое сердоликовое сердечко, новый перев. **Г. Галиной**	201
XXVII.		Принесъ я цѣпь..., новый перев. **Н. Холодковскаго**	201
XXXIII.	*	Стихи, написанные на свободномъ листкѣ альбома „Радостей памяти", новый перев. **Н. Холодковскаго**	201

стр.

XXIX. * Адресъ, читанный на открытіи Дрюри-Лэнскаго театра, въ субботу 10 октября 1812 г., новый переводъ Н. Холодковскаго 202
XXX. * Адресъ со скобками д-ра Плагіатора, новый перев. Н. Холодковскаго 204
XXXI. * Стихи, найденные въ бесѣдкѣ, въ Хэльсъ-Оуэнѣ, новый перев. Н. Холодковскаго 205
XXXII. * Чтобъ помнилъ, помнилъ я тебя, новый перев. Н. Холодковскаго . . . 205
XXXIII. Къ времени, новы« перев. Н. Холодковскаго 206
XXXIV. Не лжива ты, но невѣрна, новый перев. Н. Холодковскаго 207
XXXV. * На вопросъ о началѣ любви, новый перев. Н. Холодковскаго 207
XXXVI. * По поводу цитаты, новый перев. Н. Холодковскаго 208
XXXVII. О, помни другъ, того, кто страстью, новый перев. Н. Холодковскаго . 209
XXXVIII. * Сонеты къ Дженеврѣ, новый перев. Н. Холодковскаго 210
XXXIX. Экспромптъ въ отвѣтъ другу, перев. С. Дурова 211
XL. Подражаніе португальскому, перев. Ив. Козлова 211
XLI. „Гяуръ", нов. перев. С. Ильина, съ предислов. проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго 214
XLII. „Абидосская Невѣста", перев. Ив. Козлова съ предислов. проф. Ѳ. Зѣлинскаго 247
XLIII. „Корсаръ", нов. перев. А. М. Ѳедорова съ предислов. прив.-доц. И. И. Иванова 273
XLIV. Ода къ Наполеону Бонапарту, новый перев. Валерія Брюсова 345
XLV. „Лара", новый переводъ О. Н. Чюминой съ предислов. прив. доц. М. Н. Розанова 349
XLVI. „Еврейскія мелодіи". Предисловіе Ев. Дегена 385
XLVII. Она идетъ въ красѣ своей, перев. Д. Михаловскаго 389
XLVIII. На арфѣ священной монарха пѣвца, перев. О. Чюминой 389
XLIX. О, если тамъ за небесами, перев. Д. Михаловскаго 390
L. Газель, перев. А. Плещеева 390
LI. О, плачьте, перев. Д. Михаловскаго 391
LII. На берегахъ Іордана, перев. Д. Михаловскаго 392
LIII. Дочь Іефая, перев. Павла Козлова 392
LIV. Скончалася она .. перев. Д. Михаловскаго 393
LV. Душа моя мрачна, перев. М. Лермонтова 394
LVI. Ты плакала, перев. Д. Михаловскаго 394
LVII. Ты кончилъ жизни путь, перев. А. Плещеева 395
LVIII. Саулъ, перев. Д. Михаловскаго 396
LIX. Пѣснь Саула передъ боемъ, перев. Павла Козлова 396
LX. Все суета, сказалъ учитель, перев. Д. Михаловскаго 398
LXI. Когда нашъ прахъ оледенѣетъ, перев. Д. Михаловскаго 399
LXII. Видѣніе Вальтасара, перев. О. Чюминой 400
LXIII. Солнце неспящихъ, перев. гр. Алексѣя Толстого 401
LXIV. Будь я сердцемъ коваренъ, какъ ты говорилъ, перев. Н. Минскаго . . 401
LXV. Плачъ Ирода о Маріамнѣ, перев. О. Чюминой 402
LXVI. На разореніе Іерусалима Титомъ, перев. А. Майкова 403
LXVII. У водъ Вавилонскихъ, печалью томима, перев. А. Плещеева 404
LXVIII. Пораженіе Сенахерима, перев. гр. Алексѣя Толстого 404
LXIX. Мнѣ призракъ явился, перев. Н. Гербеля 405
LXX. * Прости, новый пер. Вячеслава Иванова 406
LXXI. * Разлука, новый перев. Вячеслава Иванова 406
LXXII. * Любовь и золото, новый перев. Пл. Краснова 407
LXXIII. * Романсъ, новый перев. Вяч. Иванова 408
LXXIV. * Рѣчь, приготовленная для Каледонскаго митинга, нов. перев. Пл. Краснова 409
LXXV. * Стансы на смерть Сэра Питера Паркера, новый перев. Пл. Краснова 410
LXXVI. * Юліанъ, нов. перев. Вячеслава Иванова 411
LXXVII. * Валтасару, новый перев. Пл. Краснова 412
LXXVIII. * Романсъ, нов. перев. Вячеслава Иванова 413
LXXIX. * На смерть герцога Дорсетскаго, новый перев. Пл. Краснова 414
LXXX. * Романсъ, перев. Вячеслава Иванова 414
LXXXI. Прощаніе Наполеона, нов. перев. Валерія Брюсова 415

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

		стр.
LXXXII.	Съ французскаго, новый перев. **Валерія Брюсова**	416
LXXXIII.	Ода съ французскаго, новый перев. **С. Ильина**	417
LXXXIV.	Романсъ, перев. **К. Бальмонта**	418
LXXXV.	На звѣзду Почетнаго Легіона, новый перев. **Пл. Краснова**	419
LXXXVI. *	Романсъ, новый пере. **Вячеслава Иванова**	420
LXXXVII.	Осада Коринѳа, перев. **Дмитрія Мина** съ предислов. проф. **Ѳ. Ф. Зѣлинскаго**	421
LXXXVIII.	Паризина, перев. **Аполлона Григорьева** съ предислов. **П. О. Морозова**	447
LXXXIX.	Прости, перев. **Ивана Козлова**	464
LC.	Очеркъ, новый перев. **О. Чюминой**	465
LCI.	Стансы къ Августѣ, перев. **А. Плещева**	467
LCII.	Примѣчанія къ I тому **П. О. Морозова** и **С. А. Венгерова**	468

